This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

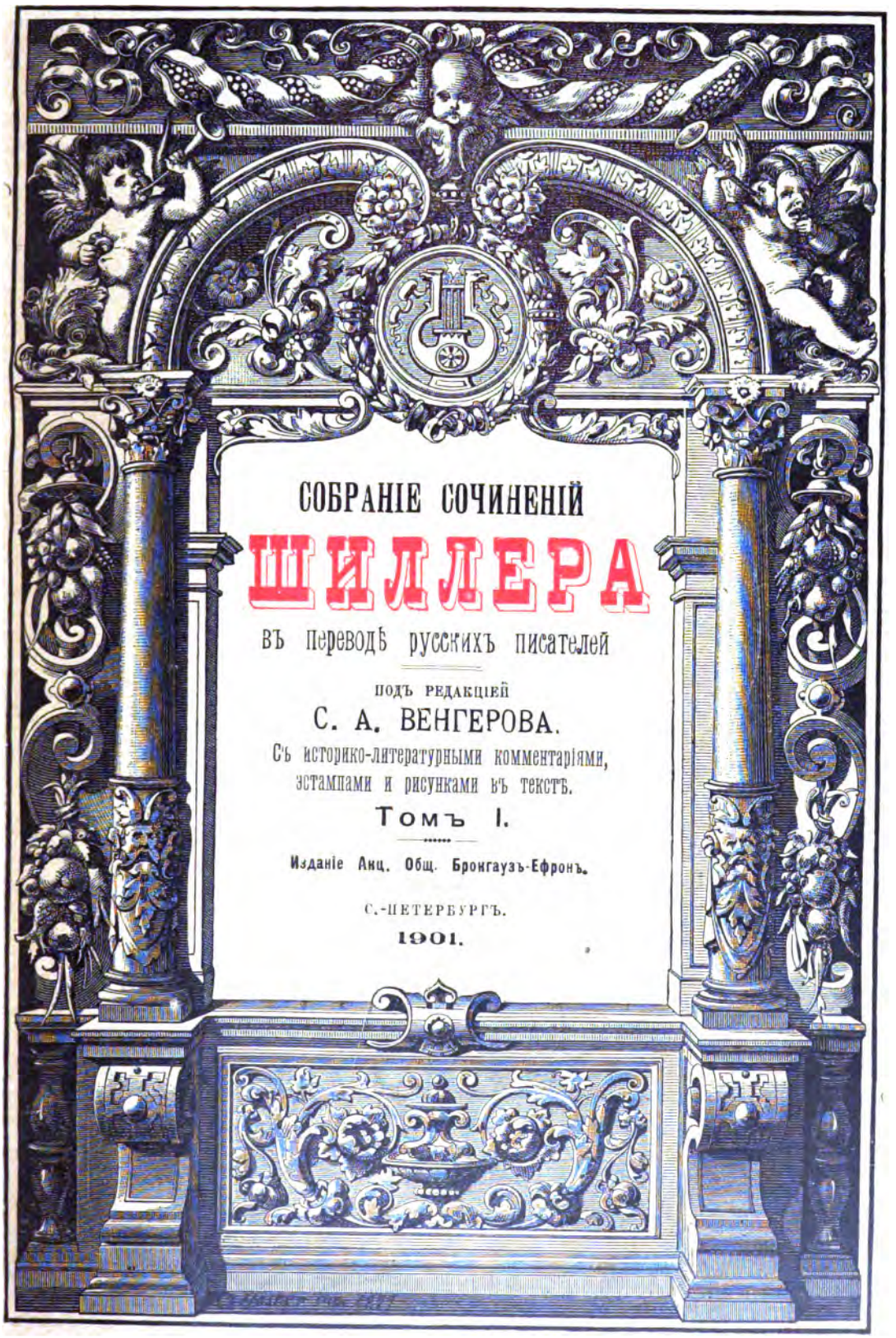
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PRINTED IN RUSSIA.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 Октября 1900 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.



СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА.

Съ историко-литературными комментаріями,
эстампами и рисунками въ текстѣ.

Томъ I.

Изданіе Анц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Отъ Редакціи.

Въ общемъ обзорѣ жизни и литературной дѣятельности Шиллера и во вступительныхъ этюдахъ къ отдѣльнымъ его произведеніямъ выясняется значеніе и положеніе великаго германскаго поэта - философа въ исторіи всемірной литературы. Здѣсь-же мы скажемъ только нѣсколько словъ о составѣ настоящаго изданія и нѣкоторыхъ его особенностяхъ.

Дѣло изданія собранія сочиненій Шиллера не новое. Уже въ 1857 вышелъ первый томъ предпринятаго Н. В. Гербелемъ „Собранія сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей". Законченное въ 1863 г., оно съ тѣхъ поръ выдержало 7 изданій. Такимъ образомъ, покойному Н. В. Гербелю принадлежитъ честь широкаго распространенія Шиллера въ русской читающей публикѣ. Отчасти благодаря ему, Шиллеръ сталъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ, если даже не самымъ любимымъ изъ великихъ писателей Запада.

Одновременно съ тѣмъ, когда было окончательно организовано настоящее изданіе и было начато печатаніе его, начало также выходить въ Москвѣ второе собраніе сочиненій Шиллера (иллюстрированное) въ единоличномъ переводѣ Н. Голованова. Пока появилось нѣсколько выпусковъ, заключающихъ въ себѣ переводъ стихотвореній и „Разбойниковъ".

Настоящее изданіе совпадаетъ, конечно, съ предшествующимъ ему собраніемъ Гербеля въ главной своей задачѣ—передать произведенія великаго поэта въ возможно-точныхъ переводахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть и своя собственная, новая задача: путемъ историко-литературныхъ комментаріевъ помочь читателю легче усвоить значеніе произведеній, отдѣленныхъ отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ и не всегда доступныхъ непосредственному воспріятію. Этой же задачѣ до извѣстной степени содѣйствуютъ и иллюстраціи.

При исполненіи первой, основной задачи изданій, существеннѣйшую помощь ему оказало то, что многое изъ произведеній Шиллера уже прекрасно переведено выдающимися русскими писателями. Редакція воспользовалась тѣми изъ этихъ переводовъ, относительно которыхъ нѣтъ правъ литературной собственности, и вошла въ особое соглашеніе съ представителями правъ на переводы, не свободные для общаго пользованія. Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго собранія входятъ переводы Жуковскаго, Мея, Мих. Достоевскаго, Мих. Ил. Михайлова, Тютчева, Фета, Ѳед. Миллера, Струговщикова, Константина Аксакова, Бенедиктова, Губера и др.

Но очень многое пришлось перевести и заново, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда прежніе переводы, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывались недостаточно точными. Кромѣ того, настоящее собраніе, давая всѣ когда-либо появлявшіяся въ русскомъ переводѣ произведенія Шиллера, впервые даетъ переводъ сказочной комедіи „*Турандотъ*" и интереснаго для характе-

ристики молодого Шиллера философско-физіологическаго трактата „О связи духовной и физической природы человѣка“. Въ общемъ изъ 100—110 печатныхъ листовъ, приблизительно представляющихъ собою объемъ настоящаго изданія, 65—70 листовъ, т.-е. около $^2/_3$-переведено заново. Именно:

Изъ 272 стихотвореній 81 переведены заново *Allegro*, *И. М. Болдаковымъ*, *П. И. Вейнбергомъ*, *А. П. Колтоновскимъ*, *А. А. Коринфскимъ*, *Р. С. Лихачевымъ*, *К. Н. Льдовымъ*, *Н. М. Минскимъ*, *К. К. Случевскимъ*, *Владиміромъ Соловьевымъ*, *А. М. Федоровымъ*, *К. М. Фофановымъ*, *кн. Э. Э. Ухтомскимъ*, *кн. Д. Н. Цертелевымъ*, *О. Н. Чюминой*.

Изъ *драматическихъ* произведеній даны новые переводы:

„Заговоръ Фіэско“ *В. А. Крылова*; „Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“ *П. И. Вейнберга*; „Марія Стюартъ“ *В. С. Лихачова*; „Привѣтствія Искусствъ“ *О. Н. Чюминой*; „Турандотъ“ и „Ненавистникъ людей“ *Анны Ганзенъ*. Переводъ „Разбойниковъ“ *Мих. Достоевскаго* дополненъ *Зин. Венгеровой*, его же „Донъ Карлосъ“—*Θ. Д. Батюшковымъ*.

Изъ историческихъ сочиненій даются въ новомъ переводѣ:

„Исторія Тридцатилѣтней войны“, переводъ подъ ред. проф. *Н. И. Карѣева*, „Отпаденіе Нидерландовъ“, переводъ проф. *А. С. Трачевскаго*.

Эстетическіе и философскіе трактаты появляются въ настоящемъ изданіи въ новыхъ переводахъ *Θ. Д. Батюшкова*, *Зин. Венгеровой*, *А. Г. Горнфельда* и *Э. Л. Радлова*; философско-физіологическій трактатъ „О связи духовной и физической природы человѣка“ переведенъ подъ ред. проф. *И. Р. Тарханова*.

Вступительные этюды и комментаріи:

1) Шиллеръ и его произведенія — проф. *А. И. Кирпичниковъ*. 2) Поясненія къ стихотвореніямъ (Словарь миѳологическихъ, историческихъ и другихъ именъ, встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ; историко-литературныя и эстетическія поясненія; указаніе русскихъ переводовъ, ихъ характеристика и воспроизведеніе тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ литературный интересъ)—*С. А. Венгеровъ* и *А. Г. Горнфельдъ*. 3) „Семела“ проф. *Θ. Ф. Зѣлинскій*. 4) „Разбойники“—проф. *А. И. Кирпичниковъ*. 5) „Заговоръ Фіэско“—*А. А. Рейнгольдъ*. 6) „Коварство и Любовь“—проф. *И. П. Дашкевичъ*. 7) „Донъ-Карлосъ“—проф. *Θ. Д. Батюшковъ*. 8) „Марія Стюартъ“—проф. *А. И. Кирпичниковъ*. 9) „Валленштейнъ“—*П. И. Вейнбергъ*. 10) „Орлеанская Дѣва“—проф. *Θ. Ф. Зѣлинскій*. 11) „Мессинская Невѣста“—проф. *Θ. Г. Мищенко*. 12) „Вильгельмъ Телль“—пр.-доц. *Θ. А. Браунъ*. 13) „Дмитрій Самозванецъ“—проф. *Е. Ф. Шмурло*. 14) „Варбекъ“ и др. отрывки—*Юрій Веселовскій*. 15) „Турандотъ“—*Зин. Венгерова*. 16) Эстетическіе и философскіе трактаты—*Э. Л. Радловъ*. 17) Историческія работы—проф. *Н. И. Карѣевъ*. 18) „О связи духовной и физической природы человѣка“—проф. *И. Р. Тархановъ*.

Подборъ иллюстрацій настоящаго изданія тоже обусловленъ, какъ уже было сказано, историко-литературными цѣлями. Выборъ остановился на тѣхъ, которыя либо даютъ внѣшній обликъ эпохи — костюмы, зданія, виды и т. п., либо особенно характерно выражаютъ *нѣмецкое пониманіе* Шиллера. Если всякое произведеніе, какъ-бы оно ни было геніально само по себѣ, является духовнымъ отраженіемъ своей среды, своей эпохи и своего народа, то несомнѣнно, что и то или другое пониманіе даннаго произведенія средою является комментаріемъ къ нему и помогаетъ иностранцу разобраться.

Руководствуясь этимъ принципомъ, настоящее изданіе даетъ все наиболѣе замѣтное въ области нѣмецкаго иллюстрированія Шиллера.

Первое мѣсто въ ряду всѣхъ нѣмецкихъ иллюстрацій къ Шиллеру занимаютъ фотогравюры „Schiller-Gallerie“, изданной Брукманномъ въ Мюнхенѣ. По наиболѣе знаменитому изъ художниковъ, принявшихъ въ ней участіе, эта галлерея извѣстна въ публикѣ и книжной торговлѣ подъ именемъ *Каульбаховской*. Фотогравюры исполнены тѣмъ же самымъ издателемъ — Брукманномъ и являются полнымъ новымъ изданіемъ „Schiller-Gallerie“.

Иллюстраціи въ текстѣ представляютъ собою комбинацію наиболѣе удавшихся нѣмецкихъ, такъ называемыхъ „роскошныхъ“ изданій (Pracht-Ausgaben).

Біографія Шиллера иллюстрирована 60-ю рисунками и портретами, взятыми изъ спеціальнаго сочиненія о Шиллерѣ *Вихграма*, изъ „Исторіи нѣмецкой литературы“ *Кенига*, изъ литературнаго атласа *Кенике*, изъ „Schiller Buch“ *Вурцбаха*. Нѣкоторые рисунки и портреты впервые появляются въ настоящемъ изданіи по фотографіямъ, собраннымъ нами въ Веймарѣ и на родинѣ Шиллера—Марбахѣ.

Стихотворенія иллюстрированы рисунками изъ роскошнаго, теперь уже составляющаго большую библіографическую рѣдкость фотографическаго юбилейнаго изданія in folio *Котты* 1859 г. и изъ наиболѣе „роскошнаго" нѣмецкаго изданія сочиненій Шиллера,—вышедшаго по плану и подъ редакціей поэта *Фишера* (изд. фирмы Halberger'a, теперь Deutsche Verlagsanstalt).

Большая часть рисунковъ, иллюстрирующихъ драмы, взяты изъ сейчасъ названнаго изданія Фишера. Къ нимъ присоединены снимки съ гравюръ знаменитаго современника Шиллера—*Ходовецкаго*.

Настоящее изданіе представляетъ собою первую не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ попытку соединить внѣшнія достоинства такъ называемыхъ „роскошныхъ" изданій Шиллера съ историко-литературною обстоятельностью. Всѣ нѣмецкія „роскошныя" изданія Шиллера даютъ неполный текстъ и почти лишены историко-литературныхъ комментаріевъ. Изданія же съ историко-литературными комментаріями не иллюстрированы и крайне скромны по внѣшнему виду.

Новизна задачи да послужитъ извиненіемъ тѣхъ недостатковъ, которые неизбѣжно связаны съ каждымъ новымъ дѣломъ.

С. В.

Шиллеръ и его произведенія.

Непосредственное знакомство русской интеллигенціи съ произведеніями Шиллера и благотворное вліяніе ихъна нашу литературу началось очень рано: еще въ 1793 году, когда такъ называемый псевдоклассицизмъ царилъ у насъ, казалось, безраздѣльно, талантливый студентъ Московскаго университета Николай Сандуновъ, будущій оберъ-секретарь Сената, а позднѣе извѣстный профессоръ криминалистъ, перевелъ съ оригинала драму „Разбойники", чѣмъ сразу пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность [1]) и едва ли не изъ нея онъ усвоилъ на всю жизнь, съ одной стороны, глубокое уваженіе къ драматической поэзіи, какъ учительницѣ общества, а съ другой—горячую ненависть къ людской неправдѣ, съ которой впослѣдствіи училъ бороться довольно многочисленныхъ своихъ слушателей. Въ „благородномъ университетскомъ пансіонѣ" ученики разыгрывали пьесы Сандунова и „Разбойниковъ" по его переводу [2]) въ то время, когда на литературное поприще выступалъ бывшій воспитанникъ этого пансіона, 19-тилѣтній Жуковскій, который уже черезъ 7—8 лѣтъ сдѣлалъ Шиллера-лирика почти роднымъ для многочисленныхъ поклонниковъ зарождавшейся русской поэзіи. Въ 1819 г., 24 іюля, кн. П. А. Вяземскій писалъ изъ Варшавы А. И. Тургеневу: „Здѣсь надняхъ давали „Вильгельма Телля". Обрѣзано, исковеркано, дурно играно, а слезы такъ изъ глазъ и брызжутъ, слезы восторга, слезы священныя, изъ коихъ одна стоитъ рѣки слезъ, пролитыхъ за какую-нибудь Федру или Ифигенію. Вотъ Жуковскому стезя, его достойная: переводи нѣмецкій театръ и сорви съ нашей сцены безплодное дерево, пересаженное къ намъ съ французской" [1]).

Черезъ два года Жуковскій счастливо вступилъ на эту стезю своимъ переводомъ „Орлеанской Дѣвы" [2]). Въ 1821 г. уже начинался *Пушкинскій періодъ* русской литературы, глава котораго, какъ и его другъ кн. Вяземскій, не читалъ по-нѣмецки [3]) и, по особенностямъ своего таланта, не вполнѣ симпатизировалъ Шиллеру; но все же *Oeuvres dramatiques de Schiller*—одна изъ первыхъ книгъ, которую онъ настоятельно требуетъ отъ брата, обдумывая „Бориса Годунова" [4]).

Съ середины тридцатыхъ годовъ руководителемъ вкуса лучшихъ людей нашего общества становится Бѣлинскій, въ исторіи художественнаго развитія котораго Шиллеръ игралъ особо-выдающуюся роль. Ни на какомъ отдѣльномъ фактѣ не выражались съ такой ясностью тѣ плодотворныя измѣненія, которыя происходили въ міросозерцаніи великаго

[1]) Жихарева. Записки современника. Дневникъ студента. СПб. 1859. Стр. 104.

[2]) Тамъ же, стр. 120. Любопытно, что другая драма Шиллера «Коварство и Любовь» переведена съ оригинала и издана въ 1806 г. въ Москвѣ *Семеномъ Смирновымъ*, тоже будущимъ профессоромъ юристомъ, только далеко не такимъ талантливымъ и вліятельнымъ, какъ Сандуновъ.

[1]) Остафьевскій Архивъ. I. СПб. 1899. Стр. 274.

[2]) Во второй половинѣ 20-хъ годовъ по той же стезѣ шелъ другой воспитанникъ университетскаго пансіона—С. П. Шевыревъ, опять-таки будущій извѣстный профессоръ московскаго университета; въ «Московскомъ Вѣстникѣ» онъ переводилъ «*Валленштейнов Лагерь*» и «*Вильгельма Телля*».

[3]) Остафьев. Архивъ, стр. 155.

[4]) 22 апрѣля 1825 г. (Соч. Пушкина въ изд. Литер. фонда VII, 124).

критика и мыслителя, какъ на его отношеніи къ Шиллеру. Въ „Литературн. Мечтаніяхъ“ (1834 г.) онъ ставитъ Шиллера рядомъ съ Байрономъ и говоритъ объ немъ: „Шиллеръ передалъ намъ тайны неба, показалъ одно прекрасное жизни такъ, какъ онъ понималъ его самъ, пропѣлъ намъ только свои завѣтныя думы и мечтанія; злое жизни у него или невѣрно или искажено преувеличеніемъ“ [1]). Въ 1835 г. „Разбойники“ Шиллера въ его глазахъ „пламенный, дикій диѳирамбъ, подобно лавѣ, исторгнувшійся изъ глубины юной энергической души, гдѣ событія, характеры и положенія какъ будто придуманы для выраженія идей и чувствъ, такъ сильно волновавшихъ автора, что для нихъ были бы слишкомъ тѣсны формы лиризма... Шиллеръ былъ не столько великій драматургъ, сколько великій поэтъ вообще. Онъ хотѣлъ быть реальнымъ въ своихъ созданіяхъ, но идеальность оставалась преобладающимъ характеромъ его поэзіи, вслѣдствіе влеченія его генія“ [2]).

Три года спустя, въ эпоху философскаго примиренія съ дѣйствительностью и увлеченія художественной объективностью, Бѣлинскій видитъ въ Шиллерѣ-лирикѣ „душу пламенную, глубокую, великую, человѣка геніальнаго, но *не художника*“ [3]).

Еще строже онъ къ Шиллеру-драматургу: драму „Коварство и любовь“ онъ считаетъ *дѣтской*; въ ней художественности и творчества нисколько; огня отрицать нельзя, но такъ какъ этотъ огонь вытекъ *не изъ творческаго одушевленія объективнымъ созерцаніемъ жизни, а изъ ратованія противъ дѣйствительности*, подъ знаменемъ нравственной точки зрѣнія, то онъ и похожъ на фейерверочный огонь: *много шуму и треску, и мало толку*“ [4]).

По его убѣжденію, въ этой пьесѣ „завязка вертится на пустомъ недоразумѣніи. А характеры? Луиза—идеальная кухарка, сантиментальная фразерка; Фердинандъ—маленькій Отелло съ эполетами и шпагою. Только отецъ и мать Луизы и Вурмъ похожи на людей и носятъ на себѣ признаки дѣйствительности“ (Ib. 590). Еще рѣзче онъ выражается черезъ годъ: „Разбойники“ и „Коварство и Любовь“—*поэтическіе недоноски и уроды, явленія совершенно ничтожныя въ области искусства*; „въ отношеніи къ безусловной истинѣ и высшей нравственности *они рѣшительно безнравственны*“ (III, 332).

То-же убѣжденіе выражаетъ Бѣлинскій и въ письмѣ къ Боткину въ началѣ 1840 г.: „Уважаю Шиллера за его духъ, но драмы его, въ художественномъ отношеніи, для меня — хоть бы ихъ и не было“ [1]).

Но извѣстно, что вскорѣ послѣ переселенія Бѣлинскаго въ Петербургъ (октябрь 1839 г.) въ его міровоззрѣніи произошелъ переломъ огромной важности, гегелевская философія перестаетъ быть въ его глазахъ абсолютной истиной; онъ приходитъ къ заключенію, что его „прежняя, исключительно эстетическая, точка зрѣнія не даетъ полной оцѣнки искусства и способна приводить къ крайнему заблужденію“ [2]), и онъ ожесточается противъ „дѣйствительности“, которую такъ недавно признавалъ разумною и цѣлесообразною [3]), и въ письмѣ къ тому же Боткину отъ 4-го октября 1840 г. свой новый, тяжкимъ страданіемъ добытый взглядъ Бѣлинскій примѣняетъ прежде всего къ Шиллеру: „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! *Да здравствуетъ великій Шиллеръ*, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма“! [4])

То-же провозглашаетъ онъ въ 1841 г. печатно: „Шиллеръ—адвокатъ человѣчества, но полный любви и довѣренности къ общему, провозвѣстникъ высокихъ истинъ, голосъ, сзывающій братьевъ по человѣчеству отъ земли къ небу, органъ неистощимой любви“ и пр. [5]). Поэзію Шиллера, „по преимуществу *рефлектирующую, размышляющую*“, онъ признаетъ „наиболѣе подходящею къ новому міру“ [6]). Немного позднѣе (1842 г.) онъ утверждаетъ, что „Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своею великою душою трагическую сторону жизни въ противность съ свѣтлою ея стороною“ [7]). Еще позднѣе, въ своей знаменитой статьѣ о Пушкинѣ (1844 г.), Бѣлинскій называетъ Шиллера „*поэтомъ гуманности*, жрецомъ свободы духа, на разумной любви основанной,

[1]) I. 23.
[2]) I. 184–6.
[3]) II. 382.
[4]) II. 589.

[1]) А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка. СПб. 1876. II, 29. Ср. тоже стр. 36 и 49.
[2]) А. Н. Пыпинъ, Тамъ-же 5.
[3]) Стр. 40.
[4]) Стр. 58.
[5]) Соч. IV, 216.
[6]) Ib. 304.
[7]) V, 120.

поборникомъ чистаго разума". Въ поэзіи Шиллера, по его убѣжденію, „сердце его вѣчно исходитъ самою живою, пламенною и благородною кровію любви къ человѣку и человѣчеству, ненависти къ фанатизму религіозному и національному, къ предразсудкамъ, къ кострамъ и бичамъ, которые раздѣляютъ людей и заставляютъ ихъ забывать, что они братья другъ другу" [1]). Другими словами: великій критикъ ставитъ Шиллера *во главѣ* всей художественной литературы XIX вѣка, основная задача которой—энергичная и единодушная проповѣдь дѣятельной гуманности, свободы и братства.

Съ этого момента незыблемая слава и огромное вліяніе Шиллера на Руси установлены навсегда и никто больше не пытался поколебать его значеніе. Нынѣ лирическія и лирикоэпическія стихотворенія Шиллера читаются въ нашей народной школѣ и въ деревенской аудиторіи; его „Разбойники", „Коварство и Любовь", „Марія Стюартъ" не сходятъ съ русской сцены какъ столичной, такъ и провинціальной; по его тридцатилѣтней войнѣ мы всѣ учились и учимся нѣмецкому языку (библіографія русскихъ переводовъ изъ Шиллера и статей о немъ занимаютъ многіе десятки страницъ). Едва-ли мы провинимся въ излишней смѣлости, утверждая, что, подобно тому, какъ въ глазахъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ только Лессингъ, Гете, Шиллеръ и представители нѣмецкой науки внушали уваженіе къ политически безсильному нѣмецкому народу, такъ послѣ 1870 г. только вѣчно юныя созданія Шиллера, который, въ противуположность своему великому другу, всечеловѣку Гете, ставъ міровымъ геніемъ, остался *истымъ нѣмцемъ*, препятствуютъ многимъ изъ насъ отнестись съ огульнымъ и, стало быть, несправедливымъ осужденіемъ къ національному характеру седанскихъ побѣдителей.

Справедливость положенія, что біографія писателя служитъ лучшимъ комментаріемъ къ его произведеніямъ, особенно очевидна относительно представителей поэзіи *рефлектирующей*, идейной, если можно такъ выразиться, *проповѣднической*; а изъ фактовъ этой біографіи всего важнѣе обстоятельное изображеніе дѣтства и юности поэта, когда природныя его наклонности подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній формируются въ опредѣленную нравственную личность, когда складываются его характеръ, его взгляды и убѣжденія. Поэтому и мы считаемъ нужнымъ предложить вниманію читателей по возможности подробное изображеніе семьи Шиллера и школьныхъ лѣтъ его жизни [1]).

Фамилія Шиллеръ (отъ Schielen—косить глазами) баварскаго происхожденія и упоминается впервые въ XV вѣкѣ: ее носитъ нѣкто Іоргъ Шиллеръ, или Шильхеръ, родомъ, какъ кажется, франконецъ—извѣстный мейстерзингеръ. Семейство поэта ведетъ свой родъ изъ Тироля, гдѣ и понынѣ въ Мюлау проживаютъ потомки бароновъ Шиллеръ фонъ-Гердернъ. Повидимому, въ эпоху реформаціи предки Шиллера приняли ученіе Лютера и заплатили за него потерей титула, состоянія и родины: они должны были бѣжать въ Швабію, гдѣ съ половины XVI в. въ церковныхъ книгахъ все чаще и чаще встрѣчается фамилія Шиллеровъ, уже не принадлежащихъ къ дворянскому сословію. На новой родинѣ имъ пришлось сначала бороться съ тяжкой нуждой, и они усиленно работали и упорно стремились подняться на высшія ступени общественной лѣстницы Прадѣдъ поэта, Іоганнъ Каспаръ Шиллеръ, сынъ крестьянина (род. въ 1650 г.), держалъ булочную въ Битенфельдѣ (близъ Людвигсбурга); онъ умеръ на 38-мъ году жизни, добившись, однако, должности судебнаго засѣдателя (Gerichtsbeisitzer). Его сынъ Іоганнъ Шиллеръ, къ которому перешла отцовская булочная, женился на дочери альтдорфскаго часовщика; этотъ бракъ открылъ ему доступъ въ бюргерскій кружокъ и онъ умеръ биттенфельдскимъ старостой. Такимъ образомъ, работа трехъ поколѣній сдѣлала Шиллеровъ изъ крестьянъ бюргерами, умѣвшими заслужить довѣріе и уваженіе согражданъ. Старшій сынъ Іоганна Шиллера наслѣдовалъ ремесло, а впослѣдствіи и должность отца. Младшему же Іоганну Каспару, отцу поэта, предназначалось иное поприще: отецъ хотѣлъ дать ему образованіе. Его рано отдали въ школу и, кромѣ того, пригласили къ нему на домъ учителя. Честолюбивый мальчикъ работалъ усердно, но занятія его были прерваны преждевременной смертью отца, оставившаго вдову съ полдюжиной малолѣтнихъ

[1]) VIII, стр. 178—180.

[1]) Въ этой части біографіи мы пользуемся главнымъ образомъ двумя пособіями: Вельтриха и Минора (*Richard Weltrich*, Schillers Leben. Stuttg. 1885 и *J. Minor*, Schiller, Sein Leben und seine Werke I. Bd. Berl. 1890; 2-ой томъ вышелъ два года назадъ; 3-й еще печатается).

ребятъ на рукахъ. Іоганну пришлось взяться за физическій трудъ, но все же онъ находилъ время хоть украдкой повторять свою грамматику. Если онъ не будетъ ни ученымъ, ни пасторомъ, то все-таки можетъ попасть въ полуобразованный кругъ писарей, мелкихъ чиновниковъ и т. п. Когда и эта скромная надежда покинула его,—онъ упросилъ мать позволить ему изучать хирургію и, съ трудомъ добившись ея разрѣшенія, поступилъ въ ученики къ монастырскому хирургу-цирульнику въ Денкендорфъ.

Непріятныя обязанности ученика цирульника не охладили рвенія Іоганна Каспара къ наукѣ. Онъ старался сблизиться съ учениками монастырской школы и воспользоваться этими сношеніями для подновленія полузабытой латыни; самъ настоятель альтдорфскаго монастыря нерѣдко объяснялъ любознательному мальчику свойства лѣкарственныхъ травъ Отбывъ свои ученическіе годы, Шилллеръ отправляется въ 1741 г. странствовать по свѣту. Въ Нордлингенѣ онъ ненадолго поступаетъ на мѣсто и пользуется случаемъ, чтобы въ обществѣ хозяйскаго сына выучиться немного французскому языку; тамъ же занимается онъ фехтованіемъ. Надежда получить мѣсто фельдшера побуждаетъ Іоганна Каспара въ сентябрѣ 1745 года примкнуть къ гусарскому полку графа Франшпана, который шелъ въ Нидерланды, чтобы на службѣ у голландцевъ отстаивать противъ французовъ права Маріи Терезіи. Въ Нидерландахъ отцу Шиллера пришлось на собственномъ опытѣ познакомиться съ непостоянствомъ военнаго счастья. Въ ноябрѣ 1745 г. полкъ графа Франшпана

Отецъ Шиллера въ молодости (въ чинѣ лейтенанта).

вступилъ въ Брюссель, а уже въ январѣ 1746 г. городомъ завладѣли французы, и Іоганнъ Каспаръ, пытавшійся пѣшкомъ слѣдовать за своимъ коннымъ полкомъ, былъ захваченъ имъ въ Шарлеруа, гдѣ силы измѣнили ему. Въ качествѣ военноплѣннаго его отвели въ Гентъ и держали на хлѣбѣ и водѣ, пока онъ не согласился поступить солдатомъ въ ряды французской арміи. Въ концѣ февраля онъ снова вступилъ въ Брюссель въ качествѣ солдата французской арміи. Но послѣ осады Антверпена ему удается присоединиться къ имперцамъ въ качествѣ служителя при полевой аптекѣ. Черезъ двѣ недѣли Намюръ, гдѣ находится Шиллеръ, взятъ французами, и ему грозитъ опасность быть судимымъ за дезертирство. Онъ переодѣвается и скрывается, пока походный лазаретъ и аптека не покидаютъ крѣпости. За два дня до битвы при Люттихѣ онъ вступилъ снова въ тотъ гусарскій полкъ, гдѣ началъ службу, и вскорѣ получилъ въ немъ давно желанное мѣсто фельдшера. Три года работаетъ онъ то въ лазаретѣ, то на полѣ сраженія. Онъ пользуется довѣріемъ своего ротмистра, который беретъ его съ собой въ Гаагу, Антверпенъ и Лондонъ.

Въ 1749 г. война окончилась Ахенскимъ миромъ, и Шиллеръ, послѣ десятидневнаго путешествія верхомъ, 14-го марта 1749 года пріѣзжаетъ въ Марбахъ и останавливается въ гостиницѣ Золотого Льва. Здѣсь въ городѣ и его окрестностяхъ поселились братья и сестры Шиллера, покинувъ мать, которая успѣла уже вторично выйти замужъ. Достигнувъ, наконецъ, послѣ столькихъ скитаній мирной пристани, Каспаръ не сталъ тра-

тить времени даромъ, и вотъ 22-го іюля 1749 года онъ уже стоитъ передъ алтаремъ съ Елизаветой Доротеей Кодвейсъ, дочерью хозяина Золотого Льва. Кодвейсы, въ противоположность Шиллерамъ, не поднимались въ гору, а спускались книзу. Хотя старикъ Кодвейсъ и слылъ за человѣка зажиточнаго, но приданое семнадцатилѣтней Елизаветы состояло главнымъ образомъ изъ обѣщаній, которыхъ ея отецъ, при всемъ желаніи, не могъ исполнить, такъ какъ его тѣснили кредиторы. Онъ завѣдывалъ сплавомъ дровъ во владѣніяхъ герцога и увлекся спекуляціями, которыя окончились очень неудачно. Для покрытія дефицита ему пришлось просить денегъ у зятя. Шиллеръ помогъ ему; но, справедливо опасаясь за судьбу небольшого количества оставшихся еще у него флориновъ и за имущество жены, онъ потребовалъ, чтобы оно было выдѣлено, а

Отецъ Шиллера въ 70 лѣтнемъ возрастѣ. Съ портрета Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ.

въ январѣ 1753 года онъ поступилъ фурьеромъ въ полкъ принца Людвига. Пріѣзжая въ Марбахъ, онъ энергично вступался за тестя, противъ котораго кредиторы предъявляли иногда не совсѣмъ добросовѣстные иски (въ защиту его онъ написалъ даже

цѣлый „Protest in optima forma“, свидѣтельствующій, что Каспаръ Шиллеръ довольно искусно владѣлъ перомъ). Неизвѣстно, послѣдовала ли жена за нимъ, когда онъ покинулъ Марбахъ, но во всякомъ случаѣ супругамъ пришлось разстаться, когда въ 1757 году войска принца вюртембергскаго выступили въ союзѣ съ Австріей и Франціей противъ Фридриха Великаго.

Когда армія союзниковъ была въ Богеміи, въ рядахъ ея начала свирѣпствовать гнилая горячка, и, подчиняясь обстоятельствамъ, Шиллеръ не только снова взялся за прежнее свое ремесло, но отправлялъ, между прочимъ, и обязанности полкового священника.—За всѣ свои заслуги во время этой несчастной кампаніи онъ былъ награжденъ чиномъ лейтенанта.

Проживъ недолго въ Марбахѣ съ женой и новорожденной дочерью, КаспаръШиллеръ снова долженъ былъ выступить въ походъ; къ счастью, зиму 1758-59 года полкъ его провелъ въ окрестностяхъ Марбаха, и Шиллеръ могъ пользоваться отдыхомъ у домашняго очага. Но осенью 1759 года онъ покидаетъ беременную жену и уходитъ далеко. Разлука съ мужемъ и печальныя извѣстія, приходившія съ театра войны, тревожили и волновали Елизавету. Не удивительно, что мальчикъ, родившійся при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, былъ ребенкомъ хрупкимъ и слабымъ. Шиллеръ родился 10-го ноября 1759 года и на слѣдующій день былъ крещенъ и нареченъ Іоганномъ Кристофомъ Фридрихомъ. Въ числѣ крестныхъ отцовъ его былъ записанъ командиръ полка фонъ-Гобеленцъ и тезка ребенка Іоганнъ Кристофъ Шиллеръ, дальній родственникъ лейтенанта, повидимому обѣщавшій позаботиться о дальнѣйшей судьбѣ своего крестника. Весной слѣдующаго года Каспаръ Шиллеръ вернулся на родину и въ первый разъ увидалъ уже полугодовалаго сына, а черезъ три мѣсяца снова выступилъ въ свой послѣдній походъ. Въ 1761 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны и переведенъ въ другой полкъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ отбывалъ гарнизонную службу поперемѣнно въ Штутгардтѣ и Людвигсбургѣ. Семья его жила въ Марбахѣ по временамъ навѣщая его. Марбахъ, гдѣ Шиллеръ провелъ первые годы жизни, расположенъ на возвышенности, у подножія которой рѣка Мурръ впадаетъ въ Неккаръ. Въ немъ не было древнихъ развалинъ, которыя бы говорили ребенку о давно прошедшихъ вѣкахъ; опрятныя улицы съ высокими домами, украшенными островерхими кровлями и шпицами, и виноградники, окружавшіе городъ, напоминали о томъ, что благосостояніе обитателей не было даромъ небесъ, но явилось результатомъ работы въ потѣ лица.

Кристофина Шиллеръ, старшая сестра поэта. Съ портрета Людовики Симановицъ.

Дѣтство Шиллера протекло не безоблачно, но и не мрачно; борьба и трудъ навсегда остались важнѣйшими элементами въ его жизни. Слабый отъ природы, подверженный припадкамъ судорогъ, организмъ Шиллера успѣшно боролся съ обычными дѣтскими болѣзнями, и до 14-го года, когда начался періодъ быстраго роста, будущій поэтъ былъ мальчикомъ вполнѣ здоровымъ. Отецъ получалъ очень небольшое содержаніе (250 флориновъ въ годъ), но экономная мать умѣла устроиться такъ, что дѣти не знали настоящей нужды. У насъ нѣтъ источниковъ, которые помогли бы намъ нарисовать яркій образъ матери Шиллера, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой протекли его первые годы. Можетъ быть, о ней думалъ сынъ, когда называлъ лучшей женщиной ту, о которой ничего не говорятъ. Одинъ изъ друзей юности Шиллера описываетъ ее такъ: „Никогда не зналъ я болѣе теплаго материнскаго сердца, никогда не встрѣчалъ женщины болѣе женственной, лучшей семьянинки“. Шиллеръ, еще болѣе чѣмъ Гете, былъ сынъ своей матери. Отъ нея онъ наслѣдовалъ высокую худощавую фигуру (отецъ былъ плотенъ и невысокъ ростомъ), длин-

ную шею, сильно развитой лобъ, бѣлокурые, почти рыжіе волосы, нѣжность и прозрачность кожи, попорченной веснушками, и красноту глазъ, подверженныхъ воспаленіямъ. Мать была крѣпче сложена и въ молодости слыла очень красивой женщиной. Черты лица сына были крупнѣй и рѣзче, и красивымъ его назвать было нельзя, несмотря на широкій лобъ, говорившій объ умѣ и открытомъ характерѣ. Но онъ вполнѣ напоминалъ мать мягкостью и кротостью выраженія лица.

Елизаветѣ Шиллеръ было около 30-ти лѣтъ, когда родились ея старшія дѣти; она прожила съ мужемъ десять лѣтъ, хорошо изучила его взгляды и была достаточно зрѣла для того, чтобы руководить воспитаніемъ дѣтей, и достаточно молода, чтобы наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Она принадлежала къ числу матерей и хозяекъ, которыя, бросивъ одну заботу, сейчасъ же находятъ себѣ другую. Она была кроткаго характера и охотно подчинялась родителямъ и мужу. Тяжело было ей въ тѣ дни, когда столкнулись эти два долга: но она сумѣла избѣжать внутренняго разлада и остаться любящейдочерью не переставая быть покорной женой. Серьезный складъ характера швабовъ вызываетъ у нихъ глубокую потребность въ вѣрѣ, заставляя вдумываться въ религіозные вопросы. Радостно встрѣтили швабы реформацію, по сердцу пришлось имъ ученіе Лютера; они приняли его и отстаивали горячѣе, чѣмъ какое-либо другое германское племя. Раціонализмъ XVIII в. не могъ пустить здѣсь крѣпкихъ корней; съ другой стороны и гернгутерство не прививалось въ Вюртембергѣ; піетизмъ, отвѣчавшій сепаратическимъ стремленіямъ швабовъ, изъ которыхъ каждый стремился создать собственную вѣру въ душѣ и собственную церковь въ домѣ, развивался тутъ на свободѣ, безъ всякихъ болѣзненныхъ проявленій.

Мать Шиллера въ молодости.

Мать Шиллера, какъ женщина очень религіозная, старалась заложить въ душахъ своихъ дѣтей тѣ основы древняго благочестія, которымъ такъ гордились швабы. Она читала дѣтямъ отрывки изъ Новаго Завѣта, во время прогулокъ учила ихъ познавать величіе Творца изъ разсматриванія красоты творенія. Характеренъ слѣдующій разсказъ, показывающій, какъ хорошо умѣла мать выбирать время и случай, чтобы лучше повліять на дѣтей въ желаемомъ направленіи. Когда семья жила уже въ Людвигсбургѣ, Елизавета Шиллеръ съ сыномъ и дочерью въ Духовъ день шла пѣшкомъ въ Марбахъ. Дорогой она разсказывала имъ исторію двухъ учениковъ Христа, шедшихъ въ Эммаусъ, и до того заинтересовала и растрогала ихъ, что, взойдя на гору, они вообразили себя на Θаворѣ и преклонили колѣна для молитвы.

Мать вложила сѣмя религіозности, отецъ заботился о его ростѣ. Онъ не былъ бы вюртембергцемъ, если бы, несмотря на грубость солдатской жизни, не былъ доступенъ религіозному чувству, и не былъ бы швабомъ, если бы не выработалъ, хоть въ слабой мѣрѣ, собственныхъ религіозныхъ убѣжденій: онъ самъ сложилъ утреннія молитвы на первые четыре дня недѣли и даже разъ выразилъ свое религіозное чувство въ весьма слабыхъ восьми стопныхъ трохеяхъ.

Религія, о которой говорили родители маленькому Шиллеру, не носила характера суровости или аскетизма: это было оптимисти-

ческое міровоззрѣніе, въ которомъ чувствуется вліяніе Лэйбница и шотландскихъ философовъ. Провидѣніе руководитъ міромъ, направляя все къ единой цѣли, ведя человѣка по пути усовершенствованія. Ребенокъ воспринималъ это ученіе всѣмъ сердцемъ; онъ оставлялъ любимыя игры, чтобы слушать, какъ отецъ выразительнымъ голосомъ читаетъ молитвы или отрывки изъ Библіи. Сестра его никогда не могла забыть глубокаго впечатлѣнія, которое производилъ маленькій Шиллеръ, когда онъ стоялъ въ кругу семьи во время молитвы, набожно сложивъ руки и поднявъ къ небу личико съ голубыми глазами и лбомъ, осѣненнымъ золотистыми прядями волосъ.

Первыя стихотворенія, которыя услышалъ Шиллеръ, были гимны и духовныя пѣсни

Мать Шиллера въ возрастѣ 60 лѣтъ. Съ портрета Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ.

Геллерта и Уца. Свѣтской поэзіи мать, какъ кажется, не любила, хотя геллертовскія нравоучительныя басни читались дѣтямъ. Въ Елизаветѣ Шиллеръ не замѣчалось творческаго таланта: однообразіе и немногочисленность сказочныхъ образовъ, которые мы

встрѣчаемъ въ произведеніяхъ нашего поэта, показываютъ, что міръ народной фантазіи былъ ей почти чуждъ; но, когда ей случалось прочесть что-нибудь по естественной исторіи или географіи, она охотно дѣлилась съ дѣтьми пріобрѣтенными свѣдѣніями.

Въ концѣ 1763 года капитанъ Шиллеръ былъ назначенъ вербовщикомъ въ Гмюндъ, куда онъ и переселился со всей семьей. Хотя жалованье его и было увеличено, но жизнь въ богатомъ торговомъ городѣ все же была ему не по средствамъ, и онъ выхлопоталъ разрѣшеніе перенести свое мѣстопребываніе въ центръ своей дѣятельности, въ деревеньку Лорхъ.

Прибытіе вербовщика не могло возбудить особенной радости въ жителяхъ, во первыхъ, потому, что съ нимъ связывалось представленіе объ отправкѣ новобранцевъ, а также и потому, что сами вербовщики, пользуясь безнаказанностью, часто пополняли свои карманы на счетъ беззащитныхъ обывателей. На этотъ разъ имъ пришлось, однако, убѣдиться, что не таковъ былъ капитанъ Іоганнъ Каспаръ Шиллеръ: его безкорыстіе и справедливость возбудили живѣйшую признательность жителей, которые провожали его какъ друга, съ искренними пожеланіями счастья.

Въ Лорхѣ капитанъ составилъ себѣ пріятельскій кружокъ изъ викарія Циглера, дьякона Капфа и стараго товарища по оружію, а теперь главнаго уѣзднаго судьи Шейнемана. Капитанъ, энергія и любознательность котораго нисколько не слабѣли съ годами, былъ очень радъ случаю потолковать съ кѣмъ-нибудь объ интересующихъ его вопросахъ, а еще больше былъ доволенъ возможностью спокойно пожить въ кругу семьи, число членовъ которой увеличилось рожденіемъ второй дочери Луизы Доротеи Каролины (1766 г.).

Деревня Лорхъ расположена въ котловинѣ, орошаемой Ремсомъ и окруженной со всѣхъ сторонъ горами и густыми хвойными лѣсами. Картины мѣстной природы настраиваютъ душу человѣка серьезно и торжественно. Впечатлѣніе еще усиливаютъ историческіе памятники, близъ деревни находится родовой замокъ Гогенштауфеновъ и бенедиктинскій монастырь Лорхъ, гдѣ покоятся останки нѣсколькихъ членовъ знаменитаго рода, въ томъ числѣ Конрадина.

Маленькій Шиллеръ въ сопровожденіи сестры Кристофины, своей неразлучной спутницы, часто забирался въ развалины монастыря и отдыхалъ подъ огромной липой, которая существуетъ и понынѣ.

Другимъ его развлеченіемъ были прогулки въ Гмюндъ, куда отецъ иногда бралъ его, отправляясь по дѣламъ. Пока капитанъ былъ занятъ, Фрицъ на свободѣ игралъ въ камешки съ городскими ребятишками или же бѣгалъ смотрѣть на театрально-пышныя катслическія процессіи, съ которыми онъ теперь впервые познакомился.

Домъ, въ которомъ Шиллеръ родился въ 1759 г. въ Марбахѣ. Въ 1859 г. пріобрѣтенъ марбахскимъ Шиллеровскимъ обществомъ, наружно и внутренно приведенъ въ тотъ видъ, какой онъ имѣлъ, когда въ немъ жили родители Шиллера; теперь въ немъ устроенъ Шиллеровскій музей.

Но не все свое время могъ отдавать мальчикъ прогулкамъ и играмъ: его и сестру отдали въ сельскую школу, гдѣ онъ занимался очень охотно и успѣшно. Отецъ, замѣтивъ, что сынъ не обиженъ отъ природы, не удовольствовался школьнымъ преподаваніемъ и сталъ посылать его еще къ па-

стору Мозеру, строгому, серьезному и благочестивому человѣку. Три года учился Шиллеръ у Мозера вмѣстѣ съ его сыномъ и своимъ сверстникомъ Кристофомъ-Фердинандомъ Мозеромъ, а свободное время любилъ проводить въ обществѣ его маленькой дочери Нанеты. Личность вѣрующаго священника, котораго Шиллеръ одинаково внимательно слушалъ за урокомъ и въ церкви, произвела на мальчика настолько глубокое впечатлѣніе, что много лѣтъ спустя онъ воспроизвелъ его подъ тою-же фамиліею въ „Разбойникахъ". Близость съ семьей пастора, глубокое уваженіе, которое Мозеръ умѣлъ внушить маленькому ученику, религіозное настроеніе родной семьи, окружили званіе пастора такимъ ореоломъ въ глазахъ маленькаго Шиллера, что онъ только и мечталъ о томъ времени, когда онъ самъ будетъ священникомъ.

Возвращаясь домой подъ сильнымъ впечатлѣніемъ воскресной проповѣди своего наставника, маленькій Фрицъ надѣвалъ фартукъматери,взбирался на стулъ и начиналъ повторять слышанное въ церкви, требуя со стороны своихъ слушателей напряженнаго вниманія. Малѣйшее нарушеніе тишины со стороны аудиторіи настолько сердило его, что онъ прерывалъ проповѣдь и убѣгалъ. Если кому-нибудь удавалось уговорить его вернуться, онъ прежде, чѣмъ продолжать, сурово обличалъ свою паству въ легкомыслiи. Для его отъ природы застѣнчиваго характера эти первые опыты краснорѣчія, заставлявшіе его высказывать постороннимъ волновавшія его мысли и чувства, были очень полезны. Хорошая память помогала ему воспроизводить существенное изъ слышанной въ церкви проповѣди, а искреннее одушевленіе нерѣдко подымало его рѣчь до библейскаго паѳоса.

Со стороны родителей поэта, во всей чистотѣ сохранившихъ древнее швабское благочестіе, эти задатки проповѣдника встрѣчали полное сочувствіе. Въ особенности отецъ желалъ для Фрица духовной карьеры, потому что она была для потомка бѣднаго вюртембергскаго бюргера единственной дорогой къ высшему образованію, къ которому нѣкогда напрасно стремился самъ капитанъ.

Эти соображенія заставили капитана особенно ревностно заняться умственнымъ развитіемъ Фрица, который до Лорха былъ всецѣло предоставленъ матери.

Оригинальная и во многихъ отношеніяхъ симпатичная личность капитана Шиллера наложила на дальнѣйшій складъ характера будущаго поэта рѣзкій отпечатокъ, такъ какъ мягкая и впечатлительная его натура въ иныхъ чертахъ поддавалась отцу, въ иныхъ же неожиданно проявляла явный или тайный, но одинаково несокрушимый протестъ. Мы уже знаемъ, какъ протекла молодость капитана: судьба не избаловала его; но всѣ ея толчки и болѣе или менѣе сильные удары встрѣчали всегда готовый отпоръ съ его стороны: трезвая голова и неутомимая энергія помогали капитану найти выходъ изо всякаго положенія. До конца своей жизни онъ сохранилъ стремленіе къ образованію, одушевлявшее его съ ранней юности. Онъ занимался медициной, старался ознакомиться съ иностранными языками. Постоянные перерывы, въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не лишали его бодрости: какъ только находилось свободное время, онъ вновь возвращался къ любимой работѣ. Бездѣйствія онъ не переносилъ,

Комната, въ которой родился Шиллеръ.

каждая минута должна была быть употребляема съ пользой.—Но лучше всего отразился его нравственный и умственный обликъ на его литературныхъ произведеніяхъ, которыя онъ имѣлъ слабость считать научными.

Въ свободное время „скуки ради", какъ онъ самъ говоритъ, капитанъ началъ писать рядъ статей о землепашествѣ, винодѣліи и т. п. Статьи эти печатались въ придворной типографіи въ теченіе 1767—68 г., а въ 1769 году вышли отдѣльной книжкой (подъ заглавіемъ: Ekonomische Beiträge zur Beförderung der bürgerlichen Wohlstandes). Капитанъ Шиллеръ считалъ, что всякій обязанъ внимательно наблюдать все, съ чѣмъ онъ сталкивается въ жизни, и извлекать изъ всего возможную пользу; съ особеннымъ же интересомъ должно относиться къ тому, отъ чего зависитъ удовлетвореніе насущныхъ жизненныхъ потребностей. Авторъ руководствовался этимъ правиломъ въ своихъ странствованіяхъ по свѣту и теперь, излагая свои взгляды на необходимыя, по его мнѣнію, улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, ссылался на примѣръ голландцевъ, бельгійцевъ и т. д., поля, сады и скотъ которыхъ ему удалось видѣть. Но наблюденія имѣютъ въ его глазахъ значеніе только какъ основа для его теорій. Эти теоріи, несмотря на природный умъ автора, нерѣдко оказываются весьма странными, какъ оно часто бываетъ съ самоучками. Напримѣръ, капитанъ Шиллеръ совѣтуетъ держать при виноградникахъ особыхъ ночныхъ сторожей, обязанныхъ будить крестьянъ при наступленіи мороза; крестьяне должны сбѣгаться и разводить костры, дымъ которыхъ предохранитъ лозы отъ холода; издержки на это химерическое предпріятіе вычислены у автора до послѣдней полушки. Изложеніе „Экономическихъ соображеній" живо, ясно и логично.

Легко представить себѣ, какимъ воспитателемъ долженъ былъ быть энергичный, въ общемъ здравомыслящій, хотя нерѣдко увлекающійся, авторъ „Экономическихъ соображеній", въ которомъ лѣнь и нерѣшительность земляковъ возбуждали презрѣніе и гнѣвъ. Онъ не станетъ примѣняться къ характеру сына, онъ не проявитъ сносходительности къ его проступкамъ, но онъ будетъ всегда дѣйствовать послѣдовательно и энергично, никогда не откажетъ сыну въ обдуманномъ совѣтѣ и пожертвуетъ всѣмъ, чтобы доставить сыну возможность полу-

Домъ въ Лорхѣ, въ которомъ Шиллеръ провелъ лучшіе годы дѣтства.

чить образованіе, котораго не имѣетъ онъ самъ.—Строгость отца только усиливала природную робость маленькаго Шиллера, ребенка необыкновенно добраго, нѣжно любившаго мать и сестеръ, пользовавшагося симпатіей всѣхъ товарищей и знакомыхъ. Нерѣдко случалось Фрицу отдавать не только книги, но и необходимое платье, за что дома онъ выслушивалъ строгіе выговоры отца. Но это были пустяки въ сравненіи съ расправой, которая ожидала маленькаго Шиллера, когда отцу случалось уличить его въ томъ, что онъ пропускалъ уроки въ школѣ, а это изрѣдка случалось даже съ такимъ образцовымъ ученикомъ. Разъ сосѣдка встрѣтила Фрица на пути въ школу и пригласила его зайти поѣсть кукурузной каши—любимое блюдо мальчика. Въ это время капитанъ, желавшій подѣлиться съ сосѣдомъ какой-то новостью, вычитанною изъ газетъ, входитъ въ домъ и проходитъ черезъ кухню, не замѣчая сына. Мальчикъ съ испуга самъ выдаетъ себя крикомъ: „Я

никогда, никогда не буду этого дѣлать", и бросается домой къ ничего не подозрѣвающей матери, самъ даетъ ей въ руки палку и подставляетъ спину, чтобы только избѣжать наказанія отъ суровой отцовской руки.

Физическое воспитаніе сына удавалось старому Шиллеру лучше, чѣмъ нравственное. Онъ пріучалъ дѣтей переносить холодъ и жару, быть на воздухѣ въ дурную и хорошую погоду; онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы дѣти не только никогда не объѣдались, но даже чтобы они никогда не бывали сыты. Эта система въ примѣненіи къ сыну дала хорошіе результаты; изъ слабаго ребенка вышелъ здоровый мальчикъ.

Въ 1767 году внутренняя политика Вюртемберга положила конецъ счастливой жизни семьи Шиллера въ Лорхѣ. Герцогъ Карлъ Евгеній не поладилъ съ государственными чинами, которые выразили ему свое неодобреніе, отказавшись наполнять герцогскую кассу. Отецъ Шиллера и его подчиненные, какъ и остальные офицеры, перестали получать жалованье. Думая, что такое состояніе дѣлъ протянется не долго, капитанъ попробовалъ жить на свои средства; но скоро были истрачены всѣ сбереженія, вышли деньги, полученныя отъ продажи маленькаго виноградника въ Марбахѣ, а казна все еще не платила жалованья, хотя капитанъ считалъ за ней больше 3000 флориновъ. Въ Лорхѣ жить было не на что, и капитанъ выхлопоталъ себѣ позволеніе вернуться къ полку, который тогда стоялъ въ Людвигсбургѣ, куда и переселились Шиллеры. Свои деньги капитанъ получалъ съ казначейства маленькими суммами въ теченіе девяти лѣтъ.

Людвигсбургъ, нарядная резиденція вюртембергскихъ герцоговъ, переселившихся туда изъ желанія наказать непокорный Штутгардтъ, представляетъ полную противоположность живописному Лорху. Этотъ Швабскій Версаль обязанъ своимъ возникновеніемъ (въ первой трети XVIII в.) капризу герцога Эбергарда Людвига. Городъ выросъ изъ земли въ необыкновенно короткій срокъ, такъ какъ, по требованію герцога, каждый городъ и округъ государства должны были построить по дому въ Людвигсбургѣ. При преемникѣ Эбергарда Людвигсбургъ былъ заброшенъ, но тѣмъ пышнѣе расцвѣлъ онъ при Карлѣ Евгеніи. Герцогскій увеселительный дворецъ, въ стилѣ рококо, окруженный садами и паркомъ, значительно расширенный и роскошно убранный, составлялъ главное украшеніе новаго города съ широкими, свѣтлыми улицами, двухъэтажными домами, окрашенными въ желтую и бѣлую краску, съ просторной рыночной площадью, окруженной аркадами, съ великолѣпными липовыми и каштановыми аллеями. Все было чисто, блестѣло новизной и, казалось, еще пахло краской. Только жителей въ новой резиденціи было мало: число ихъ не превышало 12 тысячъ даже тогда, когда въ Людвигсбургѣ пребывалъ дворъ и войско, а съ удаленіемъ двора сразу понижалось до 4 тысячъ. Когда Шиллеръ посѣтилъ

Шиллеръ въ возрастѣ 9 лѣтъ воображаетъ себя пасторомъ и произноситъ проповѣдь.

бывшую резиденцію въ 1794 году, трава пробивалась между плитъ мостовой, а дворецъ былъ покинутъ и пустъ.

Герцогъ Карлъ Евгеній былъ типичнымъ представителемъ худшей части государей своего времени, эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма". До восьми лѣтъ онъ росъ за границей подъ слабымъ надзоромъ бабушки, а девяти лѣтъ лишился отца, такъ что съ ранняго дѣтства не зналъ узды своему своеволію. Способности у мальчика были прекрасныя, но онъ довольствовался поверхностнымъ знакомствомъ съ предметами, такъ что его превосходный гувернеръ, баронъ фонъ Сегрю, не могъ выучить его правильно говорить и писать. Съ 13-ти до 16-ти лѣтъ

Карлъ жилъ при дворѣ Фридриха Великаго, которому онъ очень нравился своей бойкостью. Прусскій король охотно давалъ наставленія будущему правителю Вюртемберга, обручилъ его съ дочерью своей любимой сестры и настоялъ, чтобы императоръ призналъ шестнацатилѣтняго мальчика способнымъ принять правленіе въ свои руки. Карлъ сначала проявилъ самыя благія намѣренія и охотно выслушивалъ мнѣнія опытныхъ совѣтниковъ, которыхъ ему оставилъ

Нанета Мозеръ, подруга дѣтскихъ лѣтъ Шиллера въ Лорхѣ.

добросовѣстный и экономный регентъ. По примѣру Фридриха прусскаго, Карлъ принялся за усиленіе и муштровку своей арміи, но скоро увлекся этой игрой до такой степени, что ему не хватало денегъ и пришлось принять субсидію отъ Франціи, которой, онъ обѣщалъ на случай войны выставить 6000 человѣкъ. Поэтому во время семилѣтней войны ученикъ Фридриха и протестанты-швабы оказались сторонниками католической Австріи, но для Пруссіи этотъ врагъ былъ не опасенъ, такъ какъ обучены вюртембергскія войска были плохо (герцогъ обращалъ вниманіе лишь на обмундировку и внѣшнюю выправку) и въ битвѣ при Лейтенѣ обратились въ позорное бѣгство. Послѣ этого войско перестало забавлять Карла-Евгенія, и субсидіи, которыя продолжала давать Франція, пошли на содержаніе пышнаго двора. Герцогъ строилъ увеселительные дворцы (и часто не достраивалъ), театры, приглашалъ изъ Франціи актеровъ, танцовщицъ, композиторовъ, старался сдѣлать свой дворъ достойнымъ соперникомъ Версаля. Исполненіе дорогихъ прихотей скоро опустошило казну, наполненную благоразумнымъ регентомъ, но это не остановило герцога. Нашлись люди, готовые на всевозможныя гадости, лишь бы доставить Карлу необходимыя суммы. Эти люди были въ милости, пока ихъ гадости приводили къ реальнымъ результатамъ; когда ихъ изобрѣтательность истощалась, на сцену появлялись новые любимцы. Страна бѣднѣла, принудительные наборы, въ отплату за субсидіи, лишали народонаселеніе лучшихъ силъ. Вюртембергцы не выдержали и вступили въ борьбу съ герцогомъ. Государственные чины, которымъ герцоги, вѣчно нуждавшіеся въ деньгахъ, предоставляли то одно, то другое право, пріобрѣли къ половинѣ XVIII в. значеніе, которое можно сравнить съ правами англійскаго парламента. Герцогъ Карлъ не разъ нарушалъ привилегіи чиновъ, которые, наконецъ, обратились съ жалобой къ вѣнскому двору. Дѣло разбиралось цѣлыхъ 6 лѣтъ, въ теченіе которыхъ герцогъ, желавшій привлечь народъ на свою сторону, рѣшился разстаться съ недостойными любимцами. Въ 1770 году изъ Вѣны пришло рѣшеніе: герцогъ долженъ былъ еще разъ подтвердить права и привилегіи народа, который за это взялся уплатить часть герцогскихъ долговъ. Карлъ былъ не въ убыткѣ: деньги онъ получилъ, а данное обязательство его не смущало, такъ какъ онъ впослѣдствіи неоднократно нарушалъ его и вновь подтверждалъ, получивъ нужныя суммы.

Назидательная исторія правленія Карла-Евгенія была во всѣхъ подробностяхъ извѣстна маленькому Шиллеру. То издали, то вблизи наблюдалъ будущій поэтъ роскошныя придворныя церемоніи, иллюминаціи, празднества, во время которыхъ герцогу случалось въ какія-нибудь пять минутъ раздаривать придворнымъ дамамъ драгоцѣнностей на 50000 талеровъ. Нерѣдко, въ награду за хорошее поведеніе, капитанъ Шиллеръ бралъ сына въ придворный театръ, гдѣ онъ наслаждался оперой, балетомъ, а изрѣдка и драмой на французскомъ или итальянскомъ языкѣ. Зрительная зала была роскошно убрана зеркалами, отражавшими свѣтъ множества свѣ-

чей, просторная сцена давала возможность принимать участіе въ представленіи цѣлымъ кавалерійскимъ полкамъ; костюмы, машины и оркестръ были превосходны, и въ сценическихъ эффектахъ недостатка не было; исполнителями были иностранные актеры, для привлеченія которыхъ никакія суммы не казались слишкомъ великими.

Какъ нѣкогда проповѣдь, такъ теперь театръ возбудили въ маленькомъ Шиллерѣ живое стремленіе къ подражанію. Сперва онъ давалъ представленія въ самодѣльномъ кукольномъ театрѣ, потомъ устраивалъ при участіи сестры и товарищей сцену въ саду, самъ сочинялъ пьесы, раздавалъ роли, разставлялъ стулья, которые замѣняли публику, и самъ же портилъ лучшія сцены своей необузданной горячностью. Между 10-ю и 13 годами Шиллеръ былъ живымъ, иногда даже заносчивымъ мальчикомъ, котораго сверстники охотно признавали предводителемъ шумныхъ и веселыхъ игръ. Онъ не легко сближался съ товарищами и умѣлъ ловко осадить и подразнить тѣхъ, которые невнушали ему симпатіи; за то тѣмъ, съ кѣмъ Шиллеръ сходился, его душа и сердце были открыты; друзья могли требовать отъ него всякой жертвы, не опасаясь отказа. Любимымъ товарищемъ Шиллера былъ Вильгельмъ фонъ-Говенъ, тоже сынъ капитана, тоже будущій пасторъ, по предположенію родителей, и ученикъ Карловой школы, по приказу герцога. Оба мальчика учились въ четырехклассной Людвигсбургской латинской школѣ, гдѣ Шиллеръ пробылъ съ 1768 до 1772 года. Пасторъ Мозеръ настолько хорошо подготовилъ Фрица, что тотъ сразу попалъ въ число лучшихъ учениковъ. Главнымъ преподавателемъ здѣсь былъ магистръ Янъ, котораго впослѣдствіи герцогъ пригласилъ въ Карлову школу. Каждый классъ былъ ввѣренъ особому учителю, который и преподавалъ всѣ предметы; предметовъ же было очень немного: пять дней въ недѣлѣ посвящались латинскому языку, воскресенье катехизису, а пятница родному языку (впрочемъ, благочестивый учитель второго класса замѣнялъ урокъ нѣмецкаго языка чтеніемъ духовныхъ книгъ и заучиваніемъ духовныхъ пѣснопѣній). Въ третьемъ классѣ, кромѣ латинскаго языка, ученики знакомились съ еврейскимъ и греческимъ, такъ что Шиллеръ, при поступленіи въ Карлову школу, могъ читать по-гречески и переводить Новый Завѣтъ. Янъ, преподававшій въ третьемъ классѣ, обращалъ большое вниманіе на чтеніе латинскихъ авторовъ; ученики его читали не только прозаиковъ, но и поэтовъ: Овидія, Виргилія, Горація, при чемъ Янъ давалъ имъ необходимыя историческія и географическія поясненія, разсматривалъ читаемыя произведенія съ эстетической точки зрѣнія, вообще старался при чтеніи классиковъ познакомить мальчиковъ съ предметами, не входившими въ программу школы. Янъ считалъ чрезвычайно полезнымъ упражненіемъ переложеніе латинской прозы въ стихи, и Шиллеръ выдавался легкостью, съ которою передавалъ стихами цѣлыя страницы латинской прозы. Въ торжественныхъ случаяхъ, при посѣщеніи школы важнымъ лицомъ, ему поручалось сочи-

Карлъ Евгеній, герцогъ Вюртембергскій.

неніе латинскаго привѣтствія. Дошедшіе до насъ образцы латинской прозы и стиховъ Шиллера показываютъ, что при довольно богатомъ запасѣ словъ и оборотовъ, Шиллеръ плохо владѣлъ синтаксисомъ и часто придерживался нѣмецкаго словорасположенія. Отъ латинскихъ стиховъ Шиллеръ не замедлилъ перейти къ нѣмецкимъ. Первымъ источникомъ вдохновенія была для него религія. Къ тому-же онъ находился подъ вліяніемъ Клопштока, съ эпическими, лирическими и даже драматическими произведеніями котораго познакомился весьма основательно. Передъ своей конфирмаціей (въ апрѣлѣ 1772 г.), въ сильномъ волненіи, Шиллеръ изливаетъ волнующія его чувства въ стихахъ и показываетъ ихъ отцу, который осаживаетъ его вопросомъ: „Одурѣлъ ты, Фрицъ?"

Силуэтъ Шиллера-отрока. Первое сохранившееся изображеніе его.

дома, но и въ школѣ, гдѣ особенной суровостью отличался благочестивый наставникъ 2-го класса. Шиллеръ уже кончалъ латинскую школу и готовился сдать послѣдній экзаменъ, чтобы перейти въ такъ называемую монастырскую школу, откуда будущіе теологи поступали въ Тюбингенскій институтъ, какъ вдругъ герцогъ, въ это время набиравшій учениковъ для школы, основанной имъ въ замкѣ Solitude, призвалъ капитана Шиллера и спросилъ, какой спеціальности думаетъ посвятить себя его сынъ, о способностяхъ котораго онъ слышалъ. Капитанъ отвѣтилъ, что сынъ готовится къ духовному званію. Но герцогъ не придавалъ значенія

Шиллеръ—воспитанникъ Карловой школы.

На тринадцатомъ году Шиллеръ сочиняетъ двѣ трагедіи: „Христіане" и „Авессаломъ" (не сохранились). И тутъ, и тамъ подражаніе Клопштоку, но и тутъ, и тамъ виденъ будущій авторъ „Разбойниковъ" и „Донъ-Карлоса"; его герои—люди, готовые на самопожертвованіе, злодѣи пьесы—тираны.

Ревностно слѣдилъ старый Шиллеръ за развитіемъ мальчика; успѣхи сына радовали, но не удовлетворяли нетерпѣливаго отца. Онъ не давалъ ему играть въ свободное время, требуя, чтобы сынъ былъ постоянно при немъ или за книгой, а если встрѣчалъ мальчика безъ дѣла, то бранилъ или наказывалъ болѣе чувствительно. Побои и пинки щедро сыпались на Шиллера не только

природнымъ наклонностямъ, когда онѣ расходились съ его планами, и предложилъ замѣнить теологію юриспруденціей, такъ какъ онъ находилъ, что правителямъ Вюртемберга необходимы образованные чиновники. Когда Шиллеръ младшій узналъ о предложеніи герцога, онъ воспротивился всякой перемѣнѣ своихъ плановъ на будущее. Отецъ, сжившійся съ мечтой о сынѣ-пасторѣ, самъ сочувствовалъ ему и думалъ отдѣлаться отъ герцога молчаніемъ. Но Карлъ Евгеній не былъ забывчивъ; онъ опять послалъ за капитаномъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта. Могъ-ли отвѣчать отрицательно и рисковать расположеніемъ герцога бѣдный капитанъ, назначенный съ

1770 года завѣдующимъ дворцовыми садами, отецъ семейства, число членовъ котораго увеличилось въ Людвигсбургѣ еще двумя дочерьми? 17-го января 1773 года Шиллеръ простился съ роднымъ домомъ и отправился въ Solitude, вѣроятно, въ сопровожденіи отца; въ карманѣ у него было 43 крейцера, подъ мышкой узелокъ съ бѣльемъ и 15-тью латинскими книгами. Герцогъ принималъ издержки по его воспитанію на свой счетъ, за что, предполагалось, питомецъ отплатитъ ему со временемъ вѣрной службой.

скорѣе усиливалась, чѣмъ ослабѣвала съ годами, и въ 1784 г. онъ вступилъ съ ней въ тайный бракъ, чтобы избавить ее отъ мучительнаго сознанія ложности своего положенія.

Конечно, герцогъ не могъ совсѣмъ стряхнуть съ себя „ветхаго Адама", и Францискѣ не разъ приходилось смотрѣть сквозь пальцы на его похожденія, но все же Карлъ стоялъ,—по крайней мѣрѣ онъ былъ убѣжденъ въ этомъ—на истинномъ пути и съ свойственнымъ ему деспотизмомъ желалъ загнать на него всѣхъ своихъ подданныхъ.

Замокъ Солитюдъ (Solitude), при которомъ первоначально помѣщалась Карлова школа.

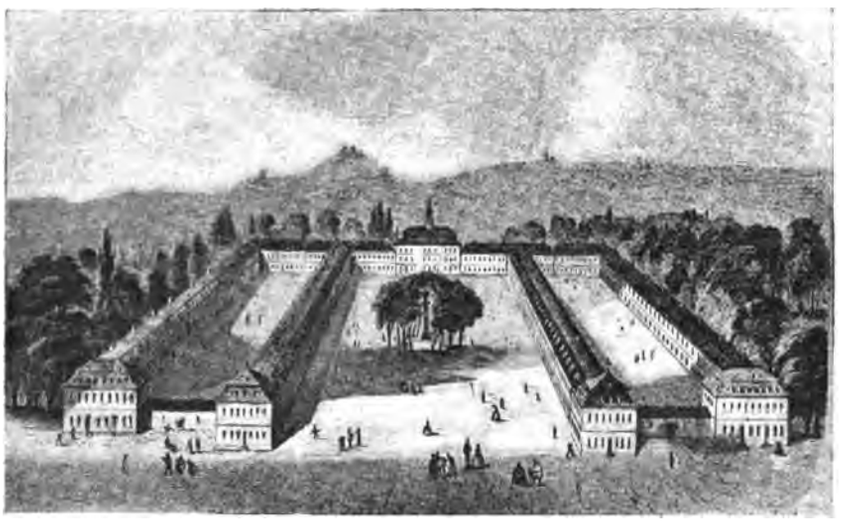
Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Штутгардта, на вершинѣ холма, покрытаго густымъ лѣсомъ, стоялъ охотничій замокъ Solitude, построенный между 1763 и 1767 г., когда герцогъ вообразилъ, что испытываетъ потребность въ уединеніи и покоѣ. Вокругъ замка были разбиты роскошные сады, сооружены павильоны, казарма для лейбгусаровъ, театръ и другія необходимыя помѣщенія для свиты отшельника. Съ начала 1772 года въ Solitude, украшенномъ надписью: Loca haec tranquillitati sacrare voluit Carolus (эти мѣста Карлъ соизволилъ посвятить уединенію), поселилась новая фаворитка Карла, Франциска фонъ Гогенгеймъ. Это была молодая женщина, происходившая изъ обѣднѣвшей дворянской семьи, не красавица, но необыкновенно привлекательная, не особенно образованная, но чуткая и тактичная отъ природы, искренно любившая герцога и имѣвшая на него сильное и, въ общемъ, благотворное вліяніе. Привязанность Карла къ Францискѣ

Еще юношей, увлекаясь игрой въ солдаты, Карлъ уже чувствовалъ въ себѣ задатки педагогическихъ талантовъ, которые теперь рѣшилъ примѣнить къ дѣлу. Въ эпоху „Эмиля" Руссо педагогическіе опыты были вообще въ большой модѣ. Практическія соображенія тоже поощряли Карла заняться воспитаніемъ своихъ юныхъ подданныхъ, такъ какъ было несомнѣнно выгодно самому приготовлять для себя и для своихъ наслѣдниковъ чиновниковъ, офицеровъ, докторовъ, художниковъ и даже ремесленниковъ. Началъ герцогъ очень скромно, съ послѣдняго: въ февралѣ 1770 г. въ Solitude были помѣщены 14 солдатскихъ сыновей, первоначальное образованіе которыхъ было ввѣрено нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи они изучили садоводство. Черезъ два мѣсяца герцогъ набралъ еще 16 мальчиковъ, которые должны были изучать музыку и пластическія искусства. Черезъ

годъ въ программу вошло преподаваніе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, для чего изъ Людвигсбурга былъ приглашенъ опытный педагогъ Янъ, а изъ Тюбингена только что окончившіе курсъ магистры, которыхъ герцогъ экзаменовалъ лично.

Когда Шиллеръ поступилъ въ герцогскую школу, число воспитанниковъ ея доходило до 300, при чемъ дѣти бюргеровъ были строго отдѣлены отъ дѣтей дворянъ, такъ называемыхъ шевалье, и соединялись съ ними только во время прогулокъ и въ классахъ. Самое названіе школы (она именовалась сперва Военнымъ питомникомъ, а потомъ Военной академіей) указываетъ, что воспитанники были подчинены строгой военной дисциплинѣ. Ректоромъ былъ самъ герцогъ*), а интендантомъ, т. е. завѣдующимъ администраціей школы фонъ-Зегеръ, человѣкъ безкорыстный и справедливый, но суровый и плохо образованный (онъ зналъ хорошо только математику). По плану герцога, воспитанники, для которыхъ онъ долженъ былъ быть всѣмъ въ мірѣ, были совершенно отрѣзаны отъ семьи: каникулъ не было, домой отпускали въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (когда одинъ ученикъ просилъ позволенія навѣстить умирающаго отца, герцогъ отказалъ ему, но въ утѣшеніе замѣтилъ: „Будь спокоенъ: я самъ буду твоимъ отцомъ*), родные могли видѣть дѣтей лишь въ стѣнахъ академіи (впрочемъ, сестры и туда не допускались), письма, посылаемыя домой, предварительно прочитывались герцогомъ. Денегъ мальчикамъ имѣть не дозволялось, и всякій, уличенный въ покупкахъ на сторонѣ, а особенно въ пріобрѣтеніи табаку, подвергался строгой карѣ. Конечно, эти суровыя мѣры только развивали страсть къ контрабандѣ, и своей привычкой курить, а особенно нюхать табакъ, Шиллеръ всецѣло обязанъ школѣ.

Воспитанники вставали въ 6 час., а ложились въ 9. Заниматься ночью было строжайше запрещено. Но именно потому-то ученики очень часто это дѣлали, и не одинъ Шиллеръ вынесъ изъ академіи вредную привычку работать по ночамъ. Уроки тянулись съ 7 до 11 и съ 2-хъ до 6-ти, чередуясь съ часами, посвящаемыми физическимъ упражненіямъ и самостоятельнымъ работамъ или подготовкѣ къ лекціямъ. Кромѣ своей спеціальности, всякій могъ заниматься любымъ искусствомъ или наукой, изъ числа преподававшихся въ академіи (а не преподавались только теологія и медицина). Такимъ образомъ ученики раздѣлялись на множество небольшихъ группъ, что значительно облегчало классныя занятія. На лекціяхъ ученики присутствовали въ домашнемъ платьѣ разнообразныхъ цвѣтовъ, но одинаковаго покроя; къ обѣду, на прогулку или въ церковь надѣвали форму. (См. стр. XVIII, на рисункѣ, изображающемъ Шиллера, читающаго товарищамъ „Разбойниковъ"*). Воспитанники носили фальшивую косу и четыре локончика на каждомъ вискѣ. Дворяне пудрились, а бюргеры нѣтъ; но сохранилось преданіе, будто герцогъ, ненавидѣвшій рыжіе волосы, приказалъ Шиллеру пудриться.



Карлова школа (Hohe Karlsschule) въ Штутгардтѣ.

*) По Штутгардту ходило на этотъ счетъ стихотвореніе, приписанное Шубарту:

Als Dionys von Syracus
Aufhören muss
Tyrann zu sein,
Da ward er ein,
Schulmeisterlein.

(Когда Діонисію Сиракузскому надо перестать быть тираномъ, онъ дѣлается учителишкой).

Надѣвъ къ обѣду форменное платье, ученики строились въ двѣ колонны (дворяне въ одну, бюргеры въ другую) и маршировали въ столовую, гдѣ по командѣ складывали руки на молитву, потомъ одновременно подвигали свои стулья къ столу, когда герцогъ произносилъ: Dinez, messieurs! садились и одновременно-же брали свои ложки.

Въ первые годы въ школѣ часто прибѣгали къ телѣснымъ наказаніямъ, впослѣдствіи розгами наказывали только маленькихъ, которые были обязаны послѣ операціи благодарить начальство за его попеченія. Учителя не могли сами назначать наказаній; они только выдавали штрафной билетъ, который провинившійся носилъ въ петлицѣ сюртучка, чтобы герцогъ могъ замѣтить и изречь приговоръ; высшимъ наказаніемъ было сидѣть въ торжественный день основанія школы за столомъ, на которомъ стояла миска съ жидкимъ супомъ и пучокъ розогъ, украшенный лентами, а высшей наградой —быть приглашеннымъ къ ужину въ покои герцога, который, чтобы втянуть примѣрнаго ученика въ разговоръ, высказывалъ какое-нибудь мнѣніе, и воспитанникъ долженъ былъ защищать его противъ слабыхъ нападеній придворныхъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ былъ несогласенъ съ своимъ повелителемъ.

Отъ герцога ученикамъ всего больше доставалось за небрежность въ туалетѣ, въ чемъ Шиллеръ попадался чуть ли не чаще всѣхъ. За незастегнутую пуговицу, за растрепанные волосы герцогъ собственноручно каралъ оплеухой, воспоминаніе о которой старался загладить на другое утро милостивымъ щелчкомъ по носу.

Но не военная дисциплина и не обиліе занятій *) всего сильнѣе угнетали воспитанниковъ, а то, что герцогъ, слѣдившій за ученіемъ и поведеніемъ юношей, желалъ слѣдить и за ихъ мыслями. Они вели дневники, открытые августѣйшему педагогу, писали, по требованію герцога, характеристики свои собственныя и своихъ товарищей, должны были откровенно (sic) выражать свои мнѣнія объ учителяхъ и начальствѣ и т. п. Насколько тяжелы были эти обязанности для Шиллера, принужденнаго писать, что герцогъ ему не только второй отецъ, но выше отца и матери, видно изъ того, что онъ, приступая къ отвѣтамъ, отъ которыхъ „зависитъ счастье или несчастье его друзей“, не разъупоминаетъ, что пишетъ только по приказанію герцога. Нѣкоторые пункты, и изъ самыхъ важныхъ, онъ нерѣдко обходилъ молчаніемъ. Напримѣръ, онъ не берется судить, какъ того требовалъ вопросный

Шиллеръ въ лежащей подъ Штутгардтомъ Бопсовой рощѣ (Bopser Wald), читаетъ своимъ товарищамъ по Карловой школѣ «Разбойниковъ». По современному эскизу его товарища Гейделофа.

*) 14-ти лѣтъ отъ роду Шиллеръ слушалъ слѣдующія обязательныя лекціи: 3 часа естественнаго права, 2 часа римскихъ древностей, 2 часа государственнаго права, 6 часовъ метафизики, 6 часовъ риторики, 3 часа греческаго языка, 5 часовъ французскаго языка, 4 часа исторіи и географіи и 6 часовъ математики. Итого 37 уроковъ въ недѣлю.

листъ, хорошіе ли христіане его товарищи, такъ какъ не рѣшается предположить, чтобы кто-либо изъ нихъ могъ пренебрегать своими обязанностями къ Богу.

Шиллеръ, зачисленный въ 1773 г. въ первое бюргерское отдѣленіе академіи, нашелъ тамъ знакомыхъ: Говена и еще коекого изъ Людвигсбургскихъ товарищей. Но чисто внѣшнее обстоятельство помѣшало Шиллеру освоиться въ новой сферѣ: необычайно высокій и худой юноша былъ до того неуклюжъ и комиченъ въ свѣтломъ форменномъ платьѣ, въ прическѣ съ косой и буклями, что даже старые товарищи не могли оставаться серьезными при видѣ его. Учитель танцевъ приходилъ въ отчаяніе отъ полнѣйшаго отсутствія гибкости и граціи въ его движеніяхъ; надзиратели бранили его за неопрятность и небрежность въ костюмѣ и прическѣ. Военная дисциплина туго прививалась къ будущему поэту, отъ природы увлекающемуся и живому. Всѣ наказанія (шесть штрафныхъ билетовъ), выпавшія на его долю за время восьмилѣтняго пребыванія въ стѣнахъ академіи, падаютъ на короткій промежутокъ между октябремъ 1773 и февралемъ 1774 г. Ученье тоже трудно давалось ему въ первые годы, такъ какъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ классиковъ, мальчикъ оказался совершенно неподготовленнымъ къ тому курсу, который пришлось ему слушать. Онъ поступилъ въ серединѣ учебнаго года; никто не помогъ ему догнать ушедшихъ впередъ товарищей, и поэтому первые уроки французскаго языка, математики, философіи были для него китайской грамотой. Географія и исторія находились въ рукахъ талантливаго и краснорѣчиваго преподавателя Шотта, умѣвшаго до слезъ растрогать своихъ слушателей разсказами о печальной судьбѣ Конрадина или Маріи Стюартъ, и эти предметы шли у Шиллера удовлетворительно. Законоучитель былъ имъ очень доволенъ и замѣчалъ, что Шиллеръ судитъ медленно, но вѣрно.

Шиллеръ ученикъ Карловой школы. По портрету въ Веймарскомъ домѣ Шиллера.

Въ первое время Шиллеръ работалъ усердно, о чемъ свидѣтельствуетъ полученная имъ награда по греческому языку, но плохое состояніе здоровья*) заставило его отложить всякую надежду догнать товарищей, и онъ сталъ однимъ изъ послѣднихъ, а въ 1775 г. даже послѣднимъ изъ 18 учениковъ своего отдѣленія. Особенно малоуспѣховъ оказывалъ Шиллеръ въ юридическихъ наукахъ, къ которымъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Началопреподаванія юриспруденціи относится къ 1774 г., и четырнадцатилѣтній мальчикъ не могъ еще инте-

*) Въ первые два года, проведенные въ академіи, Шиллеръ былъ боленъ 7 разъ. Это можно объяснить, во первыхъ, необыкновенно быстрымъ ростомъ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ онъ вытягивался въ годъ на 3 дюйма), а, во-вторыхъ, непривычнымъ режимомъ (сестра Шиллера говорила, напр., что ежедневное купанье было ему очень вредно).

ресоваться естественнымъ правомъ, римскими древностями и государственнымъ правомъ, которымъ посвящалось 7 лекцій въ недѣлю. Къ тому же преподаватели этихъ наукъ были тупые педанты старой школы.

Въ 14, 15 лѣтъ Шиллеръ, по отзывамъ товарищей, былъ тихимъ, застѣнчивымъ мальчикомъ, съ сильно развитымъ воображеніемъ и настроеніями, очевидно, перемѣнчивыми, такъ какъ одни удивляются его веселости, тогда какъ другіе находятъ въ немъ замкнутость, граничащую съ меланхоліей.

Юношескій портретъ Шиллера (на слоновой кости); относится къ 1780 и 1781 г.

Во всякомъ случаѣ, доброе сердце, свѣтлая голова и природное остроуміе Шиллера скоро заслужили ему общую симпатію и многіе стараются замолвить за него слово передъ герцогомъ, отмѣчая его любовь къ поэзіи и склонность къ теологіи; а нѣкоторые яснѣе намекаютъ, что Шиллеръ недоволенъ собой, не имѣя возможности развивать свои силы въ томъ направленіи, къ которому онъ чувствуетъ призваніе. Самъ Шиллеръ въ своей само-характеристикѣ рѣшаетъ заявить герцогу, что хотя онъ и съ готовностью принимается за изученіе юриспруденціи, но что онъ былъ бы гораздо счастливѣе, если бы могъ послужить своему отечеству въ качествѣ богослова. Эти намеки не оказывали дѣйствія на герцога.

Въ ноябрѣ 1775 года Военная академія была переведена изъ Solitude въ Штутгардтъ, такъ какъ жители столицы, примирившіеся съ герцогомъ, готовы были сдѣлать многое ради возвращенія двора въ прежнюю резиденцію. Для герцогской школы, теперь ставшей извѣстной подъ именемъ Карловой (Karl Shule), городъ перестроилъ старинныя казармы, находившіяся по близости отъ дворца. Огромное трехъ-этажное зданіе съ роскошными залами, просторными классами и дортуарами, съ тремя дворами и обширнымъ садомъ, гдѣ каждому воспитаннику былъ предоставленъ отдѣльный клочекъ земли для обработки, казалось еще лучше въ сравненіи съ незавиднымъ помѣщеніемъ академіи въ Solitude. Въ 1776 г. и внутреннее устройство академіи было завершено открытіемъ медицинскаго отдѣленія, куда Шиллеръ и Говенъ поспѣшили перейти, чтобы избавиться отъ ненавистной юриспруденціи. Теперь были окончательно выработаны учебные планы, учителя и воспитатели поняли, чего отъ нихъ требуютъ, ученики, чего имъ можно ожидать отъ школы, и части сложнаго организма, пережившаго муки рожденія, стали работать усердно и дружно.

Младшая сестра Шиллера Луиза. По портрету Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ.

Съ эпохой процвѣтанія академіи совпадаетъ новый фазисъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи Шиллера, здоровье котораго окрѣпло съ пріостановкой быстраго роста. Одинъ изъ товарищей его сообщаетъ, что около 1777 г. Шиллеръ очень измѣнился: онъ сталъ самоувѣреннѣе, прежняя робость смѣнилась бойкостью. Прежде онъ держался въ сторонѣ отъ товарищескаго кружка, сходясь съ очень немногими; теперь онъ сталъ вліятельнымъ членомъ его, такъ какъ острый языкъ его оказался страшнымъ орудіемъ. Обращеніе его съ надзирателями стало рѣзче; при столкновеніяхъ съ ними онъ часто пускалъ въ ходъ саркастическія замѣчанія. Нѣкоторые стали находить Шиллера гордымъ и высокомѣрнымъ; его высокій ростъ, военная осанка

и твердая походка настолько усиливали это впечатлѣніе, что заставили мать одного ученика воскликнуть при видѣ его: „Ну, этотъ, навѣрно, мнитъ себя выше герцога вюртембергскаго!“

Это новое настроеніе, охватившее Шиллера, объясняется, главнымъ образомъ, сознаніемъ силъ, которыя онъ ощущалъ въ себѣ, и того призванія, котораго никто не могъ его лишить: Шиллеръ понялъ, что станетъ ли онъ пасторомъ, сдѣлаютъ ли его юристомъ или медикомъ, во всякомъ случаѣ онъ будетъ поэтомъ.

Поэзія не поощрялась въ Карловой школѣ; литературныя произведенія учениковъ, равно какъ и романы, сборники стихотвореній безпощадно конфисковались при частыхъ обыскахъ, производимыхъ въ академіи. Но это только усиливало у воспитанниковъ охоту къ чтенію и писательству, и всѣ произведенія, волновавшія образованное общество, контрабандой проникали въ стѣны герцогской школы и производили броженіе въ замкнутомъ міркѣ.

Шиллеръ не былъ то, что называется пожирателемъ книгъ, но зато обладалъ счастливою способностью съ возраставшимъ одушевленіемъ по 12 и даже до 20 разъ перечитывать произведенія любимыхъ писателей. Въ Solitude книги проникали въ небольшомъ количествѣ: воспитанники были еще слишкомъ молоды, чтобы серьезно думать о нихъ; но Шиллеръ не скучалъ, усердно читая Библію въ переводѣ Лютера и своего любимца Клопштока. Въ 1773 г. была окончена Мессіада. Шиллеръ внимательно изучалъ ее и въ письмахъ, относящихся къ этому же году, объяснялъ сестрѣ трудныя мѣста поэмы. Онъ пытался подражать Клопштоку, принявшись за поэму „Моисей“. Нѣсколько времени спустя кто-то изъ товарищей даетъ Шиллеру прочесть „Уголино“ Герстенберга. Сила страстей, изображенныхъ въ драмѣ, производитъ глубокое впечатлѣніе на Шиллера, знакомаго до сихъ поръ только съ библейскими драмами Клопштока. Шиллеръ чувствуетъ, что трагедія—его сфера и начинаетъ пробовать свои силы на этомъ поприщѣ. Говенъ, до сихъ поръ скромный поклонникъ поэтовъ, подъ вліяніемъ друга рѣшается приняться за сочиненіе одъ и другихъ лирическихъ стихотвореній въ подражаніе Клопштоку и Клейсту. Къ тайному союзу скоро присоединяются еще два члена: Петерсенъ и Шарфенштейнъ. Маленькій литературный кружокъ

Нанета Шиллеръ, самая младшая сестра поэта.

усердно творитъ, критикуетъ и читаетъ, новая книга для нихъ—событіе, поэтическое произведеніе—образецъ для подражанія. Вообще, съ переселеніемъ въ Штутгардтъ потребность въ чтеніи усиливается среди воспитанниковъ, возможность добывать книги облегчается и всякій новый обыскъ показываетъ, что академики, вопреки запретамъ начальства, стараются слѣдить за современной литературой.

Гецъ фонъ-Берлихенгенъ приводитъ въ

восторгъ герцогскую школу; даже Шарфенштейнъ принимается за рыцарскую трагедію. Вертеръ дѣлаетъ Гете божествомъ молодыхъ литераторовъ, которые начинаютъ сообща писать чувствительный романъ. Такъ какъ планъ этотъ оказывается неудобоисполнимымъ, то каждый принимается разрабатывать тотъ элементъ романа, который ближе его натурѣ: эпикъ Бетерсенъ, заинтересовавшись отрывками изъ Оссіана, вставленными въ Вертера, трудится надъ переводомъ Оссіана; Говенъ, увлекавшійся раньше Векфильдскимъ священникомъ, познакомившись съ Вертеромъ, вполнѣ убѣждается, что его призваніе — романъ; Шиллеръ мечтаетъ сдѣлать Вертера героемъ драмы и, прочтя въ газетахъ о самоубійствѣ одного студента, пишетъ „Нассаускаго студента“; нѣкоторыя сцены этого совершенно нѣзрѣлаго и въобщемъ неудачнаго произведенія, казались ему впослѣдствіи не лишенными силы.

Вскорѣ, впрочемъ, Вертеръ отступилъ на второй планъ, когда Шиллеръ прочелъ Гетевскаго „Клавиго“, а скоро и самъ Гете стушевался передъ Клингеромъ и Лейзевицемъ, трагедіи которыхъ открываютъ собою знаменитый въ нѣмецкой литературѣ, періодъ „Бури и натиска“ (Sturm-u. Drangperiode). Драма Лейзевица „Юлій Тарентскій“, въ основаніе которой положена идея соперничества двухъ братьевъ, любящихъ одну и ту же женщину, послужила Шиллеру образцомъ для трагедіи, надъ которой онъ работалъ долго, и которую уничтожилъ, едва окончивъ. Творчество въ эту пору было для Шиллера процессомъ мучительнымъ: мысли искали воплощенія, которое подолгу не давалось, а затѣмъ написанное не нравилось юному автору и обыкновенно безжалостно истреблялось.

Около 1776 года Шиллеръ познакомился съ драмами Шекспира. Объективность англійскаго поэта непріятно поразила поклонника Лейзевица и Горстенберга: Шекспиръ, какъ и Лессингъ, показался Шиллеру холоднымъ. Но сила и художественная правдатвореній Шекспира были поняты Шиллеромъ, и собственныя попытки показались ему послѣ этого еще слабѣе и невыдержаннѣе. Шиллеръ рѣшилъ на время отложить въ сторону мысль о трагедіи. Да и остальные члены литературнаго кружка прекратили свою дѣятельность, отрезвленные насмѣшками Массона, молодого француза, учившагося въ военномъ отдѣленіи академіи. Подъ вліяніемъ его грубоватой, но не лишенной остроумія сатиры, слабый голосъ музы Шарфенштейна смолкъ навсегда, а Говенъ спряталъ рукопись неоконченнаго романа. Въ теченіе 1777 и 1778 годовъ Шиллеръ изрѣдка писалъ лирическія произведенія, въ которыхъ все еще замѣтно вліяніе Клопштока. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны преподавателемъ академіи Гаугомъ въ издаваемомъ имъ журналѣ „Schwäbisches Magasin“.

Главнымъ источникомъ вдохновенія было для Шиллера то страстное чувство дружбы,

Обложка второго изд. «Разбойниковъ» (характеристична подпись подъ львомъ: in Tirannos).

которое развивается съ таксй силой при ненормальныхъ условіяхъ жизни въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Шиллеръ искалъ въ друзьяхъ поддержки, цѣнилъ въ нихъ спокойствіе и уравновѣшенность, которыхъ не было въ его увлекающейся, страстной натурѣ. Онъ обыкновенно сходился съ людьми болѣе зрѣлыми, чѣмъ онъ самъ, и поэтому въ академіи привязался къ Шарфенштейну, у котораго природная склонность къ идеализаціи умѣрялась нѣкоторымъ жизненнымъ опытомъ; характеръ у него былъ до извѣстной степени установившійся, и Шиллеръ смотрѣлъ на него снизу вверхъ, какъ Карлосъ на маркиза Позу. Прогулки, бесѣды въ тихія звѣздныя ночи давали Шиллеру случай высказывать Шарфенштейну въ стихахъ и прозѣ свои возвышенныя воззрѣнія на дружбу, свое восхищеніе личностью друга. Польщенный Шарфенштейнъ въ свою очередь превозносилъ талантъ Шиллера, который, зная вкусъ своего друга, иногда обуздывалъ бурные порывы своей музы, чтобы пѣть идиллически наивно, подражая Клейсту:

Сангиръ любилъ
Селима нѣжно,
Какъ я тебя, мой
Шарфенштейнъ!
Селимъ любилъ
Сангира нѣжно,
Какъ ты меня, мой
Шарфенштейнъ!

Генріетта фонъ Вольцогенъ въ домѣ которой въ Бауэрнбахѣ скрывался Шиллеръ послѣ бѣгства изъ Штутгардта.

Но поклоннику Клопштока въ скоромъ времени пришлось убѣдиться, что „небесныя узы", соединявшія его съ Шарфенштейномъ, не слишкомъ прочны. Шарфенштейну надоѣла вѣчная приподнятость настроенія, которую навязывалъ ему Шиллеръ, онъ сталъ нѣсколько стыдиться передъ товарищами лирическихъ изліяній его, особенно когда къ ихъ союзу примкнулъ нѣкто Буажоль, французъ по происхожденію, математикъ по спеціальности, а по характеру свѣтлая и трезвая голова—полная противуположность Шиллеру. Буажоль и Шарфенштейнъ стали трунить надъ „поэтомъ" и подразнивать его; забава эта казалась имъ вполнѣ невинной; Шарфенштейнъ находилъ даже, что насмѣшка можетъ лучше всего излечить Шиллера отъ самомнѣнія, которое онъ самъ развилъ въ немъ неумѣренными похвалами.

Но для пылкаго сердца Шиллера такое обращеніе было мучительной пыткой. Молча, безъ слезъ и упрековъ, вынесъ Шиллеръ тяжкій для него въ ту пору ударъ и, затаивъ въ глубинѣ души остатки былой привязанности, холодно отстранился отъ Шарфенштейна. Это разочарованіе научило Шиллера не приписывать другимъ своихъ возвышенныхъ чувствъ и мыслей и подготовило его къ освобожденію отъ культа Клопштока, чему не мало способствовало и болѣе близкое знакомство съ естественными науками и медициной.

Въ строго-замкнутыхъ кружкахъ, къ числу которыхъ принадлежала академія, часто случается, что характеръ чтенія измѣняется довольно быстро. Обыскъ, произведенный въ мартѣ 1778 года, показалъ, что воспитанники увлекались исключительно моральными и сентиментальными романами. Черезъ полтора года чтеніе приняло иное, не столь невинное направленіе: Виландъ сталъ общимъ любимцемъ, и его Идрисъ и еще менѣе поучительные комическіе разсказы были конфискованы въ большомъ количествѣ.

Отрѣшившись отъ подражанія Клопштоку, Шиллеръ вновь принялся за творчество: онъ работалъ надъ „Разбойниками", писалъ баллады и пѣсни въ народномъ духѣ (Бюргеръ и „Сборникъ балладъ Урсинуса" дали ему толчокъ въ этомъ направленіи). Новый кружокъ друзей-писателей сгруппировался вокругъ него: въ числѣ ихъ былъ Гаугъ, впослѣдствіи извѣстный своими эпиграммами, Шубартъ, сынъ извѣстнаго швабъ-

скаго поэта, Цумштегъ (Zumsteeg), молодой композиторъ, перекладывавшій на музыку пѣсни Шиллера. Страсть къ писательству сдѣлалась повальной болѣзнью въ академіи: всякій обыскъ открывалъ то нѣмецкую комедію, то французскую оперу и всегда стихи, злободневное содержаніе которыхъ было не всегда лестно для начальства. Шиллеръ былъ душою литературныхъ затѣй; шутки и остроты его переходили изъ устъ въ уста. Даже начальство не могло ему отказать въ литературномъ талантѣ, и Шиллеръ часто выступалъ передъ публикой то съ поздравительнымъ стихотвореніемъ, обращеннымъ къ Франциске фонъ-Гогенхеймъ, то съ рѣчами въ честь герцога, то на диспутахъ. Онъ участвуетъ въ представленіи Клавиго, играетъ

Домъ Вольцогеновъ въ Бауэрбахѣ, гдѣ нашелъ пріютъ бѣжавшій Шиллеръ.

по обыкновенію скверно, но ничуть не теряетъ отъ этого во мнѣніи своихъ товарищей, которые выбираютъ его директоромъ частнаго академическаго театра.

Голова Шиллера усиленно работаетъ; все, что можетъ вести его впередъ, имѣетъ право на его напряженное вниманіе, и преподавателямъ не приходится жаловаться на его равнодушное отношеніе къ наукѣ. Съ большимъ интересомъ слушалъ Шиллеръ курсъ философіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ преподавателемъ ея сталъ магистръ Абель. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, довольно полный, но, несмотря на это, необыкновенно подвижный, который, читая лекціи, не сидѣлъ на каѳедрѣ, но бѣгалъ по классу. Для слушателей своихъ Абель былъ не только хорошимъ учителемъ, но и другомъ; читая лекціи по морали, онъ обращался не столько къ разсудку ихъ, сколько къ чувству, часто прерывалъ изложеніе научныхъ взглядовъ, чтобы потолковать съ ними о практическихъ жизненныхъ вопросахъ, и съумѣлъ внушить многимъ изъ своихъ учениковъ желаніе осуществить на практикѣ то, что такъ хорошо казалось имъ въ теоріи. Въ основѣ философской системы Абеля лежало Лейбницъ-Вольфовское ученіе о предустановленной міровой гармоніи. Въ этикѣ онъ слѣдовалъ взглядамъ шотландскихъ философовъ-оптимистовъ, которые учили, что человѣкъ долженъ стремиться къ счастью, но искать его не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ познаніи Бога и людей, въ силѣ духа и любви къ ближнему, въ высшемъ своемъ проявленіи, граничащей съ самопожертвованіемъ. Писалъ Абель больше всего по психологіи, гдѣ его руководителями были англійскіе сенсуалисты, хотя было время, когда онъ замѣтно поддавался вліянію французской матеріалистической философіи. Главной задачей психологіи Абель считалъ доказательство безсмертія души, которое онъ выводилъ изъ необходимости воздаянія за добрыя и дурныя дѣла въ этой жизни. Шиллеръ въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, слѣдовалъ взглядамъ любимаго учителя: его Карлъ Моръ увѣренъ, что счастье, котораго по несправедливости судьбы онъ лишенъ въ этомъ мірѣ, будетъ его удѣломъ въ загробной жизни: „Нѣтъ, нѣтъ, есть еще что-то, такъ какъ я еще не былъ счастливъ".

Частными ссылками на физіологическія явленія Абель съумѣлъ пробудить въ Шиллерѣ интересъ къ медицинѣ, къ которой и Шиллеръ и Говенъ сперва относились немногимъ лучше, чѣмъ къ юриспруденціи.

Это объяснялось въ значительной степени плохой постановкой медицинскаго пре-

подаванія между 1776 и 1780 гг. Для чтенія лекцій по многочисленнымъ отраслямъ медицины и естественной исторіи были приглашены всего три профессора и одинъ прозекторъ; ни химической лабораторіи, ни ботаническаго сада, ни анатомическаго театра, ни медицинской библіотеки, ни клиникъ при академіи не было. Будущіе доктора слушали по химіи или по акушерству лекціи, не поясняемыя никакими демонстраціями. Вмѣсто лабораторіи ихъ иногда водили въ придворную аптеку, вмѣсто клиникъ—въ городскую больницу. И герцогъ, и профессора видѣли, что, прослушавъ трехлѣтній курсъ, молодые медики научились очень немногому; поэтому они были оставлены при академіи еще на годъ, съ обязательствомъ посвящать большую часть своего времени не слушанью лекцій, а уходу за больными въ академическомъ лазаретѣ.

Чтеніе и литературныя работы отвлекали Шиллера отъ его спеціальности, но онъ имѣлъ достаточно силы воли, чтобы передъ экзаменами отказываться отъ самыхъ невинныхъ развлеченій, засѣсть за учебники и нагнать въ нѣсколько дней то, что было запущено въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Въ 1779 году Шиллеръ держалъ устныя испытанія съ такимъ успѣхомъ, что ему были присуждены три награды: по хирургіи, практической медицинѣ и materia medica. На торжественномъ актѣ 14 декабря 1779 г. присутствовали Веймарскій герцогъ Карлъ-Августъ и Гете, заѣхавшіе въ Штутгардтъ на обратномъ пути изъ Швейцаріи. Гете, конечно, не обратилъ вниманія на неловкаго юношу, три раза выступавшаго изъ толпы товарищей для полученія медалей, но Шиллеръ, уже рѣшившійся отдать всю жизнь поэзіи и въ значительной мѣрѣ воспитавшій свой вкусъ на произведеніяхъ Гете, не могъ не испытывать особаго чувства въ присутствіи царя нѣмецкой поэзіи.

Еще передъ устными испытаніями Шиллеръ представилъ диссертацію: „Философія физіологіи“, написанную на нѣмецкомъ языкѣ и потомъ переведенную на очень плохую латынь. Профессора, не отказавъ въ похвалѣ усердію автора, не могли признать работу удовлетворительной, такъ какъ она служила скорѣй доказательствомъ силы фантазіи, чѣмъ основательности научной подготовки молодого медика.

Шарлотта фонъ Вольцогенъ, первая любовь Шиллера.

Послѣдній годъ, который Шиллеръ провелъ въ академіи, имѣетъ серьезное значеніе не только для умственнаго, но и для душевнаго развитія поэта: на 21 году ему пришлось столкнуться съ такими мрачными явленіями, какъ душевная болѣзнь одного товарища и смерть другого.

Вмѣстѣ съ Шиллеромъ и Вильгельмомъ Говеномъ въ академіи учился меньшой братъ Вильгельма, Августъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, но черезъ нѣсколько времени послѣ поступленія въ академію сталъ неузнаваемъ: ушелъ въ себя, сталъ необыкновенно тихимъ и спокойнымъ. Прекрасныя способности и добросовѣстное отношеніе ко всѣмъ преподаваемымъ наукамъ сдѣлали Августа Говена любимцемъ учителей и гордостью школы. И вотъ этому-то мальчику, подававшему такія

блестящія надежды, суждено было своей ранней смертью впервые поставить поэта лицомъ къ лицу съ глубочайшей жизненной загадкой, съ вопросомъ о цѣли нашего существованія. Въ качествѣ доктора и друга, Шиллеръ не отходилъ отъ постели Августа Говена, спасти котораго не могли всѣ герцогскіе лейбъ-медики. Когда все было кончено, Шиллеръ написалъ старику Говену письмо, сильныя выраженія котораго напоминаютъ утѣшенія Амаліи старику Мору при извѣстіи о смерти Карла. За два дня до смерти Августа Говена къ Шиллеру обратился одинъ изъ товарищей — Граммонтъ съ просьбой дать ему какого-нибудь усыпительнаго средства, такъ какъ онъ страдаетъ безсонницей. По разстроенному виду Граммонта Шиллеръ догадался, что съ товарищемъ происходитъ что-то неладное; онъ сталъ допытываться, и Граммонтъ открылъ ему, что суровая школьная дисциплина и лишеніе свободы довели его до невыносимо тяжелаго душевнаго состоянія, единственнымъ выходомъ изъ котораго онъ считаетъ самоубійство. Шиллеръ направилъ меланхолика въ лазаретъ, попросилъ любимаго профессора Абеля развлечь и ободрить больного бесѣдой, а начальству намекнулъ, что Граммонта нельзя оставлять безъ присмотра. Надзоръ за душевно-больнымъ былъ порученъ Шиллеру. Въ теченіе нѣкотораго времени молодой медикъ не отходилъ отъ Граммонта, который то рвался на лоно природы, то пытался уморить себя голодомъ, то раскаивался въ неблагодарности по отношенію къ герцогу, которому такъ плохо платитъ за его благодѣянія. Шиллеръ успокаивалъ больного, старался развлечь его чтеніемъ Плутарха и поѣздками въ Гогенгеймъ, которыя изрѣдка разрѣшалъ герцогъ. Но, убѣждая Граммонта въ необходимости на время подчиниться школьной ферулѣ, Шиллеръ въ душѣ не могъ не раздѣлять его отчаянія, не могъ не соглашаться съ его возраженіями: наблюдая своего паціента, врачъ замѣчалъ въ себѣ симптомы того же недуга. Въ письмахъ къ сестрѣ, относящихся къ лѣту 1780 г., Шиллеръ говоритъ, что жизнь потеряла для него всякую прелесть, что его не радуетъ даже приближающееся окончаніе курса,

Шиллеръ въ эпоху своего пребыванія въ Маннгеймѣ.
По портрету въ Веймарскомъ домѣ Шиллера.

что онъ охотно бы умеръ вмѣсто Августа Говена, что если съ нимъ что нибудь случится, Кристофина должна служить родителямъ опорой и утѣшеніемъ. Не нужно, однако, забывать, что игра съ мыслью о самоубійствѣ была въ модѣ въ эпоху Вертера. Шиллеръ былъ счастливѣе Граммонта въ томъ отношеніи, что (какъ и самъ авторъ „Вертера“) всегда имѣлъ подъ рукою

средство отдѣлаться отъ терзавшихъ его мыслей и представленій, выразивъ ихъ на бумагѣ въ стихахъ или въ прозѣ.

Послѣ смерти Августа Говена Шиллеръ написалъ элегію „Надъ свѣжей могилой“ (Eine Leichenfantasie), нѣсколько напыщенную, но, несмотря на это, очень сильную вещь. Своей ненависти къ тиранніи, гнетъ которой онъ чувствовалъ такъ тяжко въ обществѣ больного Граммонта, онъ даетъ исходъ въ „Разбойникахъ“. Надъ этой драмой Шиллеръ работалъ съ перерывами послѣдніе три года своего пребыванія въ академіи. Такъ какъ днемъ невозможно было укрыться отъ бдительности начальства, то онъ писалъ ночью. Когда же потребность творчества одолѣвала его сильнѣй, онъ отпрашивался въ лазаретъ, подъ предлогомъ лихорадки, и тамъ, лежа въ постели, писалъ подъ одѣяломъ. Отдѣланныя сцены и цѣлые акты читалъ онъ во время прогулки товарищамъ: Шиллеръ, какъ Карлъ Моръ, стоялъ, прислонившись къ стволу многолѣтней сосны; вокругъ, подобно шайкѣ разбойниковъ, располагались его друзья, сочувственно внимавшіе каждому слову и иногда прерывавшіе чтеніе громкими возгласами восторга (См. рисунокъ на стр. XVIII).

Шарлотта фонъ Кальбъ, подруга Шиллера.
По портрету Тишбейна.

Не только поэтическое творчество, но и усиленныя научныя занятія помогли Шиллеру стряхнуть съ себя Вертеровское настроеніе и придать своимъ мыслямъ болѣе трезвый ходъ. Въ концѣ 1780-го года Шиллеръ представилъ двѣ диссертаціи. Первая— De discrimine febrium inflammatoriarum et putridarum была написана, повидимому, на спѣхъ и поэтому страдала большими неточностями. Профессора нашли, что ее можно было бы принять только подъ условіемъ коренной переработки. Болѣе одобрительный отзывъ заслужилъ другой трудъ Шиллера, написанный на нѣмецкомъ языкѣ: Versuch über den Zusammenhang der tierischen Natur des Menschen mit seiner geistigen (опытъ о связи между животной и духовной природой человѣка). Обработка этой темы, имѣвшей такое близкое отношеніе къ опытной философіи Локка, показываетъ, что Шиллеръ, увидавъ недостатки ученія шотландскихъ моралистовъ, совершенно игнорировавшихъ животные инстинкты человѣка, настолько обуздалъ свою собственную спекулятивную натуру, что даже начиналъ склоняться къ матеріализму.—Диссертація была отдана на просмотръ не только медикамъ, но и преподавателю философіи Абелю. Медики дали одобрительный отзывъ, поставивъ автору въ упрекъ лишь поэтическія вольности слога. Абель-же, недовольный новой точкой зрѣнія своего ученика, замѣтилъ, что сочиненіе Шиллера зиждется на положеніяхъ, справедливость которыхъ еще не доказана, но все таки призналъ работу достойной печати. Диссертація была посвящена герцогу, котораго Шиллеръ въ предисловіи благодаритъ за „болѣе чѣмъ отеческія“ заботы о немъ въ теченіе восьми лѣтъ. 14-го декабря 1780 г. Шиллеръ получилъ свидѣтельство на званіе врача и покинулъ ненавистную академію. По благоволенію, которое герцогъ не разъ выказывалъ Шиллеру, и онъ и вся семья его были вправѣ ожидать, что молодой врачъ получитъ хорошее мѣсто. Надежды эти не

оправдались: Шиллеръ былъ назначенъ врачемъ въ полкъ Оже (Augé), состоявшій почти изъ однихъ инвалидовъ, на жалованье 18 флориновъ въ мѣсяцъ. Жить въ столицѣ на такія деньги было немыслимо, практики на сторонѣ не предвидѣлось, такъ какъ, несмотря на просьбы старика Шиллера, герцогъ не позволилъ своему питомцу носить штатское платье. Юноша двадцати одного года, прослушавшій восьмилѣтній курсъ въ академіи, увидѣлъ себя обузой на рукахъ отца, снова подпалъ строгой ферулѣ военнаго начальства, снова увидѣлъ едва сдерживаемый смѣхъ на лицахъ солдатъ и офицеровъ, когда явился на парадъ въ формѣ военнаго фельдшера, сшитой по старинному прусскому образцу. Многолѣтнее пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи пріучило Шиллера къ жизни въ товарищескомъ кругу, и онъ поспѣшилъ завязать сношенія съ кончившими курсъ академиками; въ числѣ ихъ оказались Петерсенъ и лейтенантъ Шарфенштейнъ, къ которому Шиллеръ уже не питалъ прежнихъ страстныхъ чувствъ, хотя и относился по-дружески. Академическія традиціи были внемъ еще настолько живы, что, проживъ полтора мѣсяца на отдѣльной квартирѣ, Шиллеръ покинулъее, чтобы поселиться въ одной комнатѣ съ лейтенантомъ Капфомъ, тоже бывшимъ воспитанникомъ академіи, человѣкомъ весьма самодовольнымъ и хвастливымъ. Комната, занимаемая Шиллеромъ и Капфомъ, скромно меблированная большимъ столомъ, парой скамей и кучей картофеля въ углу, часто была мѣстомъ сборищъ для друзей; тутъ устраивались общія трапезы, состоявшія изъ колбасы и картофельнаго салата, матерьялъ для котораго былъ подъ рукой. Иногда вся компанія отправлялась въ трактиръ развлечься партіей кегель или поиграть въ карты. За докторомъ Шиллеромъ и библіотекаремъ Петерсеномъ до нашихъ временъ числится нѣкоторая сумма за безчисленное количество порцій ветчины и бутылокъ пива. Шиллеру свободно дышалось въ этой атмосферѣ, пропитанной табачнымъ дымомъ и философскими спорами, въ этомъ кружкѣ, гдѣ господствовалъ самый свободный, порой разнузданный тонъ. За молодымъ врачемъ въ Штутгардтскомъ обществѣ установилась даже рецутація пьяницы послѣ того, какъ его разъ на рукахъ принесли домой съ обѣда, который генералъ Оже давалъ своимъ офицерамъ. Пріятными развлеченіями были для Шиллера прогулки въ Людвигсбургъ, гдѣ служилъ Говенъ, и въ Solitude, куда съ конца 1775 года былъ переведенъ его отецъ, назначенный смотрителемъ дворцоваго сада. Двѣ маленькія сестры Шиллера умерли еще въ то время, когда онъ былъ въ академіи, и семья капитана состояла теперь изъ трехъ дочерей: старшая Кристофина (см. портретъ ея на стр. VI) была вѣрнымъ другомъ, помощницей секретаремъ своего брата, съ которымъ сходилась во взглядахъ и стремленіяхъ. Принужденная вести все домашнее хозяйство, такъ какъ матери это дѣло было уже не подъ силу, Кристофина сумѣла не погрязнуть въ житейской прозѣ и навсегда сохранить восторженное отношеніе ко всему доброму и прекрасному, сумѣла сгладить для близкихъ людей жизнь, полную лишеній, своей способностью находить во всемъ свѣтлую сторону. Поэтическій талантъ брата встрѣтилъ въ ней цѣнительницу и поклонницу. Четырнадцатилѣтняя Луиза (портреты ея на стр. XX) не обладала ни складомъ ума, ни талантами *) старшей сестры, хотя была отъ природы дѣвушкой неглупой; вкусы ея были гораздо проще: рукодѣлье и хозяйственныя хлопоты совершенно напол-

Шарлота фонъ Кальбъ (другой портретъ).

*) Кристофина занималась живописью, а иногда и поэзіей.

няли ея жизнь. Меньшая сестра Нанета (портретъ ея на стр. XXI), родившаяся въ 1777 г. въ Solitude, была прелестной трехлѣтней крошкой, любимицей и баловницей всей семьи. Въ кругу родныхъ Шиллеръ отдыхалъ душою. Онъ свободно говорилъ о своихъ надеждахъ и разочарованіяхъ, встрѣчая полное сочувствіе со стороны матери и сестеръ и слабыя возраженія со стороны отца, который въ глубинѣ души соглашался, что съ сыномъ поступили несправедливо. Съ Кристофиной Шиллеръ дѣлился плодами своего вдохновенія, а иногда, по примѣру дѣтскихъ лѣтъ, разыгрывалъ небольшія сцены, въ родѣ позже имъ отдѣланной „Семелы". Но ни къ кому изъ членовъ своей семьи не относился Шиллеръ съ такою нѣжностью, какъ къ матери: когда ему случалось не видаться съ ней нѣкоторое время, то при встрѣчѣ онъ бросался ей на шею съ радостью, проявленій которой не могъ удержать даже въ присутствіи постороннихъ. Мать отвѣчала ему такой же любовью; дни, которые сынъ проводилъ дома, были праздниками для нея, и она безъ конца суетилась и хлопотала въ кухнѣ, придумывая, чѣмъ бы получше угостить дорогого гостя. Одно огорчало ее въ сынѣ: она не находила въ немъ прежняго благочестія; недаромъ прошелъ молодой медикъ школу матеріализма и опытной философіи.

Другъ Шиллера Христіанъ Готфридъ Кернеръ.

Служебныя обязанности не могли удовлетворить Шиллера, хотя сначала онъ занялся ими съ усердіемъ, даже слишкомъ рьянымъ. Вмѣсто того, чтобы имѣвшимися въ его распоряженіи средствами помогать организму въ его борьбѣ съ болѣзнью, нетэрпѣливый врачъ сразу хотѣлъ побѣдить ее какою-нибудь сильною мѣрою (любимымъ средствомъ Шиллера были огромныя дозы рвотнаго, отъ которыхъ старичкамъ инвалидамъ не могло поздоровиться). Неудачные результаты практики Шиллера заставили придворнаго медика Эльверта учредить нѣкоторый контроль надъ его дѣйствіями, что не мало раздражало поэта. Махнувъ рукой на практику, Шиллеръ задумалъ изучить медицину въ теоріи, чтобы держать экзаменъ на доктора при академіи, которая въ 1782-мъ году получила права университета и названіе „Высшей Карловой школы". Но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ Шиллеръ не могъ болѣе бороться съ охватившею его потребностью творчества. Въ маѣ 1781 г. онъ издалъ „Разбойниковъ" *) и въ томъ же году ему было предложено редактированіе газеты: „Nachrichten zum Nutzen und Vergnügen", за что онъ согласился взяться, главнымъ образомъ, изъ за матеріальныхъ выгодъ. Газета шла плохо, а Шиллеръ, не имѣвшій редакторскихъ талантовъ, не могъ поднять ее, и она скоро прекратила свое существованіе. Въ февралѣ 1782-го года Шиллеръ издаетъ альманахъ „Антологія", наполненный почти одними его произведеніями, а лѣтомъ того же года выступаетъ въ качествѣ редактора „Wirtembergisches Repertorium der Literatur". Два послѣднія литературныя предпріятія потребовали нѣкоторыхъ издержекъ, а денегъ у Шиллера не

*) Шиллеръ напечаталъ ихъ на собственный счетъ небольшой книжкой; виньеткой служило изображеніе разгнѣваннаго льва съ поднятой лапой и съ подписью in tyrannos! (см. рис. на стр. XXII).

было; долги, въ которые вовлекло его изданіе „Разбойниковъ", быстро возрастали. Но ни альманахъ, ни періодическія изданія не обратили на Шиллера особаго вниманія современниковъ. Только „Разбойники" могли выдвинуть Шиллера изъ плеяды начинающихъ литераторовъ. Директоръ лучшаго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ театровъ—Маннгеймскаго—Дальбергъ предложилъ Шиллеру передѣлать „Разбойниковъ" для сцены, поставивъ условіемъ перенесеніе дѣйствія въ XVI вѣкъ, такъ какъ со времени постановки „Геца" рыцарскія драмы и средневѣковые костюмы пользовались особой симпатіей публики. Шиллеръ согласился, и въ январѣ

Шиллеровскій домъ въ Голисѣ подъ Лейпцигомъ.

1782 г. „Разбойники" были даны въ присутствіи автора, тайкомъ явившагося въ Маннгеймъ.

Легко себѣ представить, каковъ былъ восторгъ лучшей части публики, въ первый разъ видѣвшей „Разбойниковъ" послѣ французскихъ слезливыхъ мелодрамъ и сухихъ реторическихъ трагедій; даже „Минна фонъ-Барнгельмъ" и „Натанъ Мудрый" послѣ „Разбойниковъ" кажутся вялыми и скучными. Восторгъ одной части публики, естественно, вызвалъ негодованіе другой, и поэтъ, создавшій Карла Мора, въ одно и то же время сталъ идоломъ молодежи и пугаломъ отжившихъ стариковъ. Авторъ, имя котораго стало скоро извѣстно, несмотря на то, что пьеса была издана анонимно, вернулся въ Штутгардтъ героемъ дня, знакомства съ которымъ искали и добивались многіе. Другъ Лессинга, извѣстный берлинскій книгопродавецъ и писатель Николаи, посѣтилъ Шиллера; Шванъ, представитель крупной маннгеймской книгопродавческой фирмы, помогъ Шиллеру завязать сношенія съ Виландомъ, удостоившимъ молодого автора ласковаго письма; Фридрихъ II, ландграфъ Гессенскій, прислалъ своего придворнаго живописца Тишбейна написать портретъ Шиллера. Штутгардтцы старались не отставать отъ остальной Германіи въ поклоненіи новому генію. Они ходили смотрѣть на него, при встрѣчахъ шептали другъ другу: „Смотрите, вотъ идетъ Шиллеръ", и почтительно давали ему дорогу; двери многихъ домовъ открылись Шиллеру, а швабскіе юноши осаждали его друзей просьбами представить ихъ поэту. Многія знакомства, начавшіяся въ эту эпоху, впослѣдствіи окрѣпли въ настоящую дружбу, такъ какъ честные и простые люди, съ которыми судьба сталкивала Шиллера, привязывались къ нему съ беззавѣтной преданностью. Тогда-то Шиллеръ познакомился съ молодымъ музыкантомъ Штрейхеромъ и съ Вольцогенами. Штрейхеръ былъ сперва нѣсколько разочарованъ, увидавъ блѣднаго юношу слабаго сложенія съ болѣзненно воспаленными глазами; онъ представлялъ себѣ автора „Разбойниковъ" въ видѣ Карла Мора. Но скоро поэтъ и музыкантъ, имѣвшіе такъ много точекъ соприкосновенія, такъ охотно вступавшіе въ длинныя бесѣды (при чемъ Шиллеръ говорилъ, а Штрейхеръ слушалъ и восхищался), чрезвычайно тѣсно сблизились между собой.

Въ семьѣ Вольцогеновъ, съ которой Шиллеръ познакомился черезъ Вильгельма

Вольцогена, учившагося въ академіи одновременно съ нимъ, Шиллеръ ближе всего сошелся съ матерью. Г-жа Вольцогенъ (портр. стр. XXIII) осталась послѣ смерти мужа тридцатилѣтней вдовой съ очень ограниченными средствами и пятью дѣтьми на рукахъ. Благодаря практическому уму и энергіи, ей удалось опредѣлить всѣхъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ Вильгельмъ былъ старшимъ, въ Военную академію, а на оставленныя мужемъ деньги пріобрѣсти клочокъ земли въ Бауэрнбахѣ, гдѣ впослѣдствіи Шиллеръ нашелъ себѣ убѣжище. Она отнюдь не принадлежала къ числу высокообразованныхъ или даже начитанныхъ женщинъ, но такое произведеніе, какъ „Разбойники", не могло не найти дороги къ ея сердцу. Шиллеръ привязался къ простой и доброй женщинѣ, какъ къ матери. Онъ познакомилъ ее со своей семьей, и г-жа Вольцогенъ стала частой посѣтительницей Solitude, такъ какъ у нея всегда находилось о чемъ поговорить съ матерью и сестрами Шиллера.

По отношенію къ Вольцогенъ Шиллеръ не испытывалъ ничего, кромѣ чувства чистой дружбы. Вообще же онъ былъ чрезвычайно влюбчивъ, что не мѣшало ему однако, чувствовать себя крайне стѣсненнымъ въ дамскомъ обществѣ. И вотъ почему добродушныя и наивныя штутгардтскія барышни находили скучнымъ застѣнчиваго и неловкаго автора „Разбойниковъ". Въ низшихъ кругахъ общества онъ бывалъ развязнѣе: тутъ у него находились и любезность и шутка. Но всего больше успѣха имѣлъ поэтъ у своей квартирной хозяйки, тридцатилѣтней вдовы Фишеръ, недалекой и крайне легкомысленной женщины, еще не простившейся съ надеждами на вторичное замужество. Ея грубое кокетство не замедлило произвести впечатлѣніе на Шиллера, чувственная сторона котораго требовала не тонкихъ, а рѣзкихъ ощущеній. (Петерсенъ говоритъ о немъ, что его страстью были плохія вина, плохія женщины и скверный нюхательный табакъ, за неимѣніемъ котораго онъ готовъ былъ пользоваться пылью). Отношенія между Шиллеромъ и Доротеей Фишеръ, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Лауры, повидимому, не имѣли въ себѣ ничего особенно предосудительнаго, такъ какъ его родные и Вольцогенъ не гнушались ея знакомствомъ.

Пріятельницы Шиллера испытывали сильное желаніе побывать въ Маннгеймѣ на представленіи „Разбойниковъ", а Шиллеръ не рѣшался отказаться отъ удовольствія сопровождать ихъ. Воспользовавшись отсутствіемъ герцога, Шиллеръ, съ вѣдома своего начальника, полковника фонъ-Рау, которому онъ послалъ рапортъ о болѣзни, 25-го мая 1792 покинулъ Штутгардтъ въ обществѣ Вольцогенъ и Доротеи Фишеръ. Снова Шиллеру былъ оказанъ радушный и почетный пріемъ, снова бросился ему въ глаза конт-

Жена Кернера Минна, урожд. Штокъ.

растъ между этимъ пріемомъ и тѣмъ болѣе чѣмъ скромнымъ положеніемъ, которое занималъ онъ на родинѣ. У него мелькнула мысль о возможности переселиться изъ Штутгардта, и онъ попробовалъ позондировать почву въ Маннгеймѣ, гдѣ мечталъ пристроиться къ театру. Изъ разговора съ

Павильонъ въ саду (виноградникѣ) въ Лошвицѣ, здѣсь Шиллеръ писалъ «Донъ-Карлоса».

Дальбергомъ Шиллеръ вывелъ заключеніе, что тотъ не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи и, полный новыхъ плановъ, онъ вернулся въ Штутгардтъ, который показался ему еще ненавистнѣе прежняго. Спутницы поэта не сумѣли сохранить въ тайнѣ все, касавшееся ихъ путешествія, и слухъ о самовольной отлучкѣ Шиллера скоро дошелъ до герцога, который приказалъ фельдшеру полка Оже явиться въ Гогенгеймъ. Шиллеръ былъ принятъ очень ласково, герцогъ любезно водилъ его по парку и окрестностямъ, дружески бесѣдуя съ нимъ, и наконецъ, когда нашелъ, что почва въ достаточной мѣрѣ подготовлена, прямо обратился къ нему: „Я знаю все: ты былъ въ Маннгеймѣ и былъ съ вѣдома твоего полковника!“ Шиллеръ, который очень боялся, чтобы его начальникъ не пострадалъ за снисходительность къ нему, сталъ отрицать участіе послѣдняго и герцогъ, раздраженный упорствомъ „своего сына“, велѣлъ ему немедленно идти пѣшкомъ въ Штутгардтъ и сѣсть на двѣ недѣли подъ арестъ. Всякія сношенія съ заграницей были ему впредь воспрещены. Въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ Шиллеръ на гауптвахтѣ и изливалъ свое негодованіе противъ герцога, обрабатывая „Фіеско“ и обдумывая планъ „Коварства и любви“. Чтобы спастись отъ тоски и скуки, Шиллеръ началъ играть въ карты, и такъ какъ игралъ онъ несчастливо, то его финансовыя обстоятельства отъ этого не улучшились. Шиллеръ вышелъ изъ-подъ ареста съ вполнѣ созрѣвшимъ рѣшеніемъ покинуть Штутгардтъ. Вопреки герцогскому приказанію онъ немедленно написалъ Дальбергу, прося его сдѣлать все возможное для того, чтобы мирно уладить это дѣло. Но ловкій придворный не желалъ становиться между герцогомъ и его подданнымъ, и Шиллеръ тщетно ждалъ отвѣта изъ Маннгейма. Когда онъ убѣдился, что отъ Дальберга нечего ждать помощи, на него напало тупое отчаяніе: онъ сталъ ко всему равнодушенъ и холоденъ.

Кернеръ. Каррикатурный рис. Шиллера.

Между тѣмъ новыя тучи собирались надъ головой Шиллера. До герцога дошло извѣстіе, что граубюнденцы считаютъ себя оскорбленными пренебрежительнымъ отзывомъ объ ихъ кантонѣ, вложеннымъ Шиллеромъ въ уста Шпигельберга („Граубюнденъ — Аѳины нынѣшнихъ мошенниковъ“). Герцогъ снова пригласилъ къ себѣ поэта, который началъ ему казаться опаснымъ и сталъ отечески укорять его за тѣ промахи противъ

изящнаго вкуса, которые встрѣчаются въ его произведеніяхъ. Шиллеръ, всегда склонный къ самокритикѣ, не могъ не найти справедливыми нѣкоторыя замѣчанія герцога, но когда тотъ простеръ свою заботливость о поэтѣ до того, что взялся просматривать всѣ его будущія произведенія и запретилъ ему что-либо печатать безъ своего вѣдѣнія, то Шиллеръ отказался повиноваться. Герцогъ былъ возмущенъ отказомъ и объявилъ, что въ такомъ случаѣ Шиллеру воспрещается писать и печатать что-либо, кромѣ медицинскихъ сочиненій, и имѣть какія-либо сношенія съ заграницей; за ослушаніе грозило заключеніе въ крѣпость, что отнюдь не было пустою угрозою въ устахъ КарлаЕвгенія. Отъ герцога Шиллеръ пошелъ въ гостинницу „Быка" и сыгралъ тамъ партію въ кегли. Онъ не только не казался убитымъ, но былъ въ бодромъ, почти веселомъ настроеніи. Мертвящая апатія послѣднихъ недѣль внезапно покинула его. Вопреки запрещенію герцога онъ усердно работаетъ надъ „Фіеско". Планы будущаго слагались у него все болѣе и болѣе опредѣленно: онъ рѣшилъ тайно бѣжать въ Маннгеймъ, чтобы оттуда диктовать условія мира повелителю Вюртемберга. Въ случаѣ же, если герцогъ не пойдетъ на переговоры, на что Шиллеръ втайнѣ, и не безосновательно, надѣялся, онъ никогда не вернется въ отечество.

Юмористич. рисунокъ Шиллера. Кернеръ на распутьи.

Но прежде чѣмъ отважиться на шагъ, который могъ тяжело отозваться не только на немъ, если бы его вернули въ Вюртембергъ, какъ дезертира, но и на его родныхъ, которые всецѣло зависѣли отъ гер-

Кернеръ засыпаетъ надъ Кантомъ. Юмористическій рисунокъ Шиллера.

цога, Шиллеръ сдѣлалъ послѣднюю попытку къ примиренію. Онъ написалъ письмо Карлу Евгенію, обращаясь къ нему не какъ подданный къ государю, а какъ почтительнѣйшій сынъ къ своему отцу. Онъ просилъ разрѣшить ему занятія поэзіей въ виду матерьяльныхъ выгодъ, которыя онъ будто-бы изъ этого извлекаетъ и которыя могутъ облегчить ему занятія наукой. Онъ даже соглашался на то, отъ чего отказался было при свиданіи: подвергать свои произведенія строгой цензурѣ. Герцогъ ничего не отвѣтилъ на этотъ ультиматумъ, но Шиллеръ узналъ, что его начальникъ генералъ Оже получилъ распоряженіе посадить его подъ арестъ, если онъ еще разъ попроситъ разрѣшенія обратиться къ герцогу съ письмомъ.

Теперь жребій былъ брошенъ. Нужно было приготовляться къ бѣгству. Шиллеръ открылъ свои планы и надежды матери и сестрѣ Кристофинѣ, которая была готова дѣлать все на зло герцогу съ тѣхъ поръ, какъ онъ обманулъ ея ожиданія, давъ любимому брату такую ничтожную должность. Шарфенштейнъ, Абель и госпожа Вольцогенъ, предлагавшая Шиллеру убѣжище въ своемъ имѣньи Бауэрнбахъ, также были посвящены въ тайну. Не могъ Шиллеръ отказать въ своей довѣренности и преданному поклоннику своему Штрейхеру, который сейчасъ предложилъ поэту сопровождать его и дѣлить съ нимъ невзгоды и опасности предстоящаго путешествія. Время, начало осени 1782 г., казалось въ высшей степени благопріятнымъ для бѣгства, такъ какъ между 17-мъ и 25-ымъ сентября въ Штутгардтѣ должны были гостить цесаревичъ Павелъ Петровичъ, женатый на племянницѣ Карла Евгенія принцессѣ Софіи Доротеѣ, и родители послѣдней. При приготовленіяхъ къ пріему будущаго русскаго царя и его многочисленной свиты въ герцогѣ вюртембергскомъ вновь пробудилась прежняя страсть къ устройству роскошныхъ празднествъ. Торжества эти, стоившія 345 тысячъ гульденовъ, привлекли массу гостей, въ числѣ которыхъ были, между прочимъ, Дальбергъ и жена знакомаго Шиллеру режиссера Мейера. Пріѣзжіе оживили всегда тихія и спокойныя улицы Штутгардта; все волновалось, суетилось, торопилось посмотрѣть то иллюминацію, то охоту, то гулянье, которыя устраивались въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Этой-то сутолокой и суматохой, которыя достигли апогея въ послѣдніе дни пребыванія высокихъ гостей, воспользовался Шиллеръ для приведенія въ исполненіе своего намѣренія, справедливо разсчитывая, что теперь его не скоро хватятся.

Шиллеръ въ 26 лѣтъ. По рисунку Доры Штокъ (1785).

На 23-е сентября, какъ Шиллеръ узналъ отъ отца, была назначена въ Solitude грандіозная охота, для которой изъ охотничьихъ дачъ всего герцогства было пригнано около шести тысячъ оленей. Дворъ долженъ былъ покинуть столицу вечеромъ 21-го числа, такъ какъ въ ночь на 22-е въ садахъ Solitude предполагалась роскошная иллюминація. Поэтому Шиллеръ и Штрейхеръ рѣшили, что вечеръ 22-го будетъ самымъ удобнымъ моментомъ для бѣгства. Въ со-

провожденіи госпожи Мейеръ, онъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Solitude, чтобы проститься съ глубоко огорченной матерью и пожать руку ничего не подозрѣвавшему отцу.

сталъ перебирать свои книги. Ему попался подъ руку экземпляръ Клопштоковыхъ одъ, не мало пострадавшій отъ его карандаша. Читая и перечитывая тѣ изъ нихъ, кото-

Портретъ Шиллера, работы Граффа въ гравюрѣ Іоганна Готгарда Миллера.

22-го рано утромъ Шиллеръ сдѣлалъ обычный визитъ въ лазаретъ и, вернувшись домой, въ ожиданіи Штрейхера, который долженъ былъ прійти за вещами друга,

рыя онъ все еще высоко цѣнилъ, и которыя производили на него сильное впечатлѣніе отчасти по воспоминанію о прежнихъ юношескихъ восторгахъ, онъ забылъ

свое положеніе, забылъ ожидавшія его опасности и невзгоды и сѣлъ писать подражаніе одной изъ любимыхъ одъ. Штрейхеръ, явившійся за его имуществомъ, долженъ былъ прослушать оригиналъ и подражаніе, долженъ былъ отдать предпочтеніе послѣднему, и тогда только могъ свести поэта съ неба на землю и заставить его принять

лера было 23, а у Штрейхера 28 гульденовъ. Это была не особенно крупная сумма, но Шиллеръ разсчитывалъ на „Фіеско", а Штрейхеру черезъ нѣсколько времени должны были прислать денегъ въ Маннгеймъ.— Багажъ и маленькая рояль Штрейхера были уложены, оба путешественника простились съ матерью Штрейхера, которой Шиллеръ

Шиллеръ въ 28 лѣтъ. Портретъ Антона Граффа. Оригиналъ въ Кернеровскомъ музеѣ въ Дрезденѣ.

участіе въ упаковкѣ багажа. Когда стемнѣло, Шиллеръ въ штатскомъ платьѣ, которое ему нѣкогда заказалъ отецъ и которое герцогъ не разрѣшилъ носить, закутанный въ плащъ и вооруженный парой незаряженныхъ пистолетовъ, прокрался въ жилище Штрейхера. Тутъ они сочли свои капиталы; у Шил-

обѣщалъ заботиться о ея сынѣ, и въ 10 час. вечера бѣглецы выѣхали черезъ эслигенскія ворота, гдѣ дежурнымъ офицеромъ былъ Шарфенштейнъ. Караульный долженъ былъ записывать фамилію всякаго, кто въѣзжалъ въ столицу или выѣзжалъ изъ нея, и поэтому экипажъ Шиллера былъ остановленъ обыч-

нымъ возгласомъ: „Стой! кто ѣдетъ?", на который Штрейхеръ отвѣчалъ, какъ было заранѣе условлено: „Докторъ Риттеръ и докторъ Вольфъ въ Эслингенъ".—Молча выѣхали друзья на Людвигсбургское шоссе, и только когда Штутгардтъ потонулъ во мракѣ, могли они начать разговоръ объ ожидавшей ихъ будущности, которую оба старались изобразить въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ. Въ полночь издали засіялъ яркими огнями освѣщенный замокъ Solitude, и Шиллеръ, указывая Штрейхеру на родительскій домъ, не могъ удержаться отъ стона, вспомнивъ о матери. На слѣдующее утро друзья прибыли къ пфальцской границѣ, отпустили тамъ Штутгардтскаго извощика и поѣхали на почтовыхъ.

Въ Штутгардтѣ въ это время исчезновеніе полкового медика было уже открыто и извѣстіе о его бѣгствѣ произвело значительную сенсанцію. Смѣлость такого шага удивляла мирныхъ обитателей Штутгарта, и они находили, что лишь авторъ „Разбойниковъ" могъ отважиться на него.

Пріѣхавъ въ Маннгеймъ, Шиллеръ явился къ режиссеру Мейеру и откровенно изложилъ ему свое положеніе: теперь всѣ его надежды были основаны на постановкѣ „Фіеско". Мейеръ былъ непріятно удивленъ черезъ чуръ рѣшительнымъ поступкомъ поэта и не скрылъ этого, хотя и помогъ ему найти квартиру. Нѣсколько сухой пріемъ Мейера отрезвилъ бѣглеца и заставилъ его подумать о средствахъ хоть до нѣкоторой степени примирить съ собой герцога. Шиллеръ написалъ къ своему разгнѣванному государю письмо, въ которомъ, правда, говорилъ о своихъ сыновнихъ чувствахъ и о томъ, что отъ милости и немилости герцога зависитъ все его счастье, но въ то же время ставитъ ему свои условія: герцогъ долженъ позволить ему писать, путешествовать, имѣть научныя и литературныя связи съ заграницей и даже носить штатское платье. Это письмо онъ послалъ на имя своего полкового командира Оже, котораго просилъ о заступничествѣ.

Покончивъ съ этой непріятной обязанностью, Шиллеръ отдался всецѣло заботамъ о судьбѣ своего „Фіеско". Мейеръ, по его просьбѣ, пригласилъ главныхъ членовъ труппы, и Шиллеръ началъ имъ читать драму, ожидая, вѣроятно, того же восторженнаго пріема, какой въ былые годы воспитанники академіи оказывали „Разбойникамъ". Но слушатели молчали далеко не одобрительно и во время перваго-же перерыва большая часть ихъ исчезла изъ квартиры Мейера. Штрейхеръ былъ огорченъ, Шиллеръ взбѣшенъ и, придя домой, онъ разразился бурей обвиненій противъ актеровъ, которые казались ему и предубѣжденными, и тупыми, и непонимающими, что такое истинно-художественное чтеніе; въ концѣ концовъ онъ рѣшился самъ идти въ актеры. На другой день дѣло отчасти разъяснилось: швабское произношеніе Ш—а и его напыщенная декламація скрыли отъ аудиторіи достоинства пьесы; перечтя ее послѣ ухода автора, Мейеръ нашелъ „Фіеско" даже болѣе сценичнымъ, чѣмъ „Разбойники", и самъ прочелъ ее актерамъ, которые согласились съ нимъ и даже разобрали роли. Это значительно ободрило Шиллера, положеніе котораго въ другихъ отношеніяхъ было крайне затруднительно: Оже извѣстилъ его, что герцогъ, повидимому, расположенъ къ милости, и совѣтовалъ ему вернуться въ Штутгардтъ. Но чтобы пслѣдовать этому совѣту, Шиллеръ, имѣвшій передъ глазами почтительный примѣръ Шубарта, который все еще томился

Шарлотта фонъ Штейнъ, подруга Гете. По рисунку Доры Штокъ (1796).

въ замкѣ Гогенъ Асперн, нуждался въ какомъ нибудь болѣе прочномъ обезпеченіи. Въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ Оже; но вторичный отвѣтъ полковника былъ не болѣе удовлетворителенъ. Тогда Шиллеръ отказался отъ надежды вернуться домой и прекратилъ переписку. Но осталось безденежье и страхъ, что не нынче—завтра клевреты герцога арестуютъ его и въ Маннгеймѣ. Шиллеръ боится выходить изъ своей комнаты и пишетъ на родину письма съ фальшивыми адресами.

Время для постановки „Фіеско" было крайне неблагопріятно: курфюрстъ и съ нимъ значительная часть интеллигенціи покинули городъ вслѣдствіе жаровъ. Надо было переждать глухую пору, и, по совѣту госпожи Мейеръ, Шиллеръ вмѣстѣ съ Штрейхеромъ предпринялъ путешествіе во Франкфуртъ на Майнѣ. Хотя они шли туда пѣшкомъ, но путевыя сцены и ландшафты мало занимали Шиллера такъ какъ онъ въ это время началъ обдумывать мѣщанскую драму: „Луиза Миллеръ" („Коварство и любовь"), первыя сцены которой онъ набросалъ по прибытіи въ Франкфуртъ. Пробылъ онъ тамъ недолго: кипучая жизнь большого города не могла разсѣять тяжелаго настроенія Шиллера, которое усиливалось неутѣшительными извѣстіями съ родины и, главное, недостаткомъ денегъ. Вернувшись назадъ, Шиллеръ не остался въ Маннгеймѣ, а поселился подъ чужимъ именемъ въ мѣстечкѣ Оггерсгеймѣ. Штрейхеръ по прежнему былъ съ нимъ и развлекалъ его среди упорнаго труда игрой на роялѣ.

Каролина Вольцогенъ, урожд. фонъ Ленгефельдъ.

Въ началѣ ноября 1782 г. „Фіеско" былъ окончательно обработанъ для сцены, и Мейеръ препроводилъ его въ театральную дирекцію. Но драма не была ею принята, о чемъ Шиллеръ узналъ только черезъ мѣсяцъ; Дальбергъ не счелъ даже нужнымъ мотивировать свой отказъ. Этотъ послѣдній ударъ, особенно тяжелый въ виду полнаго безденежья не только Шиллера, но и Штрейхера, поэтъ перенесъ безъ жалобъ: преслѣдованія судьбы утомили его, и онъ мечталъ только объ отдыхѣ и въ этой крайности вспомнилъ о предложеніи г-жи Вольцогенъ поселиться въ Бауэрнбахѣ. Онъ написалъ ей, получилъ вторичное предложеніе и 1 ноября 1782 г. покинулъ Штрейхера и Маннгеймъ; чтобы расплатиться съ новыми долгами, онъ продалъ Швану рукопись „Фіеско" за 11 флориновъ.

Маленькій Бауэрнбахскій домикъ (см. рис. на стр. XXIV) немногимъ отличался отъ окружавшихъ его убогихъ крестьянскихъ хижинъ; густые хвойные лѣса и развалины старыхъ замковъ, придававшіе мѣстности нѣсколько мрачный колоритъ, отдѣляли Шиллера отъ цивилизованной жизни, отъ людей, въ которыхъ онъ временно, но тѣмъ не менѣе сильно, разочаровался. Въ немъ проснулась жажда знанія, и онъ почувствовалъ охоту къ серьезному чтенію, которому въ послѣдніе годы посвящалъ слишкомъ мало времени. Онъ завязалъ сношенія съ мейнингенскимъ библіотекаремъ Рейнвальдомъ, который охотно согласился присылать ему книги черезъ одну

еврейку, совершавшую правильные рейсы между Бауэрнбахомъ и Мейнингеномъ.

Шиллеръ интересуется теоріей искусства, философіей, исторіей театра, путешествіями и пр. и даже пытается въ послѣдній разъ заинтересовать себя медициной. Онъ усердно изучаетъ Лессинга, Мендельсона, Зульцера, Гарве и т. п. Усиленная умственная работа служитъ ему лѣкарствомъ противъ приступовъ озлобленія и человѣконенавистничества, на точкѣ зрѣнія котораго и безъ того не могла надолго успокоиться любвеобильная натура поэта. Скоро онъ почувствовалъ потребность въ другѣ, котораго и нашелъ въ лицѣ вышеупомянутаго библіотекаря Рейнвальда, человѣка уже пожилаго и неудачника. Они сошлись на почвѣ мизантропіи и скоро замѣтили, что бесѣды ихъ одинаково пріятны, полезны и поучительны для обоихъ. Шиллеръ дѣлился съ Рейнвальдомъ своими литературными планами, а тотъ подыскивалъ ему нужные источники и пособія.

Черезъ нѣкоторое время въ Бауэрнбахъ пріѣхала г-жа Вольцогенъ съ дочерью. Съ перваго-же раза задумчивая и кроткая Шарлотта (см. портр. на стр. XXV) произвела сильное впечатлѣніе на влюбчиваго поэта; занятія были заброшены; онъ всюду слѣдовалъ за Шарлоттой и проводилъ цѣлые дни въ домѣ ея дяди, въ кругу веселой, беззаботной молодежи. Но въ январѣ 1783 года Вольцогены уѣхали, и Шиллеръ, чтобы спастись отъ тоски, усиленно принялся за работу. Скоро была окончена мѣщанская трагедія Louise Millerin, и Шиллеръ ищетъ новыхъ сюжетовъ. Онъ думаетъ о Конрадинѣ и о Маріи Стюартъ (трагической судьбой ихъ поэтъ заинтересовался еще на школьной скамьѣ подъ вліяніемъ нѣсколько театральныхъ, но краснорѣчивыхъ и увлекательныхъ разсказовъ преподавателя исторіи Шотта); онъ обдумываетъ трагедію „Имгофъ“, въ планѣ которой можно узнать будущаго „Духовидца“; и наконецъ съ жаромъ принимается за „Донъ-Карлоса“. Въ это время Рейнвальдъ началъ понимать, съ какимъ крупнымъ талантомъ столкнула его судьба, и старался дѣлать все, отъ него зависящее, чтобы выравнить ему дорогу; въ качествѣ режиссера Мейнингенскаго театра, на подмосткахъ котораго нерѣдко выступали члены герцогской семьи, Рейнвальдъ пытался сблизить Шиллера съ своимъ герцогомъ, но, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, изъ

Жена Шиллера Шарлотта, урожд. фонъ-Ленгефельдъ.

По портрету Людовики Симановицъ.

этого ничего не вышло. Въ началѣ весны 1783 г. Шиллеръ получилъ извѣщеніе отъ г-жи Вольцогенъ, что мѣсяца черезъ два она пріѣдетъ погостить въ Бауэрнбахъ вмѣстѣ съ Шарлоттой. Въ радостномъ ожиданіи Шиллеръ ожилъ и разцвѣлъ душею вмѣстѣ съ пробуждающеюся природою; сохраняя горячую привязанность къ Рейнвальду, онъ завязалъ самую дружескую переписку съ Вильгельмомъ Вольцогеномъ, который сталъ ему теперь особенно дорогъ, какъ братъ его Шарлотты, и свое идеально-свѣтлое міровоззрѣніе выразилъ въ обрабатываемой имъ драмѣ, этомъ истинномъ гимнѣ всепрощающей любви.

Въ работѣ, мечтахъ и приготовленіяхъ къ торжественному пріему владѣлицы имѣнія прошло время до 20-го мая, дня прибытія Шарлотты. Г-жа Вольцогенъ давно уже знала о чувствахъ Шиллера, но не находила его подходящимъ мужемъ для своей дочери; чтобы избавить его отъ фальшиваго положенія, она въ первый же день довела до его свѣдѣнія, что Шарлотта помолвлена съ нѣкіимъ Винкельманомъ, котораго Шиллеръ зналъ еще по Штутгардту. Это былъ юноша пріятной наружности, обладавшій маленькими талантами, въ родѣ рисованія силуэтовъ, но довольно пустой и тщеславный. Хотя Шиллеръ не находилъ Винкельмана достойнымъ обладать такимъ сокровищемъ, какъ Шарлотта, но онъ заявилъ ея матери, что признаетъ за Винкельманомъ безусловное право на уваженіе съ его, Шиллера, стороны, только не можетъ сдѣлать его своимъ другомъ. Въ общемъ эта бесѣда не отрезвила поэта, какъ на то надѣялась г-жа Вольцогенъ; она только накинула легкую дымку грусти на его отношенія къ Шарлоттѣ и окружила ихъ ореоломъ самопожертвованія; но Шиллеръ по прежнему всюду слѣдовалъ за Шарлоттой, руководилъ ея чтеніемъ, посылалъ ей письма и букеты, когда она уѣзжала въ Мейнингенъ, и приходилъ въ бѣшенство отъ одной мысли, что не сегодня—завтра явится Винкельманъ на правахъ жениха. Тогда же Шиллеръ объявилъ г-жѣ Вольцогенъ, что Шарлотта никогда не будетъ испытывать нужды, такъ какъ ея рыцарь будетъ для нея писать ежегодно по лишней драмѣ подъ одной общей рубрикой (Trauerspiel für die Lotte). Въ это время самъ Шиллеръ былъ безъ копѣйки денегъ: онъ попробовалъ попросить взаймы у Рейнвальда; но тотъ былъ такъ измученъ долгой нуждой, что сдѣлался почти скрягой и посягательство на его кошелекъ сразу разочаровало его въ Шиллерѣ. Этому разочарованію способствовала еще одна случайность: Шиллеръ какъ-то забылъ у Рейнвальда письмо своей сестры Кристофины, полное наставленій на счетъ необходимости жить поэкономнѣе. Рейнвальдъ имѣлъ нескромность прочесть его и почувствовалъ одновременно что-то въ родѣ презрѣнія къ тому, кто нуждался въ такихъ поученіяхъ, и глубокое уваженіе къ здравому смыслу практичности Кристофины. Воспользовавшись тѣмъ, что Шиллеръ былъ не очень аккуратенъ въ перепискѣ съ родителями, Рейнвальдъ сталъ иногда писать въ Solitude вмѣсто него. Кристофина отвѣчала ему вмѣсто отца. Завязавшіяся такимъ образомъ отношенія благополучно окончились черезъ нѣсколько лѣтъ бракомъ Рейнвальда и Кристофины.

Шиллергеге (Schillerhöhe - Шиллеровское возвышеніе) въ Рудольстадтѣ.

Положеніе Шиллера день ото дня дѣлалось

труднѣе, но онъ былъ не въ силахъ самъ покончить съ бауэрнбахской идилліей; къ счастію, внѣшнія обстоятельства пришли ему на помощь съ той стороны, откуда онъ уже ничего не ждалъ хорошаго. Дальбергъ, убѣдившись съ одной стороны въ томъ, что герцогъ Вюртембергскій не намѣренъ преслѣдовать своего бѣглаго медика, а съ другой въ томъ, что репертуаръ его театра крайне нуждается въ талантливой новинкѣ, сталъ усердно приглашать Шиллера въ Маннгеймъ, обѣщая ему прочное положеніе при театрѣ. Отказаться отъ этого было бы верхомъ неблагоразумія, и Шиллеръ позволилъ г-жѣ Вольцогенъ уговорить себя хоть съѣздить въ Маннгеймъ, чтобы присутствовать при постановкѣ своихъ пьесъ. Разъ согласившись покинуть милый пріютъ, Шиллеръ сталъ собираться въ дорогу съ лихорадочной поспѣшностью и 22-го іюня выѣхалъ изъ Бауэрнбаха, не успѣвъ даже повидаться съ Рейнвальдомъ *).

Шиллеръ въ 35 лѣтъ. По портрету Людовики Симановицъ. Оригиналъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ.

Шиллеръ попалъ въ Маннгеймъ опять таки въ глухое время: театръ почти бездѣйствовалъ; Дальбергъ и часть труппы были въ отпуску; но старые друзья приняли Шиллера съ распростертыми объятіями и онъ довольно скоро примирился съ мыслью остаться въ Маннгеймѣ. 10 августа пріѣхалъ Дальбергъ, а 20-го Шиллеръ заключилъ съ дирекціей контрактъ, обязуясь въ теченіе года, кромѣ „Фіэско“ и „Луизы Миллеръ“, поставить еще одну пьесу и работать въ театральной комиссіи, завѣдующей выборомъ и обработкой пьесъ. За это онъ долженъ былъ получать 300 гульденовъ въ годъ, изъ которыхъ 200 были выданы ему впередъ. Дальбергъ, въ домѣ котораго Шиллеръ сталъ теперь частымъ гостемъ, познакомилъ его съ представителями маннгеймской аристократіи и съ нѣсколькими выдающимися артистами. Въ этомъ обществѣ Шиллеръ незамѣтно отшлифовался и сталъ мало похожъ на „могучаго генія“, создателя „Разбойниковъ“, которымъ такъ восхищались юные нѣмецкіе либералы. Портретъ этого времени (см. стр. XXVI) представляетъ намъ Шиллера почти красивымъ молодымъ человѣкомъ, напудреннымъ и хорошо, даже изысканно одѣтымъ. Впрочемъ, временами

*) Мы ровно ничего не знаемъ о томъ, какъ подѣйствовалъ отъѣздъ Шиллера на Шарлотту и какъ она вообще относилась къ нему.

въ изящномъ театральномъ поэтѣ оживалъ буйный штутгардтскій медикъ, и онъ прокучивалъ въ обществѣ актеровъ цѣлыя ночи напролетъ. Если же на другой день его ожидала спѣшная работа, онъ, по непривычкѣ работать при солнечномъ свѣтѣ, запиралъ ставни, зажигалъ свѣчи и начиналъ

Бюстъ работы Даннекера (1794). Оригиналъ въ Великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ.

писать и декламировать, возбуждая по временамъ свое вдохновеніе глоткомъ бургундскаго. Гнилой климатъ Маннгейма дурно повліялъ на его здоровье, и онъ въ началѣ осени захворалъ лихорадкою, которая долго не поддавалась самому энергичному лѣченью, истощавшему организмъ Шиллера не менѣе самой болѣзни. Еще не вполнѣ оправившись, Шиллеръ принялся за новую обработку „Фіеско", стараясь въ ней, насколько возможно, угодить вкусу Дальберга *). Несмотря на эти ухищренія, поставленный въ январѣ 1784 года „Фіеско" не понравился публикѣ въ жилахъ которой, какъ замѣтилъ оскорбленный авторъ, не текла римская кровь: маннгеймцы нашли пьесу слишкомъ ученой, и послѣ третьяго представленія „Фіеско" былъ снятъ

*) Онъ даже придумалъ счастливое окончаніе, плохо вяжущееся съ теченіемъ всей драмы (см. вступительный этюдъ «Фіеско»).

съ репертуара. Въ мартѣ того же года была поставлена „Luise Millerin“, которую актеръ и драматургъ Иффландъ скоро окрестилъ названіемъ, болѣе подходившимъ ко вкусу публики: „Коварство и Любовь“. Новая пьеса была принята гораздо лучше, но все таки

очаровала весь Маннгеймъ моцартовскимъ „Похищеніемъ изъ Сераля“, а въ третьихъ, рѣзкій мѣстный колоритъ и язвительный сатирическій тонъ показался вѣрноподданнымъ жителямъ Пфальца чуть не обличеніемъ нравовъ ихъ собственнаго двора

Памятникъ Шиллеру и Гетѣ въ Веймарѣ (Ритчеля).

не имѣла прочнаго успѣха; этому воспрепятствовало во первыхъ то, что Иффландъ за нѣсколько недѣль поставилъ уже на сцену одну „мѣщанскую трагедію“, произведшую настоящую сенсацію; во вторыхъ, въ это же время заѣзжая оперная труппа

Не даромъ Дальбергъ восхищался Иффландомъ за то, что въ его пьесахъ нѣтъ ничего, кромѣ „чистой морали“. Чтобы немного отдохнуть отъ непріятныхъ впечатлѣній, Шиллеръ рѣшилъ проѣхаться во Франкфуртъ вмѣстѣ съ Маннгеймской труп-

пой, отправлявшейся туда на гастроли. Директоръ франкфуртскаго театра Гроссманъ, принадлежавшій къ числу поклонниковъ Шиллера, былъ очень радъ случаю лично познакомиться съ поэтомъ; въ честь его пріѣзда было поставлено „Коварство и Любовь", двери франкфуртскихъ салоновъ гостепріимно открылись передъ нимъ, и въ заключеніе Шиллеръ успѣлъ завоевать пламенное женское сердце: Софія Альбрехтъ, поэтесса, романистка и актриса, не лишенная дарованій, но крайне экзальтированная женщина, увлеклась Шиллеромъ чуть не съ первой встрѣчи, и поэтъ, конечно, не отказалъ ей во взаимности.

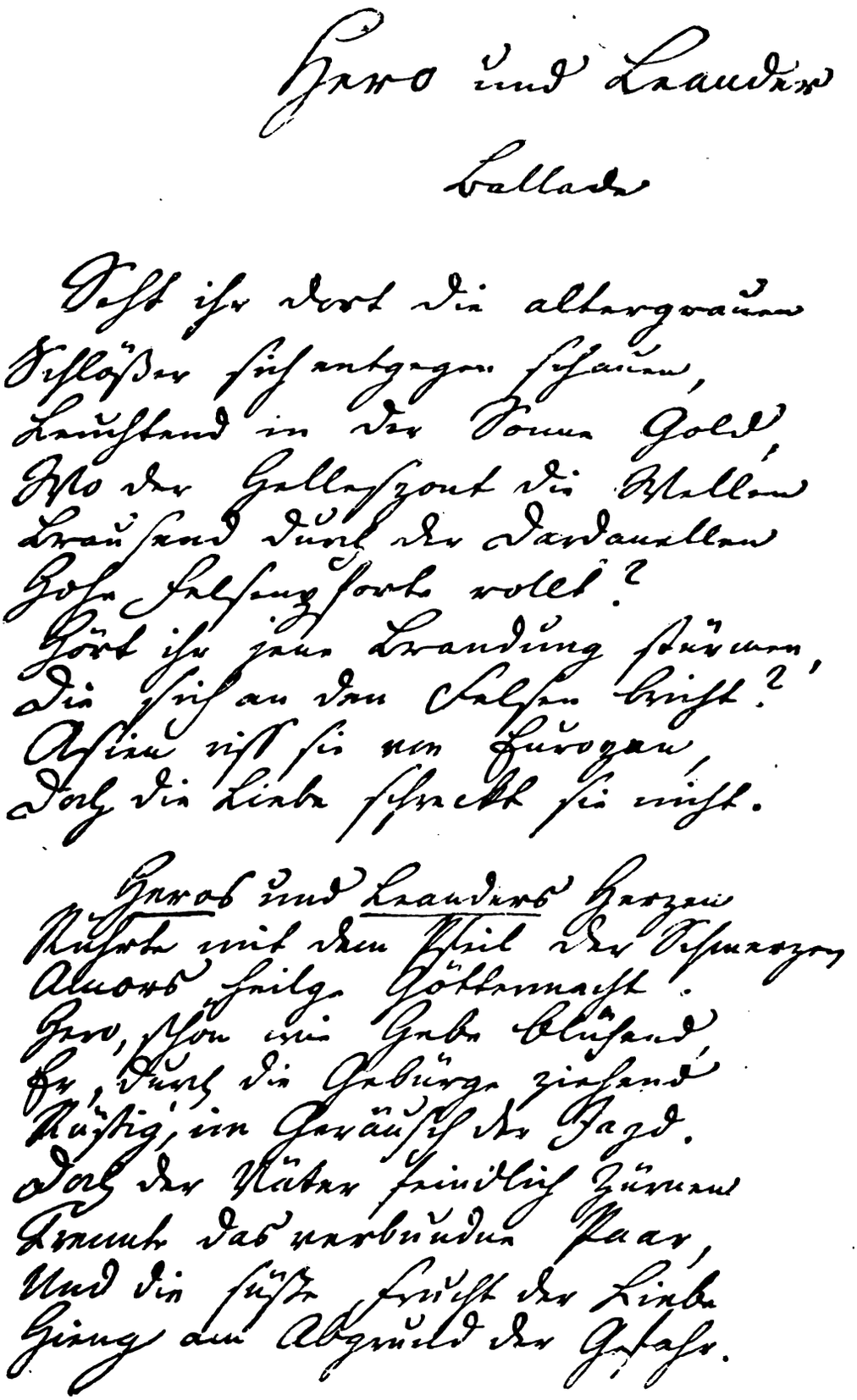
Вернувшись въ Маннгеймъ подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ франкфуртскихъ тріумфовъ, Шиллеръ сталъ болѣе радужно смотрѣть на свои обстоятельства и началъ съ Дальбергомъ переписку о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать для Маннгеймскаго театра въ будущемъ году. Но Дальбергъ, твердо рѣшившійся, подъ вліяніемъ Иффланда *), отдѣлаться отъ неисправнаго поэта, который до сихъ поръ еще не выбралъ сюжета для третьей имъ обѣщанной пьесы, подалъ ему совѣтъ, не теряя времени, приняться за изученіе медицины. Шиллеръ отвѣтилъ, что онъ и самъ думалъ объ этомъ, но пока онъ будетъ готовиться къ докторскому экзамену, ему надо пить и ѣсть и потому онъ проситъ оставить его еще на годъ театральнымъ поэтомъ, обѣщая за это время написать крупную историческую драму, которая „будетъ стоить трехъ мѣщанскихъ", обработать столько то англійскихъ и французскихъ пьесъ, издавать театральный журналъ и т. д. Но Дальбергъ отвѣтилъ на всѣ эти обѣщанія краснорѣчивымъ молчаніемъ. Между тѣмъ прошелъ срокъ заключенія контракта, и Шиллеръ снова оказался безъ мѣста. Это было для него тѣмъ печальнѣе, что карманъ его былъ пустъ безусловно; онъ даже не могъ заплатить г-жѣ Вольцогенъ тѣхъ суммъ, которыя она, несмотря на крайнюю ограниченность собственныхъ средствъ, внесла за него бауэрнбахскимъ кредиторамъ. Оказавшись до такой степени неисправнымъ, Шиллеръ не рѣшился показаться на глаза своей покровительницѣ и поневолѣ превалъ съ ней сношенія. Съ отцомъ, который по прежнему опекалъ и наставлялъ сына, Шиллеръ долженъ былъ вести непріятную переписку по поводу штутгардскихъ долговъ. Шиллеръ не миновалъ бы тюрьмы, еслибъ его не выручилъ его домохозяинъ плотникъ Гольцль, сына котораго Шиллеръ когда то вылѣчилъ и который теперь предоставилъ въ распоряженіе поэта всѣ свои сбереженія *).

Шиллеръ въ Карлсбадѣ въ 1791 г. По современному рисунку его друга художника Рейнгардта.

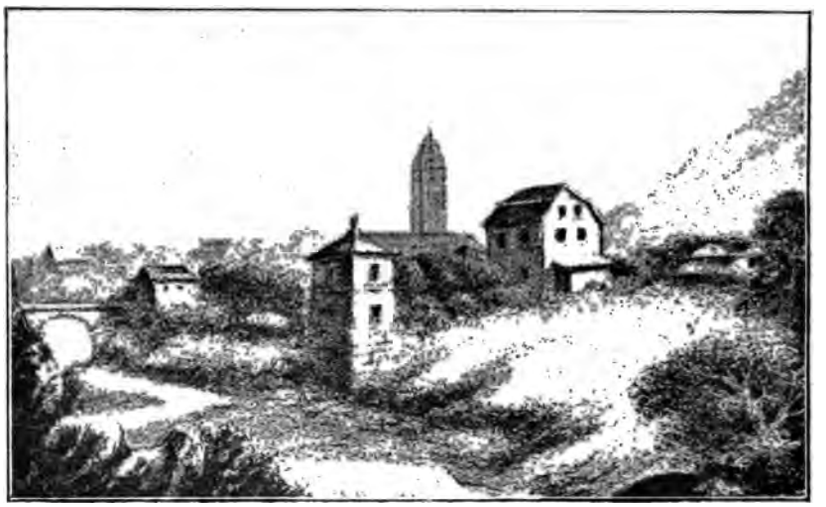
Если финансовое положеніе Шиллера „оставляло желать многаго", какъ выражаются нѣмцы, его гражданское безправіе, такъ тяготившее и его самого, и его семью, пришло къ концу: во первыхъ Шиллеръ былъ принятъ въ члены Нѣмецкаго Общества, состоявшаго подъ покровительствомъ герцога Пфальцскаго; во вторыхъ, онъ сблизился съ герцогомъ Веймарскимъ: въ самомъ началѣ 1785 г. нѣкая Шарлотта фонъ Кальбъ (см. ниже) доставила Шиллеру случай прочесть при дармштадтскомъ дворѣ, гдѣ тогда гостилъ другъ Гете, Карлъ Августъ Веймарскій, первый актъ „Донъ-

*) 3 августа 1784 г., во время отсутствія Шиллера на Маннгеймской сценѣ былъ поставленъ глупѣйшій фарсъ «Черный человѣкъ», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ представляло собою безцеремонный пасквиль на поэта: Иффландъ, игравшій эту роль, не постыдился гримироваться Шиллеромъ.

*) Впослѣдствіи Шиллеръ не разъ спасалъ Гольцлей и тѣ считали его своимъ благодѣтелемъ.


Геро и Леандеръ. Факсимиле.

Карлоса". Это чтеніе произвело такое впечатлѣніе на благороднаго и либеральнаго герцога, что на слѣдующее же утро онъ, въ благодарность за доставленное удовольствіе, прислалъ поэту дипломъ на званіе совѣтника веймарскаго двора. Правда, это былъ пустой титулъ, не приносившій ни гроша дохода, но все же безпріютному бродягѣ и бѣглому медику онъ доставлялъ извѣстное положеніе въ обществѣ; Карлъ-Августъ этимъ дипломомъ какъ бы принималъ его къ себѣ на службу и подъ свое покровительство.



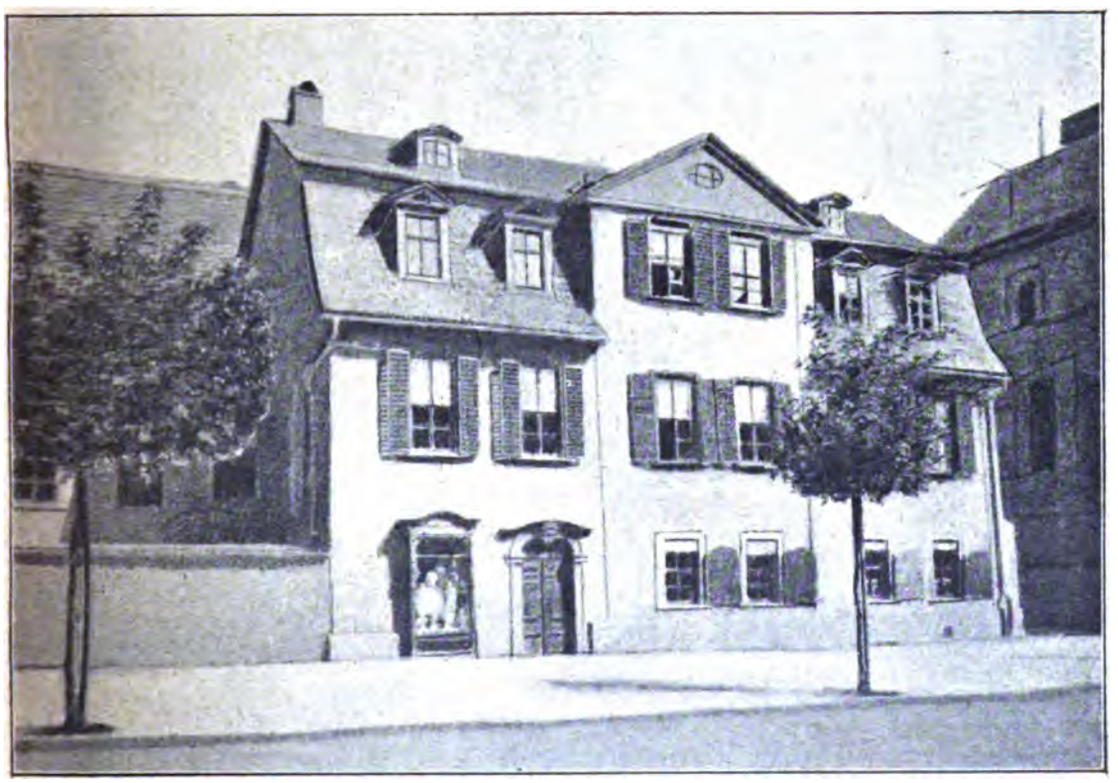
Домъ Шиллера въ Іенѣ. Рисунокъ Гете.

Съ свойственнымъ ему оптимизмомъ, Шиллеръ уже началъ мечтать о томъ, какъ со временемъ онъ, подобно Гете, пристроится при веймарскомъ дворѣ; но пока его туда не приглашали, и надо было чѣмъ нибудь существовать въ Маннгеймѣ. Шиллеръ рѣшилъ взяться на свой страхъ за изданіе театральнаго журнала; онъ разослалъ по всей Германіи проспекты своей „Таліи" въ надеждѣ собрать достаточную сумму подпиской. Надежда не оправдалась; подписчики нашлись, но въ небольшомъ количествѣ. Шиллеръ работалъ надъ первымъ нумеромъ и напрасно поджидалъ новыхъ подписчиковъ, а между тѣмъ прежніе негодовали на медленность редакціи. Наконецъ весной 1785 г. появилась первая книжка „Таліи", иныя статьи которой возстановили противъ Шиллера маннгеймскую труппу почти поголовно, такъ что пребываніе въ Маннгеймѣ стало для поэта крайне непріятнымъ. Къ тому же вели и его отношенія съ женщинами, игравшія въ жизни Шиллера, вообще, очень видную роль.

Домъ Шиллера въ Веймарѣ. (По литографіи 1808 г.).

Въ первые мѣсяцы маннгеймской жизни Шиллеръ мечталъ о продолженіи своей идиллiи съ Шарлоттой, но это не мѣшало ему ухаживать сперва за актрисой Бауманнъ, а потомъ за Маргаритой Шванъ, красивой, нѣсколько капризной и гордой дѣвушкой, явно обнаруживавшей свое къ нему расположеніе. Хотя молва давно женила его на нихъ обѣихъ. Шиллеръ съ

свойственною ему въ сердечныхъ дѣлахъ нерѣшительностью не высказывалъ ясно своихъ чувствъ. Но ни актрисѣ Бауманъ, ни Маргаритѣ Шванъ не суждено было сыграть въ жизни поэта такой роли, какая выпала на долю Шарлоттѣ фонъ Кальбъ, безусловно самой выдающейся изъ всѣхъ „подругъ“ Шиллера (портретъ см. стр. XXVII и XXVIII). Съ дѣтства мистически настроенная подъ вліяніемъ ряда семейныхъ несчастій и крайней чувствительности нервовъ, Шарлотта была выдана замужъ, изъ практическихъ соображеній, за грубоватаго полковника французской службы, видавшаго всякіе виды и не



Домъ Шиллера въ Веймарѣ въ настоящее время.

имѣвшаго никакихъ точекъ соприкосновенія съ красавицей женой, которая вся жила въ мечтахъ и книгахъ. Съ особеннымъ увлеченіемъ Шарлотта вчитывалась во французскихъ поэтовъ потому, что они умѣли выражать высокія и сильныя чувства въ безукоризненно правильной и какъ бы холодной формѣ; они наиболѣе соотвѣтствовали характеру самой Шарлотты, скрывавшей подъ холодной внѣшностью болѣзненно чуткое сердце.

Шарлотта, вѣроятно, имѣла случай встрѣчаться съ Шиллеромъ, когда еще дѣвушкой гостила у дяди, жившаго близъ Бауэрнбаха. Поселившись въ Маннгеймѣ (въ ожиданіи близкаго разрѣшенія отъ бремени), она возобновила прежнее знакомство, которое скоро обратилось въ тѣсную дружбу; Шиллеръ пользовался также расположеніемъ полковника фонъ Кальбъ, который нерѣдко пріѣзжалъ въ Маннгеймъ изъ Ландау, гдѣ онъ служилъ.

Сближеніе съ Шарлоттой скоро и благотворно отразилось на творчествѣ Шиллера, героини котораго доселѣ грѣшили порядочной безжизненностью. Благородное самообладаніе, съ которымъ Шарлотта сносила свое печальное семейное положеніе, отразилось въ королевѣ Елизаветѣ (Донъ Карлосъ), а эгоистическая страстность ея натуры, съ которой Шиллеръ познакомился нѣсколько позднѣе, дала поэту матеріалъ для характера принцессы Эболи.

И литературные взгляды Шарлотты неостались безъ вліянія на Шиллера. Еще раньше нѣкоторые маннгеймскіе друзья, высоко ставившіе французскую литературу, до нѣкоторой степени примирили съ ней Шиллера, ко-

торый снова взялся за заброшенный французскій языкъ; теперь же въ обществѣ фонъ Кальбовъ ему иногда приходилось даже говорить по французски (у полковника довольно часто бывали его товарищи, французскіе офицеры).

Частое общеніе съ изящной полковницей и совмѣстное чтеніе (Шарлотта, смягчая и исправляя грубоватыя, казарменныя манеры Шиллера, между прочимъ выучила его очень прилично читать въ слухъ) заставили Шиллера оцѣнить по достоинству строгую выдержанность формы классической французской драмы, что такъ выгодно отразилось на его Донъ-Карлосѣ.

На первое время Шарлотта была повѣренной Шиллера въ его сердечныхъ дѣлахъ, была тѣмъ, что называется „другомъ—женщиной", но скоро обѣимъ сторонамъ стало понятно, что они не могутъ оставаться при такихъ отношеніяхъ. Шиллеръ разразился въ стихахъ („Борьба") проклятіями противъ безнравственности брачныхъ цѣпей, но въ жизни не дерзнулъ вступить въ борьбу съ обществомъ (конечно, не изъ страха за себя) и рѣшился покинуть Маннгеймъ, гдѣ земля ускользала у него изъ-подъ ногъ. Шарлотта сперва и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ поэта, но потомъ, когда тотъ предоставилъ рѣшеніе ей, она согласилась пожертвовать личнымъ счастьемъ и остаться въ прежнемъ одиночествѣ.

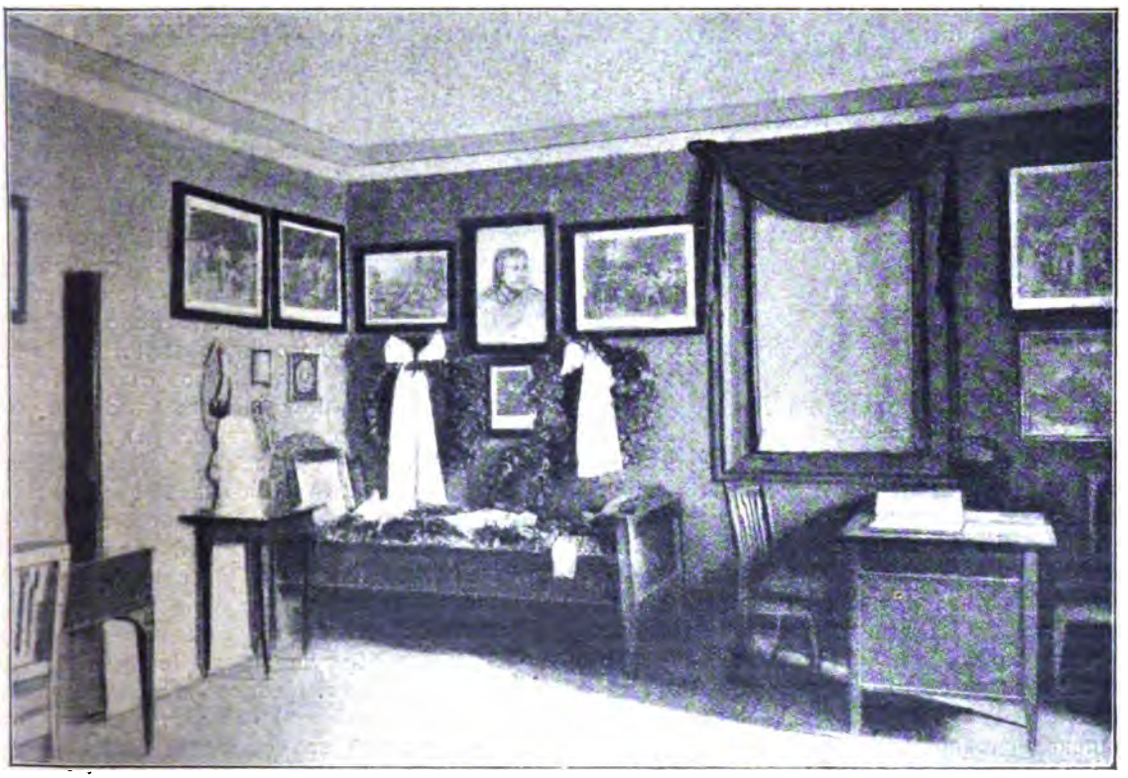
Раздумывая, куда бы ему направить путь, Шиллеръ вспомнилъ о томъ, что въ Лейпцигѣ у него есть маленькій кружокъ почитателей, который не разъ выражалъ ему свою симпатію небольшими приношеніями и письмами. Кружокъ этотъ состоялъ изъ юриста Кёрнера, начинающаго писателя и переводчика Губера и ихъ невѣстъ, двухъ дѣвицъ Штокъ. Шиллеръ написалъ молодымъ людямъ о своемъ желаніи покинуть Маннгеймъ для Лейпцига и о матерьяльныхъ затрудненіяхъ, мѣшавшихъ ему исполнить этотъ планъ. Положеніе Шиллера тронуло его поклонниковъ, и ему была оказана помощь самымъ деликатнымъ образомъ. Кёрнеръ, получившій послѣ смерти отца

Пріемная Шиллера въ его Веймарскомъ домѣ.

порядочное наслѣдство, состоялъ пайщикомъ начинающей издательской фирмы Гошена. Въ отвѣтъ на свое письмо Шиллеръ получилъ отъ Гошена предложеніе принять на себя изданіе „Таліи“ на очень выгодныхъ условіяхъ. Разумѣется, Шиллеръ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ и немедленно же получилъ щедрый авансъ, который далъ ему возможность уплатить маннгеймскіе долги и даже удовлетворить большую часть штутгардтскихъ кредиторовъ. Вскорѣ онъ прибылъ въ Лейпцигъ. Шиллеръ пріятно удивилъ новыхъ друзей, ожидавшихъ увидѣть въ немъ прототипъ Карла Мора, изяществомъ своего костюма и мягкостью обращенія. Съ своей стороны, и онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ личнымъ знакомствомъ съ друзьями, и зажилъ онъ очень хорошо. Лейпцигъ слылъ тогда маленькимъ Парижемъ. Въ нѣсколько недѣль Шиллеръ составилъ себѣ обширнѣйшій кругъ знакомствъ среди собратій по искусству, которые фабриковали тутъ литературныя произведенія всѣхъ сортовъ и снабжали матерьяломъ средней руки всю читающую Германію. Общество милыхъ дѣвушекъ, сестеръ Штокъ, заботившихся о его холостомъ хозяйствѣ, посѣщеніе семейныхъ домовъ настроили понемногу Шиллера на мысль о томъ, что хорошо бы было и ему развязаться съ бездомнымъ существованіемъ холостяка. И вотъ онъ шлетъ своему прежнему учителю Швану письмо, въ которомъ проситъ руки его дочери Маргариты. Сватовство, однако, оказалось неудачнымъ.

Въ самомъ Лейпцигѣ Шиллеръ прожилъ всего недѣли три. Въ началѣ мая онъ переселился въ Голисъ (рис. на стр. XXX), теперь предмѣстье, а тогда деревушка, прелестное мѣстоположеніе которой дѣлало ее любимой дачной резиденціей лейпцигскихъ художниковъ и литераторовъ. Въ Голисѣ Шиллеръ вращался въ томъ же артистическомъ кружкѣ, съ членами котораго сошелся въ Лейпцигѣ; только деревенская свобода и лѣтнее бездѣлье дѣлали настроеніе его еще беззаботнѣе, чѣмъ въ городѣ.

Шиллеръ вставалъ очень рано, часа въ 3, 4 утра, и, въ сопровожденіи мальчика, несшаго фляжку съ водой и стаканъ, часа два бродилъ по окрестностямъ, обдумывая исполненіе предстоявшей ему работы. Возвратившись домой, онъ радъ былъ по



Кабинетъ Шиллера въ Веймарѣ и комната, въ которой онъ умеръ.

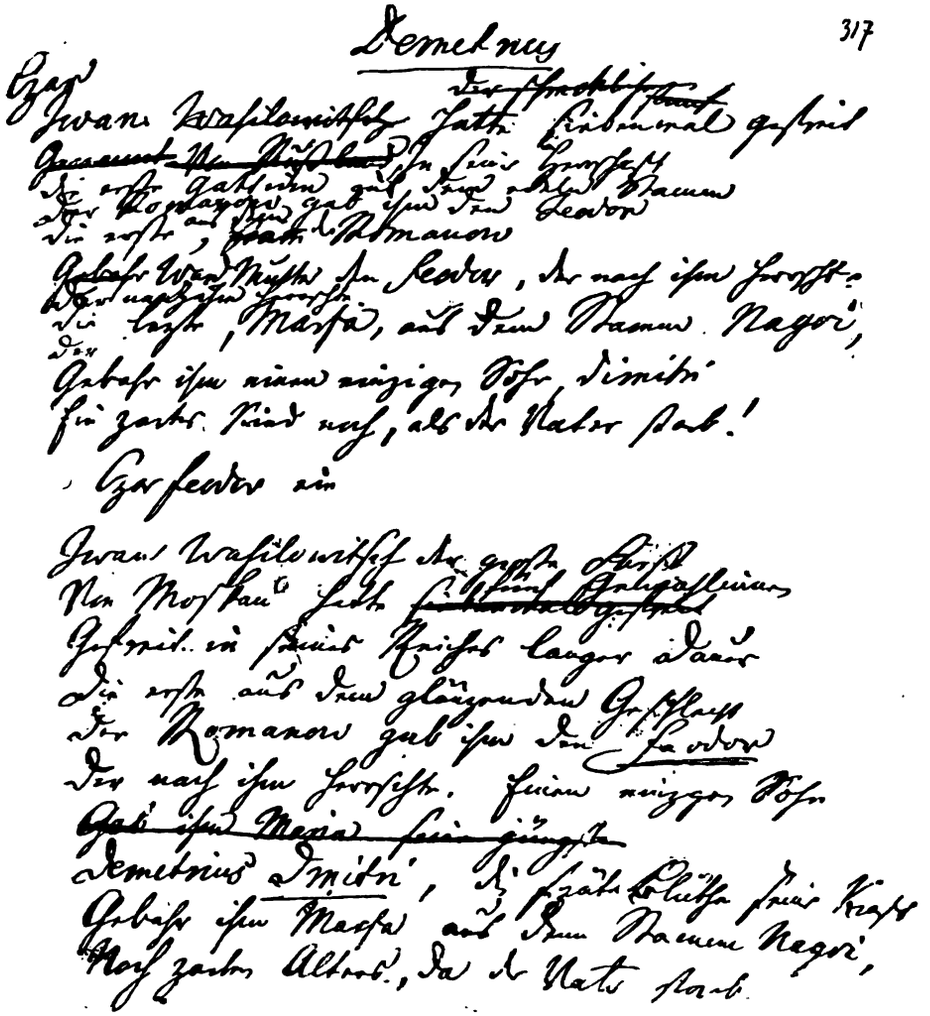
дѣлиться мыслями, если кто-нибудь подходящій былъ подъ рукой, но споры не затягивались, такъ какъ, когда дачники начинали показываться на улицѣ, Шиллеръ уже сидѣлъ въ садовой бесѣдкѣ (рис. на стр. XXXII) и работалъ надъ „Карлосомъ“ или надъ статьями для „Таліи“. Иногда хорошая погода выманивала его въ садъ близлежащаго замка или въ Rosenthal, но и тутъ его рѣдко встрѣчали безъ тетради и пера, для удобства заложеннаго за ухо. Зато вечеръ посвящался отдыху. Къ этому времени изъ города пріѣзжалъ Гошенъ, съ которымъ Шиллеръ успѣлъ за это время сойтись очень близко.—Гошенъ былъ энергичный предприниматель, начавшій свои дѣла съ очень скудными средствами; не столько страсть къ наживѣ, сколько неутомимая внутренняя потребность дѣятельности не давала ему покоя и заставляла его заводить новыя предпріятія, когда старыя не были еще прочно поставлены, что нерѣдко ставило его въ очень затруднительное положеніе и вредило успѣху его начинаній. Характеръ дѣятельности Гошена требовалъ отъ него извѣстнаго литературнаго вкуса, что, вмѣстѣ съ природнымъ бойкимъ умомъ, дѣлало его интереснымъ собесѣдникомъ для Шиллера, цѣнившаго въ другихъ практическій взглядъ. Въ свою очередь Гошенъ былъ плѣненъ мягкостью и сердечностью Шиллера, спокойствіемъ, а подчасъ и благодарностью, съ какими онъ выслушивалъ даже рѣзкія замѣчанія. — Гошенъ былъ неразлучнымъ членомъ кружка друзей, съ которыми Шиллеръ проводилъ вечера подъ старой липой передъ своей дачей, наслаждаясь музыкой и пѣніемъ жившихъ тутъ студентовъ, или за партіей виста (Шиллеръ опять сталъ увлекаться картами). Въ этомъ обществѣ господствовалъ свободный, буршикозный тонъ, но остроты и шутки не мѣшали бесѣдѣ принимать и серьезный оборотъ: споры объ искусствѣ, сужденія о произведеніяхъ литературы заставляли работать молодыя головы, и Шиллеръ дѣлался въ такихъ случаяхъ душою общества. Но, наслаждаясь обществомъ присутствующихъ друзей, Шиллеръ не забывалъ и объ отсутствующихъ: онъ велъ дѣятельную переписку съ Кернеромъ, и оба старались полной откровенностью уничтожить возможность какого-нибудь разочарованія при встрѣчѣ. Свиданіе это произошло въ Кансдорфѣ, имѣніи родственника Кернера Эрнести. Шиллеръ и его поклонникъ произвели другъ на друга самое лучшее впечатлѣніе; съ этого времени Кернеръ становится самымъ заботливымъ и преданнымъ опекуномъ Шиллера, готовымъ на всякія жертвы ради того, чтобы создать лучшія условія для развитія его таланта. Христіанъ Готфридъ Кернеръ (портр. на стр. XXIX), родившійся въ 1756 г., былъ сынъ профессора теологіи и лейпцигскаго суперинтендента; мать его, происходившая изъ богатой купеческой семьи, принесла съ собой богатое приданое, которое впослѣдствіи дало сыну возможность оказывать щедрую помощь своимъ нуждающимся друзьямъ. Въ семьѣ Кернеровъ господствовало пуританское благочестіе, не допускавшее даже самыхъ невинныхъ развлеченій. Тяжелый гнетъ постоянной работы лежалъ на мальчикѣ. Результатомъ такого дѣтства въ юношѣ Кернерѣ явилось неодолимое и вмѣстѣ довольно неопредѣленное стремленіе къ дѣятельности, которая могла бы облагодѣтельствовать все человѣчество, и въ то же время къ личному счастью, за которое онъ готовъ былъ дорого заплатить. Энергичная, но непродуктивная натура мѣшала ему найти въ чемъ-нибудь полное удовлетвореніе: онъ бросался отъ филологіи къ философіи, отъ философіи къ юриспруденціи. Знакомство съ сестрами Штокъ и счастливая любовь къ одной изъ нихъ, Миннѣ (портр. на стр. XXXI), доставила ему нѣкоторое успокоеніе. Но отецъ Кернера не хотѣлъ и слышать о женитьбѣ сына на дочери нищаго гравера, выросшей въ свободной артистической средѣ. Сынъ, не менѣе стойкій въ осуществленіи своихъ плановъ, отложилъ на время мысль о бракѣ и сталъ подыскивать себѣ занятіе, которое обезпечило бы существованіе будущей его семьи. Въ 1783 г. Кернеръ получилъ мѣсто при дрезденской консисторіи, а въ началѣ 1785 г. умерли его родители, оставивъ его хозяиномъ значительнаго состоянія.

Въ началѣ августа совершился бракъ Кернера и Минны Штокъ, и вскорѣ послѣ того молодые поселились въ Дрезденѣ.— Провожая ихъ, Шиллеръ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ руку, что на время лишило его возможности работать. Бездѣйствіе, хмурая осенняя погода, а главное отсутствіе друга, все это дѣлало пребываніе въ Голисѣ несноснымъ для Шиллера: его тянуло въ Дрезденъ. Какъ только рука немного зажила, онъ пишетъ Кернеру, что не можетъ болѣе оставаться въ Лейпцигѣ, и проситъ отвѣтить, не помѣшаетъ ли онъ друзьямъ, если пріѣдетъ къ нимъ. Отвѣтъ Кернера нетрудно угадать. 11-го сентября Шиллеръ былъ уже на пути въ Дрезденъ,

гдѣ ему было суждено провести два года въ небываломъ для него мирѣ и спокойствіи, такъ какъ Кернеръ привелъ въ порядокъ его денежныя дѣла.

По сравненію съ Лейпцигомъ, жившимъ такою бойкою умственною жизнью, Дрезденъ былъ соннымъ городкомъ, гдѣ всякое движеніе было сковано атмосферою этикета, проникавшаго изъ придворныхъ круговъ ровъ. Въ какомъ восторженномъ состояніи былъ Шиллеръ въ первое время дрезденской жизни—свидѣтельствуетъ сложенная имъ тогда и положенная на музыку Кернеромъ пѣснь „Къ радости".

Задушевныя бесѣды и философскіе споры съ Кернеромъ, общество милыхъ женщинъ, молодое веселье Губера (который тоже поселился въ Дрезденѣ), невольно за-



Рукопись неоконченной драмы «Дмитрій Самозванецъ».

почти во всѣ слои общества. Сокровища живописи, которыми славился Дрезденъ, не имѣли для Шиллера никакого значенія, такъ какъ пластическія искусства оказывали на него столь же мало дѣйствія, сколько музыка на Гете. Вся роль Дрездена въ исторіи духовнаго развитіи поэта должна была обусловиться вліяніемъ семьи Кернеражавшее всѣхъ—все это были элементы, казалось, долженствовавшіе обезпечить полный покой утомленному страннику. Нѣкоторое время Шиллеръ наслаждался отдыхомъ, но понемногу сталъ замѣчать, что въ этой гармоніи есть скрытые диссонансы, усиливавшіеся съ теченіемъ времени.—Прежде всего Шиллеръ разошелся съ Губеромъ.

Легкомыслiе и пустота юноши, которыя друзья долго старались извинить молодостью, становились все болѣе замѣтны. Затѣмъ Шиллера стала тяготить узость кружковыхъ интересовъ и сила, съ которой эта несомнѣнно филистерская трясина затягивала его. Тщетно пробовалъ Шиллеръ сблизиться съ дрезденскимъ обществомъ: въ домахъ, которые ему случалось посѣщать, процвѣтала только карточная игра, которой Шиллеръ, къ большому огорченію Кернера, сталъ опять увлекаться. Работа не могла дать выхода всей его энергіи: „Донъ Карлосъ" зрѣлъ медленно, а обязанность заполнять книжки „Таліи"*) лежала на Шиллерѣ тяжкимъ бременемъ, такъ какъ изданіе не пользовалось той популярностью, о какой мечталъ онъ. Для облегченія своей задачи Шиллеръ предлагалъ своимъ друзьямъ сотрудничество въ журналѣ, но только Губеръ и Рейнвальдъ оказывали ему сколько-нибудь значительное содѣйствіе. Кернеръ, принимавшій участіе въ серіи философско-эстетическихъ трактатовъ, объединенныхъ подъ заглавіемъ „Философскихъ писемъ", былъ такъ мало продуктивенъ, что медленность его работы служила предметомъ общихъ шутокъ **).

Въ началѣ 1787 г. произошло событіе, наглядно доказавшее друзьямъ Шиллера, что общество ихъ не доставляетъ ему прежняго удовлетворенія: онъ влюбился въ графиню Генріетту Арнимъ, кокетку, пользовавшуюся въ Дрезденѣ очень дурной репутаціей. Кернеры предостерегали Шиллера, ставили ему на видъ, что онъ только увеличитъ собою фалангу поклонниковъ Генріетты, но успѣха никакого не добьется, такъ какъ мать ея не выдастъ дочь за бѣдняка; все было напрасно: Шиллеръ проводилъ у Арнимовъ всѣ вечера, оказывалъ Генріеттѣ знаки вниманія, истощавшіе его кошелекъ и кредитъ, и увлекался все болѣе. Кернеры увидали, что необходимо принять рѣшительныя мѣры. Воспользовавшись минутой, когда Шиллеръ былъ менѣе обыкновеннаго глухъ къ ихъ увѣщаніямъ, они увезли его въ Тарандтъ, мѣстечко вблизи Лейпцига, гдѣ „бѣдный Робинзонъ" подъ гнетомъ одиночества, раскаянія въ совершенныхъ имъ глупостяхъ и скверной апрѣльской погоды, пришелъ въ самое унылое настроеніе и цѣлые дни проводилъ въ куреніи и истребленіи пива. Старуха Арнимъ, умѣвшая цѣнить не только родовую и денежную, но и умственную аристократію, не хотѣла такъ легко выпустить изъ рукъ добычу и навѣстила отшельника вмѣстѣ съ обѣими дочерьми. Однако, ни этотъ визитъ, ни переписка съ Генріеттой не оживили угасавшаго пламени. Въ маѣ Шиллеръ вернулся въ Дрезденъ почти вполнѣ излѣчившимся отъ своей страсти, но съ большимъ желаніемъ поскорѣе покинуть мѣсто, непріятно напоминавшее ему о недавнемъ безуміи. Кернеръ, всегда имѣвшій въ виду только пользу и выгоды своего друга, самъ уже думалъ объ этомъ и даже принялъ кое-какія мѣры къ тому, чтобы устроить Шиллера въ Берлинѣ, но поэтъ, истомившійся въ бюргерской средѣ, мечталъ о напряженной, умственной жизни и высокихъ литературныхъ интересахъ. Такое общество онъ думалъ найти въ Веймарѣ, резиденціи Гердера, Виланда и Гете. Въ Веймаръ его привлекала также надежда получить прочное, обезпеченное положеніе при дворѣ „своего" герцога. Туда же звала его и Шарлотта фонъ Кальбъ, съ которой Шиллеръ поддерживалъ оживленную переписку.—Въ іюлѣ 1787 года Шиллеръ прибылъ въ Веймаръ, гдѣ не засталъ ни герцога, ни Гете, путешествовавшаго по Италіи. Онъ сдѣлалъ, конечно, визиты всѣмъ литературнымъ знаменитостямъ „города музъ". Виландъ, въ придворномъ кружкѣ довольно неодобрительно отзывавшійся о Донъ-Карлосѣ, принялъ, однако, автора его очень ласково, потому что имѣлъ на него свои виды: онъ разсчитывалъ его свѣжими силами обновить своего „Нѣмецкаго Меркурія".—Герцогиня Амалія и Гердеръ, который, повидимому, совсѣмъ не читалъ произведеній Шиллера, также были очень любезны. Поверхностное радушіе веймарцевъ не обмануло Шиллера. Всмотрѣвшись поближе въ тихую, замкнутую жизнь этихъ маленькихъ планетъ, группировавшихся вокругъ привлекавшихъ ихъ солнцъ, Шиллеръ проникся сознаніемъ своей духовной мощи, не уступавшей силамъ веймар-

*) Для этой цѣли онъ переводилъ Филиппа II Мерсье и началъ своего «Духовидца».

**) Къ этому времени относится рядъ каррикатуръ Шиллера на Кернера, совокупность которыхъ должна была представлять собою «похожденія новаго Телемака». Мы взяли изъ нихъ три. Одна добродушно высмѣиваетъ щедрость Кернера и готовность всякому помочь. Она (стр. XXXII) изображаетъ «Кернера въ дорогѣ», объявляющаго — «Ich zahle für Alle» (плачу за всѣхъ). Во второй «Кернеръ засыпаетъ надъ Кантомъ» уже менѣе добродушно вышучивается неспособность его къ серьезнымъ занятіямъ. Въ третьей «Геркулесъ на распутьи», два президента консисторій зовутъ къ себѣ на службу Кернера, но онъ на нихъ не обращаетъ вниманія и всецѣло сосредоточился на письмѣ отъ невѣсты, которое ему подаетъ невидимая рука почтальона. Рисунки, нельзя сказать, чтобы были интересны или забавны. *С. В.*

скихъ знаменитостей. Онъ видѣлъ, что ему предстоятъ годы упорной работы, если онъ не хочетъ отступить отъ намѣренія пробить себѣ дорогу, но теперь онъ не боялся труда. Жить одной литературой Шиллеръ не могъ: необходимость писать изъ за денегъ заставила бы его по мелочамъ растратить свой талантъ, что онъ отчасти испыталъ при изданіи „Таліи". Надо было найти себѣ какое-нибудь „хлѣбное" ремесло. Изъ двухъ научныхъ отраслей, съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе знакомъ, Шиллеръ выбралъ исторію: медицинапривлекала его очень мало и, несмотря на самыя твердыя намѣренія заняться ею, онъ со Штутгардта не прочелъ ни одной медицинской книги. — Но обстоятельства не позволяли Шиллеру приняться за основательное изученіе исторіи: то, что онъ узнавалъ, онъ долженъ былъ немедленно обрабатывать для публики. Свои историческія занятія онъ началъ съ изученія періода,отчастизнакомагоему по „Донъ Карлосу", и зимою 1787—88 г. созрѣло его первое и лучшее историческое сочиненіе, первый томъ „Отпаденія Нидерландовъ". Книга имѣла крупный успѣхъ; она сразу составила автору репутацію талантливаго историка и принесла крупныя матерьяльныя выгоды, что позволило ему расплатиться съ большею частью кредиторовъ.—Кромѣ исторической работы, у Шиллера было въ эту зиму много другого дѣла: надо было продолжать изданіе „Таліи", которая выходила въ неопредѣленные сроки, но довольно часто, надо было писать для „Нѣмецкаго Меркурія", гдѣ Шиллеръ напечаталъ, между прочимъ, „Боговъ Греціи".— Мысль о дальнѣйшемъ драматическомъ творчествѣ была на время отложена въ сторону: при созданіи „Донъ-Карлоса" Шиллеръ убѣдился, что форма все еще плохо дается ему, что для драмы, какъ отраженія жизни, надо шире познакомиться съ самою жизнью въ ея настоящемъ, а если это невозможно, то въ прошломъ. Этимъ объясняется десятилѣтній промежутокъ между „Карлосомъ" и „Валленштейномъ".

Интенсивный трудъ поглощалъ всѣ силы и энергію Шиллера; отъ общества онъ почти отказался, даже переписку съ Кернеромъ поддерживалъ временами вяло, на что безкорыстный другъ не обижался, радуясь, что трудъ впервые начинаетъ удовлетворятьШиллера.— Не такъ благоразумна была Шарлотта фонъ Кальбъ, ожидавшая найти въ Шиллерѣ прежнягоувлекающагося юношу, готоваго попрежнему смотрѣть на нее снизу вверхъ. Хотя Шиллеръ ежедневно посѣщалъ ее, восхищался ею, открывалъ въ ея богато одаренной натурѣ новыя и новыя привлекательныя стороны, соглашался на осуществленіе составленнаго ею плана совмѣстной жизни въ Дрезденѣ (причемъ полковникъ фонъ Кальбъ принимался въразсчетътакъ-же мало, какъ фонъ Штейнъ—въ отношеніяхъ между Гете и г-жею ф. Штейнъ)—но о прежнемъ поклоненіи, о прежней безумной страсти не было и помину. Два года прошли для обоихъ не безслѣдно: между тѣмъ, какъ въ Шиллерѣ окрѣпло сознаніе своихъ силъ и своего призванія, между тѣмъ, какъ онъ умственно созрѣлъ и отрѣшился отъ страстныхъ порывовъ и напыщенной декламаціи своей молодости, Шарлотта, подъ давленіемъ несчастной семейной жизни, проникалась все болѣе болѣзненнымъ взглядомъ на жизнь. Она производила и впослѣдствіи сильное впечатлѣніе на многихъ, въ томъ числѣ на Жанъ Поля, но вліяніе ея ни-

Великая Княгиня Марія Павловна, великая герцогиня Саксенъ-веймаръ-эйзенахская.

когда не было ни благотворно, ни продолжительно.—Сердечный голодъ Шиллера, уже не находившій удовлетворенія у г-жи ф. Кальбъ, нашелъ себѣ новую пищу въ общеніи съ сестрами Ленгефельдъ, съ перваго знакомства очаровавшими его.

Въ ноябрѣ 1787 года Шиллеръ совершилъ поѣздку въ Мейнингенъ съ цѣлью навѣстить сестру Кристофину, вышедшую въ 1786 г. замужъ за Рейнвальда, и свою дорогую пріятельницу г-жу ф. Вольцогенъ, относившуюся къ нему по прежнему съ материнскимъ расположеніемъ. Вильгельмъ ф. Вольцогенъ, съ которымъ Шиллеръ теперь впервые поближе познакомился, предложилъ ему заѣхать на возвратномъ пути въ Рудольштадтъ навѣстить его двухъ „мудрыхъ“ кузинъ (superkluge Cousinen).

Старшая изъ сестеръ Ленгефельдъ, Каролина (портретъ на стр. XXXVIII), 16-ти л., вышедшая по желанію матери замужъ за ф. Бейльвица, къ которому она не чувствовала ни малѣйшей сердечной склонности, была энергичной и талантливой женщиной: она прекрасно играла, писала *), интересовалась исторіей, литературой и даже философіей, она умѣла собрать вокругъ себя людей, жившихъ такъ же, какъ и она, умственными интересами, и была душою этого маленькаго общества. Младшая сестра, Лотта (портр. на стр. XXXIV), которой было въ это время около 23-хъ лѣтъ, была отъ природы гораздо мягче и застѣнчивѣй, нежели Каролина; спокойная и тихая въ обществѣ, она пользовалась нѣжною любовью всѣхъ, приходившихъ съ ней въ соприкосновеніе и имѣвшихъ случай испытать ея безграничную доброту. Отца, состоявшаго смотрителемъ лѣсовъ въ окрестностяхъ Рудольштадта, сестры лишились еще въ дѣтствѣ. Каролина, какъ старшая, сохранила болѣе яркое воспоминаніе объ этомъ превосходномъ человѣкѣ, прилагавшемъ большія заботы не только къ умственному, но и къ физическому воспитанію своихъ дочерей. Мать, которую родные и знакомые полушутливо, полуснисходительно называли chère mère, довольно пустая женщина и немножко ханжа, занятая своими обязанностями при маленькомъ рудольштадтскомъ дворѣ, была не въ силахъ направлять развитіе своихъ дочерей. Дѣвушки очень много читали; имъ были знакомы Гомеръ, Плутархъ, Руссо; Гете, съ которымъ они познакомились у г-жи ф. Штейнъ, былъ ихъ домашнимъ божествомъ. Путешествіе во французскую Швейцарію, куда мать послала ихъ для усовершенствованія во французскомъ языкѣ (Лотта должна была подготовиться къ предназначавшемуся ей посту придворной дамы), закончило ихъ не систематичное, но, въ общемъ, недурное образованіе, которымъ Лотта была въ значительной мѣрѣ обязана нѣжно любившей ее старшей сестрѣ.

Первое свиданіе съ этимъ семействомъ произвело на Шиллера такое пріятное впечатлѣніе, что онъ тутъ же составилъ планъ прожить слѣдующее лѣто въ Рудольштадтѣ. Въ теченіе зимы сношенія съ Ленгефельдами не прерывались: сестры часто пріѣзжали въ Веймаръ, гдѣ у нихъ было много друзей, а когда онѣ уѣзжали въ Рудольштадтъ, Шиллеръ велъ съ ними переписку, пріятно отличающуюся деликатностью тона отъ грубоватой фамильярности, съ которой онъ нѣкогда писалъ Дорѣ и Миннѣ.

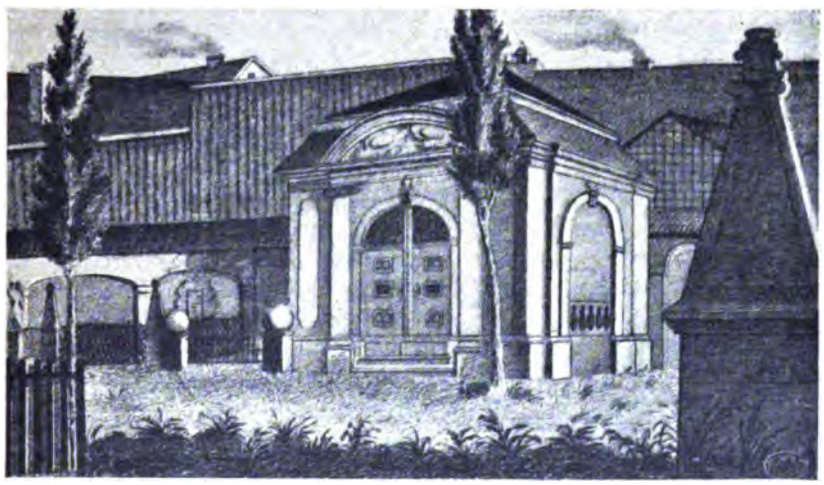
Лѣто, проведенное Шиллеромъ въ окрестностяхъ Рудольштадта, оправдало возлагавшіяся на него надежды. Шиллеръ былъ ежедневнымъ гостемъ Ленгефельдовъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Онъ зналъ, что здѣсь ему сочувствуютъ и понимаютъ его, и потому свободно излагалъ свои мысли, знакомилъ сестеръ съ Оссіаномъ, съ классической литературой, которой онъ теперь началъ увлекаться. Которая изъ двухъ сестеръ нравится ему больше—этого рѣшить онъ не могъ, да и не особенно трудился надъ этимъ вопросомъ. Chère mère, занятая наблюденіемъ за рудольштадтскими принцессами, предоставлялаполную свободу собственнымъ дочерямъ и не вносила своимъ присутствіемъ дисгармоніи въ дружный кружокъ, къ числу членовъ котораго принадлежалъ, между прочимъ, Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, тогда еще двадцатилѣтній юноша.

Крупнымъ событіемъ этихъ мѣсяцевъ было свиданіе Шиллера съ Гете, посѣтившаго семейство Ленгефельдъ. Сестры ждали этой минуты съ нетерпѣніемъ, предвидя отъ нея великія и благотворныя для своего новаго друга послѣдствія, но ихъ надежды не оправдались. Гете былъ съ Шиллеромъ очень сухъ, и тотъ вынесъ изъ свиданія убѣжденіе, что онъ никогда не сойдется съ олимпійцемъ.

Такой результатъ не долженъ насъ удивлять, если мы примемъ въ соображеніе несходство условій, при которыхъ развивались оба писателя. Одинъ выросъ при полномъ матеріальномъ довольствѣ, въ вольномъ

*) Ея романъ «Агнесса ф. Лиденъ», написанный гораздо позже, имѣлъ большой успѣхъ.

городѣ, въ домѣ свободныхъ гражданъ, связанныхъ близкимъ родствомъ съ выборными правителями отчизны; другой—въ домѣ бѣднаго офицера, все благосостояніе котораго зависѣло отъ каприза неотвѣтственнаго начальства. Одинъ видѣлъ только радости, другой—только стѣсненія; одинъ былъ совсѣмъ незнакомъ со школьной дисциплиной, другой до 21-го года находился подъ самой суровой школьной ферулой; одинъ уже съ 16-ти лѣтъ, при наилучшихъ условіяхъ, пользовался всею полнотою академической свободы, другой не имѣлъ и понятія о студенческой жизни. Одинъ вступилъ въ жизнь съ прекраснымъ образованіемъ, съ дипломомъ, съ полнымъ кошелькомъ, съ обширными связями, съ правомъ выбрать ту дѣятельность, которая ему приглянется, и даже съ возможностью обойтись безо всякаго практическаго дѣла; другой изъ-подъ корпусной ферулы попалъ подъ ферулу военнаго начальства, съ грошевымъ жалованьемъ, на которое было почти невозможно существовать, исполняя должность безусловно ему антипатичную. Мудрено ли, что позднѣе дороги ихъ разошлись еще дальше?



Первоначальное мѣсто погребенія Шиллера (такъ наз. Kassengewölbe).

Въ ноябрѣ 1788 года Шиллеръ вернулся въ Веймаръ, а въ декабрѣ, стараніями Гете, который, не симпатизируя его бурнымъ и свободолюбивымъ стремленіямъ, высоко цѣнилъ его какъ мыслителя и художника (но былъ не прочь пристроить его подальше отъ Веймара), онъ получилъ отъ веймарскаго кабинета предложеніе занять каѳедру исторіи въ іенскомъ университетѣ. Предложеніе не представляло особыхъ выгодъ для Шиллера, такъ какъ съ экстраординатурой, которую имѣли въ виду для него, не было соединено опредѣленнаго содержанія, а приготовленіе къ лекціямъ требовало усиленныхъ занятій, отвлекавшихъ его отъ научныхъ и литературныхъ работъ. Однако онъ не счелъ удобнымъ отказаться отъ почетнаго положенія, тѣмъ болѣе, что оно давало ему возможность основать собственный домашній очагъ, о чемъ въ послѣднее время онъ начиналъ серьезно мечтать.

Зима прошла въ приготовленіяхъ къ профессурѣ, въ журнальныхъ работахъ и въ изученіи произведеній классической литературы (Шиллеръ перевелъ „Ифигенію въ Авлидѣ“ и нѣсколько сценъ изъ „Финикіянокъ“ Эврипида). Кромѣ „Таліи“ *) и „Нѣмецкаго Меркурія“ Шиллеръ участвовалъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ помѣстилъ, между прочимъ, рецензіи о Гетевской „Ифигеніи“ и объ „Эгмонтѣ“, доказывающія, что онъ былъ еще не готовъ оцѣнить по достоинству и вполнѣ понять объективное творчество.

Въ маѣ 1789 года, когда начался лѣтній семестръ, Шиллеръ отправился въ Іену. Ему нетрудно было разстаться съ обитателями Веймара и даже съ Шарлоттой ф. Кальбъ. Единственное, что огорчало его, это невозможность попрежнему часто видѣться съ Ленгефельдами.

Жизнь въ Іенѣ и профессорскія обязанности представлялись Шиллеру далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Смѣшаться съ „профессорскимъ народомъ“ (das Volk von Professoren), тратить безвозмездно массу времени, учить сегодня тому, что самъ вычиталъ вчера, а главное, промѣнять драгоцѣнную свободу и независимость на однообразныя и часто-скучноватыя обязанности—все это мало улыбалось творцу „Разбойниковъ“. Но отступать было невозможно.

26-го мая въ 6 час. вечера Шиллеръ

*) Въ «Таліи» Шиллеръ помѣстилъ въ это время стихотвореніе «Художники».

долженъ былъ читать вступительную лекцію. Студентовъ, среди которыхъ имя его, какъ поэта, пользовалось огромною популярностью, набралось такое множество, что предназначенная Шиллеру аудиторія оказалась недостаточно велика и профессору вмѣстѣ со студентами пришлось перейти въ болѣе обширную, находившуюся на другомъ концѣ города Съ недоумѣніемъ и тревогою смотрѣли обитатели Іены на эту толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, бѣжавшую по улицамъ. Лекція, тема которой было: „Что такое всеобщая исторія и съ какою цѣлью изучаютъ ее?", привела слушателей въ полный восторгъ, но удержаться на такой высотѣ Шиллеръ, разумѣется, не могъ, и число его слушателей стало рѣдѣть. Зато немногіе, оставшіеся вѣрными ему до конца, тѣсно сомкнулись вокругъ любимаго профессора, привлекшаго ихъ не столько манерой изложенія (Шиллеръ говорилъ хорошо только въ небольшомъ домашнемъ кружкѣ) или обширными свѣдѣніями, сколько живой и глубокой работой мысли. Шиллеръ былъ достаточно молодъ, чтобы не тяготиться обществомъ своихъ поклонниковъ и внѣ университета, тѣмъ болѣе, что іенскіе профессора, а особенно ихъ жены, живо интересовавшіяся всѣмъ, что касалось молодого холостого историка, были ему очень антипатичны.

Но проявленія привязанности со стороны молодежи и нѣсколькихъ блестящихъ моментовъ, въ родѣ вступительной лекціи, было недостаточно, чтобы освободить Шиллера отъ мысли, что профессура совсѣмъ не его призваніе. Весьма вѣроятно, что онъ не выжилъ бы въ Іенѣ и перваго семестра, если бы не увѣренность, что chère mère Ленгефельдъ, которая, безъ сомнѣнія, откажетъ въ рукѣ своей дочери нуждающемуся литератору, будетъ поснисходительнѣе къ профессору, хотя бы и бѣдному. Породниться съ Ленгефельдами, перенести къ себѣ въ Іену духъ ихъ Рудольштадтскаго дома—объ этомъ Шиллеръ не переставалъ думать въ своемъ одиночествѣ, но рѣшить, которая изъ сестеръ, столь непохожихъ другъ на друга, привлекала его сильнѣй, которую онъ желалъ-бы видѣть хозяйкой своего дома *)— Шиллеръ не былъ въ состояніи.

Для Каролины не было тайной, что происходило въ душѣ ихъ друга, но она знала также, что Лотта полюбила Шиллера чуть не съ первой встрѣчи, и что эта привязанность успѣла пустить глубокіе корни въ ея тихой, замкнутой натурѣ. Поэтому она взяла на себя роль Провидѣнія и, не совѣщаясь ни съ матерью, ни съ самой Лоттой, сообщила Шиллеру о чувствахъ сестры. По обыкновенію, избѣгая рѣшительныхъ объясненій, Шиллеръ уѣхалъ въ Лейпцигъ, не переговоривъ съ Лоттой, и лишь оттуда рѣшился письменно просить ее о подтвержденіи словъ Каролины. Немногими негромкими фразами Лотта убѣдила его въ глубинѣ и прочности своей привязанности. Шиллеръ воспрянулъ духомъ и съ новой энергіей принялся за работу, ожидая такого улучшенія въ своихъ обстоятельствахъ, которое позволило бы ему открыто выступить претендентомъ на руку Лотты. Осеннія каникулы Шиллеръ провелъ въ Рудольштадтѣ; его отношенія къ Лоттѣ маскировались такъ мало, что никто, кромѣ chère mère, не былъ обманутъ относительно ихъ характера. Къ началу зимы Шиллеръ вернулся въ Іену, гдѣ онъ читалъ пятичасовой обязательный курсъ по важнѣйшимъ эпохамъ всеобщей исторіи и часовой приватный курсъ по римской исторіи *).

Надежда на семейное счастье, въ которомъ онъ всегда такъ нуждался, поддерживала энергію Шиллера; ему не хотѣлось оставаться въ Іенѣ, и онъ разузнавалъ, нельзя ли пристроиться въ Берлинѣ или Вѣнѣ или Майнѣ. Ленгефельды тоже приводили въ

*) Несчастный бракъ Каролины съ Бейльвицемъ долженъ былъ быть въ скоромъ времени расторгнутъ.

*) Позже Шиллеръ посвятилъ этотъ курсъ крестовымъ походамъ, а затѣмъ трагедіи, для чего внимательно изучилъ пінтику Аристотеля; слушателей у него было весьма немного.

Не вполнѣ удачная профессура Шиллера невольно напоминаетъ русскому читателю о совсѣмъ неудачной профессурѣ Гоголя и ясно доказываетъ, насколько неправъ Никитенко, такъ рѣзко обвиняющій въ своемъ Дневникѣ Пушкина и Жуковскаго за несправедливую «протекцію», оказанную даровитому поэту при полученіи мѣста, имъ незаслуженнаго и ему неподходящаго. Положимъ, за сорокъ лѣтъ, но за то не въ юной Россіи, а въ многоученой Германіи каѳедра исторіи была предоставлена человѣку, школьное образованіе котораго еще менѣе подготовляло его къ этому важному дѣлу (Гоголь все же учился въ гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ исторія и «политиковѣдѣніе» преподавались, и въ 2-хъ университетскихъ классахъ). Дѣло въ томъ, что на исторію (какъ и вообще на каѳедры общеобразовательныхъ университетскихъ предметовъ) смотрѣли до средины XIX столѣтія совсѣмъ иначе, чѣмъ смотримъ мы: таланту изложенія и глубинѣ мысли придавалось несравненно большее значеніе, нежели серьезной научной подготовкѣ, и съ этой точки зрѣнія Гоголь имѣлъ нѣкоторое право противуполагать себя «толпѣ вялыхъ профессоровъ».

дѣйствіе всѣ доступныя имъ пружины, но ничего подходящаго не навертывалось.

Кромѣ внѣшнихъ препятствій къ браку, не мало тревожила раздвоенность его чувства, которая теперь, когда прошелъ первый порывъ радости, проявлялась съ новой силой. Каролина, которая послѣ свадьбы должна была жить вмѣстѣ съ сестрой и Шиллеромъ, была ему, повидимому, такъ же дорога, какъ и Лотта, и только присутствіе обѣихъ сестеръ могло сдѣлать его вполнѣ счастливымъ. Такія странныя отношенія тревожили даже Лотту, по характеру своему совершенно не склонную къ ревности. Она рѣшилась намекнуть Шиллеру, что если онъ ошибся въ своихъ чувствахъ къ ней, то она готова уступить свое мѣсто сестрѣ. Шиллеръ написалъ въ отвѣтъ, что хотя Каролина ближе къ нему по возрасту и по взглядамъ, однако онъ ни за что не хотѣлъ бы перемѣнить что-нибудь въ ихъ тройственномъ союзѣ, въ ихъ „отношеніяхъ, которыхъ нельзя выразить словами, но которыя такъ тонко чувствуетъ душа". Неизвѣстно, какъ относилась Каролина къ подобнымъ изліяніямъ, такъ какъ ея письма были уничтожены дочерью Шиллера, баронессой Глейхенъ. Во всякомъ случаѣ, она поняла, что любовь къ нимъ обѣимъ, въ концѣ концовъ, омрачитъ счастье Лотты, и потому нашла предлогъ отказаться отъ совмѣстной жизни въ Іенѣ и вообще понемногу отступить на задній планъ.

Гете разсматриваетъ черепъ Шиллера (статуя въ домѣ Гете въ Веймарѣ.).

Шиллеръ, собственно, не былъ созданъ для семейной жизни: сознаніе своего призванія, потребность творчества овладѣвали по временамъ его душой съ такою силою, что передъ ней должны были отступить всѣ другіе жизненные интересы. Кернеръ, испытавшій на себѣ, какъ неровенъ былъ Шиллеръ въ своихъ отношеніяхъ къ друзьямъ, предупреждалъ поэта, что женѣ его придется переживать тяжелыя минуты. Шиллеръ переслалъ Лоттѣ письмо Кернера. Вотъ что отвѣтила Лотта: „Любовь заключается не въ томъ, чтобы создавать въ своей душѣ прекрасный образъ и одарять его всѣми совершенствами, но въ томъ, чтобы любить людей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и принимать ихъ слабости, если онѣ у нихъ есть, съ сердцемъ, полнымъ любви".

Такъ думала Лотта Ленгефельдъ, и такъ

поступала она въ теченіе всей своей жизни. Ей былъ обязанъ Шиллеръ безоблачнымъ счастьемъ многихъ лѣтъ. Дитя этого „чувствительнаго“ времени, выросшая вдали отъ жизни, въ обстановкѣ, содѣйствовавшей развитію мечтательности, жена Шиллера нашла возможность безъ жалобъ примириться съ его трезвымъ, спокойнымъ отношеніемъ къ ней, очень скоро смѣнившимъ восторженное настроеніе первыхъ дней брачной жизни.

Но мы забѣгаемъ впередъ. Только въ декабрѣ 1789 года, когда герцогъ назначилъ Шиллеру скромное содержаніе въ 200 талеровъ, онъ могъ открыто просить у г-жи Ленгефельдъ руку ея дочери. Chère mère точно упала съ облаковъ, получивъ письмо Шиллера и узнавъ отъ дочерей, что, въ сущности, все уже рѣшено, и что ей остается только благословить Шиллера и Лотту, о тайной помолвкѣ которыхъ знали всѣ, кромѣ нея. Подумавъ нѣсколько дней, оплакавъ свою Лотту, которая такъ легкомысленно отказывалась отъ блестящаго и почетнаго положенія придворной дамы, chère mère дала свое согласіе. Чтобы доставить удовольствіе будущей тещѣ, Шиллеръ выхлопоталъ себѣ у герцога мейнингенскаго титулъ гофрата. 22-го февраля 1790 г. въ деревенской церкви была самымъ скромнымъ образомъ отпразднова насвадьба, на которой присутствовали лишь мать и сестра невѣсты. Въ тотъ же день молодые вернулись въ Іену и вечеръ провели въ спокойной бесѣдѣ за чайнымъ столомъ.

Женитьба мало измѣнила жизнь Шиллера со внѣшней стороны: та же квартира, то же холостое хозяйство на первыхъ порахъ, та же молодежь, теперь еще охотнѣе посѣщавшая его; зато тѣмъ разительнѣе была перемѣна въ его настроеніи и даже въ характерѣ. Шиллеръ сталъ ровнѣе, бодрѣе, спокойнѣе; обстановка іенской жизни не раздражала его такъ, какъ прежде. Онъ все болѣе углублялся въ исторію: лекціи и исторія тридцатилѣтней войны, печатавшаяся въ издаваемомъ Гошеномъ „Дамскомъ Календарѣ“, поглощали большую часть его времени. Напрасно друзья и почитатели пробовали пробудить въ немъ снова интересъ къ драмѣ или философской лирикѣ. Еще четыре года, посвященные самообразованію и самоусовершенствованію, должны были пройти прежде, чѣмъ Шиллеръ вернулся къ поэзіи.

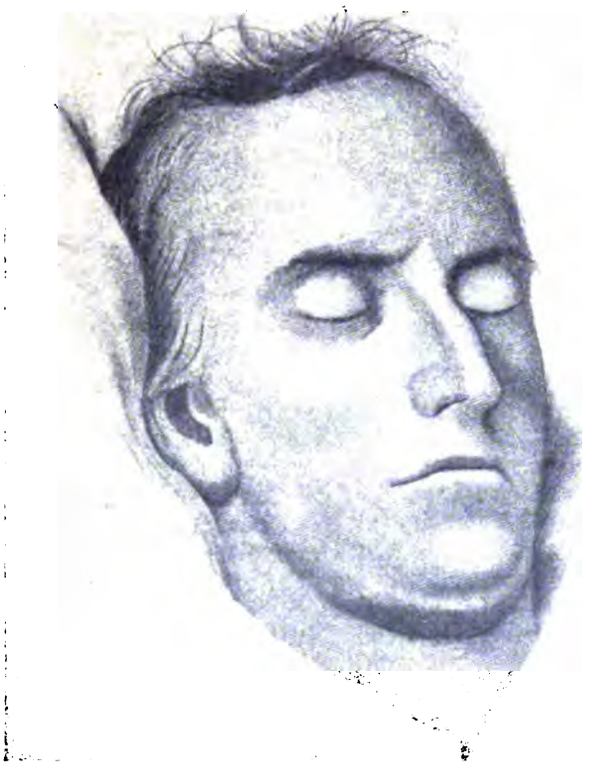
Несмотря на недостатокъ въ средствахъ и на множество работы, Шиллеру жилось такъ хорошо, какъ никогда прежде. Къ несчастью, именно теперь стало измѣнять ему здоровье, и безъ того не особенно крѣпкое. Появилась одышка, кровохарканіе, спазмы, истощавшія его силы. Въ началѣ 1791 года онъ провелъ нѣсколько недѣль между жизнью и смертью. Лотта, Каролина и студенты ухаживали за нимъ. Выздоровленіе тянулось медленно. Лекціи пришлось ограничить одними privatissima. Доктора посылали его въ Карлсбадъ, но денегъ не было. Герцогъ выдалъ ему пособіе на лѣченіе, но долго содержать его на свои средства онъ не могъ. Нужда опять взглянула въ лицо Шиллеру. Пришлось опять взяться за непосильную работу. Съ трудомъ написалъ онъ для „Дамскаго Календаря“ на 1792 годъ ничтожную часть исторіи 30-тилѣтней войны. Въ это тяжелое время ему на помощь неожиданно пришли наслѣдный принцъ аугустенбургскій и графъ Шиммельманъ, назначившіе ему на три года пенсію по тысячѣ талеровъ. Предложеніе было сдѣлано такъ деликатно, что Шиллеръ могъ свободно принять этотъ „даръ, возложенный на алтарь человѣчества“, которому онъ рѣшилъ заплатить свой долгъ благодарности тѣмъ, что эти гсды обезпеченной жизни посвятилъ изученію философіи Канта.

Ему давно уже хотѣлось разобраться въ накопившихся противорѣчіяхъ, выяснить значеніе цѣли искусства. Непосредственнымъ результатомъ этихъ занятій было нѣсколько философско-эстетическихъ трактатовъ; нѣкоторые изъ нихъ вызвали одобреніе самого суроваго „кенигсбергскаго старца“, Канта.

Напряженною умственною дѣятельностью Шиллеръ, сколько могъ, заглушалъ свои тѣлесныя страданія, но иногда это оказывалось невозможнымъ. Въ началѣ 1792-го года болѣзнь возобновилась съ новой силой. Нѣсколько слабѣе припадки повторились въ мартѣ 1793-го года. Шиллеръ предвидѣлъ, чѣмъ они должны кончиться, и, хотя бодрость не покидала его, надежды на улучшеніе у него не было. При такихъ обстоятельствахъ ему болѣе чѣмъ когда-нибудь хотѣлось посѣтить родину и повидаться съ отцомъ, съ которымъ не видался почти 11 лѣтъ (мать пріѣзжала къ нему въ Іену). Лѣтомъ 1793-го года Шиллеръ осуществилъ это желаніе. Боясь, что его посѣщеніе можетъ навлечь на отца непріятности по службѣ, онъ сперва не рѣшился ѣхать далѣе Гейльбронна, гдѣ и произошло давно желанное свиданіе съ родными. Старики были еще бодры и свѣжи. Нанетта превратилась въ милую талантливую дѣвушку, на дальнѣйшее развитіе которой Шиллеръ возла-

галъ большія надежды, разрушенныя ея ранней смертью.

Такъ какъ герцогъ, повидимому, намѣренъ былъ игнорировать пріѣздъ Шиллера, то онъ рѣшился проѣхать въ Людвигсбургъ. Толпой нахлынули на него воспоминанія дѣтства и юности, друзья прежнихъ лѣтъ снова окружили его. Дивно измѣнился онъ въ ихъ глазахъ: созрѣлъ и выросъ духовно. И они тоже были не тѣ: заботы состарили ихъ, годы обуздали молодые порывы, сузили интересы. Лишь съ Говеномъ, погрузившимся въ медицину, и „толстымъ" Конц-



Маска, снятая съ мертваго Шиллера.

емъ, проповѣдникомъ и немножко поэтомъ, возобновилъ Шиллеръ кое-какія отношенія. Въ сентябрѣ у Шиллера родился первый ребенокъ, котораго назвали Карломъ. Это довершило счастье Шиллера.

Тою же осенью умеръ „старый Иродъ", какъ Шиллеръ называлъ Карла Евгенія, и уже ничто не мѣшало поэту остаться на родинѣ, тѣмъ болѣе, что прежній учитель и другъ его Абель теперь профессоръ въ Тюбингенѣ, усердно звалъ его въ свой университетъ. Но исполненію этого плана помѣшало возобновленіе болѣзни: припадки были такъ мучительны и повторялись такъ часто, что всю зиму нельзя было и думать ни о какой серьезной работѣ. Къ веснѣ Шиллеру стало легче, и онъ перебрался въ Штутгардтъ, гдѣ разсчитывалъ найти лучшую врачебную помощь, чѣмъ въ Людвигсбургѣ, и болѣе интересное общество. Муза рѣдко посѣщала его на родинѣ, но все-таки во время пребыванія въ Штутгардтѣ былъ задуманъ планъ „Валленштейна", на обработку котораго, по оптимистическому взгляду Шиллера, достаточно было 3-хъ недѣль (а потребовалось пять лѣтъ).—Но другіе замыслы отвекли его отъ трагедіи. Предпріимчивый тюбингенскій книгопродавецъ Котта предложилъ ему редактировать большую политическую газету („Allgemeine Zeitung"). Возможность принять дѣятельное участіе въ политической жизни родины и значительное вознагражденіе (2000 гульденовъ въ годъ) соблазнили-было Шиллера, но плохое состояніе здоровья напомнило ему, что правильная работа ему не по силамъ (по этой же причинѣ пришлось оставить мысль о каѳедрѣ въ Тюбингенѣ). Однако энергичный Котта во что бы то ни стало хотѣлъ привлечь Шиллера къ какому-нибудь литературному предпріятію и предложилъ ему основать журналъ, къ участію въ которомъ должны были быть привлечены лучшія литературныя силы Германіи. За эту мысль Шиллеръ схватился съ жаромъ и, съ свойственнымъ его натурѣ увлеченіемъ, постарался скорѣй вербовать сотрудниковъ. Надо было вернуться въ центръ литературной жизни Германіи, въ окрестности Веймара. И вотъ послѣ девятимѣсячнаго пребыванія на родинѣ, которой ему не суждено было болѣе увидѣть, Шиллеръ вернулся въ Іену. Памятникомъ посѣщенія Шиллеромъ Вюртемберга остался прекрасный бюстъ поэта, изваянный Даннекеромъ (стр. XLII), его товарищемъ по академіи.

Вскорѣ по возвращеніи Шиллера въ Іену произошло важнѣйшее въ жизни поэта и въ умственной жизни всей Германіи событіе—

личное сближеніе Шиллера съ Гете. Повидимому, мало было данныхъ къ такому сближенію: по наружности, по обстановкѣ и образу жизни два великихъ поэта и въ это время представляли полную противоположность: Гете былъ идеаломъ мужской красоты, силы и здоровья, болѣзненный Шиллеръ держался, какъ верблюдъ, и казался ниже своего роста. Гете работалъ раннимъ утромъ, со свѣжею головою; Шиллеръ—по ночамъ, возбуждая себя шампанскимъ или крѣпкимъ кофе. Гете не могъ жить безъ свѣжаго воздуха; Шиллеръ дышалъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ гнилыхъ яблокъ, которыя онъ держалъ въ письменномъ столѣ для облегченія дыханія. Гете былъ вполнѣ независимъ и обезпеченъ; Шиллеръ и теперь часто нуждался въ деньгахъ на необходимое. Гете не любилъ метафизики, тяготѣлъ къ положительнымъ наукамъ; Шиллеръ былъ спекулятивный мыслитель по натурѣ. Но оба они выше всего ставили искусство и этого было достаточно для созданія общихъ интересовъ. Политическія убѣжденія ихъ были теперь ближе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Шиллеръ, въ молодости сторонникъ революціонныхъ идей, теперь отвернулся отъ идей французской революціи и отвергъ дипломъ на званіе французскаго гражданина, который французская республика прислала â Monsieur Gille (sic!) publiciste allemand (французская республика знала его, какъ автора „Разбойниковъ", исковерканныхъ для французской сцены и дававшихся подъ названіемъ „Robert chef des brigands"). Въ умственномъ отношеніи ихъ сблизило изученіе Кантовской философіи.

Первый шагъ къ сближенію сдѣлалъ Шиллеръ, пригласившій Гете не только въ сотрудники „Horen", но и въ члены литературнаго кружка, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе присылаемыхъ въ редакцію статей. Предложеніе было принято: Гете, начинавшій думать объ окончаніи „Вильгельма Мейстера" и о пріемѣ, который будетъ оказанъ его произведенію, болѣзненно почувствовалъ свою отчужденность отъ нѣмецкаго литературнаго міра и радъ былъ снова сойтись съ нимъ. Нѣсколько недѣль спустя, въ 20-хъ числахъ іюня 1794 года, Гете пріѣхалъ въ Іену на засѣданіе мѣстнаго общества естествоиспытателей. Шиллеръ, также состоявшій почетнымъ членомъ этого общества, былъ тамъ, и случайно оба поэта вмѣстѣ покинули залу засѣданія, при чемъ между ними завязался оживленный разговоръ. Увлекшись бесѣдою, Гете проводилъ Шиллера до дому и зашелъ къ нему, чтобы нѣсколькими штрихами пера набросать ему свое „символическое растеніе",—открытый имъ прототипъ растеній. Шиллеръ внимательно слушалъ изложеніе системы Гете; когда же тотъ сталъ утверждать, что до этого изображенія онъ дошелъ путемъ опыта, Шиллеръ возразилъ: „Это не опытъ, это идея". Гете долженъ былъ съ нимъ согласиться и отвѣтилъ, что ему очень пріятно вырабатывать идеи, не подозрѣвая объ этомъ, и даже видѣть ихъ глазами.

Такъ началась дружба обоихъ поэтовъ. Переписка (почти ежедневная), визиты Гете въ Іену и двухнедѣльное пребываніе Шиллера въ Веймарѣ дали имъ случаи высказаться и узнать другъ друга. Они съ наслажденіемъ обмѣнивались мыслями и чувствами: каждый находилъ въ другомъ то, чего недостовало въ немъ самомъ. Гете, не имѣвшій въ то время никакого близкаго друга, привязался къ больному Шиллеру съ какою-то особенною нѣжностью. Когда Шиллеръ гостилъ у него, онъ заботился о больномъ съ деликатностью, поразившей Каролину Вольцогенъ*). То уступая его капризамъ, то шутливо противодѣйствуя имъ, Гете добился того, что Шиллеръ, хоть на время, измѣнилъ свой нераціональный образъ жизни, и тотъ съ радостнымъ удивленіемъ писалъ женѣ: „Представь себѣ, что десять ночей я спалъ превосходно, не тревожимый спазмами". Критическіе взгляды Шиллера Гете цѣнилъ очень высоко: въ первый разъ встрѣтилъ онъ человѣка, вполнѣ способнаго понять его. Поэтому онъ былъ очень чувствителенъ и къ похвалѣ и къ порицанію изъ устъ Шиллера, который подвергалъ своему суду каждое изъ его произведеній. Самъ же Гете никогда не позволялъ себѣ неодобрительно отзываться о трудахъ Шиллера.

Шиллеръ относился къ Гете иначе: онъ искалъ въ немъ не личнаго друга, котораго имѣлъ въ лицѣ Кернера, а цѣльную натуру и могучаго объективнаго поэта, котораго не находилъ въ самомъ себѣ. Съ обычнымъ увлеченіемъ онъ поклонялся Гете, но за то предъявлялъ къ нему огромныя требованія и, когда ему казалось, что Гете не оправдываетъ всѣхъ его надеждъ, онъ горько жаловался на него Кернеру, и энтузіазмъ его на время охладѣвалъ.

Несомнѣнно, что сближеніе это принесло огромную пользу обоимъ поэтамъ, но несомнѣнно также, что Шиллеръ все-таки по-

*) Сестра Лотты разсталась съ Бейльвицемъ и вышла замужъ за Вильгельма Вольцогена.

лучилъ больше, чѣмъ далъ. Со времени этой дружбы для Шиллера начинается пора интенсивной и плодотворной поэтической дѣятельности, прерванной только смертью. Подъ вліяніемъ Гете художникъ дремавшій въ Шиллерѣ, пробудился и доказалъ, что онъ не менѣе могучъ, чѣмъ мыслитель, оттѣснявшій его доселѣ на задній планъ.

Сближенію поэтовъ не мало способствовалъ журналъ, девизомъ котораго было отрѣшеніе отъ интересовъ дня. Такое знамя было несовременно: публика, вниманіе которой было поглощено политическими событіями, отнеслась къ журналу равнодушно, а литературная посредственность, опасаясь, что ей не выдержать соперничества съ блестящими именами сотрудниковъ новаго журнала, объявила ему войну и была неутомима въ своихъ нападкахъ, Но и безъ ихъ стараній „Die Horen“ не имѣли бы успѣха. Гердеръ, Гумбольдтъ, Кернеръ, Якоби помѣщали тамъ только мелкія вещицы. Статьи Гете и его „Римскія элегіи“ не могли спасти журнала, который Шиллеръ погубилъ своими крупными эстетико-философскими статьями: „Объ эстетическомъ воспитаніи“ и „О наивной и сентиментальной поэзіи“. Трактаты эти, при всей глубинѣ и силѣ заключающихся въ нихъ мыслей, менѣе всего могли содѣйствовать популярности журнала.

Обиженные неудачею, Гете и Шиллеръ рѣшили отомстить своимъ врагамъ и на второй годъ „Horen“ дали знаменитый сборникъ эпиграммъ, извѣстный подъ именемъ „Xenien“ (подарки для гостей). Ксеніи произвели огромное впечатлѣніе: они въ значительной степени очистили воздухъ, истребивъ множество мелкихъ репутацій и заставивъ задуматься публику. (Подробнѣе см. въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ).

Но ни это смѣлое средство, ни другое менѣе благородное, до котораго спустился Шиллеръ (оплачиваемыя рецензіи объ „Horen“ въ Іенской газетѣ), не помогли умирающему журналу, который тихо скончался на 3-емъ году изданія. Прекращеніе его Шиллеръ перенесъ равнодушно, такъ какъ еще раньше пересталъ интересоваться имъ, отдавшись другимъ, болѣе важнымъ работамъ.

Герцогская усыпальница въ Веймарѣ (Fürstengruft), гдѣ теперь покоится прахъ Шиллера.

Совершивъ тягостный долгъ, взбудораживъ весь литературный муравейникъ, Гете и Шиллеръ, не удостаивая вниманіемъ нападки разъяренныхъ ремесленниковъ литературы, отдались творчеству, которое можно назвать совмѣстнымъ въ томъ смыслѣ, что ни одно произведеніе поэта не появлялось на свѣтъ безъ того, чтобы другой не подвергъ его серьезной и всесторонней критикѣ.

Гете издаетъ „Вильгельма Мейстера“ (ученическіе годы), пишетъ „Германа и Доротею“, а Шиллеръ работаетъ надъ „Валленштейномъ“, который уже въ ноябрѣ 1796 года

стоитъ ясно и опредѣленно передъ его умственнымъ взоромъ. Но трудность задачи и необыкновенное тщаніе, съ которымъ Шиллеръ относился къ обработкѣ мельчайшихъ деталей (ради „Валленштейна“ онъ усиленно занимается астрологіей, изучаетъ древнихъ трагиковъ, Шекспира, перечитываетъ поэтику Аристотеля)—все это заставляло думать объ окончаніи драмы лишь въ далекомъ будущемъ. Пока же Шиллеръ пробовалъ свои пробудившіяся отъ шестилѣтняго покоя поэтическія силы въ лирикѣ *) и эпосѣ. Въ 1797 и 98 годахъ Шиллеръ и Гете пишутъ рядъ балладъ, освящая для послѣдующихъ поколѣній этотъ, тогда еще новый родъ поэзіи; 1797 годъ Шиллеръ самъ называетъ „годомъ балладъ“.

Богатые внутреннимъ содержаніемъ, послѣдніе годы іенской жизни Шиллера бѣдны внѣшними фактами. Только съ родины приходитъ къ нему рядъ грустныхъ извѣстій: французскія войска заняли Вюртенбергъ, сестры и отецъ Шиллера больны. Плохое состояніе здоровья не позволяетъ поэту личнымъ присутствіемъ облегчить семьѣ перенесеніе этихъ бѣдствій. Онъ посылаетъ деньги Кристофинѣ, и она пріѣзжаетъ ухаживать за больными. Несмотря на всѣ попеченія старый Шиллеръ и молоденькая Нанетта сходятъ въ могилу, и единственнымъ утѣшеніемъ для Шиллера является мысль, что онъ имѣетъ возможность вполнѣ обезпечить существованіе овдовѣвшей и осиротѣвшей старушки-матери, которая осталась жить съ дочерью Луизой, женой пастора Франка. Тотъ же 96-й годъ лишившій его отца и сестры, сдѣлалъ его отцомъ второго сына, названнаго Эрнстомъ. Весной 1797-го года Шиллеръ могъ наконецъ осуществить свое давнишнее желаніе купить себѣ маленькую дачку подъ Іеной, гдѣ онъ можетъ проводить лѣтніе мѣсяцы. Зимой онъ тоже живетъ теперь не въ центрѣ, а на краю города въ просторномъ домѣ профессора Грисбаха, изъ оконъ котораго открывается видъ на окружающіе Іену холмы (стр. XLVI). Для Шиллера, осужденнаго болѣзнью безвыходно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ большую часть года, перемѣна жилища имѣетъ большое значеніе и оказываетъ самое лучшее дѣйствіе на состояніе его здоровья.

Въ началѣ 1799-го года, когда Шиллеръ близился къ окончанію „Валленштейна“, было окончательно рѣшено, что онъ оставитъ свои профессорскія обязанности и переѣдетъ въ Веймаръ, куда его привлекалъ театръ, управляемый Гете. Герцогъ веймарскій не принадлежалъ къ числу очень горячихъ поклонниковъ таланта Шиллера, но, радѣя объ усовершенствованіи своего театра, на содержаніе котораго не жалѣлъ средствъ, онъ не могъ не понимать, какъ много выиграетъ веймарская сцена, если наряду съ Гете ею будетъ руководить и Шиллеръ. Поэтому онъ легко сдался на убѣжденія Гете, взявшагося ходатайствовать за друга, и даже увеличилъ его содержаніе съ 200 талеровъ на 400.

Оба поэта рѣшили соединенными усиліями сдѣлать веймарскую сцену образцовой для всей Германіи. Но они лишь до нѣкоторой степени достигли своей цѣли: веймарскій театръ, дѣйствительно, сталъ хорошей школой для актеровъ, но публикѣ онъ не могъ угодить, такъ какъ игнорировалъ ея вкусы; да и по самому положенію города этой публики было бы совсѣмъ немного, еслибъ не іенскіе студенты, которые подъ праздникъ охотно дѣлали нѣсколько миль, чтобы побывать въ веймарскомъ театрѣ.

Странное впечатлѣніе производилъ „театръ, содержимый на счетъ двора и управляемый не только тайнымъ совѣтникомъ и безсмѣннымъ министромъ фонъ-Гете, но въ то же время и величайшимъ поэтомъ Германіи, авторомъ Геца, Вертера и Мейстера. Самое послѣднее мѣсто занимала въ немъ публика, трепетавшая передъ дворомъ, который, въ свою очередь, трепеталъ передъ Гете; актеры же не обращали вниманія ни на дворъ, ни на публику, а смотрѣли въ глаза тому же Гете. Онъ сажалъ актеровъ на гауптвахту, актрисъ подвергалъ домашнему аресту, а когда публика осмѣливалась выражать свои чувства, ей не предписанныя, Гете кричалъ: „Не смѣть смѣяться!“, грозилъ полиціей или, по крайней мѣрѣ, строгимъ взглядомъ своихъ огромныхъ глазъ превращалъ провинившихся въ статуи. Къ тому же самыя теоретическія основы, на которыхъ Гете и Шиллеръ хотѣли реформировать нѣмецкую сцену, были несогласны съ національнымъ вкусомъ и съ духомъ времени: по убѣжденію поэтовъ, искусство должно быть прежде всего прекрасно, и, стало быть, въ угоду красотѣ сцена должна жертвовать естественностью. Актеръ не долженъ позволять себѣ ни одного рѣзкаго движенія, никогда не долженъ оборачиваться къ публикѣ спиною или даже въ профиль;

*) Свои лирическія произведенія Шиллеръ помѣщаетъ въ «Альманахѣ Музъ», редакцію котораго онъ взялъ на себя въ 1796-мъ году.

короче сказать, онъ всегда долженъ прекрасно играть, а не жить на сценѣ.

Несмотря на этотъ несовременный принципъ и на нехудожественный деспотизмъ Гете, энергія такого директора не могла остаться безплодной, и въ апрѣлѣ 1799 года веймарскій театръ показалъ себя во всемъ блескѣ при представленіи „Валленштейна", за постановкой котораго слѣдилъ самъ авторъ, нарочно для этого надолго пріѣхавшій въ Веймаръ. Трилогія имѣла безпримѣрный успѣхъ. Въ Веймарѣ въ продолженіе цѣлой недѣли не было другихъ разговоровъ, какъ о Валленштейнѣ. 17-го мая „Смерть Валленштейна" *) была дана въ Берлинѣ, гдѣ тоже завоевала симпатіи публики. Король и королева не присутствовали на спектаклѣ: они хотѣли видѣть пьесу въ Веймарѣ, гдѣ ее режиссировалъ самъ поэтъ. Это произошло 2-го іюня, и Шиллеръ былъ осыпанъ ихъ ласками. Насколько онъ былъ доволенъ своей пьесой, видно изъ того, что, окончивъ „Валленштейна", онъ немедленно пускается въ поиски за сюжетомъ для новой драмы. Сперва онъ думалъ въ основу новой драмы положить чистый вымыселъ; 19-го марта 1799 года онъ пишетъ Гете: „Я пресытился солдатами, героями и властителями". Нѣкоторое время онъ обдумываетъ планъ „Мессинской невѣсты", но уже въ апрѣлѣ окончательно останавливается на „Маріи Стюартъ", сюжетѣ, который когда-то былъ имъ оставленъ ради „Донъ-Карлоса". Сперва работа пошла очень быстро, но въ ноябрѣ рожденіе дочери и опасная болѣзнь жены не позволяютъ Шиллеру и думать о продолженіи „Маріи Стюартъ". Когда Лотта поправилась настолько, что была въ состояніи вынести короткое путешествіе, г-жа фонъ-Штейнъ, чтобы избавить ее отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ переѣздомъ цѣлой семьи изъ одного города въ другой, пригласила ее къ себѣ, и Шиллеръ одинъ долженъ былъ нести бремя непривычныхъ для него заботъ. Въ началѣ декабря 1799-го года Шиллеры перебрались въ Веймаръ и еще не успѣли тамъ хорошенько устроиться, какъ тяжкая болѣзнь уложила въ постель главу семьи. Нѣкоторое время жизнь его была въ опасности, но въ концѣ концовъ болѣзнь приняла благопріятный оборотъ. Когда послѣ почти полугодичнаго перерыва Шиллеръ былъ въ состояніи приняться за работу, то увидалъ, что о „Маріи Стюартъ" пока нечего и думать, такъ какъ его ожидаетъ масса дѣлъ, не терпящихъ отлагательства: Котта торопитъ съ изданіемъ „Валленштейна", Крузіусъ (лейпцигскій издатель) ждетъ, чтобъ Шиллеръ подготовилъ полное собраніе своихъ стихотвореній и отобралъ мелкія прозаическія статьи, которыя онъ хотѣлъ выпустить въ нѣсколькихъ томикахъ. При той строгой критикѣ, какой Шиллеръ подвергалъ свои произведенія, эти работы должны были отнять у него не мало времени. Многое было имъ отброшено, другое сокращено, третье передѣлано. Теперь Шиллеръ, подъ вліяніемъ Гете, требовалъ полной гармоніи между содержаніемъ и формой, и находилъ свои юношескія произведенія въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительными.

Къ этимъ работамъ надо еще прибавить обработку „Макбета", котораго Шиллеръ поставилъ на сцену въ половинѣ мая 1800 г.

Несмотря на всѣ препятствія, „Марія Стюартъ" была окончена 9-го іюня и черезъ 5 дней уже давалась въ Веймарѣ. Пьеса имѣла успѣхъ, однако-же меньшій, чѣмъ мечталъ авторъ. Но это не расхолодило его: въ іюлѣ онъ принимается за „Орлеанскую Дѣву", которую и окончилъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года. По причинамъ, устранить которыя не могъ самъ Гете, „Орлеанскую Дѣву" нельзя было поставить въ Веймарѣ, и Шиллеръ въ первый разъ увидѣлъ свое произведеніе на сценѣ въ Лейпцигѣ осенью 1801 года. Пьеса произвела сильное впечатлѣніе, и автору была устроена бурная овація. Его мать, узнавъ о подробностяхъ этой сцены, писала ему на своемъ простодушномъ языкѣ: „Это почести, которыя оказываются лишь принцамъ". Ей не привелось больше получать извѣстія о дальнѣйшихъ успѣхахъ своего Фрица: вскорѣ послѣ этого она скончалась.

Какъ будто предчувствуя, какъ мало времени творить и дѣйствовать осталось ему, Шиллеръ мыслилъ и работалъ съ энергіей, поражавшей окружавшихъ его лицъ и въ частности Гете. Послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной имъ въ 1801 году, Гете очень перемѣнился: какъ бы жалѣя о тѣхъ годахъ, которые Шиллеръ побудилъ его отдать насущнымъ потребностямъ общества, текущей литературѣ (Ксеніи) и сценѣ, онъ опять ушелъ въ себя, опять отдался изученію естественныхъ наукъ.

Какъ чему-то чуждому, и являясь простымъ зрителемъ, дивился онъ неутомимости Шиллера, который облагороживалъ все, до

*) «Лагерь» и «Пикколомини» были тамъ поставлены раньше.

чего ни касался. Но Шиллеръ не могъ удовлетвориться этимъ восхищеніемъ, онъ желалъ видѣть въ старшемъ поэтѣ прежняго товарища, готоваго дѣлить съ нимъ труды и хлопоты, часто мелочныя и тѣмъ болѣе утомительныя. Не находя его въ Гете, онъ раздражался настолько, что позволялъ себѣ въ письмахъ къ Кернеру и Гумбольдту со свойственной ему несдержанностью дѣлать о немъ довольно рѣзкіе отзывы. Временное охлажденіе, несправедливость котораго Шиллеръ въ глубинѣ души, можетъ быть, уже сознавалъ, не мѣшало ему, однако, по внѣшности оставаться съ Гете въ отличныхъ отношеніяхъ и посѣщать устраивавшіяся у него по средамъ собранія, которыми Гете покупалъ себѣ право жить остальные дни недѣли въ полнѣйшемъ уединеніи.

Лишившись содѣйствія Гете, Шиллеръ не оставляетъ, съ своей стороны, заботъ о развитіи ихъ общаго дѣтища, веймарскаго театра: въ теченіе 1801—1805 гг. онъ обрабатываетъ для сцены Гетеву „Ифигенію“*), „Натана Мудраго“, „Турандотъ“, переводитъ двѣ французскія комедіи, пишетъ свою „Мессинскую невѣсту“, въ которой онъ мечталъ воскресить принципы классической трагедіи. Убѣдившись въ неудачѣ своей попытки, онъ создаетъ „Вильгельма Теля“, который даетъ ему случай опять вернуться къ изображенію жизни массъ въ рядѣ превосходно индивидуализированныхъ личностей. Драма эта, для которой Шиллеръ много читалъ и въ частности внимательно изучалъ хронику Чуди, окончена въ февралѣ 1804 года. Успѣхъ ея на всѣхъ сценахъ Германіи былъ блистательный и вполнѣ заслуженный: въ ней Шиллеръ остался вѣренъ своей великой миссіи—создавать идеалы нравственнаго достоинства человѣка и общественной свободы. Въ Швейцаріи со времени Шиллеровой драмы легендарный Телль сталъ національнымъ героемъ.

Всецѣло погруженный въ работу, Шиллеръ велъ въ эти годы спокойную жизнь кабинетнаго труженика. Маленькій двухъэтажный домикъ (стр. XLVI и XLVII), пріобрѣтенный имъ въ 1802 г., въ наше время поражаетъ посѣтителей простотой своей обстановки: поэтъ, которому былъ открытъ доступъ въ богатый міръ фантазіи, не нуждался во внѣшней роскоши. Дворянскій дипломъ, дарованный ему въ томъ же 1802 году императоромъ, по ходатайству герцога веймарскаго, обязывалъ его являться ко двору, но, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, онъ въ большинствѣ случаевъ уклонялся отъ участія въ придворныхъ торжествахъ. Маленькое нарушеніе замкнутости этой жизни было произведено пріѣздомъ m-me Сталь, которая прожила въ Веймарѣ нѣсколько мѣсяцевъ съ спеціальной цѣлью завязать личное знакомство съ корифеями нѣмецкой литературы. Веймарскій дворъ выказывалъ талантливой дочери Неккера явное расположеніе, и поэты, волей-неволей, должны были удѣлять ей значительную часть своего времени. При первой встрѣчѣ бойкая француженка была поражена высокимъ ростомъ, строгой осанкой и серьезнымъ выраженіемъ лица Шиллера. Но скоро она оправилась отъ смущенія и завязала съ Шиллеромъ философскій диспутъ. Недостаточное знаніе французскаго языка не позволяло Шиллеру быть особенно убѣдительнымъ, и m-me Сталь могла счесть себя побѣдительницей, что, конечно, побудило ее къ дальнѣйшимъ спорамъ. Шиллеръ удивлялся подвижности и остроумію своей собесѣдницы, но когда недѣля проходила за недѣлей, а любознательность ея не ослабѣвала, онъ сталъ „тысячекратно проклинать французскую даму, висѣвшую у него на шеѣ въ самую рабочую пору“.

Менѣе притязательнымъ и поэтому болѣе пріятнымъ прибавленіемъ къ обществу, группировавшемуся вокругъ Гете и Шиллера, былъ молодой филологъ Генрихъ Фоссъ, сынъ извѣстнаго переводчика Гомера. Онъ сдѣлался близкимъ другомъ всей семьи Шиллеровъ и сохранилъ намъ много подробностей объ интимной жизни поэта, котораго онъ рисуетъ счастливымъ и нѣжнымъ отцомъ семейства. Послѣ окончанія „Телля“ онъ рѣшился пригласить Шиллера въ маскарадъ. Шиллеръ не только принялъ приглашеніе, но былъ безпечно веселъ въ теченіе всего вечера, и за ужиномъ напѣвалъ пѣсенку So leben wir, so leben wir, „чему нѣкоторые изъ присутствовавшихъ студентовъ сильно удивлялись“.

Рѣдко посѣщали Шиллера подобныя минуты беззаботнаго веселья. Веймарская атмосфера начинала давить его. Съ того времени, какъ Гете зажилъ по-отшельнически, а Гердеръ умеръ (1803), умственная жизнь веймарскаго общества почти замерла, интересы его сузились, и Шиллера начало тянуть на просторъ, къ живой толпѣ, для которой онъ творилъ. Все это онъ могъ найти въ Берлинѣ. Тамъ знаменитый Иффландъ не скупился ни на какія затраты для поста-

*) «Эгмонта» онъ весьма неудачно передѣлалъ еще въ первое время знакомства съ Гете.

новки его драмъ, которыя снискали ему уваженіе какъ двора, такъ и общества. Быстро принявъ рѣшеніе, въ 1804 году Шиллеръ ѣдетъ съ женою въ Берлинъ посмотрѣть городъ и позондировать почву. Онъ былъ принятъ тамъ какъ нельзя лучше. Въ театрѣ публика устраивала ему шумныя овацiи; королева Луиза дала ему аудіенцію; принцъ Людвигъ Фердинандъ пригласилъ къ обѣду. Но дѣло о переѣздѣ въ Берлинъ все-таки рѣшено не было: Шиллеру въ вихрѣ кипучей столичной жизни стало жаль веймарскаго благороднаго уединенія, а берлинскій дворъ, при которомъ имѣли вліяніе многіе изъ литературныхъ враговъ Шиллера, задѣтыхъ Ксеніями, велъ переговоры очень вяло. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Берлинѣ, Шиллеръ вернулся домой, и герцогъ, лучше оцѣнившій своего поэта послѣ любезностей берлинскаго двора, увеличилъ его содержаніе на 400 талеровъ. Дружески расположенный къ поэту курфюрстъ майнцскій, познакомившійся съ нимъ еще въ Рудольштадтѣ, дѣлалъ ему ежегодно денежный подарокъ, приблизительно въ 1000 талеровъ. Все это даетъ ему возможность посвятить себя разработкѣ разнообразныхъ сюжетовъ, его привлекавшихъ.

Памятникъ (скала Митенштейнъ) Шиллеру на озерѣ Четырехъ Кантоновъ въ Швейцаріи.

Онъ замышляетъ драматизировать исторію англійскаго претендента Перкина Варбека, выдававшаго себя за сына Эдварда IV, но оставляетъ этотъ проектъ, найдя болѣе интересной исторію русскаго самозванца, Лжедмитрія I. Въ то же время онъ не покидаетъ мысли написать уже давно задуманныхъ и одобренныхъ Гете „Мальтійцевъ", собираетъ матерьялы для драмы изъ парижской жизни и для другой—изъ быта отдаленныхъ морскихъ побережій. Послѣдній сюжетъ былъ, очевидно, навѣянъ путешествіями Кука, о которыхъ онъ читалъ съ огромнѣйшимъ интересомъ, и которыя предлагалъ Гете взять темой для эпическаго произведенія. Кипучей юностью дышетъ отъ этого богатства фантазіи и многосторонности интересовъ 45-ти-лѣтняго больного поэта. Знакомясь съ его планами будущихъ произведеній, мы не можемъ не согласиться съ Гумбольдтомъ, писавшимъ Шиллеру за полтора года до его смерти: „Для васъ надо просить у судьбы лишь жизни. Сила и молодость всегда при васъ".

Казалось, что судьба была готова исполнить это единственное желаніе друзей Шиллера: цѣлыхъ три года не повторялись припадки, грозившіе опасностью его жизни. Самъ поэтъ, не обманывавшійся вообще насчетъ печальнаго состоянія своего здоровья, начиналъ думать, что ему удастся дотянуть хоть до 50 л. Но лѣтомъ 1804 г. всѣ эти надежды рушились. По желанію Лотты онъ поѣхалъ съ ней въ Іену, гдѣ она хотѣла воспользоваться помощью одного внушавшаго ей довѣріе доктора во время предстоявшихъ ей родовъ. Тамъ на прогулкѣ по окрестностямъ города, Шиллеръ простудился и вновь подвергся тяжкимъ приступамъ болѣзни, безвозвратно похищавшей его силы. Пока онъ боролся со смертью, Лотта благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью. Съ глубокимъ волненіемъ смотрѣлъ Шиллеръ на своего послѣдняго ребенка, сознавая, что ему не долго придется любоваться дѣтьми. Съ этого времени Шиллера начинаетъ тревожить вопросъ объ обезпеченіи семьи.

Когда оправившійся Шиллеръ вернулся

въ Веймаръ, друзья поняли, что эта болѣзнь, не переставшая напоминать о себѣ частыми повтореніями припадковъ, была началомъ конца. Объ этомъ говорили землистый цвѣтъ его обыкновенно блѣднаго лица и необычайная кротость, выражавшаяся въ каждомъ его словѣ, въ сужденіяхъ, до сихъ поръ скорѣе рѣзкихъ. Пораженный этой перемѣной въ настроеніи поэта, Вильгельмъ Гумбольдтъ писалъ другу: „Вы счастливый человѣкъ. Вы достигли высшаго и имѣете силу удержать его. Оно сдѣлалось вашею сферою, но, не довольствуясь тѣмъ, что будничная жизнь не мѣшаетъ вамъ, вы еще переносите въ нее доброту, кротость, ясность и теплоту, которыя явно выдаютъ свое неземное происхожденіе". Такое впечатлѣніе производилъ Шиллеръ на окружающихъ, но самъ онъ былъ далекъ отъ спокойствія и удовлетворенія. Въ его натурѣ, по выраженію Гете, было „страшное стремленіе впередъ" (furchtbares Fortschreiten), не дававшее ему надолго остановиться на достигнутой ступени развитія. Такъ было и теперь: онъ переросъ философскія воззрѣнія, выработанныя имъ въ 90-хъ годахъ, и стремился сдѣлать слѣдующій шагъ. Въ лирическихъ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, этотъ бывшій ученикъ шотландскихъ философовъ съ презрѣніемъ попираетъ мечтанія оптимистовъ и указываетъ, что человѣческой натурѣ свойственны стремленія и желанія, не знающія удовлетворенія. Онъ открыто сознается, что потокъ философскихъ ученій, которому онъ отдался въ полной надеждѣ на разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ его вопросовъ, вынесъ его въ безбрежный океанъ, и онъ увидѣлъ, что цѣли, къ которымъ онъ стремился, по-прежнему безконечно далеки отъ него (стих. „Пилигримъ").

Шиллеръ не боялся разрушать: онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для новаго созиданія и торопился воспользоваться каждой оставшейся минутой. Его „Дмитрій" долженъ былъ быть новымъ шагомъ впередъ даже сравнительно съ „Валленштейномъ", и Шиллеръ работаетъ надъ нимъ съ неусыпнымъ рвеніемъ, какъ только позволяетъ ему здоровье. Но осенью 1804 г. придворныя празднества по случаю бракосочетанія вел. княжны Маріи Павловны (стр. LIII) съ наслѣднымъ принцемъ веймарскимъ отвлекаютъ его на время отъ трагедіи. Гете боленъ, и поэтому Шиллеръ долженъ быть вдвойнѣ дѣятеленъ. 12-го ноября на веймарской сценѣ было поставлено его драматическое стихотвореніе „Привѣтствіе Искусствъ", до слезъ растрогавшее великую княжну. За возбужденіе этихъ дней Шиллеръ былъ наказанъ новымъ приступомъ болѣзни, уложившимъ его въ постель на нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ онъ съ обычной неукротимой энергіей переводитъ Расинову „Федру", чтобы доставить удовольствіе Карлу Августу, поклоннику французской классической трагедіи.

Въ началѣ зимы 1804—1805 года у Шиллера было много работы: онъ готовилъ для Котты полное изданіе своихъ драмъ, внимательно редактировалъ переводъ „Отелло", сдѣланный молодымъ Фоссомъ, а главное, усердно читалъ историческія, географическія и этнографическія сочиненія, знакомившія его съ Россіей, подготовляясь такимъ образомъ къ „Дмитрію".

Въ февралѣ припадки начались снова, и Шиллеръ почувствовалъ, что силы его подорваны окончательно. У него не хватало ни силъ, ни, что его самого особенно пугало, желанія бороться съ болѣзнью. Но и въ это тяжелое время онъ не переставалъ обдумывать планъ своей трагедіи и не прерывалъ подготовительныхъ работъ.—Вмѣстѣ съ весной въ послѣдній разъ наступило облегченіе, и Шиллеръ прежде всего воспользовался вернувшимися силами для того, чтобы сызнова начать „Димитрія" по новому выработанному имъ во время болѣзни плану. Здоровье его возстановилось настолько, что когда погода стала мягче, онъ сталъ уже выходить на воздухъ и могъ наконецъ посѣтить Гете, который тоже хворалъ всю зиму. Крѣпко обнялись друзья при первомъ свиданіи и долго не были въ состояніи выговорить ни слова отъ волненія. Они не спрашивали другъ друга о перенесенныхъ страданіяхъ, не желая омрачать тяжелыми воспоминаніями свѣтлыхъ минутъ, выпавшихъ имъ на долю.—Въ концѣ апрѣля Шиллеръ уже могъ показаться при дворѣ, а 1-го мая отважился на посѣщеніе театра. Выходя изъ дому, онъ встрѣтилъ Гете, но тотъ не хотѣлъ его задерживать; онъ не зналъ, что это будетъ ихъ послѣднимъ свиданіемъ! Въ театрѣ шла комедія, которая Шиллеру понравилась, несмотря на то, что въ концѣ спектакля его уже била лихорадка. Фоссъ, посѣтившій его на слѣдующій день, засталъ его лежащимъ на диванѣ въ полусознательномъ состояніи. „Вотъ снова лежу", сказалъ Шиллеръ глухимъ голосомъ.—Друзья не обманывались этотъ разъ на счетъ исхода его болѣзни; только одна Лотта еще надѣялась на счастливый исходъ. Каролина фонъ Вольцогенъ помогала сестрѣ ухаживать за больнымъ.

Въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ Шил-

леръ попробовалъ завязать съ Каролиной одинъ изъ тѣхъ философско-этическихъ споровъ, какіе они вели въ былыя времена; но она, щадя истощенныя силы поэта, уклонилась отъ бесѣды. Тогда Шиллеръ сказалъ съ горечью: „Если никто меня не понимаетъ, и я самъ себя не понимаю, то лучше мнѣ молчать". Повидимому, онъ самъ сознавалъ безнадежность своего положенія: когда онъ думалъ, что никто его не слышитъ, онъ не разъ восклицалъ: „Всевышній, избавь меня отъ долгихъ страданій!" (Du von oben herab, bewahre mich von langen Leiden!). Молитва его была услышана: 9-го мая въ 5 часовъ вечера онъ скончался тихо и безболѣзненно.

Погребеніе было совершено просто и тихо. Шиллеръ умеръ въ пятницу, и его хотѣли хоронить въ воскресеніе. Но трупъ его былъ въ такомъ состояніи, что похороны пришлось ускорить. По желанію поэта, гробъ его должны были нести простые бюргеры, но нѣкоторые студенты и молодые художники получили позволеніе раздѣлить съ ними эту честь. Процессія достигла кладбища около 12-ти часовъ ночи. Покрытое тучами небо грозило дождемъ. Но когда гробъ поставили на землю, тучи разошлись, выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ своими лучами общій склепъ (стр. LV), куда должны были положить поэта. Окончивъ печальный обрядъ, друзья поэта покинули кладбище. Въ этотъ моментъ луна скрылась; небо было темно; вѣтеръ печально завывалъ, какъ будто оплакивая великую невознаградимую потерю, понесенную человѣчествомъ.

Болѣе 20 лѣтъ прошло прежде, чѣмъ останки Шиллера были перенесены въ другое, болѣе достойное мѣсто упокоенія. Карлъ Августъ зналъ, что Гете желалъ быть погребеннымъ рядомъ съ Шиллеромъ, и рѣшилъ, что оба поэта достойны покоиться въ герцогской усыпальницѣ (стр. LXI), куда прахъ Шиллера *) и былъ перенесенъ въ декабрѣ 1828 года.

Исторія литературы знаетъ нѣсколькихъ поэтовъ болѣе геніальныхъ, всеобъемлющихъ и сильныхъ, чѣмъ Шиллеръ, но едвали можетъ назвать она поэта болѣе симпатичнаго длинному ряду поколѣній. Шиллеръ, какъ человѣкъ, имѣлъ свои значительныя слабости и не подавлялъ современниковъ ни огнемъ пророческой вѣры, какъ Дантъ, ни необыкновенной широтой своего житейскаго опыта и ума, какъ Шекспиръ, ни всесторонностью гуманнаго развитія и сознаніемъ своей духовной силы, какъ Гете, ни героической гордостью, какъ Байронъ, ни полнотою жизненной энергіи, какъ нашъ Пушкинъ. Болѣзненный, некрасивый, рабъ вредныхъ привычекъ, увлекающійся, часто капризный, еще чаще недовольный собою, вообще до крайности неуравновѣшенная натура, онъ ни въ какомъ возрастѣ и ни въ какомъ положеніи не могъ бы представлять изъ себя ничего, повидимому, особенно привлекательнаго, ничего напоминающаго того настоящаго мужчину, за котораго султанъ Саладинъ совѣтовалъ плѣнному графу выдать дочь свою. А между тѣмъ всякій хорошій человѣкъ, съ которымъ сближался Шиллеръ, чувствовалъ на себѣ его обаяніе и привязывался къ нему всѣмъ сердцемъ и всею душою. Подобно этому дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Шиллеръ—поэтъ и мыслитель; нѣтъ въ его созданіяхъ той могучей прозрачности мысли, нѣтъ и той классической красоты формы, нѣтъ той силы и выдержки, какъ у Гете, Шекспира, Байрона, Пушкина; онъ почти лишенъ остроумія; языкъ его часто туманенъ, многорѣчивъ; характеры, имъ созданные, иногда преувеличены, иногда неопредѣленны; онъ слишкомъ лирикъ для того, чтобы быть драматургомъ; слишкомъ поэтъ, чтобы быть мыслителемъ, иногда слишкомъ философъ, чтобъ быть великимъ поэтомъ; слишкомъ проникнутъ нѣмецкими особенностями, чтобъ быть-міровымъ геніемъ, слишкомъ космополитиченъ, чтобы быть первымъ національнымъ поэтомъ. А все таки онъ самый симпатичный поэтъ и для нѣмцевъ, и для не нѣмцевъ; онъ великій писатель, оказавшій и Германіи и всему міру огромныя услуги, двинувшія далеко впередъ человѣчество именно въ смыслѣ тѣхъ великихъ идей гуманности, углубленіемъ и укрѣпленіемъ которыхъ справедливо гордится истекающее столѣтіе.

Главной причиной такого обязательнаго дѣйствія произведеній Шиллера *) мы считаемъ прежде всего его безусловную искренность и его глубокую несокрушимую вѣру въ чистоту человѣческой природы и соединенную съ нею любовь къ человѣку. Онъ пишетъ не только то, что чувствуетъ, но

*) Погребенные въ общемъ склепѣ, останки Шиллера были найдены только гадательно. Гете, между прочимъ, пришлось высказываться о тождествѣ черепа своего друга. Это послужило сюжетомъ интереснаго бюста Гете, разсматривающаго черепъ Шиллера, въ Веймарскомъ домѣ Гете (стр. LVII).

*) Освѣжающей, молодящей его поэзію называютъ и немногіе принципіальные его порицатели.

и именно такъ, какъ чувствуетъ; онъ никогда не думаетъ о томъ, какъ это понравится другимъ, какое это произведетъ впечатлѣніе; къ нему больше, чѣмъ къ кому бы то ни было изъ новыхъ поэтовъ, примѣнима та тонкая и вдохновенная характеристика непосредственной поэзіи, которую онъ вложилъ въ уста графа Габсбургскаго.

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой...
Минута ему повелитель.
По воздуху вѣтеръ свободно шумитъ
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ.
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ сіяетъ.

Шиллеръ—поэтъ-мыслитель. Былъ онъ правовѣрнымъ піэтистомъ Швабомъ—и тогда писалъ глубокопрочувствованныя при всей ихъ юношеской незрѣлости (а кому неизвѣстно, что очень юные поэты всегда грѣшатъ риторикой и дѣланностью?) благочестивыя стихотворенія; онъ провелъ дѣтство въ офицерской квартирѣ и попалъ, на свое несчастье, въ школу казарменнаго типа—онъ не могъ поэтому не заплатить дани милитаризму, и его воинственныя стихотворенія настолько искренни, что вызываютъ негодованіе новѣйшихъ гуманныхъ критиковъ. Нечего и говорить объ искренности его бурныхъ, революціонныхъ драмъ и о столь же горячемъ и искренномъ поворотѣ въ веймарскій періодъ его жизни. Полная искренность есть необходимое условіе истинной поэзіи; но далеко не всякому поэту удается при рѣзкихъ переворотахъ въ міросозерцаніи пронести черезъ всю жизнь безъ изъяна юношескую вѣру въ человѣка и бодрый оптимизмъ. Даже нашъ великій проповѣдникъ „милости къ падшимъ“ въ 1831 г. возбудилъ временно негодованіе самыхъ горячихъ и умныхъ своихъ поклонниковъ; даже творецъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности являлся иногда шовинистомъ, какъ и его французскій соперникъ, авторъ „Miserables“; неизмѣнно, безъ колебаній вѣрными „великому дѣлу любви“ оставались, сколько мы знаемъ, только двое знаменитыхъ писателей—Бѣлинскій и Шиллеръ *).

*) Относительно Шиллера я приведу только одинъ фактъ, по моему мнѣнію, очень характерный. Въ періодъ увлеченія «военщиной» (въ 1781 г.) онъ обработалъ мотивъ узко провинціальнаго, грубаго шовинизма въ пьескѣ: Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Но и въ ней центръ перенесъ онъ съ мстительной радости побѣды на горе отца и одной строфой изъ дикаго барона сдѣлалъ глубокосимпатичнаго человѣка:

А гдѣ жъ нашъ старый графъ? Сидитъ
Въ шатрѣ однимъ одинъ;
Слеза въ глазахъ его блеститъ;
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ.

Историко-литературное значеніе Шиллера можетъ быть выяснено, конечно, только черезъ изображеніе хода нѣмецкой словесности до него, при немъ и послѣ него.

Въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка эта словесность была въ состояніи хаоса и рабскаго подчиненія французамъ, итальянцамъ и плохо понимаемымъ грекамъ и римлянамъ. Возрожденіе или, точнѣе, зарожденіе новой нѣмецкой литературы начинается черезъ критику, которая почти одновременно идетъ изъ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ, изъ Цюриха и изъ Лейпцига. Въ 20-хъ годахъ XVIII ст. въ Цюрихѣ составилось литературное общество, немногочисленное по количеству членовъ, но сильное литературной подготовкой своихъ членовъ и искренней ихъ любовью къ „идеѣ“ родной поэзіи. Во главѣ его стояли двое молодыхъ людей: знатокъ новыхъ языковъ Бодмеръ и начинающій профессоръ еврейскаго и греческаго яз. Брейтингеръ. Это общество рѣзко отличалось отъ подобныхъ весьма многочисленныхъ учрежденій XVII в. прежде всего тѣмъ, что имѣло цѣлью не производство стихотвореній, а выработку вкуса и принциповъ для критики.

Общество скоро создало себѣ органъ (DiscursederMaler—Разговоры живописцевъ; по обычаю предыдущаго столѣтія, члены взяли себѣ псевдонимы—именно имена знаменитыхъ художниковъ эпохи возрожденія), въ которомъ вначалѣ не проводило опредѣленной теоріи, но рѣзко и съ чувствомъ высказывало недовольство современной нѣмецкой словесностью и убѣжденіе въ возможности перемѣны къ лучшему. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи Бодмеръ и Брейтингеръ сходились съ молодымъ, хорошо подготовленнымъ и очень энергичнымъ профессоромъ Готшедомъ, который вдохнулъ новую жизнь въ литературное общество, состоявшее при лейпцигскомъ университетѣ. Готшедъ скоро замѣтилъ благомыслящихъ швейцарцевъ и сталъ ихъ поддерживать своимъ вліяніемъ. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности швейцарцы и Готшедъ проводили новое для мно-

гихъ убѣжденіе, что поэзія не есть только забава праздныхъ людей, а дѣло очень серьезное, что литература должна руководить обществомъ и въ то же время служить показателемъ духовнаго его развитія и нравственнаго состоянія. И швейцарцы и Готшедъ твердо вѣровали, что поэзія есть подражаніе природѣ, но дальше они расходились (хотя въ началѣ и не чувствовали этого); Готшедъ, послушный ученикъ французовъ, былъ убѣжденъ, что поэтъ долженъ прибавить къ природѣ чувство вѣры и разсудокъ; Бодмеръ придавалъ гораздо больше значенія воображенію и силѣ чувства. Скоро различіе ощутилось на фактахъ: въ началѣ 30-хъ годовъ Бодмеръ, не удовлетворявшійся ни французами, ни итальянцами и убѣжденный, что для новыхъ людей не вполнѣ подходитъ античная поэзія, нашелъ себѣ идеалъ новаго поэта въ Мильтонѣ: издавая въ 1732 г. прозаическій пересказъ „Потеряннаго Рая", съ уваженіемъ говоритъ о Шекспирѣ (котораго, впрочемъ, знаетъ очень плохо) и высказываетъ мнѣніе, что Мильтонъ—величайшій эпикъ въ мірѣ. Готшедъ не отрицалъ въ Мильтонѣ своеобразныхъ достоинствъ, но смотрѣлъ на него, какъ на талантъ не воспитанный, не уравновѣшенный (подобно тому, какъ немного позднѣе Вольтеръ смотрѣлъ на Шекспира). Когда Готшедъ высказалъ этотъ взглядъ въ печати, Бодмеръ отвѣтилъ ему цѣлымъ трактатомъ „О чудесномъ въ поэзіи", а Брейтингеръ довольно колко задѣлъ его въ монографіи о поэтическихъ сравненіяхъ; Готшедъ обидѣлся и лично за себя и за ту теорію, которую онъ проводилъ. Началась литературная война: вся пишущая Германія раздѣлилась на двѣ партіи, которыя въ своей полемикѣ не щадили личностей противниковъ. Борьба оживила сонную нѣмецкую словесность и привлекла на нее вниманіе ученой Германіи, которая до тѣхъ поръ читала и писала почти исключительно по-латыни. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, борьба окончилась въ пользу той партіи, которая стояла за болѣе живую идею, окончилась вслѣдствіе того, что за швейцарцевъ высказалось новое, при началѣ полемики подроставшее поколѣніе, и Готшедъ и проповѣдуемый имъ французскій классицизмъ потеряли скоро кредитъ.

Бодмеръ жилъ очень долго (ум. въ 1783 г.), имѣлъ счастіе видѣть разсвѣтъ той національной поэзіи, о которой онъ мечталъ въ юности. „Я жилъ на перешейкѣ, восклицаетъ онъ, который ведетъ отъ желѣзнаго вѣка къ золотому". Дѣйствительно, онъ дожилъ до блестящаго осуществленія своихъ надеждъ; уже въ 1748 году были напечатаны первыя пѣсни „Мессіады" Клопштока.

Въ юномъ Клопштокѣ (род. 1724 г.) Бодмеръ увидалъ нѣмецкаго Мильтона, великаго христіанскаго эпика; Готшедъ и его партія отнеслись къ нему хуже, чѣмъ холодно, и попытались противупоставить ему бездарнаго псевдо-классика Шенайха; но сравненіе было слишкомъ не въ его пользу.

„Мессіада" была окончена только въ 1773 г., а въ промежуткѣ Клопштокъ издалъ цѣлый рядъ одъ въ новомъ родѣ, любовныхъ, патріотическихъ, религіозныхъ, нѣсколько поэмъ меньшаго объема и „бардіэтъ", т. е. драматическихъ представленій изъ древнегерманской жизни. „Мессіада" составляетъ славу Клопштока, но уже при его жизни справедливо говорили, что ее больше хвалятъ, чѣмъ читаютъ. Гораздо большее вліяніе на молодое поколѣніе имѣли его лирическія произведенія: ихъ, какъ мы видѣли, заучивалъ наизусть и имъ подражалъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Шиллеръ-школьникъ.

Значеніе одъ Клопштока состоитъ въ томъ, что онъ писалъ только тогда, когда былъ дѣйствительно „вдохновленъ" и только о томъ, что вдохновляло его; на миссію поэта онъ смотрѣлъ съ глубокимъ уваженіемъ и съумѣлъ внушить таковое же публикѣ. Отъ временъ Гогенштауфеновъ и до него въ Германіи только въ церковной пѣсни находили себѣ выраженіе искренняя, сильно возбужденная чувствительность и идеализмъ, какъ удаленіе отъ жизни обыденной, возношеніе души надъ землею. Клопштокъ перевелъ ихъ въ разнообразныя сферы душевной дѣятельности, въ область земной любви, въ сильно возбужденное побѣдами Фридриха національное самосознаніе.

Вся ранняя лирика Шиллера въ прямой генетической связи съ одами Клопштока; но Шиллеръ съумѣлъ освободиться отъ крикливаго паѳоса Клопштока и отъ скандинавскаго Олимпа, которымъ его учитель пытался замѣнить всѣмъ надоѣвшій Олимпъ классическій (совсѣмъ обойтись безъ боговъ и богинь въ его время не считали возможнымъ). Раннія драмы Шиллера въ столь же тѣсной генетической связи съ Геттингенскимъ „союзомъ добродѣтели" который служитъ прологомъ къ періоду „бури и натиска", и съ реформаторской дѣятельностью Лессинга и Гердера.

Въ то время, какъ „Мессіада" близилась къ окончанію, въ Геттингенѣ, самомъ юномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ (основ. 1737 г.), литературные интересы стояли очень высоко; тамъ издавался лучшій изъ нѣмецкихъ альманаховъ (Musenalmanach) подъ редакціей Бойе, у котораго въ домѣ собирались его юные сотрудники и толковали о поэзіи и другихъ высокихъ предметахъ; въ числѣ ихъ былъ и Фоссъ, впослѣдствіи знаменитый переводчикъ Гомера и авторъ поэмы „Луиза"; въ письмахъ къ одному изъ своихъ друзей и къ своей невѣстѣ Фоссъ явился лѣтописцемъ дѣятельности этого кружка. 12 сентября 1772 г. молодые люди прогуливались за городомъ и, вдохновленные своими рѣчами и красотою ночи, рѣшили заключить „союзъ добродѣтели", лозунгомъ котораго были: религія, добродѣтель и чувствительность. Узнавъ о существованіи этого союза, Клопштокъ пожелалъ вступить съ нимъ въ сношенія; онъ прислалъ ему корректурные листы окончанія „Мессіады" и всѣмъ членамъ выразилъ свою любовь и сочувствіе. 2 іюля 1773 г. „союзъ" торжественно праздновалъ день рожденія Клопштока. На возвышенномъ креслѣ, покрытомъ розами, лежали его сочиненія, а у подножія его валялась „Идрисъ", поэма Виланда, соперника Клопштока, подражателя ненавистныхъ французовъ, изъ которой присутствующіе (даже и некурящіе) должны были вырвать листы для закуриванія трубокъ. „Мы пили рейнвейнъ", сообщаетъ Фоссъ, „за здоровье Клопштока, въ память Лютера и Арминія, за благоденствіе союза и пр. Была прочтена ода Клопштока „Къ рейнвейну" и нѣкоторыя другія. Разговоръ сталъ горячѣе; мы говорили о свободѣ съ шапками на головахъ, о Германіи, о добродѣтели, и ты можешь себѣ представить, какимъ тономъ!" Въ заключеніе былъ сожженъ портретъ Виланда и остатки его книжки. Съ нѣкоторыми членами союза добродѣтели былъ въ близкихъ отношеніяхъ несомнѣнно истинный поэтъ Августъ Бюргеръ; его „Ленора", сюжетъ которой взятъ изъ народныхъ преданій, моментально облетѣла всю Германію и стала народной балладой, но критика оцѣнила ея значеніе только впослѣдствіи, въ эпоху романтизма.

Ко времени основанія „союза" уже была въ печати и на сценѣ „Эмилія Галлоти" Лессинга и четыре года назадъ была закончена имъ „Гамбургская Драматургія", но и она еще не успѣла проникнуть въ сознаніе массы нѣмецкаго общества.

„Драматургія" была своего рода битвой при Россбахѣ, жестокимъ урокомъ, который получили самодовольные французы отъ нѣмецкаго критика, и сигналомъ къ великой литературной реформѣ.

Если можно пріурочить къ какому-нибудь году паденіе ложнаго классицизма, то только къ тому, когда выходили листки „Драматургіи", съ 1-го мая 1767 г. по 19-е апр. 1768 г. Въ ней Лессингъ не только возстаетъ противъ исключительности французской теоріи драмы, но и разбиваетъ ее на всѣхъ пунктахъ. Онъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что эта теорія слаба прежде всего въ томъ, въ чемъ она считаетъ себя сильной; французскіе трагики и ихъ послѣдователи воображаютъ, что они слѣдуютъ примѣру древнихъ и правиламъ Аристотеля—ничуть не бывало: они только придерживаются ни къ чему не нужныхъ мелочей, а все существенное оставляютъ въ сторонѣ. Они гордятся строгимъ соблюденіемъ единства времени и мѣста; но это не законъ, а подробность, объясняемая участіемъ хора, которое, съ своей стороны, объясняется религіознымъ происхожденіемъ греческой драмы. У насъ нѣтъ хора, есть машины и занавѣсъ; стало быть единство совершенно ненужное стѣсненіе. У грековъ драма національна и соотвѣтствуетъ эпохѣ. А французская драма не національна и противорѣчитъ духу времени. Трагическое должно возбуждать не удивленіе, какъ у французовъ, а сочувствіе. Это трагическое не можетъ быть навязано дѣйствующимъ лицамъ по волѣ поэта, а должно по необходимости вытекать изъ характеровъ и положеній ихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Шекспиръ несравненно ближе къ Софоклу, нежели вылощенные французскіе трагики; у нихъ все обдуманно, все условно и все не оригинально; основная страсть, двигающая у нихъ дѣйствіе — любовь строго слѣдуетъ приличіямъ и выражается условнымъ, „канцелярскимъ" языкомъ.

Эти положенія были развиты и доказаны, когда нѣмецкая драма настолько раболѣпствовала передъ Франціей, что изъ 75 разобранныхъ Лессингомъ въ „Драматургіи" пьесъ 52 были переведены съ французскаго, а 23 оригинальныя пьесы были больше, чѣмъ на половину, сколки съ французскаго.

„Эмилія Галотти" является живымъ и поразительнымъ по своей законченности дополненіемъ къ „Драматургіи"; въ ней всякая новая сцена подвигаетъ впередъ дѣйствіе и тѣсно связана съ предыдущей и послѣдующей; всякое дѣйствіе вытекаетъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, которые и опредѣляются не словами, а самымъ дѣй-

ствіемъ; тѣ же характеры, а не слѣпой фатумъ управляютъ завязкой и развязкой, которыя, какъ и весь ходъ пьесы, возбуждаютъ до высшей степени въ зрителѣ основныя трагическія чувства—страхъ и состраданіе. Лучшая часть нѣмецкой публики стала послѣ „Эмиліи" называть Лессинга нѣмецкимъ Шекспиромъ, и хотя Шиллеръ впослѣдствіи неодобрительно отзывался объ ней, все же въ первыхъ своихъ драмахъ онъ является даровитымъ ученикомъ - продолжателемъ Лессинга; продолжалъ онъ его, конечно, въ болѣе новомъ направленіи—„Фрагментовъ" Гердера 1767 г. и періода „бури и натиска".

Гердеръ не поэтъ, но критикъ и ученый, только ученый новаго стиля, желающій дѣлиться своими мыслями и открытіями не съ двумя-тремя собратами, а со всѣмъ мыслящимъ человѣчествомъ. Какъ критикъ, онъ выводитъ любителей литературы „на просторъ природы изъ спертаго комнатнаго воздуха искусственнаго вѣка". Онъ восторгается первобытнымъ человѣкомъ и его пластичнымъ языкомъ, въ которомъ все поэзія. Онъ рѣзко и ясно отдѣляетъ поэта отъ филолога, творчество отъ изученія языка и литературы, въ основу котораго онъ кладетъ общіе, для всѣхъ народовъ обязательные законы историческаго развитія. По его убѣжденію, поэзія, оторванная отъ народной почвы, ничего не стоитъ; истинная поэзія есть только тамъ, гдѣ есть природа, наивность (свѣжесть), одушевленіе, фантазія; возвращеніе къ природѣ и народности есть возвращеніе къ оригинальности и идеаламъ. Только тотъ писатель великъ, который служитъ выразителемъ жизни своего народа. Общихъ, незыблемыхъ правилъ красоты нѣтъ; всякая эпоха, всякая національность имѣетъ свои правила, и писателя можно судить, только исходя изъ его среды. Для Гердера нѣтъ темныхъ періодовъ, и каждая эпоха имѣетъ сама въ себѣ цѣль и средства; презрѣніе французскихъ „просвѣтителей" XVIII вѣка къ среднимъ вѣкамъ кажется ему крайне несправедливымъ, хотя онъ и не думаетъ поклоняться имъ, какъ это дѣлали его ученики-романтики. (Вообще въ постановкѣ многихъ историческихъ и историко-литературныхъ вопросовъ Гердеръ гораздо ближе къ истинѣ, нежели слишкомъ увлекшіеся мыслители слѣдующаго поколѣнія. Не даромъ Гете называлъ его „Идеи" своимъ историческимъ евангеліемъ). Въ Шиллерѣ, естествовѣдѣ по образованію и философѣ по природной склонности, Гердеръ возбудилъ инстинктъ историческій и далъ ему разумное національное чувство, свободное отъ тупоумнаго шовинизма.

Подъ именемъ періода „бури и натиска" многіе разумѣютъ цѣлое двадцатилѣтіе отъ появленія „Фрагментовъ" Гердера до окончанія Шиллерова „Донъ-Карлоса" (1787 г.). При такомъ пониманіи термина самъ Шиллеръ оказывается однимъ изъ важнѣйшихъ его дѣятелей, и его „Разбойники"—едва ли не самымъ вліятельнымъ и характернымъ его духовнымъ продуктомъ. Но говоря о вліяніи „бури и натиска" на Шиллера мы, разумѣется, должны имѣть въ виду только первую половину періода, совпадающую съ ранней молодостью Гете.

Когда Гете поступилъ въ Страсбургскій университетъ, онъ уже нашелъ въ этомъ городѣ литературный кружокъ, въ дѣятельности котораго уже сильно сказывалось вѣяніе новаго духа; оно выражалось презрѣніемъ ко всякой условности въ жизни и искусствѣ, и къ французамъ, ея защитникамъ, уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ и національности, поклоненіемъ Шекспиру и природѣ. Гете всецѣло примкнулъ къ этому кружку и скоро сдѣлался въ немъ виднымъ дѣятелемъ. Когда въ Страсбургъ пріѣхалъ Гердеръ, нѣсколько туманныя идеи членовъ кружка получили большую опредѣленность и твердую историческую основу.

Въ Страсбургѣ задумалъ Гете свою первую большую драму „Гецъ фонъ Берлихингенъ", которая появилась въ свѣтъ въ 1773 г.; въ ней онъ создалъ идеалъ нѣмецкаго борца за свободу и правду и окружилъ его идеальными нѣмецкими женщинами; но національное выражено здѣсь съ такою силой и художественною полнотою, что пьеса получила общечеловѣческое значеніе. Въ Гецѣ нельзя не видѣть сильнаго вліянія Шекспира, но это вліяніе выражается не рабскимъ подражаніемъ, а высокоталантливымъ усвоеніемъ основныхъ началъ истиннаго драматизма и поэзіи.

Еще большее распространеніе и вліяніе имѣло слѣдующее крупное произведеніе Гете—романъ „Страданія молодого Вертера", еще яснѣе выражавшее основные принципы начинавшейся въ то время великой духовной революціи въ области вкуса и мысли. „Вертеръ" соединяетъ высшую „чувствительность", бывшую тогда всеобщей модой, и высокія мысли съ полной искренностью и правдивостью, съ точнымъ воспроизведеніемъ жизни, какъ она есть. И „Гецъ" и „Вертеръ" были любимыми книгами юноши-Шиллера.

Имя періоду „бури и натиска" дала одна

драма 24-хъ-лѣтняго поэта Фридр. Макс. Клингера, который началъ свою драматическую дѣятельность съ подражанія Гетеву „Гецу", а потомъ подчинился вліянію другого члена страсбургскаго кружка, несчастнаго, впослѣдствіи сумасшедшаго поэта Ленца. Его пьеса «Буря и натискъ» (Sturm und Drang 1776 г.) обработываетъ шекспировскую тему «Ромео и Юлія» (историческимъ фономъ служитъ американская война за свободу) и пользуется шекспировскими пріемами, но доводитъ ихъ до некрасивой, часто дикой крайности, которая въ то время могла нравиться только какъ реакція противъ вылощенности и холодной условности французскаго псевдоклассицизма. Съ полной наглядностью этотъ переходъ границъ естественности въ другую сторону выражается въ языкѣ пьесы, который переполненъ восклицаніями, гиперболами, отрывочными, неоконченными фразами и пр. Подобныя драмы, изображавшія неистовство человѣческихъ страстей, рисовавшія характеры „геніальными" мазками толстой кисти и почти всегда проникнутыя свободолюбивыми мечтами, появлялись тогда десятками и увлекали молодежь. Онѣ сильно повліяли на технику, а отчасти и на содержаніе юношескихъ драмъ Шиллера.

„Разбойники", „Фіеско" и „Коварство и Любовь" представляютъ кульминаціонный пунктъ въ развитіи свѣтлой, прогрессивной стороны „бурнаго" періода. Въ нихъ, какъ и въ раннихъ лирическихъ стихотвореніяхъ Шиллера, осуществляется великая идея Шиллеровскаго стихотворенія „Руссо" — создать людей изъ рабовъ; они возбуждаютъ ненависть къ тиранству и жестокости всякаго рода, въ жестокій вѣкъ „возславляютъ свободу" и пробуждаютъ „милость къ падшимъ" (ср. стихотвореніе „Дѣтоубійца" 1781 г.); въ нихъ выражается пылкая, сильная, идеально-чистая, но еще юношески неуравновѣшенная природа поэта, проникнутая внутренней любовью къ свѣту и въ то же время ищущая мрачныхъ картинъ и мотивовъ. Это какъ бы первые студенческіе годы европейскаго общества, въ лучшемъ значеніи слова; увлеченія юнаго студента могутъ иногда невольно возбуждать улыбку, но улыбку симпатіи и кроткой гордости чистотой и идеальными стремленіями не испорченнаго жизнью человѣка. Отроки, юноши сильнѣй чувствуютъ эти драмы; но и зрѣлый человѣкъ съ наслажденіемъ и великою пользою смотритъ и читаетъ ихъ.

Въ „Донъ-Карлосѣ" студентъ уже вступаетъ въ дѣйствительную жизнь. Что въ „Разбойникахъ" пѣнилось и бродило, какъ молодое вино, то въ „Донъ-Карлосѣ" установилось и очистилось, не потерявъ ни крѣпости своей, ни аромата. Маркизъ Поза настолько же выше Карла Моора, насколько Фаустъ глубже Вертера; какъ бы ни унижали обѣ крайнія партіи „либерализмъ" и „либераловъ", послѣднимъ стоитъ только вспомнить о своемъ высокомъ идеалѣ въ драмѣ Шиллера, чтобы смыть съ себя весь позоръ и всю грязь, которыми столько поколѣній пачкаютъ ихъ враги, а еще больше того сомнительные друзья *).

Въ лейпциго-дрезденскій періодъ своей жизни Шиллеръ усиленно трудится надъ выработкой уравновѣшеннаго міросозерцанія и находитъ наконецъ себѣ идеалъ и задачу жизни въ пропагандѣ прекраснаго. Отъ возраста, отъ испытаній жизни и, главное, отъ размышленія его юношескій оптимизмъ тускнѣетъ и уступаетъ мѣсто болѣе грустному взгляду на многія стороны земного бытія. Тогда онъ приходитъ къ заключенію, что

Творящій Духъ отринулъ человѣка
Отъ лика своего и въ области утратъ
Опредѣлилъ ему стезею трудной вѣка
Найти ко свѣту поздній свой возвратъ.

Руководителемъ для него на этомъ пути должно стать искусство:

Летая вкругъ него, оно надеждой дышетъ
Любимцу своему въ печальномъ мірѣ семъ,
И на стѣнахъ его темницы пишетъ
Въ прелестныхъ вымыслахъ Эдемъ.

(„Художники" 1789 г.).

Въ результатѣ получается объединеніе блага и истины въ художественной красотѣ. Въ такомъ взглядѣ на взаимное отношеніе жизни и искусства нельзя не видѣть зарожденія міровоззрѣнія романтическаго, которое черезъ 10 лѣтъ основываетъ царство вѣчности, гдѣ господствуютъ Фантазія и Эросъ, соединенный бракомъ съ Поэзіей.

Но Шиллеръ и впослѣдствіи, глубоко огорчаемый тѣмъ антигуманнымъ направленіемъ, которое приняла французская рево-

*) Дюрингъ («Великіе люди въ литературѣ» русск. пер. Антоновскаго. Спб. 1897 г. стр. 352 и слѣд.) считаетъ Позу крайне наивнымъ человѣкомъ и способнымъ только къ пассивному страданію; но наивность есть симпатичная слабость всѣхъ истинныхъ оптимистовъ и искренно вѣрующихъ людей; а принесеніе себя въ жертву за другихъ развѣ можно считать пассивнымъ страданіемъ?

люція, не только никогда не вступалъ на опасную дорогу чистыхъ романтиковъ, но и не могъ понять олимпійскаго спокойствія Гете и его отчужденности отъ жизни; равно какъ и въ пониманіи прекраснаго онъ смотритъ несравненно шире и глубже своихъ слишкомъ ревностныхъ учениковъ и послѣдователей. Оттого романтики и отвернулись отъ него и съ нѣкоторымъ злорадствомъ поставили во главу угла новой поэзіи его друга-соперника, автора „Вильгельма Мейстера", хотя Шиллеръ былъ несравненно ближекънимъ и по субъективизму своей поэзіи, и по своимъ революціоннымъ стремленіямъ, и по любви къ метафизическимъ обобщеніямъ, къ которымъ Гете относился съ глубокой антипатіей.

Памятникъ Шиллеру въ Берлинѣ (Рейнгольда Бегаса).

Полной зрѣлости и силы творческій геній Шиллера достигъ въ іенско-веймарскій періодъ его жизни. Къ этому періоду относится и большинство его лучшихъ лирическихъ пьесъ, и его чудныя баллады, которыя все образованное человѣчество знаетъ съ 12-ти-лѣтняго возраста, и его великія драмы *).

Шиллеръ, несомнѣнно, величайшій драматургъ послѣ Шекспира и создатель новой исторической драмы; не даромъ Гете вовсе не склонный къ самоуниженію, считалъ себя въ этомъ отношеніи совершеннымъ нулемъ передъ нимъ. Безъ Шиллера вся исторія театра XIX вѣка получила бы, надо думать, совсѣмъ иной характеръ и несравненно меньшее значеніе по крайней мѣрѣ въ Германіи. Какъ Гете, такъ и романтика—чувствовали сильное желаніе отвернуться не только отъ profanum vulgus, но и отъ общества во всемъ его составѣ; да и Байронъ съ его многочисленными послѣдователями готовы были возвести въ принципъ презрѣніе къ толпѣ; а проведеніе такого принципа, сколько нибудь послѣдовательное, прежде всего убиваетъ театръ, не мыслимый безъ толпы, и лишаетъ духовной пищи не только всѣхъ, кто не доразвился до чтенія, но и такъ наз. образованныхъ людей, всецѣло погруженныхъ въ злобу дня и добываніе средствъ. Изъ великихъ поэтовъ новаго временіодинъ Шиллеръ проводилъ и проводитъ убѣжденіе, что театръ есть великое нравственное и образовательное учрежденіе и даетъ силу тысячамъ художниковъ работать именно на этомъ поприщѣ, не смотря на всѣ тяжелыя условія его. Шиллеръ отецъ новой исторической драмы, такъ какъ онъ одинъ сумѣлъ морализировать и поэтизировать пережитое человѣчествомъ, оставаясь безусловно (не въ мелочахъ, конечно) вѣрнымъ правдѣ и только повышая частное въ общее. Онъ и здѣсь чуть не до послѣдняго дня своей жизни остается прежде всего проповѣдникомъ гуманности и народ-

*) Дюрингъ называетъ ихъ вылощенными! Какъ несправедливъ такой презрительный эпитетъ, достаточно ясно уже изъ того, что наиболѣе сильные природные сценическіе таланты всѣхъ странъ предпочитаютъ ихъ всему остальному, кромѣ развѣ Шекспира, что его «Марія Стюартъ» до сихъ поръ одинаково потрясаетъ раекъ и въ Москвѣ, и въ Аѳинахъ, и въ Лондонѣ, и что его «Вильгельмъ Телль» сталъ чисто народной пьесой въ Швейцаріи.

никомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова: убѣжденный, подъ вліяніемъ политическихъ событій, что

Гдѣ самовольствуетъ народъ,
Тамъ время бѣдствій настаетъ.
(Пѣснь о Колоколѣ),

онъ создаетъ чудный драматическій гимнъ ненависти къ тиранніи и свободѣ народной въ „Вильгельмѣ Теллѣ".

Уже въ самомъ началѣ послѣдняго десятилѣтія Шиллеръ чувствуетъ утомленіе отъ жизни и гибель своихъ слишкомъ высокихъ идеаловъ и находитъ примиреніе только въ трудѣ и дружбѣ (см. „Идеалы" 1795 г.), но и въ самомъ концѣ жизни, измученный долгимъ страданьемъ, обезпокоенный судьбою дорогихъ ему людей, онъ остается неизмѣнно вѣренъ своимъ тремъ знаменитымъ „словамъ" (свобода, добродѣтель, Богъ), остается вѣчнымъ юношей—идеалистомъ, который одинаково увлекается красотою природы и красотою искусства.

Почти на смертномъ одрѣ говоритъ онъ:

Неисчерпаемой прелестью и красотой вѣчно новой
Дышетъ природа, и знай: схоже искусство въ томъ съ ней;
Въ сердцѣ ты чувство хранишь къ нимъ обоимъ, о старецъ достойный!
Жребіемъ будетъ твоимъ вѣчная юность за то.

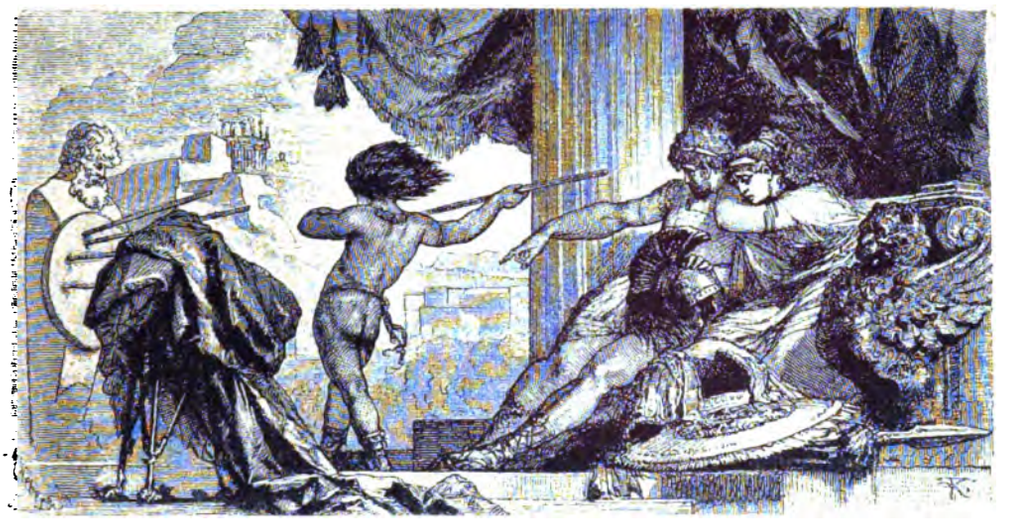
Этотъ свободолюбивый, вѣчно пылкій юноша всегда, во всѣхъ созданіяхъ своихъ, даже въ самыхъ юныхъ, былъ горячимъ проповѣдникомъ порядка (не формальнаго, конечно) и истинной нравственности, за что слѣдующее поколѣніе, его же стихами и прозой пробужденное, прославило его филистеромъ и поэтомъ „мѣщанской" добродѣтели.

Много лѣтъ въ самой Германіи передовые люди, руководимые романтиками, свысока смотрѣли на Шиллера и презрительно называли его писателемъ для хрестоматій и подростковъ, и было время, когда самъ старикъ Гете съ грустью думалъ, что автору „Донъ-Карлоса" предстоитъ печальная участь Клопштока. Но скоро оказалось, что смѣлые проповѣдники свободной любви и неограниченной свободы искусства и гонители буржуазной морали съ изумительною легкостью становились обскурантами, гонителями просвѣщенія и народной свободы, столпами новѣйшей инквизиціи и абсолютизма, и тогда началась спасительная реакція въ пользу Шиллера и какъ художника и какъ поэта-публициста, и съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи, такъ и за ея предѣлами, Шиллеръ сталъ однимъ изъ величайшихъ классиковъ, наравнѣ съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ и Гете.

А. Кирпичниковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.



ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

(1780).

АНДРОМАХА.

Для чего стремится Гекторъ къ бою,
Гдѣ Ахиллъ безжалостной рукою
За Патрокла грозно мститъ врагамъ?
Если Оркъ угрюмый насъ разлучитъ,
Кто малютку твоего научитъ
Дротъ метать и угождать богамъ?

ГЕКТОРЪ.

Слезъ не лей, супруга дорогая!
Въ поле битвы пылъ свой устремляя,
Этой дланью я храню Пергамъ.
За боговъ священную обитель
Я паду и — родины спаситель —
Отойду къ стигійскимъ берегамъ.

АНДРОМАХА.

Не гремѣть твоимъ доспѣхамъ болѣ;
Ржавый мечъ твой пролежитъ въ неволѣ
И Пріама оскудѣетъ кровь:
Въ область мрака ты сойдешь отнынѣ,
Гдѣ Коцитъ слезится по пустынѣ...
Канетъ въ Лету Гектора любовь!

ГЕКТОРЪ.

Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
Я залью волной рѣки забвенья,
Но не чистый пламенникъ любви...
Чу! дикарь у стѣнъ ужъ кличетъ къ бою.
Дай мнѣ мечъ и не томись тоскою:
Леты нѣтъ для Гектора любви.

Л. Мей.

АМАЛІЯ.

(1780).

Свѣтлый образъ жителя
Валгаллы,
Другъ мой былъ всѣхъ
юношей милѣй:
Очи—моря синіе кристаллы
Въ майскомъ блескѣ
солнечныхъ лучей!
Поцѣлуи друга — обаянье —
Какъ двѣ искры, вспыхнувшія вдругъ,
Какъ два тона арфы, при сліяньѣ
Въ одностройный, неразрывный звукъ.
Пламенѣли, душу сплавивши съ душою,
На устахъ звуча, сливалися...
Сердце рвалось къ сердцу... небеса съ землею
Вкругъ счастливцевъ растоплялися.

Друга нѣтъ! напрасно, ахъ! напрасно
Звать его въ кручинѣ и слезахъ:
Нѣтъ его — и все, что въ жизни красно,
Все звучитъ мнѣ безнадежнымъ „ахъ“!

Л. Мей.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

(1780).

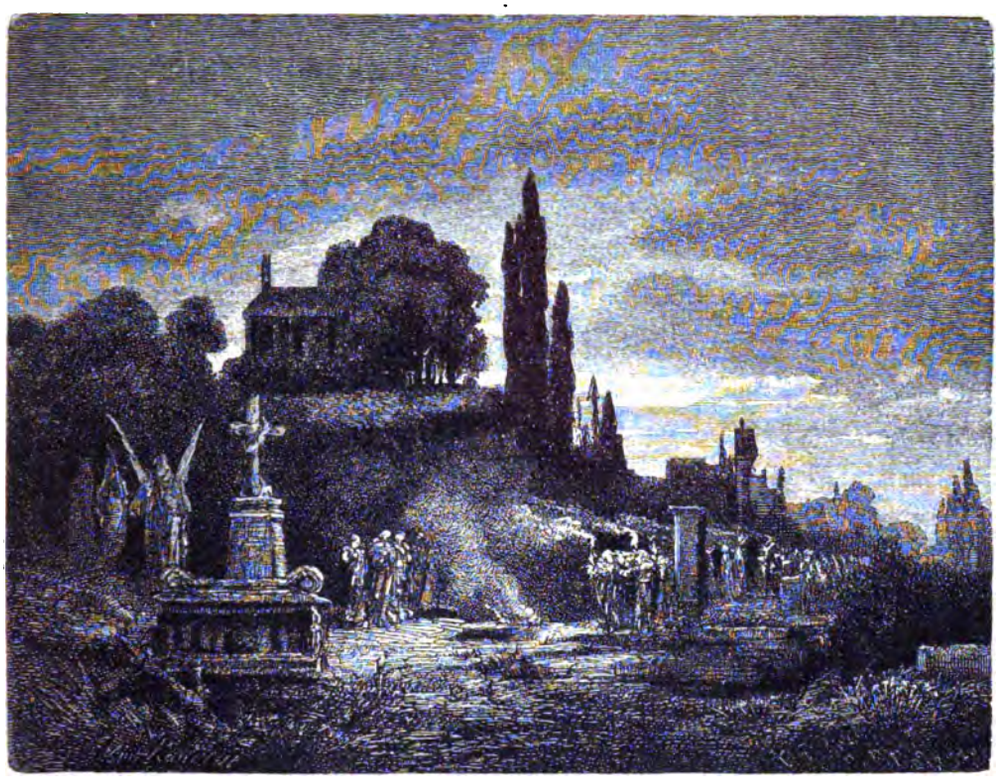
Мѣсяцъ сквозь туманы
Льетъ свой свѣтъ на тихія поляны;
Духи ночи съ воплями летятъ;
Тучъ несется стая,
И, мерцая,
Звѣзды, словно свѣточи, блестятъ.
Вереницей мрачной и печальной,
Какъ видѣній сонмъ, толпа людей
Къ кладбищу идетъ — и погребальный
Ихъ окуталъ мракъ ночныхъ тѣней.

Надъ клюкой склоненный,
Въ землю взоръ уставивъ помраченный,
Подъ двойнымъ ярмомъ тоски и лѣтъ,
Тяжкою судьбою удрученный,
Кто идетъ за гробомъ тихо вслѣдъ?
Не отцомъ ли звалъ его умершій?—
И отъ горя, злой тоски дрожитъ
Старца станъ, согбенный, похудѣвшій,
Волосъ дыбомъ на челѣ стоитъ...

Какъ сильна боль раны незажившей!
Холодъ въ душу сирую проникъ...
Называлъ „отцомъ“ его почившій,
„Милымъ сыномъ“ звалъ его старикъ.
Сынъ твой—трупъ холодный и безгласный—
Онъ, твоя надежда и покой!
О, какъ жалокъ ты, отецъ несчастный!
Сынъ твой—трупъ холодный и безгласный—
Онъ, твоя отрада, рай земной.

Точно сейчасъ изъ объятій Авроры,
Райскимъ сіяньемъ еще окруженъ,
Радостно по полю бѣгалъ сынъ Флоры,
Розъ ароматомъ облитъ, упоенъ.
Волны его красоту отражали,
Онъ веселился, заботы презрѣвъ,
Страстью его поцѣлуи пылали,
Краску любви вызывая у дѣвъ.

Бодрымъ казался въ людскихъ онъ собраньяхъ,
Бодрымъ, какъ серна—и зналъ ли предѣлъ
Онъ, необузданный въ дерзкихъ желаньяхъ?
Нѣтъ, какъ орелъ въ облакахъ, онъ былъ смѣлъ.
Какъ съ приподнявшейся гривой густою
Конь негодуетъ на узы свои,—
Такъ никогда не склонялся главою
Онъ передъ сильными бренной земли.



Жизнь для него была свѣтлой, отрадной,
Словно сіянье небесныхъ свѣтилъ,
Скорбь онъ во влагѣ топилъ виноградной,
Горе онъ въ пляскѣ разсѣять спѣшилъ.
Сколько задатковъ въ немъ чудныхъ хранилось!
Если бъ онъ зрѣлости полной достигъ,
Если бы все, что въ немъ только таилось,
Пышно дозрѣло?.. Подумай, старикъ!

Чу! со скрипомъ двери растворились:
Вотъ кладбище. О, какъ страшно тутъ,
Въ сѣни мертвыхъ! Всѣ сердца забились...
Старецъ! слезы пусть твои текутъ!
О, иди теперь по назначенью
Дальше, милый мой, и страсть свою,
Страсть избранныхъ къ высшему стремленью,
Утоли въ заоблачномъ раю.

До свиданья! О, какую силу
Эта мысль таитъ! Вновь увидать!
Чу! вотъ гробъ спускается въ могилу!
Чу! веревка вверхъ скользитъ опять! —
Ахъ, мы часто молча обнимались,
И въ глазахъ видна была любовь!..
Стойте!.. Часто мы не соглашались...
Но потоки слезъ ужъ льются вновь!

Мѣсяцъ сквозь туманы
Льетъ свой свѣтъ на тихія поляны;
Духи ночи съ воплями летятъ;
Тучъ несется стая,
И, мерцая,
Звѣзды, словно свѣточи, блестятъ.
Вотъ уже насыпанъ холмъ могильный...
О, за всѣ богатства міра—только взглядъ!
Гробъ закрытъ навѣкъ, отецъ безсильный;
Выше, выше холмъ растетъ могильный...
Не вернется сынъ къ тебѣ назадъ!

Ѳ. Миллеръ.

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

(1781).

Вопль и стоны грустно оглашаютъ
Нынѣ смертью посѣщенный домъ;
Въ колоколъ соборный ударяютъ;
Вотъ и гробъ выносятъ съ мертвецомъ.
Ахъ! онъ слишкомъ молодъ для могилы!
Онъ, увы, угасъ въ весеннихъ дняхъ!
Юный жаръ еще волнуетъ жилы,
И огонь горитъ въ его очахъ.
Умеръ сынъ! Ахъ, умеръ ненаглядный!
Какъ о немъ рыдаетъ горько мать!
Умеръ другъ мой, братъ! Идемте хладный
Трупъ его въ могилу провожать!

Пусть гордятся сосны вѣковыя,
Что стоятъ такъ твердо подъ грозой!
Пусть гордятся горы снѣговыя,
Небеса подпершія собой!
Пусть гордится подвигомъ свершеннымъ
Старецъ: онъ всего уже достигъ,
Иль герой въ потомствѣ отдаленномъ,
Что во храмъ безсмертія проникъ!
Но тутъ червь цвѣтъ жизни пожираетъ...
Тотъ безумецъ, кто въ мечтахъ своихъ
Жизнь земную прочною считаетъ,
Видя гибель столькихъ молодыхъ!

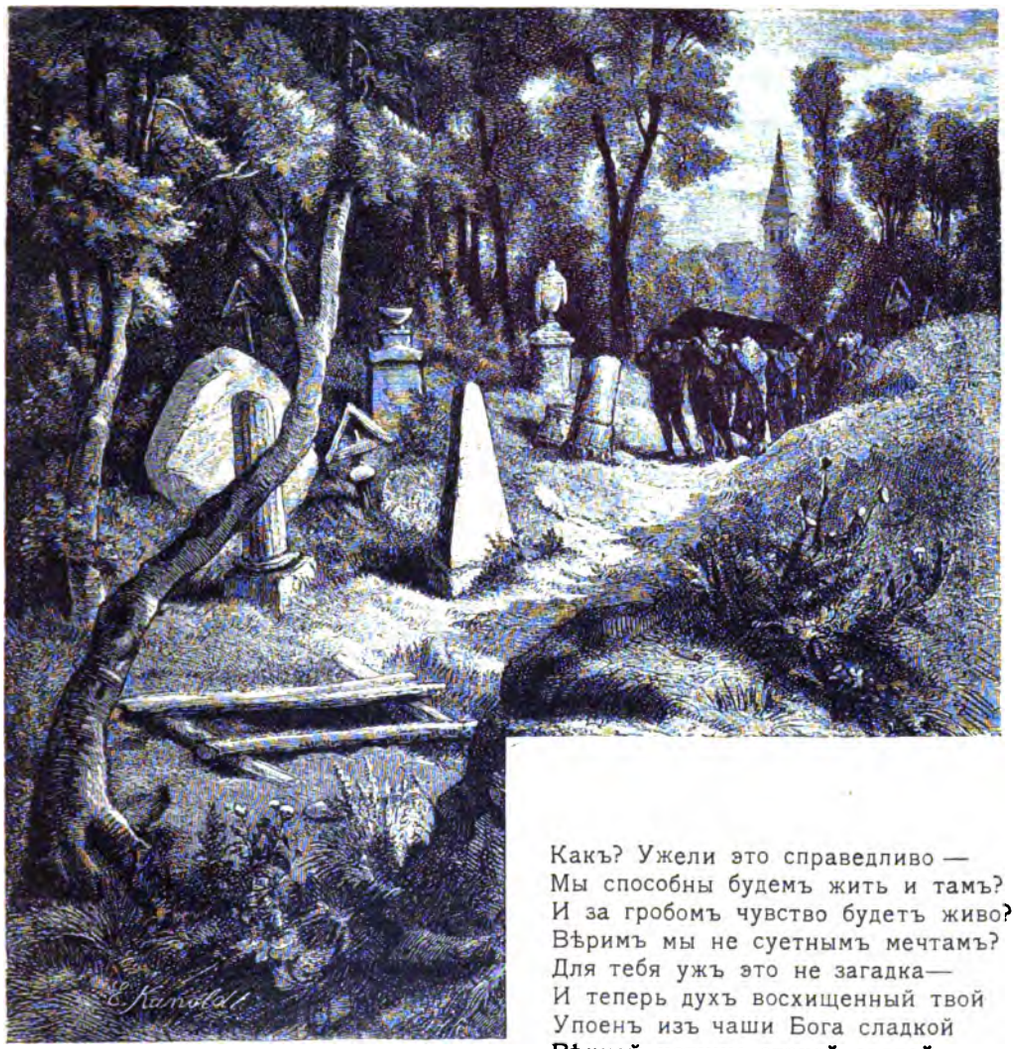
Въ юномъ счастьи дни его мелькали,
Онъ не зналъ ни горя, ни печали:
Міръ ему былъ ясный свѣтлый май;
Жизнь его манила далью чудной;
Жить ему казалось такъ не трудно —
На землѣ онъ видѣлъ только рай!
Обливалась мать его слезами,
Смерть надъ нимъ махала ужъ крылами
И ужъ Парки обрывали нить,
Помрачивъ свѣтъ ума и зрѣнья,
Онъ не все, все ждалъ выздоровленья,
Умирая, прощался жить!

Подъ землей, не зная сновидѣній,
Мертвецы въ могилахъ мирно спятъ —
И осталось все безъ исполненья,
Все, о чемъ мечталъ ты, юный братъ!
Встанетъ солнце надъ твоей могилой:
Ты его лучей не ощутишь;
Вѣтерокъ повѣетъ легкокрылый,
Но въ твоей могилѣ мракъ и тишь!
Не обнимешь ты своей любезной,
Не обнимешь ты своей любезной,
Лучъ любви твой взоръ не озаритъ!
Горе намъ! Напрасенъ стонъ нашъ слёзный:
Ясный взоръ твой навсегда закрытъ!

Но онъ счастливъ: мирно почиваетъ
Въ тѣсномъ домѣ милый нашъ мертвецъ...
Пусть могила радостей не знаетъ,
Тамъ за-то всѣмъ горестямъ конецъ.
Пусть тебя предатель порицаетъ,
Клевета и злоба пусть чернятъ,
Фарисей пусть дерзко утверждаетъ,
Что ты грѣшникъ, что удѣлъ твой — адъ!
Пусть, подъ маской честности, порочный
Хитростью морочитъ всѣхъ своей!
Правосудья сынъ пускай побочный
Управляетъ всѣхъ судьбой людей!

Пусть играетъ счастіе толпою
Своевольно, смѣло, безъ границъ:
Одного на тронъ внесетъ рукою,
А другого свергнетъ грубо ницъ!
Спи: въ гробу не видишь ты, счастливый,
Этой смѣси смѣха и скорбей,
Счастія прилива и отлива
И игры позорной нашихъ дней,
Этой праздности трудолюбивой
И покоя полнаго труда.
Этой жизни праздно-хлопотливой
Не увидитъ взоръ твой никогда!

О, прости же, другъ нашъ ненаглядный!
Посылаемъ вслѣдъ тебѣ любовь!
Мирно спи въ своей могилѣ хладной!
Спи, покуда свидимся мы вновь!



Какъ? Ужели это справедливо —
Мы способны будемъ жить и тамъ?
И за гробомъ чувство будетъ живо?
Вѣримъ мы не суетнымъ мечтамъ?
Для тебя ужъ это не загадка—
И теперь духъ восхищенный твой
Упоенъ изъ чаши Бога сладкой
Вѣчной истины струей святой.

Жди пока гласъ трубный пронесется
И въ могилахъ всѣхъ разбудитъ васъ,
И затворъ гробовъ вновь отомкнется
И возстанья вновь ударитъ часъ!
Высшимъ духомъ оплодотворившись,
Разрѣшатся гробы въ этотъ мигъ,
И, въ дыму планетномъ раскалившись,
Выкинутъ они жильцовъ своихъ.

Не въ раю, какъ чернь предполагаетъ,
Не въ мірахъ иныхъ, какъ мнитъ мудрецъ,
Не на небѣ, какъ поэтъ мечтаетъ,
Но мы все жъ сойдемся наконецъ.

Вѣчно алчной смерти трупъ отдайте,
Мрачный сонмъ, сюда пришедшій съ нимъ!
Больше слезъ о немъ не проливайте,
Прахъ засыпьте прахомъ же земнымъ!
Кто постигнулъ цѣли Провидѣнья?
Кто проникнуть за могилу могъ?
О, мы Бога чтимъ въ благоговѣньи!
Святъ, святъ, святъ усопшихъ въ мірѣ Богъ!
Пусть земля землѣ и возвратится,
Но изъ гроба духъ воспрянетъ вновь!
Пусть по вѣтру прахъ твой разлетится —
Не умретъ вовѣкъ твоя любовь!

Ѳ. Миллеръ.

ФАНТАЗІЯ. (ЛАУРѢ).

(1781).

Назови, Лаура, силу обаянья,
Что влечетъ другъ къ другу
оба естества,
Назови, Лаура, тайну
волшебства,
Вызвавшую дивно двухъ
сердецъ сліянье?

Ходомъ неизмѣннымъ міровыхъ планетъ
Управляетъ та же вѣковая сила,
И какъ будто дѣти матери во слѣдъ —
Такъ въ орбитѣ солнца движутся свѣтила.

И лучей полдневныхъ золотой потокъ
Съ жадностью впиваетъ каждая планета,
Пьетъ она изъ кубка пламени и свѣта,
Какъ изъ мозга члены—животворный сокъ.

Солнечная искра ищетъ единенья
Съ солнечною искрой, и со всѣхъ сторонъ
Сферы гармонично приводя въ движенье,
На любви основанъ міровой законъ.

Изгони ее изъ творчества природы —
И міры погибнутъ въ тотъ же самый мигъ,
Въ хаосъ низвергаясь, рухнутъ неба своды
И Ньютонъ оплачетъ разрушенье ихъ.

Изъ предѣловъ духа удали богиню —
И надъ нимъ побѣда плоти суждена;
Безъ любви нѣтъ вѣры въ Божію святыню,
Безъ любви придетъ ли новая весна?

Отчего, Лаура, нѣга поцѣлуя
Краску разливаетъ на лицѣ моемъ,
Сердце непонятной силою волнуя,
Въ жилахъ зажигая кровь мою огнемъ?

Не сдержать порыва юныхъ силъ кипучихъ,
Рвущихся на волю съ пыломъ молодымъ;
Жгучія объятья ждутъ объятій жгучихъ
И сердца пылаютъ пламенемъ однимъ.

Въ мірѣ бездыханномъ, тамъ, гдѣ на свободѣ
Вихрятся пылинки, — все приноситъ дань,
Все любви подвластно, какъ въ живой
природѣ,
Гдѣ плетется вѣчно Арахнеи ткань.

Посмотри, Лаура! Трепетно живая
Радость обнялась съ безумною тоской,
На груди надежды къ жизни согрѣвая
Муки безнадежной холодъ ледяной.

Зачастую въ сумракъ непроглядной ночи
Братское участье вноситъ свой просвѣтъ,
И, блестя слезами, отражаютъ очи
Солнца золотого благотворный свѣтъ.

Всюду есть потребность тайная сближенья,
Есть потребность эта даже въ царствѣ зла,
Съ адомъ сочетались наши прегрѣшенья
И въ разладѣ съ небомъ — гнусныя дѣла.

Обвиваютъ грѣхъ змѣиными узлами
Эвменидъ чета: раскаянье и стыдъ;
Гдѣ взмахнетъ орелъ могучими крылами —
Тамъ во тьмѣ измѣна злобная грозитъ.

Зависть отравляетъ счастье безъ возврата,
Съ гордостью идетъ у гибели игра,
И суля конецъ достойный для разврата,
Ждетъ его въ объятья смерть, его сестра.

Къ прошлому въ объятья пламенно и бурно
Будущее рвется на крылахъ любви;
Къ вѣчности—невѣстѣ дряхлаго Сатурна,
Тотъ давно направилъ помыслы свои.

Но придетъ минута—возвѣстилъ оракулъ—
И ее настигнетъ онъ, неумолимъ,
И пожаръ міровъ засвѣтитъ брачный факелъ,
Вѣчности союзу съ временемъ сѣдымъ.

Краше засіяетъ послѣ ночи мрачной
Надъ любовью нашей лучъ зари иной;
Радуйся, Лаура, какъ ихъ ночи брачной,
Ей конца не будетъ. Радуйся со мной.

О. Чюмина.

ЛАУРА ЗА КЛАВЕСИНОМЪ.

(1781)

Стоитъ лишь твоимъ пер-
стамъ воздушнымъ
Прикоснуться къ клави-
шамъ послушнымъ—
Я стою, какъ статуя, въ тиши;
Жизнью, смертью ты по-
велѣваешь,
Какъ кудесникъ властно напрягаешь
И владѣешь струнами души.

Даже вѣтеръ тиховѣйный,
Притаясь, напѣву внемлетъ,
И восторгъ благоговѣйный
Мірозданье все объемлетъ;
Все застыло, и просторъ
Внемля звукамъ, очарованъ,
Я-же словно заколдованъ,
Встрѣтивъ твой волшебный взоръ.

Дышутъ звуки прелестью чудесной,
На струнахъ роясь—неуловимо,
Зарождаясь, словно херувимы
Въ глубинѣ отчизны ихъ небесной.
Словно міръ, изъ хаоса рожденный,
Заблиставъ, струитъ вокругъ сіянье—
Такъ и пѣсенъ міръ завороженный
Льетъ въ сердца свое очарованье.

То я слышу: ключъ сочится,
По каменьямъ онъ струится
Переливнымъ серебромъ,
То далекій слышу громъ.
Бурно свергаясь съ отвѣсной громады,
Пѣной дробятся и бьютъ водопады;
Нѣжнымъ охвачены трепетомъ,
Вѣютъ осины зеленыя,
Съ томнымъ проносятся лепетомъ
Вѣтры влюбленные.

То въ безнадежной и мрачной кручинѣ
Вижу себя я въ зловѣщей пустынѣ,
Тамъ, гдѣ слезами струится Коцитъ,
Ночи безмолвье и ужасъ царитъ.
Правду скажи мнѣ: тобою случайно
Райскихъ напѣвовъ открыта-ли тайна?
О, разрѣши мнѣ сомнѣніе вмигъ—
Это ли горнихъ селеній языкъ?

О. Чюмина.

РУССО.

(1781).

Монументъ, возникшій злымъ укоромъ
Нашимъ днямъ и Франціи позоромъ,
Гробъ Руссо, склоняюсь предъ тобой!
Миръ тебѣ, мудрецъ уже безгласный!
Мира въ жизни ты искалъ напрасно:
Миръ нашелъ ты, но въ землѣ сырой.

Язвы міра вѣкъ не заживали:
Встарь былъ мракъ—и мудрыхъ убивали,
Нынче—свѣтъ, а меньше-ль палачей?
Палъ Сократъ отъ рукъ невѣждъ суровыхъ,
Палъ Руссо,—но отъ рабовъ христовыхъ,
За порывъ создать изъ нихъ людей.

Л. Мей.

УПОЕНІЕ (ЛАУРѢ).

(1781).

О, Лаура! міръ забывши бренный,
Въ сферахъ неба нѣжусь я, блаженный,
Если взоръ твой на меня глядитъ!
Мнится, пью эѳиръ я благодатный,
Если взглядъ твой, кроткій и пріятный,
Вдругъ мой образъ отразитъ!

Мнится, слышу звуки райской лиры,
Или арфы изъ другого міра
Услаждаютъ мнѣ мой жадный слухъ;
Муза чаетъ мигъ любви и счастья,
Если звукъ сребристый сладострастья
Съ устъ твоихъ прольется вдругъ.

Мнится, машетъ Купидонъ крылами,
За тобой кружатся сосны сами,
Какъ подъ звукъ Орфеевой струны;
Ускоряетъ шаръ земной движенье
Въ мигъ, когда ты пляшешь въ упоеньи
И летишь быстрѣй волны.

И твой взоръ любви такъ полонъ силы,
Что онъ въ мраморъ—въ каменныя жилы—
Поселилъ бы духъ живой!
Облеклись бы въ плоть мои мечтанья,
Если бъ въ немъ я могъ прочесть признанье:
О, Лаура! ты моя, я твой!

Ѳ. Миллеръ.

ДѢТОУБІЙЦА.

(1781).

Ну, ударилъ колоколъ печальный!
Вотъ онъ, вотъ — и часъ послѣдній мой...
Міръ живыхъ, тебѣ — привѣтъ прощальный!
Съ Богомъ, въ путь! На площадь! Всѣ — за мной!..
Жизнь, прими послѣдній даръ завѣтный,
Эти слезы жгучія прими!
Сладокъ былъ ядъ страсти беззавѣтной...
Слезъ отраву за него возьми!..

Вы сокройтесь, тѣни дней блаженныхъ:
Мракъ могилы мнѣ замѣнитъ васъ!
Скройся, солнце радостей священныхъ,
Озарявшее любовью счастья часъ...
Вы простите, юныхъ грезъ видѣнья,
Дѣти рая — свѣтлыя мечты!
Вы завяли въ утро упоенья,
Не расцвѣсть вамъ, мертвые цвѣты!..

Шли гирлянды розъ благоуханныхъ
Къ лебединой бѣлизнѣ одеждъ моихъ,
Помню—въ годы первыхъ думъ нежданныхъ
Въ кудри я всегда вплетала ихъ...
И въ одеждѣ бѣлой, какъ бывало,
Я стою на роковомъ пути:
Вмѣсто розъ чернѣетъ покрывало —
Знакъ, что скоро мнѣ на казнь идти!..

Плачьте вы о жертвѣ увлеченья —
Чья невинность лиліей цвѣтетъ,
Въ чьихъ сердцахъ отъ самаго рожденья
Сила воли — что ни день — растетъ!..
Горе мнѣ — забывшей вашъ обычай!
Я—себѣ вонзила въ сердце ножъ:
Усыпила весь мой стыдъ дѣвичій
Клятвъ измѣнника плѣнительная ложь!..

Можетъ быть, невинность обольщая,
Онъ змѣинымъ сердцемъ льнетъ къ другой
Въ часъ, когда — отъ горя изнывая —
Я стою у плахи роковой...
Можетъ быть, отъ прежней лжи далекъ, онъ
Въ поцѣлуяхъ пьетъ блаженство вновь;
И лобзать онъ станетъ новой жертвы локонъ
Въ мигъ, когда моя прольется кровь...

Нѣтъ, Іосифъ!.. за тобою тѣнью
Плачъ Луизы всюду полетитъ;
Этотъ звонъ, взывая къ отомщенью,
Слухъ твой страхомъ смерти поразитъ!

Въ мигъ, когда ты—съ милой сливъ дыханье—
Станешь слушать и ласкать ее,—
До нея дойдетъ мое страданье
И отравитъ счастіе твое!..

Злой измѣнникъ!.. Мой позоръ нежданный,
Муки сердца, пылкихъ клятвъ слова,
Сынъ—твой сынъ безродный, безымянный
(О, смягчить могло-бы это тигра, льва!..)...
Все забылъ ты, рабъ своей измѣны!..
Парусъ поднятъ и — пропалъ изъ глазъ...
Юнымъ дѣвамъ на прибрежьѣ Сены
Ты сплетаешь лживый свой разсказъ...

Сынъ, мой сынъ... Въ моихъ объятьяхъ нѣжныхъ
Онъ лежалъ—въ волшебномъ царствѣ сна,
Улыбался въ грезахъ безмятежныхъ;
Расцвѣтала жизнь въ немъ, какъ весна...
Мой малютка! Что съ тобою сталось?!
Мой любимый, вѣчно дорогой!..
Я смотрѣла,—сердце разрывалось
Отъ любви и муки неземной...

„Гдѣ отецъ мой?“ — слышался безмолвный
Роковой, мучительный вопросъ...
„Гдѣ твой мужъ?“—звучалъ страданья полный
Голосъ сердца — голосъ жгучихъ слезъ...
Ахъ, напрасно ждать его, напрасно!
Онъ теперь — среди дѣтей другихъ...
Проклянешь, малютка мой несчастный,
Счастья нашего ты каждый часъ и мигъ!..

Цѣлый адъ въ душѣ моей безумной;
Міръ лежитъ пустыней предо мной!..
Жажду радостей, волненій жизни шумной!..
И всего, что память шлетъ съ тобой!..
Дѣтскій лепетъ мнѣ напоминаетъ
Тѣнь погибшихъ невозвратныхъ дней;
Въ сердце мнѣ стрѣлою проникаетъ
Каждый взглядъ младенческихъ очей!..

Адъ мнѣ, адъ — тебя не видѣть, милый;
Муки ада — видѣть мнѣ тебя!..
Ско́лько счастья далъ отецъ постылый,
Столько горя ты даешь — любя...
Слышу клятвы, съ ихъ лукавой лестью;
Вѣчно слышать суждено мнѣ ихъ!
Вѣчно!.. Тутъ — забилось сердце местью,
И — убійство совершилось вмигъ!..

О, злодѣй!.. Неслышными шагами
Призракъ сына всюду за тобой
Пусть идетъ, пусть мертвыми руками
Въ сладкомъ снѣ тебя онъ обовьетъ!
Пусть, при звѣздномъ ласковомъ мерцаньѣ,
Онъ развѣетъ міръ твоей любви —
Этотъ призракъ бѣднаго созданья,
Блѣдный призракъ мертвеца въ крови!..

Онъ у ногъ убійцы, холодѣя,
Трепеталъ, и кровь его лилась.
Жизнь моя струилась вмѣстѣ съ нею,
Обрывалась въ сердцѣ съ міромъ связь...
Чу, стучится въ двери вѣстникъ казни!
Я на смерть съ отрадою спѣшу;
Холодъ смерти встрѣтивъ безъ боязни,
Я имъ пламя страсти погашу!..

Пусть Творецъ проститъ тебя, Іосифъ!
Я — тебя... прощаю на землѣ,
Все — и гнѣвъ, и злую месть отбросивъ
Въ этихъ писемъ тлѣющей золѣ...
Тлѣйте, клятвы! Тлѣйте, поцѣлуи!
Васъ съ собой въ могилу не возьмешь!..
Все и всѣхъ забывъ, на казнь иду я...
Догорай, погибшей жизни ложь!..

Дѣвы, розамъ юности не вѣрьте
О, не вѣрьте, сестры, никому!..
Здѣсь, идя къ своей позорной смерти,
Шлю проклятья счастью моему!..
Слезы? Слезы палача?!.. На плаху!..
Дай скорѣй повязку!.. О, не плачь!
Рви смѣлѣй цвѣтокъ! Руби съ-размаху!
Не блѣднѣй, кончай скорѣй, палачъ!..

Аполлонъ Коринѳскій.

СРАЖЕНЬЕ.

(1781).

Тяжко, мрачно, тучей грозовою
По полянѣ грозный строй
идетъ.
Широко раскинулась поляна:
Для игры кровавой мѣсто есть.
Долу взоръ всѣ опустили,
Всѣ сердца усиленно
забились...
Передъ фронтомъ, мимо блѣдныхъ лицъ,
Проскакалъ майоръ; раздался голосъ:
„Стой!“
И мгновенно замеръ строй.
Фронтъ стоитъ безмолвно.

Что тамъ въ утреннихъ лучахъ
Такъ сверкаетъ на пригоркѣ?
Не знамена ли враговъ?
То они—мы видимъ ихъ...
Женъ, дѣтей поручимъ Богу...
Ну, смѣлѣе! чу! гремитъ
Барабанъ, труба звучитъ,
Потрясая душу...
Сладокъ битвы дикій кликъ:
Въ мозгъ и кости онъ проникъ.

Съ Богомъ, братья! Братское прощанье!
Въ мірѣ лучшемъ до свиданья!

Тамъ ужъ молніи сверкаютъ
И орудій громъ гремитъ...
Больно глазу... Вотъ опять!..
По рядамъ несется лозунгъ...
Съ Богомъ, братья!—пусть гремитъ!
Легче дышатъ наши груди.

Свирѣпѣетъ смерть; летятъ
Пули, какъ желѣзный градъ,
Въ синихъ тучахъ дыма.

Вотъ войска уже сошлись;
Вотъ ужъ битва завываетъ...
На колѣни вдругъ припавъ,
Залпомъ первый рядъ стрѣляетъ;
Но не многіе встаютъ.
Тѣсный строй картечь опустошаетъ;
На передникъ трупахъ возникаетъ
Новый рядъ; повсюду истребленье ..

Батальоны носятъ смерть!
Бой кипитъ. Ужъ солнце сѣло:
Ночь враждующихъ одѣла.

Съ Богомъ, братья! Братское прощанье!
Въ мірѣ лучшемъ до свиданья!

Кровь и брызжетъ, и струится:
Все смѣшалось — и нога

Попираетъ трупъ врага...
„Францъ!ты тутъ? Другъ!поклонись невѣстѣ!“
Битва жарче все кипитъ...
„Поклонюсь!“ — Ужасный видъ!
Намъ во слѣдъ картечью свищутъ!...
„Поклонюсь! спи съ миромъ, другъ...“
Я жъ туда спѣшу, гдѣ градомъ
Пули сыплются на насъ...
Все кипитъ кровавый бой;
Все покрылъ ужъ мракъ ночной.

Съ Богомъ, братья! Братское прощанье!
Въ мірѣ лучшемъ до свиданья!

Чу! несутся тамъ въ галопъ!
Скачутъ адъютанты.
Гонятъ всадники враговъ —
И умолкли громы...
Слава намъ! Побѣда!
Конченъ, конченъ жаркій бой!
День разсѣялъ мракъ ночной...
Чу! труба отбой звучитъ,
Барабанный громъ гремитъ...
Падшимъ — братское прощанье!
Въ мірѣ лучшемъ до свиданья!

Ѳ. Миллеръ.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

ГИМНЪ

(1781).

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

Древле — слышится преданье —
Изъ недвижныхъ скалъ
Вмигъ возникло мірозданье,
Смертныхъ родъ возсталъ.

Ихъ сердца — какъ хладный камень,
Злоба въ нихъ и страхъ,
И небесъ всесильный пламень
Не пылалъ въ сердцахъ.

Ни Амуровъ рой воздушной
Не манилъ четы послушной
Цѣпью изъ цвѣтовъ;
Хоръ Каменъ — любови милыхъ —
Не плѣнялъ сердецъ унылыхъ
Звукомъ голосовъ.

Ахъ! любовники не знали
Плесть вѣнцы порой;
Весны съ грустью отлетали
Въ слѣдъ одна другой.

И Аврора безъ привѣта
Возставала съ водъ;
Безъ привѣта нисходило
Солнце въ лоно водъ.

По лѣсамъ сыны печали
Одинокіе блуждали —
Бремя въ ихъ сердцахъ.
И слеза любви, страданья
Не искала упованья
Въ мрачныхъ небесахъ.

*

Но вдругъ всплыла изъ свѣтлыхъ волнъ
Дщерь неба: взоръ любовью полнъ...
И вотъ плывутъ въ пучинѣ
Наяды въ слѣдъ богинѣ.

Какъ утра юнаго разсвѣтъ —
Такъ озарилъ весны привѣтъ
Творенья мракъ бездонный;
Стихіи дышатъ, жизнью полны.

Денница съ звѣздной высоты
Богинѣ улыбнулась,
И роза съ трона красоты
Предъ нею развернулась.

Ужъ заунывный соловей
Запѣлъ ей пѣснь любви;
Ужъ волны оживилъ ручей
Дыханіемъ любви;

Твой мраморъ дышетъ красотой,
О, Пигмальонъ! о, воскреситель!
О, богъ любви; ты — побѣдитель:
Твои созданья предъ тобой.

*

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

*

Какъ мечта, какъ нектаръ алый,
Бьющій искрами въ фіалы,
Средь любви пировъ
Дни летятъ боговъ.

Громовымъ перуномъ блещетъ
Съ трона гордаго Кронидъ;
Гнѣвъ власы его крутитъ,
И Олимпъ подъ нимъ трепещетъ.

Зевсъ богамъ оставилъ тронъ:
Богъ міровъ — съ земли сынами —
Въ мглѣ дубравъ вздыхаетъ онъ.
Смолкли громы подъ стопами;
Леды пламенной устами
Страхъ Титановъ усыпленъ.

Въ голубыхъ волнахъ эѳира
Коней бѣлою четой
Правитъ Фебъ въ бронѣ златой:
Въ прахъ предъ нимъ народы міра!
Что ему его порфира?
Что ему народы міра?
Для любви, для звучныхъ лиръ
Онъ забылъ, забылъ про міръ.

*

Тамъ къ Юнонину престолу
Сонмъ богинь склонился долу;
Гордый взоръ ея скользитъ
Надъ четой младыхъ павлиновъ;
Блескомъ радужныхъ рубиновъ
На власахъ вѣнецъ горитъ.

О, богиня! что намъ въ славѣ?
Нѣтъ любви въ твоей державѣ!
Вянутъ жизни въ ней цвѣты...
Но кому сей гласъ молебный?
Съ гордой трона высоты
Молитъ — поясъ дать волшебный —
Не богиню ль красоты?

*

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.

*

Свѣтъ любви пронзаетъ адъ!
Тамъ лучи его блестятъ,
Въ темномъ царствѣ злой судьбины;
Предъ улыбкой Прозерпины
Возсіялъ Плутона взглядъ:
Свѣтъ любви смиряетъ адъ.

Зазвучали ада своды,
Церберъ смолкъ: то гласъ свободы,
Лиры гласъ твоей, Орфей!
Тамъ Миносъ въ тоскѣ глубокой
Укрощаетъ судъ жестокой;
На власахъ Мегеры хладной
Змій смирился кровожадной;

Спитъ тяжелый звукъ цѣпей;
Тронутъ пѣснію Орфея,
Вранъ покинулъ Прометея,
И Коцитъ, дотолѣ громкой,
Стихъ — и вотъ струею звонкой
Вторитъ пѣснь твою, Орфей:
О любви ты пѣлъ, Орфей!

*

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.

*

Весь природы стройный храмъ
Ей возноситъ ѳиміамъ;
Міръ — алтарь любови.
Изъ-за дальнихъ, синихъ горъ
Не Діаны ль вижу взоръ?
Нѣтъ! — то взоръ любови.
Не богиня въ вышинѣ,
Улыбаясь, зрится мнѣ;
Не свѣтила въ небесахъ
Блещутъ въ радужныхъ лучахъ:
Все любовь — и *здѣсь*, и *тамъ*.
И природа свѣтитъ намъ
Взорами любови!

Про любовь журчитъ ручей —
Быстрый токъ любовь смиряетъ;
Запоетъ ли соловей —
Пѣснь любви любовь вдыхаетъ:
Все любовь, любовь одна
Въ звукахъ радости слышна.

Мудрость въ солнечныхъ лучахъ!
Пусть твой огнь горитъ въ умахъ!
Уступи любови!
Предъ любимцами молвы
Не склоняла ты главы —
Покорись любови!

Кто надъ сонмами свѣтилъ
Въ вѣчность путь тебѣ открылъ
Свѣтлою стезею?
Кто, разрушивъ мглы покровъ,
Сквозь разсѣлины гробовъ
Возсіялъ зарею?

Все любви небесной взоръ
Храмъ безсмертья освѣщаетъ,
И духовъ согласный хоръ
Ею къ Вышнему пылаетъ.
Такъ любовь, любовь одна
Намъ вождемъ къ Творцу дана!

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

С. Шевыревъ.

ВЕЛИЧІЕ МІРА.

(1781).

Надъ бездной возникшихъ изъ мрака міровъ
Несется челнокъ мой на крыльяхъ вѣтровъ.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ.

Я видѣлъ: звѣзда за звѣздою встаетъ —
Свершать вѣковѣчный, размѣренный ходъ.
Вотъ къ цѣли, играя,
Несутся... блуждая,
Окрестъ обращается взоръ
И видитъ беззвѣздный просторъ.

И вихря, и свѣта быстрѣй мой полетъ.
Отважнѣе! въ область хаоса! впередъ!
Но тучей туманной
По тверди пространной,
Ладьи дерзновенной во слѣдъ,
Клубятся системы планетъ.

И вижу — пловецъ мнѣ на встрѣчу спѣшитъ
„О, странникъ! зачѣмъ и куда ты?“ кричитъ.
— Проплывши пучину,
Свой якорь закину.
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ!

„Вотще! безпредѣльны пути предъ тобой!“
— Межи не оставилъ и я за собой!..
Напрасны усилья!
Орлиныя крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

М. Михайловъ.

ФОРТУНА и МУДРОСТЬ.

(1781).

Съ временщикомъ Фортуна въ спорѣ
Къ убогой Мудрости летитъ;
„Сестра, дай руку мнѣ — и горе
Твоя мнѣ дружба облегчитъ!

Дарами лучшими своими
Его осыпала, какъ мать —
И что жъ? — ничѣмъ ненасытимый,
Меня скупой онъ смѣлъ назвать!

Софія, вѣрь мнѣ — будемъ дружны...
Смотри — вотъ горы серебра!
Кинь заступъ твой, теперь ненужный:
Съ насъ будетъ, милая сестра“.

„Лети!“ ей Мудрость отвѣчала:
„Не слышишь? другъ твой жизнь клянетъ!
Спаси безумца отъ кинжала;
А мнѣ въ фортунѣ нужды нѣтъ“.

Ѳ. Тютчевъ.

МОРАЛИОТУ.

(1781).

Скажи, зачѣмъ надъ юностію смѣлой
Глумишься ты, клянешь любовь,
И—въ хладѣ вьюгъ окоченѣлый—
Цвѣтущій май бранить всегда готовъ?

Была пора—вкругъ нимфъ ты увивался,
Губилъ сердца, кружился и плясалъ,
Дыханьемъ устъ прекрасныхъ упивался
И рай земной въ объятіяхъ сжималъ.

О, селадонъ! Когда бы въ тѣ мгновенья
Нашъ шаръ земной съ оси своей упалъ,
Конечно бъ ты его паденья,
Прильнувъ къ устамъ, не услыхалъ

Повѣрь мнѣ, философскія ученья
Бываютъ непреложны не всегда,
Какъ пульса нашего неровное біенье:
Богами мы не будемъ никогда!

Порою кровь струею пробиваетъ—
На радость намъ—разсудка твердый ледъ...
Пусть то святые ангелы свершаютъ,
На что намъ, грѣшнымъ, силъ недостаетъ.

Мой вольный духъ гнететъ земное тѣло:
Оно тѣснитъ—оно мѣшаетъ мнѣ
Быть ангеломъ, но мнѣ какое дѣло?
Я человѣкомъ быть могу вполнѣ.

Ѳ. Миллеръ.

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.

(1781).

Чу! какъ ревъ взволнованнаго моря,
Словно плачъ у скалъ дробимыхъ волнъ,
Изъ пучинъ несутся вопли горя—
Мертвыхъ мчитъ Хароновъ челнъ.

Исказились лики
Скорбью страшной; бѣшеные крики
Мукой ада вырваны изъ устъ;

Очи впалы: тщетно взоръ безумной
За волной Коцита вѣчно-шумной
Мчится въ мглу—ужасный берегъ пустъ.

Вопрошаютъ шепотомъ братъ брата:
Что-то рокъ изъ нашихъ вынетъ урнъ?
Ахъ! предъ нами вѣчность безъ возврата—
И косу переломилъ Сатурнъ.

Д. Минъ.

ЦВѢТЫ.

(1781).

Дѣти солнечнаго всхода,
Пестрыхъ пажитей цвѣты,
Васъ взлелѣяла природа
Въ честь любви и красоты.
Ваши яркіе уборы,
Подъ перстомъ прозрачнымъ Флоры,
Такъ нарядно-хороши;
Но любимцы нѣги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внѣшней
Не вдохнула въ васъ души.

Вслѣдъ за жаворонкомъ нѣжно
Соловьи о васъ грустятъ;
На листахъ у васъ, небрежно
Колыхаясь, сильфы спятъ;
Ваши пышныя короны
Превратила дочь Діоны
Въ брачный пологъ мотыльковъ,
Плачьте, плачьте, дѣти свѣта!
Въ васъ тоска понятна эта—
Вамъ невѣдома любовь.

Но томленіе разлуки
Выношу я, не скорбя...
Другъ мой, Нанни! эти руки
Вьютъ подарокъ для тебя.
Жизнь и душу, страсть и рѣчи,
Сердца нѣжныя предтечи,
Вамъ теперь передаю—
И сильнѣйшій межъ богами,
Здѣсь подъ скромными листами
Скрылъ божественность свою.

А. Фетъ.

ДРУЖБА.

Изъ «Писемъ Юлія къ Рафаэлю»—романа еще не изданнаго.

(1781).

Другъ! доволенъ малымъ
Вседержитель,
И напрасно думаетъ
мыслитель,
Что законъ такъ сложенъ
міровой.
Нѣтъ, одно лишь колесо
въ движенье—
И планетный міръ, и міръ мышленья
Приводить должно собой.

И ему-то, какъ рабы, послушны,
Сонмы звѣздъ текутъ единодушно
По пространнымъ небесамъ.
Да, оно влечетъ и направляетъ
Духъ нашъ къ солнцу духа: такъ стекаетъ
Сѣть ручьевъ земныхъ къ морямъ.

О, не та же ль міровая сила
И меня, мой другъ, соединила
Въ вѣчно-счастливый союзъ съ тобой?
О, Рафаэль! пусть рука съ рукою
Къ солнцу духа я всегда съ тобою
Къ совершенству путь свершаю свой!

Я нашелъ тебя, о, часъ счастливый!
Изъ мильоновъ выбралъ—и ревниво
Говорю: ты изъ милiоновъ мой!
Пусть настанетъ свѣта преставленье,
Пусть все будетъ хаосъ и смѣшенье—
Ввѣкъ пребудетъ нашъ союзъ святой!

Не въ твоихъ ли взорахъ, добрый геній,
Собственныхъ желаній и стремленій
Отраженье вижу я?
При тебѣ мнѣ краше и свѣжѣе
Божій міръ, и сводъ небесъ синѣе
И ручья свѣтлѣй струя.

Къ чьей же груди припаду съ рыданьемъ,
Истомленный жизненнымъ страданьемъ,
Рафаэль, какъ не къ твоей?
Вѣдь восторгъ—и тотъ нетерпѣливо
Ждетъ, чтобъ друга взоръ краснорѣчиво
Отвѣчалъ ему скорѣй.

Еслибъ въ мірѣ вдругъ людей не стало,
То считалъ бы я живыми скалы,
Ихъ бы страстно цѣловалъ;
Полюбилъ бы горныя тѣснины;
Мнѣ друзьями были бы равнины;
Тайны вѣтрамъ я бы повѣрялъ!

Мертвецы мы, если ненавидимъ,
Боги—если любимъ; счастье видимъ
Въ дружбѣ и любви святой.
Восходя все выше постепенно,
Мы вездѣ замѣтимъ неизмѣнно
Силу связи круговой.

Цѣпью—отъ монгола начиная
И эллинскимъ мудрецомъ кончая—
Свѣтлымъ ангеламъ во слѣдъ,
Обнимаясь, въ пляскѣ братской мчимся
Мы впередъ, пока не погрузимся
Въ вѣчность, гдѣ ни лѣтъ, ни мѣры нѣтъ.

Одинокъ былъ самъ Отецъ творенья,
И—своихъ же качествъ отраженье
Онъ духамъ безплотнымъ передалъ—
И Ему на встрѣчу вѣковая
Безпредѣльность мчится, воздымая
Вслѣдъ за валомъ валъ.

Ѳ. Миллеръ.

МЕЛАНХОЛІЯ (ЛАУРѢ).

(1781).

Взоръ, Лаура, твой горитъ
Лучезарною зарею!
Краска рдѣющихъ ланитъ,
Слезъ твоихъ прелестный видъ
Всѣхъ плѣнять должны собою!
О, счастливъ, кому съ слезой
На глазахъ любви святой
Ты клялась быть вѣчно неизмѣнной!
О, счастливъ тотъ юноша блаженный!

Ты свѣтла, какъ солнца отраженье,
Что въ серебряномъ теченьѣ
Ручейка сверкаетъ, и весной
Смотритъ осень предъ тобой;
Степи можешь дать ты оживленье,
Даже мглу грядущихъ лѣтъ
Озаритъ твой ясный свѣтъ.
Ты гордишься прелестью своею,
Я же слезы лью надъ нею.

Гдѣ временъ прошедшихъ слѣдъ?
Все, что полно было обаянья,
Сгибло все; роскошныя всѣ зданья —
Гордость, прелесть нашихъ лѣтъ—
На останкахъ прежнихъ все возстало.
Наши розы сладкій ароматъ
Изъ могилъ сосутъ; ключей начало
Тамъ, гдѣ кости сгнившія лежатъ.

О, взгляни на небо голубое:
Звѣзды скажутъ пусть тебѣ былое!
Имъ, мой другъ, была видна
Не одна у насъ весна:
Видны были имъ паденья
Многихъ троновъ, многія сраженья.
Въ глубинахъ земныхъ
Видимъ слѣдъ мы дѣлъ былыхъ.
Раньше-ль, позже-ль,—что тутъ значатъ годы!
Лишь настанетъ смерти мигъ
На часахъ природы,
И погаснетъ даже солнца свѣтъ
И его погибнетъ слѣдъ...
Ты спроси, давно-ль краса твоя блистаетъ?
Что гордишься тѣмъ, что взоръ горитъ,
Свѣжъ румянецъ розовыхъ ланитъ?
Изъ могилъ все это возникаетъ.
Но, вѣдь, смерть за даръ заемный свой,
За румянецъ юности, двойной
Мѣрой вымогаетъ!

Не шути надъ смертью, ангелъ мой!
Алый цвѣтъ, глазамъ отрадный,
Только лучшій тронъ для смерти злой—
И какъ разъ рукою безпощадной
Смерть ужасный лукъ натянетъ свой!
Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь мнѣ, дорогая:
Лишь на смерть глаза твои глядятъ,
И блеститъ на гибель каждый взглядъ,
Все тебя лишь къ смерти приближая.
Ты довольна: пульсъ твой оживленъ,
Крови юной горячо теченье!
Но твой пульсъ рабъ смерти: только къ тлѣнью
Такъ спѣшитъ и бьется онъ!

Съ устъ улыбку вмигъ прикосновеньемъ—
Смерть прогонитъ: въ морѣ валъ
Такъ бѣжитъ подъ легкимъ дуновеньемъ—
И навѣки слѣдъ его пропалъ.
Такъ изъ жизненныхъ началъ
Возникаетъ смерть—и верхъ надъ тлѣньемъ
Все никто еще не одержалъ!

Я предвижу: ликъ твой поблѣднѣетъ,
И поблекнутъ алыя уста;
Щекъ прелестныхъ полнота
Отъ заботъ житейскихъ похудѣетъ;
Сила лѣтъ туманомъ омрачитъ
Юной жизни ключъ; ты станешь хилой,
Станешь ты сама себѣ немилой,
И другимъ не будетъ милъ твой видъ.

Посмотри: во мнѣ играетъ сила—
И могучъ, какъ дубъ я молодой;
Не боюся стрѣлъ я смерти злой;
Взоръ мой ясенъ, какъ небесъ свѣтила;
Духъ же мой горитъ еще страстнѣй,
Чѣмъ всѣ звѣзды: лучъ ихъ не блистаетъ
Такъ, когда ихъ хороводъ гуляетъ
Въ небесахъ во мглѣ ночей!
Мысль моя чрезъ міръ весь мчится смѣло
До его конечнаго предѣла.

Вижу, дѣва, ты гордишься мной!
Но небесный кубокъ золотой,
Мнѣ дающій радость и отраду,
Не лишенъ и яду!
О, стократъ несчастенъ тотъ,
Кто себѣ изъ праха создаетъ
Идеалъ. Ахъ, звукомъ слишкомъ смѣлымъ
Можно струны арфы разорвать:
Геній же привыкъ летать,
Не стѣсняясь никакимъ предѣломъ,
Покоряя все себѣ кругомъ.
А потомъ что будетъ? О, потомъ...
Погляди: ужъ на меня—о горе!—
Возстаютъ мечтанья въ смѣломъ спорѣ!

Нѣтъ, не долго ужъ моимъ лучамъ
Догорать; лишь года два—и зданье
Упадетъ, обрушась въ основаньѣ:
Я въ своихъ лучахъ угасну самъ!

Плачешь ты? О, прочь слеза-злодѣйка!
Развѣ лучше старость-лиходѣйка?
Прочь, слеза! исчезни поскорѣй!
Развѣ лучше, чтобъ безъ силъ скитался
Въ мірѣ я, въ которомъ отличался
Силой жизни въ юности моей?
Чтобы проклялъ хладною душою
Юность я съ любовью золотою?
Чтобъ въ духовной слѣпотѣ своей,
Передъ смертью, я съ ожесточеньемъ
Слалъ проклятья лучшимъ заблужденьямъ?
Прочь, слеза! исчезни поскорѣй!
Рви цвѣтокъ,богъ смерти,въ лучшемъцвѣтѣ!
Угаси теперь же на разсвѣтѣ
Со слезою жизни факелъ мой!
Такъ при лучшей сценѣ ниспадаетъ
Занавѣсъ; но театръ еще внимаетъ,
Будто ждетъ развязки роковой...

Ѳ Миллеръ.

ГЕНІЙ ВЕСНЫ.

(1781).

Привѣтъ тебѣ, прекрасный!
Съ кошницею цвѣтовъ,
Природы упоенье,
Пришелъ ты средь луговъ.

И вотъ опять ты съ нами,
И милъ и вновь красивъ...
Мы радостно на встрѣчу
Идемъ на твой призывъ.

И дѣвушку ты помнишь,
Которая меня
Любила и все любитъ
До нынѣшняго дня.

Для дѣвушки цвѣточекъ
Прошу я у тебя.
А ты? Цвѣтокъ даешь ты,
Любой даешь, любя.

Привѣтъ тебѣ, прекрасный!
Съ кошницею цвѣтовъ,
Природы упоенье,
Пришелъ ты средь луговъ.

К. Фофановъ.

МИННѢ.

(1781).

Странно мнѣ, непостижимо:
Минна ль милая идетъ?
Какъ? она?—проходитъ мимо
И меня не узнаетъ?
Съ свитой франтовъ выступаетъ
И, тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ...
Нѣтъ, да это не она!

Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ —
Подаренный мной нарядъ;
Эти ленты, что алѣютъ,
„Минна!—стыдно!“ говорятъ.
И цвѣты на ней... не я ли
Эти выростилъ цвѣты?
Прежде чѣмъ они завяли,
Измѣнила, Минна, ты!

Съ этой вѣтренной толпою—
Позабудь меня—иди!
Въ этой, бившейся тобою,
Я найду еще груди
Благородныхъ силъ довольно
Низкій твой обманъ стерпѣть,
И—хоть тягостно и больно—
Безразсудную презрѣть.

Сердце Минны исказилось
Милымъ личикомъ—о, стыдъ!
Но вѣдь прелесть—мигъ—и скрылась:
Не надеженъ розы видъ.
Гнѣзда ласточками свиты
По веснѣ до первыхъ вьюгъ:
Разнесутся волокиты,
И отринетъ вѣрный другъ.

Красоты твоей развалинъ
Представляется мнѣ видъ:
Взоръ твой—сумраченъ, печаленъ—
На минувшее глядитъ.
Тѣ, которые такъ жадно
Поцѣлуй ловили твой,—
Глядь, хохочутъ безпощадно
Надъ отцвѣтшей красотой.

Сердце Минны исказилось
Этимъ личикомъ—о, стыдъ!
Но вѣдь прелесть—мигъ—и скрылась
Прелесть розы отлетитъ.
Какъ тогда я смѣхомъ гряну
Самъ въ глаза твоей судьбѣ!
Нѣтъ! о, нѣтъ!—я горько стану,
Минна, плакать о тебѣ.

В. Бенедиктовъ.

БѢГЛЕЦЪ.

(1781).

Дыханіе утра всю землю живитъ,
Разсвѣтъ, сквозь древесныя вѣтви сіяя,
Блистаньемъ пурпурнымъ кусты золотитъ
И высится ярко, пылая,
Вершина горы золотая.
Привѣтствуютъ юнаго солнца восходъ
Проснувшихся птичекъ веселые хоры,
А солнце, въ объятьяхъ Авроры
Пылая, въ красѣ молодой возстаетъ.

Благое свѣтило!
Лучей твоихъ силой
Пространный весь міръ оживленъ и согрѣтъ.
И лугъ весь цвѣтистый
Росой серебристой
Блеститъ, отражая въ ней ясный твой свѣтъ.

Ужъ утра дыханье
Земныя созданья
Живитъ всѣ вокругъ;
Зефиръ шаловливый
Надъ розой красивой
Порхаетъ, смѣется проснувшійся лугъ.

Ужъ трубы дымятся сосѣдняго зданья,
И слышны мычанье, и топотъ, и ржанье
Коней и быковъ;
Скрипъ тяжкихъ возовъ,
Погонщиковъ зовъ
Поля оживляютъ;
Орлы, ястреба беззаботно летаютъ
И крылья купаютъ въ парахъ облаковъ.

Покой вожделѣнный
Душѣ истомленной
Найду ли гдѣ я?
Природа прекрасна

Но въ прелести ясной
Мертва для меня.

О, взойди Аврора и лобзаньемъ
Оживи скорѣе лѣсъ и лугъ!
Закатися, солнце!—всѣмъ созданьямъ
Даруй сонъ, все успокой вокругъ!
Завтра, ахъ, быть можетъ, лучъ Авроры
Смерть мнѣ возвѣститъ,
А закатъ мнѣ отуманитъ взоры
И меня въ сонъ вѣчный погрузитъ.

Ѳ. Миллеръ.

ТАЙНА ВОСПОМИНАНІЯ. (ЛАУРѢ).

(1781).

Вѣчно льнуть къ устамъ съ безумной
страстью,
Кто ненасыщаемому счастью,
Этой жаждѣ пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье
Дастъ истолкованье?

Не стремятся ль, какъ рабы, охотно,
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мостъ, чтобы съ тобою
Жизнью жить одною?

О, скажи: владыку оставляя,
Не въ твоемъ ли взглядѣ память рая
Обрѣли разрозненные братья
И—свободны вновь отъ узъ проклятья—
Въ немъ слились въ объятья?

Или мы когда-то единились—
Иль затѣмъ сердца въ насъ страстью бились?
Не въ лучѣ-ль погасшихъ звѣздъ съ тобою
Были мы единою душою,
Жизнію одною?

Да, мы были—внутренно была ты
Въ тѣхъ эонахъ (имъ же нѣтъ возврата)
Связана со мною... Такъ въ скрижали
Мнѣ прочесть бъ той довременной дали
Вдохновенья дали.

Въ существѣ, соединенномъ тѣсно,
Взоромъ вѣщимъ я прочелъ чудесно:
Мы единымъ Богомъ неизмѣнно,
Творческою силой вдохновенной
Были во вселенной.

Нектара источники предъ нами
Разливались свѣтлыми волнами;
Смѣло мы печали разрѣшали,
Къ свѣтозарной правды вѣчной дали
Гордо возлетали.

Плачь, Лаура, Бога въ насъ не стало,
Мы—обломки дивнаго начала,
И не зная удовлетворенья,
Ненасытно въ насъ живетъ влеченье:
Къ Божеству стремленье.

Отъ того-то вся преданность счастью—
Вѣчно льнуть къ устамъ съ безумной страстью,
Эта жажда пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье
Въ вѣчное лобзанье.

Отъ того-то, какъ рабы, охотно,
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мостъ бѣгутъ съ тобою
Жизнью жить одною.

Отъ того, владыку оставляя,
У тебя во взглядѣ память рая
Обрѣли—и, тяжкій гнетъ проклятья
Позабывъ, сливаются въ объятья
Вновь они, какъ братья.

Ты сама... пускай глаза сокрыты,
Но горятъ зарей твои ланиты...
Мы родные: изъ страны изгнанья
Въ край родной летимъ мы въ мигъ сліянья
Въ пламени лобзанья.

Аполлонъ Григорьевъ.

ЭЛИЗІУМЪ.

(1781).

Стенящіе вопли минули!
Въ пирахъ Елисейскихъ Полей
Печали и скорбь утонули!
Дней замогильныхъ теченье—
Вѣчнаго счастья восторгъ и паренье,
Тихой долиной бѣгущій ручей.

Юно-лелѣющій
Май вѣчно-вѣющій
Носится здѣсь по доламъ;
Время во снахъ золотыхъ пролетаетъ,
Духъ въ безконечныхъ пространствахъ витаетъ,
Истина рветъ свой покровъ пополамъ.

Восторгъ безъ конца
Волнуетъ сердца.
Здѣсь нѣту печальному горю прозванья;
Здѣсь сладкимъ восторгомъ зоветсястраданье.
Странникъ усталый, отъ зноя сгарая,
Члены въ прохладной тѣни расправляя,
Ношу кладетъ здѣсь навѣкъ наконецъ;
Серпъ изъ руки утомленной роняетъ—
И подъ бряцаніе арфъ засыпаетъ,
Грезя о жатвѣ покончennой, жнецъ.
Знамя-ль чье бури земныя вздымали,
Стоны-ль убійства чей слухъ поражали,

Иль у кого подъ громовой пятой
Горы дрожали порой—
Тихо тотъ дремлетъ у звучнаго лона
Ясныхъ ключей, межъ осокой зеленой,
Бьющихъ живымъ серебромъ:
Чуждъ ему воинскій громъ.

Съ вѣрнымъ супругомъ обнявшись, супруга
Пьетъ поцѣлуи средь злачнаго луга—
Нѣжитъ ихъ сладкій зефиръ;
Свѣтлый вѣнецъ свой любовь обрѣтаетъ
И жала смерти навѣкъ избѣгаетъ,
Празднуя вѣчно свой свадебный пиръ.

Григорій Данилевскій.

ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ.

(1781).

Мужчина я!—и кто мечтой
Себя достойнѣй чаетъ,
Пусть выйдетъ тотъ на свѣтъ дневной
И съ пляской припѣваетъ!

Подобье Божіе—мой видъ,
Я смѣло увѣряю,
И мнѣ свободный входъ открытъ
Ко всѣмъ утѣхамъ рая.

Пройдетъ ли дѣва красоты—
Смѣлѣе, другъ, смѣлѣе!
Я говорю: мужчина ты—
Цѣлуй ее скорѣе!

Корсетъ сжимаетъ грудь ея,
Сильнѣй она краснѣетъ:
Вѣдь знаетъ, что мужчина я,—
Затѣмъ она и млѣетъ.

Зайди лишь я въ купальню къ ней,
Она бы закричала:
Мужчина я, а то бы ей
Кричать на умъ не вспало.

Мнѣ слово—что мужчина я—
Къ ней доступъ открываетъ;
Не страшенъ я, но отъ меня
Принцесса убѣгаетъ.

А знатныхъ дамъ любовь снискать
Мнѣ развѣ будетъ трудно?
Повсюду слово то опять
Мнѣ помогаетъ чудно.

Мужчина я—то слышно всѣмъ
По звукамъ лиры смѣлой:
Въ другихъ рукахъ она совсѣмъ
Иначе бы запѣла.

А умъ мужской? вѣдь онъ беретъ
Оттуда же начало,
Откуда Божій духъ течетъ;
А это развѣ мало?

Тирановъ врагъ, мой талисманъ
Ихъ смѣло поражаетъ;
А если верхъ возьметъ тиранъ,—
Онъ съ честью умираетъ.

Германцамъ этотъ талисманъ
Надъ Римомъ верхъ доставилъ;
Онъ при Граникѣ персіянъ
На вѣки обезславилъ.

Вотъ гордый римлянинъ сидитъ
Подъ африканскимъ зноемъ;
Въ его глазахъ огонь горитъ,
И смотритъ онъ героемъ.

Вотъ отрокъ смѣлый подошелъ
Къ бѣжавшему изъ плѣна...
„Скажи: ты Марія нашелъ
На пеплѣ Карѳагена!“.

Такъ онъ велѣлъ сказать своимъ,
Великій и въ паденьѣ;
Мужчина онъ—и передъ нимъ
Всѣ чувствуютъ смущенье.

Его жъ потомки не могли
Сберечь свои владѣнья,
И суетную жизнь вели
Въ пустомъ увеселеньи.

О, какъ постыдна участь ихъ!
На вѣки родъ презрѣнныхъ
Лишился правъ мужскихъ своихъ,
Небесъ даровъ священныхъ!

И такъ влачатъ они вѣкъ свой,
Живутъ не съ головою,
А развѣ съ тыквою большой,
Внутри совсѣмъ пустою.

Такъ у аптекаря вино—
Въ реторту лишь вольется—
Теряетъ спиртъ свой весь оно:
Вода лишь остается.

Они отъ женщины бѣгутъ,
Дрожатъ, ее встрѣчая,
И—если въ кругъ ихъ попадутъ—
Стоятъ, отъ страха тая.

Счастливый семьянинъ—и тотъ
Ихъ взоръ собой тревожитъ:
Кто людямъ жизни не даетъ,
Людей любить не можетъ!

Такъ я иду, гордясь собой,
И кто себя считаетъ,
Какъ я, мужчиной—тотъ со мной
Пусть пляшетъ, припѣваетъ!

Ѳ. Миллеръ.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ

(1781).

Ну что вы тамъ, въ землѣ своей
Дерете носъ подъ-часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабіи у насъ!

У васъ — Карлъ, и Эдуардъ,
И Фрицъ... и кто потомъ?
И Карлъ, и Фрицъ, и Эдуардъ...
У насъ — одинъ: графъ Эбергардъ
Въ сраженьи Божій громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ
Любилъ желѣза звонъ:
Бывало, врагъ громитъ и жжетъ —
Сынъ графа Ульрихъ не вздрогнетъ
И вспять ни пяди онъ.

Рейтлингцы, съ зависти, не разъ
Ковали тайный ковъ —
И препоясались на насъ
Они мечомъ въ недобрый часъ;
А графъ — не ждетъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ,
Вернулся недобромъ;
Отецъ свою досаду скрылъ;
А сыну Божій свѣтъ не милъ —
И плачетъ онъ тайкомъ.

Змѣя подъ сердцемъ... „А! постой!“
Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ —
И клялся отчей бородой
Омыть кровавою рѣкой
Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... Давно пора!..
И людямъ, и конямъ
Пришлось подъ Деффингенъ съ утра
Сойдтись на полѣ и — „ура!“...
Ой, жарко было тамъ!

Нашъ лозунгъ былъ: „врага топчи
За прежній бой!“ Потомъ
Съ утра до поздней до ночи
Трещали копья и мечи,
И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ? — львенка не серди:
Къ врагамъ домчался онъ —
И страхъ, и ужасъ впереди,
И крикъ, и стоны позади,
И смерть со всѣхъ сторонъ!

Но съ смертію не спорятъ львы:
Сверкнула сабля въ тылъ —
Всѣ разомъ къ Ульриху... увы!
Не опустилъ онъ головы,
Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ ссѣкъ,
Самъ врагъ заплакалъ... Га!
Нашъ графъ не плакалъ весь свой вѣкъ.
„Мой сынъ такой же человѣкъ! —
Маршъ, дѣти, на врага!“

И сердце жолчью облилось,
И копья гнѣвъ навелъ,
И много труповъ улеглось;
А врагъ бѣжалъ—и вкривь и вкось—
На горы, въ лѣсъ и въ долъ.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ
Вернулися потомъ —
И пиръ-горой у поселянъ:
И вальсъ, и пѣсни — и стаканъ
Заискрился виномъ.

А гдѣ жъ нашъ графъ? Сидитъ
Въ шатрѣ однимъ одинъ;
Слеза въ глазахъ его блеститъ;
Предъ нимъ убитый сынъ лежитъ,
Лежитъ убитый сынъ.

Затѣмъ при графѣ мы своемъ
И тѣломъ, и душой.
Въ его рукѣ не мечъ, а громъ,
Онъ — буря въ полѣ боевомъ,
Звѣзда земли родной!

Такъ что-жъ вы тамъ, въ землѣ своей,
Дерете носъ подъ-часъ?
Не мало доблестныхъ мужей,
Не мало есть богатырей
И въ Швабіи у насъ.

Л. Мей.

ПРИМИРЕНІЕ.

(1784).

И я, увы, въ Аркадіи родился!
Была мнѣ радость суждена,
Надъ колыбелью лучъ ея свѣтился...
И я, увы, въ Аркадіи родился...
Но вся въ слезахъ прошла весна.

А жизни Май не расцвѣтаетъ снова,
Онъ для меня отцвѣлъ,
Дыханье слышу генія другого;
Онъ здѣсь, мой свѣточъ гаситъ онъ сурово.
Мой день прошелъ.

Предъ входомъ въ міръ незримый, необъятный
Являюсь съ трепетной мольбой:
Верни-же мнѣ права мои обратно,
Я не сорвалъ печати святотатно,
Не вѣдалъ радости земной.

У твоего престола въ ожиданьи,
Стою, таинственный судья,
Вѣдь на землѣ живетъ еще преданье,
Что на вѣсахъ ты вѣсишь воздаянье
И праведна рука твоя.

Здѣсь ждутъ тебя и добрые, и злые,
Всѣмъ по заслугамъ воздаешь.
Въ сердцахъ читая помыслы людскіе,
Рѣшаешь ты загадки вѣковыя
И каждому свое вернешь.

Изгнанника верни изъ чуждой дали,
Дозволь тернистый кончить путь!
Мой свѣточъ люди истиною звали,
Но сами дальше отъ него бѣжали,
Мнѣ-жъ не далъ онъ съ пути свернуть.

„Отдай мнѣ молодость. За всѣ страданья
Награду ты получишь тамъ,
За гробомъ ты дождешься воздаянья!"
И я повѣрилъ, принялъ обѣщанья
И радость жизни отдалъ самъ.

„Отдай Лауру — все, что сердцу мило!
Вѣдь только въ небѣ цѣль твоя;
Познаешь ты блаженство за могилой".
И я любовь изъ сердца вырвалъ силой,
Ее рыдая бросилъ я.

„Со смертью ты вступаешь въ договоры,
Коварный принялъ ты обѣтъ;
Когда настанетъ срокъ, померкнутъ взоры
И самого тебя не будетъ скоро" —
Такъ надо мной смѣялся свѣтъ.

Смѣялись всѣ: „Что значатъ обѣщанья?
Какихъ боговъ страшишься ты?
Хранители больного міросданья,
Они людского вымысла созданья
Плоды болѣзненной мечты!"

„Чего еще за гробомъ ожидаешь?
Всю вѣчность покрываетъ прахъ.
Когда-жъ въ нее неясный взоръ вперяешь,
Ты самъ миражъ ужасный вызываешь —
Онъ отражаетъ твой же страхъ.

Давно отжившее вновь воскрешая,
Какъ мумію прошедшихъ лѣтъ,
Въ тебѣ надежда теплится живая;
Но, тѣни тѣ изъ гроба вызывая,
Безсмертіемъ зовешь ты жалкій бредъ.

Надежда? Вѣчно той-же лжи мерцанье, —
Все за нее ты потерялъ,
А смерть шесть тысячъ лѣтъ хранитъ молчанье,
И до сихъ поръ, глася о воздаяньи,
Никто изъ гроба не вставалъ".

Я видѣлъ — время въ вѣчность улетало,
И вся цвѣтущая земля
За нимъ мертва, какъ блѣдный трупъ, лежала,
Могила-жъ никого не отдавала, —
Въ обѣтъ боговъ все вѣрилъ я.

Я на землѣ не вѣдалъ утѣшенья
И не жалѣлъ себя,
Насмѣшки слушалъ, видѣлъ я презрѣнье!
Но ожидалъ лишь твоего рѣшенья,
Награды отъ тебя.

И вдругъ я слышу голосъ надъ собою:
„Всѣ дѣти равны предо мной;
Но два цвѣтка цвѣтутъ здѣсь надъ землею:
Одинъ зовутъ надеждою святою
И наслажденіемъ другой.

„Но кто сорвалъ одинъ — не жди другого;
Бери-же все, что тутъ,
Коль ты не вѣришь, и не жди иного —
Коль вѣришь, отрекайся отъ земного —
Исторія есть страшный судъ.

„Ты самъ нашелъ въ надеждѣ утѣшенье,
А вѣра счастіе даетъ.
Проси всѣхъ мудрецовъ рѣшить сомнѣнье,
Но знай — того, что унесло мгновенье,
Того вся вѣчность не вернетъ".

Кн. Д. Цертелевъ.

БОРЬБА.

(1784).

ѣтъ, прочь суровый долгъ! зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?
Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда ужъ погасить въ груди моей не можешь
Ея палящаго огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать надъ сердцемъ власть...
Теперь... вотъ твой вѣнокъ — онъ мнѣ не нуженъ болѣ,
Возьми его — и дай мнѣ пасть!

Разорванъ нашъ союзъ! Она, я знаю, любитъ...
И вдругъ отречься отъ нее!
О, нѣтъ! пусть страсти пылъ на вѣкъ меня погубитъ:
Въ моемъ паденіи — блаженство все мое!

Что точитъ червь мнѣ жизнь, что гибну я въ молчаньи —
Все поняла душой она
И на мои безмолвныя страданья
Глядитъ участія полна.

О, Боже! вотъ оно желанное участье!
Одинъ лишь шагъ остался роковой...
Но нѣтъ, постой, дитя! мнѣ страшно это счастье:
Въ немъ приговоръ конечный мой.

О, страшная судьба! коварное сомнѣнье!
Я здѣсь у цѣли наконецъ:
Въ ней тайныхъ мукъ моихъ награда и вѣнецъ
И роковой ударъ преступнаго паденья.

А. Майковъ.

ПѢСНЬ РАДОСТИ

(1785).

Радость, перѣенецъ творенья,
Дщерь великая Отца,
Мы, какъ жертву прославленья,
Предаемъ тебѣ сердца!
Все, что дѣлитъ прихоть свѣта,
Твой алтарь сближаетъ вновь;
И душа, тобой согрѣта,
Пьетъ въ лучахъ твоихъ любовь.

ХОРЪ.

Въ кругъ единый, божьи чада!
Вашъ Отецъ глядитъ на васъ!
Святъ Его призывный гласъ
И вѣрна Его награда!

*

Кто небесъ провидѣлъ сладость,
Кто любилъ на сей земли,
Въ миломъ взорѣ черпалъ радость—
Радость нашу раздѣли:
Всѣ, чье сердце сердцу друга
Въ братской вторило груди;
Кто-жъ не могъ любить — изъ круга
Прочь, съ слезами, отойди!

ХОРЪ.

Душъ родство! о, лучъ небесный!
Вседержащее звено!
Къ небесамъ ведетъ оно,
Гдѣ витаетъ Неизвѣстный!

*

У груди благой природы
Все, что дышетъ, радость пьетъ!
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ — сладострастье...
Ангелъ — Богу предстоитъ.

ХОРЪ.

Что, сердца, благовѣстите?
Иль Творецъ сказался вамъ?
Здѣсь лишь тѣни — солнце тамъ
Выше звѣздъ Его ищите!

*

Душу божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила къ свѣту,
Въ солнцы хаосъ развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила.

ХОРЪ.

Какъ міры катятся слѣдомъ
За вседвижущимъ перстомъ,
Къ нашей цѣли потечемъ
Бодро, какъ герой къ побѣдамъ!

*

Въ яркомъ истины зерцалѣ
Образъ твой очамъ блеститъ;
Въ горькомъ опыта фіалѣ
Твой алмазъ на днѣ горитъ.
Ты, какъ образъ прохлажденья,
Намъ предходишь средь трудовъ,
Свѣтишь утромъ возрожденья
Сквозь разсѣлины гробовъ.

ХОРЪ.

Вѣрьте правящей Десницѣ!
Наши скорби, слезы, вздохъ
Въ ней хранятся какъ залогъ —
И искупятся сторицей!

*

Кто постигнетъ Провидѣнье?
Кто явитъ стези Его?
Въ сердцѣ сыщемъ откровенье,
Сердце скажетъ — Божество!
Прочь вражда съ земного круга!
Породнись душа съ душой!
Жертвой мести купимъ друга,
Пурпуръ — вретища цѣной.

ХОРЪ.

Мы врагамъ своимъ простили!
Въ книгѣ жизни нѣтъ долговъ!
Тамъ, въ святилищѣ міровъ,
Судитъ Богъ, какъ мы судили!

*

Радость грозди наливаетъ,
Радость кубки пламенитъ,
Сердце дикаго смягчаетъ,
Грудь отчаянья живитъ!
Въ искрахъ къ небу брызжетъ пѣна,
Сердце чувствуетъ полнѣй:
Други—братья!—на колѣна!
Всеблагому кубокъ сей!

ХОРЪ.

Ты, чья мысль духовъ родила,
Ты, чей взоръ міры зажегъ —
Пьемъ — Тебѣ, великій Богъ,
Жизнь міровъ и душъ свѣтило!

*

Слабымъ — братскую услугу,
Добрымъ — братскую любовь,
Вѣрность клятвъ — врагу и другу,
Долгу въ дань — всю сердца кровь,
Гражданина голосъ смѣлый
На совѣтъ къ земнымъ богамъ...
Торжествуй, святое дѣло!
Вѣчный стыдъ его врагамъ!

ХОРЪ.

Нашу длань къ Твоей, Отецъ,
Простираемъ въ безконечность!
Нашимъ клятвамъ даруй вѣчность:
Наши клятвы — гимнъ сердецъ!

Ѳ. Тютчевъ.

НЕПОБѢДИМЫЙ ФЛОТЪ.

Подражаніе старому поэту.

(1786).

Идетъ, идетъ полудня флотъ надменный!
Подъ нимъ кипитъ всемірный океанъ,
И громъ цѣпей среди грозы военной
Тебѣ несетъ изъ отдаленныхъ странъ;
Пловучія войска твердынь непобѣжденныхъ
(Подобныхъ имъ еще не видѣлъ свѣтъ)
Тебѣ несутъ на волнахъ устрашенныхъ
Всѣ ужасы знакомыхъ имъ побѣдъ.
Ихъ имя грозное, какъ вѣстникъ истребленья,
Разноситъ всюду гибель и смятенье.
Идетъ спокойный флотъ непобѣдимый,
Погибелью грозя врагамъ своимъ;
Подъ нимъ смиряется Нептунъ неукротимый
И вопли бурь смолкаютъ передъ нимъ.

Твой врагъ стоитъ передъ тобою,
Британія, владычица морей!
Тебѣ грозятъ войска гальонъ, готовыхъ къ бою,
И рядъ высокихъ кораблей.
Передъ тобой, какъ громовыя тучи,
Они стоятъ, безстрашны и могучи.

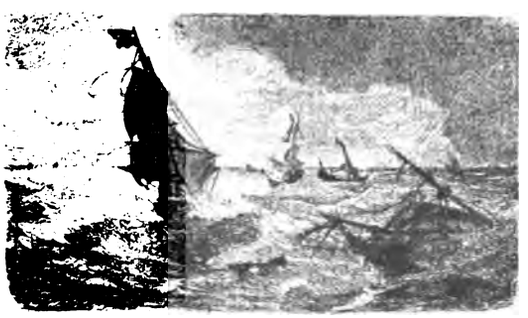
Кто далъ тебѣ сокровищъ милліоны,
Вознесъ тебя владычицей морей?
Не ты ль сама мудрѣйшіе законы
Исторгла силою у гордыхъ королей?
Великой хартіей сравнивъ гражданъ съ князьями
И королей съ гражданами въ правахъ,
Не ты ли спорила о власти надъ морями
И, отстоявъ свой флагъ передъ врагами,
Прославила его въ морскихъ бояхъ?
Кто далъ тебѣ и славу, и значенье,
Какъ не твои же мечъ и просвѣщенье?

Несчастная, взгляни въ предчувствіи конца
На огневержущихъ гигантовъ истребленья!
Въ смущеніи весь міръ ждетъ твоего паденья,
Трепещутъ многія сердца.
Всесильный Богъ увидѣлъ вражью силу,
Надменный флагъ враговъ увидѣлъ Онъ.

Увидѣлъ для тебя отверзтую могилу —
Вѣщалъ: „уже-ль падетъ мой Альбіонъ!
Угаснетъ съ нимъ героевъ родъ избранный,
Отъ угнетенія послѣдній вѣрный щитъ?
Уже-ли онъ средь бури бранной
Своихъ враговъ не сокрушитъ?
Нѣтъ,—Онъ вѣщалъ,—сильна моя ограда
И крѣпокъ мужества оплотъ!“
Всесильный дунулъ — и армада
Разнесена по лону водъ. *)

В. Гаевскій.

*) Послѣдніе два стиха намекаютъ на медаль, выбитую, по приказанію Елисаветы, въ воспоминаніе ея побѣды. На медали изображенъ флотъ, погибающій въ бурю, и подъ нимъ надпись: Afflavit Deus—et dissipati sunt (Богъ дунулъ—и разсѣялись).
Прим. Шиллера.



БОГИ ГРЕЦІИ.

(1786).

Какъ еще вы правили вселенной,
И забавъ на легкихъ помочахъ
Свой народъ водили вожделѣнной,
Чада сказокъ въ творческихъ ночахъ...
Ахъ! пока служили вамъ открыто,
Былъ и смыслъ иной у бытія,
Какъ вѣнчали храмъ твой, Афродита,
Ликъ твой, Аматузія.

Какъ еще покровъ свой вдохновенье
Налагало правдѣ на чело,
Жизнь полнѣй текла чрезъ все творенье;
Что и жить не можетъ,—все жило.
Цѣлый міръ возвышенъ былъ уборомъ,
Чтобъ прижать къ груди любой предметъ;
Открывало посвященнымъ взорамъ
Все боговъ завѣтный слѣдъ.

Гдѣ теперь, какъ намъ твердятъ сторицей,
Пышетъ шаръ, вращаясь безъ души,
Правилъ тамъ златою колесницей
Геліосъ въ торжественной тиши.
Здѣсь на высяхъ жили Ореады,
Безъ Дріадъ ни рощи, ни лѣсовъ,
И изъ урны радостной наяды
Пѣна прядала ручьевъ.

Этотъ лавръ стыдливость дѣвы прячетъ,
Дочь Тантала въ камнѣ томъ молчитъ,
Въ тростникѣ вотъ здѣсь Сиринкса плачетъ,
Филомела въ рощѣ той груститъ.
Въ тотъ потокъ какъ много слезъ, Церера,
Ты о Персефонѣ пролила,
А съ того холма вотще Цитера
Друга нѣжнаго звала.

Къ порожденнымъ отъ Девкаліона
Нисходилъ весь сонмъ небесный самъ:
Посохъ взявъ, пришелъ твой сынъ, Латона,
Къ Пирринымъ прекраснымъ дочерямъ.
Между смертнымъ, богомъ и героемъ
Самъ Эротъ союзы закрѣплялъ,
Смертный рядомъ съ богомъ и героемъ
Въ Аматунтѣ умолялъ.

Строгій чинъ съпечальнымъвоздержаньемъ
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общимъ достояньемъ
И счастливецъ къ вамъ вступалъ въ родню.
Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился богъ,
Коль улыбку скромную Камены
Иль хариты вызвать могъ.

Свѣтлый храмъ не вѣдалъ стѣнъ несносныхъ,
Въ славу вамъ герой искалъ мѣты
На Олимпійскихъ играхъ вѣнценосныхъ,
И гремѣли колесницъ четы.
Хороводы въ пляскѣ безупречной
Вкругъ вились уборныхъ алтарей,
На вискахъ у васъ вѣнокъ цвѣточный,
Подъ вѣнцами шелкъ кудрей.

Тирсоносцевъ радостныхъ „эвое"
Тамъ, гдѣ тигровъ пышно запрягли,
Возвѣщало о младомъ героѣ,
И Сатиръ, и Фавнъ шатаясь шли.
Предъ царемъ неистово менады
Прославлять летятъ его вино,
И зовутъ его живые взгляды
Осушать у кружки дно.

Не костякъ ужасный въ часъ томленій
Подступалъ къ одру, а уносилъ
Поцѣлуй послѣдній вздохъ, и геній,
Наклоняя, факелъ свой гасилъ.
Даже въ Оркѣ судіей правдивымъ
Возсѣдалъ съ вѣсами смертной внукъ;
Внесъ Ѳракіецъ пѣснью сиротливой
До Иринній грустный звукъ.

Въ Елисей, къ ликующему кругу,
Тѣнь слетала землю помянуть,
Обрѣтала вѣрность вновь подругу,
И возница находилъ свой путь.

Для Линоса лира вновь отрада,
Предъ Алцестой дорогой Адметъ,
Узнаетъ Орестъ опять Пилада,
Стрѣлы друга — Филоктетъ.

Ждалъ борецъ высокаго удѣла
На тяжеломъ доблестномъ пути;
Совершитель дѣлъ великихъ смѣло
До боговъ высокихъ могъ дойти.
Сами боги, преклонясь, смолкаютъ
Предъ зовущимъ къ жизни мертвецовъ,
И надъ кормчимъ свѣточи мерцаютъ
Олимпійскихъ близнецовъ.

Свѣтлый міръ! о, гдѣ ты? Какъ чудесенъ
Былъ природы радостный разцвѣтъ.
Ахъ! въ странѣ одной волшебныхъ пѣсенъ
Не утраченъ сказочный твой слѣдъ.
Загрустя повымерли долины,
Взоръ нигдѣ не встрѣтитъ божества,
Ахъ! отъ той живительной картины
Только тѣнь видна едва.

Всѣхъ цвѣтовъ душистыхъ строй великой
Злымъ дыханьемъ сѣвера снесенъ;
Чтобъ одинъ возвысился владыкой,
Міръ боговъ на гибель осужденъ.
Я ищу по небу, грусти полной,
Но тебя, Селена, нѣтъ какъ нѣтъ,
Оглашаю рощи, кличу въ волны, —
Безотвѣтенъ мой привѣтъ.

Безъ сознанья радость расточая,
Не привидя блеска своего,
Надъ собой вождя не сознавая,
Не дѣля восторга моего,
Безъ любви къ виновнику творенья,
Какъ часы, не оживленъ и сиръ,
Рабски лишь закону тяготѣнья
Обезбоженъ—служитъ міръ.

Чтобъ плодомъ на завтра разрѣшиться,
Рыть могилу нынче суждено,
Самъ собой въ ущербъ и въ ширь крутится
Мѣсяцъ все на то-жъ веретено.
Праздно въ міръ искусства скрылись боги,
Безполезны для вселенной той,
Что, у нихъ не требуя подмоги,
Связь нашла въ себѣ самой.

Да, они укрылись въ область сказки,
Унося туда-же за собой,
Все величье, всю красу, всѣ краски,
А у насъ остался звукъ пустой.
И взамѣнъ вѣковъ и поколѣній
Имъ вершины Пинда лишь на часть;
Чтобъ безсмертнымъ жить средь пѣснопѣній,
Надо въ жизни этой пасть.

А. Фетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДѢВУШКИ.

(1788)

Какъ мальчикъ розовый и рѣзвый и болтливый,
Мой милый другъ, играетъ свѣтъ съ тобой;
Но въ чистомъ зеркалѣ души твоей правдивой
Онъ отражается фальшивой стороной.
Онъ не таковъ! Ты дань молитвъ и поклоненій,
Что люди нехотя, среди своихъ сомнѣній,
Несутъ, покорствуя, душѣ твоей —
Ты чудеса, созданныя тобою,
Ты счастье, данное твоею-жъ красотою,
Считаешь счастьемъ, даннымъ жизнью сей;
Но кто-жъ предъ юностью твоей прекрасной,
Кто, знать хотѣлъ бы я, предъ этой жизнью ясной
Не преклонился бы, не сталъ бы самъ добрѣй?

И весело тебѣ порхать по полю свѣта,
Среди цвѣтовъ, цвѣтущихъ подъ тобой.
Средь душъ тобой отысканныхъ, пригрѣтыхъ,
Среди сердецъ твоей счастливыхъ красотой.
Такъ будь же счастлива средь милыхъ заблужденій;
Пусть съ высоты своихъ невинныхъ сновидѣній
Тебя дѣйствительность не свергнетъ невзначай;
И—лучшій цвѣтъ сама въ семьѣ цвѣтовъ душистой—
Для взора ихъ лелѣй съ любовью чистой!
Люби ихъ издали, но только не срывай.
Созданныя для глазъ разсчетливой природой,
Они отъ рукъ твоихъ умрутъ, какъ въ непогоду:
Чѣмъ дальше ты отъ нихъ, тѣмъ ихъ длиннѣе май.

М. Достоевскій.

ЗНАМЕНИТАЯ ЖЕНЩИНА.

Письмо мужа къ другому мужу.

(1788).

Ты жалуешься, другъ, на узы Гименея,
Съ раскаяньемъ готовъ порвать
ихъ и проклясть,
Затѣмъ что, страстью пламенѣя,
Въ объятія къ другому пасть
Твоя жена рѣшилася безстыдно.
Чужія, другъ, страданія узнай:
Тогда тебѣ не будетъ такъ обидно.

Ты огорченъ?—въ твой свѣтлый рай
Вступилъ другой? Судьба твоя завидна!
Моя жена—та всѣмъ доступна безобидно
Отъ здѣшнихъ мѣстъ и до вершинъ
Покрытыхъ снѣгомъ Аппенинъ,
Вплоть до Парижа, гдѣ безбожно
Лишь мода властвуетъ—вездѣ ее возможно
И дешево купить. О ней
Въ общественной каретѣ, въ пакетботѣ—
И вкривь, и вкось—судачитъ по охотѣ
Студентъ съ компаніей своей,
Филистръ въ очкахъ ее осмотру подвергаетъ,
А тощій аристархъ пророчитъ ей судьбу:
Въ храмъ славы ль ей идти, великой, подобаетъ
Или къ позорному столбу.
А лейпцигецъ — такъ тотъ — о Судія всезрящій!—
Съумѣлъ ее себѣ въ аренду взять,
Чтобъ по частямъ потомъ другимъ распродавать,
Тогда какъ я одинъ владѣлецъ настоящій.

Законамъ ты воздай благодаренье:
Жена твоя хоть цѣнитъ то значенье,
Что титулъ мужа ей даетъ.
Я-жъ лишь „Нинoны мужъ", — такъ міръ меня зоветъ.
Я знаю, добрый другъ, злыхъ языковъ шипѣнье
Привѣтствуетъ твое въ собраньяхъ появленье.
О, какъ бы я былъ радъ
Такому счастью! Я же, братъ,
Счастливымъ чту себя, когда мнѣ позволяетъ
Она съ собою рядомъ сѣсть...
Я—нуль: меня никто не замѣчаетъ:
Съ нея же глазъ не могутъ свесть.

Едва блеснетъ разсвѣтъ,
Какъ ужъ по лѣстницѣ, цвѣтнымъ
Ковромъ покрытой,
Идутъ—и женщинѣ приносятъ знаменитой
Тьму книгъ и писемъ, и газетъ.
Она такъ сладко спитъ; но—рабъ ея велѣнья—
Я долженъ ей сказать: „извольте встать, мадамъ!
Изъ Іены и Берлина вамъ
Пришли газеты!" И въ мгновенье
Съ очей спадаютъ грезы сна—
И на критическія мнѣнья
Глядитъ съ любовію она.
Увы! вся чтенью отдана,
Она меня почти не замѣчаетъ,
И дѣтскій крикъ ее отъ грезъ не отвлекаетъ.

Вотъ туалета часъ:
Но зеркало ея очей не привлекаетъ...
Ея уста слагаются въ приказъ—
И, поклонясь, служанка исчезаетъ.
Къ ней граціи своихъ казать не смѣютъ глазъ;
Вкругъ, вмѣсто нихъ, эриніи летаютъ
И локоны ей въ кольца завиваютъ.
Вотъ полдень: у крыльца каретъ блестящихъ рядъ;
Лакеи впопыхахъ гостей принять спѣшатъ:
Вотъ старенькій баронъ, поклонникъ именитый,

Вотъ мускусомъ пропитанный аббатъ,
Вотъ самъ банкиръ N. N., вотъ англичанинъ бритый,
Который двухъ нѣмецкихъ словъ подрядъ
Связать не можетъ—всѣ увидѣться спѣшатъ
Съ моей женой—съ Ниноной знаменитой.
А мужъ сидитъ въ углу—не входитъ въ разговоръ;
Надменный гость къ нему едва склоняетъ взоръ...

О, твой домашній другъ, конечно, не посмѣетъ
Сказать того, что самый пошлый фатъ
При мнѣ ей говоритъ: что онъ благоговѣетъ
Предъ ней, что всѣ ее боготворятъ...
А я все слушай—радъ не радъ!—
И если не хочу невѣжей показаться,
То долженъ попросить откушать ихъ остаться.
Тутъ пытка новая готова мнѣ опять:
Такъ какъ бургонское врачи мнѣ запретили,
То мнѣ приходится не пить, а угощать
Поклонниковъ жены, просить, чтобъ больше пили.
И вотъ мой хлѣбъ тяжелый, трудовой
Питаетъ и крѣпитъ обжоръ безстыдныхъ стаю...
О, тогда трикраты проклинаю
Безсмертіе свое: оно мнѣ врагъ лихой!
Всѣмъ, кто печатаетъ, я шлю мое проклятье!
И что же вижу я?—увы! плечей пожатье,
Гримасу, жалобу.. Какъ это мнѣ понять?
А такъ: какъ-де я смѣлъ—такой уродъ презрѣнный—
Себѣ въ супруги взять
Такой брильянтъ неоцѣненный?

Пришла весна: луга и поле—
Все покрывается цвѣтнымъ ея ковромъ,
Лѣсъ одѣвается зелененькимъ пушкомъ,
И жаворонокъ пѣснь поетъ свою на волѣ.
Но не мила ей чудная весна,
Не милъ ей лѣсъ, въ которомъ я, бывало,
Гулялъ съ ней по утрамъ и тѣшился не мало...
Теперь забыла все она!
Вѣдь лилія ея твореній не читаетъ,
И соловей хвалы ей не поетъ.
Увы! ее природа не плѣняетъ
И вдохновенья къ пѣснямъ не даетъ.
Нѣтъ, здѣсь теперь ей стало тѣсно:
Пора весны манитъ ее къ водамъ,
Въ Пирмонтъ, въ Карлсбадъ, гдѣ жить такъ весело, прелестно.
Взгляни, теперь она ужъ тамъ,
Гдѣ весь блестящій кругъ, отъ князя до барона,
Гдѣ знаменитости—одна важнѣй другой—
Вокругъ стола сидятъ семьей одной,
Ну, точно какъ въ ладьѣ Харона,
Гдѣ добродѣтель язвы ранъ
Своихъ пріѣхала лѣчить изъ дальнихъ странъ...
Она ужъ тамъ, о другъ счастливый!
А я съ дѣтьми одинъ сижу здѣсь сиротливый!

Любви своей я помню первый годъ...
Увы! какъ онъ промчался скоро!
Какъ вѣстница плѣнительныхъ щедротъ,
Она цвѣла отрадою для взора.
Что за развитье! что за умъ!
Что за манеры, вкусъ—изящный, утонченный!..
Прекрасенъ былъ предметъ моихъ завѣтныхъ думъ,
Сіявшій майскимъ днемъ—и вотъ я, восхищенный
Ея умомъ и красотой,
Соединилъ съ ея судьбой—
Прочтя въ глазахъ любви ея признанье—
Судьбу бездольную свою.
Исполнились мои завѣтныя мечтанья,
Открылось небо мнѣ: я мнилъ себя въ раю.
Я представлялъ себя въ кругу дѣтей прелестныхъ,
Мечталъ, что съ милою подругою моей
Я буду жить въ семьѣ своей—
И будетъ наша жизнь гармоніей чудесной...
И что жъ?—явился умный человѣкъ,
Великій геній—и въ мгновенье
Разрушилъ міръ, лишилъ меня на вѣкъ
Моихъ надеждъ, и грезъ, и наслажденій...
Что сталось съ ней потомъ? чѣмъ сдѣлалась она?
Мнѣ кажется—увы!—что я возсталъ отъ сна!
Куда умчался онъ—онъ, ангелъ мой небесный?
Остался въ тѣлѣ слабомъ духъ
И что-то среднее изъ двухъ
Между мужчиною и женщиной прелестной.
Не можетъ ни любить, ни властвовать она.
Она—дитя въ одеждѣ великана...
Ахъ! что она—мудрецъ иль обезьяна?—
Задача та еще не рѣшена.
Рѣшась за сильнымъ поломъ вслѣдъ тащиться,
Престола своего пришлося ей лишиться—
И вотъ она на вѣкъ исключена
Изъ книги золотой самою Афродитой...
За то теперь ей, знаменитой,
Построчная цѣна положена.

Ѳ. Миллеръ.

ХУДОЖНИКИ.

(1789).

Съ какимъ величьемъ ты, о, геній человѣка,
Въ гордынѣ мужества стоишь на склонѣ вѣка,
Съ побѣдной пальмою въ рукахъ,
Съ умомъ развившимся, духовной силы полный,
Сынъзрѣлыйвремени,дѣятельно-безмолвный
Съ привѣтной кротостью въ очахъ!
Свободный разумомъ, закономъ сильный,
Великъ ты благостью, числомъ даровъ обильный,
Молчавшихъ столько лѣтъ въ душѣ твоей,
Природы царь, которая такъ любитъ
Тяжелый грузъ твоихъ цѣпей,
Которая въ борьбѣ съ тобой твой умъ сугубитъ
И возстаетъ въ красѣ изъ дикости своей!

Но упоенъ побѣдою надъ ней,
Не забывай любить ту руку,
Что на пустынныхъ жизненныхъ брегахъ,
Какъ сироту, рожденнаго на муку,
Въ добычу случая, нашла тебя въ слезахъ,—
Ту длань, что съ первыхъ дней для высшаго призванья
Твой юный умъ направила въ тиши
И всѣ порочныя желанья
Исторгла изъ неопытной души,—
Ту добрую, что въ играхъ и случайно
Въ тебѣ понятія о долгѣ создала
И добродѣтели высокой тайны
Въ загадкахъ легкихъ отгадать дала,
Ту мать, что поручивъ любимца чуждой длани,
Вновь зрѣлымъ юношей прижметъ тебя къ груди.
О, человѣкъ! въ чаду слѣпыхъ желаній
Къ ногамъ ея рабынь во прахъ не упади!
Въ умѣніи пчела тебя наставитъ,
И прилежанію научитъ червь долинъ;
Познаніе твой умъ съ духами рядомъ ставитъ:
Искусство-жъ, человѣкъ, имѣешь ты одинъ.
Лишь свѣтлыми прекраснаго вратами
Въ міръ чудный знанья вступишь ты;
Чтобъ высшій блескъ снести очами,
Постигни прелесть красоты.
Чѣмъ музъ бряцающія струны
Такъ сладко потрясли твой слухъ,
То воспитало умъ твой юный,
Чтобъ онъ позналъ всемірный духъ.

Что нѣкогда, въ теченіи столѣтій,
Умомъ созрѣвшимъ понялъ ты,
То ужъ давно предузнавали дѣти
Въ символѣ вѣчной красоты.
Ея прелестный ликъ гнушаться насъ заставилъ
Порочныхъ чувствъ,любить добро,какъсвѣтъ,
Когда еще Солонъ не написалъ намъ правилъ,
Принесшихъ медленно свой блѣдный цвѣтъ.
Еще идея о пространствахъ бездны
Не создалась въ умѣ людей—
Кто, созерцая своды звѣздны,
Ужъ не предчувствовалъ о ней?

Въ коронѣ звѣздной Оріона,
Доступная чистѣйшимъ лишь духамъ,
Сіяя съ солнечнаго трона
По безпредѣльнымъ небесамъ,
Вселяя ужасъ блескомъ вѣчной славы,
Уранія нисходитъ съ высоты
И, снявъ съ главы вѣнецъ свой величавый,
Намъ предстоитъ, какъ символъ красоты;
Здѣсь, поясъ прелести вкругъ стана обвивая,
Становится дитей для дѣтскаго ума.
Что здѣсь встрѣчаетъ насъ, какъ *красота* земная,
То встрѣтитъ нѣкогда, какъ *истина* сама.

Когда Творящій Духъ отринулъ человѣка
Отъ лика Своего и въ области утратъ
Опредѣлилъ ему стезею трудной вѣка
Найдти ко свѣту поздній свой возвратъ,
Когда отъ узника въ обители печали

Всѣ небожители безжалостно бѣжали,
Великолушная, она
Осталась съ изгнаннымъ одна.
Летая вкругъ него, она надеждой дышетъ
Любимцу своему въ печальномъ мірѣ семъ
И на стѣнахъ его темницы пишетъ
Въ прелестныхъ вымыслахъ Эдемъ.

Доколь покоился въ объятьяхъ нѣжныхъ этой
Кормилицы невинный родъ людей,
Міръ не дымился, кровью жертвъ согрѣтый,
Не возжигала брань священныхъ алтарей;
Ведомъ на поводахъ ея рукой нестрогой,
Какъ рабъ не слѣдовалъ за долгомъ человѣкъ,
И нравственности съ солнечной дорогой
Сливался свѣтлый путь его невинныхъ нѣгъ.
Кто цѣломудренно служилъ ея законамъ,
Тотъ, низкихъ чуждъ страстей, былъ самъ себѣ глава,
Тотъ предъ ея священнымъ тропомъ
Обратно получалъ въ духовномъ мірѣ оном
Свободы сладостной права.

Блаженны вы, кого изъ милліоновъ
Она въ свой храмъ къ служенью призвала,
Чьимъ голосомъ вѣщала смыслъ законовъ,
Въ чьемъ сердцѣ тронъ священный создала,
Вы, чьей рукой предъ алтарями храма
Зажгла огонь святаго ѳиміама,
Предъ чьими взорами сняла съ себя покровъ,
Въ одинъ союзъ соединивъ жрецовъ!
Гордитесь славною ступенью,
Гдѣ высшій жребій васъ постановилъ!
Въ духовномъ мірѣ высшихъ силъ
Вы были первою ступенью.

Но прежде, чѣмъ внесли гармонію вы къ намъ,
Ту связь, которой все покорствуетъ предъ взоромъ,
Для дикаря природы дивный храмъ
Былъ зданьемъ безъ границъ, подъ чернымъ ночи флеромъ,
Чуть-освѣщаемымъ затерянным лучомъ,
Толпой враждебною видѣній,
Сгнетавшихъ умъ его невольничьимъ ярмомъ,
Его избравшихъ цѣлью нападеній
И, дикія, какъ онъ, съ нимъ споривших во всемъ.
Прикованъ къ нимъ тяжелыми цѣпями,
Коснѣя въ нравственной глуши,
Природу созерцалъ онъ мертвыми очами,
Не видя чудной въ ней души.

Но тѣни сей души, мелькнувшей передъ вами,
Рукою тихой, нѣжнымъ чувствомъ музъ
Вы чудодѣйно уловили
И въ гармонический союзъ
Сливать ихъ тайну изучили.
Вы съ чувствомъ радостнымъ стремили къ небу взоръ,
Любуясь стройностью роскошной пальмы гибкой;
Предъ вами отражалъ кристаллъ потока зыбкій
Дрожащей зелени уборъ.

Могли ль вы не признать прекраснаго намека,
Съ которымъ въ помощь вамъ сама природа шла?
Въ изображеніи на зеркалѣ потока
Она искусство вамъ ей подражать дала.
Съ своею тайной разлучася,
Она прелестный призракъ свой
Въ потокъ повергнула живой
И вамъ въ добычу отдалася.
И сила творчества тогда проснулась въ васъ.
Но слишкомъ гордые, чтобъ брать одни даянья,
Вы стали подражать тѣнямъ, плѣнявшимъ глазъ,
На глинѣ, на пескѣ творя ихъ начертанья.
Тогда силъ творческихъ въ васъ ожилъ сладкій пиръ—
И первое созданье вышло въ міръ.

Предъ силой вашихъ наблюденій
Отбросивъ тайный свой туманъ,
Вамъ обнаружили довѣрчивыя тѣни
Васъ чаровавшій талисманъ.
Законы силой чудотворной,
Богатства прелести и думъ
Въ созданьяхъ вашихъ рукъ сліялъ въ союзъ покорный
Изобрѣтательный вашъ умъ.
И обелискъ взлетѣлъ, воздвиглись пирамиды,
Всталъ Гермесъ на межѣ, колонна поднялась,
Лѣсовъ мелодія въ свирѣли раздалась
И въ пѣсняхъ стали жить Атриды.

Какъ въ первый разъ въ одинъ пучекъ цвѣтки
Связалъ разумный выборъ чувства,
Такъ первое явилось въ міръ искусство;
Но вотъ ужъ изъ пучковъ свиваются вѣнки—
И новое является искусство,
Искусство смертнаго въ дѣлахъ его руки.
Оно, дитя красы, довольное собою,
Исшедъ доконченнымъ, творцы, изъ вашихъ рукъ,
Вѣнецъ теряетъ надъ главою,
Едва войдетъ въ дѣйствительности кругъ.

Теперь, подчинена закону симметріи,
Колоннавстатьдолжнавърядусестеръсвоихъ,
Герой исчезъ въ толпѣ героевъ и впервые
Пѣвецъ Меоніи намъ воспѣваетъ ихъ.

Но вскорѣ въ міръ созданій новыхъ
Свершился варваровъ набѣгъ.
„Смотрите!“ вопіютъ толпы бойцовъ суровыхъ:
„Все это создалъ человѣкъ!“
И весело согласными толпами
Они спѣшатъ за лирою пѣвцовъ,
Имъ пѣвшихъ грозную титановъ брань съ богами,
Гигантовъ родъ и истребленье львовъ;
И, внемля имъ, изъ слушателей сами
Становятся героями-бойцами.
Тогда впервые духъ вкусилъ
Блаженство радостей игривыхъ,
Питавшихъ издали его восторговъ пылъ,
Безъ возбужденья думъ пытливыхъ
Проникнуть въ сущность скрытыхъ силъ.

Теперь отъ нравственной дремоты
Освобожденный духъ воскресъ,
И вы ввели раба заботы
На лоно счастія съ небесъ.
Теперь онъ свергъ съ себя ярмо животной злости,

Мракъ человѣчностью разсѣявъ на челѣ—
И думы выспренные гости,
Въ его блеснули головѣ.
Теперь, къ звѣздамъ направивъ очи,
Подъемлетъ царственный онъ ликъ:
Ужъ въ даль міровъ къ свѣтиламъ ночи,
Ужъ къ солнцамъ взоръ его проникъ.
Расцвѣлъ улыбкой ликъ прекрасный.
Взоръ блещетъ влагою страстей,
И голосъ въ пѣснѣ сладкогласной
Развилъ всю страсть души своей,
И шутка съ кротостью, въ одинъ союзъ слитыя,
Изъ вдохновенныхъ устъ излилися впервые.

Онъ весь былъ преданъ, червь земли,
Желаньямъ низкимъ въ мглѣ грѣховной;
Но вы зародышъ въ немъ нашли
Любви святой, любви духовной.
И если въ міръ любви духовъ
Широкій путь ему указанъ,
Конечно, этимъ былъ обязанъ
Онъ первой пѣснѣ пастуховъ.
Облагорожена мышленьемъ,
Страсть сердца сладкимъ пѣснопѣньемъ
Изъ устъ поэта излилась,
Слеза ланиты оросила
И нѣга страсти возвѣстила,
Высокихъ думъ святую связь.

Прекрасныхъ грацію, могучихъ крѣпость стали,
И кроткихъ кротость, и разумныхъ умъ
Въ одну вы славу сочетали
Въ картинѣ дивной, полной думъ.
И предъ Невѣдомымъ сталъ человѣкъ смиряться
И отблескъ полюбилъ Его,
И пламенный герой горѣлъ уподобляться
Великой сущности всего.
Всего прекраснаго *въ* первый звукъ въ тѣ годы
Исторгли для него изъ струнъ самой природы.

Порывы дикіе страстей,
Измѣнчивость судьбы отъ самой колыбели,
Уставъ инстинктовъ, должностей—
Все, взвѣсивъ чувствомъ, вы съумѣли
Направить съ выборомъ къ своей высокой цѣли.

Что въ ходѣ медленномъ своемъ
Развить въ вѣкахъ природѣ надлежало,
То въ пѣснопѣніи, на сценѣ яснымъ стало,
То приняло доступный всѣмъ объемъ.
Предъ хоромъ фурій устрашенный,
Злодѣй, еще не уличенный,
Ужъ въ пѣснѣ приговоръ внималъ;
Еще не смѣлъ мудрецъ рѣшать судьбы вопроса,
А міру юному слѣпой пѣвецъ Хіоса
Ужъ тѣ загадки разрѣшалъ,
И Ѳеспись въ тишинѣ съ походной колесницы
Ужъ Промыслъ низводилъ въ подлунныя границы.

Но преждевременно вы въ тѣсныя границы
Законъ гармоніи внесли.
Еще судьба въ нѣмой дали
Подъ темной тайной покрывала
Кругъ полной жизни на земли
Отъ вашихъ взоровъ укрывала—
А васъ уже стремилъ отваги смѣлый духъ
За ночь грядущаго раздвинуть жизни кругъ.
Тогда вы ринулись безъ страха
Чрезъ океанъ Аверна роковой
И жизнь, бѣжавшую, изъ праха,
Вновь обрѣли за урной гробовой.
Тогда явился намъ, на Поллукса склоненный,
Съ поникшимъ факеломъ Кастора ликъ младой,
Какъ мѣсяцъ, тѣнью омраченный,
Покуда не свершилъ онъ кругъ сребристый свой.

Но выше все, паря все къ высшей грани,
Стремилъ творящій геній васъ.
Уже созданія возстали изъ созданій
И изъ гармоніи гармонія лилась.
Чѣмъ упоенный взоръ плѣнялся здѣсь донынѣ,
То высшей красотѣ смиренно служитъ тамъ:

Всѣ нимфы прелести, столь милыя очамъ,
Слились съ величіемъ въ божественной Аѳинѣ;
И сила, мускулы напрягшая въ бойцѣ,
Прелестно смолкнула въ чертахъ прекрасныхъ бога.
И Зевсъ смягчилъ гордыню на лицѣ
Средь Олимпійскаго чертога.
Преобразованный трудами міръ вокругъ
И сердце, полное стремленій новыхъ,
Развитое въ борьбахъ съ природою суровыхъ,
Расширили созданій вашихъ кругъ.

Тогда вознесъ съ собой на крыліяхъ свободы
Искусства человѣкъ, какъ лучшіе дары,
Творя изъ щедрыхъ нѣдръ природы
Прекраснаго волшебные міры.
Предѣлы знанія раздвинулись предъ нами
И легкостью побѣдъ, пріобрѣтенныхъ вами,
Духъ, приготовленный отыскивать тропы,
Ведущія во храмъ къ искусствамъ и свободѣ,
Природы дальные возстановилъ столпы
И перегналъ ее въ ея туманномъ ходѣ.
Ее онъ взвѣшивалъ, свой примѣняя вѣсъ,
Онъ мѣрилъ мѣрою, отъ ней же полученной,
И міръ разумнѣе тогда предъ нимъ воскресъ,
Красы законамъ подчиненный.
Теперь гармонію онъ сферамъ возвратилъ
Съ самодовольнымъ, юнымъ обаяньемъ,
И если онъ плѣнялся мірозданьемъ,
Онъ симметрію въ немъ любилъ.

Теперь во всемъ, что зритъ онъ предъ собою,
Онъ зритъ ужъ равенства черты;
Свился съ златой его стезею
Прелестный поясъ красоты:
Предъ нимъ съ побѣдой совершенство
Созданій вашихъ предлетитъ!
Гдѣ шумно празднуетъ блаженство,
Гдѣ скорбь бозмолвная груститъ,
Гдѣ медлитъ съ думой созерцанье,
Гдѣ слезы льютъ въ жилищѣ бѣдъ,
Гдѣ самъ онъ вѣдаетъ страданье—
Вездѣ онъ видитъ высшій свѣтъ,
Вездѣ играютъ съ нимъ хариты,
И самъ онъ, чувствами развитый,
Подругамъ милымъ мчится вслѣдъ.
И такъ въ прекрасныхъ переливахъ
Явленья, линіи красы
Свиваются предъ нимъ въ видѣніяхъ игривыхъ,
Такъ мчатся дней его часы.
И съ моремъ музыки, такъ сладострастно льющей
Струи для чувствъ его, онъ духъ сливаетъ свой
И предается пламенной мечтой
Въ объятія Цитеры всюду—сущей.
Вступивъсъ судьбой въ возвышенный союзъ,
Любимецъ грацій и питомецъ музъ,
Онъ тихую стрѣлу изъ лука всемогущей
Необходимости готовъ принять въ тиши—
Въ грудь обнаженную безъ трепета души.

Любимцы кроткіе гармоніи священной,
Благіе спутники по жизненнымъ волнамъ,
Вы — даръ прекраснѣйшій, даръ высшій, данный намъ
Для жизни Тѣмъ, Кто жизнь даетъ вселенной!
Коль нынѣ цѣнитъ долгъ свободный человѣкъ,
Коль любитъ цѣпь свою, ей подчинивъ свой вѣкъ,
И случая надъ нимъ безсиленъ скиптръ желѣзный—
За все въ безсмертіи своемъ
Найдете нѣкогда себѣ вѣнецъ возмездный!
Когда вкругъ чаши той, гдѣ мы свободу пьемъ,
Играютъ радостей плѣнительные боги
И создаютъ изъ сновъ волшебные чертоги—
За все мы вамъ любовью воздаемъ!

Вы духу дивному, увившему цвѣтами
Всѣхъ прелестей самой судьбы чело,
Тому, Кто повелѣлъ, чтобъ пламенѣлъ свѣтло
Его эѳиръ несчетными звѣздами,
Тому Зиждителю, Который даже въ часъ,
Когда грозитъ, во ужасъ облеченный,
Своимъ величіемъ, красой плѣняетъ насъ—
Вы подражаете Создателю вселенной.
Какъ въ свѣтломъ зеркалѣ ручей
Вечерній блескъ, цвѣты полей
И зыбкій берегъ отражаетъ,
Такъ въ жизненныхъ волнахъ сіяетъ
Міръ поэтическихъ тѣней.
Вы къ намъ на свѣтъ въ одеждѣ брачной
Ликъ, ужасающій и мрачный,
Жестокой Парки привели;
Какъ въ ваши урны кости тлѣнья,
Такъ хоръ заботъ и треволненья
Вы въ блескъ волшебный облекли.
Я пробѣгалъ крылатой думой
Минувшее изъ вѣка въ вѣкъ:
Безъ васъ—какъ все вокругъ угрюмо,
Гдѣ вы—какъ счастливъ человѣкъ!

Искусство, нѣкогда на легкихъ крыльяхъ силы
Изъ вашихъ вышедшее рукъ,
Опять въ объятья къ вамъ сошло въ тотъ вѣкъ унылый,
Когда временъ томительный недугъ,
Разрушивъ въ членахъ жизни силы,

Въ щекахъ румянецъ угасилъ,
И человѣкъ, какъ старецъ хилый,
Склонясь на посохъ свой, бродилъ.
Тогда вы жаждущимъ устамъ изъ свѣжей влаги
Вновь чашу поднесли живительной отваги;
Два раза изъ сѣмянъ, посѣянныхъ вокругъ,
Два раза вызвали вы къ жизни жизни духъ.

Бѣжавъ отъ варварскихъ гоненій,
Вы съ опозоренныхъ востока алтарей
Огонь послѣднихъ жертвоприношеній
Внесли въ міръ новыхъ дикарей.
И юный день, бѣглецъ изъ странъ востока,
Блеснулъ опять на западѣ зарей—
И на поляхъ Гесперіи далеко
Расцвѣлъ цвѣтокъ Іоніи святой;
И кротко отразясь въ душѣ поэта,
Природа лучшая прекрасный свѣтъ дала
И дивная богиня свѣта
Въ сердца людей торжественно вошла.
Тогда оковы съ милліоновъ пали
И право за рабовъ свой голосъ подало;
Какъ братья жизнь ведутъ безъ распрей и печали,
Такъ племя юное крѣпчало и росло.
Тогда съ высокимъ наслажденьемъ
Вы зрѣли счастіе земли
И, облеченные смиреньемъ,
Съ заслугой молча отошли.

И если по полямъ проложеннымъ мышленья
Съ отважнымъ счастіемъ паритъ теперь мудрецъ,
И, упоенъ пеаномъ дерзновенья,
Рукою смѣлою хватаетъ ужъ вѣнецъ,
И если мыслитъ онъ, что платою презрѣнной
Онъ, какъ наемникамъ, воздастъ своимъ вождямъ
И у престола истины священной
Художникамъ дастъ мѣсто, какъ рабамъ—
Простите вы ему: свершенія корона
Надъ вашей головой сіяетъ съ небосклона.

Какъ вами, первымъ вешнихъ дней цвѣткомъ,
Духъ разливая, начала природа;
Такъ вами, чуднымъ жатвеннымъ вѣнкомъ,
Закончила, все совершивъ, природа.

Изъ мрамора, изъ глины вознесясь,
Духъ творческій искусствъ ужъ побѣдилъ для насъ
Неизмѣримые духовные предѣлы.
Что въ мірѣ знанія открылъ мыслитель смѣлый,
То завоевано открыто лишь чрезъ васъ.
Всѣ тѣ сокровища, что собралъ умъ прозрѣвшій,
Изъ вашихъ только рукъ пойметъ мыслитель самъ,
Когда тѣ знанія, до красоты созрѣвши,
Какъ перлъ созданія, блеснутъ его очамъ,
Когда на холмъ взойдетъ онъ вмѣстѣ съ вами
И позлащенную вечерними лучами
Долину вдругъ увидитъ тамъ.

Чѣмъ больше прелестей для взора и для слуха,
Чѣмъ съ высшей красотой созданья духа
Въ *одинъ* союзъ сольете вы,
Въ *одно* роскошное блаженство для толпы,
Чѣмъ шире помыслы и чувства
Раскроете для творчества искусства,
Для чуднаго потока красоты,
Тѣмъ совершеннѣй въ звеньяхъ міросозданья,
Теперь разорванныхъ безъ смысла и сознанья,
Узритъ онъ чудныхъ формъ изящныя черты,
Тѣмъ больше выйдетъ тайнъ сквозь ночи мракъ безмолвный,
Тѣмъ далѣе предъ нимъ раздвинетъ міръ столпы,
Тѣмъ шире жизнь польетъ живыя волны,
Тѣмъ для него слабѣй слѣпая мощь судьбы,
Тѣмъ выше всѣ его стремленья,
Тѣмъ болѣ въ немъ любви, тѣмъ болѣ въ немъ смиренья...
Ведите же его таинственной стезей
Чрезъ формы чистыя, чрезъ звуковъ міръ чистѣйшій
Все къ высшимъ высотамъ, все въ красотѣ полнѣйшей
По чудной лѣстницѣ поэзіи святой,
Чтобъ на концѣ временъ еще порывъ живой,
Еще одно святое вдохновенье—
И человѣкъ повергся въ упоеньѣ
Въ объятья истины самой.

Въ коронѣ звѣздной, безъ покрова
Тогда для зрѣлаго ума
Предстанетъ ликъ Киприды снова,
Какъ ты, Уранія сама.
И чѣмъ упорнѣй отъ богини
Бѣжалъ онъ, къ истинѣ стремясь,
Тѣмъ онъ скорѣй постигнетъ нынѣ
Межъ двухъ богинь святую связь.
Такъ въ изумленіи чудесномъ
Улиссовъ юный сынъ стоялъ,
Когда въ вождѣ своемъ небесномъ
Онъ дщерь Юпитера узналъ.

Достоинство людей вамъ вручено судьбами!
Храните же его!
Оно и падаетъ, и возникаетъ съ вами.
Поэзіи священной волшебство
Премудрому въ семъ мірѣ служитъ плану:
Да льется жъ вѣчно къ океану
Святой гармоніи оно!

Гонимый злобой закоснѣлой,
Суровой истины глаголъ
Въ союзѣ музъ и въ пѣснѣ смѣлой
Себѣ пристанище обрѣлъ;
И подъ блестящей пеленою
Грозящей прелестью самою,
Онъ звучно въ пѣснѣ прогремѣлъ
И, внемля гимнъ его побѣдный,
Смущенный, трепетный и блѣдный
Предъ нимъ гонитель онѣмѣлъ.
Сыны свободные природы
Свободной матери сыны!
Летите на крылахъ свободы
Въ красѣ надзвѣздной стороны!
Другихъ вѣнцовъ себѣ не ждите!
Что потеряли въ жизни сей,
То снова нѣкогда узрите
На лонѣ матери своей.
На крыльяхъ смѣлыхъ мчась высоко,
Временъ перегоните бѣгъ!
Ужъ въ вашемъ зеркалѣ далеко
Гаритъ зарей грядущій вѣкъ.
Идя несчетными путями
Многообразности земной,
Сойдитесь всѣ, сплетясь руками,
При тронѣ благости святой.

Какъ въ семь лучей, блестя прелестно,
Дробится бѣлый свѣтъ межъ тучъ,
Какъ семь лучей дуги небесной
Должны сливаться въ бѣлый лучъ,
Такъ упоенный взоръ плѣняйте
Волшебной ясностью своей
И съ моремъ истины сливайте
Свѣтъ ослѣпительныхъ лучей.

Д. Минъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ IN FOLIO.

(1793).

Въ былые годы мудрость заключали
Лишь въ фоліанты, а для близкихъ лицъ
Альбомъ былъ. Но теперь ужъ въ альманахахъ стали
Наукамъ удѣлять по нѣскольку страницъ.
А ты, добрякъ, о, какъ ты милъ!
Какой огромный домъ ты для друзей открылъ!
Скажи жъ по совѣсти, не тяготитъ собою
Тебя друзей обиліе такое?

Ѳ. Миллеръ.

ПОЭЗІЯ ЖИЗНИ.

(1795).

Могу ли тѣнью я обманчивой плѣняться
„И ложнымъ призракомъ, какъ правдой, наслаждаться?
„Вся обнаженная, безъ дымки покрывала,
„Хочу, что бъ истина передо мной сіяла.
„Пусть меркнутъ небеса съ исчезнувшей мечтою,
„И пусть свободный духъ, привыкшій улетать
„И въ безконечности все жаждавшій познать,
„Дѣйствительность скуетъ тяжелою рукою.
„Тогда научится онъ властвовать собою,
„Поймѣтъ, что значитъ долгъ святой,
„Весь ужасъ нищеты земной
„И, примирившійся, склонится предъ судьбою.
„Кто истины владычества боится,
„Сумѣетъ-ли нуждѣ тяжелой покориться?“
Такъ восклицаешь ты, о мой суровый другъ,
И, опытомъ жестокимъ умудренный,
Все отрицая, ты глядишь вокругъ.
Твоею рѣчью строгою смущенный,
Прочь улетаетъ свѣтлый сонмъ боговъ
И нѣжныхъ музъ забавы умолкаютъ,
Богини юныя съ кудрей своихъ роняютъ
Гирлянды свѣжія цвѣтовъ,
Волшебный жезлъ о землю разбиваетъ
Гермесъ и музу—Аполлонъ,
Какъ утренній туманъ покровы жизни таютъ
И ликъ печальный обнаженъ.
Дѣйствительность является уныло,
И міръ становится тѣмъ, что онъ есть—могилой.
Повязку съ глазъ своихъ амуръ сорветъ отнынѣ
И на него любовь испуганно глядитъ,
Вдругъ узнаетъ въ своемъ небесномъ сынѣ
Лишь смертнаго и въ ужасѣ бѣжитъ.
Ликъ юный красоты морщины покрываютъ
И на устахъ твоихъ, блѣднѣя, остываетъ
Горячій поцѣлуй... Исчезло заблужденье
И въ жизни ждетъ тебя покой окаменѣнья.

Allegro

ВЛАСТЬ ПѢСНОПѢНЬЯ.

(1795).

Бушуетъ ливень, вторятъ скалы;
А тамъ, надъ вздувшимся ручьемъ
Гремятъ и падаютъ обвалы,
Деревья ломятся кругомъ;
Внимаетъ путникъ одинокій,
Въ восторгъ и ужасъ погруженъ,
Волнамъ ревущаго потока,
Не зная, гдѣ бушуетъ онъ.
Такъ волны пѣсни мчатся мимо
Изъ глубины недостижимой.

Кто можетъ, звукамъ тѣмъ внимая,
Въ себѣ ихъ чары побѣдить?
Слышна въ нихъ сила роковая,
Она сплетаетъ жизни нить;
То въ міръ тѣней насъ погружаетъ,
Исполнивъ трепетомъ сердца,
То разомъ въ небо увлекаетъ
По мановенію пѣвца,
И между дѣломъ и игрою
Колышетъ зыбкою волною.

Такъ часто входитъ въ кругъ веселый,
Гдѣ шумъ и радость, и борьба
Своею поступью тяжелой
Неумолимая судьба;
И все склоняется мгновенно
Предъ этимъ гостемъ неземнымъ,
Смолкаетъ говоръ жизни бренной
И маски падаютъ предъ нимъ.
Такъ передъ истиной ничтожно
Все то, что суетно и ложно.

Такъ пѣсня чуть коснется слуха,
И въ сердцѣ нѣтъ тоски земной,
И смертный разомъ въ царство духа
Несется вольною душой.
Смолкаютъ бурные порывы,
Ему не надо ничего
И голосъ жизни суетливый
Уже не трогаетъ его.
Забыты горе и страданье,
Пока царитъ очарованье.

Какъ послѣ тягостной разлуки
Дитя, раскаявшись, опять
Въ простертыя навстрѣчу руки
Спѣшитъ и обнимаетъ мать,
Такъ пѣсня намъ звучитъ родная
И голосъ чистый и святой,
Изъ чуждой сферы вырывая,
Насъ манитъ снова въ край родной,
Въ объятья вѣрныя природы
Забыть про холодъ и невзгоды.

Кн. Д. Цертелевъ.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

(1795).

Крошка-счастливецъ! Теперь для тебя колыбель безгранична;
Мужемъ ты станешь—и міръ цѣлый тебя не вмѣститъ.

А. Фетъ.

ОДИССЕЙ.

(1795).

Всѣ моря переплылъ Одиссей, возвращаясь въ отчизну;
Слышалъ и Сциллы онъ лай, зрѣлъ и Харибды грозу,
Моря враждебнаго злобу и горе на сушѣ извѣдалъ,
Даже и въ темный Аидъ, долго блуждая, попалъ.
Соннаго волны его принесли ко прибрежью Итаки:
Скорбный, отъ сна пробудясь, родины онъ не узналъ.

М. Михайловъ.

НЕИЗМѢННОЕ.

(1795).

Время летитъ невоздержно! Оно постояннаго ищетъ;
Будь постояненъ—и вѣчною цѣпью его окуешь.

Ѳ. Кони.

ЗЕВЕСЪ ГЕРКУЛЕСУ.

(1795).

Не чрезъ нектаръ боговъ ты къ сонму боговъ пріобщился:
Божественной силѣ твоей нектаръ наградою былъ.

И. Болдаковъ.

ПЛЯСКА.

(1795).

Плавно и мѣрно, какъ волны, за парою пара кружится,
Чуть прикасаясь къ землѣ рѣзво-крылатой ногой.
Вижу ль я тѣни летучія безъ оболочки тѣлесной?
Или воздушной толпой эльфы сплелись въ хороводы?
Какъ дуновеніе вѣтра по воздуху дымъ развѣваетъ,
Какъ серебристая зыбь тихо колышетъ ладью,—
Такъ мелодичный размѣръ управляетъ ногой обученной,
Такъ рокотаніе струнъ тѣло, поднявши. несетъ.
Какъ бы затѣмъ, чтобы силою цѣпь разорвать плясовую,
Смѣлая пара летитъ прямо на сомкнутый рядъ.
Сразу же путь ей проложенъ—и сразу же нѣтъ его снова,
Будто волшебной рукой доступъ открытъ и закрытъ.
Пары не видишь ты больше, и вѣчно-подвижнаго царства
Въ дикомъ смятеньи во прахъ рушится дивный чертогъ.
Нѣтъ, выростаетъ опять онъ, ликующій: узелъ развязанъ,
Прежній порядокъ во всемъ—лишь измѣнилась краса.
То разрушается, то воздвигается зданье живое—
И въ прихотливой игрѣ чуется скрытый законъ.

Съ нимъ и пахать нельзя, какъ видно.—
И разсердясь, прибѣгнулъ онъ къ кнуту.
—Мошенникомъ обманутъ я безстыдно!—

Межъ тѣмъ какъ въ ярости слѣпой
Онъ дѣйствовалъ кнутомъ, проворною стопой
Шелъ мимо юноша. Какъ золото блистая,
Вилися волосы вокругъ его чела,
Вѣнчала ихъ повязка золотая
И лира звонкая въ рукахъ его была.
Дивясь, воскликнулъ онъ:—куда же
Ты съ этой парою невиданною, другъ?
Быка и птицу впречь въ одинъ и тотъ же плугъ—
О томъ не слыхивали даже!
Довѣрь мнѣ этого коня на полчаса—
И ты увидишь чудеса!—

Пегаса отпрягли, и на него съ улыбкой
Вскочилъ ѣздокъ. Почуявъ сѣдока
Съ рукой привольною и гибкой—
Конь захрапѣлъ, заржалъ. Два пламенныхъ зрачка,
Какъ молнія, мгновенно заблистали.
Не тотъ, какимъ сейчасъ его видали—
Въ величьи царственномъ и дивной красотѣ,
Какъ духъ, какъ божество, однимъ порывомъ бурнымъ
Изъ глазъ исчезъ онъ въ высотѣ
И къ небесамъ взвился лазурнымъ.

О. Чюмина.

ИГРАЮЩІЙ МАЛЬЧИКЪ.

(1795).

мѣйся, играй о, дитя, у родимой груди; на священномъ
Островѣ, гдѣ не найдутъ тебя скорбь и заботы.
Держутъ надъ бездной тебя руки родныя любовно,
Въ глубь ледяную могилъ смотришь ты, веселъ и милъ.
Крошка невинный, играй. Ты, покуда, въ Аркадіи свѣтлой.
Радость, лишь радость одна властно владѣетъ тобой.
Силы кипучей приливъ самъ себѣ ставитъ предѣлы,
Чужды отвагѣ слѣпой долгъ и житейская цѣль.
Смѣйся! Ужъ трудъ недалекъ, истощающій, тяжко гнетущій,
Долгъ, повелительный долгъ пылъ и отвагу убьетъ.

А. М. Ѳедоровъ.

ІОАННИТЫ.

(1795).

Краситъ васъ грозный уборъ крестоносцевъ, съ львиной отвагой
Родосъ и Акконъ прибрежный твердымъ прикрывшихъ щитомъ,
Ставшихъ съ мечемъ херувима у Гроба Господня,
Въ зноѣ сирійской пустыни паломнику путь оградившихъ туда...
Всѣхъ же доспѣховъ одинъ окружаетъ васъ ярче сіяньемъ:
Скромный передникъ прислужника тяжко больнымъ.
Славнаго рода сыны, вы приносите дань милосердья
Страждущимъ, съ лаской нѣмой освѣжая уста и чело!
Вѣра Христа, только ты въ свой вѣнецъ изъ вѣтвей непокорныхъ
Можешь сплетать со смиреньемъ и витязей гордую мощь!

Кн. Э. Ухтомскій.

СѢЯТЕЛЬ.

(1795).

Колонъ надежды, землѣ ты ввѣряешь зерно золотое—
И ожидаешь весной радостно всхода его.
Что же боишься на полѣ временъ свои сѣять дѣянья?
Мудрости смѣлый посѣвъ тихо цвѣтетъ для вѣковъ.

М. Михайловъ.

ДВА ПУТИ КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

(1795).

Есть два пути, по которымъ идетъ къ добродѣтели смертный;
Скрылся внезапно одинъ, тотчасъ другой предъ тобой:
Дѣломъ ея достигаетъ счастливый, несчастный—терпѣньемъ.
Благо тому, кого рокъ къ ней по обоимъ ведетъ!

Ѳ. Миллеръ.

ИДЕАЛЫ.

(1795).

Такъ отъ меня ты мчишься, младость,
И всѣ отрадныя мечты,
Восторгъ и грусть, тоску и радость—
Съ собою вдаль уносишь ты!
Златое время жизни полной!
Постой, еще со мной побудь—
Вотще! твои стремятся волны
И въ море вѣчности бѣгутъ!

Потухли ясныя свѣтила,
Предъ мной блиставшія въ тиши;
Мои мечты судьба разбила—
Созданья пламенной души,
И вѣра сладкая—далеко
Въ святыя прежде существа,
Добыча истины жестокой
Всѣ идеалы божества.

Какъ нѣкогда въ объятья камень,
Любя, Пигмаліонъ схватилъ,
И чувства трепетнаго пламень
Холодный мраморъ оживилъ;
Такъ я къ природѣ весь приникнулъ
Умомъ, душою, жизнью всей,—
Пока согрѣлъ ее, подвигнулъ
На пламенной груди моей.

Она любовь мою дѣлила,
Безмолвная—языкъ нашла,
Мнѣ поцѣлуй мой возвратила
И сердца трепетъ поняла.
Лѣса и горы стали живы,
Потокъ серебряный мнѣ пѣлъ,
Отвсюду на мои призывы
Отвѣтъ желанный мнѣ летѣлъ.

Вселенная во мнѣ кипѣла,
Тѣснила грудь и всякій часъ
Въ звукъ, въ образъ, и въ слова и въ дѣло,
Жизнь изъ груди моей рвалась.
О какъ великъ мнѣ міръ явился,
Пока скрывался онъ въ зернѣ!
Но, ахъ! Какъ мало онъ развился,
Какъ бѣденъ показался мнѣ!

Какъ смѣло съ бодрою охотой,
Мечты надѣясь досягнуть,
Еще не связанный заботой,
Пустился юноша въ свой луть!

Туда невольное стремленье,
Гдѣ хоръ далекихъ звѣздъ горѣлъ;
Нѣтъ высоты, нѣтъ отдаленья,
Куда-бы онъ не долетѣлъ!

Какъ онъ легко впередъ стремился!
Что для счастливца тяжело?
Какой воздушный рой тѣснился
Вкругъ свѣтлаго пути его!
Любовь съ улыбкой благосклонной,
И счастье съ золотымъ вѣнцомъ,
И слава съ звѣздною короной,
И въ свѣтѣ истина живомъ.

Но середи дороги, скоро
Всѣ спутники разстались съ нимъ;
Свернули въ сторону отъ взора
Одинъ сокрылся за другимъ.
Умчалось счастье, другъ летучій,
Отрады знанье не нашло,
Сомнѣнье потянулось тучей
И истину заволокло.

Горѣлъ надъ презрѣнной главою
Вѣнецъ и славы и добра,
И скоро скрылась за весною
Любви прекрасная пора,

Все тише, тише становилось,
Пустыннѣй на пути моемъ,
Одна надежда мнѣ свѣтилась
Своимъ блѣднѣющимъ лучомъ.

Изъ шумныхъ спутниковъ стремленья,
Остался кто теперь со мной?
Кто подаетъ мнѣ утѣшенье,
Кто до могилы спутникъ мой?
Ты исцѣляющая раны,
Ты, дружба, всѣхъ отрада золъ,
Товарищъ горестей желанный,
Тебя искалъ я—и нашолъ.

И ты ее сопровождаешь,
Ты, трудъ, души покой хранишь,
Ты никогда не изнуряешь,
Не разрушая ты творишь;—
Слѣпляешь среди силъ природы
Песчинку за песчинкой ты,
За то минуты, дни и годы
У времени тобой взяты.

К. Аксаковъ.

КУПЕЦЪ.

(1795).

Чей несется корабль? Это сидонскіе люди
Держатъ съ сѣвера путь, олово съ ними, янтарь.
Будь, Нептунъ, милосердъ,—бережно, вѣтры, качайте,—
Прѣсноводный родникъ, въ бухтѣ радушной журчи!
Властны вы надъ купцомъ, боги: онъ ищетъ богатства,
Но съ его кораблемъ связано тѣсно добро.

В. С. Лихачовъ.

ПРОЗЕЛИТИЗМУ.

(1795).

„Дайте внѣ шара земного мнѣ только лишь точку опоры",
Мудрый сказалъ Архимедъ, „я его сдвину съ пути".
Сдѣлайте такъ, чтобъ на мигъ я могъ быть внѣ себя совершенно—
И въ вашу вѣру тотчасъ я соглашусь перейти.

Ѳ. Миллеръ.

ВЕЧЕРЪ.

(1795).

Богъ лучезарный, спустись! —жаждутъ долины
Вновьосвѣжитьсяросой;людитомятся;
Медлятъ усталые кони—
Спустись въ золотой колесницѣ!

Кто,посмотри,тамъманитъизъсвѣтлаго моря
Милой улыбкой тебя! узнало ли сердце?
Кони помчались быстрѣе:
Манитъ Ѳетида тебя.

Быстро въ объятія къ ней, возжи покинувъ,
Спрянулъ возничій; Эротъ держитъ за узды:
Будто вкопаны кони
Пьютъ прохладную влагу.

Ночь по своду небесъ, прохладою вѣя,
Легкой стопою идетъ съ подругой любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Фебъ влюбленный почилъ.

А. Фетъ.

МЕТАФИЗИКЪ.

(1795).

Какъ низко міръ весь подо мной!
Едва людей внизу я различаю;
Посредствомъ высшаго искусства возлетаю
Я прямо къ тверди голубой!"
Такъ съ кровли башни недокрытой
Кричалъ великій малый человѣкъ,
Гансъ-кровельщикъ.
А ты, Гансъ-метафизикусъ, мыслитель знаменитый,
Великій малый человѣкъ,
Скажи намъ: башня та, откуда ты взираешь,
На чемъ и изъ чего? Какъ полагаешь,
Какъ влѣзъ ты на нее? Затѣмъ ли тутъ она,
Что свысока на міръ смотрѣть тебѣ нужна?

Ѳ. Миллеръ.

КОЛУМБЪ.

(1795).

Далѣе, смѣлый пловецъ! Пускай невѣжды смѣются;
Пусть, утомившися, руль выпуститъ кормчій изъ рукъ—
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Ясно видится онъ мысли твоей вдалекѣ!
Вѣруй вожатаю-разуму! бодро плыви океаномъ!
Если земли тамъ и нѣтъ—выйдетъ она изъ пучинъ.
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній:
Что обѣщаетъ намъ онъ—вѣрно исполнитъ она!

М. Михайловъ.

ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ.

(1795).

енщинѣ—слава. Межъ будничной прозы
Вьетъ и вплетаетъ небесныя розы
Въ терніи жизни вседневной она.
Ею любовная сѣть сплетена;
Свѣтлаго чувства огонь затаенный
Граціи нѣжной покровомъ прикрытъ—
Въ кроткой груди неизмѣнно горитъ,
Бережно женской рукой сохраненный.

Истины отвергнувъ власть,
Сила грубая мужчины
Устремляется въ пучины,
Гдѣ царитъ мятежно страсть.
Сердцемъ вѣкъ неутоленнымъ,
Обольщаемъ суетой,
Онъ въ погонѣ за мечтой
Рвется къ звѣздамъ отдаленнымъ.

Съ силой чарующей женщины взглядъ
Вновь бѣглеца призываетъ назадъ
Въ міръ настоящаго. Скромно стыдливой
Въ домѣ родномъ расцвѣтала она,
Вѣчнымъ завѣтамъ природы правдивой—
Матери общей, оставшись вѣрна.

Духъ мужчины—разрушенье
Дышитъ силой роковой;
Въ необузданномъ стремленьѣ
Онъ проносится грозой.
Разрушаетъ онъ сурово
Совершенный имъ же трудъ,
Вѣчно гидрой стоголовой
Въ немъ желанія растутъ.

Жены, довольствуясь славой спокойной,
Счастья цвѣтокъ охраняютъ достойно;
Въ самой неволѣ свободнѣй ихъ умъ,
Въ области чувства познанія—шире,
Чѣмъ у живущихъ въ таинственномъ мірѣ
Чистой науки и творческихъ думъ.

Холодна душа мужская,
И съ суровой прямотой
Онъ не вѣдаетъ, лаская,
Глубины любви святой.
Онъ не знаетъ душъ обмѣна,
Сладкихъ слезъ не знаетъ онъ,
Битвой жизни неизмѣнно
Духъ суровый закаленъ.

Женскія души отзывчиво юны,
Словно отъ вѣтра Эоловы струны,
Дивно трепещутъ. Вздымается грудь
Нѣжнымъ участьемъ при видѣ страданья,
Кроткія очи слезой состраданья—
Райской росою готовы блеснуть.

Право сильнаго—властитель
Тамъ, гдѣ мечъ пути отверзъ:
Скиѳъ надъ персомъ побѣдитель
И томится въ рабствѣ персъ.
Страсти бѣшеною бурей
Разыгрались,—и царитъ
Всюду голосъ адскихъ фурій
Вмѣсто голоса харитъ.

Но женщина—властью своей неизмѣнной—
Мольбою и лаской—царица вселенной.
Смягчая раздоръ, зажигающій кровь,
Она примиряетъ враждебныя силы;
Поклявшимся въ вѣчной враждѣ до могилы—
Она возвѣщаетъ святую любовь.

О. Чюмина.

ПРОЩАНІЕ ПѢВЦА.

(1795).

Умолкла муза, легкое смущенье
На дѣвственномъ лицѣ ея горитъ,
Она пришла, чтобъ знать твое сужденье,
Но приговоръ ее не устрашитъ.
Ей дорого и важно одобренье
Того, чье сердце правдою горитъ,
Кто все прекрасное душой воспринимаетъ,
—Одинъ лишь тотъ ее достойно увѣнчаетъ.

Не будутъ длиться эти пѣснопѣнья,
Лишь только въ сердце радость низведутъ,
Слетятъ къ нему, какъ свѣтлыя видѣнья
И высшія въ немъ чувства создадутъ.
Не нужно имъ потомства одобренья,
На мигъ они родятся и умрутъ,
Лишь краткой радости мгновенныя созданья
Они умчатся прочь, какъ звуки ликованья.

Пришла весна, на нивахъ обновленныхъ
Трепещетъ жизнь и рвется на просторъ,
Струится паръ отъ всходовъ пробужденныхъ,
А въ небесахъ поетъ веселый хоръ.
И старъ и малъ изъ улицъ запыленныхъ
Спѣшатъ въ лѣса, чтобъ нѣжить слухъ и взоръ,
Но вотъ весна прошла, ужъ сѣмена роняютъ
Поблекшіе цвѣты—и вновьнерасцвѣтаютъ.

Allegro.

ИДЕАЛЫ И ЖИЗНЬ.

(1795).

Вѣчно ясно, въ счастьи безконечномъ
И въ спокойствіи безпечномъ
На Олимпѣ жизнь боговъ течетъ.
На землѣ проходятъ поколѣнья;
Но безъ увяданья и безъ тлѣнья
Юность вѣчныхъ розами цвѣтетъ.
Людямъ здѣсь иль чувствъ ихъ услажденье,
Иль покой души въ удѣлъ даны;
Оба же они въ соединеньѣ
Уранидамъ лишь обречены.

Если хочешь быть богамъ подобнымъ,
Во владѣньяхъ смерти быть свободнымъ—
Не срывай плодовъ ея земныхъ:
Пусть они лишь тѣшатъ вкусъ и зрѣнье!
Знай, что скоро, скоро пресыщенье
Замѣняетъ наслажденья мигъ.
Вѣрь, преградою для Прозерпины
Былъ не Стиксъ! Нѣтъ, въ Орковомъ саду
Сорвала она лишь плодъ единый—
И навѣкъ осталася въ аду.

Тѣло лишь та сила подчиняетъ,
Что судьбою темной управляетъ;
Но—свободный отъ вліянья лѣтъ—
Божество среди боговъ блаженныхъ,
Духъ витаетъ въ сферахъ просвѣтленныхъ
И ему нигдѣ преграды нѣтъ.
Если хочешь равнымъ быть съ богами,
Отрекись отъ всѣхъ земныхъ суетъ—
Узкихъ, душныхъ—и взлети мечтами
Въ лучезарный идеала свѣтъ.

Жизнію земной не омраченный,
Лучезарный, вѣчно-совершенный,
Человѣчества прообразъ здѣсь;
Какъ умершихъ призраки толпою
Передъ Стиксомъ полные покоя
Молча бродятъ; такъ среди небесъ
Онъ витаетъ, полный обаянья,
Въ первобытномъ блескѣ красоты,
И хоть въ мірѣ лишь борьба, страданье
Власть побѣды здѣсь увидишь ты.

Не затѣмъ, чтобъ оживить вашъ бѣдный
И усталый духъ—вѣнецъ побѣдный
Лучезарно здѣсь для васъ блеститъ.
О, хотя бъ вы не желали сами,
Жизнь впередъ васъ унесетъ волнами
И въ безумной пляскѣ закружитъ.
Но когда, борьбою утомленный,
Станетъ падать духъ усталый твой,—
Къ цѣли новой, къ цѣли вожделѣнной
Вознесенъ ты будешь красотой.

Если-жъ вамъ придется за владѣнье
Выдержать упорное боренье,
Къ счастью или къ славѣ на пути—
О, тогда пусть сила съ силой бьется,
Пусть громъ битвы бурно раздается.
Чтобъ на этомъ поприщѣ итти
Безопасно, чтобъ достичь награды,
Надлежитъ отважнымъ только быть;
Побѣдитъ лишь сильный, а пощады
Могутъ только слабые просить.

Но, пробравшись будто сквозь тѣснины,
Снова тихо посреди равнины
Заструится жизненный потокъ,
Въ красотѣ роскошной и тѣнистой,
И въ струѣ прозрачной и сребристой
Отразитъ и западъ, и востокъ.
Подчинясь взаимному влеченью,
Чувства слиться всѣ тогда спѣшатъ;
Смолкнутъ всѣ враждебныя стремленья,
И исчезнетъ ненависти ядъ.

И когда, почуя вдохновенье
Творчества, искать соединенья
Станетъ геній веществомъ—
Пусть тогда онъ рвеніемъ пылаетъ!
Пусть себѣ идея подчиняетъ
Вещество! Лишь тѣмъ, кто предъ трудомъ
Не отступитъ, силъ не пожалѣетъ,
Правда ликъ рѣшится свой открыть;
Лишь рѣзецъ способенъ и умѣетъ
Твердый мраморъ оживить.

Но едва проникнитесь мышленьемъ
Красоты, то съ восхищеньемъ
Вы увидите, какъ вдругъ назадъ
Вещества вся тяжесть отступаетъ,
И не плодъ труда ужъ созерцаетъ,
А идею красоты нашъ взглядъ.
Кончена борьба, прочь всѣ сомнѣнья,
И гордясь побѣдою своей,
Мы охотно предаемъ забвенью
Ограниченность людей.

О, когда соблазномъ мы томимы,
И законъ неумолимый
Васъ страшитъ и пасть иной готовъ,
Пусть тогда бъ вамъ истина предстала,
И предъ блескомъ чуднымъ идеала
Отлетитъ вліяніе грѣховъ.
Къ этой цѣли дивной и высокой
Смертному дорога не дана:
Нѣтъ моста надъ пропастью глубокой,
Не достанетъ якорь дна.

Но, покинувъ бренности предѣлы,
Вознеситесь мыслью смѣло,
И исчезнетъ то, что васъ страшитъ,
И не будетъ бездны подъ ногами.
Къ божеству взлетите лишь мечтами,—
Къ вамъ оно само когда слетитъ.
Да, въ комъ рабства духъ преобладаетъ,
Тѣмъ законъ тяжеле всѣхъ оковъ;
Съ твердостію мужа исчезаетъ
И величіе боговъ.

О, когда томитесь вы скорбями,
Съ той же силой, какъ змѣями
Сдавленный, страдалъ Лаокоонъ,
Шлите къ небу скорбныя стенанья,
Возставайте горько на страданье,
Пусть сердца вашъ раздираетъ стонъ;
Пусть природы грубыя влеченья
Выступятъ наружу, пусть умретъ
Въ васъ въ тотъ мигъ безсмертное стремленье,
Холодъ душу обойметъ.

Но въ жилищахъ свѣтлыхъ, вождѣленныхъ,
Гдѣ мы видимъ формъ нетлѣнныхъ
Совершенство, тамъ печали нѣтъ:
Тамъ навѣкъ простимся мы съ скорбями,
Позабудемъ горе со слезами,
Загорится въ насъ духовный свѣтъ.
И, какъ ярко радуга сіяетъ
Рядомъ съ тучей черной, грозовой:
Такъ тамъ послѣ скорби наступаетъ
Миръ душевный и покой.

У царя земного въ подчиненьи
Геркулесъ томился и въ сраженьи
Проводилъ онъ вѣчномъ жизнь свою;
То со львомъ, то съ гидрою сражался
И живой еще не побоялся
Броситься въ Харонову ладью.
Всѣмъ трудамъ и всѣмъ земнымъ мученьямъ
Былъ богами подвергаемъ онъ;
Но сносилъ покорно и съ терпѣньемъ
Все, на что былъ осужденъ.

Но насталъ послѣдній часъ—и смѣло
Мощный духъ покинулъ тѣло
И понесся въ высь къ богамъ святымъ,
Восхищаясь самъ своимъ пареньемъ—
И, подобно легкимъ сновидѣньямъ,
Все земное сгинуло предъ нимъ.
И, напѣвамъ горнихъ лиръ внимая,
Олимпійцамъ полубогъ предсталъ—
И богиня юности благая
Подала ему бокалъ.

Ѳ. Миллеръ.

ГЕНІЙ.

(1795).

Вѣрю ли я, говоришь ты, чему мудрецы меня учатъ,
Что почитателей ихъ сонмъ вслѣдъ за ними твердитъ,
Что лишь наука къ благому покою привесть меня можетъ
И на системѣ ея зиждется счастіе все?
Долженъ ли не довѣрять я влеченью тому, что природа
Напечатлѣла сама въ сердцѣ моемъ, какъ законъ,
Ждать, пока мнѣ его школа клеймомъ освятитъ своимъ вѣчнымъ,
И необузданный мой формулѣ духъ подчинитъ?
Ты мнѣ повѣдай, вѣдь ты нисходилъ въ глубины преисподней
И изъ могилы нѣмой къ намъ возвратился живой?
Всѣ ужъ извѣстны тебѣ эти темныя тайны могилы:
Будетъ ли радость живымъ тамъ, въ этомъ царствѣ тѣней?
Долженъ ли я идти темной тропой? Сознаюся, мнѣ страшно:
Но я пройду этотъ путь, если онъ къ правдѣ ведетъ".
—Слышалъ ты, другъ, было время златое; много поэты
Повѣствовали о немъ въ сагахъ наивныхъ своихъ;
Время, когда еще святость у насъ на землѣ пребывала,
Въ дѣвственно-чистыхъ сердцахъ чувство хранилось еще;
И тотъ же самый законъ, что на небѣ планетами движетъ
И оживляетъ въ яйцѣ скрытый зародышъ его,
Тихій законъ непреложности, ровный, всегда постоянный,
Онъ и въ сердцахъ у людей кроткія волны вздымалъ.
Время, когда еще, будто часовъ неизмѣнная стрѣлка,
Умъ только въ правдѣ одной намъ указанье давалъ.
О, когда не было ни посвященныхъ, ни темныхъ профановъ:
Чѣмъ наслаждался живой, то онъ въ гробахъ не искалъ.
Вѣчныя правила каждому были доступны и ясны,
Но для всѣхъ былъ равно ключъ ихъ рожденья закрытъ.
Ахъ, миновало счастливое время, и произволомъ
Дерзко нарушенъ теперь сладкій природы покой,
И оскверненное чувство гласомъ боговъ ужъ не стало,
Смолкнулъ оракулъ въ сердцахъ, святость утратившихъ всю,
Только глубоко внутри себя духъ его изрѣдка слышитъ,
Чувства священныя тамъ тайное слово хранитъ,
И чистый сердцемъ при немъ добиться истины можетъ,
И что утрачено имъ—мудрецъ ему возвратитъ.

Если, счастливецъ, тебя не покинулъ твой геній-хранитель,
И гласъ инстинкта въ тебѣ не замолкалъ никогда,
Если твой взоръ цѣломудренный чистою правдой сіяетъ
И ясно голосъ ея слышишь въ своей ты груди;
Если въ тебѣ еще миръ и сомнѣній не знаешь ты бурныхъ
И ты увѣренъ, что ввѣкъ ихъ не узнаешь совсѣмъ;
Если не нуженъ судья для спора чувствъ разногласныхъ,
Сердце твое никогда разумъ тебѣ не затмитъ —
О, тогда совершай путь жизни въ невинности дѣтской!
Знанья наука не дастъ; нѣтъ, пусть она отъ тебя
Учится; строгій законъ, подчиняющій волю строптивыхъ,
Не для тебя: что тебѣ нравится, то и законъ.—
И перейдетъ твое слово святое по всѣмъ поколѣньямъ:
То, что святою рукой создано, что языкомъ
Сказано будетъ святымъ, то всесильно владѣетъ умами.
Ты не увидишь одинъ Бога, который въ тебѣ;
Ты не сознаешь ту власть, что тебѣ всѣ умы подчиняетъ;
Скромно и тихо пройдешь свой завоеванный міръ.

Ѳ. Миллеръ.

ЭГОИСТУ-ФИЛОСОФУ.

(1795).

Видѣлъ ли ты, какъ младенецъ, еще нечувствительный къ ласкамъ
Матери нѣжной своей, дремлетъ въ объятьяхъ ея—
Дремлетъ, пока наконецъ онъ, разбуженный голосомъ страсти,
Бодро воспрянетъ отъ сна юношей, полнымъ огня?
Видѣлъ ли мать ты, когда она, нѣжно заботясь о сынѣ,
Ночи проводитъ безъ сна, сонъ охраняя его?
Собственной жизнью питаетъ она молодое растенье,
Видитъ отраду себѣ только въ заботахъ о немъ.
Ты ль порицаешь природу, которая то принимаетъ,
Какъ младенецъ, дары, то раздаетъ ихъ, какъ мать?
Ты ль исключаешь, надменный, себя изъ прелестнаго круга
Дружбы взаимной, святой, лучшаго дара земли?
Бѣдный! ты хочешь стоять одинокимъ, одинъ самъ-собою,
Тамъ, гдѣ вѣчное даже обмѣномъ взаимнымъ лишь сильно.

Ѳ. Миллеръ.

ПОКРЫТЫЙ ИСТУКАНЪ ВЪ САИСѢ.

(1795).

Жрецами Саиса, въ Египтѣ, взятъ въ ученье
Былъ пылкій юноша, алкавшій просвѣщенья.
Могучей мыслію онъ быстро обнялъ кругъ
Хранимыхъ мудростью таинственныхъ наукъ;
Но смѣлый духъ его рвался къ познаньямъ новымъ.
Наставникъ-жрецъ вотще старался кроткимъ словомъ
Въ душѣ ученика смирять мятежный пылъ.
„Скажи мнѣ, *что* мое, пришелецъ говорилъ:
Когда не *все* мое? Гдѣ знанью грань положимъ?
Иль самой истиной, какъ наслажденьемъ, можемъ
Лишь въ разныхъ степеняхъ и порознь обладать?
Ее ль, единую, дробить и раздѣлять?
Одинъ лишь звукъ убавь въ гармоніи чудесной,
Одинъ лишь цвѣтъ возьми изъ радуги небесной:
Что значитъ звукъ одинъ, и что единый цвѣтъ?
Но нѣтъ гармоніи—и радуги ужъ нѣтъ!“

Однажды, говоря о таинствахъ вселенной,
Наставникъ съ юношей къ ротондѣ отдаленной
Пришли, гдѣ полотномъ закрытый истуканъ
До свода высился, какъ грозный великанъ.
Дивяся юноша подходитъ къ изваянью.
—„Чей образъ кроется подъ этой плотной тканью?“
Спросилъ онъ.—„Истины подъ ней таится ликъ!“
Отвѣтилъ спутникъ.—„Какъ!“ воскликнулъ ученикъ:
„Лишь истины ищу; по ней одной тоскую—
А отъ меня ее сокрыли вы, святую!“

—„То воля божества!“ промолвилъ жрецъ въ отвѣтъ:
„Завѣсы не коснись—таковъ его завѣтъ—
Пока съ себя само ея не совлеку я!
Кто жъ, сокровенное преступно испытуя,
Подниметъ мой покровъ, тому присуждено...“
„Что?“ — „*Истину узрѣть*“. — „Значенье словъ темно;
Въ нихъ смыслъ таинственный. Запретнаго покрова
Не поднималъ ты?“ —„Нѣтъ! и искушенья злого
Не вѣдалъ умъ“. — „Дивлюсь! О, если бъ, точно, я
Былъ имъ лишь отдѣленъ отъ цѣли бытія —
Отъ истины!“ — „Мой сынъ!“ прервалъ его сурово
Наставникъ: „преступить божественное слово
Не трудно. Долго ли завѣсу приподнять?
Но каково душѣ себя преступной знать?“
Изъ храма юноша, печальный и угрюмой,
Пришелъ домой. Душа одной тревожной думой
Была полна—и сонъ отъ глазъ его бѣжалъ
Въ жару метался онъ на ложѣ и стоналъ.

Ужъ было за полночь, какъ шаткими стопами
Пошелъ ко храму онъ. Цѣпляяся руками
За камни, на окно вскарабкался, съ окна
Спустился въ темный храмъ, и вотъ—предъ нимъ она,
Ротонда дивная, гдѣ цѣль его исканья.
Повсюду мертвое, могильное молчанье;
Порой лишь смутный гулъ изъ склеповъ отвѣчалъ
На робкіе шаги. Повсюду мракъ лежалъ,
И только блѣдное, сребристое мерцанье
Лила изъ купола луна на изваянье,
Въ покровъ одѣтое... И, словно богъ живой,
Казалось, истуканъ качаетъ головой;
Казалось, движутся края одежды бѣлой.
И къ богу юноша приблизилъ шагъ несмѣлой
И косная рука ужъ поднята была;
Но кровь пылала въ немъ и капалъ потъ съ чела
И вспять его влекла незримая десница.

„Безумецъ, что творишь? куда твой духъ стремится?
Тебѣ ли, бренному, безсмертное пытать?“
Взывалъ гласъ совѣсти: „Ты хочешь приподнять
Завѣсу, а забылъ завѣщанное слово:
До срока не коснись запретнаго покрова!“
—„Но для чего-жъ завѣтъ божественный гласитъ:
Кто приподниметъ ткань, тотъ истину узритъ?
О, что бы ни было, я вскрою покрывало!
Увижу!“ вскрикнулъ онъ. „Увижу!“ прокричало
И эхо громкое изъ сумрачныхъ угловъ.
И дерзкою рукой онъ приподнялъ покровъ.
Что жъ увидалъ онъ тамъ? У ногъ Изиды въ храмѣ,
Поутру недвижимъ онъ поднятъ былъ жрецами.
И что онъ увидалъ? и что постигнулъ онъ?
Вопросы слышались ему со всѣхъ сторонъ.
Угрюмый юноша на нихъ отвѣта не далъ...
Но въ жизни счастья онъ и радости не вѣдалъ:
Въ могилу раннюю тоска его свела,
И къ людямъ рѣчь его прощальная была:
„Кто къ истинѣ идетъ стезею преступленья,
Тому и въ истинѣ не вѣдать наслажденья!“

М. Михайловъ.

НѢМЕЦКАЯ ВѢРНОСТЬ.

(1795).

Призванъ былъ къ трону Германіи Людвигъ Баварскій и юный
Фридрихъ Габсбургскій: война споръ ихъ должна порѣшить,
Хитростью воинской скоро врагамъ заманить удалося
Юнаго Фридриха въ плѣнъ: пылкость его увлекла.
Онъ выкупаетъ себя лишь обѣтомъ—свои притязанья
Прежнія бросить и мечъ противъ друзей обнажить.
Но, что въ плѣну обѣщалъ онъ, свободный не въ силахъ исполнить—
И добровольно опять въ плѣнъ онъ отдался врагамъ.
Тронутый Людвигъ его обнимаетъ. Отнынѣ друзьями
Оба изъ чаши одной пьютъ они вмѣстѣ вино,
Оба, обнявшись, на общей постели они засыпаютъ.
Но межъ народовъ вражда все не затихла еще—
И съ ополченьями Фридриха Людвигъ отправился биться;
Стражемъ Баваріи—врагъ, Фридрихъ, остался межъ-тѣмъ.
„Это дѣйствительно правда: такъ мнѣ объ этомъ писали!“
Папа воскликнулъ, когда вѣсть онъ о томъ услыхалъ.

Ѳ. Миллеръ.

АНТИЧНОЕ—СѢВЕРНОМУ СТРАННИКУ.

(1795).

ного ты рѣкъ перешелъ и морей переплылъ отдаленныхъ;
Ты чрезъ альпійскіе льды смѣло свой путь проложилъ,
Чтобъ на меня посмотрѣть и моей красотѣ подивиться,
Той, о которой гремитъ славой всемірной молва;
Вотъ—ты стоишь предо мною и можешь коснуться святыни:
Ближе ли ты мнѣ теперь? ближе ли сталъ я тебѣ?

Ѳ. Миллеръ.

ИЛІАДА.

(1795).

вите Гомеровъ вѣнокъ и считайте отцовъ совершенной,
Вѣчной поэмы его! Матерь одна у нея:
Ясно и стройно на ней родныя черты отразились—
Вѣчной природы черты въ ихъ неизмѣнной красѣ.

М. Михайловъ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

(1795).

мерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ?
Въ цѣломъ живи: ты умрешь, цѣлое жъ все будетъ жить.

Ѳ. Миллеръ.

ПРОГУЛКА.

(1795).

Здравствуй, гора моя, съ блещущей, алой своею вершиной!
Здравствуй, о солнце, по ней теплый разлившее свѣтъ!
Здравствуй, веселое поле, ты, шелестящая липа,
Неумолкающій хоръ въ зелени гибкихъ вѣтвей!
Здравствуй и ты, синева, захватившая въ мирный свой куполъ
Темную сторону горъ, округъ зеленѣющій лѣсъ
И меня, который, бѣжавъ изъ комнаты душной
И отъ пошлыхъ рѣчей, ищетъ спасенья въ тебѣ...
Свѣжій твой воздухъ меня проникаетъ цѣлебной струею,
И мой жаждущій взоръ крѣпнетъ отъ сильныхъ лучей.
На цвѣтущемъ лугу играютъ, переливаясь,
Краски, но пестротой не оскорбляется вкусъ.
Лугъ разстилаетъ свободно свой пышный коверъ предо мною,
Въ зелени яркой по немъ змѣйкой тропинка бѣжитъ;
Неусыпная пчелка жужжитъ за работой; качаясь
На дятлинѣ, повисъ слабымъ крыломъ мотылекъ.
Стрѣлы солнца пронзаютъ меня, не шелохнется вѣтеръ,
Только жавронка дробь въ воздухѣ ясномъ кружитъ.
Вотъ зашумѣло въ ближайшемъ кустѣ, нагнулись верхушки
Ольхъ, и подъ вѣтромъ волной вкругъ заходила трава.
Ароматная ночь объемлетъ меня, и въ прохладу
Подъ роскошный навѣсъ темные буки зовутъ.

Въ тайнѣ лѣса ландшафтъ на минуту изъ глазъ исчезаетъ,
А тропинка меня выше и выше ведетъ;
Лишь украдкою сквозь густыя листвы кружева
Пробивается свѣтъ и глядитъ синева...
Но внезапно распался покровъ, и прогалина лѣса
Возвращаетъ глазамъ ослѣпительный блескъ.
Безконечная даль открывается взору, и въ дымкѣ
Испареній горой замыкается міръ.

Глубоко, у подошвы горы, повисшей вершиной,
Катитъ зеленый ручей зыбкое зеркало водъ.
Безпредѣленъ вокругъ меня воздухъ: взглянешь на небо—
Помутится въ глазахъ, взглянешь на бездну—дрогнешь.
Но межъ вѣчной высотой и пропастью вѣчной
Путникъ спокойно идетъ безопасной стезей.

Улыбаясь, бѣгутъ ко мнѣ берега, и долина
Въ пышномъ убранствѣ своемъ славитъ живительный трудъ.
Видишь тѣ полосы? Это межи земли селянина:
Что за дивный коверъ посланъ Церерой на нихъ!
Дружелюбный законъ, начертанный людямъ въ то время,
Какъ на крыльяхъ любовь мѣдный покинула вѣкъ.

Но въ размѣренномъ полѣ, какъ прежде, змѣится дорожка,
То скрывается въ лѣсъ, то, мелькая, бѣжитъ
Въ гору извилистый путь, связуя разъединенныхъ.
Внизъ по гладкой рѣкѣ тихо спустились плоты,
Колокольчики стадъ раздаются на тысячу тоновъ,
И пастушій напѣвъ будитъ эхо вдали.

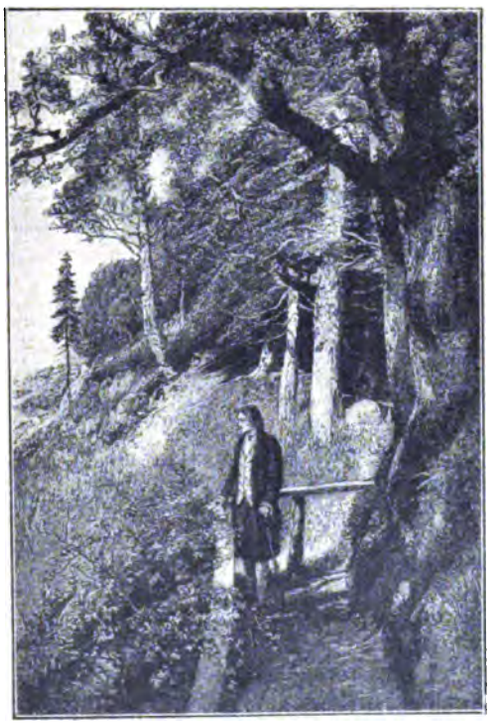
Села вѣнчаютъ потокъ, то прячутся въ темный кустарникъ,
То съ откоса горы прямо надъ бездной глядятъ.
Здѣсь человѣкъ еще неразлучный сосѣдъ своей нивы:
Сельскую кровлю его окружаютъ поля;
Цѣпкой лозой виноградъ бѣжитъ по низкимъ окошкамъ,
И древесная вѣтвь бѣдный шатеръ обняла.

Сельскій, счастливый народъ! Безъ лишнихъ заботъ и стремленій,
Весело съ нивой своей дѣлишь ты скромный удѣлъ;
Всѣ желанья твои ограничены мирною жатвой,
И, какъ твой диевной трудъ, льется ровная жизнь.
Кто же вдругъ отъ глазъ моихъ отнимаетъ прелестный
Видъ? Невѣдомый духъ вѣетъ средь чуждыхъ полей.

Все, что прежде мѣшалось любя—распалось на классы.
Тополей гордыхъ ряды въ пышномъ порядкѣ идутъ.
Всюду правильность, всюду выборъ, всюду различье:
Это служителей рядъ, далѣе—самъ властелинъ.
Издалека вѣщаютъ о немъ купола золотые,
Изъ зародка-скалы башнями городъ растетъ.

Въ глушь пустыни изгнаны изъ лѣсу бѣдные фавны;
Но рѣзецъ даровалъ камню лучшую жизнь.
Ближе сходится здѣсь человѣкъ съ человѣкомъ, тѣснѣе
Окружающій міръ, полнѣе міръ внутренній въ немъ.
Видишь, какъ въ огненной битвѣ калятся желѣзныя силы,
Но чѣмъ больше ихъ споръ, тѣмъ крѣпче ихъ будетъ союзъ.
Тысячу рукъ оживляетъ единый духъ, и высоко
Въ тысячѣ грудей кипитъ, бьется сердце одно—
Бьется оно за отчизну, за обычаи предковъ,
Кости коихъ лежатъ въ этой безцѣнной землѣ.
Вотъ и боги сходятъ съ небесъ,—водвориться въ жилищахъ,
Приготовленныхъ имъ за священной чертой.

И съ какими дарами являются боги! Церера
Первая смертнымъ даритъ обвитый колосьями плугъ,
Бахусъ—кисть винограда, Минерва—отростокъ оливы,
Гермесъ якорь несетъ, Посейдонъ коня осѣдлалъ,
И въ колесницѣ на львахъ, гражданкой въѣзжаетъ Цибелла,
Мать безсмертныхъ, въ черту гостепріимныхъ воротъ.
О, благодатные камни, разсадникъ познаній! Отсюда
Послано сѣмя искусствъ дальнимъ морскимъ островамъ;
Здѣсь, у этихъ воротъ, мудрецы возвѣщали законы,
Храбрые въ битву рвались за пенатовъ своихъ,
А толпы матерей, на персяхъ лелѣя младенцевъ,
Взоромъ слѣдили со стѣнъ за уходившимъ отрядомъ,
И съ молитвой потомъ повергалися предъ алтарями:
Славы просили онѣ, побѣды, возврата мужьямъ...
Да! они побѣдили, но воротилась лишь слава!
Вѣщій камень хранитъ память о славныхъ дѣлахъ:



„Путникъ, если будешь ты въ Спартѣ, скажи, что насъ видѣлъ:
Всѣ мы костями легли, какъ повелѣлъ намъ законъ".
Почивайте, друзья! Напоенная вашею кровью,
Въ листьяхъ олива стоитъ, корни пускаетъ посѣвъ.
Радуясь благамъ своимъ, цвѣтетъ ремесло на просторѣ,
Изъ ручья въ камышѣ синій киваетъ мнѣ богъ.
Свищетъ сѣкира, впиваясь въ дерево, стонетъ Дріада,
И лѣсной великанъ громомъ валится съ горы.
Рычагомъ окрыленный, камень стремится съ утеса;
Въ темныя щели земли смѣлый нырнулъ рудокопъ;
Въ мѣрномъ паденьи стучитъ въ наковальню молотъ циклоповъ,
И подъ сильной рукой сыплетъ искрами сталь.

Пляшетъ веретено, тучнѣя льномъ золотистымъ,
Между нитей шумитъ быстрый челнокъ у ткача;
Лоцмана крикъ раздается на рейдѣ; суда то отходятъ
Къ чуждымъ предѣламъ, неся бремя туземныхъ трудовъ,
То веселыя въ гавань стремятся съ дарами чужбины—
И нарядный вѣнокъ вѣетъ на мачтѣ у нихъ.
Что за вольная жизнь кипитъ на ликующихъ рынкахъ!
Что за смѣсь языковъ, изумляющихъ слухъ!
На подмостки купецъ высыпаетъ земныя богатства:
Все, что почва родитъ подъ африканскимъ лучемъ.
Что вскипаетъ въ Аравіи, что Ѳуле производитъ—
Сыплетъ все черезъ край Амальѳея въ свой рогъ.
Здѣсь счастье небесныхъ дѣтей таланту рождаетъ,
И—любимцы боговъ—скоро искусства растутъ.
Подражательной жизнью радуетъ взоры художникъ:
Оживленный рѣзцомъ, камень сталъ говорить!
Рукотворное небо легло на стройныхъ колоннахъ,
Пантеонъ заключилъ въ стѣны свои весь Олимпъ.
Легка, какъ Ирисы полетъ въ воздушномъ пространствѣ,
Какъ изъ лука стрѣла, арка летитъ надъ рѣкой.
И въ безмолвномъ пріютѣ, погрузясь въ размышленье,
Чертитъ фигуры мудрецъ: онъ изслѣдуетъ духъ,
Силу матеріи, ненависть и любовь магнита,
Ловитъ въ воздухѣ звукъ, разлагаетъ лучи,
Въ ужасающемъ чудѣ случаевъ ищетъ закона
И явленій хаосъ къ единству хочетъ привесть.

Тѣломъ и словомъ письмо облекаетъ безгласныя мысли,
Говорящій листокъ ихъ относитъ вѣкамъ,
Изумленному взору срываетъ туманы съ неправды
И картины ночей вызываетъ на свѣтъ.
Рветъ оковы свои человѣкъ, счастливецъ! Но только
Съ узами страха, чтобъ онъ поводъ стыда не порвалъ.
Воли, простора жаждетъ разсудокъ. Желанія дико,
Буйно рвутся, бѣгутъ отъ природы святой.

Ахъ! и въ бурѣ погибъ хранительный якорь, державшій
У прибрежья; пловца бѣшено волны несутъ
Въ безконечную даль, исчезнулъ изъ виду берегъ—
И безъ мачтъ на горахъ влаги качается челнъ.
За покровами тучъ погасли Медвѣдицы звѣзды,
Ничего не осталось, всюду какой-то хаосъ...
Правда ушла изъ бесѣды, вѣра и вѣрность
Скрылись изъ жизни, и ложь клятвой въ устахъ говоритъ.
Въ тѣсныя связи сердецъ, въ любовныя тайны впускаетъ
Жало свое Сикофантъ, разлучаетъ друзей.
Пожирающій взглядъ измѣна вперила въ невинность
И преступника зубъ укушеньемъ мертвитъ.
Въ груди растлѣнной продажныя мысли, и благородство
Чувства свободнаго бросила наша любовь.
Хитрый обманъ усвоилъ себѣ черты твои, правда!
У природы схватилъ лучшіе всѣ голоса.
На трибунѣ славится право, въ хатѣ согласье,
Возлѣ трона стоитъ привидѣнье-законъ.
Много лѣтъ и много столѣтій мумія длилась,
Ложнымъ ликомъ своимъ замѣнявшая жизнь.
Но проснулась природа, тяжкой, мѣдяной рукою
Двинула въ остовъ пустой нужду и время. Тогда,
Дикой тигрицѣ подобно, которая, клѣтку разрушивъ,
Вспоминаетъ просторъ нумидійскихъ лѣсовъ,
Въ гнѣвѣ на скопище золъ встаетъ человѣкъ, и подъ пепломъ
Города ищетъ опять онъ природы своей.
О, разомкнитесь же, стѣны, дайте плѣннику выходъ!
Онъ спасенъ и бѣжитъ въ лоно покинутыхъ нивъ.
Но гдѣ же я?... Не видно тропинки; ущелья, сдвигаясь
Предо мной и за мной, заслоняютъ мнѣ путь.
Сзади меня остались сады, кустовъ вереницы.
Скрылися всѣ слѣды человѣческихъ рукъ.
Лишь громады базальта, въ которыхъ почіетъ зародышъ
Жизни, дикія ждутъ животворной руки.
Шумно стремится потокъ по ребрамъ утесовъ, и послѣ
Подъ корнями деревъ пробиваетъ свой путь.
Страшно, дико въ этой пустынѣ! Лишь одинокій,
Крылья раскинувъ, орелъ подъ облаками повисъ.
Ни одинъ вѣтерокъ не доноситъ ко мнѣ отголоска
Радостей или скорбей, наполняющихъ жизнь...
Но неужели одинъ я? Нѣтъ, я съ тобою, природа,
Я на сердцѣ твоемъ: это былъ одинъ сонъ,
Страхомъ объявшій меня. Съ мрачною жизни картиной,
Гдѣ въ долинѣ обрывъ, рухнула греза моя.
На престолѣ твоемъ очищаются всѣ мои чувства,
И молодѣетъ мой духъ, полный веселыхъ надеждъ.
Воля вѣчно мѣняетъ проэкты и цѣли, дѣла же—
Повторенье одно: ходятъ вкругъ оси своей.
Но всегда молода, во всѣхъ красоты измѣненьяхъ,
Цѣломудренно ты чтишь свой древній законъ.
Что довѣряетъ тебѣ младенецъ и отрокъ, всецѣло
Въ чистыхъ и вѣрныхъ рукахъ ты для мужа хранишь,
Разные возрасты жизни кормишь ты грудью одною...
Подъ одной синевой, все по той же травѣ
Бродятъ вмѣстѣ и близкіе намъ и дальніе роды:
Видишь, свѣтитъ и намъ солнце гомеровыхъ дней.

И. Крешевъ.

ТЕОФАНІЯ.

(1795).

Видя счастливца, боговъ — небожителей я забываю,
Но предо мною они, когда я увижу страдальца.

Л. Мей.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

(1795).

Возьмите міръ! — сказалъ съ высотъ далекихъ
Людямъ Зевесъ:—онъ долженъ вашимъ быть.
Владѣйте имъ во всѣхъ странахъ широкихъ,
Но только все по-братски раздѣлить.

И вотъ спѣшатъ всѣ, кто имѣетъ руки.
Хлопочатъ взять, что можно, старъ и младъ:
Взялъ землепашецъ пышной нивы туки,
Стрѣлокъ пошелъ въ погоню дикихъ стадъ.

Купецъ въ амбарахъ счелъ свои итоги,
Аббаты взяли лучшее вино,
Король возвелъ заставы и дороги
И говоритъ: десятое мое.

Позднѣе всѣхъ изъ дальняго предѣла
Пришелъ поэтъ; увы, онъ не поспѣлъ!
Все на землѣ хозяина имѣло,
Все кончено, былъ совершенъ раздѣлъ.

О, горе мнѣ! Я обдѣленъ судьбою
Одинъ изъ всѣхъ, тогда воскликнулъ онъ,—
Твой вѣрный сынъ совсѣмъ забытъ Тобою,—
И ницъ упалъ передъ Зевесовъ тронъ.

— Ты былъ тогда въ странѣ своихъ мечтаній,
Богъ возразилъ, когда дѣлилъ Я свѣтъ,—
Ты не пришелъ и не взялъ лучшей дани.
— Я былъ съ Тобой, сказалъ ему поэтъ.

Прикованный къ божественному лику,
Твоихъ небесъ гармонію мой слухъ
Ловилъ... прости, что созерцалъ Владыку
И что земнымъ не тѣшился мой духъ.

— Міръ розданъ весь,—сказалъ Зевесъ,—пустыни,
Охота, рынокъ, жатва и лѣса.
Но ты Мой гость желаемый отнынѣ.
Тебѣ всегда открыты небеса.

К. Фофановъ.

МУДРЕЦЫ.

(1795).

Глаголъ, который образъ далъ
Всему опредѣленный,
Тотъ блокъ, что самъ Зевесъ избралъ
Подпорой міру, чтобъ не палъ
Онъ въ бездну, раздробленный,—
Какъ ихъ назвать? И геній тотъ,
Кто ихъ пойметъ и назоветъ;
Названье же простое:
Шесть есть не три, а вдвое.

Огонь горитъ, ледъ холодитъ,
Мы всѣ съ двумя ногами,
Сводъ неба солнцами горитъ—
Кто даже логики не чтитъ,
Всѣ это знаютъ сами.
Кто жъ метафизикомъ слыветъ,
Тотъ знаетъ, что не грѣетъ ледъ,
Что свѣтлое сіяетъ,
Сырое жъ промокаетъ.

Гомеръ поетъ, среди трудовъ
Герои побѣждаютъ;
Мужъ честный былъ всегда таковъ,
Когда еще и мудрецовъ
Не вѣдали. Всѣ знаютъ,
Что геній часто совершалъ,
Чего Декартъ впередъ не зналъ,
Хотя по совершеньѣ
Могъ дать и объясненье.

Теряетъ въ жизни тотъ, кто слабъ:
Имъ сильный помыкаетъ;
Кто не господствуетъ, тотъ рабъ:
Живется плохо; но когда бъ—
Иной такъ размышляетъ—
Пришлося міръ пересоздать,
То нужно мудрыхъ изучать,
Чтобъ знать, какъ о морали
Они намъ толковали.

Намъ нужно общество людей:
Лишь съ нимъ въ соединеньѣ
Достигнемъ цѣли мы своей:
Безъ капель не было бъ морей;
Оставьте жъ положенье
Волковъ свирѣпыхъ и звѣрей,
Въ союзъ вступите поскорѣй!
Такъ съ каѳедры вѣщая,
Насъ учитъ мудрыхъ стая.

Но такъ какъ ихъ ученье намъ
Не всѣмъ узнать удастся,
Законъ природы смотритъ самъ
За всѣмъ, и міровымъ связямъ
Не дастъ онъ разорваться.
Покуда міра строй и видъ
Намъ философія хранитъ,
Землею правитъ всею
Любовь и голодъ съ нею.

Ѳ. Миллеръ.

МОЛОДОМУ ДРУГУ, ПРИСТУПАЮЩЕМУ КЪ ФИЛОСОФІИ.

(1795).

ногимъ и труднымъ искусамъ юноша-грекъ подвергался,
И, ужъ испытанный въ нихъ, въ домъ елевзинскій входилъ.
Ты же готовъ ли, скажи, войти въ тотъ храмъ заповѣдный,
Гдѣ подозрительный кладъ строго Аѳина хранитъ?
Или ты знаешь, что ждетъ тебя тамъ? за что ты такъ платишь?
Что неизвѣстное ты купишь извѣстнымъ добромъ?
Въ силахъ ли въ бой ты вступить, въ бой изъ трудныхъ труднѣйшій.
Съ чувствомъ гдѣ борется мысль, сердце враждуетъ съ умомъ?
Будешь ли смѣло душить сомнѣнья безсмертную гидру,

И со врагомъ въ тебѣ сущимъ вступишь ли въ битву, какъ мужъ?
Съ окомъ бодрымъ и здравымъ, съ сердцемъ невиннымъ, сорвешь ли
Маску съ обмана, когда правдой прикинется онъ?
Прочь же, пока не обрѣлъ ты вожатая въ собственномъ сердцѣ!
Дальше отъ берега, иль бездна поглотитъ тебя!
Многіе къ свѣту стремились и въ горшую ночь лишь упали;
Только дѣтство туда твердо идетъ на зарѣ.

М. Достоевскій.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ЗНАНІЕ.

(1795).

Какъ! потому что читаешь въ ней то, что самъ произвольно
Въ ней написалъ, что ты свелъ въ группы явленья ея,
Нити свои протянулъ въ ея необъятномъ пространствѣ,
Думаешь ты, что твой умъ жалкій природу постигъ?
Такъ астрономы фигурами сводъ небесъ наполняютъ,
Чтобъ не терялся ихъ взоръ въ вѣчномъ пространствѣ его,
И составляютъ изъ солнцевъ, далекихъ одно отъ другого,
Строгаго лебедя видъ или бычачьи рога;
Но развѣ могутъ постигнуть они сферъ движенья и тайны,
Взоромъ объявши хоть весь полный созвѣздьями сводъ?

Ѳ. Миллеръ.

АРХИМЕДЪ и УЧЕНИКЪ.

(1795).

Юноша, жаждущій знаній, однажды пришелъ къ Архимеду.
„О, посвяти меня въ тайну науки божественной!“ молвилъ.
„Той, что отчизнѣ столь дивныя службы служила
И охранила отъ вражьей самбуки родныя твердыни!“
— „Ты называешь науку божественной! мудрый отвѣтилъ:
Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодовъ отъ нея? но плодовъ и отъ смертной добудешь:
Хочешь богиню святую въ ней видѣть, жены не ищи въ ней“.

М. Михайловъ.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО.

(1795).

Гдѣ тѣ пѣвцы, что прекрасное пѣли? Найду-ли
Славныхъ пѣвцовъ тѣхъ, которымъ народы внимали.
Пѣли и небо, и Бога они, и пѣсней своей возносили,
Духъ возносили высоко на крыліяхъ пѣсни.

Ахъ, еще живы пѣвцы, только подвиговъ нѣтъ, чтобы лиру
Радостно имъ пробуждать; нѣтъ и отзывнаго слуха.
Счастливцы, поэты счастливаго міра! Изъ рода
Въ родъ поколѣній грядущихъ летѣло ихъ слово.

Какъ откровеніе Бога, привѣтствовалъ каждый, бывало,
То, что ему говорилъ вдохновленнымъ твореніемъ геній;
Отъ пламенной пѣсни его загоралися мысли и чувства,
Слушатель чувствомъ своимъ чувства пѣвца возбуждалъ.

Счастливецъ! Съ народомъ онъ чувствовалъ связь единенья;
Отзвукъ для пѣсни его голосъ народа давалъ.
Здѣсь, въ этой жизни, являлось блаженство поэту,
Которое новымъ пѣвцамъ нынѣ доступно едва-ль.

К. Фофановъ.

ЗЕНИТЪ и НАДИРЪ.

(1795).

Волею выспренъ, великъ ты, Зенитомъ небесъ досягая,
Все же Надиромъ своимъ къ оси прикованъ земной,
Духомъ ли мчишься въ пространствѣ, въ лазури ли тонешь — все то же:
Около оси земной воля вертится твоя.

А. Струговщиковъ.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

(1795).

Въ мірѣ два генія есть, путеводители въ жизни.
Если оба съ тобой шествуютъ, благо тебѣ!
Слухъ игрой веселя, одинъ тебѣ путь сокращаетъ;
Легче, объ-руку съ нимъ, выполнить долгъ и завѣтъ;
Средь забавъ и бесѣдъ тебя доведетъ онъ до бездны,
Гдѣ передъ вѣчности моремъ съ трепетомъ смертный стоитъ.
Здѣсь другой тебя приметъ, рѣшительный, строгій, безмолвный,
И исполинской рукой ввысь надъ лучиной взнесетъ!...
Но изъ нихъ никогда никому не ввѣряйся всецѣло:
Первому—чести, счастья—второму не довѣряй своего.

А. Колтоновскій.

КАРѲАГЕНЪ.

(1795).

Вымодокъ матери славной, съ римскою силой въ союзѣ
Хитрость Тирійскую ты дружно въ себѣ сочеталъ.
Властвовалъ силою тотъ надъ землей покоренной, а этотъ
Мудростью свѣтъ наставлялъ, обирая искусно его.
Что въ тебѣ славитъ историкъ? Какъ римлянинъ, властнымъ желѣзомъ,
Ты покорялъ, а затѣмъ золотомъ правилъ, какъ Тиръ.

А. М. Ѳедоровъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЯМЪ.

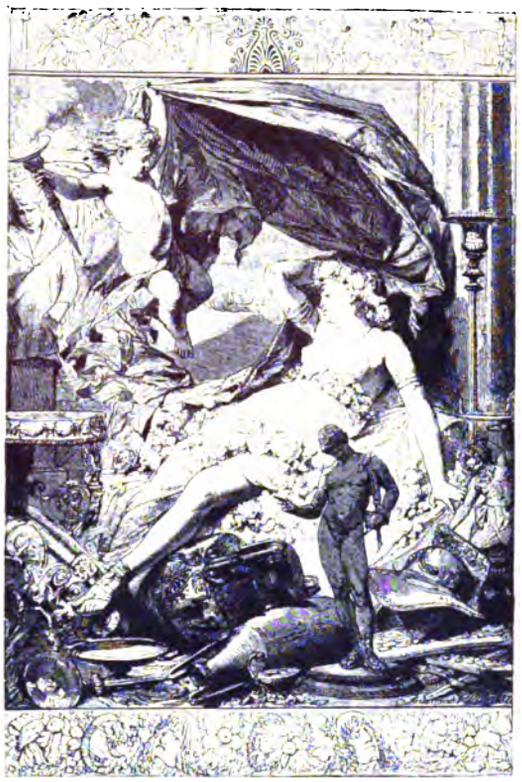
(1796).

Помнить должны вы, что Правда людямъ лишь въ цѣломъ доступна;
Правду же въ мелочи каждой тщетно хотѣть соблюсти.

И. Болдаковъ.

ПОМПЕЯ и ГЕРКУЛАНУМЪ.

(1796).



Что за диво свершилось? Земля, у тебя мы просили
Чистыхъ источниковъ, что жъ лоно твое намъ даетъ?
Или есть жизнь подъ землею? или подъ лавою скрытно
Новое племя живетъ? видимъ былое опять!
Риляне! греки! сюда! смотрите: вотъ городъ Помпея!
Снова открытъ онъ, и вновь градъ Геркулеса возсталъ.
Своды надъ сводами высятся; портикъ обширный открылъ вамъ
Залы свои, о, скорѣе ихъ оживите собой!
Вотъ отворенъ огромный театръ: такъ пусть же рѣкою
Въ семь растворовъ его шумная хлынетъ толпа!
Гдѣ же актеры? сюда! пусть совершается жертва
Сына Атреева! пусть хоръ за Орестомъ войдетъ!
Но куда же ведетъ тріумфальная арка?—то форумъ:
Мужи почтенные тамъ въ креслахъ курульныхъ сидятъ.
Ликторы! что жъ—выступайте съ сѣкирами: претору должно
Мѣсто на стулѣ занять, судъ и расправу творить.
Какъ широко раздвинулась тутъ мостовая! для пѣшихъ
Есть тротуары: они тянутся подлѣ домовъ;
Сверху навѣсомъ впередъ выдались кровли надъ ними;
Комнаты чистыя дворъ весь окружаютъ внутри.
Ставни откройте скорѣй и давно заваленныя двери!
Пусть ихъ ужасная ночь яснымъ освѣтится днемъ.
Вотъ, смотрите: кругомъ разставлены строемъ скамейки;
Камнями разныхъ цвѣтовъ блещетъ узорчатый полъ.
Свѣжи еще на стѣнѣ эти ярко горящія краски.
Гдѣ же художникъ? давно ль кисть онъ оставилъ свою?
Тамъ, изъ сочныхъ плодовъ и роскошныхъ цвѣтовъ соплетенный,
Вдоль по карнизамъ каймой тянется чудный фестонъ.
Здѣсь хлопотливые геніи сокъ выжимаютъ пурпурный;
Съ полной корзиною тутъ крадется милый Амуръ.
Далѣе—пляшетъ вакханка, а тамъ ужъ она отдыхаетъ;
Фавнъ любопытный тайкомъ страстно глядитъ на нее;
Здѣсь она мчится на быстромъ кентаврѣ и посохомъ, стоя
Лишь на колѣнѣ одномъ, бѣгъ ускоряетъ его.
Отроки! что же вы медлите? вотъ вамъ сосуды—возьмите!
Вазы этрусскія здѣсь: дѣвы наполните ихъ.
Вотъ и треножникъ стоитъ на сфинксахъ крылатыхъ; скорѣе
Угольевъ дайте, рабы—и разведите огонь!
Вотъ вамъ монета могучаго Тита—ступайте на рынокъ;
Вотъ и вѣсы тутъ лежатъ—видите, есть къ нимъ и вѣсъ.

Вставьте зажженныя свѣчи въ красивые эти шандалы,
Масломъ прозрачнымъ скорѣй лампы наполните всѣ!
Что въ этомъ ящикѣ? ахъ! посмотрите-ка, дѣвы: браслеты
И ожерелья женихъ вамъ золотыя прислалъ.
Такъ отведите жъ невѣсту въ душистую баню; вотъ мази,
Вотъ и румяна лежатъ въ этомъ граненномъ стеклѣ.
Гдѣ же вы, древніе! гдѣ—еще вашихъ безсмертныхъ твореній
Рѣдкіе свитки хранитъ вашъ величавый музей.
Вотъ и прутики тутъ для письма и вощенныя доски—
Все уцѣлѣло: земля вѣрная все сберегла.
Также и ваши пенаты всѣ тутъ, и древніе боги
Всѣ на прежнихъ мѣстахъ! что же не видно жрецовъ?
Вотъ взмахнулъ золотымъ кадуцеемъ Гермесъ прекрасный—
И надъ рукою его гордо Побѣда летитъ.
Тутъ, какъ и прежде, стоятъ алтари... О, придите, жъ, придите
И позабытымъ богамъ жертвы сожгите свои!

Ѳ. Миллеръ.

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

(1796).

Съ прилетомъ первой стаи вешней,
Въ долину, къ бѣднымъ пастухамъ,
Сіяя прелестью нездѣшней,
Являлась дѣва ихъ очамъ.

И кто она, откуда родомъ—
Не зналъ о томъ никто изъ нихъ,
И слѣдъ ея съ ея уходомъ
Терялся въ тотъ же самый мигъ.

Отъ дивной вѣяло блаженствомъ.
И мощно къ ней сердца влекло,
Но недоступнымъ совершенствомъ
Дышало гордое чело.

Она несла плоды съ цвѣтами,
Что зрѣли въ солнечныхъ лучахъ,
Подъ голубыми небесами,
Въ иныхъ счастливѣйшихъ краяхъ.

Всѣмъ людямъ щедрою рукою
Она дарила плодъ и цвѣтъ—
И старцу дряхлому съ клюкою
И юношѣ во цвѣтѣ лѣтъ.

Ко всѣмъ являлась благосклонной,
Но чтя любви священный жаръ,
Она несла четѣ влюбленной
Цвѣты прекраснѣйшіе въ даръ.

О. Чюмина.

ЛУЧШЕЕ ПРАВЛЕНІЕ.

(1796).

То хорошо лишь, которое мысли къ добру направляетъ,
Но не нуждается, чтобъ мыслили всѣ о добрѣ.

Ѳ. Миллеръ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

(1796).

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна,
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ.
Все цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ.
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ!

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи:
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ;
Тѣ брега недостижимы—
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она: неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто-жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ:
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ.
Тьма дорогъ туда низводитъ,
Ни одной оттуда нѣтъ—
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ безрадостно-блаженныхъ
Парки строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать!

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла-бъ я тогда;
Близъ супруга на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами-бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ:
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли мнѣ чего отъ милой,
Въ сладко-памятный завѣтъ:

Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ—съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ—подземну ночь?
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,
И лѣса обнажены—
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки
И, скробя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски,

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна—
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершія для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень—Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ.
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой.
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

В. Жуковскій.

ДОСТОЙНОЕ УВАЖЕНІЯ.

(1796).

Вы уважаете цѣлое, мнѣ же лишь частное важно;
Въ частномъ одномъ я всегда цѣлое могъ усмотрѣть.

Ѳ. Миллеръ.

ЛЖЕУЧЕНЫЕ.

(1796).

Сколько у истины новыхъ враговъ! Душа замираетъ...
Къ свѣту тѣснится—увы!—стая незрячая совъ.

М. Михайловъ.

ИСТОЧНИКЪ ЮНОСТИ.

(1796).

Вѣрьте мнѣ, это не сказка: ключъ юности вѣчной струею
Тихо течетъ; только гдѣ? Въ мірѣ поэзіи онъ.

Ѳ. Миллеръ.

КРУГЪ ПРИРОДЫ.

(1796).

Въ царствѣ твоемъ все, природа, соприкасается вѣчно:
Такъ, одряхлѣвши, старикъ въ дѣтство приходитъ опять.

Ѳ. Миллеръ.

ДВА ПОЛА.

(1796).

ва прелестныхъ цвѣтка сочетались въ невинномъ младенцѣ:
Дѣва и отрокъ; ростокъ почку еще не раскрылъ.
Но вотъ расторгнулись узы—и оба они раздѣлились:
Съ дѣвственнымъ, милымъ стыдомъ сила разстаться спѣшитъ.
Отрокъ пусть рѣзвится бурно; пресытясь свободою, сила
Можетъ вернуться опять къ кротости и красотѣ.
Началъ межъ тѣмъ разновидный цвѣтокъ развиваться изъ почвы:
Милъ и хорошъ каждый видъ; но совершенства въ немъ нѣтъ.
Вотъ округлились ужъ члены дѣвицы красиво и нѣжно;
Но, точно поясъ, всегда гордость ихъ строго хранитъ.
Словно серна охотниковъ дѣва мужчинъ избѣгаетъ
И ненавидитъ ихъ всѣхъ, ибо не знаетъ любви.
Смѣлыми взорами юноша смотритъ на міръ необъятный—
И тетиву онъ на бой смѣло уже натянулъ;
Въ поле брани стремится, на поприще битвы, побѣды;
Славы онъ жаждетъ душой; пылкій въ немъ духъ говоритъ.
Дѣйствуй, природа, теперь, или то, что сліянія ищетъ,
Можетъ навѣкъ разойтись, въ сердцѣ питая вражду.
Но ты приходишь, благая, и изъ вражды вызываешь
Снова гармонію ты: миръ возникаетъ опять.
Вотъ ужъ затихла охота, и шумъ замолчалъ ежедневный,
Звѣзды на небѣ взошли; нѣжно играетъ ихъ свѣтъ;
Тихо тростникъ шелеститъ; ручейки заструились игриво,
И соловьиная пѣснь весь огласила ужъ лѣсъ.
Что такъ отъ вздоховъ волнуется грудь твоя, милая дѣва?
Юноша смѣлый! зачѣмъ слезы туманятъ твой взоръ?
Ахъ, жаждетъ дѣва напрасно поддержки въ объятіяхъ нѣжныхъ,
И безъ подпоры, какъ плодъ зрѣлый, склонилась къ землѣ.
Юноша, внутреннимъ пламенемъ мучимый, ищетъ покоя,
И не находитъ его—нѣтъ облегченья ему.
Вотъ они встрѣтились; видишь: Амуръ ихъ крылатый сближаетъ;
Слѣдомъ на крыльяхъ за нимъ быстро побѣда летитъ.
Ты, о любовь, два цвѣтка человѣчества нѣжно связуешь,
И хоть различны они, ты ихъ сливаешь въ одно.

Ѳ. Миллеръ.

ПОДАРОКЪ.

(1796).

Посохъ съ кольцомъ! какъ вы мнѣ на бутылкахъ рейнвейна
пріятны!
Да, кто поитъ такъ овецъ, тотъ по мнѣ славный пастухъ!
Благословенный напитокъ! дарованъ ты мнѣ самой музой,
И наложила печать церковь сама на тебя,

Ѳ. Миллеръ.

ГЕНІЙ СМЕРТИ СЪ ОПРОКИНУТЫМЪ ФАКЕЛОМЪ.

(1796).

Милъ и прекрасенъ съ своимъ угасающимъ факеломъ, геній,
Смерть же сама, господа, право не такъ хороша.

Ѳ. Миллеръ.

МОГУЩЕСТВО ЖЕНЩИНЫ.

(1796).

Вы всемогущи однимъ: присущей вамъ прелестью тихой,
Тамъ, гдѣ не властенъ покой, тамъ не поможетъ гроза,
Силы я жду отъ мужей, блюдущихъ величье закона,
Жены царятъ и царили лишь обаяньемъ своимъ.
Славились, правда, иныя силою духа и дѣла,
Но отреклися онѣ отъ лучшаго въ мірѣ вѣнца.
Женщину лишь красота вѣнчаетъ на царство побѣдно:
Гдѣ появилась—царитъ однимъ появленьемъ своимъ.

О. Чюмина.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ЖЕНЩИНЫ.

(1769).

Въ жизни обязанъ имѣть добродѣтелей много мужчина;
Счастье сильнѣе его; съ нимъ онъ вступаетъ въ борьбу.
Женщинѣ только нужна одна добродѣтель: являясь,
Сердце плѣняетъ она, а вмѣстѣ—плѣняетъ и взоръ.

О. Чюмина.

СУДЪ СЕРДЦА.

(1796).

Сердцемъ женщина судитъ, не зная другого закона;
Гдѣ отреклась отъ любви, тамъ осудила она.

А. Струговщиковъ.

СУДЪ ЖЕНЩИНЫ.

(1796).

Женщины! будете дѣйствія мужа судить—ошибетесь!
Мужа всего, какъ онъ есть, можете только судить.

А. Струговщиковъ.

ЖЕНСКІЙ ИДЕАЛЪ.

(1796).

Женщины намъ уступаютъ, мужчинамъ, во всемъ, только въ высшемъ
Сильный мужчина всегда слабой уступитъ женѣ.
Что же считаю я высшимъ? Спокойную ясность побѣды:
Вижу, она у тебя блещетъ на свѣтломъ челѣ,
О, дорогая Аманда! И облако грусти не можетъ
Блескъ его чудный затмить: въ грусти онъ даже свѣтлѣй.
Думаемъ мы о себѣ, что свободны; нѣтъ, ты такъ свободна,
Ибо другіе въ тебѣ ищутъ, ты же—ни въ комъ.
Если жъ отдашься кому, то вполнѣ; невозможно иначе,
Ибо малѣйшій твой взоръ есть уже полное ты.
Въ этомъ есть вѣчная юность и неистощимая прелесть,
И ты скрываешь за разъ плодъ и душистый цвѣтокъ.

Ѳ. Миллеръ.

ПРЕКРАСНѢЙШЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

(1796).

Если тебѣ не случалось печальной красавицы видѣть—
Ты никогда не видалъ красоты;
Если тебѣ не случалось въ прекрасномъ лицѣ читать радость—
Радости ты никогда не видалъ.

Л. Мей.

ГРЕЧЕСКІЙ ГЕНІЙ.

(1796).

Кто съ глухимъ сердцемъ его вопрошалъ,
передъ тѣми былъ нѣмъ онъ;

Только съ тобой, какъ съ роднымъ, онъ
свои рѣчи ведетъ.

Ѳ. Миллеръ.

ОЖИДАНІЕ И ИСПОЛНЕНІЕ.

(1796).

Съ тысячью гордыхъ судовъ пускается юноша въ море;
Чуть уцѣлѣвшій челнокъ къ пристани правитъ старикъ.

М. Михайловъ.

ОБЩАЯ УЧАСТЬ.

(1796).

Ненависть, распри межъ нами: и мнѣнья, и чувства насъ дѣлятъ...
Время-жъ идетъ, серебря кудри и мнѣ и тебѣ.

М. Михайловъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

(1796).

Каждое поприще намъ представляетъ въ виду необъятность,
Но узкимъ кругомъ мудрецъ самъ ограждаетъ себя.

Ѳ. Миллеръ.

ОТЕЦЪ.

(1796).

Сколько хочешь твори, но всегда одинокимъ пребудешь,
Если природа сама съ цѣлымъ не свяжетъ тебя.

Ѳ. Миллеръ.

ЛЮБОВЬ И АЛКАНІЕ.

(1796).

Вѣрно, Шлоссеръ. Мы любимъ свое, но чужого алкаемъ:
Любитъ богатый лишь духъ, бѣдный же алчетъ всегда.

Ѳ. Миллеръ.

ДИѲИРАМБЪ.

(1796).

Знайте, съ Олимпа
Являются боги
Къ намъ не одни;
Только что Бахусъ придетъ говорливый,
Мчится Эротъ, благодатный младенецъ;
Слѣдомъ за нимъ и самъ Аполлонъ.
Слетѣлись, слетѣлись
Всѣ жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чѣмъ угощу я,
Земли урожденецъ,
Вѣчныхъ боговъ?
Дайте мнѣ вашей, безсмертные, жизни.
Боги, что смертный могу поднести вамъ?
Прекрасная радость
Живетъ у Зевеса.
Гдѣ нектаръ? Налейте,
Налейте мнѣ чашу!

Нектара чашу
Пѣвцу, молодая
Геба, подай!
Очи небесной росой окропите;
Пусть онъ не зритъ ненавистнаго Стикса,
Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ.
Шумитъ, заблистала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

В. Жуковскій.

ДОБРО И ВЕЛИЧІЕ.

(1796).

Двѣ только есть добродѣтели. Быть бы имъ вѣчно въ союзѣ:
Вѣчно великимъ добру, вѣчно величью благимъ.

М. Михайловъ.

НАДПИСИ.

(1797).

I.

Все, чему Богъ научилъ меня, что примѣнялъ я и въ жизни,
Все, благодарный, храню въ этомъ святилищѣ я.

Ѳ. Миллеръ.

II.

РАЗЛИЧНОЕ НАЗНАЧЕНІЕ.

Пусть милліоны стараются, чтобы ихъ родъ продолжался,
Но человѣчество лишь черезъ немногихъ растетъ.
Осень зародышей тьму разсѣваетъ, но рѣдкій приноситъ
Плодъ: много гибнетъ сѣмянъ, въ прахъ обращаясь опять;
Но уцѣлѣвшій зародышъ одинъ создаетъ ужъ міръ цѣлый,
Также способный опять новую жизнь произвесть.

Ѳ. Миллеръ.

III.

ЖИВОТВОРНОЕ.

Въ мірѣ живыхъ организмовъ, согрѣтыхъ огнемъ ощущеній,
Новому вспыхнуть дано лишь на вершинѣ—въ цвѣткѣ.

Ѳ. Миллеръ.

IV.

ДВА РОДА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Сдѣлавъ добро, ты вспоилъ человѣчества божьи посѣвы.
Образъ создавъ красоты—божье посѣялъ зерно.

Ѳ. Миллеръ.

V.

РАЗЛИЧІЕ СОСЛОВІЙ.

Въ мірѣ духовномъ есть также сословія: низкорожденный
Дорогъ намъ тѣмъ, что свершилъ, рыцарь же—тѣмъ, что онъ есть.

Н. Минскій.

VI.

ЦѢННОЕ И ДОСТОЙНОЕ.

Есть у тебя что нибудь, дай и мнѣ—и ты плату получишь.
Если жъ ты самъ что нибудь, души другъ другу дадимъ.

Н. Минскій.

VII.

НРАВСТВЕННАЯ СИЛА.

Если ты чувствомъ прекрасному чуждъ, будь хоть волей разуменъ.
То, въ чемъ какъ личность ты слабъ, силою духа сверши.

Н. Минскій.

VIII.

СООБЩЕНІЕ.

Даже изъ рукъ недостойныхъ правда дѣйствуетъ сильно:
Лишь у одной красоты сила во внѣшности вся.

Ѳ. Миллеръ.

IX.

КЪ *

Знанья свои сообщи мнѣ: я буду тебѣ благодаренъ;
Но предлагаешь ты мнѣ самого себя...нѣтъ, другъ, уволь!

Л. Мей.

X.

КЪ **

Истину хочешь открыть мнѣ?—Зачѣмъ? Вѣдь не самый предметъ я
Льщусь чрезъ тебя изучить, но лишь тебя чрезъ него.

Ѳ. Миллеръ.

XI.

КЪ ***

Будь мнѣ учитель и другъ. Ты живымъ своимъ творчествомъ духа
Учишь меня; твоя рѣчь, поучая, мнѣ сердце живитъ.

П. Вейнбергъ.

XII.

ТЕПЕРЕШНЕЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Было ль всегда, какъ теперь? Не пойму, своего поколѣнья.
Старость еще молода; юность—увы!—ужъ стара.

М. Дмитріевъ.

XIII.

КЪ МУЗѢ.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя—я не знаю, но грустно мнѣ видѣть,
Чѣмъ безъ тебя столько сотенъ и тысячъ бываетъ.

Л. Мей.

XIV.

УЧЕНЫЙ РАБОТНИКЪ.

Ты дерево взростилъ, но не вкусилъ плода;
Изящный вкусъ сорветъ плодъ знанья и труда.

М. Михайловъ.

XV.

ДОЛГЪ КАЖДАГО.

Къ цѣлому вѣчно стремясь, ты не можешь быть цѣлымъ;
Но въ безконечной цѣпи будь хоть малѣйшимъ звеномъ.

М. Михайловъ.

XVI.

ЗАДАЧА.

Не уподобьтесь другъ другу, высшему будьте подобны.
Какъ это выполнить? Всякъ будь совершененъ въ себѣ.

Н. Минскій.

XVII.

ИДЕАЛЪ.

Мысль—достояніе всѣхъ. Только чувствомъ своимъ мы владѣемъ.
Хочешь обрѣсть Божество—чувствуй что мыслишь о Немъ.

Л. Мей.

XVIII.

МИСТИКАМЪ.

Истиной тайной зову я лишь ту, что у всѣхъ предъ глазами!
Всѣхъ окружаетъ собой, все же незрима никѣмъ.

Н. Минскій.

XIX.

КЛЮЧЪ.

Хочешь себя научить—посмотри на людей и дѣла ихъ;
Хочешь людей изучить—въ сердце къ себѣ загляни.

М. Михайловъ.

XX.

ПОРИЦАТЕЛЮ.

Строго, какъ совѣсть всегда ты мои подмѣчалъ прегрѣшенья;
Вотъ почему я тебя также какъ совѣсть люблю.

Н. Минскій.

XXI.

УМЪ И МУДРОСТЬ.

Хочешь ли ты переплыть далекое мудрости море?—
На посмѣянье ума смѣло себя обреки:
Онъ, близорукій, лишь берегъ, тобою оставленный, видитъ;
Онъ же не видитъ того, гдѣ тебя встрѣтитъ успѣхъ.

А. Струговщиковъ.

XXII.

СОГЛАСІЕ.

Истины оба мы ищемъ: ее ты ищешь въ природѣ,
Въ сердцѣ ищу я, и—вѣрь! оба ее обрѣтемъ.
Здравое око увидитъ Творца въ чудесахъ міросданья;
Здравое сердце въ себѣ міръ и Творца отразитъ.

М. Михайловъ.

XXIII.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРАВИЛО.

Будь справедливымъ во всемъ, что творишь, и довольствуйся этимъ,
Но не старайся творить все справедливое, другъ!
Честное рвеніе въ сдѣланномъ требуетъ лишь совершенства;
Ложное—хочетъ всегда только, чтобъ было оно.

Ѳ. Миллеръ.

XXIV.

MAJESTAS POPULI.

Гдѣ человѣка величіе? Гдѣ ты? Искать тебя въ массѣ!
Но ты—немногихъ лишь даръ; такъ окружаетъ собой
Масса билетовъ пустыхъ и ничтожныхъ число небольшое
Тѣхъ нумеровъ, по которымъ выиграть можно.

Ѳ. Миллеръ.

XXV.

ИСПРАВИТЕЛЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

„Жертвовалъ всѣмъ я, ты говоришь, человѣчества благу!
Тщетенъ и горекъ былъ плодъ: ненависть мздой мнѣ была!"
Другъ! сказать ли мнѣ, какъ съ человѣчествомъ я поступаю?
Этому правилу вѣрь: не былъ обманутъ я имъ.
Мысль „человѣчество"—эту высокую мысль, безъ сомнѣнья,
Какъ сохраняешь въ груди, такъ выражай и въ дѣлахъ!
И человѣку, котораго встрѣтишь въ ущеліяхъ жизни,
Дружески, если нужно, помощи руку подай;
Но о дождѣ и росѣ, и о благѣ *всѣхъ* своихъ ближнихъ
Небу пещись предоставь, нынѣшній день, какъ вчера.

М. Дмитріевъ.

XXVI.

МОЯ АНТИКРИТИКА.

Я ненавижу порокъ, но вдвойнѣ еще то ненавижу,
Что заставляетъ онъ такъ продобродѣтель кричать.
Ты добродѣтели врагъ?—О, пусть ею каждый владѣетъ,
Только бы больше никто не толковалъ такъ о ней.

Ѳ. Миллеръ.

XXVII.

АСТРОНОМАМЪ.

Полно вамъ вѣчно болтать про туманныя пятна и солнца!
Міръ оттого-ли великъ, что научилъ васъ считать?
Вашей науки предметъ совершеннѣе прочихъ въ пространствѣ,
Но не въ пространствѣ, друзья, жить совершенству дано.

Н. Минскій.

XXVIII.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ ПИСАНІЯ.

Какъ ни велико и какъ ни безмѣрно возвышенно небо,

Мелкой учености духъ небо на землю низвелъ.
Ѳ. Миллеръ.

XXIX.

ЛУЧШЕЕ ГОСУДАРСТВО.

Чѣмъ отличаются лучшія, другъ, государства? Чѣмъ жены
Лучшія: тѣмъ, что о нихъ толковъ совсѣмъ не слыхать.
Ѳ. Миллеръ.

XXX.

МОЯ ВѢРА.

Ты изъ религій которой, скажи, отдаешь предпочтенье?
Я—ни одной.—Почему-же? Изъ религіозности, другъ.
Ѳ. Миллеръ.

XXXI.

ВНУТРЕННЕЕ и ВНѢШНЕЕ.

„Богъ только видитъ въ насъ сердце!"
Одинъ только Онъ его видитъ:
Такъ покажи же ты что-нибудь сносное также и намъ.
Л. Мей.

XXXII.

ДРУГЪ И ВРАГЪ.

Дорогъ мнѣ другъ, но полезенъ и врагъ: наблюденія друга
Силу оцѣнятъ мою; врагъ мнѣ укажетъ мой долгъ.
М. Михайловъ.

XXXIII.

СВѢТЪ И ЦВѢТЪ.

Вѣчно-единый, останься при вѣчно-единомъ!
Ты, перемѣнчивый цвѣтъ, къ бѣднымъ людямъ сойди.
Л. Мей.

XXXIV.

ПРЕЛЕСТНАЯ НЕРАЗДѢЛЬНОСТЬ.

Ты единичнымъ быть долженъ, но съ цѣлымъ въ одно не сливайся;
Ты единиченъ умомъ, единодушенъ-же съ нимъ
Сердцемъ. Твой умъ есть гласъ цѣлаго, сердце-жъ ты самъ, твоя личность.
Благо тебѣ, если умъ въ сердцѣ живетъ у тебя.
Ѳ. Миллеръ.

XXXV.

ИДЕАЛЬНАЯ СВОБОДА.

Тебѣ двѣ дороги открыты на свѣтѣ,
Одна къ идеалу, другая къ могилѣ.
Умѣй-же свободно и въпору на первую выйдти
Пока не принудила Парка идти по другой.
Л. Мей.

XXXVI.

РАЗНООБРАЗІЕ.

Много есть добрыхъ, разумныхъ; но всѣ съ одного словно слѣпокъ;
Движетъ всѣми лишь умъ, ахъ! а не сердце ничуть!
Строго господствуетъ умъ и изъ тысячи формъ разнородныхъ
Переливаетъ онъ ихъ всѣ на одинъ образецъ.
Гдѣ-жъ красота съ силой творческой—тамъ свѣжей жизнію вѣетъ,
И однородному дастъ новыя формы она.
Ѳ. Миллеръ.

XXXVII.

ТРИ ВОЗРАСТА ПРИРОДЫ.

Жизнь вдохнулъ въ нее миѳъ, а школа убила въ ней душу.
Творческой жизнью опять разумъ ее одарилъ.
Л. Мей.

XXXVIII.

ГЕНІЙ.

Умъ повторяетъ лишь то, что въ природѣ уже существуетъ:
То, что она создаетъ, онъ вслѣдъ за ней создаетъ;
Дальше природы ступивъ, попадаешь въ пустое пространство:
Ты лишь, геній, одинъ въ природѣ природу творишь.
Ѳ. Миллеръ.

XXXIX.

ПОДРАЖАТЕЛЬ.

Да, изъ прекраснаго умный прекрасное сдѣлать съумѣетъ;
Но изъ плохого создастъ лучшее геній одинъ.
Ты на созданьяхъ чужихъ упражняйся всегда, подражатель:
Смѣло свое создавать можетъ лишь творческій духъ.
Ѳ. Миллеръ.

XL.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ.

Въ чемъ можетъ геній себя проявить? Въ чемъ Творецъ всемогущій
Самъ проявилъ намъ себя: въ цѣломъ созданьи своемъ.
Свѣтелъ эѳиръ, но за-то глубина его такъ безпредѣльна,
Что хоть и ясный для глазъ, духу онъ тайна всегда.
Ѳ. Миллеръ.

XLI.

ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

Нынѣ хотятъ въ человѣкѣ извнѣ и внутри все извѣдать.
Какъ ты избѣгнешь теперь, истина, хитрыхъ ловцовъ?
Противъ тебя они вышли съ сѣтями своими—напрасно,
Ты посреди ихъ пройдешь, тихо, неслышно, какъ духъ.
Ѳ. Миллеръ.

XLII.

РѢДКОЕ СОЧЕТАНІЕ.

Что за причина, что геній сходится рѣдко со вкусомъ?—
Этотъ не любитъ вожжей, силы боится другой.
А. Струговщиковъ.

XLIII.

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ.

Быть безупречнымъ вполнѣ — высочайшій предѣлъ и нижайшій,
Ибо величье къ нему или безсилье ведетъ.
Я. Полонскій.

XLIV.

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Вѣчно такъ было, мой другъ, и такъ будетъ: безсилье имѣетъ
Старый законъ за себя, сила—грядущій успѣхъ.
Ѳ. Миллеръ.

XLV.

ВЫБОРЪ.

Если не можешь ты нравиться всѣмъ своими трудами—
Нравься немногимъ; а всѣмъ нравиться худо, мой другъ.
Ѳ. Миллеръ.

XLVI.

МУЗЫКА.

Жизни отъ пластики жду, отъ поэта—паренія духа.
Лишь Полигимніи всю высказать душу дано.
Ѳ. Миллеръ.

XLVII.

ЯЗЫКЪ.

Вотъ почему духъ живой не является духу. Лишь только
Стала душа *говорить*—ужъ говоритъ не *душа*.
Н. Минскій.

XLVIII.

ПОЭТУ.

Слово да будетъ тебѣ тѣмъ, что тѣло бываетъ влюбленнымъ,
Ихъ разлучаетъ оно, ихъ лишь оно единитъ.
Н. Минскій.

XLIX.

ХУДОЖНИКЪ.

Мастера прочихъ искусствъ по тому, что онъ высказалъ, судятъ.
Мастеръ лишь слога блеститъ знаньемъ, о чемъ умолчать.
Н. Минскій.

L.

ПОЯСЪ.

Поясъ Венеры таитъ ея обаянія тайну.
То, что связуетъ ее, прелесть даруетъ ей—стыдъ.

Н. Минскій.

LI.

ДИЛЕТАНТЪ.

Стихъ одинъ ловкій сложивъ на такомъ языкѣ, что и мыслитъ
Самъ за тебя и творитъ—мнишь ты поэтомъ себя!

П. Вейнбергъ.

LII.

ЛЖЕЦѢНИТЕЛИ ИСКУССТВА.

Вы отъ искусства хотите добра? Но достойны-ль его вы,
Если къ враждѣ лишь одной васъ возбуждаетъ оно?

Ѳ. Миллеръ.

LIII.

ФИЛОСОФІИ.

Ну, такъ которая изъ философій пребудетъ?—Не. знаю;
Но философія быть, думаю, вѣчно должна.

Ѳ. Миллеръ.

LIV.

МИЛОСТЬ МУЗЪ.

Вмѣстѣ съ невѣждой умретъ его слава: небесная муза
Въ сѣнь Мнемозины вселитъ вѣрныхъ любимцевъ своихъ.

М. Михайловъ.

LV.

ПЕЧАТЬ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ ГОМЕРА.

Старецъ Гомеръ, тебѣ довѣряю нѣжную тайну:
Счастье любовниковъ знай ты лишь единый, пѣвецъ!

М. Михайловъ.

МЕЛОЧИ.

(1796).

ЭПИЧЕСКІЙ ГЕКЗАМЕТРЪ.

Быстро мчитъ онъ тебя валовъ неустаннымъ теченьемъ;
Вспять ли, впередъ ли смотрѣть—небо одно и вода.

ДИСТИХЪ.

Бьетъ въ гекзаметрѣ вверхъ текучій столбъ водомета,
А въ пентаметрѣ вновь звучно онъ падаетъ внизъ.

ВОСЬМИСТРОЧНАЯ СТАНЦА.

(ОКТАВА).

Станца! тебя любовь создала, въ томленіи нѣжномъ;
Ты создана, октава, любовью, въ нѣжномъ томленьи;
Трижды, стыдливо бѣжавъ, страстно приходишь назадъ,
Трижды стыдливо бѣжишь, трижды стремишься назадъ.

ОБЕЛИСКЪ.

Мастеръ искусный меня воздвигъ на высокой подставкѣ:
„Стой!“ сказалъ онъ, и я мощно и бодро стою.

ТРІУМФАЛЬНАЯ АРКА.

Мастеръ сказалъ: „Не бойся небеснаго купола—ставлю
Сводъ безконечный твой въ сводъ безконечный его“.

ПРЕКРАСНЫЙ МОСТЪ.

Катятся волны внизу, повозки вверху, и любезно
Мастеръ возможность далъ также и мнѣ перейти.

ВОРОТА.

Пусть къ законамъ манятъ дикарей городскія ворота,
Къ вольной природѣ пускай радостно гражданъ ведутъ.

НА СОБОРЪ СВ. ПЕТРА.

Если ты ищешь здѣсь безпредѣльности, другъ, ты ошибся—
Нѣтъ, инымъ я великъ: я возвеличу тебя.

Орестъ Головнинъ.

ПРУЖИНЫ.

(1796).

Страхъ пусть прутомъ желѣзнымъ своимъ раба побуждаетъ;
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди.

М. Михайловъ.

НѢМЕЦКІЙ ГЕНІЙ.

(1796).

Римской силы и греческой прелести алчешь ты, нѣмецъ:
Обѣ доступны тебѣ, только не гальскій скачекъ.

Ѳ. Миллеръ.

ПОЭТЪ МОРАЛИСТЪ.

(1796).

Знаю, что слабъ человѣкъ и ничтоженъ; но только объ этомъ
Думать совсѣмъ я забылъ—и повстрѣчалъ вдругъ тебя.

Ѳ. Миллеръ.

СРЕДСТВО СОЕДИНЕНІЯ.

(1796).

Какъ поступаетъ природа, чтобъ въ людяхъ высокое съ низкимъ
Соединить?—Къ нимъ она въ долю тщеславье даетъ.

Ѳ. Миллеръ.

УЛОВКА ХУДОЖНИКА.

(1796).

Хочешь понравиться ты и ханжѣ, и веселому люду,—
Ты сладострастье рисуй, но и чорта при немъ помѣсти!

П. Вейнбергъ.

ВОЗВЫШЕННЫЙ СЮЖЕТЪ.

(1796).

Муза воспѣла твоя, какъ надъ смертными сжалился Вышній.
Но поэтично ли то, что находитъ Онъ жалкими ихъ?

П. Вейнбергъ.

ТОЛКОВАТЕЛИ КАНТА.

(1796).

Множество нищихъ прокормитъ иной богатѣй тароватый;
Вздумаютъ строить цари, плотники дѣло найдутъ.

К. Льдовъ.

ЭПОХА.

(1796).

Это столѣтіе намъ породило великое время;
Мигъ величавый, увы, грянулъ на мелкихъ людей!

К. Льдовъ.

ДАНАИДЫ.

(1796).

Вѣки черпаемъ ситомъ и камень у сердца мы грѣемъ;
Холоденъ камень какъ былъ; въ ситѣ ни капли воды.

М. Михайловъ.

НАУКА.

(1796).

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость, а этому
Просто корова она: было бы масло ему.

А. Струговщиковъ.

НѢМЕЦКАЯ КОМЕДІЯ.

(1796).

Правда, у насъ и смѣшного и глупого слишкомъ довольно,
Но для комедіи въ томъ пользы, къ несчастію, нѣтъ.

Ѳ. Миллеръ.

НАТУРАЛИСТЫ
и
ТРАНСЦЕДЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФЫ.

(1796).

Будьте враждебны другъ другу: союзъ заключать вамъ не время.
Только отдѣльно ища, истину сыщите вы.

М. Михайловъ.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

(1796).

Сносно смышленъ и понятливъ каждый изъ нихъ въ одиночку;
Вмѣстѣ сойдутся они—выйдетъ собранье глупцовъ.

К. Льдовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ КНИГОПРОДАВЦА.

(1796).

Для человѣка важнѣе всего знать свое назначенье:
Здѣсь за двѣнадцать грошей всѣмъ продается оно.

Ѳ. Миллеръ.

ОПАСНОЕ ПОСЛѢДСТВІЕ.

(1796).

Думайте долго, друзья, передъ тѣмъ, какъ рѣшитеся правду
Вымолвить громко, не то васъ же потомъ обвинятъ.

Ѳ. Миллеръ.

ГРЕКОМАНІЯ.

(1796).

Съ недугомъ галломаніи едва лишь простились—
И ужъ страдаемъ опять грекоманіею всѣ.
Въ эллинствѣ что мы находимъ? Умъ, соразмѣрность и ясность.
Такъ успокойтесь сперва вы, что кричите о немъ.
Взялись вы за дѣло достойное, такъ будьте разумны,
Чтобъ не посыпался смѣхъ и на него, и на васъ.

Ѳ. Миллеръ.

БАЛОВНИ СЧАСТІЯ.

(1796).

Годы мастеръ творитъ—и вѣчно собой недоволенъ;
Маленькимъ геніямъ все даромъ дается—и что жъ?
То, что узнали сегодня, о томъ проповѣдуютъ завтра.
Ахъ, какъ у этихъ господъ скоро желудокъ варитъ!

А. Струговщиковъ.

ГОМЕРИДЫ.

(1796).

Кто здѣсь пѣвецъ Иліады? Вотъ Гейне прислалъ для подарка
Изъ Геттингена колбасъ: онъ ихъ назначилъ ему.
— „Мнѣ! я распрю царей воспѣвалъ". „Я сраженье при флотѣ".
„Мнѣ! я одинъ лишь воспѣлъ все, что на Идѣ сбылось".
Тише, не рвитесь вы такъ: вѣдь на всѣхъ васъ колбасъ недостанетъ
Тотъ, кто прислалъ ихъ сюда, лишь одному ихъ отдастъ.

Ѳ. Миллеръ.

Р Ѣ К И.

(1796).

1. Р Е Й Н Ъ.

Вѣрно, какъ истый швейцарецъ, храню я родныя границы;
Но терпѣливъ я—и Галлъ все жъ перескочитъ меня.

2. РЕЙНЪ И МОЗЕЛЬ.

Сколько вѣковъ я держу лотарингскую дѣву въ объятьяхъ,
Но до сихъ поръ не имѣлъ сына еще отъ нея.

3. ДУНАЙ ВЪ ** (АВСТРІИ).

Племя файяковъ со взоромъ блестящимъ по мнѣ обитаетъ;
Здѣсь воскресенье всегда, вертелъ всегда на огнѣ.

4. М А Й Н Ъ.

Рушатся замки мои, но старинные роды все живы:
Сколько вѣковъ ужъ съ отрадою вижу я ихъ предъ собой!

5. З А А Л А.

Краткимъ теченьемъ привѣтствую я и князей и народъ ихъ;
И какъ всѣ добры князья, и какъ свободенъ народъ!

6. И Л Ь М Ъ.

Бѣдны мои берега; но и каждая малая струйка
Въ свѣтломъ теченьи порой слышитъ безсмертную пѣснь.

7. П Л Е И С А.

Я маловодна за тѣмъ, что прозаиковъ сонмъ и поэтовъ
Выпили воду мою, жаждой томяся большой.

8. Э Л Ь Б А.

Рѣки! неправильны ваши нарѣчья; въ Германіи цѣлой
Чистымъ нѣмецкимъ одна я говорю языкомъ.

9. Ш П Р Е.

Нѣкогда Рамлеръ далъ мнѣ языкъ, а матерію—Цезарь;
Я похвалялась тогда, но зато нынѣ молчу.

10. В Е З Е Р Ъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Я даже и для эпиграммы
Самой ничтожной не могъ музѣ доставить сюжетъ.

11. ЦѢЛЕБНЫЙ ИСТОЧНИКЪ ВЪ ** (КАРЛСБАДѢ).

Страненъ здѣсь край: всѣ источники, рѣки свой вкусъ здѣсь имѣютъ,
Только у жителей я вовсе его не нашелъ.

12. ПЕГНИЦЪ.

Я иппохондрикомъ сталъ отъ томительной скуки и только
Лишь потому и теку, что такъ издавна велось.

13.**—СКІЯ(ДУХОВНОВЛАДѢЛЬЧЕСКІЯ) РѢКИ.

Нашей сестрѣ тутъ привольно въ земляхъ (духовныхъ владѣльцевъ) струиться:
Иго ихъ очень легко, бремя ихъ не тяготитъ.

14. ЗАЛЬЦА.

Я въ Тирольскихъ горахъ начало беру, чтобы Зальцбургъ
Солью снабдить, и несу дальше въ Баварію соль.

15. БЕЗЪИМЯННАЯ РѢКА.

Чтобы епископа столъ былъ постною пищей обиленъ,
Велѣно Богомъ мнѣ течь чрезъ голодающій край.

LES FLEUVES INDISCRETS.

Рѣки, молчите! въ васъ скромности, вижу я, столько же, сколько
Въ дѣвушкѣ той, что была такъ Дидероту мила.

Ѳ. Миллеръ.

ІЕРЕМІАДА.

(1796).

какъ въ Германіи все исказилось въ поэзіи, въ прозѣ!
Видно на вѣки ушло время златое отъ насъ!
Портятъ языкъ нашъ философы, логику портятъ поэты,
И здравый смыслъ вамъ помочь въ жизни не можетъ одинъ.
Для добродѣтели нѣтъ ужъ и мѣста въ эстетикѣ больше:
Мѣсто въ политикѣ ей, гостьѣ незванной, нашли.
Какъ намъ держаться? Естественно—тотчасъ же скажутъ: мы пошлы;
Будемъ стѣсняться—тогда скажутъ, что такта въ насъ нѣтъ.
О, золотая наивность лейпцигскихъ горничныхъ, гдѣ ты?
О, возвратись къ намъ опять съ умной своей простотой!
О, возвратися: комедія, еженедѣльная гостья,
Зигмундъ, нѣжный Амандъ, шутъ записной Маскариль,
Полныя соли трагедіи, колкія, какъ эпиграммы,
Ты, нашъ котурнъ-минуэтъ, занятый нами взаймы,
Ты, философскій романъ, стоящій всегда неподвижно,
Какъ у портного болванъ, вмѣсто природы живой.
Старая проза, приди, ты, вѣщавшая такъ откровенно
Тайныя мысли свои, вмѣстѣ и мысли чтецовъ.
О, какъ въ Германіи все исказилось въ поэзіи, въ прозѣ!
И ужъ навѣки ушло время златое отъ насъ!

Р. Миллеръ.

ФИЛОСОФЫ.

(1796).

Ученикъ.

Вотъ хорошо, господа! встрѣчаю васъ вмѣстѣ in pleno.
То, что „потребно одно“, къ вамъ привлекло меня внизъ.

Аристотель.

Прямо къ дѣлу, мой другъ! „Временникъ“ получаемъ мы Іенскій
Здѣсь въ аду и давно знаемъ доподлинно все.

Ученикъ.

Ну и тѣмъ лучше! Такъ я ужъ съ просьбой отъ васъ не отстану.
Тезисъ *всегодный* мнѣ дать,—былъ чтобы годенъ на все.

Первый (Декартъ).

Cogito ergo sum. Я мыслю,—такъ я существую.
Въ мысли-то истина будь,—въ дѣлѣ ужъ будетъ она.

Ученикъ.

„Мыслю,—такъ значитъ я есмь“,Да всегда-то развѣ кто мыслитъ?
Я вотъ часто ужъ *былъ*, вовсе не мысля при томъ!

Второй (Спиноза).

Разъ лишь что нибудь есть, то есть и всеобщая сущность
— Вещь всякой вещи, гдѣ всѣ вмѣстѣ плаваемъ мы.

Третій (Берклей).

Прямо обратное я говорю: вещей не бываетъ
Внѣ меня, и весь міръ всплылъ во мнѣ какъ пузырь.

Четвертый (Лейбницъ).

Я же на два бытія согласенъ: на міръ и на душу:
Другъ до друга имъ нѣтъ дѣла, но смыслъ ихъ одинъ.

Пятый (Кантъ).

Знать ничего мнѣ нельзя про вещь, а также про душу;
Обѣ являются мнѣ, все же не призракъ онѣ.

Шестой (Фихте).

Я есмь я и себя полагаю, когда жъ съ отрицаньемъ
Я себя положу,—тутъ Я Не-Я положилъ.

Седьмой (Рейнгольдъ).

Ну представленье-то есть, и значитъ предметъ его также,
А что-бы было ихъ три—будь представляющій тутъ.

Ученикъ.

Этимъ-то я, господа, и пса изъ угла не прикличу:
Мнѣ *положенье* давай съ тѣмъ, что *положено* въ немъ.

Восьмой (К. Х. Шмидтъ).

Дальше напрасно искать на теоретической почвѣ:
Дѣйствію принципъ все жъ есть, — можешь, коль долгъ повелѣлъ.

Ученикъ.

Такъ я и думалъ: когда ума-то у нихъ не хватаетъ,—
Въ совѣсть чужую залѣзть сразу готовы они.

Давидъ Юмъ.

Съ ними—пустой разговоръ; имъ Кантъ всѣ мысли запуталъ;
Лучше меня ты спроси: тотъ же я все и въ аду.

Вопросъ права.

Носъ свой давно уже я для нюханья употребляю,
Можно ли мнѣ доказать право свое на него?

Пуффендорфъ.

Случай трудный! Но ты вѣдь прежнее можешь владѣнье
За собой показать?—Ну владѣй имъ и впредь,

Сомнѣніе совѣсти.

Ближнимъ охотно служу, но увы! имѣю къ нимъ склонность.
Вотъ и гложетъ вопросъ: вправду ли нравственененъ я?

Рѣшеніе.

Нѣтъ тутъ другого пути: стараясь питать къ нимъ презрѣнье
И съ отвращеньемъ въ душѣ, дѣлай что требуетъ долгъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ТѢНЬ ШЕКСПИРА.

Пародія.

(1796).

Тамъ явилась мнѣ и великая сила Иракла,
Призракъ, безплотная тѣнь; самъ онъ на-вѣки исчезъ.
Вкругъ, какъ птицы кричатъ, кричали трагиковъ сонмы,
И драматурги, какъ псы, стаею лаяли вкругъ.
Мертвый, онъ страхъ наводилъ; натянутъ былъ лукъ неизмѣнный;
Стрѣлы, летя съ тетивы, прямо вонзались въ сердца.
„Что еще предпріемлешь, смѣлый многострадалецъ?
„Въ адъ ли дерзаешь сходить въ область вѣчныя тьмы?“
Я ищу Тирезія здѣсь: да поможетъ провидецъ
Древній найти мнѣ котурнъ, болѣ не зримый у насъ.
„Если въ природу они и въ грековъ древнихъ не вѣрятъ,
„Всуе уроковъ отсель книгу къ нимъ принесешь“.
О! природа у насъ является часто на сцену,
Просто, какъ мать родила, голая вся до костей.
„Значитъ, у васъ онъ, древній котурнъ, живымъ еще мною,
„Въ тартаръ нисшедшимъ за нимъ, съ тяжкимъ добытый трудомъ?“
Нѣтъ, трагедію мы забросили вовсе, и развѣ
Въ годъ однажды твой выйдетъ въ латахъ мертвецъ.
„Вижу: къ ученію разума ваше направлено чувство,
„Ужасъ и жалость прочь гонятъ веселость и смѣхъ“.
Да, намъ нравятся шутки, лишь были бы дерзки и сухи;
Любимъ мы и печаль, только была бы мокрà.
„Что-же? рядомъ съ шествіемъ важнымъ сестры-Мельпомены
„Талія, рѣзвясь, у васъ легкую пляску ведетъ?
Нѣтъ ни одной! у насъ христіанское нравоученье,
Простонародное все—бытъ и хозяйство мѣщанъ.
„Какъ! и на зрѣлищахъ вашихъ Кесарь не можетъ явиться?
„Нѣтъ Андромахи на нихъ? согнанъ Ахиллъ и Орестъ?“
Вотъ любимыя лица: пасторъ, торговли совѣтникъ,
Юнкеръ, иль секретарь, либо гусарскій майоръ.
„Но ради Бога, другъ, что можетъ народъ этотъ жалкій
„Сдѣлать великаго? что съ нимъ великое быть?“
Мало ли что: плутуютъ, ищутъ съ закладами денегъ,
Крадутъ ложки въ карманъ: бойки на все, хоть повѣсь.
„Гдѣ же, откуда жъ возьмется судьба—исполинская сила,
„Коею сдавленный въ прахъ къ небу взнесенъ человѣкъ?“
Старыя сказки! Мы ищемъ въ театрѣ себя и знакомыхъ,
Нашу скорбь и нужду: все находимъ мы тамъ.
„Такъ! Но это спокойнѣе и легче найдете вы дома;
„Нужно ль бѣжать отъ себя только для встрѣчи съ собой?“
Просимъ прощенья, герой! тутъ разница есть пребольшая:
Счастіе слѣпо всегда, авторъ всегда справедливъ.
„Значитъ, ваша натура, скудная, ходитъ по сценѣ
„Вашей; только большой, только божественной нѣтъ?“
Авторъ хозяинъ гостиницы; пятый актъ—угощенье;
Злымъ какъ гибель придетъ, добрые сядутъ за столъ.

П. Катенинъ.

ТЕАТРЪ ЖИЗНИ.

(1796).

Взглянуть хотите ль въ ящикъ мой?
Вся драма жизни, міръ—миніатюра
Пройдетъ предъ вами чередой.
Но слишкомъ близко, зритель, ты не стой:
Смотри при свѣтѣ факела Амура
И при свѣчахъ любви святой.

Ни на мгновенье сцена не пустѣетъ:
Вотъ мать ребенка на рукахъ лелѣетъ,
Вотъ скачетъ мальчикъ, рѣзвый и живой;
Вотъ юноша врывается на сцену,
Вотъ бодрый мужъ выходитъ на арену,
Исполненный отваги боевой.

Пытаетъ счастье каждый въ вѣчной смѣнѣ,
Но узокъ путь для бѣга на аренѣ;
Бѣгутъ, спѣшатъ, у колесницъ
Дымится ось, не видно спицъ;
Герой свой путь впередъ прокладываетъ смѣло,
А слабый позади плетется неумѣло.

И падаетъ гордецъ, всеобщій вызвавъ смѣхъ.
И умный ихъ опережаетъ всѣхъ.
И женщины, прекрасная плеяда,
Вокругъ барьера на бойцовъ глядятъ,
И побѣдителя онѣ благодарятъ
Рукой прекрасной, нѣжной лаской взгляда.

Н. Холодковскій.

КЪ ЭММѢ.

(1796).

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины.
Ахъ, звѣзды не приманить!
Счастью бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты бъ была моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма! то, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ сердце зажжено,
Умираетъ ли оно?

В. Жуковскій.

ОЖИДАНІЕ.

(1796).

Чу! скрипнули дверцей садовой?
Чу! брякнула ручка замка?
Нѣтъ, то въ тополи махровой
Слышенъ лепетъ вѣтерка.
Одѣнься густолиственной красой,
Пышно-зеленый сводъ!—торжественный устроимъ
Пріемъ мы въ честь красавицы младой.
Вы, вѣтки, для нея сплетайтеся покоемъ,
Наполненнымъ таинственною мглой!
Проснитесь, вѣтерки, играйте рѣзвымъ роемъ
Вкругъ розовыхъ ланитъ ея, когда
На зовъ любви придетъ она сюда!
Чу! кто это тамъ торопливо
Скользитъ, шелестя по кустамъ?
Нѣтъ, то птица боязливо
Пропорхнула по вѣтвямъ.
День, погаси свой пламенникъ скорѣй!
Ко мнѣ, нѣмая ночь и сумракъ молчаливый!
Укрой насъ въ сѣнь таинственныхъ вѣтвей,
Набрось на насъ свой флеръ пурпурный и ревнивый;
Свидѣтелей докучныхъ, ихъ ушей,
Нескромныхъ взоровъ ихъ бѣжитъ Амуръ стыдливый;
Лишь Гесперъ — стражъ довѣренный любви:
Его, о ночь, на небо призови!
Чу! звукъ изъ далека домчался,
Какъ будто кто шепчетъ въ саду?
Нѣтъ, то лебедь расплескался
На серебряномъ пруду.
Мой слухъ обнялъ гармоніи потокъ:
Ручей журчитъ волной; зари живымъ румянцемъ
Лобзаемый, колеблется цвѣтокъ;
Прозрачный виноградъ горитъ янтарнымъ глянцемъ.
И персикъ наливной, припавши за листокъ,
Лепечетъ радостно съ златистымъ померанцемъ,
И вѣтеръ ароматною волной
Съ моихъ ланитъ смываетъ лѣтній зной.
Чу! кажется, входятъ въ аллею?
Чу! дѣвственный шагъ прозвучалъ?
Нѣтъ, подъ тяжестью своею
Съ вѣтки спѣлый плодъ упалъ.
День сладко задремалъ,и пламенные взгляды
Его угасли; меркнетъ полоса
На западѣ; цвѣты отрадной ждутъ прохлады;
Сребристый серпъ взошелъ на небеса;
Міръ растопляется въ спокойныя громады,
И все—краса, волшебная краса,
И каждая ихъ нихъ, свой поясъ разрѣшая,
Восторженнымъ очамъ является нагая.
Но что тамъ во мракѣ мелькаетъ—
Не платье ли милой моей?
Нѣтъ, то бѣлый столбъ сверкаетъ
Въ темной зелени вѣтвей.
О, сердце, полно ждать! къ чему мечту пустую,
Тѣнь счастія въ душѣ своей ласкать?
Мечтой не остудить мнѣ грудьмою больную
И призрака руками не обнять...
О, приведите мнѣ—не тѣнь—ее, живую,
О, дайте ручку нѣжную пожать,
Коснуться хоть слегка краевъ ея мантильи..
И надо мною сонъ простеръ незримо крылья.
И тихо, незримо, какъ лучъ упованья,
Нежданной зарею блаженнаго дня
Она подошла—и лобзанья
Ея пробудили меня.

Л. Мей.

ТАЙНА.

(1796).

на стояла молчаливо
Среди толпы—и я молчалъ;
Лишь взоръ спросилъ я боязливо—
И понялъ я, что онъ сказалъ.
Я прихожу, пріютъ вѣтвистый,
Къ пустынной тишинѣ твоей:
Подъ зеленью твоей тѣнистой
Сокрой счастливыхъ отъ людей!
Вдали, чуть слышный для вниманья,
День озабоченный шумитъ,
Сквозь смутный гулъ и восклицанья
Тяжелый молотокъ стучитъ,
Тамъ человѣкъ такъ постоянно
Съ суровой борется судьбой—
И вдругъ съ небесъ къ нему нежданно
Слетаетъ счастіе порой.
Пускай же люди не узнаютъ,
Какъ насъ любовь животворитъ!
Они блаженству помѣшаютъ—
Досаденъ имъ блаженства видъ.
Да, свѣтъ не допускаетъ счастья;
Какъ за добычею, за нимъ
Бѣги, лови—и отъ участья
Людского строго сохрани!
Оно прокралось тихо; любитъ
Оно и ночь, и тишину;
Нечистый взоръ его погубитъ,
Какъ смерть ужасенъ онъ ему.
Обвейся, о потокъ безмолвный,
Вокругъ широкою рѣкой
И, грозно поднимая волны,
Нашъ охраняй пріютъ святой!

А. Аксаковъ.

ШИРИНА и ГЛУБИНА.

(1797).

Все видѣлъ, извѣдалъ, все знаетъ иной,
На все отвѣчаетъ онъ смѣло;
Идетъ онъ открытой, широкой стезей
И нѣтъ его ходу предѣла;
Послушаешь—всѣ онъ задачи рѣшилъ;
Будто отъ древа познанья вкусилъ.

Оглянется онъ, отживая свой вѣкъ—
За нимъ не осталось и слѣду...
Посѣять ли доброе мнитъ человѣкъ,
Надъ зломъ одержать ли побѣду—
Глашатай невѣдомый, вмалѣ большой,
Сѣятель движется къ цѣли святой.

Роскошно нагнулася пихта къ рѣкѣ,
Высоко серебряный тополь встаетъ,
Красуется стройная ель вдалекѣ—
Но въ чемъ же ихъ сила и гдѣ же ихъ плодъ?
Въ скорлупку кедровую скрыла любовь
Будущій образъ любимца лѣсовъ.

А. Струговщиковъ.

СВѢТЪ и ТЕПЛОТА.

(1797).

Въ жизнь лучшій человѣкъ съ душой
Довѣрчиво вступаетъ,
Своей взволнованной мечтой
Весь міръ онъ населяетъ;
И благородный сердца жаръ
Приноситъ истинѣ онъ въ даръ.

Но видя, какъ въ толпѣ людской
Все мелко и ничтожно,
Онъ вдругъ изъ битвы міровой
Уходитъ осторожно;
И гордо, съ холодомъ въ крови,
Онъ умираетъ для любви...

Увы, не всѣмъ сердца̀ зажегъ
Лучъ истины сіяньемъ...
Блаженъ, кто юный пылъ сберегъ,
Питая умъ познаньемъ.
Блаженъ, кто зрѣлый опытъ свой
До гроба согрѣвалъ мечтой!

А. Колтоновскій.

СЛОВА ВѢРЫ.

(1797).

Три слова изъ устъ переходятъ въ уста
Глубокаго полны значенья;
Источникъ ихъ въ сердцѣ находитъ мечта—
Не въ отблескѣ внѣшнемъ явленья.
Кто вѣру утратилъ въ значенье тѣхъ словъ,
Тотъ самъ сталъ ничтожнѣе сновъ,
Всѣмъ людямъ отъ вѣка свобода дана
Хотя-бы родились въ цѣпяхъ.
Не бойтесь-же, ярость толпы не страшна,
Зачѣмъ предъ безумцами страхъ?
Не бойтесь, что рабъ свои цѣпи порветъ,
Предъ вольнымъ пусть сердце у васъ не дрогнетъ.
И есть добродѣтель—не праздный то звукъ,
Ее примѣняйте вы къ жизни;
Мы можемъ, хотя и блуждаемъ вокругъ,
Стремиться къ небесной отчизнѣ;
Но то, что мудрецъ не пойметъ никакой,
То ясно предъ дѣтски-открытой душой.
Божественной волею міръ осѣненъ,
Пусть падаютъ люди, слабѣя,
Высоко надъ бездной пространствъ и временъ
Безсмертная блещетъ идея;
Пусть кружится все и, мелькая, бѣжитъ,
Но духъ неизмѣнный въ движеньѣ сквозитъ.
Три слова изъ устъ передайте въ уста
И ихъ сохраните значенье;
Источникъ ихъ въ сердцѣ находитъ мечта,
Но въ призрачномъ блескѣ явленья.
Кто вѣру хранитъ въ вѣчный смыслъ этихъ словъ,
Души не утратитъ во вѣки вѣковъ.

Кн. Д. Цертелевъ.

КУБОКЪ.

(1797).

Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной".

Такъ царь возгласилъ—и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, сіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?"

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньѣ на грозное море глядятъ:
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?

И всѣ безотвѣтны. Вдругъ пажъ молодой—
Смиренно и дерзко впередъ...
Онъ снялъ епанчу и снялъ поясъ онъ свой:
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? куда ты, прекрасный?"

И онъ подступаетъ къ наклону скалы—
И взоръ устремилъ въ глубину:
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ-будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,

Волна за волною—и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ:
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло—
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездной утихло...въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

„Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна“.
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ-будто ропотанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною—и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны сіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ что-то,сквозь пѣну сѣдой глубины,
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны—
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ „онъ живъ“ повторялъ:

„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважной“.

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда:
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ—
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокровенной.

Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода,
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принесъ—
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:

Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли глубоко.
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

И я содрогался... вдругъ слышу—ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы—
И хочетъ схватить и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы—
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ".

Чудесенъ разсказъ показался царю
„Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова".

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель! его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова".

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты,
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою".

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны.

Утихнула бездна... и снова шумитъ—
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна:
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно,
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно!

В. Жуковскій.

ПЕРЧАТКА.

(1797).

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Франциск ъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая.
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою:
Со стукомъ растворилась дверь—
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водитъ
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ,
Но видитъ льва—робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли
И зарычали, и легли.

И гости ждутъ, чтобъ битва началася,
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ

Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
Ты любишь такъ, какъ говоришь,
Ты мнѣ перчатку возвратишь“.
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой,
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ-будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицины взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ и сказалъ: „не требую награды“.

В. Жуковскій.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

(1797).

На кровлѣ онъ стоялъ высоко
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ.
„Сколь щедро взысканъ я богами!
Сколь счастливъ я между царями!“
Царю Египта онъ сказалъ.

„Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель!
Пока онъ дышетъ—побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ!“

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой!
Да обовьетъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ!

„Твой врагъ постигнутъ строгой местью!
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ“.
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
„Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ!
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ“.

Еще слова его звучали—
А клики брегъ ужъ оглашали.
Народъ на пристани кипѣлъ—
И въ пристань царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ:
„Тебѣ фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь—здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ“.

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
„Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами:
Его ихъ буря пожрала“.

Испуганъ гость нежданной вѣстью:
„Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ.
Здѣсь вѣчны блага не бывали
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися они.

„И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ;
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

„Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

„Когда жъ въ несчастьи рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ“.

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
„Моимъ избраннымъ обладаньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ,
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ!“
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!“
Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изумленьѣ
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
„Найденъ твой перстень драгоцѣнный:
Огромной рыбой поглащенный,
Онъ въ ней ножомъ моимъ открытъ“.

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою,
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою!“
Сказалъ—и разлучился съ нимъ.

В. Жуковскій.

НАДОВЕССКІЙ ПОХОРОННЫЙ ПЛАЧЪ.

(1797).

Посмотрите! вотъ—посаженъ
На плетеный одръ—
Какъ живой, сидитъ онъ, важенъ,
Величавъ и бодръ.
Но ужъ тѣло недвижимо,
Бездыханна грудь:
Въ трубкѣ жертвеннаго дыма
Ей ужъ не раздуть.
Очи, гдѣ вашъ взоръ орлиный?
Не вглядитесь вы
По долинѣ въ слѣдъ звѣриный
На росѣ травы.
Ты не встанешь, легконогій,
Не направишь бѣгъ,
Какъ олень вѣтвисторогій,
Черезъ горный снѣгъ.
Не согнешь, какъ прежде, смѣло
Свой упругій лукъ...
Посмотрите! отлетѣла
Жизнь изъ сильныхъ рукъ.
Миръ душѣ его свободной—
Тамъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ,
Тамъ, гдѣ маисъ самородный
Зрѣетъ средь луговъ;
Гдѣ въ кустахъ щебечутъ птицы,
Полонъ дичи боръ,
Гдѣ гуляютъ вереницы
Рыбъ по дну озеръ.
Уходя на пиръ съ духами,
Насъ оставилъ онъ,
Чтобы здѣсь, воспѣтый нами,
Былъ похороненъ.
Трупъ надъ вырытой могилой
Плачемъ огласимъ;
Все, что было другу мило,
Мы положимъ съ нимъ:
Въ головахъ облитый свѣжей
Кровью томагокъ;
Съ боку окорокъ медвѣжій—
Путь его далекъ.
Съ нимъ и ножъ: надъ вражьимъ трупомъ
Онъ не разъ сверкалъ,
Какъ, бывало, кожу съ чубомъ
Съ черепа сдиралъ.
Алой краски въ руки вложимъ,
Чтобъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ страну тѣней.

М. Михайловъ.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

(1797).

Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить:
При разлукѣ, при свиданьѣ
Сердце въ тишинѣ
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ".

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена.
Звонкій рогъ созвалъ дружину:
Всѣ ужъ на коняхъ—
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою—
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.

Годъ прошелъ безъ утоленья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.
Зритъ корабль: шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
„Узы вѣчнаго обѣта
Приняла она,
И, погибшая для свѣта,
Богу отдана".

Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забытъ.
Власяной покрытъ одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой;

Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно;
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно;
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И—дождавшися—на ложе
Простирался онъ;
И надежда: завтра тоже!
Услаждала сонъ.
Время годы уводило...
Для него жъ одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—

Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

В. Жуковскій.

ВСТРѢЧА.

(1797).

Еще она стоитъ передо мною,
Окружена покорною толпой,
Блистательна, какъ солнце золотое;
Я былъ вдали, смущенный и нѣмой.
О, что тогда сбылось съ моей душою,
Какъ яркій блескъ разлился предо мной!
И вдругъ, какъ бы унесшись въ міръ подлунный,
Ударилъ я нетерпѣливо въ струны.

Что испыталъ я въ этотъ мигъ святого
И что я пѣлъ—все скрылось предо мной...
Въ себѣ тогда органъ нашелъ я новый:
Онъ высказалъ души порывъ святой.
То былъ мой духъ, разрушившій оковы!
Оставилъ онъ плѣнъ долголѣтній свой—
И звуки вдругъ въ груди моей возстали,
Что въ ней давно, невидимые спали.

Когда совсѣмъ мои замолкли пѣсни,
Душа ко мнѣ тогда слетѣла вновь:
Въ ея чертахъ божественно-прелестныхъ
Я замѣчалъ стыдливую любовь:
Мнѣ чудилось—раскрылся сводъ небесный,
Какъ услыхалъ я тихій шопотъ словъ.
О! только тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни муки,
Услышу вновь тѣ сладостные звуки!

„Кому печаль на сердце налегла
И кто молчать рѣшился, изнывая—
О, хорошо того я поняла!
Съ судьбою въ бой я за него вступаю.
Я бъ лучшій жребій бѣдному дала...
Цвѣтокъ любви сорветъ любовь прямая.
Тому удѣлъ прекрасный и счастливый,
Въ комъ есть отвѣтъ на темные призывы".

К. Аксаковъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

(1797).

На Посейдоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посейдоновъ лѣсъ...
Все тихо: лѣсъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ „прости“ родной странѣ,
Чужого брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы:
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы!“

И, съ твердой вѣрою въ Зевеса,
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса,
Идетъ заглохшею тропой—
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей!“

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ—шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“

И трупъ узрѣли обнаженный;
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ".

И внемлютъ гости Посейдона,
Что палъ наперсникъ Аполлона:
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Притановъ окружилъ народъ
И вопитъ: „старцы мщенья! мщенья!
Злодѣямъ казнь! ихъ сгибни родъ!"

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посейдоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ-быть, главою,
Между шумящею толпою
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой.

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю, лѣсъ,
Людьми кипящи переходы
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ—
И сѣли въ тишинѣ глубокой...
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.

Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.

Идутъ съ поникшими главами
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И, свитыя межъ ихъ власовъ,
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь—
И въ немъ преступникъ слышитъ „казнь!"
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

„Не мните скрыться—мы съ крылами:
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье и защита:
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ".

И пѣснь ужасныхъ замолчала—
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парѳеній, слышишь? —крикъ вдали...
То Ивиковы журавли!“
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ—
И видятъ: черной полосою
Станица журавлей летитъ.

„Что? Ивикъ!“ Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста. Шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ:
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ, сраженный
Врагомъ незнаемымъ, поэтъ!
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье—
Какъ—будто свыше откровенье—
Блеснула мысль: „Убійца тутъ!
То эвменидъ ужасныхъ судъ!
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Внезапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ —
И смерть была ихъ приговоръ.

В. Жуковскій.

НАДЕЖДА.

(1797).

Надѣются люди, мечтаютъ весь вѣкъ
Судьбу покорить роковую,
И хочетъ поставить себѣ человѣкъ
Цѣль счастія—цѣль золотую.
За днями несчастій дни счастья идутъ;
А люди все лучшаго, лучшаго ждутъ.

Надежда ведетъ на путь жизни людей:
Дитя уже ей веселится,
Манитъ она юношу блескомъ лучей
И съ старцемъ во гробъ не ложится:
Пусть насъ утомленье въ могилу сведетъ—
Надежда для насъ и за гробомъ цвѣтетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не пустымъ, не безумнымъ мечтамъ
Мы духъ предаемъ съ колыбели,
Не даромъ твердитъ сердце вѣщее намъ:
Для высшей мы созданы цѣли!
Что внутренній голосъ намъ внятно твердитъ,
То намъ неизмѣнной судьбою горитъ.

А. Фетъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЛАВИЛЬНЫЙ ДОМЪ.

(1797).

Страхъ Божій Фридолинъ хранилъ
Въ младенческой душѣ.
Какъ вѣрный рабъ, онъ преданъ былъ
Графинѣ, госпожѣ
Саверпской. Такъ была она
Добра, такъ кротости полна,
Что даже прихоти велѣнье
Онъ чтилъ священнымъ исполненье.

Съ разсвѣта дня, пока съ зарей
Онъ снова угасалъ,
Служилъ графинѣ онъ одной
И отдыхъ забывалъ;
И если „успокойся, другъ!“
Онъ отъ нея услышитъ вдругъ,
Невольно духомъ онъ смущался
И ревностнѣй служить старался.

Зато предъ всѣми въ замкѣ онъ
Графиней молодой
Былъ по заслугамъ отличенъ
И лаской и хвалой.
Какъ къ сыну мать, къ нему она
Была заботлива, нѣжна
И съ чувствомъ радости взирала
На милыя черты вассала.

За это Робертъ, стремянной,
Враждой къ нему вскипѣлъ:
Издавна съ завистью нѣмой
Онъ на пажа глядѣлъ.
Однажды съ графомъ ѣхалъ онъ
Домой и, злобой увлеченъ,
Въ душѣ супруга, ради мщенья,
Посѣялъ сѣмя подозрѣнья.

„О графъ! вы счастливы вполнѣ“,
Коварно молвилъ онъ:
„Сомнѣній ядомъ въ тишинѣ
Вашъ не отравленъ сонъ!
У васъ достойная жена,
Любви и вѣрности полна;
Священный долгъ—ея хранитель;
Ей не опасенъ искуситель“.

Сердито графъ нахмурилъ бровь:
„Что говоришь ты мнѣ?
Кто вѣритъ въ женскую любовь,
Подобную волнѣ?
Ихъ обольстить не мудрено
Я твердо вѣрю лишь въ одно:
На честь властителя Саверна
Не посягнетъ никто навѣрно“.

А тотъ ему: „Вы правы въ томъ;
Презрѣнье заслужилъ
Глупецъ, кто, будучи рабомъ,
Свой долгъ и родъ забылъ,
И къ той, которой служитъ онъ,
Желаньемъ дерзкимъ воспаленъ...“
—„Что?“графъ воскликнулъ раздраженный:
„И живъ онъ, этотъ дерзновенный?“

—„Ужели общій гласъ молвы
Безвѣстенъ только вамъ?
Но, если скрыть хотите вы,
Я радъ молчать и самъ“.
—„Все говори, иль ты пропалъ!“
Дрожа отъ гнѣва, тотъ вскричалъ:
„Кто смѣетъ думать о графинѣ?
—Я говорю о Фридолинѣ.

„Не дуренъ, правда, онъ собой“,
Предатель продолжалъ...
(А графа между тѣмъ то зной,
То холодъ обдавалъ).
„Ужели не въ примѣту вамъ,
Какъ, волю давъ своимъ глазамъ,
Онъ у нея за стуломъ таетъ
И даже васъ не замѣчаетъ?

„Вотъ и стихи, въ которыхъ онъ
Въ любви признался ей
И проситъ, страстью ослѣпленъ,
Взаимности, злодѣй!
Графиня, кроткая душой,
Молчитъ изъ жалости одной;
И я сказалъ о томъ напрасно:
Что можетъ вамъ тутъ быть опасно?

Графъ, молча, въ бѣшенствѣ слѣпомъ,
Помчался въ ближній лѣсъ,
Гдѣ у него плавильный домъ
Стоялъ въ тѣни древесъ.
Тамъ подлѣ горновъ цѣлый строй
Рабовъ недремлющей рукой
Мѣхами пламя раздуваютъ—
И съ трескомъ искры вверхъ взлетаютъ.

Тамъ силы влаги и огня
Въ союзѣ межъ собой;
Снуетъ тамъ колесо, стеня,
Гонимое волной,
И день и ночь тамъ трескъ и стукъ,
И въ тактъ удары крѣпкихъ рукъ:
Металлы тамъ послушно гнутся
И огненной струею льются.

И графъ, примчавшись на заводъ,
Сказалъ двумъ кузнецамъ:
„Кто первый отъ меня придетъ
Съ такимъ вопросомъ къ вамъ:
„Свершенъ ли графскій вамъ приказъ?—
Туда, въ жерло его сейчасъ,
Чтобъ тамъ онъ въ пепелъ обратился
И ужъ ко мнѣ бъ не возвратился!“

И звѣрской радостью горятъ,
Глаза свирѣпыхъ слугъ:
Сердца ихъ тверды, какъ булатъ,
Убійства жаждетъ духъ.
И принялись они опять
Мѣхами пламя раздувать
Въ печахъ и ждутъ, удвоивъ рвенье.
Желанной жертвы приближенье.

А Робертъ юношѣ, принявъ
Коварный дружбы видъ;
„Тебя зоветъ зачѣмъ-то графъ!“
Съ улыбкой говоритъ.
И Фридолину графъ потомъ:
„Отправься въ лѣсъ, въ плавильный домъ,
И тамъ узнай: мое велѣнье
Исполнено ль безъ замедленья?“

„Исполню все!“ отвѣтилъ онъ,
И бодро въ путь спѣшитъ;
Вдругъ новой мыслью озаренъ,
Къ графинѣ онъ бѣжитъ:
„Я посланъ въ лѣсъ, въ плавильный домъ,
И если на пути моемъ
Отъ васъ мнѣ будетъ приказанье—
Удвою я свое старанье“.

И та ему отвѣтъ дала
Съ сердечной добротой:
„Охотно бъ въ церковь я пошла,
Но сынъ хвораетъ мой.
Зайди жъ, мой добрый Фридолинъ,
Туда—и помолись одинъ,
И, каясь Богу въ прегрѣшеньѣ,
И обо мнѣ пошли моленье".

И въ путь пошелъ онъ въ тотъ же мигъ
Съ веселою душой
Конца селенія достигъ
Поспѣшною стопой.
Вдругъ съ колокольни слышитъ онъ
Священный, благовѣстный звонъ,
Надежду грѣшникамъ дающій,
Къ святому таинству зовущій.

„Отъ Бога на пути своемъ
Не должно убѣгать"!
Сказалъ—и входитъ въ Божій домъ;
Все пусто; не слыхать
Ни шороха, ни звука тамъ:
Былъ занятъ жатвой по полямъ
Народъ—и причетъ не явился;
Одинъ священникъ тамъ молился.

И юноша рѣшился самъ
Исполнить долгъ святой,
Подумавъ: „служба небесамъ
Предшествуетъ земной".
Благоговѣйныхъ полный думъ,
Взялъ *столу* онъ и *цингулумъ*,
И приготовилъ все къ служенью.

И рвеньемъ набожнымъ горя,
Служебникъ чино взялъ,
Какъ министрантъ у алтаря,
Священнику предсталъ:
Внимая пастыря словамъ,
Склонялъ колѣно тутъ и тамъ,
И Sanctus возглашая внятно,
Звонилъ при имени трикратно.

Когда же тотъ предъ алтаремъ
Съ молитвою припалъ,
Свершилъ Дары и съ торжествомъ
Святой сосудъ подъялъ,
Онъ въ колокольчикъ зазвонилъ
И вѣрнымъ тайны возвѣстилъ—
И всѣ склонились умиленно
Предъ Искупителемъ вселенной.

Такъ все въ порядкѣ совершилъ,
Какъ должно, Фридолинъ;
Ему давно извѣстенъ былъ,
Церковной службы чинъ;
Но вотъ воскликнулъ наконецъ

„Vobiscum Dominus!" отецъ,
Духовныхъ чадъ благословляя,—
И служба кончилась святая.

Тогда все прежде по мѣстамъ
Заботливой рукой
Поставилъ онъ, очистилъ храмъ
И съ радостной душой,
Спокойный совѣстью, потомъ
Направилъ путь въ плавильный домъ,
Въ умѣ читая, по обряду,
Двѣнадцать Pater noster сряду.

И горнъ сверкавшій увидавъ,
Рабочимъ онъ сказалъ:
„Друзья, исполнено-ль, что графъ
Вамъ сдѣлать приказалъ?"
И тѣ, подъ раскаленный сводъ
Взглянувъ, скривили смѣхомъ ротъ:
„Онъ прибранъ тамъ и скрытъ отъ свѣта
И графъ похвалитъ насъ за это".

Съ такимъ отвѣтомъ къ графу онъ
Въ обратный путь спѣшитъ.
Явился въ замокъ; изумленъ,
Графъ на него глядитъ.
—„Скажи, несчастный! гдѣ ты былъ?

—„Въ плавильнѣ“.—„Нѣтъ! ты не ходилъ;
Иль опоздалъ туда явиться?“

—„Графъ! я зашелъ лишь помолиться.
„Простите мнѣ: какъ на заводъ
Послали вы меня,
По долгу службы напередъ
Зашелъ къ графинѣ я.
Къ обѣднѣ, графъ, она зайти
Мнѣ повелѣла на пути—
И я исполнилъ повелѣнье:
О васъ, о ней принесъ моленье“.

И графъ невольно пораженъ—
Смутился онъ душой;
—„Скажи“, спросилъ, блѣднѣя, онъ,
„Отвѣтъ былъ данъ какой?“
—„О, графъ, темна была ихъ рѣчь!
Смѣясь, они взглянули въ печь,
Сказавъ; онъ тамъ и скрытъ отъ свѣта,
И графъ похвалитъ насъ за это“.

—„А Робертъ?“ графъ спросилъ опять
И снова задрожалъ:
„Его не могъ ты не видать:
Я въ лѣсъ его послалъ“.
—„Нѣтъ, не встрѣчался онъ со мной!
Ни лѣсомъ ни дорогой той“.
—„Ну!“ графъ сказалъ, смирясь душою
„Такъ высшимъ рѣшено Судьею!“

И съ кроткой ласкою беретъ
Онъ за руку его,
Къ супругѣ, тронутый, ведетъ,
Не знавшей ничего,
И говоритъ: „передъ тобой
Онъ чистъ и праведенъ душой;
Ему не страшны ковы злые:
Съ нимъ Богъ и ангелы святые.

Ѳ. Миллеръ.

ДѢВИЦѢ ШЛЕФОХТЪ.

Ко дню ея бракосочетанія съ д-ромъ Штурмомъ.

(1797).

Иди, возлюбленная нами!
Твой путь усыпанъ цвѣтами!
Иди, невѣста! Расцвѣла
На нашихъ взорахъ ты красою,
И—непорочная душою—
Любви все сердце отдала.
Ты избрала судьбу благую,
Друзья прощаются съ тобой
И уступаютъ дорогую
Вполнѣ, вполнѣ любви одной.

Къ заботамъ нѣжнымъ и прелестнымъ,
Тебѣ пока еще безвѣстнымъ,
Тебя вѣнецъ готовитъ твой,
И чувства дѣтства золотыя,
И игры юности живыя
Остались всѣ ужъ за тобой.
Что началъ рѣзвый богъ съ крылами
Скрѣпляетъ строгій Гименей;
Но знай: для любящихъ цвѣтами
Обвиты звенія цѣпей.

И вѣдай: тайна есть святая,
Чтобъ вѣчно цвѣлъ, не увядая,
Вѣнецъ супруги молодой:
То доброты святой храненье;
Она лишь—сердца украшенье—
Ведетъ стыдливость за собой.
Она, какъ солнце, яснымъ свѣтомъ
Кругомъ сердца людей живитъ,
Она, лаская всѣхъ привѣтомъ,
Твое достоинство хранитъ.

Ѳ. Миллеръ.

БОЙ СЪ ДРАКОНОМЪ.

(1798).

Куда бѣгутъ толпы народа,
Шумя, крича? Нигдѣ прохода
На улицахъ. Родосъ огнемъ
Охваченъ, что ли? Бурно въ немъ,—
И средь бѣгущаго потока
Я вижу рыцаря—высоко
На скакунѣ; а позади
Влекутъ—какое, погляди,
Чудовище!.. На видъ—дракона.
Пасть крокодилью онъ свою
Разверзъ... Всѣ смотрятъ изумленно
На рыцаря и на змѣю.

И кликъ несется всенародный:
„Смотрите, вотъ тотъ звѣрь негодный,
Губившій пастуховъ, стада,—
И вотъ герой, кѣмъ навсегда
Мы спасены. Уже не мало
Другихъ на бой съ нимъ выѣзжало:
Но не вернулся ни одинъ...
Хвала, отважный паладинъ!“
И вотъ, въ обитель къ іоаннитамъ,
Народъ, за рыцаремъ во слѣдъ,
Идетъ, а тамъ уже синклитомъ
Собрались главы на совѣтъ.

Предъ благороднаго магистра
Предсталъ смиренно рыцарь. Быстро,
Ликуя, ломится народъ
Вездѣ, гдѣ только есть проходъ.—
И началъ юный побѣдитель:
„Драконъ, страны опустошитель,
Лежитъ, сраженъ моей рукой—
Долгъ рыцаря исполненъ мной,
Свободны всѣ пути отнынѣ,
Пастухъ, иди къ лугамъ своимъ,
На поклоненіе святынѣ
Ступай безстрашно, пилигримъ“.

Но строгій взглядъ въ него вперяя,
Магистръ сказалъ: „Тебя такая
Отвага краситъ; какъ герой
Ты поступилъ, явилъ ты свой
Безстрашный духъ. Но въ чемъ же главный
Долгъ рыцарей, что крестъ преславный
На платьѣ носятъ, давъ обѣтъ,
За вѣру биться? Дай отвѣтъ!“
Кругомъ блѣднѣютъ всѣ. Но воинъ,
Склонивъ главу:—Покорнымъ быть—
Сказалъ—нашъ главный долгъ; достоенъ
Покорный только крестъ носить“.

„И этотъ долгъ, мой сынъ, тобою
Теперь нарушенъ дерзко. Къ бою,
Что былъ закономъ запрещенъ,
Ты приступить дерзнулъ...“ Но онъ
Съ спокойнымъ духомъ отвѣчаетъ:
„Отецъ, пусть судъ твой покараетъ,
Когда услышишь все. Законъ
Я мнилъ исполнить такъ, какъ онъ
Гласитъ и хочетъ. Не съ слѣпою
Отвагой я на звѣря шелъ;
Былъ хитрый планъ обдуманъ мною,
И въ немъ побѣду я нашелъ.

„Пять нашихъ братій, бывшихъ славой
Христовой вѣры, ужъ кровавой
Погибли жертвой дикихъ силъ.
Тогда ты всѣмъ намъ запретилъ
Бороться съ змѣемъ; но желанье
Борьбы, печаль, негодованье
Мнѣ грызли сердце—и во снѣ
Казалось даже часто мнѣ,
Что я въ бою. День новый каждый
Вѣсть новыхъ бѣдствій приносилъ,
И я, охваченъ мщенья жаждой,
Съ врагомъ помѣряться рѣшилъ.

„Что—разсуждалъ я—украшаетъ
Младыхъ? Что мужа возвышаетъ?
Что совершали храбрецы,
О коихъ намъ поютъ пѣвцы,
Кого язычество слѣпое
Вводило въ царство неземное
Своихъ боговъ? Въ былые дни
Отъ злыхъ чудовищъ міръ они

Шли очищать; сражались съ львами,
Вступали съ минотавромъ въ бой
И бѣдныхъ жертвъ спасали, сами
Отважно жертвуя собой.

„Ужели мечъ христіанина
Достоенъ бить лишь сарацина?
Разить боговъ невѣрныхъ? Нѣтъ!
Онъ посланъ, какъ спаситель, въ свѣтъ,
Онъ долженъ всякому страданью
Несть избавленье мощной дланью;
Но мощь умъ долженъ направлять
И силу хитрость поражать.
И началъ я ходить въ засады,
Всѣ ходы хищника слѣдить,
И—вдругъ мой умъ разбилъ преграды,
Нашелъ онъ средство побѣдить.

„Тогда пришелъ къ тебѣ съ такою
Я просьбой; „Боленъ я тоскою
По родинѣ“. Ты отпустилъ,
И я, едва домой приплылъ,
Какъ поручилъ ужъ дарованью
Художника—по описанью
Чертъ, мной замѣченныхъ вполнѣ,
Фигуру змѣя сдѣлать мнѣ.
На низкихъ лапахъ груда тѣла
Легла всей тяжестью своей;
Броня чешуйная одѣла
Спину защитой страшной ей.

„Безмѣрно вытянута шея,
И пасть ужасная злодѣя,
Какъ ада дверь, разверзта вся,
Какъ будто онъ ужъ собрался
Схватить добычу; зубы дико
Торчатъ изъ бездны; точно пика
Остеръ языкъ; изъ глазъ—щелей
Сверкаютъ стрѣлы злыхъ огней.
Хребетъ чудовищный змѣинымъ
Хвостомъ закончился такимъ,
Что обовьетъ кольцомъ единымъ
Коня со всадникомъ своимъ.

„Все это—снимокъ очень вѣрный—
Окрасилъ я въ цвѣтъ мрачно сѣрый
И полу-червь, полу-драконъ,
Рожденный въ мерзкой лужѣ—онъ
Готовъ. Затѣмъ я выбралъ пару
Здоровыхъ договъ, полныхъ жару
И дѣло знающихъ свое—
Ходить на дикое звѣрье.
Я началъ ихъ травить на змѣя,
Въ нихъ злобу дикую будить,
Чтобъ, голосъ мой понять умѣя,
Неслись клыки въ него вонзить.

„Къ покровамъ чрева мягкошерстымъ,
Для укушенія отверзтымъ,
Я направляю псовъ моихъ,
Тамъ изощряю зубы ихъ.
А самъ, вооруженный, къ бою
Себя готовлю. Подо мною
Породы благородной конь,
Арабской крови. Въ немъ огонь
Спѣшу разжечь, въ бока вонзаю
Желѣзо шпоръ, на змѣя мчу,
И въ цѣль копье свое вонзаю,
Какъ будто проколоть хочу.

„Конь на дыбы встаетъ въ тревогѣ,
Грызетъ удила съ пѣной; доги
Въ испугѣ воютъ—я отъ нихъ
Не отстаю, въ трудахъ своихъ
Неутомимъ, пока до цѣли
Не дохожу. Такъ пролетѣли
Три мѣсяца. Когда затѣмъ
Псы ужъ освоились совсѣмъ—
Сюда я съ ними въ путь пустился;
Теперь я третье утро здѣсь,
Но отдыхъ дать себѣ рѣшился,
Лишь кончивъ трудный подвигъ весь.

„Сжигали сердце жаждой мести
О новыхъ злодѣяньяхъ вѣсти;
Услышалъ я еще на дняхъ
О трехъ погибшихъ пастухахъ.

И долѣ я не колебался,
Съ своимъ лишь сердцемъ совѣщался.
Собравъ служившихъ у меня,
Я сѣлъ на вѣрнаго коня,
Со мной мои лихіе доги,
И смѣло мчусь я на врага,
Избравши тайныя дороги,
Гдѣ не была ничья нога.

„Часовню знаешь ты святую,
Что зодчій на скалу крутую,
Поставилъ смѣлою рукой
Высоко надо всей страной.
По виду—домикъ скромный, скудный;
Но въ немъ хранится образъ чудный—
Младенецъ съ Матерью Своей,
Пріявшій даръ отъ трехъ царей.
Сто ступеней тяжелыхъ надо
Пройти наверхъ; но пилигримъ,
Чуть кончилъ путь—въ душѣ отрада;
Онъ здѣсь съ Спасителемъ своимъ.

„Внизу скалы глубоко врыта
Пещера; вся она облита
Болотной сыростью; туда
Свѣтъ дня не входитъ никогда.
Въ ней, день и ночь подстерегая
Добычу, жилъ губитель края;
Какъ адомъ посланный драконъ,
На стражѣ божья дома онъ.
И если пилигримъ сбивался
Съ своей дороги—страшный змѣй
Вмигъ изъ засады устремлялся
И жертву влекъ къ норѣ своей.

„Къ опасной приготовясь битвѣ,
Я прежде вверхъ пошелъ—въ молитвѣ
Склонивъ главу подъ ликъ Христовъ,
Очистить сердце отъ грѣховъ.
Затѣмъ въ святыхъ стѣнахъ спасенья
Себя красой вооруженья
Я опоясалъ; укрѣпилъ
Въ рукѣ копье—и скоро былъ
Опять внизу. Теперь въ дорогу!
Слугамъ велѣлъ я ждать меня
И, поручивши душу Богу,
Вскочилъ на вѣрнаго коня.

„Едва въ равнину мы пробрались,
Мои собаки заметались.
Конь, взвившись на дыбы, храпитъ:
Вблизи чудовище лежитъ,
Свернувшись клубомъ, грѣя тѣло
На знойномъ солнцѣ. Доги смѣло
Несутся на него—но вдругъ
Стрѣлой назадъ ихъ мчитъ испугъ,
Когда изъ широкораскрытой
Свирѣпой пасти испустилъ
На нихъ онъ вѣтеръ ядовитый
И какъ шакалъ степной завылъ.

Но я ихъ ободряю крикомъ.
И въ бѣшенствѣ хватаютъ дикомъ
Они змѣю, а я въ нее
Изъ мощныхъ рукъ мечу копье.
Но отъ брони чешуйной тѣла
Оно безсильно отлетѣло,
Какъ тонкій прутъ. Ударъ второй
Готовъ—но конь мятется мой
Предъ этимъ взглядомъ василиска,
Его дыханья слыша ядъ,
Дрожитъ, не подступаетъ близко
И—вдругъ прыгнулъ совсѣмъ назадъ.

Тогда его я покидаю
И быстро мечъ свой обнажаю;
Летятъ удары—но они
Для твердой, какъ утесъ, брони
Безсильны. Хвостъ въ свирѣпомъ взмахѣ,
Меня повергъ; лежу во прахѣ
И пасть, разверзтой глубиной,
Уже зіяетъ надо мной.
Но бѣшено въ мгновенье это
Два пса впились въ его животъ,
Отъ боли онъ не взвидѣлъ свѣта
И съ дикимъ воемъ весь встаетъ.

И прежде, чѣмъ освободился
Отъ ихъ зубовъ—я очутился
Ужъ на ногахъ, и сталь свою
Въ то мѣсто, что подъ чешую
Не скрыто, погрузилъ глубоко;
Волною чернаго потока
Кровь хлынула, и рухнулъ змѣй,
Меня подъ грудою своей
Похоронивъ. Когда поднялся
Я вновь, то былъ ужъ окруженъ
Оруженосцами. Валялся
Въ крови издохнувшій драконъ".

Онъ кончилъ. Клики ликованья
Исторгнулъ изъ груди собранья

Его разсказъ. Шумитъ народъ,
Десятикратнымъ эхомъ сводъ
Высокой залы огласился
И дальше, дальше покатился;
И даже ордена сыны
Кричатъ, чтобъ были возданы
Герою почести вѣнчанья;
Толпа тріумфа жадно ждетъ—
Но всталъ магистръ, и знакъ молчанья,
Чело наморщивъ, подаетъ.

Онъ говоритъ: „Драконъ тобою
Убитъ; сраженъ твоей рукою
Бичъ всей страны: въ лицѣ твоемъ
Народъ зритъ Бога; но врагомъ,
Мой сынъ, ты въ орденъ возвратился:
Страшнѣй дракона змѣй родился
Въ твоей душѣ—строптивый змѣй,
Что создаетъ въ сердцахъ людей
Вражду и гибель, разрушаетъ
Законы дерзкою рукой,
Порядка узы разрываетъ
И рушитъ міра прочный строй.

„Живетъ и въ сердцѣ бедуина
Отвага; но христіанина
Покорность украшаетъ. Тамъ,
Гдѣ униженіе и срамъ
Терпѣлъ Христосъ—на той священной
Землѣ былъ орденъ нашъ почтенный
Основанъ съ цѣлью—исполнять
Труднѣйшій долгъ: свои смирять
Желанія. Тебя подвинулъ
Тщеславья духъ—уйди жъ отъ насъ!
Кто иго Господа отринулъ,
Сними и крестъ Его тотчасъ".

Сказалъ. Всѣ братья у владыки
Пощады молятъ. Стоны, крики—
Толпа бушуетъ, какъ гроза.
Но рыцарь опустилъ глаза,
Свой плащъ безъ словъ снимаетъ быстро,
Цѣлуетъ руку у магистра,
Идетъ... Но старца нѣжный взглядъ
Слѣдитъ за нимъ: его назадъ
Зоветъ: „Ко мнѣ въ объятья, чадо!
Побѣда *эта* выше *той*.
Пріемли крестъ сей. Онъ—награда
Для тѣхъ, кто духъ смиряетъ свой".

Петръ Вейнбергъ.

СЧАСТІЕ.

(1798).

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ,
Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ,
А силы печать на чело отъ руки громовержца!
Великій, божественный жребій счастливца постигнулъ;
Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ,
Любимецъ хариты плѣняетъ, труда не пріемля,
Великимъ да будетъ, кто, собственной силы созданье,
Душою превыше и тайныя Парки, и рока;
Но счастье и граціи улыбка не силѣ подвластны.
Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нисходитъ;
Какъ сердце любовницы тайной исполнено страсти,
Такъ всѣ громовержца дары неподкупны едины; единый
Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эрота и Зевса;
И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу:
Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго полный,
И волны власовъ, отѣнившихъ чело и ланиты.

Веселому чувствовать радость; слѣпымъ, а не зрящимъ,
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ:
Имъ милъ простоты непорочныя дѣвственный образъ—
И въ скромномъ сосудѣ небесное любитъ скрываться.
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ
Велитъ ниспускаться—да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа,
Свободно въ толпѣ земнородныхъ, замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку.
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый, сердецъ повелитель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ брегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъемлетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный; подобіе Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенной Кипридой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться любовью.
И менѣе ль славы Ахиллу, что онъ огражденъ невредимымъ
Щитомъ, искованьемъ Ифестова дивнаго млата,
Что смертный единый все древнее небо въ смятенье приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ,
Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во славу,
Эллиновъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенера низводятъ.
Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелесть ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой;
Пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебѣ наслажденье.
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избранныхъ сходитъ;
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы наполненъ:
Скрывающій бога въ душѣ претворенъ и для внемлющихъ въ бога;
Онъ счастливъ собою—ты, имъ наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай предъ зерцаломъ Ѳемиды вѣнокъ отдается заслугѣ;
Не радость лишь боги на смертное око низводятъ.
Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растетъ, созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ;
Но счастія мы и красы никогда въ созрѣваньи не видимъ:
Отъ вѣка они совершенны во всемъ совершенствѣ созданья.
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря.
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ ополчена,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца родится.

В. Жуковскій.

ПОРУКА.

(1798).

Діонисія Дамонъ убить замышлялъ,
Подкравшись, ударомъ кинжала,
Но стража его удержала.
„Кому, говори, ты готовилъ кинжалъ?“
Такъ плѣннику грозный властитель сказалъ.
— „Тирану отчизны священной“...
„Умри жъ на крестѣ, дерзновенный!“

—„Готовъ я на смерть; я отъ страха далекъ;
Молить о пощадѣ не стану“,—
Отвѣтилъ онъ смѣло тирану,—
„Но дай, ради Неба, трехдневный мнѣ срокъ,
Чтобъ замужъ я выдать сестру мою могъ,
Я друга оставлю въ поруки,
Что къ смертной предстану я мукѣ“.

Съ улыбкою, злобу на сердцѣ храня,
Царь молвилъ по краткомъ молчаньѣ:
„Исполню твое я желанье,
Ступай, я даю тебѣ сроку три дня;
Но знай: не предстанешь тогда предъ меня,—
Я друга предамъ на мученье,
Тебѣ же прощу преступленье“.

И къ другу пришелъ онъ: „Властитель изрекъ,
Чтобъ смерти мнѣ крестной мученье
Принять за мое покушенье;
Но только даетъ онъ трехдевный мнѣ срокъ,
Чтобъ замужъ я выдать сестру мою могъ;
Побудь за меня въ заключеньѣ
Въ залогъ моего возвращенья“.

Другъ вѣрный къ груди его молча прижалъ,
И далъ заковать себя въ узы;
А Дамонъ спѣшитъ Сиракузы
Оставить, и только день третій насталъ,
Поспѣшно онъ бракомъ сестру сочеталъ,
И къ другу съ заботою нѣжной
Онъ къ смерти идетъ неизбѣжной.

Вдругъ буря завыла, и шумно съ высотъ
Низверглись въ долину потоки,
Повсюду стремнины глубоки;
Рѣка на дорогѣ,—онъ къ мосту идетъ,—
А волны изъ берега хлещутъ,—и вотъ —
Обрушили съ грохотомъ воды
Его потрясенные своды.

Напрасно по берегу взадъ и впередъ
Онъ ходитъ и даль озираетъ,
Напрасно свой зовъ посылаетъ!—
Нигдѣ челнока не видать среди водъ,
Ни парусъ привѣтный нигдѣ не мелькнетъ!
И сталъ онъ, подавленный горемъ...
Рѣка ужъ становится моремъ!

Тогда на колѣна съ мольбою онъ палъ,
Тревоги томительной полный
„О Зевсъ! усмири эти волны:
Часы улетаютъ,—ужъ полдень насталъ,—
Священный обѣтъ я властителю далъ...
Ахъ, если возвратъ запоздаетъ,
Мой другъ за меня пострадаетъ!“

Но тщетно! пучина сильнѣе реветъ,
Волна на волну набѣгаетъ,
За часомъ другой улетаетъ;
Тогда онъ съ отчаянья смѣло впередъ, —
Кидается въ лоно клубящихся водъ.
И бьетъ ихъ рукою могучей,
Въ борьбѣ со стремниной кипучей.

И вотъ онъ до брега достигъ и съ мольбой
Принесъ благодарность Зевесу;
Но вдругъ изъ сосѣдняго лѣсу
Выходятъ разбойники буйной толпой,
Убійства алкая суровой душой,
Дубинами грозно махаютъ
И страннику путь заграждаютъ.

„Что нужно вамъ? нѣтъ у меня ничего“ —
Сказалъ онъ, отъ страха блѣднѣя:
„Я жизнію только владѣю, —
И ту я храню для царя моего!“
И, вырвавъ дубину изъ рукъ одного,
Взмахнулъ онъ, — и трое упали,
Другіе же въ лѣсъ убѣжали.

Но солнце, сіяя въ лучахъ огневыхъ
На путника зной изливаетъ,
И сила его оставляетъ.
„Ты вынесъ меня изъ пучинъ водяныхъ,
Ты спасъ отъ ватаги злодѣевъ лѣсныхъ,
Пошли мнѣ, о Зевсъ, подкрѣпленье,
Чтобъ друга спасти отъ мученья!“

И вдругъ близъ него, подъ сосѣдней скалой
Послышалось будто журчанье,
Дрожа, притаилъ онъ дыханье ..
И видитъ — потокъ серебристый, живой,
Бѣжитъ и шумитъ говорливой струей,
И Дамонъ къ нему наклонился
И влагой его освѣжился.

И солнце бросаетъ на лугъ золотой,
Блестя сквозь зеленыя сѣни,
Деревьевъ гигантскія тѣни,
Два путника идутъ дорогой большой;
Онъ ихъ обгоняетъ поспѣшной стопой,
И звуки къ нему долетаютъ;
„Теперь ужъ его распинаютъ!“

Тоска въ его сердцѣ, въ душѣ его адъ,
И страхъ его бѣгъ окрыляетъ;
А солнце вдали догораетъ;
Предъ нимъ сиракузскія башни блестятъ;
Идетъ ему встрѣчно сѣдой Филостратъ,
Онъ, вѣрный слуга господина,
Узналъ своего властелина.

Назадъ! ты ужъ къ другу теперь опоздалъ;
О собственномъ думай спасеньѣ;
Царь предалъ его на мученье.
Твой другъ до послѣдней минуты питалъ
Надежду въ душѣ и тебя поджидалъ,
И тщетно врага посмѣянье
Смущало его упованье“.

—„И если ужъ поздно, и если ужъ мой
Возвратъ для него не спасенье, —
Такъ я раздѣлю съ нимъ мученье!
Пусть гордый тиранъ не смѣется, что мной
Долгъ чести и дружбы нарушенъ прямой;
Пусть жертву казнитъ и другую,
Но дружбу признаетъ святую!“

И солнце ужъ сѣло, и вотъ онъ у вратъ;
И видитъ тамъ крестъ водруженный,
Народной толпой окруженный,
И вотъ его друга ужъ тащитъ канатъ...
Тогда раздвигаетъ онъ зрителей рядъ:
„Палачъ! для меня эта мука:
Я тотъ, за кого онъ порука!“

Толпа на друзей въ изумленьи глядитъ;
Какъ нѣжны ихъ ласки, лобзанья,
Въ нихъ радость и горе свиданья...
И слезы у всѣхъ исторгаетъ ихъ видъ.
Объ этомъ извѣстье тирану летитъ,
И грозное сердце смягчаетъ,
И къ трону онъ ихъ призываетъ.

На нихъ съ умиленной взирая душой,
Сказалъ онъ имъ: „вы побѣдили!
Вы сердце мое умилили...
Нѣтъ, вижу, что дружба не призракъ пустой!
Примите жъ меня въ свой союзъ вы святой,
Пусть буду я третьимъ межъ вами,
И станемъ отнынѣ друзьями!“

Ѳ. Миллеръ.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(1798).

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте!
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Церера сдружила враждебныхъ людей,
Жестокіе нравы смягчила
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ Номадъ скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать-Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины;
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

„Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточеньѣ
Узникъ брошенный, страдалъ?

„Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать, къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойный,
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ“.

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей.
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: „Богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ:
Чистымъ чистое угодно;
Даръ достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ“.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка,
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно—
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля—
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля.
Ихъ она благословляетъ
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: „Прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ давай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты!
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя!“

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ.
Вмигъ алтарь воспламенился,
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей:
Упали во прахъ передъ дивной Церерой,
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье,
И, съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ жатвой
Озлатившихся полей
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ:
Богъ ремеслъ изобрѣтатель,
Онъ людей дружитъ съ огнемъ,
Учитъ ихъ владѣть клещами,
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ
И искусными трудами
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ
И боговъ къ строенью града
Крѣпко-стѣннаго зоветъ,
Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣпью смѣрена равнина,
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ,
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся нимфы, ореады,
За Діаной по лѣсамъ,
Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ
Съ звонкимъ скачущія лукомъ;
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ—
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И, сіяя, низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посейдонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земного онъ,
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ—
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтло-главый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно мѣрный звонъ;
И веселыя камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ—
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное творенье
Довершаетъ въ честь богамъ
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ—великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ,
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ

Въ храмѣ дѣву красоты
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ.
Въ храмѣ Зевсовомъ царица
Мать-Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

„Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
Правитъ всѣмъ свободно богъ;
Ихъ законъ—законъ природы.
Человѣкъ, пріявъ залогъ
Зоркій умъ—звено межъ ними—
Для гражданства сотворенъ:
Здѣсь лишь нравами одними
Можетъ быть свободенъ онъ".

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте!
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ.
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте!
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ:
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ.
И жизни постигъ благородство.

В. Жуковскій.

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

(1798).

Проходятъ тучи по небу, дубовый лѣсъ шумитъ,
Въ травѣ зеленой дѣвушка на берегу сидитъ.
Несутся съ дикой силою во слѣдъ волнѣ волна;
И вздохи шлетъ тяжелые въ морскую тишь она;
И взоръ слеза затмила.

„На вѣки сердце умерло, пустыней сталъ мнѣ свѣтъ;
Надеждамъ и желаніямъ ужъ исполненья нѣтъ.
Возьми, возьми, Пречистая, свое дитя къ Себѣ—
Я счастіе извѣдала въ своей земной судьбѣ,
Жила я и любила!"

„Напрасно слезы горькія струятся безъ конца;
Въ гробу людская жалоба не будитъ мертвеца,
Но чѣмъ Я, послѣ радостей исчезнувшей любви,
Утѣшить, исцѣлить тебя могла-бы—назови,
Исполню всѣ желанья".

„Напрасно слезы горькія пусть льются безъ конца;
Пускай людская жалоба не будитъ мертвеца.
Коль хочешь послѣ радостей исчезнувшей любви
Дать счастье высочайшее больной душѣ—живи,
Неся любви страданья".

Петръ Вейнбергъ.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ.

(1798).

(Изъ «Лагеря Валленштейна»).

Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле! На волю честную!
На полѣ, на волѣ ждетъ доля меня—
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитникомъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою—за себя одного!

Нѣтъ воли на свѣтѣ! Владыка казнитъ
Рабовъ безотвѣтно-послушныхъ;
Притворство, обманъ и коварство царитъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ.
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ,
Одинъ только воленъ... А кто онъ? Солдатъ!

Житейскія дрязги съ души онъ долой;
Нѣтъ страха ему и заботы;
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой:
Не нынче, такъ завтра съ ней счеты!
А завтра—такъ что же? Вѣдь чаша полна!
Сегодня-жъ ее мы осушимъ до дна!

Солдату веселье хоть съ неба сошли,
А самъ онъ труда и не знаетъ,
Поденщикъ копаетъ утробу земли
И думаетъ—кладъ откопаетъ:
И заступомъ роетъ, всю жизнь удрученъ,
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ.

И къ замку ѣздокъ подлетѣлъ на конѣ—
Нечаянный гость и нежданный;
А въ свадебномъ замокъ пылаетъ огнѣ,
И въ замокъ онъ входитъ незванный:
Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ—
Съ налету награду любви онъ сорвалъ!

Что плачетъ красотка? Тоскуетъ о чемъ?
Пусти! не собьешь вѣдь съ дороги.
Съ семейною кровлей солдатъ незнакомъ—
Не вѣдалъ сердечной тревоги....
Влечетъ его быстро судьба за собой
И словъ онъ не знаетъ: пріютъ и покой.

Живѣй-же, друзья! вороного сѣдлай!
Бой жаркую грудь расхолодитъ....
И юность, и жизнь такъ и бьетъ черезъ край!
Пей смѣло, пока еще бродитъ...
И жизни своей на игру не жалѣй
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

Л. Мей.

НЕНІЯ.

(1799).

Смерть суждена и прекрасному—богу людей и безсмертныхъ
Зевса стигійскаго грудь, мѣди подобно, тверда,
Разъ лишь достигла любовь до властителя сумрачныхъ тѣней,
Но при порогѣ еще строго онъ отнялъ свой даръ.
Не усладить Афродитѣ прекраснаго юноши рану.
Вепрь безпощадно красу тѣла его растерзалъ.
И безсмертная мать не спасла великаго сына:
Палъ онъ у скейскихъ воротъ волей державныхъ судебъ...
Но она вышла изъ моря въ сонмѣ дщерей Нерея:
Въ жалобахъ ожилъ опять славный дѣлами герой.
Видишь: боги рыдаютъ и плачутъ богини Олимпа,
Что совершенному—смерть, смерть красотѣ суждена.
Даже и пѣснью печали славно въ устахъ быть любимыхъ:
Только ничтожное въ Оркъ сходитъ безъ звуковъ любви.

М. Михайловъ.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

(1799).

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango.

Утвердивши форму въ глинѣ,
Обожженную огнемъ,
Выльемъ колоколъ мы нынѣ;
Ну, живѣй, друзья, начнемъ!
Если градомъ потъ
Съ жаркихъ лицъ течетъ—
Мастеръ честь за трудъ находитъ;
Благодать же свыше сходитъ.

Разумный трудъ, начатый нами,
Разумныхъ требуетъ рѣчей:
Работа съ мудрыми рѣчами
Идетъ успѣшнѣй и быстрѣй.
И такъ, обдумаемъ прилежно,
Что слабой силою свершимъ:
Презрѣнъ, кто дѣйствуетъ небрежно
Не думавъ надъ трудомъ своимъ!
Въ томъ человѣку честь и слава,
На то и свѣтлый разумъ въ немъ,
Чтобъ замышлялъ онъ въ сердцѣ здраво
О каждомъ подвигѣ своемъ.

Дровъ давай сюда проворнѣй,
Дровъ сосновыхъ и сухихъ,
Чтобъ огонь, стѣсненный въ горнѣ,
Охватилъ въ минуту ихъ.
Мѣдь дружнѣе плавь,
Олова прибавь,
Чтобы съ силой надлежащей,
Мѣдь слилась струей кипящей.

Что съ помощью огня глубоко
Тутъ въ ямѣ сила рукъ создастъ,
То звукомъ вѣсть объ насъ далеко
Съ высокой башни передастъ.
И звукъ пойдетъ къ столѣтьямъ дальнимъ

И многимъ смертнымъ слухъ плѣнитъ,
Застонетъ жалобно съ печальнымъ
И въ хоръ мольбы соединитъ.
Чтобъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ,
Про все звучитъ вѣнецъ металла—
И поучителенъ имъ звонъ.

Пузыри блестятъ по сплаву:
Дружно!—плавится металлъ.
Поташу прибавь къ составу,
Чтобъ составъ не застывалъ.
Смѣсь въ горну мѣшай,
Пѣну очищай,
Чтобъ металлъ, очищенъ жаромъ,
Чистый звукъ давалъ не даромъ.

Веселый звонъ святого пира
Встрѣчаетъ милое дитя,
Когда оно въ объятьяхъ мира
Вступаетъ въ область бытія;
Покуда жребій неизбѣжный
Почіетъ въ мглѣ грядущихъ лѣтъ,
Лелѣетъ мать съ заботой нѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ.
Но дни за днями мчатся вслѣдъ.
Съ подругой дѣтства отрокъ смѣлый
Разстался гордо въ жизнь влекомъ,
Обходитъ міръ и—мыслью зрѣлый—
Идетъ, какъ странникъ, въ отчій домъ.
Тамъ въ нѣгѣ юности чудесной,
Какъ дивный образъ неземной,
Въ лицѣ съ стыдливостью прелестной,
Онъ видитъ дѣву предъ собой.
И сердце юноши пылаетъ:
Неизреченныхъ полный мукъ
Онъ слезы льетъ, онъ покидаетъ
Разгульныхъ братій буйный кругъ;
За ней онъ слѣдуетъ, безмолвный,
Ея привѣтомъ онъ согрѣтъ.
И въ даръ любви, восторговъ полный,
Съ полей приноситъ лучшій цвѣтъ.
О, нѣга чувствъ, надежды сладость!
О, первой страсти мигъ златой!
Душа вкусила жизни радость,
Для ней открылся рай земной.
Зачѣмъ же мчишься, прелесть мая?
Постой, любви пора младая!

Вотъ ужъ сопла стали родиться;
Опущу я прутъ опять:
Если онъ остеклянится,
Значитъ—время выливать.
Ну, друзья, живѣй!
Пробуйте скорѣй,
Слилъ ли вмѣстѣ пламень горна
Все, что мягко, что упорно.

Гдѣ строгость съ нѣжностью, гдѣ сила
Съ душою кроткой въ связь вступила,
Тамъ раздается добрый звукъ.
Найди жъ, кто ищетъ связи вѣчной,
Для сердца склонности сердечной:
За мигъ мечтанья—годы мукъ!
Свѣжъ, душистъ вѣнокъ любовный
У невѣсты вкругъ кудрей
Въ часъ, какъ благовѣстъ церковный
Къ торжеству зоветъ гостей.
Ахъ! тотъ праздникъ жизни новой
Губитъ жизни свѣтлый май:
Поясъ снявъ, сорвавъ покровы,
Молви призракамъ: прощай!

Страсть сердца пройдетъ,
Любовь остается:
Цвѣтокъ отцвѣтетъ,
Но плодъ разовьется.
Мужъ долженъ потомъ
Въ бой съ жизнью стремиться,
Творить и трудиться;
Онъ долженъ искать,
Хитрить, добывать,
Дерзать, состязаться—
За счастьемъ гоняться
И вотъ—полилися богатства, какъ волны:
Амбары пожитками до верху полны;
Сталъ нуженъ просторъ, раздвигается домъ.

А въ нѣдрахъ семейства,
Съ стыдливостью скромной,
И мать, и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней
Кругъ правитъ домашній.
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учитъ, смиряетъ,
И, съ мудрой заботой,
Прилежной работой
Порядокъ ведетъ
И множитъ доходъ,
И копитъ богатства въ прилавкахъ сосновыхъ,
И нитки съ жужжащихъ прядетъ веретенъ,
И въ шкафахъ хранитъ, и опрятныхъ, и новыхъ,
Блестящую шерсть, ослѣпительный ленъ,
И, домъ украшая изяществомъ строя,
Не знаетъ покоя.

И радостнымъ взоромъ отецъ
Съ балкона высоко-стоящаго дома
Не видитъ, гдѣ счастью конецъ.
Предъ нимъ воротныя вздымаются створы,
Въ амбарахъ сокровищъ подъемлются горы,
И закромы гнутся отъ милостей неба,
И нивы волнуются жатвою хлѣба,
И сказалъ онъ съ гордостью:

„Съ незыблемой твердостью,
Прочнѣе основъ земныхъ,
Я счастливый домъ воздвигъ".
Но съ враждебной силой рока
Проченъ нашъ союзъ—до срока;
Вотъ и горе настаетъ.

Лить теперь мы можемъ смѣло:
Ужъ зубчатымъ сталъ изломъ.
Но пока начнемъ мы дѣло,
Бога въ помощь призовемъ.
Краны отверни!
Боже, домъ храни!
Вотъ по жолобу, сверкая,
Брыжжетъ масса огневая.

Огонь намъ въ пользу, если онъ
У насъ обузданъ, укрощенъ;
Что ни творимъ, ни создаемъ—
Огонь союзникъ нашъ во всемъ;
Но страшенъ намъ его союзъ,
Когда, сорвавшись съ крѣпкихъ узъ,
Себѣ онъ путь прорветъ одинъ,
Природы щедрой вольный сынъ.
Горе, если, сбросивъ съ выи
Грузъ цѣпей, свирѣпъ и яръ,
Двинетъ волны огневыя
Вдоль по улицамъ пожаръ!
Ненавидятъ въ насъ стихіи
Творчества небесный даръ.
Благодатный
Льется съ тучи
Дождь могучій!
Но и молній страшный лучъ
Съ тѣхъ же тучъ!
Чу! на башнѣ бьютъ набатъ!
То пожаръ!
Словно жаръ,
Небо рдѣетъ;
Но не утро то алѣетъ.
Чу! тревога...
Стукъ и громъ...
Дымъ кругомъ...
Столбъ огня взлетаетъ съ блескомъ;
Рядъ строеній, съ громомъ, съ трескомъ,
Пламя мигомъ охватило;
Раскаленъ, какъ изъ горнила,
Воздухъ жжетъ; трещатъ стропила;
Скрипъ воротъ, дверей стучанье,
Стеколъ трескъ и дребезжанье;
Матерей, дѣтей рыданье,
Стоны, крики,
Безпокойный
Ревъ звѣрей, вой бури дикій—
Все слилося въ гулъ нестройный,
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, спасаютъ.
Небеса какъ днемъ сіяютъ.
По рукамъ, сквозь дымъ, подъ зноемъ,
Длиннымъ строемъ
Мчатся ведра, льютъ дугою
Въ пламя волны за волною!
Съ воемъ дунулъ вѣтръ грозою
На пылающій пожаръ—
Вотъ на вспыхнувшій амбаръ
Палъ: трещатъ, огнемъ объяты,
Бревна, балки и накаты,..
Пламя—будто хочетъ въ паръ
Превратить земной весь шаръ—
Поднялося великаномъ
До небесъ.
Безъ надежды смертный здѣсь
Силѣ Божьей уступаетъ:
Праздно зритъ, какъ погибаетъ
Трудъ его подъ ураганомъ.

Въ запустѣньи
Домъ старинный,
Дикихъ бурь притонъ пустынный.
Въ окнахъ выбитыхъ гнѣздится
Страхъ могучій;
Въ нихъ заглядываютъ тучи
Съ высоты.

Грустный взглядъ
На пустое пепелище,
Счастья прежняго кладбище,
Человѣкъ стремитъ назадъ...
И взялъ онъ посохъ, жалкій нищій,
Но пусть огнемъ лишенъ всего—
Онъ вѣритъ сладостной надеждѣ:
Онъ счелъ своихъ—и вотъ, какъ прежде,
Всѣ невредимы вкругъ него.

Въ землю влитъ металлъ горячій;
Неудачъ пока намъ нѣтъ;
Но съ такою ли удачей
Честь искусства выйдетъ въ свѣтъ?
Ну, какъ вышло въ щель?
Лопнула модель?
Ахъ!какъ знать? быть-можетъ, вскорѣ,
Гдѣ не ждемъ, нагрянетъ горе.

Земли священной темнымъ нѣдрамъ
Созданье наше вручено:
Такъ сѣетъ сѣятель зерно
И ждетъ, пока въ обильѣ щедромъ
Въ урочный день взойдетъ оно.
Но, ахъ! еще дороже сѣмя
Въ слезахъ кладемъ мы въ грудь земли.
И вѣримъ, что настанетъ время—
И процвѣтетъ оно изъ тли.

Съ колокольни,
Будто стонъ,
Похоронный
Льется звонъ.
Грустно стонетъ мѣди звукъ унылый
Надъ отшедшимъ въ дальній путь могилы.

Ахъ! то нѣжная супруга,
Ахъ! то мать младая въ гробѣ!
Изъ семейственнаго круга
Смерть-губительница въ злобѣ
Мчитъ ее въ страну тѣней
Отъ супруга, отъ дѣтей,
Начинавшихъ дни свои
Подъ крыломъ ея любви.
Ахъ! на вѣки разрывается
Дома связь и благодать:
Ужъ въ странѣ тѣней скитается
Благодѣтельница-мать
Ахъ прошли минуты счастія,
Нѣтъ заступницы сиротъ;
Безъ любви и безъ участія
Къ нимъ чужая въ домъ войдетъ.

Колоколъ пока простынетъ.
Пусть, какъ птичка у гнѣзда,
Всякъ изъ насъ заботу кинетъ
Послѣ тяжкаго труда.
Лишь звѣзда взойдетъ,
Часъ зари пробьетъ—
Вся артель идетъ съ работы;
Мастеру всегда заботы.

Вотъ чрезъ боръ непроходимый,
Ободрясь, шаги торопитъ
Путникъ къ хижинѣ родимой.
Вотъ бѣгутъ съ блеяньемъ овцы;
Вотъ и стадо
Круторогихъ, толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, съ ревомъ
Подъ роднымъ тѣснится кровомъ.
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжко
Колыхаясь,
И вѣнками,
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтетъ,
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.
Площадь, улицы стихаютъ.
Къ огоньку собрался мирно
Кругъ домашнихъ, и со скрипомъ
Затворилъ ворота городъ.
Въ міръ нисходитъ
Мракъ; но въ ужасъ
Мирныхъ гражданъ не приводитъ
Часъ ночной—
Часъ, когда губитель бродитъ:
Ихъ хранитъ законъ святой.

О, святой порядокъ, чудный
Даръ небесный! правосудный,
Вѣрный, кроткій правъ блюститель!
Городскихъ твердынь зиждитель!
Въ города изъ дебрей темныхъ
Дикарей призвавъ бездомныхъ,
Ты вселился къ нимъ подъ кровы,
Укротилъ въ нихъ нравъ суровый
И нѣжнѣйшую цѣпь жизни
Имъ сковалъ—любовь къ отчизнѣ.

Въ дружномъ, пламенномъ стремленьи
Трудъ всѣ руки братски слилъ—
И цвѣтетъ союзъ въ движеньи
Проявленьемъ общихъ силъ.
Мастеръ и работникъ равны,
Каждый гордъ своей судьбой:
Гдѣ законовъ щитъ державный,
Тамъ отпоръ обидѣ злой.
Трудъ есть гражданъ украшенье,
Прибыль—плата ихъ трудамъ,
Честь царямъ за ихъ правленье,
За труды почетъ и намъ.

Миръ прекрасный!
Душъ согласье!
Вѣчно, вѣчно
Охраняйте городъ нашъ!
Да не явится вовѣки
День, въ который громъ оружій
Возмутитъ нашъ мирный край,
Грозный день, когда сводъ неба,
Гдѣ теперь зари пурпурной
Лучъ горитъ,
Городовъ и весей бурный
Огонь пожаровъ озаритъ!

Ну, теперь ломайте зданье:
Въ немъ ужъ колоколъ отлитъ.
Пусть изящное созданье
Взоръ и сердце веселитъ.
Бей же, молотъ, бей!
Чтобъ въ красѣ своей
Колоколъ возсталъ предъ нами:
Форма пусть спадетъ кусками.

Разбить лишь мастеръ можетъ форму
Рукою мудрой въ должный срокъ;
Но—горе, если самъ изъ горну
Прорвется пламенный потокъ!
Съ громовымъ трескомъ домъ на части
Взрываетъ мѣди бурный паръ
И, какъ изъ черной адской пасти,
Стремитъ губительный пожаръ.

Гдѣ буйныхъ силъ кипитъ возстанье,
Тамъ гибнетъ каждое созданье;
Гдѣ самовольствуетъ народъ,
Тамъ время бѣдствій настаетъ.
Бѣда странѣ, въ которой пламя
Скопится въ нѣдрахъ городовъ,
Гдѣ чернь, поднявъ возстанья знамя,
Съ себя сбиваетъ грузъ оковъ.
Тогда въ рукахъ толпы преступной
Зловѣщій загудитъ металлъ,

A
A
V
C
M
C
F
Γ
A
Д
У
E
A
F
I
F

И—мира вѣстникъ неподкупный—
Къ насилью первый дастъ сигналъ.
Чу! крики бѣшенной тревоги:
Къ оружью, мирный гражданинъ!
Толпы бѣгутъ; дворцы, дороги
Полны убійственныхъ дружинъ;
Тогда и женщины-гіены
Ликуютъ въ ужасахъ пировъ,
Какъ тигры, рвутъ зубами члены,
Сердца кровавыя враговъ.
Тогда святого нѣтъ ужъ болѣ:
Покинулъ скромный стыдъ людей,
Пороки царствуютъ на волѣ,
Надъ добрымъ высится злодѣй.
Ужасна львица въ пробужденьи,
Ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ;
Но что всѣ ужасы въ сравненьи
Съ твоимъ безумствомъ, человѣкъ?
И горе тѣмъ, кто свѣточъ рая
Слѣпцамъ отъ вѣчности вручитъ:
Не свѣтъ, но пламень разливая,
Онъ грады, страны пепелитъ.

Радость небо мнѣ послало!
Посмотрите! вотъ оно:
Какъ звѣзда сквозь покрывало,
Блещетъ мѣдное зерно,
И горитъ на немъ
Солнечнымъ огнемъ
И вѣнецъ, и гербъ державный,
Какъ желалъ художникъ славный.

Друзья! скорѣй
Въ одинъ кружокъ сольемся съ ликованьемъ
И окрестимъ нашъ колоколъ названьемъ:
Согласіе, для счастія людей.
Для мирныхъ дѣлъ, для дружескихъ объятій
Пусть весь приходъ сзываетъ онъ какъ братій,
И вѣчно тѣмъ да будетъ онъ,
На что онъ нами освященъ!
Подъ пологомъ святой лазури,
Надъ низкой жизнію земной,
Да будетъ онъ въ сосѣдствѣ бури
Граничить съ звѣздной стороной.
Да будетъ свыше онъ глаголомъ
О томъ, какъ звѣздный хоръ поетъ
Гимнъ Богу предъ Его престоломъ
И въ вѣчность сводитъ старый годъ.
Изъ мѣдныхъ устъ да льется
Лишь вѣсть о вѣчномъ и святомъ,
И время каждый часъ коснется
Въ полетѣ до него крыломъ.
Да будетъ онъ судьбы закономъ,
И самъ безъ сердца, безъ страстей,
Сопровождать да будетъ звономъ
Игру измѣнныхъ нашихъ дней.
Когда же, грянувъ въ часъ полночный
И слухъ встревожа, замолчитъ,
Да учитъ насъ, что все непрочно,
Что все земное отзвучитъ.

Пусть теперь канатовъ сила
Двинетъ колоколъ святой
Въ царство звуковъ изъ могилы,
Въ Божій свѣтъ изъ тьмы густой.
Дружно! сильно!.. вотъ
Тронулся, встаетъ!
Пусть зоветъ онъ городъ къ пиру:
Первый звонъ да будетъ къ миру!

Д. Минъ.

СЛОВА БЕЗУМІЯ.

(1799).

Три слова мы слышимъ отъ добрыхъ и злыхъ
Звучатъ они полны значенья;
Но смысла напрасно отыскивать въ нихъ
Напрасно въ нихъ ждать утѣшенья;
Вся жизнь человѣка безплодна какъ сонъ,
Пока лишь за тѣнью гоняется онъ.

Пока онъ все вѣритъ въ тотъ вѣкъ золотой,
Гдѣ правда съ добромъ побѣждаетъ—
По прежнему длится ихъ споръ вѣковой;
Но вѣчно ихъ врагъ оживаетъ.
Когда побѣжденный лежитъ онъ въ пыли,
Онъ новыя силы беретъ изъ земли.

Напрасно трудится тому суждено,
Кто счастье съ добромъ сочетаетъ;
Не добрымъ всегда улыбнется оно,
Не имъ оно міръ обѣщаетъ;
Они же проходятъ тяжелой стезей
И ищутъ далеко чертогъ вѣковой.

Все тщетно, пока нашъ разсудокъ земной
Ждетъ истины вѣчной видѣнья,
Покровъ ея смертной не сбросить рукой,
У насъ лишь догадки, сомнѣнья.
Въ слова ты хотѣлъ бы свой духъ заковать,
Свободный, онъ въ бурѣ умчится опять.

Покинь-же смѣлѣе безумный твой бредъ
Лишь вѣру свою сохраняя!
Невнятный есть звукъ и невидимый свѣтъ
И въ нихъ только правда святая.
Наружу безумецъ лишь ищетъ того,
Что вѣчно таится въ груди у него.

Кн. Д. Цертелевъ.

КЪ ГЕТЕ,

когда онъ поставилъ на сцену «Магомета» Вольтера.

(1800).

Ты вырвалъ насъ изъ гнета ложныхъ правилъ,
Намъ указалъ путь правды, простоты,
Дитя-герой—насъ отъ змѣи избавилъ,
Давившей геній нашъ; отмѣченъ ты
Богами дивно и тебя поставилъ
Жрецомъ искусства Богъ, ты жъ, суеты
Исполнясь, музѣ лжи избралъ служенье
И жжешь теперь ей жертвоприношенье.

Служить богамъ чужимъ ужъ надоѣло:
На сценѣ мы смотрѣть свое хотимъ,
Теперь мы свой ужъ лавръ покажемъ смѣло,
Что цвѣлъ на нашемъ Пиндѣ, со своимъ
Германскимъ геніемъ и мы въ предѣлы
Искусства, въ свѣтлый храмъ его взлетимъ,
И по слѣдамъ и грековъ, и британцевъ
Проложимъ славы путь и для германцевъ.

Гдѣ деспоты еще повелѣваютъ,
Гдѣ ложной красоты такъ любятъ видъ,
Тамъ высшаго искусство не рождаетъ.
Какой его Людовикъ возраститъ?
Оно своей лишь силой разцвѣтаетъ,
Не царской властію; оно спѣшитъ,
Лишь съ истиной одной совокупиться,
Лишь чистый духъ имъ можетъ озариться.

Не съ тѣмъ, чтобъ намъ надѣть опять оковы,
Ты старую игру извлекъ на свѣтъ,
Не для того, чтобъ низвести насъ снова
Въ безпомощность и слабость дѣтскихъ лѣтъ!
О, слишкомъ это было бъ ужъ сурово,
Да и напрасно: не догонимъ, нѣтъ,
Былого мы,—оно ужъ миновало,
И новое, смѣнивъ его, настало!

Театръ теперь расширился: въ счастливыхъ
Своихъ стѣнахъ онъ цѣлый міръ вмѣстилъ;
Уже не словъ потокъ краснорѣчивыхъ,
Но лишь природы вѣрный видъ намъ милъ;
Хотимъ героевъ мы безъ масокъ лживыхъ;
Хотимъ, чтобъ человѣкъ герой нашъ былъ;
Чтобъ голосъ страсти могъ здѣсь возвышаться;
Лишь правдой мы способны восхищаться.

Но колесница музъ ладьѣ подобна
Хароновой, и общество тѣней
Безплотныхъ лишь вмѣстить она способна;
А если жизнь сама приступитъ къ ней,
То погрузитъ ее; она удобна
Для духовъ лишь по легкости своей.
Искусственности недоступно чувство:
Природы нѣтъ—исчезнетъ и искусство.

Такъ сцена на досчатомъ возвышеньи
Міръ идеальный помѣстить должна;
На сценѣ то въ слезахъ, то въ умиленьи
Дѣйствительность пусть будетъ намъ видна.
Иначе Мельпомена въ восхищенье
Не приведетъ: лишь искренность одна,
Глубокая лишь правда увлекаетъ,
Хотя порой и ложь насъ обольщаетъ.

Когда въ театръ фантазія вторгалась,
Чтобы и имъ, какъ прочимъ, обладать,
И съ высшимъ пошлое уже мѣшалось,
И стало ужъ искусство упадать:
Тогда у франковъ только и осталось
Его значенье; хоть нельзя искать
Въ ихъ узкихъ рамкахъ къ лучшему движенья,
Все жъ тамъ оно не вѣдало паденья.

Театръ для франковъ былъ ихъ домъ священный.
Природа по себѣ груба; но самъ
Театръ и все въ немъ утонченно,
И рѣчь уже не рѣчь, а пѣсня тамъ.
Все дышитъ прелестью опредѣленной
И благозвучіемъ, и стройный храмъ
Тамъ зиждется изъ членовъ разнородныхъ,
И жесты полны граціи природной.

Но франки не примѣръ: произведеньямъ
Ихъ не присущъ духъ свѣтлый и живой,
И не дивится ложнымъ украшеньямъ
Ихъ тотъ, кто жаждетъ истины простой;
Пусть франкъ ведетъ насъ только къ улучшеньямъ,
Пусть онъ придетъ и, какъ духъ неземной,
Преобразитъ помостъ упавшей сцены
Въ достойный тронъ высокой Мельпомены.

Ѳ. Миллеръ.

АНТИЧНЫЯ СТАТУИ ВЪ ПАРИЖѢ.

(1800).

То греки создали рѣзцами,
То франки все, отнявъ мечами,
На берегъ Сены увезли.
И тамъ роскошные музеи
Хранятъ побѣдные трофеи,
Чтобъ имъ дивиться всѣ могли.

Но тамъ безмолвны эти боги
И не сойдутъ въ ихъ міръ тревоги
Съ подножій мраморныхъ своихъ;
Нѣтъ, тотъ лишь музами владѣетъ,
Кто въ сердцѣ тепломъ ихъ лелѣетъ:
Вандалъ лишь камни видитъ въ нихъ.

Ѳ. Миллеръ.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

(1801).

Гдѣ пріютъ для міра уготованъ?
Гдѣ найдетъ свободу человѣкъ?
Старый вѣкъ грозой ознаменованъ,
И въ крови родился новый вѣкъ.

Сокрушились старыхъ формъ основы,
Связь племенъ разорвалась; богъ Нилъ,
Старый Рейнъ и океанъ суровый—
Кто изъ нихъ войнѣ преградой былъ?

Два народа, молніи бросая
И трезубцемъ двигая, шумятъ,
И, дѣлежъ всемірный совершая,
Надъ свободой страшный судъ творятъ.

Злато имъ, какъ дань, несутъ народы,
И, въ слѣпой гордынѣ буйныхъ силъ,
Франкъ свой мечъ, какъ Бренъ въ былые годы,
На вѣсы закона положилъ.

Какъ полипъ тысячерукій, бритты
Цѣпкій флотъ раскинули кругомъ
И владѣнья вольной Амфитриты
Запереть мечтаютъ, какъ свой домъ.

Слѣдъ до звѣздъ полярныхъ пролагая,
Захватили, смѣлые, вездѣ
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдутъ нигдѣ.

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно-свѣжъ и молодъ человѣкъ.

Предъ тобою міръ необозримый!
Мореходу не объѣхать свѣтъ;
Но на всей землѣ неизмѣримой
Десяти счастливцамъ мѣста нѣтъ.

Заключись въ святомъ уединеньи,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты!
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣньи
А свобода—въ области мечты.

В. Курочкинъ.

НѢМЕЦКАЯ МУЗА.

(1800).

Ты вѣкъ Августа не знали;
Благосклонно не ласкали
Нашу музу Медичи:
Ей похвалъ кругомъ не пѣли,
Первый цвѣтъ ея не грѣли
Царской милости лучи.
Даже Фридрихъ знаменитый
Не далъ бѣдной ей защиты
У престола своего.

И съ сердечнымъ наслажденьемъ
Скажетъ нѣмецъ, что терпѣньемъ
Самъ достигъ онъ до всего.
Пусть же громко раздается
Нашихъ бардовъ пѣснь—и льется
Смѣло волнами впередъ,
И, полна своей природной
Силой внутренней, свободно
Презираетъ правилъ гнетъ.

Ѳ. Миллеръ.

ЖЕЛАНІЕ.

(1801).

зарися, долъ туманный!
Разступися, мракъ густой!
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ, зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры,
Тамъ обитель тишины,
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны,
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.
О, предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна,
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ:
Предо мной потокъ ужасный
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу... гдѣ-жъ вожатый?
Ѣдемъ!—будь что суждено!
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ...
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

В. Жуковскій.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

(1801).

тобъ осмѣять твой образъ благородный,
Насмѣшка въ грязь взялась тебя втоптать.
Глумленью чуждъ міръ красоты свободный
И ангелы и божья благодать.
Оно у сердца перлы похищаетъ,
Гнететъ мечту и вѣру оскорбляетъ.

Но, какъ и ты, ребенокъ величавый,
Смиренная пастушка, какъ и ты,
Поэзія божественною славой
Взнесла тебя до горной высоты,
Твой образъ ореоломъ осѣнила:
Созданьямъ сердца не страшна могила.

Для міра нѣтъ любезнѣй, какъ сіянье
Затмить, втоптать возвышенное въ грязь,
Но не страшись,—есть души, чье призванье
За высшее горѣть, ему молясь.
Пусть тѣшитъ Момъ кривляньемъ людъ базарный,
Но свѣтлый духъ чтитъ образъ лучезарный.

А. М. Федоровъ.

ГЕРО и ЛЕАНДРЪ.

(1801).

Видишь, замки тамъ—сѣдые,
Съ неба точно залитые
Золотымъ потокомъ стрѣлъ—
Тамъ, гдѣ мощи шумной полны
Геллеспонта мчатся волны
Сквозь ворота Дарданелъ?
Слышишь этотъ натискъ бурный
Объ утесы? Оторвалъ
Онъ отъ Азіи Европу—
Но любви не страшенъ валъ.

Богъ Амуръ могучей силой
Ранилъ сердце Геро милой
И Леандрово. Она —
Точно Геба въ вышнихъ залахъ;
Жизнь его—въ горахъ и скалахъ
Вся охотѣ отдана.
Но союзъ четы разорванъ
Злой враждебностью отцовъ—
И цвѣтокъ любви прекрасной
Въ бездну рушиться готовъ.

Въ замкѣ Сестѣ, гдѣ объ стѣны
Понтъ бьетъ вѣчно клубы пѣны,
Дѣва въ башнѣ слезы льетъ,
И съ родимаго утеса
Смотритъ въ берегъ Абидоса,
Гдѣ возлюбленный живетъ.
Ахъ, нельзя тотъ берегъ съ этимъ
Никакимъ мостомъ стянуть;

И суда межъ нихъ не ходятъ—
Но любовь находитъ путь.

Лабиринтъ дорогой ложной
Не страшитъ ее: надежной
Ниткой выведетъ; въ глупцовъ
Умъ вселитъ; звѣрей смиряетъ
И въ алмазный плугъ впрягаетъ
Огнедышащихъ быковъ.
Даже Стиксъ девятиструйный
Не смущаетъ храбреца:
Лучшій кладъ любовь уноситъ
Изъ Плутонова дворца.

Страсти пламенная сила
И Леандра окрылила:
Чуть начнетъ темнѣть востокъ,
Онъ, покинувъ горъ вершины,
Въ Понта мрачныя пучины
Смѣлый дѣлаетъ прыжокъ,
Волны мощною рукою
Разсѣкаетъ, мчась къ тому
Мѣсту берега, гдѣ ярко
Свѣтятъ факелы ему.

И даютъ ему въ награду
Боги чудную отраду—
Совершивъ тяжелый путь,
Здѣсь въ пріютѣ безмятежномъ
И любви объятьѣ нѣжномъ
Обогрѣться, отдохнуть.
И отъ сладкихъ грезъ будила
Лишь Аврора—для того,
Чтобъ изъ лона страсти снова
Кинуть въ ложе волнъ его.

Тридцать солнцъ ужъ другъ за другомъ
Проплыло обычнымъ кругомъ
Предъ блаженною четой;
Время было имъ короче
Упоеній брачной ночи—
Вѣчно свѣжей, молодой.
Тотъ не зналъ, что значитъ счастье,
Кто небеснаго плода
На краю рѣки Аида
Не похитилъ никогда

Для счастливцевъ, въ смѣнѣ скорой
Гесперъ въ небѣ шелъ съ Авророй;
Но невидимы для нихъ
Листьевъ быстрое паденье,
Злобной стужи приближенье
Изъ чертоговъ ледяныхъ.
Радость имъ, что становятся
Все короче, меньше дни,
За блаженство долгой ночи
Зевсу шлютъ хвалу они.

Вотъ ужъ на небѣ Вѣсами
Дни уравнены съ ночами.
Дѣва въ башнѣ у окна
Ждетъ—межъ тѣмъ, какъ кони Феба
Скачутъ внизъ по краю неба;
Въ морѣ гладь и тишина,—
Точно зеркало литое!
И малѣйшимъ вѣтеркомъ
Не колышется равнина
Въ этомъ царствѣ водяномъ.

Вотъ дельфиновъ рѣзвыхъ стая
Скачетъ, весело играя,
Въ чистой влагѣ, и со дна
На поверхность Пропонтиды
Быстро армія Ѳетиды
Всплыла, сѣра и черна.
Только въ нихъ нашла бъ улику
Тайныхъ встрѣчъ своихъ чета;
Но Гекатою навѣки
Эти скованы уста.

И стихіею красивой
Наслаждаясь, съ рѣчью льстивой
Обратилась дѣва къ ней:
„Свѣтлый богъ! Ужли возможно,
Чтобъ въ тебѣ все было ложно?
Нѣтъ, преступникъ и злодѣй—
Говорящій такъ. Коваренъ
Родъ людской; жестокъ отецъ;

Ты же добръ, тебѣ доступны
Скорби любящихъ сердецъ.

Здѣсь, средь мрачныхъ стѣнъ, о, море,
Одиноко, въ вѣчномъ горѣ,
Протекали-бъ дни мои:
Ты-жъ въ мои объятья друга
На хребтѣ несешь упруго
Безъ мостовъ и безъ ладьи!
Страшно дно твоей пучины,
Страшенъ бѣгъ твоихъ валовъ;
Но смягчаетъ, усмиряетъ
Ихъ геройство и любовь.

„И тебя, богъ водъ могучій,
Ранилъ лукъ Эрота жгучій—
Въ день, когда баранъ златой
Несъ, чудесно окрыленный,
Геллу съ братомъ;—и сраженный
Дѣвы яркой красотой,
Быстро ты изъ мрачной бездны
Всплылъ наверхъ, сорвалъ ее
Съ крыльевъ звѣря, и съ собою
Вмигъ увлекъ на дно свое".

„И теперь, богиня съ богомъ,
Водянымъ своимъ чертогомъ
Окруженная, она
Дикій гнѣвъ твой усмиряетъ,
Корабельщика спасаетъ,
Къ горю любящихъ нѣжна.
Гелла, кроткая богиня!
Я молю тебя: сюда
Милый пусть свершитъ сегодня
Путь обычный какъ всегда!"

Но уже темнѣетъ море...
И съ высокой башни вскорѣ
Пышутъ факелы: зажгла
Ихъ она, чтобъ въ царствѣ водномъ
Были знакомъ путеводнымъ
Для желаннаго... Но мгла
Все сгущается сильнѣе,
Звѣзды скрылись въ облака,
Заходили съ шумомъ волны—
И гроза не далека.

На Понтійскую равнину
Ночь легла; въ ея пучину
Льются ливни точно съ горъ;
Блещутъ молньи въ тучахъ мглистыхъ,
Изъ пещеръ своихъ скалистыхъ
Бури вышли на просторъ.
Роютъ въ страшной безднѣ моря
Бездны новыя онѣ,
И разверзлось адской пастью
Дно въ послѣдней глубинѣ.

„Горе!—дѣва со слезами
Стонетъ:—сжалься, Зевсъ, надъ нами!
Все сгубила я мольбой,
Если ей вы вняли, боги,
И опасностямъ дороги
Ужъ отдался милый мой!
Быстро всѣ морскія птицы
Мчатся въ гнѣзда; корабли,
Съ бурей свыкшіеся, тоже
Въ гавань вѣрную вошли".

„Ахъ, безстрашный мой, влекомый
Мощнымъ богомъ, въ путь знакомый
Ужъ пустился: мнѣ дана
Клятва въ томъ любви священной,
И сломить ее измѣной
Можетъ только смерть одна.
Ахъ, въ минуту эту милый
Съ бурей бѣшеной въ борьбѣ,
И разгнѣванныя волны
Въ бездну рвутъ его къ себѣ".

„Лживый Понтъ! Въ твоемъ покоѣ
Лишь коварство было злое;
И, на зеркало похожъ,
Чистой гладью безъ движенья
Ты манилъ въ свои владѣнья,

Гдѣ царятъ обманъ и ложь.
И увлекши, путь обратный
Ты ему отрѣзалъ, и
На несчастнаго обрушилъ
Вдругъ всѣ ужасы свои!"

И все громче на просторѣ
Воетъ буря; волны въ морѣ—
Цѣпи горъ; у скалъ крутыхъ
Съ пѣной бьетъ прибой высокій,
И корабль дубовобокій
Раздробляется о нихъ.
Погасилъ на башнѣ вѣтеръ
Путеводные огни.
На водѣ и сушѣ—всюду,
Всюду ужасы одни.

И богиню Афродиту
Молитъ Геро—дать защиту,
Моря бѣшенство смирить;
Обѣщаетъ вѣтрамъ строгимъ—
Ихъ быкомъ золоторогимъ,
Пышной жертвой одарить.
Всѣхъ боговъ въ небесной выси,
Всѣхъ богинь въ глубяхъ морскихъ
Молитъ—масломъ, влитымъ въ волны,
Успокоить ярость ихъ:

„О, благая Левкотея!
Снизойди, меня жалѣя,
Изъ зеленаго дворца—
Ты, отъ бѣдствій урагана
Часто такъ средь океана
Избавлявшая пловца!
Дай Леандру свой священный,
Чудно сотканный покровъ,
Что выводитъ невредимо
Изъ губительныхъ валовъ!"

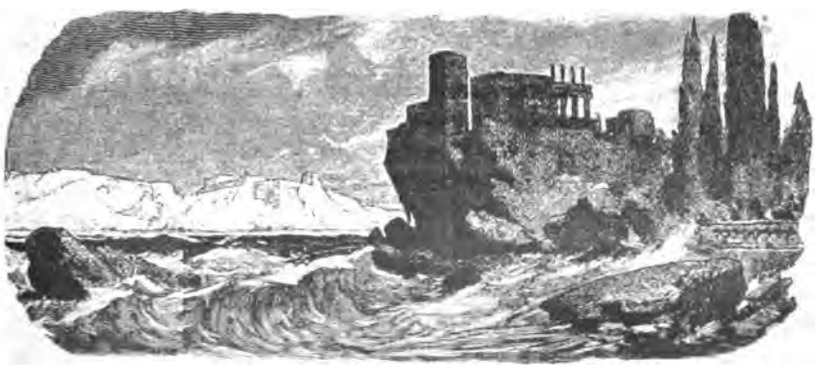
И замолкли вѣтры; съ неба
Ярко блещутъ кони Феба;
Дикой бури ни слѣда;
Море—зеркало струится
Въ старомъ ложѣ; веселится
Все—и воздухъ, и вода.
О прибрежные утесы
Мягко плещется прибой
И, рѣзво скользнувъ на берегъ,
Трупъ выноситъ за собой.

Да, то онъ: хоть и бездушенъ,
Но обѣтъ имъ не нарушенъ...
Узнаетъ его она...
Вопль изъ устъ не устремился,
Глазъ слезой не увлажился;
Смотритъ, тупо холодна.
Смотритъ въ мрачную пучину.
Въ голубую смотритъ высь,
И румянцемъ благороднымъ
Щеки блѣдныя зажглись.

„Да, я васъ узнала, боги!
Вы въ всесильной власти строги,
Безпощадны!.. Путь земной
Рано я уже свершила,
Но блаженство здѣсь вкусила,
И прекрасенъ жребій мой.
О, Венера! Въ этой жизни
Жрица я была твоя,
И твоей блаженной жертвой
Ухожу изъ жизни я!"

И развѣявъ складки платья,
Съ башни кинулась. Въ объятья
Богъ владѣній водяныхъ
Принялъ, въ волны голубыя
Покатилъ тѣла святыя,
И онъ самъ могила ихъ.
И, добычею довольный,
Дальше радостно плыветъ
И изъ урнъ неистощимыхъ
Свой источникъ вѣчный льетъ.

Петръ Вейнбергъ.



НАСЛѢДНОМУ ПРИНЦУ ВЕЙМАРСКОМУ, КОГДА ОНЪ ОТПРАВЛЯЛСЯ ВЪ ПАРИЖЪ.

(1802).

Съ тобою пьемъ послѣднюю мы чашу,
О, путникъ дорогой!
Прощай! страну ты покидаешь нашу
Свой милый край родной.
Свой домъ, объятья близкихъ, неизмѣнный
Кружокъ своихъ друзей;
Летишь ты въ гордый градъ, обогащенный
Лишь хищностью своей.
Теперь тамъ нѣтъ войны: уже счастливый
Тамъ нынѣ миръ насталъ;
Не страшно въ кратеръ тотъ сойти бурливый,
Что лаву извергалъ.
Пусть рокъ хранитъ въ скорбяхъ и треволненьяхъ
Любимца своего!
Ты сердцемъ чистъ отъ самаго рожденья:
О, сохрани его!
Увидишь ты мѣста, гдѣ бушевала
Свирѣпая война,
Но гдѣ ужъ время мирное настало,
И разцвѣла страна.
Увидишь старый Рейнъ... Тогда забвенью
Онъ предка твоего
Великаго предастъ, когда теченье
Изсякнетъ вдругъ его.
Ты предка помяни: герой былъ славный,
И часть вина изъ чашъ,
Какъ жертву, вылей въ Рейнъ: вѣдь онъ издавна
Германцевъ вѣрный стражъ.
Да будетъ духъ отчизны надъ тобою,
Когда на берегъ тотъ
Ты донесешся зыбкою волною:
Тамъ вѣрность не живетъ.

Ѳ. Миллеръ.

ПРИТЧИ И ЗАГАДКИ.

1802—1804.

I.

(Радуга).

Надъ сизой бездною морскою
Вознесся мостъ изъ жемчуга,
Незримой вскинута рукою
Его мгновенная дуга.
Нѣтъ въ мірѣ мачты столь высокой,
Чтобъ не прошла въ ея пролетъ;
Дуга все кажется далекой,
И грузъ ее не пригнететъ.
Родясь въ дождѣ, съ купелью отчей
Она исчезнетъ черезъ мигъ...
Гдѣ-жъ та дуга? И кто тотъ зодчій,
Который дивный мостъ воздвигъ?

II.

(Подзорная труба).

Она, на мѣстѣ пребывая,
Влечетъ за тридевять земель,—
Безъ крыльевъ въ небо увлекая,
Настигнетъ въ немъ любую цѣль.
Летитъ быстрѣе урагана,
Въ потокѣ думъ—впередъ, впередъ!
И нѣтъ такого океана,
Чтобъ задержалъ ея полетъ...
Чтобъ совершить переселенье,—
Что нужно ей? Одно мгновенье.

К. Льдовъ.

III.

(Звѣзда и луна).

Проходятъ овцы по равнинѣ,
Сребристо-бѣло ихъ руно,
И видѣлъ такъ, какъ видимъ нынѣ—
Древнѣйшій старецъ ихъ давно.

Неисчерпаемый и чистый,
Для нихъ источникъ жизни бьетъ,
И рогъ держащій серебристый—
Пастухъ съ собою ихъ ведетъ.

Сочтя ихъ съ вечера, выводитъ
Ихъ изъ воротъ онъ золотыхъ,
И сколько тѣмъ путемъ ни ходитъ—
Единой не терялъ изъ нихъ.

Со стадомъ—Песъ, служащій вѣрно,
Веселый Овнъ бѣжитъ впередъ.
То стадо знаешь ты навѣрно,—
Скажи мнѣ: кто его пасетъ?

IV.

(Мірозданіе).

Стоитъ большой просторный домъ
На скрытомъ основаньѣ,
И странникамъ, гостящимъ въ немъ,
Не обойти все зданье.

Строенья планъ невѣдомъ намъ,
И онъ подобенъ чуду,
Лампада, вспыхивая тамъ,
Льетъ дивный свѣтъ повсюду.

Хрустально чистый сводъ надъ нимъ
Изъ цѣльнаго алмаза,
Строитель же его незримъ
Ни для какого глаза.

О. Чюмина.

V.

(День и ночь).

Ведра два въ кладезѣ безмолвномъ,—
Внизу на днѣ, вверху надъ нимъ;
Одно на верхъ восходитъ полнымъ,
Другое внизъ идетъ пустымъ
Поочередно, безконечно,
Движенье мѣрное ихъ вѣчно.
Подносишь ты одно къ губамъ,
Другое мчится къ глубинамъ,—
Но вмѣстѣ ведеръ тѣхъ вода
Не утолитъ насъ никогда.

К. Фофановъ.

VI

(Глазъ).

Скажи, знакомъ-ли ты съ картиною прекрасной?
Даетъ сама себѣ и свѣтъ, и блескъ она;
Перемѣняется въ тревогѣ повсечасной,
Но все свѣжа, цѣла и прелести полна.
Пространство тѣсное въ себѣ ее вмѣщаетъ,
И рамка малая картину обняла;
Но все великое, что духъ твой восхищаетъ,
Твоимъ понятіямъ она передала.
Извѣстенъ-ли тебѣ кристаллъ красы чудесной?
Свѣтлѣй алмаза онъ, и нѣтъ ему цѣны;
Онъ блещетъ, но не жжетъ и съ ясностью небесной
Земля и цѣлый міръ на немъ отражены.
На зеркалахъ его разсыпчато сверкаетъ
Янтарный солнца лучъ трепещущимъ огнемъ;
Но то, что самъ собой кристаллъ тотъ выражаетъ
Прекраснѣе всего, что отразилось въ немъ.

А. Мейснеръ.

VII.

(Китайская стѣна).

Воздвиглось зданіе отъ древности временъ,
Оно не то что храмъ, оно не то что-бъ домъ,
Пусть всадникъ ѣхалъ-бы—то не объѣдетъ онъ
То зданіе въ сто дней и въ сто ночей кругомъ.

Надъ нимъ вѣка прошли; его не унесли
Ни время быстрота, ни полчища вѣтровъ
Подъ небосводъ оно уходитъ отъ земли,
Подошва у морей, глава у облаковъ.

Но не тщеславіемъ воздвигнуто оно,
Спасаетъ и хранитъ защитою отъ вѣка.
Подобнаго ему землѣ не суждено,
И все-же создано рукою человѣка.

VIII.

(Молнія).

Среди всѣхъ змѣй вселенной
Грознѣе всѣхъ одна,
Но не землею тлѣнной
Змѣя ты рождена.

Она со страшнымъ ревомъ
Къ добычѣ мчитъ,—пока
Не уничтожитъ гнѣвомъ
Коня и сѣдока.

Она вершины любитъ,
Затворовъ нѣтъ отъ ней,
Все рушитъ и все губитъ
И латы жжетъ грознѣй.

Столѣтній дубъ ломаетъ
Она какъ стебельки
Желѣзо разбиваетъ
На мелкіе куски.

Чудовищное жало!—
Но дважды никого
Оно не умертвляло;
Чуть умертвитъ—мертво.

IX.

(Цвѣта).

Насъ шесть сестеръ, рожденныхъ странно,
Насъ родила чета одна;
Отецъ нашъ веселъ постоянно,
А мать сурова и мрачна.

Мы добродѣтель по природѣ,
Мы кротки въ мать, въ отца—блестимъ;
И вѣчно юны въ хороводѣ
Передъ тобою мы летимъ.

Мы мракъ пещеры избѣгаемъ,
Всегда веселый любимъ день,
И міръ собой одушевляемъ,
Даря движеньемъ блескъ и тѣнь.

Весны веселые гонцы мы,—
Для ней сплетаемъ хороводъ,
И въ домѣ мертвецовъ незримы—
Затѣмъ, что любимъ жизни ходъ.

Безъ насъ счастливцы не ликуютъ,
Мы всѣ при радости живемъ,—
И если принца коронуютъ—
Великолѣпіе даемъ.

X.

(Плугъ).

Владыки руку украшаетъ
Та вещь—ее мнѣ назови.
Ее не всякій почитаетъ,
Она, какъ мечъ,—но не въ крови.

Наноситъ сотни ранъ, но кровь не проливаетъ,
Не грабитъ, благостью полна,—
И землю славно побѣждаетъ,
Жизнь равной дѣлая, она.

Она и царства основала
И сотворила города,
Безъ войнъ народу завѣщала
Лишь благо вѣчное всегда.

XI.

(Искра).

Живу я въ домѣ каменномъ—и сплю тамъ,
Сокрытъ дремлю до времени, пока
Не вызовутъ меня желѣзомъ лютымъ,
Или ударомъ тяжкимъ молотка.
Сначала я невзраченъ, малъ, ничтоженъ
Сначала я дыханіемъ твоимъ
Иль каплею могу быть уничтоженъ,—
Но отрастаютъ крылья, словно дымъ.
Когда сестра могучая эоира
Придетъ ко мнѣ—я побѣдитель міра.

XII.

(Тѣнь на солнечныхъ часахъ).

Я на одномъ вращаюсь кругѣ
И не могу быть внѣ черты,
То поле, гдѣ иду, въ округѣ,
Прикрыть руками можешь ты,—
Но сотни миль я неустанно
Хожу, чтобъ перейти тотъ кругъ,
Хотя быстрѣе урагана,
Быстрѣй стрѣлы, что гонитъ лукъ.

XIII.

(Корабль).

То птица, смѣлой быстротою
Она соперница орла;
То рыба,—рыбъ надъ глубиною
Такихъ моряна не гнала.
То слонъ, который башни носитъ
На тяжко выгнутой спинѣ.
Оно чудовище, что коситъ
Когтемъ желѣзнымъ по волнѣ.
Когда-жъ у брега встанетъ твердо
Своимъ желѣзнымъ остріемъ,
Стоитъ незыблемо и гордо
И ураганы нипочемъ.

К. Фофановъ.

МИГЪ.

(1802).

Шуменъ, радостенъ и тѣсенъ,
Вновь сомкнулся нашъ кружокъ.
Заплетемте жъ новыхъ пѣсенъ
Зеленѣющій вѣнокъ!

Но кого между богами
Пѣсня первая почтитъ?
Онъ воспѣтъ да будетъ нами—
Онъ, что радость намъ даритъ!

Хоть Церера съ нивы нашей
Хлѣбъ несетъ намъ на алтарь,
И вливаетъ Бахусъ въ чаши
Гроздій пурпуръ и янтарь.

Но коль съ неба огнь священный
Алтаря не опалитъ—
Не зажжется духъ нашъ плѣнный,
Въ сердцѣ радость не вскипитъ.

Свыше къ намъ нисходитъ счастье
Отъ божественныхъ владыкъ,
Но изъ нихъ всѣхъ выше властью—
Изъ владыкъ владыка—мигъ!

Съ той поры, какъ произволу
Смутныхъ силъ назначенъ строй,
Все божественное долу—
Свѣтъ лишь мысли огневой.

Тихо въ мѣрномъ Оръ движеньи
Дѣло жизни совершай;
Мигъ же краткій вдохновенья
Быстро сердцемъ уловляй!

Фебъ въ безоблачной лазури
Стелетъ въ мигъ покровъ цвѣтной;
Вмигъ по небу послѣ бури
Строитъ мостъ Ирида свой.

Такъ и каждый день прекрасный,
Словно молніи струя,
Промелькнетъ—и гаснетъ, ясный,
Въ горней тьмѣ небытія.

М. Михайловъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

(1802).

Да, друзья мои, бывало время краше,—
Спорить нечего: красивѣе, чѣмъ наше,—
Жилъ великій въ древности народъ!

Еслибъ лѣтописи наши умолчали,—
Камни мертвые конечно бы сказали!
Ихъ земля порою отдаетъ.

Но прошло, исчезло это время
Даровитое и мощное во всемъ,—
Мы-же живы! Нынче наше время!
Правъ, кто живъ; а мы—теперь живемъ!

Да, друзья мои, есть, есть края иные—
Лучше нашего и намъ совсѣмъ чужіе,
Какъ объ этомъ люди говорятъ.
И хоть многаго лишила насъ природа,
Но въ искусствахъ есть и сила, и свобода,
И они насъ ярко золотятъ.

Если лавръ у насъ не возрастаетъ,

Если миртамъ здѣсь зимы не простоять,
Но за то мы виноградъ вкушаемъ
И всегда властны вѣнки изъ розъ сплетать.

Пусть, бушуя, волны жизни ходятъ,
Тамъ надъ Темзою, гдѣ люди шумно сводятъ
Всѣ счета на рынкѣ міровомъ,
Гдѣ безъ устали мѣняются товары,
Гдѣ диковинками полны всѣ амбары,
Гдѣ богатый царствуетъ рублемъ!

Но не въ ливень, не въ рѣкѣ сердитой,
Извивающейся мутною волной,—
Нѣтъ, въ ручьѣ, въ струѣ до дна открытой
Солнцу нравится покоить обликъ свой.

Да,счастливѣй насъ—насѣверѣ рожденныхъ,
Въ пестрыхъ рубищахъ, огнемъ небесъ спаленный,
Римскій нищій день за днемъ живетъ.
Онъ—любимый сынъ, онъ—баловень природы:
На глазахъ его, внѣдряясь въ неба своды,
Храмъ Петра Святого возстаетъ.

Но надъ Римомъ царствуетъ забвенье,
Умеръ гордый Римъ за много лѣтъ до насъ;
Можетъ жить лишь свѣжее растенье,
И живетъ лишь то, что живо въ этотъ часъ.

Пусть великое свершается другими,
Мы же счастливы богатствами своими,
И—ничто не ново подъ луной;
Можемъ видѣть мы на театральныхъ сценахъ:
Длинный рядъ событій въ пестрыхъ перемѣнахъ—
Всѣ вѣка проходятъ чередой.

Жизнь себя такъ часто повторяла,
Но не старится фантазіи стезя!
Что нигдѣ, никакъ, ни въ чемъ не возникало,—
Только этому состариться нельзя.

К. Случевскій.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

(1802).

Какъ весело кубокъ бѣжитъ по рукамъ,
Какъ взоры пирующихъ ясны!
Но входитъ пѣвецъ и къ земнымъ ихъ дарамъ
Приноситъ даръ неба прекрасный:
Безъ лиры, безъ пѣсенъ и въ горныхъ странахъ
Невеселы боги на свѣтлыхъ пирахъ.

А въ духѣ пѣвца, будто въ чистомъ стеклѣ,
Весь міръ отразился цвѣтущій:
Онъ зрѣлъ, что отъ вѣка сбылось на землѣ,
Что вѣкъ сокрываетъ грядущій;
Онъ въ древнемъ совѣтѣ боговъ засѣдалъ
И тайнымъ движеньямъ созданья внималъ.

Свѣтло и прекрасно умѣетъ развить
Картину роскошную жизни
И силой искусства во храмъ превратить
Земное жилище отчизны;
Онъ въ хижину ль входитъ, въ пустынный ли край—
Съ нимъ боги и цѣлый божественный рай.

Какъ мощный сынъ Дія, отъ Дія избранъ,
Во щитъ круговидный и тѣсный
Вмѣщаетъ всю землю и весь океанъ,
И небо, и звѣзды небесны:
Такъ въ звукѣ единомъ любимца харитъ
Весь міръ отзывается—вѣчность звучитъ.

Младенчества міра онъ юный видалъ,
Какъ люди, въ простыхъ хороводахъ
Играючи, жили; онъ всюду бывалъ—
Во всѣхъ временахъ и народахъ.
Четыре ужъ вѣка пѣвецъ проводилъ
И пятый вѣкъ міра при немъ наступилъ.

Вѣкъ первый, сатурновъ—то истины вѣкъ!
Вчера проходило, какъ нынѣ,
И—пастырь безпечный—живалъ человѣкъ,
Покорствуя доброй судьбинѣ:
Онъ жилъ и любилъ, и къ нему на пиры
Природа обильно носила дары.

Является трудъ—вызываютъ на бой
Драконы, гиганты полнощны;

И вслѣдъ за героемъ стремится герой,
И съ слабымъ сражается мощный,
И кровь полилася, Скамандръ запылалъ;
Но міръ красоту и любовь обожалъ.

Побѣда возвысила радостный взоръ;
На брани отгрянулъ отзывный
Звукъ пѣсенъ—и музъ гармоническій хоръ
Міръ создалъ поэзіи дивной.
О, вѣкъ незабвенный небесной мечты!
Исчезъ невозвратно, о, вѣкъ красоты!

И свержены боги съ небесныхъ высотъ,
И пали столпы вѣковые...
Родился отъ Дѣвы Сынъ Божій—грядетъ
Пороки изгладить земные;
И воли нѣтъ чувствамъ: вѣкъ страсти протекъ,
И думу замыслилъ въ себѣ человѣкъ.

Ужъ конченъ блистательный юности пиръ—
И жажда въ нихъ вспыхнула къ бою;
И рыцари скачутъ на пышный турниръ,
Одѣты желѣзной бронею;
Но дикая жизнь становилась мрачнѣй,
Хоть солнце любви и свѣтило надъ ней.

И музы пѣвали въ укромной тиши
Въ простыхъ и священныхъ напѣвахъ;
И чувствъ непорочность, и прелесть души
Хранились и въ женахъ, и въ дѣвахъ;
И пламя поэзіи вспыхнуло вновь—
Зажгла его прелесть души и любовь.

Поэты и дѣвы, въ дыханьи одномъ
Вы души свои сочетайте!
Вы правды и прелести свѣтлымъ вѣнцомъ
Прекрасную жизнь увѣнчайте!
О, пѣснь и любовь! вами жизнь лишь свѣтла,
И силою вашей душа ожила!

С. Шевыревъ.

Т Э К Л А (Голосъ духа).

(1802).

(Изъ «Смерти Валленштейна»).

Гдѣ теперь я, что теперь со мною,
Какъ тебѣ мелькаетъ тѣнь моя?
Я ль не все закончила съ землею,
Не любила, не жила ли я?

Спросишь ты о соловьяхъ залетныхъ,
Для тебя мелодіи свои
Расточавшихъ въ пѣсняхъ беззаботныхъ?
Отлюбивъ, исчезли соловьи.

Я нашла ль потеряннаго снова?
Вѣрь, я съ нимъ соединилась тамъ,
Гдѣ не рознятъ ничего родного,
Тамъ, гдѣ мѣста нѣтъ уже слезамъ,

Тамъ и ты увидишь наши тѣни,
Если любишь, какъ любила я;
Тамъ отецъ мой, чистъ отъ преступленій,
Защищенъ отъ бѣдствій бытія.

Тамъ его не обманула вѣра
Въ роковыя таинства свѣтилъ;
Тамъ всему по силѣ вѣры мѣра:
Тотъ, кто вѣрилъ—къ правдѣ близокъ былъ.

Есть въ пространствахъ оныхъ безконечныхъ
Упованьямъ каждаго отвѣтъ.
Ройся ты въ своихъ сомнѣньяхъ вѣчныхъ;
Смыслъ глубокій въ грезахъ дѣтскихъ лѣтъ.

Аполлонъ Григорьевъ.

КАССАНДРА.

(1802).

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ—
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ и мечъ и конь забытъ:
Облеченъ въ пурпурны ткани
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ.
Стогны дышатъ ѳиміамомъ;
Въ злато царскій домъ одѣтъ.
Снова счастье надъ Пергамомъ—
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣнена,
Сбросивъ жрическій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ:

„Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена.
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
Ужасъ мнѣ—что радость тамъ...
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится гибель на Пергамъ.

„Вижу факелъ—онъ свѣтлѣетъ
Не въ гименовыхъ рукахъ
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ.
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ
Слышно бога приближенье,
Предлетящаго бѣдамъ.

„И вотще мое стенанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданье
Сердце сирое дѣлитъ.
Отъ счастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишенна,
О, предвѣдѣнія взоръ!

„Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ
Безмятежнаго незнанья
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ, почто она предвидитъ
То, чего не отвратитъ?
Неизбѣжное пріидетъ
И грозящее сразитъ.

„И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье—жизнь прямая;
Знанье—смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить!
Тяжко истины ужасной
Смертною скудельо быть.

Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей.
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

„Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не осѣнитъ;
Вижу факелъ погребальный,
Вижу: ранній гробъ открытъ.

Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ...
Ахъ, могла-ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

„Ихъ ласкаетъ ожиданье,
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрестъ очарованье—
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна,
Міръ цвѣтущій пустъ и дикъ...
Ахъ, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ—
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

„И моей любви открылся,
Тотъ, кого мы ждемъ душой:
Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною тоской...
Но для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ;
Вижу: грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ.

„Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо-мною
Неотступные летятъ;
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала,
Тамъ убійцы взоръ горитъ,
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду..."

И слова еще звучали...
Вдругъ... шумитъ священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
„Палъ великій Ахиллесъ!"
Машутъ фуріи змѣями,
Боги мчатся къ небесамъ
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

В. Жуковскій.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

(1803).

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій пфальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ,
И семь избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена:
Судья надъ землею былъ снова,
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной,
Все царскій мой духъ восхищаетъ;
Но гдѣ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой,
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ:
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,—
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?

„Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой“,
Пѣвцу отвѣчаетъ властитель:
„Онъ высшую силу призналъ надъ собой—
Минута ему повелитель.
По воздуху вихорь свободно шумитъ.
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ“.

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ одинъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ—
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

„И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣни свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу,
И спутнику пастырь Дары отдаетъ,
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

—„Куда?“ изумившійся графъ вопросилъ.
—„Въ село: умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,

И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою.
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою".

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши при первомъ мерцаніи дня,
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

—„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье—
Всѣ блага земныя и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье."

—„Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою!
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою!
Гельвеція славой сіяетъ твоей
И шесть расцвѣтаетъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы!
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ!
Да славятся въ роды и роды!"

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось.
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой—
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,—
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

В. Жуковскій.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

(1803).

Палъ пріамовъ градъ священный,
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И, побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались эллины—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной!
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной!

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ;
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ;

„Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!"

И, съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ,
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
„Грады-зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посейдону,
Воздымателю валовъ
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!"

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣвъ полковъ число,
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...

И внезапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали...
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено—
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

„И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей“—
Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей:

„Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ“.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
„Плодъ губительной измѣны,
Ею самъ измѣнникъ палъ—
И погибъ, виной Парида
Отягченный, Иліонъ!
Неизбѣженъ судъ Кронида:
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

„Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ“.

„Пусть веселый взоръ счастливыхъ“,
Оилеевъ сынъ сказалъ,
„Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ!
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

„Смертный, царь-Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

„Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ ахилловъ былъ.

„Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва“.

„О, Ахиллъ! о, мой родитель!“
Возгласилъ Неоптолемъ:
„Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

„Слава дней твоихъ нетлѣнна—
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она.
Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!“

„Смерть велитъ умолкнуть злобѣ!“
Діомедъ провозгласилъ:
„Слава Гектору во гробѣ:
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь...
Побѣдившимъ—честь побѣды,
Охранявшему—любовь!

„Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы!“

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ:
„Пей страданій утоленье!
Добрый Вакховъ даръ—вино:

И веселость, и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

„Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

„Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

„Если грудь виномъ согрѣта
И въ устахъ вино кипитъ—
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета".

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ:
„Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

„Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!"

В Жуковскій.

АЛЬПІЙСКІЙ СТРѢЛОКЪ.

(1803).

Хочешь ты пасти барашка?
Дамъ тебѣ ручного я:
Щиплетъ травку бѣлый бяшка
И играетъ у ручья"...
—Нѣтъ, родная! манитъ сына
На охоту горъ вершина.—

„Хочешь, съ рогомъ иль свирѣлью,
Стадо по лѣсу водить?
Тамъ звонки пѣвучей трелью
Будутъ слухъ твой веселить".
—Нѣтъ, родная! манитъ сына
Горъ суровая вершина.—

„Подожди, цвѣточки снова
Запестрѣютъ на грядахъ...
Сада нѣтъ въ горахъ—сурово
На суровыхъ высотахъ!"
—Пусть цвѣточки тѣшатъ взоры...
Отпусти, родная, въ горы!—

И пошелъ онъ на охоту—
Все къ вершинѣ, все впередъ;
По скалистому оплоту
Онъ безтрепетно идетъ.
Передъ нимъ, межъ скалъ ущелій,
Промелькнула тѣнь газели.

По обрывамъ, надъ скалами,
Черезъ пропасти безъ дна
Легкимъ скокомъ и прыжками
Переносится она;
Но стрѣлокъ, въ упорствѣ смѣломъ,
Мчится вслѣдъ ей съ самострѣломъ.

На утесъ съ крутой вершиной
Перепрыгнула она
И повисла надъ стремниной,
Гдѣ застыла крутизна:
Тамъ подъ ней утесъ громадный,
А за нею врагъ нещадный.

Въ страхѣ взоръ она подъемлетъ:
О пощадѣ молитъ онъ;
Но напрасно!—врагъ не внемлетъ:
Самострѣлъ ужъ наведенъ...
Вдругъ возсталъ изъ бездны черной
Духъ ущелій—старецъ горной.

И, газель своей рукою
Оградивши, произнесъ:
Для чего сюда съ собою
Смерть и ужасъ ты занесъ?
Вамъ ли тѣсно, персти чада!
Что жъ мое ты гонишь стадо?"

Л. Мей.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

ДЛЯ СѢВЕРА.

(1803).

На высяхъ холмовъ открытыхъ,
Въ полдень, солнечнымъ лучомъ,
Наливаетъ мать природа
Гроздья золотомъ-виномъ.

Но никто еще не знаетъ,
Какъ великая творитъ;
Не разгадана работа,
Корень силы не открытъ.

Полно искръ, какъ чадо солнца,
Какъ источникъ свѣтовой,
Пѣнясь бьетъ вино изъ бочки
Ясно-пурпурной струей.

И горé возноситъ души,
И въ стѣсненныя сердца
Щедро льетъ бальзамъ надежды,
Жажду жизни безъ конца.

Только... нашъ холодный поясъ
Солнце нехотя живитъ:
Можетъ красить развѣ листья,
А плодовъ не золотитъ.

Но и сѣверъ проситъ жизни
И веселья заодно:
Оттого-то мы безъ гроздій
Создаемъ себѣ вино,

Блѣдно созданное нами
На домашнихъ алтаряхъ:
А творимое природой
Блещетъ въ жизненныхъ лучахъ.

Но смѣлѣе бей изъ чаши
Наша скудная струя;
И искусство—даръ небесный,
И ему земля своя.

Царство силъ ему подвластно,
И изъ стараго оно
Нѣчто новое слагая,
На землѣ Творцу равно.

Но оно ль самимъ стихіямъ
Возмогло повелѣвать
И, въ очахъ сковавши пламя,
Хочетъ Фебу подражать?

Къ островамъ благословеннымъ
Не оно ль шлетъ корабли,
Чтобъ плоды златые юга
И на сѣверѣ росли?

Лейся жъ, влага огневая,
И свидѣтельствуй вовѣкъ:
До чего достигнуть можетъ
Силой воли человѣкъ!

Л. Мей.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

(1803).

ней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я:
Все забыто было мною—
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ-дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался недалекъ.
„Странникъ—слышалось—терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.

Ты увидишь храмъ чудесный;
Ты въ святилище войдешь,
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обрѣтешь".

Утро вечеромъ смѣнялось—
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось—
Я искалъ—не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины,
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины,
Чрезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньѣ;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьѣ;
Все что мило—мнится—тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ:
Даль по прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далекъ.

И вовѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею—
Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь.

В. Жуковскій.

ЮНОША у РУЧЬЯ.

(1803).

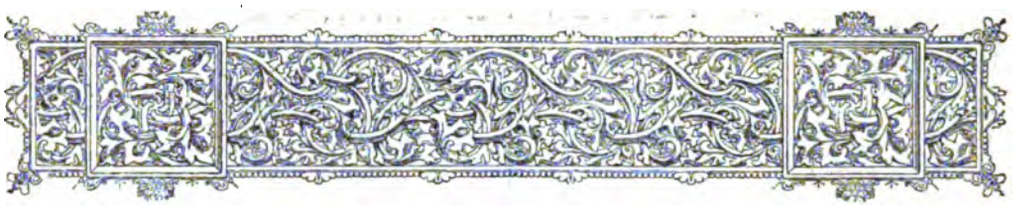
ручья красавецъ юный
Вилъ цвѣты, печали полнъ,
И глядѣлъ, какъ увлекая
Гналъ ихъ вѣтеръ въ плескѣ волнъ.
Дни мои текутъ и мчатся,
Словно волны въ ручейкѣ,
И моя поблекла юность,
Какъ цвѣты въ моемъ вѣнкѣ.

Не спросите: почему я
Грустенъ юною душой
Въ дни, когда все улыбнулось
Съ возрожденною весной.
Эти тысячи созвучій,
Пробуждаясь по веснѣ,—
Пробуждаютъ, грудь волнуя,
Грусть тяжелую во мнѣ.

Утѣшеніе и радость
Мнѣ не дастъ весна, пока
Та, которую люблю я
И близка, и далека...
Къ ней простеръ, тоскуя, руки,—
Но исчезъ мой сладкій бредъ...
Ахъ, не здѣсь мое блаженство—
И покоя въ сердцѣ нѣтъ.

О покинь-же, дорогая,
Гордый замокъ надъ горой!
Устелю твой путь цвѣтами,
Подаренными весной.
При тебѣ ручей яснѣе,
Слышны пѣсни въ высотѣ,—
Въ тѣсной хижинѣ просторно
Очарованной четѣ.

К. Фофановъ.



ГОРНАЯ ДОРОГА.

(1804).

адъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожитъ;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ мостъ черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой—
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ,
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ ворота;
Мнишь, область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ—долина, долинъ красота,
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ—улетѣлъ.

Четыре потока оттуда шумятъ—
Не зрѣли ихъ выхода очи;
Стремятся они на востокъ, на закатъ,
Стремятся къ полудню, къ полночи.
Рождаются вмѣстѣ, родясь, разстаются,
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два утеса стоятъ,
Превыше всего, что земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Эѳира семейство младое,
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно незыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

В. Жуковскій.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

(1804).

Когда враждебныхъ, грубыхъ силъ раздоры
Стараются раздуть пожаръ войны,
Когда бушуютъ злобныхъ партій споры,
Всѣ велѣнья правъ заглушены.
И произволъ ломаетъ всѣ затворы,
И дерзостный порокъ освобожденъ,
И государства якорь вырванъ грубо,—
Объ этомъ пѣть—не кстати и не любо.

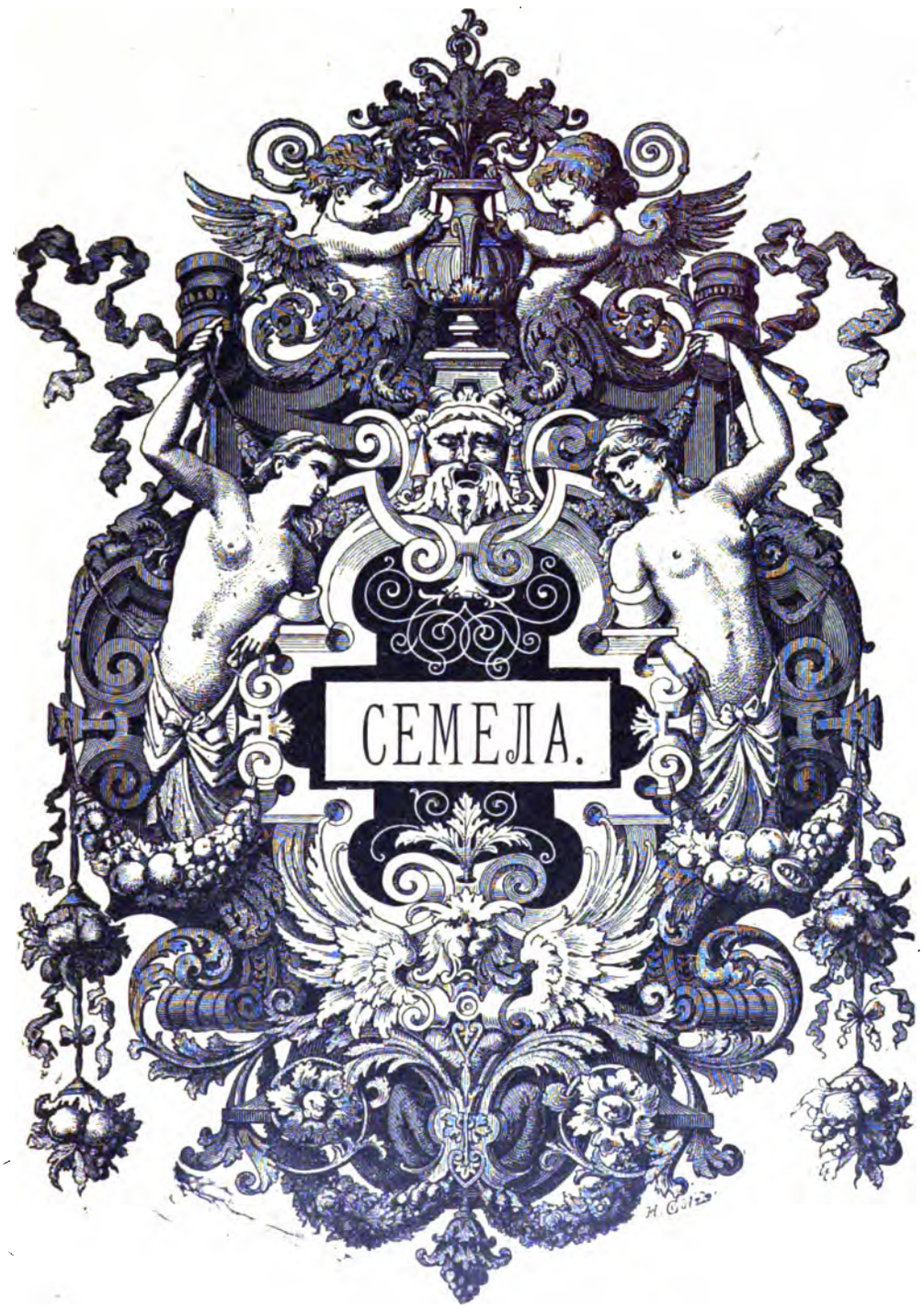
Когда жъ народъ пастушескій, спокойныи,
Безъ жадности довольный самъ собой,
Свергая гнетъ неволи недостойной,
Чтитъ человѣчность, даже выйдя въ бой,
Въ побѣдѣ даже скроменъ,—пѣсни стройной
Достоинъ онъ и славы вѣковой!
И радъ я повѣсть разсказать такую,
Тебѣ, какъ все великое, родную.

Н. Холодковскій.

ДРУГУ ВЪ АЛЬБОМЪ.

(1805).

Неисчерпаемой прелестью и красотой вѣчно новой
Дышитъ природа, и знай: схоже искусство въ томъ съ ней;
Въ сердцѣ ты чувство хранишь
къ нимъ обоимъ, о старецъ достойный!
Жребіемъ будетъ твоимъ вѣчная юность за-то.


СЕМЕЛА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Юнона.
Семела, ѳивская царевна.
Юпитеръ.
Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ, во дворцѣ Кадма.

„Лирическая оперетка“ Семела появилась впервые въ „Антологіи“ въ 1782 г.; была ли она написана много ранѣе или нѣтъ, сказать трудно. Несомнѣнно, что театральные эффекты, особенно второй сцены, обязаны своимъ происхожденіемъ воспоминаніямъ поэта о видѣнныхъ въ Людвигсбургѣ операхъ, сценическая постановка которыхъ, по личному желанію герцога, производилась съ большой пышностью. Кромѣ этихъ воспоминаній, можно указать два источника для Шиллеровской „оперетки“: Овидія,изъ„Метаморфозъ“котораго(III 259—309) поэтъ заимствовалъ самый сюжетъ, и Виланда, опернымъ текстамъ котораго онъ подражалъ въ манерѣ его обработки.

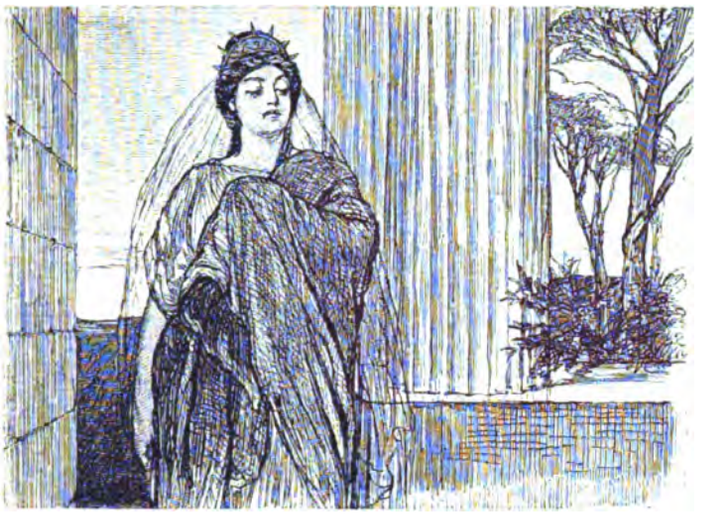
Всю фактическую часть даетъ Овидій. Прежде всего, у него взятъ центральный мотивъ: „довѣрчивая героиня, по наущенію лицемѣрной ненавистницы, выманиваетъ у своего возлюбленнаго подарокъ, который долженъ ее погубить“—мотивъ столь эффектно воспроизведенный Р. Вагнеромъ въ его „Лоэнгринѣ“ и выказавшій именно здѣсь свою силу, именно какъ оперный мотивъ. Имъ были предопредѣлены и характеръ дѣйствующихъ лицъ: легкомысленная довѣрчивость Семелы, льстивое коварство Берои-Юноны, великодушная необдуманность Юпитера. Подъ вліяніемъ Виланда была внесена въ характеристику этого послѣдняго новая черта, которой не зналъ Овидій, тотъ чувствительный сентиментализмъ въ изображеніи любви бога къ смертной, который былъ такъ естественъ въ эпоху, когда любовныя похожденія коронованныхъ особъ съ красивыми мѣщанками составляли важное явленіе въ жизни высшаго общества.—Изъ Овидія же заимствованы и многія частности; наконецъ, и развязка предполагается та же. Тутъ,однако, драматическій поэтъ находился въ худшемъ положеніи чѣмъ эпическій: гибель Семелы не могла быть представлена на сценѣ и нельзя сказать, чтобы придуманный молодымъ поэтомъ суррогатъ былъ удачнымъ. Будетъ поэтому нелишнимъ привести Овидіеву развязку въ русскомъ переводѣ:

...Хоть ротъ бы зажалъ говорящей!
Поздно; поспѣшное слово ревнивые вѣтры уносятъ.
Стонетъ Зевесъ: не вернуться ужъ вспять ни желанью Семелы,
Ни его клятвѣ. Унылый на вышній Олимпъ онъ восходитъ.
Маніемъ грозныхъ очей созывая покорныя тучи.
Сходятся всѣ: дождей родники, и вѣтровъ колыбели,
Молніи, громы, зарницы и вѣрныя стрѣлы перуна.
Все жъ, по возможности, самъ сокрушить онъ готовъ свою силу:
Тотъ ему не любъ перунъ, что Тифона сразилъ великана;
Есть тамъ полегче, другой потяжелѣе: Киклоповъ десница
Меньше дала ему силы и жара и ярости дикой;
„Меньшимъ перуномъ“ зовутъ его боги, Его выбираетъ,
Съ нимъ онъ къ Семелѣ нисходитъ; не вынесло бренное тѣло
Силы эѳирныхъ огней, отъ подарковъ погибло любовныхъ.

Позднѣе, когда Шиллеръ успѣлъ лучше познакомиться съ античнымъ міромъ, его юношескій опытъ ему самому показался неудовлетворительнымъ; въ 1789 г. онъ слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ въ письмѣ къ Каролинѣ фонъ-Вольцогенъ: „Ваше упоминаніе о Семелѣ меня просто испугало: да проститъ мнѣ Аполлонъ и Муза этотъ тяжкій грѣхъ передъ ними!“ Дѣйствительно, древній миѳъ о Семелѣ,

родительницѣ Діониса-Вакха, заслуживалъ лучшей участи; его глубокомысленности не передаетъ даже изящная обработка Овидія, не говоря уже о галантности Виланда и его молодого подражателя, и чтобы его понять, нужно подняться до самыхъ источниковъ, нужно прочесть „Вакханки" Еврипида и вдуматься въ нихъ. Почва, на которой онъ выросъ—великій дуализмъ греческой религіи, разладъ между духомъ и матеріей, Зевсомъ и Землей. Гибель Зевса и боговъ, которую пророчила древнѣйшая религія („религія Зевса"), была предотвращена болѣе поздней религіей Діониса: Діонисъ своими таинствами спасъ царство боговъ отъ проклятія Земли, съ этой цѣлью онъ и былъ созданъ Зевсомъ, въ этомъ—смыслъ мистическаго брака бога со смертной. Но это спасеніе было обусловлено беззаконіемъ, и Гера, ревнивая хранительница чистоты брачныхъ отношеній, за это погубила ту, которая была причиной ея нарушенія. Въ Θивахъ, въ кремлѣ, недалеко отъ дворца древнихъ царей показывали огороженное мѣсто, отъ котораго исходилъ постоянный дымъ, вѣроятно вслѣдствіе подземнаго огня, чему примѣровъ было въ Греціи не мало. Здѣсь, говорили люди, стоялъ нѣкогда теремъ Семелы; здѣсь она погибла отъ смертоноснаго подарка своего божественнаго жениха, давая въ то время жизнь своему недоношенному дитяти—будущему спасителю боговъ и благодѣтелю людей—Діонису.

Θ. Зѣлинскій.



ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Юнона.

(Сходитъ съ колесницы, окруженная облакомъ).

Прочь вы! съ колесницей крылатой
Павлины Юноны; ждите меня
На заоблачныхъ высяхъ Цицеры.

(Колесница и облако исчезаютъ).

А, здравствуй, домъ моей несытой злобы,
Привѣтъ тебѣ, проклятья вражій кровъ
И ненавистный дворъ! Такъ вотъ то мѣсто,
Гдѣ предъ лицомъ стыдливымъ дня Юпитеръ
Безчеститъ ложе гордое мое!
Здѣсь громовержца смѣетъ женщина—
Простая смертная, мгновенный прахъ,
Исхитивъ лаской изъ моихъ объятій,
Теперь къ своимъ приковывать устамъ.

Юнона, Юнона!
У горняго трона
Ты одна стоишь.

Храмы шлютъ тебѣ куренье,
Всюду чтители твои.
Безъ любви на что почтенье?
Что и небо безъ любви?
Нужно было мнѣ въ обиду,
Чтобы пѣна родила Киприду,
Вѣчныхъ и смертныхъ
Всѣхъ побѣдилъ ея взоръ огневой.
Горе!—въ гнѣвъ тебѣ Юнона
Родила и Герміона—
И на вѣкъ прости покой!

Иль не царица боговъ я?
Иль не сестра громовержца?
Иль мнѣ властитель Зевесъ не супругъ?
Развѣ не мнѣ повинуются оси
Грузнаго неба? Не я ли блистаю въ вѣнцѣ
олимпійскомъ?
Га! Я чувствую
Въ жилахъ безсмертныхъ Сатурнову кровь,
Сердце богини въ груди разрослось.
Мести! мести!
Унижать меня безнаказанно!
Безнаказанно сѣять раздоръ межъ богами,
И въ ясный чертогъ небожителей звать
Эриду? Какая безмѣрная дерзость!
Знай же, безумная!
Смерть у Коцита научитъ тебя
Божеское различать отъ праха земли!
Пусть задавитъ тебя твой гигантскій уборъ;
Прахомъ ты будешь
Вмѣсто богини.
Въ доспѣхахъ мести
Схожу съ Олимпа Высокаго я,
И сладко снотворныя
Льстивыя рѣчи
Изобрѣла;
Смерть и погибель
Скрываются въ нихъ.
Чу, шаги ея!
Вотъ ближе,
Ближе къ паденью и гибели вѣрной!
Увейся покровомъ земнымъ, божество!

(Уходитъ).

Семела *(кричитъ на сцену).*

Ужъ солнце къ западу!... Скорѣй, служанки,
Наполните чертогъ пріятной амброй,
Розъ и нарцизовъ набросать вокругъ;
Да не забудьте златотканный пологъ...
Ужъ солнце къ западу, а онъ еще нейдетъ!

Юнона *(входитъ въ образъ старухи).*

Благодареніе безсмертнымъ! Дочь моя!

Семела.

О, боги! Бодрствую иль брежу я? Бероя!

Юнона.

Уже ль свою кормилицу-старушку
Забыла ты?

Семела.

Бероя, видитъ Зевсъ!

Позволь, чтобъ дочь тебя прижала къ сердцу!
Здорова ль ты? Зачѣмъ изъ Эпидавра
Пришла ко мнѣ? Ну, какъ живешь? Не правда ль
По-прежнему еще ты мать мнѣ?

Юнона.

Мать!

Давно ты такъ звала меня.

Семела.

Зову,

И буду звать—пока изъ темной Леты
Я не напьюсь.

Юнона.

Бероѣ, можетъ-быть,
Недолго ждать до волнъ самозабвенья;
Но Кадма дочь изъ нихъ не будетъ пить.

Семела.

Какъ, милая? Загадками ты прежде
Не говорила; духъ сѣдыхъ волосъ
Теперь въ уста твои влагаетъ рѣчь;
Ты говоришь: я Леты не увижу?

Юнона.

Да, я сказала. Что жъ сѣдинамъ ты
Смѣешься? Правда, что богамъ онѣ,
Какъ свѣтлые власы, сѣтей не ставятъ.

Семела.

Прости! Могла ль смѣяться я власамъ
Сѣдымъ, какъ-будто эти вѣчно будутъ
Златой волной катиться мнѣ на плечи?
Но что же ты сквозь зубы проворчала?
Богъ, говоришь ты?

Юнона.

Богъ, сказала я?

Ну да, вѣдь боги всюду! Ихъ молить
Намъ, слабымъ смертнымъ, должно. Боги тамъ,
Гдѣ ты, Семела.—Какъ спросила ты?

Семела.

Какая злость! Однакожъ говори,
Что привело тебя изъ Эпидавра?
Не то ли ужъ, что боги окружаютъ
Твою Семелу?

Юнона.

Только то, клянусь!

Какимъ огнемъ твои покрылись щеки,
Когда „Юпитеръ“ я произнесла!
Послушай, дочь моя: ужасный моръ
Свирѣпствуетъ въ несчастномъ Эпидаврѣ.
Тамъ каждое дыханье ядовито,
Женихъ невѣсту, мать сжигаетъ сына.
Костры горятъ и превращаютъ въ день
Полночный сумракъ. Вопли и рыданья
По воздуху разносятъ смертный ужасъ.
Прогнѣваннымъ Юпитеръ смотритъ окомъ
На бѣдный нашъ народъ. Вотще предъ нимъ
Струится жертвенная кровь. Вотще
У алтаря, измучась на колѣняхъ,
Взываетъ жрецъ—онъ на моленье глухъ.
И вотъ меня несчастная отчизна
Ко дщери Кадма шлетъ: не упрошу ль
Ее избавить насъ отъ смертной кары?
Кормилица Бероя, говорятъ,
Должно быть, много значитъ у Семелы,
Семела же у Зевса много значитъ;
А вотъ и все—не поняла я словъ:
„Семела много значитъ у Зевеса“.

Семела *(съ жаромъ и забывшись.)*

Скажи, что завтра кончится зараза!
Меня Зевсъ любитъ—нынче жъ стихнетъ моръ!

Юнона (*неожиданно пораженная*).

Такъ правда, что стоустая молва
Отъ Гемуса до Иды разглашаетъ?
Тебя Зевсъ любитъ? Зевсъ привѣтствуетъ
Тебя во всемъ величьѣ, какъ Юнону
Средь изумленныхъ небожителей?
О, боги! пусть теперь сокроетъ Оркусъ
Мои сѣдины—я жила довольно...
Во всемъ величіи снисходитъ сынъ Сатурна
Къ ней, къ ней—она сосала грудь мою!
Къ ней!

Семела.

О, Бероя, онъ явился мнѣ
Красавцевъ краше всѣхъ Авроринхъ дѣтей.
Да, въ этотъ мигъ онъ былъ небеснѣй и свѣтлѣй,
Чѣмъ Гесперъ, ароматомъ окруженный
И членами въ эѳирѣ погруженный.
Онъ гордо шелъ, какъ-бы Гиперіонъ,
Когда за мощными плечами
Звенятъ колчанъ и лукъ. Зефиромъ окрыленъ,
Такъ океанъ сребристыми волнами
Блистаетъ. Серебра пріятный звонъ—
Его слова; ихъ переливъ свѣтлѣе
Живой мелодіи на лирѣ у Орфея.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Какъ все въ тебѣ полно
Минувшаго небеснымъ наслажденьемъ;
Что жъ дѣлалось тогда съ твоими слухомъ, зрѣньемъ,
Когда воспоминаніе одно
Тѣснится въ грудь дельфійскимъ вдохновеньемъ!
Но что же ты не склонишь разговоръ
На Зевсовъ драгоцѣннѣйшій уборъ?
Что жъ ты скупишься! Разскажи, какъ стрѣлы
Громовыя сверкаютъ предъ Семелой,
А имъ бы рвать густыя облака!
Девкаліонъ и Прометей красою
Могли снабжать—громитъ же лишь Зевесъ.
Одинъ лишь громъ, который онъ бросалъ
Къ твоимъ ногамъ, одинъ лишь громъ тебя
Такъ высоко возноситъ надъ землей.

Семела.

Что говоришь ты? Здѣсь о громѣ рѣчи
Не можетъ быть.

Юнона.

Тебѣ къ лицу и шутки

Семела.

Небеснѣй моего Юпитера не можетъ
Быть сынъ земли: но громъ... какой же
громъ!

Юнона.

И... ревность!

Семела.

Нѣтъ, Бероя! Видитъ Зевсъ.

Юнона.

Клянешься?

Семела.

Видитъ Зевсъ! мой Зевсъ!

Юнона.

Клянешься?
Несчастная!

Семела *(въ испугѣ)*.

Бероя! что съ тобою?

Юнона.

Ну, повтори слова тѣ, по которымъ
Несчастнѣй нѣтъ тебя на всей землѣ,
Погибшая! То былъ не Зевсъ!

Семела.

Не Зевсъ?
Презрѣнная!

Юнона.

Коварный соблазнитель
Изъ Аттики, подъ маской божества,
Похитилъ честь твою, невинность, стыдъ!

(Семела падаетъ безъ чувствъ).

Да, упади! чтобъ вѣчно не вставать!
Пусть ночь навѣкъ потушитъ свѣточъ твой
Пусть тишина скуетъ навѣкъ твой слухъ!
Останься здѣсь на мѣстѣ хладнымъ камнемъ!
О, стыдъ, о срамъ! стыдливый день бѣжитъ
Опять назадъ въ объятія Гекаты!
О, боги! боги! неужель Бероѣ
Шестнадцать лѣтъ въ разлукѣ пострадать
И встрѣтить такъ дочь Кадма суждено!
Я съ радостью пошла изъ Эпидавра,
И со стыдомъ должна идти домой.
Отчаянье я принесу... О, горе!
О, мой народъ! Скорѣе до второго
Потопа моръ пробудетъ, онъ скорѣй
Загромоздитъ тѣлами темя Эты,
Скорѣй вся Грецiя въ кладбище превратится,
Чѣмъ ты, Семела, гнѣвъ боговъ смягчишь:
Обмануты я, ты, и Грецiя, и все!

Семела.

Моя Бероя!

Юнона.

Другъ, очнись. Быть-можетъ,
То былъ Зевесъ! Но кажется, что нѣтъ!
А все жъ, быть можетъ, онъ! Теперь узнать
намъ должно;
Пусть онъ откроется, не то навѣкъ
Бѣги его; пусть Ѳивы за тебя
Презрѣнному отмстятъ кровавой местью.
Взгляни, о дочь! взгляни своей Бероѣ
Въ лицо: уже по симпатiи я
Всегда твоя.—Не испытать ли намъ
Его, Семела?

Семела.

Нѣтъ, клянусь богами,
Я въ немъ ошиблась бы.

Юнона.

Ужели бъ ты
Была покойнѣй, вѣчно сомнѣваясь,
Хотя бы онъ и подлинно былъ Зевсъ?

Семела (*скрываетъ лицо на колѣняхъ Юноны*).

Нѣтъ! онъ не Зевсъ!

Юнона.

И блескомъ окруженный,
Тебѣ бы такъ явился, какъ едва-ль
Являлся онъ Олимпу? Что тогда,
Семела? Ты бы каялась, зачѣмъ
Его пытала.

Семела *(съ силой)*.

Онъ открыться долженъ.

Юнона *(скоро)*.

Дотолѣ онъ не знай твоихъ объятій—
Откройся прежде!—Слушай, дочь моя,
Что вѣрная кормилица тебѣ
Съ любовью отъ души совѣтуетъ.
Скажи, когда онъ явится? скажи!

Семела.

Онъ обѣщалъ, что прежде, чѣмъ къ Ѳетидѣ
Въ объятія сойдетъ Гесперiонъ.

Юнона (*забывшись съ жаромъ*).

Какъ? Га! Сегодня снова пусть придетъ,
И только-что въ восторгѣ упоенья
Онъ распахнетъ объятья за тобой,
Ты отступи—припомни—будто громомъ
Поражена. Га! Какъ смутится онъ!
Не долго, дочь моя, ты дли смущенье
И продолжай желѣзнымъ, хладнымъ взоромъ
Отталкивать его. Страстнѣй, сильнѣе
Онъ будетъ льнуть къ тебѣ; вѣдь спѣсь красавицъ
Плотина лишь, что дождевой потокъ
Запретъ на мигъ, и съ яростію новой
Нахлынутъ волны... тутъ ты станешь плакать;
Противъ Гигантовъ онъ стоялъ спокойно,
Глядя какъ гнѣвъ сторукаго Тифея
Въ его престолъ кидалъ Олимпъ и Оссу,
Но слезы милой побѣдятъ его...
Ты улыбаешься? А, вижу, ученица
Здѣсь превзошла наставницу свою!
Вотъ и попросишь ты, чтобъ богъ исполнилъ
Одно твое невинное желанье:
Въ знакъ божества и пламенной любви
Онъ Стиксомъ поклянется—избѣжать
Ему нельзя—ужъ Стиксъ его связалъ.
А ты скажи: „Не знай меня, доколѣ
„Во всей красѣ, какъ дочери Сатурна,
„Не явишься ты царской дщери Кадма".
Семела, ты не бойся, если онъ
Начнетъ тебѣ присутствіе свое
Описывать ужаснымъ, въ пламени
Трескучемъ, при раскатахъ громовыхъ
Чтобъ, запугавъ, лишить тебя желанья...
Семела, это все пустые страхи.
И боги лишь скупятся для людей
Такой красой, такимъ величіемъ славы.
Не отступайся, и сама Юнона
Завистливо скосится на тебя...

Семела.

Дурная-то, съ воловьими глазами?
Въ жару любви онъ часто признавался,
Какъ черной желчью мучаетъ она
Его.

Юнона.

Га! смерть червю за поношенье!

Семела.

Что? какъ, Бероя? Что ты тамъ ворчишь?

Юнона.

Такъ, ничего, Семела! Черной желчью
И я терзаюсь... Часто строгій взглядъ
Зовется у влюбленныхъ черной желчью;
Воловьи же глаза не такъ дурны.

Семела.

О! самые бузпутные, Бероя,
Какіе могутъ въ головѣ свѣтить!
Къ тому жъ примѣта ядовитой злобы
Желто-зеленый цвѣтъ ланитъ. Мнѣ жаль
Зевеса: отъ навязчивой любви
И вздорной ревности царицы нѣтъ ему
Одной покойной ночи. Это просто
Должна быть въ небѣ пытка Иксіона.

Юнона (*съ ужаснымъ смущеніемъ и злобою ходитъ взадъ и впередъ*).

Ну, полно же!

Семела.

Бероя! Что за горечь?
Иль я сказала болѣе, чѣмъ правда
И умъ велятъ?

Юнона.

Ты болѣе сказала,
Чѣмъ умъ и правда дѣвушкѣ велятъ.
Считай за счастье, если голубые
Глаза твои не рано въ челнъ Харона
Заглянутъ. У Юноны тоже храмы...
Бродя между людьми, она не мститъ
Такъ ни за что, какъ за насмѣшки злыя.

Семела.

Что жъ! пусть придетъ и слушаетъ! что мнѣ?
Юпитеръ каждый волосъ на главѣ
Моей хранитъ, такъ что же тутъ Юнона?
Однакоже, Бероя, бросимъ это.
Еще сегодня я во всей красѣ
Увижу Зевса. Пусть себѣ Юнона
Хоть въ Оркусъ путь отыщетъ.

Юнона (*въ сторону*).

Этотъ путь
Найдетъ другая, можетъ-быть, но прежде:
Ужъ въ этомъ мнѣ порукой Зевсовъ громъ!

(*Къ Семелѣ*).

Да, да! у ней займетъ дыханье зависть,
Когда дочь Кадма предъ лицомъ Эллады
Подымется съ тріумфомъ на Олимпъ.

Семела.

Ужель
Про Кадма дочь узнаетъ Греція?

Юнона.

А будто-бъ отъ Сидона до Аѳинъ
Про что другое говорятъ? Семела!
Боги, боги, станутъ предъ тобой
На колѣни,—боги предъ тобой!
Смертные съ покорной головою
Будутъ ждать за трепетной чертою,
Что невѣста громовержца...

Семела.

Ахъ!

Юнона.

И въ вѣка во всѣ предѣлы
То разскажетъ мраморъ бѣлый,
Что Семелу чтили здѣсь—
Ту красавицу Семелу
Чьи лобзанія свели
Въ прахъ владыку, громовержца,
Съ олимпійской высоты.
Тысячезвучныя крылья молвы встрепенутся,
Звуки ихъ съ моря возстанутъ и съ горъ разольются.

Семела (*внѣ себя*).

О, Аполлонъ! О, Пиѳія! что жъ онъ
Не явится!

Юнона.

И сквозь облако куренья
Ты услышишь ихъ моленья

Семела (*вдохновенная*).

И доступна буду всѣмъ,
Гнѣвъ его смягчу мольбами,
Молніи—залью слезами,
Счастье, счастье обѣщаю всѣмъ.

Юнона (*про себя*).

Бѣдная! зачѣмъ?

(*Погрузясь въ размышленье*).

Чувствую!.. не звать меня безпутной...
Нѣтъ же! въ Тартаръ состраданье. (*Къ Семелѣ*).
Ну, бѣги жъ, мой другъ, бѣги же,
Чтобы Зевсъ не видѣлъ; чѣмъ онъ долѣ
Будетъ ждать, тѣмъ пламеннѣй восхощетъ
Онъ къ тебѣ...

Семела.

Бероя, небеса
Въ твои уста вложили сами рѣчи!
О, блаженство! Боги предо мною
На колѣни станутъ, а вокругъ
Смертные съ покорной головою—
Нѣтъ же, нѣтъ, бѣгу, бѣгу, мой другъ!
(*Поспѣшно удаляется*).

Юнона (*съ восторгомъ смотритъ ей вслѣдъ*).

Слабая, гордая женщина! жаль мнѣ тебя!
Огнь пожирающій—страстные взоры его;
Въ каждомъ лобзаніи смерть, въ каждомъ объятіи
Вихрь удушающій! Смертному тѣлу нельзя
Снесть лицезрѣнье того, чья рука
Громы кидаетъ. Га пусть
(*въ изступленномъ восторгѣ*).
Подъ молньеносной рукой
Воскъ ея смертнаго тѣла растаетъ,
Какъ предъ лампадою солнца
Утренній снѣгъ,—и невѣрный,
Вмѣсто нѣжнаго стана невѣсты,
Собственный ужасъ обниметъ. Съ какимъ торжествомъ я тогда,
Взоръ пресыщая, съ вершины Цитеры къ нему воззову,
Такъ что въ рукѣ у него задрожитъ громовая стрѣла:
„Полно; что жъ ты, Сатурній,
Такъ обнимаешь жестоко!“
(*Уходитъ*).

(Симфонія).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

(Прежняя зала).

Внезапный свѣтъ.

Зевесъ *въ образѣ юноши.* Меркурій *въ отдаленіи.*

Зевесъ.

Сынъ мой!

Меркурій *(съ преклоненной головой становится на колѣни).*

Зевсъ!

Зевесъ.

Скорѣй! спѣши! лети!
Направь полетъ на берега Скамандра:
Тамъ плачетъ надъ холмомъ своей пастушки
Пастухъ—никто не долженъ плакать,
Когда Сатурній любитъ.
Ступай и оживи умершую!

Меркурій *(вставая).*

Твоей главы могучей мановенье
Меня уноситъ въ даль въ одно мгновенье.
И въ мигъ назадъ.

Зевесъ.

Летя черезъ Аргосъ,
Я встрѣтилъ дымъ, клубящійся отъ жертвы
На алтарѣ моемъ—пріятно было мнѣ,
Что мой народъ такъ чтитъ меня; слетай
Къ моей сестрѣ Церерѣ и скажи,
Чтобъ въ десять тысячъ разъ она посѣвъ
Умножила Аргійцамъ на полвѣка.

Меркурій.

Я съ быстротою трепетной всегда
Спѣшу исполнить гнѣвъ твой, вседержитель,
А милость—съ радостной; вѣдь счастьемъ надѣлять
Людей богамъ отрадно, а карать
Людей богамъ прискорбно.—Гдѣ велишь
Принесть ихъ благодарность: на низу,
Въ пыли, иль на верху въ божественномъ чертогѣ?

Зевесъ.

Въ низу, въ божественномъ чертогѣ! Во дворцѣ
Моей Семелы! Ну, лети! *(Меркурій уходитъ).*

Она нейдетъ

Принять царя Олимпа, какъ всегда,
На грудь свою, взволнованную нѣгой.
О, что жъ нейдетъ ко мнѣ моя Семела
Навстрѣчу? Мертвое, пустынное молчанье
Во всемъ дворцѣ, который прежде такъ
Вакхически неистово шумѣлъ.
Ни вѣтерка... я видѣлъ торжество
Въ очахъ Юноны—своему Зевесу
Не хочетъ въ стрѣтенье Семела поспѣшить...
(Молчаніе. Онъ продолжаетъ).
Га! Неужель преступная войдти
Въ святилище моей любви дерзнула?
Сатурнія—Цитера и тріумфъ.
Ужасно... признаки... Семела, ты не бойся!
Не бойся, я твой Зевсъ. Дохну, и небеса,
Подвинувшись, покажутъ: я твой Зевсъ!
Гдѣ воздухъ тотъ, который смѣетъ сильно
Подуть на ту, что Зевсъ своей зоветъ?
А козни мнѣ смѣшны... Семела, гдѣ ты?
Давно я жду прильнуть къ твоей груди
Главою, отягченной цѣлымъ міромъ,
Отъ бурь правленья чувства убаюкать,
Забыть во снѣ кормило и бразды
И потонуть въ отрадѣ наслажденья.
О, счастіе! О, нѣга опьянѣнья
Самимъ безсмертнымъ! Что Урана кровь,
Что нектаръ и амброзія, и что
Олимпа тронъ, златой вѣнецъ небесъ,
Могущество, безсмертье, вѣчность, богъ,
Безъ любви?

Пастухъ, что подъ журчаніемъ ручья
Въ объятьяхъ милой забываетъ стадо,
Моимъ громамъ не позавидуетъ.
Она идетъ... О, перлъ моихъ созданій!
О, женщина! Передъ творцомъ твоимъ
Молиться должно. Я тебя создалъ—
Молися мнѣ. Зевсъ молится Зевесу,
Создавшему себя. Га! Кто во всей вселенной
Мнѣ изречетъ проклятье! Какъ презрѣнны,
Какъ незамѣтны всѣ мои міры,
Мои моря лучей, мои системы
И вся моя огромная цѣвница,
Какъ мудрецы твердятъ, какъ это все мертво
Въ сравненіи съ душой.

Семела *(приближается, не подымая глазъ).*

Зевесъ.

Моякраса! престолъ мой—прахъ! Семела! Ты
(Спѣшитъ ей навстрѣчу; она хочетъ уйдти).
Бѣжишь! Безмолвствуешь? Семела! Ты бѣжишь?

Семела *(отталкивая его).*

Прочь!

Зевесъ *(пораженный; послѣ молчанья).*

Грезитъ Зевсъ? Или природа хочетъ
Разрушиться?—Такъ говоритъ Семела?—
Какъ, нѣтъ отвѣта? Жадно простираю
Къ тебѣ объятья—такъ не билось сердце
Мое предъ дщерью Агенора, такъ
Оно и къ Ледѣ не рвалось, уста
Мои такъ устъ Данаи не искали,
Какъ въ этотъ мигъ.

Семела.

Молчи! Ты лжецъ!

Зевесъ *(съ нѣжнымъ упрекомъ).*

Семела!

Семела.

Прочь!

Зевесъ *(смотря на нее).*

Я Зевесъ!

Семела.

Ты Зевесъ?
Страшись, хвастунъ! онъ грозно у тебя
Потребуетъ украденный уборъ,
Которымъ ты ругался—ты не Зевесъ!

Зевесъ *(величественно).*

Вселенная, вращаясь вкругъ меня,
Такъ назвала меня.

Семела.

Га! богохульство!

Зевесъ *(кротче).*

Какъ, милая? Откуда рѣчь такая?
Кто жъ у меня похитилъ это сердце?

Семела.

Оно того, кого ты обезьянишь.
Чтобъ женщину увлечь, приходятъ люди
Подъ маской божества.—Прочь! ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Ты сомнѣваешься? ужель сомнительно
Семелѣ божество мое?

Семела *(печально).*

Когда бы ты
Былъ Зевесъ, никто изъ смертныхъ не коснулся бъ
До этихъ устъ... О, еслибъ ты былъ Зевесъ!

Зевесъ.

Ты плачешь? Здѣсь Зевесъ, а ты въ слезахъ, Семела?
Скажи, проси—и рабская природа
Падетъ, дрожа, къ твоимъ ногамъ. Скажи—
И рѣки бой начнутъ съ своимъ теченьемъ,
И горы: Геликонъ, Кавказъ и Цинтъ,
Аѳосъ, Микала, и Родопъ, и Пиндъ,
Вслѣдъ за моимъ могучимъ мановеньемъ,
Сорвавшись, на поля и долы налетятъ,
Завьются въ воздухѣ и солнце затемнятъ.
Скажи—и вѣтры всѣ, въ одно мгновенье ока,
Помчатся съ сѣвера на море и съ востока,
Посидеона тронъ тяжелый покачнутъ;
Пучины вздуются и берега зальютъ;
Въ огняхъ предстанетъ ночь, изъ грома громъ родится,
И полюсъ затрещитъ и небо задымится.
Волнами океанъ начнетъ топить Олимпъ;
Передъ тобой Орканъ засвищетъ пѣснь побѣды...
Скажи!

Семела.

Я женщина, я смертная.
Какъ можно предъ горшкомъ горшечнику склоняться,
Или художнику передъ статуей пасть?

Зевесъ.

Пигмаліонъ палъ предъ своимъ созданьемъ,
Своей Семелѣ молится Зевесъ.

Семела (*плачетъ*).

Ну, встань же, встань! О, горе мнѣ несчастной!
Я лишь боговъ могу любить, а боги
И самъ Зевесъ—смѣются надо мной!

Зевесъ.

Зевесъ у ногъ твоихъ.

Семела.

О, встань же! Высоко
Тамъ на громахъ въ объятіяхъ Юноны
Зевесъ смѣется слабости червя.

Зевесъ (*съ жаромъ*).

Семела и Юнона! Га! Кто червь?

Семела.

О, необъятно-счастлива была бы—
Дочь Кадма, если бъ ты былъ Зевсъ,—
Но ты не Зевсъ!

Зевесъ (*встаетъ*).

Я Зевсъ.

(*Онъ протягиваетъ руку; въ залѣ появляется радуга. Музыка сопровождаетъ явленіе*).

Что? видишь ли?

Семела.

И человѣкъ могучъ любовью вѣчныхъ.
Тебя Сатурній любитъ—я однихъ
Боговъ могу любить.

Зевесъ.

Еще сомнѣнья!
Какъ-будто власть свою я у боговъ
На время выпросилъ, а не родился съ ней.

Семела, боги людямъ сообщаютъ
Благотворенья силу, но не каръ,
А смерть и гибель—вотъ печать боговъ:
Карающимъ увидишь ты Зевеса.

(*Онъ протягиваетъ руку: ударъ, огонь, дымъ и землетрясеніе. Музыка сопровождаетъ эти явленія*).

Семела.

Довольно? Опусти десницу! О, помилуй!
Помилуй бѣдный свой народъ! Тебя
Родилъ Сатурнъ!

Зевесъ.

А, легковѣрная!
Ужель Зевесу, женщинѣ въ угоду,
Планетъ и солнцъ теченье измѣнять?
Зевсъ все исполнитъ! Часто сынъ боговъ
Скалѣ огнечреватой рвалъ утробу,
Но онъ землей и связанъ: это можетъ
Одинъ Зевесъ!

(*Онъ протягиваетъ руку: солнце исчезаетъ, внезапная ночь*).

Семела (*падаетъ предъ нимъ*).

О! еслибъ, всемогущій,
Ты могъ любить! (*Снова день*).

Зевесъ.

Дочь Кадма вопрошаетъ
Кроніона, что любитъ ли Кроніонъ?
Одинъ намекъ—и, сбросивъ божество,
Онъ пріймetъ плоть, чтобъ только быть любимымъ.

Семела.

И будто Зевсъ?...

Зевесъ.

Самъ Аполлонъ признался
Намъ, какъ отрадно человѣкомъ быть
Между людьми. Скажи—я человѣкъ!

Семела (*кидается къ нему на шею*).

Зевсъ, въ Эпидаврѣ женщины зовутъ
Твою Семелу дѣвушкою глупой:
Любима Зевсомъ, говорятъ, а что жъ
Не выпроситъ у Зевса ничего?

Зевесъ (*съ жаромъ*).

Пусть женщины краснѣютъ въ Эпидаврѣ!
Проси, проси—и видитъ Стиксъ—владыка
Самихъ боговъ... и если Зевсъ замедлитъ—
Пусть грозный богъ меня въ одно мгновенье
Въ бездонный мракъ небытія сразитъ!

Семела (*вскакиваетъ съ радостію*).

Теперь я вижу своего Зевеса!
Ты поклялся—и клятву слышалъ Стиксъ!
Такъ никогда не обнимай иначе
Меня, какъ ты...

Зевесъ (*кричитъ въ испугѣ*).

Несчастная! Постой!

Семела.

Сатурнію...

Зевесъ (*хочетъ ей зажать ротъ*).

Умолкни!

Семела.

Обнимаешь.

Зевесъ.

Ужъ поздно! Звукъ разлился! Стиксъ! Семела!
Ты выпросила смерть.

Семела.

А, такъ-то любитъ Зевсъ!

Зевесъ.

Я небо отдалъ бы за то, чтобъ меньше
Любилъ тебя!

(*Съ холоднымъ ужасомъ смотритъ на нее*).

Погибшая!

Семела.

Юпитеръ!

Зевесъ (*свирѣпо уставивъ глаза въ землю*).

Теперь я понялъ твой тріумфъ, Юнона!
Проклятье ревности! Увы, красотка-роза
Ты слишкомъ хороша, ты слишкомъ драгоцѣнна
Для Ахерона!

Семела.

Не скупись же славой!

Зевесъ.

Проклятье славѣ! ею ты ослѣплена!
Проклятье моему величью,—раздробило
Оно тебя! Проклятіе, проклятье
Мнѣ,—счастіе я строилъ на пескѣ!

Семела.

Пустые страхи, Зевсъ! я не боюсь
Твоихъ громовъ.

Зевесъ.

Обманутый ребенокъ!

Ступай, простись въ послѣдніе съ твоими
Подругами: ничто, ничто не въ силахъ
Теперь спасти тебя, Семела! Я твой Зевсъ.
И этого ужъ нѣтъ—ступай.

Семела.

Завистникъ!... Стиксъ! Ты не уйдешь теперь *(Уходитъ)*.

Зевесъ.

Нѣтъ, не тріумфъ, а трепетъ ждетъ ее!
И въ силу власти, по которой мнѣ
Подножіемъ земля и небо служатъ,
Къ утесу самому крутому, во Ѳракіи,
Алмазной цѣпью прикую злодѣйку...
Да, клянусь! *(Меркурій является въ отдаленіи)*.
Что значитъ твой полетъ?

Меркурій.

Горячія признательныя слезы
Счастливыхъ.

Зевесъ.

Всѣхъ ихъ погуби опять!

Меркурій *(въ изумленіи)*.

Зевесъ!

Зевесъ.

Никто не долженъ быть счастливымъ!
Она умретъ...

А. Фетъ.

РАЗБОЙНИКИ

(Ихъ источники, переработки, вліяніе и положеніе въ ряду другихъ произведеній эпохи «Бури и натиска»).

I.

ИСТОЧНИКИ ДРАМЫ.

Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ „Швабскаго Магазина“ за 1775 годъ былъ напечатанъ слѣдующій разсказъ, озаглавленный „Къ исторіи человѣческаго сердца“ (Zur Geschichte des menschlichen Herzens). Постараемся сохранить въ переводѣ колоритъ времени:

„Читая анекдоты, которыми насъ время отъ времени дарятъ Франція и Англія, мы должны думать, что лишь въ этихъ счастливыхъ государствахъ встрѣчаются люди со страстями. О насъ, бѣдныхъ нѣмцахъ, ничего не разсказываютъ, и молчаніе нашихъ писателей должно навести иностранцевъ на мысль, что жизнь нѣмца проходитъ въ ѣдѣ, питьѣ, механической работѣ и снѣ, что въ этомъ кругу онъ безсмысленно двигается до тѣхъ поръ, пока у него не закружится голова, и онъ не упадетъ, чтобы не вставать болѣе. Трудно выяснить характеръ народа, которому предоставлено такъ мало свободы, какъ намъ, несчастнымъ нѣмцамъ: каждая характерная черта, которую мимоходомъ отмѣтитъ перо безпристрастнаго наблюдателя, можетъ открыть ему дорогу въ общество колодниковъ. Но, несмотря на то, что господствующая у насъ форма правленія не даетъ нѣмцу возможности проявлять свою активность, всетаки мы люди, не лишенные страстей, и при случаѣ дѣйствуемъ не менѣе энергично, чѣмъ французы или англичане. Когда у насъ будутъ оригинальные нѣмецкіе романы и собраніе нѣмецкихъ анекдотовъ, тогда философу будетъ не трудно до тончайшихъ оттѣнковъ опредѣлить національный нѣмецкій характеръ.—Вотъ разсказъ, событія котораго происходили среди насъ, и я предоставляю какому-нибудь даровитому писателю право сдѣлать изъ него комедію или романъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отважился удержать Германію въ качествѣ мѣста дѣйствія, а не переносилъ сцены въ Испанію или въ Грецію.

Одинъ б...скій дворянинъ, предпочитавшій деревенское уединеніе шуму придворной жизни, имѣлъ двухъ сыновей съ весьма несходными характерами. Вильгельмъ былъ благочестивъ, по крайней мѣрѣ онъ молился такъ часто, какъ вы могли только пожелать, былъ строгъ къ себѣ и къ ближнимъ, когда они поступали дурно; онъ былъ покорнѣйшимъ сыномъ у своего отца, прилежнѣйшимъ ученикомъ у своего гувернера, мрачнаго фанатика и ревностнаго поклонника порядка и экономіи. Карлъ былъ во всемъ полной противуположностью своему брату. У него была открытая, впечатлительная натура; онъ былъ временами лѣнивъ и нерѣдко раздражалъ родителей и воспитателя своими легкомысленными шалостями. Но свѣтлая голова и доброе сердце дѣлали его любимцемъ всѣхъ домочадцевъ и всей деревни. Только его строгій братъ и педантъ-гувернеръ, котораго душила желчь при видѣ своеволія Карла, не прощали ему его недостатковъ.

Оба брата поступили въ гимназію въ Б. и остались тамъ вѣрны себѣ. Строгій почитатель прилежанія и добродѣтели осы-

палъ похвалами Вильгельма, а Карла атгестовалъ, какъ легкомысленнаго, невнимательнаго юношу. Въ университетѣ Вильгельмъ не измѣнилъ своего скромнаго образа жизни, тогда какъ пылкій темпераментъ Карла не позволялъ ему успѣшно бороться съ искушеніями, встрѣчавшимися на его пути. Онъ сталъ поклонникомъ Цитеры и послѣдователемъ Анакреона. Вино и любовь были его любимыми предметами; наукой онъ занимался только урывками. Словомъ, онъ былъ одною изъ тѣхъ мягкихъ натуръ, для которыхъ чувственныя удовольствія всегда имѣютъ прелесть, и которыхъ созерцаніе прекраснаго приводитъ въ платонический восторгъ. Строгій Вильгельмъ бранилъ его, писалъ о его поведеніи домой и навлекалъ на него упреки и угрозы. Но Карлъ былъ еще слишкомъ вѣтренъ, чтобы жить по правиламъ прописной морали, хотя его расточительность и безграничная щедрость къ бѣднымъ товарищамъ вовлекли его въ долги, настолько значительные, что скрывать ихъ долѣе было невозможно. Къ этому присоединилась несчастная дуэль, которая окончательно лишила его расположенія отца и поставила его въ необходимость покинуть университетскій городъ подъ покровомъ ночной темноты. Весь міръ былъ передъ нимъ и казался ему пустынею, гдѣ онъ не могъ найти ни пропитанія, ни убѣжища.

Барабанный бой вывелъ его изъ этихъ размышленій, и онъ послѣдовалъ за знаменемъ Марса. Онъ сталъ въ ряды прусской арміи, и быстрота, съ которой король Фридрихъ увлекалъ свои войска отъ одного чуднаго подвига къ другому, не оставляла ему времени заглянуть въ себя. Карлъ былъ храбрымъ солдатомъ и въ битвѣ при Фрейбергѣ (1762 г.) былъ раненъ. Онъ слегъ въ лазаретъ; картина человѣческаго горя была передъ его глазами. Стоны страдальцевъ, хрипѣніе умирающихъ, жгучая боль отъ собственной раны разрывали его мягкое сердце, и Карлъ воспрянулъ духовно: съ горькимъ раскаяніемъ посмотрѣлъ онъ на свои недостойныя увлеченія, проклялъ ихъ и рѣшился стать добродѣтельнымъ и благоразумнымъ. Немного оправившись, онъ написалъ нѣжнѣйшее письмо своему отцу, въ которомъ открыто признавался въ своихъ проступкахъ, рисовалъ картину постигшихъ его бѣдствій, свое раскаяніе и молилъ о прощеніи, давая самыя торжественныя обѣщанія исправиться. Напрасная попытка! Суровый Вильгельмъ перехватилъ его письмо, и Карлъ остался безъ отвѣта.

Миръ былъ заключенъ, и полкъ, въ которомъ служилъ Карлъ, распустили. Новая буря въ сердцѣ Карла! Но не желая болѣе бродить по безжалостному свѣту, онъ рѣшилъ трудиться. Промѣнявъ свой мундиръ на рабочую блузу, онъ поступилъ въ батраки къ крестьянину, жившему на разстояніи полутора часовъ ходьбы отъ родового замка его отца. Съ образцовымъ усердіемъ работалъ Карлъ въ полѣ и на фермѣ. Въ часы досуга онъ училъ дѣтей своего хозяина, и успѣхи учениковъ вознаграждали его за трудъ. Его доброта и разнообразіе его талантовъ сдѣлали его любимцемъ всей деревни. Подъ именемъ „добраго Ганса“ онъ сталъ извѣстенъ даже собственному отцу, которому часто случалось бесѣдовать съ ловкимъ работникомъ и хвалить его, не подозрѣвая, кто передъ нимъ. Однажды добрый Гансъ работалъ въ лѣсу. Вдругъ слышитъ онъ глухой шумъ, идетъ на него съ топоромъ въ рукѣ и—о ужасъ! видитъ своего отца въ отчаянной борьбѣ съ замаскированными разбойниками, которые насильно вытаскиваютъ его изъ коляски. Кучеръ лежитъ на землѣ, обливаясь кровью, смертоносная сталь готова вонзиться въ грудь старика. Но сыновняя любовь воодушевляетъ Карла и удесятеряетъ его силы: какъ безумный, бросается онъ на злодѣевъ, укладываетъ троихъ на мѣстѣ, а четвертаго обезоруживаетъ и связываетъ. Потомъ онъ усаживаетъ въ коляску отца, тѣмъ временемъ потерявшаго сознаніе, и везетъ его въ замокъ.

„Кто мой ангелъ хранитель?“ спрашиваетъ отецъ, открывъ глаза.

„Совсѣмъ не ангелъ, а человѣкъ сдѣлалъ то, что каждый обязанъ сдѣлать для своихъ ближнихъ“, отвѣчалъ Гансъ.

„Какое благородное сердце подъ холстинной блузой! Но скажи мнѣ, Гансъ, всѣхъ ли злодѣевъ ты убилъ?“

„Нѣтъ, сударь, одинъ еще живъ“.

„Приведи его“.

Разбойникъ является, бросается къ ногамъ дворянина, молитъ о помилованіи и, рыдая, произноситъ:

„Ахъ, сударь, не я... другой... Ахъ если-бъ я могъ навѣки онѣмѣть! Другой...“

„Да назови же проклятаго другого!“ прогремѣлъ дворянинъ: „Кто твой сообщникъ?“

„Ахъ, я долженъ это сказать!—Господинъ Вильгельмъ!... По его мнѣнію, вы жили слишкомъ долго, и онъ хотѣлъ этимъ гнуснымъ способомъ завладѣть вашимъ состояніемъ.—Да, сударь, вашъ убійца—Вильгельмъ“.

„Вильгельмъ?“ переспросилъ отецъ глухимъ голосомъ, закрылъ глаза и не двигался. Карлъ, какъ статуя ужаса, стоялъ передъ постелью старика. Нѣсколько мгновеній длилось страшное молчаніе. Наконецъ, старикъ открылъ глаза и воскликнулъ голосомъ, полнымъ отчаянія: „Нѣтъ болѣе сына, нѣтъ болѣе ни одного сына! О! Эта гнусная фурія, обвитая змѣями, мой сынъ— пусть въ аду назовутъ его имя! И тотъ юноша съ розовыми щеками и съ чувствительнымъ сердцемъ, мой сынъ Карлъ, жертва своихъ страстей, повергнутъ въ нищету... можетъ быть, уже мертвъ...“

„Нѣтъ, онъ живъ еще!“ воскликнулъ Карлъ, не будучи въ состояніи сдерживаться долѣе.

„Онъ живъ и лежитъ въ ногахъ у лучшаго изъ отцовъ. О! развѣ вы меня не узнаете? Мои пороки лишили меня чести называться вашимъ сыномъ. Но развѣ не могутъ слезы, раскаяніе...“

Тутъ отецъ бросается къ сыну, подымаетъ его, обнимаетъ дрожащими руками, и оба застываютъ въ нѣмомъ объятіи. Эта пауза служитъ выраженіемъ сильнѣйшей страсти, когда голосъ сердца велитъ умолкнуть устамъ.

„Мой сынъ, мой Карлъ явился моимъ ангеломъ-хранителемъ!“ сказалъ отецъ, когда онъ нашелъ возможность заговорить, и его слезы закапали на загорѣлый лобъ сына.

„Карлъ открой глаза, взгляни на слезы радости, которыя проливаетъ твой отецъ“.

Но Карлъ повторялъ только: „Милый отецъ!“ и прижимался къ его груди.

Когда буря страсти улеглась, Карлъ разсказалъ отцу свою исторію, и оба отдались радости свиданія.

„Ты—мой наслѣдникъ“, сказалъ отецъ, „а Вильгельма, это исчадіе ада, я сегодня же отдамъ въ руки правосудія“.

„О, отецъ!“ воскликнулъ Карлъ, снова бросаясь къ ногамъ старика: „простите своему сыну, простите моему брату!“

„Что за доброта!“ произнесъ восхищенный и умиленный отецъ. „Ты можешь простить этому клеветнику, который, какъ я узналъ, скрывалъ отъ меня твои письма, недавно найденныя мною въ его бюро, этому чудовищу, которое возстаетъ на своихъ единокровныхъ! Нѣтъ, это немыслимо!—Но я согласенъ предоставить злодѣя терзаніямъ его совѣсти. Пусть онъ исчезнетъ съ глазъ моихъ! Средствами къ жизни онъ будетъ обязанъ твоему великодушію“.

Это рѣшеніе Карлъ, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, возвѣстилъ своему брату и тотчасъ же назначилъ ему приличное содержаніе. Вильгельмъ удалился, не выражая особеннаго раскаянія, и съ тѣхъ поръ живетъ въ большомъ городѣ, гдѣ онъ и его бывшій гувернеръ стали главами секты, называемой сектой зелотовъ. Карлъ, предметъ преданнаго обожанія своихъ будущихъ подданныхъ, живетъ съ отцомъ, покоя его старость“.

Разсказъ этотъ, въ свое время произведшій нѣкоторую сенсацію, приписывается швабскому литератору Христіану Даніэлю Шубарту (по крайней мѣрѣ сынъ Шубарта помѣстилъ его въ собраніе сочиненій своего отца), имѣвшему немалое вліяніе на лирику Шиллера, съ одной стороны, своими пѣснями въ народномъ духѣ (писанными отчасти на швабскомъ діалектѣ), съ другой, своими одами, въ тонѣ Клопштоковскихъ лирическихъ произведеній *).

---

*) Даніэль Шубартъ, родившійся въ 1739 году, былъ сынъ школьнаго надзирателя и дирижера оркестра въ имперскомъ городѣ Аалѣ (въ Швабіи). Онъ былъ богато одаренъ отъ природы, но его чувственная натура нуждалась въ строгой выдержкѣ, въ заботливомъ воспитаніи. Къ несчастью, судьба отказала ему въ этомъ.

Въ школѣ онъ бездѣльничалъ, но, несмотря на это, блестящія его способности выдвигали его изъ среды товарищей. Родители сколотили маленькій капиталъ и послали сына въ университетъ изучать теологію. Съ этого времени начинается разгульная жизнь молодого Шубарта, понемногу подтачивавшая его физическія и духовныя силы. Покинувъ университетъ кандидатомъ теологіи, онъ началъ свои странствованія по городамъ и деревнямъ Швабіи. Вращаясь преимущественно въ средѣ простонародія, онъ умѣлъ всюду быть желаннымъ гостемъ и собутыльникомъ: музыкантъ, композиторъ, поэтъ-импровизаторъ и импровизаторъ-проповѣдникъ, учитель, влагавшій въ своихъ учениковъ не одну свѣтлую идею, а главное, отличный разсказчикъ, онъ зарабатывалъ себѣ «хлѣбъ насущный» своими разнообразными талантами и не заботился о будущемъ. Женитьба не измѣнила его, и семейная жизнь его была довольно скандальна. Молва о его музыкальномъ дарованіи достигла до ушей герцога Карла Евгенія, и Шубартъ былъ въ 1769 году приглашенъ въ Людвигсбургъ дирижировать оркестромъ и развивать лекціями по эстетикѣ офицеровъ мѣстнаго гарнизона. Шубартъ сталъ вращаться въ придворномъ кругу, но остался тѣмъ же разгульнымъ, беззаботнымъ малымъ, какимъ былъ прежде. Его стихи и шуточки надъ придворными надѣлали ему много враговъ, а застольныя бесѣды атеистическаго характера и связи съ дамами высшаго круга были достаточнымъ поводомъ къ изгнанію не только изъ резиденціи, но и изъ Вюртемберга: герцогъ сталъ къ этому времени строгимъ цензоромъ нравовъ. Разставшись съ семьей, которую пріютилъ его тесть, Шубартъ опять пустился странствовать по свѣту. Въ Аугсбургѣ онъ основалъ газету «Teutsche Chronik» и убѣдился, что его настоящее призваніе—литература и именно журнальная литература. Свои летучіе

Изъ вышеприведеннаго разсказа Шубарта Шиллеръ взялъ факты, которые происходятъ до начала дѣйствія или за сценой (вымышленный разсказъ объ участіи Карла въ семилѣтней войнѣ).

Характеромъ Карла *) Моора Шиллеръ, по собственному признанію, болѣе всего обязанъ Плутарху и Сервантесу, который въ это время былъ въ Германіи очень популяренъ, благодаря переводу Боде: Карлъ Мооръ, какъ атаманъ-разбойникъ, имѣетъ большое сходство съ благороднымъ атаманомъ Рокомъ Гинартомъ **), внушающимъ такое почтеніе своей шайкѣ; юморъ Шиллеровыхъ разбойниковъ имѣетъ сходство съ тономъ, какимъ Сервантесъ говоритъ о жизни шайки Рока.

На идею, какъ разсказа Шубарта, такъ и трагедіи Шиллера, несомнѣнно имѣла сильное вліяніе евангельская притча о блудномъ сынѣ (первоначально Шиллеръ хотѣлъ назвать свою драму „Блудный сынъ"). Вообще, Библія сильно отразилась, какъ на формѣ, такъ и на содержаніи рѣчей дѣйствующихъ лицъ.

Изъ великихъ умовъ XVIII вѣка на „Разбойникахъ" болѣе всего замѣтно вліяніе Руссо и Гете. Разбойники, разорвавшіе связь съ обществомъ, являются, до нѣкоторой степени, осуществленіемъ идеала Руссо—людьми въ естественномъ состояніи. Чувствительность, проповѣдуемая Руссо, составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ Карла Моора, изгоняющаго Шуфтерле за то, что онъ обезчестилъ всю шайку убійствомъ ребенка.

Съ „Вертеромъ" Мооръ имѣетъ много общаго. Карлъ Мооръ представляетъ собою что-то среднее между Гецомъ и Вертеромъ: какъ Гецъ, онъ въ разладѣ съ обществомъ; какъ Вертеръ,—съ самимъ собою.

Изъ драмъ періода „бури и натиска" Шиллеръ воспользовался для „Разбойниковъ" „Уголино" Герстенберга (старый Мооръ заключенъ въ своего рода башню голода), „Юліемъ Тарентскимъ" Лейзевица и „Близнецами" Клингера. Послѣднія двѣ драмы развиваютъ модную въ то время тему вражды двухъ братьевъ, возникшей на почвѣ несходства характеровъ и соперничества въ любви. Въ „Юліи Тарентскомъ" есть сцена нападенія на женскій монастырь, откуда Юлій похищаетъ свою возлюбленную. Въ первоначальной редакціи „Разбойниковъ" тоже была такая сцена (Амалія, по первоначальному плану, должна была удалиться въ монастырь), но краски ея показались слишкомъ рѣзкими даже товарищамъ поэта по Карловой школѣ, и Шиллеръ опустилъ сцену, сохранивъ лишь разсказъ о ней. Съ „Юліемъ" „Разбойники" сходятся въ томъ, что и тамъ героемъ является пострадавшій братъ, а съ „Близнецами"—въ характеристикѣ героя: пылкій, энергичный Гвельфо, воодушевленный чтеніемъ Плутарха, имѣетъ много общаго съ Карломъ Мооромъ. Періодъ

листки онъ диктовалъ за трубкой табаку и кружкой пива, и изъ Аугсбурга его политическія пѣсенки и зажигательныя статейки распространялись по всей Германіи и читались за такими же кружками пива и трубками. Угрозы и преслѣдованія не могли помѣшать Шубарту писать, а швабамъ—читать его «Teutsche Chronik». Тогда Карлъ Евгеній употребилъ противъ Шубарта низкое средство: онъ заманилъ легкомысленнаго человѣка въ предѣлы Вюртемберга, схватилъ его (въ 1777 г.) и на нѣсколько лѣтъ посадилъ въ Гогенъ-Аспергъ, безо всякаго законнаго предлога. Комендантъ Гогенъ Асперга, генералъ Ригель, самъ недавно выпущенный изъ заключенія, старался поскольку это отъ него зависѣло, смягчить участь своего плѣнника. Его снисходительности, между прочимъ, обязанъ Шубартъ своимъ единственнымъ свиданіемъ съ Шиллеромъ. Шиллеръ хорошо зналъ заключеннаго по разсказамъ своего друга и товарища по академіи сына Шубарта и не могъ безъ ужаса думать о томъ, что быть можетъ, и къ нему, Шиллеру, герцогъ примѣнитъ ту же суровую воспитательную мѣру, которою онъ исправлялъ Шубарта. Выраженіе его сочувствія глубоко растрогало Шубарта, видѣвшаго въ произведеніяхъ пламеннаго юноши самое высокое и чистое проявленіе генія.

Годъ проходилъ за годомъ, а жизнь въ тюрьмѣ текла своимъ обычнымъ, ровнымъ ходомъ медленно, но вѣрно разрушая уже подточенныя прежнимъ разгуломъ силы Шубарта. Наконецъ негодованіе общества, успѣвшаго тѣмъ временемъ оцѣнить литературный талантъ Шубарта (вышло въ свѣтъ собраніе его стихотвореній) вынудило герцога вспомнить о плѣнникѣ и даровать ему свободу. Шубартъ возвратился въ кругъ своей семьи, снова принялся за редактированіе «Teutsche Chronik» и въ короткое время добился для своей газеты прежней популярности, хотя критика не пропускала случая отмѣтить упадокъ его таланта: одиночество и мистико религіозныя книги, которыми снабжалъ его Ригель, сдѣлали свое дѣло. Шубартъ издалъ первую часть своего жизнеописанія, составленнаго имъ въ тюрьмѣ, и много толковалъ о своемъ планѣ романа, героемъ котораго долженъ былъ быть «вѣчный жидъ». Но для приведенія этого проекта въ исполненіе у него не оставалось ни силъ, ни времени: онъ умеръ въ октябрѣ 1791 г.

*) За героемъ Шиллеръ оставилъ имя Карла; имя же другого брата было измѣнено, повидимому, изъ боязни обидѣть Говена и Петерсена, которые носили имя Вильгельма.

**) «Донъ-Кихотъ», томъ 2-й гл. LX. Путешественники, задержанные Рокомъ, готовы принять его скорѣе за Александра Великаго, чѣмъ за бандита. Рокъ удалился изъ общества, чтобы мстить ему за свои и за чужія обиды, и всякій, нуждающійся въ защитникѣ, можетъ смѣло явиться къ нему.

„бури и натиска", сверхъ того, явно отразился на свободной формѣ „Разбойниковъ", на языкѣ ихъ, мѣстами грубо-циничномъ, мѣстами поэтичномъ и образномъ до напыщенности, на введеніи въ пьесу музыки и пѣнія.

Шекспиръ, съ которымъ Шиллеръ познакомился при посредствѣ своего профессора Абеля, тоже внесъ довольно значительную лепту въ „Разбойниковъ". Францъ Мооръ во многихъ чертахъ напоминаетъ Яго. Эдмунда изъ „Лира" (подложное письмо), а больше всего—Ричарда III. Какъ и интриганы Шекспира, онъ изображенъ матеріалистомъ, циникомъ, сластолюбцемъ; какъ они, онъ раскрываетъ свои планы въ длинныхъ монологахъ, которые, впрочемъ, подъ вліяніемъ національнаго характера и драмъ Лессинга, носятъ болѣе отвлеченный характеръ, чѣмъ у Шекспира. Кромѣ указаннаго, на самый замыселъ „Разбойниковъ" могли подѣйствовать „Два веронца", гдѣ Валентинъ принимаетъ на себя начальство шайкой изгнанныхъ дворянъ подъ условіемъ, что его подчиненные не будутъ обижать женщинъ и бѣдняковъ.

Изъ народныхъ пѣсенъ о разбойникахъ Шиллеру, вѣроятно, были знакомы нѣкоторыя баллады о Робинѣ Гудѣ, вошедшія въ собраніе Перси. Эпизодъ спасенія Роллера Мооромъ напоминаетъ балладу, въ которой переодѣтый Робинъ Гудъ съ опасностью собственной жизни спасаетъ своего любимца, маленькаго Джона.

Личность Карла Моора—амальгама самого автора и его школьнаго товарища Граммонта (какъ Вертеръ—портретъ Гете и Іерузалема вмѣстѣ). Меланхолія Граммонта, его недовольство собою, часто повторяемое имъ желанье „быть урожденнымъ нищимъ" („als Bettler geboren werden")—все это мы находимъ у Моора вмѣстѣ съ пылкостью самого Шиллера, съ его отвращеніемъ ко всякому стѣсненію, ко всякой тиранніи.

Жизнь въ обществѣ трехсотъ слишкомъ юношей дала Шиллеру возможность въ первомъ же своемъ произведеніи мастерски справиться съ такой трудной задачей, какъ изображеніе жизни и движеній толпы.

Оригиналами для изображенія различныхъ типовъ разбойниковъ служили, повидимому, товарищи академики *), которые надѣлили ихъ и своими фамиліями (Мооръ, Швейцеръ встрѣчаются въ спискахъ академіи; Рацманъ была фамилія одного офицера, нелюбимаго воспитанниками академіи); Капфъ и Фаберъ, о которыхъ Шиллеръ отзывается, какъ о неисправимыхъ хвастунахъ, широковѣщательно повѣствующихъ о будущихъ своихъ подвигахъ, послужили оригиналами для Шпигельберга; Роллеръ, Швейцеръ во многихъ чертахъ списаны съ друзей Шиллера: Говена, Петерсена, Шарфенштейна и др.; планъ выселенія въ Св. Землю, о которомъ говоритъ Шпигельбергъ, принадлежитъ одному академику (по всѣмъ признакамъ Карлу Кемпфу), внушавшему Шиллеру большое презрѣніе.

Закулисныя стороны придворной жизни, съ которыми академики, при ихъ близости къ герцогу, были хорошо знакомы, дали поэту впослѣдствіи сюжетъ для „Коварства и Любви", а пока послужили матерьяломъ для эпизода съ Косинскимъ.

Научныя занятія Шиллера также не остались безъ вліянія на драму: Францъ Мооръ, въ длинныхъ своихъ монологахъ, проявляетъ довольно порядочныя свѣдѣнія по медицинѣ: въ монологѣ II дѣйствія, собираясь погубить отца, убивъ его нравственно, Францъ Мооръ чуть не дословно излагаетъ § 14 диссертаціи Шиллера „О связи между духовной и животной сторонами человѣческой натуры", а далѣе пространно разсуждаетъ о сходствѣ между сномъ и смертью—вопросъ, которому Шиллеръ посвятилъ послѣднюю главу своей диссертаціи.

Шиллеръ писалъ не только съ моделей, бывшихъ у него въ это время передъ глазами; яркія воспоминанія дѣтства тоже въ иныхъ случаяхъ давали необходимый матерьялъ; его лорхскій учитель, пасторъ Мозеръ, далъ свой духовный обликъ и имя священнику, пришедшему пробудить совѣсть въ Францѣ; разсказъ отца о злодѣяніи Тренка, который въ военное время разграбилъ и сжегъ городъ въ Богеміи, чтобы отомстить за убитаго товарища, перенесенъ Шиллеромъ на Моора и пріуроченъ къ освобожденію Роллера.

Сюжетъ драмы—сдѣлать оскорбленнаго въ своихъ чувствахъ героя предводителемъ шайки разбойниковъ былъ не чуждъ, какъ литературѣ, такъ и жизни того времени: народныя повѣсти и романы XVII вѣка съ знаменитымъ Симплициссимусомъ во главѣ, драмы Möller'a, изъ которыхъ одну, „Софію", академики даже играли, прославляли доблестныхъ и великодушныхъ ата-

*) Шиллеровскіе разбойники говорятъ языкомъ академиковъ и въ свою очередь вліяютъ на него: многія выраженія изъ Шиллеровой драмы надолго остались въ ходу среди «герцогскихъ сыновей».

мановъ; разсказы о „великихъ" разбойникахъ, напр. о французѣ Картушѣ или объ англичанинѣ Говардсѣ, переходили изъ устъ въ уста, украшались, распространялись, печатались, и жизнеописанія рыцарей большой дороги читались въ то время съ такой же жадностью, какъ біографіи героевъ древности. Подвиги разбойниковъ далеко не отошли еще въ область преданія: дороги южной Германіи были очень небезопасны изъ-за шаекъ, въ члены которыхъ вербовались отставленные отъ должности чиновники, сборщики податей, проходимцы и отчаянныя головы изъ всѣхъ классовъ общества. Особенный страхъ наводили на вюртембергцевъ шайки разбойниковъ, предводителями которыхъ были евреи, напр. шайка Шмерле и Левена. Поэтому и Шиллеръ подчеркиваетъ семитическій элементъ въ своемъ Шпигельбергѣ и Шуфтерле. Несмотря на строгія мѣры, несмотря на обиліе висѣлицъ, одна изъ которыхъ украшала самый Штутгардтъ, разбойничество процвѣтало: въ самый годъ выхода въ свѣтъ драмы была захвачена въ Баваріи шайка приблизительно въ 1000 человѣкъ.

Изъ отдѣльныхъ личностей всего болѣе сходства съ Шиллеровымъ Мооромъ имѣетъ баварскій разбойникъ Матіасъ Клостермейеръ, казненный въ 1771 году. Во главѣ шайки въ 30—40 человѣкъ онъ искусно избѣгалъ преслѣдованій посланнаго для поимки его отряда и даже пріобрѣлъ славу талантлиаго стратега. Объ немъ ходилъ рядъ разсказовъ. Онъ мстителенъ, вспыльчивъ, но охотно становится на сторону слабыхъ и притѣсняемыхъ. Онъ грабитъ и зажиточныхъ людей, но при случаѣ тайно ссужаетъ часть своей добычи какому-нибудь бѣдняку. Онъ смѣло мститъ членамъ аугсбургскаго суда за крестьянъ, пострадавшихъ по ихъ винѣ. Его сообщникъ Андрей Мейеръ преданъ ему такъ же беззавѣтно, какъ Швейцеръ своему атаману. Курфюрстъ предлагаетъ Клостермейеру помилованіе, если онъ согласится покинуть свою шайку. Клостермейеръ собираетъ товарищей и сообщаетъ объ этомъ (онъ вообще имѣетъ страсть говорить громкія фразы). Товарищи просятъ не оставлять ихъ, и онъ сдается на ихъ мольбы. Узнавъ о томъ, что одинъ изъ его подчиненныхъ схваченъ, онъ поднимаетъ такую же бурю, какъ Мооръ, узнавшій о поимкѣ Роллера. Подъ конецъ карьеры въ немъ просыпается совѣсть, и раскаяніе начинаетъ терзать его. Окружающіе замѣчаютъ это и упрекаютъ его въ трусости и намѣреніи измѣнить „дѣлу".—Эти и подобные имъ разсказы поглощались воспитанниками академіи съ жадностью.

II.

ПЛАНЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ „РАЗБОЙНИКОВЪ".

Блестящій успѣхъ пьесы, какъ это вполнѣ естественно, надолго приковалъ къ ея сюжету вниманіе автора.

Мысль написать 2-ю часть „Разбойниковъ" не оставляла Шиллера нѣсколько лѣтъ. Въ августѣ 1784 года онъ писалъ: „Послѣ „Карлоса" примусь за вторую часть „Разбойниковъ", которая должна быть полной апологіей автора за первую часть, и въ которой кажущаяся безнравственность должна разрѣшиться высокой нравственной идеей. Это для меня безграничное поле дѣятельности". Вторая часть „Разбойниковъ" была немыслима безъ Карла Моора: поэтому его намѣреніе отдаться въ руки правосудія должно было по какой-нибудь причинѣ остаться безъ исполненія. Въ іюлѣ 1785 г. Шиллеръ пишетъ Кернеру, что рѣшился написать одноактное продолженіе „Разбойниковъ", которое будетъ помѣщено въ издаваемой имъ „Таліи". Драма эта написана не была, но въ бумагахъ Шиллера найдены два ея наброска.

Первый носитъ заглавіе: „Невѣста въ траурѣ. Вторая часть Разбойниковъ". Названіе это напоминаетъ Конгревовскую „Печальную невѣсту", гдѣ молодая женщина встрѣчается въ склепѣ съ своимъ мужемъ, котораго она долго считала умершимъ, и, конечно, принимаетъ его за привидѣніе.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ: Карлъ Мооръ, скрывающійся подъ именемъ графа Юліана; дочь Моора; его сынъ Ксаверій; мальчикъ или маленькая дѣвочка; женихъ дочери Моора; три духа (Францъ Мооръ, Амалія, старикъ Мооръ); Косинскій, Швейцеръ, Германъ (жена Моора вычеркнута изъ списка дѣйствующихъ лицъ). Мѣсто дѣйствія не указано. О содержаніи драмы мы узнаемъ лишь слѣдующее:

„Къ молодой графинѣ приходитъ монахиня. Она ласкаетъ молодую дѣвушку, но не произноситъ ни одного слова. Графиня видитъ ее уже не въ первый разъ: она встрѣчалась съ монахиней въ капеллѣ женскаго монастыря, которую нерѣдко посѣщала. Часто монахиня стояла рядомъ съ ней на колѣняхъ, молилась, часто шла около нея,

но всегда молчала. Но, повидимому, ей хочется, чтобы Аделаида приняла постриженіе. Графиня искренно любитъ молчаливую свою подругу и поддерживаетъ сношенія съ нею. Монахиня тайно приходитъ къ ней въ замокъ и знаками даетъ ей понять, что Аделаидѣ слѣдуетъ предпочесть монастырь брачному вѣнцу. Когда монахиня снова приходитъ, ее не допускаютъ къ Аделаидѣ.—Разъ Аделаида входитъ въ кабинетъ отца и видитъ тамъ портретъ. Она присматривается внимательнѣй: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это изображеніе молчаливой монахини. Она цѣлуетъ картину. Отецъ входитъ, видитъ это и съ удивленіемъ узнаетъ, что она знакома съ оригиналомъ портрета. Любопытство графа возбуждено: онъ хочетъ видѣть монахиню, которая такъ походитъ на его Амалію, такъ какъ это ея портретъ". Далѣе мы находимъ только замѣчаніе: „Вопросъ въ томъ, могутъ ли встрѣтиться эти два духа*), и какъ будутъ они держаться другъ относительно друга? Если это возможно, то лишь въ присутствіи графа, и духъ монахини"... Отсюда уже можно понять, почему драма называется „Невѣста въ траурѣ": очевидно, монахиня прикажетъ ей возложить на себя печальныя одежды. Но, повидимому, задача вести дѣйствіе съ тремя духами показалась поэту затруднительной, и онъ оставилъ этотъ планъ для другого. Имена дѣйствующихъ лицъ и самый ходъ дѣйствія здѣсь обозначены гораздо опредѣленнѣе; поэтому можно заключить, что планъ составленъ позже предшествующаго. Дѣйствіе происходитъ въ Савойѣ, въ замкѣ графа Юліана. Графъ Юліанъ не кто иной, какъ Карлъ Мооръ, а охотникъ Турнъ—вѣрный Швейцеръ. У Юліана двое дѣтей: сынъ Ксаверій и дочь Матильда, помолвленная съ графомъ Диссентисомъ. Кромѣ этихъ лицъ, указанъ еще Косинскій, богемскій дворянинъ, и духъ Франца Моора. Основная мысль Шиллера была такая: Карлъ Мооръ, считающій, что онъ искупилъ преступленія былыхъ лѣтъ своею нравственною и полезною для общества жизнью, долженъ понести за нихъ страшное наказаніе — видѣть гибель своей семьи.

Какъ осуществить эту мысль — поэтъ еще не рѣшилъ: передъ нимъ мелькалъ то одинъ, то другой планъ.

Братъ любитъ сестру не братскою любовью. Отецъ замѣчаетъ это и, чтобы положить конецъ противуестественной страсти, старается ускорить бракъ дочери съ Диссентисомъ, за котораго Матильда выходитъ исключительно изъ любви къ отцу. Въ чемъ именно должна состоять трагическая коллизія, тоже сказать трудно. Мы находимъ такія замѣтки: „Отецъ убиваетъ сына или дочь. — Братъ любитъ сестру и убиваетъ ее, отецъ убиваетъ его. — Отецъ любитъ невѣсту сына. — Братъ убиваетъ жениха сестры.—Сынъ предаетъ или умерщвляетъ отца". — Но все это не удовлетворяетъ Шиллера. Ему приходитъ мысль, что коллизія должна быть вызвана появленіемъ духа, и мы видимъ новый планъ.

„Появленіе духа и брачный пиръ открываютъ дѣйствіе. У Юліана девятнадцатилѣтній сынъ Ксаверій и восемнадцатилѣтняя дочь Матильда. Ксаверій—натура страстная и необузданная. Отецъ обращается съ нимъ строго, но этимъ только развиваетъ въ немъ упорство. Ксаверій одинъ идетъ своей дорогой; отца онъ боится, но не любитъ. Его любимое развлеченіе—охота, которой онъ отдается со всею пылкостью своего бурнаго характера. Никто, кромѣ его сестры Матильды, не можетъ сдержать его дикихъ порывовъ. Ксаверій любитъ Матильду несчастною, роковою любовью, которую ему до сихъ поръ удавалось скрывать отъ отца. Но Матильду нерѣдко пугаетъ его волненіе, а охотникъ Георгъ подозрѣваетъ печальную истину. Именно поэтому онъ убѣждаетъ графа ускорить свадьбу дочери. Но приближеніе дня свадьбы сопровождается роковыми предзнаменованіями. Жителей замка тревожатъ какія-то странныя явленія. Одинъ изъ нихъ встрѣчаетъ привидѣніе, когда онъ"... Тутъ Шиллеръ обрываетъ, но потомъ снова продолжаетъ: „Эти событія скрываютъ отъ графа Юліана, который самъ еще не встрѣчался ни съ однимъ изъ этихъ сверхъестественныхъ явленій. Однако Ксаверій узнаетъ о нихъ и со свойственной ему неустрашимостью хочетъ изслѣдовать все дѣло. Въ ночной часъ онъ идетъ въ указанное мѣсто и, дѣйствительно, видитъ привидѣніе въ самой страшной обстановкѣ. Однако, онъ находитъ въ себѣ достаточно отваги, чтобы подойти къ призраку и заговорить съ нимъ; призракъ исчезаетъ. Онъ подозрѣваетъ тутъ какую-то тайну, которая касается его отца, и старается вывѣдать ее у охотника Георга. Георгъ — причина того, что графу ничего неизвѣстно о происходящемъ въ замкѣ.

*) Очевидно, духъ Амаліи и духъ Франца, которые въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ помѣщены рядомъ

Ксаверій, несмотря на страшное видѣніе, не сталъ сдержаннѣе и мягче. Его строптивый духъ не доступенъ ужасу даже передъ загробнымъ міромъ; онъ думаетъ, что кто-нибудь изъ членовъ семьи умретъ и..." Шиллеръ обрываетъ опять: планъ не дается ему. Но онъ не бросаетъ работы окончательно, а отыскиваетъ новую идею: Карлъ Мооръ, увѣренный, что его преступленія заглажены, пытается достичь личнаго счастья и тѣмъ самымъ призываетъ на себя небесную кару.

„Карлъ Мооръ считаетъ себя примирившимся съ небесами, двадцатилѣтнее счастье убаюкало его, и онъ уже не боится, что оно можетъ измѣнить ему. Онъ сдѣлалъ за это время много хорошего, утѣшалъ несчастныхъ, былъ благодѣтелемъ окружающихъ. Онъ живетъ въ чужой странѣ и вспоминаетъ о прошедшемъ, только какъ о тяжеломъ снѣ. Въ теченіе долгаго промежутка ничто не напоминало ему объ отдаленной эпохѣ его жизни. Объ этомъ онъ разговариваетъ съ вѣрнымъ Швейцеромъ и тѣмъ пробуждаетъ задремавшую Немезиду. Между тѣмъ у Швейцера уже есть причины опасаться разныхъ осложненій и онъ дѣлаетъ графу намекъ на это; графъ не придаетъ значенія его словамъ. Швейцеръ любитъ его такъ же, какъ въ былыя времена, и охотно избавилъ бы Моора отъ всякой непріятности. Бракъ его дочери съ графомъ Диссентисомъ стоитъ теперь для него на первомъ планѣ". На другомъ листочкѣ Шиллеръ начинаетъ совсѣмъ иначе.

„Карлъ Мооръ—женихъ. Онъ долженъ вступить въ бракъ съ единственной дочерью графа Диссентиса, который связанъ съ нимъ обязательствомъ величайшей важности. Нѣсколько лѣтъ, отдѣляющихъ его отъ грустнаго прошлаго, счастливое настоящее, сила красоты и любви дали миръ его душѣ; онъ начинаетъ вѣрить въ возможность счастья. Всѣ любятъ его въ домѣ графа, только сынъ графа"... Далѣе Шиллеръ не продолжалъ. Долженъ ли былъ и тутъ появиться на сцену духъ Франца — очевидно не было ясно самому Шиллеру*).

Свояченица Шиллера сообщаетъ, что во время работы надъ „Теллемъ" въ 1803 г. Шиллеръ неоднократно думалъ о второй части „Разбойниковъ". На этотъ разъ она складывалась въ его воображеніи опять по совершенно новому плану. „Нужно выдумать", писалъ онъ, „трагическую семью вродѣ рода Атрея или Лая, которую судьба преслѣдовала бы безъ пощады. Для такого изображенія человѣческой судьбы въ ея всеобщности (in seiner Allgemeinheit)—самая подходящая мѣстность—берега Рейна, гдѣ многіе знатные роды были свергнуты революціей съ вершины счастія и легко могли подъ вліяніемъ превратностей судьбы, показавшей имъ оборотную сторону жизни, сбиться съ прямого пути".

Здѣсь мы не замѣчаемъ уже и слѣда прежняго стремленія показать невозможность личнаго счастья даже для раскаявшагося преступника, здѣсь другая мысль, которая въ то время уже была осуществлена поэтомъ въ „Мессинской невѣстѣ".

Такъ въ теченіе всей его жизни преслѣдовалъ Шиллера призракъ второй части „Разбойниковъ", которая должна была заключать разрѣшеніе этическихъ вопросовъ, поставленныхъ въ первой. Она, дѣйствительно, была призракомъ, такъ какъ заключеніе первой части удовлетворяло самымъ строгимъ нравственнымъ требованіямъ, и вторая часть должна была основываться на томъ, что Карлъ Мооръ по какой-нибудь причинѣ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія—отдаться въ руки правосудія.

III.

ПОДРАЖАНІЯ „РАЗБОЙНИКАМЪ".

Въ своемъ предисловіи къ изданію „Разбойниковъ", писанномъ весною 1781 года, Шиллеръ выражаетъ опасеніе, что многіе превратно поймутъ его, увидятъ защиту порока тамъ, гдѣ онъ ведетъ съ нимъ борьбу, и собственную глупость взыщутъ на бѣдномъ поэтѣ, который можетъ ждать отъ публики всего, кромѣ справедливости.—Послѣдствія показали, что опасенія Шиллера были не безосновательны. Нѣкогда поклонники Вертера „простреливали свои пустыя головы" (Minor); теперь разбойничій романтизмъ забушевалъ въ юныхъ умахъ. Въ Лейпцигѣ „Разбойники" были запрещены, такъ какъ уже послѣ второго представленія въ театрѣ и въ самомъ городѣ была совершена масса кражъ, и магистратъ сталъ опасаться, какъ бы лейпцигскіе студенты не составили разбойничьей шайки. — Изъ Швабіи и Баваріи приходили извѣстія о школьникахъ, составлявшихъ кружки съ цѣлью побродить по свѣту въ качествѣ разбойниковъ.—

*) Изо всѣхъ этихъ обрывковъ видно, что Шиллеръ уже оставилъ мысль объ одноактной пьесѣ, о которой онъ писалъ Кернеру въ 1785 году.

Г-жа Ла-Рошъ, съ которой Шиллеръ впослѣдствіи познакомился въ Мангеймѣ, сообщаетъ объ одномъ баденскомъ баронѣ, который хотѣлъ стать во главѣ разбойничьей шайки; первыми подвигами его и его сообщниковъ должны были быть похищеніе одной молодой дворянки, поджогъ дома и безжалостное умерщвленіе всѣхъ тѣхъ, кто отважился бы его преслѣдовать. Гораздо характернѣе сообщеніе аббата Фрика, разсказывающаго о красивомъ молодомъ юношѣ, членѣ почтенной семьи, который разбойничалъ въ окрестностяхъ Страсбурга и былъ колесованъ 3-го октября 1783 года. Передъ казнью онъ написалъ письмо, въ которомъ говорилъ, что чтеніе дурныхъ книгъ совратило его съ пути добродѣтели. Для многихъ современниковъ Шиллера не было никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ дурными книгами подразумѣвались именно „Разбойники".

„Разбойники" произвели на общество сильное впечатлѣніе, но многіе критики находили драму слабой и плохо приспособленной для сцены. Нашелся литераторъ, взявшійся за исправленіе этихъ недостатковъ: это былъ Плюмике, поставщикъ берлинскаго театра. Онъ смягчилъ небольшія несообразности, но ввелъ крупныя нелѣпости; облегчилъ задачу декоратора и рабочихъ, но перемѣстилъ явленія весьма неудачно; избавилъ Карла Моора отъ рукъ палача, но лишилъ значенія послѣднюю сцену и сдѣлалъ героемъ ея Швейцера, который убиваетъ своего атамана и лишаетъ себя жизни. Несмотря на всѣ эти нелѣпости, передѣлка Плюмике выдержала два изданія и шла въ первые годы гораздо чаще, чѣмъ Шиллеровъ оригиналъ.—Другой передѣлыватель, Томасъ, работавшій для труппы Тилли въ Штральзундѣ, позволилъ себѣ еще большія вольности: онъ оставилъ въ живыхъ всѣхъ, кромѣ злокозненнаго Франца. Разбойники обратились на путь истинный, старикъ Мооръ пошелъ въ монастырь, а Карлъ женился на Амаліи и зажилъ счастливо. Томасъ не тянулся въ литературу, какъ Плюмике, и своихъ искаженныхъ „Разбойниковъ" не печаталъ, но передѣлка его давалась не въ одномъ Штральзундѣ. Еще скромнѣе былъ третій театральный поэтъ Константинъ, который обработалъ „Разбойниковъ" для кукольнаго театра.

Къ этой же фалангѣ бездарныхъ исправителей „Разбойниковъ" можно отнести и г-жу фонъ Валленродтъ, выпустившую въ 1801 году продолженіе Шиллеровой драмы подъ заглавіемъ: „Карлъ Мооръ и его товарищи, послѣ прощальной сцены у старой башни. Изображеніе возвышенной человѣческой натуры, какъ pendant къ Ринальдо Ринальдини". Уже по одному заглавію можно судить о томъ, насколько писательница была мало способна понять характеръ Шиллеровыхъ героевъ и справиться съ задачей, которой не могъ разрѣшить самъ поэтъ. Ея самодѣльщина производитъ, по выраженію Minorr'a, такое впечатлѣніе, какъ если бы актеры, игравшіе „Разбойниковъ", по окончаніи пьесы, не снимая театральныхъ костюмовъ, продолжали бы играть дальше отъ себя, что кому вздумается.—Въ 1802 году появился двухтомный романъ „Die Grafen von Moor", а въ 1837 году Вангеймъ взялся за тотъ же неблагодарный трудъ—передѣлки драмы Шиллера въ повѣствовательную форму. Уже отсюда ясно, что Шиллеръ былъ головой выше общества, для котораго онъ писалъ: имъ восхищались, но его не понимали (доказательствомъ чего служитъ популярность передѣлки Плюмике), ему подражали, но усвоить могли лишь внѣшнюю оболочку его драмы.—„Разбойники" породили не произведенія, тенденціей которыхъ былъ бы протестъ противъ современнаго общества, а безконечную вереницу разбойничьихъ романовъ и разбойничьихъ драмъ. Шписъ, Крамеръ, Цшокке—съ успѣхомъ дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ. Романъ Цшокке „Абелинъ, великій бандитъ" (Abällino der grosse Bandit) и выкроенная изъ него драма пользовались такою популярностью, что вызывали въ свою очередь подражанія, и явился „Абелино—женщина или героиня Вандеи) Der weibliche Abällino oder die Heldin der Vendée). Но первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ шурину Гёте, Х. А. Вульпіусу, выступившему въ 1797 году со своимъ знаменитымъ „Ринальдо Ринальдини", который былъ переведенъ на русскій языкъ уже въ 1802 г. (2-ое изд. 1818 г.). Заграницу „Разбойники" проникли очень рано и прежде всего во Францію, къ революціонному настроенію которой они подходили какъ нельзя лучше: уже въ 1785 г. они были переведены на французскій языкъ. Кромѣ перевода, на французскомъ языкѣ скоро появилась передѣлка подъ заглавіемъ „Robert chef des brigands", имѣвшая такой успѣхъ, что авторъ ея, Ла-Мартельеръ, въ слѣдующемъ году сфабриковалъ продолженіе: „Le tribunal redoublé".

Въ 1795 году Крезе выпустилъ новое подражаніе, а въ два послѣдніе года XVIII-го вѣка вышли два новыхъ англійскихъ перевода: Рендера и Томпсона (первый явился еще въ 1792 г.).

Въ 1828 году въ Парижѣ была поставлена двухъ-актная „opera vaudeville"—„Les brigands de Schiller", а Верди воспользовался произведеніемъ нѣмецкаго драматурга въ своей оперѣ „I. Mesnadieri", написанной имъ для Дженни Линдъ.—Вообще, съ легкой руки Шиллера, композиторы оперъ и оперетокъ въ XIX вѣкѣ чувствуютъ особенную слабость къ изображенію разбойниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ „Фрейшютцъ", „Фра Діаволо", „Гаспаронъ", „Пираты" и т. п. произведенія.

IV.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЬЕСЫ И ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

„Разбойники"—классическое произведеніе, но вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ трагедіи Софокла, Оды Горація, „Донъ Кихотъ" Сервантеса, „Германъ и Доротея" Гёте или даже „Борисъ Годуновъ" и „Евгеній Онѣгинъ" Пушкина. Если классичность непремѣнно требуетъ глубины идеи, послѣдовательности въ ея развитіи, строгой гармоніи частей, вѣрнаго воспроизведенія художественной дѣйствительности, жизненности характеровъ, то всѣ дары Лессинга, Вольтера и Дидро, не говоря уже о Корнелѣ и Расинѣ, въ безконечное число разъ классичнѣе „Разбойниковъ", переполненныхъ такими наивностями и невѣроятностями, какія допускаются только въ народныхъ патріотическихъ пьесахъ, сочиняемыхъ на случай и забываемыхъ безвозвратно черезъ два-три мѣсяца послѣ ихъ появленія. Если мы попытаемся отрѣшиться отъ личныхъ воспоминаній о первомъ знакомствѣ съ „Разбойниками" и отъ субъективныхъ (раздѣляемыхъ, однако, огромнымъ большинствомъ людей) впечатлѣній и посмотримъ на эту пьесу съ точки зрѣнія холоднаго разсудка, намъ бросятся въ глаза такія прямо нелѣпости, какія простительны развѣ только въ балаганномъ представленіи. Отецъ отказывается отъ любимаго сына, даже не заглянувъ въ письмо, обвиняющее его первенца; отецъ и невѣста вѣрятъ разсказу перваго проходимца о смерти Карла; 80 разбойниковъ, окруженные въ лѣсу полутора тысячью регулярной кавалеріи, спокойно выслушиваютъ безконечныя проповѣди патера и брань своего атамана, а въ концѣ концовъ одерживаютъ блестящую побѣду, потерявъ только одного изъ своихъ за 300 убитыхъ непріятелей. Герой, услыхавъ на берегу Дуная имя невѣсты Косинскаго, вспоминаетъ (?!) о своей Амаліи и возвращается въ родовой замокъ, гдѣ живетъ много дней, неузнаваемый ни роднымъ братомъ, ни невѣстой (которая даже начинаетъ влюбляться въ него, какъ въ постороннаго), ни старымъ слугою. Въ какую эпоху происходитъ дѣйствіе? Съ одной стороны попъ сожалѣетъ объ упадкѣ инквизиціи (и за это сожалѣніе повѣшенъ проповѣдникомъ свободы совѣсти и мысли!), съ другой—феодальный владѣлецъ имѣетъ возможность похоронить въ подземной тюрьмѣ любого изъ вассаловъ, а разбойники выражаютъ свою скорбь по-библейски — раздираніемъ одеждъ своихъ. Всѣ характеры набросаны рѣзкими мазками грубой и толстой кисти: злодѣй, по характерному выраженію Пушкина, и стаканъ воды пьетъ по-злодѣйски; Максимильянъ Мооръ безъ колебанія прощаетъ своему мучителю и убійцѣ; Амалія величава, какъ скандинавская богиня; придорожные разбойники по величію души оставляютъ за собой античныхъ боговъ; „я тебя награждаю по царски, говоритъ атаманъ одному изъ нихъ: я поручаю тебѣ отмстить за моего отца", и тотъ преисполняется несказанной гордости. Этотъ атаманъ, герой пьесы,—такой идеалъ благородства и душевной силы, соединенной съ необыкновенной нѣжностью и тонкостью чувства, какого никогда не бывало и не можетъ быть на свѣтѣ.

Но съ этими недостатками пьесы тѣснѣйшимъ образомъ связано и ея огромное художественное значеніе; она — продуктъ безграничнаго юношескаго идеализма, страстности чувства и желаній, благороднѣйшаго оптимизма и горячей вѣры; она—та пѣснь весенняго соловья, которая всѣхъ заставляетъ вспомнить:

Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы.

Оттого-то и теперь, черезъ 120 лѣтъ, даже у ч и т а т е л я, ясно видящаго всѣ ея недостатки, она вызываетъ на глаза благотворныя, возвышающія душу слезы.

Трудно назвать другой столь рельефный фактъ, показывающій, насколько далеко ушло за это время человѣчество, какъ обвиненіе „Разбойниковъ" въ безнравственности и антирелигіозности. Опасной, рево-

люціонной считалась драма, герой которой, одаренный необыкновенной душевной силой и геніальными способностями, жестоко наказанъ за то только, что осмѣлился идти къ благородной цѣли **своимъ путемъ**; онъ наказанъ не только внѣшнимъ образомъ—гибелью личнаго счастья и позорной смертью; онъ казнится и внутренно, такъ какъ съ первыхъ-же шаговъ въ сторону съ проторенной дорожки онъ вынужденъ совершать дѣянія, которыя самъ-же находитъ возмутительными, которыхъ самъ гнушается. Въ послѣднемъ дѣйствіи онъ довольно малодушно и сантиментально выражаетъ глубокое раскаяніе и съ съ горькой ироніей отзывается о своей нелѣпой борьбѣ съ Провидѣніемъ: „Ребенокъ, говоритъ онъ, обращаясь къ Господу, дерзнулъ предупреждать Твои предначертанія!"

Ближе къ истинѣ Дюрингъ и нѣкоторые другіе современные критики, которые обвиняютъ „Разбойниковъ" въ проповѣди мѣщанской морали; но Шиллера оправдываетъ исторія: если мѣщанская мораль Шиллера 120 лѣтъ назадъ считалась дерзостью, что было бы еслибъ Шиллеръ вышелъ за предѣлы этой морали? Всего вѣроятнѣе, что даже передовая молодежь періода „бури и натиска" пришла бы въ ужасъ и отступилась отъ нечестивца.

Съ точки зрѣнія XIX вѣка, „Разбойники"—одна изъ самыхъ нравственныхъ и „искренновѣрующихъ" пьесъ, какія только знаетъ исторія литературы; но мораль ея не шаблонная и не навязанная извнѣ и даже не обдуманная; она—прирожденное свойство чистой юношеской души.

Для чтенія это одна изъ самыхъ умныхъ драмъ, такъ какъ молодой, но уже много думавшій авторъ въ уста Карла и въ уста его брата-злодѣя вложилъ много глубокихъ идей, вложилъ лучшія свои мысли, оригинально усвоенныя. На сценѣ это одна изъ самыхъ эффектныхъ, обстановочныхъ пьесъ, хотя авторъ вовсе и не думалъ объ эффектахъ и обстановкѣ; они явились сами собою, какъ результатъ богатой фантазіи и силы идеи.

Созданія такой пьесы 20-лѣтнимъ юношей, только что выпущеннымъ изъ закрытаго учебнаго заведенія, чтобы не казаться маловѣроятнымъ, требуетъ нѣкотораго объясненія.

Шиллеръ посвятилъ своимъ „Разбойникамъ" четыре долгихъ года, четыре послѣднихъ года, проведенныхъ имъ въ академіи; онъ началъ обдумывать свою драму на 18-мъ, если не на 17-мъ году жизни, и написалъ ее на 21-мъ. Пылкая ненависть къ тиранніи, отвращеніе къ стѣсненіямъ всякаго рода, стремленіе, если не въ жизни, то хоть въ фантазіи разорвать всѣ путы, сковывающія проявленія геніальной, страстной натуры, и открыто вступить въ бой съ испорченнымъ обществомъ,—все это бушевало въ душѣ молодого поэта, подчиненнаго суровому, тяжелому режиму герцогской военной академіи, все это искало себѣ выхода. Но облечь свои чувства и мысли въ образы было для Шиллера дѣломъ не легкимъ: творчество было у него въ эти годы медленнымъ, мучительнымъ процессомъ; знаніе жизни очень ограниченное и одностороннее; окружавшія его лица, товарищи и учителя были неинтересными оригиналами для портретовъ, а критическое чутье и строгая требовательность по отношенію къ самому себѣ были уже развиты настолько, что Шиллеръ лучше своихъ критиковъ видѣлъ всю незрѣлость, всѣ крупные и мелкіе недостатки собственныхъ юношескихъ произведеній и безжалостно уничтожалъ первые опыты своей музы. Поэтому насъ не должно удивлять, что „Разбойники" вынашивались въ теченіе такого продолжительнаго срока, и что суровый отзывъ объ этой драмѣ, появившійся въ 1782 году въ „Würtembergisches Repertorium", редактируемомъ Шиллеромъ въ сообществѣ съ Абелемъ и Петерсеномъ, принадлежалъ перу самого автора.

Въ этой статьѣ, трактовавшей о современномъ нѣмецкомъ театрѣ и разбиравшей „Разбойниковъ", какъ единственную драму, выросшую на вюртембергской почвѣ, удачно подмѣчены всѣ слабыя стороны пьесы: неуклюжесть и пошлость интриги, неудачные характеры (Амаліи и стараго Моора), отсутствіе человѣчныхъ чертъ въ характерѣ Франца, медленное развитіе дѣйствія въ первыхъ трехъ актахъ, неровность и излишняя цвѣтистость слога.

Достоинства своей драмы Шиллеръ характеризуетъ не такъ мѣтко. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ взглядовъ своего времени: увлекаясь величественнымъ образомъ своего разбойника Моора, изображая его какимъ-то титаномъ, Шиллеръ въ то же время не умѣетъ оцѣнить нравственнаго значенія своего произведенія и слѣдующей странной фразой отдѣлывается отъ этой обязанности: „Ну, а что сказать о морали пьесы? Можетъ быть, мыслитель и найдетъ таковую (въ особенности если онъ самъ

внесетъ ее)". Что эта небрежная тирада дѣйствительно выражала взглядъ Шиллера, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстное намѣреніе его написать вторую часть „Разбойниковъ", гдѣ бы „нравственное чувство нашло себѣ полное удовлетвореніе", намѣреніе, не ожидавшее поэта до конца его жизни. Въ просвѣщенномъ XVIII столѣтіи, которое не признавало возможности существованія разбойниковъ и смѣло объявляло ложью извѣстія о грабежахъ на дорогахъ южной Германіи, Шиллеръ отважился вывести на сцену цѣлую шайку бандитовъ, выставить ихъ представителями силы, правды, благороднаго единодушія, полную противоположность безсильному, подточенному предательствомъ обществу, безстыдно попирающему ногами естественное право. Шиллеръ считалъ свой вѣкъ опасно больнымъ и считалъ, что излѣчить его можно только рѣшительными, хотя бы и крутыми, мѣрами. Онъ взялъ своимъ девизомъ рецептъ Гиппократа: Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat. Шайка Моора состоитъ изъ людей, которые не въ состояніи подчиняться гнету этого общества. Они уходятъ въ лѣса и тамъ образуютъ вольную общину, о подвигахъ которой Шиллеръ повѣствуетъ съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ Плутархъ говоритъ о дѣяніяхъ героевъ древности. Вся жажда свободы, которая таилась въ душѣ поэта и окружавшей его толпы юношей, стѣсненныхъ военно-іезуитской системой воспитанія, нашла себѣ выраженіе въ описаніи буйной жизни товарищей Карла Моора. Шиллеръ ясно понималъ, какое впечатлѣніе должна была произвести его драма; недаромъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что напишетъ книгу, которая будетъ сожжена рукою палача (судьба „Эмиля" Руссо). Итакъ, выразителемъ своихъ мыслей и чувствъ Шиллеръ дѣлаетъ не одно лицо, а цѣлую толпу, которая напоминаетъ намъ роль древнегрческаго хора, также зачастую являющагося заглавнымъ героемъ.

Толпу Шиллеръ обрисовываетъ мастерски; онъ какъ бы разбиваетъ ее на отдѣльныя группы и выводитъ на сцену по одному, по два представителя отъ каждой группы. Такимъ образомъ передъ нами проходитъ цѣлая лѣстница характеровъ, на первой ступени которой стоитъ герой (Мооръ), а на послѣдней мошенникъ (Шпигельбергъ). Ближе всѣхъ къ атаману благородный Роллеръ и юный Косинскій; за ними идетъ вѣрный, но грубоватый Швейцеръ; Гриммъ и Шварцъ, служатъ представителями инертной, индифферентной массы, которая поддается настроенію минуты; Рацманъ принадлежитъ къ числу колеблющихся, но уже замѣтно склоняющихся на сторону Шпигельберга; Шуфтерле — человѣкъ съ довольно низменной натурой, способный находить прелесть въ убійствѣ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей; Шпигельбергъ, какъ мы говорили выше,—негодяй, позорящій всю шайку. Шиллеровы разбойники не только говорятъ и двигаются на сценѣ, но они живутъ и дѣйствуютъ, каждый согласно своему характеру.

Какъ могъ молодой, начинающій поэтъ, допустившій въ своемъ произведеніи столько грубыхъ ошибокъ, такъ успѣшно справиться съ самой трудной изъ поставленныхъ имъ себѣ задачъ? Судьба, которая во многихъ отношеніяхъ была немилостива къ Шиллеру, оказала ему услугу въ этомъ случаѣ: не будь онъ самъ однимъ изъ толпы, не живи онъ общею жизнью съ нѣсколькими сотнями товарищей, не говори онъ именно того, что думали, но чего не умѣли выразить такъ, какъ онъ, всѣ „герцогскіе сыновья"—въ его драмѣ не было бы разбойничьей шайки, этого современнаго юношѣ-Шиллеру хора. Для изображенія отдѣльныхъ лицъ жизнь дала Шиллеру мало годнаго матеріала. Пришлось пополнить его изъ данныхъ, которыя могли доставить литературныя произведенія, украдкой читанныя академиками. Обыкновенными людьми Шиллеръ не довольствовался; ему нужны были герои, которые стояли бы или выше или ниже средняго уровня. Представить такія геніальныя натуры въ дѣйствіи Шиллеръ не могъ, такъ какъ для этого необходимы знаніе и пониманіе жизни. Поэтому Карлъ Мооръ больше говоритъ, чѣмъ дѣйствуетъ, а Францъ, если и дѣйствуетъ, то далеко не такъ умно, какъ говоритъ.

Карлъ Мооръ—воплощеніе чувствительности, впечатлительности XVIII вѣка, его смѣлой вѣры въ свои силы; Францъ Мооръ тоже представитель своей эпохи, но именно той ея стороны, которая была наиболѣе ненавистна поэту: онъ ученикъ французскихъ философовъ—матеріалистовъ. Карлъ Мооръ отщепенецъ общества, Францъ—природы. Карлъ вѣритъ въ людей; предательство брата, холодность отца для него тяжелые удары, которые повергаютъ его въ полное отчаяніе; Францъ холодно издѣвается даже надъ голосомъ крови. Карлъ считаетъ себя

вправѣ попирать ногами обманувшихъ его людей, Францъ, на самомъ дѣлѣ, попираетъ инстинкты человѣческіе. Карлъ терзаемъ укорами совѣсти, которую Францъ считаетъ пустымъ измышленіемъ, цѣль котораго обуздывать страсти черни и дураковъ. Оба брата полны силы и энергіи; мелочи жизни ни для того, ни для другого не имѣютъ никакого значенія. Оба возстаютъ противъ существующаго порядка вещей: въ лицѣ Карла въ борьбу вступаетъ сила физическая и нравственная, въ лицѣ Франца—интеллектуальная. Францъ логиченъ, но не храбръ; Карлъ отваженъ, но способенъ дѣлаться сразу жертвою двухъ противуположныхъ чувствованій. Францъ отрицаетъ загробную жизнь, потому что иначе онъ долженъ былъ бы ея бояться; Карлъ вѣритъ въ нее, потому что здѣсь на землѣ онъ еще не былъ счастливъ.

Смерть является для него желаннымъ выходомъ изъ той массы противорѣчій, жертвой которыхъ онъ, Гецъ и Вертеръ въ одно и то же время, былъ въ теченіе всей своей жизни. И не одного Карла Моора успокаиваетъ принятое имъ рѣшеніе отдаться въ руки правосудія; читатель и зритель тоже чувствуютъ, что это единственное гармоничное разрѣшеніе драмы. Говенъ, указавшій Шиллеру на разсказъ Шубартовъ, какъ на хорошій сюжетъ для пьесы, далъ ему въ то же время совѣтъ показать въ своемъ произведеніи, какъ судьба нерѣдко ведетъ человѣка по дурной дорогѣ, чтобы ею вывести его на хорошую. Но для Шиллера, воспитаннаго на библейскихъ образахъ, этотъ совѣтъ былъ лишнимъ: еще въ родномъ домѣ привыкъ онъ усматривать неисповѣдимые пути Провидѣнія, видѣть перстъ Божій во всѣхъ жизненныхъ фактахъ. Высшей задачей своей философіи онъ считалъ проникновеніе въ тотъ великій планъ, который безсознательно осуществляетъ все мірозданіе. Для него было совершенно естественно сдѣлать самого грѣшника тѣмъ орудіемъ въ рукѣ Всевышняго, которое необходимо для совершенія божественнаго правосудія. Карлъ Мооръ приноситъ себя въ жертву существующему порядку, который онъ нарушалъ такъ отважно; онъ умираетъ не какъ герой и не какъ разбойникъ, а какъ мудрецъ, и умирая, думаетъ о счастьѣ своихъ ближнихъ. „Этому человѣку можно помочь“—гуманная нота, которая заключаетъ всю драму и которая даетъ зрителю отрадную вѣру въ молодыя силы эпохи, породившей „Разбойниковъ“, и поэта, создавшаго ихъ.

Непосредственно за Карломъ и Францемъ Мооромъ, по значенію, стоятъ старикъ Мооръ и Амалія. Самъ Шиллеръ признавалъ, что эти два лица очерчены очень слабо и рѣзко издѣвался надъ ними въ вышеупомянутой статьѣ. Графъ Мооръ вмѣсто нѣжнаго до слабости и до несправедливости любящаго отца вышелъ пассивнымъ, впавшимъ въ дѣтство старикомъ, удивляющимъ насъ своей необыкновенной живучестью; Амалія, возвышенныя рѣчи которой, по словамъ Шиллера-критика, отдаютъ Клопштокомъ, черезчуръ пассивна даже для дѣвушки того времени. Ея романъ въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ стоитъ все на одномъ мѣстѣ; она сама, послѣ смерти старика Моора, находится въ странномъ положеніи, но не дѣлаетъ никакихъ попытокъ изъ него выйти. Единственное разумное рѣшеніе, которое она принимаетъ (и то по почину Франца), — постричься — не особенно оригинально: всѣ покинутыя и обманутыя невѣсты въ балладахъ, романахъ и драмахъ того времени идутъ въ монастырь. Даже при изображеніи смерти Амаліи зрители думаютъ не столько о ней, сколько о Карлѣ Моорѣ, для котораго убійство возлюбленной является лишнимъ случаемъ проявить величіе своей души. Недостатки единственнаго женскаго образа въ „Разбойникахъ“ станутъ для насъ вполнѣ понятными, если мы вспомнимъ, что ни въ жизни, ни въ литературѣ Шиллеръ не могъ найти хоть сколько-нибудь подходящаго образца для изображенія достойной подруги Карла Моора. Онъ зналъ женщинъ только по напыщенной лирикѣ Клопштока, и поэтому его Амалія вышла мечтательницей, роль которой начинается и кончается трагическими восклицаніями.

Не такъ бѣдна была современная драма портретами мелкихъ интригановъ, наперсниковъ и вѣрныхъ старыхъ слугъ, преданность которыхъ проявляется въ чертахъ почти комическихъ. Сообщникъ Вильгельма (въ разсказѣ Шубарта), малодушно сознающійся въ своемъ участіи и выдающій главнаго виновника преступленія, былъ зерномъ, изъ котораго развился Шиллеровъ Германъ. У Клингера и Лейзевица герои имѣютъ при себѣ наперсниковъ, которыхъ Германъ напоминаетъ намъ многими чертами. Германъ—человѣкъ, въ сущности, порядочный и добродушный, но ограниченный. Фальшивое положеніе, въ которое онъ по-

ставленъ, какъ побочный сынъ дворянина, развиваетъ въ немъ раздражительность и зависть. Но чувства эти кипятъ въ немъ недолго. Видъ горя, причиненнаго его обманомъ, приводитъ его въ ужасъ. Онъ отшатывается отъ соблазнителя, сдѣлавшаго его своимъ орудіемъ, раскаивается и пытается загладить свои проступки, хотя у него не хватаетъ смѣлости открыто выступить обличителемъ Франца.

Старикъ Даніилъ принадлежитъ къ числу простодушныхъ, вѣрныхъ старыхъ слугъ; Даніилъ любитъ своихъ господъ любовью старой няньки: онъ пространно разсказываетъ о незначительныхъ событіяхъ изъ эпохи дѣтства своего любимца Карла; признавъ въ графѣ Карла Моора, онъ прежде всего проситъ позволенія поцѣловать его руку. Типъ этотъ самъ по себѣ несложенъ и кромѣ того хорошо разработанъ въ бюргерскихъ трагедіяхъ того времени, гдѣ нерѣдко выводятся такіе старики, которые печально покачиваютъ головой, замѣчая, что вокругъ нихъ не все идетъ ладно, и съ собачьей преданностью исполняютъ волю господъ, пока тѣ не потребуютъ отъ нихъ чего-нибудь, что несогласно съ ихъ традиціонно-честными взглядами.

Характеры дѣйствующихъ лицъ расположены съ извѣстной долей симметріи: Францъ и Карлъ, Шпигельбергъ и Роллеръ, Швейцеръ и Шуфтерле. Симметрія дополняется изображеніемъ двухъ представителей духовенства,—патера и пастора Мозера. Піэтистъ—патеръ—одинъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые считали, что ихъ главная обязанность внушать слушателямъ не любовь къ Богу, а страхъ передъ дьяволомъ. Мозеръ—вполнѣ достойный проповѣдникъ слова Божія. Онъ говоритъ Францу голосомъ его совѣсти, онъ держитъ передъ нимъ зеркало, въ которомъ тотъ видитъ свое изображеніе.

Оба эти типа очень удались Шиллеру, такъ какъ были въ значительной степени списаны имъ съ натуры: своего патера онъ видѣлъ на каѳедрѣ въ Людвигсбургѣ въ лицѣ нѣкоего Циллинга, вопившаго объ осужденіи плоти; его же голосъ нерѣдко онъ слышалъ въ проповѣдяхъ, которыя педагогъ-герцогъ не разъ читалъ своимъ „сыновьямъ“; а пасторъ Мозеръ—былъ, какъ мы знаемъ, первый учитель Шиллера, которому благодарный ученикъ воздвигъ такой почетный памятникъ.

Въ техникѣ драмы насъ поражаетъ искусная концентрація дѣйствія, примѣровъ которой мы стали бы тщетно искать у предшественниковъ Шиллера, драматурговъ періода „бури и натиска“, загромождавшихъ свои произведенія эпизодическими фигурами и происшествіями.

Только у Лессинга въ его Эмиліи Галотти могъ Шиллеръ видѣть осуществленіе требованія единства дѣйствія. И таковъ былъ талантъ и тактъ начинающаго драматурга, что онъ отказался отъ прелести свободнаго творчества, чтобы учиться экономіи у холоднаго Лессинга, котораго онъ въ то время не умѣлъ еще цѣнить по достоинству. Въ „Разбойникахъ“ одно связано съ другимъ, одно вытекаетъ изъ другого. Событій много, они маловѣроятны, что замѣчали даже и современники Шиллера, пріученные Клингеромъ къ большой выносливости въ этомъ отношеніи, но смѣло можно сказать, что среди современныхъ „Разбойникамъ“ драмъ нѣтъ ни одной, гдѣ такое богатое внѣшнее содержаніе было бы заключено въ такія узкія, строгія рамки. Такимъ образомъ уже въ своемъ первомъ произведеніи юноша Шиллеръ показалъ себя великимъ мастеромъ драматической техники.

А. Кирпичниковъ.

Предисловіе автора.

Quae medicamenta non sanant—ferrum sanat, quae ferrum non sanat—ignis sanat.
Hippocrates.

Нужно смотрѣть на эту пьесу не иначе, какъ на драматическую исторію, которая пользуется всѣми выгодами драматическаго пріема: слѣдитъ за всѣми сокровеннѣйшими движеніями души, и въ то же время не стѣсняется предѣлами театральнаго представленія, не гонится за столь сомнительными выгодами сценической обстановки. Было бы безсмысленнымъ требованіемъ, чтобы въ теченіе трехъ часовъ успѣть сполна очертить три столь выдающіяся личности, дѣятельность которыхъ зависитъ, можетъ быть, отъ тысячи пружинъ, точно такъ, какъ было бы противоестественно, чтобы три такія личности въ теченіе какихъ-нибудь сутокъ вполнѣ выяснились бы даже передъ проницательнѣйшимъ психологомъ. Здѣсь дѣйствительность представляетъ такое обиліе одинъ за другимъ слѣдующихъ фактовъ, что ее нельзя было втѣснить въ узкіе предѣлы теоріи Аристотеля или Батте.

Не самая сущность пьесы, но, скорѣе, ея содержаніе дѣлаетъ ее невозможной для сцены. Сценическая обстановка пьесы требовала, чтобы на сцену были выведены характеры, оскорбляющіе тонкое чувство добродѣтели, возмущающіе деликатность нашихъ нравовъ. Каждый поэтъ-психологъ поставленъ въ эту необходимость; иначе, вмѣсто снимка съ дѣйствительной жизни, у него выйдутъ идеальныя представленія, вымышленные люди. Такъ уже бываетъ въ жизни, что добрые оттѣняются злыми, что добродѣтель живѣе обрисовывается въ противоположности съ порокомъ. Кто задался цѣлью ниспровергнуть порокъ и мстить врагамъ религіи, нравственности и общественныхъ законовъ, тотъ долженъ изображать порокъ во всей его безобразной наготѣ, представлять его передъ человѣчествомъ во всей колоссальной громадности. Онъ самъ долженъ пройти моментально весь этотъ мрачный лабиринтъ, онъ долженъ самъ перечувствовать все то, чѣмъ, какъ вполнѣ противоестественнымъ возмущается его душа.

Порокъ разоблачается здѣсь во всѣхъ своихъ внутреннихъ проявленіяхъ. Въ личности Франца онъ разрѣшаетъ смутные упреки совѣсти въ безсильную абстракцію, уничтожаетъ въ ней всякое сознаніе виновности, заставляетъ ее отшучиваться отъ строгаго голоса религіи. Кто такъ далеко зашелъ (слава, которой никто не позавидуетъ), кто изощрилъ свой разумъ на счетъ сердца—тому не свято все, что ни есть самаго святого, тому ничто и Божество, и человѣчество: ни тотъ, ни другой міръ не существуютъ для него. Я сдѣлалъ попытку набросать точный и живой снимокъ съ такого извращеннаго человѣка, разобрать по частямъ весь механизмъ такой системы порока, провѣрить на дѣлѣ ея состоятельность и силу, что обозначится въ дальнѣйшемъ развитіи драмы. Думаю, что мой очеркъ вѣренъ дѣйствительности.

Рядомъ съ этой личностью стоитъ другая, могущая привести въ недоумѣніе немалое число моихъ читателей. Духъ, для котораго самый величайшій порокъ становится привлекательнымъ только потому, что порокъ этотъ окруженъ величіемъ, требуетъ силы, сопровождается опасностями. Такая замѣчательная, выдающаяся личность, полная силы, неизбѣжно становится или Брутомъ, или Катилиной, смотря по

направленію, которое приметъ эта сила. Несчастныя сочетанія дѣлаютъ Карла Моора вторымъ, и только послѣ величайшихъ заблужденій становится онъ первымъ.

Ложное понятіе о дѣятельности и вліяніи, полнота силы, бьющей черезъ край, до пренебреженія всѣми законами, должны были естественнымъ образомъ разбиться объ общественныя условія. И какъ скоро къ этимъ восторженнымъ мечтамъ о величіи и дѣятельности присоединилось озлобленіе противъ далеко не идеальнаго свѣта—выработался тотъ странный Донъ-Кихотъ, который въ разбойникѣ Моорѣ вызываетъ со стороны зрителей отвращеніе и любовь, удивленіе и состраданіе. Надѣюсь, что мнѣ не нужно оговариваться, что въ этой картинѣ я имѣлъ въ виду не однихъ только разбойниковъ, точно такъ же, какъ испанская сатира бичуетъ не однихъ только рыцарей.

И теперь во вкусѣ времени изощрять свое остроуміе насчетъ религіи, такъ что, пожалуй, и не прослывешь геніемъ, если не станешь издѣваться и кощунствовать надъ священнѣйшими ея истинами. Чуть ли не во всѣхъ кругахъ принято за правило, чтобы такъ называемыя острыя головы позорили благородную простоту Священнаго Писанія и представляли ее въ смѣшномъ видѣ. Развѣ все самое святое и серьезное не можетъ быть осмѣяно—стоитъ только умышленно извратить его? Могу надѣяться, что я достойно отомстилъ за религію и истинную мораль тѣмъ, что въ лицѣ постыднѣйшихъ своихъ разбойниковъ предаю общественному позору легкомысленныхъ порицателей Священнаго Писанія.

Скажу еще больше. Тѣ безнравственные характеры, о которыхъ говорено было выше, должны были имѣть и свои блестящія стороны и выигрывать въ умственномъ отношеніи то, что теряютъ въ сердечномъ. Здѣсь я оставался буквально вѣренъ природѣ. На каждомъ, даже самомъ порочномъ, въ извѣстной степени лежитъ божественный отпечатокъ—и можетъ быть величайшій злодѣй гораздо ближе къ великому праведнику, чѣмъ злодѣй мелкій, ибо нравственность соразмѣряется съ силами, и чѣмъ выше духовныя способности человѣка, тѣмъ глубже и страшнѣе ихъ заблужденія, тѣмъ невмѣняемѣе ихъ извращенность.

Клопштоковскій Адрамелехъ возбуждаетъ въ насъ ощущеніе, въ которомъ удивленіе смѣшивается съ отвращеніемъ. Съ ужасомъ и изумленіемъ слѣдимъ мы по безпредѣльному хаосу за Мильтоновскимъ Сатаной. Медея древнихъ трагедій, при всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, все-таки великая, достойная изумленія женщина. Читатель столько же восторгается Шекспировскимъ Ричардомъ, сколько возненавидѣлъ бы его, если бы столкнулся съ нимъ въ жизни. Если я задался мыслью представить человѣка во всей его полнотѣ, то долженъ указывать и на хорошія его стороны, которыхъ не лишенъ и самый отъявленный злодѣй. Предостерегая противъ тигра, я не смѣю обойти молчаніемъ красоту его блестящей пестрой шкуры, иначе въ тигрѣ не узнаютъ тигра. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть предметомъ искусства человѣкъ, который есть одно зло: онъ не привлечетъ къ себѣ вниманія читателя, въ немъ будетъ только сила отталкивающая. Непрочтенными останутся его рѣчи. Душа человѣческая такъ же неохотно выноситъ постоянную нравственную дисгармонію, какъ ухо скрипъ желѣза по стеклу.

Потому-то я самъ не посовѣтовалъ бы ставить пьесу на сцену. Отъ обоихъ, и автора, и его читателя, требуется извѣстный запасъ нравственной силы: отъ перваго—чтобы онъ не украшалъ порока, отъ второго—чтобы онъ не полюбилъ его, подкупленный только одной блестящей его стороной. По моему, пусть рѣшаетъ кто-нибудь третій—но на своихъ читателей я не могу вполнѣ положиться. Толпа, подъ которой я разумѣю не только тѣхъ, что метутъ улицы, толпа (между нами будь сказано) слишкомъ широко разрослась и, къ несчастію, даетъ тонъ. Она слишкомъ близорука, чтобы постигнуть самую сущность моего произведенія; слишкомъ скудна духомъ, чтобы понять то, что въ немъ есть великаго, слишкомъ злобна, чтобы захотѣть узнать, что въ немъ есть добраго. Я боюсь, что она не дастъ осуществиться моимъ намѣреніямъ, быть можетъ, даже захочетъ найти въ моемъ произведеніи апологію порока, который я стараюсь ниспровергнуть, и за собственную непонятливость заставитъ поплатиться бѣднаго автора, который можетъ разсчитывать на все, кромѣ справедливости.

Вѣчное „Da-Capo“ случается съ исторіею объ Абдерѣ и Демокритѣ, и нашимъ добрымъ Гиппократамъ пришлось бы истощить цѣлыя плантаціи чемерицы, если бы они захотѣли помочь злу цѣлебнымъ снадобьемъ. Сколько ни станутъ друзья правды, и съ церковной каѳедры, и съ театраль-

ныхъ подмостокъ, поучать своихъ согражданъ—толпа все-таки останется толпой, если бы даже солнце и луна измѣнили свое теченіе и небо съ землей износилось бы, какъ какое-нибудь платье. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы, изъ снисхожденія къ слабосердечнымъ, быть нѣсколько менѣе вѣрнымъ природѣ; но если всѣмъ намъ знакомый мужъ и изъ жемчуга старается извлечь навозъ, если случается, что въ огнѣ сгораютъ и въ водѣ топятся, то слѣдуетъ ли изъ того, что жемчугъ, огонь и вода должны быть конфискованы?

Замѣчательная развязка моего произведенія даетъ мнѣ пра̀во отвести ему мѣсто въ ряду т къ-называемыхъ нравственныхъ книгъ. Порокъ получаетъ должное воздаяніе; заблудшій вступаетъ вновь на путь закона; добродѣтель остается побѣдительницею. Кто хотя настолько поступитъ со мною справедливо, что прочтетъ всю мою книгу и захочетъ понять меня, тотъ—смѣю ожидать—если и не станетъ восхищаться мной, какъ писателемъ, то глубоко будетъ уважать во мнѣ честнаго человѣка.

1781. Авторъ.

Дѣйствующія лица.

Максимиліанъ фонъ-Мооръ, владѣтельный графъ.

Карлъ, Францъ — его сыновья.

Амалія фонъ-Эдельрейхъ.

Германъ, побочный сынъ одного дворянина.

Даніэль дворецкій графа Моора.

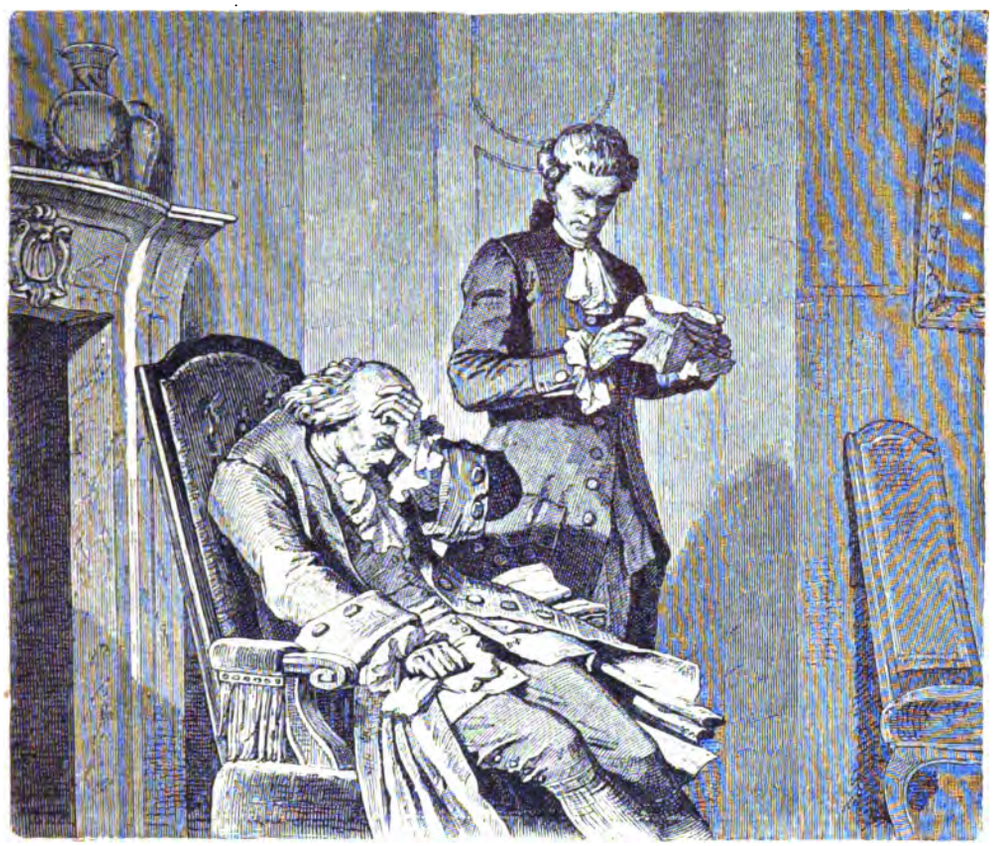
Пасторъ-Мозеръ.

Патеръ.

Шпигельбергъ, Швейцеръ, Гриммъ, Рацманъ, Шуфтерле, Роллеръ, Косинскій, Шварцъ — развратные молодые люди, потомъ разбойники.

Шайка разбойниковъ

Мѣсто дѣйствія—Германія; время—около двухъ лѣтъ.



ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Франконія.

Залъ въ замкѣ Мооровъ.

Францъ. Старикъ Мооръ.

Францъ. Но точно ли вы здоровы, батюшка? Вы что-то блѣдны.

Ст. Мооръ. Здоровъ, что скажешь?

Францъ. Пришла почта... письмо отъ нашего лейпцигскаго корреспондента...

Ст. Мооръ (*съ живостью*). Вѣсти о Карлѣ?

Францъ. Гм! Гм!—да, вѣсти. Но я боюсь... не знаю... долженъ ли... Ваше здоровье... Но точно ли вы здоровы, батюшка?

Ст. Мооръ. Какъ рыба въ водѣ! О моемъ сынѣ пишетъ онъ? Что ты такъ безпокоишься обо мнѣ?— Два раза спрашивалъ о здоровьѣ?

Францъ. Если вы больны — имѣете хоть малѣйшее предчувствіе быть больнымъ, то позвольте мнѣ уйти: я выберу другое время. (*Вполголоса*). Такая вѣсть не для дряхлаго тѣла.

Ст. Мооръ. Боже! Боже! что я еще услышу?

Францъ. Позвольте мнѣ сперва отойти въ сторону и пролить слезы состраданія о моемъ погибшемъ братѣ. Я бы долженъ былъ вѣчно молчать—вѣдь онъ вашъ сынъ; я бы долженъ былъ вѣчно скрывать его срамъ—вѣдь онъ мой братъ. Но повиноваться вамъ—моя первая, печальная обязанность; потому простите меня.

Ст. Мооръ. О, Карлъ! Карлъ! когда бъ ты зналъ, какъ поведеніе твое терзаетъ

отцовское сердце! Когда бъ ты зналъ, что единственная добрая вѣсть о тебѣ прибавила-бы десять лѣтъ къ моей жизни, юношей сдѣлала-бы меня, тогда какъ каждая,— ахъ!—приближаетъ меня, на шагъ къ гробу!

Францъ. Если такъ, батюшка,— прощайте! Эдакъ мы еще нынче будемъ рвать волосы надъ вашимъ гробомъ.

Ст. Мооръ. Останься! мнѣ и такъ не долго жить: пусть онъ поступаетъ, какъ хочетъ! Грѣхи отцовъ взыщутся въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ... Пусть же онъ довершаетъ!...

Францъ (*вынимая письмо изъ кармана*). Вы знаете нашего корреспондента? Палецъ съ моей правой руки отдалъ бы я, лишь бы имѣть право сказать, что онъ лжецъ— низкій, ядовитый лжецъ. Соберитесь съ силами. Простите меня, что я не даю вамъ самому читать письмо: вамъ и слышать-то нельзя всего.

Ст. Мооръ. Все, все! Францъ, ты избавишь меня отъ костылей.

Францъ (*читаетъ*). „Лейпцигъ, 1-го мая. Если бы меня не связывало нерушимое обѣщаніе не скрывать отъ тебя ничего, что бы я ни узналъ о похожденіяхъ твоего брата, любезный дрýгъ, никогда мое неповинное перо не причинило бы тебѣ столько горя. Изъ сотни твоихъ писемъ могу заключить, какъ подобныя вѣсти должны терзать твое братское сердце. Я будто вижу тебя, какъ ты объ этомъ безпутномъ, развратномъ"... (*Ст. Мооръ закрываетъ лицо руками*). Видите ли, батюшка! я читаю еще самое сносное... „о развратномъ льешь жгучія слезы"... Ахъ онѣ текли, ручьями лились съ моихъ горестныхъ щекъ!.. „я какъ-будто вижу твоего стараго, почтеннаго отца, какъ онъ, блѣдный, какъ смерть"... Боже мой! и въ самомъ дѣлѣ—хотя еще и ничего не знаете!

Ст. Мооръ. Дальше! дальше!

Францъ.—„Блѣдный, какъ смерть, падаетъ на стулъ и проклинаетъ день, когда въ первый разъ его назвали отцомъ. Я не могъ всего развѣдать, и изъ немногаго, что знаю, сообщаю тебѣ только очень немногое. Твой братъ, кажется, ужъ преисполнилъ мѣру своего безстыдства; я по крайней мѣрѣ не могу ничего придумать, чего бы ужъ онъ не сдѣлалъ, если только его геній въ этомъ отношеніи не превосходитъ мой собственный. Вчера ночью, надѣлавъ на сорокъ тысячъ дукатовъ долгу"... Славныя карманныя денежки, батюшка!... „обезчестивъ еще прежде дочь здѣшняго банкира и смертельно ранивъ на дуэли ея жениха, добраго молодого человѣка изъ хорошаго общества, онъ съ семью другими товарищами, вовлеченными имъ же въ распутную жизнь, рѣшилъ бѣжать отъ рукъ правосудія". Батюшка! ради Бога! батюшка, что съ вами?

Ст. Мооръ. Довольно, перестань!

Францъ. Я щажу васъ.—„За нимъ послана погоня; оскорбленные громко вопіютъ объ удовлетвореніи; его голова оцѣнена; имя Мооръ"... Нѣтъ мой бѣдный языкъ да не будетъ отцеубійцею! (*Разрываетъ письмо*). Не вѣрьте, батюшка! не вѣрьте ему ни въ одномъ словѣ!

Ст. Мооръ (*горько плачетъ*). Мое имя! мое честное имя!

Францъ (*падаетъ къ нему на грудь*). Презрѣнный, тысячу разъ презрѣнный Карлъ! Я словно предчувствовалъ это, когда онъ еще мальчикомъ все увивался около женщинъ, таскался съ мальчишками и всякою сволочью по лугамъ и горамъ, отъ церкви бѣгалъ, какъ преступникъ отъ темницы, и бросалъ деньги, которыя онъ всегда умѣлъ выканючивать у васъ, первому встрѣчному нищему въ шляпу, тогда какъ мы питали душу молитвами и чтеніемъ священныхъ книгъ. Я словно предчувствовалъ это, когда онъ гораздо охотнѣе читалъ жизнеописанія Юлія Цезаря, Александра Великаго и другихъ такихъ же безбожныхъ язычниковъ, чѣмъ исторію благочестиваго Товія. Я вамъ сто разъ предсказывалъ это, потому что моя любовь къ нему не выходила никогда за черту сыновнихъ обязанностей! Не говорилъ ли я, что онъ насъ всѣхъ ввергнетъ въ срамъ и гибель! О, если бы онъ не носилъ имени Мооровъ! Если бы мое сердце не билось такъ сильно для него! Безбожная любовь, которой я не въ силахъ уничтожить, будетъ еще нѣкогда свидѣтельствовать противъ меня передъ престоломъ Судіи.

Ст. Мооръ. О, мои планы! мои золотыя грезы!...

Францъ. Это мы ужъ слышали. Вотъ объ этомъ-то я сейчасъ и толковалъ. Пылкій духъ, который бродитъ въ мальчикѣ, говаривали вы всегда, который дѣлаетъ его чуткимъ ко всему великому и прекрасному, эта откровенность, отражающая, какъ въ зеркалѣ, его душу во взорахъ, эта мягкость чувства, вызывающая въ немъ слезы сочувствія при видѣ каждаго страданія, этотъ мужественный духъ, заставляющій его карабкаться по вершинамъ столѣтнихъ дубовъ, перескакивать черезъ рвы и палисады и

гремучіе потоки, это дѣтское честолюбіе, это непреклонное упрямство и всѣ эти прекрасныя, блестящія добродѣтели, которыя росли въ батюшкиномъ сынкѣ, сдѣлаютъ изъ него нѣкогда вѣрнаго друга, примѣрнаго гражданина, героя, великаго, великаго человѣка! Вотъ вамъ и великій человѣкъ, батюшка! Пылкій духъ развился, расширился; нечего-сказать, прекрасные плоды принесъ онъ. Посмотрите на эту откровенность—какъ она мило переродилась въ дерзость; эта мягкость—какъ нѣжно вьется она около кокетокъ, какъ отзывчива къ прелестямъ какой-нибудь Фрины; взгляните на этотъ пламенный геній—какъ чисто въ шесть какихъ-нибудь годочковъ сжегъ онъ масло жизни, такъ что остались лишь кожа да кости, а люди такъ безстыдны, что говорятъ: c'est l'amour, qui a fait ça! Полюбуйтесь-ка на эту смѣлую, предпріимчивую голову, какъ она куетъ и выполняетъ планы, предъ которыми блѣднѣютъ геройскіе подвиги Картушей и Говардовъ! А что когда эти прекрасныя сѣмена достигнутъ своего полнаго развитія? Теперь отъ его молодыхъ лѣтъ нельзя же и требовать ничего совершеннаго. Можетъ быть, батюшка, доживете вы еще до той радости, что увидите его во главѣ войска, которое квартируетъ въ священной тиши дремучихъ лѣсовъ и облегчаетъ усталаго путника на половину его ноши! Можетъ быть, прежде нежели сойдете въ могилу, вы успѣете еще совершить странствіе къ его памятнику, который онъ воздвигнетъ себѣ между небомъ и землею! Можетъ быть... О, батюшка, батюшка, батюшка!—хлопочите о другомъ имени, а то всѣ мальчишки и разносчики, видѣвшіе портретъ вашего сына на лейпцигскомъ рынкѣ, станутъ указывать на васъ пальцами.

Ст. Мооръ. И ты также, Францъ? и ты также? О, дѣти, дѣти! какъ вы цѣлитесь мнѣ прямо въ сердце!

Францъ. Видите, и я могу быть остроумнымъ; но мое остроуміе—жало скорпіона. Къ тому жъ, этотъ сухой, будничный человѣкъ, „этотъ холодный, деревянный Францъ—какъ бишь вы еще меня называли для контраста съ вашимъ любимцемъ, когда онъ сидѣлъ у васъ на колѣняхъ и пощипывалъ вамъ щеки—тотъ и умретъ и истлѣетъ подъ могильной плитой, и забудутъ-то всѣ о немъ, когда слава этого всемірнаго генія промчится отъ полюса къ полюсу. О! воздѣвая молитвенно руки, благодаритъ тебя, Создатель, холодный, деревянный, Францъ за то, что онъ не похожъ на брата!

Ст. Мооръ. Прости меня, сынъ мой! Не сердись на отца, обманувшагося въ надеждахъ. Господь, посылающій мнѣ слезы черезъ Карла, осушитъ ихъ черезъ тебя, мой Францъ.

Францъ. Да, батюшка, онъ осушитъ ихъ. Вашъ Францъ пожертвуетъ своею жизнью, чтобъ продлить вашу. Ваша жизнь—для меня оракулъ, который всегда вопрошаю передъ всякимъ предпріятіемъ, зеркало, въ которомъ я все созерцаю. Для меня нѣтъ долга, столь священнаго, котораго бы я вмигъ не нарушилъ, когда дѣло идетъ о вашей драгоцѣнной жизни. Вѣрите ли вы мнѣ, батюшка?

Ст. Мооръ. На тебѣ лежатъ еще большія обязанности, Францъ. Богъ да благословитъ тебя за все, чѣмъ ты мнѣ былъ и будешь!

Францъ. Ну, скажите жъ теперь, если бъ вы этого сына не называли своимъ, вы были бы счастливымъ человѣкомъ?

Ст. Мооръ. Тише! о, тише! Когда его впервые подала мнѣ мать, я поднялъ его къ небу и воскликнулъ: „я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ!“

Францъ. Вы такъ сказали, а такъ ли оно вышло? Теперь вы завидуете послѣднему изъ вашихъ крестьянъ, потому что онъ не отецъ такого негодяя. Вы до тѣхъ поръ не разстанетесь съ горемъ, пока у васъ будетъ подобный сынъ. Это горе будетъ расти съ Карломъ. Это горе подточитъ жизнь вашу.

Ст. Мооръ. О, оно уже сдѣлало меня восьмидесятилѣтнимъ старикомъ!

Францъ. Вотъ видите ли! Если же бы вы отреклись отъ этого сына!

Ст. Мооръ (*вздрагивая*). Францъ! Францъ! что ты говоришь?

Францъ. Развѣ не любовь къ нему причиняетъ вамъ все это горе? Безъ этой любви онъ для васъ ничто; безъ этой непростительной, преступной любви онъ для васъ умеръ—никогда не рождался. Не плоть и кровь—сердце дѣлаетъ насъ отцами и сыновьями. Разлюбите его—и этотъ выродокъ ужъ болѣе не сынъ вашъ, хотя бы онъ былъ вырѣзанъ изъ вашего собственнаго тѣла. До сихъ поръ онъ былъ для васъ зеницею ока; но „аще соблазняетъ тебя око“, говоритъ писаніе, „вырви его вонъ“. Лучше однимъ глазомъ глядѣть въ небо, чѣмъ обоими—въ адъ. Лучше бездѣтнымъ предстать Богу, чѣмъ обоимъ, отцу и сыну,

низринуться въ геену. Вотъ что завѣщало намъ Божество.

Ст. Мооръ. Ты хочешь, чтобъ я проклялъ своего сына?

Францъ. Нисколько! нисколько! Кто говоритъ вамъ, чтобъ вы прокляли вашего сына. Кого вы называете сыномъ?—того, кому вы дали жизнь, тогда какъ онъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы сократить вашу.

Ст. Мооръ. О, это правда! Это судъ Божій надо мною. Богъ самъ избралъ его на это.

Францъ. Полюбуйтесь же, съ какимъ сыновнимъ чувствомъ поступаетъ съ вами вашъ любимецъ. Вашимъ же отеческимъ участіемъ онъ душитъ васъ, убиваетъ вашею же любовью; даже ваше отеческое сердце подкупилъ онъ, чтобъ оно дало вамъ карачунъ. Не стань васъ—и онъ сдѣлается господиномъ вашихъ помѣстій, властелиномъ своихъ желаній. Прочь плотина—и потокъ его похотей помчится свободнѣе. Поставьте себя на его мѣстѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ долженъ онъ ожидать смерти своего отца и брата, которые такъ немилосердно стоятъ на дорогѣ его распутства? А это развѣ любовь за любовь? Развѣ это дѣтская благодарность за отцовскія ласки, когда онъ похотливому щекотанію мига жертвуетъ десятью годами вашей жизни? Когда онъ славу своихъ предковъ—славу, незапятнанную въ продолженіе семи столѣтій—ставитъ на карту за одну минуту сладострастія? Это вы называете сыномъ? Отвѣчайте—это вы называете сыномъ?

Ст. Мооръ. Неблагодарный—но все же мой сынъ!

Францъ. Примѣрный, драгоцѣнный сынъ, котораго вѣчная забота—какъ бы поскорѣй лишиться отца. О, когда вы образумитесь? когда спадетъ завѣса съ глазъ вашихъ? Но ваше снисхожденіе поощритъ его къ распутству, а ваша нерѣшительность придастъ его поступкамъ видъ правоты. Конечно, вы снимете этимъ проклятіе съ его головы; но за-то на васъ, батюшка,—на васъ падетъ это проклятіе.

Ст. Мооръ. Правда, правда! Я всему виною!

Францъ. Сколько тысячъ людей, упивавшихся прежде изъ чаши сладострастія, исправлены были потомъ страданіями! Болѣзнь тѣла, сопровождающая всякую чрезмѣрность—не есть ли это указующій перстъ божественной воли? Вправѣ ли человѣкъ, побуждаемый преступною любовью, перетолковывать ее по своему? Вправѣ ли отецъ губить навѣки залогъ, порученный ему небомъ? Подумайте, батюшка, если вы на нѣкоторое время предоставите его на произволъ бѣдствіямъ, онъ или обратится на путь истины и исправится, или и въ школѣ страданій и несчастій останется негодяемъ и тогда—горе отцу, уничтожающему потворствомъ предначертанія высшей мудрости! Ну, батюшка?

Ст. Мооръ. Я напишу ему, что отклоняю отъ него свою руку.

Францъ. И прекрасно, преумно сдѣлаете.

Ст. Мооръ. Чтобъ онъ мнѣ и на глаза не являлся...

Францъ. Это окажетъ спасительное дѣйствіе.

Ст. Мооръ (*нѣжно*). Пока не исправится.

Францъ. Хорошо! очень хорошо! А ну, какъ онъ, прикрывшись маской лицемѣрія, выплачетъ у васъ состраданіе, выканючитъ прощеніе, и на другой день, въ объятіяхъ развратныхъ женщинъ, станетъ насмѣхаться надъ вашею слабостью? Нѣтъ, батюшка! онъ и самъ возвратится, когда совѣсть перестанетъ упрекать его.

Ст. Мооръ. Ну, такъ я это сейчасъ же напишу ему.

Францъ. Позвольте—еще одно слово, батюшка! Я боюсь, чтобъ гнѣвъ не подсунулъ подъ перо ваше слишкомъ жестокихъ выраженій, которыя могутъ растерзать его сердце. Къ тому жъ—не думаете ли вы, что онъ приметъ за прощеніе то, что вы его удостоиваете собственноручнаго письма? Не лучше ли будетъ, если вы это предоставите мнѣ.

Ст. Мооръ. Хорошо, Францъ. Ахъ это бы и въ самомъ дѣлѣ растерзало мнѣ сердце. Напиши ему.

Францъ (*быстро*). Такъ вы согласны?

Ст. Мооръ. Напиши ему, что ручьи кровавыхъ слезъ, тысячи безсонныхъ ночей... Но, смотри, не доводи его до отчаянія!

Францъ. Не хотите ли прилечь, батюшка? Вы такъ взволнованы.

Ст. Мооръ. Напиши ему, что отцовское сердце... Повторяю тебѣ: не доводи его до отчаянія! (*Уходитъ погруженный въ задумчивость*).

Францъ (*со смѣхомъ глядя ему вслѣдъ*). Утѣшься, старикъ! ты ужъ не прижмешь его къ своему сердцу; путь къ нему заваленъ для него, какъ дьяволу путь къ небу. Онъ былъ вырванъ изъ твоихъ объятій

прежде, нежели ты зналъ, что, можетъ быть, самъ захочешь этого. Я былъ бы жалкимъ ротозѣемъ, если бъ даже не съумѣлъ исторгнуть сына изъ родительскаго сердца, хотя бы онъ былъ прикованъ къ нему желѣзными цѣпями. Я очертилъ около него магическій кругъ проклятій, черезъ который онъ никогда не перешагнетъ. Смѣлѣй, Францъ! сынка-любимца не стало—поле чисто. Однако, надобно поднять эти лоскутки, а то, пожалуй, еще кто-нибудь узнаетъ мой почеркъ. *(Просматриваетъ разодранные лоскутки письма).* Ну, теперь горе скоро и старика приберетъ къ мѣсту. Остается вырвать Карла изъ ея сердца; и я вырву его, хотя бы зависѣла отъ этого половина ея жизни. На моей сторонѣ всѣ права быть недовольнымъ природою—и, клянусь честью, я воспользуюсь ими. Зачѣмъ не я первый выползъ изъ материнскаго чрева? Зачѣмъ не единственный? Зачѣмъ она заклеймила меня этими отвратительными чертами?—и непремѣнно меня?—точно, создавая меня, она изъ экономіи употребила свои залежалые остатки. Зачѣмъ именно мнѣ этотъ лапландскій носъ? ротъ, какъ у негра? готтентотскіе глаза? Право, я думаю, что она у всѣхъ породъ людей взяла самое отвратительное, скомкала все это вмѣстѣ и вспекла меня изъ этого гадкаго тѣста. Адъ и смерть! Кто далъ ей полномочіе его одарить всѣмъ, мнѣ—во всемъ отказать? Развѣ могъ кто-нибудь ухаживать за ней до своего рожденія, или оскорбить ее, прежде нежели увидѣлъ свѣтъ? Зачѣмъ же она дѣйствовала такъ пристрастно?

Нѣтъ! нѣтъ! я несправедливъ къ ней. Она намъ дала изобрѣтательный умъ, посадила насъ голыхъ и жалкихъ на берегъ этого безграничнаго океана—свѣта. Плыви, кто можетъ плыть, а кто тяжелъ—тони! Мнѣ она ничего не дала на дорогу. Чего бы я ни достигъ—это будетъ дѣло моихъ рукъ. Всякъ имѣетъ одинаковое право на большое и малое. Притязаніе разбивается о притязаніе, воля о волю, сила о силу. Право на сторонѣ побѣдителя, а въ предѣлахъ нашихъ силъ—наши законы.

Конечно, есть извѣстныя условія, заключаемыя людьми, по общему согласію, для того, чтобы ускорять пульсъ мірового круговращенья. Честное имя—славная монета, которою можно дѣлать чудесные обороты, умѣй только пустить ее въ ходъ. Совѣсть!—о, да, конечно—отличное пугало для воробьевъ, правильно написанный вексель, съ которымъ и банкротъ иногда выпутывается изъ бѣды.

И въ самомъ дѣлѣ, отлично пугать дураковъ и держать чернь подъ каблукомъ для того, чтобъ люди съ толкомъ могли тѣмъ свободнѣе дѣйствовать. Право, прехитрыя выдумки! Ну, точь въ точь плетни, которыми мои крестьяне прехитро огораживаютъ поля свои, чтобъ чрезъ нихъ не перескочилъ—сохрани Богъ—какой-нибудь заяцъ. А баринъ даетъ шпоры коню и лихо галопируетъ по бывшей жатвѣ.

Бѣдный заяцъ! Что за скверная роль быть зайцемъ на этомъ свѣтѣ. Но господину нужны также и зайцы.

И такъ—смѣлѣе впередъ! Кто ничего не боится, такъ же силенъ, какъ и тотъ, кого всѣ боятся. Теперь въ модѣ носить пряжки на панталонахъ, чтобъ стягивать или распускать ихъ по волѣ. Мы постараемся сшить себѣ совѣсть по самому новому фасону, чтобъ пошире растягивать ее, по мѣрѣ того, какъ сами будемъ толстѣть. Намъ что за дѣло? Ступайте къ портному. Мнѣ до того прожужали уши о такъ-называемой кровной любви, что у порядочнаго человѣка голова бы затрещала. Это твой братъ!—другими словами: онъ испеченъ и вынутъ изъ той же печи, изъ которой ты явился на свѣтъ, и потому—да будетъ онъ тебѣ священъ! Замѣтьте, ради Бога, этотъ запутанный силлогизмъ, это смѣшное заключеніе отъ сосѣдства тѣлъ къ гармоніи душъ, отъ одного мѣста рожденія къ одинакимъ ощущеніямъ, отъ одной и той же пищи къ однѣмъ и тѣмъ же склонностямъ. Далѣе—это твой отецъ! онъ далъ тебѣ жизнь, ты его плоть, его кровь и потому—да будетъ онъ для тебя священъ! Опять претонкая штука. Хотѣлось бы мнѣ знать, зачѣмъ онъ меня произвелъ на свѣтъ? Вѣдь не изъ любви же ко мнѣ, который еще только долженъ былъ стать „мной“. Зналъ онъ меня до того, какъ произвелъ на свѣтъ? Или задумалъ сотворить меня такимъ, какъ я сталъ? или угадывалъ, что изъ меня будетъ? Этого я бы не пожелалъ ему, потому что могъ бы, пожалуй, наказать его за то, что онъ всетаки сотворилъ меня. Неужели мнѣ благодарить его за то, что я родился мужчиною? Это все равно, что жаловаться, если бъ изъ меня вышла женщина! Могу ли я признавать любовь, которая не основывается на уваженіи къ моему собственному „я“? Но могло ли быть тутъ уваженіе къ моему „я“, которое именно произошло изъ того, чему оно само должно служить началомъ? Гдѣ же тутъ священное? Развѣ въ самомъ актѣ, черезъ который я получилъ бытіе? Какъ-будто это

было что-нибудь особенное, а не скотскій процессъ удовлетворенія скотской похоти? Или, можетъ быть, оно въ самомъ результатѣ этого акта, который, впрочемъ, не что иное, какъ желѣзная необходимость, безъ него, право, всѣ бы обошлись, еслибъ только плоть и кровь того не требовали. Или развѣ за то мнѣ быть благодарнымъ, что онъ меня любитъ? Но это одно его тщеславіе, общій грѣхъ всѣхъ художниковъ, которые кокетничаютъ своимъ произведеніемъ, будь оно даже отвратительно. Вотъ вамъ и все колдовство, которое вы завѣшиваете священнымъ туманомъ, чтобъ только во зло употреблять нашу трусость. Вѣдь я не мальчикъ, чтобъ позволить убаюкивать себя подобными пѣснями.

И такъ—смѣлѣе! Я вырву съ корнемъ вокругъ себя все, что мнѣ преграждаетъ дорогу къ власти. Я хочу быть полнымъ властелиномъ и постараюсь силою добыть то, чего не могъ добыть своими достоинствами. *(Уходитъ).*

—

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Корчма на границахъ Саксоніи.

Карлъ Мооръ, *углубленный въ чтеніе.* Шпигельбергъ *пьетъ, сидя за столомъ.*

Карлъ Мооръ *(закрываетъ книгу).* О, какъ мнѣ становится гадокъ этотъ чернильный вѣкъ, когда я читаю въ „Плутархѣ“ о великихъ людяхъ.

Шпигельбергъ *(ставитъ предъ нимъ стаканъ и пьетъ).* Такъ читай про Іосифа прекраснаго.

Мооръ. Священная искра Прометея выгорѣла—и ее стали добывать изъ канифольнаго порошка, этого театральнаго огня, на которомъ нельзя раскурить и трубки табаку. И вотъ люди заползали, какъ крысы по палицѣ Геркулеса. Французскій аббатикъ проповѣдуетъ, что Александръ былъ трусливъ, какъ заяцъ; чахоточный профессоръ, который при каждомъ словѣ подноситъ флакончикъ съ нашатырнымъ спиртомъ къ носу, читаетъ лекцію о силѣ. Люди, падающіе въ обморокъ отъ всякихъ пустяковъ, критикуютъ тактику Аннибала: вислоухіе ребята ловятъ фразы изъ битвы при Каннахъ и злятся на побѣды Сципіона, потому что должны излагать ихъ учителю.

Шпигельбергъ. Да это чисто по-александрійски.

Мооръ. Въ награду за вашъ кровавый потъ въ жару битвъ—вы живете теперь въ гимназіяхъ, и ваше безсмертіе прозябаетъ въ школьныхъ сумкахъ. Изъ благодарности за пролитую вами кровь, нюренбергскій торгашъ завернетъ въ васъ грошовые пряники, а при особенномъ счастіи, какой-нибудь французскій драматургъ поставитъ васъ на ходули и заставитъ плясать на проволокѣ. Ха, ха, ха!

Шпигельбергъ *(пьетъ).* Читай-ка братъ Іосифа.

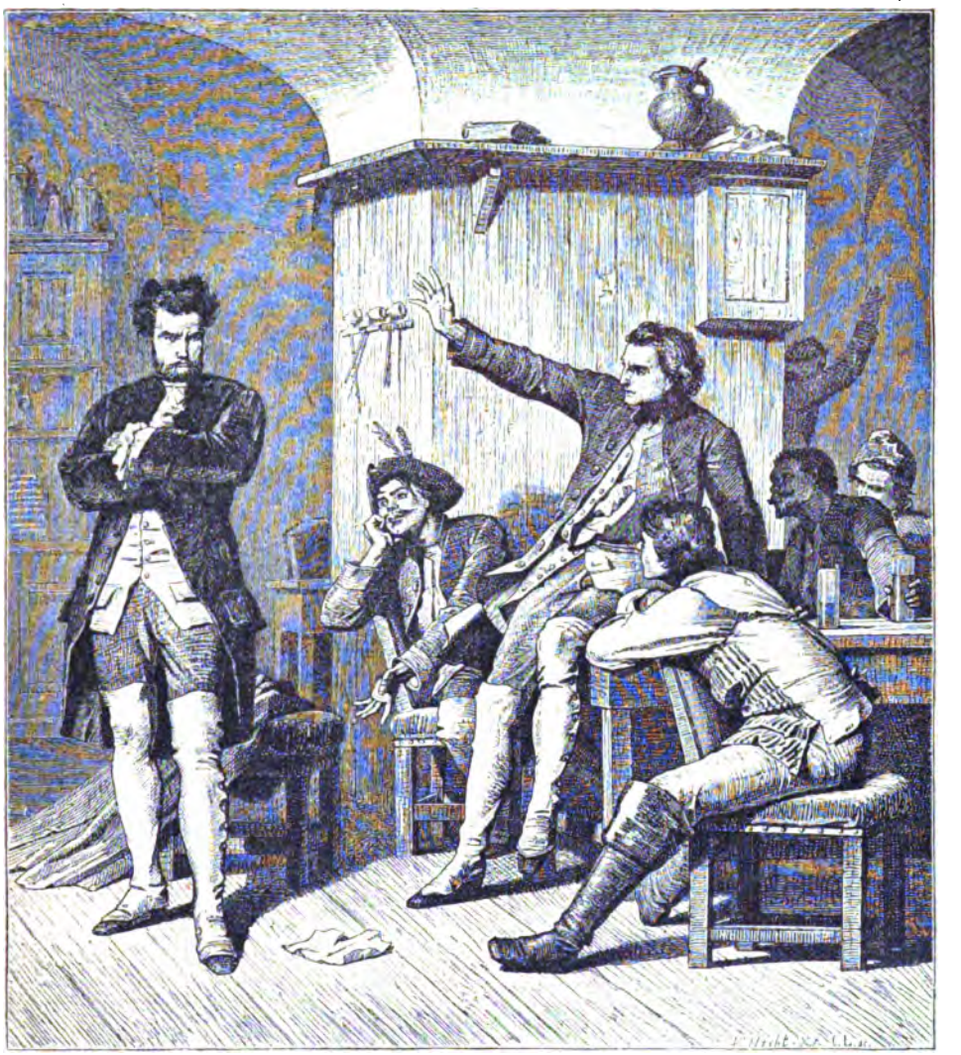
Мооръ. Право, этотъ гнусный вѣкъ кастратовъ ни къ чему неспособенъ болѣе, какъ только пережевывать подвиги прежнихъ временъ, и героевъ древности изводить комментаріями или уродовать ихъ въ трагедіяхъ. Сила воспроизводить людей изсякла въ бедрахъ—и вотъ теперь воспроизводить людей должны помогать пивныя дрожжи.

Шпигельбергъ, Чай, братецъ, чай!

Мооръ. И вотъ они искажаютъ свою здоровую природу нелѣпою рутиною, не могутъ собраться съ духомъ осушить стаканъ, потому что имъ придется при этомъ пить за чье-то здоровье; жмутъ руку лакею, чтобъ онъ замолвилъ словечко его сіятельству, и нападаютъ на бѣдняка, котораго не боятся; обожаютъ за обѣдъ и готовы отравить другъ друга за послѣднюю тряпку, перекупленную у нихъ на аукціонѣ; проклинаютъ саддукея за то, что тотъ рѣдко ходитъ въ церковь, а сами разсчитываютъ свои жидовскіе барыши у самаго алтаря; становятся на колѣни, чтобъ только выказать складки своего платья; не сводятъ глазъ съ проповѣдника, чтобъ только высмотрѣть какъ причесанъ на немъ парикъ; падаютъ въ обморокъ при видѣ зарѣзаннаго гуся и рукоплещутъ, когда ихъ соперникъ уходитъ банкротомъ съ биржи... Какъ горячо жалъ я имъ руки: „только одинъ день!“—Куда!—„Въ тюрьму, собаку!“ Просьбы! клятвы! слезы!... *(Топая ногой).* Адъ и черти!

Шпигельбергъ. И все изъ-за какихъ-нибудь двухъ тысячъ дукатовъ?

Мооръ. Нѣтъ! я не въ силахъ болѣе объ этомъ думать! Мнѣ ли сдавить свое тѣло шнуровкою и заковать свою волю въ законы? Законъ заставляетъ ползать улиткой того, кто бы взвился орлинымъ полетомъ. Законъ не создалъ еще ни одного великаго человѣка, тогда какъ свобода высиживаетъ крайности и колоссовъ, О если бъ духъ Германа жилъ еще въ золѣ! Дайте мнѣ войско такихъ молодцовъ, какъ я—и



изъ Германіи выйдетъ республика, передъ которой Римъ и Спарта покажутся женскими монастырями. *(Бросаетъ шпагу на столъ и встаетъ).*

Шпигельбергъ *(вскакивая)*. Браво! браависсимо! Объ этомъ я и хотѣлъ рѣчь вести. Я тебѣ шепну кое-что на ухо, Мооръ — мысль о чемъ уже давно не выходитъ у меня изъ головы. Ты для меня прямая находка. Пей же, братецъ, пей! Слушай — сдѣлаемся жидами и возстановимъ Іудейское царство. Признайся! вѣдь это хитро задуманный планъ? Мы издаемъ манифестъ, разсылаемъ его во всѣ четыре стороны свѣта и приглашаемъ все, что только не ѣстъ свинины, въ Палестину. Тамъ достовѣрными документами доказываю я, что Иродъ, четвертый царь, былъ мой предокъ—и такъ далѣе. То-то будетъ торжество, братецъ когда они опять немного выкарабкаются на свободу и увидятъ возможность отстроить наново Іерусалимъ. А пока желѣзо горячо— прочь турокъ изъ Азіи, руби кедры на Ливанѣ, строй корабли, закладывай верфи, крути всѣмъ народомъ! Между тѣмъ...

Мооръ *(улыбаясь, беретъ его за руку)*. Товарищъ, пора бросить дурачества.

Шпигельбергъ *(озадаченный, съ удивленіемъ)*. Не играть же тебѣ роль блуднаго сына—тебѣ, удальцу, писавшему шпагою на лицахъ болѣе, нежели три писца въ добрый годъ въ приказной книгѣ... Припомнить тебѣ что ли о нашихъ похоронахъ? Да эдакъ мнѣ придется вызвать твой собственный образъ предъ твои очи, чтобы заставить снова вздуться огнемъ твои жилы,

когда уже ничто болѣе тебя не вдохновляетъ. Помнишь, какъ господа изъ коллегіи подстрѣлили лапу твоему бульдогу, а ты въ отместку предписалъ постъ всему городу? Всѣ смѣялись надъ твоимъ приказомъ; но ты —малый не промахъ—скупаешь все мясо во всемъ Лейпцигѣ, такъ что въ продолженіе восьми часовъ въ цѣломъ округѣ не было обглоданной кости, и рыба начала подниматься въ цѣнѣ. Магистратъ, бюргерство готовы были лопнуть со злости. Припомни, какъ мы, въ числѣ тысячи семисотъ, съ тобой во главѣ, а за нами мясники, разносчики, трактирщики, цирюльники и всѣ цехи поклялись разбить въ пухъ весь городъ, если хоть кого-нибудь изъ насъ тронутъ пальцемъ. Вышло, какъ стрѣльба при Горнбергѣ, то-есть—ушли съ носомъ. Ты созываешь докторовъ на консиліумъ и предлагаешь три дуката тому, кто пропишетъ собакѣ рецептъ. Мы боялись, что господа врачи заупрямятся и скажутъ „нѣтъ“, и ужъ сговорились было прибѣгнуть къ насилію. Не тутъ то было: господа врачи передрались изъ-за трехъ дукатовъ и сбили цѣну на три баца; въ одну минуту написано двѣнадцать рецептовъ — и бѣдное животное протягиваетъ ноги.

Мооръ. Подлецы!

Шпигельбергъ. Погребеніе было совершено съ подобающимъ великолѣпіемъ. Отпѣвали собаку не дурно. Мы, въ числѣ тысячи человѣкъ, каждый съ фонаремъ въ одной рукѣ и со шпажищей въ другой, среди ночи, съ колокольнымъ звономъ и гамомъ проводили собаку за городъ и тамъ зарыли. Потомъ начался кутежъ, который продолжался до ранняго утра. Ты поблагодарилъ публику за сердечное участіе и приказалъ продавать мясо по половинной цѣнѣ. Mort de ma vie! Тогда на тебя глядѣли съ такимъ же почтеніемъ, какъ гарнизонъ въ завоеванной крѣпости.

Мооръ. И ты не стыдишься этимъ хвастаться? Въ тебѣ нѣтъ на столько совѣсти, чтобъ краснѣть отъ подобныхъ воспоминаній?

Шпигельбергъ. Оставь, оставь, ты болѣе не Мооръ. Иль забылъ, какъ тысячу разъ за бутылкою вина подтрунивалъ надъ своимъ старымъ хрычомъ и еще говаривалъ: „пусть его копитъ и скряжничаетъ, а я буду пить такъ, что небу станетъ жарко“.—Помнишь ли это? а? помнишь? Ахъ, ты безсовѣстный, хвастунишка ты этакой! Тогда говорилъ ты по-молодецки, по-дворянски, а теперь...

Мооръ. Будь проклятъ ты за то, что мнѣ это напомнилъ! проклятъ я, что сказалъ это! То вино говорило во мнѣ — и мое сердце не внимало тому, что болталъ языкъ.

Шпигельбергъ *(качая головой.)* Нѣтъ! нѣтъ! Не можетъ быть, чтобъ ты говорилъ серьезно. Признайся, ужъ не нужда ли тебя такъ приструнила? Дай-ка, я разскажу тебѣ кое-что изъ моихъ ребяческихъ похожденій. Возлѣ нашего дома былъ ровъ, небольшой, такъ футъ въ восемь въ ширину, и мы, ребята, бывало, всѣ бьемся, какъ бы черезъ него перескочить. Все напрасно. Скокъ — и летишь кувыркомъ на дно, а вокругъ—смѣхъ, крикъ, хохотъ, всего закидаютъ снѣжками. У сосѣднихъ воротъ ходила на цѣпи огромная собака, да такая бестія, что, бывало, дѣвкамъ не было прохода: такъ и рветъ за платье. Первымъ моимъ удовольствіемъ было дразнить собаку, и я, бывало, помиралъ со смѣху, когда животное на меня бросалось: если бъ не цѣпь,вотъ такъ бы, кажется, и растерзала. Что жъ случилось? Разъ, дразня собаку, я такъ утрафилъ ее по ребрамъ камнемъ, что она въ бѣшенствѣ сорвалась съ цѣпи, да за мною: я—бѣжать, какъ угорѣлый. Чортъ возьми! проклятый ровъ какъ тутъ передо мною. Что дѣлать? Собака на пятахъ. Не долго думая, я разбѣжался — скокъ—и прямо черезъ ровъ! Прыжку этому обязанъ я жизнью; бестія въ клочки бы меня разорвала.

Мооръ. Ну что жъ изъ этого?

Шпигельбергъ. То, что силы растутъ съ нуждою... Потому—я никогда не трушу, когда доходитъ до крайности. Мужество растетъ съ опасностью; гнетъ увеличиваетъ силу. Судьба, вѣрно, хочетъ сдѣлать изъ меня великаго человѣка, когда такъ упрямо загораживаетъ дорогу.

Мооръ *(съ сердцемъ)*. Право, не знаю, на что намъ еще мужество, и гдѣ намъ его не хватало?

Шпигельбергъ. Неужели?—Такъ ты хочешь, чтобъ твои дарованія выдохлись, таланты погибли? Ужъ не думаешь ли ты, что твои лейпцигскія проказы переходятъ предѣлъ человѣческаго остроумія? Дай-ка намъ сперва втереться въ большой свѣтъ: Парижъ и Лондонъ,—гдѣ съѣшь оплеуху, когда назовешь кого честнымъ человѣкомъ. Душа радуется, какъ тамъ ведутъ дѣло на большую ногу. Глаза, братъ, вытаращишь! Какъ поддѣлываютъ подписи, фальшивятъ кости, ломаютъ замки и вытряхиваютъ тре-

буху изъ ящиковъ; этому всему поучись, братъ, у Шпигельберга. На первую висѣлицу повѣсилъ бы я того, кто хочетъ голодать, имѣя здоровые пальцы.

Мооръ *(разсѣянно)*. Какъ! неужели ты все это перепробовалъ?

Шпигельбергъ. Чего добраго, ты, пожалуй, мнѣ не вѣришь. Не то еще увидишь, дай мнѣ только расходиться; у тебя мозгъ затрещитъ, когда расходится мое остроуміе. *(Встаетъ съ жаромъ)*. Какъ все свѣтлѣетъ во мнѣ! Великія мысли занимаются въ душѣ моей! Великіе планы бродятъ въ творческомъ черепѣ! *(Ударяетъ себя по лбу)*. Проклятая сонливость оковывала до сихъ поръ мои силы, застилала будущность, преграждала дорогу. Я пробуждаюсь, сознаю, кто я, и кѣмъ долженъ стать.

Мооръ. Ты глупъ. У тебя зашумѣло въ головѣ.

Шпигельбергъ *(болѣе и болѣе разгорячаясь)*. Шпигельбергъ, закричатъ тогда, ты чародѣй, Шпигельбергъ! Жаль, что ты не сдѣлался полководцемъ, Шпигельбергъ, скажетъ король: ты бы въ мышиную щелку прогналъ австрійцевъ. Да, слышу я сѣтующихъ докторовъ, непростительно, что этотъ человѣкъ не взялся за медицину: онъ изобрѣлъ бы новый порошокъ противъ зоба. Ахъ, какъ жаль, что онъ не захотѣлъ быть министромъ, вздохнутъ Сюлли въ своихъ кабинетахъ: онъ бы камни превратилъ въ луидоры! И о Шпигельбергѣ заговорятъ на востокѣ и западѣ, и тогда — плѣсневѣйте, трусы, гадины, между тѣмъ какъ Шпигельбергъ, распустивъ крылья, полетитъ въ храмъ безсмертія.

Мооръ. Счастливый путь! Карабкайся по позорнымъ столбамъ на верхушку славы. Въ тѣни отцовскихъ рощъ, въ объятіяхъ моей Амаліи меня ждутъ другія радости. Еще на той недѣлѣ писалъ я къ отцу о прощеніи, причемъ не скрылъ отъ него ни малѣйшаго обстоятельства; а гдѣ чистосердечіе—тамъ и состраданіе, и помощь. Прощай, Морицъ! Мы ужъ болѣе никогда не увидимся. Почта пришла. Отцовское прощеніе уже въ городскихъ стѣнахъ.

Швейцеръ, Гриммъ, Роллеръ, Шуфтерле, Рацманъ *входятъ*.

Роллеръ. Да знаете ли вы, что насъ выслѣживаютъ?

Гриммъ. Что мы ни на минуту не безопасны?

Мооръ. Я этому не удивляюсь. Будь, что будетъ! Не видали ли вы Шварца? Не говорилъ ли онъ о письмѣ ко мнѣ?

Роллеръ. Онъ давно тебя ищетъ; говорилъ что-то такое.

Мооръ. Гдѣ онъ? гдѣ, гдѣ? *(хочетъ выбѣжать вонъ)*.

Роллеръ. Стой! мы его послали сюда. Ты дрожишь?

Мооръ. Я не дрожу. Отчего мнѣ дрожать? Товарищи, это письмо... Радуйтесь вмѣстѣ со мною; я счастливѣйшій человѣкъ подъ солнцемъ! Чего мнѣ дрожать?

Шварцъ *входитъ*.

Мооръ *(бѣжитъ ему навстрѣчу)*. Братъ! братъ! письмо! письмо!

Шварцъ *(подаетъ ему письмо; Мооръ его поспѣшно распечатываетъ)*. Что съ тобой? ты поблѣднѣлъ, какъ стѣна!

Мооръ. Рука моего брата!

Шварцъ. Да что это съ Шпигельбергомъ?

Гриммъ. Видно съума спятилъ! Дѣлаетъ какіе-то жесты, какъ въ пляскѣ св. Вита.

Шуфтерле. У него умъ кружится. Должно быть, стихи сочиняетъ.

Рацманъ. Шпигельбергъ! а, Шпигельбергъ! Не слышитъ, бестія.

Гриммъ *(толкаетъ его)*. Что ты спишь, что ли?

Шпигельбергъ *(стоявшій въ продолженіе всего разговора въ углу и разсуждавшій самъ съ собою, вдругъ дико вскрикиваетъ: „La bourse ou la vie!“ и хватаетъ Швейцера за горло, который преспокойно отбрасываетъ его къ стѣнѣ. Мооръ роняетъ письмо и, какъ сумасшедшій, убѣгаетъ. Всѣ въ изумленіи)*.

Роллеръ *(ему вслѣдъ)*. Мооръ! куда ты, Мооръ? Что съ тобою?

Гриммъ. Что съ нимъ? Что сдѣлалъ онъ? Онъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Швейцеръ. Хороши должны быть вѣсти! Посмотримъ!

Роллеръ *(поднявъ съ полу письмо, читаетъ)*. „Несчастный братъ!“ веселое начало! „Только вкратцѣ приказано мнѣ увѣдомить тебя, что твои надежды погибли. Ступай, говоритъ тебѣ отецъ, куда ведетъ твое распутство. Также велитъ онъ сказать тебѣ, чтобъ ты и не надѣялся когда-нибудь выплакать прощеніе у его ногъ, если не хочешь просидѣть въ подвалахъ его башенъ до тѣхъ поръ, пока волосы не выростутъ у тебя съ орлиныя перья, а ногти съ птичьи когти. Это его собственныя слова. Онъ приказываетъ мнѣ кончить письмо. Прощай навѣки! Сожалѣю о тебѣ!

Францъ фонъ Мооръ“.

Швейцеръ. Нечего сказать, сахарный братецъ! Французомъ зовутъ каналью.

Шпигельбергъ *(тихо подходитъ къ нимъ)*. О хлѣбѣ и водѣ идетъ рѣчь. Славная жизнь! Я для васъ кое-что другое придумалъ. Не говорилъ ли я вамъ, что мнѣ еще за всѣхъ васъ придется думать?

Швейцеръ. Что вретъ тамъ эта баранья голова? Оселъ хочетъ за всѣхъ насъ думать?

Шпигельбергъ. Зайцы, калѣки, хромоногія собаки вы всѣ, если у васъ, не хватитъ духа предпринять что-нибудь великое!

Роллеръ. Согласенъ, пусть будетъ по твоему: но выведетъ ли насъ твое средство изъ этого проклятаго положенія?Выведетъ ли?

Шпигельбергъ *(съ гордымъ смѣхомъ)*. Жалкій глупецъ! выведетъ ли изъ этого положенія?... ха, ха, ха!.. выведетъ ли изъ этого положенія?.. На большее-то, видно, не способенъ твой крошечный умишко? Съ этимъ твоя кляча ужъ согласна плестись домой. Шпигельбергъ былъ. бы жалкимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, если бъ съ этого даже началъ. Героями, говорю я тебѣ, баронами, князьями, богами сдѣлаю я васъ.

Рацманъ. На первый разъ это, пожалуй, и много! Но это будетъ, пожалуй, головоломная работа, и будетъ стоить по меньшей мѣрѣ головы?

Шпигельбергъ. Ничуть! — только одного мужества, потому что все, касающееся ума и изобрѣтательности, я беру на себя. Крѣпись, говорю я, Швейцеръ! крѣпись. Роллеръ, Гриммъ, Рацманъ, Шуфтерле! крѣпитесь!

Швейцеръ.Крѣпиться?Если только за этимъ дѣло стало—у меня хватитъ мужества, чтобъ босикомъ пройти черезъ адъ.

Шуфтерле. Чтобъ у висѣлицы подраться съ самимъ чортомъ за трупъ повѣшаннаго.

Шпигельбергъ. Вотъ это по мнѣ! Если въ васъ точно есть мужество, то можетъ ли кто-нибудь изъ насъ сказать, что онъ боится еще что-нибудь потерять и не надѣется всего выиграть.

Шварцъ. Да много было бы что растерять, если бы можно было потерять то, что мнѣ еще остается выиграть.

Рацманъ. Да, чортъ возьми, и много бы осталось выиграть, еслибъ я хотѣлъ выиграть то, чего уже не могу терять.

Шуфтерле. Если бъ мнѣ случилось потерять то, что теперь на мнѣ надѣто, и то въ долгъ—завтра и мнѣ нечего было бы терять.

Шпигельбергъ *(ставъ посреди ихъ, голосомъ заклинателя)*. Итакъ, если хоть капля нѣмецкой крови еще сочится въ вашихъ жилахъ—пойдемте, поселимся въ богемскихъ лѣсахъ, соберемъ шайку разбойниковъ и... Чего эта вы на меня уставили глаза-то? Ваше мужество, видно, ужъ выдохлось?

Роллеръ. Ты не первый мошенникъ, у котораго все въ памяти, кромѣ висѣлицы. И все-таки намъ не остается другого выбора!

Шпигельбергъ. Выбора? что?—нѣтъ для васъ никакого выбора! Или хотите сидѣть въ долговой тюрьмѣ и плѣснѣвѣть тамъ до страшнаго суда? Хотите возиться съ сохой и заступомъ изъ-за куска черстваго хлѣба? У оконъ жалобной пѣснью вымаливать тощую милостыню? Или хотите присягнуть на телячьей шкурѣ и... тутъ еще вопросъ: повѣрятъ ли вашимъ рожамъ... и затѣмъ, подъ брань и побои безмозглаго капрала, предвкушать чистилище? Или прогуливаться подъ музыку и подъ тактъ барабана? Или въ галерномъ раю влачить за собою весь желѣзный магазинъ Вулкана?— Вотъ что остается намъ выбирать! Выбирайте, коль хотите!

Роллеръ. Шпигельбергъ отчасти правъ. Я также составилъ кой-какіе планы, но это почти одно и то же. Какъ бы, думалъ я, намъ всѣмъ присѣсть, да скропать журналъ, или альманахъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и за грошъ писать рецензіи, какъ это теперь вошло въ моду?

Шуфтерле. Чортъ возьми! да это вы у меня украли. Я также подумывалъ, какъ бы здакъ сдѣлаться піэтистомъ и разъ въ недѣлю приглашать къ себѣ на назидательныя бесѣды.

Гриммъ. Отлично! А не пойдетъ на ладъ—такъ атеистомъ. Начать бы писать противъ евангелистовъ, добиться того, чтобы это писаніе сожгли рукою палача— чудесное вышло бы дѣло!

Рацманъ. Или пойти на французовъ. Я знаю одного доктора, который выстроилъ себѣ домъ изъ чистаго меркурія, какъ говорится въ надписи, прибитой къ его воротамъ.

Швейцеръ *(вставая и подавая Шпигельбергу руку)*. Морицъ, ты великій человѣкъ, или жолудь найденъ слѣпой свиньею.

Шварцъ. Чудесные планы! честныя ремесла! Какъ однако симпатизируютъ ве-

ликія души! Недостаетъ только одного—сдѣлаться бабами и своднями или начать продавать нашу дѣвственность.

Шпигельбергъ. Пѣсни, братецъ, пѣсни! Кто жъ помѣшаетъ вамъ достигнуть всего, чего ни захотите? Мой планъ вамъ всего скорѣе проложитъ дорóгу. Къ тому жъ у васъ еще въ виду безсмертіе и слава. Ротозѣи вы эдакіе! вѣдь и объ этомъ надобно подумать, то-есть о потомствѣ, о сладкомъ чувствѣ неувядаемой памяти.

Роллеръ. И занять первое мѣсто въ спискѣ честныхъ людей. Ты славный проповѣдникъ, Шпигельбергъ, когда дѣло идетъ о томъ, какъ изъ честнаго человѣка сдѣлать мошенника. Но, скажите, куда это пропалъ Мооръ?

Шпигельбергъ. Честнаго, говоришь ты! Ужъ не думаешь ли, что тогда ты будешь менѣе честенъ, чѣмъ теперь? Что понимаешь ты подъ словомъ „честность“? Богатымъ скрягамъ сваливать съ шеи цѣлую треть заботъ, лишающихъ ихъ только золотого сна; залежалые ихъ капиталы пускать въ обороты; возстанавливать равновѣсіе богатствъ—однимъ словомъ, стараться воскресить на землѣ золотой вѣкъ, освобождать Господа Бога отъ тягостныхъ нахлѣбниковъ, отъ войны, мора, голода и *докторовъ*: вотъ это по моему значитъ быть честнымъ! вотъ это значитъ явиться достойнымъ орудіемъ воли Провидѣнія!—и такимъ образомъ при каждомъ кускѣ, который ты проглатываешь съ удовольствіемъ, думать, что тебѣ даютъ его твоя хитрость, твое львиное мужество, неутомимое бдѣніе; у мала и велика быть въ почетѣ...

Роллеръ. И, наконецъ, заживо быть вознесенну къ небу, и, не смотря на бури и вѣтры, и не смотря на прожорливый желудокъ дряхлаго времени, качаться подъ солнцемъ и мѣсяцемъ и всѣми созвѣздіями—тамъ, гдѣ птицы небесныя, привлеченныя благородною жадностью, слетаются пѣть свои концерты, а падшіе ангелы съ хвостами собираются на свой синедріонъ? не такъ ли? и въ то время, когда сильные міра сего будутъ пожираться червями, имѣть честь принимать визиты отъ царственной птицы Юпитера? Морицъ, Морицъ, Морицъ! берегись треногаго звѣря!

Шпигельбергъ. И тебя это пугаетъ, заячье сердце? Сколько универсальныхъ геніевъ, могшихъ преобразовать весь міръ, сгнило на живодернѣ, а объ нихъ говорятъ цѣлыя столѣтія, тысячелѣтія, тогда какъ много королей и курфирстовъ были бы пропущены исторіей, если бы ихъ историки не боялись пустоты въ родословномъ деревѣ и ихъ книга не выигрывала отъ того двухъ лишнихъ страницъ въ осьмушку, за которыя издатель платитъ имъ наличными деньгами. А если прохожій и увидитъ, какъ ты будешь раскачиваться туда и сюда по вѣтру: „должно быть, малый былъ не дуракъ!“ проворчитъ онъ и вздохнетъ о худыхъ временахъ.

Швейцеръ (*треплетъ его по плечу*). Славно, Шпигельбергъ! славно! Что же, чортъ возьми, вы стоите тамъ и медлите?

Шварцъ. И хотя бы это просто называлось проституціею—что жъ изъ этого? Развѣ нельзя про случай носить съ собой порошокъ, который тихонько тебя спровадитъ за Ахеронъ, такъ что ни одна собака не залаетъ? Да, братъ Морицъ! твой планъ годится и для моего катехизиса!

Шуфтерле. Громъ и молнія! и для моего также. Шпигельбергъ, ты меня завербовалъ.

Рацманъ. Ты, какъ новый Орфей, своею музыкой, усыпилъ моего звѣря—совѣсть. Я твой, Шпигельбергъ!

Гриммъ. Si omnes consentiunt ego non dissentio. Замѣтьте, безъ запятой. Въ моей головѣ цѣлый аукціонъ: піэтисты, шарлатаны, рецензенты и плуты. Кто больше дастъ, тому я и служить гораздъ. Руку, Морицъ!

Роллеръ. И ты также, Швейцеръ? (*Подаетъ Шпигельбергу правую руку*). И такъ я закладываю свою душу дьяволу.

Шпигельбергъ. А имя—звѣздамъ. Что нужды въ томъ, куда войдутъ наши души, когда цѣлыя толпы впередъ отправленныхъ курьеровъ возвѣстятъ о нашемъ шествіи, такъ что черти нарядятся въ праздничныя одежды и сотрутъ тысячелѣтнюю сажу съ рѣсницъ своихъ—и міріады рогатыхъ головъ закишатъ изъ дымнаго жерла своихъ сѣрныхъ печей, чтобъ только посмотрѣть на въѣздъ нашъ! (*Вскакивая*). Товарищи! живѣй, товарищи! Что на свѣтѣ стоитъ этого чада восторга! Идемъ, товарищи!

Роллеръ. Потише! потише! Куда? Звѣрю нужна голова, ребята!

Шпигельбергъ (*ядовито*). Что бредишь, пустомеля? Развѣ голова не существовала, когда еще не было членовъ? За мной, товарищи!

Роллеръ. Подожди, говорю я. И у свободы долженъ быть владыка. Безъ головы погибли Римъ и Спарта.

Шпигельбергъ (*льстиво*). Да, точно!—

Роллеръ правъ. И это должна быть умная голова. Понимаете ли вы?—тонкая, политическая голова. Да, когда я подумаю, что вы были съ часъ тому назадъ, и чѣмъ вы стали теперь—отъ одной счастливой идеи стали... Да, конечно, у васъ долженъ быть начальникъ. Ну, а кому пришла такая идея, скажите, развѣ тотъ не тонкая, политическая голова?

Роллеръ. Когда бъ только была надежда, хоть тѣнь надежды... Но нѣтъ! онъ никогда не согласится.

Шпигельбергъ. Почему же и нѣтъ? Говори смѣлѣе, другъ! Какъ ни трудно править кораблемъ противъ упрямаго вѣтра, какъ ни тяжело бремя коронъ — говори смѣлѣе, Роллеръ! Можетъ быть, онъ и согласится.

Роллеръ. И все на мели, если откажетъ. Безъ Моора—мы тѣло безъ души.

Шпигельбергъ (*съ негодованіемъ отходитъ отъ него*). Треска!

Моръ (*входитъ въ сильномъ волненіи и, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, говоритъ самъ съ собою*). Люди! люди! лживое, коварное отродье крокодиловъ! Вода—ваши очи, сердце—желѣзо! На уста поцѣлуй, кинжалъ въ сердце! Львы и леопарды кормятъ своихъ дѣтей, вороны носятъ падаль птенцамъ своимъ, а онъ, онъ... Я привыкъ сносить злость; могу улыбаться, когда озлобленный врагъ будетъ по каплѣ точить кровь изъ моего сердца... но если кровная любовь дѣлается измѣнницей, если любовь отца дѣлается Мегерой: о, тогда, пылай огнемъ, терпѣніе мужа, превращайся въ тигра, кроткая овца, и всякая былинка рости на вредъ и погибель!

Роллеръ. Послушай, Мооръ! какъ ты объ этомъ думаешь? Разбойничья жизнь вѣдь лучше, чѣмъ хлѣбъ и вода въ подвалахъ отцовскихъ башенъ.

Моръ. Зачѣмъ эта душа не въ тѣлѣ тигра, питающагося человѣчьимъ мясомъ? Родительская ли это нѣжность? Любовь ли за любовь? Я бы хотѣлъ быть медвѣдемъ, чтобы со всѣми медвѣдями Ледовитаго моря растерзать это отродье убійцъ! Раскаяніе—и нѣтъ прощенія. О, еслибъ я могъ отравить океанъ, чтобы родъ людской изо всѣхъ источниковъ опился смертью! Вѣра въ свои силы, непреклонная энергія и въ отвѣтъ—безпощадная строгость!

Роллеръ. Да слушай же, Мооръ, что я скажу тебѣ!

Моръ. Это невѣроятно! это сонъ, мечта воображенія! Такая трогательная просьба такое живое описаніе горя и слезнаго раскаянія... Дикій звѣрь растаялъ бы отъ состраданія; камни бы пролили слезы—и что жъ?.. Да это примутъ за пасквиль на весь человѣческій родъ, если разсказать—и что же, и что же?.. О, если бы я могъ призвать къ возстанію всю природу, и воздухъ, землю и океанъ повести войною на этотъ родъ гіенъ!

Роллеръ. Да послушай же, Мооръ! Ты ничего не слышишь отъ бѣшенства!

Моръ. Прочь, прочь отъ меня! Развѣ имя твое не человѣкъ? не женщина родила тебя? Съ глазъ моихъ, ты—съ лицомъ человѣка! Я такъ невыразимо любилъ его! такъ еще не любилъ ни одинъ сынъ: тысячу жизней положилъ бы я за него... (*Въ ярости топаетъ ногою*). О, если бъ мнѣ кто-нибудь далъ мечъ и велѣлъ нанести этому эхидному отродью неизлѣчимую рану! Если бъ кто научилъ меня попасть въ самое сердце его жизни, раздавить, растерзать его—онъ сталъ бы моимъ другомъ, ангеломъ, богомъ, я бы молился ему!

Роллеръ. Вотъ такими друзьями мы и хотимъ быть—выслушай только!

Шварцъ. Пойдемъ съ нами въ богемскіе лѣса! Мы соберемъ тамъ шайку разбойниковъ и ты... (*Моръ дико смотритъ на него*).

Швейцеръ. Ты будешь нашимъ атаманомъ! Да, ты долженъ быть нашимъ атаманомъ!

Шпигельбергъ (*въ ярости бросаясь въ кресло*). Рабы и низкія твари!

Моръ. Кто шепнулъ тебѣ эту мысль? Послушай братъ! (*Хватая Роллера за руку*). Это вышло не изъ твоей человѣчьей души! Кто шепнулъ тебѣ эту мысль? Да, клянусь тысячерукой смертью, мы сдѣлаемъ!—должны это сдѣлать! Мысль достойна преклоненія. Разбойники и убійцы!—я вашъ атаманъ.

Всѣ. Да здравствуетъ атаманъ!

Шпигельбергъ (*вскакивая, про себя*). Пока я его не спроважу!

Моръ. Какъ-будто бѣльмо спало съ глазъ моихъ! Какой же глупецъ я былъ, что порывался назадъ въ клѣтку! Духъ мой алчетъ подвиговъ, дыханіе—свободы! Убійцы разбойники! Этимъ словомъ я попралъ законъ ногами. Люди застили мнѣ человѣчество, когда я взывалъ къ человѣчеству—прочь же отъ меня симпатія и человѣческое состраданіе! Нѣтъ у меня болѣе отца, нѣтъ болѣе любви—и кровь и смерть да научатъ

меня позабыть все, что я любилъ когда-то! Идемъ! идемъ! О, я создамъ для себя ужасное развлеченіе! Рѣшено—я вашъ атаманъ! и благо тому изъ васъ, кто будетъ неукротимѣе жечь, ужаснѣе убивать: тотъ будетъ по-царски награжденъ! Становитесь всѣ вокругъ меня, и всякъ клянись мнѣ въ вѣрности и послушаніи на жизнь и смерть! Клянитеся мнѣ въ этомъ вашей правою рукою!

Всѣ *(протягивая правыя руки)*. Клянемся тебѣ въ вѣрности и послушаніи на жизнь и на смерть!

Мооръ. И я этой правою рукою клянусь вамъ: вѣрно и неизмѣнно быть вашимъ атаманомъ на жизнь и на смерть! Да обратитъ эта рука того въ безжизненный трупъ, кто когда-либо замедлитъ или усомнится или отступитъ! Да будетъ то же самое со мною, если я когда-либо преступлю свою клятву! Довольны ли вы? *(Шпигельбергъ въ бѣшенствѣ бѣгаетъ взадъ и впередъ)*.

Всѣ *(бросая шляпы вверхъ)*. Да здравствуетъ атаманъ!

Мооръ. И такъ—пойдемте! Не бойтесь смерти и опасности: надъ нами вѣетъ непреклонная судьба! Каждый изъ насъ найдетъ свой конецъ—будь это на мягкой ли постели, среди кроваваго боя, или на висѣлицѣ и колесѣ! Что-нибудь изъ всего этого будетъ концомъ нашимъ! *(Уходятъ)*.

Шпигельбергъ *(глядя имъ вслѣдъ, послѣ нѣкотораго молчанія)*. Въ твоемъ реестрѣ есть пропускъ. Ты позабылъ объ ядѣ. *(Уходитъ)*.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Въ замкѣ Мооровъ. Комната Амаліи.

Францъ. Амалія.

Францъ. Ты не смотришь на меня, Амалія? Развѣ въ глазахъ твоихъ я ниже того, надъ кѣмъ тяготѣетъ отцовское проклятіе?

Амалія. Прочь! О! чадолюбивый, милосердый отецъ, отдавшій сына на съѣденіе волкамъ и чудовищамъ! Самъ пьетъ дорогія вина, покоитъ свои дряхлые члены на пуховыхъ подушкахъ, тогда какъ его великій, благородный сынъ—погибаетъ. Стыдитесь—вы, безчеловѣчные! стыдитесь—вы, змѣиныя души, вы, поношеніе человѣчества! И поступить такъ съ единственнымъ сыномъ!

Францъ. Я до сихъ поръ думалъ, что у него ихъ двое.

Амалія. Да, онъ заслуживаетъ такихъ сыновей, какъ ты. На своемъ смертномъ одрѣ онъ тщетно будетъ протягивать исхудалыя руки къ своему Карлу, и съ ужасомъ отдернетъ ихъ, встрѣтивъ ледяную руку Франца.

Францъ. Ты въ бреду, моя милая! Мнѣ жаль тебя.

Амалія. Скажи мнѣ, ужели не жаль тебѣ твоего брата? Нѣтъ, чудовище, ты ненавидишь его! А меня? ты также ненавидишь?

Францъ. Я люблю тебя, какъ самого себя, Амалія!

Амалія. Если ты меня любишь, то вѣрно не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ?

Францъ. Никогда, никогда! если только она не болѣе моей жизни.

Амалія. О, если такъ—это просьба, которую ты такъ легко можешь исполнить. *(Гордо)*. Ненавидь меня! Я сгораю отъ стыда, когда, думая о Карлѣ, мнѣ приходитъ на мысль, что ты меня ненавидишь. Ты обѣщаешь мнѣ это? Теперь ступай и оставь меня: мнѣ такъ хорошо одной.

Францъ. Прелестная мечтательница! не могу не удивляться твоему кроткому, любящему сердцу. Здѣсь *(касаясь ея груди)*, здѣсь царствовалъ Карлъ; Карлъ стоялъ передъ тобою на яву; Карлъ управлялъ твоими снами; все созданіе, казалось тебѣ, сливалось въ немъ одномъ, въ немъ одномъ отражалось, объ немъ одномъ звучало твоему сердцу.

Амалія *(растроганная)*. Да, я сознаюсь въ этомъ. На зло вамъ, извергамъ, сознаюсь предъ цѣлымъ свѣтомъ, что люблю его.

Францъ. Безчеловѣчно! жестоко! За такую любовь заплатить такъ! Позабыть ту...

Амалія *(вспыливъ)*. Что? меня позабыть?

Францъ. Не давала ли ты ему перстня на прощаньи—брилліантоваго перстня въ залогъ вѣрности?.. И то правда,—какъ юношѣ противустоять прелестямъ какой-нибудь развратницы? Да и кто станетъ осуждать его, когда, кромѣ этой вещи, ему уже нечего было отдать и когда, притомъ, она съ лихвою заплатила за него своими ласками и поцѣлуями.

Амалія *(возмущенная)*. Мой перстень—развратницѣ?

Францъ. Что за низость! Но это еще не все! Перстень, какъ бы ни былъ онъ дорогъ, все же можно достать у любого жида. Вѣроятно, работа ему не понравилась—и онъ вымѣнялъ его на лучшій.

Амалія *(вспыльчиво)*. Но мой перстень, я говорю—мой перстень?

Францъ. Не другой же, Амалія! И этакое сокровище и на моемъ пальцѣ... и еще отъ Амаліи! Смерть его бы у меня не вырвала. Не правда ли, Амалія —не цѣнность брилліанта, не искусство работы—любовь опредѣляетъ ему цѣну? Милое дитя, ты плачешь? Горе тому, кто выжимаетъ эти драгоцѣнныя капли изъ такихъ небесныхъ глазъ! Ахъ! если бъ ты все знала, видѣла его самаго... и въ томъ видѣ!..

Амалія. Чудовище! какъ? въ какомъ видѣ?

Францъ. Тише, тише, ангельская душа, не спрашивай меня ни о чемъ! *(Какъ будто про себя, но громко)*. Когда бъ, по крайней мѣрѣ, хоть завѣса скрывала отвратительный порокъ отъ глазъ свѣта! Но онъ страшно смотритъ изъ-за желтыхъ, свинцовыхъ круговъ подъ глазами; изобличаетъ себя въ болѣзненно-блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ, выставляя на показъ острыя кости; дрожитъ въ гнусливомъ, искаженномъ голосѣ; говоритъ о себѣ во всемъ слабомъ, измозженномъ тѣлѣ... высасываетъ мозгъ изъ костей и разрушаетъ свѣжія силы юности. Тьфу! мнѣ становится гадко! Носъ, глаза, уши—все трясется... Ты помнишь того несчастнаго, Амалія, который умеръ въ нашей богадѣльнѣ? Казалось, сама стыдливость закрывала передъ нимъ свои робкія очи... Ты плакала надъ нимъ. Повтори въ душѣ своей этотъ ужасный образъ, и—Карлъ передъ тобою. Его поцѣлуи—чума, на губахъ его—ядъ.

Амалія *(ударяетъ его)*. Безстыдный клеветникъ!

Францъ. Тебѣ страшно за Карла? Дрожишь передъ блѣдной картиной? Поди же, полюбуйся на него самого, на твоего прекраснаго, ангелоподобнаго, божественнаго Карла! Поди, упейся его благовоннымъ дыханіемъ и умри отъ амбры, вѣющей изъ его пасти: оно поразитъ тебя тою смертоносною тошнотою, какую производитъ запахъ расшевеленной падали, или видъ рва, наполненнаго трупами.

Амалія *(отворачивается)*.

Францъ. Что за волненіе любви. Сколько сладострастія въ этихъ объятіяхъ! Но справедливо ли осуждать человѣка за отвратительную наружность? И въ самомъ гадкомъ эзоповомъ тѣлѣ можетъ блистать великая и нѣжная душа, какъ рубинъ среди грязи. *(Злобно улыбаясь)*. И на зараженныхъ губахъ можетъ цвѣсть любовь. Правда, если порокъ потрясаетъ также и силу характера; если съ цѣломудріемъ улетаетъ и добродѣтель, какъ испаряется запахъ изъ поблекшей розы; если вмѣстѣ съ тѣломъ и духъ становится калѣкой...

Амалія *(весело вспрыгиваетъ)*. А! Карлъ! теперь я узнаю тебя снова! Ты все тотъ же—тотъ же! Все это ложь! Развѣ ты не знаешь, злодѣй, что въ Карлѣ это невозможно? *(Францъ стоитъ нѣкоторое время погруженный въ глубокое размышленіе, потомъ вдругъ оборачивается въ намѣреніи уйти)*. Куда такъ скоро? Иль бѣжишь своего собственнаго стыда?

Францъ *(закрывъ лицо руками)*. Оставь меня, Амалія! оставь меня!—дай литься этимъ слезамъ! Жестокосердый отецъ! лучшаго изъ сыновей своихъ предать на произволъ нищеты и прильнувшаго къ нему порока! Оставь меня, Амалія! Я пойду и паду къ его ногамъ, буду молить, чтобы онъ меня, меня одного поразилъ своимъ проклятіемъ, меня одного лишилъ наслѣдства... меня... мою кровь... жизнь... все...

Амалія *(падаетъ ему на шею)*. Братъ моего Карла! милый, дорогой Францъ.

Францъ. О, Амалія! какъ люблю я тебя за эту непреклонную вѣрность моему брату! Прости, что я осмѣлился такъ жестоко испытывать любовь твою. Какъ прекрасно оправдала ты мои желанія. Эти слезы, эти вздохи, это небесное негодованіе существуютъ также и для меня: наши души были всегда такъ согласны!

Амалія. О, нѣтъ, этого никогда не было!

Францъ. Ахъ, онѣ были всегда такъ гармонически согласны, что я думалъ—мы родились близнецами! И не будь этого наружнаго различія, гдѣ, конечно, бѣдный Францъ ему во многомъ уступаетъ, насъ бы десятъ разъ на день принимали другъ за друга. Ты—говорилъ я часто самому себѣ—ты весь Карлъ—его эхо, его образъ и подобіе!

Амалія *(качаетъ головою)*. Нѣтъ! нѣтъ! клянусь цѣломудреннымъ свѣтомъ небесъ—ни одного его нерва, ни одной искры его чувствъ!

Францъ. Мы совершенно сходны по склонностямъ. Роза была его любимымъ цвѣткомъ: какой цвѣтокъ для меня лучше розы? Онъ страстно любилъ музыку: всезрящія звѣзды! будьте свидѣтелями—вы такъ часто въ ночной тиши подслушивали меня за клавикордами, когда все вокругъ меня спало мертвымъ сномъ. И какъ можешь

ты еще сомнѣваться, Амалія, когда любовь у насъ обоихъ сосредоточивалась на одномъ совершенствѣ? А если любовь одна и та же—могутъ ли не быть похожи ея дѣти?

Амалія *(смотритъ на него съ удивленіемъ)*.

Францъ. Былъ тихій, весенній вечеръ, послѣдній передъ его отъѣздомъ въ Лейпцигъ, когда онъ меня провелъ въ ту бесѣдку, гдѣ вы часто сиживали въ мечтахъ о любви. Долго мы молчали; наконецъ онъ схватилъ мою руку и тихо, со слезами сказалъ мнѣ: „Я оставляю Амалію; не знаю почему, но у меня есть предчувствіе, что навѣки. Не покидай ее, братъ! Будь ей другомъ—ея Карломъ, если Карлъ никогда не возвратится!" *(Бросается передъ ней на колѣни и съ жаромъ цѣлуетъ ей руку)*. Никогда, никогда, никогда онъ не возвратится, и я далъ ему священную клятву!

Амалія *(отскакивая)*. Предатель, я ловлю тебя на словахъ! Въ той же самой бесѣдкѣ заклиналъ онъ меня никого не любить,если ему суждено умереть. Видишь ли, какъ безбоженъ, какъ отвратителенъ ты. Прочь съ глазъ моихъ!

Францъ. Ты не знаешь меня, Амалія; ты совсѣмъ меня не знаешь!

Амалія. О, я тебя знаю! съ этой минуты я тебя знаю—ты хотѣлъ быть похожимъ на него? Сталъ бы онъ передъ тобой плакать обо мнѣ? Скорѣй бы онъ написалъ мое имя на позорномъ столбѣ! Прочь съ глазъ моихъ!

Францъ. Ты оскорбляешь меня!

Амалія. Поди прочь, говорю я. Ты укралъ у меня драгоцѣнныя минуты: да будутъ онѣ вычтены изъ твоей жизни!

Францъ. Ты ненавидишь меня!

Амалія. Я презираю тебя. Поди прочь!

Францъ *(топая ногами)*. Постой же! ты затрепещешь предо мною! Мнѣ предпочитать нищаго? *(Уходитъ въ бѣшенствѣ)*.

Амалія. Иди, низкій плутъ! Я теперь опять съ моимъ Карломъ. Нищій, говоритъ онъ?—стало-быть свѣтъ перевернулся! Нищіе стали королями и короли нищими. Рубище, которое онъ носитъ, я не промѣняю на пурпуръ помазанниковъ Божіихъ. Взглядъ, которымъ онъ проситъ милостыню, долженъ быть царскій взглядъ, взглядъ, уничтожающій величіе, пышность, тріумфы великихъ и сильныхъ. Во прахъ ничтожное украшеніе! *(Срываетъ съ шеи жемчугъ)*. Носите вы—золото, серебро и драгоцѣнные камни—вы, сильные и великіе, пресыщайтесь за роскошными столами! покойте члены свои на мягкомъ ложѣ сладострастія! Карлъ! Карлъ! безъ нихъ я достойна тебя! *(Уходитъ)*.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Францъ фонъ-Мооръ *сидитъ, задумавшись, въ своей комнатѣ.*

Какъ это долго тянется: докторъ подаетъ надежду... Жизнь этого старика—сущая вѣчность! А для меня бы открылась ровная, свободная дорога, если бы не этотъ несносный, живучій кусокъ мяса, который, какъ подземная собака въ волшебной сказкѣ, загораждаетъ мнѣ входъ къ сокровищамъ.

Не склониться же моимъ планамъ подъ желѣзнымъ игомъ механизма? Моему парящему духу не приковать же себя къ улиткоподобному ходу матеріи? Задуть огонь, который и безъ того чуть тлѣетъ на выгорѣвшемъ маслѣ—вотъ и все. И все-таки мнѣ не хотѣлось бы самому это сдѣлать—людей ради. Мнѣ бы хотѣлось не убить его, но только пережить. Я хотѣлъ бы смастерить это, какъ искусный врачъ, но наоборотъ. Не загораживать дороги природѣ, а побуждать ее только итти скорѣе. Если мы можемъ въ самомъ дѣлѣ удлинять условія жизни, почему жъ бы намъ ихъ и не укорачивать по мѣрѣ надобности.

Философы и медики утверждаютъ, что расположеніе духа дружно гармонируетъ съ движеніемъ организма. Судорожныя ощущенія всякій разъ сопровождаются разстройствомъ механическихъ отправленій: страсти подтачиваютъ тѣлесныя силы, удрученный духъ клонитъ къ землѣ свою темницу—тѣло. Такъ какъ же бы?.. Какъ бы смерти прочистить дорогу къ замку жизни? Духомъ разрушить тѣло? Да! оригинальная идея! только, какъ привести ее въ исполненіе? Безподобная идея! Думай, думай, Мооръ! Вотъ искусство; оно заслуживало бы имѣть тебя своимъ изобрѣтателемъ. Вѣдь довели же ядосмѣшеніе до степени настоящей науки и путемъ опытовъ принудили природу опредѣлять свои границы, такъ что теперь можно за нѣсколько лѣтъ впередъ сосчитать біенія сердца и сказать пульсу: до сихъ поръ—и не дальше. Какъ же тутъ не испытать своихъ крыльевъ?

Но какимъ образомъ приступить къ дѣлу, чтобъ уничтожить сладкое мирное согласіе души съ тѣломъ? Какой родъ ощущеній из-

беру я? Какой наиболѣе угрожаетъ тонкому цвѣту жизни? *Гнѣвъ?*—этотъ жадный волкъ слишкомъ скоро нажирается до-сыта; *заботы?*—этотъ червь точитъ слишкомъ медленно; *горе?*—этотъ аспидъ ползетъ такъ лѣниво; *страхъ?*—надежда не дастъ ему разыграться. Какъ? и это ужъ всѣ палачи человѣчества? Ужели такъ бѣденъ арсеналъ смерти? *(Задумывается).* Какъ же бы?.. Что же бы?... Нѣтъ! А! *(Вскакивая). Испугъ!*— Чего не въ состояніи сдѣлать испугъ? Что умъ, религія противъ ледяныхъ объятій этого гиганта? Но все же... ну, если онъ устоитъ и противъ этой бури? Ну, если?.. О, тогда идите на помощь ко мнѣ—*сожалѣніе*, и ты, *раскаяніе*, адская Эвменида, смертоносная змѣя, изрыгающая свою пищу, чтобъ снова пожирать ее, вы, вѣчно разрушающія и снова создающія свой ядъ, и ты—вопіющее *самообвиненіе*, ты, опустошающее свое жилище и терзающее свою собственную мать. Идите и вы ко мнѣ на помощь, вы, благодѣтельныя граціи—*прошедшее* съ кроткой улыбкой, и ты, съ своимъ переполненнымъ рогомъ изобилія, цвѣтущая *будущность!* Кажите ему въ вашемъ зеркалѣ радости неба и окрыленной ногой бѣгите его алчныхъ объятій. Такъ стану я наносить ударъ за ударомъ, бурю за бурей на его слабую жизнь, пока не налетитъ войско фурій, называемыхъ *отчаяніемъ*. Побѣда! планъ готовъ — трудный, искусный, какого еще не бывало; но надежный, вѣрный, потому что *(насмѣшливо)* ножъ хирурга не найдетъ слѣда ни ранъ, ни остраго яда. *(Рѣшительно).* И такъ начнемъ! *(Германъ входитъ).* А! Deus ex machina! Германъ!

Германъ. Къ вашимъ услугамъ!

Францъ *(подаетъ ему руку).* И ты ихъ оказываешь не неблагодарному.

Германъ. Знаю на опытѣ.

Францъ. И скоро получишь болѣе. Мнѣ надо поговорить съ тобой, Германъ.

Германъ. Слушаю тысячью ушами.

Францъ. Я знаю тебя, ты рѣшительный малый, солдатское сердце: что на душѣ, то и на языкѣ. Мой отецъ насолилъ тебѣ, Германъ.

Германъ. Чортъ побери меня, если я это забуду!

Францъ. Вотъ это слова мужчины! Месть прилична груди мужа. Ты нравишься мнѣ, Германъ. Возьми этотъ кошелекъ. Онъ былъ бы тяжелѣе, будь я здѣсь господиномъ.

Германъ. Это мое всегдашнее желаніе; благодарю васъ.

Францъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германъ? Ты точно желаешь, чтобъ я былъ господиномъ? Но у моего отца львиныя силы; къ тому жъ я младшій сынъ.

Германъ. Я бы желалъ, чтобъ вы были старшимъ сыномъ, а вашъ отецъ слабъ, какъ чахоточная дѣвушка.

Францъ. О! какъ награждалъ бы тебя тогда этотъ старшій сынъ, какъ бы старался вывесть тебя на свѣтъ Божій изъ этой неблагодарной пыли, которая такъ мало идетъ къ твоей душѣ и благородству! Тогда бы ты ходилъ у меня облитый золотомъ, ѣздилъ бы четверней по улицамъ— право бы ѣздилъ! Но я и позабылъ, о чемъ хотѣлъ поговорить съ тобою. Ты еще помнишь фрейлейнъ фонъ-Эдельрейхъ, Германъ?

Германъ. Громъ и молнія! о чемъ напоминаете вы мнѣ!

Францъ. Мой братъ подбрилъ ее у тебя.

Германъ. И будетъ каяться въ этомъ!

Францъ. Она тебя оставила съ носомъ, а онъ чуть ли не сбросилъ тебя съ лѣстницы.

Германъ. Онъ полетитъ у меня за это въ адъ.

Францъ. Онъ говорилъ, что всѣ шепчутъ другъ другу на-ухо, будто твой отецъ не можетъ взглянуть на тебя безъ того, чтобъ не рвать волосъ на головѣ и не сказать со вздохомъ: Господи! прости мя многогрѣшнаго!

Германъ *(дико).* Смерть и адъ! да замолчите ли вы!

Францъ. Онъ совѣтовалъ тебѣ продать дворянскую грамоту съ аукціона и починить на это чулки.

Германъ. Адъ и черти! я ему выцарапаю глаза.

Францъ. Что? ты сердишься? ты никакъ на него сердишься? Что жъ ты съ него возьмешь? Что можетъ сдѣлать крыса льву? Твой гнѣвъ только увеличитъ его торжество, тебѣ ничего болѣе не остается, какъ щелкать зубами и вымещать свое бѣшенство на черствомъ хлѣбѣ.

Германъ *(топаетъ ногами).* Я его въ пыль изотру.

Францъ *(треплетъ его по плечу).* Германъ, ты благородный человѣкъ. И не терпи поруганія. Ты не долженъ уступать ему дѣвушку—нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, Германъ! Громъ и молнія! я бы на все пошелъ, будь я на твоемъ мѣстѣ.

Германъ. Не успокоюсь до тѣхъ поръ,

пока и тотъ и другой не сойдутъ въ могилу.

Францъ. Не горячись, Германъ! Подойди поближе... Амалія будетъ твоею.

Германъ. Будетъ моею! на зло всѣмъ—будетъ моею!

Францъ. Ты получишь ее, говорю я! и еще изъ моихъ рукъ. Подойди поближе, говорю я! Ты, можетъ быть, еще не знаешь, что Карлъ все равно, что лишенъ наслѣдства?

Германъ *(приближаясь къ нему)*. Что вы говорите! въ первый разъ слышу.

Францъ. Не волнуйся и слушай далѣе—въ другой разъ разскажу тебѣ подробнѣе. Да, говорю тебѣ, ужъ скоро годъ, какъ отецъ выгналъ его изъ дома. Но старикъ уже сожалѣетъ о необдуманномъ поступкѣ, который *(со смѣхомъ)*, можешь быть увѣренъ, онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Къ тому же и эта Эдельрейхъ надоѣдаетъ ему день-деньской жалобами и упреками. Рано или поздно, а онъ начнетъ искать его на всѣхъ концахъ свѣта и—прощай Германъ, когда отыщетъ. Тогда — отворяй ему смиренно карету, когда онъ поѣдетъ съ ней къ вѣнцу.

Германъ. Я его удавлю у алтаря.

Францъ. Отецъ передастъ ему тогда правленіе, а самъ будетъ жить на покоѣ въ своихъ замкахъ. И вотъ гордый, вѣтреный повѣса станетъ нашимъ владыкою, станетъ смѣяться надъ своими врагами и завистниками—и я, хотѣвшій сдѣлать изъ тебя великаго человѣка, я самъ, Германъ, буду, низко кланяясь у его дверей...

Германъ *(съ жаромъ)*. Нѣтъ, не будь я Германъ—съ вами этого не случится! Если хоть одна искра ума еще тлѣетъ въ моей головѣ—съ вами этого не случится!

Францъ. Ужъ не ты ли помѣшаешь? И ты, мой милый Германъ, попробуешь бича его; онъ наплюетъ тебѣ въ глаза, когда ты встрѣтишься съ нимъ на улицѣ, и горе тебѣ, если ты только пожмешь плечами и скривишь ротъ. Вотъ что будетъ тогда съ твоимъ сватаньемъ къ Амаліи, съ твоими планами, съ твоею будущностью.

Германъ. Научите меня, что мнѣ дѣлать?

Францъ. Слушай же, Германъ! видишь, какое горячее участіе принимаю я въ судьбѣ твоей! Ступай—переодѣнься, чтобъ тебя никто не узналъ; явись къ старику, скажи, что ты прямо изъ Богеміи, былъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ въ прагской битвѣ и видѣлъ, какъ онъ отдалъ душу Богу.

Германъ. Но повѣрятъ ли мнѣ?

Францъ. Это ужъ моя забота! Возьми этотъ пакетъ: тутъ подробная иструкція и, сверхъ того, разные документы, которые убѣдятъ, пожалуй, само сомнѣніе. Теперь выходи отъ меня осторожнѣе, чтобъ кто тебя не увидѣлъ. Перелѣзь чрезъ калитку на заднемъ дворѣ, а оттуда по садовой стѣнѣ. Что же касается исхода этой трагикомедіи, то предоставь это мнѣ!

Германъ. И она совершится. Да здравствуетъ новый графъ Францискъ фонъ-Мооръ!

Францъ *(треплетъ его по щекѣ)*. Хитрецъ! Видишь ли, такимъ образомъ, мы достигнемъ всѣхъ цѣлей разомъ и скоро. Амалія его позабудетъ, а старикъ припишетъ смерть сына себѣ и—захвораетъ. Полуразрушенному зданію не нужно землетрясенія, чтобъ развалиться. Онъ не переживетъ этой вѣсти—и тогда я его единственный наслѣдникъ. Амалія же, оставшись безъ защиты, сдѣлается игрушкою моей воли. Остальное легко можешь себѣ представить. Однимъ словомъ, все совершится по нашему желанію, если только ты не откажешься отъ своего слова.

Германъ. Что вы? *(Радостно)*. Скорѣе пуля полетитъ назадъ и завертится въ сердцѣ самого стрѣлка. Положитесь на меня. Увидите сами... Прощайте!

Францъ *(кричитъ ему вслѣдъ)*. Жатва твоя, любезный Германъ! *(Одинъ)*. Когда волъ свезетъ весь хлѣбъ на гумно, ему даютъ одно сѣно. Скотницу тебѣ, а не Амалію! *(Уходитъ)*.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Спальня старика Моора.

Старикъ Мооръ *спитъ въ креслахъ.*
Амалія.

Амалія *(проходя тихо на цыпочкахъ)*. Онъ дремлетъ! *(Останавливается передъ нимъ)*. Какъ онъ прекрасенъ, величественъ!—такими пишутъ святыхъ. Нѣтъ, я не могу на тебя сердиться! Бѣдный старикъ, я не могу сердиться на тебя! Спи спокойно, радостно пробуждайся—пусть я одна буду страдать и плакать.

Ст. Мооръ *(во снѣ)*. Сынъ мой! сынъ мой! сынъ мой!

Амалія *(беретъ его за руку)*. Чу! чу! ему снится Карлъ.

Ст. Мооръ. Ты здѣсь? ты точно здѣсь? Ахъ, какъ ты похудѣлъ! Не смотри на меня такъ грустно: мнѣ и безъ того горько!

Амалія *(будитъ его)*. Проснитесь! Это только сонъ! Успокойтесь!

Ст. Мооръ *(въ просонкахъ)*. Онъ не былъ здѣсь? Такъ я не жалъ ему руки? Жестокій Францъ! ты и во снѣ хочешь отнять его у меня!

Амалія. Такъ вотъ оно что!

Ст. Мооръ *(проснувшись)*. Гдѣ онъ? гдѣ я? Ты здѣсь, Амалія?

Амалія. Здоровы ли вы? Вашъ сонъ былъ такъ сладокъ.

Ст. Мооръ. Мнѣ снился сынъ. Зачѣмъ ты меня разбудила? Можетъ быть, онъ простилъ бы меня.

Амалія. Ангелы не помнятъ зла!—онъ васъ прощаетъ. *(Беретъ его за руку съ чувствомъ)*. Отецъ моего Карла, я прощаю тебя.

Ст. Мооръ. Нѣтъ, Амалія! эта смертная блѣдность на лицѣ твоемъ обвиняетъ меня. Бѣдная! я лишилъ тебя всѣхъ радостей молодости! О, не проклинай меня!

Амалія *(цѣлуя его руку, съ нѣжностью)*. Васъ?

Ст. Мооръ. Знаешь ли ты этотъ портретъ, Амалія?

Амалія. Карлъ!

Ст. Мооръ. Такимъ онъ былъ, когда ему минуло пятнадцать лѣтъ. Теперь онъ измѣнился. Огонь жжетъ мое сердце!... Эта кротость стала негодованіемъ, эта улыбка—отчаяніемъ: не правда ли, Амалія? Ты писала съ него этотъ портретъ въ день его рожденія, въ жасминной бесѣдкѣ. Ваша любовь такъ радовала меня.

Амалія *(продолжая пристально смотрѣть на портретъ)*. Нѣтъ! нѣтъ! это не онъ! Это не Карлъ!—здѣсь, здѣсь *(указывая на сердце и на голову)* совсѣмъ иначе, совсѣмъ другой... Блѣднымъ ли краскамъ выразить небесный огонь его пламенныхъ глазъ! Это такой земной портретъ. Я исказила его черты.

Ст. Мооръ. Этотъ нѣжный, оживляющій взглядъ... Будь онъ у моей постели, я бы жилъ въ самой смерти—никогда бы не умеръ!

Амалія. Никогда, никогда бы не умерли! Это былъ бы скачекъ отъ одной мысли къ другой—лучшей. Этотъ взоръ свѣтилъ бы вамъ за гробомъ; этотъ взоръ вознесъ бы васъ къ звѣздамъ.

Ст. Мооръ. Тяжело, грустно! я умираю—и моего сына Карла нѣтъ здѣсь; меня положатъ въ могилу—и онъ не поплачетъ на моей могилѣ. Какъ сладко быть убаюкану въ сонъ смерти молитвою сына—это колыбельная пѣсня.

Амалія *(мечтая)*. Да, сладко, небесносладко быть убаюканной въ сонъ смерти пѣніемъ любимаго человѣка. Кто знаетъ, можетъ быть грезы и въ могилѣ не оставляютъ насъ! Вѣчный, безконечный сонъ о Карлѣ, пока не грянетъ труба воскресенія *(восторженно)*—и тогда навѣкъ въ его объятія!

(Молчаніе. Она садится къ клавесину и играетъ).

Милый Гекторъ! не спѣши въ сраженье,
Гдѣ Ахилловъ мечъ безъ сожалѣнья
Тѣнь Патрокла жертвами даритъ!
Кто жъ малютку твоего наставитъ
Чтить Боговъ, копье и лукъ направить.
Если дикій Ксанѳъ тебя умчитъ?

Ст. Мооръ. Что за чудная пѣсня, Амалія! Ты должна пѣть мнѣ ее передъ моей смертью.

Амалія. Это прощаніе Андромахи съ Гекторомъ. Мы съ Карломъ часто пѣвали ее подъ звуки лютни.

Милый другъ, копье и щитъ скорѣе!
Тамъ въ кровавой сѣчѣ веселѣе...
Эта длань отечество спасетъ.
Власть боговъ да будетъ надъ тобою!
Я погибну, но избавлю Трою.
Но съ тобой Элизіумъ цвѣтетъ.

Даніэль *входитъ*.

Даніэль. Васъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ. Прикажете впустить его? Говоритъ, что пришелъ съ важными вѣстями.

Ст. Мооръ. Мнѣ въ цѣломъ свѣтѣ только одно важно... ты знаешь, Амалія? Если это несчастный, требующій моей помощи—онъ не уйдетъ отъ меня со вздохомъ.

Амалія. Если это нищій, то пусти его поскорѣе. *(Даніэль уходитъ)*.

Ст. Мооръ. Амалія! Амалія! пожалѣй меня!

Амалія *(поетъ)*.

Смолкнетъ звукъ брони твоей, о, боги!
Мечъ твой праздно пролежитъ въ чертогѣ,
И Пріамовъ вымретъ славный родъ.
Ты сойдешь въ мѣста, гдѣ день не блещетъ,
Гдѣ Коцитъ волною сонной плещетъ:
Въ Летѣ злой любовь твоя умретъ.

Всѣ мечты, желанья, помышленья
Потоплю я въ ней безъ сожалѣнья,
Только не свою любовь.
Чу! дикарь опять ужъ подъ стѣнами!
Дай мнѣ мечъ, простимся со слезами:
Въ Летѣ не умретъ моя любовь!

Францъ. Германъ, *переодѣтый*. Даніэль.

Францъ. Вотъ этотъ человѣкъ. Онъ говоритъ, что принесъ вамъ страшныя вѣсти. Въ состояніи ли вы ихъ выслушать?

Ст. Мооръ. Для меня дорога одна вѣсть. Подойди ближе, мой другъ, и не щади меня. Подайте ему стаканъ вина.

Германъ *(измѣнивъ голосъ)*. Графъ! не сердитесь на бѣдняка, если онъ, противъ воли, растерзаетъ ваше сердце. Я чужеземецъ, но знаю очень хорошо, что вы отецъ Карла фонъ-Моора.

Ст. Мооръ. Почему ты знаешь это?

Германъ. Я зналъ вашего сына.

Амалія *(встревоженная)*. Онъ живъ? живъ? Ты знаешь его? Гдѣ онъ? гдѣ? *(Хочетъ убѣжать изъ комнаты)*.

Ст. Мооръ. Ты знаешь моего сына?

Германъ. Онъ учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, но вдругъ куда-то исчезъ. Гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ—я не знаю. По его словамъ, онъ, съ непокрытой головой и босикомъ, обошелъ всю Германію, вдоль и поперекъ, вымаливая подаянье у дверей и оконъ. Пять мѣсяцевъ спустя, вспыхнула война между Пруссіей и Австріей, и такъ какъ ему не на что было надѣяться, то онъ и послѣдовалъ за громомъ побѣдоносныхъ барабановъ Фридриха въ Богемію. „Позвольте мнѣ", сказалъ онъ великому Шверину, „умереть смертью героя: у меня нѣтъ болѣе отца.

Ст. Мооръ. Не смотри на меня, Амалія!

Германъ. Ему поручили знамя—и онъ помчался за побѣдоноснымъ полетомъ прусаковъ. Мы были съ нимъ случайно въ одной и той же походной палаткѣ. Много говорилъ онъ о своемъ престарѣломъ отцѣ, о лучшихъ былыхъ временахъ, о несбывшихся надеждахъ—и слезы выступили на глазахъ его.

Ст. Мооръ. О, замолчи!

Германъ. Восемь дней спустя, началось жаркое прагское дѣло. Смѣю васъ увѣрить, что сынъ вашъ велъ себя, какъ храбрый воинъ. Онъ дѣлалъ чудеса въ глазахъ всей арміи. Пять полковъ смѣнилось около него—онъ стоялъ. Каленыя ядра сыпались градомъ справа и слѣва—сынъ вашъ стоялъ. Пуля раздробила ему правую руку, онъ взялъ знамя въ лѣвую и стоялъ.

Амалія *(въ восторгѣ)*. Гекторъ, Гекторъ! Слышите ли?—онъ стоялъ.

Германъ. Вечеромъ, по окончаніи сраженія, я отыскалъ его; онъ лежалъ, пораженный пулями. Лѣвой рукою старался онъ унять текущую кровь; правую онъ зарылъ въ землю. „Братъ!" сказалъ онъ мнѣ, „я слышалъ, будто нашъ генералъ убитъ?"—„Убитъ", отвѣчалъ я: „а ты?"—„Кто чувствуетъ себя храбрымъ солдатомъ", вскричалъ онъ, отнявъ руку отъ раны, „тотъ слѣдуй за своимъ генераломъ, какъ я." И вслѣдъ затѣмъ его великая душа отлетѣла за героемъ.

Францъ *(грозно Герману)*. Да прилипнетъ твой проклятый языкъ къ гортани! Развѣ ты за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы уморить нашего отца? Батюшка! Амалія! батюшка!

Германъ. Вотъ послѣдняя воля моего покойнаго товарища: „Возьми эту саблю", прохрипѣлъ онъ мнѣ. „и отдай ее моему старику-отцу. Кровь его сына запеклась на ней; онъ отмщенъ—пусть его радуется. Скажи ему, что его проклятіе заставило меня искать смерти, и что я умеръ въ отчаяніи!" Послѣдній вздохъ его былъ—Амалія.

Амалія *(будто вдругъ пробуждается отъ мертваго сна)*. Его послѣдній вздохъ—Амалія!

Ст. Мооръ *(съ воплемъ рветъ на себѣ волосы)*. Мое проклятіе убило его! ввергло въ отчаяніе!

Францъ *(бѣгаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ)*. О! что вы сдѣлали, батюшка? Мой Карлъ! мой братъ.

Германъ. Вотъ сабля и портретъ, который онъ снялъ съ груди своей. *(Амаліи)*. Онъ походитъ на васъ, какъ двѣ капли воды. „Это моему брату Францу!" прошепталъ онъ. Что хотѣлъ онъ сказать этимъ—не знаю.

Францъ *(съ удивленіемъ)*. Мнѣ—портретъ Амаліи? Мнѣ...Карлъ...Амалія?—мнѣ?

Амалія *(въ гнѣвѣ подбѣгаетъ къ Герману)*. Низкій подкупленный обманщикъ! *(Пристально на него смотритъ)*.

Германъ. Вы ошибаетесь, сударыня. Взгляните сами—не вашъ ли это портретъ? Вы же ему, можетъ быть, и дали его.

Францъ. Клянусь Богомъ, Амалія, это твой портретъ!

Амалія *(отдавая портретъ)*. Мой, мой! О, Боже!

Ст. Мооръ (*вскрикиваетъ, раздирая себѣ лицо*). Горе, горе мнѣ! мое проклятіе убило, ввергло его въ отчаяніе!

Францъ. И онъ вспомнилъ обо мнѣ въ послѣдній, тяжелый часъ кончины! Обо мнѣ, ангельская душа! Когда уже вѣяло надъ нимъ черное знамя смерти, онъ вспомнилъ обо мнѣ!

Ст. Мооръ (*тихо бормоча*). Мое проклятіе убило его, ввергло въ отчаяніе!

Германъ. Я не въ силахъ болѣе смотрѣть на ваше страданіе! Прощайте, благородный графъ! (*Тихо Францу*). Къ чему вы все это затѣяли? (*Хочетъ уйти*).

Амалія (*бѣжитъ за нимъ*). Стой, стой! Его послѣднее слово?

Германъ. Его послѣдній вздохъ былъ—Амалія. (*Уходитъ*).

Амалія. Его послѣдній вздохъ былъ—Амалія! Нѣтъ, ты не обманщикъ! Такъ это правда, правда! Онъ умеръ! умеръ! (*Шатается и падаетъ*). Умеръ! Карлъ умеръ!

Францъ. Что вижу я? Что это за надпись на саблѣ? кровью написано—о Амалія!

Амалія. Его рукой?

Францъ. На яву ли я это вижу, или это сонъ? Посмотри, видишь кровавыя буквы: „Францъ, не оставляй моей Амаліи!“ Посмотри! посмотри! а на другой сторонѣ: „Амалія, твою клятву разрываетъ всесильная смерть!“ Видишь ли теперь, видишь ли? онъ писалъ это окостенѣвшею рукою, писалъ теплою кровью своего сердца, писалъ на страшномъ рубежѣ вѣчности. Его душа, готовая отлетѣть, остановилась, чтобъ соединить Франца съ Амаліей.

Амалія. Отецъ небесный! Такъ это его рука! Онъ никогда не любилъ меня. (*Поспѣшно уходитъ*).

Францъ (*топая ногами*). Все мое искусство безсильно передъ этой упрямой головою.

Ст. Мооръ. Горе, горе мнѣ! Не оставляй меня, Амалія! Францъ, Францъ, отдай мнѣ моего сына!

Францъ. А кто его проклялъ? кто довелъ его до смерти и отчаянія? О, это былъ ангелъ! чистая небесная душа! Проклятіе на палачей его! Проклятіе, проклятіе на вашу голову!

Ст. Мооръ (*ударяя себя кулакомъ въ грудь и голову*). Онъ былъ ангелъ! чистая, небесная душа! Проклятіе, проклятіе, гибель и проклятіе на мою голову! Я, отецъ—убійца своего великаго сына! Онъ любилъ меня до послѣдней минуты; чтобъ отмстить мнѣ, пошелъ онъ на бой и на смерть! Чудовище! чудовище! (*Въ бѣшенствѣ рветъ на себѣ волосы*).

Францъ. Его ужъ нѣтъ: ваше оханье не поможетъ! (*Злобно улыбаясь*). Легче убить, чѣмъ воскресить. Ваши слезы не вызовутъ его изъ могилы.

Ст. Мооръ. Никогда, никогда, никогда не вызовутъ изъ могилы! Умеръ, погибъ навѣки! Но ты вырвалъ проклятіе изъ моего сердца... ты... ты... Отдай мнѣ моего сына!

Францъ. Не раздражайте моего гнѣва. Я оставляю васъ—смерти.

Ст. Мооръ. Чудовище! чудовище! отдай мнѣ моего сына! (*Вскакиваетъ съ кресла и хочетъ схватить Франца за горло, но тотъ съ силою отталкиваетъ его на прежнее мѣсто*).

Францъ. Старыя кости!.. и вы смѣете!.. умирайте! казнитесь!

Старикъ Мооръ.

Тысячи проклятій да разразятся надъ тобою! ты изъ моихъ объятій укралъ моего сына! (*Въ отчаяніи мечется въ креслахъ*). Горе, горе мнѣ! Отчаиваться и не умирать!.. Они бѣгутъ, оставляютъ меня умирающаго... ангелъ-хранитель покинулъ меня! святые отступились отъ сѣдовласаго убійцы! Горе горе мнѣ! Некому поддержать мою голову, разрѣшить томящуюся душу! Нѣтъ у меня ни сыновей, ни дочери, ни друга! никого—одинъ оставленъ... Горе, горе мнѣ! Отчаиваться и не умирать!..

Амалія *входитъ съ заплаканными глазами.*

Ст. Мооръ. Амалія, посланница неба! Ты пришла освободить мою душу?

Амалія (*масково*). Вы потеряли рѣдкаго сына.

Ст. Мооръ. *Убилъ*, хотѣла ты сказать. Заклейменный этимъ знаменіемъ, предстану я передъ престолъ Всевышняго.

Амалія. Утѣшься, злосчастный старикъ! Небесный Отецъ призвалъ его къ Себѣ. Мы были бы слишкомъ счастливы на этомъ свѣтѣ... Тамъ, тамъ, надъ свѣтилами, мы свидимся снова.

Ст. Мооръ. Свидимся, свидимся! Нѣтъ душа у меня разорвется, когда я, блаженный, увижу его въ средѣ блаженныхъ. Среди неба на меня повѣютъ ужасы ада. Въ созерцаніи Безконечнаго меня растерзаетъ воспоминаніе: я убилъ своего сына!

Амалія. О, онъ одною улыбкой изгладитъ изъ вашего сердца горькія воспоминанія! Будьте веселы, милый батюшка: мнѣ такъ весело. Развѣ онъ не пропѣлъ невидимымъ силамъ на арфѣ серафимовъ имя

Амаліи, и невидимыя силы не пролепетали его тихо за нимъ? Его послѣдній вздохъ былъ—Амалія! Не будетъ ли и первый крикъ восторга также—Амалія?

Ст. Мооръ. Небесное утѣшеніе изливается изъ устъ твоихъ. Онъ улыбнется мнѣ, говоришь ты? проститъ мнѣ? Будь при мнѣ, возлюбленная моего Карла, и въ часъ моей смерти.

Амалія. Смерть для насъ есть только полетъ въ его объятія. Благо вамъ—я вамъ завидую. Зачѣмъ это тѣло не дряхло? эти волосы не сѣды? Горе юношескимъ силамъ! благо тебѣ, немощная старость; ты ближе къ нему, ближе къ моему Карлу!

Францъ *входитъ*.

Ст. Мооръ. Подойди ко мнѣ, сынъ мой! Прости мнѣ за минутную жестокость! Тебѣ я все прощаю. Хочу умереть съ миромъ.

Францъ. Ну, наплакались ли вы о вашемъ сынѣ? Какъ видно, у васъ только одинъ.

Ст. Мооръ. У Іакова было двѣнадцать сыновей; но о своемъ Іосифѣ онъ проливалъ кровавыя слезы.

Францъ. Гм!

Ст. Мооръ. Возьми-ка Библію, Амалія, и прочти мнѣ исторію Іакова и Іосифа: она меня всегда трогала, хотя тогда я еще и не былъ Іаковомъ.

Амалія. Которую жъ изъ нихъ прочесть вамъ? (*Беретъ Библію и перелистываетъ ее*).

Ст. Мооръ. Прочти мнѣ о горести оставленнаго, когда онъ не нашелъ Іосифа между своими дѣтьми, и тщетно ждалъ его въ средѣ своихъ одиннадцати; и о его жалобныхъ крикахъ, когда онъ услышалъ, что его возлюбленный Іосифъ отнятъ у него навѣки.

Амалія (*читаетъ*). „Вземше же ризу Іосифову, заклаша козлища отъ козъ и помазаша ризу кровію. И послаша ризу пеструю и принесоша къ отцу своему, и рекоша: сію обрѣтохомъ, познай аще риза сына твоего есть, или ни. (*Францъ внезапно уходитъ*). И познаю и рѣче: „риза сына есть: звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа“.

Ст. Мооръ (*упадая на подушки*). Звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа!

Амалія (*читаетъ далѣе*). „И растерза Іаковъ ризы своя, и возложи вретище на чресла своя и плакашеся сына своего дни многи. Собрашася же вси сынове его и дщери пріидоша утѣшити его; и не хотяще утѣшитися глаголя: яко сниду къ сыну моему, сѣтуя...“

Ст. Мооръ. Перестань, перестань!—мнѣ дурно!

Амалія (*роняетъ книгу и подбѣгаетъ къ нему*). Боже мой! что съ вами?

Ст. Мооръ. Это смерть!..черная...стоитъ... передъ моими... глазами. Прошу тебя... позови пастора... причаститься... Гдѣ... сынъ мой... Францъ?

Амалія. Ушелъ! Боже, умилосердись!

Ст. Мооръ. Ушелъ...убѣжалъ отъ смертнаго одра?... И это все... все... отъ двухъ сыновей!.. Ты далъ ихъ... Ты и отнялъ... да будетъ имя Твое... (*Падаетъ*).

Амалія (*вдругъ вскрикиваетъ*). Умеръ! Все погибло! (*Убѣгаетъ въ отчаяніи*).

Францъ *вбѣгаетъ радостно*.

Умеръ! кричатъ они, *умеръ!* Теперь я полный *господинъ*. По всему замку только и слышится—умеръ. Но если онъ только спитъ? Конечно, это сонъ, послѣ котораго никогда не желаютъ добраго утра. Сонъ и смерть—близнецы; стоитъ только употребить одно названіе вмѣсто другого. Добрый, благодѣтельный сонъ!—мы назовемъ тебя смертью. (*Закрываетъ отцу глаза*). Кто жъ теперь осмѣлится прійти и потребовать меня къ суду? или сказать мнѣ въ лицо: ты подлецъ? Прочь, тягостная личина кротости и добродѣтели!—Теперь вы увидите нагого Франца и ужаснетесь. Мой отецъ подсахаривалъ свои требованія; сдѣлалъ изъ своихъ подданныхъ одинъ семейный кругъ: съ ласковой улыбкой сидѣлъ у воротъ и называлъ всѣхъ братьями и дѣтьми. Мои брови нависнутъ надъ вами, какъ грозныя тучи; мое властное имя пронесется надъ этими горами, какъ зловѣщая комета; мое чело будетъ для васъ показателемъ погоды. Онъ гладилъ, ласкалъ васъ—вы упрямились, непокорствовали...Гладить и ласкать не мое дѣло. Я вонжу въ ваше мясо зубчатыя шпоры и заставлю попробовать бича. Я доведу васъ до того, что въ моихъ владѣніяхъ картофель и жидкое пиво будутъ подаваться въ праздники, и горе тому, кто попадется мнѣ на глаза съ полными, румяными щеками. Блѣдность нищеты и рабскій страхъ станутъ моимъ любимымъ цвѣтомъ—и въ эту ливрею одѣну я всѣхъ моихъ подданныхъ. (*Уходитъ*).

———

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Богемскіе лѣса.

Шпигельбергъ. Рацманъ. Разбойники.

Рацманъ. Ты ли это? Тебя ли вижу? Дай же задушить себя въ объятіяхъ, дорогой дружище, Морицъ! Привѣтъ тебѣ въ богемскихъ лѣсахъ! Экъ ты поздоровѣлъ. Да еще и рекрутовъ привелъ съ собой цѣлое стадо: ай да вербовщикъ!

Шпигельбергъ. Полно, братецъ, полно! А каковы малые-то! Повѣришь ли, видимое Божіе благословеніе надо мною: былъ вѣдь бѣднымъ, голоднымъ простакомъ, ничего не имѣлъ, кромѣ этого посоха, какъ перешелъ черезъ Іорданъ, а теперь насъ семьдесятъ восемь человѣкъ,—разоренные купцы, выгнанные чиновники и писцы—и все изъ швабскихъ провинцій. Это, братецъ, не люди, а золото. Повѣришь ли—одинъ у другого пуговицы со штановъ крадетъ; а сами въ усъ не дуютъ съ заряженными ружьями. Дѣла куча, и сверхъ того, въ славѣ на сорокъ миль кругомъ. Вѣришь ли, не выходитъ ни одной газеты, въ которой бы не было статейки о пролазѣ Шпигельбергѣ. Только затѣмъ и читаю ихъ. Съ ногъ до головы такъ меня описали, что я, какъ живой, у нихъ на бумагѣ; пуговицъ моихъ—и тѣхъ не позабыли. Впрочемъ, это не мѣшаетъ мнѣ водить ихъ за носъ. Намедни иду я въ типографію, говорю, будто видѣлъ извѣстнаго Шпигельберга, и диктую тамъ сидѣвшему писаришкѣ живой портретъ одного шарлатана-доктора. Что жъ ты думаешь—статейка пошла въ ходъ, бѣдняка хватаютъ, насильно допрашиваютъ, и онъ, со страха и глупости, признается—чортъ меня побери!—признается, что онъ точно Шпигельбергъ. Громъ и молнія! Меня такъ и дергало объявить магистрату, кто я, чтобъ бездѣльникъ не безчестилъ только моего имени. Что жъ ты думаешь?—три мѣсяца спустя повѣсили таки моего доктора. Ужъ я, братъ, набилъ носъ табакомъ, когда, прогуливаясь около висѣлицы, увидѣлъ, какъ псевдо-Шпигельбергъ парадируетъ на ней во всей своей славѣ. А между тѣмъ, какъ Шпигельбергъ виситъ, Шпигельбергъ тихонько выпутывается изъ петли и приставляетъ премудрой юстиціи ослиныя уши, такъ что любо!

Рацманъ. Ты, какъ видно, все тотъ же.

Шпигельбергъ. Какъ видишь, братецъ, и тѣломъ и душою! Слушай-ка, я разскажу тебѣ шутку, которую сыгралъ въ монастырѣ Св. Цециліи. Въ одно изъ моихъ странствованій, въ сумерки, я набрелъ на этотъ монастырь, а какъ въ тотъ день я

не сжегъ ни одного патрона—ты знаешь, diem perdidi я ненавижу до смерти—то мнѣ вздумалось ознаменовать ночь штукой, стой она хоть обоихъ ушей дьяволу. До поздней ночи мы—ни гу-гу. Все стихло. Огни погасли. Мы и смекнули, что монахини теперь на пуховикахъ. Вотъ я и беру моего товарища Гримма съ собою; другимъ велю ждать у воротъ, пока не услышатъ моего свистка; хватаю монастырскаго сторожа, беру у него ключи, крадусь кошкой туда, гдѣ спятъ монашенки, забираю ихъ платья и бросаю весь хламъ за ворота. Такъ проходимъ мы изъ кельи въ келью, отбираемъ у каждой сестры по одиночкѣ платье, не исключая и настоятельницы. Я свищу—и мои малые начинаютъ аукать и шумѣть, будто страшный судъ на дворѣ, и съ гамомъ, крикомъ, гвалтомъ прямо въ кельи къ спящимъ сестрамъ. Ха, ха, ха! Когда бы ты видѣлъ всю эту суматоху! Какъ бѣдные звѣречки, шныряли онѣ въ темнотѣ за своими платьями и плакали и визжали, ничего не нашедши, между тѣмъ какъ мы—тутъ-какъ тутъ у нихъ на шеѣ. Когда бы ты видѣлъ, какъ онѣ со страха и ужаса закутывались въ простыни, или, какъ кошки заползали подъ печь! Иныя же отъ страха превращали комнату въ цѣлое озеро—хоть плавать учись. А этотъ визгъ, этотъ вой... и наконецъ самая старая корга—настоятельница, одѣтая какъ Ева до грѣхопаденія... Ты знаешь, дружище, что на всѣмъ земномъ шарѣ нѣтъ для меня созданія противнѣе паука и старой бабы. Теперь представь себѣ, что эта черная, морщинистая тварь увивается около меня и заклинаетъ еще дѣвственнымъ цѣломудріемъ... Адъ и черти! Я уже расправилъ было локоть и собирался впихнуть жалкіе остатки въ проходную кишку... Расправа коротка: или подавай серебро, монастырскую казну и всѣ свѣтлые талерчики, или... Мои молодцы меня поняли сразу. Словомъ, монастырь доставилъ мнѣ слишкомъ тысячу талеровъ чистыми деньгами и возможность сыграть съ нимъ шутку въ придачу. Что же касается моихъ малыхъ, то они оставили его обитательницамъ такіе сувенирчики, которые онѣ протаскаютъ цѣлые девять мѣсяцевъ.

Рацманъ *(топнувъ ногою)*. Разрази меня громъ, почему меня тамъ не было!

Шпигельбергъ. Вотъ видишь! Говори послѣ того, что это не жизнь! А вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣжѣешь, и сильнѣе становишься, и тѣло у тебя толстѣетъ себѣ, какъ поповское брюхо. Не знаю, а во мнѣ есть нѣчто магнетическое, что всѣхъ мошенниковъ со всего божьяго свѣта такъ и притягиваетъ, какъ сталь и желѣзо.

Рацманъ. Нечего сказать, славный магнитъ! Но, чортъ меня побери, хотѣлось бы мнѣ знать, какимъ это ты колдовствомъ...

Шпигельбергъ. Колдовствомъ? что тутъ за колдовство! голова, братецъ, голова, да немного практической сноровки, которую, конечно, не выѣшь въ кашѣ. Видишь ли, я всегда говорю: честнаго человѣка сдѣлаешь ты изъ всякаго пшеничнаго колоса, но для тонкаго плута и каши мало! Тутъ нужно немного и національнаго генія, и, такъ-сказать, плутовскаго климата. Съѣзди-ка, совѣтую тебѣ, въ Граубюнденъ—это истинныя Аѳины теперешнихъ плутовъ.

Рацманъ. Братъ! мнѣ хвалили Италію.

Шпигельбергъ. Да, да! не будемъ ни отъ кого отнимать правъ. Италія имѣетъ тоже своихъ молодцовъ, но и Германія, если только пойдетъ по той же дорогѣ и броситъ совершенно Библію, что ужъ можно предполагать по блестящему началу, то, современемъ, можетъ и изъ Германіи выйти кое-что путное. Вообще, долженъ я сказать тебѣ, что климатъ мало содѣйствуетъ развитію талантовъ; геній вездѣ находитъ себѣ почву, а все прочее, братецъ... самъ знаешь, изъ простого яблока и въ раю не выйдетъ ананаса. Но я продолжаю... На чемъ бишь я остановился?

Рацманъ. На тонкихъ штукахъ.

Шпигельбергъ. Да, точно—на тонкихъ штукахъ. Во-первыхъ, когда приходишь въ какой-нибудь городъ, сейчасъ разнюхай у надзорщиковъ за нищими, приставовъ, полицейскихъ и дозорныхъ, кто чаще всего къ нимъ попадался въ лапы, и потомъ отыскивай себѣ молодцовъ. Далѣе—ты гнѣздишься въ кофейняхъ, распутныхъ домахъ, трактирахъ и тамъ щупаешь, высматриваешь, кто больше всѣхъ ругаетъ дешевое время и пять процентовъ, возстаетъ противъ чумы полицейскихъ улучшеній, больше всѣхъ лаетъ на правительство или нападаетъ на физіогномику и тому подобное... Вотъ тутъ-то, братецъ, верхъ искусства! Честность еще шатается, какъ гнилой зубъ—стоитъ только приложить клещи... Или, лучше и проще, ты бросаешь полный кошелекъ прямо на средину улицы, а самъ гдѣ-нибудь прячешься и подмѣчаешь, кто его поднимаетъ. Немного погодя, ты выходишь изъ засады, ищешь, кричишь и спрашиваешь, такъ ми-

Роллеръ.

моходомъ: „не поднимали ли, сударь, кошелька съ деньгами?“ Скажетъ: „да“— чортъ его возьми, ступай мимо; если жъ: „нѣтъ, извините сударь... не припомню... очень сожалѣю...“ тогда—побѣда, братецъ! побѣда! Гаси фонарь, хитрый Діогенъ!—ты нашелъ своего человѣка.

Рацманъ. Да ты обтертый практикъ!

Шпигельбергъ. Богъ мой! какъ-будто я когда-нибудь въ этомъ сомнѣвался. Когда жъ молодецъ будетъ у тебя на удочкѣ, дѣйствуй тонко, чтобъ умѣть его и вытащить. Я тебѣ разскажу, какъ я поступалъ въ подобныхъ случаяхъ. Я приставалъ къ своему кандидату, какъ репейникъ, пилъ съ нимъ брудершафтъ... Nota-bene, угощай его на свой счетъ. Конечно, это будетъ тебѣ кой-чего стоить; но на это нечего смотрѣть. Далѣе, ты вводишь его въ игорные дома и къ распутнымъ людямъ; завлекаешь его въ драки, запутываешь въ разныя продѣлки до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ банкротомъ въ силѣ, деньгахъ, совѣсти и въ добромъ имени, потому что, между прочимъ, будь сказано, ничего не сдѣлаешь, не испортивъ сперва души и тѣла. Повѣрь мнѣ, братецъ! Я это разъ пятьдесятъ испыталъ, въ продолженіе моей огромной практики: если честнаго человѣка вспугнуть разъ съ гнѣзда— онъ чортовъ братъ. Переходъ такъ легокъ, о, такъ легокъ, какъ скачекъ отъ дѣвки къ святошѣ. Но, чу! что это за трескъ?

Рацманъ. Громъ гремитъ. Продолжай.

Шпигельбергъ. Еще лучше и ближе къ цѣли—обдери молодца, какъ липку, такъ, чтобы у него рубахи не осталось на тѣлѣ: тогда, повѣрь, онъ самъ придетъ къ тебѣ. Ужъ меня гдѣ учить, дружище! Спроси-ка лучше эту мѣдную рожу... Чортъ возьми! его я знатно поддѣлъ: обѣщалъ ему сорокъ дукатовъ, если сдѣлаетъ мнѣ восковой слѣпокъ съ ключа его хозяина... Что-жъ ты думаешь?—бестія вѣдь дѣлаетъ, приноситъ мнѣ, чортъ меня побери, ключъ и требуетъ денегъ. „Мусье, говорю я ему, а какъ я съ этимъ ключомъ да пойду въ полицію и найму тебѣ квартиру на висѣлицѣ?“ Тысячу дьяволовъ! Нужно было видѣть, какъ малый выпучилъ глаза и задражалъ, какъ мокрый пудель. „Ради Бога, смилуйтесь, сударь! я хочу... хочу...“—„Чего ты хочешь? Хочешь ты подобрать вверхъ косицу и итти со мной къ чорту?“—„О, отъ всего сердца! съ большимъ удовольствіемъ!“ Ха, ха, ха! Любезный, саломъ ловятъ мышей. Да смѣйся же надъ нимъ, Рацманъ! Ха, ха, ха!

Рацманъ. Да, да, признаюсь. Золотыми буквами запишу я у себя на мозгу твою лекцію. Видно, сатана знаетъ людей, что сдѣлалъ тебя своимъ маклеромъ.

Шпигельбергъ. Право, дружище? и я думаю, что если я представлю ему десятокъ, онъ оставитъ меня въ покоѣ. Вѣдь даритъ же издатель своему коммиссіонеру десятый экзем-

пляръ, такъ съ какой же стати послѣ этого чорту скупиться, какъ жиду? Рацманъ, я чую порохъ.

Рацманъ. Чортъ возьми!—и я также. Берегись, здѣсь неподалеку что-нибудь да не такъ! Да, да, ужъ говорю тебѣ, Морицъ, что ты съ своими рекрутами будешь прямой находкой для атамана. Онъ также заманилъ себѣ бравыхъ молодцовъ.

Шпигельбергъ. Но мои, мои...

Рацманъ. Что правда, то правда! и у твоихъ, можетъ быть, славные пальчики; но, говорю тебѣ, слава нашего атамана ужъ многихъ честныхъ малыхъ привела въ искушеніе.

Шпигельбергъ. Ты ужъ чего не наскажешь.

Рацманъ .Кромѣ шутокъ! И они не стыдятся служить подъ его начальствомъ. Онъ грабитъ не для добычи, какъ мы. О деньгахъ онъ и не заботится съ тѣхъ поръ, какъ можетъ имѣть ихъ сколько душѣ угодно; и даже свою треть добычи, которая слѣдуетъ ему по праву, отсылаетъ въ сиротскіе дома или употребляетъ на образованіе подающихъ надежды юношей. Но если придется ему пустить кровь помѣщику, который деретъ шкуру съ крестьянъ своихъ, или проучить бездѣльника въ золотыхъ галунахъ, который толкуетъ вкривь законы и серебритъ глаза правосудію, или другого какого-нибудь господчика той же масти —тутъ, братецъ, онъ въ своей стихіи, и чертовски хозяйничаетъ, какъ будто каждая жилка въ немъ становится фуріей.

Шпигельбергъ. Гм! гм!

Рацманъ. Недавно, въ корчмѣ, узнали мы, что будетъ проѣзжать богатый графъ изъ Регенсбурга, выигравшій процессъ въ милліонъ плутнями своего адвоката. Онъ сидѣлъ за столомъ и игралъ. „Сколько насъ?“ спросилъ онъ меня, поспѣшно вставая. Я видѣлъ, какъ онъ закусилъ нижнюю губу, что у него бываетъ, когда онъ въ сильномъ гнѣвѣ. „Пятеро“, отвѣчалъ я. „Довольно!“ сказалъ онъ, бросилъ хозяйкѣ деньги на столъ, оставивъ поданное вино невыпитымъ—и мы отправились. Во всю дорогу онъ не вымолвилъ ни слова, ѣхалъ стороной и одинъ, и только по временамъ спрашивалъ—не видать ли проѣзжихъ, да приказывалъ намъ иногда прикладывать ухо къ землѣ. Наконецъ видимъ: ѣдетъ нашъ графъ въ тяжело-нагруженной каретѣ, вмѣстѣ съ своимъ адвокатомъ, со всадникомъ впереди и двумя лакеями по бокамъ. Вотъ тутъ бы посмотрѣлъ на него, какъ онъ, съ пистолетомъ въ каждой рукѣ, подскакалъ одинъ къ каретѣ и громко закричалъ: „стой!“ Кучеръ, не хотѣвшій видно стоять, полетѣлъ кувыркомъ съ козелъ; графъ выстрѣлилъ изъ кареты на воздухъ; всадники—давай Богъ ноги. „Твои деньги, каналья!“ закричалъ онъ громовымъ голосомъ—и графъ легъ, какъ быкъ подъ обухомъ. „А! это ты, бездѣльникъ, дѣлаешь справедливость продажной дѣвкой?“ У адвоката зубы щелкали со страха. Кинжалъ вонзился ему въ животъ, какъ жердь въ виноградникъ. „Я сдѣлалъ свое!“ вскричалъ онъ, и гордо отворотился отъ насъ: „грабежъ—ваше дѣло!“ И онъ исчезъ въ лѣсу.

Шпигельбергъ. Гм! Гм! Послушай-ка, братъ, что я тебѣ сейчасъ расказывалъ—останется между нами: ему всего не нужно знать. Понимаешь?

Рацманъ. Хорошо, хорошо, понимаю.

Шпигельбергъ. Ты вѣдь знаешь его. У него есть свои странности. Понимаешь?

Рацманъ. Понимаю, понимаю.

Шварцъ *вбѣгаетъ, запыхавшись.*

Рацманъ. Что ты? что тамъ такое? Проѣзжіе въ лѣсу?

Шварцъ. Скорѣй, скорѣй! гдѣ наши? Тысячу чертей! Вы стоите здѣсь да болтаете? да знаете ли вы!.. Такъ вы ничего не знаете? Вѣдь, Роллеръ...

Рацманъ Что съ нимъ? что съ нимъ?

Шварцъ. Роллеръ повѣшенъ, и еще четверо другихъ.

Рацманъ. Роллеръ. Чортъ возьми! когда!—почему ты это знаешь?

Шварцъ. Ужъ три недѣли, какъ онъ сидитъ, а мы ничего не знаемъ: три раза его водили къ допросу, а мы ничего не слышимъ; его пыткой допрашивали, гдѣ атаманъ?—лихой парень не выдалъ. Вчера было послѣднее засѣданіе, а нынче утромъ онъ по экстра-почтѣ отправился къ дьяволу.

Рацманъ. Проклятіе! Знаетъ атаманъ?

Шварцъ. Только вчера узналъ. Онъ бѣсится, какъ дикій вепрь. Ты знаешь, онъ болѣе всѣхъ благоволилъ къ Роллеру... притомъ же эта пытка... Канатъ и лѣсница были уже у башни—не помогли. Онъ самъ, въ капуцинской рясѣ, прокрался къ нему и хотѣлъ помѣняться съ нимъ платьемъ. Роллеръ упрямо отказался. Теперь онъ далъ клятву—такъ что у насъ дрожь пробѣжала по тѣлу—засвѣтить ему погребальный факелъ, какого еще не было ни у одного короля. Мнѣ страшно за городъ. Онъ ужъ давно у него на зубу за свое срамное хан-

жество; а ты знаешь, какъ онъ скажетъ: „я сдѣлаю!“ то это все равно, если бы кто-нибудь изъ насъ ужъ сдѣлалъ.

Рацманъ. Это правда: я знаю атамана. Когда ужъ онъ даетъ сатанѣ слово итти въ адъ, то не станетъ молиться, хоть бы и половина „Отче нашъ“ могла спасти его. Но бѣдный Роллеръ! бѣдный Роллеръ.

Шпигельбергъ. Memento mori! Мнѣ до него нѣтъ дѣла. (*Поетъ*).

Я мыслю, если ненарокомъ
Наткнусь на висѣлицу я:
Ты, братъ, висишь здѣсь одиноко —
Кто жъ въ дуракахъ, ты или я?

Рацманъ (*Вспрыгивая*). Чу! выстрѣлъ! (*Выстрѣлы и шумъ*).

Шпигельбергъ. Другой!

Рацманъ. Третій! Атаманъ!

(*За сценою слышна пѣсня*):

Нюренбергцамъ насъ повѣсить
Не придется никогда!

Швейцеръ и Роллеръ (*за сценою*). Эй, вы! го-го!

Рацманъ. Роллеръ! Роллеръ! тысячу чертей меня побери!

Швейцеръ и Роллеръ (*за сценою*). Рацманъ! Шварцъ! Шпигельбергъ! Рацманъ!

Рацманъ. Роллеръ! Швейцеръ! Громъ и молнія! (*Бѣгутъ ему навстрѣчу*).

Разбойникъ-Мооръ *верхомъ; за нимъ* Швейцеръ, Роллеръ, Гриммъ, Шуфтерле и толпа разбойниковъ *входятъ покрытые грязью и пылью.*

Разбойникъ-Мооръ (*спрыгивая съ лошади*). Свобода! свобода! Ты спасенъ, Роллеръ. Отведи моего коня, Швейцеръ, да вымой его виномъ. (*Бросается на землю*). Ну, было жарко!

Рацманъ (*Роллеру*). Ради горнила Плутона, съ колеса воскресъ ты, что ли?

Шварцъ. Ты духъ его? Или я сталъ дуракомъ, или это ты въ самомъ дѣлѣ?

Роллеръ (*запыхавшись*). Это я. Живъ. Цѣлъ. Какъ думаешь, откуда я теперь прихожу къ вамъ?

Шварцъ. А вѣдьмы тебя знаютъ! Вѣдь мы ужъ совсѣмъ тебя отпѣли.

Роллеръ. Еще бы! Я сорвался прямо съ висѣлицы. Вотъ спроси у Швейцера. Дайте мнѣ стаканъ водки. И ты здѣсь, Морицъ? Я уже полагалъ увидѣться съ тобою на томъ свѣтѣ. Дадите ли вы мнѣ водки: меня всего разломило. О, мой атаманъ! Гдѣ мой атаманъ?

Шварцъ. Сейчасъ! сейчасъ! да говори же, разсказывай, какъ ты улизнулъ оттуда? какъ ты опять съ нами? Голова у меня идетъ кругомъ... Съ висѣлицы, говоришь ты?

Роллеръ (*выпиваетъ бутылку водки*). Охъ, славно! Какъ зажгло! Прямо съ висѣлицы, говорю вамъ. Что вы стоите да зѣваете?—я былъ всего въ трехъ шагахъ отъ лѣстницы, по которой долженъ былъ взойти въ лоно Авраамово... такъ близко, такъ близко... Словомъ, я былъ уже совсѣмъ запроданъ въ анатомическій кабинетъ, съ костьми и кожей—и ты могъ бы сторговать мою жизнь за щепотку табаку. Атаману обязанъ я воздухомъ, свободой и жизнью.

Швейцеръ. Это была знатная штука, братцы, о которой стоитъ разсказывать! За день узнали мы только черезъ нашихъ шпіоновъ, что Роллеру приходится туго, и если небо не обвалится въ этотъ день, то онъ завтра же, то-есть—сегодня, послѣдуетъ по пути всей плоти. „Ребята!“ сказалъ атаманъ: „нѣтъ ничего слишкомъ большого для друга! Спасемъ ли мы его или нѣтъ, но засвѣтимъ, по крайней мѣрѣ, ему погребальный факелъ, какого еще не было ни у одного короля!“ Собралась вся шайка. Мы шлемъ къ нему нарочнаго—и тотъ въ записочкѣ, которую успѣлъ подбросить ему въ супъ, извѣщаетъ его обо всемъ.

Роллеръ Я отчаивался въ успѣхѣ.

Швейцеръ. Мы выждали время, пока опустѣютъ проходы. Весь городъ такъ и валилъ къ мѣсту казни; всадники, пѣшеходы и экипажи—все перемѣшалось. Шумъ, крикъ, пѣніе псалмовъ далеко раздавались. „Теперь“, сказалъ атаманъ, „зажигай“. Малые пустились, какъ стрѣлы, зажгли городъ разомъ съ тридцати трехъ концовъ, бросили зажженные фитили къ пороховымъ погребамъ, церквамъ и амбарамъ... Morbleu! не прошло и четверти часа, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, который также, вѣроятно, косился на городъ, словно помогъ намъ и метнулъ пламя на самыя верхушки. Между тѣмъ, мы бѣгаемъ изъ улицы въ улицу, какъ фуріи, и кричимъ на весь городъ: „пожаръ, пожаръ!“ Вой, крикъ, стукотня; гудитъ набатъ. Наконецъ, пороховой погребъ взлетаетъ на воздухъ: казалось, земля лопнула пополамъ и небо распалось на части, а адъ ушелъ еще глубже на десять тысячъ саженъ.

Роллеръ. Мой конвой оглянулся назадъ: весь городъ горѣлъ, какъ Содомъ и Гоморра. Горизонтъ въ огнѣ; дымъ валитъ клубами; тысяча горъ повторяетъ адскій грохотъ. Паническій страхъ овладѣваетъ всѣми. Тутъ я, пользуясь минутой, мигомъ сбрасываю съ шеи проклятую петлю. Ужъ до того доходило, братцы! Вижу, всѣ окаменѣли, какъ Лотова жена. Я рванулся—да черезъ толпу, да тягу. Отбѣгаю эдакъ шаговъ на шестьдесятъ, сбрасываю съ себя платье, бросаюсь въ рѣку и плыву подъ водою до тѣхъ поръ, пока не скрываюсь у нихъ изъ вида. Мой атаманъ—тутъ какъ тутъ съ лошадьми и платьемъ. Товарищи, вотъ какъ я спасся. Мооръ! Мооръ! дай Богъ тебѣ поскорѣе попасться въ такой же омутъ, чтобъ мнѣ можно было отплатить тебѣ тѣмъ же.

Рацманъ. Шельмовское желаніе, за которое тебя стоитъ повѣсить. Тѣмъ не менѣе это была уморительная штука.

Роллеръ. Это была истинная помощь въ нуждѣ: вамъ ее не оцѣнить. Для этого надо—съ петлею на шеѣ, какъ я—заживо прогуляться къ могилѣ. А эти ужасныя приготовленія, эти отвратительныя церемоніи, причемъ съ каждымъ шагомъ, на который становятъ тебя дрожащія ноги, проклятая машина, на которой скоро отведутъ тебѣ квартиру, все ближе и ближе возстаетъ передъ тобою въ лучахъ восходящаго солнца! А поджидающіе палачи! а ужасная музыка, которая еще до сихъ поръ гремитъ въ ушахъ моихъ! а карканье проголодавшихся вороновъ, сидѣвшихъ десятками на моемъ полусгнившемъ предшественникѣ? Это все... все... и сверхъ того еще предвкушеніе того блаженства, которое цвѣтетъ для насъ на томъ свѣтѣ. Братцы, братцы! и послѣ всего этого вдругъ лозунгъ свободы. Это былъ сладкій звукъ, какъ будто на небесной бочкѣ лопнулъ невидимый обручъ. Слушайте, канальи! Увѣряю васъ, что если ы мнѣ пришлось изъ раскаленной печи выпрыгнуть въ холодную, какъ ледъ, воду—переходъ былъ бы слабѣе того, который я почувствовалъ на другомъ берегу.

Шпигельвергъ *(громко хохоча)*. Бѣдняга! пропотѣлъ же онъ не на шутку. *(Пьетъ)*. Съ счастливымъ возрожденіемъ!

Роллеръ *(бросаетъ стаканъ)*. Нѣтъ, клянусь всѣми сокровищами Маммона, я не захотѣлъ бы переиспытать всего этого во второй разъ. Смерть не прыжокъ арлекина; а предсмертныя муки еще ужаснѣе самой смерти.

Шпигельвергъ. Вотъ она, взорванная башня... Смекаешь теперь, Рацманъ?—отого-то цѣлый часъ такъ и пахло кругомъ сѣрой, какъ будто провѣтривался весь гардеробъ Молоха. Это была геніальная штука, атаманъ! Я завидую ей.

Швейцеръ. Если весь городъ могъ радоваться при видѣ, какъ дорѣзываютъ нашего товарища, будто затравленнаго кабана, намъ и подавно нечего совѣститься того, что мы пожертвовали городомъ изъ любви къ товарищу. Къ тому же нашимъ ребятамъ представлялся славный случай поживиться на счетъ казны. Ну, говорите же, что вы тамъ успѣли подтибрить?

Одинъ изъ шайки. Во время суматохи я пробрался въ церковь святого Стефана и споролъ бахрому съ покрова алтаря. Господь Богъ богатъ, подумалъ я, и можетъ соткать золото изъ простой веревки.

Швейцеръ. И прекрасно сдѣлалъ!—къ чему этотъ вздоръ въ церкви? Его тащатъ Творцу, который смѣется надъ хламомъ, а люди между тѣмъ голодаютъ. А ты, Шпангелеръ?—куда ты закинулъ сѣти?

Второй. Мы съ Бюгелемъ обобрали лавку и притащили разныхъ матерій: человѣкъ на пятьдесятъ будетъ довольно.

Третій. Я спроворилъ двое золотыхъ часовъ, да дюжину серебряныхъ ложекъ.

Швейцеръ. Хорошо, хорошо. А мы имъ удрали нѣчто такое, чего они не потушатъ и въ сорокъ дней. Чтобъ справиться съ огнемъ, имъ нужно будетъ затопить городъ водою. Не знаешъ ли, Шуфтерле, сколько погибло народу?

Шуфтерле. Восемьдесятъ три человѣка, говорятъ. Одна башня перебила ихъ человѣкъ около шестидесяти.

Мооръ *(мрачно)*. Роллеръ, ты дорого намъ обошелся!

Шуфтерле. Вотъ бѣда! Добро бы это были еще мужчины, а то по большей части грудные младенцы, золотившіе простыни, сгорбленныя старухи, сгонявшія съ нихъ мухъ, зачерствѣвшіе лежебоки, не могшіе уже болѣе находить дверей; больные, жалобно призывавшіе доктора, который важной рысью слѣдовалъ за процессіей. Всѣ, у кого только были здоровыя ноги, выползли посмотрѣть на комедію, а дома оставались только одни подонки города.

Мооръ. О, бѣдныя, безпомощныя созданья. Больные, говоришь ты, старики и дѣти?

Шуфтерле. Да, чортъ возьми! да няньки, да беременныя женщины, которыя видно

Шуфтерле.

побоялись, чтобъ не выкинуть подъ самой висѣлицей или, заглядѣвшись на привлекательное зрѣлище, не наклеймить еще въ материнскомъ чревѣ висѣлицы на горбы своимъ ребятамъ, да бѣдные поэты, у которыхъ не было башмаковъ, потому что единственную свою пару отдали въ починку— и тому подобная сволочь, о которой и говорить-то не стоитъ. Проходя мимо одного домишка, я услышалъ пискъ: смотрю— и, при свѣтѣ пламени, что же вижу? Ребеночекъ, да такой свѣженькій, здоровенькій, лежитъ на полу подъ столомъ, который уже начиналъ загораться. „Бѣдный звѣречекъ! ты озябнешь здѣсь", сказалъ я—и бросилъ его въ огонь.

Мооръ. Въ самомъ дѣлѣ, Шуфтерле? Такъ пусть же это пламя бушуетъ въ груди твоей до тѣхъ поръ, пока не посѣдѣетъ сама вѣчность! Прочь, чудовище! Не показывайся болѣе въ моей шайкѣ! Вы ропщете?—разсуждаете? Кто смѣетъ разсуждать, когда я приказываю? Прочь, говорю я. Между вами многіе уже созрѣли для моего гнѣва. Я знаю тебя, Шпигельбергъ! Но я скоро явлюсь среди васъ и сдѣлаю страшную перекличку. (*Всѣ съ трепетомъ уходятъ*).

Мооръ

(*одинъ, быстро ходитъ взадъ и впередъ*).

Не внимай имъ, Мститель небесный! Я не виноватъ въ этомъ! Виноватъ ли Ты, если посланный тобою моръ, голодъ, потопы пожираютъ праведника вмѣстѣ съ злодѣемъ? Кто запретитъ пламени бушевать въ благословенной жатвѣ, когда ему назначено выжечь гнѣзда саранчи? Дѣтоубійство! убійство женщинъ! Какъ тяготятъ меня всѣ эти злодѣянія! Они отравили мои лучшія дѣла. И вотъ стоитъ ребенокъ, пристыженный и осмѣянный, передъ окомъ Неба за то, что осмѣлился играть палицей Юпитера, и поборолъ пигмеевъ, когда долженъ былъ низвергнуть титановъ. Нѣтъ, нѣтъ! не тебѣ править мстительнымъ мечемъ верховнаго судилища. Ты палъ при первой попыткѣ. Я отказываюсь отъ дерзновеннаго плана. Пойду и скроюсь гдѣ-нибудь въ трущобѣ, гдѣ свѣтъ дневной отпрянетъ навсегда отъ моего срама. (*Хочетъ итти*).

Нѣсколько разбойниковъ, *вбѣгая поспѣшно.*

Атаманъ, здѣсь нечисто! Цѣлыя толпы богемскихъ драгунъ разъѣзжаютъ въ лѣсу.

Еще разбойники.

Атаманъ, атаманъ! Солдаты напали на слѣдъ нашъ: нѣсколько тысячъ оцѣпило лѣсъ.

Еще разбойники.

Бѣда! бѣда! Мы пойманы, переколесованы, перевѣшаны! Нѣсколько тысячъ гусаръ, драгунъ и егерей скачутъ по опушкѣ и занимаютъ всѣ проходы. (*Мооръ уходитъ*).

Швейцеръ. Гриммъ. Роллеръ. Шварцъ. Шуфтерле. Шпигельбергъ. Рацманъ. Толпа разбойниковъ.

Швейцеръ. Ну, подняли жъ мы ихъ съ пуховиковъ! Да радуйся же, Роллеръ! Мнѣ ужъ давно хотѣлось подраться съ этими дармоѣдами. Гдѣ атаманъ? Собралась ли вся шайка! Вѣдь у насъ довольно пороху?

Рацманъ. Пороху-то цѣлая пропасть; но насъ всего только восемьдесятъ: стало быть, на одного придется ихъ двадцать.

Швейцеръ. Тѣмъ лучше! Пусть ихъ будетъ хоть пятьдесятъ противъ моего большого пальца. Вѣдь ждали жъ, бестіи, до тѣхъ поръ, пока мы не подожгли у нихъ перинъ подъ задницей. Братцы, братцы! это еще не велика бѣда. Они продаютъ свою жизнь за десять крейцеровъ: мы будемъ драться за свои головы и свободу! Мы грянемъ на нихъ потокомъ и разразимся надъ ними зарницей. Да гдѣ же, чортъ возьми, атаманъ?

Шпигельбергъ. Онъ оставляетъ насъ въ нуждѣ. Да нельзя ли намъ дать тягу?

Швейцеръ. Дать тягу?

Шпигельбергъ. Охъ! зачѣмъ не остался я въ Іерусалимѣ!

Швейцеръ. Чтобъ тебѣ утопиться въ грязи, поганая душенка! Среди беззащитныхъ ты, небось, храбръ, а увидѣлъ два кулака, такъ и труса празднуешь. Покажи себя теперь, а то зашьемъ тебя въ свиную шкуру и затравимъ собаками.

Рацманъ. Атаманъ! атаманъ!

Мооръ *входитъ*.

Мооръ *(про себя)*. Я допустилъ окружить себя со всѣхъ сторонъ. Мы должны теперь драться, какъ отчаянные. *(Громко)*. Ребята! мы погибли, если не станемъ драться, какъ разъяренные вепри.

Швейцеръ. Я пальцами распорю имъ брюхо, такъ что кишки у нихъ на аршинъ повылѣзутъ! Веди насъ, атаманъ! Мы пойдемъ за тобой въ самую пасть смерти.

Мооръ. Зарядить всѣ ружья! Довольно ли у насъ пороху?

Швейцеръ *(вспрыгивая)*. Пороху довольно—хоть взрывай землю до луны.

Рацманъ. На каждаго брата есть по пяти паръ заряженныхъ пистолетовъ, да по три ружья на придачу.

Мооръ. Хорошо, хорошо! Теперь пусть одна часть взлѣзетъ на деревья, или спрячется въ чащу и встрѣтитъ ихъ мѣткимъ огнемъ изъ засады.

Швейцеръ. Это по твоей части, Шпигельбергъ.

Мооръ. А мы, между тѣмъ, какъ фуріи, нападемъ на ихъ фланги.

Швейцеръ. А вотъ это по моей!

Мооръ. Пусть всякій изъ васъ свищетъ, гаркаетъ, стукаетъ по лѣсу, чтобъ число наше показалось имъ страшнѣе. Спустить также всѣхъ собакъ и натравить на этихъ молодцовъ, чтобы разсѣять ихъ и подвести подъ ваши выстрѣлы. Мы трое—Роллеръ, Швейцеръ и я—будемъ во время этой суматохи рубить направо и налѣво.

Швейцеръ. Славно, чудесно! Мы ихъ такъ ошеломимъ, что они не будутъ знать, откуда на нихъ сыплются оплеухи. Я, бывало, вишни изо-рта вонъ выстрѣливалъ. Пусть только придутъ. *(Шуфтерле дергаетъ Швейцера за полу; тотъ отводитъ атамана и тихо говоритъ съ нимъ)*.

Мооръ. Молчи!

Швейцеръ. Прошу тебя...

Мооръ. Прочь! Благодари онъ собственный стыдъ за свое спасеніе. Онъ не долженъ умереть, когда я и мой Швейцеръ, и мой Роллеръ умираемъ. Пусть онъ снимаетъ свое платье; я скажу, что онъ путешественникъ, что я его ограбилъ. Будь покоенъ, Швейцеръ: клянусь тебѣ—не нынче, такъ послѣ, а онъ будетъ повѣшенъ.

Патеръ *входитъ*.

Патеръ *(про себя, озираясь)*. Здѣсь что ли гнѣздо дракона? Съ позволенія вашего, государи мои, я служитель Божій, а вблизи стоитъ тысяча семьсотъ человѣкъ, отвѣчающихъ за каждый волосъ на головѣ моей.

Швейцеръ. Браво! браво! Славное начало, чтобъ не простудить себѣ желудка.

Мооръ. Молчи, товарищъ! Скажите коротко, господинъ патеръ, что вамъ угодно?

Патеръ. Я присланъ отъ высокомощнаго правительства, властнаго даровать жизнь и осудить на смерть; вы же—воры, грабители, шельмы, ядовитыя ехидны, пресмыкающіяся во тьмѣ и жалящія исподтишка, отстой человѣчества, адово отродье, снѣдь для вороновъ и гадовъ, колонія для висѣлицы и колеса...

Швейцеръ. Собака! перестанешь ли ты ругаться? или... *(приставляетъ ему прикладъ къ самому лицу)*.

Мооръ. Стыдись, Швейцеръ! Ты сбиваешь его съ толку. Онъ такъ славно выучилъ наизусть свою проповѣдь. Продолжайте, господинъ патеръ! И такъ—„для висѣлицы и колеса“?

Патеръ. А ты, хитрый атаманъ, князь убійцъ, король воровъ, великій моголъ всѣхъ плутовъ подъ солнцемъ, совершенное подобіе того первороднаго возмутителя, распалившаго пламенемъ бунта тысячи легіоновъ невинныхъ ангеловъ и вовлекшаго ихъ вмѣстѣ съ собою въ бездонный омутъ проклятія! Вопли оставленныхъ матерей несутся по стопамъ твоимъ; ты пьешь кровь, какъ воду; люди для твоего смертоноснаго кинжала вѣсятъ легче пузыря.

Мооръ. Правда, совершенная правда! Что жъ дальше?

Патеръ. Какъ?—правда, совершенная правда? Развѣ это отвѣтъ?

Мооръ. Видно вы къ этому не приготовились, господинъ патеръ? Дальше, дальше, дальше! что вы еще намъ скажете?

Патеръ *(разпорячившись)*. Ужасный человѣкъ, отстранись отъ меня! Не запеклась ли кровь убитаго рейхсграфа на твоихъ проклятыхъ пальцахъ? Не ты ли вломился въ святилище Господне и воровскими руками укралъ священные сосуды? Не ты ли внесъ пожаръ въ нашъ богобоязненный городъ? Не ты ли обрушилъ пороховую башню на головы добрыхъ христіанъ? *(Всплеснувъ руками)*. Страшныя, страшныя злодѣйства, громко вопіющія къ небу и ускоряющія страшный судъ, созрѣлыя для возмездія, для послѣднихъ звуковъ призывной трубы...

Мооръ. До сихъ поръ великолѣпно сказано! Но къ дѣлу! Что же возвѣщаетъ мнѣ черезъ васъ высокопочтенный магистратъ?

Патеръ. То, чего ты не достоинъ воспріять. Осмотрись, грабитель! куда ни обратится твое око, всюду ты окруженъ нашими всадниками. Нѣтъ болѣе средствъ къ побѣгу. Какъ справедливо то, что на этихъ дубахъ растутъ вишни и зрѣютъ

персики на соснахъ, точно такъ справедливо и то, что вы здраво и невредимо выйдете изъ этого лѣса.

Мооръ. Слышишь, Швейцеръ? Дальше!

Патеръ. Такъ слушай же, какъ милосердно, какъ сострадательно обходится судъ съ злодѣемъ: если ты тотчасъ же, поползешь къ кресту и станешь молить о милосердіи и пощадѣ, строгость станетъ состраданіемъ, правосудіе—любящею матерью. Оно закроетъ око на половину твоихъ преступленій и ограничится—подумай только!—ограничится однимъ колесованіемъ.

Швейцеръ. Слышишь, атаманъ? Не сдавить ли горла этой облѣзлой собакѣ такъ, чтобы красный сокъ брызнулъ изъ всѣхъ поръ его тѣла?

Роллеръ. Атаманъ! Адъ, громъ и молнія! Атаманъ! Ишь какъ онъ закусилъ нижнюю губу! Не вздернуть ли мнѣ эту скотину, знаешь, эдакъ повыше?

Швейцеръ. Мнѣ! мнѣ! на колѣняхъ прошу тебя, меня подари наслажденіемъ раздавить, растереть въ пыль эту гадину! (*Патеръ кричитъ*).

Мооръ. Прочь отъ него! Никто не смѣй до него дотронуться! (*Вынимаетъ саблю и обращается къ патеру*). Видите ли, господинъ патеръ! здѣсь семьдесятъ девять человѣкъ и я, ихъ атаманъ. Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ обращаться въ бѣгство по командѣ, или плясать подъ пушечную музыку; а тамъ у опушки, стоитъ тысяча семьсотъ человѣкъ, посѣдѣлыхъ подъ ружьемъ; но выслушайте, что скажетъ вамъ Мооръ, атаманъ воровъ и грабителей. Правда, я убилъ рейхсграфа, поджогъ и разграбилъ доминиканскую церковь, внесъ пламя въ вашъ лицемѣрный городъ и обрушилъ пороховую башню на головы добрыхъ христіанъ; но это еще не все. Я еще болѣе сдѣлалъ. (*Протягиваетъ правую руку*). Видите вы эти четыре драгоцѣнные перстня у меня на пальцахъ?—Ступайте же и донесите слово въ слово высокопочтенному судилищу на жизнь и на смерть то, что увидите и услышите. Этотъ рубинъ снялъ я съ пальца одного министра, котораго замертво положилъ на охотѣ къ ногамъ его государя. Онъ изъ черни лестью дополъзъ до степени любимца; паденіе предшественника было для него ступенью къ почестямъ; слезы сиротъ возвысили его. Этотъ алмазъ снялъ я съ одного коммерціи совѣтника, продававшаго почетныя мѣста и должности тѣмъ, кто больше давалъ, и отгонявшаго отъ дверей своихъ скорбящаго патріота. Этотъ агатъ ношу я въ честь одного попа, одной масти съ вами, котораго я повѣсилъ собственными руками за то, что онъ на каѳедрѣ, передъ всѣмъ приходомъ, плакалъ объ упадкѣ инквизиціи. Я могъ бы разсказать еще болѣе исторій о своихъ перстняхъ, если бы не раскаялся и въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, которыя напрасно потерялъ съ вами.

Патеръ. О, Фараонъ! Фараонъ!

Мооръ. Слыхали ль? Замѣтили ль его вздохъ? Взгляните—онъ стоитъ, какъ-будто хочетъ созвать всѣ огни небесные на шайку нечестивыхъ, осуждаетъ пожатіемъ плечъ, проклинаетъ однимъ христіанскимъ вздохомъ. Неужели человѣкъ можетъ до того ослѣпнуть! Онъ, у кого есть сто аргусовыхъ глазъ подмѣчать пятна на своемъ братѣ, можетъ ли онъ стать до того слѣпымъ къ самому себѣ? Громовымъ голосомъ проповѣдуютъ они смиренномудріе и терпѣніе, а сами Богу любви приносятъ въ жертву людей, какъ огнерукому Молоху; поучаютъ любви къ ближнему и гонятъ проклятіями восьмидесятилѣтняго слѣпца отъ своего порога; горячо возстаютъ противъ скупости, а сами опустошили Перу за золотые слитки и запрягли язычниковъ, будто скотовъ, въ свои колесницы. Они ломаютъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ могла природа произвести Іуду Искаріота, а между тѣмъ и не самые худшіе изъ нихъ съ радостію бы продали триединаго Бога за десять серебреников. О, вы фарисеи, вы исказители правды, вы обезьяны божества! И вы не страшитесь преклонять колѣна предъ крестомъ и алтарями, терзать ваши ребра ремнемъ и постами убивать плоть! И вы думаете всѣмъ этимъ жалкимъ паясничествомъ пустить пыль въ глаза Тому, Кого вы сами же, глупцы, называете Всевѣдующимъ, ну точно имѣете дѣло съ тѣми великими и сильными, надъ которыми всего злѣе насмѣхаешься, когда, льстя и ползая передъ ними, увѣряешь, что они ненавидятъ льстецовъ. Вы толкуете про честность и непорочное житіе, между тѣмъ какъ Богъ, видящій насквозь сердца ваши, прогнѣвался бы на вашего Создателя, если бъ только не онъ самъ создалъ нильское чудовище! Прочь съ глазъ моихъ!

Патеръ. Даромъ что злодѣй, а какой гордый!

Мооръ. Мало съ тебя—такъ я начну говорить съ тобой гордо. Ступай и скажи высокопочтенному судилищу, играющему въ жизнь и смерть: я не воръ, что въ заговорѣ со сномъ и въ полуночь карабкается по лѣ-

стницамъ. Что я сдѣлалъ, то, безъ сомнѣнія, я нѣкогда самъ прочту въ долговой книгѣ Провидѣнія; но съ его жалкими намѣстниками я не хочу терять болѣе словъ. Скажи имъ: мое ремесло—возмездіе, месть—мой промыселъ. *(Отворачивается отъ него).*

Патеръ. Такъ ты отказываешься отъ милосердія и пощады? Хорошо! съ тобой я кончилъ. *(Обращается къ шайкѣ).* Такъ выслушайте хоть вы, что черезъ меня возвѣщаетъ вамъ правосудіе. Если вы сейчасъ же свяжете и выдадите этого закоснѣлаго злодѣя—вамъ простятся до новой вины всѣ ваши злодѣянія; святая церковь съ возобновленной любовью приметъ васъ, заблудшихъ овецъ, въ свои материнскія объятія и всякому изъ васъ будетъ открыта дорога ко всѣмъ почетнымъ должностямъ. *(Съ торжествующею улыбкою).* Ну? что? какъ это кажется вашему Величеству? Смѣлѣй! свяжите его—и передъ вами свобода!

Мооръ. Вы слышали? Поняли? Чего же вы еще медлите? о чемъ задумались? Церковь предлагаетъ вамъ свободу, а вы уже теперь его плѣнники; даритъ вамъ жизнь—и это не пустое хвастовство, потому что вы уже осуждены на смерть; обѣщаетъ вамъ почести и должности, а вашъ жребій, хотя бы вы и остались побѣдителями, все-таки будетъ—позоръ, преслѣдованіе и проклятіе; оно возвѣщаетъ вамъ примиреніе съ небомъ, а вы уже прокляты. Нѣтъ волоса ни на одномъ изъ васъ, который бы избавился отъ ада. И вы еще медлите? еще колеблетесь? Развѣ такъ труденъ выборъ между небомъ и адомъ? Да помогите же, господинъ патеръ!

Патеръ *(про себя)*. Что онъ съ ума спятилъ что ли? *(Громко)*. Ужъ не боитесь ли вы, что это западня, чтобъ только переловить васъ живьемъ? Читайте сами: здѣсь подписано всепрощеніе. *(Даетъ Швейцеру бумагу)*. Сомнѣваетесь ли вы еще?

Мооръ. Вотъ видите ли? Чего жъ вы еще хотите? Собственноручная подпись—это милость свыше всѣхъ предѣловъ. Или вы, можетъ быть, опасаетесь, чтобъ они не измѣнили своему слову, потому что когда-то слыхали, что измѣнникамъ слова не держатъ? О, не бойтесь! Уже одна политика принудитъ ихъ сдержать его, будь оно дано хоть самому сатанѣ. Иначе—кто имъ повѣритъ впередъ? какъ они пустятъ его въ ходъ другой разъ? Я готовъ прозакладывать свою голову, что они васъ не обманываютъ. Они знаютъ, что я одинъ васъ возмутилъ и озлобилъ; васъ же они считаютъ невинными. Ваши преступленія они принимаютъ за проступки, заблужденія молодости. Одного меня имъ нужно; одинъ я понесу наказаніе. Такъ, господинъ патеръ?

Патеръ. Какой дьяволъ глаголетъ его устами? Такъ, конечно, конечно такъ! Этотъ малый меня съ ума сводитъ.

Мооръ. Какъ! все нѣтъ отвѣта? Ужъ не думаете ли вы оружіемъ проложить себѣ дорогу? Да посмотрите кругомъ? На это вы ужъ навѣрно не надѣетесь—это было бы дѣтскими мечтами. Или вы надѣетесь пасть

героями, потому что видѣли, какъ я радовался битвѣ? О, выбросьте изъ головы подобныя идеи! Вы не Мооры! Вы—низкіе мошенники, жалкія орудія моихъ великихъ плановъ! Вы презрѣнны, какъ петля въ рукѣ палача! Ворамъ не пасть, какъ падаютъ герои. Жизнь—выигрышъ для воровъ; за ея чертою наступятъ ужасы—и воры правы, что трепещутъ смерти. Слышите, какъ трубятъ ихъ трубы! видите, какъ грозно блещутъ ихъ сабли! Какъ! еще не рѣшаетесь? Съ ума сошли вы, или поглупѣли? Это непростительно! Я не скажу вамъ спасибо за жизнь: я стыжусь вашей жертвы!

Патеръ *(въ чрезвычайномъ удивленіи)*. Я съ ума сойду. Я лучше убѣгу отсюда! Слыханное ли это дѣло?

Мооръ. Или не боитесь ли вы, что я лишу себя жизни и самоубійствомъ уничтожу договоръ, отвѣчающій только за живого? Вашъ страхъ напрасенъ, дѣти! Вотъ, смотрите: я бросаю кинжалъ и пистолеты, и этотъ пузырекъ съ ядомъ, который мнѣ бы годился: я теперь такъ безсиленъ, что даже потерялъ власть надъ собственною жизнью. Что, все еще не рѣшаетесь? Или не думаете ли вы, что я буду защищаться, когда вы примитесь вязать меня? Смотрите! къ этому дубу привязываю я свою правую руку—теперь я беззащитенъ, ребенокъ меня свалитъ. Кто изъ васъ первый оставитъ въ нуждѣ своего атамана?

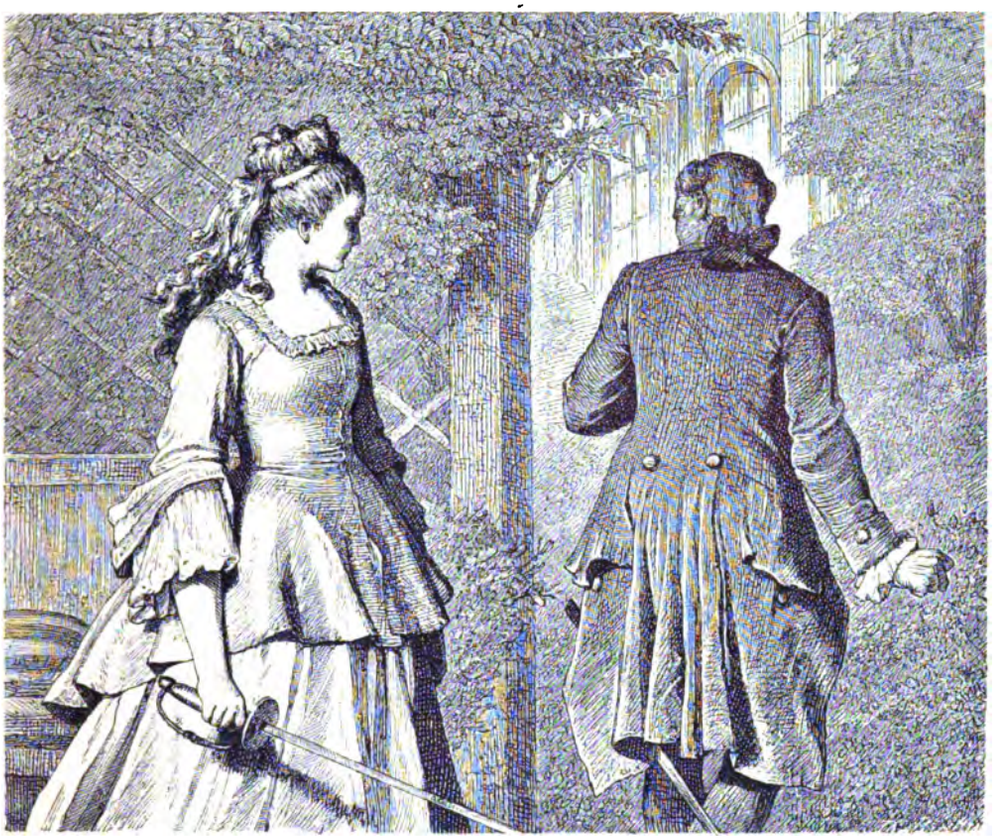
Роллеръ *(въ дикомъ волненіи)*. Никто, хотя бы самый адъ окружилъ насъ! *(Машетъ саблею)*. Кто не песъ—спасай атамана?

Швейцеръ *(разрывая прокламацію и бросая клочки ея въ лицо патеру)*. Амнистія въ нашихъ пуляхъ, а не здѣсь! Прочь, каналья! Скажи сенату, пославшему тебя, что въ шайкѣ Моора ты не нашелъ ни одного измѣнника. Спасай, спасай атамана!

Всѣ *(шумно)*. Спасай, спасай, спасай атамана!

Мооръ *(отрываясь отъ дерева, радостно)*. Теперь мы свободны, товарищи! У себя въ кулакѣ я чувствую цѣлую армію. Смерть или свобода! Живые не дадимся имъ въ руки!

(Трубятъ наступленіе. Шумъ и грохотъ). Всѣ уходятъ съ обнаженными саблями).



ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Амалія *въ саду играетъ на лютнѣ.*

Добръ, какъ ангелъ, молодъ и прекрасенъ
Онъ всѣхъ юношей прекраснѣй и милѣй;
Взглядъ его такъ кротокъ былъ и ясенъ,
Какъ сіянье солнца средь зыбей.

Отъ его объятій кровь кипѣла,
Сильно, жарко билась грудь о грудь,
Губы губъ искали... все темнѣло –
И душѣ хотѣлось къ небу льнуть.

Въ поцѣлуяхъ счастіе и мука!
Будто пламя съ пламенемъ шло въ бой,
Какъ два съ арфы сорванные звука
Въ звукъ одинъ сливаются порой—

Такъ текли, текли и рвались;
Губы, щеки рдѣли, какъ заря...
Небеса съ землею расплавлялись,
Мимо насъ неслися, какъ моря.

Нѣтъ его! напрасно, ахъ, напрасно
Звать его слезами и тоской!
Нѣтъ его—и все, что здѣсь прекрасно,
Вторитъ мнѣ и вздохомъ и слезой.

Францъ *входитъ.*

Францъ. Опять здѣсь, упрямая мечтательница? Ты покинула нашъ веселый пиръ и унесла вмѣстѣ съ собою веселость гостей моихъ.

Амалія. И дѣйствительно, какъ не пожалѣть о невинной веселости, когда погребальное пѣніе, проводившее въ могилу твоего отца, должно еще звучать въ ушахъ твоихъ!

Францъ. Неужели же ты будешь вѣчно оплакивать? Оставь мертвыхъ почивать въ покоѣ и думай о живыхъ! Я пришелъ...

Амалія. А когда уйдешь?

Францъ. О, не бросай на меня такихъ гордыхъ взглядовъ! Ты огорчаешь меня, Амалія. Я пришелъ сказать тебѣ...

Амалія. И я должна поневолѣ слушать: Францъ фонъ-Мооръ сталъ нашимъ господиномъ.

Францъ. Именно я объ этомъ и хотѣлъ поговорить съ тобою. Максимиліанъ опочилъ въ склепѣ отцовъ своихъ—и я сталъ здѣшнимъ властелиномъ. Но мнѣ хотѣлось бы быть имъ вполнѣ, Амалія. Ты сама знаешь, чѣмъ ты была для нашего дома. Воспитывалась ты какъ дочь Моора; даже самую смерть пережила его любовь къ тебѣ, чего ты, конечно, никогда не забудешь.

Амалія. Никогда, никогда. Да и кто же можетъ выпить такое воспоминаніе въ стаканѣ вина, на веселомъ обѣдѣ!

Францъ. За любовь отца ты должна наградить дѣтей его. Карлъ умеръ... Ты удивляешься? голова у тебя закружилась? Да, конечно, въ этой мысли такъ много высоколестнаго, что она въ состояніи ошеломить даже женскую гордость. Францъ попираетъ ногами надежды самыхъ благородныхъ дѣвицъ; Францъ предлагаетъ бѣдной, безпомощной сиротѣ свое сердце, руку и съ нею все свое золото, всѣ свои замки и лѣса. Францъ, которому всѣ завидуютъ, котораго всѣ трепещутъ, добровольно объявляетъ себя рабомъ Амаліи.

Амалія. Зачѣмъ молнія не сожжетъ языка твоего за эти дерзкія рѣчи! Ты убилъ жениха моего—и Амалія назоветъ тебя супругомъ? Ты...

Францъ. Не горячитесь, всемилостивѣйшая принцесса! Правда, Францъ не изгибается передъ тобою отчаяннымъ селадономъ; правда, онъ не умѣетъ, подобно сладенькимъ пастушкамъ Аркадіи, повѣрять эху гротовъ и утесовъ свои любовныя жалобы: Францъ говоритъ, и если ему не отвѣчаютъ, онъ приказываетъ.

Амалія. Ты, червь, будешь приказывать? мнѣ приказывать? Ну, а если твои приказанія отошлютъ назадъ съ презрительнымъ смѣхомъ?

Францъ. Ты этого не сдѣлаешь. У меня есть еще прекрасное средство переломить твою гордость, упрямица! это—монастырь и келья!

Амалія. Браво! чудесно! И въ монастырѣ, и въ кельѣ отрадно скрыться навѣки отъ твоего змѣинаго взгляда и мечтать о Карлѣ! Скорѣй же въ твой монастырь, скорѣе въ твою келью!

Францъ. Ага! вотъ какъ! Берегись! Теперь ты сама научила меня искусству мучить тебя. Мой взглядъ, подобно огневласой фуріи, выгонитъ изъ головы твоей эти вѣчныя мечтанія о Карлѣ: пугало-Францъ будетъ всякій разъ выглядывать изъ-за образа твоего любимца, подобно заколдованному псу, стерегущему подземные клады. За волосы потащу я тебя къ алтарю; шпагой вырѣжу супружескую клятву изъ твоего сердца; силой овладѣю твоимъ дѣвственнымъ ложемъ, и твою гордую стыдливость низложу еще съ большею гордостію.

Амалія *(даетъ ему пощечину)*. Сперва возьми это въ приданое!

Францъ *(въ бѣшенствѣ)*. О! въ тысячу кратъ отомщу я за это! не супругой—этой чести ты не стоишь—наложницей моей ты будешь, и честныя крестьянки пальцами станутъ показывать на тебя, когда ты только осмѣлишься выглянуть на улицу. Скрежещи зубами, бросай пламенные взоры!—меня веселитъ бѣшенство женщины; ты становишься отъ него только прекраснѣе, интереснѣе. Пойдемъ!—борьба съ тобой украситъ мою побѣду и приправитъ для меня сладострастіе насильственныхъ объятій. Пойдемъ въ мою комнату!—я горю желаніемъ... Ты должна итти со мною. *(Хочетъ насильно увести ее)*.

Амалія *(падая въ его объятія)*. Прости меня, Францъ! *(Только что онъ хочетъ обнять ее, какъ она выдергиваетъ у него шпагу и поспѣшно отскакиваетъ)*. Видишь ли злодѣй, что я съ тобой могу теперь сдѣлать? Я женщина, но бѣшеная женщина! Осмѣлься только коснуться грязною рукою до моего тѣла—и это желѣзо въ то же мгновенье пронзитъ твое похотливое сердце: тѣнь моего дяди направитъ мою руку. Прочь! *(Прогоняетъ его)*.

Амалія *(одна)*.

Ахъ, какъ хорошо мнѣ! Я дышу свободно... Я чувствовала себя сильною, какъ искрометный конь, бѣшеною, какъ тигрица, преслѣдующая убійцъ своихъ дѣтенышей. Въ монастырь, сказалъ ты, благодарю тебя за эту вѣсть! Нашлось убѣжище для обманутой любви. Монастырь, крестъ Спасителя—будь убѣжищемъ обманутой любви. *(Хочетъ итти)*.

Германъ *входитъ робко.*

Германъ. Фрейлейнъ Амалія! фрейлейнъ Амалія!

Амалія. Несчастный! Чего ты хочешь отъ меня?

Германъ. Сними гнетъ съ души моей, пока онъ не низринулъ ее въ адъ! (*Бросается къ ногамъ ея*). Простите! простите! Я васъ жестоко оскорбилъ, фрейлейнъ Амалія!

Амалія. Встань! Оставь меня! Я ни о чемъ не хочу знать. (*Хочетъ уйти*).

Германъ (*удерживая ее*). Нѣтъ! останьтесь! Клянусь Богомъ, клянусь вѣчнымъ Богомъ—вы все узнаете!

Амалія. Ни слова болѣе. Я прощаю тебя. Ступай себѣ съ Богомъ. (*Хочетъ убѣжать отъ него*).

Германъ. Но послушайте... хоть одно слово: оно возвратитъ вамъ потерянный покой.

Амалія (*оборачиваясь и съ удивленіемъ глядя на него*). Кто на небѣ и на землѣ можетъ возвратить мнѣ потерянный покой?

Германъ. Одно мое слово. Выслушайте меня!

Амалія (*сострадательно беретъ его за руку*). Добрый человѣкъ, можетъ ли слово твое расторгнуть затворы вѣчности?

Германъ (*встаетъ*). Карлъ живъ!

Амалія (*вскрикивая*). Несчастный!

Германъ. Да, живъ... Еще одно слово: вашъ дядя...

Амалія (*бросаясь на него*). Ты лжешь!

Германъ. Вашъ дядя...

Амалія. Карлъ живъ?

Германъ. И вашъ дядя.

Амалія. Карлъ живъ?

Германъ. Вашъ дядя также. Не выдавайте меня. (*Убѣгаетъ*).

Амалія (*долго стоитъ, какъ окаменѣлая; потомъ дико вздрагиваетъ и бѣжитъ за нимъ*). Карлъ живъ!

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Берегъ Дуная.

Разбойники *лежатъ на возвышеніи подъ деревьями; лошади пасутся въ долинѣ.*

Мооръ. Здѣсь отдохну я. (*Бросается на землю*). Всѣ члены во мнѣ будто разбиты. Языкъ высохъ. (*Швейцеръ незамѣтно уходитъ*). Я бы попросилъ васъ зачерпнуть мнѣ пригоршню воды изъ этого источника, но вы сами чуть живы отъ усталости.

Шварцъ. И вина нѣтъ болѣе ни капли.

Мооръ. Взгляните, какая пышная жатва! Деревья ломятся подъ плодами; виноградникъ гнется подъ тяжелыми гроздьями.

Гриммъ. Нынче урожайный годъ.

Мооръ. Ты думаешь? И такъ хоть одна капля пота вознаградится на этомъ свѣтѣ. Одна? Но ночью можетъ выпасть градъ и все уничтожить.

Шварцъ. Ничего нѣтъ мудренаго. Все можетъ погибнуть за нѣсколько часовъ до жатвы.

Мооръ. Объ этомъ-то я и говорю. Все можетъ погибнуть. Зачѣмъ бы человѣку удалось то, что у него общаго съ муравьемъ, когда не сбывается то, что бы его сравняло съ богами? Или ужъ не въ этомъ ли вся сила его назначенія?

Шварцъ. Не знаю.

Мооръ. Хорошо сказалъ, и еще лучше сдѣлалъ, если никогда не старался узнавать этого. Другъ! я видалъ людей, ихъ пчелиныя заботы и ихъ исполинскіе замыслы, ихъ божественные планы и ихъ мышиныя занятія—всю эту чудесно-странную скачку за счастіемъ. Одинъ поручаетъ себя быстротѣ коня, другой носу своего осла, третій своимъ собственнымъ ногамъ. Это пестрая лотерея жизни, гдѣ многіе берутъ билеты цѣною своей невинности и своего неба, лишь бы вытянуть выигрышный нумеръ. Тянутъ, тянутъ—и вынимаютъ до конца одни пустые билеты—ибо выигрыша и не было. Это—зрѣлище, другъ, которое вызываетъ слезы на глаза и вмѣстѣ съ тѣмъ располагаетъ грудную перепонку къ громкому смѣху.

Шварцъ. Какъ величественно закатывается солнце.

Мооръ (*погруженный въ созерцаніе*). Такъ умираетъ герой. Божественно!

Гриммъ. Ты тронутъ!

Мооръ. Когда я былъ еще ребенкомъ, моей любимой мыслью было жить, какъ оно, какъ оно—умереть. (*Съ подавленною горестью*). Это была ребяческая мысль!

Мооръ (*закрываетъ шляпой лицо*). Было время!.. Оставьте меня одного, товарищи.

Шварцъ. Мооръ! Мооръ! Что съ нимъ? онъ измѣнился въ лицѣ!

Гриммъ. Чортъ возьми! что это съ нимъ сдѣлалось? Дурно ему, что ли?

Мооръ. Было время, когда я не могъ уснуть, не прочитавъ вечерней молитвы.

Гриммъ. Съ ума сошелъ ты, что ли? Ужъ не хотѣлъ ли бы ты поучиться у своего дѣтства?

Мооръ (*кладетъ голову на грудь Гримму*). Братъ! братъ!

Гриммъ. Да не будь же ребенкомъ, прошу тебя.

Мооръ. Если бъ! о, если бъ могъ я имъ стать снова!

Гриммъ. Что ты? что ты?

Шварцъ. Развеселись. Полюбуйся этимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, этимъ прекраснымъ вечеромъ.

Мооръ. Да, друзья, міръ такъ чудесенъ!

Шварцъ. Вотъ это дѣло!

Мооръ. Земля такъ прекрасна!

Гриммъ. Дѣло, дѣло! Давно бы такъ.

Мооръ (*вздрагивая*). А я такъ гадокъ въ этомъ чудесномъ мірѣ, а я чудовище на этой прекрасной землѣ.

Гриммъ. Боже мой! Боже мой!

Мооръ. Моя невинность! моя невинность! Взгляните, все выходитъ грѣться подъ мирными лучами весенняго солнца: зачѣмъ я одинъ высасываю муки ада изъ радостей неба? Все дышетъ счастіемъ, все такъ братски связано духомъ мира. Цѣлый свѣтъ—одно семейство; но Отецъ его—не мой Отецъ. Я одинъ отчужденный, я одинъ изгнанный изъ среды праведныхъ; нѣтъ для меня сладкаго имени сына; нѣтъ для меня тающихъ взоровъ любви; нѣтъ, нѣтъ для меня жаркихъ объятій друга. (*Съ ужасомъ подастся назадъ*). Окруженный убійцами—шипящими змѣями, прикованный къ пороку желѣзною цѣпью, я по шаткой жерди грѣха иду чрезъ пропасть погибели. Среди цвѣтовъ счастливаго міра—я горько-вопіющій Аббадона!

Шварцъ (*разбойникамъ*). Непостижимо! Я въ первый разъ вижу его въ такомъ расположеніи духа.

Мооръ (*горестно*). Если бъ можно было возвратиться въ чрево матери! если бъ я могъ родиться нищимъ! Нѣтъ! я не хотѣлъ бы ничего болѣе, праведное небо, только бы сдѣлаться послѣднимъ поденщикомъ! О, я бы сталъ трудиться такъ, что кровавый потъ капалъ бы съ лица моего! Я выкупилъ бы себѣ сладострастіе послѣобѣденнаго сна, блаженство единственной слезы!

Гриммъ. Ну, слава Богу, пароксизмъ уменьшается.

Мооръ. Было время, когда онѣ такъ охотно текли изъ глазъ моихъ. О, вы, незабвенные дни мира! ты, древній отцовскій замокъ! вы, зеленью блестящія долины! О райскія сцены моего дѣтства! вы никогда не возвратитесь, никогда своимъ тихимъ дыханьемъ не прохладите моей дышащей огнемъ груди. Ушли, ушли безвозвратно?

Швейцеръ *съ водою въ шляпѣ.*

Швейцеръ. Пей, атаманъ! Воды вволю и холодна, какъ ледъ.

Шварцъ. Ты въ крови. Что съ тобою случилось?

Швейцеръ. Такъ... шутка, которая чуть не стоила мнѣ обѣихъ ногъ и шеи. Едва я сталъ спускаться съ песчанаго холма къ рѣкѣ, вдругъ—трахъ! и весь хламъ проваливается подо мною и я съ нимъ вмѣстѣ съ вышины десяти рейнскихъ футъ... Вотъ я и лежу тамъ въ трущобѣ... Опомнившись, гляжу вокругъ себя и нахожу, братецъ ты мой, самую чистѣйшую воду. На этотъ разъ заработано хорошо, подумалъ я, атаману понравится.

Мооръ (*отдаетъ ему шляпу и отираетъ кровь съ его лица*). А то не видно рубцовъ, намѣченныхъ на твоемъ лбу богемскими драгунами. Вода твоя—прелесть, Швейцеръ; эти рубцы идутъ къ тебѣ.

Швейцеръ. Найдется мѣсто еще хоть на три десятка.

Мооръ. Да, дѣти, было жаркое дѣло—и потеряли только одного. Мой Роллеръ умеръ прекрасною смертью. Я поставилъ бы мраморный обелискъ надъ его прахомъ, если бъ только онъ не за меня умеръ. Довольствуйтесь и этимъ. (*Утираетъ себѣ глаза*). А сколько съ непріятельской стороны осталось на мѣстѣ?

Швейцеръ. Сто шестьдесятъ гусаръ, девяносто три драгуна, около сорока егерей—всего триста человѣкъ.

Мооръ. Триста за одного! Каждый изъ васъ имѣетъ право на этотъ черепъ. (*Снимаетъ шляпу съ головы*). Поднимаю кинжалъ и клянусь моей душою: я никогда не разстанусь съ вами!

Швейцеръ. Не клянись! можетъ быть, ты еще будешь счастливъ и станешь потомъ раскаяваться, что далъ клятву.

Мооръ. Клянусь прахомъ моего Роллера: я никогда не разстанусь съ вами!

Косинскій *входитъ.*

Косинскій (*про себя*). Мнѣ сказали, что они должны быть въ этомъ участкѣ. Ей! ого! Это что за лица? Ну—какъ?.. уже не они ли? Они, они! Заговорю-ка съ ними.

Шварцъ. Ухо вострѣй: идетъ кто-то.

Косинскій. Господа, извините! Не знаю, попалъ ли я на слѣдъ или сбился?

Мооръ. А кто мы по-вашему, когда вы на него напали?

Косинскій. Мужи.

Косинскій.

Швейцеръ. Полно—такъ ли, атаманъ?

Косинскій. Ищу мужей, которые прямо смотрятъ въ лицо смерти, и играютъ съ опасностью, какъ съ ручной змѣею, ставятъ свободу выше чести и жизни, чье одно имя сладкое для ушей бѣдныхъ и угнетенныхъ заставляетъ трусить самыхъ храбрыхъ и блѣднѣть тирановъ.

Швейцеръ *(атаману)*. Малый мнѣ нравится. Слушай, другъ! ты нашелъ, кого искалъ.

Косинскій. Я думаю—и надѣюсь, что они скоро будутъ моими братьями. Такъ проводите меня къ тому, кого я ищу: къ вашему атаману, къ атаману изъ атамановъ—графу фонъ-Моору.

Швейцеръ *(съжаромъ подаетъ ему руку)*. Дружище! мы съ тобою на ты.

Моръ *(приближаясь)*. А вы знаете атамана?

Косинскій. Ты — атаманъ... Этотъ взглядъ... Увидя тебя, кто пойдетъ искать другого. *(Пристально смотритъ на него)*. Мнѣ всегда хотѣлось встрѣтиться съ уничтожающимъ взглядомъ человѣка, сидѣвшаго нѣкогда на развалинахъ Карѳагена: теперь я ужъ не хочу этого.

Швейцеръ. Острый мальчикъ.

Моръ. Что жъ васъ приводитъ ко мнѣ?

Косинскій. Ахъ, атаманъ!—моя болѣе нежели жестокая судьба! Я потерпѣлъ крушеніе на бурномъ морѣ жизни; я видѣлъ, какъ мои надежды тонули въ страшной пучинѣ—и у меня ничего болѣе не остается, какъ воспоминаніе объ ихъ потерѣ, которое могло бы свести меня съ ума, если бъ я не старался подавлять этого воспоминанія хоть какою-нибудь дѣятельностью.

Моръ. Опять обвинитель Провидѣнья! Продолжайте!

Косинскій. Я сталъ солдатомъ: несчастіе и тутъ меня преслѣдовало; отправился въ Остъ-Индію: мой корабль разбился о подводные камни. Всюду рушившіеся планы, обманутыя надежды! Наконецъ, я слышу толки про твои подвиги—злодѣянія, какъ они ихъ называютъ. И вотъ я прохожу тридцать миль и являюсь сюда съ твердымъ намѣреніемъ служить подъ твоимъ начальствомъ, если ты примешь мои услуги. Прошу тебя, достойный атаманъ, не откажи мнѣ въ этомъ!

Швейцеръ *(вспрыгивая)*. Ура! ура! Такъ, стало-быть, нашъ Роллеръ знатно замѣненъ! Лихой малый для нашей шайки!

Моръ. Твое имя?

Косинскій. Косинскій.

Моръ. Какъ? Но знаешь ли ты, Косинскій, что ты—легкомысленный ребенокъ, и важнымъ шагомъ своей жизни шутишь, какъ вѣтренная дѣвочка. Здѣсь не въ мячъ и кегли будешь играть ты, какъ воображаешь.

Косинскій. Знаю, что ты хочешь сказать. Мнѣ двадцать четыре года, но я не разъ видѣлъ, какъ скрещались сабли, и слышалъ, какъ свистали около меня пули.

Моръ. А! это другое дѣло. Такъ ты затѣмъ только учился фехтовать, чтобы за какой-нибудь талеръ зарѣзать бѣднаго путешественника, или исподтишка вонзить

кинжалъ въ грудь женщины? Ступай! ступай! ты убѣжалъ отъ своей няньки, потому что она погрозила тебѣ розгою.

Швейцеръ. Кой чортъ, атаманъ! гдѣ у тебя голова? Неужели ты хочешь отослать назадъ этого Геркулеса? Чего одинъ видъ стоитъ? Такъ вѣдь и кажется, что вотъ-вотъ онъ собирается прогнать Морица Саксонскаго за Гангъ суповой ложкою.

Мооръ. Потому только, что тебѣ не посчастливилось въ какихъ-нибудь пустякахъ, ты хочешь сдѣлаться мошенникомъ, убійцею? Убійство! Ребенокъ, понимаешь ли ты это слово? Теперь ты спокойно отходишь ко сну, нарвавъ маковыхъ головокъ; но носить въ душѣ убійство...

Косинскій. Я готовъ отвѣчать за каждое убійство, какое ты мнѣ поручишь...

Мооръ. А, ты ужъ такъ уменъ? хочешь лестью ловить людей? Но почему ты знаешь, что у меня нѣтъ дурныхъ сновъ, что на смертномъ одрѣ я не поблѣднѣю? Что сдѣлалъ ты до сихъ поръ такого, изъ-за чего бы можно было думать объ отвѣтственности?

Косинскій. Конечно, еще очень немного; но все же это путешествіе къ тебѣ, благородный графъ...

Мооръ. Ужъ не попала ли тебѣ въ руки по милости гувернера исторія Робина Гуда? На галеры бъ всѣхъ этихъ неосторожныхъ каналій! Не она ли такъ разгорячила твою дѣтскую фантазію и заразила нелѣпымъ желаніемъ стать великимъ человѣкомъ? Тебя плѣняетъ громкое имя, почести? ты безсмертіе хочешь купить разбоемъ и грабежами? Замѣть, честолюбивый юноша, лавры не зеленѣютъ для убійцъ! Нѣтъ тріумфовъ для побѣдъ бандитовъ—а проклятія, опасности, смерть и срамъ. Видишь ли висѣлицу тамъ на холмѣ?

Шпигельбергъ (*въ негодованіи ходитъ взадъ и впередъ*). Ахъ, какъ это глупо! какъ это отвратительно, непростительно глупо! Этимъ ничего не возьмешь! Я поступалъ иначе.

Косинскій. Чего бояться тому, кто не боится смерти?

Мооръ. Славно! безподобно! Ты хорошо учился, знаешь наизусть Сенеку. Но, любезный другъ подобными изреченіями тебѣ не обморочить страждущей природы, никогда не притупить стрѣлъ горести. Обдумай хорошенько, дитя мое. (*Беретъ его руку*). Я совѣтую тебѣ, какъ отецъ: узнай сперва глубину пропасти, въ которую хочешь прыгнуть. Если въ свѣтѣ ты можешь еще уловить хоть одну радость... Могутъ быть минуты, когда ты пробудишься—и тогда будетъ уже поздно. Ты выйдешь здѣсь изъ круга человѣчества; ты долженъ будешь стать или человѣкомъ исключительной высоты, или дьяволомъ. Послушай, сынъ мой! если хотя одна искра надежды еще гдѣ-нибудь тлѣетъ для тебя, оставь нашъ ужасный союзъ, скрѣпленный отчаяніемъ, если только не высшею мудростью. Можно ошибаться... повѣрь мнѣ, можно силою считать то, что на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ отчаяніе... Повѣрь *мнѣ*, *мнѣ*—и бѣги отъ насъ скорѣе!

Косинскій. Нѣтъ! теперь я уже не разстанусь съ вами. Тебя не трогаютъ мои просьбы, такъ выслушай повѣсть о моемъ несчастіи. Ты самъ тогда насильно всунешь кинжалъ мнѣ въ руки; ты станешь... Садитесь вокругъ и выслушайте меня со вниманіемъ.

Мооръ. Я готовъ тебя слушать.

Косинскій. И такъ, знайте: я чешскій дворянинъ—и по смерти отца моего сдѣлался владѣтелемъ значительнаго дворянскаго помѣстья. Страна была райская, потому что въ ней жилъ ангелъ—дѣвушка, украшенная всѣми прелестями юности, и цѣломудренная, какъ свѣтъ небесный. Но кому говорю я это? Мои слова проходятъ мимо вашихъ ушей; вы никогда не любили, никогда не были любимы.

Швейцеръ. Тише! атаманъ вспыхнулъ, какъ пламя.

Мооръ. Перестань! Въ другой разъ разскажешь... завтра когда-нибудь или... когда я насмотрюсь на кровь.

Косинскій. Кровь! кровь!... Слушай же далѣе! Кровь—скажу я тебѣ—переполнитъ твою душу. Она была незнатнаго рода, нѣмка; но ея взоръ уничтожалъ предразсудки дворянства. Съ скромной застѣнчивостью приняла она обручальное кольцо изъ рукъ моихъ—и на другой день я долженъ былъ вести мою Амалію къ алтарю.

Мооръ (*поспѣшно встаетъ*).

Косинскій. Среди упоеній ожидающаго блаженства, среди приготовленій къ свадьбѣ, меня вдругъ черезъ нарочнаго требуютъ ко двору. Я являюсь. Мнѣ показываютъ письма, которыя будто бы были писаны мною, полныя предательскаго содержанія... Я покраснѣлъ со злости... У меня взяли шпагу, бросили въ тюрьму. Я лишился чувствъ.

Швейцеръ. А между тѣмъ... Продолжай! я уже предчувствую жаркое.

Косинскій. Тутъ я просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ и самъ не зналъ, что будетъ со мною. Мнѣ было страшно за Амалію, которая изъ-за меня каждую минуту умирала отъ отчаянія. Наконецъ, является ко мнѣ первый министръ двора, поздравляетъ съ открытіемъ моей невинности въ приторно-сладкихъ выраженіяхъ, читаетъ приказъ о моемъ освобожденіи и отдаетъ мнѣ шпагу. Въ восторгѣ лечу я въ свой замокъ — въ объятія Амаліи... она исчезла. Въ полночь ее увезли, но никто не знаетъ куда—и съ тѣхъ поръ объ ней ни слуху, ни духу. Вдругъ какъ будто молнія ударила въ мое сердце. Я лечу въ городъ, разузнаю при дворѣ: на меня смотрятъ во всѣ глаза; никто не даетъ отвѣта. Наконецъ я открываю ее за потаенною рѣшеткою во дворцѣ; она бросаетъ мнѣ записочку...

Швейцеръ. Такъ я и думалъ!

Косинскій. Адъ и черти! въ запискѣ было сказано, что ей дали на выборъ: или скоро узнать о моей смерти или стать любовницей владѣтельнаго князя. Въ борьбѣ между честью и любовью она рѣшила въ пользу послѣдней—и (*съ хохотомъ*) я былъ спасенъ!

Швейцеръ. Что жъ ты сдѣлалъ?

Косинскій. Будто тысячу громовъ ударили въ меня. „Кровь!“ было моею первою мыслью, „кровь!“ послѣднею. Съ пѣною у рта бѣгу я домой, выбираю трехгранную шпагу—и стремглавъ къ министру, такъ какъ онъ одинъ былъ адскимъ сводникомъ. Меня, вѣроятно, замѣтили еще на улицѣ, потому что когда я вошелъ—всѣ двери были заперты. Я ищу, спрашиваю—одинъ отвѣтъ—уѣхалъ къ князю. Отправляюсь туда—и тамъ его нѣтъ. Возвращаюсь назадъ, выламываю двери, нахожу его, бросаюсь къ нему... но тутъ пять, или шесть лакеевъ выскакиваютъ изъ засады и вырываютъ у меня шпагу.

Швейцеръ (*топнувъ ногою*). И это ему сошло даромъ? и ты ушелъ съ пустыми руками?

Косинскій. Я былъ схваченъ, судимъ, обвиненъ и съ потерею чести—замѣтьте, по особенной милости—съ потерею чести высланъ за границу. Мои помѣстья достались министру; моя Амалія въ когтяхъ тигра вздыхаетъ и плачется на жизнь, тогда какъ мое мщеніе должно поститься и сгибаться подъ игомъ насилія.

Швейцеръ (*вставая и махая саблей*). Это вода на нашу мельницу, атаманъ! Можно похозяйничать!

Мооръ (*ходившій все это время въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ, быстро оборачивается къ разбойникамъ*). Я долженъ ее видѣть! Вставайте! собирайте все! ты останешься, Косинскій. Коней—и въ походъ!

Разбойники. Куда? куда?

Мооръ. Куда? кто спрашиваетъ—куда? (*Вспыльчиво Швейцеру*). Измѣнникъ, ты хочешь удержать меня? Но, клянусь надеждой на небо...

Швейцеръ. Я измѣнникъ? Въ адъ ступай—я за тобою!

Мооръ (*бросается къ нему на шею*). Братское сердце! ты слѣдуешь за мною?.. Она плачетъ, она плачетъ, она проклинаетъ жизнь! Вставайте! скорѣй! Всѣ—во Франконію! Мы должны быть тамъ черезъ недѣлю.

(*Уходятъ*).

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Сельское мѣстоположеніе около замка Мооровъ.

Разбойникъ Мооръ, Косинскій *вдали.*

Мооръ. Ступай впередъ и доложи обо мнѣ. Знаешь, что ты долженъ говорить?

Косинскій. Вы—графъ фонъ-Брандтъ, ѣдете изъ Мекленбурга; я вашъ рейткнехтъ. Не безпокойтесь! я сыграю свою роль. Прощайте. (*Уходитъ*).

Мооръ. Привѣтъ тебѣ, родная земля! (*Цѣлуетъ землю*). Родное небо! родное солнце! и вы, луга и холмы! и лѣса и потоки! всѣмъ вамъ сердечный привѣтъ мой! Какъ сладокъ воздухъ, вѣющій съ горъ моей родины! Какимъ бальзамомъ наполняешь ты грудь бѣднаго бѣглеца—Элизіумъ, поэтическій міръ! Остановись, Мооръ! твоя нога въ священномъ храмѣ! (*Подходитъ ближе*). Вотъ и ласточьи гнѣзда на дворѣ замка и садовая калитка, и тотъ заборъ, гдѣ ты такъ часто подстерегалъ и дразнилъ ловчаго! А вонъ и лужайка, по которой ты, герой Александръ, велъ своихъ македонянъ въ атаку при Арбеллахъ, и зеленый холмъ, съ котораго ты низвергъ персидскаго сатрапа и гдѣ высоко взвилось твое побѣдное знамя! (*Улыбается*). Золотые, майскіе годы дѣтства снова оживаютъ въ душѣ несчастнаго. Тогда ты былъ такъ безоблачно веселъ; а теперь... всюду лежатъ обломки твоихъ плановъ! Здѣсь ты долженъ былъ нѣкогда жить великимъ, всѣми чтимымъ человѣкомъ; во второй разъ пережить свои дѣтскіе годы въ цвѣтущихъ дѣтяхъ твоей Амаліи; быть идоломъ своего народа. Но злому духу, видно, не понравилось это! (*Вздрагиваетъ*). Зачѣмъ я пришелъ сюда. Затѣмъ ли, чтобъ, подобно колоднику, звономъ желѣзной цѣпи пробудить себя отъ сна о свободѣ? Нѣтъ, я уйду отсюда. Колодникъ позабылъ уже о свѣтѣ; но сонъ свободы промелькнулъ передъ нимъ, будто молнія въ ночи—и вокругъ него стало еще

мрачнѣе. Простите вы, родныя долины! Нѣкогда видѣли вы мальчика-Карла—и мальчикъ Карлъ былъ счастливый мальчикъ. Теперь видите мужа—и онъ въ отчаяніи. *(Быстро оборачивается, чтобъ итти, но вдругъ останавливается и грустно смотритъ на замокъ).* Не видать ее—ни одного взгляда? и всего одна стѣна между мной и Амаліей! Нѣтъ! я долженъ ее видѣть! долженъ—хотя бы это стоило мнѣ жизни! *(Оборачивается).* Батюшка! Батюшка! твой сынъ идетъ къ тебѣ. Прочь, черная, дымящаяся кровь! Прочь! тусклый, дрожащій, ужасный взглядъ смерти. Только на этотъ часъ оставьте меня въ покоѣ! Амалія! батюшка! твой Карлъ идетъ къ тебѣ! *(Быстро подходитъ къ замку).* Мучьте меня съ разсвѣтомъ дня, не отставайте отъ меня съ приходомъ ночи, терзайте въ страшныхъ сновидѣніяхъ—только не отравляйте этого послѣдняго наслажденія! *(Останавливается у воротъ).* Что это со мною? Что это значитъ, Мооръ? Мужайся! Трепетъ смерти... предчувствіе чего-то страшнаго...

(Входитъ въ ворота).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Галлерея въ замкѣ.

Разбойникъ Мооръ *и* Амалія *входятъ.*

Амалія. И вы думаете узнать его между этими портретами?

Мооръ. О, навѣрное! Его образъ жилъ всегда въ моемъ сердцѣ. *(Смотритъ на портреты).* Не этотъ.

Амалія. Угадали. Это родоначальникъ графскаго дома: онъ получилъ дворянство отъ Барбароссы за отличіе въ походахъ противъ пиратовъ.

Мооръ *(все еще пересматривая портреты).* И не этотъ, и это не онъ, и этотъ также. Его нѣтъ между ними.

Амалія. Какъ? Посмотрите хорошенько. А я думала, что вы его знали.

Мооръ. Моего отца я не лучше знаю. Этому недостаетъ кроткой черты около губъ, которая изъ тысячи заставила бъ узнать его. Это не онъ.

Амалія. Вы меня удивляете. Какъ? восемнадцать лѣтъ не видать—и...

Мооръ *(быстро, съ пламенѣющими щеками).* Вотъ онъ! *(Стоитъ, будто пораженный громомъ).*

Амалія. Рѣдкій человѣкъ!

Мооръ *(углубленный въ созерцаніе).* Батюшка, батюшка, прости меня! Да это былъ рѣдкій человѣкъ! *(Утираетъ глаза).* Божественный человѣкъ!

Амалія. Вы, кажется, принимаете въ немъ большое участіе.

Мооръ. Удивительный человѣкъ! И его не стало?

Амалія. Онъ умеръ, какъ умираютъ наши лучшія радости. *(Дотрогиваясь до руки его).* Графъ, нѣтъ счастія подъ солнцемъ!

Мооръ. Правда, правда! Но неужели и васъ коснулось это печальное испытаніе? Вамъ нѣтъ еще и двадцати трехъ лѣтъ.

Амалія. А я уже это испытала. Все живетъ для одной печальной смерти. Мы для того только и гоняемся за счастіемъ, для того только и наживаемъ его, чтобъ потомъ потерять все нажитое.

Мооръ. И вы уже потеряли кого-нибудь?

Амалія. Никого!.. все!.. никого .. Пойдемте, графъ.

Мооръ. Такъ скоро? Чей это портретъ вонъ тамъ направо? Мнѣ кажется, что у него несчастная физіономія.

Амалія. Налѣво?—это сынъ графа, теперешній владѣтель. Пойдемте! Пойдемте!

Мооръ. Нѣтъ, этотъ направо?

Амалія. Вамъ неугодно итти въ садъ?

Мооръ. Но этотъ портретъ направо?.. Ты плачешь, Амалія?

Амалія *(поспѣшно уходитъ).*

Мооръ.

Она любитъ меня! она любитъ меня! Все взволновалось въ ней и слезы предательски покатились съ ея рѣсницъ. Она любитъ меня! Несчастный, заслуживаешь ли ты это? Не стою ли я здѣсь, какъ осужденный передъ позорной плахой? Не здѣсь ли вмѣстѣ съ нею я утопалъ въ восторгѣ? Не это ли комната отца моего? *(Содрагаясь передъ портретомъ отца).* Ты... ты... Пламя льется изъ глазъ твоихъ! Проклятіе, проклятіе, отверженіе! Гдѣ я? Ночь передъ моими глазами... Боже!—я, я убилъ его! *(Опрометью выбѣгаетъ).*

Францъ фонъ-Мооръ *входитъ, погруженный въ размышленіе.*

Прочь, ненавистный образъ! прочь! Низкій трусъ, чего трепещешь ты? и передъ кѣмъ? Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ графъ въ моемъ замкѣ, мнѣ все кажется, что какой-то адскій шпіонъ крадется по пятамъ моимъ. Я какъ будто его гдѣ-то видѣлъ. Въ его

дикомъ, загорѣломъ лицѣ есть что-то величественное, знакомое, повергающее меня въ трепетъ. И Амалія неравнодушна къ нему: кидаетъ на него свои сладкотомные взоры, на которые—я знаю—она очень и очень скупа. Или я не замѣтилъ, какъ она уронила украдкою слезу въ вино, а онъ за моею спиною такъ жадно выпилъ его, какъ будто хотѣлъ проглотить вмѣстѣ съ бокаломъ? Да, я это видѣлъ—въ зеркалѣ видѣлъ своими собственными глазами. Ого, Францъ! берегись! здѣсь кроется чреватое гибелью чудовище! *(Пристально смотритъ на портретъ Карла).* Его длинная гусиная шея, его черные, пламенные глаза... гм! гм... его густыя нависшія брови... *(Внезапно содрагаясь).* Адъ кромѣшный! не ты ли насылаешь на меня это предчувствіе? Это Карлъ! Да, теперь черты его, какъ-будто, ожили въ моей памяти. Это онъ, не взирая на маску! это онъ! это онъ! Смерть и проклятіе! *(Ходитъ взадъ и впередъ).* Развѣ я для того не спалъ ночи, для того сдвигалъ утесы и сравнивалъ пропасти, для того возмущался противъ всѣхъ инстинктовъ человѣчества, чтобъ послѣ всего этого какой-нибудь неуклюжій бродяга прорвалъ мои искусныя сѣти? Увидимъ! Еще немного труда! Я и безъ того погрязъ по уши въ смертныхъ грѣхахъ, такъ что, право, глупо плыть назадъ, когда берегъ назади ужъ почти скрылся изъ виду. О возвращеніи нечего и думать. Само милосердіе пошло бы по-міру и безпредѣльное состраданіе оказалось бы банкротомъ, если бы они вздумали уплатить за мои грѣхи. И такъ—впередъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ! *(Звонитъ).* Пусть уберется онъ сперва къ отцамъ, а потомъ ужъ приходитъ. Мертвые мнѣ не страшны. Даніэль! эй, Даніэль! Бьюсь объ закладъ, они и его вооружили противъ меня! Онъ ужъ что-то таинственно смотритъ.

Даніэль *входитъ.*

Даніэль. Что прикажете, графъ?

Францъ. Ничего. Принести мнѣ бокалъ вина, да скорѣе! *(Даніэль уходитъ).* Подожди, старикъ! я поймаю тебя; однимъ взглядомъ проникну тебя—и твоя оторопѣлая совѣсть поблѣднѣетъ подъ маскою. Онъ долженъ умереть! Тотъ жалкій ротозѣй, кто, доведя работу до половины, отступаетъ и праздно глазѣетъ, что изъ нея выйдетъ.

Даніэль *съ виномъ.*

Францъ. Поставь сюда. Смотри мнѣ прямо въ глаза. У тебя трясутся колѣни? ты дрожишь? Признавайся, старикъ, что ты сдѣлалъ?

Даніэль. Ничего, ваша милость, и это такъ же вѣрно, какъ и то, что существуетъ Богъ и бѣдная душа моя!

Францъ. Выпей-ка это вино! Что?—не рѣшаешься? Такъ признавайся же сейчасъ: что ты подсыпалъ въ вино?

Даніэль. Оборони Господи! что вы! я—въ вино?

Францъ. Яду подсыпалъ ты въ вино. Ты блѣденъ, какъ снѣгъ! Признавайся, признавайся! Кто далъ его тебѣ? не правда ли—графъ? графъ далъ тебѣ его?

Даніэль. Графъ? Богъ свидѣтель, графъ мнѣ ничего не давалъ.

Францъ *(наступаетъ на него).* Я тебя буду душить пока ты посинѣешь, сѣдой обманщикъ! Ничего? А что у васъ за шашни? Онъ и ты и Амалія? И о чемъ вы все шепчетесь? Признавайся: какія тайны онъ тебѣ повѣрилъ.

Даніэль. Богъ свидѣтель, онъ никакихъ тайнъ не повѣрялъ мнѣ.

Францъ. Ты еще запираешься? Что за замыслы вы тамъ строите, чтобъ отправить меня на тотъ свѣтъ? Ну, говори: вы хотѣли задавить меня во время сна? подговаривали цирюльника меня зарѣзать, когда стану бриться? приготовляли мнѣ успокоеніе въ винѣ или шоколадѣ... Признавайся, признавайся!.. Или въ супѣ задумали попотчивать меня вѣчнымъ сномъ? Признавайся: я все знаю.

Даніэль. Да отступится отъ меня Богъ, если я не говорю вамъ чистѣйшей правды.

Францъ. На этотъ разъ я тебѣ прощаю. Но я готовъ прозакладывать свою голову, если онъ не давалъ тебѣ денегъ, не пожималъ руки твоей сильнѣе обыкновеннаго, хоть такъ напримѣръ, какъ жмутъ своимъ стариннымъ знакомцамъ.

Даніэль. Никогда, милостивый графъ.

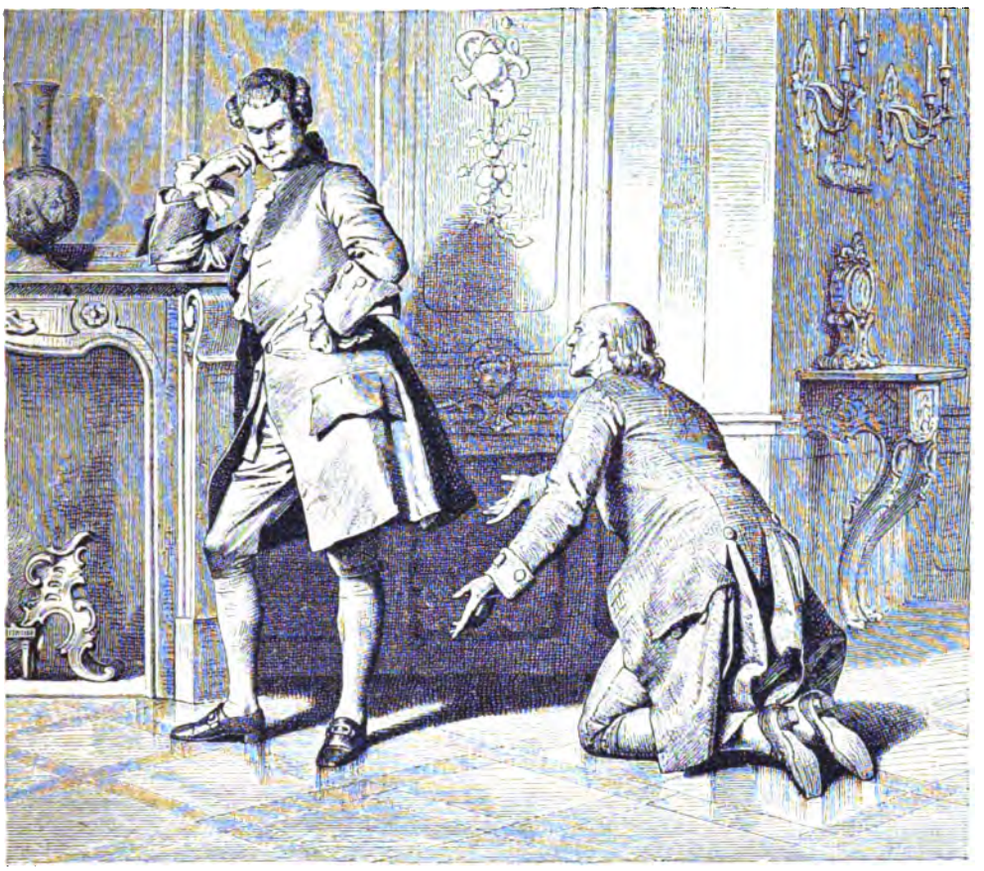
Францъ. Не говорилъ ли онъ, напримѣръ, что-знаетъ тебя? что ты его также долженъ знать? что когда-нибудь спадетъ завѣса съ глазъ твоихъ? что... Какъ! неужели онъ никогда не говорилъ тебѣ чего-нибудь подобнаго?

Даніэль. Ни словечка.

Францъ. Что извѣстныя обстоятельства его принуждаютъ... что часто приходится надѣвать маску, чтобъ обмануть враговъ... что онъ отомститъ за себя, жестоко отомститъ.

Даніэль. И не пикнулъ обо всемъ этомъ.

Францъ. Какъ! ничего подобнаго? По-



думай хорошенько. Что онъ зналъ покойнаго барина—особенно коротко зналъ? что онъ любилъ его, очень любилъ, какъ сынъ любилъ?

Даніэль. Кое-что въ этомъ родѣ я, кажется, слышалъ отъ него...

Францъ *(побѣднѣвъ)*. Такъ онъ въ самомъ-дѣлѣ говорилъ? Ну, такъ разсказывай же поскорѣе! Не говорилъ ли онъ, что я братъ его?

Даніэль *(пораженный)*. Что, милостивый графъ? Нѣтъ, этого онъ не говорилъ. Но когда барышня водила его по галлереѣ—я въ это время обмахивалъ пыль съ рамокъ—онъ вдругъ остановился передъ портретомъ покойнаго барина, будто громомъ пораженный. Тогда барышня указала на этотъ портретъ и сказала: „рѣдкій человѣкъ!"—„Да, рѣдкій человѣкъ!"—отвѣчалъ онъ, утирая глаза.

Францъ. Слушай, Даніэль! Ты знаешь, для тебя я былъ всегда милостивымъ господиномъ: я кормилъ, одѣвалъ тебя, щадилъ, сколько могъ, твою слабую старость.

Даніэль. Да наградитъ Господь-Богъ васъ за это! А я всегда служилъ вамъ вѣрою и правдою.

Францъ. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобою. Во всю свою жизнь ты еще ни въ чемъ мнѣ не противорѣчилъ, затѣмъ что самъ понимаешь, что обязанъ мнѣ неограниченнымъ послушаніемъ во всемъ, что я ни прикажу тебѣ.

Даніэль. Во всемъ, что только не противно Богу и совѣсти.

Францъ. Пустяки, пустяки! И тебѣ не стыдно? Старикъ, а вѣритъ святочнымъ сказкамъ. Прочь, братецъ, съ этими глупыми мыслями. Вѣдь я здѣсь господинъ. Меня, а не тебя накажутъ Богъ и совѣсть, если только они существуютъ.

Даніэль *(всплеснувъ руками)*. Царь ты мой небесный!

Францъ. Во имя твоего повиновенія—понимаешь ли ты это слово?—во имя твоего повиновенія приказываю я тебѣ, чтобъ завтра же не было въ живыхъ графа!

Даніэль. Господи прости меня грѣшнаго! Да за что же?

Францъ. Во имя твоего слѣпого повиновенія! И въ этомъ я на тебя полагаюсь.

Даніэль. На меня? Мать пресвятая Богородица! На меня? Въ чемъ согрѣшилъ я, окаянный?

Францъ. Тутъ нечего долго раздумывать! Твоя судьба въ моихъ рукахъ. Что хочешь—или томиться цѣлую жизнь въ самомъ глубокомъ изъ подваловъ моего замка, гдѣ голодъ заставитъ тебя глодать собственныя кости, а жажда—пить собственную воду, или въ мирѣ и покоѣ доживать свой вѣкъ?

Даніэль. Какъ, сударь? Миръ и спокойствіе—и убійство?

Францъ. Отвѣчай на мой вопросъ.

Даніэль. Мои сѣдины! о, мои сѣдины!

Францъ. Да, или нѣтъ?

Даніэль. Нѣтъ! Господи, сжалься надо мной!

Францъ *(дѣлаетъ видъ, что хочетъ уйти)*. Да, это тебѣ скоро понадобится! *(Даніэль удерживаетъ его и падаетъ предъ нимъ на колѣни)*.

Даніэль. Сжальтесь, сжальтесь!

Францъ. Да, или нѣтъ?

Даніэль. Милостивый графъ, мнѣ ужъ семьдесятъ первый годъ пошелъ. Я чтилъ отца и матерь и въ жизнь свою никого съ намѣреніемъ не обманулъ ни на грошъ, и вѣрилъ въ Бога и святую церковь свято и не ложно, и служу въ вашемъ домѣ уже сорокъ четыре года, и жду спокойно приближенія смерти. Ахъ, ваше сіятельство! *(Съ жаромъ обнимаетъ его колѣни)*. И вы хотите отнять у меня послѣднее утѣшеніе въ часъ смерти, хотите, чтобъ червь совѣсти прогналъ съ устъ моихъ послѣднюю молитву, чтобъ я отошелъ въ вѣчность, какъ чудовище передъ Богомъ и людьми! Нѣтъ, нѣтъ, мой золотой, дорогой господинъ, вы этого не захотите, вы этого не можете хотѣть отъ семидесятилѣтняго старика!

Францъ. Да, или нѣтъ! Къ чему вся эта болтовня?

Даніэль. Я буду служить вамъ еще ревностнѣе, буду дряхлыми руками работать для васъ, какъ поденщикъ, буду раньше вставать, буду позже ложиться, буду молиться за васъ денно и нощно—и Богъ не отринетъ молитвы старика.

Францъ. Послушаніе лучше жертвы. Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ палачъ сентиментальничалъ передъ совершеніемъ казни.

Даніэль. Такъ, такъ! но загубить невинную душу... загубить...

Францъ. Я не обязанъ давать тебѣ отчета. Развѣ топоръ спрашиваетъ у палача, зачѣмъ такъ, а не эдакъ? Но—видишь, какъ я долго терпѣливъ къ тебѣ—я предлагаю тебѣ еще награду за то, что ты и безъ того обязанъ сдѣлать.

Даніэль. Но я надѣялся остаться христіаниномъ, служа вамъ.

Францъ. Безъ отговорокъ. Я даю тебѣ цѣлый день на размышленіе. Подумай хорошенько. Счастіе или горе... Слышишь ты? понимаешь?...Величайшее счастіе, или ужасныя муки! Я превзойду себя въ пыткахъ.

Даніэль *(послѣ нѣкотораго размышленія)*. Хорошо, завтра я все сдѣлаю. *(Уходитъ)*.

Францъ.

Искушеніе было сильно, а бѣднякъ не родился быть мученикомъ за свою вѣру. На здоровье, любезный графъ! По всей вѣроятности, завтра ввечеру вы будете фигурировать на томъ свѣтѣ. Все зависитъ отъ того, какъ кто смотритъ на вещи—и глупъ тотъ, кто не видитъ своихъ выгодъ. На отца, который выпилъ, быть можетъ, за ужиномъ лишній бокалъ вина, ни съ того, ни съ другого нападеатъ похоть,—и изъ этого происходитъ человѣкъ. А человѣкъ былъ ужъ навѣрно послѣднею вещью, о которой думали въ продолженіе этой геркулесовской работы. Вотъ и на меня теперь также нашла похоть—и человѣкъ околѣетъ: и ужъ, конечно, тутъ болѣе ума и цѣли, нежели было при его зачатіи. Жизнь многихъ людей зависитъ отъ жары іюльскаго полудня, отъ привлекательнаго вида постели, отъ лежачей позы спящей кухонной граціи или отъ потушенной свѣчи. Если рожденіе человѣка—дѣло случая или скотской похоти, можно ли считать важнымъ и его уничтоженіе? Проклятіе безсмысленности нашихъ нянекъ и кормилицъ, которыя страшными сказками только портятъ нашу фантазію, и на мягкомъ мозгу напечатлѣваютъ страшные образы наказаній на томъ свѣтѣ, такъ что невольное содроганіе пробѣгаетъ по членамъ человѣка, смѣлая рѣшительность притупляется и разумъ падаетъ подъ цѣпями суевѣрнаго мрака. Убійство! Цѣлый адъ фурій кружится около этого слова! Природа позабыла произвести лишняго человѣка, пупокъ былъ неловко перевязанъ повивальной бабкой—и всѣ эти страшные призраки исчезли. Было что-то—и сталоничѣмъ: а изъ за ничего нечего и словъ терять. Человѣкъ рождается изъ грязи, бродитъ нѣ-

Шиллеръ.

которое время по грязи, самъ дѣлаетъ грязь и потомъ гніетъ въ грязи, пока, наконецъ, самъ грязью не пристанетъ къ подошвѣ своего праправнука. Вотъ и вся пѣсня—грязный кругъ человѣческаго назначенія. Затѣмъ—счастливый путь, любезный братецъ! Желчный больной моралистъ-совѣсть—можетъ, пожалуй, гонять морщинистыхъ старухъ изъ непотребныхъ домовъ, или на смертномъ одрѣ мучить стараго ростовщика; но у меня она никогда не получитъ аудіенціи. *(Уходитъ).*

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Другая комната въ замкѣ.

Разбойникъ Мооръ *входитъ съ одной стороны.* Даніэль—*съ другой.*

Мооръ *(быстро).* Гдѣ Амалія?

Даніэль. Ваше сіятельство, позвольте бѣдному человѣку обезпокоить васъ покорною просьбою.

Мооръ. Изволь—чего ты хочешь?

Даніэль. Немногаго и всего... очень малаго и вмѣстѣ очень многаго. Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку.

Мооръ. Нѣтъ, добрый старикъ. *(Обнимаетъ его).* Ты мнѣ годишься въ отцы.

Даніэль. Вашу руку, вашу руку, прошу васъ!

Мооръ. Полно, полно.

Даніэль. Я долженъ.. *(Схватываетъ его руку, смотритъ на нее и вдругъ бросается передъ нимъ на колѣни).* Милый, дорогой Карлъ!

Мооръ *(пугается, потомъ, прійдя въ себя, сухо).* Что съ тобой, другъ мой? Я тебя не понимаю.

Даніэль. Хорошо, хорошо! запирайтесь, притворяйтесь, пожалуй! Вы все-таки мой дорогой баринъ. Господи ты Боже мой, и мнѣ, старику, такая радость! Какой же я болванъ, что сейчасъ васъ... Ахъ, Царь ты мой небесный! Вотъ вы и возвратились... А старый то баринъ уже подъ землею... Вотъ вы и возвратились .. Слѣпой оселъ я эдакой! *(ударяетъ себя кулакомъ по лбу).* Какъ это я не узналъ васъ съ перваго же разу? Ахъ ты Госп... Кому могло и въ голову-то прійти! А вѣдь я слезно молился объ этомъ. Царь ты мой небесный! вѣдь онъ живехонекъ стоитъ передо мною!

Мооръ. Что за странныя рѣчи? Что ты въ горячкѣ, что ли? или роль какую репетируешь со мною?

Даніэль. Что вы это, Господь съ вами? что вы это? Не хорошо смѣяться такъ надъ старымъ слугою. А рубецъ?—ужель позабыли? Господи ты Боже мой! какъ же вы меня тогда перепугали! Я васъ такъ любилъ, а вы какую-было напасть взвели тогда на меня. Вы сидѣли у меня на колѣняхъ—пом-

ните, тамъ въ круглой комнатѣ... Готовъ биться объ закладъ, что позабыли... и кукушку, что васъ, бывало, такъ забавляла? Представьте, и кукушку разбили—въ черепки разбили. Старая Сусанна мела горницу—и разбила. Да, вотъ такъ и сидѣли вы въ это время у меня на колѣняхъ, да какъ вскрикнете вдругъ: „Готто!“ А я и побѣги вамъ за лошадкой. Господи ты Боже мой! и зачѣмъ, я старый оселъ, побѣжалъ-то? Ну, ужъ и забѣгали мурашки у меня по кожѣ, когда услышалъ вашъ крикъ... Бѣгу назадъ, какъ сумасшедшій—а кровь-тотакъ и течетъ, а вы-то сами на полу. Мать пресвятая Богородица! какъ-будто кто ведро холодной воды опрокинулъ мнѣ на спину... Вотъ всегда такъ бываетъ, если не смотришь въ-оба за дѣтьми. Ну, кабы въ глазокъ попало, Боже сохрани и помилуй! Вѣдь и то, какъ-нарочно, въ правую ручку. Въ жизнь мою, говорю, не дамъ ужъ дитяти ножика, или ножницъ, и чего-нибудь остраго въ руки, говорю я... Еще- къ счастью—господина и госпожи не было дома. Да, да, на всю жизнь впередъ наука, говорю я. Шутка ли это! Вѣдь выгнали бы меня, пожалуй, старика, изъ дома... Пожалуй... Богъ прости васъ—упрямое дитя вы были. Но—слава Богу—рана зажила благополучно, только рубчикъ остался.

Мооръ. Ни слова не понимаю изъ того, что ты говоришь мнѣ.

Даніэль. Ладно, ладно! Было время!... Какъ часто, бывало, пряничекъ, или бисквитъ тайкомъ вамъ подсунешь. Ужъ любилъ я васъ, нечего сказать! А помните, что вы мнѣ еще тамъ сулили въ конюшнѣ, какъ я, бывало, каталъ васъ по лугу на графской лошади? „Даніэль“ говорили вы, „подожди, выросту большой, Даніэль, сдѣлаю тебя своимъ управляющимъ: будешь ѣздить со мной въ каретѣ“.—„Да“, сказалъ я, смѣясь „когда Богъ продлитъ жизнь и здоровье, и вы не постыдитесь старика, то попрошу у васъ очистить мнѣ домикъ въ деревнѣ, что давно ужъ пустехонекъ стоитъ: тамъ я завелъ бы ведеръ съ двадцать вина и сталъ бы хозяйничать на старости лѣтъ“. Ладно, смѣйтесь, смѣйтесь! Ахъ, все-то вы позабыли! Старика ужъ и знать не хотите! стали горды, знатны.. Но вы все-таки мой дорогой господинъ! Правда, рѣзвы были—ужъ не взыщите; но что жъ будешь дѣлать съ молодою кровью? Авось, съ помощью Божіею, все къ лучшему уладится.

Мооръ *(падаетъ къ нему на шею)*. Да, Даніэль! Не хочу болѣе скрываться! Я твой Карлъ, твой погибшій Карлъ. Что моя Амалія?

Даніэль *(начинаетъ плакать)*. И мнѣ, старому грѣшнику, такая радость! Покойный графъ понапрасну только плакалъ. На покой, на покой, сѣдая голова, дряхлыя кости, убирайтесь съ радостью въ могилу! Нынѣ отпущаеши по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои...

Мооръ. И я сдержу то, что обѣщалъ тебѣ: возьми это себѣ, честный старикъ, за верховую лошадь. *(Даетъ ему тяжелый кошелекъ)*. Я не позабылъ тебя.

Даніэль. Что вы? что вы? Слишкомъ много! Вы вѣрно, ошиблись.

Мооръ. Не ошибся, Даніэль. *(Даніэль хочетъ упасть ему въ ноги)*. Встань! Скажи-ка мнѣ, что Амалія?

Даніэль. Да наградитъ васъ Богъ. Ахъ ты пресвят... Ваша Амалія? О, она не переживетъ этого: она умретъ съ радости!

Мооръ *(въ волненіи)*. Она не забыла меня?

Даніэль. Забыла? Да что это вы Богъ съ вами, опять говорите? Васъ позабыла?—вотъ самимъ бы вамъ посмотрѣть, какъ она мучилась тогда, сердечная, какъ пришла вѣсть о вашей смерти, что распустилъ теперешній нашъ баринъ...

Мооръ. Что ты говоришь? Мой братъ?

Даніэль. Да, вашъ братецъ, нашъ господинъ вашъ братецъ... Въ другой разъ на досугѣ разскажу вамъ поболѣе. И ужъ какъ она отдѣлывала его, когда онъ, бывало, всякій Божій день дѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ. Но мнѣ нужно итти къ ней, разсказать ей—принести радостную вѣсточку. *(Хочетъ итти)*.

Мооръ. Стой! стой! Она не должна этого знать! Никто не долженъ знать, даже и братъ мой...

Даніэль. Вашъ братецъ? Нѣтъ, Боже упаси!—онъ не долженъ знать этого! Онъ не долженъ... если только ужъ не знаетъ болѣе, чѣмъ нужно. О, говорю вамъ, есть жестокіе люди, жестокіе братья, жестокіе господа; но я, за все золото моего господина, не хочу быть жестокимъ слугою. Нашъ баринъ думалъ, что вы умерли.

Мооръ. Гм! что ты говоришь тамъ?

Даніэль *(шопотомъ)*. Да когда такъ непрошено, незвано воскресаютъ... Вашъ братецъ былъ послѣ покойнаго графа единственнымъ наслѣдникомъ.

Мооръ. Старикъ, что ты бормочешь тамъ, какъ будто чудовищная тайна вертится на языкѣ твоемъ и не хочетъ съ него сорваться? Говори яснѣе!

Даніэль. Но я скорѣй соглашусь съ голода глодать собственныя кости и съ жажды пить собственную воду, чѣмъ заслужить счастіе и изобиліе убійствомъ. *(Поспѣшно уходитъ).*

Мооръ, *выходя изъ ужаснаго оцѣпенѣнія.* Обманутъ! Обманутъ. Будто молніей освѣтило мою душу. Подлый обманъ! Адъ и небо! Не ты, отецъ мой... подлый обманъ... одинъ подлый обманъ—и я изъ-за него убійца, разбойникъ! Очерняетъ передъ нимъ... перехватываетъ, подмѣняетъ мои письма... Его сердце было полно любви... О, я чудовище, глупецъ! Полно любви было его родительское сердце... О, подлость, подлость! Мнѣ стоило бы только упасть къ ногамъ его; одной слезы моей было бы довольно... О, я слѣпой, слѣпой, слѣпой глупецъ! *(Ударяясь о стѣну).* Я бы могъ быть счастливымъ... О, подлыя, подлыя штуки! Счастіе моей жизни мошеннически, мошеннически разрушено! *(Въ бѣшенствѣ бѣгаетъ взадъ и впередъ).* Убійца! Одинъ подлый обманъ—и я убійца, разбойникъ! Онъ даже и не сердился, и мысль о проклятіи не закрадывалась въ его сердце... О, злодѣй! непонятный, низкій, ужасный злодѣй!

Косинскій *входитъ.*

Косинскій. Ну, атаманъ, гдѣ ты это пропадаешь? Ты, какъ вижу, и не думаешь объ отъѣздѣ.

Мооръ. Сѣдлай лошадей. До заката солнца мы должны быть за предѣлами графства.

Косинскій. Ты шутишь?

Мооръ *(повелительно).* Живѣй, живѣй! Не медли ни минуты... все брось... и чтобы ни одинъ глазъ тебя не замѣтилъ. *(Косинскій уходитъ).*

Мооръ.

Я бѣгу отсюда. Малѣйшее замедленіе можетъ привесть меня въ бѣшенство, а онъ сынъ моего отца. Братъ, братъ! ты сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ на землѣ. Я никогда не оскорблялъ тебя: ты поступилъ не по-братски. Пожинай спокойно плоды твоего злодѣйства; мое присутствіе да не отравляетъ болѣе твоего наслажденія. Но это было не по-братски. Мракъ да покроетъ навѣки это дѣло, и смерть да не обличитъ его.

Косинскій *возвращается.*

Косинскій. Лошади осѣдланы: можешь ѣхать, когда хочешь.

Мооръ. Какъ ты скоръ! Къ чему такая поспѣшность? Неужели я не увижу ее болѣе?

Косинскій. Если хочешь, я сейчасъ разсѣдлаю. Самъ же приказалъ спѣшить, сломя голову.

Мооръ. Только одинъ разъ! одно, послѣднее прости!.. Я долженъ, долженъ до дна выпить ядъ этого блаженства—и тогда... Косинскій только десять минутъ, подожди меня у садовой калитки—и мы въ дорогѣ.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Въ саду.

Амалія.

Ты плачешь, Амалія?—и это сказалъ онъ такимъ голосомъ, такимъ голосомъ.. Мнѣ показалось, что вся природа помолодѣла, былая весна любви расцвѣтала предо мной съ этимъ голосомъ. Соловей заливался, какъ прежде, цвѣты благоухали, какъ прежде, и я, упоенная блаженствомъ, лежала въ его объятіяхъ. О, лживое, коварное сердце! какъ ты умѣешь раскрашивать свою измѣну! Нѣтъ, нѣтъ! прочь изъ души моей, кощунственный образъ! Я не измѣню своей клятвѣ! ты мой единственный! Прочь изъ души моей вы, предательскія, безбожныя желанія! Въ сердцѣ, гдѣ царствуетъ Карлъ, нѣтъ мѣста для другого. Но отчего же душа моя, противъ воли, стремится къ этому пришельцу? Онъ такъ неразрывно слился съ образомъ моего Карла, сталъ вѣчнымъ спутникомъ моего Карла. Ты плачешь, Амалія? О, я убѣгу отъ него!—Убѣгу! Никогда глаза мои не увидятъ его.

Разбойникъ Мооръ *отворяетъ садовую калитку.*

Амалія *(содрогается).* Чу! Чу! словно скрипнула калитка? *(Видитъ Карла и хочетъ бѣжать).* Онъ! куда мнѣ?.. Будто кто приковалъ меня къ этому мѣсту: хочу и не могу бѣжать. Не оставь меня, Отецъ небесный! Нѣтъ, ты не вырвешь у меня моего Карла! Въ душѣ моей нѣтъ мѣста для двухъ боговъ, а я слабая дѣвушка. *(Вынимаетъ портретъ Карла).* Ты, мой Карлъ, —ты будешь моимъ геніемъ-хранителемъ! Ты защитишь меня отъ этого нарушителя моего спокойствія! На тебя, на тебя буду я безпрестанно смотрѣть—и не будетъ у меня нечестивыхъ взглядовъ на этого... *(Молча стоитъ, устремивъ взоры на портретъ).*

Мооръ. Вы здѣсь?— и такъ печальны? Слеза блеститъ на медальонѣ? *(Амалія не отвѣчаетъ ему).* Кто же этотъ счастливецъ, о комъ серебрится глазъ ангела? смѣю ли взглянуть? *(Онъ хочетъ посмотрѣть на медальонъ).*

Амалія. Нѣтъ... да... нѣтъ!

Мооръ *(содрогаясь).* Но заслуживаетъ ли онъ такого обожанія? заслуживаетъ ли?

Амалія. О, еслибъ вы его знали!

Мооръ. Я бы завидовалъ ему.

Амалія. Обожали бы, хотите вы сказать.

Мооръ. А!

Амалія. О, вы бы его любили! Въ его лицѣ было такъ много, такъ много... въ его глазахъ, въ звукѣ его голоса было такъ много сходства съ вами, такъ много того, что я такъ любила...

Мооръ *(стоитъ, потупивъ взоры).*

Амалія. Здѣсь, гдѣ вы теперь стоите, стаивалъ онъ тысячи разъ, и возлѣ него та, которая съ нимъ позабывала и небо и землю; здѣсь его взоръ обнималъ эту пышную природу. Она, казалось, понимала этотъ великій, награждающій взглядъ и хорошѣла передъ нимъ. Здѣсь онъ плѣнялъ своей божественной музыкой воздушныхъ слушателей. Здѣсь, въ этомъ цвѣтникѣ, срывалъ онъ розы, и срывалъ эти розы для меня; здѣсь, здѣсь лежалъ онъ въ моихъ объятіяхъ: губы его горѣли на моихъ губахъ и цвѣты радостно умирали подъ стопами влюбленныхъ.

Мооръ. Его уже нѣтъ?

Амалія. Его носятъ вихри по бурнымъ морямъ—любовь Амаліи сопутствуетъ ему, онъ скитается по непроходимымъ, песчанымъ степямъ—любовь Амаліи заставляетъ песокъ зеленѣть подъ его ногами и цвѣсти дикій кустарникъ; полуденное солнце палитъ его непокрытую голову, снѣга сѣвера сжимаютъ, леденятъ его члены, крупный градъ хлещетъ ему въ лицо, но любовь Амаліи убаюкиваетъ его въ буряхъ. Моря, пески и горизонты между любовниками, но души вылетаютъ изъ пыльныхъ темницъ и соединяются въ эдемѣ любви. Вы печальны, графъ?

Мооръ. Слова любви оживляютъ и мою любовь.

Амалія *(побѣднѣвъ).* Что? вы любите другую? Боже мой, что я сказала!

Мооръ. Она думала, что я умеръ—и оставалась вѣрна мнимо-умершему; она услыхала, что я живъ—и пожертвовала для меня вѣнцомъ праведницы. Она знаетъ, что я блуждаю въ пустыняхъ и въ горѣ влачу жизнь свою—и чрезъ пустыни и горести любовь ея долетаетъ ко мнѣ. Ее также зовутъ Амаліей.

Амалія. Какъ завидую я вашей Амаліи!

Мооръ. О, она несчастная дѣвушка: ея любовь пала на погибшаго—и никогда, никогда не вознаградится.

Амалія. Нѣтъ, она наградится на небѣ. Вѣдь говорятъ же, что есть лучшій міръ, гдѣ печальные возрадуются и любящіе соединятся.

Мооръ. Да, міръ, гдѣ спадетъ завѣса и любовники въ ужасѣ содрогнутся при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Вѣчность—его имя. Моя Амалія несчастная дѣвушка.

Амалія. Несчастная, когда вы ее любите?

Мооръ. Несчастная, потому что меня любитъ! Ну что, если бъ я былъ убійцею? Ну что, если вашъ возлюбленный при каждомъ поцѣлуѣ насчитывалъ бы вамъ по убійству? Горе моей Амаліи! она несчастная дѣвушка.

Амалія *(весело вспрыгивая).* О, какая же я счастливая дѣвушка! Мой возлюбленный отблескъ Божества, а Божество—милосердіе и состраданіе. Мухи—и той ему было жалко. Его душа такъ же далека отъ кровавыхъ мыслей, какъ полдень отъ полночи.

Мооръ *(быстро отворачивается и, подойдя къ кусту, неподвижно смотритъ въ даль).*

Амалія *(играетъ на лютнѣ и поетъ).*

Милый Гекторъ! не спѣши въ сраженье,
Гдѣ Ахилловъ мечъ безъ сожалѣнья
Тѣнь Патрокла жертвами дарить!
Кто жъ малютку твоего наставитъ
Чтить боговъ, копье и лукъ направить,
Если дикій Ксанеъ тебя умчитъ?

Мооръ *(молча беретъ лютню и играетъ).*

Милый другъ, копье и щитъ скорѣе.
Тамъ въ кровавой сѣчѣ веселѣе.

(Бросаетъ лютню и убѣгаетъ).

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Поляна, окруженная лѣсомъ. Ночь. Въ серединѣ древній развалившійся замокъ.

Разбойники *лежатъ группами на полянѣ.*

Разбойники (*поютъ*).

Рѣзать, грабить, куралесить
Намъ ужъ не учиться стать,
Завтра могутъ насъ повѣсить,
Нынче будемъ пировать!

Мы жизнь разгульную ведемъ,
Жизнь, полную веселья:
Мы ночью спимъ въ лѣсу густомъ,
Намъ бури, вѣтеръ ни-почемъ,
Что ночь—то новоселье.
Меркурій, нашъ веселый богъ,
Насъ научилъ всему, какъ могъ.

Мы нынче у поповъ кутимъ,
А завтра—въ путь дорогу.
Что намъ не надобно самимъ,
То жертвуемъ мы Богу.

И только сочный виноградъ
У насъ въ башкахъ забродитъ—
Мы поднимаемъ цѣлый адъ,
И намъ тогда самъ чортъ не братъ,
И все вверхъ дномъ заходитъ.

И стонъ зарѣзанныхъ отцовъ,
И матерей напрасный зовъ,
И вой дѣтей, и женщинъ крики
Для насъ пріятнѣе музыки.

О, какъ они страшно визжатъ подъ ножемъ!
Какъ кровь у нихъ бьется изъ горла ручьемъ!...
А насъ веселятъ ихъ кривлянья и муки:
Въ глазахъ у насъ красно, въ крови у насъ руки.

Когда жъ придетъ мой смертный часъ—
Палачъ, кончай скорѣе!
Друзья! всѣхъ петля вздернетъ насъ:
Кутите жъ веселѣе!
Глотокъ на дорогу скорѣе вина!
Ура! ай люли! смерть на людяхъ красна!

Швейцеръ. Ужъ ночь, а атамана еще нѣтъ.

Рацманъ. А обѣщалъ ровно въ восемь вернуться къ намъ.

Швейцеръ. Ужъ не случилось ли съ нимъ чего дурного? Товарищи, мы все сожжемъ тогда, и умертвимъ всѣхъ, даже грудныхъ младенцевъ.

Шпигельбергъ (*отводитъ Рацмана въ сторону*). На пару словъ, Рацманъ.

Шварцъ (*Гримму*). Не разослать ли шпіоновъ.

Гриммъ. И, полно. Онъ вѣрно хочетъ смастерить какую-нибудь штуку, такъ что намъ завидно будетъ.

Швейцеръ. Попалъ пальцемъ въ небо, чортъ возьми! Онъ разстался съ нами, кажется, не съ такимъ видомъ, чтобъ мастерить штуки. Позабылъ, что ли, какъ онъ намъ тамъ въ степи наказывалъ?—„Кто хотя одну рѣпу украдетъ съ поля—и я это узнаю—не будь я Мооромъ, если тотъ не оставитъ головы своей". Здѣсь, братецъ, поживы не будетъ.

Рацманъ (*тихо Шпигельбергу*). Да чего ты хочешь—говори толкомъ.

Шпигельбергъ. Тсъ! Тсъ! — Не знаю, что у насъ за понятія о свободѣ: день-деньской, какъ волы, не выходимъ изъ упряжи, а въ то же время разлагольствуемъ о независимости. Мнѣ это не по-нутру.

Швейцеръ (*Гримму*). Что тамъ еще затѣваетъ эта пустая голова?

Рацманъ (*тихо Шпигельбергу*). Ты говоришь объ атаманѣ?

Шпигельбергъ. Тсъ! Тсъ!—У него вездѣ есть уши. Атаманъ, говоришь ты? Кто его поставилъ надъ нами атаманомъ? Не самовольно ли онъ присвоилъ себѣ этотъ титулъ, принадлежащій мнѣ по праву?—Какъ! затѣмъ, что ли, мы ставимъ жизнь на карту, затѣмъ переносимъ щелчки отъ судьбы, чтобъ имѣть счастіе быть рабами раба?—рабами, когда мы могли бы быть господами? Клянусь Богомъ, Рацманъ, мнѣ это было не по-нутру!

Швейцеръ (*прочимъ*). Да, небось, ты герой—въ лягушекъ бросать каменья. Одинъ звукъ его носа, когда онъ сморкается, въ состояніи загнать тебя въ мышинную щелку.

Шпигельбергъ (*Рацману*). Да ужъ давно я мечтаю: какъ бы иначе устроить дѣло. Рацманъ, если ты точно таковъ, какъ я воображалъ себѣ... Рацманъ, онъ не приходитъ... его почитаютъ погибшимъ!... Рацманъ, мнѣ сдается, что часъ его пробилъ... Какъ! и ты нисколько не воспламеняешься, когда гудитъ передъ тобой колоколъ свободы? И у тебя нѣтъ настолько духу, чтобъ понять смѣлый намекъ?

Рацманъ. Сатана! зачѣмъ искушаешь ты мою душу?

Шпигельбергъ. Что? смекнулъ? Ладно, идемъ! Я замѣтилъ, куда онъ пошелъ. Идемъ,—два пистолета рѣдко даютъ про-

махъ, а тамъ—мы первые станемъ душить грудныхъ младенцевъ. (*Хочетъ увлечь его*).

Швейцеръ (*въ бѣшенствѣ вынимаетъ ножъ*). А, бестія! Ты мнѣ кстати напомнилъ богемскіе лѣса! Не ты ли первый началъ выть, когда насъ окружилъ непріятель! Я тогда же поклялся душою... Умри, подлый убійца! (*Закалываетъ его*).

Разбойники (*въ смятеніи*). Рѣзня, рѣзня!—Швейцеръ! Шпигельбергъ! Разнимите ихъ!

Швейцеръ (*бросая ножъ*). Вотъ тебѣ—околѣвай! Смирно, товарищи! Что расшумѣлись изъ-за бестіи! Бездѣльникъ всегда косился на атамана, а у самого не было рубца на шкурѣ. Говорю вамъ, успокойтесь! Этакая ракалья!—изподтишка вздумалъ людей убивать. Изподтишка!... За тѣмъ, что ли, проливаемъ мы потъ, чтобъ пропадать, какъ собакамъ! Ахъ ты бестія! За тѣмъ мы, что ли, бросаемся въ огонь и пламя, чтобъ потомъ протягивать лапы, какъ крысы?

Гриммъ. Но, чортъ возьми, товарищъ, что тамъ у васъ было такое? Атаманъ вѣдь взбѣсится.

Швейцеръ. Это ужъ мое дѣло. (*Къ Рацману*). А ты, безбожникъ, былъ его сообщникомъ? а? Прочь съ глазъ моихъ! Вотъ и Шуфтерле затѣялъ было то же: за то и виситъ въ Швейцаріи, какъ напророчилъ ему атаманъ. (*Выстрѣлъ*).

Шварцъ (*вскакивая*). Чу! пистолетный выстрѣлъ! (*Еще выстрѣлъ*). Другой! Эй, вы, подымайтесь—атаманъ!

Гриммъ. Погоди! Если это онъ, будетъ еще третій. (*Слышенъ еще выстрѣлъ*).

Шварцъ. Онъ, это онъ! Заряжай, Швейцеръ! отвѣтимъ ему (*стрѣляютъ*).

Мооръ *и* Косинскій *входятъ*.

Швейцеръ (*имъ на встрѣчу*). Милости просимъ, атаманъ. Я безъ тебя немного погорячился. (*Подводитъ его къ трупу*). Будь судьею между мною и этимъ... Изподтишка хотѣлъ убить тебя.

Разбойники (*въ изумленіи*). Что? атамана?

Мооръ (*погруженный въ созерцаніе, вдругъ приходитъ въ себя*). О, непостижимый перстъ мстительной Немезиды! (*Указывая на трупъ*). Не онъ ли первый пропѣлъ мнѣ пѣснь сирены? Посвяти этотъ ножъ темной богинѣ мести. Это не ты сдѣлалъ, Швейцеръ!

Швейцеръ. Богъ свидѣтель, что сдѣлалъ я— и, клянусь чортомъ, это не худшее дѣло въ моей жизни! (*Въ негодованіи отходитъ*).

Мооръ (*задумчиво*). Понимаю Тебя, небесный Распорядитель! я понимаю Тебя! Листья падаютъ съ деревьевъ: моя осень наступила. Уберите его съ глазъ моихъ! (*Трупъ Шпигельберга уносятъ*).

Гриммъ. Отдай намъ приказанія, атаманъ,—что намъ еще остается дѣлать?

Мооръ. Скоро, скоро все совершится. Дайте мнѣ мою лютню. Я потерялъ самого себя съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ тамъ. Мою лютню, говорю я. Пѣснью долженъ я вызвать утраченныя силы. Оставьте меня!

Разбойники. Уже полночь, атаманъ.

Мооръ. То были только театральныя слезы... Римскую пѣснь долженъ я услышать, чтобъ пробудить мой уснувшій духъ. Подайте мою лютню! Полночь, говорите вы?

Шварцъ. Да, скоро настанетъ. Сонъ, какъ свинецъ, тяготѣетъ надъ нами. Трое сутокъ не спали.

Мооръ. Да развѣ успокоительный сонъ опускается и на глаза плутовъ? Чего же бѣжитъ онъ меня? Я никогда не былъ ни подлецомъ, ни дурнымъ человѣкомъ. Ложитесь спать. Завтра чѣмъ свѣтъ мы отправляемся дальше.

Разбойники. Доброй ночи, атаманъ.

(*Ложатся на землю и засыпаютъ*).

(*Глубокое молчаніе*).

Мооръ (*беретъ лютню и поетъ*).

Брутъ.

Привѣтъ мой вамъ, вы, мирныя долины!
Послѣдняго примите изъ римлянъ.
Съ Филибы, гдѣ сражались исполины,
Душа взвилась къ вамъ изъ отверстыхъ ранъ.
Мой Кассій, гдѣ ты? Римъ нашъ издыхаетъ!
Мои полки заснули—спятъ во мглѣ.
Твой Брутъ къ тѣнямъ покойниковъ взываетъ
Для Брута нѣтъ ужъ мѣста на землѣ!

Цезарь.

Чья это тѣнь съ печатью отверженья
Задумчиво блуждаетъ по горамъ?
О! если мнѣ не измѣняетъ зрѣнье.
Походка римлянина видится мнѣ тамъ.
Давно ль простился Тибра сынъ съ землею?
Стоитъ, иль палъ нашъ семихолмный Римъ?
Какъ часто плакалъ я надъ сиротою,
Что больше нѣтъ ужъ Цезаря надъ нимъ!

Брутъ.

А! грозный призракъ, ранами покрытый!
Кто потревожилъ тѣнь твою, мертвецъ?
Ступай къ брегамъ печальнаго Коцита!
Кто правъ изъ насъ—покажетъ то конецъ.

На алтарѣ Фемиды угасаетъ
Святой свободы жертвенная кровь,
Да Римъ надъ трупомъ Брута издыхаетъ—
И Брутъ его не оживитъ ужъ вновь!

Цезарь.

И умереть отъ твоего кинжала!...
И ты—и ты поднять могъ руку, Брутъ?
О, сынъ, то былъ отецъ твой! Сынъ—подпала
Земля бы вся подъ царскій твой трибутъ!
Ступай! ты сталъ великимъ изъ великихъ,
Когда отца кинжаломъ поразилъ.
Ступай!—и пусть услышатъ мертвыхъ лики,
Что Брутъ мой сталъ великимъ изъ великихъ,
Когда меня кинжаломъ поразилъ.
Ступай! и знай, что мнѣ въ рѣкѣ забвенья
Отъ лютой скорби нѣту исцѣленья.
Харонъ, скорѣй отъ этихъ дикихъ скалъ!

Брутъ.

Постой, отецъ! среди земныхъ твореній
Я одного лишь только въ мірѣ зналъ,
Кто съ Цезаремъ бы выдержалъ сравненье:
Его своимъ ты сыномъ называлъ.
Лишь Цезарь Римъ былъ въ силахъ уничтожить,
Одинъ лишь Брутъ могъ Цезаря столкнуть;
Гдѣ Брутъ живетъ, тамъ Цезарь жить не можетъ
Иди, отецъ!—и здѣсь нашъ розенъ путь.

(*Опускаетъ лютню на землю и задумчиво ходитъ взадъ и впередъ*).

Когда бы мнѣ кто-нибудь могъ поручиться?... Все такъ мрачно! запутанные лабиринты: нѣтъ выхода, нѣтъ путеводной звѣзды. Ну, если бы все кончилось съ послѣднимъ вздохомъ, какъ пустая игра маріонетокъ?... Но къ чему эта неутолимая жажда счастья? Къ чему этотъ идеалъ недоступнаго совершенства, это отлагательство неоконченныхъ плановъ, когда ничтожное пожатіе этой ничтожной вещицы (*приставляя пистолетъ ко лбу*) равняетъ мудреца съ глупцомъ, труса съ храбрымъ, честнаго съ плутомъ? Даже въ бездушной природѣ—и въ той такая божественная гармонія, зачѣмъ же въ разумномъ существѣ быть подобной разноголосицѣ? Нѣтъ! нѣтъ! есть что-то высшее, потому что я еще не былъ счастливъ.

Не думаете ли, что я задрожу передъ вами, вы, тѣни задавленныхъ мною? Нѣтъ, не задрожу! (*Дрожитъ*). Ваше жалкое предсмертное визжаніе, ваши посинѣлыя лица, ваши страшно-зіяющія раны—все это только звенья неразрывной цѣпи судьбы, которыя притомъ тѣсно связаны съ моими пирами, съ причудами моихъ нянекъ и гувернеровъ, съ темпераментомъ моего отца, съ кровью моей матери. (*Потрясенный ужасомъ*). Зачѣмъ мой Периллъ сдѣлалъ изъ меня быка—и человѣчество варится въ моемъ раскаленномъ чревѣ? (*Приставляетъ пистолетъ ко лбу*). Время и вѣчность, скованныя другъ съ другомъ однимъ мгновеніемъ! Заржавленный ключъ, запирающій за мною темницу жизни и отмыкающій мнѣ обитель вѣчной ночи, скажи мнѣ, о, скажи мнѣ, куда, куда ты приведешь меня? Чуждая, никѣмъ невиданная страна. И вотъ—утомленное человѣчество падаетъ передъ этимъ образомъ, мышцы конечнаго слабѣютъ, и фантазія, — эта своенравная обезьяна чувствъ—рисуетъ нашему легковѣрію странныя тѣни. Нѣтъ, нѣтъ! Человѣкъ не долженъ колебаться... Чѣмъ бы ты ни было безымянное „тамъ“ — только бы мое „я“ осталось мнѣ вѣрнымъ. Чѣмъ бы ты ни было, лишь бы я себя самого могъ взять съ собою. Внѣшность—это одѣяніе человѣка... Я самъ—мое небо и адъ.

Что если Ты поселишь меня одного въ какомъ-нибудь испепеленномъ мірѣ, лишенномъ Твоего присутствія, гдѣ одна только ночь и вѣчныя пустыни будутъ окружать меня? Я населю тогда молчаливую пустоту своими фантазіями и цѣлую вѣчность буду разглядывать искаженный образъ всеобщаго бѣдствія. Или ужъ не хочешь ли Ты черезъ безпрестанно новыя возрожденія, черезъ безпрестанно новыя мѣста казни и бѣдствія, со ступени на ступень привести меня къ уничтоженію? Развѣ я не могу разорвать жизненныя нити, отпряденныя для меня тамъ, такъ же легко, какъ и эти? Ты можешь уничтожить меня, но—не лишишь этой свободы. (*Заряжаетъ пистолетъ. Вдругъ какъ бы образумившись*), Ужели я умру со страха передъ мучительною жизнью? паду ницъ передъ бѣдствіями? Нѣтъ, я хочу страдать! (*Бросаетъ пистолетъ*). Пусть страданія разобьются о мою гордость! Я выпью до дна чашу бѣдствій.

(*Становится темнѣе и темнѣе*).

Германъ *крадется по лѣсу.*

Чу! чу! экъ завываетъ! Полночь бьетъ въ деревнѣ. Да, да, злодѣйство спитъ; здѣсь некому подслушивать. (*Подходитъ къ замку и стучитъ*). Вылѣзай, бѣднякъ, жилецъ башни! Твой обѣдъ готовъ.

Мооръ (*тихо отходитъ*). Это что значитъ?

Голосъ (*изъ башни*). Кто тамъ? А? Это ты, Германъ, мой воронъ?

Германъ. Да, Германъ, твой воронъ. Лѣзь къ рѣшеткѣ и ѣшь. (*Крикъ совъ*). Страшно поютъ твои ночные товарищи, старикъ. Что—вкусно?

Голосъ. Я голоденъ. Благодарю Тебя, посылающаго мнѣ врана въ пустыню! Что съ моимъ милымъ сыномъ, Германъ?

Германъ. Тише! чу!—Какъ будто храпитъ кто-то. Слышишь?

Голосъ. Что? а развѣ ты слышишь?

Германъ. Это вѣтеръ вздыхаетъ въ щеляхъ твоей башни: ночная музыка, отъ которой поневолѣ зубы застучатъ и ногти посинѣютъ. Но, чу!—мнѣ опять, какъ-будто, послышалось храпѣніе. Да ты здѣсь не одинъ, старикъ!

Голосъ. А ты видишь кого-нибудь?

Германъ. Прощай, прощай! Страшно это мѣсто. Ступай опять въ свое заточенье... Твой заступникъ и мститель тамъ на небесахъ!... Проклятый сынъ!... (*Хочетъ бѣжать*).

Мооръ (*выходитъ въ ужасѣ*). Стой!

Германъ (*вскрикиваетъ*). Горе мнѣ!

Мооръ. Стой! говорю я!

Германъ. Горе! горе! горе! Теперь все пропало!

Мооръ. Стой! говори—кто ты? что здѣсь дѣлаешь? Говори же!

Германъ. Сжальтесь, сжальтесь надо мною! Прежде чѣмъ убить меня, выслушайте хоть слово въ оправданіе!

Мооръ (*вынимая кинжалъ*). Что я еще услышу?

Германъ. Правда, вы мнѣ настрого запретили... грозили смертью; но я не могъ поступить иначе... не смѣлъ поступить иначе... Вѣдь это вашъ родной отецъ! Я сжалился надъ нимъ. Теперь убейте меня, если хотите!

Мооръ. Здѣсь кроется тайна! Говори! признавайся! Я хочу все знать.

Голосъ (*изъ башни*). Горе! горе! Это ты говоришь тамъ, Германъ? Съ кѣмъ говоришь ты, Германъ?

Мооръ. Тамъ еще кто-то? Что за чудеса? (*Бѣжитъ къ башнѣ*). Если это колодникъ, отверженный людьми,—я разобью его цѣпи. Голосъ... снова... Гдѣ дверь?

Германъ. О, сжальтесь! Не ходите дальше! Изъ состраданія пройдите мимо! (*Загораживаетъ ему дорогу*).

Мооръ. Четыре замка! Прочь! Я долженъ дознаться. Теперь впервые прибѣгаю къ тебѣ, воровство. *Беретъ отпорные инструменты и отворяетъ рѣшетчатую дверь. Въ глубинѣ виденъ старикъ, высохшій какъ скелетъ*).

Старикъ. Сжальтесь надъ несчастнымъ, сжальтесь!

Мооръ (*въ ужасѣ отступаетъ*). Голосъ моего отца!

Ст. Мооръ. Благодарю тебя, Господи! Насталъ часъ освобожденія.

Мооръ. Духъ стараго Моора, что встревожило тебя въ гробѣ? Если ты сошелъ въ могилу съ грѣхомъ на душѣ, заграждающимъ тебѣ путь къ вратамъ рая—я стану служить обѣдни и панихиды, чтобъ успокоить твою блуждающую тѣнь. Если ты зарылъ въ землю золото вдовъ и сиротъ и въ полночный часъ тебя невольно тянетъ къ нему—я вырву кладъ изъ когтей самаго заколдованнаго дракона, хоть извергай онъ въ меня огнемъ и скрипи о мою саблю своими острыми зубами. Или пришелъ ты дать отвѣтъ на мои вопросы, растолковать мнѣ загадку вѣчности? Говори, я не поблѣднѣю отъ страха.

Ст. Мооръ. Я не духъ. Ощупай меня; я живъ. О, жалкая ужасная жизнь!

Мооръ. Какъ—ты не былъ схороненъ?

Ст. Мооръ. Я былъ схороненъ? Дохлая собака лежитъ въ склепѣ отцовъ моихъ, тогда какъ я вотъ ужъ три безконечныхъ мѣсяца томлюсь въ этой мрачной подземной пещерѣ, куда во все это время не проникъ ко мнѣ ни одинъ солнечный лучъ, гдѣ ни разу не повѣялъ на меня теплый воздухъ, не навѣстилъ меня ни одинъ другъ; гдѣ только каркаютъ вороны, да воютъ полночныя совы.

Мооръ. Небо и земля! Но кто жъ такъ поступилъ съ тобою?

Ст. Мооръ. Не проклинай его! Такъ поступилъ со мной родной сынъ, Францъ.

Мооръ. Францъ? Францъ? О, вѣчный хаосъ!

Ст. Мооръ. Если ты человѣкъ и въ тебѣ человѣческое сердце, о, избавитель мой, котораго я не знаю, то выслушай про горе отца, изготовленное ему его же собственными сыновьями. Три мѣсяца взываю я объ этомъ нѣмымъ утесамъ, но только эхо передразниваетъ мои жалобы. Если ты человѣкъ и въ тебѣ человѣческое сердце...

Мооръ. Такія заклинанія въ состояніи вызвать и дикихъ звѣрей изъ логовищъ.

Ст. Мооръ. Я еще лежалъ на одрѣ болѣзни и едва начиналъ оправляться, когда ко мнѣ привели человѣка, который объявилъ мнѣ, будто мой первенецъ погибъ въ сраженіи, причемъ вручилъ мнѣ саблю, обагренную его кровью, и передалъ его послѣднее прощаніе и слова, что мое проклятіе было причиною его смерти и отчаянія.

Мооръ (*отворачивается отъ него*). Это понятно!

Ст. Мооръ. Слушай далѣе! Я обезпамятѣлъ отъ этой вѣсти. Меня, вѣроятно, сочли умершимъ, потому что, опомнившись, я лежалъ уже въ гробу, и, какъ мертвецъ, былъ завернутъ въ саванъ. Я сталъ стучать въ крышку гроба. Она открылась. Была глубокая ночь. Мой сынъ Францъ стоялъ передо мною. „Какъ!“ вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ: „Такъ ты вѣчно хочешь жить?“ И въ ту же минуту крышка захлопнулась надо мною. Звукъ этихъ словъ лишилъ меня всѣхъ чувствъ. Когда я опять пришелъ въ себя, то почувствовалъ, что гробъ подняли и повезли. Наконецъ гробъ былъ открытъ. Онъ стоялъ передъ входомъ въ этотъ склепъ, мой сынъ былъ возлѣ него, и съ нимъ человѣкъ, принесшій мнѣ окровавленную саблю Карла. Я обнималъ колѣни Франца, и просилъ, и молилъ, и молилъ и обнималъ ихъ, и заклиналъ: мольбы отца не дошли до его сердца! „Пора костямъ на покой!“ отвѣчалъ онъ: „ты довольно пожилъ!“ И меня безжалостно бросили въ подземелье, и самъ Францъ заперъ его за мною.

Мооръ. Это невозможно, это немыслимо! Вы, вѣрно, ошиблись!

Ст. Мооръ. Ошибся, говоришь ты! Слушай далѣе, только не гнѣвайся! Такъ пролежалъ я цѣлыя сутки, и ни одна душа не вспомнила обо мнѣ. Давно уже человѣческая нога не попираетъ этихъ мѣстъ, потому что въ народѣ идетъ молва, будто тѣни отцовъ моихъ гремятъ цѣпями въ развалинахъ и въ полуночный часъ поютъ похоронныя пѣсни. Наконецъ дверь моя отворилась: вотъ этотъ человѣкъ принесъ мнѣ хлѣба и воды и объявилъ, что я осужденъ на голодную смерть, и что онъ можетъ поплатиться жизнью, если узнаютъ, что онъ меня кормитъ. Такъ жилъ я все это долгое время, но постоянный холодъ, спертый воздухъ и безпредѣльное горе дѣлали свое дѣло: мои силы исчезли, тѣло сохло... Тысячу разъ со слезами молилъ я Бога о смерти; но, видно, мѣра моего наказанія еще не исполнилась, или, можетъ быть, еще какая-нибудь радость ждетъ меня, что я какимъ-то чудомъ все перенесъ. Но я заслужилъ это... О, Карлъ! Карлъ!... у него вѣдь не было еще и сѣдыхъ волосъ.

Мооръ. Довольно. Вставайте вы, дубье, вы, ледяныя глыбы, лѣнивыя безчувственныя сони! Вставайте! Не хотите? (*Стрѣляетъ изъ пистолета надъ спящими разбойниками*).

Разбойники (*пробуждаясь*). Эй, что тамъ? что тамъ?

Мооръ. Какъ, и этотъ разсказъ не прогналъ вашей дремоты? О, онъ въ силахъ пробудить отъ вѣчнаго сна! Посмотрите сюда! посмотрите! Законы природы стали игрушкой, связь природы распалась, древній раздоръ выпущенъ на волю: сынъ убилъ отца своего.

Разбойники. Что говоритъ атаманъ?

Мооръ. Нѣтъ, онъ не убивалъ... Это слово слишкомъ мягко... Сынъ тысячу разъ колесовалъ, жегъ, рѣзалъ, пыталъ своего отца! Нѣтъ, и эти слова слишкомъ человѣчны! Отъ чего самый грѣхъ покраснѣетъ, каннибалъ содрогнется. чего въ эонахъ не выдумали сами дьяволы... Сынъ—своего собственнаго отца! О, взгляните сюда, взгляните сюда! Онъ лишился чувствъ. Въ этотъ склепъ сынъ—своего отца... Холодъ, нагота, голодъ, жажда... О, поглядите же, поглядите!—это мой отецъ!

Разбойники (*сбѣгаются и окружаютъ старика*). Отецъ твой? отецъ твой?

Швейцеръ (*почтительно подходитъ и падаетъ передъ нимъ на колѣни*) Отецъ моего атамана, цѣлую твои ноги! Мой кинжалъ къ твоимъ услугамъ.

Мооръ. Месть, месть, месть за тебя, святотатственно - оскорбленный старецъ! Такъ разрываю я отъ-нынѣ и до-вѣка братскій союзъ! (*Разрываетъ платье свое съ верху до низу*). Такъ проклинаю я каждую каплю братской крови предъ лицомъ отверстаго неба! Внемлите мнѣ, мѣсяцъ и звѣзды! Внемли мнѣ, полуночное небо, ты, взирающее на это злодѣйство! Внемли мнѣ, трикраты страшный Богъ! Ты, возсѣдающій надъ мѣсяцемъ, и мстящій и осуждающій надъ звѣздами, и пламенѣющій надъ ночью! Здѣсь становлюсь я на колѣни, здѣсь простираю я три перста къ небу, здѣсь клянусь я—и да выплюнетъ меня природа изъ границъ своихъ, какъ зловредную тварь, если я нарушу эту клятву—клянусь не видать дневного свѣта, пока кровь отцеубійцы, пролитая передъ этимъ камнемъ, не задымится къ солнцу! (*Встаетъ*).

Разбойники. Это дьявольская штука! Вотъ, говорятъ, мы негодяи! Нѣтъ, такой штуки мы не съумѣемъ выкинуть.

Мооръ. Да! и клянусь всѣми ужасными вздохами тѣхъ, что умерли подъ ножами вашими, тѣхъ, что пожрало мое пламя и раздавила моя взорванная башня, мысль объ убійствѣ или грабежѣ да не прежде взойдетъ къ вамъ въ головы, пока платье ваше до-красна не вымокнетъ въ крови злодѣя! Вамъ, вѣрно, никогда еще не снилось, чтобъ вы могли стать десницею высшихъ судебъ? Нынче, нынче невидимая сила облагородила ремесло наше. Молитесь Тому, Кто даровалъ вамъ такой возвышенный жребій! Кто путеводилъ васъ сюда, Кто удостоилъ васъ быть ужасными ангелами Его мрачнаго судилища! Обнажите головы! Падите во прахъ и встаньте освященными! (*Всѣ становятся на колѣни*).

Швейцеръ. Атаманъ, что намъ дѣлать?

Мооръ. Встань, Швейцеръ—и коснись этихъ священныхъ сѣдинъ! (*Подводитъ его къ отцу и даетъ ему локонъ волосъ въ руки*). Помнишь ли, какъ ты однажды раскроилъ голову богемскому драгуну, когда онъ занесъ надо мной саблю, а я—едва дышащій и истощенный—упалъ на колѣни? Тогда я обѣщалъ наградить тебя по-царски; но до сихъ поръ не могъ еще заплатить этого долга.

Швейцеръ. Правда, ты мнѣ это обѣщалъ; но позволь мнѣ вѣчно называть тебя своимъ должникомъ.

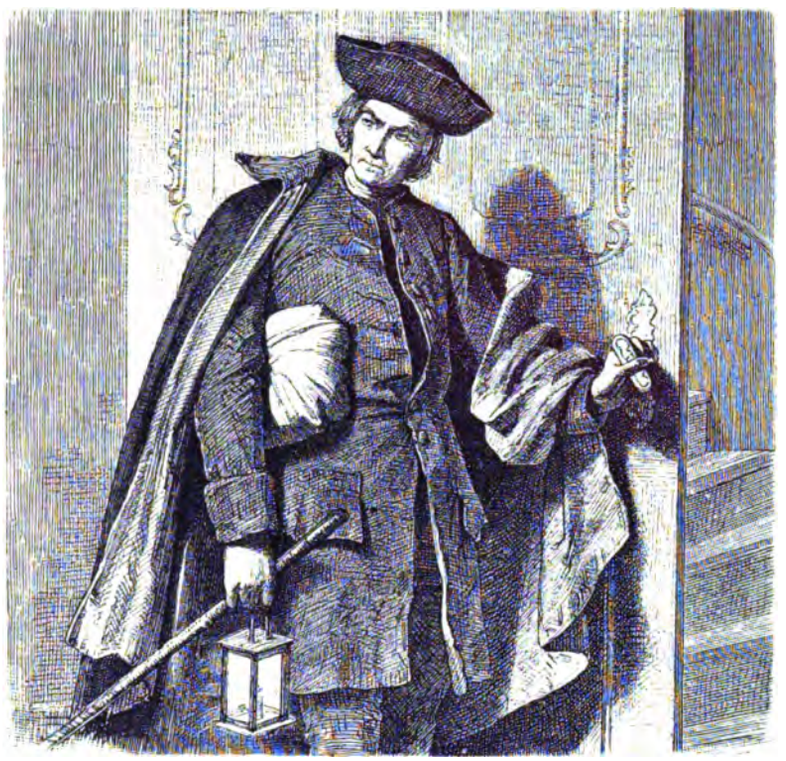
Мооръ. Нѣтъ, теперь я расплачусь съ тобою! Швейцеръ, такой чести еще не удостоивался ни одинъ смертный: Швейцеръ, отмсти за отца моего! (*Швейцеръ встаетъ*).

Швейцеръ. Великій атаманъ, нынче ты заставилъ меня въ первый разъ гордиться. Повели —гдѣ, какъ, когда мнѣ убить его?

Мооръ. Каждая минута дорога; ты долженъ спѣшить. Выбери достойнѣйшихъ изъ шайки и веди ихъ къ графскому замку. Стащи его съ постели, если онъ спитъ или покоится въ объятіяхъ сладострастія; оторви его отъ стола, если онъ пьянствуетъ, отъ распятія, если онъ молится на колѣняхъ; но—повторяю тебѣ, настрого наказываю тебѣ—доставь его живого! Тѣло того, кто лишь оцарапаетъ ему кожу или вырветъ хотя одинъ волосъ, я разорву въ клочки и предамъ на съѣденіе плотоядным коршунамъ. Живого его мнѣ надобно, и если ты доставишь его мнѣ цѣлымъ и невредимымъ—милліонъ получишь въ награду. Я украду его у короля, съ опасностью жизни—и ты будешь свободенъ, какъ вѣтеръ въ полѣ. Ты понялъ, Швейцеръ?—спѣши же!

Швейцеръ. Довольно, атаманъ! Вотъ тебѣ рука моя: увидишь или насъ обоихъ, или ни одного изъ насъ. Черные ангелы Швейцера, идемъ! (*Уходитъ со своимъ отрядомъ*).

Мооръ. Вы-жъ остальные—разсѣйтесь по лѣсу. Я остаюсь!



ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Анфилада комнатъ. Темная ночь.

Даніэль *входитъ съ фонаремъ и узломъ.*

Прости, дорогой, родимый домъ! Много видѣлъ я хорошаго и добраго въ тебѣ при покойномъ графѣ. Царство небесное—тебѣ, давно-истлѣвшій, и горючія слезы твоего стараго слуги. При тебѣ домъ этотъ былъ пріютомъ сирыхъ и прибѣжищемъ всѣхъ скорбящихъ, а твой сынъ превратилъ его въ разбойничій вертепъ. Прощай и ты, мой милый полъ! часто мелъ тебя старый Даніэль! Прости и ты, моя дорогая печь: мнѣ, старику, тяжело разставаться съ тобою. Мнѣ все здѣсь такъ знакомо. Ахъ, горько, горько тебѣ, старый Елисѣй! Но, Господи, избавь меня отъ обмана и козней! Убогимъ пришелъ я сюда, убогимъ и отхожу я отсюда, но душа моя чиста. (*Едва онъ хочетъ уйти, какъ вбѣгаетъ Францъ*).

Францъ, *въ халатѣ.*

Даніэль. Мать пресвятая Богородица! самъ графъ. (*Гаситъ фонарь*).

Францъ. Измѣна! измѣна! Духи встаютъ изъ гробовъ! Царство мертвыхъ, исторгнутое изъ вѣчнаго сна, взываетъ ко мнѣ: „убійца, убійца!“ Кто это тамъ шевелится?

Даніэль (*со страхомъ*). Господи, сохрани насъ и помилуй! Такъ это вы, графъ, такъ страшно кричите на весь замокъ, что всѣ, какъ полоумные, вскакиваютъ съ постелей?

Францъ. Съ постелей? А кто вамъ позволилъ спать? Пошелъ, зажги свѣтъ! (*Даніэль уходитъ. Является другой слуга*). Никто не смѣй спать въ это время. Слышишь ты? Всѣ на ноги! Вооружитесь! заря-

дите ружья! Видѣлъ ли ты, какъ они неслись?...

Слуга. Кто, ваше сіятельство?

Францъ. Кто, баранья голова! кто! Такъ хладнокровно, такъ равнодушно смѣешь спрашивать—кто? Я чуть въ обморокъ не упалъ... Кто, ослиная голова! кто! Духи и черти! Который часъ?

Слуга. Сторожъ только что прокричалъ два.

Францъ. Два? Эта ночь, видно, хочетъ протянуться до страшнаго суда? Не слыхалъ ли ты шума вблизи? побѣдныхъ криковъ? топота коней? Гдѣ Ка... гдѣ графъ, я хочу сказать?

Слуга. Не знаю, сударь.

Францъ. Не знаешь? Ты также съ ними въ стачкѣ? Я вырву у тебя сердце изъ груди! Убирайся съ своимъ проклятымъ „не знаю"! Пошелъ, позови пастора!

Слуга. Ваше сіятельство...

Францъ. Ты ворчишь, медлишь? (*Слуга поспѣшно уходитъ*). Какъ! и нищій противъ меня въ заговорѣ? Небо, адъ! Все противъ меня въ заговорѣ?

Даніэль (*возвращается со свѣтомъ*). Ваше сіятельство!

Францъ. Нѣтъ, я не дрожу. Вѣдь это только сонъ. Мертвые не встаютъ. Кто говоритъ, что я дрожу и блѣднѣю? Мнѣ такъ легко, такъ хорошо.

Даніэль. Выблѣдны, какъ смерть; вашъ голосъ дрожитъ.

Францъ. У меня лихорадка. Когда пасторъ придетъ—скажи, что у меня лихорадка. Я завтра же пущу себѣ кровь—скажи такъ пастору.

Даніэль. Не прикажите ли нѣсколько капель бальзаму на сахарѣ?

Францъ. Дай бальзаму! Пасторъ долго еще не придетъ. Голосъ дрожитъ у меня: дай мнѣ бальзаму!

Даніэль. Пожалуйте жъ мнѣ ключи: я схожу внизъ достать изъ шкафа...

Францъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! останься или я пойду вмѣстѣ съ тобой. Ты видишь самъ—я не могу остаться одинъ. Можетъ случиться, что я—самъ видишь—упаду въ обморокъ, если останусь одинъ. Не надо, не надо! И такъ пройдетъ—оставайся.

Даніэль. Да вы, въ самомъ дѣлѣ, очень нездоровы.

Францъ. Да, точно, точно!—вотъ и все тутъ! А болѣзнь разстраиваетъ мозгъ и насылаетъ безсмысленные, страшные сны. Не правда ли, Даніэль? Сны происходятъ изъ желудка: сны ничего не значатъ. Мнѣ еще сейчасъ снился такой веселый сонъ... (*Падаетъ въ обморокъ*).

Даніэль. Боже милосердый! что это съ нимъ? Георгъ! Конрадъ! Бастіанъ! Мартинъ! Да подайте хоть знакъ, что вы живы! (*Толкаетъ Франца*). Да придете ли вы въ себя? Еще, пожалуй, скажутъ, что я убилъ его! Господи, сохрани меня и помилуй!

Францъ (*въ бреду*). Прочь, прочь, гадкій скелетъ! Чего ты толкаешь меня? Мертвые еще не встаютъ...

Даніэль. О, небесное милосердіе!—онъ съ ума сошелъ.

Францъ (*медленно встаетъ*). Гдѣ я? Это ты, Даніэль? Я говорилъ что-нибудь? Не обращай на это вниманія! Все, что я ни говорилъ—ложь, сущая ложь. Пойдемъ! помоги мнѣ! Это только дѣйствіе обморока... оттого... оттого, что я не выспался.

Даніэль. Хоть бы Іоганнъ пришелъ: я побѣжалъ бы сейчасъ за докторомъ.

Францъ. Останься! Садись возлѣ меня на софу—вотъ такъ. Ты—умный человѣкъ, добрый человѣкъ. Дай, я разскажу тебѣ...

Даніэль. Не теперь—въ другой разъ!.. Я уложу васъ въ постель: вамъ нуженъ покой.

Францъ. Нѣтъ, прошу тебя, выслушай и осмѣй меня хорошенько. Видишь ли, мнѣ снилось, будто я только что всталъ изъ-за царскаго обѣда, и сердце билось у меня отъ наслажденія, и я, упоенный, лежалъ въ саду на травѣ, какъ вдругъ—это было какъ будто въ полдень—вдругъ... Да смѣйся же надо мною, говорю тебѣ...

Даніэль. Вдругъ?

Францъ. Вдругъ страшный ударъ грома поражаетъ слухъ мой: въ трепетѣ встаю я, и что же?—вижу: яркимъ пламенемъ горитъ весь горизонтъ; и горы, и лѣса, и города растоплены, какъ воскъ въ печи; воющій вѣтеръ мететъ и море, и землю, и небо... Вдругъ раздалось съ вышины, какъ-будто изъ мѣдныхъ трубъ: „Земля, отдай мертвецовъ своихъ, отдай мертвецовъ своихъ, море." И вотъ—голая степь стала трескаться и выбрасывать черепа и ребра, и челюсти, и ноги—и они срослись, становились тѣлами и затѣмъ видимо-невидимо неслись по воздуху, точно живая буря. Я взглянулъ вверхъ, и что же?—я очутился у подошвы громоноснаго Синая. Гляжу—надо мною толпы народа и подо мною толпы, а на самой вершинѣ горы, на трехъ дымящихся престолахъ, три старца, отъ взгляда которыхъ бѣжала всякая тварь.

Даніэль. Да это подобіе страшнаго суда!

Францъ. Не правда ли, какая безсмыслица? Вотъ всталъ первый изъ нихъ подобный звѣздной ночи. Онъ держалъ въ рукѣ желѣзный перстень, и держалъ его между восходомъ и закатомъ, и такъ говорилъ: „Вѣчно, свято, праведно, не ложно! Есть только одна истина, есть одна добродѣтель. Горе, горе, горе сомнѣвающемуся червю!“ Потомъ всталъ второй. У него въ рукѣ было блестящее зеркало, и держалъ онъ его между восходомъ и закатомъ, и такъ говорилъ: „Зеркало это—истина; лицемѣріе и притворство не выдержатъ его отраженій“. И я устрашился, и весь народъ со мною, потому что въ ужасномъ зеркалѣ отражались однѣ головы змѣй, тигровъ и леопардовъ. Потомъ всталъ третій. У того были въ рукѣ желѣзные вѣсы, и держалъ онъ ихъ между восходомъ и закатомъ, и такъ говорилъ: „Подойдите ближе, дѣти Адамовы! Я взвѣшиваю помышленія въ чашѣ моего гнѣва, а тѣла—гирями моей мести!“

Даніэль. Господи помилуй!

Францъ. Блѣдные, какъ снѣгъ, стояли мы всѣ. Ожиданіе боязливо билось въ каждой груди. Вдругъ мнѣ показалось, будто мое имя первое раздалось посреди горней бури: мозгъ застылъ въ костяхъ моихъ, и зубы громко застучали. Вѣсы зазвенѣли, загрохоталъ утесъ и часы потекли одинъ за другимъ мимо ошую висящей чаши—и одинъ за другимъ бросали въ нее по смертному грѣху.

Даніэль. Да проститъ васъ Богъ!

Францъ. Этого онъ не сдѣлалъ. Чаша росла и становилась горою; но другая, полная крови искупленія, еще удерживала ее высоко на воздухѣ. Наконецъ, подошелъ старикъ, согбенный страданіями, глодавшій руку отъ нестерпимаго голода. Глаза всѣхъ въ ужасѣ отворотились отъ старика. Я узналъ старика. Онъ вырвалъ клокъ серебристыхъ волосъ, бросилъ его въ чашу грѣховъ—и она пала, въ мгновеніе ока пала до самой преисподней, а чаша искупленія качалась высоко, высоко. И услышалъ я гремящій голосъ среди шума и дыма: „Милосердіе, милосердіе каждому грѣшнику земли и преисподней!—ты одинъ отринутъ!“ (*Глубокое молчаніе*). Ну, что жъ ты не смѣешься?

Даніэль. До смѣха ли тутъ, когда у меня морозъ по кожѣ подираетъ! Сны нисходятъ отъ Бога.

Францъ. Что ты! Не говори мнѣ этого! Назови меня дуракомъ, безсмысленнымъ, безтолковымъ дуракомъ. Ради Бога! дорогой Даніэль, прошу тебя,—высмѣй меня хорошенько!

Даніэль. Сны нисходятъ отъ Бога. Я стану молиться за васъ.

Францъ. Ты лжешь, говорю я. Иди сейчасъ же, бѣги, лети и отыщи мнѣ пастора; вели ему, чтобъ онъ спѣшилъ. Но повторяю тебѣ, ты лжешь!

Даніэль Богъ да проститъ васъ (*Уходитъ*).

Францъ.

Мудрость черни—трусость черни! Вѣдь еще не доказано, что прошедшее не прошло, или что всевидящее око царствуетъ надъ звѣздами. Гм! гм! кто это надоумилъ меня? Развѣ есть мститель превыше звѣздъ? Нѣтъ нѣтъ!.. да, да! Все ужасно говоритъ мнѣ: „есть Судія надъ звѣздами!“ И къ этому надзвѣздному Судіи предстать въ эту же ночь! Нѣтъ—это жалкая норка, куда хочетъ заползти твоя трусость. Пусто, глухо тамъ, надъ звѣздами. А если въ самомъ дѣлѣ что нибудь да есть тамъ? Нѣтъ, нѣтъ, тамъ ничего нѣтъ! Я хочу, приказываю, чтобы тамъ ничего не было! Но если есть? Горе тебѣ, если все перечтется, если въ эту же ночь перечтется!.. Отчего морозъ проникаетъ въ мои кости? Умереть! Отчего это слово такъ поражаетъ меня? Отдать отчетъ Судіи небесному... О, если Онъ справедливъ, сироты, вдовы, безпомощные, угнетенные—всѣ возопіютъ къ Нему. Но если Онъ справедливъ, то зачѣмъ они страдали? зачѣмъ я торжествовалъ надъ ними?

Пасторъ Мозеръ *входитъ*.

Мозеръ. Вы посылали за мною, графъ? Удивляюсь! Это—въ первый разъ въ моей жизни! Угодно вамъ насмѣхаться надъ религіей, или вы начинаете уже т репетат передъ нею?

Францъ. Насмѣхаться или трепетать—все смотря по тому, какъ ты станешь отвѣчать. Послушай, Мозеръ! я стану доказывать тебѣ, что ты или самъ дуракъ, или людей дурачишь, а ты опровергай меня. Слышишь? Горе тебѣ, если ты не будешь отвѣчать мнѣ!

Мозеръ. Вы вызываете Всевышняго на судъ свой. Онъ вамъ нѣкогда отвѣтитъ.

Францъ. Теперь, теперь хочу я знать это, сейчасъ, сію минуту, чтобъ не надѣлать глупостей и въ часъ нужды не воззвать къ идолу черни. Я часто, насмѣхаясь, говорилъ тебѣ за бокаломъ бургонскаго: „Нѣтъ Бога!“ Теперь я безъ шутокъ говорю съ тобою и повторяю: „Нѣтъ Бога!“ Опровергай меня всѣми орудіями, какія имѣешь въ

своей власти—и я ихъ разсѣю однимъ дуновеніемъ устъ моихъ.

Мозеръ. Когда бъ ты также легко могъ разсѣять громъ, который тысячекраты поразитъ твою надменную душу! Этотъ всевидящій Богъ, котораго ты, глупецъ и злодѣй, хочешь уничтожить въ средѣ Его созданій, не имѣетъ нужды оправдываться устами праха. Онъ такъ же великъ въ своихъ ужасныхъ карахъ, какъ и въ улыбкѣ торжествующей добродѣтели.

Францъ. Знатно, попъ! вотъ это по мнѣ!

Мозеръ. Я пришелъ сюда по дѣламъ высшаго Владыки, и говорю съ такимъ же червемъ, какъ и я, которому не намѣренъ нравиться. Знаю, что развѣ однимъ чудомъ можно вынудить признаніе у твоей закоснѣлой злости, но если такъ сильно твое убѣжденіе, зачѣмъ призывать меня? Скажи, зачѣмъ ты посылалъ за мною въ полночь?

Францъ. Потому что я соскучился и мнѣ надоѣли шахматы. Вотъ мнѣ и вздумалось, скуки ради, погрызться съ попомъ. Пустымъ стращаньемъ съ меня немного возьмешь. Я очень хорошо знаю, что тотъ, кто здѣсь попалъ въ просакъ, надѣется на вѣчность—и жестоко ошибется. Я читалъ, что все наше существо есть не что иное, какъ обращеніе крови, и что, вмѣстѣ съ послѣднею каплею, застываютъ душа и мысли. Духъ раздѣляетъ съ тѣломъ всѣ его слабости, стало-быть и долженъ уничтожиться вмѣстѣ съ его разрушеніемъ, испариться вмѣстѣ съ гніеніемъ. Попади тебѣ въ мозгъ одна капля воды—и твоя жизнь внезапно остановится и будетъ граничить потомъ съ небытіемъ—потомъ наступитъ смерть. Ощущеніе есть сотрясеніе нѣкоторыхъ струнъ—и разбитыя клавикорды не звучатъ болѣе. Разрушь я свои семь замковъ, или разбей я эту Венеру—и симметріи и красоты не стало. То же и съ нашей безсмертной душою.

Мозеръ. Это философія вашего отчаянія. Но ваше собственное сердце, боязливо бьющееся въ груди, обличаетъ васъ. Всю эту паутину системъ разорвутъ слова: „ты долженъ умереть!“ Я вызываю васъ—и пусть это послужитъ испытаніемъ: если и въ часъ смерти вы будете такъ-же непоколебимы, если ваши убѣжденія и тогда вамъ не измѣнятъ—вы побѣдили; но если малѣйшій трепетъ хоть на мигъ овладѣетъ вами, тогда—горе вамъ: вы обманулись!

Францъ (*въ смущеніи*). Если трепетъ овладѣетъ мною?

Мозеръ. Много видалъ я такихъ же несчастныхъ, которые всю жизнь храбро противустояли истинѣ; но въ часъ смерти—обманъ исчезалъ. Я буду стоять у вашего смертнаго одра. Мнѣ даже хочется посмотрѣть въ глаза вамъ, когда докторъ возьметъ вашу холодную, влажную руку, станетъ напрасно доискиваться слабаго пульса, взглянетъ на васъ и потомъ съ ужаснымъ пожатіемъ плечъ скажетъ; „человѣческая помощь напрасна!“ Бойтесь, о бойтесь тогда, чтобы не имѣть вида Ричарда или Нерона.

Францъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Мозеръ. И это „нѣтъ“ превратится тогда въ вопіющее „да“. Внутренній судъ, котораго вамъ никогда не подкупить скептическими доводами, вдругъ проснется и призоветъ васъ на судъ свой. Но это пробужденіе будетъ подобно пробужденію заживо-погребеннаго во чревѣ кладбища; это будетъ ярость самоубійцы, который кается послѣ того, какъ наложилъ на себя руки; это будетъ молнія, которая внезапно освѣтитъ полночь вашей жизни; это будетъ одинъ только взглядъ... И если вы и тогда останетесь непреклонными—вы правы.

Францъ (*взволнованный, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Поповскія бредни! поповскія бредни!

Мозеръ. И вотъ впервые мечи вѣчности растерзаютъ вашу душу; но уже будетъ поздно. Мысль о Богѣ разбудитъ ужаснаго сосѣда: имя его—Судія. Мооръ, на концѣ вашего мизинца виситъ жизнь тысячей и изъ этихъ тысячей девятьсотъ девяносто девять вы сдѣлали несчастными. Чтобъ быть Нерономъ, вамъ недостаетъ только Римской имперіи, и Перу, чтобы называться Пизарро. Неужели вы думаете, что Богъ допуститъ, чтобы единый человѣкъ, какъ бѣшеный, хозяйничалъ въ Его мірѣ и все становилъ вверхъ дномъ? Неужели вы думаете, что эти девятьсотъ девяносто девять созданы для того только, чтобы гибнуть отъ руки вашей, или быть куклами вашей сатанинской игры? О, не думайте этого! Онъ потребуетъ нѣкогда отъ васъ каждую минуту, что вы украли у нихъ, каждую радость, что вы имъ отравили, каждый шагъ къ совершенству, что вы преградили имъ... И если вы и на это отвѣтите ему, Мооръ,—вы правы.

Францъ. Довольно, ни слова болѣе! Ужъ не думаешь ли ты, что я съ этихъ поръ стану плясать подъ твою дудку?

Мозеръ. Нѣтъ, Мооръ, судьба людей стоитъ въ страшно-прекрасномъ равновѣсіи. Чаша вѣсовъ, понижаясь въ этой жизни, возвысится въ той; возвысясь въ этой, упа-

детъ въ той. Что было здѣсь временнымъ страданіемъ, будетъ тамъ вѣчнымъ торжествомъ; что было здѣсь конечнымъ торжествомъ, будетъ тамъ вѣчнымъ, безконечнымъ отчаяньемъ.

Францъ (*яростно наступаетъ на него*). Громъ да поразитъ тебя нѣмотою, лжецъ безстыдный! Я вырву проклятый языкъ у тебя изъ горла!

Мозеръ. А! Вы уже начинаете чувствовать всю тяжесть правды, тогда какъ я еще и не приступалъ къ доказательствамъ. Теперь приступимъ къ нимъ.

Францъ. Молчи! ступай въ адъ съ своими доказательствами! Душа наша уничтожится, говорю я тебѣ—и я не хочу слышать твоихъ доказательствъ.

Мозеръ. Вотъ объ этомъ-то и стонутъ духи преисподней; но небесный Судія качаетъ головою. Неужели вы полагаете, что въ пустынномъ царствѣ пустоты вы избѣжите десницы предвѣчнаго Мстителя? Взойдете на небо—Онъ тамъ! сойдете въ адъ—Онъ опять тамъ! Скажете морю: „спрячь меня!“ и тьмѣ — „укрой меня!“ — и тьма исполнится свѣта около васъ и ночь обратится въ день. Но вашъ безсмертный духъ борется только со словомъ и побѣждаетъ слѣпую мысль.

Францъ. Но я не хочу быть безсмертнымъ: до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я заставлю Его уничтожить себя, я раздражу Его до бѣшенства, чтобъ Онъ въ бѣшенствѣ уничтожилъ меня. Назови мнѣ самый величайшій изъ грѣховъ, наиболѣе могущій прогнѣвить Его.

Мозеръ. Я знаю только два грѣха. Но они не совершаются людьми; даже и въ голову не приходятъ людямъ.

Францъ. И эти грѣхи?

Мозеръ (*значительно*). Отцеубійствомъ зовется одинъ, братоубійствомъ зовется другой. Отчего вы поблѣднѣли?

Францъ. Что, старикъ? Ты съ адомъ, или съ небомъ въ заговорѣ? Кто сказалъ тебѣ это?

Мозеръ. Горе тому, у кого они оба на душѣ! Лучше бы ему никогда не родиться!

Но успокойтесь: у васъ,вѣдь, нѣтъ ни отца, ни брата.

Францъ. Какъ, ты не знаешь грѣховъ болѣе тяжкихъ? Подумай хорошенько! Смерть, небо, вѣчность, проклятія вьются около каждаго твоего слова! Такъ нѣтъ болѣе тяжкихъ?

Мозеръ. Нѣтъ.

Францъ (*падаетъ на стулъ*). Уничтоженія! уничтоженія!

Мозеръ. Радуйтесь! радуйтесь! При всѣхъ своихъ злодѣйствахъ, вы еще святой въ сравненіи съ отцеубійцей. Проклятіе, которое поразитъ васъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что ждетъ того—пѣснь любви, искупленіе,

Францъ (*вскакивая*). Ступай въ адъ, зловѣщая сова! кто велѣлъ тебѣ прійти сюда? Вонъ, говорю я, или я убью тебя!

Мозеръ. Развѣ поповскія бредни могутъ устрашить такого философа? Разсѣйте же ихъ однимъ дуновеньемъ устъ вашихъ. (*Уходитъ*).

Францъ (*въ ужасномъ волненіи, мечется въ креслахъ. Глубокое молчаніе*).

Слуга *входитъ поспѣшно.*

Слуга. Амалія бѣжала! графъ внезапно исчезъ!

Даніэль *вбѣгаетъ въ ужасѣ.*

Даніэль. Милостивый графъ, цѣлое войско бѣшеныхъ всадниковъ скачетъ по дорогѣ; кричатъ: „смерть, смерть!“ Вся деревня на ногахъ.

Францъ. Ступай—и прикажи ударить, во всѣ колокола. Пусть всѣ идутъ въ церковь, падутъ на колѣни и молятся за меня. Всѣхъ заключенныхъ выпустить на волю! Я вознагражу бѣдныхъ вдвое, втрое... Я... Да ступай же зови духовника; да сниметъ онъ грѣхи съ меня! И ты еще не ушелъ? (*Шумъ становится слышнѣе*).

Даніэль. Господи, прости меня грѣшнаго! Я и ума не приложу! Вѣдь, вы никогда не вѣрили въ Бога, и каждый разъ, когда ловили меня за молитвой, вырывали изъ рукъ моихъ Библію и швыряли ее мнѣ въ голову.

Францъ. Ни слова болѣе! Смерть идетъ. Слышишь ли ты—смерть! Торопись—не то будетъ поздно... (*Слышны возгласы Швейцера*). Молись же, молись!

Даніэль. Не говорилъ ли я вамъ; „вотъ вы ругаетесь надъ молитвами; но подождите—придетъ нужда, настанетъ страшный часъ—и вы всѣ сокровища міра отдадите за одинъ христіанскій вздохъ“. Вотъ видите! Вы ругали меня тогда—вотъ теперь и сами попались! Видите!

Францъ (*бѣшенно обнимаетъ его*). Прости меня, мой милый, мой дорогой Даніэль! прости меня! Я одѣну тебя съ ногъ до.. Да молись же! Я сдѣлаю тебя управителемъ... Я... Да молись же, на колѣняхъ заклинаю тебя именемъ дьявола! молись же, молись!.. (*Смятеніе на улицѣ. Крикъ, шумъ*).

Швейцеръ (*на улицѣ*). Бейте! ломайте! Я вижу свѣтъ: онъ вѣрно тамъ!

Францъ (*на колѣняхъ*). Внемли моей молитвѣ, Царь небесный! Это въ первый разъ... и ужъ вѣрно никогда не повторится... Да услышь же, Царь небесный!

Даніэль. Что вы? Развѣ такъ молятся? Да это безбожная молитва!

Народъ *сбѣгается.*

Народъ. Воры! убійцы! Кто это тамъ шумитъ въ самую полночь?

Швейцеръ (*все еще на улицѣ*). Отгони ихъ, товарищъ! Это дьяволъ хочетъ унести вашего барина. Гдѣ Шварцъ съ своимъ отрядомъ? Окружай замокъ, Гриммъ! штурмуй стѣны!

Гриммъ. Эй! огня! Или мы къ нему, или онъ къ намъ... Вотъ—постой—я подожгу его покои.

Францъ (*молится*). Я не былъ какимъ-нибудь обыкновеннымъ убійцей, мой Создатель! я никогда не грѣшилъ въ пустякахъ, мой Создатель!

Даніэль. Прости его, Господи! И молитвы у него становятся грѣхами. (*Летятъ камни и пуки зажженной соломы. Стекла разлетаются въ дребезги. Замокъ горитъ*).

Францъ. Я не могу молиться! (*Указывая на лобъ и сердце*). Здѣсь, здѣсь такъ пусто, такъ темно. (*Встаетъ*). Нѣтъ, я не хочу молиться: этой побѣды да не будетъ за небомъ! адъ да не насмѣется надо мною!

Даніэль. Боже милосердый! Помогите! помогите! Весь замокъ въ огнѣ!

Францъ. Возьми поскорѣй эту шпагу и всади мнѣ въ животъ, чтобъ эти канальи не надругались надо мною. (*Пламя увеличивается*).

Даніэль. Сохрани Богъ! что вы это! Я никого въ свѣтѣ не соглашусь преждевременно отправить на небо, тѣмъ болѣе въ... (*Убѣгаетъ*).

Францъ (*безумно смотритъ ему вслѣдъ; послѣ нѣкотораго молчанія*). Въ адъ, хочешь сказать ты. Ты правъ: я уже чувствую что-то подобное. (*Въ сумасшествіи*). Ужъ не ваши ли эти пѣсни, не ваше ли

шипѣнье, вы, змѣи преисподней?... Они бѣгутъ сюда, ломятся въ двери... Но отчего меня пугаетъ это смертоносное остріе?... Дверь трещитъ... падаетъ... Нѣтъ спасенья! Сжалься хоть ты надо мною! (*Срываетъ золотой шнурокъ со шляпы и удавливается*).

Швейцеръ *со своими.*

Швейцеръ. Каналья, гдѣ ты? Что, видѣли, какъ они разбѣжались? Неужели у него такъ мало друзей? куда скрылась эта бестія?

Гриммъ (*наткнувшись на трупъ*). Стой! Кто это лежитъ здѣсь на дорогѣ? Посвѣтите сюда.

Шварцъ. Онъ предупредилъ насъ. Вложите сабли: онъ лежитъ, какъ околѣвшая кошка.

Швейцеръ. Мертвъ! Что? мертвъ? безъ меня мертвъ? Вздоръ, говорю я. Посмотрите, какъ онъ вскочитъ. (*Толкаетъ его*). Эй, ты! хочешь еще разъ уморить отца?

Гриммъ. Не безпокойся; не встанетъ.

Швейцеръ (*отходитъ отъ него*). Да! онъ не радуется. Онъ мертвъ, какъ крыса. Ступайте назадъ и скажите атаману: „онъ умеръ!“ Меня же онъ болѣе не увидитъ. (*Застрѣливается*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

То же мѣстоположеніе, какъ и въ послѣдней сценѣ предыдущаго дѣйствія.

Старикъ Мооръ *сидитъ на камнѣ.* Разбойникъ Мооръ *стоитъ передъ нимъ.*

Разбойники *тамъ-и-сямъ въ лѣсу.*

Р. Мооръ. Онъ нейдетъ! (*Ударяетъ кинжаломъ о камень, такъ что сыплются искры*).

Ст. Мооръ. Прощеніе да будетъ его наказаніемъ; моя месть—удвоенной любовью.

Р. Мооръ. Нѣтъ, клянусь моей раздраженной душою, этого не будетъ! Я не хочу этого. За предѣлы вѣчности онъ долженъ влачить за собою свое злодѣяніе. Зачѣмъ же бы я его убивалъ.

Ст. Мооръ (*заливаясь слезами*), О, дитя мое!

Р. Мооръ. Какъ, ты плачешь объ немъ у этой башни?

Ст. Мооръ. Сжалься! о, сжалься! (*Въ отчаяніи ломаетъ руки*). Въ эту минуту судятъ моего сына!

Р. Мооръ (*съ испугомъ*). Котораго?

Ст. Мооръ. Что значитъ твой вопросъ?

Р. Мооръ. Ничего, ничего.

Ст. Мооръ. Ты насмѣхаться пришелъ надъ моею горестью!

Р. Мооръ. Предательская совѣсть! Не обращайте вниманія на слова мои.

Ст. Мооръ. Да, я мучилъ сына, и сынъ меня теперь мучитъ; это перстъ Божій. О, Карлъ, Карлъ! если ты носишься надо мною въ одеждѣ мира, прости меня! о, прости меня.

Р. Мооръ (*быстро*). Онъ васъ прощаетъ. (*Спохватившись*). Если онъ достоинъ называться вашимъ сыномъ—онъ долженъ простить васъ.

Ст. Мооръ. О, онъ былъ слишкомъ прекрасенъ для меня! Но я пойду къ нему навстрѣчу со своими слезами, со своими безсонными ночами и мучительными грезами; я обниму его колѣни и закричу, громко закричу: „я грѣшенъ передъ небомъ и тобою! я не достоинъ называться отцомъ твоимъ!“

Р. Мооръ (*растроганный*). Такъ вы его любили—вашего другого сына?

Ст. Мооръ. Богъ тому свидѣтель! О, зачѣмъ послушался я коварныхъ совѣтовъ дурного сына?—я былъ бы счастливѣйшимъ отцомъ между отцами всего человѣчества. Возлѣ меня цвѣли бы дѣти, полныя надеждъ. Но—будь проклятъ этотъ часъ!—злой духъ вошелъ въ сердце моего второго сына; я повѣрилъ змѣѣ—и потерялъ обоихъ. (*Закрываетъ лицо руками*).

Р. Мооръ (*далеко отходитъ отъ него*). Навѣки!

Ст. Мооръ. О, я глубоко чувствую то, что мнѣ разъ сказала Амалія! Духъ мести говорилъ ея устами: „Напрасно станешь простирать руки къ сыну; напрасно захочешь уловить горячую руку твоего Карла: онъ никогда не будетъ стоять у твоей постели!“

Р. Мооръ (*отворотившись, протягиваетъ ему руку*).

Ст. Мооръ. Если бъ это была рука моего Карла! Но онъ лежитъ въ тѣсномъ дому, спитъ непробуднымъ сномъ; онъ не услышитъ никогда голоса моей горести. Горе мнѣ! Умереть на чужихъ рукахъ... безъ сына, безъ сына, который бы могъ закрыть мои глаза...

Р. Мооръ (*въ сильномъ волненіи*). Теперь настало время! (*Разбойникамъ*). Теперь оставьте меня. Но развѣ я могу возвратить ему сына? Нѣтъ, я этого не сдѣлаю.

Ст. Мооръ. Что, другъ мой? что говоришь ты тамъ?

Р. Мооръ. Твой сынъ... (*чуть внятно*).

Ты правъ, старикъ,—твой сынъ погибъ для тебя навѣки.

Ст. Мооръ. Навѣки?

Р. Мооръ (*съ ужасающей тоской смотритъ на небо*). О, только теперь не дай ослабнуть душѣ моей! только теперь поддержи меня!

Ст. Мооръ. Навѣки, говоришь ты?

Р. Мооръ. Не спрашивай меня болѣе. Да, навѣки.

Ст. Мооръ. Незнакомецъ, зачѣмъ освободилъ ты меня изъ башни?

Р. Мооръ (*про себя*). Что, еслибы я похитилъ теперь у него благословеніе?—укралъ бы его, подобно вору, и потомъ убѣжалъ съ этою божественною добычей? Отцовское благословеніе, говорятъ, навѣки нерушимо.

Ст. Мооръ. И мой Францъ также погибъ?

Р. Мооръ (*бросается къ ногамъ его*). Я сломалъ запоры тюрьмы твоей: благослови меня!

Ст. Мооръ (*съ горестью*). О, если бъ ты пощадилъ сына, спаситель отца! Видишь ли: Божество не устаетъ въ милосердіи, тогда какъ мы, ничтожные черви, отходимъ въ вѣчность вмѣстѣ съ своимъ гнѣвомъ. (*Кладетъ руку на голову разбойника*). Будь такъ же счастливъ, какъ былъ сострадателенъ!

Р. Мооръ (*встаетъ тронутый*). О, гдѣ мое мужество? Мускулы мои ослабли: кинжалъ валится изъ рукъ.

Ст. Мооръ. О, какъ божественно, если братья живутъ согласно, божественно, какъ роса, падающая съ Гермона на горы Сіона. Постарайся заслужить это наслажденіе, молодой человѣкъ,—и ангелы неба будутъ грѣться въ твоемъ сіяніи. Мудрость твоя да будетъ мудростью сѣдинъ, а твое сердце да будетъ сердцемъ невиннаго дѣтства!

Р. Мооръ. О, дай мнѣ хотя понятіе объ этомъ блаженствѣ! Поцѣлуй меня, божественный старецъ!

Ст. Мооръ (*цѣлуетъ его*). Вообрази, что это поцѣлуй отца! а я буду думать, что цѣлую моего сына. Ты можешь также плакать?

Р. Мооръ. Мнѣ думается, что это поцѣлуй отца! Горе мнѣ! если они теперь приведутъ его! (*Отрядъ Швейцера входитъ печально, повѣсивъ голову и закрывъ лицо руками*).

Р. Мооръ. Небо! (*Боязливо пятится назадъ и старается спрятаться. Они проходятъ мимо. Онъ отворачивается отъ нихъ. Глубокое молчаніе. Они останавливаются*).

Гриммъ (*съ преклоненною головою*). Атаманъ! (*Разбойникъ Мооръ не отвѣчаетъ и отступаетъ назадъ*).

Шварцъ. Атаманъ! (*Разбойникъ Мооръ подается болѣе и болѣе назадъ*).

Гриммъ. Мы не виноваты, атаманъ!

Р. Мооръ (*не глядя на нихъ*). Кто вы?

Гриммъ. Ты не смотришь на насъ, твоихъ вѣрныхъ слугъ.

Р. Мооръ. Горе вамъ, если и на этотъ разъ вы были мнѣ вѣрны!

Гриммъ. Послѣднее прости отъ твоего вѣрнаго слуги Швейцера: онъ уже не воротится—твой вѣрный Швейцеръ.

Р. Мооръ (*вскакивая*). Такъ вы его не нашли?

Шварцъ. Нашли мертвымъ.

Р. Мооръ (*радостно всплеснувъ руками*). Благодарю Тебя, небесный Распорядитель! Обнимите меня, мои дѣти! Милосердіе отселѣ нашъ лозунгъ! Если и это миновало—все миновало.

Еще разбойники. Амалія.

Разбойники. Ура! ура! добыча, знатная добыча!

Амалія (*съ распущенными волосами*). Мертвецы, говорите, воскресаютъ отъ его голоса... Мой дядя живъ, въ этомъ лѣсу... Гдѣ онъ? Карлъ! Дядя! (*Бросается къ старику*).

Ст. Мооръ. Амалія, дочь моя! Амалія! (*Сжимаетъ ее въ объятіяхъ*).

Р. Мооръ (*отступая*). Кто вызвалъ этотъ образъ предъ глаза мои?

Амалія (*вырывается изъ объятій старика, бѣжитъ къ разбойнику Моору и въ восторгѣ обнимаетъ его*). Онъ опять со мной. О, вы, звѣзды небесныя, онъ опять со мной!

Р. Мооръ (*вырываясь изъ ея объятій, къ разбойникамъ*). Въ дорогу! Сатана измѣнилъ мнѣ!

Амалія. Женихъ мой, женихъ мой, ты въ бреду! Вѣрно, отъ восторга! О, отчего я одна такъ безчувственна, такъ холодна среди этого вихря радости?

Ст. Мооръ (*содрогаясь*). Женихъ? Дочь! дочь! Женихъ?

Амалія. Навѣки—его! навѣки, навѣки, навѣки—мой! О, вы силы неба! снимите съ меня это убійственное наслажденіе: я изнемогаю подъ его бременемъ.

Р. Мооръ. Оторвите ее отъ груди моей! Убейте ее! убейте его! меня! самихъ себя! все! Да погибнетъ весь міръ! (*Хочетъ бѣжать*).

Амалія. Куда? Что? Любовь—вѣчность! радость—безконечность! и ты бѣжишь?

Р. Мооръ. Прочь, прочь, несчастнѣйшая изъ невѣстъ! Всмотрись самъ, разспроси самъ, вслушайся, несчастнѣйшій изъ отцовъ! Дайте мнѣ навѣки убѣжать отсюда.

Амалія. Поддержите меня! ради Бога, поддержите меня! — у меня темнѣетъ въ глазахъ. Онъ бѣжитъ!

Р. Мооръ. Поздно! напрасно! Твое проклятіе, отецъ... Нѣтъ, не спрашивай меня ни о чемъ болѣе! Я... я... Твое проклятіе, твое мнимое проклятіе... Кто заманилъ меня сюда? (*Съ обнаженной саблей бросается на разбойниковъ*). Кто изъ васъ заманилъ меня сюда, вы, твари преисподней? Такъ погибни жъ, Амалія! Умри, отецъ! умри отъ моей руки въ третій разъ! Твои спасители— разбойники и убійцы! Твой Карлъ — ихъ атаманъ! (*Старикъ Мооръ умираетъ*).

Амалія (*нѣмая, безчувственная стоитъ, какъ статуя. Вся шайка хранитъ ужасное молчаніе*).

Р. Мооръ (*ударяясь о дубъ*). Души загубленныхъ мною въ чаду любви, раздавленныхъ въ священномъ снѣ—ха, ха, ха—слышите ли трескъ порохового погреба надъ головами невинныхъ? видите ль это пламя надъ колыбелями младенцевъ? Это—свадебный факелъ, это—свадебная музыка. О, онъ ничего не позабываетъ! Онъ умѣетъ связывать! вотъ почему радости любви бѣгутъ отъ меня прочь и любовь для меня—пытка. Это возмездіе.

Амалія. Это правда! Владыко небесный, это правда! Чѣмъ согрѣшила я, бѣдная? Я любила его.

Р. Мооръ. Это свыше силъ человѣка Я слышалъ, какъ смерть изъ тысячи стволовъ свистала около меня—и ни на одинъ шагъ не подавался передъ нею: ужели теперь мнѣ начать учиться дрожать, какъ женщина, дрожать передъ женщиной? Нѣтъ, женщинѣ не потрясти моего мужества! Крови, крови! Виной всему этому прикосновеніе женщины. Дайте мнѣ отвѣдать крови— и это пройдетъ! (*Хочетъ бѣжать*).

Амалія (*бросается къ нему въ объятія*). Убійца! дьяволъ! Ангелъ, я не могу разстаться съ тобой!

Р. Мооръ (*отталкиваетъ ее отъ себя*). Прочь, коварная змѣя! Ты хочешь насмѣяться надъ моимъ бѣшенствомъ; но я поборю тиранское предопредѣленіе. Чего ты плачешь? О, вы безстыдныя, злобныя созвѣздія! Она только показываетъ видъ, будто плачетъ, какъ-будто есть еще кому обо мнѣ плакать. (*Амалія падаетъ къ нему на грудь*). Это что? Она не плюетъ на меня, не отталкиваетъ меня. Амалія, или ты позабыла?.. Знаешь ли, кого ты обнимаешь, Амалія?

Амалія. Единственный, неразлучный!

Р. Мооръ (*въ порывѣ восторженной радости*). Она прощаетъ меня! она любитъ меня! Я чистъ, какъ эѳиръ небесный: она любитъ меня! Слезы благодарности тебѣ, милосердное небо! (*Падаетъ на колѣни и плачетъ*). Миръ души моей возвратился ко мнѣ! умерло горе! нѣтъ болѣе ада! Смотри, о, смотри—дѣти свѣта плачутъ на шеѣ плачущихъ дьяволовъ. (*Встаетъ; къ разбойникамъ*). Плачьте же и вы! плачьте, плачьте!—вы, вѣдь, такъ счастливы. О, Амалія,

Амалія! Амалія! (*Уста ихъ сливаются и они остаются въ нѣмомъ объятіи*).

Одинъ изъ разбойниковъ (*съ пѣнью выступая впередъ*). Стой, измѣнникъ! Руки врозь, или я скажу тебѣ такое слово, что у тебя затрещитъ въ ушахъ и зубы защелкаютъ отъ ужаса! (*Простираетъ саблю между ними*).

Старый разбойникъ. Вспомни о богемскихъ лѣсахъ! Слышишь! чего же еще медлишь? Вспомни о богемскихъ лѣсахъ! Измѣнникъ, гдѣ твои клятвы? Развѣ раны забываются такъ скоро? Когда мы счастіе, честь и жизнь готовы были положить за тебя, когда стояли, какъ стѣны, какъ щиты, ловили удары, на тебя одного направленные— не ты ли тогда поднялъ руку къ небу, не ты ли поклялся никогда не оставлять насъ, какъ и мы—никогда не покидать тебя? Предатель! клятвопреступникъ! Изъ-за кого ты хочешь оставить насъ—изъ-за какой-нибудь развратницы?

Третій разбойникъ. Не стыдно ли тебѣ! Знай, духъ убитаго Роллера, призванный тобой въ свидѣтели изъ царства мертвыхъ, покраснѣетъ за твою подлость и, во всеоружіи вставъ изъ гроба, накажетъ тебя.

Разбойники (*разрываютъ на себѣ одежду и говорятъ всѣ вмѣстѣ*). Взгляни сюда, взгляни! Узнаешь ли эти раны? Ты нашъ! Кровью нашего сердца мы купили тебя съ душою и тѣломъ. Ты нашъ хотя бы самъ архангелъ Михаилъ подрался изъ-за этого съ Молохомъ! Пойдемъ съ нами! Жертва за жертву! Амалію—за шайку!

Р. Мооръ (*выпуская ея руку изъ своей*). Все кончено! Я хотѣлъ обратиться и итти къ Отцу моему; но небо судило иначе. (*Холодно*). Близорукій глупецъ, зачѣмъ хотѣлъ ты этого? Великій грѣшникъ развѣ можетъ когда-нибудь обратиться? Великій грѣшникъ никогда не можетъ обратиться—дѣло давно извѣстное! Успокойся! прошу тебя, успокойся! Ничего не можетъ быть справедливѣе: я не хотѣлъ Его, когда Онъ искалъ меня; теперь я ищу Его—и Онъ меня не хочетъ. Что жъ можетъ быть справедливѣе? Не смотрите на меня такимъ неподвижнымъ взглядомъ: я не нуженъ Ему. Вѣдь у него всякихъ тварей цѣлая пропасть! Безъ одного Онъ очень легко можетъ обойтись, и этотъ одинъ, по несчастію,—я: вотъ и все тутъ! Пойдемъ, товарищи!

Амалія (*останавливаетъ его*). Стой, стой! Удара! одного смертельнаго удара! Опять покинута! Вынь свой ножъ — и сжалься надо мной!

Р. Мооръ. Сожалѣніе ушло къ медвѣдямъ: я не убью тебя.

Амалія (*обнимая его колѣни*). О, ради Бога! ради всѣхъ милосердій! Мнѣ ужъ не нужно любви: я знаю, что наши созвѣздія враждебно бѣгутъ одно отъ другого. Одной смерти прошу я. Покинута! покинута! Понимаешь ли ты ужасные звуки этого слова: „покинута!“ Я не могу перенести этого. Видишь самъ: женщинѣ не перенести этого! Одной смерти прошу я! Видишь, моя рука дрожитъ: у меня не достаетъ твердости, чтобы нанести ударъ. Я боюсь блестящаго острія — тебѣ жъ это такъ легко, такъ легко: ты вѣдь такой мастеръ убивать. Вынь же ножъ свой—и я счастлива!

Р. Мооръ. Такъ ты одна хочешь быть счастлива? Прочь—я не убиваю женщинъ!

Амалія. А! душегубецъ! ты умѣешь только убивать счастливыхъ, и проходишь мимо пресыщенныхъ жизнью! (*Обращаясь къ разбойникамъ*). Такъ сжальтесь же вы надо мною, вы, ученики самого дьявола! Въ вашихъ глазахъ такое кровавое страданіе, что несчастный поневолѣ утѣшается. Вашъ атаманъ—пустой, трусливый хвастунъ.

Р. Мооръ. Женщина, что говоришь ты? (*Разбойники отворачиваются*).

Амалія. Ни одного друга? И между ними нѣтъ друга? (*Встаетъ*). Ну такъ ты, Дидона, научи умереть меня! (*Хочетъ уйти. Одинъ изъ разбойниковъ прицѣливается*).

Р. Мооръ. Стой! Осмѣлься только! Возлюбленная Моора должна и умереть отъ руки Моора! (*Закалываетъ ее*).

Разбойники. Атаманъ, атаманъ! что ты дѣлаешь? въ умѣ ли ты?

Р. Мооръ (*неподвижнымъ взглядомъ смотритъ на трупъ*). Въ самое сердце. Еще одно содроганіе—и все кончено. Смотрите! чего вамъ еще нужно? Вы жертвовали мнѣ жизнью—жизнью, которая уже не принадлежала вамъ, жизнью, полною отвратительныхъ преступленій и срама: я для васъ убилъ ангела. Посмотрите, посмотрите! Довольны ли вы теперь?

Гриммъ. Свой долгъ ты заплатилъ съ лихвою. Ты сдѣлалъ то, чего ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ бы для своей чести. Теперь пойдемъ съ нами.

Р. Мооръ. Ты думаешь? Не правда ли, жизнь праведницы противъ жизни бездѣльниковъ—вѣдь это неравная мѣна? О, говорю вамъ, если каждый изъ васъ взойдетъ на эшафотъ, и у каждаго раскаленными щипцами станутъ рвать тѣло кусокъ за кускомъ и промучатъ такъ одиннадцать лѣтнихъ

Современные рисунки къ „Разбойникамъ“

знаменитаго гравера Ходовецкаго.

Horch, horch! sein Sohn ist in seinen Träumen

Die Räuber IIter Act 2te Sc

Ich werde unsinnig, ich laufe davon!

IIter A. 3te Sc.

Siehst du Bösewicht was ich jezt aus dir machen kann?

IIIter A 1te Sc

Aber du Bild rechter Hand? — Du weinst, Amalia?

IVter A. 2te Sc

Du weinst Amalia? — und das sprach er mit einer Stimme!

IVter A 4te Sc

Er ist mausetodt, — mich sieht er nicht wieder.

Vter A 1te Sc.

дней, и тогда вамъ не искупить одной слезы ея. *(Съ горькимъ смѣхомъ)*. Раны! Богемскіе лѣса! Да, да, это, конечно, требовало отплаты.

Шварцъ. Успокойся, атаманъ! Пойдемъ съ нами! Такое зрѣлище не для тебя. Веди насъ далѣе!

Р. Мооръ. Стой!—еще одно слово передъ уходомъ. Слушайте, вы, гнусныя орудія моихъ варварскихъ плановъ!—съ этой минуты я перестаю быть вашимъ атаманомъ. Со стыдомъ и горестью слагаю я здѣсь этотъ кровавый жезлъ, подъ которымъ вы могли безнаказанно злодѣйствовать и дѣяніями тьмы пачкать этотъ небесный свѣтъ. Ступайте, куда хотите! Съ этихъ поръ у меня съ вами ничего нѣтъ общаго.

Разбойники. А, малодушный! гдѣ же твои высокопарные планы? Мыльные пузыри они что ли, что лопнули отъ дыханія женщины?

Р. Мооръ. О, я глупецъ, мечтавшій исправить свѣтъ злодѣяніями и законы поддержать беззаконіемъ! И я называлъ это местью и правомъ! Я захотѣлъ—о, Провидѣніе!—сточить зазубрины Твоего меча и исправить Твое пристрастіе—и вотъ—о, вѣтреное ребячество!—я стою теперь на краю ужасной жизни и узнаю съ воемъ и скрежетомъ зубовъ, что два такихъ человѣка, какъ я, могли бы уничтожить все зданіе нравственнаго міра. Умилосердись же, умилосердись надъ ребенкомъ, дерзнувшимъ предупреждать Твои предначертанія! Тебѣ одному подобаетъ мщенье: не нужна Тебѣ рука человѣка. Правда, не въ моей власти воротить прошедшее: что испорчено, то испорчено, что я разрушилъ—никогда не возстановится; но еще мнѣ остается чѣмъ примирить оскорбленные законы и зажить порушенный порядокъ. Они требуютъ жертвы—жертвы, которая показала бы всему человѣчеству свое несокрушимое величіе, и эта жертва—я. Я самъ долженъ умереть за нихъ.

Разбойники. Отнимите у него саблю: онъ хочетъ наложить на себя руки!

Р. Мооръ. Глупцы, осужденные на вѣчную слѣпоту! И вы думаете, что смертный грѣхъ можетъ искупить смертные грѣхи? И вы думаете, что гармонія свѣта выиграетъ отъ этой безбожной разноголосицы? *(Презрительно бросаетъ свое оружіе къ ногамъ ихъ)*. Я иду предать себя въ руки правосудія.

Разбойники. Закуйте его въ цѣпи—онъ съ ума сошелъ.

Р. Мооръ. Не то, чтобъ я сомнѣвался, что рано или поздно Оно отыщетъ меня, если захотятъ того Высшія силы; но Оно можетъ напасть на меня во снѣ, настичь меня въ бѣгствѣ, или силой и мечемъ сокрушить меня—и тогда пропадетъ моя единственная заслуга, что я умеръ за Него добровольною смертью. И на что мнѣ, подобно вору, утаивать долѣе жизнь, которая уже давно отнята у меня въ совѣтѣ небесныхъ хранителей.

Разбойники. Пускай идетъ! Развѣ не видите: онъ зараженъ славолюбіемъ. Онъ мѣняетъ жизнь на пустое удивленіе.

Р. Мооръ. Мнѣ станутъ удивляться? *(Послѣ нѣкотораго размышленія)*. На дорогѣ сюда мнѣ случилось говорить съ бѣднякомъ-поденщикомъ, у котораго одиннадцать человѣкъ дѣтей. Тысячу луидоровъ обѣщано тому, кто предастъ славнаго разбойника живымъ. Для бѣдняка это будетъ не дурная помощь. *(Уходитъ)*.

ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО
ВЪ ГЕНУЪ.
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

„ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО“.

Исторія возникновенія первыхъ двухъ драмъ Шиллера („Разбойники“ и „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“) находится въ связи съ идеями Ж. Ж. Руссо, съ которыми молодой поэтъ познакомился въ изложеніи Г. П. Штурца (Сочиненія, 1779 г.). Великое презрѣніе женевскаго философа къ человѣческой культурѣ и старому общественному устройству нашло пылкій отголосокъ въ первой драмѣ, гдѣ носителемъ этой идеи является Карлъ Мооръ. Мысли того же Руссо о нравственной природѣ человѣка дали Шиллеру толчекъ къ построенію драматической схемы его „Фіеско“. Въ сочиненіи, представленномъ Шиллеромъ въ 1780 г., по случаю окончанія имъ курса въ военной академіи въ Штутгардтѣ („О связи животной природы человѣка съ духовной“), приводится нѣсколько цитатъ изъ Руссо. Въ нихъ упоминаетсяг енуэзскій графъ Фіеско какъ благородная героическая личность, достойная кисти Плутарха. Поэта поразила мысль, что наиболѣе сильные, своеобразные характеры вырабатываются въ свободныхъ государствахъ. И вотъ ему захотѣлось, въ согласіи съ освѣщеніемъ Руссо, изобразить Фіеско не такимъ, какимъ знаетъ его исторія, а придать ему черты новаго Брута, освобождающаго республику отъ деспотизма Доріевъ. Все это имѣло свои корни въ личномъ настроеніи юноши. Въ то время Шиллеръ, воспитанникъ академіи герцога виртембергскаго Карла Евгенія, переживалъ свой Sturm und Drang; въ немъ бродили передовыя идеи вѣка, которыя созрѣвали подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній—его недовольства академическими порядками и отношеніемъ къ нему герцога. Столкновеніе съ послѣднимъ приняло особенно острую форму въ 1781 г., изъ-за журнальныхъ работъ Шиллера, а главное по поводу самовольной отлучки поэта въ Мангеймъ (гдѣ давались его „Разбойники“). Шиллеръ подвергся за это 14-дневному аресту. Но даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ наплывъ идей и сюжетовъ не даетъ ему покоя и одновременно съ разработкой „Фіеско“ онъ задумываетъ другую пьесу: „Козни и любовь“ („Луиза Миллеръ“) *). Изъ предисловія къ печатному изданію „Фіеско“ видно, какими источниками пользовался Шиллеръ для своей работы. У него имѣлись подъ рукой: „Исторія правленія Карла V“ Робертсона (нѣмецкій переводъ 1779 г.); „La conjuration du comte Jean Louis de Fiesque“ извѣстнаго кардинала Ретца (въ 4-мъ томѣ его „Мемуаровъ“ изд. 1731 г.); „Histoire de la réspublique de Gênes, соч. de-Mailly (1697 г.). Кромѣ того Шиллеръ читалъ „Histoire générale des conjurations, conspirations et révolutions célèbres“ par M. Duport (1763 г.), а для обрисовки быта и политическихъ условій Генуи онъ пользовался книгой „Häberlin'a „Grundliche historisch-politische Nachricht von der Republik Genua“ (1747 г.). Работа надъ отдѣльными сценами шла урывками; впрочемъ, изъ письма Шиллера къ его покровителю барону Дальбергу (директору мангеймскаго „Національнаго те-

*) Нѣкоторые біографы (Палеске, Вельтрихъ) увѣряютъ, что Шиллеръ колебался между двумя героями трагедіи — Конрадиномъ швабскимъ и Фіеско, но предпочелъ послѣдняго, какъ лицо болѣе интересное со стороны драматической интриги.

атра"), помѣченнаго 1 апр. 1782 г., видно, что пьеса уже значительно подвинулась. Затѣмъ слѣдовали опять непріятности и, наконецъ, осенью 1782 г. Шиллеръ рѣшается бѣжать въ Мангеймъ. Онъ является туда съ неконченною рукописью „Фіеско". У него еще не улеглись разныя колебанія относительно драматической развязки. Его смущало противорѣчіе между Руссо и сообщеніями историковъ: у Руссо Фіеско является патріотомъ, Брутомъ, а по исторіи это второй Катилина. Точно также историческій Веррина вовсе не патріотъ и непреклонный республиканецъ, а тѣмъ менѣе Виргиній, какимъ онъ представлялся Шиллеру, а просто недовольный человѣкъ, которому нечего терять и который подговариваетъ Фіеско прогнать Доріевъ и завладѣть высшею властью *). Другое сомнѣніе, о которомъ сообщаетъ другъ Шиллера, Штрейхеръ, вызывалъ вопросъ о гибели Фіеско: пасть ли ему отъ руки Веррины, или отъ ужаснаго сознанія, что онъ случайно убилъ свою страстно любимую жену? **). Извѣстно, что, въ концѣ концовъ, Шиллеръ отступилъ и отъ Руссо и отъ историческихъ фактовъ, слѣдуя своему собственному художественному чутью. Въ ноябрѣ 1782 г. пьеса была дописана въ мѣстечкѣ Оггерсгеймъ и отправлена Дальбергу. Однако, переговоры съ послѣднимъ относительно постановки не привели къ конечному результату. Актеръ Иффландъ раскритиковалъ языкъ драмы и нѣсколько сценъ, и въ концѣ апрѣля 1783 г. Шиллеръ выпустилъ пьесу въ изданіи придворнаго книгопродавца Швана въ Мангеймѣ. Гонорара онъ получилъ по 1 луидору за листъ (всего $11^1/_2$ луидоровъ). Пьеса посвящена наставнику и другу автора—профессору военной академіи Абелю ***).

Въ печати драма „Фіеско" появилась въ томъ видѣ, въ какомъ она вошла въ полныя собранія сочиненій Шиллера. Въ видахъ постановки на мангеймской сценѣ Дальбергъ предлагаетъ автору передѣлать конецъ пьесы. Такая передѣлка была сдѣлана, введены и другія измѣненія, но несомнѣнно, что первоначальная развязка, придуманная Шиллеромъ послѣ долгихъ колебаній, была сохранена для печатнаго изданія. Одно было ясно поэту съ самаго начала: въ интересахъ цѣльности драмы ему нельзя слѣдовать исторіи. Историческій Фіеско, возставшій противъ Доріевъ, погибаетъ совершенно случайно, уже побѣдителемъ: доска, по которой онъ бѣжитъ на адмиральскую галеру, опрокидывается, и заговорщикъ падаетъ въ воду, причемъ погибаетъ вслѣдствіе тяжести своего вооруженія. Но случайная катастрофа лишена главнаго условія трагизма: паденія человѣка въ борьбѣ нравственнаго чувства съ болѣе сильною страстью. Поэтому въ драмѣ Фіеско долженъ былъ погибнуть не вслѣдствіе несчастной случайности, а въ силу необходимости, въ силу высшаго нравственнаго правосудія. Долженъ былъ пасть честолюбецъ, который свои властолюбивыя, эгоистическія стремленія ставитъ выше народнаго блага. Такъ требовала теорія трагедіи и вотъ почему поэтъ, превративъ историческаго Веррину въ фанатика-республиканца, заставилъ его сыграть роль судьбы, орудія высшаго правосудія. Отъ его руки и гибнетъ Фіеско и эта гибель является неизбѣжнымъ результатомъ всего его безнравственнаго образа дѣйствій и его двойственнаго характера; въ немъ какъ бы двѣ души—душа героя и душа преступника *).

Въ основной схемѣ пьесы Шиллеръ ближе всего примкнулъ къ Робертсону. Поэтому не лишне будетъ прослѣдить, въ общихъ чертахъ, нить разсказа англійскаго историка о заговорѣ графа Фіеско (1547 г.).

Въ республикѣ Генуѣ, волнуемой междоусобіями аристократическихъ партій, огромное вліяніе Андрея Дорія основывалось на безкорыстномъ образѣ его дѣйствій и на его военныхъ заслугахъ: двадцать лѣтъ тому назадъ онъ отказался отъ предложеннаго ему сана герцога и дожа и остался главнокомандующимъ флотомъ. Но у него былъ внучатный племянникъ Джанеттино, котораго генуэзцы не любили за высокомѣріе и наглое неуваженіе къ сенату и закону. Племянникъ былъ любимцемъ старика и послѣдній втайнѣ подготовлялъ почву для того, чтобы молодому человѣку современемъ достался санъ дожа. Въ свою очередь

*) Minor, Schiller. Sein Leben und seine Werke. Berlin, 1890 Томъ 2-й, стр. 24 и слѣд.

**) Otto Brahm, Schiller Berlin, 1888 Томъ 1-й, стр. 239 и слѣд.

***) Уже въ 1784 г. «Фіеско» вышелъ вторымъ изданіемъ, а въ 1785 г. три первыя пьесы Шиллера («Räuber» «Fiesco» «Kabale und Liebe») изданы вмѣстѣ, отдѣльной книжкой.

*) Замѣтимъ кстати, что Плюмике, исковеркавшій «Разбойниковъ», (см. выше стр. 181). передѣлалъ для сцены также «Фіеско». У него Фіеско закалывается съ отчаянія, потому что нечаянно убилъ свою жену.

Джанеттино держалъ себя крайне самоувѣренно, не какъ гражданинъ республики, а какъ будущій повелитель. Неудовольствіе росло какъ въ кругу аристократовъ, снѣдаемыхъ честолюбіемъ, такъ и въ средѣ менѣе состоятельныхъ гражданъ, не принимавшихъ участія въ управленіи. Такимъ образомъ, къ 1547 г., когда вся Италія, казалась охваченной духомъ возмущенія, въ Генуѣ также скопился горючій матеріалъ, который ждалъ только энергичнаго иниціатора, чтобы вспыхнуть. Эту роль принялъ на себя 23-лѣтній Джованни Луиджи Фіеско (de' Fieschi), графъ Лаванья. Этотъ независимый и богатый вельможа обладалъ всѣми внѣшними данными обольстителя не только женскихъ сердецъ, но и людей вообще: онъ былъ красивъ, какъ Алкивіадъ, любезенъ, щедръ и великодушенъ. Хотя онъ и держалъ себя съ авторитетнымъ достоинствомъ, но былъ вообще доступенъ и охотно поддерживалъ сношенія съ людьми различныхъ партій. Но подъ личиной этихъ благородныхъ качествъ скрывалась ненасытная жажда власти и безумная отвага, которая не останавливалась ни передъ какою опасностью. Вполнѣ естественно, что для такого человѣка подвластное положеніе было нестерпимо.

Фіеско былъ прирожденный заговорщикъ. И вотъ, пользуясь разладомъ партій, онъ замышляетъ устранить Доріевъ отъ власти, хотя бы путемъ кроваваго насилія. Сначала ему приходитъ мысль заручиться поддержкой короля французскаго Франциска I; но Веррина, главный его сообщникъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія, „которому нечего было терять и готовый на все", совѣтуетъ ему не связывать себя обязательствами, а дѣйствовать самостоятельно. Онъ прямо предлагаетъ ему овладѣть Генуею. У молодого честолюбца закружилась голова, и въ собраніи заговорщиковъ было рѣшено убить обоихъ Доріевъ и знатнѣйшихъ членовъ ихъ партіи и возвести Фіеско въ герцогскій санъ. Для замаскированія этого плана графъ принялся играть продолжительную и сложную комедію. Онъ притворился распутникомъ и, казалось, утопалъ въ пошлыхъ развлеченіяхъ. Но онъ не терялъ времени. Онъ заручился обѣщаніемъ Франціи оказать ему поддержку, завязалъ сношенія съ герцогомъ пармскимъ и вооружилъ 4 галеры, купленныя у папы, якобы для похода противъ Турціи. Кромѣ того, графъ сформировалъ отрядъ изъ смѣлыхъ наемниковъ и стянулъ въ Геную своихъ подчиненныхъ. Съ Доріями Фіеско все время поддерживалъ лицемѣрно-льстивыя отношенія, такъ что былъ обманутъ даже подозрительный и неискренній Джанеттино. Послѣ долгаго совѣщанія относительно способа умерщвленія обоихъ Доріевъ остановились на открытомъ нападеніи, причемъ временемъ выполненія умысла была избрана ночь съ 2 на 3 января 1547 г. Интересны нѣкоторыя подробности, характеризующія историческаго Фіеско. Заговорщики предложили убить Доріевъ въ соборѣ, во время торжественнаго богослуженія въ день св. Андрея. Но Фіеско съ ужасомъ отвергъ подобное святотатство. Тогда совѣтовали заколоть ихъ на пиру у Фіеско, гдѣ хотѣли праздновать бракосочетаніе сестры Джанеттино съ братомъ Элеоноры (у Шиллера—Леонора) красавицы-жены графа. Но Джанеттино не могъ быть на праздникѣ и кромѣ того, по увѣренію Ретца, Фіеско возмутился такимъ гнуснымъ предательствомъ. Тогда было принято окончательное рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что 1 января дожъ предыдущаго года слагалъ съ себя обязанности и 4 выбирался новый; поэтому, 3 января былъ удобный моментъ для переворота. Вечеромъ этого дня императорскій посолъ Суаресъ предупреждалъ Андрея о дошедшихъ до него слухахъ; но благодушный Андрей спокойно указалъ ему на беззаботно веселаго Фіеско, присутствовавшаго на этомъ вечерѣ у Доріевъ и даже игравшаго съ дѣтьми Джанеттино. Между тѣмъ Фіеско поспѣшилъ въ свой дворецъ, и его клевреты пригласили знатнѣйшихъ гражданъ къ нему „на пиръ". Но вмѣсто пира Фіеско сказалъ имъ горячую рѣчь, въ которой предложилъ помочь ему низвергнуть иго Доріевъ и возстановитъ республиканскую свободу. Подчиненные Фіеско привѣтствовали его, а прочая толпа невольно примкнула къ нему, очутясь въ положеніи соучастниковъ заговора. Отдавъ приказанія, графъ на минуту забѣжалъ къ своей женѣ Элеонорѣ, женщинѣ благородной и высокообразованной. Она поняла всю опасность предпріятія и умоляла мужа бросить свое ужасное намѣреніе. Но Фіеско выбѣжалъ изъ комнаты съ гордыми словами: „Прощайте, или вы меня больше не увидите, или завтра вся Генуя будетъ лежать у вашихъ ногъ!" Въ полночь въ городѣ начались безпорядки, бунтовщики овладѣли воротами, а Веррина своею галерой заперъ выходъ изъ гавани, гдѣ стоялъ флотъ Дорія. Улицы огласились криками: „Фіеско и свобода!" Когда шумъ

приблизился къ дворцу Доріевъ, Джанеттино выскочилъ изъ постели и, вообразивъ, что возстали моряки, поспѣшилъ къ гавани, гдѣ и былъ заколотъ приверженцами Фіеско. Андрей Доріа во-время узналъ объ этомъ и спасся бѣгствомъ. Тѣмъ временемъ нѣсколько сенаторовъ собрались во дворцѣ Республики и согласились подчиниться Фіеско. Но послѣдняго уже не было въ живыхъ—онъ утонулъ*). Его партія пыталась скрыть это обстоятельство, но необдуманное заявленіе брата погибшаго, Іеронима Фіеско, въ собраніи сенаторовъ испортило все дѣло. Партія Андрея успѣла сплотить свои силы, самъ Доріа возвратился вечеромъ 3 января въ Геную, и уже на слѣдующее утро городъ былъ спокоенъ.

Остальными источниками Шиллеръ воспользовался для подробностей бытовой окраски, костюмовъ и характеристики Андрея, Джанеттино, Фіеско, а также другихъ заговорщиковъ--Калканьо, Сакко, Бургорьино. Нами уже указано выше, въ чемъ заключалось главное уклоненіе поэта отъ историческихъ событій—въ измѣненіи развязки. Затѣмъ художественная концепція требовала, чтобы личность Фіеско стояла въ самомъ центрѣ драмы, а психологическая мотивировка—чтобы идея цезаризма родилась въ его головѣ, чтобы Фіеско былъ не орудіемъ общественнаго недовольства, а дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, подъ давленіемъ честолюбія. Съ другой стороны, Шиллеръ очень искусно ввелъ въ пьесу два новыхъ лица: одно изъ нихъ—живой образъ продувной бестіи—мавра; другое—дочь Веррины, Берта, обезчещенная развратнымъ Джанеттино. Для самаго хода дѣйствія послѣднее лицо не было необходимо, но судьба Берты прибавляетъ еще лишнюю мрачную черту къ суровой личности ея отца и тѣмъ усиливаетъ впечатлѣніе, производимое этимъ новымъ римляниномъ, когда онъ, для блага народнаго, твердою рукою губитъ того человѣка, котораго такъ страстно любилъ. Такой нѣсколько неожиданный для зрителя, но естественный финалъ тѣмъ болѣе эффектенъ, что вначалѣ предпріятіе Фіеско не предвѣщаетъ подобнаго конца. Въ концѣ 2-го акта самъ Фіеско еще колеблется между діадемой и гражданскимъ долгомъ. „Пади, тиранъ!“ говоритъ онъ себѣ въ порывѣ благородства. „Будь свободна, Генуя, а я—да буду твоимъ счастливѣйшимъ гражданиномъ!“ Но уже въ первой сценѣ 3-го акта Веррина заявляетъ: „Фіеско д о л ж е н ъ умереть!“ Онъ уже предвидитъ въ немъ еще болѣе опаснаго тирана, чѣмъ Доріа. И мы понимаемъ, что онъ правъ, что Фіеско не измѣнитъ своему тайному стремленію и что судьба неминуемо ведетъ его къ фатальному столкновенію съ Верриной... Послѣднія слова пьесы, слова Веррины: „Я иду къ Андрею“, могутъ показаться не соотвѣтствующими его образу мыслей. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Веррина и его партія слишкомъ слабы, чтобы продолжать дѣло Фіеско. Еслибъ Фіеско остался живъ, то Генуя едва ли дождалась бы обѣщанной свободы. Теперь же, съ возвращеніемъ Андрея Доріа, несомнѣнно могутъ наступить болѣе спокойныя времена, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ убитаго Джанеттино устраненъ опасный элементъ деморализаціи. Такимъ образомъ, если съ точки политической драма Шиллера и не завершается опредѣленной перспективой, то со стороны общечеловѣческой и поэтической она вызываетъ въ зрителѣ глубокое чувство удовлетворенія. Нельзя, конечно, не согласиться съ критиками, что въ пьесу введено кое-что лишнее; портящее впечатлѣніе: къ этимъ неудачнымъ вставкамъ принадлежатъ сцена между Элеонорой и Калканьо (2-ой актъ), мало приличный для графини Джуліи *) тонъ ея разговора (перебранки) съ Элеонорой (тамъ же) и убійство Элеоноры самимъ Фіеско (5-й актъ) **). Попадаются и другія несообразности: такъ, напр., Фіеско съ презрѣніемъ отпускаетъ мавра, послѣ того какъ посвятилъ его въ свой умыселъ, вслѣдствіе чего Гассанъ предаетъ его Андрею. Далѣе Фіеско, пользуясь темнотою ночи, вызываетъ Андрея на балконъ и предостерегаетъ его отъ самого себя и т. д. Но всѣ эти ошибки нисколько не нарушаютъ общаго художественнаго строя пьесы. Въ ней масса душевнаго паѳоса, огня и подъема чувствъ; юношескій идеализмъ, увлеченіе идеей политической свободы и самопожертвованіе на пользу отечества составляютъ основной тонъ драмы. Драмати-

*) Его трупъ былъ найденъ черезъ 4 дня и спущенъ на морское дно.

*) Она въ драмѣ заступаетъ мѣсто исторической Перретты Доріа, вдовы брата Элеоноры (рожденной де Чиби).

**) Въ театральной обработкѣ пьесы (см. ниже) эта сцена исключена; Элеонора остается жива. По исторіи Элеонора, вторично вышла замужъ за маркиза Вителли, а послѣ его смерти поступила въ монастырь, во Флоренціи. Умерла въ 1594 г.

ческая техника свидѣтельствуетъ о большомъ мастерствѣ, а геніальное умѣнье распоряжаться историческимъ матеріаломъ придаетъ пьесѣ значеніе перваго крупнаго успѣха въ области исторической драматургіи. Въ это время Шиллеръ еще не успѣлъ вполнѣ уяснить себѣ законы историческаго развитія; вотъ почему борьба между деспотизмомъ и свободой представлялась ему скорѣе чѣмъ-то личнымъ, чѣмъ-то вродѣ политической интриги *). Онъ смотритъ на событіе 16-го вѣка чрезъ очки Руссо и его интересуютъ не столько политическіе мотивы событія сами по себѣ, сколько общечеловѣческое ихъ содержаніе **). Въ своемъ героѣ Шиллеръ отчасти отразилъ самого себя, свою геніальность, свою страстную натуру и пылкость воображенія. Въ сущности Фіеско вовсе не политическій характеръ ***). Въ трагедіи Шиллеръ видѣлъ высшую цѣль искусства, и, по его мнѣнію, цѣль эту можно достигнуть только путемъ изображенія моральной свободы человѣка ****). И если Шиллеръ въ своемъ „Фіеско" удалился отъ исторической правды, то это еще не лишаетъ его пьесу историческаго характера.

До него не было исторической драмы въ широкомъ смыслѣ; надо было создать самую форму, самый *стиль* такой драмы. И Шиллеръ его создалъ. Новые пріемы драматической техники, новизна оборотовъ рѣчи, яркость и сжатость діалоговъ и широкій размахъ страстей—вотъ чего нельзя отнять у этой первой исторической драмы Шиллера. Здѣсь уже были блестящіе задатки того, что впослѣдствіи обезсмертило автора: „Валленштейна" и „Вильгельма Телля".

Еще въ февралѣ 1783 г. Шиллеръ окончилъ новую драму „Луиза Миллеръ" (позднѣе озаглавленную „Козни и любовь"), а переговоры съ бар. Дальбергомъ относительно постановки „Фіеско" на мангеймской сценѣ все еще не приходили къ концу. Дальбергъ предложилъ поэту званіе „театральнаго поэта" съ жалованьемъ въ 300 гульденовъ и съ обязательствомъ до 1 сент. 1784 г. написать для театра 3 пьесы, причемъ конецъ „Фіеско" непремѣнно передѣлать. Опасная болѣзнь на время прервала работу, но къ серединѣ декабря пьеса была „приспособлена" для сцены *).

Въ эту пору жизни поэта въ немъ уже улеглись бурныя стремленія; наступилъ періодъ болѣе зрѣлой вдумчивости въ идеи демократизма. Въ головѣ Шиллера уже созрѣвалъ планъ „Донъ-Карлоса". Въ связи съ этимъ драма „Фіеско" какъ будто выигрываетъ въ душевной теплотѣ, идеалистическомъ полетѣ; самъ Фіеско оказывается уже не будущимъ тираномъ, а героемъ, исполненнымъ чувства гражданскаго долга и стремленія къ самопожертвованію. На него поэтъ переноситъ историческій ореолъ Андрея Дорія, который, какъ мы уже знаемъ, за двадцать лѣтъ до заговора Фіеско отказался отъ предложеннаго ему сана дожа. Въ новой театральной редакціи Фіеско отказывается отъ достоинства герцога, и, неожиданно для Веррины, объявляетъ генуэзцамъ, что онъ желаетъ быть не ихъ монархомъ, а счастливѣйшимъ согражданиномъ. Соотвѣтственно такому коренному измѣненію идеи пьесы, понадобились и другія передѣлки. Вышла какъ бы совершенно новая драма. Мы вкратцѣ изложимъ ходъ ея дѣйствія, сравнительно съ первой редакціей, вошедшей во всѣ собранія сочиненій Шиллера и давно уже одобренной всѣми сценами.

Въ первомъ актѣ Ломеллино, клевретъ Доріевъ, совѣтуетъ Джанеттино жениться на Бертѣ Веррина, но потомъ все-таки соглашается помочь ему увезти ее. Во второмъ актѣ выпала первая сцена первоначальной редакціи (грубая пикировка между Джуліей и Элеонорой). Нѣсколько другихъ сценъ тоже исключены. Берта не обезчещена молодымъ Дорія, ей удалось спастись, но характеристика ея жениха Бургоньино, выказывающаго такое благородство въ первой редакціи пьесы, отъ этого ничего не выигрываетъ. Кончается дѣйствіе сценой, въ которой Веррина заявляетъ, что Фіеско долженъ умереть (1-я сцена 3-го акта первой редакціи). Изъ монолога Фіеско (1-я сцена 3-го акта) осталась только небольшая часть, именно отъ словъ: „Что я величайшій мужъ въ Генуѣ..." до фразы: „величайшій подвигъ—украсть корону" **). Десятая сцена 3-го акта (разговоръ Фіеско съ Джанет-

*) Scherr, Schiller und seine Zeit, 1859, стр. 232.

**) Brahm, I, стр. 256.

***) Kuno Fischer, Die Selbstbekenntnisse Schillers, Frankfurt. 1858.

****) Gervinus, Geschichte der deutschen Dichtung.

*) Шиллеръ взялся за передѣлку неохотно, но торопился окончить ее въ виду того, что упомянутый выше Плюмике намѣревался «обработать» «Фіеско» для берлинскаго театра.

**) У Ретца эти слова говоритъ Веррина: «Le crime d' usurper une couronne est si illustre, qu'il peut passer pour une vertue».

тино) также сильно укорочена. 12-ое, 13-ое и 14-ое явленія 4-го акта (сцены, гдѣ Фіеско унижаетъ влюбленную въ него Джулію въ присутствіи своей жены) подробнѣе разработаны въ 9—11 явленіяхъ новой редакціи. Наконецъ, ночная бесѣда Фіеско съ Андреемъ, имѣющая въ первой редакціи (1-я сцена 5-го дѣйствія) лишь эпизодическое значеніе и даже мало мотивированная, получаетъ въ театральной обработкѣ особое значеніе, потому что нравственная доблесть Андрея, его увѣренность въ прочности народныхъ симпатій побуждаютъ Фіеско къ отреченію отъ самовластія. Затѣмъ Джанеттино падаетъ въ поединкѣ съ Бургоньино. Дѣйствіе 5-ое. Андрей покинулъ Геную, сенаторы провозглашаютъ Фіеско герцогомъ. Въ послѣдней сценѣ повторена борьба чувствъ въ душѣ яраго республиканца Веррины—борьба между страстною привязанностью къ Фіеско и ненавистью къ будущему угнетателю народа. Онъ умоляетъ Фіеско не брать знаковъ власти изъ рукъ сенатора. Графъ все еще скрываетъ свое благородное намѣреніе и предлагаетъ ему свою дружбу. Тогда Веррина пытается нанести ему ударъ мечомъ, но Фіеско отражаетъ его, и сбѣжавшійся народъ хочетъ казнить злоумышленника. Но тутъ Фіеско беретъ скипетръ, ломаетъ его и бросаетъ куски къ ногамъ народа. Толпа въ восторгѣ падаетъ на колѣни. Веррина изумленъ. Фіеско называетъ его другомъ, обнимаетъ его и говоритъ народу: „Встаньте, генуэзцы! Монарха я вамъ дарю—обнимите вашего счастливѣйшаго согражданина!"

Легко, конечно, замѣтить, что эта уступка Дальбергу и общественнымъ вкусамъ не послужила на пользу художественной правдѣ драмы, такъ какъ трагедія характеровъ превратилась въ сантиментально-героическую пьесу обстановочнаго пошиба. Техническіе и психологическіе промахи этой редакціи невольно бросаются въ глаза. Такъ, личность Веррины теряетъ свой смыслъ съ того момента, когда Фіеско самъ рѣшается отречься отъ власти. Затѣмъ, великодушіе Фіеско повторяетъ собой великодушіе Андрея. Спрашивается: зачѣмъ послѣдній удаляется изъ Генуи, разъ онъ давно уже пользуется расположеніемъ народа и тоже не стремится къ власти? Чѣмъ Фіеско лучше Андрея Дорія? Съ другой стороны, также мало понятно отреченіе Фіеско въ виду существованія въ Генуѣ сильной партіи сторонниковъ единовластія.

Но Дальбергъ былъ доволенъ, и 11 января 1784 г. на мангеймскомъ театрѣ состоялось первое представленіе „Фіеско". Веррину игралъ знаменитый Ифландъ. Нѣкоторыя сцены имѣли шумный успѣхъ. Но по свидѣтельству Штрейхера, „въ цѣломъ пьеса не могла согрѣть большинства публики". Ожидали потрясающихъ сценъ, ужасовъ, нѣчто вродѣ „Разбойниковъ". А вдругъ тутъ отважный заговорщикъ превращается въ добродѣтельнаго гражданина. Скучна на сценѣ добродѣтель. Въ предупрежденіе недоразумѣній Шиллеръ велѣлъ расклеить въ день спектакля „Напоминаніе автора „Фіеско" публикѣ", въ которомъ довольно подробно изложилъ свои взгляды на героя пьесы и старался оправдать свои измѣненія тѣмъ, что *его* Фіеско болѣе великъ душой, чѣмъ историческій. По этому поводу Шиллеръ провозглашаетъ право поэта приносить историческую вѣрность въ жертву своему вдохновенію, причемъ опирается на авторитетъ Лессинга *). Въ данномъ случаѣ взглядъ Шиллера совпадаетъ съ гордыми словами Гете: „Для поэта ни одна личность не является исторической; онъ по своему усмотрѣнію рисуетъ нравственный міръ и для этой цѣли дѣлаетъ честь извѣстнымъ лицамъ исторіи, называя ихъ именами созданія своего воображенія".

А. Рейнгольдтъ.

---

*) Разборъ драмы Вейссе «Ричардъ III». («Гамб. Драматургія»).

Предисловіе Шиллера къ „Заговору Фіеско".

Профессору Абелю въ Штутгартѣ.

Исторію этого заговора я почерпнулъ главнымъ образомъ изъ „Conjuration du Comte Jean Louis de Fiesque" кардинала Реца, изъ „Histoire des Conjurations" и „Histoire de Gènes" и изъ третьей части Робертсоновской исторіи Карла V. Да проститъ мнѣ гамбургскій драматургистъ вольности, которыя я допустилъ въ обращеніи съ событіями, если онѣ мнѣ удались; если же нѣтъ, то думается, что больше пострадалъ вымыселъ моей фантазіи, чѣмъ самые факты. Катастрофа, которою закончился заговоръ, въ дѣйствительности заключалась въ томъ, что графъ погибъ совершенно случайно, уже достигнувъ цѣли своихъ желаній. Этотъ конецъ я долженъ былъ непремѣнно измѣнить, потому что въ драмѣ недопустима простая случайность или непосредственное вмѣшательство Промысла. Я бы очень изумлялся тому, что ни одинъ драматургъ не воспользовался такимъ сюжетомъ для трагедіи, если бы не видѣлъ причины этого именно въ недраматичности исхода заговора. Правящій духъ видитъ всѣ тонкія, какъ паутина, нити, связующія событія со всѣмъ строемъ міроздания и прикрѣпляющія ихъ къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ будущаго и прошедшаго; простой-же умъ видитъ только самый фактъ. Художникъ долженъ имѣть въ виду близорукій взоръ обыденнаго человѣчества, для назиданія котораго онъ пишетъ, а не проникновенность всемогущей силы, у которой онъ самъ учится.

Въ моихъ „Разбойникахъ" я представилъ жертву чрезмѣрнаго чувства. Здѣсь я пытаюсь представить нѣчто противоположное, жертву интригъ и хитрости. Но какъ ни поразительна несчастная затѣя Фіеско въ исторіи, на сценѣ она можетъ и не произвести такого же впечатлѣнія. Если правда, что только чувство вызываетъ чувство, то думается, *политическій герой* по столько не годится для сцены, по сколько онъ долженъ отрѣшиться отъ своихъ человѣческихъ сторонъ, чтобы быть политическимъ героемъ. Не въ моей власти было бы поэтому вдохнуть въ мой вымыселъ живое пламя, сила котораго обусловлена болѣе возвышеннымъ элементомъ души—воодушевленіемъ. Но связать холодный, безплодный политическій подвигъ съ человѣческимъ сердцемъ, изъ котораго онъ исходитъ, и тѣмъ самымъ прикрѣпить его къ человѣческому сердцу, осложнить человѣчность сердца политическимъ умомъ, извлечь изъ хитроумныхъ интригъ и положеній нѣчто общечеловѣческое—это было въ моей власти. Мои отношенія къ жизни среднихъ людей дѣлаютъ меня большимъ знатокомъ сердецъ, нежели политическихъ комбинацій, но быть можетъ, неопытность въ дѣлахъ политическихъ составляетъ поэтическое качество.

Заговоръ Фіеско въ Генуѣ.

Республиканская трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Андреа Доріа, дожъ Генуи. Почтенный старикъ 80 лѣтъ. Слѣды пламеннаго темперамента. Главная черта: увѣренная въ себѣ и строго повелительная краткость.

Джанеттино Доріа, его племянникъ. Претендентъ. Въ возрастѣ 26 лѣтъ. Грубый и необузданный въ рѣчи, походкѣ и манерахъ. Плебейски гордый. Образованіе получилъ урывками.

(Оба Доріа носятъ пурпуръ).

Фіеско, графъ ди Лаванья, глава заговора. Стройный, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, цвѣтущей красоты,—гордый съ достоинствомъ, привѣтливый съ величавостью, свѣтски покладистый и коварный.

(Всѣ дворяне въ черномъ. Покрой платья древне-германскій).

Веррина, республиканецъ — заговорщикъ; 60 лѣтъ. Тяжелый, серьезный и мрачный; глубокія черты.

Бургоньино, заговорщикъ, юноша 20 лѣтъ. Благородный и пріятный. Гордый, живой и естественный.

Кальканьо, заговорщикъ. Худой, сластолюбивый, 30 лѣтъ. Услужливый и предпріимчивый.

Сакко, заговорщикъ. 45 лѣтъ. Обыкновенная натура.

Ломеллино, довѣренный Джанеттино. Изсохшій придворный.

Центуріоне, Цибо, Ассерато, } Недовольные.

Романо, художникъ. Свободный, простой и гордый.

Мюлей-Гассанъ, чисто Тунисскій мавръ. Продувная бестія. Физіономія полна оригинальной смѣси мошенничества и причуды.

Нѣмецъ герцогской стражи тѣлохранителей. Честный простакъ. Стойкая храбрость.

Три гражданина, разжигающіе толпу.

Леонора, супруга Фіеско, 18 лѣтъ. Блѣдная и худенькая. Чувствительная и нѣжная. Очень привлекательная, но не особенно блестящая. Лицо полно мечтательной меланхоліи. Одежда черная.

Джулія, графиня, вдова Императали, сестра Доріа. 25 лѣтъ. Высокая и полная. Гордая кокетка. Красота, испорченная вычурностью. Ослѣпляющая, но не притягивающая. Выраженіе злой насмѣшки въ лицѣ. Черный костюмъ.

Берта, дочь Веррины, невинная дѣвушка.

Рова, Арабелла, } Горничныя Леоноры.

Дворяне, граждане, нѣмцы, солдаты, слуги, воры.

Мѣсто дѣйствія—Генуя. Время—1547 г.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала въ домѣ Фіеско. Вдали слышны музыка и оживленіе бала.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Леонора *замаскированная.* Роза *и* Арабелла *разстроенныя вбѣгаютъ на сцену.*

Леонора *(снимая маску).* Ни слова! ни слова больше! Все ясно... *(бросается въ кресло).* Меня это уничтожаетъ.

Арабелла. Графиня...

Леонора *(вскакивая).* На моихъ глазахъ! Кокетка, всему городу извѣстная кокетка! предъ лицомъ всего дворянства Генуи! *(Грустно).* Роза! Белла! и не смотря на мои слезы...

Роза. Принимайте это за то, что въ самомъ дѣлѣ было—за простую любезность.

Леонора. Любезность? А быстрая игра ея глазъ, а какъ онъ тревожно ее поджидалъ? А долгій поцѣлуй, которымъ онъ замеръ на ея оголенной рукѣ выше кисти, такъ что даже слѣды его зубовъ остались на ней яркимъ краснымъ пятномъ? А! и этотъ воплощенный восторгъ, пристальная, глубокая оцѣпенѣлость, въ которую онъ погрузился, словно весь міръ смели вокругъ него, и онъ остался одинъ съ этой Джуліей въ пустотѣ вселенной? Любезность? Добрая душа, ты никогда не любила, не спорь со мной о любезности и любви!

Роза. Тѣмъ лучше, Мадонна; потерять супруга значитъ выиграть десятокъ ухаживателей.

Леонора. Потерять?—Маленькое отклоненіе чувства—и Фіеско потерянъ? Уйди, ядовитая болтунья, никогда мнѣ не показывайся на глаза!—Онъ подразнить меня хотѣлъ; невинная шалость,—можетъ быть одна вѣжливость? Не такъ ли, моя чуткая Белла?

Арабелла. О, да, навѣрно это такъ.

Леонора *(задумчиво).* А что если кокетка подумаетъ, что завоевала его сердце? что въ каждой мысли его пріютилось *ея* имя? звучитъ ему въ каждомъ движеніи природы? Что же это, однако, такое? До чего я дошла? Возможно ли, чтобъ весь чудный величавый міръ былъ для него не что иное, какъ прекрасный алмазъ, на которомъ вырѣзано ея

изображеніе?—чтобъ онъ любилъ ее?—Джулію! О, дай мнѣ руку, поддержи меня, Белла.

(Пауза; снова слышна музыка).

Леонора *(оживляясь)*. Слышишь? Кажется, это голосъ Фіеско выдается среди общаго шума? Неужели онъ можетъ смѣяться, когда его Леонора плачетъ наединѣ? Нѣтъ, дитя мое, это былъ грубый голосъ Джанеттино Доріа.

Арабелла. Да, Синьора! но пойдемте въ другую комнату.

Леонора. Ты блѣднѣешь? Белла! Ты лжешь—я читаю въ вашихъ глазахъ, на лицахъ генуэзцевъ что-то такое—такое... О, конечно, эти генуэзцы знаютъ больше того, о чемъ подобаетъ слушать супругѣ.

Арабелла. Ревность все преувеличиваетъ.

Леонора *(съ грустной мечтательностью)*. Когда онъ былъ еще Фіеско—въ померанцевой рощѣ, гдѣ мы дѣвушками весело прогуливались, онъ выступалъ, какъ блестящій Аполлонъ, слитый воедино съ мужественной красотой Антиноя. Онъ являлся и гордымъ, и прекраснымъ, словно вся свѣтлѣйшая Генуя покоилась на его плечахъ. Наши взоры воровато скользили за нимъ и судорожно отрывались, какъ пойманные въ святотатствѣ, когда къ намъ обращался его молніеносный взглядъ. Ахъ, Белла, какъ жадно глотали мы эти взгляды! какъ пристрастно боязливая зависть относила ихъ на счетъ сосѣдки. Они падали среди насъ, какъ золотое яблоко раздора; нѣжные глаза начинали дико пылать, тихая грудь бурно вздымалась, ревность разрывала наше единодушіе.

Арабелла. Помню. Всѣ женщины Генуи взволновались изъ-за вашего чуднаго завоеванія.

Леонора *(воодушевленная)*. И вотъ, назвать его моимъ! отважное, страшное счастье! Величайшій мужъ Генуи—мой! *(Съ граціей)*. Онъ такъ законченно вышелъ изъ-подъ рѣзца неистощимой художницы природы, являя въ миломъ сліяніи все, что представляетъ великаго его полъ.—Слушайте, дѣвушки! я таки не могу больше объ этомъ умолчать. Слушайте, дѣвушки, я вамъ кое-что открою, *(таинственно)* одну мысль: когда я стояла передъ алтаремъ подлѣ Фіеско, рука съ рукой, мнѣ пришла мысль, запретная для женщины: „Этотъ Фіеско, который теперь держитъ тебя за руку, твой Фіеско!—но тише, чтобъ ни одинъ мужчина не подслушалъ, какъ мы гордимся обломками его совершенства,—этотъ твой Фіеско,—горе вамъ если такое чувство не возвыситъ васъ,—Фіеско избавитъ Геную отъ тирана.

Арабелла *(изумленно)*. И такая мысль пришла дѣвушкѣ, и во время вѣнчанья?

Леонора. Удивляйся, Белла; да невѣстѣ—въ блаженную минуту свадебнаго дня! *(Оживленнѣе)*. Я женщина, но я чувствую мою дворянскую кровь, я не могу терпѣть, что этотъ домъ Доріа хочетъ перерасти нашихъ предковъ. Пускай добродушный Андреа остается герцогомъ Генуи, ему желать добра—отрадно,—но Джанеттино его племянникъ,—его наслѣдникъ,—и у Джанеттино наглое, высокомѣрное сердце. Генуя дрожитъ передъ нимъ, а Фіеско—*(опять печально)* плачьте обо мнѣ:—Фіеско любитъ его сестру.

Арабелла. Бѣдная, несчастная синьора!

Леонора. Идите теперь, любуйтесь этимъ полубогомъ генуэзцевъ, окруженнымъ безстыдными гуляками, да развратницами, какъ онъ щекочетъ ихъ уши шаловливымъ остроуміемъ, разсказывая имъ сказки про очарованныхъ принцессъ—это Фіеско! Ахъ, дѣвушки! не одна Генуя потеряла своего героя,—и я моего мужа.

Роза. Говорите тише! кто-то идетъ по галлереѣ!

Леонора *(испуганно)*. Фіеско идетъ! Бѣгите! Бѣгите! мой видъ могъ бы минутно омрачить его. *(Быстро скрывается въ сосѣдней комнатѣ. Дѣвушки за ней)*.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Джанеттино Доріа *въ маскѣ и зеленомъ плащѣ и* Мавръ *входятъ, разговаривая.*

Джанеттино. Ты меня понялъ?

Мавръ. Такъ.

Джанеттино. Бѣлая маска.

Мавръ. Такъ.

Джанеттио. Я говорю—бѣлая маска!

Мавръ. Такъ! такъ! такъ!

Джанеттинно. Слышишь?—только въ этомъ мѣстѣ (*указываетъ на грудь*) ты можешь промахнуться.

Мавръ. Не безпокойтесь.

Джанеттино. И сильный ударъ.

Мавръ. Останется доволенъ.

Джанеттино. (*ядовито*). Чтобъ бѣдный графъ не долго страдалъ.

Мавръ. Простите—а сколько-бы, примѣрно, вѣсила его голова?

Джанеттино. Сто цехиновъ.

Мавръ (*дунувъ сквозь пальцы*). Фу! легче пуха!

Джанеттино. Что ты тамъ ворчишь?

Мавръ. Я говорю: легкая работа.

Джанеттино. Твое дѣло. Этотъ человѣкъ какъ магнитъ: онъ всѣхъ притягиваетъ къ себѣ, всѣ неспокойныя головы. Помнижe! хвати его хорошенько.

Мавръ. Но, господинъ, послѣ этого мнѣ надо будетъ мигомъ летѣть въ Венецію.

Джанеттино. Такъ возьми благодарность впередъ (*кидаетъ ему вексель*). Не далѣе какъ въ три дня онъ долженъ быть мертвецомъ. (*Уходитъ*).

Мавръ (*поднимая вексель*). Вотъ это я называю кредитъ. Господинъ довѣряетъ моему мошенническому слову безъ росписки. (*Уходитъ*).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Кальканьо, *за нимъ* Сакко, *оба въ черныхъ плащахъ.*

Кальканьо. Я замѣчаю, что ты слѣдишь за каждымъ моимъ шагомъ.

Сакко. А я наоборотъ, что ты отъ меня каждый шагъ скрываешь. Слушай, Кальканьо, за послѣднія недѣли на твоемъ лицѣ играетъ что-то такое, что не совсѣмъ таки прямо относится къ отечеству.—Я бы думалъ, братъ, мы съ тобой могли бы помѣняться тайна на тайну, и ни одинъ изъ насъ не былъ бы въ убыткѣ отъ такой контрабанды. Будешь ты откровеннымъ?

Кальканьо. Такъ охотно, что если твоему слуху не угодно снизойти въ мою грудь, то сердце мое само встрѣтитъ его на полдорогѣ признаньемъ. Я люблю графиню Фіеско.

Сакко (*отступаетъ удивленно*). Вотъ чего по меньшей мѣрѣ я бы не разобралъ, если бы даже сдѣлалъ генеральный смотръ всякимъ возможностямъ. Твой выборъ ставитъ въ тупикъ мою сообразительность и, если тебѣ посчастливится, ей совсѣмъ конецъ.

Кальканьо. Говорятъ, графиня образецъ строгой добродѣтели.

Сакко. Лгутъ. Она полное опроверженіе этой старой басни. Одно изъ двухъ, Кальканьо, откажись отъ твоей политической затѣи или отъ твоего сердца.

Кальканьо. Графъ ей невѣренъ. Ревность самая плутовская сводня. Замыселъ противъ обоихъ Доріа долженъ держать графа въ напряженномъ состояніи и допустить меня распоряжаться въ его дворцѣ. Пока онъ будетъ выпугивать волка изъ двора, куница заберется въ его курятникъ.

Сакко. Безподобно, братъ. Спасибо. И съ меня ты сразу снимаешь обязанность краснѣть. О чемъ я стыдился и думать,—теперь могу тебѣ громко сказать. Я—нищій, если теперешнее правительство не развалится.

Кальканьо. Такъ велики твои долги?

Сакко. До того громадны, что если бы нить моей жизни сложить въ восемь разъ, такъ и то пришлось бы изъ за нихъ оборвать ее въ началѣ мотка. Я надѣюсь, что перемѣна правленія дастъ мнѣ просторъ. Если она мнѣ не поможетъ расплатиться, такъ хоть отобьетъ охоту у моихъ кредиторовъ быть требовательными.

Кальканьо. Понимаю. А подъ конецъ, если при этихъ обстоятельствахъ Генуя сдѣлается свободной, Сакко провозгласитъ себя отцомъ отечества. Не разсказывай же мнѣ никто затасканную сказку о честности, когда благополучіе государства рѣшается банкротствомъ негодяя и похотью сластолюбца. Ей Богу, Сакко, я восхищаюсь въ насъ обоихъ тонкой механикой неба, которое въ тѣлѣ спасаетъ сердце нарывами другихъ его членовъ.—Знаетъ Веррина о твоемъ замыслѣ?

Сакко. Насколько должно быть извѣстно патріоту. Ты знаешь, Генуя для него ось, на которой въ желѣзной вѣрности вертятся всѣ его мысли. Его ястребиные взгляды теперь прикованы къ Фіеско. Попутно онъ надѣется, что и ты примешь участіе въ смѣломъ заговорѣ.

Кальканьо. У него прекрасное чутье. Пойдемъ, отыщемъ его и давай раздувать наше общее свободомысліе. (*Уходитъ*).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Джулія *разгоряченная, за нею поспѣшно* Фіеско *въ бѣломъ плащѣ.*

Джулія. Лакеевъ! Скороходовъ!

Фіеско. Графиня, куда? что вы рѣшили?

Джулія. Ничего, ровно ничего. (*Прислугѣ*). Подавать карету.

Фіеско. Позвольте, этого нельзя. Тутъ оскорбленіе.

Джулія. Пфа! конечно, нѣтъ. Прочь! вы рвете мнѣ отдѣлку платья. Оскорбленіе! Кто здѣсь можетъ оскорбить меня? Идите же.

Фіеско *(преклоняя колѣно)*. Не раньше, чѣмъ вы назовете мнѣ дерзкаго.

Джулія *(стоитъ неподвижно, держа руки на бедрахъ)*. Прелестно! прелестно! достойно, чтобы всѣ видѣли! Хоть бы кто позвалъ графиню ди-Лаванья взглянуть на эту плѣнительную сцену! — Какъ, графъ? Какой же вы супругъ? Это положеніе годится исключительно въ спальнѣ вашей жены, когда она, перелистывая списокъ вашихъ ласкъ, находитъ какой-нибудь недочетъ. Встаньте же. Идите къ дамамъ подешевле. Да встаньте же! Или вы хотите искупить вашими любезностями дерзости вашей супруги?

Фіеско *(вскакивая)*. Дерзости? Относительно васъ?

Джулія. Вдругъ оборвать общій пиръ,— оттолкнуть стулъ, повернуться спиной къ столу!... Да графъ, къ столу, за которымъ сидѣла—я!

Фіеско. Это непростительно!

Джулія. И не болѣе того?—ахъ, рожа! и моя-ли вина *(самодовольно осматриваетъ себя)*, что у графа есть глаза.

Фіеско. Виновата ваша красота, мадонна, въ томъ, что глаза мои только ее одну и замѣчаютъ.

Джулія. Безъ комплиментовъ, графъ, тамъ, гдѣ честь заставляетъ говорить. Я требую удовлетворенія. Найду ли я его у васъ? Или въ негодованіи герцога?

Фіеско. Въ объятіяхъ любви, которая проситъ васъ простить выходку ревности.

Джулія. Ревности! ревности! чего же хочетъ эта головка? *(Жестикулируя передъ зеркаломъ)*. Можетъ ли она ожидать лучшаго признанія своего вкуса, какъ то, что я его раздѣляю. *(Гордо)*. Доріа и Фіеско? Не должна ли графиня ди-Лаванья считать для себя честью, что племянница герцога находитъ ея выборъ завиднымъ. *(Ласково подавая графу руку для поцѣлуя)*. То-есть я, графъ, говорю въ предположеніи, что находила-бы васъ такимъ.

Фіеско *(оживленно)*. Жестокая, и все таки меня мучить! Я знаю, божественная Джулія, что я бы долженъ былъ чувствовать къ вамъ только почтительность. Мой разумъ велитъ мнѣ преклонить колѣно подданнаго передъ кровью Доріа, но мое сердце обожаетъ прекрасную Джулію. Моя любовь преступница и въ то же время героиня, въ ней достаточно храбрости, чтобъ разрушить стѣну высокаго сана и летѣть навстрѣчу палящаго солнца величества.

Джулія. Большая, большая графская ложь, ходульная и хромающая. Его языкъ меня боготворитъ, его сердце млѣетъ подъ силуэтомъ другой.

Фіеско. Скажите лучше, синьора, оно сердито отбивается отъ него и хочетъ его оттолкнуть. *(Снимая повѣшенный на голубой лентѣ силуэтъ Леоноры и передавая его Джуліи)*. Поставьте вашъ образъ на этотъ алтарь—и вы уничтожите прежняго идола.

Джулія *(поспѣшно и самодовольно прячетъ силуэтъ)*. Клянусь честью, великая жертва, заслуживающая моей благодарности. *(Надѣваетъ ему на шею свой портретъ)*. Такъ, рабъ! носи цвѣта твоего господина. *(Уходитъ)*.

Фіеско *(горячо)*.

Джулія меня любитъ! Джулія! Никакимъ богамъ я не завидую. *(Ликуя ходитъ по залѣ)*. Пускай эта ночь будетъ праздничной ночью боговъ, радость должна свершить свой лучшій подвигъ. Эй! люди! *(Множество слугъ)*. Пусть нектаръ Кипра зальетъ полъ моихъ комнатъ, пускай раскаты музыки прогонятъ свинцовую дремоту ночи, пусть тысячи яркихъ огней осмѣютъ утреннее солнце— чтобы все веселилось, чтобъ отъ вакхической пляски шумно рухнуло царство смерти!

(Быстро уходитъ. Музыка играетъ громкое Allegro, при звукахъ котораго поднимается средній занавѣсъ въ глубинѣ сцены, открывая иллюминованный залъ, гдѣ танцуетъ много масокъ. По сторонамъ столы съ угощеньями и для игръ, вокругъ которыхъ толпятся гости).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Джанеттино *полупьяный*. Ломеллино, Циво, Центуріоне, Веррина, Сакко, Кальканьо—*всѣ въ маскахъ. Нѣсколько дамъ и дворянъ.*

Джанеттино *(шумливо)*. Браво! браво! эти вина превосходно скользятъ въ горло. Наши танцовщицы скачутъ à merveille. Иди кто-нибудь, разсыпать по Генуѣ извѣстіе, что я въ хорошемъ расположеніи духа, можно попировать, клянусь моимъ рожденіемъ! Они отмѣтятъ этотъ день въ календарѣ красной краской и подпишутъ: сегодня принцъ Доріа былъ веселъ!

Гости *(чокаясь)*. За процвѣтаніе республики! *(Тушъ оркестра)*.

Джанеттино *(съ силой бросаетъ стаканъ на полъ)*. Въ дребезги!

(Три черныя маски содрогаются и окружаютъ принца).

Ломеллино *(отводитъ принца къ авансценѣ)*. Синьоръ, вы на-дняхъ говорили мнѣ, что встрѣтили въ церкви Святого Лоренцо дѣвушку.

Джанеттино. Встрѣтилъ, встрѣтилъ, малый, и долженъ съ нею познакомиться.

Ломеллино. Я могу познакомить ее съ вашей милостью.

Джанеттино *(быстро)*. Можешь? можешь? ты? Ломеллино, ты недавно выражалъ желаніе получить званіе прокуратора,—ты его получишь.

Ломеллино. Милостивый принцъ, оно второе въ государствѣ, болѣе шестидесяти дворянъ ищутъ его, и всѣ они богаче и знатнѣе покорнаго слуги вашей милости.

Джанеттино *(надменно крикнувъ)*. Громъ и Доріа! Ты будешь прокураторомъ! *(Три маски выступаютъ)*. Дворянство въ Генуѣ? Положи всѣхъ ихъ предковъ и гербы на одну чашку вѣсовъ и не больше, какъ одинъ волосъ изъ сѣдой бороды моего дяди перетянетъ сразу все дворянство Генуи. Я хочу, ты долженъ быть прокураторомъ, это все равно, что если бы за тебя были поданы всѣ голоса синьоріи.

Ломеллино *(тихо)*. Эта дѣвушка—единственная дочь нѣкоего Веррины.

Джанеттино. Она красива, и на смѣхъ всѣмъ чертямъ, она должна быть моею!

Ломеллино. Милостивый господинъ! она единственное дитя заклятаго республиканца!

Джанеттино. Убирайся въ адъ съ твоимъ республиканцемъ! Злоба какого-нибудь вассала и моя страсть! Это все равно, что если бы башня маяка должна была развалиться оттого, что мальчишки бросаютъ въ нее раковинами. *(Три черныя маски взволнованно подходятъ ближе)*. Развѣ затѣмъ герцогъ Андреа проливалъ свою кровь въ сраженіяхъ этой дрянной республики, чтобъ его племянникъ вымаливалъ себѣ благосклонность ея дѣтей и невѣстъ? Громъ и Доріа! Эту причуду они должны проглотить, или я вырощу надъ прахомъ моего дяди висѣлицу, на которой будетъ корчиться генуэзская свобода, пока не умретъ.

(Три маски отступаютъ).

Ломеллино. Теперь именно дѣвушка одна дома. Ея отецъ вонъ тамъ—одна изъ трехъ масокъ.

Джанеттино. Прекрасно. Ломеллино, сейчасъ веди меня къ ней.

Ломеллино. Но вы разсчитываете найти ее податливой, а встрѣтите щепетильную чувствительность.

Джанеттино. Насиліемъ лучше всего можно убѣдить. Веди меня сейчасъ туда; хотѣлъ бы я видѣть, какъ республиканская собака бросится на медвѣдя Доріа. *(Фіеско встрѣчается ему въ дверяхъ)*. Гдѣ графиня?

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Фіеско.

Фіеско. Я посадилъ ее въ карету *(хватаетъ руку Джанеттино и прижимаетъ къ своей груди)*. Принцъ, я теперь вдвойнѣ къ вамъ привязанъ. Джанеттино властвуетъ надъ моею головой и Генуей,—надъ моимъ сердцемъ его прелестная сестра.

Ломеллино. Фіеско сдѣлался совсѣмъ эпикурейцемъ. Политическій міръ въ немъ много потерялъ.

Фіеско. Но Фіеско ничего не потерялъ въ политическомъ мірѣ. Жить—значитъ мечтать; быть мудрымъ, Ломеллино, значитъ мечтать пріятно. Гдѣ это лучше возможно: подъ грознымъ величіемъ трона, при раздирающемъ ухо вѣчномъ трескѣ колесъ правленія—или на груди млѣющей женщины? Пускай Джанеттино Доріа властвуетъ надъ Генуей, Фіеско будетъ любить.

Джанеттино. Пойдемъ, Ломеллино! Полночь наступаетъ. Время бѣжитъ. Лаванья, мы благодаримъ за твое гостепріимство. Я былъ доволенъ.

Фіеско. Это все, чего я могу желать, принцъ.

Джанеттино. Такъ доброй ночи. Завтра будетъ игра у Доріа, и Фіеско приглашенъ. Идемъ, прокураторъ.

Фіеско. Музыку! Свѣчей!

Джанеттино *(идетъ упрямо на три маски, раздвигая ихъ)*. Дорогу имени герцога!

Одна изъ трехъ масокъ *(ворчитъ съ недовольствомъ)*. Въ адъ! Но въ Генуѣ—никогда!

Гости *(въ движеніи)*. Принцъ уѣзжаетъ. Доброй ночи, Лаванья.

(Шумно расходятся).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Три черныя маски и Фіеско. *(Пауза).*

Фіеско. Я вижу, что эти гости не раздѣляютъ веселья моего праздника.

Маски *(недовольно бормочатъ почти вмѣстѣ).* Ни одинъ.

Фіеско *(любезно).* Можетъ ли мое доброе желаніе отпустить хоть одного генуэзца недовольнымъ? Живо, лакеи! возобновить балъ и налить бокалы! Я бы не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь здѣсь скучалъ. Смѣю ли я позабавить глаза ваши фейерверкомъ? Хотите ли прослушать искусство моего арлекина? Можетъ быть васъ развлечетъ женское общество? Или засядемте за фараонъ и обманемъ время карточной игрой?

Маска. Мы привыкли наше время оплачивать дѣломъ!

Фіеско. Отвѣтъ достойный мужчины— это Веррина!

Веррина *(снимаетъ маску).* Фіеско узнаетъ своихъ друзей подъ ихъ маской скорѣй, чѣмъ они Фіеско подъ его маской.

Фіеско. Я этого не понимаю. Но зачѣмъ у тебя траурный флеръ на рукѣ? Развѣ Веррина недавно кого нибудь похоронилъ, и Фіеско объ этомъ ничего не знаетъ?

Веррина. Печальныя вѣсти не вяжутся съ веселыми пирами, Фіеско.

Фіеско. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его призываетъ дружба. *(Горячо пожимая его руку).* Другъ души моей! кто умеръ для насъ обоихъ?

Веррина. Обоихъ! обоихъ! о слишкомъ правдивыя слова! Но не всѣ сыны оплакиваютъ смерть своей матери.

Фіеско. Твоя мать давно погребена.

Веррина *(значительно).* Я вспоминаю, что Фіеско называлъ меня братомъ, оттого что мы сыны одного отечества.

Фіеско *(шутливо)* А! вотъ что! ты хотѣлъ пошутить? Трауръ по Генуѣ! И это правда, Генуя въ самомъ дѣлѣ лежитъ при послѣднемъ издыханіи. Мысль оригинальна и нова. Нашъ братъ начинаетъ быть остроумнымъ малымъ.

Кальканьо. Онъ говоритъ серьезно, Фіеско.

Фіеско. Конечно! конечно! въ этомъ то и дѣло. Такой сухой тонъ и такъ слезливо. Шутка теряетъ силу, когда шутникъ самъ смѣется. Съ лицомъ воистину похороннаго вѣстника! Могъ ли я когда нибудь думать, что мрачный Веррина на старости лѣтъ, станетъ такимъ весельчакомъ.

Сакко. Пойдемъ, Веррина, онъ никогда не будетъ нашъ.

Фіеско. Ну, веселѣй, землякъ. Примемъ видъ хитрыхъ наслѣдниковъ, которые рыдая бредутъ за гробовой колесницей и тѣмъ сильнѣе смѣются въ носовой платокъ. Однако намъ слѣдовало бы за это получить жестокую мачеху. Пусть такъ, мы дадимъ ей ворчать и запируемъ.

Веррина *(въ сильномъ волненіи).* Небо и земля! и ничего не будемъ дѣлать? До чего ты дошелъ, Фіеско? Какъ мнѣ разыскивать великаго ненавистника тирановъ? Я знаю время, когда одинъ взглядъ на корону приводилъ тебя въ содроганіе. Погибшій сынъ республики! Ты будешь отвѣчать, что я гроша не дамъ за безсмертіе моей души, если и ее можетъ изнашивать время.

Фіеско. Ты вѣчно хандришь. Пускай Доріа засунетъ всю Геную себѣ въ карманъ и продастъ ее Тунисскому корсару, намъ что за дѣло? Мы пьемъ Кипрское вино и цѣлуемъ хорошенькихъ женщинъ.

Веррина *(смотритъ на него серьезно).* Это твое искреннее, серьезное мнѣніе?

Фіеско. Отчего-же нѣтъ, другъ? Развѣ ужъ такое блаженство быть ногой лѣниваго, многоногаго звѣря, именуемаго республикой? Благодари она того, кто ее окрыляетъ и оставляетъ ноги безъ дѣла. Джанеттино Доріа будетъ герцогомъ и изъ за заботъ о государственныхъ дѣлахъ мы тогда не состаримся.

Веррина. Фіеско! это твое искреннее, серьезное мнѣніе?

Фіеско. Андреа усыновитъ своего племянника и объявитъ его наслѣдникомъ своихъ имѣній, кто же будетъ такъ глупъ, чтобъ оспаривать у него наслѣдіе власти?

Веррина *(въ величайшемъ негодованіи).* Идемте же, генуэзцы!

(Быстро уходитъ, остальные слѣдуютъ за нимъ).

Фіеско. Веррина! Веррина! Этотъ республиканецъ твердъ, какъ сталь!

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско и неизвѣстная маска.

Маска. Есть у васъ минутка свободная, Лаванья?

Фіеско *(предупредительно).* Для васъ хоть цѣлый часъ!

Маска. Будьте же такъ милостивы пройтись со мной за городъ.

Фіеско. Теперь ужъ безъ десяти минутъ полночь.

Маска. Вы будете такъ милостивы, графъ.

Фіеско. Я прикажу заложить лошадей.

Маска. Это не нужно. Я вышлю впередъ одну лошадь, этого будетъ довольно, такъ какъ я надѣюсь, только одинъ изъ насъ долженъ вернуться.

Фіеско *(пораженный)*. Что?

Маска. Отъ васъ потребуютъ кроваваго отвѣта за одну слезу.

Фіеско. И эта слеза?

Маска. Пролита графиней ди Лаванья. Я хорошо знаю эту даму, я желалъ бы уяснить себѣ, чѣмъ она заслужила, что ее приносятъ въ жертву шутовкѣ.

Фіеско. Теперь я васъ понимаю. Смѣю ли я узнать имя того, кто мнѣ дѣлаетъ такой небывалый вызовъ?

Маска. Это тотъ самый, который нѣкогда обожалъ дѣвицу ди Цибо и принужденъ былъ отступить передъ женихомъ Фіеско.

Фіеско. Сципіо Бургоньино!

Бургоньино *(снимая маску)*. И который теперь является отстаивать свою честь, сторонившуюся отъ соперника настолько мелочнаго, что онъ мучаетъ кроткую женщину.

Фіеско *(горячо обнимаетъ его)*. Благородный юноша! Спасибо страданіямъ моей жены, они даютъ мнѣ такое дорогое знакомство. Я чувствую прелесть вашего негодованія, но я драться не буду.

Бургоньино *(отступая на шагъ)*. Неужели графъ ди Лаванья такой трусъ, что не отваживается противъ первыхъ попытокъ моей шпаги?

Фіеско. Противъ всѣхъ силъ Франціи, Бургоньино, но не противъ васъ! Я уважаю этотъ милый, пылкій порывъ за еще болѣе милое существо. Побужденіе достойно лавровъ, но поступокъ былъ бы ребячествомъ.

Бургоньино *(взволнованно)*. Ребячествомъ, графъ? Обиженная женщина можетъ только плакать. Для чего же мужчина подлѣ нея?

Фіеско. Необыкновенно хорошо сказано, но я драться не буду.

Бургоньино *(поворачивается къ нему спиной и хочетъ уйти)*. Я стану презирать васъ.

Фіеско *(оживленно)*. Нѣтъ, юноша, видитъ Богъ, не станешь! Даже если бы ты окончательно во всемъ разочаровался. *(Задумчиво беретъ его за руку)*. Чувствовалили вы когда нибудь ко мнѣ кое-что—какъ бы это сказть? въ родѣ благоговѣнія?

Бургоньино. Развѣ бы я отступилъ передъ кѣмъ-нибудь, еслибъ не считалъ его первымъ человѣкомъ въ мірѣ?

Фіеско. Ну такъ, любезный другъ, я бы не торопился презирать человѣка, нѣкогда заслужившаго мое благоговѣніе. Я бы все таки думалъ: ткань мастера должна быть сдѣлана искуснѣе, чѣмъ то, что бросается такъ прямо въ глаза первому встрѣчному новичку. Идите домой, Бургоньино, и дайте себѣ время обсудить, зачѣмъ Фіеско дѣйствуетъ такъ, а не иначе. *(Бургоньино безмолвно удаляется)*. Ступай, честный юноша, если такое пламя вспыхнетъ за отечество, посмотримъ, крѣпко ли устоятъ Доріа.

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Мавръ *робко входитъ и заботливо осматривается кругомъ.*

Фіеско *(пытливо и долго смотритъ на него)*. Что тебѣ надо и кто ты?

Мавръ *(какъ выше)*. Я рабъ республики.

Фіеско. Рабство плохое ремесло. *(Все еще глядя на него пристально)*. Чего ты ищешь?

Мавръ. Господинъ, я честный человѣкъ.

Фіеско. Держи эту вывѣску передъ твоимъ лицомъ, это будетъ не лишнее,— но что тебѣ надо?

Мавръ *(старается подойти къ нему ближе, но Фіеско отступаетъ)*. Господинъ, я не мошенникъ.

Фіеско. Хорошо, что ты это прибавляешь и—все таки не хорошо. *(Нетерпѣливо)*. Но что тебѣ надо?

Мавръ *(снова приближается къ нему)*. Вы ли графъ Лаванья?

Фіеско *(гордо)*. Въ Генуѣ слѣпые знаютъ мою походку. На что тебѣ графъ?

Мавръ. Будьте осторожны, Лаванья *(близко подступаетъ къ нему)*.

Фіеско *(быстро переходитъ на другую сторону)*. Я остороженъ.

Мавръ *(какъ выше)*. Не доброе замышляютъ противъ васъ, Лаванья.

Фіеско *(снова отступая)*. Я это вижу.

Мавръ. Берегитесь принца Доріа.

Фіеско *(довѣрчиво подходитъ къ нему)*. Другъ, я можетъ статься былъ къ тебѣ несправедливъ? Я въ самомъ дѣлѣ страшусь этого имени.

Мавръ. Такъ бѣгите отъ этого человѣка. Можете вы читать?

Фіеско. Нелѣпый вопросъ! ты ведешь

знакомство съ кое-какимъ дворяниномъ. Есть у тебя что нибудь письменное?

Мавръ. Ваше имя въ числѣ осужденныхъ на казнь. *(Подаетъ ему записку и увивается вплотную около него. Фіеско подходитъ къ зеркалу и косится на мавра поверхъ бумаги. Мавръ обходитъ его, присматриваясь, наконецъ, вынимаетъ кинжалъ и хочетъ нанести ударъ).*

Фіеско (*ловко повертывается и схватываетъ мавра за руку).* Легче, каналья! (*Вырываетъ у него кинжалъ).*

Мавръ (*дико топаетъ*). Дьяволъ! прошу прощенья! *(Хочетъ уйти).*

Фіеско (*схватываетъ его и громко зоветъ*). Стефано! Друлло! Антоніо! *(Беретъ мавра за горло).* Останься, дорогой другъ!—Адское злодѣйство! *(Слуги).* Останься и отвѣчай! ты плохо сработалъ; отъ кого ты получаешь свой заработокъ?

Мавръ *(тщетно пытавшись вырваться, рѣшительно).* Выше висѣлицы меня не повѣсятъ.

Фіеско. Нѣтъ, утѣшься. И не на рога полумѣсяца; все таки довольно высоко, чтобъ тебѣ висѣлица показалась не больше зубочистки. Но твой выборъ слишкомъ ужъ обличаетъ государственныя соображенія, чтобъ тутъ подозрѣвать *твое* природное остроуміе. Говори-же, кто тебя подрядилъ?

Мавръ. Вы господинъ, можете назвать меня мошенникомъ, но считать меня дуракомъ я не позволю.

Фіеско. Вотъ такъ гордая бестія! Говори, бестія, кто тебя подрядилъ?

Мавръ *(обдумывая).* Гм! такъ все таки я не одинъ останусь въ дуракахъ? Кто меня подрядилъ?—и изъ-за жалкихъ сотни цехиновъ!—кто подрядилъ меня?—принцъ Джанеттино.

Фіеско *(возмущенный прохаживается взадъ и впередъ).* Не болѣе сотни цехиновъ за голову Фіеско! *(Зло).* Стыдись наслѣдникъ Генуэзскаго престола. *Спѣшитъ къ шкатулкѣ).* Вотъ тебѣ тысяча—и скажи своему господину, что онъ убійца-скряга. (*Мавръ разсматриваетъ его съ ногъ до головы).*

Фіеско. Ты задумался, негодяй? *(Мавръ беретъ деньги, потомъ кладетъ ихъ назадъ, снова беретъ и осматриваетъ Фіеско съ возрастающимъ удивленіемъ).*

Фіеско. Что ты дѣлаешь?

Мавръ (*рѣшительно бросаетъ деньги на столъ*). Нѣтъ, господинъ, этихъ денегъ я не заслужилъ.

Фіеско. Глупая мошенническая башка! ты заслужилъ висѣлицу. Раздраженный слонъ давитъ человѣка, а не червей. Я бы велѣлъ тебя повѣсить, еслибъ для этого мнѣ пришлось сказать больше двухъ словъ.

Мавръ (*радостно поклонившись*). Вы слишкомъ добры, господинъ.

Фіеско. Избави Богъ, не относительно тебя. Меня тѣшитъ, что по моей прихоти мошенникъ, въ родѣ тебя, можетъ остаться чѣмъ нибудь или совсѣмъ исчезнуть и по-

этому я тебя отпускаю на свободу. Пойми меня хорошенько. Твоя неловкость мнѣ порука небесъ въ томъ, что я предназначенъ для чего нибудь великаго и потому я милостивъ и отпускаю тебя на свободу.

Мавръ (*прямодушно*). По рукамъ, Лаванья! одна честь стоитъ другой. Если на этомъ полуостровѣ чье нибудь горло для васъ лишнее, прикажите, я перерѣжу его, безплатно перерѣжу.

Фіеско. Вѣжливая бестія! хочетъ отблагодарить меня чужимъ горломъ.

Мавръ. Мы не принимаемъ никакихъ подарковъ, господинъ! У нашего брата тоже есть честь въ груди,

Фіеско. Честь людей, перерѣзывающихъ горло.

Мавръ. Она крѣпче закалена, чѣмъ честь вашихъ честныхъ людей: вы измѣняете вашимъ клятвамъ Богу,—мы твердо держимъ наши клятвы—дьяволу.

Фіеско. Ты потѣшный плутъ.

Мавръ. Я радъ, что вамъ нравлюсь. Испытайте меня, вы узнаете человѣка, который дѣйствуетъ безъ долгихъ сборовъ. Призовите меня. Я могу вамъ предъявить свидѣтельство всѣхъ мошенническихъ цеховъ отъ мельчайшихъ до самыхъ крупныхъ.

Фіеско. Что ты говоришь! (*Садится*). Такъ и мошенники признаютъ свои законы и разряды. Разскажи мнѣ про мелкихъ.

Мавръ. Фуй! милостивый господинъ, это презрѣнная толпа длиннорукихъ. Ихъ жалкое мастерство не высидѣло ни одного великаго человѣка. Оно работаетъ для плети и смирительнаго дома и въ крайнемъ случаѣ ведетъ развѣ къ висѣлицѣ.

Фіеско. Прелестная цѣль. Ну-ка, разскажи теперь о высшемъ разрядѣ.

Мавръ. Это шпіоны и пролазы. Значительные господа. Къ нимъ прислушиваются крупные и добываютъ у нихъ свое всезнаніе. Они, какъ піявки, прицѣпляются къ душѣ, высасываютъ ядъ изъ сердца и выплевываютъ его своему начальству.

Фіеско. Я это знаю—дальше.

Мавръ. Слѣдующая степень—это разбойники, отравители и всѣ тѣ, которые долго крадутся за своей жертвой и набрасываются на нее изъ засады. Часто это трусишки, но все таки уплачивающіе дьяволу за науку своей бѣдной душой. Тутъ ужъ правосудіе дѣлаетъ кое-что особенное: распяливаетъ ихъ косточки на колесѣ и насаживаетъ ихъ хитрыя головы на копья. Это третій разрядъ.

Фіеско. Когда же придетъ твой, говори!

Мавръ. Ударь меня молнія, милостивый господинъ! Въ этомъ то и штука. Я прошелъ по всѣмъ этимъ степенямъ. Мой геній рано пробрался чрезъ всѣ изгороди. Вчера вечеромъ я продѣлалъ мастерскую штуку въ третьемъ разрядѣ,—часъ тому назадъ, я провалился въ четвертомъ.

Фіеско. Такъ четвертый разрядъ?

Мавръ (*оживленно*) Это люди (*горячо*), отыскивающіе свою жертву среди четырехъ стѣнъ, они прокладываютъ себѣ дорогу съ опасностью, подступаютъ прямо къ тѣлу и съ первымъ же поклономъ освобождаютъ человѣка отъ всякаго изъявленія благодарности за слѣдующій. Сказать между нами, ихъ называютъ экстра-почтой ада. Когда Мефистофелю придетъ охота, ему стоитъ только мигнуть, и онъ получитъ жаркое еще горячимъ.

Фіеско. Ты прожженный грѣшникъ. Такого мнѣ давно недоставало. Я оставлю тебя у себя.

Мавръ. Правда или шутка?

Фіеско. Полнѣйшая правда. Я дамъ тебѣ тысячу цехиновъ ежегодно.

Мавръ. По рукамъ. Лаванья! я вашъ, и чортъ побери мою частную жизнь. Пользуйтесь мною, для чего вамъ угодно. Быть ли вашей собакой-ищейкой или кусакой, вашей лисицей, вашей змѣей, сводней или живодеромъ. Я готовъ на всякія порученія, только ради всего—не на честное: тутъ я окажусь неуклюжъ, какъ бревно.

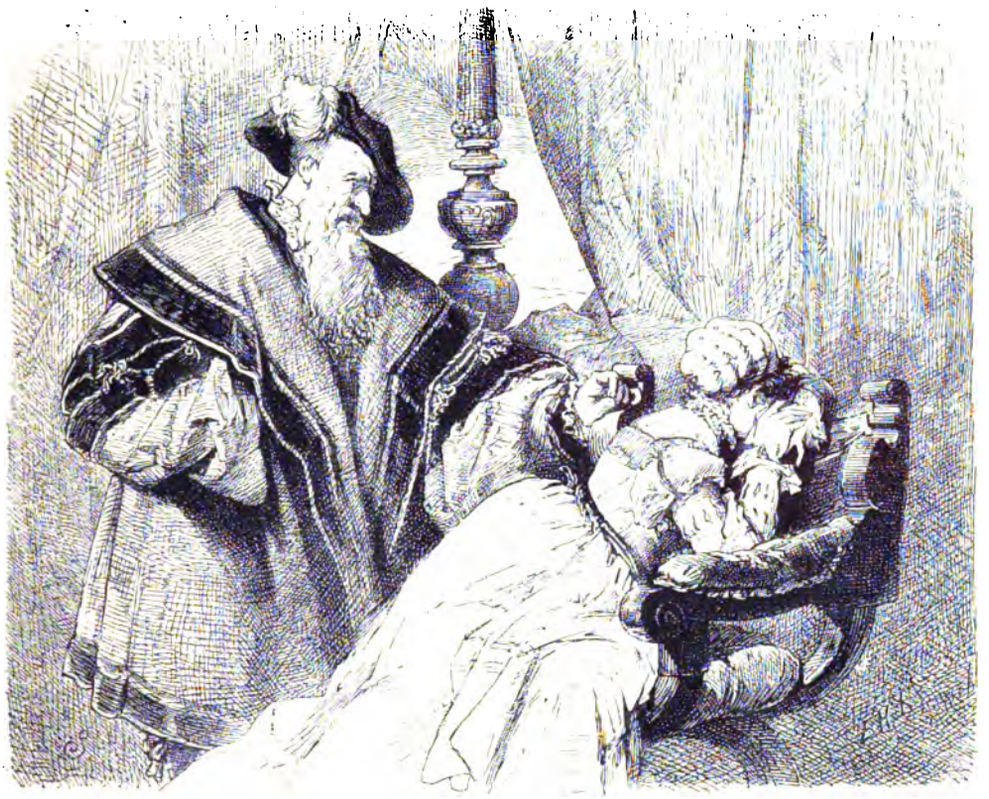
Фіеско. Не безпокойся! когда я хочу дарить ягненка, я не поручаю волку доставить его по назначенію. Такъ пошныряйже завтра утромъ по Генуѣ и изслѣдуй настроеніе народа. Разузнай хорошенько, какъ думаютъ о правительствѣ, что шепчутъ про домъ Доріа, да кстати позондируй, какъ смотрятъ мои сограждане на мою праздную жизнь и на мой любовный романъ. Залей ихъ моимъ виномъ, чтобы задушевныя мысли всплыли наружу. Вотъ тебѣ деньги. Раздай изъ нихъ ткачамъ.

Мавръ (*смотритъ на него нерѣшительно*) Господинъ...

Фіеско. Бояться тебѣ нечего: тутъ ничего честнаго нѣтъ. Ступай, зови всю твою шайку на помощь. Завтра я прослушаю твои вѣсти. (*Уходитъ*).

Мавръ (*ему вслѣдъ*). Положитесь на меня. Теперь четыре часа утра! Завтра къ восьми вы узнаете столько новостей, сколько могутъ раздобыть полтораста ушей.

(*Уходитъ*).



ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната у Веррины.

Берта *лежитъ спиной къ зрителю, закинувъ руку подъ голову. Входитъ* Веррина, *мрачный.*

Берта *(испуганно).* Господи! вотъ онъ.

Веррина *(останавливается и смотритъ на нее съ удивленіемъ).* Дочь моя испугалась своего отца?

Берта. Уйдите, или дайте мнѣ убѣжать! Вы мнѣ ужасны, отецъ мой!

Веррина. Моему единственному ребенку?

Берта *(печально глядя на него).* Нѣтъ, у васъ должна быть другая дочь.

Веррина. Развѣ моя нѣжность слишкомъ тяжело давитъ тебя?

Берта. Совсѣмъ къ землѣ, мой отецъ.

Веррина. Что? такъ-то ты меня встрѣчаешь? Бывало, когда я приходилъ домой съ тяжкимъ камнемъ на сердцѣ, ты выпархивала мнѣ навстрѣчу и смѣхомъ сдувала его прочь. Иди, обними меня, дочка! На твоей горячей груди я опять отогрѣю мое сердце, замерзающее у смертнаго одра отечества. О, дитя мое, сегодня я покончилъ счеты со всѣми радостями жизни *(крайне грустно)*, и только ты мнѣ осталась.

Берта *(смѣряетъ его долгимъ взглядомъ).* Несчастный отецъ!

Веррина *(сжимая ее въ объятіяхъ).* Берта! единственное дитя мое, Берта! моя одна послѣдняя надежда! Свобода Генуи погибла, Фіеско не существуетъ болѣе. *(Сильнѣе сжимая ее, сквозь зубы).* Остается только, чтобъ и ты стала распутницей!

Берта *(вырываясь изъ его объятій)* Боже всесильный! Вы знаете?

Веррина *(стоитъ съ дрожью въ тѣлѣ).* Что?

Берта. Моя дѣвичья честь!

Веррина *(бѣшенно).* Что?!

Берта. Въ эту ночь...

Веррина *(въ изступленіи).* Что?!

Берта. Насиліе. *(Падаетъ на софу).*

Веррина *(послѣ долгой томительной паузы глухимъ голосомъ).* Еще одно слово—дочь—послѣднее! *(Разбитымъ голосомъ).* Кто?

Берта. Горе мнѣ! какая смертельная блѣдность! Помоги мнѣ, Боже! онъ дрожитъ и еле можетъ говорить.

Веррина. Такъ я не узнаю, дочь моя,— кто?

Берта. Спокойнѣй! спокойнѣй! милый, дорогой отецъ!

Веррина. Ради Господа Бога—кто? *(Готовъ упасть передъ нею на колѣни).*

Берта. Маска.

Веррина *(отступаетъ, послѣ бурнаго размышленія).* Нѣтъ! это не можетъ быть! не Богъ даетъ мнѣ эти мысли. *Съ дикимъ смѣхомъ).* Старый шутъ! Какъ будто весь ядъ брызжетъ изъ одной и именно изъ этой жабы?! *(Бертѣ сдержаннѣе).* Его ростъ былъ въ родѣ моего или меньше?

Берта. Больше.

Веррина *(быстро).* Волосы черные? вьются?

Берта. Черные какъ уголь и вьются.

Веррина *(качаясь, отступаетъ отъ нея).* Господи! голова моя... голова... Его голосъ?

Берта. Грубый, басовой.

Веррина *(рѣзко).* Какого цвѣта? Нѣтъ, я ничего больше не хочу слышать!... его плащъ... какого цвѣта?

Берта. Мнѣ показалось—зеленый.

Веррина *(закрываетъ лицо руками и падаетъ на софу).* Будь спокойна, дочь моя... у меня только закружилась голова. *(Опускаетъ руки, лицо его какъ у мертвеца).*

Берта *(ломая руки).* Милосердое небо! это не отецъ мой.

Веррина *(послѣ паузы съ горькимъ смѣхомъ).* Такъ тебѣ и надо, трусъ Веррина! Негодяй ворвался въ святыню законовъ,— этотъ вызовъ былъ для тебя слишкомъ ничтоженъ; надо было, чтобы негодяй ворвался въ святыню твоей крови *(вскакиваетъ).* Скорѣй, позови Николо... свинецъ и порохъ!...или стой! стой! дай сюда мой мечъ, молись, читай Отче Нашъ. *(Схватываясь за голову).* Но чего-же я хочу?

Берта. Мнѣ очень страшно, отецъ.

Веррина. Поди, сядь ко мнѣ, *(съ удареніемъ, подчеркивая).* Берта, разскажи мнѣ, Берта, что сдѣлалъ тотъ сѣдовласый римлянинъ, когда онъ нашелъ свою дочь въ такомъ-же, какъ назвать?—ну... въ такомъ-же благопристойномъ положеніи? свою дочь... Слушай, Берта, что сказалъ Виргиній своей опозоренной дочери?

Берта *(съ ужасомъ).* Я не знаю, что онъ сказалъ.

Веррина. Глупая, ничего онъ не сказалъ. *(Внезапно схватываетъ мечъ).* Онъ схватилъ ножъ.

Берта *(бросается, испуганная въ его объятья).* Великій Боже! что вы хотите сдѣлать?

Веррина *(бросаетъ мечъ на полъ).* Нѣтъ, есть еще правосудіе въ Генуѣ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Сакко и Кальканьо.

Кальканьо. Веррина, скорѣй! будь готовъ! Сегодня начинается недѣля выборовъ. Мы рано утромъ пойдемъ въ синьорію выбирать новыхъ сенаторовъ. Улицы переполнены народомъ. Все дворянство стремится въ ратушу. Ты, вѣдь, пойдешь съ нами *(насмѣшливо)* любоваться торжествомъ свободы.

Сакко. Въ залѣ валяется мечъ, Веррина глядитъ дикимъ взглядомъ, у Берты глаза красные.

Кальканьо. Видитъ Богъ! и я это замѣчаю... Сакко, тутъ произошло несчастье.

Веррина *(ставитъ два стула).* Садитесь.

Сакко. Другъ, ты насъ пугаешь.

Кальканьо. Такимъ я тебя не видалъ никогда, другъ. Еслибъ Берта не плакала, я-бы спросилъ: погибаетъ Генуя?

Веррина *(ужасно).* Погибаетъ! садитесь, садитесь.

Кальканьо *(испуганно, пока оба садятся).* Веррина, заклинаю тебя!

Веррина. Слушайте.

Кальканьо. Что я предчувствую, Сакко?

Веррина. Генуэзцы, вы оба знаете древность моего имени. Ваши предки носили у моихъ подолъ мантіи, Мои дѣды сражались въ битвахъ за государство. Женщины въ нашемъ роду были образцомъ для генуэзокъ. Честь была нашимъ единственнымъ капиталомъ и наслѣдовалась сыномъ отъ отца.—Или кто знаетъ что-нибудь другое?

Сакко. Никто.

Кальканьо. Какъ живъ Господь въ небѣ, никто.

Веррина. Я послѣдній въ моемъ роду. Моя жена умерла. Эта дочь есть все, что она завѣщала мнѣ. Генуэзцы! вы свидѣтели, какъ я ее воспиталъ. Выступитъ-ли кто съ обвиненіемъ, что я не заботился о моей Бертѣ?

Кальканьо. Твоя дочь—примѣрная дѣвушка всей страны.

Веррина. Друзья! я старикъ. Потеряй я эту,—на другую у меня надежды нѣтъ. Моя память гаснетъ. *(Съ ужасомъ)*. Я потерялъ мою Берту. Мой родъ опозоренъ.

Оба *(въ волненіи)*. Избави Богъ!

(Берта мечется со стономъ по софѣ).

Веррина. Нѣтъ! не отчаявайся, дочь! Эти мужчины храбры и добры. Будутъ они тебя оплакивать, такъ гдѣ-нибудь прольется кровь. Не смотрите такими пораженными, мужи! *(Медленно съ удареніемъ)*. Кто порабощаетъ Геную, можетъ легко изнасиловать дѣвушку.

Ова *(вскакиваютъ, опрокидываютъ стулья)*. Джанеттино Доріа.

Берта *(съ крикомъ)*. Обрушивайтесь на меня стѣны! Мой Сципіо!

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Бургоньино.

Бургоньино *(разгоряченный)*. Веселись, милая! радостныя вѣсти. Честный Веррина, я жду отъ вашего слова небеснаго счастья. Давно ужъ я люблю вашу дочь, но никогда не осмѣливался просить ея руки, потому что все мое состояніе плыло на невѣрныхъ доскахъ изъ Короманделя. Сейчасъ корабли моей фортуны входятъ въ гавань и, какъ говорятъ, приносятъ мнѣ несмѣтныя сокровища. Я богатъ. Отдайте мнѣ Берту, я ее сдѣлаю счастливой.

(Берта скрываетъ лицо; большая пауза).

Веррина. Развѣ вамъ хочется, молодой человѣкъ, бросить свое сердце въ грязь?

Бургоньино *(схватывается за шпагу, потомъ отнимаетъ отъ нея руку)*. Это сказалъ отецъ...

Веррина. Это скажетъ всякій проходимецъ въ Италіи. Довольствуетесь-ли вы остатками чужого пиршества?

Бургоньино. Не доводи меня до сумасшествія, сѣдая голова!

Кальканьо. Бургоньино, сѣдая голова говоритъ правду.

Бургоньино *(вспыльчиво бросаясь къ Бертѣ)*. Правду говоритъ онъ? меня одурачила распутная дѣвчонка?

Кальканьо. Бургоньино, это не такъ. Дѣвушка чиста, какъ ангелъ.

Бургоньино *(останавливается удивленный)*. Какъ такъ? Клянусь моимъ спасеньемъ! Чиста и обезчещена! Я этого не понимаю. Вы смотрите другъ на друга и молчите. Какой то ужасъ злодѣйства сказывается въ вашей дрожащей рѣчи. Умоляю васъ: не забавляйтесь, переворачивая весь мой разсудокъ. Чиста? Кто сказалъ чиста?

Веррина. Мое дитя не виновато.

Бургоньино. Такъ насиліе! *(Схватываетъ мечъ съ пола)*. Генуэзцы! Во имя всѣхъ грѣховъ подлуннаго міра! гдѣ найду я разбойника?!

Веррина. Именно тамъ, гдѣ ты найдешь вора Генуи. *(Бургоньино пораженъ. Веррина ходитъ взадъ и впередъ, потомъ останавливается)*.

Веррина. Если я понимаю твой намекъ, божественное Провидѣніе, такъ ты хочешь посредствомъ моей Берты освободить Геную. *(Онъ подходитъ къ ней, медленно снимаетъ траурный флеръ съ руки и говоритъ торжественно)*. Прежде, чѣмъ кровь изъ сердца Доріа не омоетъ твою честь, ни одинъ лучъ солнца не долженъ упасть на твое лицо. До того времени *(накидываетъ на нее флеръ)*—ослѣпни.

(Пауза. Остальные смотрятъ на него молча, пораженные).

Веррина *(торжественно кладетъ руку на голову Берты)*. Проклятье воздуху, которымъ ты дышишь, проклятье сну, освѣжающему твои силы, проклятье каждому человѣческому слѣду, когда онъ будетъ съ участіемъ приближаться къ твоему бѣдствію! Сойди подъ нижній сводъ моего дома. Страдай, оглашай стонами жилище, убивай время твоею скорбью. *(Прерываетъ рѣчь отъ ужаса, потомъ продолжаетъ)*. Пусть твоя жизнь напоминаетъ корчи умирающаго червя; пусть будетъ она упорной, разъѣдающей борьбой между бытіемъ и уничтоженіемъ. Пускай это проклятье тяготѣетъ на тебѣ, пока Джанеттино не прохрипитъ свое послѣднее дыханіе. Если нѣтъ,—неси это проклятье въ вѣчность, пока не узнаютъ, гдѣ она смыкаетъ свое кольцо.

(Долгое молчаніе. Ужасъ на всѣхъ лицахъ. Веррина смотритъ на всѣхъ твердымъ, проницательнымъ взглядомъ).

Бургоньино. Чудовищный отецъ! что ты сдѣлалъ? такое страшное, отвратительное проклятье своей невинной дочери?

Веррина. Не правда-ли это ужасно, нѣжный женихъ? *(Съ удареніемъ)*. Кто изъ васъ теперь еще выступитъ съ рѣчью о хладнокровіи и отсрочкѣ? Жребій Генуи брошенъ на мою Берту. Мое родительское сердце ввѣрено моему гражданскому долгу. Кто изъ насъ теперь настолько трусъ, чтобы еще оттягивать освобожденіе Генуи, когда

знаетъ, что его малодушіе покупается цѣною безконечной скорби этого невиннаго агнца? Видитъ Богъ, это не было болтовней глупца! Я далъ клятву и не сжалюсь надъ моимъ ребенкомъ, пока хоть одинъ Доріа трепещетъ на землѣ,—если бы даже мнѣ пришлось, какъ палачу, изобрѣтать утонченную муку и раздавить эту невинную овечку на канибальской скамьѣ пытки. Они дрожатъ, ихъ смущенныя лица блѣдны, какъ у привидѣній. Сципіо, еще разъ! Я спрячу ее какъ залогъ того, что ты убьешь тирана. На этой дорогой нити держу я крѣпко твой, мой, нашъ общій долгъ. Деспотъ Генуи долженъ пасть или эта дѣвушка погибнетъ въ отчаяньи. Я не откажусь отъ моихъ словъ.

Бургоньино *(бросается къ ногамъ Берты)*. И онъ падетъ, падетъ для Генуи, какъ жертвенный быкъ. Этотъ мечъ поверну я въ сердцѣ Доріа, и это такъ же вѣрно, какъ то, что я запечатлѣю на твоихъ губахъ мой поцѣлуй жениха. *(Встаетъ)*.

Веррина. Вотъ первая пара, получающая благословеніе отъ фурій. Подайте другъ другу руки. Въ сердцѣ Доріа повернешь ты мечъ?—Бери Берту,—она твоя.

Кальканьо *(преклоняя колѣно)*. Здѣсь преклоняетъ колѣно еще одинъ генуэзецъ и кладетъ свою грозную сталь къ ногамъ невинности. Такъ же вѣрно хотѣлъ бы Кальканьо найти дорогу къ небу, какъ эта шпага найдетъ путь къ жизни Доріа. *(Встаетъ)*.

Сакко. Наконецъ не съ меньшей рѣшимостью преклоняетъ колѣно и Сакко. Если это мое свѣтлое желѣзо не отопретъ темницы Берты, пускай слухъ Всевышняго замкнется передъ моей послѣдней молитвой. *(Встаетъ)*.

Веррина *(обрадованный)*. Черезъ меня Генуя благодаритъ васъ, друзья. Иди же, дочь, радуйся, что ты великая жертва за отечество.

Бургоньино *(обнимая ее)*. Иди. Уповай на Бога и Бургоньино. Въ одинъ и тотъ же день освободятся и Берта и Генуя.

(Берта уходитъ).

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же *безъ* Берты.

Кальканьо. Прежде чѣмъ мы разойдемся, еще одно слово, генуэзцы.

Веррина. Я его угадываю.

Кальканьо. Довольно-ли четырехъ патріотовъ, чтобъ низвергнуть могучую гидру тиранніи? Не надо-ли взбунтовать народъ, привлечь дворянство къ нашей партіи?

Веррина. Я понимаю. Такъ слушайте. Я давно поддерживаю одного живописца, который тратитъ все свое искусство, чтобъ написать картину паденія Аппія Клавдія. Фіеско обожаетъ искусство и легко разгорячается возвышенными сценами. Мы снесемъ картину въ его дворецъ и посмотримъ, какъ онъ къ ней отнесется. Можетъ быть, видъ ея снова разбудитъ его духъ. Можетъ быть...

Бургоньино. Прочь его! удваивай опасность, говоритъ герой, а не помощниковъ. Я уже давно почувствовалъ въ груди коечто ничѣмъ ненасытимое. Теперь я сразу узналъ, что это было *(съ движеніемъ героическимъ)*. Тиранъ у меня въ груди.

Занавѣсъ падаетъ.

ВТОРОЕ ДѢЙОТВІЕ.

Аванъ-зала во дворцѣ Фіеско.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Леонора и Арабелла.

Арабелла. Нѣтъ, говорю вамъ, вы ошиблись. Вамъ ревность затуманила глаза.

Леонора. Это была живая Джулія. Не разувѣряй меня. Мой силуэтъ висѣлъ на свѣтло-голубой лентѣ, эта же была красная, цвѣта пламени. Моя судьба рѣшена.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Джулія.

Джулія (*входитъ аффектированно*). Графъ предложилъ мнѣ свой дворецъ, чтобъ смотрѣть шествіе въ ратушу. Я могу соскучиться. Займите меня, мадамъ, пока сварятъ шоколадъ.

(*Белла удаляется, но вскорѣ снова приходитъ*).

Леонора. Прикажете позвать сюда гостей?

Джулія. Еще что! Словно мнѣ нужно ихъ искать здѣсь. Вы будете меня развлекать. (*Прохаживается, охорашиваясь*). Если только вы это можете, madame, потому что я и безъ этого ничего не теряю.

Арабелла (*ядовито*). Тѣмъ болѣе потеряетъ драгоцѣнная матерія вашего платья, синьора. Подумайте, какъ жестоко лишить лорнеты молодыхъ щеголей такого зрѣлища? Ахъ! и блестящая игра жемчуга; отъ нея просто глаза разгораются. Боже всемогущій! да вы опустошили все море!

Джулія (*передъ зеркаломъ*). Тебѣ, конечно, это рѣдкость, мамзель! Но слушай, мамзель, развѣ ты подрядилась тоже замѣнять и языкъ твоей госпожи? (*Леонорѣ*). Прелестно, madame, такою любезностью слугъ привѣтствовать своихъ гостей.

Леонора. Къ несчастью, синьора, мое дурное расположеніе духа умаляетъ мнѣ удовольствіе быть въ вашемъ обществѣ.

Джулія. Это невѣжливость, дѣлающая васъ тяжелой и смѣшной. Живо! будьте веселы и остроумны! Не такимъ путемъ прикуете вы къ себѣ вашего супруга.

Леонора. Я знаю только одинъ путь, графиня. Предоставлю вамъ прибѣгать къ инымъ средствамъ.

Джулія (*не обращая вниманія на ея слова*). И какъ вы одѣваетесь, madame, фуй! Обращайте тоже больше вниманія и на вашу внѣшность; прибѣгайте къ помощи искусства тамъ, гдѣ природа была для васъ мачехой. Подкрасьте эти щечки, на нихъ выступаетъ болѣзненная страсть. Бѣдное существо! въ такомъ видѣ ваше личико никогда не найдетъ покупателя.

Леонора (*весело Арабеллѣ*). Пожелай мнѣ счастья, Белла! Невозможно, чтобъ я потеряла моего Фіеско, или я въ немъ ничего не потеряла.

(*Приносятъ шоколадъ. Белла наливаетъ*).

Джулія. Вы что-то лепечете про потерю? Но, Боже мой! Какъ это явилась вамъ трагическая прихоть выйти за Фіеско? Зачѣмъ на такую высоту, дитя мое, гдѣ васъ нельзя не замѣтить? гдѣ васъ сравниваютъ съ другими? По чести, мое сокровище, съ Фіеско сводилъ васъ или плутъ, или дуракъ (*соболѣзнуя беретъ ее за руку*). Добрая звѣрушка, человѣкъ, котораго допускаютъ въ дома лучшаго тона, никогда не могъ быть твоей партіей... (*Беретъ чашку*).

Леонора (*усмѣхаясь Арабеллѣ*). Или онъ не захотѣлъ бы самъ, чтобъ его допускали въ эти дома лучшаго тона.

Джулія. Графъ человѣкъ представительный, свѣтскій, со вкусомъ. Графъ былъ такъ счастливъ, что сдѣлалъ знакомство высшаго ранга. У графа есть темпераментъ, огонь. Вотъ онъ возбужденный уходитъ изъ самой утонченный среды. Онъ приходитъ домой. Его супруга привѣтствуетъ его будничной нѣжностью, гаситъ его пламя сырымъ, холоднымъ поцѣлуемъ и экономно отпускаетъ ему свои ласки, точно обѣдъ нахлѣбнику. Бѣдный супругъ! Тамъ блеститъ передъ нимъ цвѣтущій идеалъ,—здѣсь томитъ его тоскливая чувствительность. Синьора, ради Бога, какъ тутъ не потерять разсудка, или что тутъ выбирать?

Леонора (*подаетъ ей чашку*). Васъ, madame, если ужъ онъ потерялъ разсудокъ.

Джулія. Хорошо. Этотъ уколъ попадетъ въ твое собственное сердце. Страшись этой насмѣшки, но прежде, чѣмъ ты дрогнешь,—краснѣй.

Леонора. Эта способность извѣстна и вамъ, синьора? Впрочемъ, отчего-же нѣтъ? это вѣдь туалетная уловка.

Джулія. Смотрите, пожалуйста, надо разсердить червяка, когда хочешь вызвать у него хоть искорку остроумія. Пока довольно, это была шутка. Madame! дайте мнѣ вашу руку на примиренье.

Леонора. (*даетъ ей руку съ многозначительнымъ взглядомъ*). Имперіали! моего гнѣва не бойтесь.

Джулія. Во всякомъ случаѣ—великодушно! Но отчего же мнѣ и бояться (*медленно и присматриваясь*). Если я ношу при себѣ силуэтъ человѣка, это, вѣдь, еще не значитъ, что и онъ самъ мнѣ дорогъ? или вы какъ полагаете?

Леонора (*краснѣя и смущаясь*). Что вы говорите? я надѣюсь, что такое заключеніе слишкомъ поспѣшно.

Джулія. Я и сама такъ думаю. Сердце никогда не призываетъ на помощь разумъ. Истинное чувство никогда не укрывается за украшеньями.

Леонора. Боже великій! какъ *вы* дошли до этой истины?

Джулія. Изъ сожалѣнія, только изъ сожалѣнія, потому что, видите-ли, въ обратномъ смыслѣ это тоже вѣрно,—и вашъ Фіеско еще при васъ.

(*Даетъ ей ея силуэтъ и злобно смѣется*).

Леонора. (*съ горечью*). Мой силуэтъ? вамъ? (*Полна страданья падаетъ въ кресло*). О, безбожный!

Джулія (*радостно*). Отплатила-ли я? отплатила? Ну, madame, не приготовлено у васъ больше булавочныхъ уколовъ? (*Громко за сцену*). Карету! Мое дѣло сдѣлано. (*Леонорѣ, пощаживая ея подбородокъ*). Утѣшьтесь, дитя мое, онъ далъ мнѣ силуэтъ въ припадкѣ безумія.

(*Уходитъ*).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ Кальканьо.

Кальканьо. Имперіали вышла такой разгоряченной, и вы въ волненіи, мадонна?

Леонора (*съ тяжелымъ страданьемъ*). Нѣтъ, это неслыхано!

Кальканьо. Небо и земля! не плачете-же вы, синьора?

Леонора. Вы другъ безчеловѣчнаго! прочь съ глазъ моихъ.

Кальканьо. Безчеловѣчнаго? вы меня пугаете.

Леонора. Моего мужа!—нѣтъ,—другъ Фіеско.

Кальканьо. Что мнѣ приходится слышать?!

Леонора. О, только мерзость! это такъ обычно у васъ, мужчинъ.

Кальканьо (*крѣпко схватываетъ ее за руку*). Синьора, мое сердце участливо къ плачущей добродѣтели.

Леонора (*серьезно*). Вы мужчина—это не для меня.

Кальканьо. Весь для васъ, полонъ вами, еслибъ вы знали, какъ сильно, какъ безконечно...

Леонора. Мужчина, ты лжешь: ты увѣряешь прежде, чѣмъ дѣйствуешь.

Кальканьо. Клянусь вамъ.

Леонора. Клятвопреступленіе! Перестань! Вы притупляете Божеское перо, записывающее ваши грѣхи. Мужчины! мужчины! еслибъ всѣ ваши клятвы обратились въ дьяволовъ, они бы могли возстать противъ неба и низвести плѣнниками ангеловъ свѣта.

Кальканьо. Вы увлекаетесь, графиня. Ваше огорченіе дѣлаетъ васъ несправедливой. Долженъ-ли весь нашъ полъ отвѣчать за преступленіе одного.

Леонора (*оглядываетъ его съ головы до ногъ*). Мужчина! я молилась всѣмъ вамъ въ лицѣ одного вашего представителя,—какъ же мнѣ въ немъ васъ всѣхъ не возненавидѣть?

Кальканьо. Попытайтесь, графиня. Въ первый разъ вы ошибочно отдали свое сердце. Я знаю для васъ мѣсто, гдѣ оно было бы сбережено.

Леонора. Вашей ложью вы Творца можете изгнать изъ міра. Я ничего не хочу отъ тебя слышать.

Кальканьо. Синьора, сегодня-же вы должны бы взять назадъ это проклятье въ объятіяхъ моихъ.

Леонора (*внимательно*). Высказывай все. Въ твоихъ?

Кальканьо. Въ моихъ объятіяхъ, открытыхъ покинутой женщинѣ, чтобъ вознаградить ея потерянную любовь.

Леонора (*проницательно смотритъ на него*). Любовь?

Кальканьо (*склоняясь передъ ней, горячо*). Да, оно сказано. Любовь, мадонна. Отъ вашего слова зависитъ моя жизнь или смерть. Если моя страсть—грѣхъ, пускай добродѣтель и порокъ сольются въ одно, пускай погибнутъ и небо и адъ подъ однимъ проклятьемъ.

Леонора (*отступаетъ съ негодованіемъ*). Вотъ куда направлялось твое участье, лукавецъ! Въ единомъ колѣнопреклоненьи ты предаешь и дружбу, и любовь. Прочь съ глазъ моихъ навсегда! О! отвратительные мужчины! до сихъ поръ я думала, что вы обманываете только женщинъ, я никогда не знала, что вы предатели другъ для друга.

Кальканьо (*встаетъ пораженный*). Синьора...

Леонора. Мало ему, что онъ сломалъ святую печать довѣрія, этотъ лицемѣръ дышитъ чумой и на чистое зеркало добродѣтели, хочетъ научить меня клятвопреступленію.

Кальканьо. Оно не съ вашей одной стороны, мадонна.

Леонора. Понимаю: моя чувствительность должна была подкупить для тебя мое чувство. Ты не зналъ (*величаво*), что ужъ одно великое горе гибнуть изъ-за Фіеско облагораживаетъ женское сердце. Ступай! Позоръ Фіеско не подымаетъ въ глазахъ моихъ какого-нибудь Кальканьо, а унижаетъ человѣчество. (*Быстро уходитъ*).

Кальканьо (*ошеломленный смотритъ ей вслѣдъ, потомъ уходитъ, ударяя себя по лбу*). Дуракъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ и Фіеско.

Фіеско. Кто это тамъ вышелъ?

Мавръ. Маркизъ Кальканьо.

Фіеско. На софѣ остался носовой платокъ. Здѣсь была моя жена.

Мавръ. Она только что встрѣтилась мнѣ въ сильномъ волненіи.

Фіеско. Платокъ мокрый (*прячетъ его*). Кальканьо здѣсь? Леонора въ сильномъ волненіи... (*Подумавъ, мавру*). Вечеромъ я тебя спрошу, что здѣсь случилось.

Мавръ. Мамзель Белла любитъ, когда хвалятъ ея бѣлокурые волосы. Я доставлю отвѣтъ.

Фіеско. И вотъ прошло тридцать часовъ. Исполнилъ ты мое порученіе?

Мавръ. Іота въ іоту, мой повелитель.

Фіеско (*садится*). Говори-же, что говорятъ про Доріа и про теперешнее правленіе?

Мавръ. О, пфуй! отвратительныя вещи. Ужъ отъ одного слова Доріа трясетъ всѣхъ,

какъ въ лихорадкѣ. Джанеттино ненавидятъ до смерти. Всѣ ропщутъ, говорятъ такъ: французы были крысы въ Генуѣ, котъ Доріа ихъ сожралъ и теперь пожелалъ кушать мышей.

Фіеско. Это, можетъ быть, и правда, а неизвѣстна-ли имъ собака, чтобы унять кота?

Мавръ (*небрежно*). Городъ очень много болтаетъ про нѣкоего... нѣкоего... вотъ-те разъ! Да неужели я забылъ его имя?

Фіеско (*встаетъ*). Глупецъ! его такъ-же легко запомнить, какъ трудно было создать. Развѣ въ Генуѣ, кромѣ единственнаго, есть и еще кто нибудь.

Мавръ. Такъ-же мало, какъ нѣтъ двухъ графовъ ди Лаванья.

Фіеско (*садится*). Это ужъ кое-что! А что поговариваютъ о моей веселой жизни?

Мавръ (*глядитъ на него во всѣ глаза*). Слушайте, графъ ди Лаванья! Генуя должна быть высокаго мнѣнія о васъ. Никто не можетъ переварить, что дворянинъ перваго дома, полный таланта и ума, въ разгарѣ силъ и вліянія, обладатель четырехъ милліоновъ ливровъ, съ княжеской кровью въ жилахъ, что дворянинъ, какъ Фіеско, навстрѣчу которому полетятъ всѣ сердца по первому призыву...

Фіеско (*отворачивается отъ него съ презрѣніемъ*). Слышать это отъ мошенника!

Мавръ. Что великій герой Генуи проспитъ великое паденіе Генуи. Многіе жалѣютъ, очень многіе насмѣхаются, большинство васъ проклинаетъ. Всѣ оплакиваютъ государство, которое васъ потеряло. Одинъ іезуитъ пронюхалъ, что подъ халатомъ прячется лисица.

Фіеско. Лисица чуетъ лисицу. Что говорятъ про мой романъ съ графиней Имперіали?

Мавръ. То, что уже я лучше не рѣшусь повторить.

Фіеско. Говори прямо. Чѣмъ наглѣе, тѣмъ пріятнѣе. Что шепчутъ?

Мавръ. Ничего не шепчутъ. Во всѣхъ кофейняхъ, билліардныхъ, гостиницахъ, на прогулкахъ, на базарѣ, на биржѣ громко кричатъ.

Фіеско. Что? я приказываю тебѣ!

Мавръ (*отступая*). Что вы дуракъ.

Фіеско. Хорошо. Вотъ тебѣ цехинъ за это извѣстіе. Я надѣлъ теперь дурацкій колпакъ, чтобы генуэзцы надо мной смѣялись; я скоро обрѣю себѣ голову, чтобы играть съ ними шута. Какъ отнеслись ткачи шелковыхъ матерій къ моимъ подаркамъ?

Мавръ. Дуракъ, они приняли видъ присужденныхъ къ казни, которые...

Фіеско. Дуракъ?—ты съ ума спятилъ, плутъ?

Мавръ. Простите! мнѣ хотѣлось получить еще нѣсколько цехиновъ.

Фіеско. (*смѣется и даетъ ему цехинъ*). Ну, присужденныхъ къ казни, которые...

Мавръ. Будто ужъ лежатъ на плахѣ и слышатъ, что имъ даруютъ прощеніе. Они ваши душой и тѣломъ.

Фіеско. Это меня радуетъ. Они ободряютъ рѣшимость генуэзской черни.

Мавръ. Вотъ такъ была комедія! не много недоставало, чортъ меня возьми, чтобъ я получилъ вкусъ къ великодушію. Они вѣшались мнѣ на шею, какъ безумные. Дѣвчонки, казалось, сразу влюбились въ мой родовой цвѣтъ кожи, такъ горячо онѣ набрасывались на мое лунное затменіе. Золото всемогуще, думалось мнѣ, оно и мавра можетъ обѣлить.

Фіеско. Твоя мысль была лучше, чѣмъ навозная куча, изъ которой она выросла. Ты мнѣ доложилъ хорошія *слова*, но выйдутъ-ли изъ нихъ *дѣла?*

Мавръ. Какъ отъ покашливанья неба разражается гроза. Головы наклоняются къ головамъ; люди собираются въ кучки, предостерегаютъ другъ друга восклицаніемъ гм! когда кто посторонній прошмыгнетъ. По всей Генуѣ царитъ какой-то удушливый зной. Это недовольство виситъ надъ республикой, какъ мрачная непогода. Одинъ порывъ вѣтра,—заблеститъ молнія и повалится градъ.

Фіеско. Тише! слушай! что это за безпорядочный гулъ?

Мавръ (*бросается къ окну*). Это крики множества людей, выходящихъ изъ ратуши.

Фіеско. Сегодня выбираютъ прокуратора. Вели подать лошадь. Не можетъ быть, чтобы засѣданіе уже кончилось. Я туда отправлюсь. Невозможно, чтобы оно кончилось законно! Шпагу и плащъ! Гдѣ мой орденъ?

Мавръ. Господинъ, я укралъ его и заложилъ.

Фіеско. Ты меня радуешь.

Мавръ. Ну и какъ-же? скоро я получу награду?

Фіеско. За то, что ты не укралъ и плаща?

Мавръ. За то, что я открылъ вора.

Фіеско. Шумъ долетаетъ и сюда. Слушай! это не крики одобренія. (*Быстро*). Скорѣй отопри ворота! у меня предчувствіе. Доріа дерзокъ до безумства. Все государство покачивается на остріѣ иглы. Бьюсь

объ закладъ, что этотъ шумъ начался въ синьоріи.

Мавръ *(у окна кричитъ)*. Что это такое? вдоль улицы Бальби—тысячныя шайки... блестятъ алебарды... шпаги... ой, ой! сенаторы бѣгутъ сюда.

Фіеско. Это бунтъ! Бѣги въ толпу. Назови мое имя. Постарайся, чтобъ они сюда кинулись. *(Мавръ убѣгаетъ)*. Что муравей-разумъ трудолюбиво собираетъ въ кучи, то вѣтеръ случайности разгоняетъ въ одинъ мигъ.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско, Центуріоне, Цибо, Ассерато, *шумно вбѣгаютъ въ комнату*

Цибо. Графъ, простите, что негодованье заставило насъ войти безъ доклада.

Центуріоне. Я обезчещенъ, смертельно обезчещенъ племянникомъ герцога, передъ лицомъ всей синьоріи.

Ассерато. Доріа запятналъ золотую книгу, листы которой—генуэзскіе дворяне.

Центуріоне. Вотъ почему мы здѣсь. Все дворянство въ моемъ лицѣ получило вызовъ. Все дворянство должно мстить вмѣстѣ со мной. Чтобы за мою личную честь отмстить, я едва-ли бы звалъ помощниковъ.

Цибо. Все дворянство раздражено въ его лицѣ. Огонь и пламя должно быть въ дыханьи каждаго дворянина.

Ассерато. Права націи разрушены. Республиканская свобода получила смертельный ударъ.

Фіеско. Вы возбуждаете все мое вниманіе.

Цибо. Онъ былъ двадцать девятымъ среди избирателей и приготовилъ свой золотой шаръ для выбора прокуратора, Двадцать восемь голосовъ было собрано. Четырнадцать высказалось за меня, столькоже за Ломеллино. Голосъ Доріа и его голосъ еще не были поданы.

Центуріоне *(быстро вмѣшиваясь въ его слова)*. Не были поданы. Я избираю Цибо, Доріа... чувствуйте рану моей чести... Доріа...

Ассерато *(перебивая его)*. Ничего подобнаго никто не переживалъ за все время, какъ океанъ бурлитъ у подножія Генуи.

Центуріоне *(горячо продолжаетъ)*. Доріа вынимаетъ шпагу, спрятанную подъ его пурпурнымъ плащомъ, протыкаетъ ею мой избирательный листъ и кричитъ собранью...

Цибо. „Сенаторы, онъ не годится, онъ проткнутъ,—Ломеллино выбранъ прокураторомъ!“

Центуріоне. „Ломеллино — прокураторъ“, и бросилъ шпагу на столъ.

Ассерато. И крикнулъ: „онъ не годится“, и бросилъ шпагу на столъ.

Фіеско *(послѣ молчанія)*. На что вы рѣшились?

Центуріоне. Республику поразили въ сердце. На что мы рѣшились?

Фіеско. Центуріоне, тростникъ склоняется и отъ дыханія, но для дубовъ нужна буря. Я спрашиваю, что вы рѣшили?

Цибо. Мнѣ кажется надо спросить, на что рѣшилась Генуя.

Фіеско. Генуя? Генуя? прочь ее, она дряблая, разваливается при первомъ прикосновеніи. Вы разсчитываете на патриціевъ? Можетъ быть оттого, что они дѣлаютъ кислыя лица, да плечами пожимаютъ, когда зайдетъ рѣчь о государственныхъ дѣлахъ! Прочь ихъ! Въ нихъ геройскій огонь проявляется изъ-за тюковъ Левантинскихъ товаровъ, ихъ души робко порхаютъ вокругъ ихъ остъ-индскаго флота.

Центуріоне. Цѣните лучше нашихъ патриціевъ. Едва совершился дерзкій поступокъ Доріа, какъ сотни изъ нихъ полетѣли въ разодранной одеждѣ на базарную площадь. Синьорія разбѣжалась.

Фіеско *(насмѣшливо)*. Какъ разлетаются голубки, когда въ голубятню налетаетъ ястребъ.

Центуріоне *(бурно)*. Нѣтъ, какъ бочки пороха, когда въ нихъ попадаетъ зажженный фитиль.

Цибо. Народъ тоже бунтуетъ! Чего только не въ силахъ сдѣлать подстрѣленный кабанъ?

Фіеско. Народъ! слѣпой, безпомощный колоссъ; онъ сперва гремитъ неуклюжими костями, грозитъ поглотить зіяющей пастью большихъ и малыхъ, близкихъ и дальнихъ, а подъ конецъ спотыкается о протянутую нитку... Напрасно, генуэзцы! Время морского владычества—миновало. Генуя пала ниже своего имени. Генуя теперь то, что былъ непобѣдимый Римъ, когда онъ какъ воланъ попалъ на отбойникъ нѣжнаго мальчика Октавія. Генуя ужъ не можетъ быть свободной. Генуя должна быть согрѣта монархомъ. Генуя нуждается въ государѣ,—такъ и присягайте сумасброду Джанеттино.

Центуріоне *(вскипая)*. Когда примирятс враждующія стихіи и сѣверный полюсъ соединится съ южнымъ. Идемъ, товарищи.

Фіеско. Останьтесь! останьтесь! О чемъ вы задумались, Цибо?

Цибо. Ни о чемъ, или о комедіи, яко-бы изображающей землетрясеніе.

Фіеско (*подводя его къ статуѣ*). Взгляните на эту фигуру.

Центуріоне. Это Флорентинская Венера. При чемъ она тутъ?

Фіеско. Но она вамъ нравится?

Цибо. Надѣюсь, иначе мы были бы плохіе итальянцы. Какъ можете вы объ этомъ спрашивать теперь?

Фіеско. Ну, такъ поѣзжайте по всѣмъ частямъ свѣта и отыщите самое счастливое изъ всѣхъ воплощеній живой женской красоты, чтобъ въ немъ сливались всѣ прелести этой Венеры, созданной воображеніемъ.

Цибо. И что мы получимъ за наши старанія?

Фіеско. Вы тогда обличите фантазію рыночной шумихи.

Центуріоне (*нетерпѣливо*). Дальше что?

Фіеско. Будетъ выигранъ старинный процессъ природы съ художниками.

Центуріоне (*разгоряченно*). И тогда?

Фіеско. Тогда? тогда? (*Начинаетъ смѣяться*). Тогда вы забудете думать о томъ, что свобода Генуи гибнетъ!

(*Центуріоне, Цибо и Ассерато уходятъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско.

(*Шумъ вокругъ дворца усиливается*).

Прекрасно! прекрасно! солома республики объята пламенемъ. Огонь захватилъ уже дома и башни. Разгорайся! разгорайся! чтобъ пожаръ былъ всеобщимъ. Злорадный вѣтеръ, раздувай огонь опустошенія.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ (*впопыхахъ*) и Фіеско.

Мавръ. Толпы за толпами.

Фіеско. Широко растворяй ворота! Дай ворваться всѣмъ, у кого есть ноги.

Мавръ. Республиканцы! республиканцы! тащатъ въ ярмѣ свою свободу, задыхаются какъ вьючное животное подъ своимъ аристократическимъ великолѣпіемъ.

Фіеско. Глупцы! воображаютъ, что Фіеско ди Лаванья будетъ продолжать то, чего Фіеско ди Лаванья не начиналъ! Возмущенье приходитъ кстати, но заговоръ долженъ быть мой. Они ворвались на лѣстницу.

Мавръ (*за сцену*). Эй! эй! ихъ вѣжливость разнесетъ весь домъ.

(*Народъ врывается, разломавъ двери*).

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Двѣнадцать ремесленниковъ.

Всѣ. Мщеніе дому Доріа! Мщеніе Джанеттино.

Фіеско. Потише, поспокойнѣе, сограждане! Ваша готовность служить мнѣ свидѣтельствуетъ о вашемъ добромъ сердцѣ. Но у меня такой нѣжный слухъ.

Всѣ (*бурно*). Свергнуть Доріа! свергнуть и дядю, и племянника.

Фіеско (*посмѣиваясь пересчитываетъ ихъ*). Двѣнадцать человѣкъ — важное войско!

Нѣкоторые. Прогнать Доріа! государству нужно другое правленіе!

Первый ремесленникъ. Нашихъ мировыхъ судей сбрасывать съ лѣстницы! сбрасывать мировыхъ судей!

Второй. Подумайте только, Лаванья, внизъ съ лѣстницы, когда они ему оказали противодѣйствіе на выборахъ.

Всѣ. Это не должно быть терпимо! Не смѣетъ быть терпимо!

Третій. На засѣданіе взять съ собой оружіе!

Первый. Мечъ! знакъ войны! въ комнату мира!...

Второй. Войти въ сенатъ въ пурпурѣ! не въ черномъ, какъ другіе члены.

Первый. Разъѣзжать по нашему городу съ упряжью въ восемь лошадей!

Всѣ. Онъ тиранъ! Онъ измѣнникъ странѣ и отечеству.

Второй. У императора купилъ себѣ двѣсти нѣмцевъ въ тѣлохранители!

Первый. Чужеземцевъ противъ сыновъ отечества! Нѣмцевъ противъ итальянцевъ! Солдатъ рядомъ съ закономъ!

Всѣ. Государственная измѣна! мятежъ! Погибель Генуи!

Первый. На своей каретѣ выставлять гербъ республики!

Второй. Поставить статую Андреа посреди двора синьоріи!

Всѣ. Расколоть Андреа! Въ тысячу кусковъ, и каменнаго, и живого!

Фіеско. Генуэзцы, зачѣмъ вы мнѣ все это говорите?

Первый. Вы не должны все это терпѣть! вы должны его осадить!

Второй. Вы умный человѣкъ и не должны это терпѣть, вы должны за насъ думать.

Первый. Вы дворянинъ получше его и должны ему это внушить и не должны терпѣть.

Фіеско. Ваше довѣріе мнѣ очень льститъ. Могу ли заслужить его дѣломъ?

Всѣ. Бей! Рази! Освобождай!

Фіеско. Но доброе словечко вы еще выслушаете?

Нѣкоторые. Говорите, Лаванья.

Фіеско (*садится*). Генуэзцы! однажды въ царствѣ звѣрей произошло броженіе, партіи воевали съ партіями, и собака мясника овладѣла тономъ. Ей было привычно пригонять убойную скотину къ топору, она хозяйничала по собачьи въ царствѣ, лаяла, кусалась и грызла кости своего народа. Звѣри роптали, смѣлѣйшіе сговорились и задушили властительнаго пса. Тогда собрался совѣтъ, чтобъ рѣшить великій вопросъ: какое правленіе самое счастливое? Голоса раздѣлились на три части. Генуэзцы, въ пользу которой бы вы порѣшили?

Первый. За народъ! всѣ за народъ.

Фіеско. Народъ и одолѣлъ. Правленіе стало демократическое. Каждый гражданинъ подавалъ голосъ. Все рѣшалось по большинству. Прошло нѣсколько недѣль и новоиспеченному свободному государству человѣкъ объявилъ войну. Конь, левъ, тигръ, медвѣдь, слонъ и носорогъ выступили и громко заревѣли: Къ оружію! Вотъ дошла очередь до остальныхъ. Овца, заяцъ, олень, оселъ, все царство насѣкомыхъ и птицъ, вся громада рыбъ, трепещущихъ передъ человѣкомъ—тоже явились и завизжали: миръ! Видите ли, генуэзцы: трусовъ было больше, чѣмъ храбрецовъ. Большинство взяло верхъ. Звѣриное царство положило оружіе и человѣкъ обложилъ данью свои владѣнія. Итакъ это правленіе было отвергнуто! Генуэзцы, къ чему бы теперь вы были склонны?

Первый и второй. Къ выборному правленію! конечно, къ выборному!

Фіеско. Это мнѣніе понравилось! Дѣла государства были распредѣлены между нѣсколькими палатами. Волки заботились о финансахъ, лисицы были ихъ секретарями. Голуби вели уголовный судъ, тигры заключали имущественные договоры, козлы улаживали брачныя тяжбы. Солдатами были зайцы; львы и слоны оставались при обозѣ; оселъ былъ посланникомъ государства, а кротъ главнымъ наблюдателемъ надъ администраціей. Генуэзцы, чего вы ожидаете отъ такого мудраго распредѣленія? Гдѣ волкъ не рвалъ силой, тамъ лисица хватала обманомъ. Кто избѣгалъ ея, того изводилъ глупостями оселъ. Тигръ губилъ невинность, а воровъ и убійцъ миловалъ голубь, и подъ конецъ, когда должности сдавались, кротъ находилъ, что всѣ онѣ исполнялись безупречно. Звѣри возмутились. Они воскликнули единогласно: выберемъ монарха, у котораго были бы когти и разумъ, и только *одинъ* желудокъ—и *одному* повелителю присягнули всѣ, *одному*, генуэзцы—но (*выступая среди нихъ величаво*)—это былъ левъ.

Всѣ (*рукоплещутъ, кидаютъ шапки въ воздухъ*). Браво! браво! это они умно сдѣлали.

Первый. И Генуя должна имъ подражать, и у Генуи ужъ есть подходящій человѣкъ.

Фіеско. Я о немъ ничего не знаю. Идите по домамъ. Думайте про льва. (*Граждане шумно уходятъ*). Все идетъ, какъ желалось. Народъ и сенатъ за Фіеско. Народъ и сенатъ противъ Доріа. Гассанъ! Гассанъ! Этимъ настроеніемъ надо пользоваться. Гассанъ! Гассанъ! надо усилить эту ненависть! ободрить это участіе! Иди, Гассанъ! адское отродье! Гассанъ! Гассанъ!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ Мавръ. Фіеско.

Мавръ (*дико*). У меня еще горятъ подошвы. Что опять надо?

Фіеско. Что я прикажу.

Мавръ (*вкрадчиво*). Куда мнѣ сперва бѣжать? куда послѣ?

Фіеско. Бѣготню на этотъ разъ я тебѣ дарю. Тебя потащатъ. Сейчасъ же приготовься. Я разглашу про твою попытку предательски меня убить и передамъ тебя связаннымъ уголовному суду.

Мавръ (*отступая на шесть шаговъ*). Господинъ—это противъ уговора.

Фіеско. Будь совсѣмъ спокоенъ. Это не больше, какъ комедія. Въ настоящую минуту необходимо вывести на свѣжую воду, что Джанеттино покушался на мою жизнь. Тебя станутъ допрашивать.

Мавръ. Я сознаюсь или буду отрицать?

Фіеско. Будешь отрицать. Тебя подвергнутъ пыткѣ. Первую степень ты выдержишь. Это тебѣ пойдетъ въ зачетъ расплаты за то, что ты меня хотѣлъ убить. При второй степени ты сознаешься.

Мавръ *(задумчиво качаетъ головой)*. Дьяволъ хитеръ. Господа могутъ позадержать меня изъ-за своего обѣда и тогда я буду колесованъ ради пустой комедіи.

Фіеско. Ты благополучно отдѣлаешься. Ручаюсь тебѣ моей графской честью. Я выпрошу, какъ удовлетворенія, чтобъ мнѣ было предоставлено назначить наказаніе и тогда прощу тебя передъ глазами всей республики.

Мавръ. Я согласенъ; они мнѣ порастянутъ суставы. Это дѣлаетъ болѣе прыткимъ.

Фіеско. Такъ надрѣжь мнѣ скорѣй руку кинжаломъ, чтобъ кровь показалась.—Я сдѣлаю видъ, какъ будто только что схватилъ тебя на мѣстѣ преступленія. Хорошо. *(Со страшнымъ крикомъ)*. Убійца! убійца! убійца! занять всѣ выходы! запереть ворота! *(Онъ тащитъ мавра за горло со сцены. Прислуга пробѣгаетъ по сценѣ)*.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Леонора и Роза *вбѣгаютъ испуганныя.*

Леонора. Убійство! кричали убійство! Отсюда былъ слышенъ шумъ!

Роза. Навѣрно только пустая тревога, какъ каждый день въ Генуѣ.

Леонора. Кричали: убійство! и въ народѣ ясно пробѣжало имя Фіеско. Жалкіе обманщики! они хотѣли пощадить мои глаза, но мое сердце ихъ перехитрило. Скорѣй, бѣги за ними, посмотри, скажи мнѣ, куда они его тащатъ.

Роза. Придите въ себя: Белла тамъ.

Леонора. Белла еще увидитъ его умирающій взглядъ! Счастливая Белла! Горе мнѣ, его убійцѣ!—еслибъ Фіеско могъ меня любить, никогда бы Фіеско не бросился въ свѣтъ на кинжалы завистниковъ! Белла идетъ! прочь! не говори, Белла!

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Белла.

Белла. Графъ живъ и здоровъ. Я видѣла, какъ онъ скакалъ по городу. Никогда я не видала нашего господина такимъ прекраснымъ. Вороной конь красовался подъ нимъ и гордымъ копытомъ разгонялъ отъ знатнаго сѣдока толпившійся народъ. Графъ увидалъ меня, когда летѣлъ мимо, милостиво улыбнулся, кивнулъ головой въ эту сторону и послалъ три поцѣлуя. *(Ядовито)*. Что мнѣ съ ними дѣлать, синьора?

Леонора *(съ восторгомъ)*. Вѣтреная болтунья! снеси ихъ ему назадъ.

Роза. Ну, вотъ видите: теперь опять густая краска разлилась по вашему лицу.

Леонора. Онъ кидаетъ свое сердце развратницамъ, а я гоняюсь за однимъ его взглядомъ?—о женщины! женщины! *(Уходятъ)*.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Во дворцѣ Андреа.

Джанеттино и Ломеллино *входятъ поспѣшно.*

Джанеттино. Дай имъ поревѣть о своей свободѣ, какъ львицѣ о своемъ щенкѣ Я рѣшенія не измѣню.

Ломеллино. Все-таки, синьоръ...

Джанеттино. Къ чорту съ вашимъ „все таки", трехчасовой прокураторъ! Я не отступлю ни на волосъ. Пускай Генуэзскія башни качаютъ головами и бурливое море проворчитъ „нѣтъ!" — я этой шайки не боюсь.

Ломеллино. Чернь, конечно, не что иное какъ горящія дрова, но дворянство раздуваетъ ихъ вѣтромъ. Вся республика въ волненіи. Народъ и патриціи.

Джанеттино. Такъ я буду стоять на горѣ, какъ Неронъ, и любоваться потѣшнымъ пожаромъ.

Ломеллино. Пока вся масса мятежниковъ не кинется къ одному изъ партіи, достаточно тщеславному, чтобъ собрать жатву въ разгромѣ.

Джанеттино. Вздоръ! пустяки! я знаю только одного, который бы могъ быть опаснымъ, но о немъ ужъ позаботились.

Ломеллино. Его свѣтлость...

(Входитъ Андреа. Оба низко кланяются).

Андреа. Синьоръ Ломеллино, моя племянница желаетъ выѣхать.

Ломеллино. Я буду имѣть честь сопровождать ее *(уходитъ)*.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андреа и Джанеттино.

Андреа. Слушай, племянникъ! Я тобой очень недоволенъ.

Джанеттино. Свѣтлѣйшій дядюшка, угодно ли вамъ будетъ выслушать...

Андреа. Самаго отрепаннаго нищаго въ Генуѣ, если онъ того достоинъ. Негодяя никогда, будь онъ даже моимъ племянникомъ. Довольно милости и въ томъ, что я являюсь тебѣ дядей; ты заслужилъ, чтобъ тебя допрашивалъ герцогъ и его синьорія.

Джанеттино. Одно слово только, государь...

Андреа. Послушай сперва, что ты сдѣлалъ, и потомъ оправдывайся. Ты разрушилъ зданіе, которое я заботливо строилъ впродолженіе полустолѣтія—мавзолей твоего дяди—его единственную пирамиду—любовь генуэзцевъ. Это легкомысліе Андреа прощаетъ тебѣ.

Джанеттино. Мой дядя и герцогъ...

Андреа. Не прерывай меня. Ты испортилъ прекраснѣйшее художественное созданіе правленія, добытое мною самимъ для генуэзцевъ у неба, стоившее мнѣ столькихъ безсонныхъ ночей, столько опасности и крови. Передъ цѣлой Генуей ты замаралъ мою княжескую честь тѣмъ, что не почтилъ моего учрежденія. Кому оно будетъ свято, когда мой кровный племянникъ его презираетъ? Эту глупость прощаетъ тебѣ твой дядя.

Джанеттино *(обидчиво)*. Государь, вы готовили меня въ герцоги Генуи.

Андреа. Молчи,—ты государственный измѣнникъ: ты ранилъ отечество въ самое сердце. Замѣть себѣ это, мальчикъ! Оно называется—подчиненіе. Если пастухъ подъ вечеръ рабочаго дня отошелъ отъ стада, ты ужъ воображаешь, что стадо покинуто? Ты топочешь надъ законами, какъ уличный мальчишка, оттого, что у Андреа побѣлѣли волосы?

Джанеттино *(дерзко)*. Потише, герцогъ. И въ моихъ жилахъ кипитъ кровь Андреа, передъ которымъ дрожала Франція.

Андреа. Молчи, я тебѣ приказываю.—Я привыкъ, чтобы море прислушивалось, когда я говорю. Ты оплевалъ монаршее правосудіе въ самомъ его храмѣ. Знаешь ли, какъ за это наказываютъ, мятежникъ?—Теперь отвѣчай.

(Джанеттино молча и упорно глядитъ на полъ).

Андреа. Несчастный Андреа! въ твоемъ собственномъ сердцѣ вскормилъ ты червя, подтачивавшаго твои заслуги. Я построилъ генуэзцамъ домъ, который могъ издѣваться надъ всесокрушающимъ временемъ, и я самъ сунулъ туда пожаръ—вотъ этого! Благодари, безумецъ, мою старую, бѣлую голову, которая хочетъ, чтобъ ее похоронили родственныя руки. Благодари мою безумную любовь, что я не бросаю головы мятежника съ эшафота оскорбленному народу. *(Быстро уходитъ).*

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Ломеллино *задыхаясь, испуганный.* Джанеттино *молча и съ разгорѣвшимися глазами смотритъ вслѣдъ герцогу.*

Ломеллино. Что я видѣлъ! что слышалъ! Теперь бѣгите, принцъ! теперь все потеряно!

Джанеттино *(злобно)*. Что было терять?

Ломеллино. Геную, принцъ! Я только что съ рынка. Народъ тѣснился вокругъ мавра, его тащили связаннаго веревками; графъ ди Лаванья и до трехъ сотъ дворянъ слѣдовали за нимъ въ самое зданіе суда, гдѣ пытаютъ преступниковъ. Мавръ былъ схваченъ въ ту минуту, какъ онъ покушался убить Фіеско.

Джанеттино *(топая ногой)*. Что? или сегодня всѣ дьяволы разгулялись?

Ломеллино. Строго допрашивали, кто его подкупилъ. Мавръ не сознался ни въ чемъ. Его подвергли первой пыткѣ. Онъ ни въ чемъ не сознался. Его подвергли второй. Онъ признался, онъ признался... Принцъ, о чемъ вы думали, когда вы свою честь отдавали въ распоряженіе негодяя?

Джанеттино *(дико и рѣзко)*. Не спрашивай меня ни о чемъ!

Ломеллино. Слушай дальше. Едва было произнесено слово „Доріа“,—лучше бы мнѣ прочитать свое имя на скрижаляхъ дьявола, чѣмъ слышать ваше,—тотчасъ Фіеско показался народу. Вы знаете его, этого человѣка, повелительно умоляющаго, этого человѣка, берущаго такіе ростовщическіе проценты съ расположенія къ нему толпы. Всѣ собравшіеся затаили дыханіе и замерли, слушая съ ужасомъ. Онъ говорилъ мало, но поднялъ окровавленную руку, и народъ дрался изъ-за падавшихъ капель, какъ изъ-за святыни. Мавра передали въ его распоряженіе и Фіеско—убійственный ударъ для насъ—Фіеско пощадилъ его. Тутъ тишина превратилась въ безумный, дикій

ревъ; каждое дыханіе уничтожало Доріа, и Фіеско отнесли домой при крикахъ тысячной толпы.

Джанеттино *(съ глухимъ смѣхомъ)*. Хоть бы мятежъ поднялся мнѣ до самого горла!.. Императоръ Карлъ! этими двумя словами я ихъ низвергну такъ, что во всей Генуѣ ни одинъ колоколъ больше не зазвонитъ.

Ломеллино. Богемія далеко отъ Италіи, если Карлъ поспѣшитъ, то онъ еще, пожалуй, успѣетъ попасть послѣ вашихъ похоронъ на поминки.

Джанеттино *(вынимаетъ письмо съ большой печатью)*. Стало быть довольно счастливо, что онъ ужъ здѣсь. Ломеллино удивленъ! Развѣ онъ считалъ меня настолько безумно дерзкимъ, чтобъ я сталъ дразнить бѣшеныхъ республиканцевъ, если-бы они не были ужъ проданы и преданы?

Ломеллино *(пораженный)*. Я не знаю, что думать.

Джанеттино. А я думаю кое-что, чего ты не знаешь. Мое рѣшеніе твердо. Послѣ завтра падутъ двѣнадцать сенаторовъ, Доріа будетъ монархомъ, и императоръ Карлъ его защититъ. Ты отшатнулся.

Ломеллино. Двѣнадцать сенаторовъ! мое сердце не настолько обширно, чтобъ вмѣстить двѣнадцать разъ кровавую вину.

Джанеттино. Дурачекъ, у трона ее сбрасываютъ. Видишь ли, я обдумалъ съ министрами Карла, что у Франціи есть еще въ Генуѣ сильная партія, и она во второй разъ можетъ связать его руки, если ее не вырвать съ корнемъ. Это раздражило стараго Карла. Онъ подписалъ мое предложеніе, а ты напишешь, что я тебѣ продиктую.

Ломеллино. Я еще не знаю...

Джанеттино. Садись! пиши.

Ломеллино. Но что-же я буду писать? *(садится)*.

Джанеттино. Имена двѣнадцати кандидатовъ. Франческо Центуріоне.

Ломеллино *(пишетъ)*. Въ благодарность за его поведеніе на выборахъ онъ начинаетъ похоронную процессію.

Джанеттино. Корнеліо Кальва.

Ломеллино. Кальва.

Джанеттино. Микеле Цибо.

Ломеллино. Чтобъ охладить желанье быть прокураторомъ.

Джанеттино. Томазо Ассерато съ тремя братьями.

(Ломеллино останавливается).

Джанеттино *(съ удареніемъ)*. Съ тремя братьями.

Ломеллино *(пишетъ)*. Дальше.

Джанеттино. Фіеско ди Лаванья.

Ломеллино. Берегитесь! берегитесь. Вы еще объ этотъ черный камень сломите себѣ шею.

Джанеттино. Сципіо Бургоньино.

Ломеллино. Пускай справляетъ свадьбу въ другомъ мѣстѣ.

Джанеттино. Гдѣ я буду дружкой. Рафаэль Сакко.

Ломеллино. Этому бы я долженъ выхлопотать помилованіе, пока онъ не уплатитъ мнѣ мои пять тысячъ скуди. *(Пишетъ).* Смертью онъ расквитается.

Джанеттино. Виченце Кальканьо.

Ломеллино. Кальканьо. Двѣнадцатаго я напишу на мой страхъ, или нашъ смертельный врагъ забытъ.

Джанеттино. Все хорошо, что хорошо кончается. Джузеппе Веррина.

Ломеллино. Это голова змѣи. *(Встаетъ, сыплетъ на рукопись песокъ, пробуетъ ее и передаетъ Джанеттино).* Смерть устраиваетъ послѣ завтра великолѣпный праздникъ—и пригласила на него двѣнадцать знатнѣйшихъ генуэзцевъ.

Джанеттино *(подходитъ къ столу и подписываетъ).* Дѣло сдѣлано. Черезъ два дня выборы дожа. Когда синьорія соберется, грянетъ внезапный залпъ по сигналу платкомъ и уложитъ этихъ двѣнадцать, а въ то же время мои двѣсти нѣмцевъ шумно займутъ ратушу. Когда все это кончится, войдетъ въ залу Джанеттино Доріа и заставитъ присягнуть себѣ. *(Звонитъ).*

Ломеллино. А Андреа?

Джанеттино *(презрительно).* Онъ старъ! *(Входитъ слуга).* Если герцогъ спроситъ, я въ церкви у обѣдни. *(Слуга уходитъ).* Дьяволъ, овладѣвшій мною, можетъ скрыться только подъ маской благочестія.

Ломеллино. Но этотъ списокъ, принцъ?

Джанеттино. Возьмешь ты и пустишь его циркулировать въ нашей партіи. Это письмо надо послать экстра-почтой въ Леванто; оно извѣщаетъ обо всемъ Спинолу и призываетъ его прибыть въ столицу завтра утромъ въ восемь часовъ. *(Хочетъ идти).*

Ломеллино. Принцъ, бочка течетъ: Фіеско больше не является въ сенатъ.

Джанеттино *(обернувшись).* Такъ, вѣдь, будетъ-же въ Генуѣ еще хоть одинъ мятежникъ?—я объ этомъ позабочусь. *(Уходитъ въ боковую дверь, Ломеллино въ другую).*

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Аванзала у Фіеско.

Фіеско, *съ письмами и бумагами,* и Мавръ.

Фіеско. Итакъ, четыре галеры прибыли?

Мавръ. Благополучно стоятъ на якорѣ въ Дарсенѣ.

Фіеско. Чего я и желалъ. Откуда нарочные?

Мавръ. Изъ Рима, Пьяченцы и Мантуи.

Фіеско *(вскрываетъ письма и пробѣгаетъ ихъ).* Милости просимъ въ Геную, милости просимъ. *(Въ прекрасномъ расположеніи духа).* Курьеровъ угостить по-княжески.

Мавръ. Гм! *(хочетъ идти).*

Фіеско. Стой! стой! у меня множество работы для тебя.

Мавръ. Что прикажете? носъ ищейки или жало скорпіона?

Фіеско. На этотъ разъ только приманчивое пѣніе птички. Завтра утромъ двѣ тысячи человѣкъ прокрадутся переодѣтые въ городъ ко мнѣ на службу. Распредѣли твоихъ ребятъ около всѣхъ воротъ и прикажи, чтобъ внимательно присматривались ко входящимъ. Одни явятся гурьбой пилигримовъ, отправляющихся въ Лоретто на богомолье, другіе монахами или савоярами, комедіантами, третьи мелкими торговцами или труппой музыкантовъ; большинство отставными солдатами, ищущими пропитанія въ Генуѣ. Каждый чужеземецъ долженъ быть спрошенъ, гдѣ онъ остановится? Кто отвѣтитъ у „золотой змѣи", того дружески привѣтствовать и привести въ мой домъ. Слышишь ты! я, вѣдь, разсчитываю на твою сметку.

Мавръ. Какъ на мою злость, господинъ. Ускользни отъ меня хоть одна прядь волосъ, такъ зарядите моими глазами духовое ружье и стрѣляйте потомъ изъ него по воробьямъ. *(Хочетъ идти).*

Фіеско. Стой. Еще порученье. Галеры будутъ сильно бросаться въ глаза народу. Замѣть, что слѣдуетъ о нихъ говорить. Если кто-нибудь тебя спроситъ,—такъ до тебя, молъ, доходили дальніе слухи, что твой господинъ хочетъ въ этихъ галерахъ поохотиться на турокъ. Понимаешь?

Мавръ. Понимаю. Бороды обрѣзанцевъ видны наружу, а что внутри въ корзинѣ, такъ одинъ чортъ знаетъ. *(Хочетъ уйти).*

Фіеско. Тише. Еще одна предосторожность. У Джанеттино теперь есть новое основаніе меня ненавидѣть и подъ меня подкапываться. Иди, наблюдай за своими товарищами, не почуешь ли гдѣ убійства.

Доріа бываетъ въ подозрительныхъ домахъ. Липни къ дѣвамъ радости. Кабинетныя тайны охотно прячутся въ складкахъ женской юбки; обѣщай имъ расточительныхъ посѣтителей. Обѣщай твоего господина. Ничто для тебя не должно быть слишкомъ почтенно, все можешь окунуть въ это болото, пока не почувствуешь твердаго дна.

Мавръ. Стойте! вотъ что! я вхожъ у нѣкой Діаны Бонони, и слишкомъ годъ доставлялъ ей гостей. Третьяго дня я видѣлъ, что прокураторъ Ломеллино выходилъ изъ ея дома.

Фіеско. Какъ на заказъ. Ломеллино именно и есть главный ключъ ко всѣмъ сумасбродствамъ Доріа. Завтра же утромъ иди туда. Можетъ статься, нынѣшнею ночью онъ будетъ Эндиміономъ этой цѣломудренной луны.

Мавръ. Еще одно обстоятельство, синьоръ. Если меня генуэзцы спросятъ,— и чортъ возьми, они спросятъ, навѣрно,— если меня теперь спросятъ, что придумалъ Фіеско для Генуи?—будете-ли вы еще дальше носить вашу маску, или что мнѣ отвѣтить?

Фіеско. Отвѣтить?—погоди. Плоды ужъ созрѣли, потуги предвѣщаютъ роды. Отвѣтить, что Генуя лежитъ на плахѣ—и что

твоего господина зовутъ Джованни-Лодовико Фіеско.

Мавръ *(радостно потягиваясь)*. Какъ я поработаю! въ чистоту! клянусь моей подлой честью! Ну-же, весело впередъ, другъ Гассанъ! прежде всего въ винный погребокъ! У моихъ ногъ полны руки работы—надо приласкать мой желудокъ, чтобъ онъ за меня замолвилъ словечко у ногъ. *(Спѣшитъ, но быстро возвращается)*. A propos! чуть было этого не прозѣвалъ. Вамъ очень хотѣлось знать, что происходило между Кальканьо и вашей супругой?—Ему подали карету, господинъ,—вотъ и все. *(Убѣгаетъ)*.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско *(одинъ)*. Жалѣю, Кальканьо—ужъ не думали-ли вы, что я-бы оставилъ на произволъ судьбы такую чувствительную статью, какъ мое брачное ложе, еслибъ добродѣтель моей жены и мое собственное достоинство не служили мнѣ достаточнымъ ручательствомъ? Но милости просимъ въ родство. Ты хорошій солдатъ. Это мнѣ присоединитъ твою руку на погибель Доріа. *(Твердыми шагами ходитъ взадъ и впередъ)*. Теперь, Доріа, со мной на поле битвы! Всѣ машины великаго, отважнаго дѣла—въ ходу. Всѣ инструменты для страшнаго концерта—настроены. Не остается ничего, какъ только сорвать съ себя маску и показать Фіеско патріотамъ Генуи. *(Слышитъ шаги)*. Кто-бы это могъ меня безпокоить?

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тотъ-же и Веррина, Романо *съ картиной*, Сакко, Бургоньино и Кальканьо. *Всѣ кланяются Фіеско.*

Фіеско *(очень веселый имъ на встрѣчу)*. Добро пожаловать, мои почтенные друзья! Какія важныя событія приводятъ васъ въ полномъ составѣ ко мнѣ?—И ты тутъ, дорогой братъ Веррина? Я-бы скоро пересталъ тебя узнавать, еслибъ въ мысляхъ моихъ ты не являлся чаще, чѣмъ передъ глазами. Не съ послѣдняго-ли бала я лишенъ моего Веррины?

Веррина. Не считайся съ нимъ, Фіеско. За эти дни тяжелое бремя пригнуло его сѣдую голову. Но довольно объ этомъ.

Фіеско. Не довольно для любознательной любви. Ты долженъ мнѣ сказать больше, когда мы останемся одни. *(Бургоньино)*. Добро пожаловать, юный герой! Наше знакомство еще зелено, но моя дружба уже созрѣла. Измѣнили вы къ лучшему ваше мнѣніе обо мнѣ?

Бургоньино. Я на пути къ тому.

Фіеско. Веррина, мнѣ говорятъ, что этотъ молодой дворянинъ долженъ сдѣлаться мужемъ твоей дочери. Прими мое полное сочувствіе такому выбору. Я съ нимъ говорилъ только одинъ разъ и все таки я-бы гордился считать его своимъ зятемъ.

Веррина. Это мнѣніе заставляетъ меня гордиться дочерью.

Фіеско *(другимъ)*. Сакко? Кальканьо? Все рѣдкія явленія въ моемъ домѣ! Я-бы почти могъ стыдиться моей готовности быть услужливымъ, если ужъ благороднѣйшіе представители Генуи ея избѣгаютъ. И вотъ привѣтствую я еще пятаго гостя, мнѣ правда, незнакомаго, но за него достаточно ручается эта почтенная среда.

Романо. Я простой живописецъ, синьоръ, по имени Романо, питающійся воровствомъ у природы: у меня нѣтъ никакого герба, кромѣ моей кисти, и въ настоящее время *(съ низкимъ поклономъ)* я въ поискахъ за контурами лица Брута.

Фіеско. Вашу руку, Романо. Ваше художество родня моему дому. Я братски люблю его. Искусство—правая рука природы. Она создала только существо—искусство создало людей. Но что вы пишете, Романо?

Романо. Сцены сильныхъ моментовъ древности. Во Флоренціи находится мой умирающій Геркулесъ, моя Клеопатра—въ Венеціи, бѣшенный Аяксъ—въ Римѣ, гдѣ герои древняго міра вновь возстаютъ въ Ватиканѣ.

Фіеско. А въ настоящее время чѣмъ занята ваша кисть?

Романо. Она брошена, синьоръ, Огонь творчества встрѣчаетъ меньше пищи, чѣмъ огонь жизни. Послѣ извѣстнаго предѣла горитъ ужъ только одна бумага, поддерживающая свѣчу. Вотъ моя послѣдняя работа.

Фіеско *(весело)*. Она не могла явиться болѣе кстати для меня. Я сегодня совсѣмъ необыкновенно веселъ, все мое существо наслаждается какимъ-то героическимъ спокойствіемъ и вполнѣ открыто для красоты природы. Покажите вашу картину. Я себѣ этимъ доставлю истинный праздникъ. Станьте кругомъ, друзья мои. Отдадимся вполнѣ художнику. Поставьте вашу картину.

Веррина (*тихо другимъ*). Ну, замѣчайте, генуэзцы!

Романо (*ставитъ картину*). Свѣтъ долженъ ударять съ той стороны. Подымите ту занавѣсь, а эту опустите. Такъ. (*Отходитъ въ сторону*). Это исторія Виргиніи и Аппія Клавдія. (*Долгая выразительная пауза. Всѣ смотрятъ на картину*).

Веррина (*вдохновленный*). Рази, сѣдовласый отецъ! ты трепещешь, тиранъ? какими блѣдными стоите вы, чурбаны римляне. За нимъ, римляне! ножъ блеститъ. За мной, чурбаны генуэзцы! Долой Доріа! долой! долой! (*Ударяетъ по воздуху въ сторону картины*).

Фіеско (*улыбаясь, художнику*). Требуетели вы большаго успѣха? Ваше искусство дѣлаетъ этого старика безбородымъ мечтателемъ.

Веррина (*измученный*). Гдѣ я? куда всѣ дѣвались? пропали какъ мыльные пузыри! ты здѣсь, Фіеско? тиранъ еще живъ, Фіеско?

Фіеско. Вотъ какъ! ты до того жадно засмотрѣлся, что проглядѣлъ глаза. Ты находишь восхитительной эту Римскую голову?—Прочь ее! Взгляни сюда на дѣвушку. Какое мягкое выраженіе лица! какъ женственно! какая прелесть даже въ блѣднѣющихъ губахъ! какая нѣга въ угасающемъ взглядѣ! Неподражаемо! божественно, Романо! и эта бѣлая, ослѣпительная груды! какъ красиво поднимается она послѣдними волнами дыханія! Побольше такихъ нимфъ, Романо,—и я преклоню колѣна передъ вашими фантазіями и дамъ отставку природѣ.

Бургоньино. Веррина, такого-ли прекраснаго впечатлѣнія ты ожидалъ?

Веррина. Не падай духомъ, сынъ. Господь отвергъ руку Фіеско, но на наши руки Онъ можетъ разсчитывать.

Фіеско (*художнику*). Да, это ваша послѣдняя работа, Романо. Этой картиной ваше творчество истощилось. Вы больше не дотронетесь до кисти. Но восхищаясь художникомъ, я забываю воспринять его созданье. Я могъ-бы тутъ стоять и глазѣть и прозѣвать землетрясеніе. Возьмите прочь вашу картину. Еслибъ мнѣ пришлось платить за эту головку Виргиніи, я-бы долженъ былъ отдать въ закладъ всю Геную. Возьмите прочь.

Романо. Художникууплачиваютъ честью. Я вамъ дарю картину (*хочетъ идти*).

Фіеско. Минуту терпѣнья, Романо. (*Онъ ходитъ по комнатѣ величавымъ шагомъ и повидимому, думаетъ о чемъ-то великомъ. Нѣсколько разъ взглядываетъ на другихъ быстро и рѣзко, наконецъ, беретъ художника за руку и подводитъ его къ картинѣ*). Подойди сюда, живописецъ. (*Крайне гордо и съ достоинствомъ*). Съ какимъ самодовольствомъ стоишь ты здѣсь, потому что лицемѣрно изображаешь жизнь на мертвомъ полотнѣ—и безъ большихъ жертвъ увѣковѣчиваешь великія дѣянія. Ты кичишься поэтическимъ жаромъ, безжизненной, кукольной игрой фантазіи безъ сердца, безъ силы, согрѣвающей дѣянья; низвергаешь тирановъ на картинѣ, а самъ ты жалкій рабъ! Освобождаешь республики кистью и не можешь разорвать собственныя цѣпи. (*Сильно и повелительно*). Ступай! твоя работа—фокусничество! Видимость должна отступать передъ дѣломъ. (*Величаво и опрокидывая картину*). Я сдѣлалъ то, что ты только рисовалъ!

Всѣ потрясены. Романо пораженный уноситъ свою картину.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Веррина. Бургоньино. Сакко. Кальканьо.

Фіеско (*прерывая паузу удивленія*). Не думали-ли вы, что левъ спитъ, потому что онъ не рычитъ? Были-же вы настолько тщеславны, чтобъ увѣрить себя, что вы одни чувствуете цѣпи Генуи, что единственно вы хотите ихъ разорвать! Прежде, чѣмъ вы только издали услыхали ихъ звонъ—Фіеско ужъ ихъ разрушилъ. (*Отпираетъ шкатулку, вынимаетъ пакетъ писемъ, которыя кидаетъ на столъ*). Вотъ солдаты изъ Пармы, вотъ французское золото, вотъ четыре галеры отъ папы. Чего еще недостаетъ, чтобъ загонять тирана въ его логовищѣ? О чемъ можете вы еще напомнить? (*Такъ какъ они молчатъ въ оцѣпенѣніи, онъ отходитъ отъ стола съ чувствомъ собственнаго достоинства*). Республиканцы, вы искуснѣе умѣете проклинать тирановъ, чѣмъ взрывать ихъ на воздухъ.

(*Всѣ, кромѣ Веррины, безмолвно падаютъ къ ногамъ Фіеско*).

Веррина. Фіеско, моя душа преклоняется передъ твоею, мои колѣна не могутъ гнуться. Ты великій человѣкъ; но встаньте, генуэзцы.

Фіеско. Вся Генуя сердилась на нѣженку Фіеско. Вся Генуя проклинала развращеннаго плута Фіеско. Генуэзцы, генуэзцы! Мое волокитство обмануло хитрѣйшаго деспота, мое безумство скрыло отъ вашей проницательности мою опасную мудрость. По-

ражающее дѣло заговора росло въ пеленкахъ роскоши. Довольно. Генуя знаетъ меня въ вашемъ представительствѣ. Мое пламеннѣйшее желаніе удовлетворено.

Бургоньино *(съ негодованіемъ бросается въ кресло)*. Такъ я больше ничего не значу?

Фіеско. Но перейдемте скорѣй отъ намѣреній къ дѣлу. Все готово. Я могу штурмовать городъ съ сухого пути и съ моря. Римъ, Франція и Парма защищаютъ насъ. Дворянство тяжело на подъемъ. Сердца народа—мои. Тирановъ я убаюкалъ. Республика созрѣла къ передѣлкѣ. Счастье намъ было благопріятно. У насъ есть все... но Веррина задумался...

Бургоньино. Погодите. Я знаю словцо, отъ котораго онъ скорѣе встрепенется, чѣмъ отъ трубнаго гласа въ день свѣтопреставленія. *(Подходитъ къ Верринѣ и съ удареніемъ окликаетъ его)*. Отецъ, проснись! Твоя Берта въ отчаяніи.

Веррина. Кто это сказалъ? Къ дѣлу, генуэзцы!

Фіеско. Обдумайте планъ дѣйствія. Вотъ мы заговорились до поздней ночи. Генуя спитъ. Тиранъ свалился, истомленный грѣхами дня. Будьте бдительны за обоихъ.

Бургоньино. Прежде чѣмъ разойдемся—укрѣпимте нашъ союзъ клятвеннымъ объятіемъ. *(Они становятся въ кругъ, перекрещивая руки)*. Здѣсь срослись пять самыхъ великихъ Генуэзскихъ сердецъ, чтобы рѣшить великую судьбу Генуи. *(Обнимаются)*. Когда распадется мірозданіе и приговоръ послѣдняго суда разорветъ узы крови и любви—этотъ геройскій пятилиственникъ останется неизмѣннымъ. *(Расходятся)*.

Веррина. Когда мы снова соберемся?

Фіеско. Завтра въ полдень я буду съ вами совѣтъ держать.

Веррина. Итакъ, завтра въ полдень. Покойной ночи, Фіеско. Пойдемъ, Бургоньино! Ты услышишь кое-что странное! *(Оба уходятъ)*.

Фіеско *(другимъ)*. Выходите задними дверьми, чтобъ шпіоны Доріа васъ не замѣтили. *(Всѣ уходятъ)*.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско *(задумчиво ходитъ взадъ и впередъ)*. Какое волненіе въ моей груди! Какой таинственный полетъ мыслей! Какъ сообщники, выступающіе на темное дѣло, неслышно скользятъ, боязливо опуская свои раскраснѣвшіяся лица, такъ заманчивыя видѣнья крадутся вокругъ моей души. Остановитесь! остановитесь, дайте мнѣ освѣтить ваши лица! Добрая мысль закаляетъ сердце мужчины и геройски показываетъ себя при дневномъ свѣтѣ. А! я знаю васъ! это ливрея предвѣчнаго духа лжи! Сгиньте. *(Снова пауза, потомъ оживленнѣе)*. *Республиканецъ* Фіеско? *Герцогъ* Фіеско? Тише—здѣсь страшный обрывъ, гдѣ замыкается гробница добра, гдѣ небо расходится съ адомъ; здѣсь именно спотыкались герои и падали, и міръ покрылъ ихъ имена проклятьемъ,—именно здѣсь герои колебались, и останавливались и дѣлались полубогами. *(Быстрѣе)*. Мои-ли они, сердца Генуи? Дастъ-ли моимъ рукамъ страшная Генуя водить себя на помочахъ? О, лукавый грѣхъ, выставляющій Ангела передъ каждымъ дьяволомъ. О злополучная жажда возноситься! Издавній развратъ! Ангелы въ твоихъ объятьяхъ теряли небо среди поцѣлуевъ, и твое чрево рождало смерть. *(Потрясенный ужасомъ)*. Ангеловъ изловилъ ты пѣніемъ сирены о вѣчности, мужчинъ выуживаешь ты золотомъ, женщинами и коронами! *(Послѣ паузы задумчивости, твердо)*. Завоевать вѣнецъ—великое дѣло! отбросить его—дѣло божественное! *(Рѣшительно)*. Гибни, тиранъ! Генуя, будь свободна! а я буду *(растроганно)* твоимъ счастливѣйшимъ гражданиномъ.

Занавѣсъ падаетъ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Страшное, пустынное мѣсто.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Веррина и Бургоньино *входятъ. Ночь.*

Бургоньино *(останавливается)*. Но куда ты меня ведешь, отецъ? Тупое горе, съ которымъ ты отозвалъ меня еще чувствуется въ твоемъ тяжеломъ дыханьи. Прерви это грозное молчанье. Говори. Я дальше не пойду.

Веррина. Тутъ и есть мѣсто.

Бургоньино. Самое страшное, какое ты могъ отыскать. Отецъ, если то, что ты здѣсь предпримешь, отвѣчаетъ мѣсту,—у меня волосы станутъ дыбомъ.

Веррина. Все таки здѣсь цвѣтущее мѣсто сравнительно съ ночью моей души. Слѣдуй за мной туда, гдѣ тлѣніе разъѣдаетъ гниль труповъ, и гдѣ смерть справляетъ свой ужасный пиръ; гдѣ визгъ погибшихъ душъ веселитъ дьявола, и гдѣ напрасныя слезы горя текутъ сквозь дырявое рѣшето вѣчности,—туда мой сынъ, гдѣ міръ мѣняетъ свое рѣшеніе, и Божество разбиваетъ свой всемилостивый щитъ—тамъ, содрагаясь, я буду говорить тебѣ, и ты станешь слушать меня со скрежетомъ зубовнымъ.

Бургоньино. Слушать? что? умоляю тебя.

Веррина. Юноша, я боюсь,—юноша, у тебя чистая, алая кровь и нѣжное гибкое тѣло: такія природныя свойства заставляютъ чувствовать человѣчно и мягко; передъ этимъ впечатлительнымъ пламенемъ таетъ моя грозная мудрость. Еслибы холодъ старости или тяжелое, какъ свинецъ, горе остановили порывы твоей радостной души, еслибъ черная, сгущенная кровь болѣзни загородила путь къ твоему сердцу, тогда бы ты съумѣлъ понять языкъ моего горя и удивляться моему рѣшенію.

Бургоньино. Я его прослушаю, и оно станетъ моимъ.

Веррина. Не затѣмъ, сынъ мой, говорю я; отъ этого Веррина пощадитъ твое сердце. О, Сципіо, тяжелое бремя налегло на мое сердце, мысль ужасная, какъ черная ночь,—настолько ужасная мысль, что она въ состояніи разорвать грудь мужчины. Видишь ли? я ее выполню одинъ, но носить ее одинъ не могу. Еслибъ я былъ гордъ, Сципіо, я бы сказалъ, о, какая это мука быть единственнымъ великимъ человѣкомъ. Величіе было тягостно даже Творцу, и Онъ довѣрился духамъ небеснымъ. Слушай, Сципіо.

Бургоньино. Я всей душой жду твоихъ словъ.

Веррина. Слушай, но ничего не возражай. Ничего, юноша, слышишь? ни слова ты на это не долженъ отвѣтить:—Фіеско долженъ умереть!

Бургоньино *(пораженный)*. Умереть? Фіеско?

Веррина. Умереть! Благодарю тебя, Боже! Слово сказалось. Фіеско умретъ, сынъ мой, умретъ отъ моей руки! А теперь иди. Бываютъ дѣянья, не подлежащія сужденью человѣка, для нихъ является судьею только небо. Вотъ это одно изъ такихъ. Иди. Мнѣ не нужно ни порицанія твоего, ни одобренія. Я знаю, что мнѣ стоитъ мое рѣшеніе—и довольно. Но слушай, ты можешь съ ума сойти думая объ этомъ; слушай, видѣлъ ты, какъ онъ вчера любовался собой, когда мы стояли пораженные. Можетъ-ли человѣкъ, который своимъ смѣхомъ обманулъ всю Италію, терпѣть въ Генуѣ себѣ подобнаго? Да, Фіеско низвергнетъ тирана, это несомнѣнно! Фіеско сдѣлается опаснѣйшимъ тираномъ Генуи—это еще болѣе несомнѣнно. *(Онъ быстро уходитъ. Бургоньино смотритъ ему вслѣдъ безмолвно и удивленно, потомъ тихо идетъ за нимъ).*

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Зала во дворцѣ Фіеско. Въ серединѣ, противъ зрителя, большая стеклянная дверь, въ которую видны море и Генуя. Утренняя заря.

Фіеско *(у окна)*. Что это такое? мѣсяцъ скрылся. Блестящее утро встаетъ изъ моря. Дикія фантазіи разволновали мой сонъ. Все мое существо трепетно сосредоточилось на одной мысли. Надо подышать свѣжимъ воздухомъ. *(Отворяетъ стеклянную дверь. Море и городъ пылаютъ въ пурпурѣ утренней зари. Фіеско ходитъ взадъ и впередъ твердыми шагами).* Я первый человѣкъ въ Генуѣ! Какъ же маленькимъ душамъ не собираться подъ покровительство великой души?—Но я оскорбляю добродѣтель! *(Останавливается).* Добродѣтель? У возвышенной души не тѣ испытанія, какъ у обыденной, такъ должна ли она подчиняться тѣмъ же обыденнымъ правиламъ добродѣтели? Подойдутъ-ли къ тѣлу великана латы, прикрывающія мелкую фигуру пигмея. *(Солнце восходитъ надъ Генуей).* Этотъ величественный городъ *(раскрываетъ объятія по направленію къ Генуѣ)*—мой! И засвѣтиться надъ нимъ, какъ царственный день! О немъ заботиться съ властью монарха—топить въ этомъ бездонномъ океанѣ всѣ кипучія стремленія, всѣ ненасытныя желанія?—Конечно, если ловкость обманщика не облагораживаетъ обмана, то достигнутый результатъ облагораживаетъ обманщика. Вытащить кошелекъ изъ чужого кармана—позоръ; растратить чужой милліонъ—дерзость, но безпредѣльное величіе въ томъ, чтобы украсть корону. Стыдъ уменьшается съ возростаніемъ грѣха *(Пауза, потомъ съ удареніемъ)*. Повиноваться! Властвовать! Какая глубокая, головокружительная пропасть посрединѣ! Бросайте въ нее, что есть дорогого у человѣка,—завоеватели ваши побѣды, художники ваши безсмертныя созданія, эпикурейцы ваши любовныя наслажденья, кругосвѣтные путешественники ваши моря и острова! Повиноваться и властвовать! Быть и не быть. Только тотъ можетъ измѣрить этотъ полетъ, кто перенесется черезъ ошеломляющую пропасть, которая отдѣляетъ послѣдняго Серафима отъ Предвѣчнаго. *(Въ возвышенномъ тонѣ)*. Стоять на этой страшной, величественной высотѣ; презрительно смотрѣть внизъ на быстрый водоворотъ человѣческой жизни, гдѣ слѣпая богиня счастья перемѣшиваетъ судьбы людскія; быть первымъ у кубка радости; глубоко подъ собой вести на поводу закованнаго въ латы великана—законъ; смотрѣть на его неотомщенныя раны, когда его немощная злоба спотыкается о загородки власти монарха; мягкимъ движеніемъ поводьевъ смирять, какъ неугомонныхъ коней, необузданныя страсти народа; единымъ словомъ, единымъ—низвергать во прахъ гордость вассаловъ, стремящихся возвыситься,—и въ то-же время могучимъ жезломъ властителя вызывать къ жизни даже грезы царственныхъ мечтаній. А! мысль объ этомъ кружитъ вихремъ цѣпенѣющій разумъ. Одна минута высшей власти поглощаетъ всю суть существованія. Не толчея жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ея достоинство. Разбей громъ на его мелкіе составные звуки, и они будутъ убаюкивать ребенка; слей ихъ въ единый, внезапный ударъ, и властительный раскатъ потрясетъ небо. Я рѣшился. *(Величественно ходитъ взадъ и впередъ).*

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Леонора *(входитъ видимо боязливая)*.

Леонора. Простите, графъ, я боюсь, что рано тревожу вашъ утренній покой.

Фіеско *(отступаетъ въ крайнемъ удивленіи)*. Правда, синьора, вы очень меня удивляете.

Леонора. Этого не случается только у людей, любящихъ другъ друга.

Фіеско. Прелестная графиня, вы предаете вашу красоту враждебному ей утреннему вѣтерку.

Леонора. Не знаю, зачѣмъ мнѣ и беречь ея остатокъ для моего горя.

Фіеско. Горя, моя милая! Неужели я заблуждался: я думалъ, что гдѣ нѣтъ желанія переворачивать государство, тамъ душевное спокойствіе.

Леонора. Можетъ быть. Но я чувствую, что подъ такимъ душевнымъ спокойствіемъ разрывается мое женское сердце. Я прихожу, синьоръ, потревожить васъ совѣмъ ничтожной просьбой, если вы захотите пожертвовать мнѣ минуту вашего времени. Семь мѣсяцевъ бредила я странной мечтой, что я графиня ди Лаванья. Мечта исчезла. Голова моя отъ этого страдаетъ. Я должна буду призвать назадъ всѣ радости моего невиннаго дѣтства, чтобъ исцѣлить душу отъ этого живого привидѣнья. Поэтому позвольте мнѣ вернуться въ объятія моей доброй матери.

Фіеско *(сильно пораженный)*. Графиня!

Леонора. У меня слабое изнѣженное сердце; вы должны быть къ нему снисходительны. Малѣйшія воспоминанія о моей мечтѣ могли бы повредить моему больному воображенію. Поэтому я отдаю обратно послѣдніе оставшіеся у меня залоги ихъ законному владѣльцу. (*Она кладетъ нѣсколько роскошныхъ бездѣлушекъ на столикъ*). И этотъ кинжалъ, пронзившій мое сердце *(его любовное письмо)* и этотъ—и—*(съ громкимъ плачемъ, стремясь уйти)* я не оставляю себѣ ничего, кромѣ раны.

Фіеско *(потрясенный спѣшитъ за нею и удерживаетъ ее)*. Леонора! что за выходка! Ради Бога!

Леонора *(безсильно падетъ ему на руки)*. Я не заслуживаю быть вашей супругой, но ваша супруга заслуживаетъ уваженія. Какъ они шипятъ теперь, злые языки! Какъ косятся на меня дамы и дѣвушки Генуи! „Смотрите, она отцвѣтаетъ, сомообольщенная женщина, обвѣнчавшаяся съ Фіеско!“ Грозное возмездіе за мое женское тщеславіе! я презрительно смотрѣла на всѣхъ женщинъ, когда Фіеско повелъ меня къ брачному алтарю.

Фіеско. Нѣтъ, право, мадонна, это странная сцена.

Леонора. А! вотъ что мнѣ и было нужно: онъ блѣднѣетъ и краснѣетъ. Теперь я чувствую мужество.

Фіеско. Только два дня, графиня, и тогда судите меня.

Леонора. Я принесена въ жертву! Какъ мнѣ это высказать передъ тобой, утренній, дѣвственный разсвѣтъ,—въ жертву развратницъ. Нѣтъ, смотрите на меня, мой супругъ. По истинѣ, глаза, повергающіе въ рабскій трепетъ всю Геную, должны опускаться передъ слезами женщины.

Фіеско *(сильно смущенный)*. Довольно! синьора! ни слова больше.

Леонора *(печально и съ нѣкоторой горечью)*. Растерзать слабое женское сердце!о, это такъ достойно васъ, мужчинъ! Я бросилась въ объятья этого человѣка, всѣ мои женственныя слабости блаженно приковались къ его силѣ! Я передала ему все мое небо. Великодушный мужчина даритъ его какой-то...

Фіеско *(рѣзко перебивая ее)*. Нѣтъ, моя Леонора!

Леонора. Моя Леонора! благодарю тебя небо! Это былъ снова яркій, чистый возгласъ любви. Я бы должна ненавидѣть тебя, измѣнникъ, но жадно бросаюсь на крохи твоей нѣжности. Ненавидѣть? я сказала ненавидѣть, Фіеско? О, не вѣрь этому, твое клятвопреступленіе зоветъ меня къ смерти, а не къ ненависти. Мое сердце обмануто. *(Слышны шаги мавра)*.

Фіеско. Леонора, исполните мою маленькую, ребяческую просьбу.

Леонора. Все, Фіеско, только не требуй равнодушія.

Фіеско. Что хотите, что хотите *(значительно)*. Пока Генуя не будетъ старше на два дня, не спрашивайте ничего и не проклинайте. *(Онъ медленно, съ достоинствомъ ведетъ ее въ другую комнату)*.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ, *задыхаясь*. Фіеско.

Фіеско. Откуда такъ впопыхахъ?

Мавръ. Скорѣй, милостивый господинъ...

Фіеско. Что-нибудь въ сѣть попалось?

Мавръ. Прочтите это письмо. Неужели я въ самомъ дѣлѣ ужъ тутъ? Мнѣ показалось, что Генуя на двѣнадцать улицъ стала короче или мои ноги настолько же длиннѣе. Да, они играютъ головами и ваша козырная. Какъ вамъ это нравится?

Фіеско *(потрясенный бросаетъ письмо на столъ)*. Десять чертей! какъ къ тебѣ попало это письмо, курчавая голова?

Мавръ. Почти такъ же, какъ къ вамъ республика. Съ нимъ былъ посланъ нарочный въ Леванто. Я почуялъ жатву, подстерегъ его въ пустынномъ мѣстѣ—пафъ! куница пала, и курица въ нашихъ рукахъ.

Фіеско. На тебя падетъ его кровь! Это письмо золотомъ не оплатишь.

Мавръ. Но я благодарю и за серебро. *(Серьезно и важно)*. Графъ ди Лаванья, на дняхъ я добивался до вашей головы *(показываетъ на письмо)*. Здѣсь я ее возвращаю. Теперь я думаю: милостивый господинъ и бездѣльникъ—расквитались. За дальнѣйшее вы можете отблагодарить добраго друга *(подаетъ ему другую бумагу)*. Номеръ второй.

Фіеско *(беретъ бумагу съ удивленіемъ)*. Ты съ ума сошелъ?

Мавръ. Номеръ второй. *(Онъ дерзко становится подлѣ него и подбочениваетсл)*. Левъ не очень таки глупо поступилъ, что простилъ мышь *(лукаво)*—не правда-ли? Онъ поступилъ хитро? Иначе-то кто-жъ бы выгрызъ его изъ сѣтей? Ну? какъ вамъ это по вкусу?

Фіеско. Шельма! сколькихъ чертей ты содержишь?

Мавръ. Къ вашимъ услугамъ—одного только, и онъ на графскомъ иждивеніи.

Фіеско. Собственноручная подпись Доріа! Откуда ты досталъ этотъ листъ?

Мавръ. Тепленькимъ изъ ручекъ моей Бонони. Я пробрался туда еще прошлой ночью, зазвенѣлъ вашими прекрасными словами и вашими еще болѣе прекрасными цехинами. Эти подѣйствовали. Мнѣ приказано было снова толкнуться утромъ въ шесть часовъ. Графъ Ломеллино, дѣйствительно, былъ тамъ, какъ говорили, и уплатилъ предательствомъ за входъ къ контрабандному небу.

Фіеско *(вспыливъ)*. О, бабьи прислужники! Хотятъ низвергать республику и не могутъ ничего скрыть отъ продажной дѣвки. Я вижу изъ этихъ бумагъ, что Доріа и его приверженцы сговорились убить меня и одиннадцать сенаторовъ и провозгласить Джанеттино герцогомъ.

Мавръ. Не иначе, и это въ самое утро выборовъ дожа, третьяго числа мѣсяца.

Фіеско *(быстро)*. Наша проворная ночь задушитъ это утро во чревѣ матери. Скорѣй, Гассанъ! Мое дѣло готово, зови другихъ—мы предупредимъ ихъ кровавымъ скачкомъ. Торопись, Гассанъ.

Мавръ. Мнѣ еще надо выпотрошить вамъ мой карманъ новостей. Двѣ тысячи человѣкъ благополучно пробрались. Я ихъ устроилъ въ монастырѣ капуциновъ, гдѣ ихъ не выслѣдитъ никакой нескромный солнечный лучъ. Они сгораютъ любопытствомъ увидѣть своего господина, и это все отличные ребята.

Фіеско. Изъ каждой головы разцвѣтетъ для тебя одинъ скуди. Что говоритъ Генуя про мои галеры?

Мавръ. Это особенно потѣшно, синьоръ. Болѣе четырехсотъ искателей приключеній, сѣвшихъ на мель послѣ мира между Франціей и Испаніей, пристали къ моимъ ребятамъ съ усиленной просьбой замолвить за нихъ доброе словечко у васъ, чтобъ вы ихъ послали сражаться съ невѣрными. Я велѣлъ имъ къ вечеру собраться на дворѣ вашего дворца.

Фіеско *(радостно)*. Мнѣ скоро придется броситься тебѣ на шею, негодяй! Мастерское дѣло! Ты говоришь четыреста? Теперь Генуѣ не спастись. Четыреста скуди—твои.

Мавръ *(чистосердечно)*. Не правда-ли, Фіеско? Мы двое такъ разнесемъ Геную, что законы ея придется подметать метлой. Вотъ чего еще я вамъ никогда не говорилъ: у меня и среди здѣшняго гарнизона есть гуляки, на которыхъ я могу разсчитывать, какъ на то, что буду въ аду. Ну, я устроилъ такъ, чтобъ у каждыхъ воротъ было въ караулѣ, по крайней мѣрѣ по шести моихъ креатуръ, которыя-бы могли другихъ заговорить и залить виномъ ихъ пять чувствъ. Такъ если вамъ будетъ угодно нынѣшней ночью отважиться на какую нибудь штуку, вы найдете караульныхъ пьяными.

Фіеско. Не говори больше ничего. До сихъ поръ я безъ посторонней помощи тащилъ эту громадную плиту. Теперь, подойдя близко къ цѣли, я долженъ стыдиться: меня перегналъ самый негодный парень въ округѣ. Твою руку, малый! что графъ тебѣ задолжалъ, уплатитъ герцогъ.

Мавръ. Сверхъ того еще письмецо отъ графини Имперіали. Она меня поманила къ себѣ съ улицы и насмѣшливо спросила: не случилось-ли съ графиней ди Ливанья желчнаго припадка? Ваша милость, сказалъ я,—вы спрашиваете только насчетъ одного здоровья? сказалъ я...

Фіеско *(прочитавъ письмо, бросаетъ его)*. Прекрасно сказано. Она отвѣтила?

Мавръ. Отвѣтила, что все таки она опечалена участью бѣдной вдовы; а еще, что постарается дать ей удовлетвореніе и впредь запретитъ вашей милости любезничанія.

Фіеско *(ядовито)*. Которыя, конечно, еще

до свѣтопреставленія должны прекратиться. Тутъ всѣ твои новости, Гассанъ?

Мавръ *(зло)*. Есть еще дамскія дѣла, синьоръ, важнѣйшія послѣ политическихъ...

Фіеско. О, разумѣется, и эти во всякомъ случаѣ. Но что тамъ у тебя за бумажка?

Мавръ. Это чтобы выскоблить одну чертовщину—другой. Синьора дала мнѣ порошокъ, чтобъ ежедневно подмѣшивать его въ шоколадъ вашей супруги.

Фіеско *(бѣднѣя отступаетъ)*. Дала тебѣ?

Мавръ. Донна Джулія, графиня Имперіали.

Фіеско *(вырывая у него изъ рукъ бумажку, рѣзко)*. Если ты лжешь, каналья, я велю тебя живымъ приковать къ флюгеру башни святого Лоренцо, гдѣ вѣтромъ тебя въ одно мгновеніе повернетъ разъ девять.— Ну, и порошокъ?...

Мавръ *(нетерпѣливо)*. Долженъ я дать проглотить вашей супругѣ въ шоколадѣ, вотъ что приказала донна Джулія Имперіали.

Фіеско *(внѣ себя)*. Чудовище! чудовище! такому прелестному созданью? Неужели въ женской душѣ такъ просторно для адскихъ замысловъ? Но я забылъ благодарить тебя, небесное Провидѣніе, уничтожающее ихъ, уничтожающее помощью сквернѣйшаго дьявола. Твои пути неисповѣдимы. *(Мавру)*. Ты графинѣ обѣщаешь исполнить и будешь молчать.

Мавръ *(съ удовольствіемъ)*. Молчать я могу, она заплатила мнѣ чистоганомъ.

Фіеско. Ея записка приглашаетъ меня къ ней. Я приду, madame! Я васъ заговорю такъ, чтобъ вы сюда за мной послѣдовали. Хорошо. Теперь бѣги, спѣши, насколько можешь, созови всѣхъ заговорщиковъ.

Мавръ. Я предчувствовалъ этотъ приказъ и потому самовольно пригласилъ каждаго ровно къ десяти часамъ.

Фіеско. Я слышу шаги. Это они. Шельма, ты заслуживаешь совсѣмъ особенную висѣлицу, на которой еще не корчился ни единый потомокъ Адама. Ступай, будь въ прихожей, пока я не позвоню.

Мавръ *(уходя)*. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ идти.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ

Всѣ заговорщики.

Фіеско *(имъ навстрѣчу)*. Гроза приближается. Тучи набѣгаютъ. Входите тихо. Заприте замокъ на оба поворота.

Веррина. Восемь комнатъ заперъ я за нами. Подозрѣніе не можетъ подойти на сто мужскихъ шаговъ.

Бургоньино. Здѣсь нѣтъ предателей, если страхъ насъ не выдастъ.

Фіеско. Страхъ не переступитъ моего порога. Милости просимъ всякаго, кто не измѣнился со вчерашняго дня. Садитесь. *(Садятся)*.

Бургоньино *(ходитъ по комнатѣ)*. Я не люблю сидѣть, когда готовлю разрушеніе.

Фіеско. Генуэзцы, это замѣчательный часъ.

Веррина. Ты призвалъ насъ обдумать планъ убійства тирана: спрашивай насъ. Мы собрались, чтобъ высказаться.

Фіеско. Итакъ, сперва вопросъ довольно поздній, оттого онъ и странно звучитъ: кто долженъ пасть?

(Всѣ молчатъ).

Бургоньино *(опираясь на кресло Фіеско, съ удареніемъ)*. Тираны.

Фіеско. Хорошо сказано — тираны. Прошу васъ очень внимательно поразмыслить обо всей важности этого слова. Одинъ имѣетъ видъ губителя свободы, другой гнететъ; кто изъ нихъ больше тиранъ?

Веррина. Я ненавижу перваго и страшусь второго. Андреа Доріа падетъ.

Кальканьо *(оживленно)*. Андреа? отжившій Андреа? Можетъ быть послѣ завтра покончатся его счеты съ природой.

Сакко. Андреа, кроткій старикъ?

Фіеско. Ужасна кротость этого старика, мой Сакко! Безумная наглость Джанеттино только смѣшна. Андреа Доріа падетъ! Это сказала твоя мудрость, Веррина.

Бургоньино. Цѣпи изъ стали или изъ шелка, все равно—цѣпи, и Андреа Доріа падетъ.

Фіеско *(идя къ столу)*. Стало быть, и дядя и племянникъ приговорены къ смерти! подпишитесь *(всѣ подписываются)*. Кто падетъ — постановлено. Перейдемъ къ вопросу столько-же важному: какъ это сдѣлать? Говорите вы сперва, другъ Кальканьо.

Кальканьо. Мы можемъ сдѣлать это какъ солдаты или какъ убійцы. Первое опасно, потому что заставляетъ посвятить въ тайну многихъ; рискованно, потому что еще не всѣ сердца народа на нашей сторонѣ,—для второго достаточно пяти хорошихъ кинжаловъ. Черезъ три дня—торжественная обѣдня въ церкви святого Лоренцо. Оба Доріа приходятъ туда молиться. Вблизи Всевышняго засыпаетъ и боязнь тирановъ. Я все сказалъ.

Фіеско *(отвернувшись)*. Кальканьо, ваше разумное мнѣніе—отвратительно. Рафаэль Сакко?

Сакко. Съ доводами Кальканьо я согласенъ, но его средство меня возмущаетъ. Лучше пускай Фіеско пригласитъ дядю и племянника на обѣдъ, гдѣ они подъ давленіемъ гнѣва республики могутъ сами избрать себѣ смерть или отъ нашихъ кинжаловъ, или въ хорошемъ Кипрскомъ винѣ. По крайней мѣрѣ, это удобный способъ.

Фіеско *(съ ужасомъ)*. Сакко, а если на ихъ коснѣющемъ языкѣ капля вина превратится въ кипучую смолу, какъ предвкушеніе ада?—что тогда, Сакко? Прочь, этотъ совѣтъ! говори, Веррина.

Веррина. Открытое сердце идетъ съ открытымъ челомъ. Убійство братается съ разбойниками. Мечъ въ рукахъ обличаетъ героя. Мое мнѣніе:мы громко дадимъ сигналъ къ возстанію и стремительно призовемъ патріотовъ Генуи къ мщенію! *(вскакиваетъ со стула. Остальные тоже. Бургоньино кидается ему на шею)*.

Бургоньино. И вооруженной рукой заставимъ счастье быть къ намъ благосклоннымъ. Это голосъ чести—и мой.

Фіеско. И мой. Стыдитесь, генуэзцы! *(Къ Кальканьо и Сакко)*. Счастье и такъ ужъ слишкомъ много для насъ сдѣлало, мы еще должны и себѣ задать работу—стало быть возстаніе и даже въ эту ночь, генуэзцы! *(Веррина и Бургоньино удивляются. Остальные пугаются)*.

Кальканьо. Что? въ эту ночь? еще тираны слишкомъ сильны, и наша партія слишкомъ мала.

Сакко. Ужъ въ эту ночь? еще ничего не сдѣлано, а ужъ солнце начинаетъ заходить.

Фіеско. Ваша нерѣшительность основательна, но прочтите эти листки. *(Онъ)*

подаетъ имъ списокъ, подписанный Джанеттино, и съ лукавымъ видомъ ходитъ взадъ и впередъ, пока они читаютъ съ жаднымъ любопытствомъ). Теперь, добраго пути, Доріа, звѣзда прекрасная! Ты стояла гордо и побѣдоносно, словно завладѣла всѣмъ горизонтомъ Генуи,—а, вѣдь, все таки видѣла, что и солнце покидаетъ небо и дѣлитъ съ мѣсяцемъ владычество надъ міромъ. Добраго пути, Доріа, звѣзда прекрасная! И Патроклъ скончался тоже, а онъ больше былъ, чѣмъ ты.

Бургоньино (*прочитавъ листки*). Это ужасно!

Кальканьо. Двѣнадцать—однимъ залпомъ!

Веррина. Завтра въ синьоріи.

Бургоньино. Дайте мнѣ списокъ. Я поскачу во весь опоръ черезъ Геную и буду такъ держать его, что камни побѣгутъ вслѣдъ за мной, и собаки завоютъ о разбоѣ.

Всѣ. Мщеніе! Мщеніе! мщеніе! и въ эту же ночь!

Фіеско. Теперь вы таковы, какими я васъ желалъ. Какъ только наступитъ вечеръ, я приглашу знатнѣйшихъ недовольныхъ къ себѣ на пиръ; именно всѣхъ, стоящихъ въ спискѣ Джанеттино—и сверхъ того дворянъ Саули, Джентили, Вивальди и Везодимари, всѣхъ непримиримыхъ враговъ дома Доріа, которыхъ убійца забылъ опасаться. Они съ открытыми объятьями примутъ мое предложеніе. Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Бургоньино. Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Фіеско. Прежде всего мы должны обезпечить себя со стороны моря. Галеры и моряки у меня есть. Двадцать кораблей Доріа не оснащены, не готовы къ бою, на нихъ легко напасть врасплохъ. Мы загородимъ устье Дарсены; всякая надежда на бѣгство будетъ преграждена. Если гавань въ нашихъ рукахъ—Генуя на привязи.

Веррина. Несомнѣнно.

Фіеско. Тогда будутъ взяты и заняты всѣ укрѣпленныя мѣста города. Самое главное изъ нихъ—ворота Ѳомы подлѣ гавани, онѣ соединятъ нашу власть на морѣ и на сушѣ. Мы нападемъ на обоихъ Доріа и убьемъ ихъ въ ихъ дворцахъ. По всѣмъ улицамъ станемъ бить тревогу; ударимъ въ набатъ, будемъ призывать гражданъ, чтобы они примкнули къ нашей партіи и шли сражаться за свободу Генуи. Будетъ счастье къ намъ благосклонно, тогда остальное узнаете въ синьоріи.

Веррина. Планъ хорошъ. Скажи, какъ мы распредѣлимъ роли?

Фіеско (*съ удареніемъ*). Генуэзцы, вы добровольно ставите меня во главѣ заговора. Будете-ли вы послушны и дальнѣйшимъ моимъ приказаніямъ?

Веррина. Насколько они будутъ наилучшими.

Фіеско. Веррина, знаешь-ли ты словечко, скрѣпляющее людей подъ однимъ знаменемъ?—скажите ему про это словечко, генуэзцы! оно называется: субординація. Если я не могу повертывать эти головы, какъ я хочу,—поймите меня хорошенько,—если я не властелинъ заговора, то онъ потеряетъ одного изъ своихъ участниковъ.

Веррина. Ради свободной жизни можно потерпѣть нѣсколько часовъ рабства. Мы повинуемся.

Фіеско. Такъ оставьте меня теперь. Одинъ изъ васъ осмотритъ городъ и донесетъ мнѣ о томъ, насколько сильны или слабы укрѣпленныя мѣста. Другой разузнаетъ пароль. Третій позаботится о приведеніи галеръ въ боевой порядокъ. Четвертый соберетъ двѣ тысячи человѣкъ во дворѣ моего дворца. Я самъ вечеромъ приведу все въ порядокъ, да еще сверхъ того, если счастью будетъ угодно, сорву банкъ за игрой въ фараонъ. Ровно въ девять часовъ всѣ должны быть во дворцѣ, чтобы принять мои послѣднія приказанія. (*Звонитъ*).

Веррина. Я беру на себя гавань. (*Уходитъ*).

Бургоньино. Я—солдатъ. (*Тоже уходитъ*).

Кальканьо. Я подслушаю пароль. (*Уходитъ*).

Сакко. Я обойду городъ. (*Уходитъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско, *потомъ* Мавръ.

Фіеско (*садится за столъ и пишетъ*). Ужъ какъ-же подергивало ихъ отъ словечка „субординація", точно гусеницу отъ укола булавки! Но теперь ужъ поздно, республиканцы!

Мавръ (*входитъ*). Синьоръ...

Фіеско (*встаетъ и даетъ ему записку*). Всѣхъ, кто состоитъ въ этомъ спискѣ, ты пригласишь сегодняшней ночью на представленіе комедіи.

Мавръ. Вѣроятно, чтобъ принять участіе въ ея исполненіи. Цѣна входного билета—глотка.

Фіеско (*не слушая его, презрительно*). Когда это будетъ исполнено, я тебя боль-

ше не стану удерживать въ Генуѣ. (*Идетъ и бросаетъ, не глядя, кошелекъ съ золотомъ*). Пусть это будетъ твоя послѣдняя работа (*уходитъ*).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ *медленно поднимаетъ съ полу кошелекъ и съ изумленіемъ глядитъ вслѣдъ Фіеско.*

Мавръ. Такъ-то мы относимся другъ къ другу? Не стану тебя больше удерживать въ Генуѣ! Это, въ переводѣ съ христіанской рѣчи на языческую, значитъ: когда я буду герцогомъ, я прикажу повѣсить добраго друга на Генуэзской висѣлицѣ. Хорошо. Я знаю его плутни, такъ онъ заботится, чтобы его честь не соскочила съ моей морды, когда онъ будетъ герцогомъ. Полегче, господинъ графъ! послѣдніе шаги еще надо обдумать. Теперь, старый Доріа, твоя шкура къ моимъ услугамъ. Если я тебя не остерегу, ты пропалъ. Если я теперь пойду къ нему и донесу про заговоръ, я спасу Генуэзскому герцогу не меньше, какъ жизнь и герцогство, и его благодарность должна быть не меньше, какъ груда золота, верхомъ насыпанная въ эту шляпу. (*Хочетъ идти, но внезапно останавливается*). Не торопись, другъ Гассанъ! ты, пожалуй, на пути къ глупому дѣлу. Что, если бы вся эта рѣзня теперь была бы отмѣнена—и вышло бы изъ этого что-нибудь хорошее. Фуй! фуй! какую дьявольскую штуку хочетъ разыграть со мной моя жадность. Гдѣ будетъ больше зла? Когда я надую этого Фіеско? Когда я Доріа подведу подъ ножъ? Дайте-ка мнѣ на это отвѣтъ, мои хитрые дьяволы! Выдержитъ Фіеско,—Генуя можетъ подняться. Прочь! это невозможно. Ускользнетъ этотъ Доріа,—все останется попрежнему и, въ Генуѣ будетъ миръ,—это было-бы еще сквернѣе! Но какое зрѣлище, когда головы мятежниковъ полетятъ въ харчевню палача! (*Переходитъ на другую сторону*). А забавная рѣзня этой ночи, когда задушатъ ихъ свѣтлости по лукавству мавра? Нѣтъ, нѣтъ, изъ этого сумбура пускай выворачивается христіанинъ, язычнику такая загадка слишкомъ мудрена. Пойду спросить одного ученаго. (*Уходитъ*).

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Зала у графини Имперіали.

Джулія *въ négligé*. Джанеттино *входитъ очень взволнованный.*

Джанеттино. Добраго вечера, сестра.

Джулія (*встаетъ*). Должно быть, что нибудь особенное приводитъ наслѣдника Генуэзскаго престола къ его сестрѣ.

Джанеттино. Около тебя-то, сестрица, роятся все мотыльки, а около меня все осы. Какъ тутъ быть? Сядемъ.

Джулія. Ты скоро выведешь меня изъ терпѣнія.

Джанеттино. Сестра, когда въ послѣдній разъ посѣтилъ тебя Фіеско?

Джулія. Еще что? Стану я помнить такіе пустяки!

Джанеттино. Я это долженъ знать непремѣнно.

Джулія. Ну, онъ вчера былъ здѣсь.

Джанеттино. И откровенно высказывался?

Джулія. По обыкновенію.

Джанеттино. И все еще фантазируетъ по прежнему?

Джулія (*оскорбленная*). Братъ!

Джанеттино (*громче*). Отвѣчай. Все еще по прежнему фантазируетъ?

Джулія (*встаетъ, выведенная изъ себя*). За кого вы меня считаете, братъ?

Джанеттино (*остается сидѣть, насмѣшливо*). За кусокъ женскаго тѣла, завернутаго въ большой, въ огромный дворянскій патентъ. Говорю такъ между нами, сестра—вѣдь, никто не подслушиваетъ.

Джулія (*вспыливъ*). Между нами,—вы полоумная, дерзкая обезьяна, и вы выѣзжаете на кредитѣ своего дяди.—Говорю такъ, потому что, вѣдь, никто насъ не подслушиваетъ.

Джанеттино. Сестрица, сестрица, зачѣмъ такъ зло,—я только веселъ, потому что Фіеско еще по прежнему фантазеръ. Я хотѣлъ въ этомъ убѣдиться. Прощай (*хочетъ уходить*).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ Ломеллино.

Ломеллино (*цѣлуетъ руку Джуліи*). Простите мою смѣлость, синьора. (*Къ Джанеттино*). Нѣкоторыя дѣла, не терпящія отлагательства.

Джанеттино *(отводитъ его въ сторону, Джулія сердитая отходитъ къ клавесину и играетъ бурное Allegro)*. Все приготовлено къ завтрашнему дню?

Ломеллино. Все, принцъ. Но курьеръ, отправленный сегодня рано утромъ въ Леванто, не вернулся и Спинолы тоже нѣтъ. Что если курьера поймали? Я въ величайшемъ смущеніи.

Джанеттино. Не заботься ни о чемъ. Списокъ, вѣдь, у тебя въ рукахъ?

Ломеллино *(възамьшательствѣ)*. Синьоръ, этотъ списокъ... Я не знаю... Онъ вѣрно остался въ карманѣ моего вчерашняго платья.

Джанеттино. Ладно. Только-бы Спинола вернулся. Завтра утромъ найдутъ Фіеско мертвымъ въ постели,—я сдѣлалъ распоряженіе.

Ломеллино. Но это произведетъ ужасное впечатлѣніе!

Джанеттино. Въ этомъ-то и вся наша безопасность, любезный. Обычныя преступленія волнуютъ кровь обиженныхъ, и человѣкъ способенъ на все. Необыкновенныя злодѣйства холодятъ ее ужасомъ—и человѣкъ уничтожается. Знакома тебѣ сказка про голову Медузы? Одинъ взглядъ превращаетъ все въ камень—чего только не успѣешь сдѣлать, мой любезный, пока камни разогрѣются!

Ломеллино. Сдѣлали вы синьорѣ какой нибудь намекъ?

Джанеттино. Вотъ еще, съ ней надо обращаться осторожнѣй, когда дѣло идетъ о Фіеско. Но, когда она войдетъ во вкусъ плодовъ, ей стерпятся и всѣ издержки. Пойдемъ! я сегодня вечеромъ жду еще подкрѣпленій изъ Милана и долженъ дать приказанія стражѣ у воротъ. *(Джуліи)*. Ну, сестра, скоро ты выбренчишь твой гнѣвъ?

Джулія. Уходите, вы грубый гость.

(Джанеттино хочетъ уйти и сталкивается съ Фіеско).

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ Фіеско.

Джанеттино *(отшатнувшись)*. А!

Фіеско *(предупредительно и любезно)*. Принцъ, вы освобождаете меня отъ посѣщенія, которое я только что намѣревался сдѣлать.

Джанеттино. И мнѣ, графъ, тоже ничего не могло быть такъ жалательно, какъ встрѣча съ вами.

Фіеско *(подходитъ къ Джуліи и почтительно цѣлуетъ ея руку)*. У васъ привыкаешь, синьора, всегда встрѣчать свои ожиданія превзойденными.

Джулія. Полноте! въ домѣ другой это звучало-бы двусмысленно. Но я пугаюсь, что еще въ такомъ negligé простите, графъ. *(Хочетъ уйти въ свой кабинетъ)*.

Фіеско. О, останьтесь, прелестная синьора! женщина никогда не бываетъ такъ прекрасна, какъ въ ночной одеждѣ *(усмѣхнувшись)*,— это нарядъ ея ремесла. Эти подхваченные кверху волосы—позвольте мнѣ ихъ совсѣмъ распустить.

Джулія. Какъ вы, мужчины, любите приводить въ безпорядокъ!

Фіеско *(невинно къ Джанеттино)*. Волосы и республики! не правда-ли? это для насъ одно и тоже... И ваша лента неправильно приколота. Садитесь, прелестная графиня. Ваша Лаура умѣетъ обманывать глаза, но не сердца. Позвольте мнѣ быть вашей горничной. *(Она садится, онъ поправляетъ ея туалетъ)*.

Джанеттино *(дернувъ Ломеллино)*. Несчастный, беззаботный бѣднякъ!

Фіеско *(приводитъ въ порядокъ платье на груди Джуліи)*. Видите, это я мудро прячу. Чувства должны быть всегда слѣпыми курьерами—они не должны знать о сдѣлкѣ фантазіи съ природой.

Джулія. Это легкомысленно сказано.

Фіеско. Нисколько,—потому что видители, самая лучшая новость теряетъ интересъ, когда дѣлается сказкой города—наши чувства это только сидящая на днѣ гуща нашей внутренней республики. Дворянство ими питается, но возносится надъ ихъ плоскимъ вкусомъ. *(Онъ кончилъ ея туалетъ и подводитъ ее къ зеркалу)*. Ну! клянусь честью! этотъ нарядъ будетъ завтра модынмъ въ Генуѣ. *(Хитро)*. Позволите мнѣ пройти съ вами по городу, графиня?

Джулія. Вотъ хитрецъ! какъ онъ искусно постарался ложью затянуть меня въ свои желанья. Но у меня голова болитъ, и я останусь дома.

Фіеско. Простите, графиня, вы можете поступить, какъ вамъ угодно, но вамъ это не будетъ угодно. Сегодня въ полдень пріѣхало сюда цѣлое общество флорентинскихъ актеровъ и вызвалось играть въ моемъ дворцѣ. Ну, я не могъ помѣшать, чтобъ большинство благородныхъ дамъ—явилось зрительницами, и это меня ставитъ въ большое затрудненіе. Я не знаю, кого посадить въ главную ложу, не обижая никого

изъ моихъ щепетильныхъ гостей. Только одинъ исходъ возможенъ *(съ глубокимъ поклономъ)*—если-бы вы были такъ милостивы, синьора.

Джулія *(краснѣетъ и быстро уходитъ въ кабинетъ)*. Лаура!

Джанеттино *(подходя къ Фіеско)*. Графъ, вы помните о непріятной исторіи, случившейся надняхъ между нами?

Фіеско. Я бы желалъ, принцъ, чтобы мы оба о ней позабыли. Люди относятся другъ къ другу, какъ кто кого знаетъ,—и чья-же вина, если не моя, что мой другъ Доріа не вполнѣ меня зналъ?

Джанеттино. По крайней мѣрѣ я никогда объ этомъ не буду думать безъ того, чтобъ отъ всего сердца не просить у васъ прощенья.

Фіеско. А я никогда безъ того, чтобъ отъ всего сердца не простить.

(Джулія возвращается нѣсколько переодѣтая).

Джанеттино. Мнѣ сейчасъ приходитъ на умъ, графъ: вы собираетесь крейсировать противъ турокъ?

Фіеско. Сегодня вечеромъ мы снимемся съ якоря. И поэтому я въ хлопотахъ; мой другъ, Доріа, могъ бы меня въ нихъ выручить.

Джанеттино *(крайне въжливо)*. Съ большимъ удовольствіемъ. Повелѣвайте всѣмъ моимъ вліяніемъ.

Фіеско. Приготовленія къ отправкѣ вечеромъ, пожалуй, соберутъ толпу народа у гавани и у моего дворца. Герцогъ, вашъ дядя, могъ бы объяснить это въ дурную сторону.

Джанеттино *(искренно)*. Въ этомъ дѣлѣ положитесь на меня. Дѣйствуйте съ Богомъ, и я желаю вамъ много удачи въ предпріятіи.

Фіеско *(сдержанно)*. Я вамъ очень обязанъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и солдатъ нѣмецкой стражи тѣлохранителей.

Джанеттино. Что надо?

Нѣмецъ. Я проходилъ въ ворота Ѳомы и видѣлъ тамъ множество вооруженныхъ солдатъ, они спѣшили къ Дарсенѣ и приготовляли къ отплытію галеры графа ди Лаванья.

Джанеттино. Ничего болѣе важнаго нѣтъ? Дальше докладывать не нужно.

Нѣмецъ. Слушаю. Тоже изъ монастырей капуциновъ толпой выходитъ подозрительный сбродъ—и крадется черезъ рынокъ; ихъ видъ и походка заставляютъ предполагать, что это солдаты.

Джанеттино *(сердито)*. Ахъ, ужъ мнѣ это дурацкое усердіе! *(Къ Ломеллино увѣренно)* это мои миланцы.

Нѣмецъ. Прикажете, ваша милость, ихъ арестовать?

Джанеттино *(громко къ Ломеллино)*. Осмотрите ихъ, Ломеллино. *(Рѣзко нѣмцу)*. Ступай! хорошо. *(Къ Ломеллино)*. Объясните нѣмецкому быку, чтобъ онъ держалъ языкъ за зубами. *(Ломеллино уходитъ съ нѣмцемъ)*.

Фіеско *(который все это время пошучивалъ съ Джуліей, украдкой косясь на говорящихъ)*. Нашъ другъ чѣмъ-то недоволенъ? Смѣю я узнать причину?

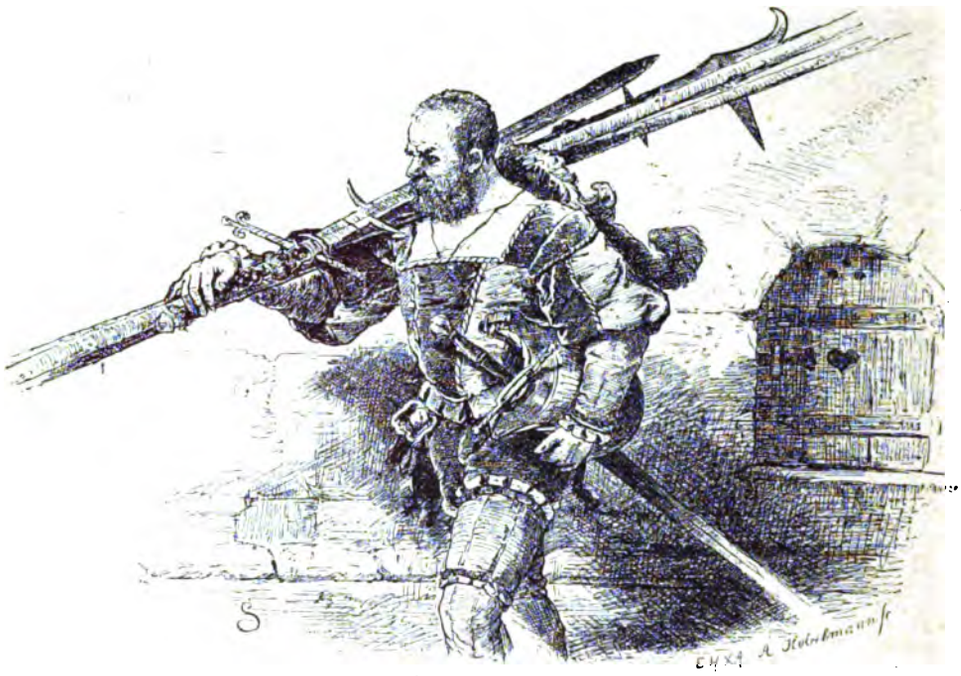
Джанеттино. Не удивительно. Вѣчные дѣла и доклады *(стремительно уходитъ)*.

Фіеско. И насъ ждетъ спектакль. Позвольте предложить вамъ руку, синьора.

Джулія. Не торопитесь. Я должна еще надѣть накидку. Но, вѣдь, не трагедію вы мнѣ покажете, графъ? печальное я вижу и во снѣ.

Фіеско *(коварно)*. О, тутъ, можно будетъ умереть со смѣху, графиня. *(Уводитъ ее)*.

Занавѣсъ падаетъ.



ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Ночь. Внутренній дворъ дворца Фіеско. Зажигаютъ фонари, приносятъ оружіе. Одинъ изъ флигелей замка ярко освѣщенъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Бургоньино *вводитъ солдатъ.*

Бургоньино. Стой! къ большимъ воротамъ четверо часовыхъ. По два къ каждой двери дворца *(часовые занимаютъ свои мѣста)*. Впускать всѣхъ, кто захочетъ войти. Не выпускать никого. Кто прибѣгнетъ къ силѣ— заколоть. *(Уходитъ съ остальными въ замокъ. Часовые прохаживаются. Пауза).*

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Часовые *(у главныхъ воротъ окликаютъ)*. Кто идетъ? *(Входитъ Центуріоне).*

Центуріоне. Другъ Лаванья. *(Идетъ наискосъ черезъ дворъ къ воротамъ дворца справа).*

Часовые *(тамъ)*. Назадъ!

Центуріоне *(изумляется и идетъ къ воротамъ слѣва).*

Часовые *(слѣва)*. Назадъ!

Центуріоне *(останавливается пораженный. Пауза. Потомъ, обращаясь къ часовому слѣва)*. Другъ, гдѣ мнѣ пройти смотрѣть комедію?

Часовой. Не знаю.

Центуріоне *(ходитъ взадъ и впередъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ, потомъ часовому справа)*. Другъ, когда начнутъ играть комедію?

Часовой. Не знаю.

Центуріоне *(изумленный прохаживается, видитъ оружіе; пораженъ)*. Другъ, что это значитъ?

Часовой. Не знаю.

Центуріоне *(испуганно кутается въ плащъ)*. Странно.

Часовые *(у главныхъ воротъ окликаютъ)*. Кто идетъ?

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и Цибо *входитъ*.

Цибо *(входя)*. Другъ Лаванья.

Центуріоне. Цибо, гдѣ мы?

Цибо. Что?

Центуріоне. Оглядись кругомъ, Цибо.

Цибо. Гдѣ? Что?

Центуріоне. У всѣхъ дверей часовые.

Цибо. Тутъ лежитъ оружіе.

Центуріоне. Никто ничего не объясняетъ.

Цибо. Это удивительно.

Центуріоне. Который часъ?

Цибо. Восемь ужъ пробило на башнѣ.

Центуріоне. Фу! чертовски холодно.

Цибо. Восемь часовъ назначенное время.

Центуріоне *(покачавъ головой)*. Тутъ что то не ладно.

Цибо. Фіеско затѣялъ какую нибудь шутку.

Центуріоне. Завтра выборы дожа. Цибо, тутъ что-то не ладно.

Цибо. Тише! тише! тише!

Центуріоне. Правый флигель замка ярко освѣщенъ.

Цибо. Ты ничего не слышишь? ничего?

Центуріоне. Глухой говоръ внутри и вмѣстѣ съ тѣмъ...

Цибо. Неясные звуки; словно латы ударяются о латы.

Центуріоне. Ужасно! ужасно!

Цибо. Карета! останавливается у воротъ.

Часовые *(у главныхъ воротъ окликаютъ)*. Кто идетъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же и четверо Ассерато.

Ассерато *(входя)*. Другъ Фіеско.

Цибо. Это четверо Ассерато.

Центуріоне. Добраго вечера, землякъ.

Ассерато. Мы идемъ смотрѣть комедію.

Цибо. Счастливаго пути.

Ассерато. Вы развѣ не идете съ нами?

Центуріоне. Ступайте впередъ. Мы еще подышемъ свѣжимъ воздухомъ.

Ассерато. Скоро начнется. Пойдемте *(идутъ дальше)*.

Часовой. Назадъ!

Ассерато. Что такое? это изъ рукъ вонъ!

Центуріоне *(смѣясь)*. Нѣтъ, вонъ изъ дворца!

Ассерато. Тутъ недоразумѣніе.

Цибо. Очевидно. *(Музыка въ правомъ флигелѣ)*.

Ассерато. Слышите симфонію? должно быть, комедія начинается.

Центуріоне. Мнѣ сдается, что она уже началась,—и мы разыгрываемъ въ ней роль дураковъ.

Цибо. Не слишкомъ-то тутъ жарко. Я уйду.

Ассерато. Здѣсь оружіе.

Цибо. Пустяки! театральная бутафорія.

Центуріоне. Чтожъ намъ здѣсь стоять, какъ дуракамъ у Ахерона? Пойдемте въ кофейную! *(Всѣ шестеро идутъ къ воротамъ)*.

Часовые *(рѣзко кричатъ)*. Назадъ!

Центуріоне. Убійство и смерть! мы попались въ западню.

Цибо. Мой мечъ говоритъ: не на долго.

Ассерато. Вложи назадъ! вложи! графъ честный человѣкъ.

Цибо. Проданы! преданы! комедія была саломъ для приманки; за мышенкомъ захлопнулась крышка.

Ассерато. Не дай Богъ. Мнѣ страшно подумать, чѣмъ это разыграется.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Часовые. Кто идетъ? *(Веррина и Сакко входятъ)*.

Веррина. Друзья дома. *(Входятъ семь другихъ дворянъ)*.

Цибо. Его довѣренные. Теперь все объяснится.

Сакко *(продолжая разговаривать съ Верриной)*. Какъ я вамъ сказалъ, у воротъ Ѳомы въ караулѣ Лескаро, лучшій офицеръ Доріа, преданный ему слѣпо.

Веррина. Это меня радуетъ.

Цибо *(къ Верринѣ)*. Вы приходите кстати, Веррина, чтобъ всѣхъ насъ вывести изъ заблужденія.

Веррина. Какъ это? какъ?

Центуріоне. Мы приглашены смотрѣть комедію.

Веррина. Такъ у насъ одна дорога.

Центуріоне *(нетерпѣливо)*. Дорога въ могилу. Она мнѣ извѣстна. Вы видите, у всѣхъ дверей часовые! зачѣмъ это?

Цибо. Зачѣмъ тутъ оружіе?

Центуріоне. Мы здѣсь стоимъ, какъ подъ висѣлицей.

Веррина. Графъ придетъ самъ.

Центуріоне. Онъ могъ-бы поторопиться. Мое терпѣнье готово лопнуть. *(Дворяне вглубинѣ прохаживаются)*,

Бургоньино *(выйдя изъ дворца)*. Какъ дѣла въ гавани Веррина?

Веррина. Всѣ благополучно посажены на корабли.

Бургоньино. Дворецъ Фіеско тоже набитъ солдатами.

Веррина. Теперь ужъ скоро девять часовъ.

Бургоньино. Графъ очень долго ведетъ дѣло.

Веррина. Все-таки слишкомъ быстро для своихъ надеждъ. Бургоньино, я холодѣю, какъ ледъ, когда мнѣ иныя мысли приходятъ въ голову.

Бургоньино. Отецъ, не торопись.

Веррина. Тамъ нѣтъ торопливости, гдѣ невозможно медлить. Если я не выполню второго убійства, я никогда не прощу себѣ перваго.

Бургоньино. Но когда долженъ умереть Фіеско?

Веррина. Когда Генуя освободится,—Фіеско умретъ!

Часовые. Кто идетъ?

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ же. Фіеско.

Фіеско *(входя)*. Другъ *(Всѣ кланяются. Часовые отдаютъ честь)*. Добро пожаловать, дорогіе гости! Вы вѣрно негодовали, что хозяинъ дома такъ долго заставилъ себя ждать. Простите *(тихо Верринѣ)*. Готово?

Веррина *(ему на ухо)*. Какъ нельзя лучше.

Фіеско *(Бургоньино)*. Ну?...

Бургоньино. Все какъ надо.

Фіеско *(Сакко)*. Ну?...

Сакко. Все хорошо.

Фіеско. А Кальканьо?

Бургоньино. Еще не пришелъ.

Фіеско *(громко часовымъ)*. Запереть ворота! *(Снимаетъ шляпу и съ непринужденной важностью выступаетъ впередъ къ собравшимся)*. Господа! я позволилъ себѣ пригласить васъ на спектакль, но не какъ зрителей, а для того, чтобы распредѣлить между вами роли. Друзья мои, мы довольно долго сносили дерзости Джанеттино Доріа и надменность Андреа. Если мы хотимъ спасти Геную, друзья, времени терять нечего. Какъ вы думаете, для чего двадцать галеръ заполняютъ нашу гавань? Для чего это Доріа заключаютъ политическіе союзы? Для чего чужестранное войско привлечено въ самое сердце Генуи? Теперь ужъ нечего больше роптать и проклинать. Чтобъ все спасти;—надо на все отважиться. Отчаянная болѣзнь требуетъ смѣлаго лѣкарства. Есть-ли въ вашемъ собраньи хоть одинъ, кто былъ-бы настолько безразличенъ, чтобы равнаго себѣ признать надъ собой господиномъ? *(Ропотъ)*. Здѣсь нѣтъ ни одного, предки котораго не окружали колыбель Генуи. Чѣмъ!—ради всего святого,—чѣмъ? чѣмъ выдаются эти два гражданина, что они дерзкимъ полетомъ поднимаются надъ нашими головами? *(Сильный ропотъ)*. Каждый изъ васъ торжественно призывается вести дѣло Генуи противъ ея угнетателей. Ни одинъ изъ васъ ни на волосъ не можетъ поступиться своими правами, не предавая въ то-же время основъ всего государства. *(Бурное движеніе слушателей прерываетъ его, потомъ онъ продолжаетъ)*. Вы это чувствуете? Стало быть, все выиграно. Я уже сдѣлалъ приготовленія къ тому, чтобы проложить дорогу къ славѣ. Хотите слѣдовать за мной? Я готовъ вести васъ. Вы только что съ ужасомъ взглянули на эти приготовленія,—теперь они должны возбудить въ васъ смѣлый, геройскій духъ. Дрожь страха должна перейти въ горячее, славное рвеніе быть съ этими патріотами и со мной за одно, и окончательно низвергнуть тирановъ. Успѣхъ будетъ благопріятствовать отважной попыткѣ, потому что мои приготовленія хороши. Задуманное справедливо, потому что Генуя страдаетъ. Замыселъ этотъ сдѣлаетъ насъ безсмертными, потому что онъ опасенъ и великъ.

Центуріоне *(въ бурномъ волненіи)*. Довольно! Генуя будетъ свободна! Съ этимъ лозунгомъ—хоть противъ ада.

Циво. И кого это не разбудитъ отъ его дремоты, тотъ задыхайся галернымъ каторжникомъ у весла, пока не освободитъ его труба страшнаго суда.

Фіеско. Вотъ рѣчь достойная мужа! Теперь только вы заслужили, чтобъ я сказалъ вамъ объ опасности, висѣвшей надъ вами и Генуей *(подаетъ имъ списокъ мавра)*. Посвѣтите, солдаты. *(Дворяне толпятся у факела и читаютъ)*. Все шло, какъ я желалъ, другъ.

Веррина. Но не говори такъ громко. Тамъ на лѣвомъ крылѣ я видѣлъ, какъ у иныхъ поблѣднѣли лица и задрожали колѣна.

Центуріоне *(съ бѣшенствомъ)*. Двѣнадцать сенаторовъ! Адскій замыселъ! Всѣ беритесь за мечи!

(Всѣ схватываютъ приготовленное оружіе, кромѣ двоихъ).

Цибо. Бургоньино, твое имя тоже тутъ написано.

Бургоньино. И сегодня-же, по волѣ Господа, оно будетъ запечатлѣно на глоткѣ Дорiа.

Центурiоне. Два меча еще лежатъ.

Цибо. Что? что?

Центурiоне. Двое не взяли мечей.

Ассерато. Мои братья не могутъ видѣть крови. Пощадите ихъ.

Центурiоне *(запальчиво)*. Что? что? не могутъ видѣть крови тирановъ? Разорвите трусовъ! выбросьте ихъ вонъ изъ республики, этихъ выродковъ ея! *(Нѣкоторые изъ присутствующихъ злобно бросаются на братьевъ Ассерато)*.

Фiеско *(останавливаетъ ихъ)*. Стойте! стойте! рабамъ ли должна быть благодарна Генуя за свою свободу? Потеряетъ ли наше золото свой ясный звонъ изъ-за этого дрянного металла? *(Онъ освобождаетъ ихъ)*. Вы, господа, должны довольствоваться одной изъ комнатъ моего дворца, пока не разрѣшится наше дѣло. *(Часовымъ)*. Вотъ два арестанта! вы за нихъ отвѣчаете! Двухъ часовыхъ при нихъ поставить. *(Ихъ уводятъ)*.

Часовые *(у воротъ)*. Кто тамъ? *(Стучатъ въ ворота за сценой)*.

Кальканьо *(кричитъ боязливо)*. Отоприте! я другъ! отоприте, ради Бога!

Бургоньино. Это Кальканьо. Что значитъ его „ради Бога"?

Фіеско. Отворите ему, солдаты.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же. Кальканьо, *испуганный и задыхающійся*.

Кальканьо. Кончено! кончено! спасайся, кто можетъ! все погибло!

Бургоньино. Что погибло? Развѣ они отлиты изъ мѣди? развѣ наши мечи прутья?

Фіеско. Одумайся, Кальканьо! недоразумѣніе тутъ было бы непростительно.

Кальканьо. Мы преданы. Адская правда. Мерзавецъ вашъ мавръ, Лаванья! я только что изъ дворца синьоріи. Онъ былъ на аудіенціи у герцога.

(Всѣ дворяне блѣднѣютъ, даже Фіеско мѣняется въ лицѣ).

Веррина *(рѣшительно часовымъ у воротъ)*. Солдаты, протяните ко мнѣ ваши аллебарды, я не хочу умереть отъ руки палача. *(Всѣ дворяне пораженные разбѣгаются)*.

Фіеско *(спокойнѣе)*. Куда? что вы дѣлаете? Провались въ адъ, Кальканьо! Это былъ слѣпой страхъ, господа! *(Къ Кальканьо)*. Баба! какъ можно это было говорить передъ этими мальчишками?—и ты, Веррина? Бургоньино, и ты?—куда ты?

Бургоньино *(горячо)*. Домой, убить мою Берту и вернуться сюда.

Фіеско *(разражается хохотомъ)*. Останьтесь! стойте! таково ли мужество тѣхъ, кто собирается убить тирановъ? Ты мастерски сыгралъ свою роль, Кальканьо! Вы не замѣтили, что эта новость явилась по моему распоряженію? Кальканьо, говорите, не я-ли вамъ приказалъ испытать этихъ римлянъ?

Веррина. Ну, если ты можешь смѣяться, я готовъ вѣрить или никогда больше не буду считать тебя человѣкомъ.

Фіеско. Стыдитесь, мужи! попасться въ такомъ мальчишескомъ испытаньи! Беритесь опять за оружіе. Вы пойдете въ бой, какъ медвѣди, чтобы сгладить всякій слѣдъ этой зазубрины. *(Тихо Кальканьо)*. Были вы сами тамъ?

Кальканьо. Я протиснулся между драбантами, чтобы узнать пароль у герцога, согласно порученью; когда я уходилъ, привели мавра.

Фіеско *(громко)*. Итакъ, старикъ въ постели! Мы его поднимемъ съ пуховика барабаннымъ боемъ. *(Тихо Кальканьо)*. Долго говорилъ онъ съ герцогомъ?

Кальканьо. Мой внезапный страхъ и близость опасности для васъ не позволили мнѣ остаться тамъ больше двухъ минутъ.

Фіеско *(громко и весело)*. Смотри-ка, какъ наши земляки еще дрожатъ!

Кальканьо. Вамъ-бы тоже не слѣдовало такъ скоро высказываться. *(Тихо)*. Но, ради Бога, графъ, что мы выиграемъ отъ вашей хитрости?

Фіеско. Время—другъ! и потомъ первый страхъ теперь миновалъ. *(Громко)*. Эй! принести вина! *(Тихо)*. И что же герцогъ, поблѣднѣлъ? *(Громко)*. Веселѣй, братья, мы еще выпьемъ въ честь пляски нынѣшней ночи. *(Тихо)*. И что же герцогъ, поблѣднѣлъ?

Кальканьо. Должно быть первое слово мавра было: „заговоръ"—старикъ отступилъ назадъ бѣлѣе снѣга.

Фіеско *(смущенный)*. Гм! гм! дьяволъ хитеръ, Кальканьо! Мавръ ничего не предалъ, пока не приставили ножа къ ихъ глоткамъ. Теперь онъ, конечно, ихъ Ангелъ-хранитель. Мавръ хитеръ. *(Ему подаютъ бокалъ вина, онъ обращается къ собранію и пьетъ)*. За наше доброе счастье, товарищи! *(Стучатъ въ ворота за сценой)*.

Часовые. Кто тамъ?

Голосъ *(за сценой)*. По приказу герцога. *(Дворяне въ отчаяньи мечутся по двору)*.

Фіеско *(бросается къ нимъ)*. Нѣтъ, дѣти, не пугайтесь! не пугайтесь! я тутъ. Живо! уберите прочь оружіе, будьте мужчинами, прошу васъ. Этотъ посланный даетъ мнѣ надежду, что Доріа еще сомнѣвается. Войдите въ домъ. Успокойтесь. Отоприте, солдаты. *(Всѣ уходятъ. Ворота отворяютъ)*.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско *какъ бы только что выйдя изъ дворца. Три* нѣмца, *ведущіе связаннаго* мавра.

Фіеско. Кто звалъ меня во дворъ?

Нѣмецъ. Проведите насъ къ графу.

Фіеско. Графъ здѣсь. Что вамъ надо?

Нѣмецъ *(отдаетъ ему честь)*. Герцогъ желаетъ вамъ добраго вечера. Онъ пере-

даетъ вашей милости этого мавра связаннымъ. Мавръ безстыдно наболталъ на васъ. Остальное скажетъ вамъ записка.

Фіеско *(беретъ равнодушно записку)*. Не пророчилъ-ли я тебѣ еще сегодня—быть на галерѣ? *(Нѣмцу)*. Хорошо, другъ. Передай мое почтеніе герцогу.

Мавръ *(нѣмцу вслѣдъ)*. И мое тоже... Да скажи ему, герцогу,—если-бъ онъ прислалъ сюда не осла, такъ узналъ-бы, что въ замкѣ спрятаны двѣ тысячи солдатъ.

(Нѣмцы уходятъ, дворяне возвращаются).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Заговорщики. Мавръ *съ дерзкимъ видомъ посрединѣ*.

Заговорщики *(отступаютъ трепещущіе при видѣ мавра)*. А! что такое?

Фіеско *(прочитавъ записку, съ затаенной злобой)*. Генуэзцы, опасность миновала,—но и заговоръ тоже.

Веррина *(восклицаетъ въ изумленіи)*. Что? Развѣ оба Доріа умерли?

Фіеско *(въ сильномъ волненіи)*. Видитъ Богъ, я былъ готовъ встрѣтить всю военную силу республики,—но къ этому я не былъ приготовленъ! Слабый старикъ четырьмя строками разбиваетъ полторы тысячи человѣкъ. *(Безсильно опускаетъ руки)*. Доріа разбиваетъ Фіеско!

Бургоньино. Такъ говорите-же. Мы просто оцѣпенѣли.

Фіеско *(читаетъ)*. „Лаванья, мнѣ сдается, что у васъ со мной одна судьба: за ваши благодѣянія васъ награждаютъ неблагодарностью. Этотъ мавръ предостерегаетъ меня отъ заговора. Я посылаю его къ вамъ связаннаго обратно и нынѣшней ночью буду спать безъ тѣлохранителей". *(Роняетъ бумагу, всѣ оглядываются другъ на друга)*.

Веррина. Ну, Фіеско?

Фіеско *(съ благородствомъ)*. Доріа можетъ побѣдить меня въ великодушіи? Чтобъ одной изъ добродѣтелей недоставало въ родѣ графовъ Фіеско? Нѣтъ! такъ же вѣрно этого не будетъ, какъ то, что я—я. Разступитесь вы! я пойду туда и во всемъ сознаюсь! *(Хочетъ бѣжать изъ воротъ)*.

Веррина *(останавливая его)*. Что ты обезумѣлъ, что-ли? Развѣ мы собирались устроить какое нибудь мошенничество? Какъ? или не было это дѣло всего отечества? какъ? или ты хотѣлъ убить только Андреа, а не тирана? Стой! говорю я!—я арестовываю тебя, какъ измѣнника страны.

Заговорщики. Вяжите его! Валите на землю.

Фіеско *(вырываетъ у одного изъ нихъ мечъ и прокладываетъ себѣ дорогу)*. Осторожнѣй! Кто первый наброситъ узду на тигра? Видите, господа, я свободенъ, могъ бы пройти, куда мнѣ угодно. Теперь я хочу остаться, потому что я передумалъ.

Бургоньино. Обдумали вашъ долгъ?

Фіеско *(вспыхнувъ гордо)*. А! мальчикъ учитесь хорошенько понимать вашъ долгъ относительно меня, а мнѣ его никогда не указывайте! Успокойтесь, господа, все останется попрежнему. *(Мавру, которому разрѣзалъ веревки)*. Заслуга твоя въ томъ, что ты далъ поводъ совершиться великому дѣлу—бѣги!

Кальканьо *(сердито)*. Что? что? язычникъ будетъ жить? жить за то, что онъ всѣхъ предалъ?

Фіеско. Жить за то, что онъ вамъ всѣмъ нагналъ страху. Бѣги, негодяй! Постарайся, чтобъ Генуя была у тебя за плечами. Могутъ, пожалуй, на тебѣ выместить недостатокъ своего мужества.

Мавръ. Это значитъ, что дьяволъ шельму не погубитъ. Покорный слуга, господа! Я ужъ вижу, что въ Италіи не растетъ веревки для меня. Надо мнѣ поискать ее, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. *(Убѣгаетъ со смѣхомъ)*.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ слуга. Тѣ-же *безъ* мавра.

Слуга. Графиня Имперіали три раза уже спрашивала о вашей милости.

Фіеско. Чортъ возьми! комедія должна таки начаться! Скажи графинѣ, что я тотчасъ буду тамъ. Погоди, ты попросишь мою жену войти въ концертную залу и тамъ ожидать меня за занавѣсью. *(Слуга уходитъ)*. Я здѣсь на бумагѣ росписалъ вамъ всѣ ваши роли. Только бы каждый исполнилъ свою—больше говорить нечего. Веррина прежде всего пойдетъ въ гавань, когда корабли будутъ взяты, онъ дастъ сигналъ къ возстанію пушечнымъ выстрѣломъ. Я иду! меня ждетъ еще одно важное дѣло. Вы услышите звонъ колокольчика, и всѣ вмѣстѣ сойдетесь въ концертной залѣ. А пока войдите въ домъ и прошу отвѣдать моего Кипрскаго. *(Расходятся)*.

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Концертное зало.

Леонора. Арабелла. Роза. *Всѣ въ страхѣ.*

Леонора. Фіеско обѣщалъ придти въ концертное зало и не приходитъ. Одиннадцать часовъ пробило. Дворецъ гудитъ отъ толпы людей и оружія, а Фіеско не приходитъ.

Роза. Вы должны спрятаться за занавѣсью. Зачѣмъ только это понадобилось графу?

Леонора. Онъ этого хочетъ, Роза, и съ меня довольно, чтобъ быть послушной; довольно, Белла, чтобъ не было во мнѣ никакого страха,—и все таки я такъ дрожу, Белла, и сердце мое бьется ужасно. Ради Бога, милыя, не отходите ни одна отъ меня.

Белла. Не бойтесь ничего. Наша боязнь держитъ на сторожѣ нашъ разумъ.

Леонора. Куда я ни взгляну, все мнѣ встрѣчаются незнакомыя лица, какъ привидѣнія, туманныя, изнуренныя. Кого я окликаю, тотъ дрожитъ, какъ пойманный, и убѣгаетъ во мракъ ночи, въ это ужасное пристанище нечистой совѣсти. Если кто и отвѣчаетъ, такъ таинственнымъ полузвукомъ, который колеблется, едва осмѣливаясь сорваться съ дрожащаго языка. Фіеско?—я не знаю, что тутъ куютъ, какіе ужасы,—только моего Фіеско *(граціозно складывая руки)* укройте, небесныя силы!

Роза *(испуганно)*. Христе Боже! въ галлереѣ слышенъ шорохъ.

Белла. Это тамъ ходитъ часовой *(Часовой кричитъ за сценой: „кто идетъ?“ ему отвѣчаютъ).*

Леонора. Сюда идутъ! скорѣй за занавѣсь! *(Онѣ прячутся).*

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Джулія и Фіеско *разговариваютъ.*

Джулія *(очень взволнованная)*. Перестаньте, графъ! Теперь ужъ не равнодушный слухъ встрѣчаетъ ваши любезности, а кипучая кровь. Гдѣ я? здѣсь нѣтъ никого, кромѣ обольстительной ночи! куда ваши разговоры заманили мое беззаботное сердце?

Фіеско. Туда, гдѣ робкая страсть дѣлается смѣлѣй, и увлеченіе свободнѣй бесѣдуетъ съ увлеченіемъ.

Джулія. Остановись, Фіеско, во имя всего святого не иди дальше! Если-бъ ночь не была такъ темна, ты бы увидалъ, какъ разгорѣлись мои щеки и сжалился бы надо мной.

Фіеско. Очень ошибаешься, Джулія! Тогда-то именно мое чувство, увидавъ огненное знамя твое, тѣмъ смѣлѣе перешло бы къ нему. *(Горячо цѣлуетъ ея руку).*

Джулія. Фіеско, твое лицо горитъ, какъ въ лихорадкѣ, и твоя рѣчь тоже. Горе! я и въ себѣ чувствую дикій, преступный огонь. Пойдемъ въ освѣщенную комнату, прошу тебя. Возбужденныя чувства могли бы замѣтить опасный намекъ этого мрака. Уйди. Эти расходившіеся мятежники могли бы свершить свои безбожныя дѣянья за спиной стыдливаго дневного свѣта. Уйди къ людямъ, умоляю тебя.

Фіеско *(настойчивѣе)*. Какъ ты напрасно безпокоишься, моя милая. Когда-же властительница боялась своего раба?

Джулія. О, вы мужчины—и это вѣчное противорѣчіе! Какъ будто вы не самые опасные побѣдители, когда вы отдаетесь плѣнниками нашему самолюбію. Должна-ли я тебѣ во всемъ признаться, Фіеско? Въ томъ, что только мой порокъ охранялъ мою добродѣтель? что только моя гордость осмѣивала твое ухаживанье? что только изъ-за этого устояли мои принципы? Ты отчаиваешься въ своей хитрости и ищешь защиты въ крови Джуліи. Тутъ мои принципы меня покидаютъ.

Фіеско *(легкомысленно-дерзко)*. И что ты потеряла въ этомъ?

Джулія *(взволнованно и горячо)*. Но если я отдамъ ключъ къ моей женственной святынѣ и этимъ ты заставишь меня краснѣть со стыда, если хочешь? Могу-ли я потерять что-нибудь меньше, чѣмъ все? Хочешь-ли ты больше знать, насмѣшникъ? Ты хочешь слышать признаніе, что вся наша женская, таинственная мудрость только жалкое приготовленіе, чтобы отстоять слабѣйшую сторону нашего существа, которая все таки въ концѣ концовъ осаждается вашими клятвами, и (сознаюсь въ этомъ краснѣя) такъ охотно желала-бы быть побѣжденной, такъ часто измѣннически отдается врагу при первомъ-же взглядѣ добродѣтели въ сторону. И всѣ-то наши женскія уловки воюютъ изъ-за этой беззащитной игры, какъ на шахматной доскѣ офицеры отстаиваютъ беззащитнаго короля! Нападешь ты врасплохъ на него—матъ! и кончена игра. *(Послѣ паузы, серьезно).* Вотъ тебѣ картина нашего хвастливаго убожества—будь великодушенъ.

Фіеско. И все таки, Джулія, гдѣ-же лучше можешь ты сложить это сокровище, какъ не въ моей безконечной страсти.

Джулія. Конечно. Нигдѣ лучше и нигдѣ хуже. Слушай, Фіеско, какъ долго протянется эта безконечность? Ахъ, я и такъ ужъ слишкомъ несчастливо вела игру, чтобы не прибавить еще и послѣдняго. Я твердо вѣрила моей красотѣ, что она покоритъ тебя, но я не довѣряю ея всемогуществу, чтобъ удержать тебя... Ахъ, что же я такое говорю? *(Отступаетъ и закрываетъ лицо руками).*

Фіеско. Два грѣха единымъ дыханьемъ! Тутъ недовѣріе къ моему вкусу и оскорбленіе величества для твоей привлекательности. Что изъ двухъ труднѣе простить?

Джулія *(утомленная, подавленная, растроганная).* Ложь есть оружіе ада, она для Фіеско больше не нужна, чтобъ побѣдить его Джулію. *(Она падаетъ обезсиленная на софу,—потомъ послѣ паузы торжественно).* Слушай, дай тебѣ сказать еще словцо, Фіеско: пока мы еще увѣрены въ своей добродѣтели—мы героини, когда мы за нее боремся—мы дѣти... *(глядитъ на него рѣзко и въ упоръ)*—но мы фуріи, когда мы за нее мстимъ. Слушай—а что, если ты хладнокровно душишь меня, Фіеско?

Фіеско *(сердитымъ тономъ)*. Хладнокровно? Ну, клянусь Богомъ! чего-же еще требуетъ ненасытное тщеславіе женщины, когда оно видитъ передъ собою пресмыкающагося мужчину и все таки сомнѣвается?— А, онъ вполнѣ опять пробуждается, я это чувствую. *(Принимая холодный тонъ)*. Еще во-время у меня глаза открылись. Что-же это я вымаливалъ сейчасъ, какъ милостыню! Вѣдь малѣйшее униженіе мужчины есть расточительность въ сравненіи даже съ величайшей благосклонностью женщины. *(Съ низкимъ холоднымъ поклономъ)*. Ободритесь, madame, теперь я вамъ не опасенъ.

Джулія *(поражена)*. Графъ! что это значитъ!

Фіеско *(крайне равнодушно)*. Нѣтъ, madame, вы совершенно правы, мы оба только одинъ разъ можемъ играть нашей честью. *(Въжливо поцѣловавъ у нея руку)*. Я буду имѣть удовольствіе засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе въ гостинной *(хочетъ быстро уйти)*.

Джулія *(за нимъ, не пуская его)*. Останься! ты обезумѣлъ, что-ли? останься! Стало быть должна я сказать... Сказать то, чего бы не вынудилъ у моей гордости весь родъ мужской на колѣняхъ... въ слезахъ...подъ пыткой? Горе! и эта глубокая тьма еще слишкомъ свѣтла, чтобъ скрыть пожаръ на моихъ щекахъ, вызванный моимъ признаньемъ! Фіеско! О, это пронзитъ сердца всѣхъ женщинъ. Весь мой полъ будетъ вѣчно меня ненавидѣть. Я боготворю тебя, Фіеско! *(Бросается къ его ногамъ)*.

Фіеско *(отступаетъ три шага, оставляетъ ее лежать и торжествуя смѣется)*. Я жалѣю объ этомъ, синьора! *(Онъ звонитъ; подымаетъ занавѣсь и выводитъ Леонору)*. Вотъ моя жена—она божественная женщина. *(Обнимаетъ Леонору)*.

Джулія *(съ крикомъ вскакиваетъ)*. А! какой неслыханный обманъ!

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Заговорщики, *входящіе сразу*. Дамы *съ другой стороны*. Фіеско, Леонора *и* Джулія.

Леонора. Супругъ мой, это было слишкомъ строго.

Фіеско. Дурное сердце заслуживаетъ не меньшаго наказанія. Я обязанъ былъ дать это удовлетвореніе твоимъ слезамъ. *(Собравшимся)*. Нѣтъ, милостивые господа и дамы, я не привыкъ при всякомъ случаѣ вспыхивать трескучимъ, дѣтскимъ пламенемъ. Людскія глупости долго меня забавляютъ, прежде чѣмъ разсердить. Эта женщина заслужила весь мой гнѣвъ, потому что она примѣшивала вотъ этотъ порошокъ этому ангелу. *(Онъ показываетъ ядовитый порошокъ собранію. Всѣ съ отвращеніемъ отступаютъ)*.

Джулія *(въ бѣшенствѣ кусая губы)*. Хорошо! хорошо! синьоръ! очень хорошо! *(Хочетъ уйти)*.

Фіеско *(приводитъ ее за руку назадъ)*. Имѣйте терпѣніе, madame, я еще не кончилъ; это собраніе ужъ очень хотѣло-бы знать, почему я отрекся отъ моего разума, разыгрывая романъ съ величайшей шутихой Генуи.

Джулія *(дрогнувъ)*. Я этого не могу выдержать! но берегись! *(Съ угрозой)*. Доріа грозно повелѣваетъ въ Генуѣ,—и я его сестра.

Фіеско. Очень плохо, если это послѣднее проявленіе вашей злости. Къ сожалѣнію, я долженъ извѣстить васъ, что Фіеско ди Лаванья свилъ веревку изъ украденной вашимъ свѣтлѣйшимъ братомъ діадемы—и намѣревается нынѣшней-же ночью на этой веревкѣ повѣсить вора республики. *(Она блѣднѣетъ, онъ злобно смѣется)*. А! вы этого не ожидали, и видите-ли *(ядовито продолжаетъ)*, оттого-то я и нашелъ нужнымъ занять чѣмъ нибудь непрошенные глаза вашей семьи; оттого-то и наряжался *(указывая на нее)* въ это арлекинское платье; оттого-то *(указывая на Леонору)* я терзалъ это сокровище,—и вотъ дикій звѣрь благополучно ринулся въ блестящую ловушку. Благодарю за вашу услужливость, синьора, и сбрасываю мои театральныя украшенія. *(Передаетъ ей ея силуэтъ съ поклономъ)*.

Леонора *(съ умоляющимъ видомъ льнетъ къ Фіеско)*. Мой Лодовико, она плачетъ. Ваша Леонора смѣетъ-ли робко просить васъ?

Джулія *(надменно)*. Молчи ты, ненавистная!

Фіеско *(одному изъ слугъ)*. Будь любезенъ, другъ, предложи руку этой дамѣ; ей угодно взглянуть на мою тюрьму для государственныхъ преступниковъ. Ты отвѣчаешь за то, что мадонна никѣмъ не будетъ потревожена. Въ воздухѣ этой ночи сильная непогода. Буря, которая сломитъ родословное дерево Доріа, легко могла бы попортить прическу синьоры.

Джулія *(рыдая)*. Чума на тебя! черная душа, коварный лицемѣръ! *(Леонорѣ злобно)*.

Не радуйся своему торжеству, и тебѣ дастъ онъ горе—и себѣ—и погибнетъ... *(быстро уходитъ).*

Фіеско *(гостямъ).* Вы были свидѣтелями—спасите мою честь въ Генуѣ. *(Заговорщикамъ).* Вы придете за мной, когда прогремитъ пушка. *(Всѣ расходятся).*

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Леонора. Фіеско.

Леонора *(подходитъ къ нему боязливо).* Фіеско! Фіеско! я только наполовину понимаю васъ, но ужъ мнѣ дѣлается страшно.

Фіеско *(важно).* Леонора, я однажды видѣлъ, что вы шли подлѣ другой генуэзской женщины съ лѣвой стороны; я видѣлъ, какъ въ собраніяхъ дворянства вы довольствовались тѣмъ, что рыцари цѣловали вашу руку, какъ второй дамѣ. Леонора, мнѣ было больно глядѣть на это. Я рѣшилъ: это не должно такъ продолжаться, это прекратится. Слышите воинственный шумъ во дворѣ моего дворца? То, чего вы страшитесь—правда. Идите спать, графиня, завтра я приду разбудить герцогиню.

Леонора *(всплеснувъ руками, падаетъ въ кресла).* Боже! мое предчувствіе! я погибла!

Фіеско *(спокойно и съ достоинствомъ).* Дайте мнѣ высказаться, милая. Двое изъ моихъ предковъ носили папскую корону. Кровь всѣхъ Фіеско течетъ здорово только подъ пурпуромъ. Долженъ-ли вашъ супругъ блестѣть однимъ унаслѣдованнымъ блескомъ? *(Оживленнѣе).* Какъ? Долженъ-ли онъ за все свое величіе быть благодарнымъ колеблющейся случайности, которая въ минуту полумилостивой причуды создала нѣкоего Джіованни Лодовико Фіеско изъ ветшающихъ достоинствъ? Нѣтъ, Леонора, я слишкомъ гордъ, чтобы принимать въ подарокъ то, чего самъ добыть не въ состояніи. Нынѣшней ночью брошу я обратно въ могилу моихъ предковъ занятое у нихъ украшеніе. Графы ди Лаванья вымерли, герцоги начинаютъ жить.

Леонора *(покачивая головой въ тихой мечтательности).* Я вижу моего мужа падающимъ на землю въ тяжелыхъ, смертельныхъ ранахъ; *(глуше)* я вижу, что молчаливые носильщики несутъ мнѣ навстрѣчу изрубленное тѣло моего супруга. *(Испуганно вскрикиваетъ).* Вижу, какъ первая и единственная пуля пронзаетъ душу Фіеско!

Фіеско *(беретъ ее съ любовью за руку).* Успокойся, дитя мое, этой единственной пули не будетъ.

Леонора *(серьезно смотритъ на него).* Такъ увѣренно бросаетъ Фіеско вызовъ небу? И еслибы тысяча тысячный случай былъ только возможенъ—всетаки тысяча тысячный случай могъ бы свершиться, и мой мужъ бы погибъ. Подумай, ты затѣялъ бы игру за обладаніе небомъ, Фіеско!—если бы при биллiонѣ выигрышей выпала только одна ошибка, неужели ты осмѣлился бы схватить игральныя кости и начать дерзкій споръ съ Богомъ. Нѣтъ, мой супругъ, если *все* ставишь на карту, то каждый ходъ есть богохульство.

Фіеско. Не безпокойся, я лучше лажу со счастьемъ.

Леонора. Ты говоришь это, а видѣлъ передъ собой разрушающую разумъ карточную игру—вы называете это времяпрепровожденіемъ,—видѣлъ, какъ обманщица фортуна заманивала своего любимца нѣсколькими картами, мелочнымъ выигрышемъ, пока онъ не разгорался, не требовалъ всего банка,— и какъ она покидала его въ минуту отчаяннаго шага. О, мой супругъ, ты идешь туда не затѣмъ, чтобъ показать себя генуэзцамъ и встрѣтить ихъ благоговѣніе. Разбудитьреспубликанцевъотъ сна, напомнить коню о силѣ его подковъ, это не увеселительная прогулка, Фіеско. Не довѣряйся мятежникамъ. Умные, подзадоривающіе тебя,—боятся тебя. Въ глупыхъ, которые тебя боготворятъ, тебѣ мало пользы, и куда я ни взгляну—Фіеско погибъ.

Фіеско *(твердыми шагами ходитъ по комнатѣ).* Малодушіе есть величайшая опасность. Величіе требуетъ жертвъ.

Леонора. Величіе, Фіеско? Какъ твой геній раздираетъ мое сердце! Допустимъ, что я довѣряю твоему счастью, что я хочу сказать: ты побѣдишь. Горе тогда мнѣ, несчастнѣйшей изъ женщинъ! Несчастна при неудачѣ, при удачѣ еще несчастнѣй! Тутъ нѣтъ выбора, мой возлюбленный! Если Фіеско не сдѣлается герцогомъ—онъ погибъ. Когда-же я буду въ объятіяхъ герцога, я потеряю супруга.

Фіеско. Этого я не понимаю.

Леонора. И все-таки это такъ, мой Фіеско! нѣжный цвѣтокъ любви сохнетъ въ бурной атмосферѣ трона. Въ сердцѣ человѣка, даже такого человѣка, какъ Фіеско, слишкомъ тѣсно для двухъ всемогущихъ боговъ, для боговъ, которые такъ враждебны другъ другу. У любви есть слезы: любовь можетъ понимать слезы! У властолюбія желѣзные

глаза, и ихъ никогда не увлажаетъ слеза чувства. У любви только одно владѣніе, она отрекается отъ всего прочаго въ мірѣ. Властолюбіе ненасытно въ завоеваніи всей природы. Властолюбіе обращаетъ міръ въ жилища, гдѣ гремятъ цѣпи;—любовь во всякой пустынѣ создаетъ себѣ рай воображеніемъ. Ты бы хотѣлъ прильнуть къ моей груди, но строптивый вассалъ врывается въ твое государство; хотѣла-бы я броситься въ твои объятья, но твой страхъ деспота услыхалъ бы, что подъ занавѣсью крадется убійца, и ты торопливо побѣжалъ бы изъ комнаты въ комнату. Многоглазая подозрительность поджигаетъ, наконецъ, даже семейное согласіе. Еслибъ твоя Леонора при этомъ подала тебѣ освѣжительный напитокъ, ты бы судорожно оттолкнулъ бокалъ и назвалъ бы нѣжность отравительницей.

Фіеско (*останавливается въ ужасѣ*). Леонора, перестань. Это дурныя мысли!

Леонора. И все-таки картина не полна. Жертвуй величію любовью, жертвуй спокойствіемъ, если только Фіеско останется прежнимъ. Господи! это страшный ударъ палача при колесованіи. Рѣдко вступали Ангелы на тронъ, еще рѣже сходили съ него Ангелы. Кому не нужно бояться людей, тотъ будетъ-ли къ людямъ жалостливъ? Кто можетъ проявить каждое желаніе громовой стрѣлой, тотъ найдетъ-ли нужнымъ дать ему въ спутники ласковое слово? (*Останавливается, потомъ тихо подходитъ къ нему, беретъ его за руку, съ утонченной горечью*). Властители, Фіеско, эти неудачныя предначертанія природы, не осилившей своихъ желаній, властители стремятся стать между Божествомъ и человѣчествомъ; это нечестивыя созданья—это еще худшіе созидатели!

Фіеско (*въ безпокойствѣ мечется по комнатѣ*). Леонора, перестань! мостъ за моей спиной снятъ.

Леонора (*глядитъ на него съ нѣжною*). Но почему, мой супругъ? Только то, что сдѣлано, нельзя уничтожить. (*Съ большой нѣжностью и нѣсколько лукаво*). Ты когда-то клялся мнѣ, что моя красота сгубила всѣ твои предначертанія; это была лживая клятва, лицемѣръ, или красота моя рано отцвѣла. Спроси свое сердце, чья тутъ вина? (*Горячѣе, обнимая его обѣими руками*). Вернись! мужайся! откажись! Любовь вознаградитъ тебя. Если ужъ сердце мое не въ состояніи насытить твой ужасный голодъ, о Фіеско! вѣнецъ властителя будетъ еще безсильнѣе. (*Съ нѣжной лаской*). Слушай, я выучу наизусть всѣ твои желанья, я солью въ одномъ поцѣлуѣ любви всѣ чары природы, чтобы навѣки сохранить величаваго бѣглеца въ этихъ небесныхъ узахъ; твое сердце безконечно—но и любовь тоже,—Фіеско! (*Крайне мягко*). Сдѣлать счастливымъ бѣдное созданье, находящее небесное блаженство на твоей груди,—неужели это не заполнитъ твоего сердца!

Фіеско (*совсѣмъ потрясенный*). Леонора, что ты сдѣлала? (*Обезсиленный бросается ей на шею*). Я больше не покажусь ни одному генуэзцу на глаза!

Леонора (*радостно, быстро*). Бѣжимъ, Фіеско, бросимъ во прахъ все это хвастливое ничто. Станемъ жить въ очаровательномъ сельскомъ уединеніи, вполнѣ отдаваясь любви. (*Она восторженно прижимается къ его груди*). Наши души будутъ чисты, какъ веселая лазурь покрывающаго насъ неба,—мы не допустимъ къ себѣ мрачнаго дыханія горя, наша жизнь понесется тогда къ Богу, какъ мелодично журчащій ручеекъ... (*Слышенъ пушечный выстрѣлъ. Фіеско вырывается изъ ея объятій. Всѣ заговорщики входятъ въ залу*).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Заговорщики. Часъ насталъ!

Фіеско (*Леонорѣ твердо*). Прощай!—навѣки—или завтра Генуя будетъ лежать у твоихъ ногъ. (*Хочетъ уйти*).

Бургоньино (*вскрикиваетъ*). Графинѣ дурно!...

(*Леонора падаетъ въ обморокъ. Ее поддерживаютъ. Фіеско бросается къ ея ногамъ.*

Фіеско (*хватающимъ за сердце голосомъ*). Леонора! Спасите! Ради Господа! спасите! (*Роза и Белла входятъ помочь Леонорѣ*). Она открываетъ глаза. (*Встаетъ рѣшительно*). Пойдемте закрыть ихъ обоимъ Доріа. (*Заговорщики быстро уходятъ изъ зала*).

Занавѣсъ падаетъ.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Время послѣ полуночи; большая улица въ Генуѣ; тутъ и тамъ свѣтятъ фонари передъ домами; они одинъ за другимъ погасаютъ. Въ глубинѣ сцены ворота Ѳомы, еще запертыя. Въ перспективѣ море. Иногда люди проходятъ съ ручными фонарями, потомъ является патруль. Все стихаетъ, только слышенъ прибой моря.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско *входитъ въ вооруженіи и останавливается передъ дворцомъ Андреа Доріа. Потомъ* Андреа.

Фіеско. Старикъ сдержалъ слово. Во дворцѣ всѣ огни погашены. Часовые отосланы, я позвоню (*звонитъ*). Эй! проснись, Доріа! Преданный, проданный Доріа, проснись! эй! эй! просыпайся!

Андреа (*появляется на балконѣ*). Кто звонилъ?

Фіеско (*измѣнивъ голосъ*). Не спрашивай! иди за мной! твоя звѣзда закатилась, герцогъ, Генуя возстала на тебя! Близки твои палачи, а ты можешь спать, Андреа?

Андреа (*съ достоинствомъ*). Я помню, какъ сердитое море ссорилось съ моимъ кораблемъ „Беллона“. Киль трещалъ и главную мачту сломило, а Андреа сладко спалъ. Кто присылаетъ палачей?

Фіеско. Человѣкъ, болѣе страшный, чѣмъ твое сердитое море, — Джіованни Лодовико Фіеско.

Андреа (*смѣется*). Ты шутишь, другъ! забавляйся днемъ, полночь для этого неудобное время.

Фіеско. Ты издѣваешься надъ тѣмъ, кто тебя остерегаетъ.

Андреа. Благодарю его и ложусь въ постель. Фіеско усыпленъ веселой, роскошной жизнью, у него нѣтъ лишняго времени для Доріа.

Фіеско. Несчастный старикъ! не довѣряй змѣѣ. Семь цвѣтовъ отсвѣчиваютъ на ея лоснящейся кожѣ — ты подходишь и вдругъ стягиваютъ тебя убійственныя кольца. Ты осмѣялъ намекъ измѣнника. Не осмѣивай совѣта друга. Во дворѣ у тебя

приготовлена осѣдланная лошадь. Бѣги, пока еще есть время. Не осмѣивай друга.

Андреа. Фіеско человѣкъ честныхъ правилъ. Я его никогда не оскорблялъ, и Фіеско меня не предастъ.

Фіеско. Онъ честныхъ правилъ и все таки предастъ тебя, — онъ являлъ тебѣ примѣры и того и другого.

Андреа. Такъ у меня стоятъ тѣлохранители, которыхъ не свалитъ никакой Фіеско, если только не ангелы у него на службѣ.

Фіеско *(иронически)*. Хотѣлъ-бы я поговорить съ этими тѣлохранителями, чтобъ они передали письмо на тотъ свѣтъ.

Андреа *(величаво)*. Несчастный насмѣшникъ! развѣ ты никогда не слыхалъ, что Андреа Доріа восемьдесятъ лѣтъ — и что Генуя счастлива. *(Уходитъ въ балкона)*.

Фіеско *(смотритъ ему вслѣдъ съ удивленіемъ)*. Надо-же было мнѣ погубить этого человѣка прежде, чѣмъ узнать, что труднѣе быть такимъ, какъ онъ. *(Онъ ходитъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ въ глубокой задумчивости)*. Ну, я заставилъ величіе съ величіемъ посчитаться — мы покончили, Андреа, и теперь, погибель, иди своимъ путемъ.

(Онъ спѣшитъ въ заднюю улицу. Со всѣхъ сторонъ барабанный бой. Сильная рукопашная схватка со стороны воротъ Ѳомы. Ворота взламываютъ, и открывается видъ на гавань, гдѣ стоятъ корабли, освѣщенные факелами).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Джанеттино Доріа *въ красномъ плащѣ*. Ломеллино. *Впереди слуги съ факелами. Всѣ суетятся.*

Джанеттино *(останавливается)*. Кто велѣлъ бить тревогу?

Ломеллино. На галерахъ раздался пушечный выстрѣлъ.

Джанеттино. Галерные невольники станутъ рвать свои цѣпи. *(Выстрѣлы у воротъ Ѳомы)*.

Ломеллино. Тамъ стрѣльба.

Джанеттино. Ворота отворены; часовые взбунтовались! *(Прислушъ)* Живо, негодяи, свѣтите къ сторонѣ гавани. *(Быстро идутъ къ воротамъ)*.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же. Бургоньино *съ заговорщиками идутъ отъ воротъ Ѳомы.*

Бургоньино. Севастіанъ Лескаро — бравый солдатъ.

Центуріоне. Защищался, какъ раненый медвѣдь, пока не палъ.

Джанеттино *(возвращается пораженный)*. Что я слышу? стойте!

Бургоньино. Кто тамъ съ факеломъ?

Ломеллино. Это враги, принцъ, ускользните влѣво.

Бургоньино *(разгоряченный окликаетъ)*. Кто тамъ съ факеломъ?

Центуріоне. Стойте! вашъ лозунгъ?

Джанеттино *(вынимаетъ мечъ, упрямо)*. Подчиненіе и Доріа!

Бургоньино *(съ пѣной у рта, въ бѣшенствѣ)*. Губитель республики и моей невѣсты! *(Заговорщикамъ, накидываясь на Джанеттино)*. Удачная встрѣча, братья! его дьяволы сами выдаютъ намъ его! *(Закалываетъ Джанеттино)*.

Джанеттино *(падая съ дикимъ крикомъ)*. Убійство! убійство! убійство! Отомсти за меня, Ломеллино.

Ломеллино и слуги *(разбѣгаясь)*. Спасите! убійство! убійство!

Центуріоне *(громкимъ голосомъ)*. Онъ убитъ. Хватайте графа!

(Ломеллино схватываютъ).

Ломеллино *(на колѣняхъ)*. Пощадите мою жизнь. Я перейду на вашу сторону.

Бургоньино. Эта гадина еще жива. Убѣгай, трусъ. *(Ломеллино убѣгаетъ)*.

Центуріоне. Ворота Ѳомы наши. Джанеттино умираетъ. Бѣгите скорѣй, сколько силъ хватитъ, скорѣй! скажите объ этомъ Фіеско.

Джанеттино *(судорожно приподымается)*. А! чума на васъ! Фіеско! *(Умираетъ)*.

Бургоньино *(вынимаетъ мечъ изъ трупа)*. Свободна Генуя и моя Берта! Дай твой мечъ, Центуріоне. Этотъ-же окровавленный снеси моей невѣстѣ. Ея тюрьма разрушена. Я приду слѣдомъ за тобой съ моимъ поцѣлуемъ жениха.

(Быстро расходятся въ разныя улицы).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андреа Доріа. Нѣмцы.

Нѣмецъ. Буря пронеслась туда. Садитесь на коня, герцогъ.

Андреа. Дайте мнѣ еще разъ взглянуть на башни Генуи и на ея небо. Нѣтъ, это не сонъ: Андреа преданъ.

Нѣмецъ. Кругомъ все враги! прочь отсюда! бѣгите за границу!

Андреа (*бросается на трупъ своего племянника*). Здѣсь я покончу жизнь. Никто не говори о бѣгствѣ. Здѣсь лежитъ сила моей старости. Мой путь пройденъ. (*Въ отдаленіи появляется Кальканьо съ заговорщиками*).

Нѣмецъ. Тамъ убійцы! убійцы! бѣгите, престарѣлый князь!

Андреа (*слыша возобновившійся барабанный бой*). Слушайте, иноземцы! слушайте! Это возстали генуэзцы, которыхъ я спасъ отъ ига! (*Закутывается*). Такъ-ли вознаграждаютъ въ вашей странѣ?

Нѣмцы. Скорѣй! скорѣй! прочь отсюда! А мы пока зазубримъ ихъ мечи нѣмецкими костями. (*Кальканьо приближается*).

Андреа. Спасайтесь! оставьте меня! ужасайте народы страшнымъ извѣстіемъ: „Генуэзцы убили своего отца!“

Нѣмцы. Прочь отсюда! до убійства еще есть время. Товарищи, окружимъ герцога! Постоимъ за него. Въ плети этихъ итальянскихъ собакъ! Вбивайте имъ уваженіе къ сѣдой головѣ.

Кальканьо (*окликаетъ*). Кто тамъ? что тутъ такое?

Нѣмцы (*ударяя мечами*). Нѣмецкіе удары! (*Уходятъ, сражаясь. Трупъ Джанеттино уносятъ*).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Леонора *въ мужскомъ платьѣ.* Арабелла *за нею. Обѣ выступаютъ, боязливо крадучись.*

Арабелла. Вернитесь, синьора, идите-же.

Леонора. Тамъ бушуетъ мятежъ. Слушай! Кажется, стонъ умирающаго. На сердце Фіеско направлены ихъ зіяющіе ружейные стволы — на мое сердце. Белла, они спускаютъ курокъ. Остановитесь! это мой супругъ! (*Въ увлеченіи простираетъ впередъ руки*).

Арабелла. Но ради Бога...

Леонора (*все еще въ дикомъ безуміи, кричитъ въ разныя стороны*). Фіеско! Фіеско! Фіеско! Его сторонники убѣгаютъ за его спиной! Вѣрность мятежниковъ не прочна. (*Въ сильномъ испугѣ*). Мой мужъ ведетъ мятежниковъ? Белла! силы небесныя! Мой Фіеско сражается какъ мятежникъ?

Арабелла. Нѣтъ, синьора, какъ грозный рѣшитель судебъ Генуи.

Леонора (*внимательно*). Такое дѣло, а Леонора боится? Перваго республиканца обнимала самая трусливая республиканка? Когда мужчины бьются изъ-за государства, должна и женщина чувствовать свою силу. (*Снова барабанный бой*). Я брошусь въ битву.

Арабелла (*всплеснувъ руками*). Милосердное небо!

Леонора. Осторожнѣй! на что это я наступила? Тутъ шляпа и плащъ. Мечъ лежитъ подлѣ (*пробуетъ тяжесть меча*); тяжелый мечъ, моя Белла, но я могу его тащить, и мечъ не устыдитъ того, кто его носитъ.

(*Бьютъ въ набатъ*).

Арабелла. Слышите! слышите! это гудитъ съ башни Доминиканцевъ. Помилуй Богъ, какъ страшно!

Леонора (*восторженно*). Скажи лучше, какъ восхитительно! Этимъ набатнымъ колоколомъ мой Фіеско разговариваетъ съ Генуей. (*Барабанный бой сильнѣе*). Ура! ура! никогда флейты не звучали такъ сладко. Мой Фіеско воодушевляетъ эти барабаны;— какъ увлекается мое сердце выше и выше. Вся Генуя отдается веселью, наемниковъ приводитъ въ восторгъ его имя, а его жена будетъ робѣть? (*Набатъ на трехъ другихъ башняхъ*). Нѣтъ, мой герой долженъ обнимать героиню; мой Брутъ—обнимать римлянку. (*Она надѣваетъ шляпу и набрасываетъ пурпурный плащъ*). Я римлянка Порція.

Арабелла. Синьора, вы не знаете, какъ ужасны ваши мечтанія! нѣтъ, вы не знаете!

(*Набатъ и барабанный бой*).

Леонора. Жалкая ты, если слышишь все это и не увлекаешься. Эти плиты готовы заплакать, что не могутъ бѣжать за Фіеско. Эти дворцы негодуютъ на строителя, который пригвоздилъ ихъ къ землѣ,— они хотятъ бѣжать за Фіеско. Берега моря, еслибъ могли, покинули бы свое назначеніе, отдали бы волнамъ Геную и ликовали бы подъ громъ его барабановъ. А твою бодрость не разбудитъ и то, что можетъ самую смерть вырвать изъ ея оцѣпенѣнія. Ступай. Я найду мою дорогу.

Арабелла. Великій Боже! неужели вы приведете въ исполненіе вашу затѣю?

Леонора (*гордо и героически*). Полагаю, что приведу, глупая. (*Горячо*). Гдѣ сильнѣй всего свирѣпствуетъ бой, гдѣ мой Фіеско лично сражается,—я слышу, спрашиваютъ: это Лаванья? тотъ, кого никто не можетъ побѣдить? кто бросаетъ желѣзныя кости, чтобы выиграть Геную?—это Лаванья. Генуэзцы, скажу я, — это онъ, и онъ мой супругъ! и я тоже ранена.

(*Сакко и заговорщики*).

Сакко (*окликая*). Кто тамъ? Доріа или Фіеско?

Леонора (*воодушевленно*). Фіеско и свобода!

(*Бросается въ боковую улицу. Смятеніе. Белму толпа увлекаетъ съ собой*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Сакко *съ небольшой толпой*, Кальканьо *ему навстрѣчу также съ нѣсколькими сторонниками*.

Кальканьо. Андреа Доріа бѣжалъ.

Сакко. Это тебѣ плохая рекомендація въ глазахъ Фіеско.

Кальканьо. Звѣри эти нѣмцы! стали вокругъ старика, какъ скалы, я за ними его и не видѣлъ. Девятеро изъ нашихъ прикончены. Мнѣ самому разрубили лѣвое ухо. Если ужъ они такъ отстаиваютъ чужихъ тирановъ, чортъ возьми, какъ-же они должны охранять своихъ властителей!

Сакко. У насъ уже есть сильное подкрѣпленіе, и всѣ ворота наши.

Кальканьо. Я слышалъ, нѣмцы сильно обороняются въ укрѣпленномъ замкѣ.

Сакко. Бургоньино между ними. Что дѣлаетъ Веррина?

Кальканьо. Залегъ между Генуей и моремъ, какъ Церберъ, такъ что тамъ едва ли проскользнетъ и маленькая рыбка.

Сакко. Я прикажу бить тревогу въ городѣ.

Кальканьо. Я проведу своихъ черезъ площадь Сарцана. Бей тревогу, барабанщикъ!

(*Идутъ дальше съ барабаннымъ боемъ*).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ. *Группа* воровъ *съ фитилями*.

Мавръ. Знайте, мошенники, я заварилъ эту кашу, и мнѣ не даютъ ложки, чтобъ ее расхлебывать. Хорошо. Вотъ такая сумятица мнѣ по нраву. Давайте поджигать и грабить. Тамъ пустили въ ходъ кулаки изъ-за герцогства, а мы такъ нажаримъ церкви, что замерзшіе апостолы отогрѣются.

(*Бросаются въ сосѣдніе дома*).

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Бургоньино и Берта, *переодѣтая мальчикомъ*.

Бургоньино. Отдохни здѣсь, милый мальчикъ. Ты въ безопасности. Ты раненъ?

Берта (*измѣнивъ голосъ*). Нѣтъ, нисколько.

Бургоньино (*оживленно*). Такъ вставай-же, стыдись! я поведу тебя туда, гдѣ пожинаютъ раны за Геную, — прекрасныя! видишь, вотъ какъ эта (*показываетъ рану на рукѣ*).

Берта (*отшатнувшись*). О, Господи!

Бургоньино. Ты пугаешься, миленькій мальчикъ? Слишкомъ рано поспѣшилъ сдѣлаться мужчиной,—сколько тебѣ лѣтъ?

Берта. Пятнадцать.

Бургоньино. Плохо! на пять лѣтъ нѣжнѣе, чѣмъ нужно для нынѣшней ночи. Кто твой отецъ?

Берта. Лучшій гражданинъ Генуи.

Бургоньино. Скромнѣе, мальчикъ! лучшій только одинъ, и его дочь — моя невѣста. Знаешь ты домъ Веррины?

Берта. Кажется.

Бургоньино (*быстро*). И знаешь ты его божественную дочь?

Берта. Бертой зовутъ его дочь.

Бургоньино (*горячо*). Ступай скорѣй и передай ей это кольцо. Скажи ей, что оно можетъ служить обручальнымъ—и что ея избранникъ съ голубыми перьями ведетъ себя храбро. Ну иди съ Богомъ! я долженъ туда! еще опасность не миновала.

(*Нѣкоторые дома горятъ*).

Берта (*зоветъ его нѣжнымъ голосомъ*). Спиціо!

Бургоньино (*останавливается пораженный*). Клянусь моимъ мечемъ! я знаю этотъ голосъ.

Берта (*бросаясь ему на шею*). Клянусь моимъ сердцемъ! я очень знакома тебѣ.

Бургоньино (*вскрикиваетъ*). Берта!

(*Звонъ набата въ предмѣстьи. Суматоха. Берта и Бургоньино теряются въ толпѣ, обнявшись*).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско *входитъ разнаряженный*. Цибо *и свита*.

Фіеско. Кто поджегъ дома?

Циво. Крѣпость взята.

Фіеско. Кто поджегъ дома?

Циво (*дѣлаетъ знакъ окружающимъ*). Послать патруль, разыскать виновныхъ. (*Нѣкоторые уходятъ*).

Фіеско (*гнѣвно*). Они хотятъ меня сдѣлать поджигателемъ? Скорѣй, пожарный насосъ и кадки съ водой! (*Свита его уходитъ*). Но, вѣдь, Джанеттино убитъ?

Циво. Такъ говорятъ,

Фіеско(*въ бѣшенствѣ*).Только говорятъ? Кто-же это только говоритъ? Цибо! вашей честью заклинаю васъ: онъ убѣжалъ?!

Цибо (*обдумывая*). Если мои глаза столько-же значатъ, сколько показанія дворянина—Джанеттино живъ.

Фіеско (*вскипѣвъ*). Ты головой отвѣчаешь за свои слова, Цибо!

Циво. Повторяю вамъ—восемь минутъ назадъ я видѣлъ его расхаживающимъ съ желтымъ пучкомъ перьевъ и въ пурпурномъ плащѣ.

Фіеско (*внѣ себя*). Адъ и небо! Цибо! я велю снести голову Бургоньино. Бѣгите, Цибо! прикажите запереть всѣ ворота города, пострѣлить всѣ мелкія суда, чтобъ онъ на нихъ не могъ ускользнуть. Вотъ алмазъ, драгоцѣннѣе его не найдешь ни въ Генуѣ, ни въ Луккѣ, ни въ Венеціи, ни въ Пизѣ,—я отдамъ этотъ алмазъ тому, кто принесетъ мнѣ вѣсть, что Джанеттино мертвъ! (*Цибо поспѣшно уходитъ*). Спѣшите, Цибо!

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Сакко. Мавръ. Солдаты.

Сакко. Мы захватили мавра въ то время, какъ онъ бросалъ зажженный фитиль въ іезуитскій соборъ.

Фіеско. Твое предательство тебѣ прошло даромъ, потому что оно касалось меня. За поджигательство—веревка. Уведите его, повѣсьте на церковныхъ воротахъ.

Мавръ. Фуй! фуй! фуй! это мнѣ неловко! Нельзя-ли что-нибудь выторговать?

Фіеско. Ничего.

Мавръ. (*интимно*). Пошлите меня для пробы на галеру.

Фіеско (*дѣлаетъ знакъ окружающимъ*). На висѣлицу!

Мавръ (*нагло*). Такъ я приму христіанство!

Фіеско. Церковь не нуждается въ болячкахъ язычества!

Мавръ (*заискивая*). По крайней мѣрѣ пошлите меня въ вѣчность пьянымъ.

Фіеско. Трезвымъ.

Мавръ. Такъ не вѣшайте меня на христіанской церкви.

Фіеско. Рыцарь долженъ держать свое слово. Я обѣщалъ тебѣ особую, собственную висѣлицу.

Сакко (*ворчитъ*), Не растабарывай долго язычникъ. У насъ еще много дѣла.

Мавръ. Но если вдругъ веревка оборвется?

Фіеско (*Сакко*). Взять двойную.

Мавръ (*покорившись судьбѣ*). Ну, будь по вашему, и пускай дьяволъ приготовляется къ исключительному случаю.

(*Уходитъ съ солдатами, которые вѣшаютъ его въ отдаленіи*).

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Леонора *появляется въ глубинѣ въ пурпурномъ плащѣ Джанеттино.*

Фіеско (*видитъ ее, выступаетъ, отходитъ и злобно шепчетъ*). Знакомы-ли мнѣ эти перья и плащъ? (*Подходитъ ближе, рѣзко*). Мнѣ знакомы и плащъ и перья.(*Бѣшено на нее набрасывается и закалываетъ ее*). Если тебѣ даны три жизни,—вставай снова и ходи! (*Леонора падаетъ со стономъ. Слышенъ побѣдный маршъ. Барабаны, трубы и гобои*).

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Кальканьо. Сакко. Центуріоне. Циво. *Солдаты входятъ съ музыкой и знаменами.*

Фіеско (*идетъ къ нимъ навстрѣчу, торжествующій*). Генуэзцы,—игра выиграна. Здѣсь лежитъ змѣя, глодавшая мнѣ душу, пища моей ненависти. Подымите высоко мечи! (*Указывая на трупъ*), Джанеттино.

Кальканьо. И я прихожу вамъ сказать, что двѣ трети Генуи сдѣлались вашими сторонниками и присягаютъ вашему знамени.

Циво. А чрезъ меня посылаетъ вамъ Веррина свой привѣтъ и господство надъ гаванью и моремъ.

Центуріоне.Чрезъ меня губернаторъ города шлетъ свой жезлъ и ключи Генуи.

Сакко. Въ моемъ лицѣ Большой и Малый Совѣты республики (*падаетъ на колѣна*) бросаются колѣнопреклоненные передъ своимъ повелителемъ и покорно умоляютъ о милости и пощадѣ.

Кальканьо Я первый привѣтствую великаго побѣдителя въ стѣнахъ его города.—Слава вамъ! преклоняйте низко знамена передъ герцогомъ Генуи.

Всѣ (*снимая шляпы*). Слава! слава герцогу Генуи! (*Знамена дефилируютъ*).

Фіеско (*все время стоитъ, задумчиво опустивъ голову на грудь*).

Кальканьо. Народъ и сенатъ хочетъ видѣть своего повелителя въ царственномъ нарядѣ, чтобъ его привѣтствовать. Позвольте намъ, свѣтлѣйшій герцогъ, торжественно проводить васъ въ синьорію.

Фіеско. Позвольте мнѣ прежде удовлетворить мое сердце. Я былъ принужденъ покинуть дорогое мнѣ существо въ боязливомъ предчувствіи; женщину, которая раздѣлитъ со мной величіе этой ночи. (*Растроганно*). Будьте добры, проводите меня къ вашей прелестной герцогинѣ. (*Хочетъ идти*).

Кальканьо. Оставлять-ли тутъ валяться злодѣя? Въ этомъ углу, что ли, будетъ онъ скрывать свой стыдъ?

Центуріоне. Наткните его голову на алебарду!

Циво. Пускай его разрубленное тѣло промететъ нашу мостовую. (*Свѣтитъ на трупъ*).

Кальканьо (*испуганный, подавленнымъ голосомъ*). Смотрите сюда, генуэзцы! Видитъ Богъ, это не лицо Джанеттино.

(*Всѣ упорно смотрятъ на трупъ*).

Фіеско (*останавливается, бросаетъ испытующій взглядъ, потомъ въ оцѣпенѣніи отводитъ его судорожнымъ движеніемъ лица*). Нѣтъ, дьяволъ, нѣтъ это не лицо Джанеттино, коварный дьяволъ! (*Съ блуждающими глазами*). Вы говорите, что Генуя моя? моя? (*Съ бѣшенымъ порывомъ и страшнымъ крикомъ*). Адское ослѣпленіе!—это моя жена! (*Падаетъ какъ пораженный громомъ, на землю. Заговорщики стоятъ вокругъ него въ мертвомъ молчаніи съ ужасомъ на лицѣ*).

Фіеско (*поднимается обезсиленный, глухимъ голосомъ*). Я мою жену убилъ, генуэзцы? умоляю васъ, не глядите такими блѣдными, какъ у привидѣній, лицами на эту игру природы. Хвала Господу! бываютъ испытанія судьбы, которыхъ человѣку нечего страшиться, потому что онъ *только* человѣкъ. Кому не дано испытать божественное блаженство, тому не даются и дьявольскія муки. А тутъ было бы еще нѣчто болѣе ужасное. (*Съ ужасающимъ успокоеніемъ*). Генуэзцы! Слава Богу! это не могло случиться.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Тѣ-же; *входитъ* Арабелла, *рыдающая*.

Арабелла. Пусть бы они убили меня, что мнѣ теперь еще терять? Сжальтесь надо мною; здѣсь я оставила мою синьору и нигдѣ не найду ее.

Фіеско (*подходитъ къ ней ближе; тихимъ, дрожащимъ голосомъ*). Леонорой зовутъ твою госпожу?

Арабелла (*радостно*). Какое счастье, что вы тутъ, добрый, хорошій господинъ! Не гнѣвайтесь на насъ, мы никакъ не могли ее удержать.

Фіеско (*глухо и злобно ей*). Отъ чего удержать, ненавистная?

Арабелла. Чтобъ она не убѣжала.

Фіеско (*злье*). Молчи! куда не убѣжала?

Арабелла. Въ толпу.

Фіеско (*бѣшено*). Превратись въ крокодила языкъ твой! Какъ была она одѣта?

Арабелла. На ней былъ пурпуровый плащъ...

Фіеско (*въ безуміи набрасывается на нее*). Исчезни въ глубинѣ ада! Гдѣ она взяла плащъ?

Арабелла. Онъ лежалъ здѣсь на землѣ.

Нѣкоторые заговорщики (*вполголоса*). Джанеттино былъ здѣсь убитъ.

Фіеско (*мертвенно обезсиленный, качаясь отступаетъ. Арабеллѣ*). Твоя госпожа найдена. (*Арабелла уходитъ боязливо. Фіеско оглядываетъ толпу дико вращающимися глазами и говоритъ тихимъ, постепенно возвышающимся до крика голосомъ*). Это правда! правда? и я игрушка этого безпредѣльнаго злодѣйства. (*Звѣрски ударяя мечемъ вокругъ себя*). Отойдите прочь! вы человѣческія лица! (*Оскаливъ зубы и дерзко обращаясь къ небу*). А! если-бы у меня въ зубахъ было все міроздаиіе, я чувствую, я былъ-бы готовъ изгрызть и истерзать всю природу, пока бы она не приняла вида моихъ страданій. (*Къ остальнымъ, трепетно стоящимъ вокругъ него*). Люди! жалкія существа! какъ они стоятъ тутъ, благословляя себя и считая себя блаженными, что они не я! что не я! (*Впадая въ тупую дрожь*). Я одинъ получилъ этотъ ударъ. (*Скорбе и больше дико*). Я? почему я? отчего вмѣстѣ со мной и не эти? Отчего мои страданья не должны сглаживаться подлѣ страданій другихъ существъ, такихъ-же какъ я?

Кальканьо (*боязливо*). Мой дорогой герцогъ...

Фіеско (*наступаетъ на него съ ужасающей радостью*). А! добро пожаловать! Вотъ слава Богу, еще одинъ, кого раздавилъ этотъ громъ! (*Бѣшено обнимая Кальканьо*). Братъ по страданью, прими это проклятье! она умерла! ты ее тоже любилъ! (*Онъ заставляетъ его приблизиться къ Леонорѣ и прижимаетъ его голову къ ней*). Терзайся! она умерла! (*Съ неподвижнымъ взглядомъ, прикованнымъ къ одному мѣсту*). А! еслибъ стоялъ я у входа къ проклятымъ, и глаза мои могли бы видѣть жестокія пытки замысловатаго ада, и уши мои впивали-бы визгливые стоны грѣшниковъ,— кто знаетъ, можетъ быть тогда-бы я перенесъ мои страданія. (*Съ ужасомъ идя къ трупу*). Моя жена лежитъ здѣсь убитая,— нѣтъ этимъ мало сказано! (*Съ удареніемъ*). Я, злодѣй, убилъ мою жену! О, нѣтъ! для ада и это пустая шутка! онъ сперва возноситъ меня до крайнихъ, скользкихъ, головокружительныхъ высотъ радости, доводитъ меня до порога неба и тогда внизъ— тогда—о, еслибъ мое дыханье могло заразить чумой счастье человѣческихъ душъ— тогда я убиваю мою жену. Нѣтъ, адская выдумка еще тоньше; тогда опрометчиво обманываютъ меня (*презрительно*) два глаза—и—(*съ ужаснымъ удареніемъ*) я убиваю— мою жену. (*Съ язвительнымъ смѣхомъ*). Вотъ мастерское дѣло! (*Всѣ заговорщики потрясены, опираются на свое оружіе. Нѣкоторые вытираютъ слезы. Пауза*).

Фіеско (*истомленный, тихо, оглядывая всѣхъ кругомъ*). Рыдаетъ здѣсь кто-нибудь изъ васъ? Да, клянусь Богомъ, люди, задушившіе герцога, плачутъ. (*Смягчаясь, въ тихомъ горѣ*). Говорите, плачете вы объ этомъ высшемъ предательствѣ смерти или о трусости моей души! (*Печально и трогательно глядя на трупъ Леоноры*). Гдѣ въ теплыхъ слезахъ смягчались твердыя какъ скала души убійцъ, тамъ Фіеско съ отчаяніемъ проклиналъ. (*Падая въ слезахъ около трупа*). Леонора, прости, небо нельзя привести къ раскаянью злобой. (*Мягко и съ грустью*). Многіе годы назадъ, Леонора, предвкушалъ я праздникъ того часа, когда я представлю генуэзцамъ ихъ герцогиню. Я ужъ заранѣе видѣлъ тогда, съ какою прелестью ты стыдливо краснѣешь, какъ царственно прекрасно вздымается твоя грудь подъ серебрянымъ покрываломъ одежды, какъ пріятно твой нѣжный голосъ прерывается отъ восхищенья. (*Оживленнѣе*). Ахъ! какъ опьяняюще ужъ долеталъ до меня гордое, восторженное привѣтствіе толпы, какъ въ поникшей зависти отражалось тор-

жество моей милой! Леонора, часъ насталъ,— твой Фіеско—герцогъ Генуи, но послѣдній Генуэзскій нищій задумается промѣнять свое ничтожество на мои мученья и пурпуръ. (*Трогательнѣе*). Жена дѣлитъ съ нимъ его горе,—съ кѣмъ раздѣлю я мое величіе? (*Онъ плачетъ сильнѣе и приникаетъ лицомъ къ трупу. Всѣ окружающіе тронуты*)

Кальканьо. Это была прекрасная женщина.

Цибо. Только народу еще не слѣдуетъ сообщать объ этой тяжелой утратѣ. Она отниметъ мужество у нашихъ и передастъ его врагамъ.

Фіеско (*встаетъ сдержанный и твердый*). Слушайте, генуэзцы, Провидѣнье, на сколько я понимаю намекъ его, нанесло мнѣ этотъ ударъ, чтобъ испытать мое сердце въ его приближеніи къ величію. Это было отчаянное испытаніе! Теперь ужъ я не боюсь ни страданій, ни восторговъ. Идемте! Вы сказали мнѣ, что Генуя меня ждетъ? Я подарю Генуѣ властителя, какого еще не было видано нигдѣ въ Европѣ. Идемте! этой несчастной герцогинѣ я устрою такія похороны, что жизнь потеряетъ своихъ поклонниковъ, и смерть заблеститъ, какъ невѣста. Слѣдуйте за вашимъ герцогомъ! (*Уходитъ, сопровождаемый знаменами*).

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андреа Доріа. Ломеллино.

Андреа. Тамъ они ликуютъ.

Ломеллино. Счастье ихъ опьянило. Ворота сорваны. Все устремляется въ синьорію.

Андреа. Конь пугался только моего племянника. Мой племянникъ умеръ. Слушайте, Ломеллино..

Ломеллино. Что? еще, еще вы надѣетесь, герцогъ?

Андреа (*серьезно*). Дрожи за свою жизнь, называя меня насмѣшливо герцогомъ, если я даже не смѣю надѣяться.

Ломеллино. Милостивый господинъ, на вѣсахъ жизни въ чашѣ Фіеско цѣлый, бурливый народъ, что-же въ вашей?

Андреа (*величаво и тепло*). Небо.

Ломеллино (*ядовито и пожимая плечами*). Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ порохъ, Ангелы въ битвы не вмѣшиваются.

Андреа. Жалкая обезьяна тотъ, кто у отчаивающагося старика отнимаетъ его Бога! (*Серьезно и повелительно*). Иди, объяви, что Андреа еще живъ! Андреа, скажешь ты, проситъ своихъ дѣтей, чтобъ они все-таки не гнали его на восьмидесятомъ году его жизни къ чужеземцамъ, которые никогда не простятъ ему процвѣтанія его родины. Скажи имъ это, а также, что Андреа проситъ у своихъ дѣтей только такой клочекъ земли его родины, гдѣ бы онъ могъ сложить свои старыя кости.

Ломеллино. Я повинуюсь, но сомнѣваюсь въ успѣхѣ. (*Хочетъ идти*).

Андреа. Слушай! захвати съ собой эту сѣдую прядь волосъ; ты скажешь, что она была послѣдняя на моей головѣ и спала въ третью январьскую ночь, когда Генуя оторвалась отъ моего сердца; что восемьдесять лѣтъ держались эти волосы, что на восьмидесятомъ году они спали съ лысой головы; волосы дряблы, но довольно еще крѣпки, чтобъ застегнуть ими пурпурную мантію *стройному юношѣ*. (*Уходитъ, закрывъ лицо руками. Ломеллино спѣшитъ въ противоположную улицу. Слышны шумные радостные крики, среди звуковъ трубъ и литавръ*).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Веррина *пришелъ изъ гавани;* Берта и Бургоньино.

Веррина. Тамъ ликуютъ. Въ честь кого?

Бургоньино. Они, вѣроятно, провозглашаютъ Фіеско герцогомъ.

Берта (*боязливо прижимается къ Бургоньино*). Мой отецъ смотритъ такъ страшно Сципіо!

Веррина. Оставьте меня одного, дѣти,— о Генуя! Генуя!

Бургоньино. Чернь боготворитъ его и ревѣла, требуя пурпура. Дворянство съ ужасомъ къ этому прислушивалось и не смѣло сказать „нѣтъ“.

Веррина. Сынъ мой, я все мое имущество превратилъ въ золото и велѣлъ перенести его на твой корабль. Возьми твою жену и немедленно отправляйся въ море. Можетъ быть, и я за тобой послѣдую потомъ. Можетъ быть,—никогда. Плывите въ Марсель и (*съ тяжелымъ чувствомъ ихъ обнимая*) помоги вамъ Господи! (*Быстро уходитъ*).

Берта. Ради Бога! что задумалъ отецъ?

Бургоньино. Поняла ты отца?

Берта. Бѣжать! о, Господи! бѣжать въ день брака!

Бургоньино. Такъ онъ приказалъ, и мы будемъ послушны. *Оба уходятъ къ гавани*).

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Веррина. Фіеско *въ одѣяніи герцога. Оба встрѣчаются лицомъ къ лицу.*

Фіеско. Веррина! желанная встрѣча. Я только что вышелъ искать тебя.

Веррина. И я шелъ за этимъ.

Фіеско. Не замѣчаетъ Веррина никакой перемѣны въ своемъ другѣ?

Веррина (*сдержанно*). Я бы никакой не желалъ.

Фіеско. Но никакой и не видишь?

Веррина (*не смотря на него*). Я надѣюсь никакой не видѣть.

Фіеско. Я спрашиваю: не находишь ты никакой?

Веррина (*послѣ быстраго взгляда*). Я никакой не нахожу.

Фіеско. Ну, видишь-ли, стало быть это правда, что власть не дѣлаетъ тирановъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я сталъ герцогомъ Генуи, и Веррина (*обнимая его*) встрѣчаетъ такія-же горячія объятія мои, какъ прежде.

Веррина. Тѣмъ хуже, что онъ на нихъ долженъ отвѣчать холодностью. Видъ Величества падаетъ, какъ разсѣкающій ножъ, между мной и герцогомъ. Джіованни Лодовико Фіеско былъ обладателемъ широкихъ областей въ моемъ сердцѣ,—теперь, вѣдь, онъ завоевалъ Геную, и я беру назадъ мое владѣнье.

Фіеско (*пораженный*). Не дай Богъ! такая расплата за герцогство была-бы слишкомъ жидовской цѣной.

Веррина (*бормочетъ мрачно*). Гм! такъ ужъ, вѣрно, свобода настолько вышла изъ моды, что прикидываютъ республики первому встрѣчному за безцѣнокъ.

Фіеско (*кусая губы*). Этого никому не говори, кромѣ Фіеско.

Веррина. О, конечно, выдающаяся должна быть голова, отъ которой правда отходитъ безъ пощечины. Но жаль! Хитрый игрокъ просмотрѣлъ только одну карту. Онъ разсчитывалъ на то, что не возбудитъ никакой зависти, но остроумный хитрецъ, къ несчастью, выпустилъ изъ виду патріотовъ. (*Очень значительно*). А сдѣлалъ-ли угнетатель свободы ходы, чтобъ побѣждать и римскую добродѣтель? Клянусь Богомъ живымъ, скорѣе соберутъ мои кости на колесѣ палача, чѣмъ станутъ потомки отрывать ихъ на кладбищѣ герцогства.

Фіеско (*беретъ его ласково за руку*). Даже еслибы герцогъ былъ твоимъ братомъ? еслибъ онъ сдѣлалъ свое владѣніе исключительно сокровищницей благотворительности, для которой до сихъ поръ надо было прибѣгать къ нищенскому выпрашиванію? Веррина, и тогда нѣтъ?

Веррина. И тогда нѣтъ! Подарокъ изъ награбленнаго еще не спасъ ни одного вора отъ висѣлицы. Сверхъ того со мной такое великодушіе неумѣстно. Я-бы еще могъ допустить, чтобъ мой согражданинъ мнѣ сдѣлалъ какое добро: съ моимъ согражданиномъ я-бы надѣялся разсчитаться. Подарокъ властителя есть милость,—а милости я принимаю только отъ Бога.

Фіеско (*сердясь*). Легче бы мнѣ было оторвать Италію отъ Атлантическаго моря, чѣмъ этого упрямца отъ его заблужденій.

Веррина. А все-таки ты искусно умѣешь отрывать; агнецъ республики можетъ много разсказать о томъ, какъ ты вырвалъ его изъ пасти волка Доріа, чтобъ сожрать самому. Но довольно.—А вотъ что, между прочимъ, скажи мнѣ, герцогъ, въ чемъ провинился бѣднякъ, котораго вы прицѣпили къ воротамъ іезуитскаго собора?

Фіеско. Каналья поджигалъ Геную.

Веррина. Но, вѣдь, законы каналья оставилъ въ цѣлости?

Фіеско. Веррина разбиваетъ мою дружбу.

Веррина. Прочь съ дружбой! Я же говорю тебѣ, что я тебя больше не люблю; клянусь тебѣ, что я тебя ненавижу, ненавижу, какъ змѣю рая, принесшую первое зло въ мірозданіе, отчего уже пятое тысячелѣтіе льется кровь. Слушай, Фіеско, не какъ подвластный съ властителемъ, не какъ другъ съ другомъ, а какъ человѣкъ съ человѣкомъ говорю я съ тобой. (*Рѣзко и сильно*). Ты провинился передъ величіемъ истиннаго Бога тѣмъ, что воспользовался руками добродѣтели для мошенничества, патріотами Генуи для разврата. Фіеско, еслибъ я тоже былъ въ числѣ честныхъ глупцовъ, не замѣчающихъ плута, Фіеско, клянусь всѣми ужасами вѣчности, я-бы готовъ былъ свить веревку изъ моихъ собственныхъ жилъ и удавиться ею, чтобъ моя отлетающая душа обливала тебя отравой. Царственное злодѣйство, конечно, разбиваетъ золотую чашу на вѣсахъ человѣческихъ грѣховъ, но ты насмѣялся надъ небомъ и отвѣтишь на Страшномъ судѣ. (*Фіеско, пораженный, молча глядитъ на него большими глазами*).

Веррина. Не обдумывай никакого отвѣта. Мы покончили. (*Пройдясь взадъ и впередъ*). Герцогъ Генуи, я познакомился на корабляхъ вчерашнихъ тирановъ съ породой несчастныхъ существъ, которыя пережевываютъ свою издавнюю вину каждымъ взмахомъ весла и льютъ свои слезы въ океанъ, а онъ слишкомъ богатъ, чтобъ считать такія капли. Хорошій властитель начинаетъ свое правленіе милосердіемъ. Хочешь-ли ты рѣшиться освободить каторжниковъ на галерахъ?

Фіеско (*ядовито*). Пусть будутъ они первыми жертвами моей тиранніи. Иди, освободи ихъ всѣхъ.

Веррина. Дѣло будетъ сдѣлано только вполовину, если не увидишь радости, которую оно доставитъ. Испытай это и пойди самъ. Большіе господа такъ рѣдко бываютъ свидѣтелями своего зла, должны-ли они и добро дѣлать за своей спиной? Я бы думалъ, что чувства даже послѣдняго нищаго не могутъ быть ничтожны для герцога.

Фіеско. Веррина, ты ужасенъ; но, не знаю, почему, я долженъ за тобой слѣдовать. (*Оба идутъ къ морю*).

Веррина (*останавливается съ грустью*). Но еще разъ обними меня, Фіеско! здѣсь, вѣдь нѣтъ никого, кто бы видѣлъ, что Веррина плачетъ и властелинъ растроганъ (*искренно обнимаетъ его*). Конечно, никогда не бились два такихъ сильныхъ сердца одно подлѣ другого; мы же такъ горячо любили другъ друга (*Сильно плача на груди Фіеско*). Фіеско, Фіеско, ты освобождаешь въ моемъ сердцѣ мѣсто, которое не займетъ человѣчество трижды взятое.

Фіеско (*очень растроганный*). Будь моимъ другомъ!

Веррина. Сбрось этотъ ненавистный пурпуръ,—и я буду другомъ! Первый властитель былъ убійца и ввелъ пурпуръ, чтобъ скрыть въ этомъ кровавомъ цвѣтѣ пятна своихъ дѣяній. Слушай, Фіеско, я воинъ, я мало знакомъ съ заплаканными глазами; Фіеско, это мои первыя слезы,—сбрось этотъ пурпуръ!

Фіеско. Молчи!

Веррина (*сильнѣе*). Фіеско, положи на одну сторону всѣ короны міра въ награду,—на другую всѣ пытки, для устрашенія,—и прикажи мнѣ преклонить колѣно передъ смертнымъ—я не соглашусь. Фіеско! (*падая къ его ногамъ*) это мое первое колѣнопреклоненіе: сбрось этотъ пурпуръ!

Фіеско. Встань и не раздражай меня больше.

Веррина (*рѣшительно*). Я встаю и больше тебя не раздражаю. (*Они стоятъ подлѣ доски, служащей мостикомъ на галеру*). Герцогъ идетъ впереди. (*Идутъ по доскѣ*).

Фіеско. Зачѣмъ ты дергаешь мой плащъ?.. Онъ падаетъ!

Веррина (*со страшной насмѣшкой*). Ну, если пурпуръ падаетъ, и герцогъ долженъ падать за нимъ! (*сбрасываетъ его въ море*).

Фіеско (*кричитъ изъ волнъ*). Спаси меня, Генуя! спаси, спаси своего герцога... (*тонетъ*).

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Кальканьо. Сакко. Циво. Центуріоне. Заговорщики. Народъ. (*Всѣ въ боязливой поспѣшности*).

Кальканьо (*кричитъ*) Фіеско, Фіеско, Андреа вернулся! половина Генуи бѣжитъ къ нему на встрѣчу. Гдѣ Фіеско?

Веррина (*твердымъ голосомъ*). Утонулъ!

Центуріоне. Кто отвѣчаетъ? адъ или домъ сумасшедшихъ?

Веррина. Утопленъ, если это лучше звучитъ.—Я иду къ Андреа. (*Всѣ стоятъ группами неподвижно*).

Занавѣсъ падаетъ.

Примѣчанія къ I тому.

СЪ ПОРТРЕТАМИ РУССКИХЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ ШИЛЛЕРА.

Примѣчанія къ стихотвореніямъ.

Въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ поясненія и комментаріи къ стихотвореніямъ (составлены по наиболѣе авторитетнымъ нѣмецкимъ комментаторамъ Шиллера—Дюнцеру, Фигофу, Минору, Шерру, Беллерманну и др.) принадлежатъ *А. Г. Горнфельду*. Свѣдѣнія о русскихъ переводахъ даны *С. В. Венгеровымъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ указаній сообщены *Н. Н. Бахтинымъ*.

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

(1780).

Переработка пѣсни Амаліи изъ «Разбойниковъ» (Актъ II, 4), относящаяся къ 1793 г. Источникомъ послужила сцена изъ «Иліады» (пѣснь VI, стихъ 395), но тамъ прощаніе Гектора съ Андромахой происходитъ не предъ послѣднимъ, роковымъ боемъ его съ Ахилломъ, мстящимъ за смерть своего друга Патрокла (пѣснь XXII), а раньше.

1. **Н. Тютчевъ** (а не Ѳ. Тютчевъ, какъ указывается въ нѣкоторыхъ библіогр. указателяхъ). Гекторъ и Андромаха, изъ Шиллера, «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ», 1832, ч. II, стр. 204. Переводъ не особенно точный.

2. **Н. Кетчеръ.** Въ переводѣ «Разбойниковъ» (Москва, 1828). Скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ, пространнѣе подлинника (вмѣсто 24 стиховъ—31) и другимъ размѣромъ.

3. **М. Михайловъ.** Прощаніе Гектора, изъ Шиллера, «Сынъ Отечества», 1847 № 3, перепечатано въ стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова изд. 1862 и и 1890 г. Сравнительно съ другими мастерскими переводами Михайлова, этотъ не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Холодный размѣръ его совсѣмъ не подходитъ къ горячему тону стихотворенія въ подлинникѣ.

Андромаха.

О, Гекторъ, супругъ мой, ужели меня ты покинешь?
Пойдешь ли туда, гдѣ Ахиллъ безпощадной рукою
Приноситъ кровавыя жертвы Патроклу? Кто будетъ
Малютку учить твоего покоряться безсмертнымъ
И дротикъ метать? О, мой Гекторъ, что станется съ нами,
Когда ты потонешь въ пучинѣ туманнаго Орка?

Гекторъ.

Не плачь, дорогая супруга! отри свои слезы!
Въ груди моей мщенье кипитъ врагамъ за отчизну...
Рука моя будетъ защитой родного Пергама;
И если паду я—паду за пенатовъ отцовскихъ!
И къ Стиксу сойду какъ защитникъ твердынь Иліонскихъ!

Андромаха.

Увы, не внимать мнѣ бряцанью доспѣховъ супруга!
Твой мечъ сиротѣющій ржавчина съѣстъ, и съ тобою
Навѣки погибнетъ могучее племя Пріама!
Сойдешь ты туда, гдѣ и дня не бывало отъ вѣка,
Гдѣ волны Коцита рыдаютъ и стонутъ въ пустынѣ...
О, Гекторъ, супругъ мой, любовь твоя въ Летѣ потонетъ!

Гекторъ.

Потонутъ въ ней всѣ мои страсти, порывы и думы—
Любовь не погибнетъ въ холодной пучинѣ забвенья.
Но слышишь?.. ужъ варваръ промчался къ стѣнамъ Иліона.
Мечемъ опоишь меня!.. Плачъ свой оставь ты и вѣруй:
Любовь моя вѣчная въ Летѣ погибнуть не можетъ.

4. **Владиміръ Зотовъ.** «Пантеонъ». 1853, Т. VIII, № 3, стр. 5. Подражаніе.

5. **Л. Мей.** Прощаніе Гектора, изъ Шиллера «Отеч. Зап.», 1855 г., С., и во всѣхъ собраніяхъ стихотвореній Мея—1857, 1863, и позднѣе. Безспорно лучшій изъ переводовъ этого стихотворенія и очень точный.

6. **М. Достоевскій.** Въ «Разбойникахъ». См. выше, стр. 209.

7. **Павловъ, Д. И.**—Прощаніе Гектора съ Андромахой. Изъ Шиллера.—«Рус. Обозрѣніе»—1893 г. № 6, стр. 697.

8. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

АМАЛІЯ.

(1780).

Изъ «Разбойниковъ» (актъ III, 1)—пѣсня Амаліи о далекомъ миломъ.

1. **Жуковскій, В. А.** Плачъ Людмилы.

Ангелъ былъ онъ красотою,
Маемъ кроткій взоръ блисталъ,
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуи—сладость рая,
Слитыхъ пламеней струя,
Горныхъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою,
Распалялись... все цвѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и тоски,
Нѣжныхъ ласкъ очарованье
Огнь сжимающей руки...

Сердца сладостныя муки...
Все простн!... Его ужъ нѣтъ!
Ахъ! прерви жъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

Ни при первоначальномъ появленіи этого подражанія въ «Вѣст. Евр.» 1809 г. (№ 20), ни въ позднѣйшихъ изданіяхъ не указано, что стихотвореніе заимствовано изъ Шиллера.

2. **Н. Кетчеръ.** Въ переводѣ «Разбойниковъ» (Москва, 1828). Переводъ растянутый (вмѣсто 16 стиховъ—20), неточный и вялый.

3. **М. Меркли.**—Пѣснь Амаліи, изъ Шиллера.. (Стихотв. М. Меркли, 1835, стр. 69).

Намъ не пришлось видѣть этотъ переводъ, но судя по отзыву Бѣлинскаго (Соч. подъ редак. С. А. Венгерова, т. II) о Меркли, онъ едва ли представляетъ литературный интересъ.

4. **Н. Коншинъ** (а не К о п т е в ъ, какъ указано у Гербеля). Изъ Шиллера. «Современникъ», 1841, т. XXIII, стр. 176. Переводъ не особенно точенъ; въ литературномъ отношеніи среднихъ достоинствъ,

5. **Анонимъ.** Амалія, изъ Шиллера. «Опечатки». 1843. стр. 28. Переводъ плохъ.

6. **Л. Мей.** «Библ. д. чт.» 1855, т. CXXX и въ собраніяхъ его стихотвореній.

7. **Н. Маркевичъ.** Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 1857, т. I, изд. Гербеля. Переводъ нѣсколько растянутъ (20 стиховъ).

8. **М. Достоевскій.** Амалія въ саду играетъ на лютнѣ. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, 1857, т. II (см. выше, стр. 225).

9. **А. С.**—Безъ заглавія. «Русское Слово», 1861, № 4.

10. **В. Бенедиктовъ.** Безъ заглавія и означенія, что переводъ изъ Шиллера. Классическіе иностранные писатели въ русскомъ переводѣ, 1865, № II.

11. **Н. Голововановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

(1780).

Стихотвореніе, носящее въ оригиналѣ названіе «Eine Leichenphantasie» (Могильная фантазія), посвящено памяти только что скончавшагося даровитаго юноши Христофора Августа фонъ Говена (1751—1780), брата друга поэта. По тогдашнему обычаю усопшій долженъ былъ быть воспѣтъ въ соотвѣтственномъ случаю произведеніи. Стихотвореніе было напечатано въ одномъ экземплярѣ, вѣроятно, съ музыкой Цумштега.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Надъ свѣжей могилой.—Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля и Собр. стихотв. Миллера.

2. **Н. Голововановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1889.

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ.

(1781).

На смерть воспитанника военной академіи Іоганна Христіана Векерлина (род. въ 1759 г.), товарища Шиллера по медицинскимъ занятіямъ, впослѣдствіи поступившаго на службу въ аптеку къ отцу поэта. Стихотвореніе напечатано отъ имени друзей покойнаго. Мрачное міровоззрѣніе и сомнѣнія въ справедливости Творца, выраженныя въ первой редакціи еще болѣе рѣзко, возбудили толки, о которыхъ поэтъ писалъ (4 янв. 1781 г.) своему другу фонъ Говену: «Эта мелочь ославила меня въ округѣ больше, чѣмъ двадцатилѣтняя практика. Это слава, но слава того, кто сжегъ храмъ Эфесскій. Господи помилуй!»

1. **А. Ш.** (Элегія на смерть юноши, изъ Шиллера «Сибирскія мелодіи» 1846. Переп. въ «Мелодіяхъ» 1852 г.). Переводъ, въ общемъ, очень недуренъ, но помѣщаемый нами переводъ Миллера точнѣе.

2. **Ѳ. Миллеръ.** (Элегія на смерть юноши). Шиллеръ въ переводѣ рус. поэтовъ, изд. Гербеля и Собр. стих. Миллера.

3. **Н. Голововановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ФАНТАЗІЯ (ЛАУРѢ).

(1781).

Послѣ долгихъ споровъ о личности «Лауры», къ которой обращено это и пять другихъ (см. ниже) стихотвореній, можно теперь считать несомнѣннымъ, что подъ этимъ именемъ, избраннымъ подъ вліяніемъ Клопштока, скрыта Луиза Доротея Фишеръ, вдова офицера, у которой поэтъ жилъ въ Штутгардтѣ по выходѣ изъ академіи (см. біографію). Смыслъ стихотворенія: какъ сила всемірнаго тяготѣнія сдерживаетъ и объединяетъ міръ матеріи, такъ любовь сцѣпляетъ воедино міръ духовный; обобщая обѣ области, поэтъ вслѣдъ за греческими философами, особенно Эмпедокломъ, для котораго обособленіе и соединеніе первоначально хаотическихъ и разрозненныхъ элементовъ есть дѣло Эроса, даже именуетъ обѣ силы одинаково *любовью* («На любви основанъ мировой законъ»). Далѣе поэтъ сообщаетъ и различнымъ проявленіямъ чувства также личную жизнь—любовь: радость сочетается съ горемъ, надежда съ отчаяніемъ, тоска «братски» сочетается съ наслажденіемъ—и отъ этого союза рождаются «золотыя дѣти»—слезы успокоенія. То же парное сочетаніе видитъ поэтъ и въ «царствѣ зла», гдѣ «наши пороки враждуютъ съ небомъ и любовно соединяются съ адомъ, грѣхъ со стыдомъ и раскаяніемъ, величіе съ опасностью, гордость съ паденіемъ, счастье съ завистью, похоть съ своей «сестрой»—смертью. Послѣднія двѣ строфы изображаютъ невозможное осуществленіе невыполнимаго порыванія: это произойдетъ лишь тогда, когда, согласно преданію, Время (Сатурнъ) соединится съ своей невѣстой—вѣчностью.

1. **Анонимъ** (Фантазія къ Лорѣ, изъ Шиллера, «Московск. Вѣстн.» 1831, ч. VI). Переводъ литературный, но тяжеловѣсный.

2. **Н. Гербель.** Фантазія. Лаурѣ, Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

3. **Н. Маркевичъ.** «Маріи» подражаніе Шиллеру («Славянинъ» 1827, ч. II, № 13). Взяты только послѣднія 8 строкъ стихотворенія и очень неуклюже и неточно передѣланы въ 12.

4. **В. Курочкинъ.** (Лаурѣ—отрывокъ изъ Шиллера) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля. Спб. 1857, т. II, стр. 296. Куплеты 4, 5, 6, 7, 8.

Атомовъ тончайшихъ міріады
Устремляютъ въ цѣлое любовь;
Ею сферъ сдвигаются громады
И системы движутся міровъ.

Но любовь исторгни—все строенье
Распадется,—и во всѣ концы
Вторгнется хаосъ и разрушенье...
Сокрушайтесь, міра мудрецы!

Безъ всесильной – духъ окаменѣетъ
И погибнетъ смертью естества;
Безъ любви весна не зеленѣетъ,
Человѣкъ не знаетъ Божества!

И когда меня цѣлуетъ Лора,
Отчего вся кровь во мнѣ кипитъ,
Отчего такъ сердце бьется скоро,
И огонь лицо мое палитъ?

И съ могучей, напряженной силой
Въ моихъ жилахъ кровь бѣжитъ ключемъ,
Плоть моя стремится къ плоти милой,
Души въ насъ горятъ однимъ огнемъ?...

5. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера, М. 1899.
6. **О. Н. Чюмина.** Фантазія (Лаурѣ). Переведено для настоящаго изданія.

ЛАУРА ЗА КЛАВЕСИНОМЪ.

(1781).

«Одинъ изъ наиболѣе незрѣлыхъ, напыщенныхъ и безсодержательныхъ опытовъ поэта» (Дюнцеръ, 311). Въ русскомъ переводѣ не упомянуто имя «кудесника» (стихъ 5) Якова Филадельфія—знаменитаго мага XVIII вѣка, вызывавшаго души мертвецовъ и отсутствующихъ. Стихи:

Какъ кудесникъ, властно напрягаешь
И владѣешь струнами души,

связанные съ его именемъ, вызываютъ разногласія между комментаторами: одни (Беллерманъ)—объясняютъ ихъ смыслъ такъ: Филадельфій оживляетъ тысячи бездушныхъ тѣлъ; другіе, наоборотъ (Фигофъ), видятъ здѣсь сравненія: «какъ Филадельфія своимъ искусствомъ *отнималъ* души у тысячи людей, такъ Лаура обращаетъ своей игрой въ бездушную статую своего слушателя». Дюнцеръ, между прочимъ, находитъ возможнымъ усмотрѣть здѣсь намекъ на «тысячи нитей», которыми орудовалъ Филадельфія, приводя въ движеніе автоматовъ, употребляемыхъ имъ для своихъ фокусовъ.

1. **А. Мерзляковъ.** «Къ Лаурѣ за Клавесиномъ изъ Шиллера». «Вѣстн. Европы» 1806 г. ч. XXV, и въ сочиненіяхъ Мерзлякова (М. 1867, ч. 2). Переводъ очень растянутъ (55 стиховъ вмѣсто 41) и тяжелъ, не представляетъ интереса по имени переводчика. См. о немъ ниже при переводѣ Державина.

Когда твоя рука летаетъ по струнамъ,
Лаура!—изступленъ, восторженъ къ небесамъ,
Одной душой живу и наслаждаюсь;
И обездушенъ вдругъ, я въ камень превращаюсь!
Ты жизнь даешь, отъемлешь вновь;
Такъ сильно общее сердецъ соединенье,
Въ безчисленныхъ путяхъ взаимное влеченье;
Всесильна такъ одна любовь!
Благоговѣніемъ священнымъ упоенный,
Прохладный вѣтерокъ чуть дышетъ надъ тобой;
Но бурей пѣсни пробужденный,
Крутится въ вихряхъ самъ съ собой!
Природа, алчная къ твоимъ восторгамъ, страстно
Приникла и молчитъ! Волшебница!—воззришь,
И я весь твой навѣкъ!—струнами загремишь,
И все тебѣ подвластно!
Какъ море разлилась гармонія живая,
Всеусладительный въ согласіи раздоръ!
Такъ въ искрахъ пламенныхъ отъ свѣта возникая,
Рождался ангеловъ соборъ!
Такъ въ нѣдрахъ хаоса, изъ бурь животворящихъ,
Раскрылись, понеслись полки міровъ блестящихъ,
И ночь зардѣлася отъ утреннихъ лучей!
Таковъ волшебный тонъ гармоніи твоей!
Умолкни все! онъ тихъ, онъ сладокъ, какъ ручей!
По свѣтлому песку струи свои катящій,
И робкимъ шопотомъ съ цвѣтами говорящій
О нѣжности своей.
Убойтеся, тираны!
Въ величествѣ святомъ и грозномъ онъ течетъ,
Какъ горніе громовъ органы.
Внемлите:—водопадъ реветъ.
Кипящей пѣною граниты омываетъ
И въ брызгахъ тучи составляетъ!
Но се!—манитъ меня, какъ легкій вѣтерокъ,
Когда онъ крадется сквозь липовый лѣсокъ,
Но вѣтвямъ тихо пробираясь,
И самой нѣгой утомляясь
Еще шумитъ, еще дохнулъ
И въ розовомъ кустѣ заснулъ!
Премѣна чудная!.. что сдѣлалось со мной?
Мнѣ тяжко! такъ темно!.. не область ли тѣней,
Не Орковы ль поля я вижу предъ собой?
Вездѣ уныніе... и блѣдный видъ скорбей!
Печальная сова ночь сону пробуждаетъ;
Влачася слезною волной,
Коцитъ едва мелькаетъ.
Всему конецъ!... всему покой!
Остановись, скажи не съ горними-ль духами
Весѣдуетъ мой духъ? Не съ горними-ль пѣвцами
Въ союзѣ ты святомъ?
Открой мнѣ таинство: не симъ ли языкомъ
Въ Едемѣ праведныхъ веселіе вѣщаетъ,
Когда Егову прославляетъ?

2. **Державинъ.** Дѣва за клавесиномъ. «Вѣст. Евр.» 1806 г., ч. XXVI, № 7 и въ отдѣльныхъ изданіяхъ сочиненій Державина, гдѣ печатается подъ заглавіемъ «Дѣва за арфою». Въ печати этотъ переводъ появился послѣ перевода Мерзлякова, но сдѣланъ онъ раньше—въ 1805 г. Державинъ отправилъ его къ Каченовскому для напечатанія въ «Вѣст. Евр.», но Каченовскому, не любившему бѣлыхъ стиховъ, переводъ не понравился, и чтобы отклонить печатаніе, онъ просилъ Мерзлякова перевести «Дѣву» риѳмованными стихами, а Державину написалъ, что у него есть одинъ переводъ. Затѣмъ онъ, однако же, напечаталъ и переводъ Державина. Дмитріеву переводъ Державина тоже не нравился. Ср. Соч. Державина подъ ред. Грота, т. 2, стр. 540–43. Послѣднихъ 10 стиховъ Державинскаго перевода, съ ихъ полемикой противъ скептицизма 18 вѣка, у Шиллера совсѣмъ нѣтъ.

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,
О дѣва, клавесинъ струнами,
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою,
Царица жизни ты и смерти
Силъ править тысящьми, какъ Богъ!
Благоговѣя чуть шумитъ
Вкругъ воздухъ на тебя приникши,
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стопитъ, кружася, въ вихрѣ вѣкъ,
И тьмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ плѣнитъ всю тварь

Полны гармоніи душой
Изъ струнъ роскошно устремленны,
Какъ Серафимы вновь рождаясь,
Изъ неба порхаютъ, кишатъ;
И какъ изтекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнца возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ тонъ златый
Пріятно,—какъ сребристый ключъ
Журча по камешкамъ катится
Великолѣпно, важно вдругъ,—
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно,—вдали съ утеса,
Какъ шумный пѣнистый потокъ;—
Отрадно,—какъ межъ липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дыхаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело
По мертвымъ дебрямъ ужасный шорохъ нощи
И вой, протяжно изчезая:
Влечется слезною Коцитовой волной.
Но стой! и мнѣ повѣдай, Дѣва:
Въ связи-ль съ духами ты небесъ,
И тотъ-ли ихъ языкъ въ Едемѣ,
Музыка коимъ говоритъ?
Завѣса отъ очесъ упала!
Затворы слуха отперлись!
О Дѣва! Я дышу живѣя.
Иль огнь эеирный очищая,
И вихремъ въ выспрь меня несетъ?
Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны!
За гробомъ утренняя заря!
Прочь, прочь съ понятьемъ насѣкомыхъ,
Кощуны... прочь!—есть Богъ!

3. В. Бенедиктовъ. (Лаура за клавесиномъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля, и въ «Сочиненіяхъ».

Клавесинъ, перстамъ твоимъ послушный,
Зазвучалъ: я слышу гимнъ небесный—
И стою, какъ истуканъ бездушный,
И парю, какъ геній безтѣлесный.
Воздухъ—только бъ не нарушить
Тѣхъ мелодій, что онъ слышитъ,
Только бъ слышать, только бъ слушать—
Притаился и не дышитъ;
Мнятся, полный кругъ созданья
Таетъ въ нѣгѣ обаянья;
Оковала ты его
Струнъ волшебныхъ переборомъ,
Какъ сковала бѣглымъ взоромъ
Область сердца моего.
Звуки льются въ огненныхъ размѣрахъ:
Кажется, все вновь и вновь творимы -
На струнахъ, какъ на небесныхъ сферахъ,
Въ звукахъ тѣхъ родятся херувимы;
Кажется, изъ нѣдръ хаоса блещетъ
Новый міръ и, въ вихрѣ міросданья
Восходя, за солнцемъ солнце хлещетъ
Бурными потоками сіянья.
Слышится мнѣ въ сладкихъ
Переливныхъ тонахъ
Ручеекъ на гладкихъ
Камешкахъ надонныхъ;
Слышится мнѣ, то по тучамъ гремящій
Божій органъ тотъ, гдѣ сыпля перуны,
Рвутся сверкающей молніи струны;
То по уступамъ съ обрывовъ скользящій
Съ шумомъ глухимъ—изъ раската въ раскатъ—
Прыщущій пѣной широкій каскадъ;
То ласкательно-игривый
Въ перескокъ черезъ лѣсокъ
Шаловливо листья ивы
Покачнувшій вѣтерокъ;
То мнѣ въ стенающихъ звукахъ открыта
Адская бездна, гдѣ волны Коцита—
Слезныя волны - текутъ черезъ край;
То предо мной разверзается рай...
И готовъ спросить у дѣвы
Я сквозь трепетъ въ этотъ мигъ:
«То не райскіе ль напѣвы,
Не предвѣчный ли языкъ?»

4. Н. Головановъ, Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
5. О. Н. Чюмина. Переведено для настоящаго изданія.

РУССО.

(1781).

Обращеніе къ памятнику Жанъ-Жака Руссо (1712—1778) на такъ называемомъ «островѣ Ивъ» въ Эрменонвилѣ подлѣ Парижа, гдѣ жилъ послѣдніе дни и умеръ знаменитый философъ. Изъ четырнадцати первоначальныхъ строфъ этого стихотворенія поэтъ съ большимъ тактомъ отбросилъ двѣнадцать слабыхъ, оставивъ двѣ лучшія. Преслѣдованія Руссо навлекъ на себя сочиненіемъ «Эмиль или о воспитаніи», которое было сожжено рукой палача. Авторъ, приговоренный къ заключенію въ тюрьмѣ, бѣжалъ и долго скитался, терпя большія лишенія.

1. Мей. Руссо, Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Сочиненіяхъ».
2. Н. Головановъ, Лирич. стих. Шиллера М. 1889.

УПОЕНІЕ (ЛАУРѢ).

(1781).

Въ изданной Шиллеромъ въ 1782 году «Антологіи» эта ода носитъ болѣе опредѣленное названіе: «Минуты блаженства подлѣ Лауры». Въ томъ-же 1782 году оно появилось въ «Der Schwäbische Musen Almanach», сокращенное на двѣ строфы, въ 1793 г. урѣзано поэтомъ болѣе чѣмъ на половину, отчего, по мнѣнію всѣхъ комментаторовъ, производитъ неполное впечатлѣніе.

1. Ѳ. Миллеръ. (Лаурѣ) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.
2. Н. Головановъ, Лирическія стихотворенія Шиллера М. 1899. («Восторгъ къ Лаурѣ»).

ДѢТОУБІЙЦА.

(1781).

Популярная въ эту эпоху тема. Тяжкія и позорныя наказанія, налагаемыя за дѣтоубійство государствомъ и церковью, вызвали отпоръ со стороны поэтовъ и гуманныхъ людей, указывавшихъ на смягчающія обстоятельства—соблазны и страсть; къ этому общественному настроенію относится и Гретхенъ въ «Фаустѣ». Стихотвореніе представляетъ собой какъ-бы монологъ по пути на казнь, чему, однако, противорѣчитъ сцена сожженія писемъ (предпослѣдняя строфа).

1. Милоновъ (Мать убійца, съ нѣмецкаго изъ Шиллера). «Вѣст. Евр.» 1813, ч. LXX, 3. Сатиры Милонова 1819, 85. Больше пересказъ, чѣмъ переводъ.

Василій Андреевичъ ЖУКОВСКІЙ.

Слышишь? бьетъ ужасный часъ!
Укрѣпитесь, силы!
Вмѣстѣ къ смерти! ищутъ насъ
Бросить въ ровъ могилы!
Все исчезло:—Божій свѣтъ,
И побесъ отрада,
Для меня васъ болѣ нѣтъ—
Я добыча ада!

Ахъ, прости и свѣтлый день,
Взоровъ услажденье,
Сладострастна ночи тѣнь—
Чувствъ обворожденье!
Блескъ отрадный вашъ погасъ,
О, мечты златыя!
Быстро скрылись всѣ отъ глазъ,
Радости земныя! и т. д.

2. **И. Покровскій**—(«Мать убійца») «Благонамѣренный», 1822, ч. 17, № 7, 270. Переводъ, по своему времени, не дуренъ.

3. **А. Мейснеръ.** (Чадоубійца, изъ Шиллера). Соч. А. Мейснера, 1836, и въ изданіи Гербеля.

4. **Анонимъ.** (Преступница, изъ Шиллера) «Сибирскія Мелодіи», 1846. 41. Переводъ не безъ достоинствъ.

5. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера, М. 1899.

6. **Аполлонъ Коринфскій.** Переведено для настоящаго изданія.

СРАЖЕНІЕ.

(1781).

Первоначально называлось «Въ бою—разсказъ офицера» и, несомнѣнно, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ перваго періода. Обращаетъ на себя вниманіе свободный размѣръ, переходы котораго вполнѣ соотвѣтствуютъ развитію дѣйствія.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера, М. 1899.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

(1781).

Въ анонимной замѣткѣ объ «Антологіи» Шиллеръ говоритъ, что это стихотвореніе, очевидно, написано подъ вліяніемъ «Nachtfeier der Venus» Бюргера (1773); послѣднее стихотвореніе есть подражаніе «Pervigilium Veneris» («Cras amet qui numquam amavit, quique amavit, cras amet»), приписываемому Катуллу. Несмотря на это указаніе, произведеніе Шиллера совершенно самостоятельно. Комментаторы различно оцѣниваютъ планъ композиціи: по мнѣнію Дюнцера, между первой частью, гдѣ передается, какъ еще грубый родъ людской рожденіемъ богини любви призванъ къ духовной жизни, и второй, гдѣ изображена власть любви на Олимпѣ, въ преисподней и на землѣ, откуда любовь возноситъ людей на небо, - нѣтъ никакой связи. Наоборотъ, Фигофъ считаетъ гимнъ однимъ изъ лучшихъ юношескихъ стихотвореній Шиллера.

Объясненіе второй строфы («Изъ недвижныхъ скалъ... смертныхъ родъ возсталъ») см. дальше въ Словарѣ—Девкаліонъ и Пирра.

1. **С. Шевыревъ.** Торжество любви. «Сѣверная Лира», 1827.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899. (Тріумфъ любви).

ВЕЛИЧІЕ МІРА.

(1781).

«Мысль о безконечности вселенной высказана въ этомъ стихотвореніи въ оригинальныхъ образахъ: фантазія поэта жаждетъ пронестись до самаго конца вселенной; послѣ долгаго скитанія она, наконецъ, видитъ предъ собой беззвѣздное пространство и думаетъ, что достигла цѣли, какъ вдругъ натыкается на новыя массы міровъ. А другая фантазія, несущаяся ей на встрѣчу, сообщаетъ ей, что границъ міра не найти». (Дюнцеръ). Образы стихотворенія неясны и часто несоединимы.

1. С. Шевыревъ. (Безпредѣльность, изъ Шиллера). «Московскій Вѣстникъ» 1827, ч. III, № 12, стр. 314. Также въ «Литературн. прилож. къ Русскому Инвалиду» (1833, № 96, 767), въ Полной Русской Хрестоматіи Галахова, въ изд. Гербеля.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

По морю вселенной направилъ я бѣгъ;
Тамъ якорь мнилъ бросить,
гдѣ видится брегъ
Пучины созданья,
гдѣ жизни дыханья
Не слышно, гдѣ смолкла
стихійная брань,
Гдѣ Богомъ творенью
поставлена грань.

Я видѣлъ, какъ юныя звѣзды встаютъ,
Путемъ вѣковѣчнымъ по
тверди текутъ,
Какъ дружно летѣли
Къ божественной цѣли...
Я далѣ—и взоръ оглянулся
окрестъ,
И видѣлъ пространство, но
не было звѣздъ.
И вѣтра быстрѣе, быстрѣе лучей,
Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй,
И небо за мною
Одѣлося мглою.
Какъ волны потока, какъ сонмы планетъ
За странникомъ міра кипѣли во слѣдъ.

И путникъ со мной повстрѣчался тогда,
И вотъ вопрошаетъ: «Товарищъ, куда?»
—Къ предѣламъ вселенной
Мой путь неизмѣнной:
Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,
Отъ вѣка созданьямъ поставлена грань!—

«Кинь якорь! предѣловъ имъ нѣтъ предъ тобой».
—Ихъ нѣтъ и за мною! путь конченъ и твой!
Свивай же вѣтрило,
О, духъ мой унылой,
И далѣе, смѣлый, летѣть не дерзай,
И здѣсь же съ отчаянья якорь бросай!

Степанъ Петровичъ ШЕВЫРЕВЪ.

2. П. Ободовскій. (Величіе міра, подражаніе Шиллеру). «Сѣверные цвѣты», 1827, отд. II, стр. 330.

Подражаніе очень вольное.

3. А. Струговщиковъ. (Величіе вселенной, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845. Какъ всѣ переводы Струговщикова, не достаточно точный.

Въ міръ, что изъ Хаоса Вѣчною Силой
Созданъ, - полетъ направляетъ кормило
Мысли орлиной, крылатой:
Мчуся, надежды глашатай,
Мчуся туда, гдѣ стихіи молчатъ,
Грани вселенной на стражѣ стоятъ.

Вижу міровъ вѣковое теченье;
Дальше несуся, въ средину творенья;
Гдѣ ни раскину вѣтрило –
Жизнь и движенье и сила.
Мимо несмѣтныхъ промчался свѣтилъ,
Око въ пустое пространство вперилъ.
Мимо пространства въ ничто устремился
Солнечный лучъ не быстрѣе носился:
Всюду нетлѣнный и вѣчный,
Вѣчности духъ безконечный
Міру прядетъ безпредѣльный покровъ;
Звѣзды въ ночи міріады міровъ!

Путникъ на встрѣчу: что видѣлъ, что знаешь?
—То же что ты. Ты о чемъ вопрошаешь?
Мчуся на край мірозданья.
Гдѣ же конецъ упованья?
Мчуся туда, гдѣ стихіи молчатъ,
Грани вселенной на стражѣ стоятъ.

Тщетный порывъ. Предъ тобой беконечность:
Тщетная мысль. Не откликнется вѣчность!
Кайся орлиная сила
Сдай провидѣнью кормило,
Дальше крылатая мысль не дерзай
Духомъ смирися и якорь бросай!

4. М. Михайловъ. Безпредѣльность. «Библіот. для чтенія», 1855, т. CXXIX, и въ «Стихотвореніяхъ» М. Л. Михайлова, изд. 1862 и 1890.

5. Н. Головановъ, Лирич. стих. Шиллера. М. 1899. (Безпредѣльность).

ФОРТУНА и МУДРОСТЬ.

(1781).

Фортуна - счастье; Софія – мудрость. Русскіе переводчики ввели въ заглавіе латинскую «Фортуну», хотя въ самомъ стихотвореніи Фортуна не является дѣйствующимъ лицомъ; въ оригиналѣ стихотвореніе просто называется «Счастье и мудрость».

1. А. Струговщиковъ. (Фортуна и Мудрость, изъ Шиллера) «Стихотв. А. Струговщикова», 1845.

Съ своимъ пріятелемъ въ разладѣ,
Фортуна къ Мудрости спѣшитъ:
—Съ тобою, вѣрно, мы поладимъ—
Она Софіи говоритъ.

Смотри, его я одарила,
Чѣмъ только въ силахъ я была:
Все мало! знать, напрасно я
Неблагодарному служила.

Прими же дружбу ты мою,
Оставь соху, простись съ трудами,
И богатѣйшими дарами
Тебя я щедро надѣлю!—

Софія потъ съ лица стираетъ,
И молвитъ ей: твой другъ въ бѣдѣ
Къ самоубійству прибѣгаетъ...
Спаси! тебя не нужно мнѣ.

2. Н. Гербель. (Фортуна и Мудрость). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

3. В. Т. (Фортуна и Мудрость, изъ Шиллера) «Сынъ Отечества», 1857, № 38, 917. Очень растянутый (26 стиховъ) переводъ.

4. Ѳ. Тютчевъ. Фортуна и Мудрость. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ Сочиненіяхъ Тютчева.

5. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

МОРАЛИСТУ.

(1781).

Изъ стихотворенія, первоначально гораздо болѣе длиннаго, выброшены стихи, не вполнѣ пристойные.

1. Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изданіе Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ» Миллера.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.

(1781).

Названіе, быть можетъ, указываетъ на то, что поэтъ хотѣлъ изобразить не все многообразіе подземнаго царства, но лишь одну опредѣленную группу изъ него. (Дюнцеръ, съ чѣмъ, однако, несогласенъ Фигофъ). Въ противорѣчіи съ греческимъ миѳомъ, обреченные какъ будто надѣются еще на искупленіе («Что-то рокъ изъ нашихъ вынетъ урнъ»).

1. И. Покровскій. (Тартаръ, изъ Шиллера). «Благонамѣренный», 1849, ч. VIII, 134.

Переводъ довольно удовлетворительный.

2. Анонимъ. (Сцена изъ Тартара, изъ Шиллера). «Сибирскія Мелодіи», 1846. Перепечатано въ «Мелодіяхъ» 1852. Скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ.

3. Д. Минъ. Группа изъ Тартара, Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

4. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ЦВѢТЫ.

(1781).

Изъ пѣсенъ къ Лаурѣ—вымышленное имя, которое было замѣнено новымъ—Нанни, когда это стихотвореніе было перенесено поэтомъ изъ «Антологіи», гдѣ оно называлось «Мои цвѣты», въ 1 томъ его собранія стихотвореній.

1. А. Фетъ. (Къ цвѣтамъ, Шиллера). «Отеч. Записки», 1844, т. XCIII, и въ «Стихотвореніяхъ А. Фета» 1863, и позднѣе.

2. Баженовъ. Цвѣты. «Сочин. и переводы» А. Баженова. М. 1870, ч. II.

3. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ДРУЖБА.

(1781).

Романъ, о которомъ говоритъ поэтъ въ подзаголовкѣ, долженъ былъ «обратить вниманіе на извѣстныя эпохи пробужденія и движенія разума, исправить нѣкоторыя истины и погрѣшности, касающіяся морали и могущія быть источникомъ счастія или страданій». Мысли этого стихотворенія, сходныя съ идеями «Фантазіи» (стр.6), развиты въ изданныхъ изъ этого романа отрывкахъ – въ «Философскихъ письмахъ» Юлія къ Рафаэлю, особенно въ «Теософіи» Юлія (см. дальнѣйшіе тома). Тремя послѣдними стихами заключилъ Гегель «Феноменологію духа».

1. Ѳ. Миллеръ. (Дружба) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля и Стихотвор. Миллера.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

МЕЛАНХОЛІЯ. ЛАУРѢ.

(1781).

Меланхолія—настроеніе, взирающее на все земное лишь съ точки зрѣнія его тлѣнности и недолговѣчности и потому повергающее мыслителя въ глубокую скорбь о неизбѣжномъ концѣ всего высокаго и прекраснаго,—характерное настроеніе Шиллера въ большинствѣ его произведеній. Эту глубокую скорбь испытываетъ поэтъ при видѣ цвѣтущей красоты и юношеской свѣжести Лауры (стихи 1—18); онъ рисуетъ всю тлѣнность земного (ст. 19—26) и всей вселенной (ст. 27—37), чтобы затѣмъ перейти къ изображенію прелестей Лауры (ст. 38—74) и своихъ могучихъ физическихъ и духовныхъ силъ (ст. 75—105), которыя ждетъ тотъ-же неизбѣжный и безотрадный конецъ. Въ заключительныхъ стихахъ (ст. 103—114) развивается мысль, что лучше умереть во всей полнотѣ юношескихъ силъ, чѣмъ въ немощной старости. Это желаніе поэта исполнилось.

1. Ѳ. Миллеръ. (Лаурѣ). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ Стихотв. Миллера.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

Ѳеодоръ Ивановичъ ТЮТЧЕВЪ.

ГЕНІЙ ВЕСНЫ.

(1781).

Въ оригиналѣ называется «Къ веснѣ». Самое непритязательное и граціозное изо всѣхъ юношескихъ стихотвореній Шиллера.

1. Н. Гербель. (Веснѣ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. Анонимъ. (Весна, придп. Изъ Шиллера). «Развлеченіе» 1891, № 16.

3. Н. Голововановъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

МИННѢ.

(1781).

Стихотвореніе это не имѣетъ автобіографической подкладки; быть можетъ, поэтому оно, въ противоположность «пѣснямъ къ Лаурѣ», написаннымъ въ пылу страсти, отличается художественностью деталей изображенія, спокойствіемъ и внѣшней отдѣлкой.

1. В. Жуковскій. Къ 1805 году относится «Идилія, гдѣ разработаны мотивы Шиллеровскаго стихотворенія.

ИДИЛЛІЯ.

(Подражаніе).

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой,
И кудри свѣтлые цвѣтами убирала,
Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая, столицы украшенье;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты;
Свирѣли тихій звукъ Алину не прельщаетъ;
Алина предпочла блаженству—суеты;
Собою занята, меня въ лицо не знаетъ.

2. Бенедиктовъ. (Къ Миннѣ). Стихотворенія, изд. 1856 и позднѣе.

3. А. П. (Изъ Шиллера). «Утро» 1859, 394. Отрывокъ.

Всего только 9 стиховъ, въ которыхъ схвачена лишь общая мысль Шиллера.

БѢГЛЕЦЪ.

(1781).

Въ «Антологіи» называлось «Утренняя Фантазія». Поэтъ, всегда любившій антитезы, естественно пришелъ къ противоположенію мрачнаго настроенія самоубійцы и радостнаго, свѣтлаго утра. Послѣдніе стихи оригинала:

«Ach und du, o Abendrot umflötest
«Meinen langen Schlummer nur

ясно говорятъ о томъ, что несчастный рѣшилъ *сегодня-же* покончить съ собой. Поэтому неточно въ переводѣ Ѳ. Миллера:

Завтра, ахъ, *быть можетъ*, лучъ Авроры
Смерть мнѣ возвѣститъ.

1. Ѳ. Миллеръ. (Бѣглецъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ изд. Гербеля и въ Стихотв. Миллера.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ТАЙНА ВОСПОМИНАНІЯ. (ЛАУРѢ).

(1781).

Исходя изъ платоновскаго ученія о томъ, что нашей здѣшней жизни предшествовало безплотное существованіе нашей души, пребывающей въ созерцаніи Божества, «поэтъ пытается объяснить странное желаніе соединиться съ возлюбленной тѣмъ, что оба они въ незапамятныя времена (въ эонахъ) составляли единое цѣлое; память ихъ хранитъ объ этомъ смутное, но могучее воспоминаніе, такъ что весь нынѣшній пылъ есть лишь естественное побужденіе возстановить это нарушенное единство.—Какъ въ «Фантазіи» поэтъ видѣлъ возможное сліяніе съ милой лишь въ безконечно отдаленномъ будущемъ, такъ здѣсь онъ относитъ его въ безконечно далекое прошлое». (Вейерманъ). Въ основаніи лежитъ также мнѣніе о происхожденіи любви, разсказываемый Аристофаномъ въ «Пирѣ» Платона: люди нѣкогда составляли одно сложное существо, состоявшее изъ мужчины и женщины; Зевсъ разрубилъ ихъ на двѣ половины, которыя и теперь подъ властью непобѣдимаго могучаго стремленія рвутся соединиться другъ съ другомъ.

1. Аполлонъ Григорьевъ. «Тайна воспоминанія» («Моск. Город. Листокъ» 1841, № 258). Въ переводѣ Григорьева пропущены 2 строфы: шестая. (Въ существѣ соединенномъ тѣсно и т. д.) и восьмая (Плачь, Лаура, Бога въ насъ не стало), которыя въ нашемъ изданіи добавлены О. Н. Чюминой.

2. Яхонтовъ А. Стихотворенія. Спб. 1884.

ПОЦѢЛУЙ.

(Вольный переводъ изъ Шиллера).

Съ замираньемъ, трепетно, беззвучно,
Безконечно слить съ тобой уста...
День и ночь со мною не разлучна
Юная, безумная мечта!
Смертному-ль дано очарованье
Полноту блаженства испытать:
Въ поцѣлуѣ пить твое дыханье
И твоею жизнію дышать;
Въ черной безднѣ глазъ твоихъ теряться.
День встрѣчать въ таинственной ихъ мглѣ,
Въ свѣтлый міръ души твоей спускаться,
Позабыть, что дни и годы мчатся,
Что прикованъ тѣломъ онъ къ землѣ.

3. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ЭЛИЗІУМЪ.

(1781).

Противоположеніе «Группѣ изъ Тартара» (стр. 15); оба стихотворенія, быть можетъ, навѣяны Энеидой, кн. VI. Въ «Антологіи» это стихотвореніе, названное «Кантатой», было распредѣлено по строфамъ между хоромъ и пятью голосами.

1. А. Мансуровъ. (Элизіумъ изъ Шиллера). «Калліопа» 1817, 95. Переводъ не точенъ.

2. Н. Бутырскій. (Елисейскія поля изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1819, ч. LIV, № 22, 132. Перепеч. въ «Новостяхъ литературы» 1825, ч. XII, 191.

Переводъ довольно точный и литературный. Послѣдняя строфа опущена.

3. Г. Данилевскій. Элизіумъ. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля и въ соч. Данилевскаго.

4. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

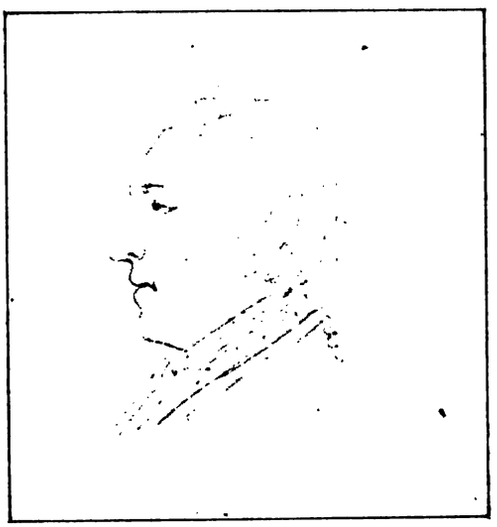
ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ.

(1781).

Въ «Антологіи» называлось «Кастраты и мужчины» и возникло въ видѣ противовѣса «Невинности мужчины» Бюргера. Изъ первоначальной редакціи, болѣе пространной, выброшены фривольныя строфы.

1. Ѳ. Миллеръ. (Достоинство мужчины). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

и 2. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 18.



Константинъ Сергѣевичъ АКСАКОВЪ.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДТЪ ГРЕЙНЕРЪ.

(1781).

Графъ Вюртембергскій Эбергардъ IV Грейнеръ (Сварливый), правившій отъ 1344 по 1399 г., былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ рыцарей этого смутнаго времени. Нескончаемыя неурядицы между городами, рыцарями и государями связали ихъ всѣхъ въ разные союзы, которые боролись между собою, соединяясь, смотря по обстоятельствамъ, съ той или иной стороной. Въ битвѣ при Рейтлингенѣ 14 мая 1377 года горожане бились съ рыцарями, во главѣ которыхъ былъ сынъ Эбергарта, Ульрихъ; черезъ одиннадцать лѣтъ, 23 августа 1388 года, въ битвѣ при Деффингенѣ побѣда, благодаря Эбергарду, осталась за рыцарями; но сынъ героя, спѣшившій на помощь отцу, былъ убитъ. Свѣжая, бодрая военная пѣснь въ народномъ духѣ вложена въ уста Эбергарду. Имена героевъ противной стороны («Увасъ—и Карлъ, и Эдуардъ, и Фрицъ» и т. д.) не имѣютъ въ виду опредѣленныхъ личностей и выбраны произвольно.

Эдуардъ Ивановичъ ГУБЕРЪ.

Въ стихотвореніи нѣсколько историческихъ погрѣшностей: въ битвѣ подъ Рейтлингеномъ вюртембергцы вовсе не были разбиты. Ульрихъ («львенокъ», а въ нѣмецкомъ оригиналѣ «junge Kriegsmann» «юный воинъ» и «Bube» — мальчикъ), когда его убили подъ Деффингеномъ, былъ уже дѣдушкой. Стихъ «клялся отчей бородой» намекъ на другое прозвище Эбергарда — Rauschebart — (бородачъ). Та же тема обработана Уландомъ въ нѣсколькихъ балладахъ, превосходящихъ юношеское произведеніе Шиллера.

1. Л. Мей. (Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Военная пѣсня изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1857, т. II, № 16 и въ сочиненіяхъ Мея.

2. Н. Голововановъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ПРИМИРЕНІЕ.

(1784).

Русское заглавіе не вполнѣ передаетъ смыслъ нѣмецкаго Resignation—сложнаго настроенія, въ которое входитъ понятіе самоотреченія, покорности судьбѣ, примиренія съ непреодолимымъ. Критиковъ и біографовъ Шиллера очень занималъ вопросъ о томъ, какое отношеніе имѣетъ это стихотвореніе къ дѣйствительной жизни самого поэта. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ въ предисловіи къ своей перепискѣ съ Шиллеромъ замѣчаетъ: «было бы неправильно считать оба эти стихотворенія (т.-е. «Примиреніе» и слѣдующее—«Борьба») выраженіемъ дѣйствительныхъ воззрѣній поэта; но *они принадлежатъ къ лучшимъ его произведеніямъ*. «Примиреніе» носитъ вполнѣ своеобразный шиллеровскій отпечатокъ въ непосредственномъ соединеніи просто выраженныхъ глубокихъ и широкихъ истинъ съ величавыми образами и въ совершенно оригинальномъ языкѣ, позволяющемъ пользоваться самыми смѣлыми сближеніями. На основную мысль, проходящую по всему произведенію, можно смотрѣть какъ на преходящее настроеніе мятежно настроеннаго духа: но это бурное настроеніе изображено столь мастерски, что страсть совершенно растворяется въ размышленіи и заключительное рѣшеніе кажется зрѣлымъ плодомъ опыта и мысли». Принимая во вниманіе близость Гумбольдта къ Шиллеру, нельзя не усомниться въ искренности этого указанія на неавтобіографическій характеръ стихотворенія,—которому и самъ поэтъ, желая ввести въ заблужденіе читателей, тоже пытался придать такой характеръ: печатая его (и «Борьбу») въ «Таліи» въ 1786 г., онъ присоединилъ къ нимъ подзаглавіе «Фантазія» и «Когда Лаура вышла замужъ въ 1782 г.» и слѣдующее примѣчаніе: «Я не задумался напечатать эти два стихотворенія въ понятной надеждѣ на читателя, который, конечно, будетъ настолько справедливъ, что не сочтетъ прилива страсти за философскую систему и не приметъ отчаяніе созданнаго поэтомъ возлюбленнаго за міровоззрѣніе самого поэта. Иначе, что-же скажутъ о драматургѣ, произведеніе котораго немыслимо безъ злодѣя: и Мильтонъ и Клопштокъ окажутся тѣмъ худшими людьми, чѣмъ лучше удались имъ ихъ дьяволы». Въ собраніи стихотвореній 1800 года поэтъ датировалъ «Примиреніе» 1786 годомъ—и все это, чтобы отвлечь вниманіе читателя отъ тѣхъ дѣйствительныхъ лицъ и явленій, которыми было вызвано настроеніе «резиньяціи». Въ дѣйствительности, «нѣтъ никакого сомнѣнія въ

томъ, что оба эти стихотворенія—необузданнѣйшія изъ твореній Шиллера—имѣютъ источникомъ *его отношенія къ Шарлоттѣ фонъ-Кальбъ* (Минеръ. Подробности объ этихъ отношеніяхъ см. въ біографіи). Поэтъ представляетъ себя умершимъ. Рожденный для счастія («въ Аркадіи»), какъ и всѣ другіе, онъ, однако, не зналъ этого счастія. Онъ обращается къ вѣчности, предъ судомъ которой проходитъ все человѣческое, и требуетъ отъ нея воздаянія, уплаты за тѣ земныя радости, отъ которыхъ онъ отрекся въ надеждѣ на нее. Но онъ узнаетъ, что воздаянія за отказъ отъ земныхъ наслажденій нѣтъ въ загробной жизни: надо пользоваться тѣмъ, что даетъ жизнь земная—надеждой и наслажденіемъ. Въ опредѣленіи и оцѣнкѣ основной идеи этого стихотворенія нѣмецкіе комментаторы расходятся чрезвычайно. Дюнцеръ, ставящій «Примиреніе» вообще не высоко, считаетъ его совершенно безотраднымъ, такъ какъ все существованіе человѣка ограничивается въ немъ земною жизнью; на высшую жизнь въ немъ нѣтъ ни намека. Къ этому Геттнеръ прибавляетъ, что все стихотвореніе есть «отрицаніе идеи примиренія, призывъ къ наслажденіямъ». Наоборотъ, Фигофъ утверждаетъ, что Шиллеръ не только не ставитъ на одну доску надежды и наслажденія, не только не призываетъ всѣхъ къ неоглядному наслажденію, но, наоборотъ, разрѣшаетъ наслажденіе лишь тѣмъ слабымъ, которые не въ силахъ вѣрить и надѣяться. За надежду, дѣйствительно, нѣтъ никакой награды въ будущей жизни, но она сама по себѣ уже есть награда и блаженство. Надежда и наслажденіе не только не однородны, но, наоборотъ, такъ же противоположны, какъ счастіе и добродѣтель—эгоистическое упоеніе настоящимъ и идеальное стремленіе къ вѣчному. «Коль вѣришь, отрекайся отъ земного! *Исторія* есть страшный судъ». Этотъ знаменитый стихъ, вошедшій въ пословицу, значитъ: вѣчный судъ не въ будущемъ, не въ иной жизни, а здѣсь, въ текущихъ событіяхъ всенародной (исторической), равно какъ и личной жизни.

Александръ Николаевичъ
СТРУГОВЩИКОВЪ.

1. **М. Дмитріевъ** (Покорность провидѣнію, изъ Шиллера). «Уранія» 1826, 236 и въ «Стихотвор. Дмитріева» 1830, ч. I. Въ изд. Гербеля (въ примѣчаніяхъ) перепечатано съ значительными измѣненіями.

Переводъ, въ общемъ, очень литературный, но языкъ теперь уже очень устарѣлъ.

2. . . . . нъ. (Всепреданность, изъ Шиллера) «Галатея» 1829, т. VI, 223.

Переводъ очень литературный.

3. **Губеръ.** Прозаическій переводъ въ критической статьѣ о переводѣ «Вильгельма Телля» Миллера («Библ. д. Чт.» 1844, т. LXIII, отд. V, стр. 19 и слѣд.).

4. **Г. Данилевскій**, Шиллеръ въ изд. Гербеля и Соч. Данилевскаго.

5. **Орестъ Головнинъ.** «Переложенія». Кіевъ 1896. Переводъ мѣстами очень тяжелый, представляетъ извѣстный интересъ по своей близости къ подлиннику.

ОТРЕЧЕНІЕ.

И я рожденъ въ Аркадіи прекрасной,
Природа вѣдь и мнѣ
Клялась надъ колыбелью въ долѣ ясной;
И я рожденъ въ Аркадіи прекрасной,
Но только слезы въ краткой зналъ веснѣ.

* * *

Вторично въ жизни май не расцвѣтаетъ
Мой цвѣтъ лежитъ въ пыли:
Ко мнѣ (о плачьте, братья!) подступаетъ
Ужъ тихій богъ и факелъ опускаетъ,
Видѣнья отошли.

* * *

Ужасная ты, вѣчность! я вступаю
На мостъ твой, въ грустной тьмѣ,
И грамоту на входъ къ земному раю
Тебѣ, не распечатавъ, возвращаю:
Блаженство было чуждо мнѣ.

* * *

Сокрытый судія! Тоску недоли
На твой подвергну судъ!
Отрадный слухъ ходилъ въ земной юдоли,
Что ты сидишь съ вѣсами на престолѣ,
И что тебя оплатчикомъ зовутъ.

* * *

Тамъ, говорили, страхи ждутъ злодѣя,
А правыхъ радость ждетъ,
Всѣ складки сердца обнажитъ умѣя,
Загадки Провидѣнія разсѣя,
Сведешь ты со страдальцемъ счетъ.

* * *

Тамъ кончится тернистый путь печали,
Изгнаннику открытъ тамъ край родной.—
Богиня, что мнѣ Правдой называли,
Но рѣдкій зналъ, а больше избѣгали,
Остановила бѣгъ мой молодой.

* * *

«Въ другомъ бытьѣ найдешь вознагражденье,
Дай юность мнѣ твою!
Но, кромѣ словъ, не дамъ обезпеченья».
И я повѣрилъ ей и наслажденья
И золотую юность отдаю.

* * *

«Ты съ женщиной разстанься дорогою,
Съ Лаурою своей!
За гробомъ плачъ вознаградятъ съ лихвою».
Ее изъ сердца вырвавъ съ болью злою
И зарыдавъ, я отдалъ ей.

* * *

Ѳеодоръ Богдановичъ МИЛЛЕРЪ.

«На имя мертвыхъ запись!—голосъ свѣта
Глумился надо мной:—
Наемница тирановъ, лгунья эта
Тебѣ даруетъ тѣнь взамѣнъ предмета:
Приди за долгомъ, тлѣя подъ землей!»

* * *

Насмѣшниковъ шипѣла дерзко стая:
«Предъ вымысломъ (онъ святъ, такъ какъ не новъ!)
Трепещешь ты?! Въ семъ мірѣ, изнывая
Подъ игомъ бѣдъ, догадливость людская
Изобрѣла спасителей-боговъ!

* * *

Что въ будущности, въ гробѣ сокровенной?!
Что въ вѣчности, предметѣ гордыхъ думъ.
Лишь темностью завѣсъ своихъ почтенной?!
Громадный отсвѣтъ совѣсти смятенной
Въ ошибку ввелъ напуганный твой умъ!

* * *

Не жизнь то, а обманчивыя тѣни,
То—время—мумія: бальзамъ лишь твой,
Бальзамъ надежды, при всеобщемъ тлѣнѣ,
Ее сберегъ въ могильной хладной сѣни:
Твое безсмертье—бредъ души больной!

* * *

Изъ-за надеждъ, закопанныхъ въ могилѣ,
Отстать отъ вѣрныхъ благъ!
Шесть тысячъ лѣтъ молчаніе хранили
Гробá, иль мертвецы къ намъ приходили
Съ разсказами о карахъ и о мздахъ?!»

* * *

А время все къ брегамъ твоимъ летѣло—
За нимъ природы цвѣтъ
Отставши падалъ, тлѣющее тѣло;
Изъ гроба не вставали, но я смѣло
И твердо вѣрилъ въ божескій обѣтъ.

* * *

Тебѣ заклалъ я все, что было мило,
И палъ къ твоимъ стопамъ—пустой толпѣ
Душа за смѣхъ презрѣніемъ платила,
Твои лишь блага славила и чтила;
Отплатчикъ, я награды жду себѣ!»

* * *

Равно люблю я чадъ своихъ (такъ геній,
Незримый, рекъ) я цвѣсть
Далъ двумъ цвѣткамъ для смертныхъ поколѣній—
Мудрецъ, ищи ихъ, цвѣтъ есть наслажденій
И цвѣтъ надежды есть.

* * *

И, если ты одинъ сорвалъ, стремленье
Къ другому—тщетный трудъ.
Пусть чуждый вѣрѣ ищетъ наслажденья,
Кто въ силахъ вѣрить, тотъ терпи лишенья!..
Исторья міра—вотъ всемірный судъ.
Ты жилъ надеждой, и въ своемъ удѣлѣ
Былъ ею счастливъ—конченъ нашъ разсчетъ.
Спросилъ-бы мудрецовъ объ этомъ дѣлѣ:
Чего у мига взять вы не съумѣли,
Того и вѣчность не вернетъ.

6. Кн. Д. Н. Цертелевъ. Переведено для настоящаго изданія.

7. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

БОРЬБА.

(1784).

Первоначально появилось въ гораздо болѣе пространномъ видѣ въ «Талiи» (1786 годъ), подъ заглавіемъ «Свободомысліе страсти» и съ подзаглавіемъ и замѣткой автора, приведенными въ объясненіи къ «Примиренію». Біографическая подкладка этого страстнаго стихотворенія такова. Поэтъ долго и стойко выносилъ тягостную борьбу съ любовью къ чужой женѣ; наконецъ, онъ рѣшилъ удалиться. Но естественнымъ образомъ какъ разъ тогда, когда онъ сообщалъ Шарлоттѣ фонъ Кальбъ о своемъ рѣшеніи, долго сдерживаемая взаимная страсть прорвалась наружу: Шарлотта призналась ему, что будетъ томиться вдали отъ него, а затѣмъ взяла съ пораженнаго неожиданнымъ счастьемъ поэта слово не уѣзжать изъ Маннгейма (см. въ біографіи). Въ стихотвореніи также моментомъ перелома является неожиданное признаніе втайнѣ любимой поэтомъ женщины, что онъ пользуется взаимностью.

1. Аполлонъ Майковъ (Борьба). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ сочин. Майкова.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

(1785).

Въ іюнѣ 1784 года Шиллеръ, вообще не избалованный вниманіемъ окружающихъ, неожиданно получилъ изъ Лейпцига письмо съ изъявленіемъ любви и уваженія отъ кружка нѣсколькихъ лицъ, среди которыхъ выдавался Кернеръ (отецъ поэта); это было началомъ столь важной и плодотворной для поэта дружбы (см. біографію). Ближайшимъ слѣдствіемъ этого сближенія было переселеніе Шиллера въ Дрезденъ въ апрѣлѣ 1785 г. Здѣсь-то подъ вліяніемъ радушнаго настроенія, вызваннаго обществомъ разностороннихъ и интересныхъ новыхъ друзей, поэтъ создалъ свой вдохновенный гимнъ «Къ радости», основной мотивъ котораго слышится въ письмѣ, написанномъ имъ къ Кернеру изъ деревеньки подъ Лейпцигомъ около того-же времени: «Смутное предчувствіе давало мнѣ большія, большія надежды на васъ, когда я перебирался въ Лейпцигъ; но дѣйствительность дала мнѣ неизмѣримо больше, чѣмъ обѣщали предчувствія, и въ вашихъ объятіяхъ я испыталъ такое блаженство, котораго не могъ тогда и вообразить». По формѣ пѣснь воспроизводитъ одну «Къ радости» Уца (1720—1796), написанную въ такихъ же строфахъ. Шиллеръ напечаталъ свою «Пѣснь» въ «Талiи» въ 1786 г., но считалъ настолько неудачной, что помѣстилъ ее въ собраніе своихъ стихотвореній лишь спустя продолжительное время, и то съ большими измѣненіями. Самъ онъ писалъ о ней Кернеру черезъ пять лѣтъ слѣдующее: *Радость*, на мой нынѣшній взглядъ, совсѣмъ плоха; и хотя она выдается нѣкоторымъ пыломъ настроенія, это все таки—дурное стихотвореніе, относящееся къ той ступени развитія, которую я непремѣнно долженъ былъ покинуть, чтобы создать нѣчто порядочное. Но такъ какъ я сдѣлалъ ею уступку дурному вкусу того времени, то она и удостоилась чести сдѣлаться нѣкоторымъ образомъ *народнымъ стихотвореніемъ*. Твоя слабость къ ней объясняется моментомъ ея возникновенія; но это и сообщаетъ ей ту единственную цѣну, которую она имѣетъ, да и то лишь для насъ, но не для другихъ и не для поэзіи». Однако и до сихъ поръ это одно изъ наиболѣе извѣстныхъ стихотвореній Шиллера. Предназначенное служить текстомъ веселой хоровой пѣсни, оно, однако, носитъ слишкомъ замѣтные слѣды глубокой, вдумчивой натуры поэта, которому и въ часы веселья «показывала свой мрачный ликъ загадочная, полная смысла и страданій судьба человѣческая» (Фигофъ). Музыкальное выраженіе, болѣе чѣмъ достойное текста, далъ стихотворенію геніальный Бетховенъ, написавшій на его слова послѣднюю часть своей IX симфоніи. Въ общемъ строй и развитіе мыслей въ стихотвореніи послѣдовательны и понятны. Главное содержаніе заключается въ строфахъ запѣвалы; хоръ, безъ особенной связи съ общимъ ходомъ мыслей, возглашаетъ всякій разъ хвалу Высшему Существу, которое въ каждой строфѣ является въ новомъ видѣ—какъ Неизвѣстный, Творецъ, Вседержавный, Добрый Духъ, Судья и т. п. Радость—его созданіе—рождаетъ въ людяхъ сознаніе ихъ братскаго единства; всѣ, осчастливленные радостью, да войдутъ въ нашъ союзъ. Радость дана всѣмъ живымъ существамъ отъ червя (у Тютчева—насѣкомыя) до херувима; она—великій двигатель всей природы—отъ прозябающей травки до движенія безконечно громадныхъ и далекихъ міровъ. И не только въ физической природѣ,—также и въ области духа, въ мірѣ нравственномъ, она—главная пружина: ею живетъ и искатель истины, и самоотверженный подвижникъ, и всякій вѣрующій и надѣющійся; она настраиваетъ сердце на величіе, силу, благость; найди ее на днѣ кубка, въ ней черпаетъ мягкость каннибалъ, мужество, отчаяніе и т. д. Нѣкоторое разногласіе вызываютъ стихи (перев. Дмитріева):

. . . . . .
«Всѣ, кто звалъ своей душою
Хоть одну, въ блаженствѣ узъ!...
Кто не могъ найти—съ слезою
Братскій нашъ оставь союзъ».

Эти стихи находили жестокими. «Насколько поэтичнѣе и человѣчнѣе было бы,—говорилъ Жанъ Поль Рихтеръ,—если бы было сказано: «Въ братскій нашъ войди союзъ». Но это пониманіе ошибочно. «Кто не могъ»—это значитъ: кто отъ природы неспособенъ къ сліянію съ чужой душой, къ дружбѣ, къ любви, тотъ пусть, сознавая это, самъ съ грустью покинетъ нашъ кругъ; но онъ, конечно, будетъ въ немъ принятъ съ распростертыми объятіями, если захочетъ.

Владиміръ Григорьевичъ БЕНЕДИКТОВЪ.

«Пѣснь радости» больше всѣхъ другихъ стихотвореній Шиллера привлекала къ себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ. Она переведена 15 разъ.

1. **Н. Карамзинъ.** (Пѣснь мира). «Мои безделки» 1794, ч. II. 159 и въ соб. сочиненій Карамзина; имя Шиллера названо. Впрочемъ переводомъ «Пѣснь мира» нельзя назвать. Это довольно вольное подражаніе.

2. **П. И—ко.** (Радость, ода г-на Шиллера) «Новости русской литературы» 1802, ч. I, 44. Переводъ плохъ и часто совершенно извращаетъ мысль поэта. Такъ гордая рѣшимость отстаивать права слабыхъ даже передъ «тропомъ короля» (см. послѣднюю строфу стихотворенія) самымъ неожиданнымъ образомъ здѣсь превратилась въ такой призывъ

Къ престоламъ вѣрность соблюдайте,
И въ жертву все несите имъ.

Много и другихъ невѣрно понятыхъ мѣстъ.

3. **Анонимъ.** (Пѣснь радости, перев. изъ соч. Фр. Шиллера, съ сохраненіемъ размѣра подлинника СПБ. 1816). Этого перевода намъ видѣть не удалось.

4. **А. Мансуровъ.** (Пѣснь радости, изъ Шиллера). «Вѣстникъ Евр.», 1819 т. CVI, 246. Также въ «Трудахъ О-ва Любителей Россійской Словесности» 1819, ч, XIV, отд. II, 72 и въ «Новомъ собраніи образцовыхъ русскихъ стихотвореній» 1812, ч. III, 134. Переводъ среднихъ достоинствъ, мѣстами довольно точный, но часто сильно отдаляющійся отъ подлинника.

5. **Ѳ. Рык—скій.** (Пѣснь радости, изъ Шиллера). «Благонамѣренный», 1819, ч. VIII, № 21. Подъ переводомъ курьезная подпись:

Казань. Съ латинск. Ѳ. Рын—скій.

Редакція отъ себя тоже сообщала, что стихотвореніе переведено «не съ нѣмецкаго подлинника, написаннаго извѣстнымъ германскимъ литераторомъ Шиллеромъ, а съ латинскаго рукописнаго текста». Неудивительно, что этотъ переводъ съ перевода не очень близокъ къ «нѣмецкому подлиннику». По литературнымъ достоинствамъ онъ не ниже другихъ переводовъ начала вѣка.

6. **Ѳ. Тютчевъ.** «Пѣснь радости изъ Шиллера». Первый разъ напеч. въ «Сѣв. Лирѣ», 1827. Затѣмъ въ «Литер. прибл. къ Рус. Инвалиду». 1835 ч. XVIII и въ собр. стихотвореній Тютчева. При первомъ печатаніи перевода нѣкоторыя строки были опущены Такъ въ знаменитыхъ двухъ строкахъ

Насѣкомымъ сладострастье,
Ангелъ—Богу предстоитъ

вторая строка была замѣнена точками. Очевидно, въ этой глубоко-религіозной строкѣ цензура усмотрѣла, все-таки, нѣчто профанирующее священныя понятія. Изъ-за той-же боязни профанированія не была пропущена и замѣнена точками третья, подчеркнутая нами строка въ одномъ изъ хоровъ.

Ты, чья мысль духовъ родила,
Ты, чей взоръ міры зажегъ!
Имемъ—тебѣ, великій Богъ,
Жизнь міровъ и душъ свѣтило!

Мы дали въ текстѣ переводъ Тютчева, потому что онъ самый вдохновенный, самый поэтичный изъ всѣхъ русскихъ переводовъ «Пѣсни радости» и лучше всѣхъ ихъ передаетъ общій тонъ стихотворенія. Но онъ весьма неточенъ и временами прямо переходитъ въ подражаніе.

7. **И. Петровъ.** (Пѣснь радости). «Славянинъ», 1828, ч. V, 209 и въ «Стихотвореніяхъ И. Петрова» 1833. Подражаніе безъ указанія источника.

8. **П. Алексѣевъ.** (Радость, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія и сказки П. Алексѣева», Дерптъ 1840. Переводъ довольно точный и литературный.

9. **К. Аксаковъ.** (Къ радости, изъ Шиллера), «Отеч. Записки», 1840, т. X. Переводъ довольно близокъ къ подлиннику:

Радость, міра украшенье,
Дочь родная небесамъ!
Мы вступаемъ въ упоенье
О, чудесная, въ твой храмъ.
Ты опять соединяешь,
Что обычай раздѣлилъ,
Нищаго съ царемъ равняешь
Вѣяньемъ отрадныхъ крылъ.

Х о р ъ.

Милліоны, къ намъ въ объятья!
Люди, поцѣлуй сей вамъ!
Надъ небеснымъ сводомъ, тамъ,
Долженъ жить отецъ нашъ, братья!

—

Тотъ кому быть другомъ другу
Жребій выпалъ на земли,
Кто нашелъ себѣ подругу,—
Съ нами радость тотъ дѣли;
Также тотъ, кто здѣсь своею
Душу хоть одну зоветъ;
Кто-жъ не можетъ, пусть скорѣе
Прочь рыдая отойдетъ.

Х о р ъ.

Все что міръ сей наполняетъ,
Предъ сочувствіемъ смирись.
Путь оно покажетъ въ высь,
Гдѣ незримый обитаетъ.

—

Всѣ творенія живыя
Радость средь природы пьютъ,
Всѣ, и добрые и злые,
По стезѣ ея идутъ.

Сонъ, вино, привѣтъ участья,
Друга намъ она даритъ:
Дышитъ червь животной страстью,
Къ Богу херувимъ летитъ.

Х о р ъ.

Милліоны, въ прахъ падите!
Міръ, ты чувствуешь Творца?
Выше звѣзднаго вѣнца
Въ небесахъ его ищите.

—

Радость—мощная пружина
Всѣхъ безчисленныхъ міровъ;
Радость двигаетъ машины
Вѣчныхъ міровыхъ часовъ,
Изъ сѣмянъ цвѣты выводитъ,
Хоры звѣзды изъ небесъ,
Сферы въ отдаленьи водитъ,
Недоступномъ для очесъ.

Х о р ъ.

Какъ свѣтилъ великихъ строенъ
Въ небѣ неизмѣнный ходъ,—
Братья, такъ всегда впередъ,
Бодро, какъ къ побѣдѣ воинъ!

—

Улыбается привѣтно
Средь стараній и заботъ,
И страдальца непримѣтно
Къ цѣли доблестной ведетъ.
Вѣры на вершинѣ ясной
Ею вѣютъ знамена,
И она сквозь гробъ ужасный,
Въ хорѣ ангеловъ видна.

Х о р ъ.

Милліоны, здѣсь терпѣнье!
Лучшій міръ для васъ готовъ —
Тамъ, за цѣпью облаковъ
Богъ воздастъ вамъ награжденье,

—

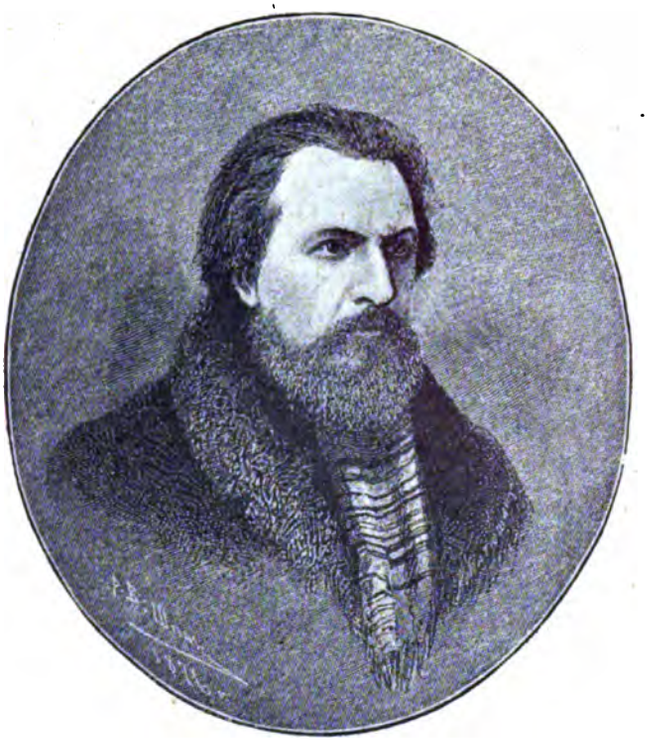
Надъ богами-ль возвышаться?
Хорошо быть равнымъ имъ.
Горе, бѣдность веселятся
Счастіемъ пускай однимъ.
Будь забыта злость и мщенье!
Смертный врагъ нашъ, будь прощенъ!
Пусть не знаетъ онъ мученья,
Пусть теперь не стонетъ онъ!

Х о р ъ.

Мы долги свои забыли;
Свѣтъ теперь свободенъ весь,—
Братья, надъ шатромъ небесъ.
Судитъ Богъ, какъ мы судили.

—

Радостью кипятъ бокалы,
И въ крови вина златой
Пьютъ смиренье каннибалы,
А отчаянье покой.
Братья, встаньте! Драгоцѣнный



Аполлонъ Александровичъ ГРИГОРЬЕВЪ.

Обходитъ насъ кубокъ сталъ;
Пусть же къ небу брызжетъ пѣна!
Духу доброму бокалъ!

Хоръ.

Тотъ, кому гремѣтъ хвалами
Цѣлый міръ не переставалъ,
Духу доброму бокалъ
Тамъ высоко надъ звѣздами!

—

Твердость горю и страданьямъ,
Помощь бѣдному во всемъ,
Вѣчность даннымъ обѣщаньямъ,
Правда съ другомъ и врагомъ,
Мужество предъ тропомъ надо!
Братья, пусть погибнуть намъ,
Но достоинству награда,
Наказанье—злымъ дѣламъ!

Хоръ.

Въ кругъ священный всѣ стѣснитесь,
И хранить союзъ святой
Этой влагой золотой,
Всемогущимъ поклянитесь!

10. **М. Дмитріевъ.** (Къ радости, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1843, № VI, и отдѣльно: «Къ радости». Сочиненіе Шиллера, переводъ съ нѣмецкаго М. Дмитріева. Москва. 1843. Также въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева», 1865, т. II и въ соч. Шиллера, изд. Гербеля. Это самый точный изъ русскихъ переводовъ и за исключеніемъ нѣкоторыхъ архаизмовъ, довольно удачный. Переводъ Дмитріева, какъ и ниже приводимый Бенедиктовскій, длиннѣе другихъ русскихъ переводовъ: въ немъ есть еще одна строфа и одинъ хоръ, опущенные Шиллеромъ въ окончательной редакціи стихотворенія.

Дочь Элизіума радость!
Искра Бога въ долю намъ!
Мы, вкусивъ восторга сладость,
Входимъ въ твой священный храмъ,
Ты зовешь любви въ объятья,
Чадъ враждебной суеты;
Тамъ всѣ люди снова братья,
Гдѣ крыломъ проникнешь ты!

Хоръ.

Обнимитесь, милліоны!
Міръ, лобзаніе тебѣ!
Тамъ, въ надзвѣздной высотѣ,
Нашъ Отецъ, любовью полный!

—

Чей великій жребій—другу
Удѣлить свой тайный рай,
Кто нашелъ любви подругу,
Торжествуй и восклицай!
Всѣ, кто звалъ своей душою
Хоть одну, въ блаженствѣ узъ!
Кто не могъ найти—съ слезою
Братскій нашъ оставь союзъ!

Хоръ.

Весь творенья кругъ великой
Симпатіи вѣренъ будь!
Путь любови—къ небу путь,
Гдѣ Невѣдомый владыкой!

—

Радость, радость всѣ творенья
Пьютъ натуры у грудей!
Злымъ и добрымъ наслажденья:
Всѣ по розамъ вслѣдъ за ней...
Даръ ея намъ—гроздій сладость,
Другъ до смертнаго вѣнца!..
Сладострастье—червю радость,
Херувиму—зрѣть Творца!

Хоръ.

Что поникли вы, народы?
Міръ! ужели нѣтъ Творца?
Тамъ, горѣ ищи нтца,
Гдѣ его надзвѣзды своды!

—

Радость—сильная пружина
Всей натуры, всѣхъ вѣковъ:
Ею движется машина
Міровыхъ ея часовъ!
Цвѣтъ она въ росткѣ выводитъ,
Солнце движетъ въ небесахъ,
Сферы, коихъ не находитъ
Звѣздочетъ небесъ въ кругахъ.

Хоръ.

Какъ свѣтило въ путь пространный
По небесной широтѣ,
Братья! радостно къ мечтѣ,
Какъ герой ко славѣ бранной!

Радость истины пытливцу
Свѣтитъ сквозь сомнѣнья мглу,
Указуетъ терпѣливцу
Путь на доблести скалу;
На горахъ солнцеподобныхъ.
Тамъ гдѣ вѣры знамена,
Зрима сквозь расщелинъ гробныхъ,
Въ хорѣ ангеловъ она!

Хоръ.

Милліоны! здѣсь страданье
Міра лучшаго залогъ;
Тамъ за все великій Богъ
Вамъ готовитъ воздаянье!

Что равняетъ насъ съ богами?
Благость—духа красота!
Пусть же радуются съ нами
Здѣсь и скорбь и нищета!
Прочь отъ насъ вражда и мщенье!
Смертный врагъ нашъ будь прощенъ,
Чтобъ забылъ онъ угрызенье,
Тяжкихъ слезъ не лилъ бы онъ!

Хоръ.

Книги долга—да не будетъ!
Міру миръ въ сей сладкій мигъ!
Какъ судили мы другихъ,
Тѣмъ судомъ и Богъ насъ судитъ!

—

Радость пѣнитъ намъ бокалы,
Въ крови гроздій золотой
Кротость пьютъ и каннибалы!
Бодрость—падшій предъ судьбой!
Братья! встаньте! кубокъ полный,
Обходи нашъ братскій кругъ!
Онъ кипитъ, какъ жизни волны,
Въ честь Тебѣ, блаженный Духъ!

Хоръ.

Ты, кого кругъ звѣздный славитъ,
Серафимовъ гимнъ поетъ!
Въ честь Тебѣ, кто съ тѣхъ высотъ
Надъ звѣздами міромъ правитъ!

—

Твердость духа—въ день терпѣнья,
Помощь скорая—слезамъ,
Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
Правда—ближнимъ и врагамъ!
Все—противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель злу, заслугѣ—слава,
Къ человѣчеству—любовь!

Хоръ.

Стань тѣснѣе, кругъ священный,
И клянись надъ чашей сей
Вѣрнымъ клятвѣ быть своей:
Внемлетъ намъ Онъ неизмѣнный!

—

Прочь порокъ и злодѣянье!
Прочь бичи! оковы въ прахъ!
Въ часъ предсмертный упованье!
Милость правды на вѣсахъ!
Будь и грѣшникамъ пощада!
Мертвымъ жизнь свѣтай опять!
Да не будетъ болѣ—ада,
А любовь и благодать!

Хоръ.

Свѣтлый, свѣтлый часъ прощанья!
Тихій, сладкій сонъ въ гробахъ!
Слово милости—въ устахъ
Судіи—на день возстанья!

11. **А. Струговщиковъ.** (Къ радости, изъ Шиллера). «Отеч. Записки» 1845, т. XXXVIII. Въ исправленномъ видѣ въ «Стихотвореніяхъ Струговщикова» 1845. Какъ всѣ переводы Струговщикова, особенною точностью не отличается.

Голосъ.

Радость, дщерь благаго неба,
Радость искра Божества!
Ангелъ, мы тебя встрѣчаемъ
Съ лирой, съ чашей торжества!
Мы летимъ въ твои объятья,
Въ твой радушный, свѣтлый домъ;
Люди тамъ—друзья и братья,
Гдѣ коснешься ты крыломъ.

Хоръ.

Обнимитесь, люди-братья,
Ангелъ радости зоветъ:
Тамъ любовь! въ ея объятьяхъ
Добрый нашъ Отецъ живетъ!

Дмитрій Егоровичъ МИНЪ.

Голосъ.

Кто предъ Богомъ, не краснѣя,
Брата братомъ можетъ звать,
Кто хотя одну своею
Можетъ душу здѣсь назвать—
Тотъ приди, къ кружку примкнися,
Мы тому—любви вѣнокъ!
Кто не можетъ—удались
И очисти нашъ кружокъ...

Хоръ.

Все, что имя друга носитъ,
Пусть ее своей зоветъ,
Насъ она туда уноситъ,
Гдѣ нашъ общій Другъ живетъ!

Голосъ.

Всѣ живущія созданья
Радости источникъ пьютъ,
Отъ начала міросданья
Всѣ для радости живутъ!
Въ небѣ и шатрѣ убогомъ
Жизни нить она прядетъ:
Херувимъ стоитъ предъ Богомъ,
Сладострастьемъ червь живетъ!

Хоръ.

Гибнутъ царства, гибнутъ братья!
Узнаешь ли Божій перстъ?
Тамъ любовь! въ ея объятьяхъ
И для нихъ шатеръ отверзтъ!

Голосъ.

Радость сердце освѣжаетъ,
Радость расширяетъ грудь,
И надеждой озаряетъ
Горькій труженика путь!

У креста святыя Вѣры
Знамя Радости шумитъ,
Добродѣтель торжествуя,
Въ сонмѣ ангеловъ стоитъ!

Хоръ.

Труженикъ, ты скажешь братьямъ,
Что твоя звѣзда взойдетъ,
Что святой Любви въ объятьяхъ
Добрый нашъ Отецъ живетъ!

Голосъ.

Радость въ чашѣ бьетъ струею
Каждому изъ насъ, но тотъ
Трижды чти ее своею.
Кто съ ней въ Господѣ живетъ!
Въ честь Его, друзья, вставайте!
Раздавайся лиры гласъ!
Чаши къ небу подымайте,
Въ честь Того, Кто любитъ насъ!

Хоръ.

Въ честь Того, къ Кому взываетъ
Златокрылый серафимъ,
И Кого стопу лобзаетъ
Сердцемъ чистый херувимъ!

Голосъ.

Твердость—въ искушеньяхъ свѣта,
Воздаяніе—добру,
Вѣрность вѣчная—обѣту
Правда—другу и врагу,
Мужество—предъ царскимъ трономъ,
Злобы и вражды конецъ,
Съ кликомъ и бокаловъ звономъ,
Добродѣтели вѣнецъ!

Хоръ.

Братья, Богъ владѣетъ смѣлымъ,
Совершайте сей обѣтъ!
Тамъ, за облачнымъ предѣломъ,
Тамъ вражды и злобы нѣтъ!

Голосъ.

Ну, теперь, друзья, сомкнитесь,
И обѣта своего
Долгъ исполнить поклянитесь
Грознымъ именемъ Того,
Въ чьихъ рукахъ святая воля,
Кто вселенную блюдетъ,
Кто любви на вѣчномъ тронѣ
Для дѣтей Своихъ живетъ!

Хоръ.

Ну, друзья, теперь въ объятья,
Поцѣлуй изъ рода въ родъ!
Тамъ Отецъ нашъ добрый, братья,
Тамъ Богъ Радости живетъ!

12. В. Бенедиктовъ. (Къ радости). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ» В. Бенедиктова, 1857 и позднѣе.

Бенедиктовъ выбралъ очень неудачный, тягучій размѣръ, совсѣмъ не подходящій къ живому настроенію подлинника.

Радость—ты искра небесъ! ты божественна,
Дочь Елисейскихъ полей!
Мы, упоенные, входимъ торжественно
Въ область святыни твоей,
Все, что разрознено свѣта дыханіемъ,
Вяжешь ты братства узломъ;
Люди тамъ братья, гдѣ ты надъ созданіемъ
Легкимъ повѣешь крыломъ.

Хоръ.

Всѣмъ простертыя объятья,
Люди, всѣхъ лобзаемъ васъ!
Тамъ, надъ звѣзднымъ сводомъ, братья,
Долженъ быть Отецъ у насъ!

Съ нами пируй, кто подругу желанную,
Дружбы нашелъ благодать,
Кто хоть единую душу избранную
Можетъ своею назвать,
Знаетъ, какъ бьется отрадою сладкою
Жаркая грудь на груди!
Если жъ кто благъ сихъ не вѣдалъ—украдкою,
Съ плачемъ, отъ насъ отойди!

Хоръ.

Все, надъ чѣмъ ликъ солнца ходитъ,
Пусть обѣтъ любви творитъ:
Насъ къ звѣздамъ она возводитъ,
Гдѣ Невѣдомый царитъ.

Къ персямъ природы припавъ, упивается
Радостью каждая тварь;
Добрый и злой неудержно кидается
Къ свѣтлой богинѣ въ алтарь.
Радость—путь къ дружбѣ, къ сердечному счастію,
Къ чашѣ съ виномъ золотымъ;
Червь съ нею дышетъ животною страстію,
Къ Богу летитъ херувимъ.

Хоръ.

Люди—ницъ! во прахъ главами!
Сердце чуетъ: есть Творецъ,
Тамъ Онъ, люди, надъ звѣздами
Царь нашъ, Богъ нашъ и Отецъ!

Радость пружина въ часахъ міровданія,
Маятникъ этихъ часовъ,
Радость, ты пульсъ въ организмѣ созданія,
Въ жилахъ вселенной ты кровь!
Долгу ты цвѣтъ вызываешь изъ сѣмени;
Въ небѣ, средь вѣчной игры,
Водишь по безднамъ пространства и времени
Солнце, планеты, міры.

Хоръ.

Какъ летятъ небесъ свѣтила,
Такъ по дальнему пути
Каждый, братья, въ комъ есть сила,
Какъ герой на бой—лети!

Радость, ты путь указуешь искателю
Къ благу къ вѣнцу бытія!
Въ огненномъ зеркалѣ правды испытателю
Свѣтитъ улыбка твоя!
Смертному вѣешь ты солнечнымъ знаменемъ
Вѣры съ крутой высоты,
Въ щели гробницъ проникающимъ пламенемъ
Блещешь межъ ангеловъ ты!

Хоръ.

Люди, нашъ удѣлъ—терпѣнье!
Всякъ неси свой жизни крестъ!
Братья, тамъ вознагражденье—
У Отца, что выше звѣздъ!

Будемъ богамъ подражать! На твореніе
Милость ихъ сходитъ равно.
Скорбный и бѣдный, приди—наслажденіе
Съ нами вкусить за-одно
Злоба, останься навѣки забытою!
Врагъ нашъ да будетъ прощенъ!
Пусть сботретъ онъ слезу ядовитую.
Пусть не терзается онъ!

Хоръ.

Въ пламя книгу долговую!
Всепрощеніе врагамъ!
Богъ за нашу мировую
Примирится съ нами—тамъ.

Нѣнится радость и въ чаши вливается,
Золотомъ гроздій горя;
Въ робкаго съ нею духъ бодрый вселяется,
Кротости духъ—въ дикаря.
Встанемъ, о братья, и къ своду небесному
Брызнемъ виномъ золотымъ!
Встанемъ и доброму Духу безвѣстному
Этотъ бокалъ посвятимъ!

Хоръ.

Въ хорахъ звѣздныхъ кто прославленъ,
Серафимами воспѣтъ,
Выше звѣздъ чей тронъ прославленъ—
Здѣсь да внемлетъ нашъ привѣтъ!

Братья, терпѣнье и твердость въ страданіяхъ!
Помощь невиннымъ въ бѣдѣ!
Строгая вѣрность въ святыхъ обѣщаніяхъ!
Честность и правда—вездѣ!
Предъ утѣснителемъ гордость спокойная:
Душить—умри, не дрожи!
Правому дѣлу—награда достойная!
Гибель исчадіямъ лжи!

Х о р ъ.

Лейся, нектаръ! пѣньтесь, чаши!
Вкругъ тѣснѣе становись!
Каждый вторь обѣты наши,
Божьимъ именемъ клянись!

Братья, пощада злодѣя раскаянью!
Цѣпи долой навсегда!
Смерти есть мѣсто: нѣтъ мѣста отчаянью
Милость и въ громѣ суда!
И да услышимъ изъ устъ Безконечнаго
Гласъ Его: мертвый, живи!
Ада нѣтъ болѣе, нѣтъ скрежета вѣчнаго!
Вѣчность—есть царство любви!

Х о р ъ.

Буди свѣтелъ, часъ прощанья,
По могиламъ сладкій сонъ!
Въ день же судный, въ день возстанья
Благость судъ, любовь—законъ!

13. «Артистъ» 1892 г. № 22. Здѣсь напечатанъ переводъ, помѣщаемый на программахъ симфоническихъ собраній при исполненіи девятой симфоніи Бетховена. Это какая-то странная мѣшанина отдѣльныхъ строкъ изъ разныхъ переводовъ, взятыхъ то цѣликомъ, то въ изуродованномъ видѣ, то съ рифмами, то безъ рифмъ. Кромѣ того, совершенно перепутана послѣдовательность отдѣльныхъ мѣстъ. Но можетъ быть, въ этомъ порядкѣ идутъ музыкальныя иллюстраціи знаменитой симфоніи?

ОДА КЪ РАДОСТИ.

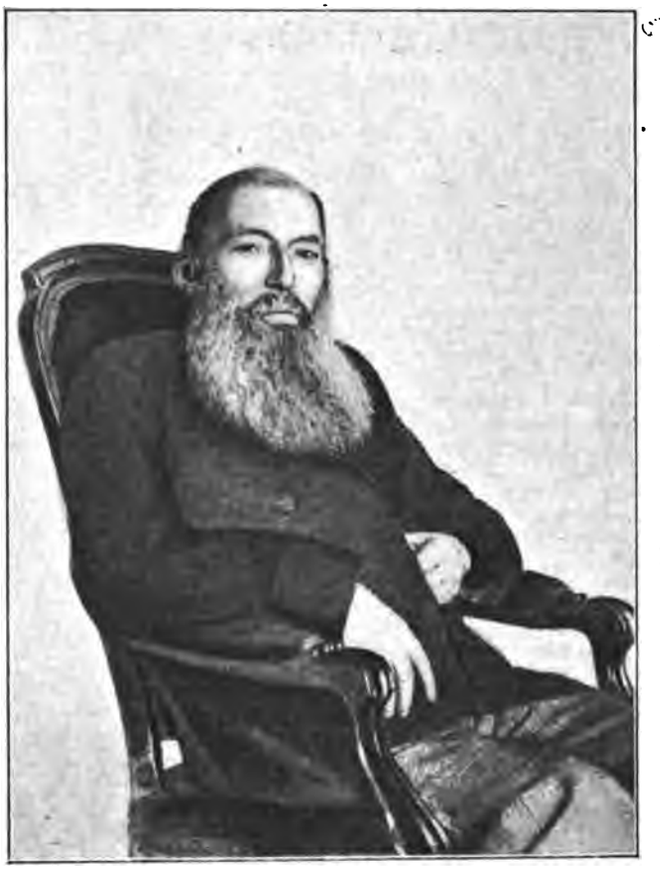
Радость — искра Божества,
Дочь прелестная небесъ!
Мы вступаемъ въ упоенiи
Въ твой божественный чертогъ.

Ты опять соединяешь,
Что обычай раздѣлилъ;
Тамъ всѣ люди снова братья,
Гдѣ коснешься ты крыломъ.

Тотъ, кому быть другомъ другу
Жребій выпалъ на земли,
Кто нашелъ себѣ подругу,
Съ нами радость раздѣли.

Также тотъ, кто здѣсь своею
Душу хоть одну зоветъ;
Кто не могъ найти—съ слезою
Братскій нашъ оставь союзъ.

У груди благой природы
Существа всѣ радость пьютъ,
Всѣ, и добрые, и злые,
По стезѣ ея идутъ.



Аѳанасій Аѳанасьевичъ ФЕТЪ.

Надѣлила насъ любовью,
Другомъ вѣрнымъ намъ на вѣкъ.
Дышетъ червь животной страстью,
Херувимъ летитъ къ Творцу.

Какъ летятъ небесъ свѣтила
По пространному пути,
Братья, вы своей стезей
Весело идите, какъ герой къ побѣдѣ.

Обнимитесь всѣ народы!
Люди, поцѣлуй сей вамъ.
Братья, выше свода звѣздъ
Долженъ жить благой Отецъ.

Ницъ падите, милліоны!
Чествуешь Творца ты, міръ?
Выше звѣзднаго вѣнца
Въ небесахъ Его ищите.

14. Голованов. (Лирическія стихотворенія Шиллера), Москва, 1899.

НЕПОБѢДИМЫЙ ФЛОТЪ.

(1786).

Филиппъ II, король испанскій, могущественнѣйшій король своего времени, возмущенный помощью, которую королева англійская Елисавета оказывала мятежнымъ Нидерландамъ, и казнью Маріи Стюартъ, снарядилъ противъ Англіи «Непобѣдимую армаду» — флотъ изъ 150 большихъ кораблей съ 2630 пушками, который долженъ былъ покорить подаренную Филиппу папой Англію. Но — отчасти вслѣдствіе страшныхъ бурь, отчасти благодаря умѣнію англійскаго главнокомандующаго, армада погибла въ августѣ 1588 года, что потрясло могущество Филиппа и послужило началомъ морскому владычеству Англіи, которая до этого событія никакъ не могла назваться «владычицей морей».

Въ 1785 году Лун-Себастьянъ Мерсье, французскій поэтъ (1740—1814), написалъ драматическія сцены Portrait de Philippe second», предпославъ имъ историческій очеркъ, переведенный Шиллеромъ въ «Галіи» 1786 г. Вотъ какъ одинъ поэтъ — говорится въ этомъ очеркѣ — изобразилъ это событіе:

«Волны ревутъ подъ страшнымъ флотомъ. Это — цѣлое войско плавучихъ крѣпостей; его называютъ непобѣдимымъ, и ужасъ, имъ внушаемый, освящаетъ это имя; океанъ, трепещущій подъ его тяжестью, точно повинуется его медленному и величавому движенію; онъ надвигается, этотъ страшный флотъ, точно грозовая туча; онъ готовъ низринуться на благородный островъ, на который взглядомъ любви взираетъ Небо, на счастливый островъ, благородные обитатели котораго имѣютъ право быть свободными и достоинствомъ своимъ превосходятъ всѣ народы на землѣ, ибо имъ удалось создать законы, связывающіе всѣхъ отъ короля до гражданина; они захотѣли свободы и стали свободны; геній и мужество — вотъ основы ихъ державныхъ преимуществъ. Всѣ люди, одушевленные благородствомъ, отъ полюса до полюса увлечены судьбой этой величественной республики, считая ея спасеніе невозможнымъ; но Всемогущій не далъ погибнуть этому благородному оплоту свободы, этому неприкосновенному убѣжищу человѣческаго достоинства, онъ подулъ, и этотъ непобѣдимый флотъ разсѣянъ и уничтоженъ: его обломки висятъ на скалахъ или покрываютъ мели, на которыхъ нашли гибель наглость и насиліе». Затѣмъ слѣдуетъ замѣчаніе Мерсье о медали, вычеканенной по этому случаю, цѣликомъ воспроизведенное Шиллеромъ (стр. 31). Надо, однако, замѣтить, что медаль эта вычеканена не по повелѣнію королевы Елизаветы, но въ Голландіи, и что на ней сказано не dissipati sunt, но dissipantur. Поэтомъ, о которомъ говоритъ Мерсье, долго считали самого Мерсье, пока недавно Манше (C. H. Manchot. «Martin Crugot», Бременъ, 1886) не доказалъ, что Мерсье имѣлъ въ виду настоящаго нѣмецкаго писателя (изъ французскихъ эмигрантовъ) Мартина Крюго (1725—1790), въ книгѣ котораго «Der Christ in der Einsamkeit» (1756) помѣщено описаніе гибели армады воспроизведенное Мерсье, а затѣмъ Шиллеромъ, вставившимъ только четвертую строфу («Несчастная, взгляни» и т. д.). Въ словахъ «великой хартіей сравнивъ гражданъ съ князьями» указаніе на знаменитый англійскій законъ Magna charta libertatum (великая хартія волностей), издать который заставили короля Іоанна Безземельнаго (въ 1215 г.) англійскія сословія - дворянство и духовенство. По этому акту, обезпечивавшему вольности всѣмъ свободнымъ людямъ безъ различія званія и состоянія, опредѣлились права государя, ограничивался произволъ, учреждалось представительное собраніе и т. д. «Надменный флагъ» русскаго перевода не передаетъ *«львинаго* флага» Шиллера — намекъ на испанскій флагъ, на которомъ въ знакъ соединенія провинцій Леона и Кастиліи были изображены левъ (leon) и замокъ (castel).

1. **В. Гаевскій.** (Непобѣдимый флотъ, изъ Шиллера). «Библіотека для чтенія», 1843, т. LVIII.

Идетъ, идетъ полудня флотъ могучій,
Чернѣясь вдали, плыветъ изъ дальнихъ странъ.
Его несетъ по морю вѣтръ летучій,
Подъ нимъ кипитъ всемірный океанъ.
Побѣдныя войска твердынь непобѣжденныхъ
Къ тебѣ, къ тебѣ плывутъ, туманный Альбіонъ,
Они тебѣ несутъ на волнахъ устрашенныхъ
И громкій звукъ цѣпей, и гордый свой законъ.
Летитъ быстрѣй стрѣлы по вѣтру флотъ гонимый,
И солнце, освѣтивъ лазурный неба сводъ,
Любуется съ небесъ на флотъ непобѣдимый
И на его спокойный, быстрый ходъ.
И флотъ быстрѣй стрѣлы летитъ, отваги полный;
Вотъ передъ нимъ вдали чернѣетъ небесклонъ
И стихнули передъ нимъ враждующія волны,
Открылся передъ нимъ желанный Альбіонъ.
Средь криковъ радости, средь громкихъ моря стоновъ
Къ тебѣ изъ дальнихъ странъ идетъ могучій врагъ,
Тебѣ грозятъ войска побѣдныхъ галліоновъ,
И у твоихъ браговъ ихъ гордый вѣетъ флагъ.
Колышетъ флаги вѣтръ, несясь надъ бурнымъ моремъ,
Предъ сильною страной, владычицей морей,
И передъ ней вдали однообразнымъ строемъ
Мелькаетъ грозный рядъ высокихъ кораблей.
Не ты ль со славою сражалась со врагами?
Не ты-ль хартію великую дала?
И вмѣстѣ съ мудрыми правленія дѣлами
Тебя прославили военныя дѣла.
О первенствѣ своемъ нерѣдко въ битвахъ споря,
Вездѣ являла ты власть мощную свою.
Не ты-ль пріобрѣла владычество надъ моремъ?
Теперь же предъ врагомъ падешь въ морскомъ бою,
Со страхомъ ждетъ весь міръ паденія державы.
Предъ нею сильный флотъ, какъ твердая стѣна.
Паденіе никѣмъ несокрушенной славы
Прочувствуй съ горестью, могучая страна.
Но Всемогущій Богъ увидѣлъ вражью силу,
И ею топкій брегъ, обложенный кругомъ.
И для страны, хранимой Имъ, могилу
Отверзтую безчисленнымъ врагомъ.—
«Угаснетъ доблестныхъ моихъ героевъ племя,—
Вѣщалъ Творецъ,—погибнетъ со стыдомъ,
Но нѣтъ! теперь для нихъ настало славы время,
Я буду Самъ для нихъ спасительнымъ щитомъ!
Вдругъ буря поднялась, и стройная громада
Летитъ отъ береговъ, дробясь о скалы,
И уплыла, врагомъ разбитая, армада,
И вздулися подъ ней сердитые валы.

2. **В. Гаевскій.** Предыдущій переводъ, исправленный для изданія Гербеля, болѣе точенъ и потому взятъ нами.

3. **Б. Алмазовъ.** Непобѣдимая Армада. «Стихотворенія Б. Алмазова». Спб. 1874. Соч. т. I. Превосходно переданы мысли и образы, но въ частностяхъ большія отступленія отъ подлинника.

Левъ Александровичъ МЕЙ.

НЕПОБѢДИМАЯ АРМАДА.

(Изъ Шиллера).

Afflavit Deus,—et dissipati sunt.

(Надпись на медали, выбитой, по повелѣнію Елизаветы Англійской, въ память гибели испанскаго флота, угрожавшаго Англіи).

Плыветъ, плыветъ грозна, какъ сила роковая,
Громада гордая, краса и страхъ морей,
И съ гуломъ океанъ, валы свои вздымая,
Дрожитъ, колеблется подъ ней.
Она плыветъ на Сѣверъ непокорный—
Къ твоимъ, Британія, завѣтнымъ берегамъ,
Она несетъ съ собой оковы, плѣнъ позорный
И рабства гнетъ твоимъ сынамъ;
Во имя Божіе и падшихъ душъ спасенье,
И вѣры истинныхъ даровъ,
Она несетъ тебѣ насилье, разрушенье,
И смерть, и тысячи громовъ!...
И все впередъ, впередъ идутъ въ морской пучинѣ
И приближаются уже къ землѣ твоей,
Какъ громоносныя плавучія твердыни,
Громады вражьихъ кораблей.
Онѣ ужъ предъ тобой: твои родныя воды
Несутъ покорно ихъ средь рѣющихъ зыбей;
Онѣ передъ тобой, о родина свободы,
Царица мощная морей!
Конецъ могуществу, возросшему вѣками:
Твой смертный часъ, Британія, пробилъ!
Ты въ прахъ палешь, разрушена громами
Несчастныхъ, лютыхъ вражьихъ силъ.
Великій, страшный мигъ; судьбы предначертанья
И участь столькихъ царствъ откроетъ свѣту онъ,
И цѣлый міръ, въ тревожномъ ожиданьи,
Взираетъ на тебя, великій Альбіонъ!
Заранѣ всѣ враги свободы рукоплещутъ
Паденью твоего побѣднаго вѣнца,
И, въ страхѣ за тебя, волнуются, трепещутъ
Всѣ благородныя сердца.

Но правосудный Богъ—Богъ силъ, судья вселенной,
Воззрѣлъ съ высотъ небесъ на грозный и надменный
Твоихъ враговъ *непобѣдимый* флотъ—
Колоссъ, гордынею слѣпой сооруженный,
Тиранніи и темныхъ силъ оплотъ,—
Воззрѣлъ и рекъ: «Ужели совершится
Неправды торжество? Ужели сокрушится
Предъ этой силой тьмы мой славный Альбіонъ,
Гдѣ правитъ всѣмъ любовь къ отечеству святая,
Свѣтъ правды, разумъ и законъ?
Ужели попущу, чтобъ эта сила злая
Разрушила мой свѣтлый Альбіонъ
Сіе послѣднее прибѣжище свободы?»
Такъ рекъ Господь, дохнулъ съ небесъ на воды,—
И бурей заревѣлъ внезапно океанъ—
И исполинскія плавучія твердыни
Далеко разметалъ по яростной пучинѣ,
Какъ щепки легкія, могучій ураганъ.

4. Головановъ, «Лирическія стихотворенія Шиллера». Москва, 1899.

БОГИ ГРЕЦІИ.

(1788, а не 1786, какъ указано на стр. 32).

Это стихотвореніе относится къ тому времени, когда поэтъ, погруженный въ историческую работу, жилъ въ Веймарѣ, очень мало занимаясь лирической поэзіей. Въ письмѣ къ Кернеру, ранней весной 1787 года, онъ говоритъ: «Тебѣ будетъ пріятно узнать, что я, стряхнувъ съ себя на нѣсколько дней школьную пыль моей исторической работы («Отпаденіе Нидерландовъ»), вновь вознесся въ область поэзіи. При этомъ случаѣ я сдѣлалъ открытіе, что, несмотря на долгое невниманіе, моя муза не дуется на меня. Виландъ разсчитывалъ на мою статью въ «Меркуріѣ», и я отъ страха написалъ стихи. Въ мартѣ ты найдешь ихъ въ «Меркуріѣ» и будешь доволенъ, потому что это, пожалуй, лучшее, что я создалъ за послѣднее время; особенно новой будетъ здѣсь для тебя Гораціевская строгость, поразившая Виланда. О сюжетѣ не скажу тебѣ ничего. Чѣмъ мы—если ты помнишь объ этомъ—занимались нѣкогда съ тобой—оттачиваніемъ словъ—занимаюсь я теперь съ Виландомъ, и не одинъ листокъ бумаги разрывается ради одного эпитета, чтобы въ концѣ концовъ вернуться къ первому». Предчувствуя возраженія, которыя вызоветъ основная мысль стихотворенія, Кернеръ писалъ поэту и въ концѣ апрѣля: «Прочелъ, наконецъ, твое стихотвореніе. Хотѣлъ бы обладать такимъ талантомъ, чтобы написать ему антитезу, то есть апологію христіанскаго монотеизма. Недостатка въ матеріалѣ я бы не чувствовалъ. Хотѣлось-бы, однако, чтобы ты устранилъ нѣкоторыя выходки, задѣвающія только грубую догматику, но не утонченное христіанство. Онѣ не возвышаютъ достоинства стихотворенія и придаютъ ему видъ бравады, въ которой ты не нуждаешься для приправы твоихъ работъ».

Стихотвореніе, столь опредѣленно ставящее религіозныя воззрѣнія многобожія выше христіанскихъ, въ самомъ дѣлѣ, вызвало горячія возраженія современниковъ. Ф. Л. фонъ Штольбергъ объявлялъ (въ статьѣ «Мысли о *Богахъ Греціи* Шиллера» въ «Нѣмецкомъ Музеѣ»), что «предпочелъ бы быть предметомъ всеобщаго осужденія, чѣмъ написать такое стихотвореніе, хотя бы оно дало ему славу великаго Гомера». «Антитеза», о которой говорилъ въ своемъ письмѣ Кернеръ, была въ самомъ дѣлѣ написана Фр. фонъ Клейстомъ и напечатана въ «Нѣмецкомъ Меркуріѣ» подъ заглавіемъ «*Хвала единому Господу*. Въ противоположность стихотворенія Шиллера *Боги Греціи*» (1789); съ точки зрѣнія поэтической произведеніе это совершенно ничтожно. Были и другія выраженія несогласія, но были у поэта и защитники, среди которыхъ особенно интересенъ швейцарскій священникъ Штольцъ, объявившій, что онъ, при всемъ своемъ пламенномъ христіанствѣ, готовъ подписаться подъ всѣмъ стихотвореніемъ, за исключеніемъ одного только выраженія «святой варваръ». Самъ поэтъ въ пространномъ и чрезвычайно любопытномъ письмѣ къ Кернеру ставилъ защиту своего стихотворенія на широкую почву. «Вообще, писалъ онъ, здѣсь надо принять за общее правило, что предметомъ художественнаго, а особенно поэтическаго изображенія никогда не служитъ *дѣйствительное*, но всегда *идеальное*, то-есть художественно выбранное изъ явленія дѣйствительности. Такъ, художникъ никогда не беретъ своимъ предметомъ мораль или религію, но лишь тѣ ея свойства, которыя онъ можетъ мысленно обобщить (zusammendenken); поэтому онъ и не можетъ ни въ чемъ погрѣшить противъ той или другой: онъ можетъ нарушить лишь законы эстетической цѣлесообразности или требованія вкуса. Если я изъ слабыхъ сторонъ религіознаго или нравственнаго ученія создаю гармоническое цѣлое, мое художественное твореніе хорошо; и оно не можетъ быть названо ни безнравственнымъ, ни безбожнымъ по той простой причинѣ, что я совсѣмъ не изображалъ религію или нравственность *какъ онѣ есть*, но какъ онѣ могли бы быть послѣ полнѣйшей переработки, то-есть послѣ выдѣленія извѣстныхъ элементовъ и новаго соединенія ихъ. Тотъ Богъ, которому я въ «Богахъ Греціи» отвожу второе мѣсто, не есть Богъ философовъ и даже не благостная мечта толпы, но уродливое порожденіе многообразныхъ извращенныхъ и ложныхъ представленій. Боги Греціи, которымъ я отдаю преимущество,—это лишь соединеніе въ одномъ представленіи свѣтлыхъ образовъ греческой миѳологіи. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что каждое художественное произведеніе подчинено одному лишь закону своей красоты и свободно отъ всякихъ требованій». Уже въ 1793 году онъ писалъ Кернеру, что обработка «Боговъ Греціи» для новаго изданія обѣщаетъ ему неописуемые труды, такъ какъ онъ доволенъ развѣ лишь пятнадцатью строфами—изъ двадцати пяти. Въ новой редакціи, которая появилась впервые лишь въ 1880 году—черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ первой,—сохранено изъ первой всего четырнадцать строфъ; двѣ шестая и шестнадцатая—прибавлены впервые.

До нѣкоторой степени эти измѣненія и сокращенія объясняются эстетическими соображеніями. Стихотвореніе было утомительно длинно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неуклюже. Но главную роль въ переработкѣ играло очевидное нежеланіе поэта оскорбить въ чемъ бы то ни было, хотя бы и невольно господствующія религіозныя воззрѣнія. Ибо въ первой редакціи цѣлый рядъ отдѣльныхъ выраженій и еще больше общій смыслъ всего стихотворенія не только ставилъ въ упрекъ новѣйшему міровоззрѣнію недостатокъ фантазіи и чувства (что съ поэтической точки зрѣнія, быть-можетъ, и не безосновательно), но прямо унижалъ его съ нравственной точки зрѣнія. Вѣрующаго человѣка должно было оскорблять изображеніе вселенной подъ властью «святого варвара», правящаго «по неутолимымъ законамъ духа», не знающаго слезы состраданія и т. п.

Въ общемъ, однако, стихотвореніе даже и въ первой редакціи вовсе не направлено противъ идеи единобожія. Было бы напрасно видѣть въ этомъ вѣрномъ отголоскѣ философскаго міровоззрѣнія Шиллера случайное выраженіе критическаго настроенія, «поэтическій капризъ», какъ назвалъ его одинъ критикъ. Вдохновенное выраженіе преклоненія поэта предъ красотой античнаго идеала, съ которымъ онъ познакомился впервые въ греческой поэзіи, «Боги Греціи», въ сущности, не относятся къ религіи. Не въ единобожіи и многобожіи здѣсь дѣло. «Здѣсь—хорошо говоритъ Гофмейстеръ—Шиллеръ выразилъ свое пламенное стремленіе къ поэтическому взгляду на міръ, исчезнувшему въ его время изъ религіи, но у эллиновъ чуднымъ образомъ проникавшему всю жизнь. Стихотвореніе по существу вовсе не направлено противъ монотеизма,—оно порицаетъ лишь разсудочный отвлеченный монотеизмъ, который въ одностороннемъ интересѣ холодной истины и дурно понятаго высшаго проникновенія, совершенно забываетъ всѣ требованія чувства и воображенія, кото-

рыя могутъ быть удовлетворены лишь въ живомъ многообразіи ближнихъ, конкретныхъ, отдѣльныхъ божественныхъ образовъ... Кромѣ того и въ еще большей степени отвергаетъ поэтъ мрачныя, пустыя религіозныя обрядности своего времени, совершенно разсудочное, бездушное и механическое пониманіе природы, тоскливый взглядъ на жизнь, страшное представленіе о смерти и неутѣшительныя мысли о нашемъ будущемъ существованіи—все это для того, чтобы выставить рельефнѣе и яснѣе свое собственное жизнерадостное, насквозь человѣческое, эстетическое міровоззрѣніе».

Строфа 1. «Въ творческихъ *ночахъ*»—ненужная вольность переводчика, только для риемы къ «помочахъ»: у Шиллера просто «прекрасныя вещества изъ міра баснословнаго» «Вѣнчали храмъ твой» — у грековъ былъ такой обычай (см. Иліада, I, 39).

Стр. 3. Вмѣсто «сторицей» у Шиллера—«наши мудрецы».

Стр. 4. «Этотъ лавръ стыдливость дѣвы прячетъ» — намекъ на Дафне, обращенную ея отцомъ Пенеемъ въ лавровое дерево. «Дочь Тантала» - Ніобея, обратившаяся въ камень—«Друга нѣжнаго» - Адониса.

Стр. 5. «Къ порожденнымъ отъ Девкаліона»—т. е. людямъ. Сынъ Латоны» — Аполлонъ. «Къ Пиррины прекраснымъ дочерямъ» — къ смертнымъженщинамъ.—«Посохъ взявъ» у Шиллера «пастушескій посохъ», такъ какъ Аполлонъ пасъ на Идѣ овецъ Лаомедона и былъ пастухомъ у Адмета; это,однако,не имѣло никакого отношенія къ его многочисленнымъ связямъ съ смертными женщинами.—«Между смертнымъ, богомъ и героемъ»,—такъ какъ и боги и полубоги (герои) греческіе были такъ-же подвластны любви, какъ и люди.—За этой строфой слѣдовали еще четыре, посвященныя красотѣ образовъ и отношеній древняго міра.

Стр. 6. «Строгій чинъ съ печальнымъ воздержаньемъ»—указаніе на свѣтлый и радостный характеръ греческаго культа. «Гремѣли колесницъ четы»—на конскихъ состязаніяхъ. — «На Олимпійскихъ играхъ *вѣнценосныхъ*», такъ какъ побѣдитель получалъ вѣнокъ изъ сосновыхъ хвой. Поэтому невѣрно въ переводѣ «вѣнокъ *цвѣточный*»»; у Шиллера «вѣнокъ побѣдный», который, по предположенію поэта, побѣдитель возлагалъ на изваяніе божества.

Стр. 8. Яркое изображеніе шествія Вакха, котораго русскій переводчикъ произвольно называетъ «младой *герой*»; у Шиллера—«великій, приносящій радость». О спутникахъ его тирсоносцахъ—вакхантахъ, Сатирѣ, Фавнѣ, менадахъ, вакханахъ и ихъ возгласѣ «эвоэ» см. въ словарѣ. Здѣсь слѣдовали въ первой редакціи еще три строфы.

Стр. 9. Свѣтлый образъ смерти у грековъ, въ противоположность нашему страшному представленію, былъ особенно ясенъ Шиллеру послѣ знаменитой статьи Лессинга. «Какъ древніе изображали смерть». «Смертный внукъ»—судья преисподней («въ Оркѣ») Миносъ, который, однако, былъ не внукъ, а сынъ смертной (Европы). «Ѳракіецъ —Орфей, который своей просьбой поколебалъ роковое рѣшеніе богинь судьбы Эринній(Эвменидъ). Продолженіемъ этой строфы и была вызвавшая не добреніе и впослѣдствіи выпущенная картина суда единаго Бога—«священнаго варвара, который судитъ по страшнымъ законамъ духа» и т. д.

Михаилъ Ларіоновичъ МИХАЙЛОВЪ.

Стр.10.—«ВъЕлисей къ ликующему кругу тѣнь металла *землю помянутъ*»,- потому что радости античнаго рая (см. въсловарѣЭлизіумъ) были совершенно земныя. Здѣсь всякій, какъ Линосъ, Алцеста, Орестъ, Филоктетъ (см. въ словарѣ)—находитъ то, что ему было дорого на землѣ. Слѣдующая, выпущенная строфа представляла противоположность нынѣшняго воззрѣнія: «Но безвозвратно погибло то, что потеряно *мною* (въ противоположность древнимъ) въ этой жизни.. Чуждыя мнѣ, непонятныя упоенія страшатъ меня изъ того міра, и за радости, дающія мнѣ теперь блаженство, мнѣ дадутъ новыя,—которыя мнѣ не нужны.

Стр. 11. «Ждалъ борецъ высокаго удѣла», - потому что подвиги могли ввести смертнаго въ сонмъ боговъ.—«Предъ зовущимъ къ жизни мертвецовъ», то есть предъ Геркулесомъ, вырвавшимъ изъ рукъ смерти Альцесту,—«боги, преклонясь, смолкаютъ»—не только боги преисподней, но и боги Олимпа, принявшіе Геркулеса въ свою среду.—«Свѣточи Олимпійскихъ близнецовъ»—Діоскуровъ, Кастора

и Поллукса, которые почитались, какъ хранители и спасители мореплавателей.

Стр. 13. «Оглашаю рощи, кличу въ волны»,— такъ какъ каждое отдѣльное явленіе природы имѣло у древнихъ *свое* божество.—«Селена»—луна, «Злое дыханіе сѣвера», уничт жившее цвѣты,—христіанство, которое, отказавшись отъ жизнерадостнаго міровоззрѣнія древнихъ, проповѣдуетъ единаго Бога, незримаго, отвлеченнаго, требующаго самоотреченія.

Стр. 14—изображеніе чисто механическаго строя природы, «обезбоженной», то есть лишенной случайностей сверхъестественнаго вмѣшательства и подчиненной лишь мертвымъ законамъ матеріи—«закону тяготѣнія».

Стр. 15. «Чтобъ плодомъ на завтра разрѣшиться, рыть могилу нынче суждено», относится не къ людямъ, но ко всей природѣ, которая непрерывно мѣняетъ лишь формы, не создавая изъ себя ни одной новой частицы.

Первоначально стихотвореніе кончалось сильными строфами: поэтъ въ заключеніе проситъ Бога замѣнить суровую, строгую богиню истины мягкой богиней красоты. Заключительная (16-я) строфа новой редакціи гораздо менѣе энергична. Ея теоретическій конецъ, выражающій примиреніе съ необходимой гибелью древнихъ боговъ, но безъ достаточнаго основанія, не соотвѣтствуетъ цѣльному настроенію всего стихотворенія. Сторонника того міровоззрѣнія, выраженіемъ котораго служили для Шиллера древніе боги, конечно, не можетъ успокоить то соображеніе, что, исчезнувъ изъ жизни, они безсмертны въ поэзіи.

1. Лихачевъ. (Мечты Греціи, изъ Шиллера). «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» 1828, 65. Перепечатано въ «Славянинѣ» 1828, ч. V, и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1831, № 19. Переведено только 12 строфъ, другимъ размѣромъ, чѣмъ подлинникъ, и съ большими уступленіями въ подробностяхъ. Конецъ переданъ очень вольно и кратко.

1.

Жизнь на радость расцвѣтала
Первобытнымъ племенамъ,
Какъ гирлянда окружала—
Аѳродиты свѣтлый храмъ.
И предъ взоромъ восхищеннымъ
Раскрывался юный свѣтъ;
Все являло посвященнымъ—
Божества недавній слѣдъ.

2.

Гдѣ вершится непримѣтно
Огненный, бездушный шаръ,
Геліосъ великолѣпный
Разливалъ лучистый жаръ,
Холмъ оживлялся Ореадой,
Лѣсъ—убѣжище Дріадъ,
И изъ урны билъ прохладой
Серебристый ключъ Наядъ.

3.

Дафна дышетъ подъ корою
Лавра Фебовыхъ полей,
Стонетъ нѣжно за густою
Занавѣсою вѣтвей
Филомела молодая.
По муравчатымъ коврамъ
Съ *Флорою Зефиръ* играя
Ароматъ даритъ цвѣтамъ.

4.

Отъ самихъ небесъ почтенный
Цвѣлъ твой родъ, Девкаліонъ;
Пирры дочерью плѣненный,
Посохъ взялъ Гиперіонъ.
Между смертными, богами
И героями союзъ;
Всѣ любви подъ знаменами
Подъ закономъ нѣжныхъ Музъ.

5.

Тамъ, колѣнопреклоненна
Предъ эротовымъ огнемъ,
Трепетъ чувствуетъ священный
Жрица, павъ предъ алтаремъ.
То, въ отдѣлѣ храма кроясь,
Гдѣ Тіясскій старецъ жилъ,
Стережетъ она тотъ поясъ,
Что Юпитера смирилъ.

6.

Смертный, на Боговъ надежный,
Ихъ вокругъ себя встрѣчалъ
Подъ дугой Ирисы нѣжной
Зеленѣе лугъ блисталъ,
А съ Авророю денница
Разливалася живѣй.
Бога пастыря пѣвница
Пѣла слаще и звучнѣй.

7.

Краше юность улыбалась
Въ Ганимедовыхъ чертахъ,
Смѣлость пламеннѣй являлась
Подъ Эгидою въ бояхъ.
Гдѣ Гимена призывали,
Былъ сердецъ союзъ милѣй,
Тамъ, гдѣ Парки жизнь намъ пряли,
Жили люди веселѣй.

8.

Вотъ Эвоэ раздается!
Вакха возвѣщаетъ ходъ.
Вотъ Менадъ его несется
Изступленный хороводъ;
И Силенъ, старикъ румяный,
Милъ Вакханкѣ молодой,
И ланиты бога рдяны
Манятъ къ кружкѣ родовой.

9.

Вмѣстѣ съ смертными пируя,
Богъ вкушалъ свои дары;
Благодарность знаменуя,
Въ посвященные пиры
Колесницы ихъ летали
На Истмическихъ играхъ,
И вѣнцы побѣдъ блистали
На душистыхъ ихъ кудряхъ.

10.

Остовъ страшный и огромный
Вдругъ къ одру не приступалъ:
Геній грустный и безмолвный
Тихо факелъ опускалъ;
Земнородный тѣни судитъ
Среди орковыхъ полей,
Тамъ и въ фуріяхъ возбудитъ
Жалость лирою Орфей.

11.

Первыхъ розъ весны свѣжѣе
И чиста, какъ снѣгъ холмовъ—
На Олимпъ летитъ Психея—
Отъ таинственныхъ садовъ.
Волны кораблемъ играютъ;—
Не страшитеся, пловцы!
Посмотрите, вотъ сверкаютъ
Вамъ съ Олимпа Близнецы.

12.

Міръ прекрасный! гдѣ ты? тѣсенъ
Безъ чудесъ для сердца свѣтъ;
Лишь въ странѣ чудесной пѣсенъ—
Живъ для насъ мечтаній слѣдъ.
Не встрѣчать существъ чудесныхъ
Ни въ пещерахъ, ни въ струяхъ,
И отъ образовъ прелестныхъ
Лишь одинъ скелетъ въ глазахъ.

2. **В. Бенедиктовъ.** (Боги Греціи, изъ Шиллера). «Стихотворенія В. Бенедиктова» 1857 и позднѣе. Очень вольный переводъ, но полнѣе другихъ русскихъ переводовъ. Въ немъ взято нѣсколько строфъ первоначальной редакціи, хотя очень односторонне: опущены тѣ, которыя шокировали христіанско-благочестивое чувство (см. выше, стр. 356) и оставлены тѣ (въ ихъ числѣ заключительная, выброшенная въ окончательной редакціи), гдѣ поэтъ остается человѣкомъ «новой вѣры».

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ,—
И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ;
Воздвигнутъ былъ тамъ Аѳродиты храмъ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ.

Природа тамъ была сестрой искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ;—
И что теперь тамъ недоступно чувству,
До глубины прочувствовано тамъ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
Повсюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложенъ
Живого божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный,

Николай Васильевичъ ГЕРБЕЛЬ.

Дріадами одушевленъ былъ садъ,
И свѣтлый, водный ключъ былъ брызгами изъ урны
Смѣющихся Наядъ.

Пѣвица-ли пернатая запѣла?
Леглалъ-ль роса на листья свѣжихъ розъ?
Тамъ грустная стенала Филомела,
А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слезъ.
Ручей-ли текъ струею свѣтлосиней?
Катился онъ у нимфы изъ очей,
Иль это былъ—въ тоскѣ рыдающей богиней
Наплаканный ручей?

Безсмертные къ Девкаліона чадамъ
Слетали тамъ для общихъ съ ними дѣлъ;
Гиперіонъ, взявъ посохъ, нѣжнымъ взглядомъ
На Пирры дочь прекрасную глядѣлъ.
Отъ тайныхъ стрѣлъ Амура не спасались
И боги тамъ, и съ пламенемъ въ крови
Герои, смертные и боги покорялись
Могуществу любви.

Всечтимая наперсница святыни,
Приставница священнаго огня,—
Весталка тамъ, предъ алтаремъ богини
Невинныя колѣни преклоня
И чая быть самимъ безсмертнымъ равной,
Санъ дѣвственный умѣла такъ хранить,
Что поясъ у нея самъ Зевсъ громодержавный
Не смѣлъ-бы разрѣшить.

Божественно сіялъ тамъ вѣчный пламень,
Что въ гимнахъ былъ у Пиндара зажженъ,
У Фидія внѣдренъ въ безсмертный камень
И данъ твоей былъ арфѣ, Аріонъ.
Даръ творчества на смертныхъ шелъ отъ Феба,
И не было тамъ мѣста грустной мглѣ,
Гдѣ боги, нисходя, себѣ второе небо
Творили на землѣ.

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда
Подъ сѣнію Медузина щита
И женственной улыбкой Ганимеда
Тамъ юноши блистала красота.
Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою,
Была плотнѣй сердецъ союзныхъ связь.
И мягче, и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прялась.

Ни тяжкихъ жертвъ, ни плоти изнуренья
Въ честь божеству не требовалось тамъ,
Тамъ счастія искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ.
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись, съ огнемъ и громомъ въ перегонъ;
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы
И высились вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ, за кѣмъ побѣда оставалась;
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря.
Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
Святыня алтаря.

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ «эвоэ» звучный кликъ,
Что настаютъ вакхическія игры,
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ;
Шли впереди и Фавны и Сатиры,
Кругомъ толпы неистовыхъ Менадъ;
Тамъ—полногрудыя Вакханки, чаши, лиры
И сочный виноградъ.

Сухой скелетъ—страшилище твореній
Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ;
Надъ смертнымъ тѣмъ, безмолвный, тихій геній
Съ улыбкою свой факелъ опускалъ,
И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньѣ,
Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ средь всеразящей бури
Надъ страждущимъ нерѣдко бичъ суда
Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій
Небесная давалась иногда,
И грозный судъ бывалъ небезсердеченъ:
Поставленъ былъ при Орковыхъ вѣсахъ
Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ
И въ самыхъ небесахъ.

Въ элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній,
И лиры звонъ, и родственная рѣчь;
Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,
Шли юноши въ объятія невѣстъ,
Шелъ къ другу вѣрный другъ—и встрѣчею съ Пиладомъ
Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полубогъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой—свершитель славныхъ дѣлъ;
Онъ мертвыхъ звалъ и мертвые вставали.—
Сбивались-ли въ пути своемъ пловцы,—
Касторъ и Поллуксъ ихъ съ Олимпа ободряли,
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ!—Весна со всей любовью,
Всей прелестью, исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
. . . . . .
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ;
Селена гдѣ? Сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое?—взываю я къ природѣ:
Бездушная молчитъ;—

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,
Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику спокойно-равнодушна,
Какъ мертвые часы заведена,
Вся обезбожена, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она.

Сегодня, взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планетъ своихъ шары,
А завтра, ту-жъ возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили—и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.

Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равенъ быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
ПередъТворцомъздѣськаждыйсмертныйпрахъ—
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей.СвятъБогънашъ,—грѣшенъвѣкъ,
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человѣкъ.

Создатель мой! Свѣтило новой вѣры!
Ты—вѣчный блескъ, а я охваченъ тьмой.
Ты—царь небесъ, тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры;
Тебя обнять не можетъ разумъ мой.
Къ тебѣ стремлюсь: напрасныя усилья!
Тебя зову, но мнѣ отвѣта нѣтъ.
О безконечный Духъ! Дай силы мнѣ, дай крылья
Взлетѣть въ твой горній свѣтъ!

З. Н. К. . . . ъ. (Боги Греціи, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера», 1857, т. II. Переведено довольно точно и въ такой-же смѣшанной редакціи стихотворенія, какъ у Бенедиктова.

Когда еще вы міромъ управляли,
О, существа миѳическихъ временъ,

Борисъ Николаевичъ АЛМАЗОВЪ.

Когда вездѣ вы радости являли,
Руководя судьбой земныхъ племенъ;
Когда вашъ блескъ отрадный изливался,
Природа вся была тогда свѣтлѣй:
Венеры храмъ гирляндами вѣнчался...
И сколько жертвъ тамъ приносилось ей!

Поэзіи волшебной пеленою
Ликъ истины задернутъ былъ тогда,
Проникнутъ міръ былъ чувства полнотою,
Котораго не видно и слѣда;
Все жизнію кипѣло совершенной,
Высокихъ чувствъ свѣтильникъ пламенѣлъ;
Тогда вездѣ, во всемъ взоръ освященный
Слѣдъ Божества плѣнительнаго зрѣлъ.

Гдѣ нынѣ шаръ безжизненный, огнистый
Мы видимъ, вѣря нашимъ мудрецамъ,
Богъ Геліосъ—блистательно-лучистый
Златою колесницей правилъ тамъ;
На томъ холмѣ рѣзвилась Ореада;
Съ тѣмъ деревомъ Дріада умерла;
Изъ урны той прелестная Наяда
Серебрянный источникъ пролила.

И лавры тѣ вкругъ Дафны увивались,
Изъ тростника того, изъ рощи той
Сириксы скорбь и вопли раздавались,
И стоны Филомелы молодой;
Тотъ ручеекъ Церера наполняла
Потокомъ слезъ о дочери судьбѣ;
Цитера здѣсь напрасно призывала
Прекраснаго Адониса къ себѣ.

Въ тѣ времена былъ близокъ родъ небесный
Къ потомству твоему, Девкаліонъ!
Плѣненный Пирры дочерью прелестной,
Взялъ посохъ пастыря Гиперіонъ.
Между людьми, героями, богами
Скрѣплялъ союзъ прекрасный Купидонъ:
И всѣ они любви подъ знаменами
Сходились тамъ, гдѣ воцарялся онъ.

Предъ алтаремъ трехъ грацій преклоняла
Колѣна жрица, полная красой,
И къ граціямъ обѣты возсылала,
Къ Цитерѣ же—своихъ желаній рой.
Сознанье высшей власти проявило
Въ ней доблести верховныхъ силъ небесъ;
Священный поясъ прелести хранило,
Смирился предъ которымъ самъ Зевесъ.

Небесенъ и безсмертенъ былъ тогда тотъ
пламень,
Который лился Пиндара въ стихахъ,
И Фидія рѣзцомъ бездушный камень
Божественно одушевлялъ. Въ чертахъ
Возвышенныхъ существъ тогда являлись
Происхожденья ихъ слѣды. Съ небесъ
Безсмертные на землю ниспускались,
И небо открывалось для очесъ.

Заманчивѣй намъ юность улыбалась,
Цвѣтя подъ ганимедовымъ вѣнкомъ;
Божественнѣй и храбрость тамъ являлась
Тритоніи съ Медузинымъ щитомъ;
Союзъ сердецъ Гимена былъ священнѣй,

И жизни нить восторженнѣй вилась:
Она была заманчивѣй, блаженнѣй,
Затѣмъ, что Парками прялась.

Суровые и тяжкіе обѣты
Въ честь божеству не требовались тамъ,
И были счастіемъ сердца согрѣты,
И счастіе доступно было вамъ;
Тогда святымъ прекрасное считали,
И не стыдились боги пировать,
Гдѣ свой завѣтъ Камены наблюдали,
Гдѣ граціи могли повелѣвать.

И ваши храмы, какъ дворцы, блистали;
На славныхъ олимпійскихъ празднествахъ
Златыя колесницы грохотали,
Стремясь къ желанной цѣли; на главахъ,
Духами умащенныхъ, красовались
Вѣнки изъ свѣжихъ лавровыхъ вѣтвей,
И бѣшенною пляской обвивались
Подножія священныхъ алтарей.

Чу! по горамъ «Эвое» раздается,
Тѣмъ возвѣщая Вакха шумный ходъ:
Толпы менадъ неистово несется
Восторженный и шумный хороводъ;
А вотъ и Вакхъ; предъ нимъ идутъ, шатаясь,
Сатиръ и Фавнъ; повсюду громкій смѣхъ
И все шумитъ, восторгамъ предаваясь;
И манитъ Вакхъ къ завѣтной чашѣ всѣхъ.

Не приступалъ тогда скелетъ ужасный
Къ одру, на коемъ смертный угасалъ;
Но грустный геній, поднявъ свой страстный
Напечатлѣвъ, свой факелъ опускалъ,
Прекрасный, ясный образъ улыбался,
Склонясь надъ нимъ, истерзаннымъ судьбой,
И вмѣстѣ съ нимъ спокойно удалялся
Съ послѣднимъ вздохомъ въ міръ иной.

Тѣней по страшнымъ не судилъ законамъ
Суровый рокъ въ странѣ загробной той, –
Безжалостный къ страданіямъ и стонамъ,
Но существо, рожденное женой.
Судилъ тѣней, отшедшихъ вновь отъ міра,
Внукъ смертнаго средь Орковыхъ полей,
И звуками своей пѣвучей лиры
Смягчалъ Эрвній пламенный Орфей.

Въ Элизіумѣ тѣни обрѣтали
Всѣ радости свои земныя вновь;
Орфея струны снова тамъ звучали
Торжественно; тамъ вѣрная любовь
Встрѣчала вновь любящаго супруга;
Въ объятіяхъ Алцесты тамъ Адметъ;
Тамъ узнаетъ Орестъ, съ восторгомъ, друга,
Свои доспѣхи—Филоктетъ.

Надеждой на награду подкрѣплялся
Въ пути къ добру неопытный боецъ,
И до боговъ въ то время возвышался
Великихъ дѣлъ возвышенный творецъ.
Не смертные охотно преклонялись
На просьбы смертныхъ; смѣлые пловцы
Волнамъ тогда надежнѣй предавались:
Свѣтили имъ съ Олимпа Близнецы.
Прекрасный міръ! ахъ, гдѣ ты? возвратися,
Прелестный цвѣтъ счастливѣйшихъ тѣхъ лѣтъ!
Но времена твои ужъ пронеслися,
Въ странѣ волшебной пѣсенъ лишь твой
слѣдъ!

Скорбятъ заглохшія поля; привѣта
Я божества не зрю ни въ чемъ, нигдѣ,
И остаются лишь одни скелеты
Отъ образовъ плѣнительныхъ вездѣ.

Поблекли тѣ цвѣты отъ дуновенья
Холоднаго, о, Сѣверъ, твоего!
Ушло боговъ собранье, чтобъ владѣнья
Распространить надъ всѣми одного.
На звѣздный сводъ печально я взираю:
Селена! гдѣ волшебный образъ твой?
Къ водамъ и рощамъ громко я взываю, –
Отвѣта мнѣ въ природѣ нѣтъ нѣмой!

Величіемъ своимъ не восхищаясь,
Не чувствуя, не мысля ничего,
И радостей—даровъ своихъ чуждаясь—
Безчувственна и къ чести своего
Художника. Въ рукѣ оцѣпенѣнья,
Она, какъ мертвый маятникъ часовъ,
Покорна вѣкъ закону тяготѣнья
Безжизненной природы, безъ боговъ.

Дай крылья мнѣ, чтобъ улетѣть въ предѣлы
Страны, гдѣ Ты покажешь свой вѣнецъ,
Ты, чьи мечи низвергли въ бездну стрѣлы,
Ты разума твореньe и Творецъ!
Дай мнѣ вѣсы, Тебя чтобъ взвѣсить, Вѣчный,
Ихъ отъ меня блескъ правды отклони,
И лживою фантазіи безпечной
Мнѣ этотъ блескъ несносный замѣни!

4. **М. Достоевскій.** (Боги Греціи). «Свѣточъ», 1860, № I, отд. I, 11, и въ изд. Гербеля. Переводъ точенъ, но нѣсколько сухъ.

Когда еще вы управляли свѣтомъ,
И съ тѣхъ, улыбкой вашей увлеченъ,
За вами съ дѣтской вѣрой шелъ, съ привѣтомъ,
Родныя тѣни сказочныхъ временъ;
Когда еще блистали ваши храмы,
Все было въ жизни лучше и свѣтлѣй,
Когда тебѣ курились ениміамы,
Праматерь пламенныхъ страстей—

Тогда поэта вымыслъ самый смѣлый
Еще изъ жизни прямо истекалъ,
Созданье билось жизнію всецѣлой,
Бездушный камень страстью трепеталъ.
Чтобъ жить съ природой жизнію одною,
Въ природу смыслъ божественный внѣдренъ,
И смертный всюду былъ боговъ толпою
Отъ колыбели окруженъ.

Гдѣ нынѣ учитъ педагогъ, зѣвая,
Бездушный шаръ затепленъ надъ землей,
Тамъ Геліосъ, пылая и сверкая,
Катился въ колесницѣ золотой.
На тѣхъ холмахъ рѣзвились Ореады,
Дріады торсъ бѣлѣлся межъ вѣтвей,
Изъ урны сномъ забывшейся Наяды
Журчалъ пролившійся ручей.

Тутъ Лавръ молилъ когда-то о спасеньи,
Дочь Тантала молчитъ въ утесѣ тамъ,
Сириксы вопль чуть слышенъ въ отдаленьи,
Пѣснь Филомелы стонетъ по ночамъ.
Здѣсь у ручья лилися слезъ потоки
Изъ кроткихъ глазъ Деметры молодой
На холмѣ тамъ Цитеры стонъ глубокій
Будилъ людей въ тиши ночной.

Тогда еще не отрекались боги
Къ сынамъ земли съ небесъ своихъ слетать,
И съ смертной дочерью, забывъ чинъ строгій,
Богъ не гнушался счастіе вкушать.
Амуръ межъ смертнымъ, богомъ и героемъ
Союзъ любви всегда установлялъ,
И смертный вмѣстѣ съ богомъ и героемъ
Кипридѣ жертвы возжигалъ.

Ни строгихъ догмъ, ни плоти воздержанья
Не знали въ свѣтлыхъ храмахъ вы одни.
Въ нихъ, къ счастью, смертный чувствовалъ призванье,
Затѣмъ, что былъ вамъ счастливый сродни.
Святымъ у васъ прекрасное лишь было:
Отъ радости не отвращался Богъ,
Когда, стыдясь, Камена къ ней манила,
И граціи полонъ былъ чертогъ.

Вашъ храмъ сіялъ веселіемъ и свѣтомъ,
Васъ славили на игрищахъ бойцы,
Гдѣ силой мѣрился атлетъ съ атлетомъ,
Иль состязались дивные пѣвцы;
И пары въ пляскахъ пламенныхъ свивались
Вкругъ вашихъ разноцвѣтныхъ алтарей,
И ваши чела лаврами вѣнчались
И рдѣли розы межъ кудрей.

Вотъ громкое эвое раздается,
Пантеры блещутъ упряжью златой;
Богъ радости грядетъ: предъ нимъ несется
Сатировъ, фавновъ и вакханокъ рой:
Вокругъ него бѣснуются менады,
Его вино въ ихъ пляскахъ говоритъ,
А богъ на нихъ, съ улыбкой плутоватой,
Весь раскраснѣвшійся глядитъ.

Къ одру больныхъ тогда не приближался
Еще скелетъ ужасный: кротокъ, милъ,
Надъ ними грустный геній преклонялся
И факелъ свой съ ихъ жизнію тушилъ;
И даже тамъ, гдѣ вѣчное стенанье,
Сынъ смертной матери поставленъ былъ
При Орковыхъ вѣсахъ, чтобъ состраданье
Въ сердцахъ Эриній онъ будилъ.

И снова тѣнь довольная встрѣчала
За чернымъ Стиксомъ счастіе свое:
Жена супруга снова обрѣтала,
А копьеносецъ вѣрное копье.
Звучатъ обычной пѣснью струны Лина,
На грудь Альцесты падаетъ Адметъ,
Среди тѣней Атридъ находитъ сына,
Находитъ стрѣлы Филоктетъ.

Тамъ доставались высшіе удѣлы
За битву въ жизни доблестнымъ бойцамъ:
Великихъ подвиговъ свершитель смѣлый
Былъ равенъ тамъ всезиждущимъ богамъ.
И боги всѣ главы свои склонили,
Какъ имъ предсталъ Алкмены сынъ, герой,
И близнецы съ небесъ звѣздой свѣтили
Пловцамъ, застигнутымъ бѣдой.

Гдѣ ты, прекрасный міръ? Приди къ намъ снова,
Вѣкъ полный басенъ, правды и цвѣтовъ!
Иль только въ царствѣ мрамора и слова
Остался слѣдъ твоихъ земныхъ боговъ?

Петръ Исаевичъ ВЕЙНБЕРГЪ.

Гляжу кругомъ—вся вымерла природа;
Не зрится мнѣ въ ней странствующій богъ:
Ахъ, отъ всего ихъ счастливаго рода
Остался вамъ одинъ подлогъ!

О, та весна прошла невозвратимо!
Какъ вѣтръ холодный съ сѣвера возсталъ,
Чтобъ могъ одинъ царить непостижимо
Весь міръ боговъ, какъ чудный сонъ, пропалъ.
Печально я гляжу на яхонтъ звѣздный—
Тебя, Селена, тамъ мнѣ не встрѣчать!
Войду-ль въ лѣса, сойду-ль въ морскія бездны,
Они осуждены молчать.

Природа?.. Благъ своихъ не сознавая,
Не чувствуя всей прелести своей,
Ни божьяго перста не замѣчая,
Ни радости не радуясь моей,
Безчувственна къ Творцу, къ своимъ твореньямъ,
Какъ маятникъ безсмысленный, она
Лишь одному закону тяготѣнья
. . . . . вѣрна.

Сама свои созданья умерщвляя,
Она изъ тлѣнья новыя творитъ,
И все на тѣхъ же орбитахъ вращая,
Міры свои, безъ думъ о нихъ, хранитъ.

Въ чудесный край фантазіи и пѣсенъ
Ушли всѣ боги мирною толпой,
Затѣмъ – что міру взрослому сталъ тѣсенъ
Нарядъ ихъ дѣтскій и простой.

Ушли!.. И все, чѣмъ жизнь была прекрасна,
Что міръ живило, унесли съ собой,
Всѣ краски, тоны, все, что было ясно --
И намъ остался только звукъ пустой.
И ихъ спасенный рой теперь витаетъ
На вѣчно-юныхъ Пинда высотахъ:
Чему въ стихахъ жить вѣчно подобаетъ,
То въ жизни гибнетъ словно прахъ.

5. А. Фетъ. Въ «Вечернихъ огняхъ». М. 1883 и позднѣе. Это не только самый точный (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отступленій, отмѣченныхъ выше), но и самый поэтическій изъ русскихъ переводовъ. Какъ во всѣхъ переводахъ Фета, и въ этомъ немало эрхаизмовъ и отдѣльныхъ неудачныхъ выраженій, но въ общемъ чувствуется большая поэтическая сила, достойная подлинника.

6. Н. Головановъ. Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДѢВУШКИ.

(1788).

По нѣмецки: «Юной пріятельницѣ въ альбомъ». (Написано въ альбомъ Шарлоттѣ фонъ Ленгефельдъ, Лоттѣ). Привыкнувъ видѣть свою будущую жену въ тихой обстановкѣ ея домашняго круга въ Рудольштадтѣ, поэтъ былъ непріятно пораженъ всѣмъ, что окружало ее въ Веймарѣ. Съ условностями придворной жизни не мирилась ни любовь поэта къ простотѣ, ни его свободный духъ, ни его гордая бѣдность. Онъ старался всячески ослабить вредное впечатлѣніе, которое могла произвести блестящая придворная обстановка на любимую дѣвушку. Незадолго до пересылки листка съ стихотвореніемъ для альбома, поэтъ писалъ Лоттѣ: «Не думаю, чтобы вы страстнѣе рвались къ вашимъ рощамъ и прекраснымъ горамъ, чѣмъ я, — особенно въ Рудольштадтѣ, куда меня теперь переносятъ мои лучшія сновидѣнія. Можно хорошо относиться къ людямъ и очень мало получать отъ нихъ взамѣнъ. Одно показываетъ доброе сердце, другое характеръ. Великодушные люди счастливы уже одной душевной свободой; послѣднюю же часто ограничиваетъ общество, даже хорошее общество; но одиночество возвращаетъ ее намъ, и прекрасная природа дѣйствуетъ на насъ, какъ прекрасная мелодія. Никогда не повѣрилъ бы я, что вамъ можетъ нравиться придворная атмосфера; я былъ бы совсѣмъ иного мнѣнія о васъ, если бы думалъ это. Простите, я такой эгоистъ, что предполагаю въ людяхъ, которые мнѣ дороги, мой образъ мыслей... Въ альбомъ напишу завтра».

Въ этомъ настроеніи и написано стихотвореніе, гдѣ поэтъ предостерегаетъ дѣвушку не смѣшивать свѣтъ дѣйствительный съ его отраженіемъ въ ея прекрасномъ сердцѣ. Кажется, на Лотту это предостереженіе не произвело желательнаго впечатлѣнія: въ отвѣтномъ письмѣ, благодаря за листокъ для альбома, она въ то же время выражаетъ сожалѣніе, что давно не видѣла поэта, «такъ какъ ей равно дороги старые и новые друзья».

1. М. Достоевскій. (Дѣвушка). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ЗНАМЕНИТАЯ ЖЕНЩИНА.

(1788).

Стихотвореніе это относится къ тому времени, когда Шиллеръ, почувствовавъ склонность къ Шарлоттѣ фонъ Ленгефельдъ, думалъ о женитьбѣ. Въ характеристикѣ ученой женщины, поглощенной своимъ возвышеннымъ трудомъ и изъ-за него забывающей о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, легко усмотрѣть антитезу чисто женскимъ добродѣтелямъ избранницы поэта. Объ отношеніи Шиллера къ женской духовной самодѣятельности можно судить по слѣдующему отрывку изъ его письма. «Странное, удивительное дѣло съ этими учеными женщинами. Покинувъ предуказанный имъ кругъ, онѣ смѣлымъ проникновеннымъ взоромъ съ непонятной быстротой проносятся чрезъ высшія области. Но для того, чтобы твердо и неудержимо нестись далѣе въ этихъ возвышенныхъ сферахъ, имъ недостаетъ крѣпкой, устойчивой силы мужчины, того желѣзнаго мужества, которое необходимо противопоставить препятствіямъ. Слабая женщина потеряла свою исконную прекрасную точку опоры — возвратиться она ужъ больше не можетъ, и становится или глупа, или несчастна. И даже божественное искусство,—что можетъ оно дать нѣжной женщинѣ, кромѣ того, что она найдетъ въ тихой дѣятельности, въ тихомъ исполненіи ея высокаго, священнаго призванія? И счастливъ мужчина, умѣющій цѣнить такое сокровище и находящій подругу своего сердца за домашними занятіями,—чтобы въ ея непритязательныхъ дарованіяхъ найти отдыхъ отъ своего тяжлаго труда». Не слѣдуетъ, однако, на этомъ основаніи приписывать Шиллеру отрицательное отношеніе къ женской образованности; онъ самъ около этого времени занимался съ Лоттой чтеніемъ греческихъ поэтовъ и впослѣдствіи поощрялъ и даже печаталъ ея стихотворные опыты.

Стихотвореніе — чуть не единственное сатирическое произведеніе Шиллера — написано въ видѣ посланія обманутому мужу отъ его друга, жалующагося на худшее горе—на славу жены. Изъ отдѣльныхъ мѣстъ требуютъ объясненія:

«Вездѣ ее возможно и дешево купить» — т. е. сочиненія. «Аристархъ» присяжный критикъ; «тощій» у Шиллера «грязный». «Лейпцигецъ» лейпцигскій издатель (въ Германіи книги издавались по преимуществу въ Лейпцигѣ), продающій портреть писательницы (въ русскомъ переводѣ это мѣсто передано такъ, какъ будто дѣло идетъ о ея сочиненіяхъ; у Шиллера сказано: «Лейпцигецъ, суди его Богъ! снялъ ее топографически, какъ крѣпость, и продаетъ публикѣ области, о которыхъ могу, по справедливости, говорить одинъ я»). «Нинона» названіе знаменитой женщины по имени извѣстной Нинону де Ланкло, возлюбленной кардинала Ришелье въ которую влюблялись, когда ей было 80 лѣтъ. «Изъ Іены и Берлина»,—гдѣ въ это время издавались популярныя «Іенская всеобщая литературная газета» и «Всеобщая нѣмецкая библіотека» Николаи, сплошь заполненныя критическими отзывами. «Самъ банкиръ N. N.» въ переводѣ совершенно произвольно вмѣсто вполнѣ опредѣленныхъ историческихъ личностей подлинника— авантюриста Кроссинга, издавшаго рядъ дамскихъ журналовъ, и Лафатера, «волшебника» изъ

Константинъ Константиновичъ СЛУЧЕВСКІЙ.

Цюриха.—«Проклинаю безсмертіе *свое*» невѣрно: у Шиллера—«это безсмертіе (жены) есть смерть моего рейнвейна», который выпиваютъ ея прихлебатели. «Пирмонтъ, Карлсбадъ» модные курорты, гдѣ собирались всякія знаменитости.—«Ладья Харона», перевозящаго въ загробное царство. Изъ книги золотой»: въ золотую книгу, libro d'oro вносились въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ знатные роды,—и такую золотую книгу для записи прекрасныхъ и достойныхъ любви женщинъ приписываетъ поэтъ Афродитѣ.

1. Ѳ. Миллеръ. (Знаменитая женщина). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1888 ГОДА.

(1788).

Это стихотвореніе было разыскано въ 1858 г. Іоахимомъ Мейеромъ въ «Таліи» 1790. Сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ переписки Кернера съ Шиллеромъ привело Мейера къ убѣжденію, что стихотвореніе принадлежитъ Шиллеру, и съ тѣхъ поръ его стали включать въ собраніе его сочиненій. Но авторитетнѣйшій изъ знатоковъ Шиллера Гедеке рѣшительно высказывается противъ принадлежности стихотворенія Шиллеру. (Schiller's Sämmtliche Schriften. Historisch-Kritische Ausgabe von Karl Goedeke, 6 Theil, Stuttgart 1869, стр. 429—430). Не приводя историко-литературныхъ соображеній, Гедеке, можетъ только присоединиться къ его историческимъ доводамъ. Едвали въ самомъ дѣлѣ это неуклюжее стихотвореніе, представляющее собою *одну* страшно-растянутую фразу, могло выдти изъ-подъ пера Шиллера. По мнѣнію Гедеке, стихотвореніе написано весьма посредственнымъ поэтомъ Густавомъ Шиллингомъ.

Гербель и Голованов включили въ свои изданія «Въ октябрѣ 1788 г.». Въ виду категорическаго протеста Гедеке, стихотвореніе не включается въ текстъ настоящаго изданія. Но оно будетъ не лишнимъ въ настоящихъ примѣчаніяхъ. Даемъ переводъ Миллера.

Такъ какъ ты взоръ просвѣщаешь мнѣ свѣтомъ и блескомъ отраднымъ,
И твой эоиръ золотой
Нѣжно меня окружаетъ, чтобъ погрузиться могъ жаднымъ
Взоромъ въ него я порой;
Такъ какъ меня одарила ты духомъ безсмертнымъ, благая,
Чтобъ я тебя постигалъ,
Сердце дала мнѣ, чтобъ чувствовать скорби и радости рая:
А чтобъ я свой идеалъ,
Всѣ мои думы и чувства выразить могъ, одарила
Звучною лирой меня:
Гордыхъ сыновъ своихъ славой и силою ты надѣлила,
Лирой же звучной—меня.
Такъ какъ мнѣ жизнь моя краше въ тотъ мигъ, когда мой окрыленный
Духъ вдохновенія полнъ,
Истины образъ прелестнѣе кажется мнѣ, отраженный
Въ блескѣ поэзіи волнъ:
То за все это, богиня, покуда суровая Парка
Дней оборветъ моихъ нить,
Нѣжной къ тебѣ благодарностью сердце пылаетъ пусть жарко,

Звуки же лиры хвалить
И воспѣвать съ постоянствомъ пусть будутъ тебя
неизмѣннымъ.
Такъ до кончины духъ мой
Мыслящій пусть наслаждается мирно объятьемъ
блаженнымъ,
О, всеблагая, съ тобой!

ХУДОЖНИКИ.

(1789).

Это замѣчательное философское и культурно-историческое стихотвореніе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ эстетическими статьями Шиллера, быть можетъ, болѣе чѣмъ какое-либо иное лирическое произведеніе его, даетъ ему право на почетное званіе поэта-мыслителя. Двѣ широкія идеи положены въ основаніе стихотворенія: 1) красота есть воплощенная истина; 2) всякая духовная культура имѣетъ источникомъ чувство красоты, и высшее совершенство искусства есть цѣль культурнаго развитія. Заканчивая цѣлый періодъ поэтической дѣятельности Шиллера и составляя переходъ къ слѣдующему, оно уже проникнуто новыми воззрѣніями поэта на литературную дѣятельность; разставаясь на цѣлые годы съ лирическимъ творчествомъ, поэтъ, нѣкогда вложившій въ уста своего Карла Моора восклицаніе «когда я читаю въ моемъ Плутархѣ о великихъ людяхъ, мнѣ отвратителенъ мой бумагомарающій вѣкъ»!,—этотъ поэтъ въ «Художникахъ» уже исполненъ сознанія святости и высоты своего призванія; это примиряетъ его съ современностью, съ человѣчествомъ.

Первоначальный текстъ стихотворенія, отосланный въ началѣ 1789 года Кернеру, былъ втрое короче нынѣшняго и начинался стихами, составляющими теперь начало «Могущества пѣснопѣнія». Кернеръ въ отвѣтномъ письмѣ умолялъ поэта «дать стихотворенію ту степень совершенства, которой оно заслуживаетъ». Въ февралѣ Шиллеръ писалъ «вчера и третьяго дня все думалъ о «Художникахъ» и, чѣмъ они не сдѣлаются сегодня, тѣмъ не быть имъ никогда». Но коренная переработка стихотворенія начата была подъ вліяніемъ Виланда, идеи котораго отразились особенно въ двухъ мѣстахъ стихотворенія. «Очень хотѣлъ бы знать, пишетъ теперь поэтъ Кернеру, что ты скажешь о «Художникахъ», когда теперь познакомишься съ ними. Совершенно новое вступленіе даетъ стихотворенію совсѣмъ новый видъ, и къ его значительной выгодѣ. Затѣмъ я выставилъ на первый планъ основную идею всего цѣлаго — воплощеніе истины и нравственности въ красоту — и объединилъ этой идеей все стихотвореніе... Я начинаю его изображеніемъ нынѣшняго совершенства человѣчества, и это даетъ мнѣ возможность набросать картину нашего вѣка, съ его лучшей стороны. Отсюда я перехожу къ искусству, которое было его колыбелью, и слегка намѣчаю главную идею. Введеніе во вторую, историческую эпоху—эпоху возрожденія искусствъ занимаетъ прежнее мѣсто и, конечно, съ полнымъ основаніемъ... Затѣмъ слѣдуетъ новая часть, написанная подъ вліяніемъ разговора съ Виландомъ и дающая всему цѣлому прекрасную законченность. Виланду очень не понравилось, что искусство сообразно господствующему представленію—изображено прислужницей высшей культуры, а онъ очень далекъ отъ этого смиренія. Все, что входитъ въ понятіе научной культуры, по его мнѣнію, стоитъ ниже искусства, лишь служа послѣднему. Если научное цѣлое превосходитъ художественное созданіе, то это возможно лишь въ трехъ случаѣ, когда оно само произведеніе искусства. Многое въ этомъ совершенно справедливо, а по отношенію къ моему стихотворенію оно вполнѣ вѣрно. Къ тому-же эта идея какъ будто и прежде уже заключалась въ моемъ стихотвореніи, но въ неразвитомъ видѣ. Теперь это сдѣлано. Послѣ философскаго и историческаго развитія мысли, что искусство распространило духовную и нравственную культуру, заявляется, что искусство само по себѣ еще не есть цѣль, но лишь дальнѣйшая ступень по пути къ цѣли, хотя мыслитель и изслѣдователь преждевременно вообразили себя обладателями побѣднаго вѣнца и отвели художнику мѣсто *ниже* себя. Ибо о совершенствѣ человѣка можно будетъ говорить лишь тогда, когда научная и нравственная культура растворятся въ красотѣ». Дальнѣйшія бесѣды съ Виландомъ вели къ новымъ обработкамъ стихотворенія, которое и послѣ напечатанія (въ «Нѣмецкомъ Меркуріи» Виланда за 1789 г.) не удовлетворяло поэта. Уже въ 1793 г., пересматривая свои стихи для изданія, онъ писалъ Кернеру: «Больше всего я боюсь пересмотра «Художниковъ». Мои взгляды на искусство за это время измѣнились: нѣкоторыя мнѣнія совершенно отвергнуты. Я однако долженъ признать, что нахожу въ «Художникахъ» много вѣроятнаго съ философской точки зрѣнія, и порядкомъ таки удивился этому. Обо всемъ стихотвореніи не рѣшаюсь произнести мой приговоръ. Слишкомъ мало оно меня удовлетворяетъ». Въ первый томъ собранія стихотвореній (1800) поэтъ такъ и не рѣшился помѣстить «Художниковъ», которые попали лишь во второй (1803).

Указанныхъ общихъ идей, приведенныхъ нами въ формулировкѣ самого поэта, достаточно для первоначальнаго знакомства со смысломъ стихотворенія. Какъ указывалъ самъ поэтъ, оно распадается на три части. Первыя семь строфъ составляютъ вступленіе, гдѣ поэтъ указываетъ на роль искусства въ томъ высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ теперь родъ человѣческій: красота воспитала человѣка нравственно и умственно; ею одной онъ жилъ въ минуты униженія, она, наполняя его своимъ чистымъ дыханіемъ, удерживала его отъ дикихъ похотей. Восхваленіе высокаго назначенія художника составляетъ переходъ ко второй части—исторической (строфы 8—24), посвященной изображенію развитія искусства и его вліянія на созданіе человѣка въ Греціи; затѣмъ послѣ сжатаго изображенія роли искусствъ въ возрожденіи наукъ въ Италіи и указанія на расширеніе этой роли въ будущемъ (строфы 25—31), поэтъ обращается къ художникамъ современности съ вдохновеннымъ увѣщаніемъ не измѣнять своему назначенію и въ согласіи стремиться къ осуществленію высокихъ цѣлей искусства. Особаго разъясненія требуютъ:

Стр. 2 *въ загадкахъ легкихъ*; намекъ на первыя воплощенія нравственныхъ правилъ и обобщеній въ миѳахъ, притчахъ и т. п.—*Въ умѣніи пчела тебя наставитъ* и т. д. у Шиллера наоборотъ—пчела научитъ прилежанію, а умѣнію *червь* (шелковичный). *Познаніе твой умъ съ духами рядомъ ставитъ*: у Шиллера—*съ избранными* духами, т. е. съ ангелами.

Стр. 3. *Свѣтлаго прекраснаго вратами*: красота есть какъ бы зеркало истины.

Стр. 4. Предузнавали *дѣти*: то есть дѣтская мысль первобытнаго человѣка.

Стр. 5. *Уранія* не муза, но Афродита—въ данномъ случаѣ—любовь духовная и истина.

Стр. 6. *Эдемъ*—(у Шиллера въ большей гармоніи съ образами греческой миѳологіи сказано Элизіумъ).

Стр. 10. Стремленіе къ подражанію привело къ изобразительнымъ искусствамъ. «Какъ только — говорилъ Шиллеръ въ письмахъ—человѣкъ дошелъ до того, что сталъ отличать видимость отъ дѣйствительности, форму отъ сущности, онъ научился тѣмъ самымъ выдѣлять эту форму: ибо, отличая, онъ уже выдѣляетъ ее». Сама природа научила людей—напр., посредствомъ отраженія въ рѣкѣ — стремиться къ воспроизведенію ея явленій.

Стр 12. За первобытнымъ искусствомъ слѣдуютъ болѣе сложныя его формы. *Пѣвецъ Меоніи*—Гомеръ (въ оригиналѣ правильнѣе—*Меонидъ*, т. е. сынъ Меона, ибо никакой Меоніи нѣтъ). По поводу стиховъ: «Оно, дитя красы, *довольное собою*... вѣнецъ теряетъ надъ главою, едва войдетъ въ дѣйствительности кругъ», поэтъ писалъ Кернеру: «Я хочу этимъ сказать: всякое произведеніе искусства, всякое созданіе красоты есть самодовлѣющее цѣлое, и до тѣхъ поръ, пока художникъ занятъ имъ, оно составляетъ его единственную, исключительную цѣль; примѣры: отдѣльная колонна, отдѣльная статуя, поэтическое описаніе. Оно довлѣетъ себѣ, оно самостоятельно, оно закончено въ самомъ себѣ. Но вотъ говорю я—съ развитіемъ искусства это отдѣльное цѣлое становится само частью новаго и большого цѣлаго; ибо конечная его цѣль уже не въ немъ самомъ, а внѣ его; поэтому-то я и говорю, что оно *теряетъ вѣнецъ*... Статуя, царившая сама по себѣ, отдаетъ свой санъ храму, который она украшаетъ; характеръ Гектора, прекрасный самъ въ себѣ, есть для всей Иліады лишь служебный элементъ, отдѣльная колонна служитъ симметріи и т. п.».

Стр. 13. «Блаженство радостей игривыхъ, питавшихъ *издали* его восторговъ пылъ» и т. д., въ русскомъ переводѣ оставлены безъ вниманія послѣдніе два стиха: «блаженство радостей, лишь издали питающихъ духъ, не вовлекаемыхъ его жадностью въ его существо и не гибнущихъ въ процессѣ наслажденія». Въ объясненіе этихъ стиховъ Шиллеръ писалъ Кернеру: «Въ основѣ каждаго чувственнаго наслажденія—отъ удовлетворенія жажды до чувственной любви—лежитъ извѣстное стремленіе вобрать, втянуть въ себя самый предметъ наслажденія. Чувственная похоть разрушаетъ самый предметъ своего наслажденія, чтобы сдѣлать изъ него часть существа, исполненнаго этой похоти». Ср. также въ разсужденіи Шиллера «О возвышенномъ»: «Духъ, облагороженный настолько, что испытываетъ болѣе сильное впечатлѣніе отъ формы, чѣмъ отъ матеріи, и черпаетъ свободное наслажденіе изъ размышленія и созерцанія безъ всякаго отношенія къ обладанію — такой духъ носитъ въ себѣ внутреннюю, непроходящую полноту жизни».

Стр. 15. «И нѣга страсти возвѣстила высокихъ душъ святую страсть» не передаетъ мысли подлинника, гдѣ дословно: «И переживше стремленіе (другъ къ другу) возвѣстило о союзѣ душъ»,—то есть: связь мужчины съ женщиной сдѣлалась долговѣчнѣе ихъ полового сближенія, что было признакомъ болѣе возвышенной духовной любви; эта идея *облагороженія полового стремленія* при посредствѣ красоты развита въ 27-мъ «Письмѣ объ эстетическомъ воспитаніи».

Стр. 17. Показавъ людямъ въ Божествѣ первообразъ всего прекраснаго и совершеннаго (строфа 16), искусство породило въ нихъ также *идею нравственнаго міропорядка* (закономѣрной связи между поступками и судьбой человѣка); это—особенно заслуга поэзіи драматической и эпической. «Явленія нравственнаго порядка говорится въ томъ же письмѣ къ Кернеру—страсти, дѣянія, судьбы, естественныя соотношенія которыхъ въ обширномъ ходѣ природы человѣкъ не всегда можетъ прослѣдить и обозрѣть, распоряжаются поэтомъ въ искусственномъ порядкѣ; другими словами поэтъ устанавливаетъ между ними искусственную связь. Это дѣяніе сочетаетъ онъ съ блаженствомъ, эту страсть онъ приводитъ къ тѣмъ или другимъ послѣдствіямъ; эту судьбу онъ дѣлаетъ слѣдствіемъ такихъ-то поступковъ или извѣстныхъ характеровъ и т. д. Понемногу человѣкъ пріучается переносить эту искусственную связь на самую природу, и потому, видя въ себѣ и вокругъ себя ту или иную черту или поступокъ, онъ сочетаетъ ихъ по воспоминаніямъ изъ своихъ поэтовъ—съ извѣстнымъ побужденіемъ или послѣдствіемъ: онъ сознаетъ себя уже частью нѣкотораго цѣлаго, ибо чувство его, воспитанное созданіями искусства, не выноситъ обрывковъ, а ищетъ симметріи».—*Ѳесписъ*... *Промыслъ низводилъ въ подлунныя границы*: произведенія Ѳесписа, перваго трагическаго поэта, воспитывали уже въ людяхъ идею закономѣрности и Промысла. *Съ походной колесницы* — въ оригиналѣ просто *повозка*, такъ какъ передвижная сцена Ѳесписа, бродячаго поэта, была на колесахъ.—*Пѣвецъ Хіоса*—Гомеръ.

Стр 18. Въ томъ-же письмѣ къ Кернеру поэтъ продолжаетъ: «Но онъ слишкомъ преждевременно прилагаетъ этотъ законъ къ міру дѣйствительному, ибо многія части этого обширнаго сооруженія скрыты отъ него. И вотъ, чтобы утолить эту жажду гармоніи, онъ вынужденъ былъ искусственно воспознить природу. Такъ, напримѣръ, онъ былъ не въ силахъ окинуть взоромъ всю жизнь человѣческую и подмѣтить въ ней прекрасныя отношенія нравственности и блаженства. Въ своемъ дѣтскомъ воображеніи онъ нашелъ безпорядокъ; но такъ какъ духъ его былъ уже знакомъ съ идеей закономѣрности, то создалъ, по поэтическому произволу,—наряду съ дѣйствительной жизнью еще другую, въ которой находила примиреніе дисгармонія первой. Такъ возникла поэзія безсмертія. Безсмертіе есть созданіе чувства гармоніи, по которому человѣкъ желаетъ оцѣнивать нравственный міръ даже до того, какъ узналъ его по всей цѣлокупности...

«Сравненіе *какъ мѣсяцъ тѣнью омраченный*—имѣетъ въ моихъ глазахъ неизмѣримую цѣнность. Человѣческая жизнь—говорю я въ предыдущихъ стихахъ—представляется человѣку лишь *дугою*, то есть неполной частью круга (важная подробность, не сохранившаяся въ русскомъ переводѣ), который онъ продолжаетъ самъ за тьму могилы, чтобы закончить кругъ (быть руководимымъ красотой, вѣдь, и значитъ именно стремиться къ законченности). Но увеличивающаяся луна представляетъ собой какъ разъ такую дугу, а недостающая до полнаго круга часть скрыта въ тѣни. Я такимъ образомъ изображаю рядомъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ освѣщенъ, другой, съ опрокинутымъ факеломъ,—нѣтъ, одного я сравниваю съ свѣтлой половиной мѣсяца, другого—съ темной; другими словами: древніе, изображая смерть, представляли ее въ видѣ юноши, столь-же прекраснаго, какъ и братъ его — жизнь; но они давали ему въ руки опрокинутый факелъ, чтобы показать, что онъ невидимъ, такъ же, какъ и мы вѣримъ въ полноту мѣсячнаго круга, хотя видимъ лишь часть его. Здѣсь я пытался облагородить одно сравненіе Оссіана:

«смерть стояла за нимъ, какъ черная половина луны за серебрянымъ полумѣсяцемъ».

Стр. 19. Стихи «И Зевсъ смягчитъ гордыню на челѣ средь Олимпійскаго чертога» поэтъ объяснялъ:

«Я этимъ хочу сказать: это и ваяніе, которое само по себѣ могло бы быть предметомъ всеобщаго восторга, перестаетъ производить самостоятельное впечатлѣніе и лишь вноситъ свою долю въ общее впечатлѣніе величія. Но особенная красота этого мѣста заключается въ намекѣ на положеніе олимпійскаго Зевса, который сидитъ и пробилъ бы крышу храма, если-бы всталъ. Кто это знаетъ, въ томъ мое выраженіе *склоняется* (утеряно въ переводѣ) возбудитъ попутно пріятную идею. Мнѣ вообще всегда очень нравилась эта склоненная поза олимпійскаго Зевса, точно она означаетъ, что Богъ спустился къ людямъ и приспособляется къ земной жизни, — но все рухнуло-бы, если-бы онъ всталъ, то есть показалъ себя Богомъ».

Стр. 20. *Природы дальные возстановилъ столпы*—невѣрно; въ оригиналѣ: установилъ предѣльные столбы природы, т. е. опредѣлилъ ея границы. *Мѣрой отъ нея же полученной*: единицы мѣры взяты въ природѣ (локоть, гранъ—зерно, миля—$^1/_{15}$ градуса и т. п.).

Стр. 21. «*Тихая* стрѣла», по указанію В. Гумбольдта, отражаетъ вліяніе Гомеровскаго выраженія (и греческаго воззрѣнія на внезапную естественную смерть)—*нѣжныя* стрѣлы Аполлона и Діаны (ἀγανὰ βέλεα). Но у Шиллера не стрѣла, а лукъ, что придаетъ всему образу болѣе мягкій характеръ.

Стр. 24—намекъ на эпоху Возрожденія.—*Дважды* въ античной Греціи и во время Возрожденія.

Стр. 25. «Бѣжавъ отъ *варварскихъ гоненій* вы съ опозоренныхъ *востока алтарей*» и т. д.: послѣ паденія Константинополя (1453) греческая наука, а съ нею пониманіе классическаго искусства нашли пріютъ въ Италіи. — «Цвѣтокъ *Іоніи* святой», потому что Гомеръ считался уроженцемъ Іоніи.—*Гесперія*—западная часть Италіи—*Оковы съ милліоновъ пали*, — потому что съ Возрожденія начинается дѣятельная борьба за освобожденіе личности.

Стр. 26. *Пеанъ*—побѣдная пѣснь. *Своимъ вождямъ*, т. е. художникамъ.

Стр. 28. Киприда Венера, богиня красоты—въ видѣ Уранія, богини истины.—*Улиссовъ юный сынъ.. дщерь Юпитера узналъ*—намекъ на эпизодъ изъ «Телемака Фенелона, гдѣ говорится: «Телемакъ узналъ Минерву. «О богиня, сказалъ онъ, такъ это ты изволила быть руководительницею сына Улисса изъ любви къ его отцу»... Онъ хотѣлъ говорить еще, но голосъ его прервался, губы тщетно пытались выразить мысли, исходившія изъ глубины его сердца; присутствіе божества подавляло его». *Дщерь Юпитера* — Минерва, сопровождавшая Телемака подъ видомъ Ментора.

Стр. 31. *Что потеряли* (въ оригиналѣ: сестеръ, которыхъ потеряли) *въ жизни сей, то нѣкогда узрите на лонѣ матери своей*, то есть, какъ объяснялъ Шиллеръ въ письмѣ къ Кернеру: «Поэтъ, ставящій себѣ цѣлью одну только красоту, но свято слѣдующій ей, въ концѣ концевъ, не зная и не стараясь объ этомъ, достигнетъ и другихъ цѣлей, на которыя не обращалъ вниманія; наоборотъ, тотъ, который колеблется между моралью и красотой или гонится за обѣими, легко потеряетъ и ту и другую».

1. С. Шевыревъ. Въ своей статьѣ «Разговоръ о возможности найти единый законъ для изящнаго». («Московскій Вѣстникъ» 1827, ч. 1), онъ перевелъ изъ «Художниковъ» слѣдующую строфу.

Блаженны вы, которыхъ посвятила
Она въ жрецы, къ служенью избрала!
Не въ вашу-ль грудь она сойти благоволила?
Устами вашими могучая рекла!
Хранители ея огня святаго,
Служители небесныхъ алтарей!
Предъ вами свѣтлая нисходитъ безъ покрова—
И вашъ согласный ликъ поетъ навстрѣчу ей
Вы, обреченные на тлѣнье,
Ликуйте о своемъ великомъ назначеньѣ:
Незримыхъ ангеловъ въ возвышенную сѣнь
Отъ человѣчества вы первая ступень.

2. Д. Минъ. «Художники». Стихотвореніе Фридр. Шиллера. Перевелъ Д. Е. Минъ. СПБ. 1857. Посвящено К. И. Рабусу. Также въ изд. Гербеля.

3. Н. Голововановъ. Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ВЪ АЛЬБОМЪ IN FOLIO.

Написано, кажется, въ 1793 году (по предположенію Гофмейстера, въ 1804). Въ оригиналѣ называется «Въ альбомъ in folio одного любителя искусства»; этотъ любитель былъ штутгардтскій купецъ Генрихъ Раппъ. Въ печати появилось лишь въ 1808 г. послѣ смерти собственника альбома.

1. Ѳ. Миллеръ. (Въ альбомъ in folio). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ» Миллера.

2. Н. Голововановъ. Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ПОЭЗІЯ ЖИЗНИ.

(1795).

Этимъ вдохновеннымъ «посланіемъ въ стихахъ» Шиллеръ послѣ долгаго промежутка (1789 1795) вернулся къ лирической поэзіи. «Переходъ отъ одного дѣла къ другому — писалъ онъ Гете въ іюнѣ 1795 года—былъ всегда для меня труденъ, а особенно теперь, когда мнѣ приходится перепрыгнуть отъ метафизики къ стихотвореніямъ. Однако я, по мѣрѣ возможности, соорудилъ себѣ мостъ и начинаю риемованнымъ посланіемъ подъ заглавіемъ «Поэзія жизни», изъ чего вы можете усмотрѣть, что оно близко къ предмету, оставленному мною». Стихотвореніе обращено противъ узкихъ поборниковъ строгой истины, отвергающихъ «насъ возвышающій обманъ» поэтическаго міровоззрѣнія. Поэтъ возражаетъ, что такое реалистическое воззрѣніе убиваетъ всю прелесть жизни.

1. А. Струговщиковъ. (Поэзія жизни. «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845), и въ изд. Гербеля. Какъ всѣ переводы Струговщикова, очень литературенъ, но не точенъ.

Могу-ль тѣмъ призракомъ плѣняться, той мечтой
Что образъ истины собою застилаетъ,
Надеждой суетной смущаетъ нашъ покой
И достовѣрное невѣрнымъ прикрываетъ?
О нѣтъ! и будь я въ жертву обреченъ,
Дѣйствительности ликъ, онъ будь разоблаченъ!
Мой духъ, что цѣлый міръ возможностей стяжалъ
И всѣмъ земнымъ отрадамъ пріобщился,

Предъ ея лицомъ, онъ только-бъ тверже сталъ,
Непоколебимѣе бы долгу покорился!
И внялъ бы голосу суда,
И не отрекся бы стыда:
Кто жизни сталъ лицомъ къ лицу боится,
Передъ лицомъ нужды, уничиженъ, смирится.

Такъ, жертва опыта, ты съ пристани глядишь
На все, что высшею отмѣчено печатью,
И въ охлажденіи сердечномъ говоришь
О томъ, что на тебя не дышетъ благодатью!
Что утомленный духъ отрадой не даритъ,
Но душу свѣжую на ту стезю возводитъ,
Гдѣ вѣчной истины звѣзда любви горитъ,
На все твореніе свой чудный свѣтъ возводитъ!

Поэтъ бѣжитъ отъ странныхъ словъ твоихъ!
Съ нимъ сонмище боговъ; чудесный хоръ затихъ;
И Пиѳія молчитъ, и Граціи снимаютъ
Гирлянды свѣжія съ домашнихъ алтарей
Скорбятъ и, скорбныя, служенье оставляютъ...
Меркурій топчетъ свой волшебный кадуцей,
Богиня рѣзвыхъ игръ и пѣсенъ удалилась
И лиру звонкую бросаетъ Аполлонъ...
Вотъ жизнь, она разоблачилась,
Твой дивный міръ, передъ тобою онъ:
Съ поникшаго чела, смотри, оно упало
Румяныхъ словъ твоихъ златое покрывало!

И сердце бѣдное, лишенное огня,
Вотще оставленный свѣтильникъ зажигаетъ—
Твоя дѣйствительность мрачитъ сіянье дня,
Блѣднѣетъ Красота и Радость отлетаетъ,
И самая Любовь въ своемъ дитяти зритъ
Простого смертнаго... хладѣетъ и бѣжитъ...

Григорій Петровичъ ДАНИЛЕВСКІЙ.

Стяжавшій все и всѣмъ осиротѣлый,
Еще ты живъ!... еще волненіе въ крови....
Но стынетъ поцѣлуй любви—
Въ порывѣ радости душа оцѣпенѣла!

2. **Голованов**ъ. Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

3. **Allegro.** (Поликсена Соловьева). Переведено для настоящаго изданія.

ВЛАСТЬ ПѢСНОПѢНІЯ.

(1795).

Подобно «Поэзіи жизни» принадлежитъ къ циклу стихотвореній, связанныхъ съ «Художниками», и первоначально даже составляло ихъ вступительную часть. В. Гумбольдтъ, получившій стихотвореніе для напечатанія въ «Альманахѣ музъ», пришелъ отъ него въ восторгъ. «Идея и выполненіе—писалъ онъ—созданы истиннымъ лирическимъ настроеніемъ и могущество поэзіи, особенно ея необъяснимость, ея связь съ высшимъ естествомъ изображены возвышеннымъ образомъ». Кернеръ ставилъ стихотворенію въ упрекъ отсутствіе цѣльности и единства, на что Шиллеръ отвѣчалъ: «удивляюсь, какъ тебѣ не нравится третья строфа, несомнѣнно, лучшая и изображающая своеобразную мощь высокой поэзіи. Единство стихотворенія въ его идеѣ: *чудотворной и внезапно дѣйствующей силой поэтъ возстановляетъ въ человѣкѣ истину природы*».

Строфа 2: *сплетаетъ жизни нитъ*—въ оригиналѣ говорится о Паркахъ (точнѣе передано у Гербеля: «Кто изъ подвластныхъ грознымъ дѣвамъ, прядущимъ жизненную нить»).

Строфа 4: за исключеніемъ перевода Авдотьи Глинки, ни въ одномъ русскомъ переводѣ не сохраненъ смыслъ заключительнаго стиха: «въ вѣрныхъ объятіяхъ природы отогрѣться отъ холодныхъ *правилъ*».

1. **П. Теряевъ.** (Сила пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Благонамѣренный» 1819, ч. VII, № 15. Очень далекое отъ подлинника и растянутое (8 строфъ вмѣсто 5) подражаніе.

2. **О. Шевыревъ.** (Сила пѣснопѣнія). «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ» 1824, ч. V. Первыя 2 строфы и послѣдняя представляютъ собою не особенно точный переводъ, остальныя пять состоятъ изъ собственныхъ мыслей и настроеній Шевырева и очевидно поэтому имя Шиллера въ заглавіи не названо.

3. **П. Шкляревскій.** (Могущество пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Стихотвор. П. Шкляревскаго», 1831 г. Переводъ довольно точный, но очень тяжеловѣсный.

4. **В. Романовичъ.** (Могущество пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Стихотворенія В. Романовича» 1832. Переведено недостаточно точно и очень тускло.

5. **И. Ирешевъ.** (Сила звуковъ, изъ Шиллера). «Памятникъ искусства» 1862. Послѣдняя строфа переведена очень неточно.

Разбивъ гранитныя оковы,
Летитъ потокъ бѣлоголовый,
Ломаетъ сосны и съ высотъ
Обломки дикихъ скалъ несетъ
Въ безмолвьи путникъ, страха полный,
На землю взорами поникъ;
Онъ слышитъ—рвутся, бьются волны,
И мыслитъ, гдѣ же ихъ родникъ?
Такъ волны пѣсенъ вдохновенныхъ
Текутъ изъ нѣдръ намъ сокровенныхъ!

Какой незримый, тайный геній
Отниметъ чары у пѣвца
И власть волшебствомъ пѣснопѣній

Нѣмыя волновать сердца?
Исполненъ дивной, высшей силы
Чаруетъ онъ земныхъ сыновъ
То хладнымъ сумракомъ могилы,
То райской прелестью духовъ,
И пѣснью радостной и томной
Лелѣетъ смертныхъ въ жизни темной.

Когда судьба на пиръ стогласный
Вдругъ входитъ твердою стопой,
Въ одеждѣ тайной и ужасной,
Предъ изумленною толпой:
Тогда стихаетъ радость пира
И ложныхъ чувствъ привѣтный гласъ.
Предъ повелительницей міра
Стоитъ земное, преклонясь,
И ложь предъ истиной нѣмѣетъ,
Мерцаетъ и, какъ пепелъ, тлѣетъ.

Когда же, страстію дыша,
Польются дивные аккорды;
Горѣ возносится душа,
И, облечена красою гордой,
Вступаетъ человѣкъ въ союзъ
Съ богами; имъ однимъ послушенъ,
Условій свѣта сбросивъ грузъ,
Онъ чуждъ земли, къ ней равнодушенъ,
И только струнъ волшебный звонъ
Въ святомъ восторгѣ слышитъ онъ.

Какъ послѣ скорби безнадежной
Разлуки безутѣшныхъ дней,
Ребенокъ въ радости безбрежной
Стремится къ матери своей:
Такъ человѣкъ, на пирѣ свѣта
Не находя себѣ привѣта,
Бѣжитъ, глубокой грусти полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
И забываетъ сердца муки,
Внимая тихой лютни звуки.

6. **А. Глинка.** (Сила пѣнія, изъ Шиллера), «Москвитянинъ» 1844, ч. I, № 1, и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки», 1859. Очень тяжеловѣсный, но самый точный изъ многочисленныхъ переводовъ этого стихотворенія.

Рѣками дождь съ утесовъ мчится,
Какъ грома рокотный раскатъ,
Обломковъ груда съ горъ катится,
И дубы древніе трещатъ.
Въ какомъ то дикомъ упоеньѣ
Прохожій изумясь стоитъ,
Потока слышитъ онъ кипѣнье,
Не вѣдая откуль шумитъ.
Такъ звуковъ тонъ летитъ чудесный,
Но ихъ истоки не извѣстны.

Въ союзѣ страшномъ съ существами,
Что молча тянутъ жизни нить,
Пѣвца власть дивную надъ нами
Никто не можетъ изъяснить.
Какъ жезлъ схватя Эрмія сильной,
Онъ властенъ сердцу дать уставъ,
То ввергнувъ въ царство замогильно,
То къ небесамъ его поднявъ;
На лѣстницѣ изъ чувствъ порою
Межъ важнымъ зыблетъ и игрою.

Какъ рокъ гигантскою стопою
Ворвется вдругъ въ веселый кругъ,
Съ таинственностью неземною,
Какъ темный, полунощный духъ;
Предъ выходцемъ другого міра
Упали гордости сыны,
И онѣмѣло буйство пира,
И всѣ личины сорваны!..
Такъ гонитъ истины явленье
Дѣянье лжи и заблужденье.

Такъ смертный грузъ суетъ свергаетъ,
Лишь пѣсней разольется звукъ;
Въ достоинство духовъ вступаетъ,
Къ богамъ достигнувъ въ свѣтлый кругъ,
Боговъ ужъ собственностью станетъ
Земному недоступный онъ.
Тамъ власть земная не достанетъ:
Отъ связей свѣта разрѣшенъ.
И пѣсни дивной чарованье
Сотретъ съ чела слѣды страданья.

Дитя преступный, изнывая
Въ чужбинѣ, безнадежный ждетъ,
Когда съ раскаяньемъ, рыдая,
Опять на грудь къ родной падетъ!..
Такъ изгнанника звуковъ сила
Опять ведетъ въ тотъ вѣкъ мечтой,
Когда невинность золотила
Приволье жизни молодой:
Отъ хладныхъ правилъ онъ въ свободѣ
Летитъ въ объятія къ природѣ.

7. **Н. Гербель.** (Могущество пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Современникъ», 1853, т. XXXVII, въ сборникѣ стих. Гербеля «Отголоски», 1858, и въ его изданіи Шиллера.

8. **А. Струговщиковъ.** (Сила пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей» изд. Гербеля 1857. Переводъ чрезвычайно вольный, мѣстами совершенно чуждый подлиннику.

Дебрью, ущельемъ, изъ груды камней,
Съ горной вершины несется ручей:
Юноша, въ сладкомъ раздумьѣ, внимаетъ
Шумнымъ потокамъ ручья, но не знаетъ
Гдѣ ихъ источникъ. Такъ пѣсни валы
Дружно, согласно текутъ чередою...
Сердце отрадно наполнятъ собою,—
Сердце-жъ не знаетъ, откуда они...
Онъ же, чарующій ключъ пѣснопѣнья,
Бьетъ изъ невѣдомыхъ нѣдръ творенья!

—

Грозныя Парки въ союзѣ съ пѣвцомъ!
Все увлекая своимъ волшебствомъ,
Онъ, какъ наперсникъ таинственный неба,
Правитъ по волѣ сердцами людей:
То погружаетъ ихъ въ царство тѣней,
То ихъ уноситъ въ святилище Феба.
Другъ размышленья, товарищъ искусствъ,
Пѣснью смиряя волненіе чувствъ,
Онъ, какъ младенцевъ грудныхъ въ колыбели,
Ихъ убаюкаетъ подъ звуки свирѣли.

—

Шумной ватагой семья веселится,—
Въ домѣ довольство, и счастливъ старикъ...
Смерть неожиданно въ двери стучится,—
И семьянинъ головою поникъ.
Такъ, если въ струны пѣвецъ ударяетъ,
Онъ, вопіющій о правдѣ святой,
Маску съ души лицемѣра срываетъ,
Иль—умиленно-звенящей струной—
Съ нами заплачетъ надъ ранней могилой,
Вѣщій глашатай невѣдомой силы!

—

Владиміръ Сергѣевичъ СОЛОВЬЕВЪ.

Суетны клики и мелкое чувство
Молкнутъ предъ гимномъ струны золотой:
Люди, мы лучше, и чудо искусства
Чудо творитъ, мы во власти святой:
Слухомъ витая въ пространствахъ небесныхъ,
Силою слова—мы равны богамъ;
Вживѣ мы жизнью живемъ безтѣлесныхъ,
Внемля пѣвца вдохновеннымъ словамъ.
Скорби, тревога, душевная мука—
Все потонуло въ гармоніи звука.

—

Долгой и тяжкой разлукой убитъ,
Сердцемъ заслышавъ святое признанье,
Сынъ непокорный, въ слезахъ покаянья,
Къ матери нѣжной въ объятья спѣшитъ:
Братья, не такъ-ли пѣвецъ изъ далека,
Звуки услышавъ свирѣли родной,
Чуждый предѣлъ оставляетъ до срока,
Родину кличетъ и рвется душой:
Есть, есть какая-то чудная сила
Въ пѣсняхъ, что родина наша сложила.

9. **Д. Павловъ.** Сила пѣснопѣнія, изъ Шиллера, «Царь Колоколъ» 1892, № 32.

10. **Голововановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера М. 1899.

11. **Кн. Д. Н. Цертелевъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

(1795).

Стихотвореніе, какъ и другія произведенія этого періода, проникнуто личными впечатлѣніями *отца*, которымъ поэтъ сталъ осенью 1793 года.

1. **Г. С***.** (Дитя въ колыбели, изъ Шиллера) «Вѣнокъ Граціи» 1829, 40.

Смѣйся, счастливецъ! тебѣ въ колыбели нѣтъ
и предѣловъ!
Скоро и міръ безконечный тебя не
вмѣститъ.

2. **М. Деларю.** (Младенецъ въ колыбели, изъ Шиллера). «Гирлянда» т. I, № 7, 181, и въ Опытахъ въ стихахъ М. Деларю. 1835, 95.

Крошка! теперь для тебя колыбель какъ небо
просторна;
Но возмужай: цѣлый міръ будетъ тѣсенъ тебѣ!

3. **Наверзневъ.** (Разницы, подражаніе Шиллеру) «Московскій Телеграфъ» 1831, ч. XXXVII, № 3, плохое, растянутое на 10 строкъ подражаніе.

4. **А. Савинскій.** (Къ младенцу въ колыбели, изъ Шиллера). По указанію Гербеля въ «Подаркѣ бѣднымъ» 1834, 119, и въ «Подаркѣ прекрасному полу» 1846, 45. Не удалось видѣть.

5. **В. Зотовъ.** (Младенецъ въ колыбели, изъ Шиллера). «Маякъ» 1841, т. VII, 14, и «Пантеонъ» 1854, № 2. Не удалось видѣть.

6. **Ѳ. Миллеръ.** (Дитя въ колыбели, «Москвитянинъ» 1842, ч. II, № 3, и въ «Стихотвореніяхъ» Ѳ. Миллера).

Юный счастливецъ! теперь для тебя въ колыбели просторно;
Но возмужаешь—и міръ станетъ ужъ тѣсенъ тебѣ.

7. **А. Струговщиковъ.** (Геній въ колыбели, безъ указанія, что взято у Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 177.

Онъ въ колыбели своей чаетъ вселенную видѣть;
Станетъ ли мужемъ-ему тѣсенъ подсолнечный міръ.

8. **М. Михайловъ.** (Ребенокъ въ колыбели, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, № 72, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

Счастливъ младенецъ! ему въ колыбели просторъ безконечный,
Тѣсенъ будетъ потомъ міръ безконечный ему.

9. **А. Фетъ.** (Дитя въ колыбели, изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Фета.

10. **М. Лермонтовъ.** (Дитя въ люлькѣ, изъ Шиллера; относится къ 1829 г.).

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

11. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ОДИССЕЙ.

(1795).

В. Гумбольдтъ усматривалъ въ этомъ стихотвореніи «глубокій смыслъ», Гердеръ восхищался его «высокой простотой». «Одиссей», послѣ долгихъ скитаній и борьбы не узнавшій желанной и дорогой родины, служитъ, очевидно, образомъ человѣка который, оказавшись неожиданно обладателемъ того счастія, за которое много лѣтъ боролся, даже не узнаетъ его,—потому ли, что «исполненіе не имѣетъ вида желанія», какъ говоритъ пасторъ въ Германѣ и Доротеѣ, или же потому, что долгая борьба лишаетъ насъ способности наслаждаться тѣмъ, за что мы боролись.

1. **Н. Батюшковъ.** (Судьба Одиссея; имя Шиллера не названо). «Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова» 1817, и позднѣйшія изданія. Въ этомъ распространенномъ переводѣ отчасти утрачено то, что такъ нравилось въ «Одиссеѣ» Гердеру—«высокая простота».

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ въ Аида мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой:
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ.
Проснулся онъ — и что жъ? — Отчизны не узналъ.

2. **М. Михайловъ.** (Одиссей, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, № 42, и въ «Стихотвореніяхъ», 1862 и 1890 г. Превосходно и точно переведено.

3. **М. Дмитріевъ.** (Одиссей, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ» 1857, т. I, и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865, т. II.

Всѣ переплавалъ моря Одиссей, чтобъ достигнуть отчизны:
Сциллы погибельный лай, ужасъ Харибды вблизи,
Страхи враждебныхъ морей, и многіе страхи земные—
Даже исходы въ Аидъ встрѣтилъ заблудшій въ пути.
Сонный судьбой наконецъ принесенъ онъ ко брегу Итаки;
Вотъ пробудился—и что жъ?—ея не узналъ!

4. **Н. Маркевичъ.** (Одиссей). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ» 1857, т. I.

Много морей переплылъ Одиссей, чтобы достигнуть отчизны:
Сциллы гортань проминулъ, бездны Харибды прошелъ,
Видѣлъ пучины морскія, скитался въ странахъ незнакомыхъ,—
Даже опаснымъ путемъ въ царство Аида сходилъ.
Вотъ наконецъ его, соннаго, волны приносятъ къ Итакѣ;
Онъ пробудился—и что жъ?—родины онъ не узналъ.

5. **Б. Алмазовъ.** (Одиссей, изъ Шиллера) «Русск. Вѣстникъ 1862, № 6, и въ «Сочиненіяхъ». Переводъ очень растянутъ.

Долго отчизны искалъ сынъ хитроумный Лаэрта;
Много земель обошелъ, много морей переплылъ,
Много трудовъ перенесъ, много опасностей встрѣтилъ
Сциллѣ ревущей внималъ, пасти Харибды прошелъ,
Къ темени горъ восходилъ, въ мракъ преисподней спускался...
Тщетно! Нигдѣ не обрѣлъ къ родинѣ милой пути.
Что же? Когда у кормы сномъ опочилъ онъ глубокимъ,—
Въ пристань Итаки святой кормчій направилъ корабль;
Бросили якорь пловцы: царственный странникъ проснулся,
Вѣжды открылъ, но въ тотъ мигъ родины онъ не узналъ!

6. **Головановъ.** Лир. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

НЕИЗМѢННОЕ.

(1795).

1. **Ѳ. Кони.** Неизмѣнное. «С. Отеч.» 1837, ч. CXXXVI.

2. **А. Струговщиковъ.** (Время, безъ указанія, что взято изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 171.

Неуловимъ твой полетъ, быстро парящее время!—
Будь постояненъ, и ты грани поставишь ему.

3. **А. Савинскій.** (Неизмѣнчивость, изъ Шиллера) По указанію Гербеля въ «Подаркѣ прекрасному полу» 1846; но кажется въ этомъ году «Подарокъ прекрасному полу» не выходилъ.

ЗЕВЕСЪ ГЕРКУЛЕСУ.

(1795).

Отвлекаясь отъ мысли, что Геркулесъ былъ сыномъ Зевса и, стало быть, «пріобщился къ сонму боговъ» отчасти благодаря «ихъ нектару, поэтъ видитъ въ немъ образъ создателя своего благополучія, который достигаетъ высшаго благодаря только своей силѣ. Фигофъ находитъ, что здѣсь дѣло и не въ безсмертіи, которое могло быть и просто даровано Геркулесу его божественнымъ отцомъ: высшее блаженство, блаженство нравственнаго величія и его сознаніе, по истинѣ пріобщающее насъ «къ сонму боговъ», не можетъ быть даровано никакимъ божествомъ и можетъ быть добыто лишь нашей собственной силой. Иначе поэтъ — какъ это видно изъ стихотворенія «Счастье»—смотрѣлъ на земное блаженство, которое считалъ случайнымъ даромъ прихотливыхъ боговъ.

1. **А. Струговщиковъ.** (Геркулесу; не указано что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1745, 176.

Нѣтъ, не изъ чаши боговъ ты божеству причастился,
Силѣ безсмертной твоей нектаръ наградою былъ.

2. **А. Савинскій.** (Зевесъ Геркулесу, изъ Шиллера) «Подарокъ прекрасному полу», 1846. Этого перевода намъ не удалось видѣть.

3. **Голововановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

4. **И. Болдаковъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ПЛЯСКА.

(1795).

Стихотвореніе это — одно изъ первыхъ, гдѣ поэтъ примѣнилъ размѣръ элегическаго двустишія (гексаметръ и пентаметръ) — и уже съ несравненной легкостью и благозвучіемъ. Получивъ его, Гумбольдтъ писалъ: «*Пляска* превосходна, и, быть можетъ, я лишь по субъективнымъ побужденіямъ предпочитаю ей *Власть пѣснопѣнія*. Она полна такого высокаго, философскаго содержанія, и образы танцующихъ такъ божественно прекрасны и такъ жизненны. Легкости и движенію въ первой половинѣ, съ несравненнымъ умѣніемъ, выраженнымъ въ нѣкоторыхъ стихахъ, превосходно противопоставлены устойчивость и серьезность второй части. И все такъ характерно для васъ! Основная идея превосходно выражаетъ индивидуальную черту вашего духа, который всегда ищетъ законности въ разрозненномъ и вновь стремится скрыть законъ за видимой разрозненностью; даже образы, принѣнемые вами, принадлежатъ—сколько я могу вспомнить изъ нашихъ разговоровъ—къ наиболѣе подходящимъ для васъ». Въ другомъ письмѣ В. Гумбольдтъ сообщаетъ поэту, что *Пляска* — любимое стихотвореніе Гердера, объясняя это тѣмъ, что гармонія въ видимомъ безпорядкѣ—особенно если имѣть въ виду все мірозданіе — излюбленная идея Гердера.

Стихотвореніе, превосходно соединяющее глубину философской мысли съ красотой поэтическаго изображенія, дѣйствительно, весьма удачно. Оно дѣлится на три части; стихи 1—18 представляютъ описаніе пляски; за нимъ (стихи 19—28) слѣдуетъ уясненіе того правящаго начала, которое поддерживаетъ порядокъ и стройность въ видимомъ безпорядкѣ пляски; третья — заключительная часть (стихи 27—32)—обращеніе къ читателю, увѣщевающее его соблюдать тотъ дивный порядокъ и гармонію, который онъ видитъ во внѣшнемъ мірѣ, а также и въ своей личной жизни.

1. **П. Шкляревскій.** (Пляска изъ Шиллера). «Сѣверные цвѣты» 1827, стр. 285, и въ «Стихотвореніяхъ П. Шкляревскаго», 1831, также въ «Цвѣтникѣ русской литературы», 1840, 18.

Зри, какъ быстро четы волною игривой кружатся,
Чуть досязая земли рѣзво-крылатой стопой!
Тѣни ли зрю я воздушныя, свергшія тѣла оковы?
Эльфы-ль въ сіяньи луны свѣтлою цѣпью плывутъ?
Какъ, зефиромъ колеблемый, дымъ струится летучій,
Словно въ сребристыхъ зыбяхъ легкій колышется челнъ;
Скачетъ, топочетъ стопа подъ сладостный ладъ переливовъ;
Рокотъ, бряцаніе струнъ живость вливаютъ въ тѣла.
Вотъ, какъ будто стремясь разорвать цѣпь хоровода,
Тамъ въ стѣснившійся рядъ мчится отважно чета.
Быстро предъ ней разступается ходъ, исчезая за нею;
Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ загражденъ путь.
Мигомъ отъ взоровъ она потерялась; въ смятеніи дикомъ
Гибнетъ плѣнительный строй, двигаясь, рушится міръ.
Нѣтъ, тамъ ликуя, несется она, развивается узелъ.
Лишь въ измѣненной красѣ вновь учреждается чинъ.
Рушася вѣчно, зиждется вѣчно, вращаясь, твореньe;
Тайный законъ естества правитъ игрой перемѣнъ.
Но отчего же, вѣщай, непрестанно зыблются лики
И въ движеньи существъ царствуетъ вѣчный покой?
Всякъ владыка, свободенъ, лишь сердца внушенью подвластенъ,
И скоротечно спѣшитъ общей, извѣстной стезей?
Хочешь ли знать? То уставъ Гармоніи — мощной богини:
Дружною пляской она буйный смиряетъ скачекъ;
Какъ Немезида, златой сладкозвучья уздой укрощаетъ
Дикую радость души, пылкій, кипящій восторгъ.
Или вотще для тебя рокочетъ музыка вселенной?
Иль не чаруетъ тебя стройнаго пѣнья потокъ?
Ни восхитительный ладъ, согласіе чудное тварей,
На круговой хороводъ, плавно въ пространствахъ небесъ

Свѣтлыя солнца вратящій на поприщахъ, смѣло извитыхъ?
Мѣры, хранимой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты не блюдешь.

2. **Н. Гербель.** (Пляска, изъ Шиллера). «Современникъ», 1853, т. XXXVII, также въ «Отголоскахъ» Гербеля 1858, и въ его изд. Шиллера.

3. **М. Дмитріевъ.** (Пляска, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1853, № 10, и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

Видишь-ли,—плавно, какъ волны, носятся легкія пары,
Чуть прикасаясь къ землѣ ногъ окрыленныхъ стопой?
Тѣни-ли это летучія, чуждыя тяжести тѣла,
Или не эльфовъ ли тамъ въ свѣтѣ луны хороводъ?
Точно какъ стелется дымъ въ дуновеніи легкомъ зефира,
Или какъ тихо скользитъ въ влагѣ сребристой ладья:
Такъ ихъ смышленныя стопы подъемлютъ эѳирное тѣло,
Въ тактъ мелодическихъ волнъ, въ тактъ подъ журчаніе струнъ!
Вотъ, какъ въ пляшущихъ цѣпь прорвать порываяся силой,
Смѣлая пара летитъ въ тѣсно содвинутый кругъ!
Быстро предъ ней открывается путь и за ней исчезаетъ.
Точно волшебной рукой онъ и открытъ и закрытъ.
Вотъ исчезаетъ сама; и въ дикомъ какомъ-то смѣшеньи
Рушится, прелести полнъ, звуками созданный міръ!
Нѣтъ!—вылетаетъ веселая вновь; вновь распутался узелъ;
Снова порядокъ возникъ, только въ иной красотѣ!
Рушится вѣчно и вѣчно рождается это созданье;
Мирный законъ въ немъ хранитъ всѣхъ превращеній игру.
«Какъ же, скажи, обновляется въ вѣчномъ своемъ колебаньѣ,
Какъ сохраняется миръ, въ этомъ движеньи всего?
Каждый свободенъ, послушный лишь сердцу, и каждый находитъ
Вѣрн й, единственный путь, въ быстромъ полетѣ несясь!»
Хочешь ли это постичь?—то гармонія дивная сила
Правитъ; сквозь бурныхъ скачковъ, пляски общественный строй!
Ритма златою уздою она, Немезидѣ подобно,
Правитъ волненьемъ однихъ, дикость смягчаетъ другихъ!
Но неужели вотще для тебя и гармонія міра?
Иль не восхититъ твой духъ эта высокая пѣснь;
Сей восхитительный тактъ, ударяемый сонмомъ созданій;
Это вращенье міровъ въ вѣчномъ пространствѣ небесъ;
Эти летящія солнца, въ ихъ смѣломъ путей пресѣченьѣ?
Мѣру ты цѣнишь въ игрѣ; въ дѣйствіяхъ—мѣры бѣжишь!

4. **Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

5. **В. С. Лихачовъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ИЗРЕЧЕНІЯ КОНФУЦІЯ.

(1795 и 1797).

Какъ указалъ Гофмейстеръ въ характеристикѣ Шиллера, какъ прозаика, *противоположеніе*, антитеза, было вообще естественнымъ движеніемъ его мысли. Этимъ объясняется не только то, что многія его стихотворенія представляютъ собой не что иное какъ одну большую антитезу («Достоинство женщины», «Идеалъ и жизнь» и др.), но также то, что у него особенно много параллельныхъ, парныхъ стихотвореній; таковы pendants «Слова вѣры» и «Слова заблужденія», таковы же и эти два изреченія (вѣрнѣе поученія), якобы принадлежащія китайскому мудрецу Конгъ-Фу-Тзе (551—479 г. до Р. Хр.). Въ *первомъ изреченіи* три формы времени и ихъ различное движеніе (то есть различное впечатлѣніе, производимое ими на насъ) служатъ исходной точкой поученія о томъ, какъ должно относиться къ нимъ: считайся съ будущимъ, не разсчитывай, что оно уже въ твоей власти, не увлекайся настоящимъ, не дѣлай себѣ врага изъ прошедшаго. Во *второмъ изреченіи* источникомъ благого поученія служатъ три измѣренія пространства.

1. **А. Востоковъ.** (Изреченія Конфуція, изъ Шиллера). «Опыты стихосложенія», 1817, 165. Перепеч. въ «Стихотвор. А. Востокова». 1821. Переводъ очень тяжеловѣсный.

2. **А. Мейснеръ.** (Изреченіе Конфуція, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера», 1836. Не переводъ, а плохое подражаніе второму изреченію.

3. **Н. Гербель.** (Притча Конфуція, изъ Шиллера). Шиллеръ въ изд. Гербеля.

4. **Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

5. **Ин. Э. Э. Ухтомскій.** Переведено для настоящаго изданія.

ПОЧЕСТИ.

(1795).

Сильное и образное выраженіе мысли, что случайный носитель высокаго сана, въ сущности, ничѣмъ съ нимъ не связанъ: ни заслугами въ прошломъ, ни послѣдствіями его въ будущемъ.

1. **К. Масальскій.** (Почести, безъ указанія, что переводъ). «Сочиненія К. Масальскаго», 1844, т. V, 50.

Солнца лучи полосою когда отразятся въ потокѣ,
Ярко, какъ будто огонь блещетъ, катяся, волна.
Скоро уноситъ ее изъ подъ свѣтлыхъ лучей быстриною;
Слѣдомъ другая за ней мчится въ сіяньи протечь.
Смертные почестей въ блескѣ не такъ ли, какъ волны, сіяютъ?
Блещетъ не самъ человѣкъ: мѣсто лишь, гдѣ протекалъ.

2. **Н. Гербель.** (Почести). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

3. **Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

4. **Ин. Э. Э. Ухтомскій.** Переведено для настоящаго изданія. Нѣсколько распространено противъ подлинника.

ГЕРМАНІЯ И ЕЯ ГОСУДАРИ.

(1795).

Заключеніе нѣсколько не точно передано въ переводѣ Миллера; въ оригиналѣ сказано: «попробуй, Германія, сдѣлать такъ, чтобы твоимъ повелителямъ было труднѣе быть великими государями и легче быть только людьми». Другими словами: когда народъ достигаетъ извѣстной высоты духовной культуры, тогда государю легче сблизиться съ нимъ и явиться предъ нимъ только человѣкомъ; но тогда труднѣе дѣйствовать величіемъ своего авторитета, труднѣе стать великимъ, ибо все великое тогда есть результатъ не личнаго величія государя, но духовнаго величія всего народа.

Ѳ. Миллеръ. (Германія и ея государи, изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля. и «Стихотв.» Миллера.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

(1795).

Первоначальное заглавіе въ «Альманахѣ муз.» 1796 г. было «Пегасъ въ услуженіи». Получивъ рукопись, Гумбольдтъ писалъ: «*Пегасъ* поразилъ меня и божественно удался вамъ. Я не зналъ, что вы способны и на этотъ жанръ. Разсказъ идетъ весьма легко и занимательно, описанія замѣчательно живы и характерны, заключеніе величественно и обличаетъ съ несомнѣнностью вашу руку». Стихотвореніе вызвано тѣмъ же настроеніемъ, что и «поэзія жизни», «Власть пѣснопѣнія» и мн. др.; это—противоположеніе реалистическаго міровоззрѣнія поэтическому; особенно занимали многострадальнаго Шиллера въ эту эпоху возвращенія къ поэзіи мысли объ участи поэта; пережитое нашло откликъ въ этомъ стихотвореніи. Безъ личнаго опыта—замѣчаетъ Штрейхеръ («Schillers Flucht von Stuttgardt»)—Шиллеру не удалось бы превосходное и правдивое изображеніе судьбы поэта въ его *Пегасѣ*». Кернеру также нравилось стихотвореніе за исключеніемъ появленія Аполлона; онъ предпочелъ бы, чтобы волшебный конь издохъ съ голода. Но Шиллеръ отвѣчалъ. «Апполонъ здѣсь необходимая фигура, а голодная смерть—слишкомъ избитое окончаніе». Первоначально стихотвореніе заканчивалось рѣчью Аполлона; гдѣ высказывалась идея стихотворенія; это и есть то «величественное заключеніе», о которомъ говоритъ Гумбольдтъ.

Владиміръ Сергѣевичъ ЛИХАЧОВЪ.

1. **А. Мейснеръ.** (Пегасъ въ ярмѣ, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера», 1836. Переводъ не дуренъ, хотя есть неточности и архаизмы.

2. **А. Глинка.** (Пегасъ въ ярмѣ, изъ Шиллера). Въ «Москвитянинѣ», 1841, въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки», 1859, и въ изд. Гербеля. Переводъ точный.

3. **А. Струговщиковъ.** (Пегасъ, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845. Скорѣе пересказъ, чѣмъ переводъ, размѣромъ очень далекимъ отъ подлинника.

4. **Голововъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899

5. **О. Н. Чюмина.** Переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія.

ИГРАЮЩІЙ МАЛЬЧИКЪ.

(1795).

Трогательное изображеніе младенца, играющаго у груди матери, связано съ глубокимъ противоположеніемъ труда и игры, столь характернымъ для всей философіи Шиллера (ср. «Письма о воспитаніи», письмо 27).

1. **А. Савинскій.** (Играющее дитя, изъ Шиллера). «Подарокъ прекрасному полу», 1846. Не удалось намъ видѣть.

2. **Н. Гербель.** (Играющій ребенокъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

3. **Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
4. **А. М. Федоровъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ІОАННИТЫ.

(1795)

Стихотвореніе, напечатанное въ «Альманахѣ музъ» на 1796 годъ подъ заглавіемъ «Рыцари іерусалимскаго госпиталя», представляетъ собой поэтическую обработку мысли, изложенной Шиллеромъ въ предисловіи къ «Histoire des Chevaliers de Rhode et aujourd'hui de Malte» Рене Обера де Берто (1726) въ нѣмецкой обработкѣ Нитгаммера (1792). «Когда послѣ чудесъ храбрости — говорится здѣсь — эта горсть героевъ возвращается домой и безропотно мѣняетъ свои воинскія дѣянія на низкій трудъ сидѣлки, когда эти львы въ сраженіи здѣсь, у постели больного, проявляютъ лишь терпѣніе, самообладаніе, милосердіе, когда та самая рука, которая нѣсколько часовъ назадъ билась грознымъ мечемъ за христіанство и вела тропещущаго паломника сквозь мечи враговъ, подаетъ теперь во имя Бога пищу отвратительному больному,—кто, видя рыцарей іерусалимскаго госпиталя въ этомъ видѣ, сможетъ удержаться отъ волненія?» Сочетаніе рыцарской отваги съ христіанскимъ смиреніемъ вообще занимало Шиллера, который впослѣдствіи далъ этой идеѣ еще болѣе подробную и глубокую обработку въ «Сраженіи со змѣемъ». Комментаторы отмѣчаютъ, что въ то время, когда Шиллеръ писалъ свой вдохновенный панегирикъ былымъ іоаннитамъ, современные ему преемники ихъ, мальтійцы, весьма мало отличались религіозными и иными добродѣтелями. Къ этому относится замѣчаніе Гумбольдта въ письмѣ къ поэту: «*Рыцари* стали весьма благочестивы и составляютъ пестрый контрастъ помѣщеннымъ въ концѣ альманаха эпиграммамъ венеціанскимъ, эпиграммамъ Гете, довольно легкаго содержанія». *Акконъ* и *Родосъ*—см. въ словарѣ.

1. **А. Глинка.** (Рыцари св. Іоанна, изъ Шиллера). «Кіевлянинъ», 1840, и «Стихотворенія Шиллера въ переводѣ А. Глинки», 1859. Переводъ точный, но суховатый.
2. **А. Струговщиковъ.** (Крестоносцы, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845. Переводъ недостаточно точный.
3. **Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
4. **Кн. Э. Э. Ухтомскій.** Переведено для настоящаго изданія.

СѢЯТЕЛЬ.

(1795).

Напечатано въ «Альманахѣ музъ» на 1796 г.

1. **А. Савинскій.** (Сѣятель съ нѣмецкаго). «Подарокъ прекрасному полу», 1846. Не удалось видѣть.
2. **М. Михайловъ.** (Сѣятель, изъ Шиллера). Въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова», 1862 и 1890.
3. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
4. **И. Журьинъ.** («Сѣятелю», изъ Шиллера). «Звѣзда», 1888, № 39.

ДВА ПУТИ КЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

(1795)

Напечатано въ «Альманахѣ музъ» на 1796 г. Въ разсужденіи Шиллера «О необходимыхъ границахъ при употребленіи прекрасныхъ формъ» говорится: «Справедливо говорятъ, что истинная нравственность даетъ себя знать лишь въ школѣ невзгодъ и что неизмѣнное счастье—опасная ловушка для добродѣтели. Счастливымъ я называю того, кому не приходится совершать несправедливости для того, чтобы наслаждаться, и не приходится терпѣть непріятное отъ справедливаго образа дѣйствій. Неизмѣнно счастливый человѣкъ никогда не сталкивается съ долгомъ лицомъ къ лицу, потому что его правильныя и упорядоченныя склонности всегда предвосхищаютъ велѣнія разума и никакіе соблазны нарушить законъ не напоминаютъ ему о законѣ. Наоборотъ, несчастный—если онъ въ то же время и добродѣтеленъ—имѣетъ возвышенное преимущество соприкасаться непосредственно съ божественнымъ величіемъ закона и—такъ какъ *его* добродѣтели не помогаютъ никакія естественныя склонности—въ качествѣ человѣка проявлять высшую свободу духа».

Въ русскомъ переводѣ Ѳ. Миллера (стихъ 2) въ ущербъ ясности мысли прибавлены *внезапно* и *тотчасъ*.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Двѣ дороги жизни). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ» Ѳ. Миллера.
2. **Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ИДЕАЛЫ.

(1795).

Мнѣнія друзей Шиллера раздѣлились по поводу этого стихотворенія; Гете былъ отъ него въ восторгѣ, Гумбольдтъ сопровождалъ свои высокія, хотя нѣсколько холодныя похвалы оговорками: онъ не чувствовалъ въ стихотвореніи той «сжатой полноты, размаха и быстраго движенія, однимъ словомъ того своеобразнаго характера», по которымъ онъ брался узнать руку Шиллера среди множества чужихъ, хотя-бы и образцовыхъ произведеній; ему казалось также, что сильное впечатлѣніе, производимое стихотвореніемъ, зависитъ не столько отъ поэтической формы, сколько отъ трогательнаго содержанія, связаннаго съ личностью и судьбой Шиллера.

Съ точки зрѣнія Гумбольдта, это было большимъ недостаткомъ, такъ какъ онъ—подобно самому Шиллеру—былъ убѣжденъ, что индивидуальныя и субъективныя настроенія не могутъ быть предметомъ истинной поэзіи, которая должна ихъ возвысить до той всеобщности, въ которой исчезла-бы и стала незамѣтна доля индивидуума. Поэтъ отвѣчалъ: «Ваше мнѣніе, что *Идеаламъ* недостаетъ силы и огня, совершенно справедливо; но меня удивляетъ, что вы ставите мнѣ это въ упрекъ. *Идеалы*—стихотворная жалоба, гдѣ сжатость, въ сущности, неумѣстна . . Жалоба по природѣ своей многословна и всегда нѣчто вялое; ибо сила не жалуется. На это стихотвореніе вообще надо смотрѣть какъ на крикъ природы (какъ сказалъ-бы Гердеръ), естественный голосъ боли, безыскусственный и сравнительно без-

форменный. Оно слишкомъ субъективно (индивидуально) истинно, чтобы подлежать суду въ качествѣ настоящей поэзіи, ибо здѣсь человѣкъ удовлетворяетъ свою потребность; онъ освобождается отъ тяжести вмѣсто того, чтобы, подчиняясь творческому стремленію, удовлетворять его въ произведеніяхъ другого рода. Настроеніе, изъ котораго вытекло это стихотвореніе, сообщается читателю, а этимъ, по самой его сущности, ограничиваются его притязанія. Я, однако, совершенно понимаю, что оно должно было произвести именно такое впечатлѣніе: вѣдь вы больше склонны къ энергіи и мысли, чѣмъ къ трогательному. Не понимаю, какъ Кернеръ не сообразилъ, почему заключеніе стихотворенія вяло: это вѣрный отпечатокъ человѣческой жизни. «Съ этимъ чувствомъ спокойной покорности я хотѣлъ разстаться съ читателемъ».

«Идеалы», исчезновеніе которыхъ оплакиваетъ поэтъ въ своей элегіи, надо принимать въ самомъ ходячемъ смыслѣ; это тѣ возвышенныя воззрѣнія на міръ, тѣ смѣлыя мечты, надежды и порывы, которые руководятъ нашей жизнью въ молодости. Стихотвореніе раздѣляютъ на четыре части; во вступленіи (строфы 1—2) поэтъ горюетъ объ утратѣ идеаловъ, въ слѣдующей части (строфы 3—7) изображаетъ золотое время своей юности, руководимой этими идеалами, затѣмъ (строфы 8—9) изображаетъ ихъ постепенное исчезновеніе и, наконецъ (строфы 10—11), пытается найти утѣшеніе въ томъ, что ему осталось въ дружбѣ и неустанной духовной дѣятельности.

Какъ глубоко-лирическое признаніе, *Идеалы* въ высшей степени важны для характеристики міровоззрѣнія настроенія Шиллера.

1. **М. Милоновъ.** (Къ юности, подражаніе Шиллеровымъ «Идеаламъ»). «СПб—скій Вѣстникъ», 1812, ч. I, также въ «Сатирахъ М. Милонова», 1819, и въ «Сочиненіяхъ Милонова», изд. 1849. Подражаніе довольно отдаленное. Разработаны только нѣкоторые мотивы.

2. **П. Шапочниковъ.** (Мечтанія, переводъ изъ Шиллера). Чтенія въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова», 1812, ч. VII. Довольно точный, но достаточно тяжеловѣсный переводъ. Приводимъ послѣднюю строфу:

И ты, съ ней твердо сопряженно
Противу бурь, страстей и бѣдъ,
О *упражненье* драгоцѣнно!
Что зиждешь ты, то не падетъ;
Храмъ вѣчности сооружая,
Хоть по песчинкѣ ты кладешь,
Но жизни скорби услаждая,
Дни, годы за собой влечешь.

3. **В. Жуковскій.** (Мечты) первоначально безъ указанія на подлинникъ, въ «Вѣстн. Евр.», 1813, ч. LXX, № 14. Отступая въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, переводъ въ общемъ очень точенъ и превосходно передаетъ подлинникъ. Послѣднія 4 строки, впрочемъ, очень неточны (ср. переводъ Авдотьи Глинки и Ромера),

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, постой!
О, дней моихъ весна златая,
Постой... тебѣ возврата нѣтъ...
Летитъ, молитвѣ не внимая:
И все за ней помчалось вслѣдъ.

О, гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ее—сей вѣры милой—
Къ твореньямъ пламенной мечты:
Добыча истинѣ унылой
Призраковъ прежнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ—
И мраморъ внялъ любви стенанье,
И мертвый былъ одушевленъ:
Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была—
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ,
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ! сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ...

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботъ несвязанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ;
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ее воздушая станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастіе ключомъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Истина лучомъ.

Но, ахъ! еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги,
За роемъ вслѣдъ умчался рой:
Украдкой Счастіе сокрылось,
Измѣной знаніе ушло,
Сомнѣнья тучей облеклось
Священной Истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный Славу похищалъ,
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ Любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной;
Едва Надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ?
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

4. **В. А...Д...овъ.** (Идеалы, подражаніе Шиллеру). «Сѣв. Лира» 1827 ч. Переведено литературно.

5. **И. Петровъ.** (Идеалы). «Стихотворенія И. Петрова 1833. Намъ не удалось видѣть этотъ переводъ.

6. **К. Аксаковъ.** (Идеалы, изъ Шиллера). «Москов. Наблюдатель», 1838, т. XVI.

7. **А. Глинка.** (Идеалы, изъ Шиллера). «Одесскій Альманахъ» 1839, и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859. Какъ всѣ переводы Авдотьи Глинки, и «Идеалы» переведены очень точно, но тяжеловато.

И такъ, измѣнники, летите
Вы съ вашей сладкою мечтой,
И радость и тоску хотите
Увлечь безжалостно съ собой!
Нельзя ль помедлить вамъ, остаться,
Златые, дни моей весны?
Вотще! они волнами мчатся
И моремъ лѣтъ поглощены.

Угасли солнцы дней бывалыхъ,
Златившіе мой ранній путь,
И разлетѣлись *идеалы*,
Что нѣкогда вздымали грудь.
Ужъ вѣра сладкая пропала
Въ созданья дивныхъ сновъ, въ мечты:
Увы! существенность попрала
Цвѣтъ божества и красоты.

Какъ съ страстнымъ Пигмальономъ желаньемъ
Холодный мраморъ обнималъ,
Доколѣ жизнь зажглась въ ваяньѣ,
Огонь въ ланитахъ заигралъ,
Природа такъ, въ младыя лѣта,
Мной обнимаема была,
Доколѣ, на груди поэта
Она согрѣлась, ожила!

Она мой пламень раздѣлила,
Языкъ нашелся у нѣмой.
Мнѣ поцѣлуй мой возвратила,
Уразумѣла сердца бой..
Тутъ древо, розы стали живы,
Запѣлъ таинственно ручей,
И въ мертвомъ слышались отзывы
Души ликующей моей.

Тѣснясь, въ груди жизнь не вмѣщалась,
Вбѣгала въ міръ обнять все вдругъ
И выражаться порывалась
Въ дѣлахъ, въ словахъ чрезъ образъ, звукъ
Какъ свѣтъ великимъ быть мнѣ мнился
Доколь въ зернѣ былъ скрытъ своемъ!
Но, ахъ! какъ малъ, когда раскрылся,
И малое, какъ скудно въ немъ!

Какимъ порывомъ окрыленный.
Блаженъ безумною мечтой,
Уздой заботъ неукрощенный,
Летѣлъ я жизненной тропой!
Къ звѣздамъ, блѣднѣющимъ въ эемрѣ,
Меня полетъ мой дерзкій мчалъ:
Выси, дали не зналъ я въ мірѣ,
Куда мечтой ни залеталъ.

Счастливъ, легокъ въ своемъ паренье...
Что жъ быть могло мнѣ тяжело?
Путевыхъ призраковъ сцѣпленье
Предъ колесницей жизни шло:
Любовь—съ наградою прекрасной,
И *счастье*—съ золотымъ вѣнцомъ,
Въ коронѣ *слава* звѣздно-ясной
И съ свѣтлымъ *истина* лицомъ.

Но, ахъ! съ полупути разстался
Съ вожатымъ роемъ я своимъ.
Съ измѣной отъ меня скрывался
Одинъ украдкой за другимъ.
Умчалось легконого счастье,
И знаній жажда духъ томитъ;
Сомнѣній бурное ненастье
Ликъ свѣтлый истины мрачитъ;

Я видѣлъ славы лавръ священный,
На низкомъ блеснувшій челѣ;
Весны любви, о, дни блаженны!
Какъ быстро вы исчезли въ мглѣ!
Все тише, тише... все молчало,
И путь пустыннѣй и мрачнѣй;
Надеждъ сіянье чуть мелькало
На пасмурной стезѣ моей.

Умчался шумный рой вожатыхъ,
Но кто жъ меня съ любовью ждетъ,
Дѣля со мной всѣ въ жизни траты,
За мной и въ мрачный домъ пойдетъ?
Ты, нѣжный, тихій ранъ цѣлитель.
О, *дружба*! небомъ ты дана;
Въ бѣдахъ, мой вѣрный утѣшитель,
Тебя искалъ... ты найдена...

И ты, съ ней тѣсно сопряженный,
Душъ бурю какъ она миришь,—
О, *трудъ*! ничѣмъ не утомленный,
Не руша, медленно творишь
И въ зданье вѣчное природы
Хоть по песчинкѣ въ дань кладешь;
Но все свой долгъ: часы, дни, годы,
Съ скрижалей времени сотрешь.

8. **В. Лялинъ.** (Идеалы). Шил. въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

9. **А. Струговщиковъ.** (Идеалы). «Стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ», 1857, т. I. Переведено сильно и страстно, но, какъ всегда у Струговщикова, очень неточно.

Такъ—ты навсегда простилася со мной,
Моей весны година золотая!
Неумолимая, зову тебя, постой!
Но ты летишь, моленьямъ не внимая...
О, призраки, о, сны чудесные мои,
Моей души святыя помышленья

Остановитеся! вотще зову—прошли
И скрылися небесныя видѣнья.

Гдѣ лучезарныя созданія мечты,
Вы, спутники поэзіи прекрасной?
О, какъ плѣнительны, какъ святы были вы
И помысломъ и лирой сладкогласной!
Гдѣ разноцвѣтная фантазіи звѣзда?
Гдѣ вымысла златое покрывало?
Дѣйствительность, ты все съ собою унесла
И гордый умъ сомнѣньемъ оковала.

Какъ встарь Пигмаліонъ подвигнутъ Музой былъ
Одушевить свое произведенье,
И образъ мраморный дыханье ощутилъ
И жизнь пріялъ, и на его моленья
Живымъ движеніемъ и звукомъ отвѣчалъ:
Такъ я, моей любовью ослѣпленный,
Въ моихъ объятіяхъ весь дальній міръ сжималъ.
Казалося, что, свыше вдохновенный,

Я согрѣвалъ его—и онъ въ меня проникъ.
Все сущее, на голосъ пѣснопѣнья,
Подвиглося тогда, и обрѣло языкъ,
Свѣтъ разума, взаимность вожделѣнья;
И жилъ съ природою я жизнію одной:
Я пѣлъ ее, и мнѣ она звучала;
Казалося, и перстъ, одушевляясь мной,
Сочувствіемъ на чувство отвѣчала.

Прекрасный юноша, отвагой окрыленъ,
Какъ онъ рвался во всѣ концы вселенной,
Свободный, пламенный, любилъ и вѣрилъ онъ,
И не было той тѣни отдаленной,
Куда бъ для брата онъ не двинулся, не звалъ
На падшаго небесъ благословенья.
Даръ благодати онъ во всемъ предполагалъ—
И вѣрилъ сну, въ порывѣ ослѣпленья.

Я мнилъ значеніе словамъ и звукамъ дать
И въ образы одѣть людей дѣянья,
Крылатымъ помысломъ стремился все обнять,
До горнихъ силъ, до млечныхъ тѣлъ созданья!
Занѐ—мнѣ грезился какой-то чудный сонъ,
Волшебные дары сулилъ онъ, ложный.
И какъ не много то, чѣмъ разрѣшился онъ,
И малое, какъ бѣдно и ничтожно!

На жизненномъ пути толпился за мной
Видѣній, знакомою семьею:
Честное знаніе, съ почетною клюкой,
И счастіе, съ алмазною звѣздою,
Небесная любовь, съ наградою своей,
И красота въ побѣдной колесницѣ,
Малютки—радости и слава, и за ней
Свѣтъ—Истина, въ сіяніи денницы.

И что-жъ? невѣрная, воздушная семья,
Не совершивъ еще и пол-дороги,
Отстала отъ меня, и красота ушла
И радости умчались быстроноги;
Дружился съ знаньемъ .. но напрасно, и оно
Алкающей души не утолило;
Свѣтильникъ угасалъ, и истины чело
Сомнѣнія насмѣшка исказила.

И видѣлъ я, какъ дерзкій похищалъ
Зеленый лавръ, и какъ передъ невзгодой,
Нѣжнѣйшій цвѣтъ любви, обиженъ, увядалъ...
Небесные умолкли хороводы...

Николай Максимовичъ МИНСКІЙ.

И я надъ лирою поникнулъ головой,
И все окрестъ пустынно, тихо стало,
Едва надежда мнѣ, съ небесною сестрой,
Плѣпительнымъ созвѣздіемъ мерцала.

И кто-жъ изъ спутниковъ, когда то милыхъ намъ,
Кто руку мнѣ съ любовію сжимаетъ?
Кто нынѣ вѣрный другъ, къ таинственнымъ вратамъ
Въ послѣдній путь меня благословляетъ?
О, дружба вѣрная, товарищъ добрый мой!
Ты лучшую мечту осуществила...
И торжествую я—во имя мысли той,
Что здѣсь не все, не все намъ измѣнило!

Да онъ еще со мной, волненіе страстей
Смиряющій, мой другъ неоцѣненный,
Онъ, благородный трудъ томительныхъ ночей,
Ночей моихъ товарищъ неизмѣнный!
Даетъ крупинки онъ, за жизнь платя собой ..
Крупинки лишь, зато, потерь не зная,
Предъ вѣчностію онъ, по книгѣ долговой.
Минуты, дни и годы погашаетъ!

10. **Анонимъ.** (Пигмаліонъ, изъ «Идеаловъ» Шиллера). «Русскій міръ» 1859, № 17. 3-ья и 4-ая строфа. Ср. № 12.

Какъ нѣкогда съ мольбою и желаньемъ
Пигмаліонъ свой камень обнималъ,
И чувства жаръ гаженся подъ лобзаньемъ
И въ мраморныхъ ланитахъ запылалъ;
Такъ обвивалъ влюбленными руками
Природу я въ восторгѣ молодомъ,
Пока дохнула страстными устами
И стала грѣть мнѣ грудь живымъ теплом.

И, жаркія желанья раздѣляя,
Нѣмая,—вдругъ языкъ нашла;
Мнѣ поцѣлуй любовный возвращая,
Сердечный крикъ мой поняла.

Дышала роза, дерево шептало
И сладко пѣлъ серебряный ручей,
И неживое—чувствомъ трепетало,
Откликнувшись на жизнь души моей.

11. **Ѳ. Ромеръ.** (Идеалы, изъ Шиллера). «Гражданинъ» 1874, № 6, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Ромера», изд. 1898.

Куда, измѣнчивая младость?
Зачѣмъ отрадныя мечты,
Тревожный пылъ, тоску и радость
Съ собою вдаль уносишь ты?
Къ тебѣ взываю, скорби полный:
«Остановись!»... Напрасный трудъ!
Спѣшатъ, тѣснятся жизни волны—
И въ море вѣчности бѣгутъ.

Потухли звѣзды. Путникъ сирый,
Не вижу прежней я стези;
Души восторженной кумиры
Лежатъ разбитые въ грязи.
Нѣтъ сладкихъ вѣрованій нынѣ;
Мечты развѣяла гроза.
Моимъ богамъ, моей святынѣ
Смѣется истина въ глаза.

Пигмаліонъ когда-то камень
Съ мольбою страстной обхватилъ,
И чувства жизненнаго пламень
Въ холодный мраморъ перелилъ,
Не такъ же ль, съ юнымъ упованьемъ,
Къ природѣ мертвой я припалъ,
И жгучимъ грѣлъ ее дыханьемъ
И поцѣлуемъ оживлялъ?...

Она подвигнулась, вздохнула,
Языкъ безмолвная нашла,
И поцѣлуи мнѣ вернула,
И звуки сердца поняла.
Высокій тополь ожилъ словно,
Запѣлъ серебряный ручей,
И все бездушное любовно
Душѣ откликнулось моей.

Во мнѣ вселенная кипѣла,
Неудержимо ширя грудь,
Она рвался, въ слово, въ дѣло.
Въ картину, звукъ—во что-нибудь.
О, какъ огроменъ мнѣ казался
Мой міръ, пока онъ былъ зерномъ -
Но какъ ничтожно развивался,
Какъ малъ и бѣденъ сталъ потомъ!

Мечтой волшебной очарованъ,
Ничтожныхъ, будничныхъ заботъ
Тяжелой цѣпью не окованъ—
Я смѣло ринулся впередъ;
До самыхъ блѣдныхъ звѣздъ въ эенрѣ
На крыльяхъ помысла парилъ,
Нѣтъ высоты, нѣтъ дали въ мірѣ,
Которыхъ я не побѣдилъ.

Катилась съ громомъ колесница
Отважной юности моей...
Какихъ видѣній вереница
Вилася весело за ней.

Любовь тутъ на цвѣточномъ тронѣ.
И Слава, въ лаврахъ и звѣздахъ,
И Счастье въ радужной коронѣ,
И Правда въ солнечныхъ лучахъ...

Но шумной свитѣ постепенно
Сказалъ я грустное: «прости!»
Свернувши въ сторону, измѣной,
Исчезли скоро на пути
И Счастье тѣнью легкокрылой.
И чванный Знанія фантомъ,
А солнце Истины закрыло
Сомнѣнье тучами кругомъ.

Надъ мелкой пошлостью позорно
Зажглась безсмертія звѣзда;
Съ весною взапуски, проворно,
Любовь умчалась навсегда.
Все тише, тише и темнѣе
Пустынный путь передо мной...
Одна надежда здѣсь, робѣя,
Мерцаетъ блѣдною звѣздой.

Изъ шумной свиты, кто со мною
Остался нынѣ? Чья рука
Съ заботой нѣжной и святою
Сведетъ въ могилу старика?
Ты, Дружба, ты сомкнешь мнѣ вѣжды,
Причастница всѣхъ дружныхъ золъ,
Источникъ правды и надежды,
Тебя искалъ я—и нашелъ!

И ты, который заклинаешь
Душевныхъ бурь мятежный вой,
Не разрушая созидаешь—
Упрямый Трудъ, и ты со мной!
На зданье вѣчное природы
Одну песчинку ты несешь—
Но дни и мѣсяцы и годы
У безконечности берешь.

12. **Н. Страховъ.** (Изъ »Идеаловъ». Шиллера. «Отеч. Записки», 1866, № 7 (строфы: 3 и 4).

Это тотъ же самый переводъ, который уже разъ былъ помѣщенъ Страховымъ въ «Русскомъ Мірѣ» 1859 года. См. предыдущую страницу № 10.

13. **Царскосельскій.** «Мечты», изъ Шиллера «Развлеченіе» 1869, № 42.

14. **Г. Бенедиктовъ.** «Идеалы». Кажется, впервые напечатано въ Вольфовскомъ изд. «Стихотв. Бенедиктова» (Спб. 1884).

Итакъ, пробилъ намъ часъ разлуки!
О, юность, міръ моей весны!
Твои и радости, и муки,
И упоительные сны –
Уходитъ все. Унынья полный,
Тебя зову: останься тутъ!
Вотще! Твои стремятся волны
И въ море вѣчности текутъ.

Кн. Дмитрій Николаевичъ ЦЕРТЕЛЕВЪ.

Угасли яркія свѣтила,
Мнѣ озарявшія тотъ путь;
Пропала огненная сила
Мечтаній, наполнявшихъ грудь;
Исчезла сладостная вѣра
Въ мечтанья тѣ,—все, все взяла
Сухой существенности сфера,
Чѣмъ жизнь божественна была.

Какъ древле свой скульптурный камень
Пигмаліонъ въ объятьяхъ сжалъ,—
И вдругъ, почуя жизни пламень,
Согрѣтый мраморъ задрожалъ,
Природа камнемъ мнѣ предстала,
Но я простеръ объятья къ ней,
И та зажглась, затрепетала
На творческой груди моей.

Возбуждена моимъ воззваньемъ,
Нѣмая свой глаголъ нашла,
И мнѣ отвѣтила лобзаньемъ
И голосъ сердца поняла.
Все мнѣ откликнулось послушно,
Кустъ розы, дерево, ручей.
И то, что было такъ бездушно,
Вдругъ жизнью вспыхнуло моей.

Все, все съ привѣтомъ жаркой ласки
Въ младую грудь втѣснилось вдругъ
И облеклось въ живыя краски,
Въ дѣянье, въ слово, въ образъ, въ звукъ.
Какъ міръ великимъ мнѣ казался,
Пока не вышелъ изъ зерна!
Въ развитьѣ-жъ какъ онъ малъ остался,
И эта малость какъ бѣдна!

Съ какою бодрою охотой,
Безумьемъ замысловъ богатъ,
Не взнузданъ тягостной заботой,
Я прянулъ въ жизнь и жить былъ радъ
Все, до блѣднѣйшихъ звѣздъ эоира,
Мечтой тотъ юноша хваталъ,
И въ высь, и въ даль предѣловъ міра
На крыльяхъ мысли улеталъ.

Преградъ не зная, легкой птицей
Счастливецъ мчался, жизнь неслась,
А передъ жизни колесницей
Шла свита рѣзвая, кружась:
Любовь съ гирляндой благовонной,
И *вчастье* съ золотымъ вѣнцомъ,
И *слава* съ звѣздною короной
И *знанье* съ солнечнымъ лицомъ.

Увы! Тѣ спутники со мною
И полъ-пути не пронеслись,
Какъ другъ за другомъ чередою,
Всѣ измѣнивъ мнѣ, разбрелись.
Гдѣ счастье? Гдѣ? Безъ затрудненья
Съ дороги той свернуло въ мигъ,
А знанью облако сомнѣнья
Закрыло свѣтоносный ликъ.

Корона славы гдѣ? Позорно
Бездарнымъ на чело легла.
Любовь?—И та во слѣдъ проворно
За легкой юностью ушла.
Вокругъ все стало тише, тише,
Пустыннѣй, и теперь чуть-чуть
Надежды лучъ мерцаетъ, свыше
Ложась на мой туманный путь.

Подъ всемертвящимъ жизни хладомъ
Кто-жъ нынѣ утѣшитель мой?
Кто въ даль идетъ со мною рядомъ,
Ведя меня туда—домой?

Ты, жизни высшая отрада
Средь трудныхъ ношъ и горькихъ золъ,
О дружба, ты, кого измлада
Искалъ, искалъ я—и нашелъ!

И ты, о трудъ, отъ треволненья
Хранящій мой безбурный путь,
Творящій тихо, но творенья
Не разрушающій отнюдь,
Кладущій въ вѣчный строй природы
Хоть по песчинкѣ вновь и вновь,
Но все-жъ вносящій дни и годы
Въ платежъ за тяжкій долгъ вѣковъ!

15. **Орестъ Головнинъ** (Проф. *Р. Ѳ. Брандтъ*). Идеалы. «Переложенія О. Головнина». Переводъ очень точный, но шероховатый.

16. **Д Павловъ.** Идеалы изъ Шиллера. «Русское Обозрѣніе» 1891 № 4.

17. **Голованновъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

18. **Ин. Д. Цертелевъ.** Идеалы, изъ Шиллера, «Русскій Вѣстникъ» 1899, 1.

Разстаться хочешь ты со мною,
Увлечь всѣ милыя мечты
И скорбь, и радость за собою
Безжалостно уносишь ты.
О жизни время золотое!
Ужель тебя не удержать?
Волну катишь ты за волною,
Чтобъ въ вѣчномъ морѣ утопать.

Погасло солнце, что, бывало,
Такъ ярко озаряло путь,
И чудный отблескъ идеала
Не жжетъ и не волнуетъ грудь!
Исчезли дивныя видѣнья—
Созданья пламенной мечты,
Поблекли отъ прикосновенья
Вседневной грубой суеты.

Какъ въ статую свои желанья
Пигмаліонъ хотѣлъ вдохнуть,
И искра вспыхнула сознанья,
Дрогнула каменная грудь:
Такъ прежде полнъ огня и свѣта
Я всю природу могъ обнять,
Пока огнемъ моимъ согрѣта
Она не начала дышать.

На пламя страсти отвѣчая,
Нѣмая стала говорить
И, поцѣлуи отдавая,
Восторгъ любви моей дѣлить.
Вдругъ ожили деревья, розы,
Гремучій ключъ мнѣ пѣсни пѣлъ,
И жизнь мою, мечты и грезы
Бездушный міръ дѣлить умѣлъ.

Вселенную была готова
Вмѣстить трепещущая грудь,
И жизнь въ картину, въ звукъ и въ слово
Она могла тогда вдохнуть.
А жизнь такъ много обѣщала,
Казалось, столько суждено,
Но расцвѣло—увы!—такъ мало
И то такъ мелко и блѣдно.

Какъ съ горъ едва журча сбѣгаетъ
По склону тихій свѣтлый ключъ,
Но дальше берегъ заливаетъ,
Бурливъ, и грозенъ, и могучъ,
И загражданъ путь напрасно
Каменья, лѣсъ, обломки скалъ:
Все въ море увлекаетъ властно
Шумя и пѣнясь грозный валъ.

Такъ мчалась юность безъ усилья,
Узды еще не зная бѣдъ,
Мечта ей придавала крылья:
То былъ волшебно-смѣлый бредъ.
Гдѣ звѣздъ лучи едва мерцали,
Туда рвалась она впередъ,
И выси не было, ни дали,
Чтобъ не достигъ ея полетъ.

Какъ быстро жизни колесница
Стезей волшебною неслась!
За ней играя вереница
Веселыхъ спутниковъ гналась:
Живой любви очарованье,
И счастье съ золотымъ вѣнцомъ,
И славы звѣздное сіянье,
И правда съ солнечнымъ лучомъ.

Но другъ за другомъ измѣнили
Исчезли всѣ на полпути,
И тамъ, гдѣ ярко такъ свѣтили,
Теперь слѣда ихъ не найти.
Какъ быстро счастье промелькнуло,
А жажда знанья все томитъ...
Сомнѣнья туча затянула
Небесной правды свѣтлый видъ.

Величье славы исчезало
При мнѣ, опошлено толпой,
Любовь такъ быстро отцвѣтала
За краткой пышною весной....
Все становилось тише, тише
Средь этихъ мрачныхъ горныхъ кручъ,
И дальше все мерцалъ и выше
Надежды блѣдный робкій лучъ.

Бѣжали шумныя видѣнья...
А кто теперь еще со мной?
И кто мнѣ будетъ утѣшенье
До мрачной сѣни гробовой?
Ты, дружба, съ нѣжною рукою,
Цѣлитель жизни ранъ и золъ,
Ты бремя понесешь со мною;
Тебя искалъ я и нашелъ.

И ты—души успокоенье.
Работа долгихъ, тихихъ лѣтъ,
Пусть медленно твое движенье,
За то въ немъ разрушенья нѣтъ.
Хоть въ вѣчномъ строѣ созиданья
Ты лишь песчинки принесешь,
Но въ тяжкомъ долгѣ міросданья
Минуты, дни, года сотрешь.

КУПЕЦЪ.

(1795).

Основная идея этого культурно-историческаго стихотворенія: торговля была носителемъ культуры, вмѣстѣ съ матеріальными «богатствами» она несла и духовное «добро». *Сидонскіе* люди—купцы изъ Сидона, финикійскаго торговаго порта. *Олово* добывалось въ древности на сѣверѣ Европы, на Бри-

танскихъ островахъ, *янтарь*—на побережьи Нѣмецкаго моря.

1. **Н. Гербель.** (Купецъ). Шиллеръ въ изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лир. стихотв. Шиллера. М. 1899.
3. **В. С. Лихачовъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ПРОЗЕЛИТИЗМУ.

(1795).

Въ оригиналѣ: *Дѣлающимъ прозелитовъ*, т. е. обращающимъ въ свою вѣру. Для того, чтобы усвоить чужое міровоззрѣніе, надо разстаться съ своей личностью, что такъ же невозможно для человѣка, какъ найти точку опоры внѣ земли.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Прозелитамъ, изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ изд. Гербеля. Здѣсь печатается съ измѣненіемъ невѣрнаго заглавія.
2. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ВЕЧЕРЪ.

(1795).

Одна изъ очень немногихъ попытокъ Шиллера воспользоваться классическими стихотворными формами, безъ риемы, дѣятельно обсуждавшаяся его друзьями со стороны формы. Гумбольдту, по совѣту котораго Шиллеръ избралъ эту форму, нравилось и содержаніе,—простой и чистый тонъ, рельефность изображенія и т. п. Въ оригиналѣ стихотвореніе имѣетъ подзаглавіе: «По одной картинѣ», но кажется, въ дѣйствительности такой картины не было.

Ѳетида (Thetis)—въ прежнихъ нѣмецкихъ изданіяхъ, а за ними и въ переводѣ Фета по ошибкѣ вмѣсто Тефида (Tethys), нимфа, жена Океана; здѣсь Шиллеръ слѣдовалъ Овидію (Met. II, 68); по миѳологіи-же возлюбленной Феба была не Тефида, а ея дочь Климена.

1. **С. Шевыревъ.** (Вечеръ, изъ Шиллера). «Сѣверные цвѣты», 1826.

Скройся, богъ свѣта! Нивы желаютъ
Влаги прохладной; смертный унылъ;
Медленно идутъ томные кони:
Скройся, богъ свѣта, въ струяхъ!

—

Зри, кто изъ моря въ волны кристальныя
Съ милой улыбкой друга манитъ!
Быстро помчались грозные кони
Въ царство богини морей!

—

Къ персямъ прекрасной Фебъ наклонился;
Правитъ браздами юный Амуръ;
Богу послушны гордые кони,
Плещутся рѣзво въ струяхъ.

Ольга Николаевна ЧЮМИНА.

Съ звѣзднаго неба легкой стопою
Ночь прилетѣла, съ нею любовь.
Фебъ почиваетъ въ нѣгѣ роскошной;
Спите въ объятьяхъ любви!

2. **Анонимъ.** (Вечеръ, изъ Шиллера). «Вѣнокъ Граціи» 1829, переводъ мѣстами очень неточный, но вполнѣ литературный.
3. **К. Аксаковъ.** (Вечеръ, изъ Шиллера). «Московск. Наблюдатель», 1839, т. I. Переводъ очень точенъ.

Опустись, блистающій богъ! ужъ жаждутъ долины
Росы освѣжительной, и человѣкъ утомился,
Медленно движутся кони,—
Опусти колесницу свою!

Посмотри, кто изъ волнъ кристальнаго моря
Манитъ съ улыбкой тебя? Узнало-ли сердце?
Быстрые кони несутся—
Ѳетида манитъ изъ волнъ!

Быстро въ объятія къ ней ѣздокъ съ колесницы
Прыгаетъ; коней подъ уздцы беретъ Купидонъ:
Остановились кони,
Волны прохладныя пьютъ.

Неслышными на небо всходитъ шагами
Ночь благовонная; тихо, слѣдомъ за ней
Любовь. Покойтесь, любите!—
Покоится любящій Фебъ!

4. **А. Фетъ.** (Вечеръ, изъ Шиллера). «Лирическій Пантеонъ» 1840, и въ позднѣйшихъ изд. стихотв. Фета.

5. **Л. Мей.** (Вечеръ, изъ Шиллера). Москвитянинъ» 1849, ч. III, № 11, въ «Стихотвореніяхъ Мея» 1857 и позднѣе.

Богъ лучезарный, спустись!—жаждутъ долины
Вновь освѣжиться росой; люди томятся;
Медлятъ усталые кони,
Спустись въ золотой колесницѣ!

Кто, посмотри, тамъ манитъ изъ свѣтлаго моря
Милой улыбкой тебя! Узнало ли сердце?
Кони помчались быстрѣе:
Манитъ Ѳетида тебя.

Быстро въ объятія къ ней, возжи покинувъ,
Спрянулъ возничій; Эротъ держитъ за узды,
Будто вкопаны кони
Пьютъ прохладную влагу.

Ночь по своду небесъ, прохладно вѣя,
Легкой стопою идетъ съ подругой любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Фебъ влюбленный почилъ.

6. **А. Яхонтовъ.** (Вечеръ, изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изъ Гербеля.

Богъ лучезарный,спустися!Цвѣты ароматные жаждутъ
Животворящей росы; человѣкъ изнемогъ, обезсилѣлъ...
Кони влекутъ тебя тише,—
Долу направь колесницу свою.

О, погляди, кто тебя изъ пучинъ кристальнаго моря
Манитъ съ любовной улыбкой? Узнало-ль ее твое сердце?
Кони помчались быстрѣе:
Манитъ Ѳетида ихъ, дщерь божества.

Мигъ—и съ воздушной своей колесницы, въ объятья богини,
Свѣтлый бросается вождь; за бразды же любовь ухватилась,
Тихо усталые кони
Радостно влагу прохладную пьютъ.

Вотъ ужъ по синему небу идетъ, подымается тихо
Влажная ночь, а за ней и любовь поспѣшаетъ,
Смертный! люби и покойся:
Фебъ отдыхаетъ на лонѣ любви!

7. **А. Струговщиковъ.** (Закатъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля. Переводъ очень литературный, но слишкомъ вольный и сокращенный.

Выжжена зноемъ поляна;
Люди томятся и жаждутъ;
Сойди съ колесницы,
Богъ лучезарный, сойди!

Феба встрѣчаетъ Ѳетида;
Возжи въ рукахъ Купидона...
Усталые кони
Тонутъ въ студеныхъ волнахъ.

Ночь невидимкой нисходитъ,
Съ нею любовь и блаженство.
Любите, покойтесь!
Любящій Фебъ опочилъ.

8. **М. С.** (Вечеръ, изъ Шиллера). «Рус. Вѣст.» 1898, № 12.

9. **Голововъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

МЕТАФИЗИКЪ.

(1795).

Направлено главнымъ образомъ, по мнѣнію Гоффмейстера, противъ Фихте, но, очевидно, примѣнимо ко всѣмъ творцамъ трансцедентальныхъ философскихъ системъ, которые, воздвигнувъ свое фантастическое сооруженіе, отрѣшенное отъ дѣйствительности, гордо взирали съ этой поддѣльной высоты на дѣйствительный міръ. Въ переводѣ Ѳ. Миллера послѣдній стихъ переданъ по Дюнцеру: «Затѣмъ-ли тутъ она, чтобъ свысока на міръ смотрѣть тебѣ нужна»; въ оригиналѣ: «на что тебѣ нужны безплодныя высоты твоей башни, какъ не на то, чтобъ съ нихъ смотрѣть въ долину?» - что совершенно мѣняетъ смыслъ.—«Гансъ-метафизикусъ»—слѣдовало-бы «Иванушка-метафизикъ», такъ какъ употреблено здѣсь по аналогіи съ Hans-Narr—«Иванушка-дурачекъ».

КОЛУМБЪ.

(1795).

Великолѣпное и могучее изображеніе непреодолимой силы разума,—одна изъ глубочайшихъ и характернѣйшихъ основъ міровоззрѣнія Шиллера. Еще въ 1786 г. въ философскихъ письмахъ Юлія къ Рафаэлю онъ говорилъ: «Вѣря въ безошибочность своего разсчета, вступаетъ Колумбъ въ опасный споръ съ невѣдомымъ моремъ, чтобы присоединить новое полушаріе къ уже извѣстному, чтобы найти великій островъ Атлантиду, который долженъ заполнить пустоту на его картѣ. Онъ нашелъ этотъ островъ своихъ чертежей, и его разсчетъ оказался вѣрнымъ. Но развѣ онъ былъ бы менѣе вѣренъ, если бы буря разбила корабли Колумба или вернула ихъ обратно на родину?» Упоминая въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о «Колумбѣ», В. Гумбольдтъ говоритъ: «Эта вѣра въ силу разума, невидимую для человѣка, это возвышенное и глубоко вѣрное воззрѣніе, что между нею и другою силой, правящей и руководящей міромъ, есть внутренняя тайная связь, ибо всякая истина можетъ быть лишь отблескомъ извѣчной, первичной истины—черта, весьма характерная для міровоззрѣнія Шиллера. Ей соотвѣтствовала та настойчивость, съ которой онъ преслѣдовалъ разрѣшеніе каждой интеллектуальной задачи, до тѣхъ поръ пока она не будетъ рѣшена». Любопытно также замѣчаніе Шиллера (въ «Осадѣ Антверпена») о «геніальномъ инстинктѣ, съ счастливой легкостью ведущемъ великаго человѣка по путямъ, на которые малые и не вступаютъ; этотъ инстинктъ

и возвысилъ герцога Пармскаго надъ всѣми сомнѣніями, противопоставленными ему холодными, но ограниченными познаніями».

1. **Г. Перетцъ.** (Коломбъ). «Маякъ» 1840, т. III, ч. 12, очень плохое подражаніе (безъ указанія источника), совершенно искажающее бодрую вѣру Шиллера въ силу разума

2. **П. Б-чъ.** (Колумбъ, изъ Шиллера). «Литературная Газета» 1845, № 49, переведено довольно точно.

Неустрашимый пловецъ, плыви! Корабельщики могутъ
Надъ тобою ругаться, тебѣ угрожать;
Ты же все къ западу! Тамъ ты достигнешь желаннаго брега!
Ясно онъ виденъ, доступенъ мысли твоей:
Вверься ведущему Богу, предайся волнамъ океана;
Если твой берегъ еще не явился, немного терпѣнья;
Скоро онъ выступитъ, въ дивномъ сіяньи, изъ плещущихъ волнъ;
Съ геніемъ въ вѣчномъ союзѣ всѣ силы могучей природы:
Что одинъ обѣщаетъ, исполнитъ навѣрно другая.

3. **А. Струговщиковъ.** (Колумбъ, изъ Шиллера) въ «Стихотвореніяхъ А. Струговщикова» 1845; недостаточно точно переведено:

Дальше, отважный пловецъ! Угроза надъ мужемъ безсильна!
Кормчій ли духомъ упалъ, кормчаго смѣнишь собой!
Дальше, все дальше на Западъ! Тамъ материкъ достовѣрно!
Разуму онъ твоему ясенъ, какъ свѣточъ въ ночи.
Вѣрую въ твой материкъ! И не будь на указанномъ мѣстѣ,
Онъ изъ пучины бы всталъ, всплылъ бы надъ бездной морской.
Такъ! человѣческій геній съ Промысломъ въ тѣсномъ союзѣ:
Что предположитъ одинъ, то оправдаетъ другой!

4. **М. Михайловъ.** (Колумбъ, изъ Шиллера). «Отечеств. Записки» 1854, т. XCII и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

5. **Ѳ. Тютчевъ.** (Колумбъ) «Современникъ» 1854, т. XLIV, и въ отд. изд. стихотвореній Тютчева. При стихотвореніи имя Шиллера не названо и, пожалуй, это правильно, потому что подражаніе довольно отдаленное, хотя основная мысль въ концѣ стихотворенія вполнѣ сохранена.

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ,
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло
И довершившій, наконецъ,
Судебъ неконченное дѣло.
Ты завѣсу расторгъ всесильною рукой—
И новый міръ, новѣдомый, нежданный
Изъ безпредѣльности туманной
На божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
Такъ связанъ, соединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.
Скажи завѣтное онъ слово—
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

6. **М. Дмитріевъ.** (Колумбъ, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ» 1857, т. I. 235 и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865, т. II.

Плаватель смѣлый, лети! Пускай надсмѣхается злоба
Пусть утомленной рукой кормчій поникнетъ на руль!
Далѣ и далѣ на западъ!—Тамъ вѣрно откроется берегъ,
Видишь же ясно его—ты, созерцая умомъ!
Вѣруй ведущему Богу и слѣдуй безмолвному морю!
Если и нѣтъ тамъ земли, встанетъ мгновенно изъ волнъ!
Съ геніемъ матерь природа въ вѣчномъ и вѣрномъ союзѣ.
Если что онъ обѣщалъ, вѣрно она сосвершитъ!

7. **Б. Алмазовъ.** (Колумбъ, изъ Шиллера). «Русскій Вѣстникъ» 1862, № 6, и въ «Собр. Сочиненій» т. I. Очень вольный переводъ, особенно въ концѣ.

Съ Богомъ, отважный пловецъ! Пусть раздаются насмѣшки!
Пусть изъ усталой руки руль непокорный скользитъ!
Смѣло на западъ плыви: берегъ тамъ узришь желанный...
Ты ужъ заразилъ его разумомъ вѣщимъ своимъ!
Вверься десницѣ Творца, въ путь тебя мощно подвигшей—
Геній съ природой, повѣрь, будутъ всегда заодно:
Все, что предрекъ онъ толпѣ, строго исполнитъ природа.
Выдать дерзнетъ ли она черни любимца небесъ:
Ежели берега нѣтъ—тамъ, гдѣ обѣщанъ онъ міру,—
Чудомъ воспріиметъ онъ самъ вдругъ изъ пучины морской.

8. **Н. Голововановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ.

(1795).

Шиллеръ всегда преклонялся предъ нравственнымъ характеромъ женщины. Еще въ 1788 г. въ письмѣ къ Лоттѣ онъ говорилъ: «Мнѣ вообще кажется—и это, быть можетъ, эгоизмъ мужчины—мнѣ кажется, что роль женщинъ въ человѣческой жизни есть роль милаго, ласковаго солнца; онѣ услаждаютъ свою и нашу жизнь своими лучами. Отъ *насъ*—бури и снѣга, дожди и вѣтра; *ихъ* полъ разсѣиваетъ тучи, которыя мы собираемъ на землѣ, разогрѣваетъ снѣга и возвращаетъ міру молодость. Вы знаете, какъ я преклоняюсь предъ солнцемъ; стало быть мое сравненіе есть лучшее, что я могъ сказать о вашемъ полѣ, и я сдѣлалъ это на счетъ моего». Пять лѣтъ счастливой супружеской жизни дали возможность еще глубже вникнуть въ положительныя стороны женской натуры, результатомъ чего и былъ этотъ восторженный панегирикъ; разумѣется—какъ всегда у Шиллера—лично пережитое и перечувствованное облечено у него въ строго объективную форму. Русскому читателю бросается въ глаза ограниченность этого стараго идеала женщины, идеала, который можно назвать нѣмецкимъ по преимуществу. Стихотвореніе, пересланное Рейхардту для того, чтобы положить его на музыку, и Гумбольдту для помѣщенія въ Альманахѣ музъ», произвело на послѣдняго и его жену самое пріятное впечатлѣніе. «Я испыталъ—пишетъ поэту Гумбольдтъ—невыразимое чувство, встрѣтивъ въ столь превосходномъ и соотвѣтственномъ выраженіи мысли, которыя меня такъ часто занимали и которыя тѣснѣе связаны со всѣмъ моимъ существомъ, чѣмъ вы, быть можетъ, замѣтили. То, что мы такъ себѣ думаемъ и излагаемъ въ прозѣ,—это, вѣдь, одни пустые разговоры, нѣчто мертвое и безсильное, въ лучшемъ

случаѣ—неопредѣленное и недодѣланное; законченность, жизнь, самостоятельную организацію получаетъ оно лишь въ устахъ поэта; никогда я этого не чувствовалъ въ такой степени, какъ теперь—говоритъ Гумбольдтъ, только что напечатавшій въ «Ноген» статью «О мужской и женской формѣ». Г-жа Гумбольдтъ предложила поэту, чтобы онъ въ заключеніе повторилъ вступительную строфу,—и мысль эта понравилась Шиллеру, но онъ отказался отъ нея, такъ какъ тогда пришлось бы повторить двѣ строфы одинаковаго строенія, а между тѣмъ эффектъ стихотворенія покоится между прочимъ, на томъ, что въ немъ чередуются разныя строфы: стремительные трохеи хорошо выражаютъ силу мужского характера, плавныя дактилическія строфы, начинающіяся съ слова *но* (подробность, утерянная во всѣхъ русскихъ переводахъ), соотвѣтствуютъ мягкости женской натуры. Все стихотвореніе—черта, характерная для Шиллера—построено на противоположеніяхъ. Въ первоначальномъ видѣ стихотвореніе состояло изъ 17 строфъ, изъ которыхъ впослѣдствіи осталось всего восемь, быть можетъ подъ вліяніемъ насмѣшекъ Ф. Шлегеля, что это разсужденіе, а не поэзія, и что стихотвореніе выиграетъ, если его читать по строфамъ съ конца. Шиллеръ отвѣтилъ въ «Ксеніяхъ»:

«Прямо читать стихи не годится: ужъ лучше я стану
Задомъ читать напередъ: это полезно стихамъ».

Строфа 4. *Гидрой стоголовой* см. въ словарѣ. Стр. 6. *Эоловы струны* см. тамъ-же. Стр. 7. *Скиѳъ надъ персомъ побѣдитель*; собственно, скиѳы никогда не побѣждали персовъ, но Геродотъ разсказываетъ объ одномъ ихъ вторженіи въ Мидію. *Фуріи*—(въ оригиналѣ *Эрисъ*—богиня раздора) и *Хариты*—см. въ словарѣ.

1. ***. (Достоинство женщины). Телескопъ» 1831, т. II, 351. Въ общемъ, переведено довольно точно.

Женщинамъ почесть! Подруги, вплетая
Въ терніи жизни сей розаны рая,
Цѣпи любви намъ волшебницы ткутъ.
Граціи сами, подъ дымкой покрова,
Въ женской груди, отъ дыханья мірского,
Чувствъ благородныхъ огонь стерегутъ.

Вѣчно изъ предѣловъ рвется
Сила дикая мужчинъ;
Мысль мятежная несется
По волнамъ морскихъ пучинъ.
Алчно будущее ловитъ,
Сердце жаждетъ суеты;
Выше звѣздъ далекихъ гонитъ
Вѣчныхъ замысловъ мечты.

Женщина вдругъ бѣглеца своимъ взглядомъ
Манитъ назадъ къ настоящимъ отрадамъ.
Путь ему кажетъ въ родимый свой бытъ,
Въ тихой свѣтлицѣ текутъ ея годы;
Вѣрная дочь простодушной природы,
Матери свято преданье хранитъ.

Гибеленъ порывъ мужчины,
Разрушая жизни пиръ,
Черезъ горы и долины,
Какъ гроза, проходитъ міръ.
Въ мигъ создастъ и въ мигъ разрушитъ;
Гидра внутренность грызетъ;
За мечтой мечту онъ душитъ,
За главой глава растетъ.

Женская участь—покой наслажденья;
Рвутъ налету онѣ розу мгновенья,
Бережно холятъ цвѣточекъ небесъ.
Меньше имъ рабства въ подданствѣ вѣчномъ;
Больше сокровищъ въ познаньи сердечномъ,
Чѣмъ въ повсемірномъ кругу нашихъ грезъ.

Самобытна грудь мужская:
Вѣчно гордость въ ней живетъ.
Сердцемъ сердце прижимая,
Всей любви онъ не пойметъ
Душъ обмѣна онъ не знаетъ;
Не растаетъ онъ въ слезахъ:
Пуще скорбь ожесточаетъ
Закаленный духъ въ борьбахъ.

Вѣтеръ чуть тронетъ крыломъ произвола—
Звукъ содроганія на арфѣ Эола:
Такъ и вліянья надъ женской душой.
Нѣжной тревогой при видѣ страданья,
Грудь всколыхалась, какъ волнъ колыханье...
Очи трепещутъ небесной росой.

Тамъ, гдѣ духъ мужчинъ враждуетъ—
Право сильнаго царемъ:
Скиѳъ мечемъ права межуетъ,
Персъ влачитъ всю жизнь рабомъ.
Ярость вихремъ землю роетъ;
Океанъ страстей шумитъ—
И вражда въ пожарахъ воетъ
Тамъ, гдѣ кроткихъ нѣтъ Харитъ.

Женщина—лаской, мольбой и привѣтомъ—
Скиптръ благонравія держитъ надъ свѣтомъ;
Гаситъ пылавшій раздоръ надъ землей,
Силы враждебныя, алчныя крови,
Учитъ объятіямъ братской любови,
Сводитъ заклявшихся вѣчной враждой.

2. **А. Струговщиковъ** (Женщину чтите, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 184*. Вольно переведены только строфы, прославляющія женщину.

Женщину чтите! она озаряетъ
Свѣтомъ отраднымъ земные пути;
Граціи дщерь, она розой любви
Насъ на земное блаженство вѣнчаетъ;
Нѣжить и холитъ румяной рукой
Чувство прекраснаго даръ золотой.

—

Любитъ она добродѣтель святую
Въ славу невѣрную вѣры неймѣтъ,
Сердцемъ она въ настоящемъ живетъ,
Сердцемъ питаетъ надежду благую:
Надъ колыбелью младенца она
Теплыхъ молитвъ и любови полна.

—

Неодолимо чарующимъ словомъ
Женщина мужа наводитъ на слѣдъ
Болѣе вѣрный и кротъ отъ бѣдъ
Уединенья надежнымъ покровомъ:
Къ жизни смиренной, къ труду безъ потерь,
Мать пріучила любимую дщерь.

—

Въ домѣ святыню она водворяетъ,
И золотой бережливости плодъ
Въ жертву случайной бѣдѣ отдаетъ;
Грянетъ несчастье—она собираетъ
Крохи и бремя житейскихъ заботъ,
Къ долѣ убогой, покорно несетъ.

—

И какъ весной, дуновеньемъ зефира,
Арфа Эолова въ звукахъ дрожитъ,
Такъ въ упоеньяхъ любови звучитъ
Женскаго сердца согласная лира:
Грудь поднялась и, какъ ландышъ росой,
Очи одѣлись жемчужной слезой.

3. **Анонимъ.** Достоинство женщины. Переводъ стихотворенія Шиллера «Die Würde der Frauen». Спб. 1852.

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера М. 1899.

5. **О. Н. Чюмина.** Переведено для настоящаго изданія

ПРОЩАНІЕ ПѢВЦА.

(1795).

Въ «Альманахѣ музъ» на 1796 г. носило названіе «Стансы къ читателю», затѣмъ «Прощаніе съ читателемъ». Размѣръ октавы выбранъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ совѣта Гумбольдта, желавшаго, чтобы Шиллеръ испробовалъ всѣ стихотворныя формы. Стихотвореніе должно было служить заключеніемъ альманаха, но - по своей излишней скромности—совсѣмъ не годилось, по мнѣнію комментаторовъ, для заключенія перваго собранія стихотвореній самого Шиллера, всегда утверждавшаго, что геній, скромный и стыдливый по своей природѣ, заботится очень мало о мнѣніи публики за исключеніемъ немногихъ избранниковъ.]

1. **Н. Гербель.** (Прощаніе съ читателемъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. **В. Острогорскій.** Прощаніе пѣвца, мотивъ изъ Шиллера («Привѣтъ. Художественно-литературный сборникъ»). Спб. 1898.

3. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера.

4. **Allegro.** (*Поликсена Соловьева*). Переведено для настоящаго изданія.

ИДЕАЛЫ И ЖИЗНЬ.

(1795).

Какое значеніе придавалъ самъ Шиллеръ этому замѣчательному стихотворенію, одному изъ наиболѣе глубокихъ и извѣстныхъ и наименѣе ясныхъ его произведеній — видно изъ его письма къ Гумбольдту: «Получивъ это письмо, любезный другъ, удалите отъ себя все мірское и въ священной тишинѣ прочитайте это стихотвореніе. Прочитавъ его, запритесь вмѣстѣ съ вашей женой и прочтите его ей вслухъ. Мнѣ жаль, что я не могу сдѣлать это самъ, и, если бы вы были здѣсь, я бы это вамъ не уступилъ. Сознаюсь, я очень доволенъ собой и, если я заслужилъ то хорошее мнѣніе, которое вы имѣете обо мнѣ, то эта работа, дѣйствительно, даетъ мнѣ право на это. Тѣмъ строже, однако, должна быть ваша критика. Противъ нѣкоторыхъ выраженій можно возразить кое-что и, конечно, кто-нибудь, кромѣ насъ съ вами, могъ бы пожелать большей ясности. Но я измѣню лишь то, что *вамъ* покажется темнымъ; не для ничтожныхъ предназначенъ мой трудъ... Несомнѣнно, опредѣленность понятій весьма полезна для работы воображенія. Если бы я не прошелъ тяжелаго пути чрезъ мою эстетику, я никогда не могъ бы достигнуть въ обработкѣ столь труднаго предмета той ясности и легкости, какую имѣетъ это стихотвореніе».

Стихотвореніе казалось поэту настолько яснымъ, что онъ, самъ пройдя трудный путь эстетики, не считалъ необходимымъ этотъ путь для читателя «Идеаловъ и жизни», и когда Кернеръ выразилъ мнѣніе, что для пониманія этого произведенія необходимо предварительное знакомство съ «Письмами объ эстетическомъ воспитаніи», поэтъ отвѣчалъ: «Не могу съ тобой согласиться, будто ключомъ къ стихотворенію должна служить моя система прекраснаго; оно, конечно, въ связи съ моими взглядами, но въ общемъ основано на ходячихъ понятіяхъ». Таковыми являлись, по мнѣнію поэта, «понятіе самодовлѣющаго интереса къ чистому художественному образу безъ всякаго физическаго или нравственнаго результата, понятіе полнаго отсутствія ограничительныхъ условій и безконечной способности воспріятія въ человѣкѣ, подвергающемся дѣйствію красоты и т. п.». Однако, едва ли возможно понять глубоко-философское стихотвореніе, тѣсно связанное съ цѣлой эстетической системой безъ знакомства съ нею. «Идеалы и жизнь»—по удачному выраженію Гоффмейстера—«вѣнецъ *Писемъ объ эстетическомъ воспитаніи*. Эстетическій міръ «видимости», «игры» и «чистыхъ формъ», развернутый предъ нами въ концѣ этого сочиненія, предстаетъ здѣсь предъ нами въ полной ясности,—поскольку это вообще возможно. *Человѣкъ лишь тамъ есть вполнѣ человѣкъ, гдѣонъ играетъ:* такова тема этого удивительнаго, единственнаго стихотворенія, гдѣ каждая строка, каждый эпитетъ покоится на метафизической основѣ».

Для пониманія этой метафизической основы, дѣйствительно, необходимо знакомство съ эстетическими и философскими сочиненіями Шиллера, къ которымъ, равно какъ къ вступительной къ нимъ статьѣ Э. Л. Радлова, мы отсылаемъ читателя. Здѣсь же ограничиваемся краткими необходимыми свѣдѣніями.

Стараясь примирить нравственное и прекрасное, какъ бы разъединенное въ философіи Канта, Шиллеръ доказывалъ, что красота есть условіе истинной свободы, что въ такъ называемомъ эстетическомъ созерцаніи мы имѣемъ соединеніе мышленія и ощущенія, міра разума и чувственнаго міра, желанія и долга, формы и матеріи. Въ человѣкѣ, говорится въ «Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи», царятъ два стремленія: *матеріальное*, исходящее изъ его чувственной природы, *и формальное*, исходящее изъ разума и производящее на человѣка освобождающее дѣйствіе. Оба эти стремленія соединяются въ третьемъ стремленіи – *къ игрѣ*. «Предметомъ стремленія матеріальнаго, если охватить его однимъ общимъ названіемъ, будетъ *жизнь* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова: понятіе, означающее всякое матер'альное бытіе и всякое непосредственное ощущеніе. Предметомъ стремленія формальнаго является *идея* въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова: понятіе, охватывающее всѣ формальныя свойства явленій и всѣ отношенія ихъ къ мысли. Предметомъ стремленія къ игрѣ является такимъ образомъ *оживотворенная идея*: понятіе, обозначающее всѣ эстетическія свойства явленій, однимъ словомъ, то, что можно въ обширнѣйшемъ смыслѣ назвать *красотой*». Этотъ высшій идеалъ и является предметомъ стихотворенія.

Первоначально (въ «Horen» 1795 г.) оно было длиннѣе на три строфы и носило названіе «Царство

тѣней», затѣмъ (въ первомъ собраніи стихотвореній) «Царство формъ», но такъ какъ оба эти названія вызывали недоразумѣнія (нѣкоторые думали, что поэтъ имѣетъ въ виду загробную жизнь), то оно было названо «Идеалы и жизнь».

Въ общемъ содержаніе его таково: жертва борьбы между удовлетвореніемъ матеріальнаго стремленія и исполненіемъ долга, человѣкъ имѣетъ лишь выборъ между чувственнымъ наслажденіемъ и душевнымъ покоемъ; то и другое было объединено лишь въ греческихъ богахъ. Но (строфа 2) возможно и для человѣка насладиться хоть временно блаженствомъ этой гармоніи и душевной свободы; надо только отказаться отъ грубыхъ наслажденій: они кончаются пресыщеніемъ и подчиняютъ насъ внѣшней силѣ; такъ было съ Прозерпиной, соблазнившейся запретнымъ плодомъ и за то оставшейся навѣки въ аду. Лишь тѣло подчинено (строфа 3) этой власти; духъ, идея, образъ свободенъ въ всемъ. Отрекись отъ земного—и въ царствѣ безтѣлесныхъ формъ (строфа 4) человѣкъ уже живетъ божественной жизнью. Но нельзя улетѣть мечтою въ этотъ чудный міръ навѣки (строфа 5): не затѣмъ долженъ человѣкъ стремиться къ нему, чтобы окончательно порвать съ трудами земной жизни, но для того, чтобы отдыхать здѣсь отъ нея. За этимъ общимъ вступленіемъ слѣдуютъ четыре примѣра противоположенія міра дѣйствительности и царства красоты и идеала, взятыхъ въ различныхъ сферахъ человѣческой жизни; каждому примѣру отведено по двѣ строфы, изъ которыхъ первая начинается словомъ *если* (въ переводѣ Миллера *когда*), вторая словомъ *но*. Въ жизни (строфа 6) царитъ вѣчная борьба; безпощадная и безконечная борьба, мѣшающая наслаждаться добытымъ, есть удѣлъ всякаго, кто стремится къ счастью или славѣ; лишь сильный покоряетъ судьбу, слабые падаютъ. Не то (строфа 7) въ тихой странѣ красоты, странѣ художественныхъ образовъ, гдѣ не волнуютъ человѣка успокоенные порывы, гдѣ исчезъ его врагъ. «*Смолкнутъ всѣ враждебныя стремленья*» значитъ: здѣсь примиряются несогласимыя въ жизни стремленія матеріальное, чувственное и формальное, духовное. Слѣдующій примѣръ относится къ области искусства. Въ жизни всякое творчество (строфа 8) есть тяжелая борьба художника и мыслителя съ матеріаломъ; но въ царствѣ воплощенной формы (строфа 9), то есть при созерцаніи готоваго произведенія искусства, чужого (толкованіе Беллермана) или своего (толкованіе Куно Фишера) или же при свободной игрѣ вымысла—образъ легко и свободно возникаетъ предъ ищущимъ взоромъ «*Кончена борьба*» перевода Миллера измѣняетъ смыслъ: здѣсь есть только побѣда, но не было борьбы—таково дивное свойство этого царства

ла; и мы не «предаемъ забвенью ограниченность людей», но въ этой побѣдѣ не видимъ ни слѣда этой «ограниченности» (Bedürftigkeit)—не въ смыслѣ глупости, но подчиненія связующимъ человѣка условіямъ. Третій примѣръ ведетъ насъ въ область нравственности. Никакая личная мораль (строфа 10) не можетъ устоять предъ натискомъ соблазна, если борьба съ нимъ ведется грубыми матеріальными средствами безъ руководства идеала. «Когда въ печальной наготѣ вашей человѣческой природы—гласитъ оригиналъ—вы стоите предъ величіемъ закона, когда и святой близокъ къ грѣху, пусть поблѣднѣетъ тогда ваша добродѣтель предъ свѣтомъ истины (то есть вы должны признать свою слабость и пораженіе), пусть бѣжитъ трусливо предъ идеаломъ посрамленное дѣяніе». — «Но убѣгите изъ оковъ чувственнаго въ свободу мысли»—говоритъ 11 строфа—и страхъ исчезъ и т. д. какъ въ переводѣ. «Съ твердостію мужа исчезаетъ и величіе боговъ», то есть, когда человѣкъ свободно и увѣренно признаетъ и исполняетъ поставленный надъ нимъ законъ, внѣшнее величіе, санкціонирующее велѣнія закона, уже не пугаетъ его и становится не нужно. Гумбольдтъ нѣсколько съуживалъ глубокое значеніе этихъ строфъ, когда толковалъ ихъ: «Когда человѣкъ развитой лишь въ нравственномъ отношеніи сравниваетъ необъятныя требованія закона съ предѣлами своей ограниченной силы, онъ повергается въ трепетное смущеніе. Но когда онъ въ то же время развитъ эстетически, когда идея красоты преобразила его внутренній міръ въ нѣчто высшее, такъ что гармонія уравновѣшиваетъ его стремленія, и то, что раньше представлялось ему долгомъ, становится добровольной склонностью и никакому сопротивленію нѣтъ мѣста». Четвертый и послѣдній примѣръ—быть можетъ, самый глубокій, захватываетъ вершины человѣческаго міровоззрѣнія. Міръ дѣйствительности (строфа 12) есть міръ скорби и *жалости*; здѣсь, предъ лицомъ чужихъ страданій долженъ побѣдить страшный голосъ природы, ланиты радости блѣднѣютъ, и священное сострадание должно погубить божественную природу въ человѣкѣ. Но (строфа 15) въ радостныхъ предѣлахъ чистыхъ формъ ужъ не бушуютъ бури горестей; здѣсь скорбь не терзаетъ души и не слезы проливаютъ надъ страданіемъ, но духъ стойко борется съ нимъ. Сладостно сверкаетъ здѣсь радостная лазурь покоя сквозь темную дымку грусти,—какъ радуга на грозовой тучѣ». Другими словами—словами поэта же: «въ царствѣ идеала при взглядѣ на страданіе (изображенное въ искусствѣ) наша душа можетъ быть окутана мягкой скорбью, но сквозь это покрывало сіяетъ веселая синева эстетической свободы духа,—какъ радуга, образованная каплями дождя». Стихотвореніе заканчивается могучимъ изображеніемъ возрожденія и обожествленія человѣка въ лицѣ Геркулеса. «Богиня юности благая»—Геба, разносившая олимпійцамъ нектаръ, сдѣлавшій безсмертнымъ и просвѣтленнаго Геркулеса; по Гезіоду, Геба была на Олимпѣ его женой.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Мечты и жизнь). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ГЕНІЙ.

(1789).

«Геній», стоящій въ заголовкѣ этого философскаго стихотворенія - (въ «Horen» 1795 г. носившаго названіе «Природа и школа») не есть геній художественный или научный, создатель новыхъ эстетическихъ формъ и обобщеній: это—геній нравственнаго творчества, тотъ ангелъ-хранитель, который вѣщаетъ не уму, а сердцу, и лучше руководитъ человѣкомъ, чѣмъ слова цеховой мудрости. Молодой другъ спрашиваетъ поэта, какую нравственную цѣнность имѣютъ научныя положенія, долженъ ли онъ руководиться ими, если голосъ сердца подчасъ говоритъ ему иное. Поэтъ отвѣчаетъ: прошло золотое время, когда достаточно было руководства естественнаго чувства для того, чтобы въ совершенствѣ исполнить свое назначеніе; теперь пути ведутъ чрезъ напряженное размышленіе о тайнахъ бытія. Лишь тотъ стоитъ внѣ этого всеобщаго за-

кона, кто одаренъ высшимъ даромъ глубочайшаго провидѣнія, не нуждающагося въ научныхъ познаніяхъ. Этотъ отвѣтъ казался Гумбольдту слишкомъ простымъ и неяснымъ. «Вѣроятно, это не входило въ ваши намѣренія—писалъ онъ Шиллеру—не то, я желалъ бы, чтобы вы развили основную идею поподробнѣе и остановились на вопросѣ, вѣроятна или только возможна продолжительность такого естественнаго состоянія безусловной невинности, чѣмъ она обезпечена, каково, собственно, назначеніе человѣка, какъ такового?» Шиллеръ отвѣчалъ: «То, что вы считаете не досказаннымъ въ этомъ стихотвореніи, было-бы, конечно, интересно для философа, но нарушило бы простоту его формы и его поэтическій характеръ. Рѣшеніе должно быть добыто не умомъ, а сердцемъ; соображеніе, что человѣкъ *вынужденъ* разстаться съ природой, не мѣшаетъ скорбѣть о потерѣ этой первобытной чистоты, а поэтъ этого и добивается». Но мыслитель не оставилъ вопроса, предложеннаго Гумбольдтомъ, безъ отвѣта; въ статьѣ «Нѣчто о первомъ человѣческомъ обществѣ» Шиллеръ показалъ, что считаетъ этотъ разрывъ человѣка съ инстинктомъ—разрывъ, внесшій въ мірозданіе первое нравственное зло, но лишь для того, чтобы водворить въ немъ нравственное добро—счастливѣйшимъ и величайшимъ событіемъ человѣческой исторіи. Поэтъ—говоритъ онъ—правъ, называя это *паденіемъ*, ибо человѣкъ сдѣлался изъ невиннаго созданія грѣховнымъ, изъ совершеннаго дитяти природы несовершеннымъ нравственнымъ существомъ, изъ счастливаго орудія несчастнымъ творцомъ; но философъ правъ, видя въ этомъ гигантскій шагъ человѣчества впередъ; ибо человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ раба инстинкта сдѣлался свободнымъ созданіемъ, изъ автомата нравственнымъ существомъ; этотъ шагъ былъ первой ступенью на лѣстницѣ, которая чрезъ много тысячелѣтій приведетъ его къ господству надъ собой.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Геній). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. **Н. Голововановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ЭГОИСТУ-ФИЛОСОФУ.

(1795).

Стихотвореніе счастливаго отца-поэта имѣетъ въ виду тѣхъ послѣдователей Канта, которые въ полномъ отрѣшеніи отъ всякихъ человѣческихъ привязанностей видѣли высшую ступень нравственности. Рѣзко противопоставивъ два руководящихъ начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ находится человѣкъ, нравственное ученіе Канта узаконило нѣкоторый своеобразный эгоизмъ. Оно учило, что природныя склонности и естественныя побужденія суть вѣчные внутренніе враги нравственности, захватывающіе волю, и такимъ образомъ набросило тѣнь на ощущенія и чувства, въ которыхъ спокойно можетъ признаться благороднѣйшій человѣкъ; оно побудило многихъ, вмѣсто стремленія примирить эти противуположныя начала, искать торжество божественной природы человѣка въ подавленіи его естественныхъ чувствъ и въ возможномъ ослабленіи узъ, связующихъ его съ природой. Шиллеръ былъ горячимъ противникомъ такихъ выводовъ изъ критической философіи. «Никогда разумъ не можетъ отвергнуть, какъ недостойныя себя, чувства, радостно признаваемыя сердцемъ. Если бы чувство было въ области морали всегда подавляемой, а не равноправной стороной, то какъ могло бы оно участвовать со всѣмъ пыломъ въ торжествѣ побѣды надъ собой», говорится въ статьѣ о «Прелести и достоинствѣ». Стихотвореніе переноситъ споръ на другую почву: вмѣсто доводовъ поэтъ прямо даетъ чудный образъ материнской любви и самопожертвованія, а затѣмъ указываетъ, что такою же цѣпью взаимной необходимости связано все мірозданіе, изъ котораго не можетъ вырвать себя отдѣльное существо.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Эгоисту-философу, изъ Шиллера). «Москвитянинъ». 1842, ч. II, № 3, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

2. **Н. Голововановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ПОКРЫТЫЙ ИСТУКАНЪ ВЪ САИСѢ.

(1795).

Основная мысль этого извѣстнаго стихотворенія, обыкновенно толкуемаго не такъ, какъ оно задумано Шиллеромъ, выражена вполнѣ ясно въ послѣднихъ двухъ стихахъ: «Горе тому, кто идетъ къ истинѣ путемъ преступленія: она никогда не будетъ ему радостью». «Какъ бы ни манила насъ истина, мы должны стремиться къ ней съ нравственнымъ самоопредѣленіемъ, и не пытаясь вырвать ее преждевременно, особенно если мы такимъ образомъ можемъ впасть въ конфликтъ съ закономъ нравственности,—говоритъ Фигофъ:—кто неотступно, но скромно стремится къ познанію, тому божество откроетъ всю истину, когда придетъ время; но кто пытается удовлетворить свое любопытство насильно и съ попраніемъ высшаго долга, того знаніе сдѣлаетъ такимъ же несчастнымъ, какъ Кассандру ея пророческій даръ. Въ основу стихотворенія Шиллера такимъ образомъ положена та же идея, которую воплотило народное міровоззрѣніе въ преданіи о докторѣ Фаустѣ и Библія въ разсказѣ о древѣ познанія добра и зла». Источникомъ послужило для поэта, вѣроятно, слѣдующее сообщеніе въ книгѣ «Древнѣйшія еврейскія мистеріи» Бр. Деціуса (1790), которой онъ пользовался въ своей статьѣ «Посланіе Моисея». «На одномъ древнемъ изваяніи Изиды—говорится здѣсь—были вырѣзаны слова: *Я то, что есть*, а на одной пирамидѣ въ Саисѣ нашли такую замѣчательную надпись: «*Я есмь все, что есть, что было и что будетъ*; *ни одинъ смертный не подымалъ моего покрывала*» и затѣмъ далѣе: «Внутри храма посвящаемый видѣлъ предъ собой различные священные сосуды, выражавшіе данный смыслъ. Среди нихъ находился священный ларецъ, который называли гробомъ бога Сераписа и который, сообразно своему происхожденію, быть можетъ, долженъ былъ служить символомъ тайной истины... Носить этотъ ларецъ было правомъ жрецовъ или особаго класса служителей святилища, которыхъ называли поэтому кистофорами (ящиконосцами) Никто кромѣ гіерофанта не смѣлъ открывать этотъ ларецъ или даже прикоснуться къ нему. Объ одномъ дерзновенномъ, позволившемъ себѣ это преступленіе, разсказывали, что онъ внезапно лишился разсудка». Называли даже имя этого несчастнаго; это былъ нѣкій Эврипилъ. Можно разно относиться къ основной мысли стихотворенія, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не цѣнить въ немъ удивительную силу поэтическаго изображенія, изо-

бражения, особенно въ мрачной сценѣ «преступленія». Переводъ М. Михайлова—одинъ изъ лучшихъ русскихъ переводовъ Шиллера удачно передаетъ его несравненныя красоты.

1. П***. (Закрытый истуканъ, изъ Шиллера). «Московскій Телеграфъ», 1826, ч. X. Переведено гекзаметромъ довольно точно, но чрезвычайно прозаично.

2. Э. Губеръ. (Закрытый истуканъ въ Саисѣ, изъ Шиллера). «Библіотека для чтенія» 1844, т. LXIII, и въ «Сочиненіяхъ Э. Губера» 1859, т. I, 218. Переведено гекзаметромъ, совсѣмъ не подходящимъ къ страстному тону стихотворенія.

Юноша, жаждой познаній влекомый въ Египетъ,
Въ храмъ Саискій пришелъ, у жрецовъ изучаться желая
Тайнамъ премудрости. Много онъ степеней быстро и скоро
Пылкимъ умомъ пролетѣлъ, но всегда испытующимъ духомъ
Рвался впередъ: іерофанты едва за нимъ успѣвали
Въ нетерпѣливомъ стремленьи: «что я знаю, скажите,
«Или и въ мудрости также найду я немного и много?
Или и мудрость земная, какъ сча тье неполно земное,
Есть собраніе познаній, которымъ и больше и меньше
Можемъ мы обладать, и всегда къ обладанью стремиться?
Развѣ мудрость не есть единое вѣчнаго духа?
Звукъ одинъ, одинъ уничтожитъ—и разрушитъ гармонію звуковъ;
Цвѣтъ единый изъ радуги вынь—и все остальное
Хаосъ нестройный, если прекрасное все не дополнить
Вновь полнотою небесной гармоніи, цвѣта и звука!»
Такъ говорилъ онъ съ жрецомъ, и въ храмъ отдаленный вступаетъ.
Тихо было въ храмѣ, и жадные юноши взоры
Вдругъ засверкали: предъ нимъ гигантскій, закрытъ покрываломъ,
Въ мракѣ стоитъ истуканъ. Въ изумленіи юноша пылкій.
Онъ вопрошаетъ вожатаго: «что это? что здѣсь закрыто?
—Истина—такъ іерофантъ отвѣчаетъ. «Что слышу? что внемлю?»
Юноша быстро воскликнулъ: «Истина! къ ней я стремлюся—
Здѣсь предо мною она, и ее отъ меня закрываютъ!»
—Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно—жрецъ отвѣчаетъ.
Смертный никто да не смѣетъ—изрекъ оракула голосъ—
Вскрыть покрывало, доколѣ я самъ его не открою.
Кто-жъ святотатской, преступной рукою посмѣетъ дотолѣ
Тайное вскрыть покрывало, безумной волей ведомый,
Тотъ - окончи скорѣе! Увидитъ истины образъ...
«Странный оракулъ! ты мнѣ повѣдай: ужели донынѣ,
Ты никогда не дерзнулъ поднять, открыть покрывало?»
Я никогда не дерзнулъ и помыслить, я смѣю-ль помыслить...
«Буду смѣлѣе тебя, и могу-ль удержаться? предо мною
Истина съ легкой завѣсой».—Но вспомни прещеніе Бога
Такъ возразилъ ему жрецъ—и помысли о, сынъ мой, помысли:
Если бременемъ легкимъ рукѣ твоей будетъ завѣса –
Тяжко на землю падаетъ преступленье божественной воли!—
Полный думы тяжелой, юноша въ домъ возвратился.
Жажда палящая знанія сонъ похищаетъ спокойный.
Она на одрѣ не находитъ покоя, горитъ нетерпѣньемъ..
Въ часъ полуночи оставилъ онъ одръ свой. Къ храму влечется
Робкимъ и косвеннымъ шагомъ, невольно робѣя во мракѣ,
Безъ затрудненія онъ переходитъ ограду храма.
И — въ середину храма заноситъ дерзкую ногу...
Свершилось!
Вотъ онъ одинъ, посреди, окруженный мертвымъ молчаньемъ,
Въ сумракѣ храма; все тихо вокругъ, только въ сводахъ высокихъ
Шорохъ шаговъ его вторится въ звукахъ глухихъ и неясныхъ,
Храма безмолвіе онъ нарушаетъ, и тихнетъ мгновенно.
Сверху сводовъ, въ окно свѣтитъ мѣсяцъ туманный, неясно,
Блѣднымъ лучемъ серебрится помостъ обширнаго храма,—
Ужасъ вселяя, какъ Богъ преступленія мститель, во мракѣ.
Длиннымъ закрытъ покрываломъ стоитъ истуканъ исполинскій,
Робкой стопой подошелъ къ нему юноша тихо; онъ хочетъ
Дерзкой рукой вопросить неиспытнаго страшную тайну;
Холодъ и ужасъ протекли по костямъ его — будто безвѣстной
Онъ отодвинутъ десницей—и съ трепетомъ вспять отступаетъ!
«Что ты дерзаешь? Куда, несчастный безумецъ?» Такъ громко
Тайный въ душѣ его голосъ ему вопіетъ—«не трепещешь
Ты испытать непостижимую тайну? Но вспомни глаголы,—
Рекъ ихъ оракулъ священный: смертный никто, да не смѣетъ
Вскрыть покрывала, пока я самъ покрывала не вскрою!»
«Но не тотъ-ли оракулъ прибавилъ глаголъ вдохновенный:
Если осмѣлится смертный—онъ истину узритъ? Довольно!—
О! что ни будетъ за сей занавѣсой—я вскрою, увижу!»
Громкимъ воскликнулъ онъ голосомъ: «*Видѣть* хочу я!» и—«*Видѣть*!»
Глухо отгрянуло въ сводахъ, и долго гулъ не утихнулъ...
Рекъ, приблизился смѣло, и — вскрылъ покрывало завѣта..
Что онъ увидѣлъ? вы спросите.—Что онъ нашелъ?—Я не знаю.
Слабый, безъ чувствъ, онъ найденъ былъ заутра въ храмѣ,
Близъ истукана Изиды, повергнутъ въ прахъ на помостѣ.
Что онъ видѣлъ? Что онъ нашелъ? Никому не повѣдалъ
Косный языкъ его. Онъ навсегда погубилъ свою младость:

Мрачный, погасшій, онъ скорбью увлекся къ раннему гробу.
«Горе,—такъ онъ изрекъ въ минуту кончины правдиво:—
Горе тому, кто мудрость купилъ преступленьемъ закона:
Онъ нерадостной, страшной, погибельной тайной владѣетъ...»

3. **М. Михайловъ.** (Истуканъ въ Саисѣ).

Переводъ имѣлъ двѣ редакціи: «первый изъ нихъ», говоритъ Гербель въ примѣчаніяхъ къ своему изд. Шиллера, былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ перваго изданія *Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ*, стр. 114». Впослѣдствіи, переводчикъ, не будучи доволенъ своимъ переложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ раннюю пору своей литературной дѣятельности, перевелъ балладу вновь. Послѣдній изъ нихъ напечатанъ въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 г.

Мы помѣстили переводъ въ послѣдней редакціи. Въ нѣкоторый упрекъ этому превосходнѣйшему переводу можно поставить только риему, которой нѣтъ въ подлинникѣ. Но это только упрекъ по отношенію къ точности, въ литературномъ отношеніи стихотвореніе только выиграло.

4. **А. Яхонтовъ.** («Статуя подъ покрываломъ въ Саисѣ», изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ» 1856, т. II, и въ «Стихотвореніяхъ» Яхонтова. Спб. 1884.

Былъ юноша, котораго влекла
Потребность знанья пылкая въ Египетъ.
Тамъ, въ Саисѣ, хотѣлъ онъ изучить
Его жрецовъ таинственную мудрость;
Ужъ многое постигнулъ быстро онъ,
Но жажда изысканій и науки
Влекла его все дальше, все впередъ:
Пытливаго едва смирялъ вожатый.
«Что я с в о и м ъ назвать могу, когда
«Н е в с е-м о е?» такъ говорилъ онъ. «Развѣ
«Есть въ знаніи средина иль ступень?
«Довольно ль мнѣ знать больше или меньше!
«А истина!—ужели и она,
«Какъ грубыхъ чувствъ земное наслажденье,
«Лишь сумма благъ, то мелкихъ то большихъ,
«Которою мы все же обладаемъ?
«Не есть ли истина всегда, вездѣ
«Одна и нераздѣльна? Изъ созвучья
«Попробуй взять хотя единый звукъ,
«Изъ радуги возьми хоть цвѣтъ единый –
«И ты ни съ чѣмъ останешься, пока
«Всѣ краски, всѣ разрозненные звуки
«Въ прекрасномъ цѣломъ не сольются вновь»!
Такъ говоря, въ ротондѣ одинокой
Они остановились, и тамъ
Взглядъ юноши внезапно поражаетъ
Размѣровъ исполинскихъ изваянье,
Подъ длиннымъ покрываломъ. Изумленъ,
Глядитъ онъ на вожатаго: «Скажи,
«Что кроется подъ этимъ покрываломъ?»
—То истина!—сказалъ вожатый. «Какъ!
«Я къ ней одной стремлюся,—и ее то,
«Одну ее скрываютъ отъ меня!»
— Такъ Божество рѣшило!—отвѣчаетъ
Іерофантъ:—изъ смертныхъ ни одинъ
Покрова не сорветъ,—оно сказало,—

Константинъ Михайловичъ ФОФАНОВЪ.

Пока его само не я сниму;
А если кто преступною рукою
Священную завѣсу приподнять
Дерзнулъ бы, тотъ, сказало божество...
«Что жь? говори!»—Тотъ истину увидитъ! -
«Неслыханный оракулъ! Но скажи,
«Ужель ты самъ поднять его не вздумалъ?
— Я? право нѣтъ! и даже никогда
Не покушался. «Это непонятно!
«Когда бъ меня отъ истины одна
«Ничтожная преграда отдѣляла...»
— А страхъ закона!—перебилъ его
Вожатый: О, повѣрь мнѣ, тяжелѣе,
Чѣмъ ты воображаешь, эта ткань;
Хоть для руки легка она, не спорю,
Но бременемъ на совѣсть упадетъ!
Раздумья полный, въ домъ свой возвратился
Смущенный юноша. Покоя, сна
Его потребность знанія лишаетъ;
Онъ мечется на ложѣ, весь въ огнѣ,
И въ полночь всталъ: къ оставленному храму
Его ведутъ невѣрные шаги.
На верхъ ограды взлѣзъ онъ безъ усилья,
Скачекъ отважный дѣло довершилъ,
И онъ—среди таинственной ротонды.
И мертвая, глухая тишина
Отвсюду одинокаго объемлетъ;
Лишь гулъ его прерывистыхъ шаговъ
Средь пустоты безмолвной раздается;
А чрезъ отверстье купола глядитъ,
Сребристо-блѣдный свѣтъ бросая, мѣсяцъ,
И страшно, какъ присущій нѣкій богъ,
Весь озаренъ, сквозь мракъ нависшихъ сводовъ,
Недвижимый подъ покрываломъ ликъ.
Вотъ подошелъ онъ робкою стопой...
Ужъ дерзкая рука покой святыни
Нарушить хочетъ... холодъ пробѣжалъ

Съ огнемъ въ крови у юноши, и что-то
Его рукой незримой оттолкнуло.
«Несчастный! что ты дѣлаешь?»—ему
Таинственный какой-то голосъ шепчетъ:
«Испытывать святыню хочешь ты?
«Никто изъ смертныхъ – (такъ вѣщалъ оракулъ)—
Да не дерзнетъ завѣсу ту сорвать,
Пока предъ нимъ ее не приподниму я!»
«Но вслѣдъ за тѣмъ, не тѣ ли же уста
«Сказали: «кто поднимет покрывало,
«Тотъ истину увидитъ? Будь потомъ
«Что будетъ!—я поднять ее рѣшился!»
И громогласно юноша вскричалъ:
«Я истину хочу увидѣть!»
«Видѣть!...»
Протяжный отголосокъ повторилъ...
И съ этимъ словомъ снялъ онъ покрывало.
Что-жъ, спросите, увидѣлъ онъ подъ нимъ?
Не знаю. Но безчувственнымъ и блѣднымъ
На утро тамъ нашли его жрецы,
Простертымъ у подножія Изиды.
О томъ, что онъ увидѣлъ и узналъ,
Его языкъ доселѣ не повѣдалъ;
Но съ той поры простился навсегда
Онъ съ ясною безпечностію жизни.
Глубокая тоска свела его
Въ могилу раннюю.
«О, горе, горе!»
Онъ говорилъ, когда кругомъ его
О страшной тайнѣ спрашивали: «горе
«Тому, кто къ вѣчной истинѣ идетъ
«Тяжелыми путями преступленья!
«Нѣтъ, никогда она душѣ его
«Не принесетъ отрады и покоя!»

5. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

НѢМЕЦКАЯ ВѢРНОСТЬ.

(1795).

Центръ тяжести стихотворенія лежитъ въ заключительномъ восклицаніи папы, исторически достовѣрномъ. Въ «Geschichte der Deutschen» Шмидта, откуда Шиллеръ почерпнулъ сюжетъ, послѣ разсказа о примиреніи Фридриха (Фридриха Краснваго, 1286—1330, сына короля Альбрехта I) съ Людвигомъ (1287—1347, императоромъ былъ подъ именемъ Людвига IV съ 1314 г.), цѣликомъ воспроизведеннаго въ стихотвореніи, говорится: «Непривыкшій къ нѣмецкимъ нравамъ папа Іоаннъ (XXII), пораженный этимъ остаткомъ старо-нѣмецкой честности и вѣрности, писалъ королю французскому Карлу, что самъ получилъ изъ Германіи письмо объ этой невѣроятной довѣрчивости и дружбѣ». Въ переводѣ Миллера неясно: «Призванъ былъ къ трону Людвигъ и Фридрихъ». Въ оригиналѣ: «За скипетръ Германіи боролся Людвигъ съ Фридрихомъ».—*Хитростью воинской заманить*—прибавлено переводчикомъ: Фридрихъ былъ просто взятъ въ плѣнъ въ битвѣ при Мюльдорфѣ (1322).

1. Ѳ. Миллеръ. (Нѣмецкая вѣрность). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ изд. Гербеля.

2. Головановъ. Лирич. стихотвор. Шиллера. М. 1899.

АНТИЧНОЕ—СѢВЕРНОМУ СТРАННИКУ.

(1795).

Стихотвореніе обращено къ тѣмъ питомцамъ сѣверной культуры, которые остаются чуждыми искусству классической древности, несмотря на непосредственное знакомство съ нимъ. Какъ показываетъ стихотвореніе «Греческій геній», поэтъ видѣлъ и исключенія изъ этого безотраднаго обобщенія. Характерно и любопытно также слѣдующее мѣсто изъ письма Шиллера къ Гете: «Такъ какъ вашъ греческій духъ былъ ввергнутъ въ это сѣверное міроздаиіе, то вамъ оставался только выборъ – или самому сдѣлаться сѣвернымъ художникомъ, или помощью ума замѣнить въ вашемъ воображеніи то, въ чемъ отказала ему дѣйствительность, то есть создать изнутри и раціональнымъ построеніемъ свою Грецію».

1. Ѳ. Миллеръ. (Антики—сѣверному страннику). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ИЛІАДА.

(1795).

По поводу знаменитаго изслѣдованія профессора Фр. Авг. Вольфа «Prolegomena ad Homerum» (1795), гдѣ доказывалось, что поэмы Гомера не могли быть произведеніемъ одного человѣка, но составляли разрозненныя пѣсни, сложенныя различными «рапсодами» и лишь впослѣдствіи объединенныя въ одно цѣлое, Шиллеръ, вообще не сочувствовавшій взгляду Вольфа, хотя и не имѣвшій доводовъ противъ него, не представляетъ такихъ доводовъ и въ этомъ стихотвореніи, но лишь указываетъ на внутреннее единство поэмы, связанной общимъ духомъ правды и естественности. Ср. стихотвореніе «Гомериды» (стр. 88).

1. А. Струговщиковъ. (Иліада, подражаніе Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 94. Струговщиковъ соединилъ это стихотвореніе въ одно съ «Гомеридами» (первыя 2 строки)

—Мною разсказаны распри!—Я воспѣвалъ Ахиллеса!—
—Я олимпійскихъ боговъ!—Я иліонскихъ вдовицъ!—
Рвите Гомеровъ вѣнецъ, терзайте великое имя!
Сколько отцовъ у тебя, древности дивная дщерь?
Все-жъ отъ одной рождена! и черты твои вѣчно-младыя
Матери нѣжной твоей, вѣчной природы черты!

2. М. Михайловъ (Иліада, изъ Шиллера). «Литературная Газета», 1848, № 19 и въ стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова», 1862 и 1890.

3. Н. Голованов. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

БЕЗСМЕРТІЕ.

(1795).

Заключеніе вступительной лекціи Шиллера въ университетѣ (1789) гласитъ: «Въ насъ должно воспылать благородное стремленіе... связать наше неустойчивое существованіе съ этой непроходящей цѣпью, проходящей чрезъ всѣ поколѣнія... Каждой заслугѣ открытъ путь къ безсмертію, къ тому истинному безсмертію, при которомъ живетъ и развивается *созданіе* человѣка, хотя бы имя создателя и отстало отъ него».

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Безсмертіе). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Голованов.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ПРОГУЛКА.

(1795).

Одно изъ величайшихъ созданій философской лирики, стихотвореніе это принадлежитъ къ самымъ выдающимся, хотя и менѣе извѣстнымъ произведеніямъ; на друзей поэта оно произвело самое глубокое и отрадное впечатлѣніе. Гердеръ говорилъ, что повѣситъ его на стѣну, какъ географическую карту, охватывающую всѣ положенія міровой жизни. Восторгъ Гумбольдта не имѣлъ границъ. Стихотвореніе, по его мнѣнію, сопоставляетъ колеблющіяся стремленія человѣчества съ твердой устойчивостью природы, даетъ надлежащую точку зрѣнія на то и другое, и, такимъ образомъ, представляетъ высшій образецъ человѣческаго мышленія. Все содержаніе всемірной исторіи, весь ходъ и развитіе всѣхъ человѣческихъ замысловъ и усилій, ихъ успѣхи, законы и цѣли — все заключено здѣсь въ немногихъ, ясныхъ, истинныхъ и исчерпывающихъ образахъ. Превосходными нашелъ онъ разнообразіе и расположеніе картинъ: въ началѣ и концѣ чистая и великая природа, по срединѣ — искусство человѣческое, сперва подъ руководствомъ природы, затѣмъ освобожденное отъ сторонней власти. Душа проходитъ чрезъ всѣ настроенія, на которыя она способна. Свѣтлая жизнерадостность вступленія захватываетъ воображеніе и даетъ ему легкое, пріятное занятіе; мрачный характеръ слѣдующей картины подготовляетъ къ большей серьезности; съ человѣкомъ является размышленіе, сперва не глубокое и не сложное. Но первое простодушіе смѣняется культурой, и вниманіе разсѣивается по всему разнообразію человѣческой производительности. Взглядъ на конечную цѣль человѣка—нравственность—вновь объединяетъ разсѣянный духъ; при мысли о вторичномъ одичаніи человѣка духъ возвращается къ себѣ и ищетъ въ одной идеѣ разрѣшенія противорѣчія, которое онъ видитъ предъ собой. Восторженый отзывъ Гумбольдта кончается горячими похвалами формѣ. Также понравилось стихотвореніе Кернеру и Шлегелю. Былъ имъ доволенъ и самъ поэтъ, писавшій Кернеру: «*Элегія* (такъ называлось первоначально, въ «Ноген» 1795 г., стихотвореніе) доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Среди всѣхъ моихъ произведеній въ ней, по моему, больше всего поэтическаго *движенія*, причемъ она все-таки развивается съ строгой цѣлесообразностью». Гумбольдту онъ писалъ: «Думается мнѣ, что вѣрнѣйшимъ эмпирическимъ критеріемъ истиннаго поэтическаго достоинства произведенія можетъ служить то, что оно не ждетъ настроенія, въ которомъ оно можетъ понравиться, но само создаетъ его и, такимъ образомъ, производитъ пріятное впечатлѣніе во всякомъ настроеніи. И этого я не испытывалъ ни съ однимъ моимъ произведеніемъ. Часто мнѣ приходится гнать отъ себя мысль о *Царствѣ тѣней* (Идеалы и жизнь), *Богахъ Греціи* и т. п.—объ *Элегіи* я вспоминаю всегда съ удовольствіемъ, и не празднымъ, а поистинѣ творческимъ». Другимъ доказательствомъ достоинства стихотворенія онъ считаетъ хорошее впечатлѣніе, произведенное имъ почти на всѣхъ и даже на натуры прямо противоположныя; онъ выражаетъ убѣжденіе, что въ этомъ произведеніи его дарованіе расширилось; ни въ одномъ до сихъ поръ основная мысль не была такъ поэтична, ни въ одномъ духъ поэта не проявилъ себя съ такой цѣльностью.

Первоначальное названіе стихотворенія *Элегія*, имѣвшее связь съ его размѣромъ, такъ наз. элегическимъ (гексаметръ - пентаметръ), указываетъ также на то, что и въ немъ Шиллеръ продолжалъ выполнять свое намѣреніе: дать образцы всѣхъ поэтическихъ формъ; извѣстно, что онъ около этого времени задумалъ и *идиллію*. Изъ философскихъ сочиненій Шиллера въ наиболѣе тѣсной связи съ *Прогулкой* находится разсужденіе *О наивной и сентиментальной поэзіи*. Здѣсь съ особенной ясностью намѣчена та противоположность природы и культуры, которая воплощена въ стихотвореніи въ художественныя формы. Въ замѣткѣ о *Садовомъ календарѣ*, которую читатель найдетъ ниже среди прозаическихъ произведеній Шиллера, мы встрѣчаемъ первый набросокъ идей, ложащихъ въ основѣ *Прогулки*. «Дорога изъ Штутгардта въ Гогенгеймъ — говорится здѣсь,—есть въ извѣстной степени воплощенная исторія садоваго искусства. Поля, виноградники и плодовые сады вдоль дороги даютъ зрителю примѣры первичнаго садоваго искусства, чуждаго всякихъ эстетическихъ прикрасъ. Но вотъ въ длинной и прямой тополевой аллеѣ, соединяющей окрестности съ городомъ Гогенгеймомъ и ужъ своимъ художественнымъ видомъ возбуждающей ожиданіе, его съ величавой важностью встрѣчаетъ французское садовое искусство. Это торжественное впечатлѣніе доходитъ чуть не до болѣзненнаго напряженія, когда походишь по чертогамъ герцогскаго замка. Блескъ, ослѣпляющій взоры со всѣхъ сторонъ, доводитъ жажду простоты до крайней степени и подготовляетъ громовый тріумфъ мирной деревенской природѣ, сразу охватывающей путешественника въ такъ называемой англійской деревнѣ. Но природа, которую мы здѣсь находимъ, ужъ не та, изъ которой мы вышли. Это одухотворенная и приподнятая искусствомъ природа, умиротворяющая не только простого, но и тронутаго культурой человѣка». Тотъ же ходъ мыслей мы находимъ и въ стихотвореніи. Но здѣсь въ этихъ переходахъ отъ природы къ ея извращенію въ культурѣ и отъ культуры къ правдѣ природы мы находимъ символъ всей человѣческой исторіи. Достигнувъ вершинъ культуры, человѣкъ теряетъ всѣ преимущества естественности; разложеніе нравственности ведетъ за собой паденіе государственнаго и общественнаго строя, отъ золъ котораго человѣкъ спасается лишь на лонѣ неизмѣнно чи-

стой природы. Таковъ былъ взглядъ XVIII вѣка, и Шиллеръ шелъ за своимъ вѣкомъ. Но, вѣрный своей жаждѣ антитезы, онъ создалъ въ *Эммвинскомъ праздникѣ* параллель *Прогулкѣ*, намѣчающую иные оттѣнки мысли.

1. **М. Крешевъ.** (Прогулка, по Шиллеру). «Библ. д. чт.» 1855. т. CXXXII и въ «Переводахъ и Подражаніяхъ» И. П. Крешева (1862).

2. **Н. Головановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ТЕОФАНІЯ.

(1795).

Теофанія буквально значитъ по-гречески *явленіе бога*. «Неизмѣнно счастливый человѣкъ—говорится въ заключеніи статьи «О необходимыхъ границахъ и т. д.»—никогда не сталкивается съ долгомъ лицомъ къ лицу, потому что, не подвергаясь искушенію нарушить законъ, онъ и не вспоминаетъ о законѣ; наоборотъ, несчастный—если онъ также и добродѣтеленъ, имѣетъ возвышенное преимущество вступать въ *непосредственное* общеніе съ божественнымъ величіемъ закона и, такъ какъ его добродѣтель не находитъ поддержки ни въ какой склонности—сохранять свободу духа въ качествѣ человѣка».

1. **Ѳ. Кони.** (Доля и боги, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1837, CLXXXVI, отд. I, 148.

Предстань мнѣ, счастливецъ! и всѣхъ я небесныхъ
боговъ позабылъ.

Увижу страдальца, и снова всѣ боги стоятъ предо
мной!

2. **А. Струговщиковъ.** (Полиѳонія; не указано, что взято у Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Я забываю боговъ, если смотрю на счастливца,
Вижу несчастнаго я—боги присутствуютъ мнѣ.

3. **Л. Мей.** (Теофанія изъ Шиллера). «Стихотворенія Мея», 1857 и позд. годовъ.

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

(1795).

«Посылаю вамъ нѣсколько моихъ пустячковъ—писалъ Шиллеръ Гете.—*Раздѣлъ земли* слѣдовало-бы вамъ прочитать вслухъ изъ окна на Цейлѣ (главная улица) во Франкфуртѣ: вотъ настоящее мѣсто для этого». Гете, всегда удручаемый меркантильными интересами, царившими вокругъ него въ родномъ городѣ, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ стихотворенія, которое показалось ему «премилымъ», правдивымъ, мѣткимъ и утѣшительнымъ. Содержаніе стихотворенія ясно: идеальныя стремленія поэта отвлекаютъ его мысль отъ земныхъ благъ; это можетъ подчасъ быть очень тягостно для него, но въ наслажденіяхъ творчества онъ находитъ утѣшеніе и иное, высшее благо.

1. **В. Жуковскій.** Очень вольный переводъ. Размѣръ мало подходитъ къ настроенію стихотворенія. Переводъ первоначально появился въ «Вѣст. Евр.» 1813 г.

«Дѣлитесь!» съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроптися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ—
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиренный земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельскій плодъ,
Могущество—владѣлецъ.
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями,
Взялъ откупъ арендарь
А пастырь душъ - алтарь
И силу надъ умами.
«Будь каждый при своемъ»,
Рекъ царь земли и ада:
«Вы сѣйте, добры чада—
Мнѣ жертвуйте плодомъ».
Но вотъ съ земли предѣла
Приходитъ и поэтъ.
Увы! ему удѣла
Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
«Отецъ и властелинъ!
За что забытъ тобою
Любимѣйшій твой сынъ?

— «Не я виной забвенья.
Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
Зачѣмъ ты уходилъ!»

— «Увы, я былъ съ тобою!»
Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ:
«Величествомъ, красою
Небесъ твоихъ, отецъ,
Мои питались взоры:
Тамъ пѣли дивны хоры...
Я сердце возносилъ
Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ;
Но, ахъ! плѣненъ небеснымъ,
Земное позабылъ».

— «Мой сынъ удѣлы взяты;
Мнѣ жаль твоей утраты;
Но рай передъ тобой:
Согласенъ ли со мной
Дѣлиться небесами?—
Блаженствуя съ богами,
Ты презришь міръ земной».

2 **А. Мейснеръ.** (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» 1836. Плохой и очень неточный переводъ.

3. **А. Струговщиковъ.** (Раздѣлъ, изъ Шиллера). «Русская Бесѣда» 1841, т. II, и «Стихотворенія Струговщикова» 1845. Переводъ не точный и неполный.

Зевесъ вѣщалъ: возьмите землю, люди,
Возьмите, вамъ на вѣчны времена
Я отдаю сокровища земныя,
Дѣлитеся, какъ братья и друзья.—

Все двинулось тогда, чтобы скорѣе
Себя отъ нуждъ житейскихъ оградить,
И каждому достался на долю
Завидныя сокровища земли.

Когда раздѣлъ окончился,—послѣдній
Пришелъ за достояніемъ поэтъ:
Съ надеждою, изъ далека притекшій,
Приблизился и былъ отвергнутъ онъ!

Давно уже земля и все земное
Властителя имѣли своего.
Припалъ поэтъ къ Зевесову престолу
И вопросилъ: за что обиженъ я?

– Обиженъ ты? За чѣмъ же вѣрнымъ благомъ
Ты жертвовалъ обманчивой мечтѣ,
И гдѣ-жъ ты былъ, когда дѣлили землю?—
— Былъ при тебѣ, – отвѣтствовалъ поэтъ.

Твое, въ сіяніи небесной славы,
Я созерцалъ блестящее чело,
И былъ блаженъ! Восторженный тобою,
Прости, Зевесъ, забылъ я о себѣ!—

— Я болѣе не властенъ надъ землею;
Когда-жъ тебя плѣнили небеса,
И ты другой отчизны не имѣешь:
Они тебѣ отверсты навсегда.—

4. **И. Крешевъ.** (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). «Маякъ» 1842, т. Ш, № 6 и «Переводы и подражанія И. П. Крешева», 1862.

«Возьмите міръ!» такъ къ людямъ Зевсъ гремѣлъ
Съ высотъ небесъ: «онъ вашъ теперь, возьмите!
«Дарю его въ наслѣдственный удѣлъ;
«Но братски лишь его вы раздѣлите!»

—

Въ мигъ по рукамъ спѣшатъ всѣ разобрать,
И юноша и старецъ—всякъ хлопочетъ.
Плоды полей желаетъ пахарь взять;
Охотникъ жить въ лѣсахъ дремучихъ хочетъ.

—

Купецъ амбары, пристани беретъ;
А жрецъ боговъ пріятнѣйшія вина;
Король мосты, дороги стережетъ,
И говоритъ: «всего мнѣ десятина!»

—

Уже давно раздѣлъ оконченъ былъ,
Пришелъ поэтъ, страны мечтаній житель;
Вездѣ, куда онъ взоръ ни обратилъ,
Вездѣ былъ свой законный повелитель.

—

— Ужели я, возлюбленный твой сынъ,
Ужели я одинъ забытъ тобою?—
Роптalъ поэтъ, исполненный кручины,
Предъ Зевсомъ въ прахъ поникнувъ головою.

—

Зевесъ сказалъ: «О, не ропщи, поэтъ,
«Ты медлилъ самъ въ странѣ святыхъ видѣній...
«Скажи, гдѣ былъ, когда дѣлили свѣтъ?»
— Былъ у тебя!—рекъ чадо вдохновеній.

—

— Мой взоръ твой ликъ небесный созерцалъ,
Мой слухъ къ твоей гармоніи прикованъ,
Прости, что я земное забывалъ
Въ святыхъ мѣстахъ, небеснымъ очарованъ!—

—

— Что дѣлать, сынъ! Ужъ не въ монхъ рукахъ
«Теперь поля, лѣса и рынки свѣта...
«Не хочешь ли со мной жить въ небесахъ?
«Иди: они отверсты для поэта!

—

5. **Н. Гербель.** (Изъ Шиллера). «Современникъ» 1854, и въ соч. Шиллера, изд. Гербеля.

6. **В. Зотовъ.** (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Пантеонъ» 1854, № 5. Переводъ вялый и прозаическій.

7. **Б. Алмазовъ.** (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). «Развлеченіе» 1859, № 8 и въ «Сочиненіяхъ» Алмазова. Вольный, но все-же лучшій и наиболѣе извѣстный изъ всѣхъ переводовъ этого стихотворенія.

«Возьмите міръ онъ мнѣ не нуженъ болѣ»,
Воскликнулъ Зевсъ съ заоблачныхъ высотъ,—
«Пусть каждый въ немъ возьметъ себѣ по долѣ,
Владѣетъ ей изъ рода въ родъ».

Сказалъ, и словъ его лишь только смолкли звуки,
Всѣ земнородные, отъ нищихъ до вельможъ,
И старъ и младъ, всѣ, у кого есть руки,
Всѣ съ шумомъ бросились толпами на дѣлежъ.

Кто села взялъ, кто мирныя долины,
Кто быстрыхъ рѣкъ свирѣпое русло,
Поля и пропасти, болота и стремнины:—
Все въ мигъ хозяина нашло.

И послѣ всѣхъ, когда раздѣлъ скончали,
Пришелъ поэтъ. Онъ грустнымъ взоромъ міръ
Окинулъ, и главой поникъ на грудь въ печали;
У всѣхъ пріютъ: лишь онъ забытъ и сиръ.

Гдѣ кровъ искать? и изъ груди невольно
Полилась жалоба нъ судъ судьбы слѣпой:
«О богъ боговъ! подъ небомъ всѣмъ привольно,
Всѣмъ мѣсто есть, никто здѣсь не чужой.

Лишь я одинъ всему чужой, бездомный,
Скитальцемъ жить навѣки осужденъ.
Твой міръ великъ; ужель пріютъ укромный
Откажетъ мнѣ суровый твой законъ?»

«Все кончено, роптать и плакать поздно;
Что дѣлалъ ты, когда дѣлили свѣтъ?
И гдѣ ты былъ?» Зевесъ воскликнулъ грозно.
— Я былъ съ тобой,—отвѣтствовалъ поэтъ.

Мой взоръ въ величіи строенья мірового,
Мой слухъ въ гармоніи небесной утопалъ,
И я за мигъ блаженства неземного
Земное все забылъ и потерялъ.

«Какъ быть! сказалъ Зевесъ:—я больше надъ землею
Не властенъ: роздалъ все—степь, дебри и лѣса;
Но если хочешь ты, иди, живи со мною:
Тебѣ всегда открыты небеса.

8. **Всеволодъ Соловьевъ.** (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). «В Е.» 1874, № 10.

9. **К. Тимофѣевъ.** (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). Неревелъ К. Тимофѣевъ. Спб. 1875.

10. **Н. Б кій.** (Дѣлежъ земли, изъ Шиллера). «Колосья» 1892, № 11.

11. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

12 К. Фофановъ. Переведено для настоящаго изданія.

МУДРЕЦЫ.

(1795).

«Я хотѣлъ здѣсь посмѣяться надъ закономъ противорѣчія» — писалъ Шиллеръ, посылая это стихотвореніе вмѣстѣ съ предыдущимъ Гете: «философія всегда смѣшна, когда старается своими средствами, не сознаваясь въ своей зависимости отъ опыта, расширить знанія и давать законы міровданію». Стихотвореніе могло быть удачнымъ сатирическимъ изображеніемъ безсодержательныхъ умствованій голой метафизики, но оно направлено противъ Фихте. Законъ противорѣчія, надъ которымъ смѣются поэтъ (строфа 1), есть логическая аксіома, гласящая, что ничто не можетъ быть тожественно съ своимъ отрицаніемъ: никакое А не можетъ быть въ то же время не А.

Декартъ (строфа 3) - знаменитый французскій философъ (1596 1650); въ оригиналѣ на ряду съ нимъ названъ еще Локкъ, англійскій философъ (1632—1704). *Мудрых стая* (строфа 5), въ оригиналѣ: *Пуффендорфъ* и *Федеръ*, нѣмецкіе ученые, первый (1632—1694) одинъ изъ выдающихся провозвѣстниковъ идеи мирнаго международнаго общенія

I. Ѳ. Миллеръ (Метафизикъ и мудрецъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. М. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера М. 1899.

МОЛОДОМУ ДРУГУ, ПРИСТУПАЮЩЕМУ КЪ ФИЛОСОФІИ.

(1795).

Какъ и въ «Геніи», поэтъ указываетъ на высокія требованія, которыя долженъ предъявить къ себѣ всякій приступающій къ изученію философіи, въ виду опасностей, представляемыхъ высшимъ научнымъ познаніемъ; въ противномъ случаѣ, то есть не почувствовавъ «вожатаго въ собственномъ сердцѣ» лучше разсчитывать на инстинктивное познаніе. *Домъ елевзинскій* храмъ Цереры въ Элевзинѣ (см. въ словарѣ); прежде чѣмъ быть посвященнымъ въ таинства, совершаемыя въ храмѣ, посвящаемый подвергался долгимъ и страшнымъ испытаніямъ: его пугали изображеніями призраковъ, ада и т. п. *Подозрительный кладъ*—истина, потому, что неизвѣстно, что несетъ она съ собой, добро или зло. *Извѣстнымъ добромъ*—ясностью дѣтскаго міровоззрѣнія, не смущаемаго сомнѣніями. *На зарѣ*—въ оригиналѣ: *въ сумеркахъ*.

1. М. Достоевскій. («Молодому другу, приступающему къ философіи», изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

2. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ЗНАНІЕ.

(1795).

Есть предположеніе, что стихотвореніе это направлено противъ Александра Гумбольдта; въ доказательство приводятъ отзывъ Шиллера о немъ (въ письмѣ къ Кернеру): «Это обнаженный, рѣзкій, холодный разсудокъ, одержимый безстыднымъ желаніемъ размѣрять неисповѣдимую и безконечную природу и съ непонятной дерзостью дѣлающій ея масштабомъ свои формулы, которыя часто представляютъ собой пустыя слова и всегда узкія понятія». Этотъ отзывъ о такомъ могучемъ естествоиспытателѣ, какъ А. Гумбольдтъ, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что Шиллеръ въ стихотвореніи имѣлъ въ виду не только преувеличенное воззрѣніе на свои силы самомнительной цеховой науки, но и дѣйствительныя вершины научнаго познанія. Возражать противъ такого взгляда, сопоставляющаго открытія Ньютона съ фигурами зодіака, не приходится; достаточно указать, что даже тѣ астрономическія познанія, которыя видны въ этомъ стихотвореніи,—напр., что въ созвѣздіи Лебедя или Быка входятъ свѣтила, далекія одно отъ другого,—сообщены поэту не кѣмъ инымъ, какъ научной астрономіей.

1. Ѳ. Миллеръ. (Человѣческое знаніе). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

АРХИМЕДЪ И УЧЕНИКЪ.

(1795).

Одна изъ любимыхъ идей Шиллера — о самоцѣльности искусства и науки—многократно высказанная въ его произведеніяхъ, не безъ достаточнаго основанія вложена имъ въ уста историческаго Архимеда, знаменитаго математика древности (287—212 г. до Р. Хр.), удачно примѣнявшаго свои познанія къ защитѣ родного города Сиракузъ. Плутархъ сообщаетъ, что, несмотря на это вынужденное занятіе техникой, Архимедъ «считалъ механику и вообще всякое искусство, имѣющее въ виду практическія цѣли, низкими и неблагородными и направлялъ всѣ свои усилія на тѣ области знанія, гдѣ высокое и прекрасное не смѣшивается съ мыслью о пользѣ». *Самбука*— осадное оружіе римлянъ, уничтоженное Архимедомъ.

1. М. Михайловъ. (Архимедъ и ученикъ). «Стихотворенія М. Л. Михайлова», 1862 и 1890.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО.

(1795).

Прежнее заглавіе (въ «Ноген» 1795 г., XII) «Пѣвцы древняго и новаго міра» опредѣленнѣе указывало на содержаніе стихотворенія элегической жалобы о томъ, что современный («сантиментальный») поэтъ не имѣетъ ни столь достойнаго поэзіи предмета, ни столь пылкихъ слушателей, какъ древній («наивный») поэтъ, окруженный болѣе поэтической дѣйствительностью.

1. В. Печеринъ. (Пѣвцы древняго міра). «Сынъ Отечества» 1831, № 15, 58.

Гдѣ, скажите, пѣвцы могучи, гдѣ доблестны мужи,
Кои народовъ толпы словомъ плѣняли живымъ,

Аполлонъ Аполлоновичъ КОРИНФСКІЙ.

Кон съ небесъ божество низводили на землю, а смертныхъ
Духъ восхищали горѣ на пѣснопѣнья крылахъ?
Ахъ! есть нынѣ пѣвцы,—нѣтъ подвиговъ, радостно лирный
Гласъ пробуждающихъ, ахъ! некому слушать пѣвца.
Древнихъ вѣковъ пѣснопѣвцы! летало могучее ваше
Слово изъ устъ во уста, всѣхъ потрясая сердца;
Какъ предъ святынею, всякій предъ тѣмъ преклонялся, что геній
Словомъ живымъ сотворилъ, или волшебнымъ рѣзцомъ.
Пламень пѣвца возжигалъ сердечныя внемлющихъ чувства,—
Внемлющихъ чувства сердецъ пламень питали пѣвца
И очищали, питая! Счастливецъ, для коего внятно
Въ гласѣ народа живомъ пѣсни звучала душа!
Кому въ жизни, извнѣ, божество—небожитель—являлось,
Нынѣ едва лишь, едва слышное въ глуби сердецъ!

2. **А. Глинка.** (Пѣвцы прежняго времени, изъ Шиллера). «Одесскій Альманахъ» 1840 и «Стихотворенія Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859. Переводъ очень точный.

Гдѣ, скажите, теперь найду я пѣвцовъ превосходныхъ?
Полный ихъ жизнью глаголъ древле народы плѣнялъ
Пѣли о небѣ они, смертныхъ до неба взносили,
Духъ ихъ до горнихъ высотъ въ пѣсняхъ крылатыхъ парилъ.
Ахъ! еще живы пѣвцы. Гдѣ же дѣянья, чтобъ лиру
Вновь пробудили; но ахъ! Гдѣ жъ вперенный къ ней слухъ?
Въ мірѣ блаженномъ пѣвцы были блаженны; носился
Въ роды, изъ устъ во уста, ихъ животворный глаголъ
И, какъ срѣтали боговъ, всякъ срѣталъ съ умиленьемъ
Все, что ихъ геній умѣлъ творческимъ словомъ создать.
Пѣснь, вдохновеньемъ полна, чувствомъ сердца пламенила;
Самимъ же сочувствіемъ душъ пламень питалъ свой поэтъ,
Духъ прояснялся его... Счастливъ онъ былъ, что въ, народѣ
Звучныя пѣсни пѣвца въ думи вливались свѣтло:
Здѣсь на землѣ божество въ явѣ ему представлялось;
Нынѣ жъ и сердцемъ поэтъ чуть постигаетъ его.

3. **Н. Гербель.** (Пѣвецъ минувшаго времени, изъ Шиллера). «Современникъ», 1853, т. XLII и Шиллеръ въ изд. Гербеля.

4. **Ин. Д. Цертелевъ.** (Изъ Шиллера). «Стихотворенія» Кн. Д. Цертелева. Спб. 1883.
5. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.
6. **И. Фофановъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ЗЕНИТЪ И НАДИРЪ.

(1795).

Напечатано лишь въ собраніи стихотвореній 1803 г. Переводъ Струговщикова неточенъ. Оригиналъ гласитъ: «Гдѣ бы ты ни скитался въ пространствѣ, твои зенитъ и надиръ связываютъ тебя съ небомъ и съ осью земной. Какъ бы ты ни дѣйствовалъ, пусть твоя воля касается неба, а направленіе дѣятельности проходитъ вокругъ земной оси». Наша воля должна связывать насъ съ небомъ, съ идеаломъ, наша дѣятельность должна быть реальна, считаться съ условіями дѣйствительной земной жизни. Эта идея соединенія въ личности идеализма и реализма развита подробно въ статьѣ «О наивной и сантиментальной поэзіи».

1. **А. Струговщиковъ.** (Зенитъ и Надиръ, безъ указанія, что взято изъ Шиллера) «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 170.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

(1795).

Первоначальное заглавіе—*Прекрасное и возвышенное* указывало на истинный смыслъ этого стихотворенія, которое съ нынѣшнимъ заглавіемъ производитъ впечатлѣніе загадки. Въ сущности оно представляетъ собой стихотворное выраженіе одного мѣста изъ статьи *О возвышенномъ*, написанной лишь пять лѣтъ спустя. «Два генія—говорится здѣсь—даны намъ природой въ спутники жизни. Одинъ, привѣтливый и милый, сокращаетъ намъ своей веселой игрой томительный путь, облегчаетъ намъ узы необходимости и среди радости и шутки ведетъ насъ къ опаснѣйшимъ мѣстамъ, гдѣ мы проявляемъ свою чистую духовность и должны скинуть съ себя все тѣлесное—ведетъ вплоть до познанія истины и исполненія долга. Здѣсь онъ покидаетъ насъ; ибо владѣнія его—лишь міръ чувствъ, за предѣлы этого міра не возноситъ его земное крыло. Но тогда другой смѣняетъ его, важный и молчаливый, и могучей рукой несетъ насъ надъ бездонными глубинами. Первый изъ этихъ руководителей — чувство *прекраснаго*, второй—чувство *возвышеннаго*».

1. **Н. Гербель.** (Путеводители жизни). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.
3. **А. Колтоновскій.** Переведено для настоящаго изданія.

КАРѲАГЕНЪ.

(1795).

1. **Гербель.** (Карѳагенъ). «Пантеонъ» 1855 и Шиллеръ въ изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.
3. **А. М. Федоровъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ЗАКОНОДАТЕЛЯМЪ.

(1796).

«На нравственный характеръ законодатель не можетъ ни воздѣйствовать, ни разсчитывать» (Письма объ эст. восп.) Можно и должно разсчитывать лишь на идеалъ людей, на ихъ внутреннее стремленіе къ правдѣ, но не на ихъ поступки, столь часто расходящіеся съ ихъ воззрѣніями.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Законодатели). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера.
3. **И. Болдаковъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ПОМПЕЯ И ГЕРКУЛАНУМЪ.

(1796).

Уже окончивъ это стихотвореніе, Шиллеръ писалъ Гете: «Нѣтъ ли у васъ какой нибудь книги о раскопкахъ въ Геркуланумѣ? Мнѣ нужно нѣсколько подробностей о нихъ». Остановившись въ стихотвореніи не на идеяхъ, какъ обыкновенно—но на внѣшней дѣйствительности, поэтъ старался дать возможно вѣрное изображеніе ея и это удалось ему въ такой же мѣрѣ, какъ картины Швейцаріи (въ «Теллѣ»), которой онъ также никогда не видалъ. Жизненность и богатство образовъ даютъ удивительную наглядность этому описательному стихотворенію, а воодушевленіе красотой и цѣльностью погибшаго міра сообщаетъ ему глубокій лиризмъ. Мы затрагиваемъ какъ бы всѣ стороны воскресшей римской культуры; мы видимъ улицы, зданія, судъ и управленіе, стѣнную живопись въ домѣ, уборную дѣвушки, библіотеку и храмъ. Поэтъ не раздѣляетъ обоихъ городовъ и изображаетъ ихъ какъ бы совершенно вырытыми и сохранившимися только безъ жителей.—*Греки* сюда! — потому что Геркуланумъ былъ первоначально греческій городъ.—*Портикъ открылъ залы*—въ оригиналѣ Hallen, что не всегда значитъ залы, а просто обширныя пространства крытыя, но безъ стѣнъ, какъ у портика—*Семь растворовъ*—открытый въ Геркуланумѣ театръ имѣлъ семь входовъ.—*Сына Атреева, хоръ за Орестомъ*—намеки на греческія трагедіи.—*Въ креслахъ курульныхъ*—гдѣ сидѣли римскіе сановники.—*Тріумфальная арка*—вела въ Помпеѣ къ forum civile—мѣсту, гдѣ *преторъ* (судья) отправлялъ судъ, окруженный тѣлохранителями—*ликторами*, державшими пучекъ прутьевъ, изъ котораго торчала сѣкира.—*Вакханка на кентаврѣ*—одна изъ знаменитыхъ геркуланскихъ картинъ.—*Этрусскія вазы*—глиняныя расписныя вазы.—*Монета могучаго Тита*—при немъ

погибли Геркуланумъ и Помпея. *Музей*—не въ современномъ смыслѣ, а библіотека. *Прутики*,—которыми писали на *вощеныхъ доскахъ*.—Пенаты—*Кадуцей*—см. Гермесъ. *Побѣда* часто изображалась *на рукѣ* изваяннаго божества.

Гдѣ-же вы, древніе!—невѣрно: въ оригиналѣ—*гдѣ вы, люди, гдѣ старики?* (объ *отрокахъ* и *дѣвахъ* была рѣчь раньше).

1. Я. (Геркуланумъ и Помпея, изъ Шиллера). «Новости Литературы» 1829. № 7. Переводъ въ прозѣ.

2. **И. Крешевъ.** (Помпея и Геркуланумъ, изъ Шиллера). «Памятникъ Искусствъ». 1840 г. и въ «Переводахъ и подражаніяхъ И. П. Крешева». 1862.

Что за чудо свершилось!.. мы влаги искали холодной
Въ нѣдрахъ земли, и чтожъ намъ открыла земная утроба?..
Или живутъ еще люди, сокрытые темною лавой?..
Или отжившія тѣни въ міръ возвращаются снова?..
Римляне! Греки!.. Сюда!.. Смотрите: какъ фениксъ, изъ пепла
И Геркуланумъ встаетъ, и оживаетъ Помпея.
Кровля надъ кровлей растетъ, и портикъ просторный
Съ рядомъ колоннъ открытъ для идущихъ... А далѣ
Шумно стремится народъ къ широкой аренѣ театра.—
Мимики!.. Гдѣ вы?.. Сюда! Атреидъ, тебя ждетъ твоя жертва;
Цѣпенѣя отъ страха, слѣдуй хоръ за Орестомъ!..
Краснымъ покрыты пескомъ, надъ домами, узкою лентой,
Вьются дорожки; ширѣютъ пути... Узнали-ль вы форумъ?..
Вотъ и лавки свѣтлѣютъ, закрытыя долго землею.
Лучъ денницы упалъ во внутренность ночи темной!..
Видишь, какъ чистыя жмутся къ аренѣ скамейки, дугою...
Время не стерло со стѣнъ красивыя яркія фрески.
Гдѣ-же художникъ?.. Давно онъ бросилъ кисть и палитру...
Свѣжей каймой молодого плюща обвиты картины
Сочныхъ плодовъ и связанныхъ лентой цвѣтовъ благовонныхъ.
Здѣсь Амуры бѣгутъ съ корзинками, полными лилій,
Тамъ трудолюбіе жметъ виноградныя кисти, а далѣе
Пляшетъ вакханка, вѣнчанная гроздьями, а фавнъ козлоногій
Съ жадностью ловитъ нагія красы неистовой дѣвы...
Смѣло на быстромъ центаврѣ здѣсь мчится она и, зеленымъ
Тирсомъ махая, бѣгъ младого коня ускоряетъ.
Юноши!.. Гдѣ вы?.. Что медлить!.. Вотъ кони, вотъ свѣтлая сбруя.
Къ звонкимъ каскадамъ бѣгите, служанки, съ Этрусскою кружкой!
Вотъ и треножникъ стоитъ здѣсь на сфинксѣ крылатомъ..
Гдѣ же огонь?.. Скорѣе, рабы, огня доставайте!
Вотъ вамъ монета съ вензелемъ Тита! Идите на форумъ,
Тамъ и вѣсы сохранились. Зажгите же свѣчи на люстрахъ
И напоенный елеемъ ленъ въ лампадѣ хрустальной!..
Что жъ въ этой коробкѣ лежитъ!.. Браслеты, жемчужныя серьги,
Золотыя цѣпочки:—то подарокъ невѣстѣ.
Дѣвы!.. ведите невѣсту въ душистую баню; еще тамъ
Въ мраморныхъ урнахъ остались румяны и рѣдкія мази...
Гдѣ же теперь мужи? гдѣ старцы?... Но въ царскомъ музеѣ,
Злата дороже, лежатъ геніальные свитки поэтовъ;
Вотъ и грифель нашелъ я, вотъ и вощеныя доски;
Все здѣсь цѣло, все безъ потери земля сохранила!
Вотъ и пенаты стоятъ и лары; но гдѣ же жрецы всѣ?..
Машетъ цвѣтущимъ жезломъ посланникъ Юпитера, Гермесъ
И Побѣда летитъ съ лавровою вѣткой на землю...
Вотъ и алтарь!.. Спѣшите же, люди, съ дарами безсмертнымъ
Долго не видѣвшимъ жертвъ, принесть изобильныя жертвы!..

3. **Ѳ. Миллеръ.** (Геркуланумъ и Помпея; изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1845, № 3, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

(1796).

Обсуждая въ письмѣ къ Шиллеру «Альманахъ музъ» на 1797 г. гдѣ появилось это стихотвореніе, Кернеръ одобрилъ эту «милую загадку», прибавляя: «здѣсь нѣтъ твоей старой манеры приправлять разсудочностью образы фантазіи». – «Очень радъ—отвѣчалъ поэтъ—что тебѣ нравятся *Геркуланумъ* и *Дѣва изъ чужбины*; въ обоихъ произведеніяхъ я пытался отдѣлаться отъ моей манеры—и если мнѣ удался этотъ новый родъ, то это—извѣстное развитіе моего дарованія». Что за аллегорическимъ изображеніемъ чудной дѣвы скрывается *поэзія* или вообще искусство, показалъ самъ Шиллеръ, помѣстивъ это стихотвореніе во главѣ перваго сборника своихъ стихотвореній. Не всѣ читатели поняли это въ свое время, но стихотвореніе быстро стало однимъ изъ популярнѣйшихъ произведеній нѣмецкой лирики.

1. **И. Вилламовъ.** (Дѣвица изъ чужбины, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1820, ч. LXVI.

У бѣдныхъ пастуховъ являлась
Въ долинѣ съ каждою весной,
Когда природа обновлялась,
Дѣвица, дивная собой.

—

Она родилась не въ долинѣ,
Отколь она никто не зналъ,
Не знали о ея судьбинѣ
Какъ часъ разлуки наставалъ.

—

Собой все вкругъ одушевляла
И услаждала всѣ сердца,
Величіемъ остановляла
Невѣжды дерзость и глупца.

—

Несла цвѣты, плоды безвѣстны:
Въ природѣ высшей не земной
Другого солнца лучъ прелестный
Взлелѣялъ ихъ въ странѣ чужой.

—

И всѣмъ въ подарокъ раздавала
Свои плоды, пучки цвѣтовъ,
И стариковъ не задѣляла!
Дѣвицамъ, юношамъ готовъ.

—

Гостинецъ съ ласковымъ привѣтомъ;
Но лучшій—дружеской рукой
Дарила вмѣстѣ съ лучшимъ цвѣтомъ
Четѣ влюбленныхъ молодой.

2. **Нечаевъ.** (Страница изъ Шиллера). «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ» 1824, ч. V.

Когда природа обновлялась
Въ жилищѣ сельской простоты,
У бѣдныхъ пастырей являлась
Чудесной дѣва красоты.

—

Гдѣ родилась, гдѣ обитала,
Никто въ долинѣ ихъ не зналъ,
Едва разлука наступала—
И слѣдъ прекрасной исчезалъ.

—

Приходъ ея былъ всѣмъ отраденъ,
Какъ свѣтъ луны во тьмѣ ночей,
Видъ величавъ, привѣтъ пріятенъ
И чуждъ предательства сѣтей.

—

Всегда несла она съ цвѣтами
Плоды невѣдомой страны,
Гдѣ солнце ласковѣй лучами
Лобзаетъ юныхъ чадъ весны.

—

И каждому съ улыбкой милой
Подарокъ удѣляла свой:
И юноша и старецъ хилой
Доволенъ отходилъ домой.

—

Всѣхъ гостья щедро награждала;
Но лучшій даръ изъ всѣхъ даровъ,
Вѣнокъ прелестный получала
Супруговъ вѣрная любовь.

3. **П. Межаковъ.** (Чудесная гостья, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1827, ч. IV и въ «Стихотвореніяхъ П. Межакова», 1828, 156.

Въ долинѣ бѣдной и безвѣстной,
Со всякой новою весной,
Являлась Дѣва, гость чудесной,
Плѣняя смертныхъ красотой.
Она родилась не въ долинѣ;
Отколь она, никто не зналъ,
И самый слѣдъ ея въ пустынѣ
Съ ея прощаньемъ исчезалъ.
Съ ея волшебнымъ приближеньемъ
Восторгъ одушевлялъ сердца;
Но поражала всѣхъ почтеньемъ
Высокость важнаго лица.
Она несла цвѣты съ плодами,
Созрѣвшими въ иной веснѣ,
Другого солнца подъ лучами,
Въ другой, счастливѣйшей странѣ.
И одѣляла всѣхъ дарами,
Иному плодъ, другому цвѣтъ.
И старика подъ сѣдинами,
И юношу во цвѣтѣ лѣтъ.
Всѣхъ съ даромъ къ дому отпускала,
Всѣхъ принимала красота.
Но если скромно приступала
Младыхъ любовниковъ чета,
Тогда съ улыбкою привѣтной,
Вручала ей, изъ всѣхъ даровъ,
Даръ наилучшій и завѣтный;
Цвѣтъ, самый пышный изъ цвѣтовъ.

4. **В. Печеринъ.** (Чужеземная дѣва, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1831, № 12.

У бѣдныхъ пастырей въ селеньѣ
Являлась съ каждою весной,
При первомъ жаворонка пѣньѣ,
Дѣвица чудная красой.

—

Гдѣ родина сей гостьи милой,
Отколь пришла, никто не зналъ;
Дѣвица скоро уходила,
И слѣдъ прелестной исчезалъ.

—

Все радостью при ней дышало,
Все нѣжно къ ней сердца влекло;
Но робость тайную внушало
Величественное чело.

—

Съ собою гроздья и лилеи
Несла она съ чужихъ полей;
Гдѣ блещетъ солнца лучъ живѣе,
Гдѣ краше видъ природы всей.

И каждому она дарила
То пышный цвѣтъ, то плодъ златой,
И юноша и старецъ хилый
Съ дарами каждый шелъ домой.

—

Всѣ гости ей равно пріятны;
Вотъ юная чета пришла -
Ей дѣва самый ароматный
Цвѣтокъ съ улыбкой подала.

5. **П. Шкляревскій.** (Дѣва изъчужбины, изъ Шиллера). «Стихотворенія П. Шкляревскаго» 1831 и въ «Цвѣтникѣ Русской Литературы» 1840.

Когда природа расцвѣтала
И ранній жаворонокъ пѣлъ,
Внезапно дѣва посѣщала
Долину—пастырей удѣлъ.
Она родилась не въ долинѣ;
Отколѣ гость—никто не зналъ,
Но лишь скрывалась, какъ въ пустынѣ,
Слѣдъ дѣвы скоро исчезалъ.
Все въ ней влекло, обворожало
Лился восторгъ съ ея очей:
Но сердце млѣло, трепетало
Благоговѣло передъ ней.
Она цвѣты, плоды носила,
Взлелѣяны въ странѣ иной
Лучемъ не нашего свѣтила,
Не нашей красною весной;
И гости къ ней текли толпами,
И дѣва щедрою рукой
Дарила юношу цвѣтами!
Плодами—старца надъ клюкой.
И были всѣ той дѣвѣ рады;
Но для стыдливыя четы
Хранились лучшія награды—
И всѣхъ румянѣе цвѣты.

6. **А. Глинка.** (Явленіе дѣвы, изъ Шиллера). «Литературныя приложенія къ Русскому Инвалиду», 1834, № 32, и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859.

Въ долину бѣдныхъ пастуховъ
Являлась каждый годъ весною,
При первой пѣснѣ соловьевъ,
Съ чудесной дѣва красотою.

Никто не зналъ, отколь, куда
Она пришла и возвращалась.
Ея не видѣли слѣда,
Когда, какъ сонъ, она скрывалась.

Когда же шла,—навстрѣчу къ ней
Душа съ любовію летѣла,
Но дѣва отдалять умѣла
Осанкой важною своей...

Она съ цвѣтами приносила
Плоды какихъ-то странъ чужихъ,
Земля не наша ихъ растила,
Не наше солнце грѣло ихъ!

Блисталъ подъ щедрою рукой
И плодъ и цвѣтъ въ убранствѣ яркомъ;
И внукъ и дѣдъ его съ клюкой—
Всякъ шелъ домой съ ея подаркомъ.

Съ привѣтомъ сельской простоты
Радушно в с ѣ х ъ она встрѣчала;
Но для п ы л а ю щ е й четы
Цвѣты свѣжѣе выбирала.

7. **М. Меркли.** (Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. Меркли» 1835.

Едва природа обновлялась,
У скромныхъ пастырей весной
Въ долинахъ дѣва появлялась,
Блистая чудной красотой.

Она не въ тѣхъ поляхъ родилась,
Никто не зналъ страны ея!
И скоро, скоро уносилась
Она при захожденьи дня!...

Какъ всѣхъ она обворожала!..
При ней грудь билась высоко;
Но важность кроткая держала
Всегда желанья далеко...

Она всегда съ собою спѣлыхъ
Плодовъ носила наливныхъ;
Въ поляхъ счастливѣйшихъ созрѣлыхъ
И подъ шатромъ небесъ иныхъ...

И всѣмъ дары, животворящей,
Давала щедрою рукой;
Старикъ ли, юноша ль кипящій—
Всѣ шли обласканы домой!...

И вотъ, горя любовью страстной,
Чета влюбленныхъ къ ней пришла...
И имъ цвѣтокъ живой, прекрасной
Она съ улыбкой подала!

8. **Н. Гербель.** (Незнакомка, изъ Шиллера). «Отеч. Зап.» 1854, т. XCVII и въ соч. Шиллера, изд. Гербеля.

9. **В. Жуковскій.** Это полуподражаніе впервые напечатано въ «Русск. Архивѣ» 1873, № 9 и попало въ изд. соч. Жуковскаго только въ 1885 г. (подъ ред. П. А. Ефремова, т. III).

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
Являлась каждою весной,
При первомъ жаворонковъ пѣньи,
Младая дѣва-красота.

Откуда гостья прилетала
И кто была? Не знали тамъ.

Она какъ милый сонъ являлась,
Какъ милый пропадала сонъ!

Одушевительная благость
Ея счастливила сердца,
Но видъ небесно-величавый
Благоговѣнье пробуждалъ.

И всѣмъ она цвѣты дарила,
Не обдѣляя никого;
Сѣдой старикъ и отрокъ юный
Всѣ милый получали даръ...

10. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
11. **О. Чюмина.** Переводено для настоящаго изданія.

ЛУЧШЕЕ ПРАВЛЕНІЕ.

(1796).

Государственный строй не долженъ разсчитывать на нравственное поведеніе людей: онъ долженъ считаться съ ихъ дѣйствительной природой; но его цѣль—обезпечить возможность такого нравственнаго поведенія.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Лучшее правленіе), Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

(1796).

Стихотвореніе возникло подъ вліяніемъ научныхъ работъ Гете о вліяніи свѣта на жизнь растеній и напечатано въ «Horen» 1797 г. Мифъ о похищеніи Прозерпины, положенный въ основаніе поэтическаго разсказа Шиллера, см. въ словарѣ и объясненіи къ «Идеаламъ и жизни». Но Шиллеръ измѣнилъ древнее преданіе, по которому Прозерпина, олицетворяя хлѣбное зерно, проводила лишь часть года подъ землей, а затѣмъ возвращалась къ матери. Здѣсь мать не имѣетъ никакой надежды на возвращеніе дочери, но старается завести съ ней сношенія инымъ путемъ: цвѣты, пускающіе корни въ землю къ дочери и подымающіе свою листву вверхъ къ матери, соединяютъ ихъ любящія сердца. Толкованія символическаго смысла стихотворенія весьма разнообразны и многочисленны. Генрихсъ видѣлъ въ немъ символъ *материнскаго горя* и, такъ сказать, перетасовку древняго мифа: не Прозерпина является образомъ зерна, а наоборотъ, растеніе взято, какъ символъ потерянной дочери. Гецингеръ видѣлъ основную мысль стихотворенія въ *идеѣ безсмертія*. Гоффмейстеръ полагалъ, что растеніе является въ стихотвореніи выразителемъ непреходящаго *стремленія человѣка къ вѣчному и къ міру сверхчувственному*. Фигофъ, настаивая на аллегорическомъ значеніи стихотворенія, считаетъ его, однако, лишь простымъ изображеніемъ *печали поэтически настроенной души о дорогихъ покойникахъ*. Дюнцеръ, отмѣчая то мѣсто стихотворенія, гдѣ Церера обѣщаетъ особенно заботиться о красотѣ цвѣтовъ, видитъ здѣсь идею *материнской любви* и т. д. Очевидно, какъ самъ поэтъ былъ правъ, вложивъ въ древнее преданіе смыслъ, котораго оно могло и не имѣть, такъ правы и всѣ, толкующіе его созданіе по своему, разъ для этого толкованія есть основаніе.

Какъ и многія другія, это стихотвореніе Шиллера, несмотря на общій и объективный характеръ, вызвано событіемъ его жизни—смертью его любимой младшей сестры Нанеты. Намекомъ на это можно считать оригинальное, хотя слишкомъ свободное толкованіе Кернера (въ письмѣ къ Шиллеру): «Какъ истая богиня, Церера не падаетъ подъ гнетомъ горя: она борется съ нимъ съ мягкой женственностью и находитъ утѣшеніе—въ творчествѣ».

1. **С. Шевыревъ.** (Жалоба Цереры, изъ Шиллера). Московскій Вѣстникъ» 1826, ч. VII, 271.

Не весна ль младая въ полѣ?
Не юнѣетъ ли земля?
Треснулъ ледъ,—волна по волѣ
Шумно плещетъ на поля.
Въ голубомъ зерцалѣ водномъ
Улыбается Зевесъ;
Въ царствѣ воздуха свободномъ
Зеленѣетъ юный лѣсъ.
Въ рощахъ пѣсни пробудились;
Ореаду слышу я:
«Всѣ цвѣты твои явились:
Гдѣ же медлитъ дочь твоя?»

—

Долго, долго я блуждала,
Тщетно спрашивала свѣтъ,
Всѣ лучи твои послала,
Фебъ, за дочерью во слѣдъ.
Съ сладкой вѣстью не приходитъ
Ни одинъ ко мнѣ посолъ;
День, которой все находитъ,
Милой дщери не нашелъ.
Гдѣ она, моя отрада?
Или прелестью плѣненъ,
Черезъ волны въ бездны ада
Самъ увлекъ ее Плутонъ?

—

Кто-жъ разскажетъ у Плутона
Всю печаль души моей?
О, зачѣмъ ладья Харона
Носитъ въ адъ однѣхъ тѣней?
Взору вѣчному закрыты
Таинства полей ночныхъ,
И не носитъ Стиксъ сердитый
Ни безсмертныхъ, ни живыхъ.
Всѣ идутъ къ нѣмому аду;
Но оттуда нѣтъ вѣстей,
И никто душѣ въ отраду
Не промолвитъ мнѣ объ ней.

—

О, зачѣмъ я не съ земными
Матерями родилась.
Тратятъ милыхъ, но за ними
Улетятъ онѣ въ свой часъ.
Лишь небесныхъ отвергаетъ
Ада мрачная рѣка;
Только къ нимъ пощаду знаетъ
Парки строгая рука.
Рай мнѣ темная пустыня;
Дайте адъ мнѣ увидать:
Я не вѣчная богиня,
Я страдающая мать!

—

Гдѣ она съ своимъ супругомъ,
Я туда бы къ ней сошла;
Вмѣстѣ съ легкимъ тѣней кругомъ
Къ трону-бъ дочери пришла.
Вижу взоръ уныло-слезный
Ищетъ солнца и не зритъ;
Смотритъ вдаль—гдѣ своды звѣздны—
И на мать не поглядитъ...
Вотъ взглянула.. мигомъ съ трона
Мнѣ на грудь... мы обнялись,
И у грознаго Плутона
Градомъ слезы полились.

—

Тщетны вздохи, все напрасно!
Равнодушно правитъ Фебъ
Колесницей безопасной:
Вѣчно твердъ законъ судебъ;
Дій спокойно взоръ блаженной
Отвращаетъ отъ тѣней!
Мнѣ дотоль не зрѣть безцѣнной
Не лобзать ея очей,
Какъ Аврора своды темны
Стикса чернаго зажжетъ,
И Ириса сводъ подземный
Свѣтомъ радуг обольетъ.

—

Развѣ ничего отъ милой
Не осталось мнѣ въ залогъ;
Что и тамъ въ дали унылой
Для любви есть уголокъ?
Между матерью и чадомъ
Развѣ нѣтъ безсмертныхъ узъ?
Развѣ непощаднымъ адомъ
Разорванъ любви союзъ?
Нѣтъ, казня меня утратой,
Не всего лишилъ тиранъ:
Намъ языкъ души богатый
Отъ небесъ въ отраду данъ.

—

Какъ отъ хладовъ зимнихъ вяли
Дѣти зрѣлыя весны
И лѣса убранство сняли,
Вихремъ бурь обнажены,
Въ свѣтлой день, въ благое время
У Вертумна я взяла
Жатвы золотое сѣмя,
Стиксу въ жертву обрекла,
Сердцу дочери ввѣряла,
Дань печальную мою,
Чтобы ей она сказала,
Какъ я плачу и люблю.

—

Всѣдъ за Горами явилась
И весна на пиръ полей:
Что погибло, вновь родилось
Отъ живительныхъ лучей.
Сѣмена отъ ихъ привѣта
Покидаютъ свой пріютъ,
Въ царство радужное свѣта
Изъ могилъ земли растутъ.
Гордый стебель прямо къ небу;
Корень ищетъ мглы ночной;
Жизни даръ—забота Фебу,
Стиксу—пища и покой.

—

Не они-ль соединяютъ
Царство мертвыхъ и живыхъ,
Намъ о милыхъ возвѣщаютъ,
Преселенцы странъ ночныхъ?
Пусть въ сомкнутыхъ безднахъ ада
Парки дочь мою хранятъ:
Мнѣ весны младыя чада
О далекой говорятъ,
Что и тамъ отъ божья свѣта
И отъ матери вдали,
Грудь ея огнемъ согрѣта
Вѣрной къ матери любви.

—

Расцвѣтайте-жъ, веселитесь,
Дѣти нивы молодой,
Упивайтесь, оживитесь
Неба чистою росой.
Ваши сладостныя чаши
Въ волны солнца погружу;
Нѣжные листочки ваши
Свѣтомъ радуги распишу.
Расцвѣтетъ ли ваша младость
Иль осыплются листы,
Про печаль мою, про радость
Вы разскажете, цвѣты.

2. **Н. Колачевскій.** (Стонъ Цереры, изъ Шиллера). «Московскій Телеграфъ» 1829, № 13. Одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ подлиннику переводовъ этого стихотворенія.

Не весна ль привѣтно вѣетъ
Надъ воскресшею землей?
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Нѣтъ одежды ледяной.
Ясность Зевса отражаетъ
Въ голубомъ стеклѣ потокъ,
Съ юной жатвой тамъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ.
Пробудилось въ рощахъ пѣнье,
Ореады слышенъ гласъ:
Тщетно злаковъ оживленье,
Дочь твоя мертва для насъ.

Долго я мечтѣ внимала:
На землѣ найдешь, ищи!
Тщетно вслѣдъ за ней услала
Всѣ Титановы лучи.
Ни одинъ сквозь мракъ глубокій
Не проникъ въ ея предѣлъ.
День всезрящъ, но свѣтлоокій,
Онъ погибшей не нашелъ.
Зевсъ ли хищникъ Прозерпины?
Иль красой ея плѣненъ,
Къ брегу Орковой пучины,
Въ мракъ умчалъ ее Плутонъ?

Кто-жъ ей вѣстникомъ сердечной
Будетъ горести моей?
Челнъ отъ брега мчится вѣчно,
Но уноситъ лишь тѣней.
Взоръ блаженный къ той долинѣ
Отъ вѣковъ не проницалъ,
И въ клубящейся пучинѣ
Жизни Стиксъ не отражалъ.
Тьмы ступеней сводятъ къ ночи,
Ни одна не возвратитъ;
Слезъ ея никто предъ очи
Скорбной матери не мчитъ.

Матерь Прозерпина колѣна,
Жертва смерти, золъ и бѣдъ,
Не дерзаетъ ли, сожжена,
За любимымъ чадомъ въ слѣдъ?
Лишь блаженнымъ воспрещаетъ
Брегъ свой мрачная рѣка,
Божества лишь не караетъ
Парки грозная рука.
О, низриньте, погрузите
Въ вѣчный мракъ меня съ небесъ!
Какъ богиню не щадите
Жертву материнскихъ слезъ!

Я туда сойду, гдѣ мрачной
Тронъ съ супругомъ въ муку ей;
Съ тѣньми тѣнію прозрачной
Я предстану передъ ней.
Ахъ! отъ слезъ потухшимъ взоромъ
Тщетно день она зоветъ,
За далекимъ звѣзднымъ хоромъ
Взоръ на матерь не падетъ.
Но наступитъ часъ свиданья
Съ грудью грудь сольетъ восторгъ,
И восплачетъ, состраданья
Полонъ, самъ суровый Оркъ.

Тщетный стонъ! Мечта пустая!
Той же катится стезей
Колесница дня златая,
Недвижимъ Олимпъ надъ ней.
Отъ печальной той темницы
Отвратилъ Зевесъ свой зракъ.
Невозвратна для денницы
Разъ умчанная во мракъ!
Прежде темный брегъ Аида
Ликъ Авроры озаритъ,
Провозвѣстница-жъ Ирида
Свѣтлой радугой Коцитъ

Что-же, что съ береговъ изгнанья
Сильно матери принесть,
Какъ залогъ воспоминанья,
Сердца любящаго вѣсть?
Иль межъ матерью и дщерью
Узы прерваны на вѣкъ?
Иль Аидъ той страшной дверью
Смерти съ жизнью связь пресѣкъ?
Нѣтъ! исчезла не безъ слѣда
Изъ очей моихъ она.
Нѣтъ! отрадная бесѣда
Намъ предвѣчными дана!

Сходитъ осень; буря съ свистомъ
Все дыханіемъ мертвитъ;
Блекнетъ листъ въ цвѣткѣ душистомъ,
Грустно кустъ нагой стоитъ.
Рогъ Вертумна я вскрываю;
Взявъ златое тамъ зерно,
Въ жертву Стикса обрекаю
Жизни тайное звено;
Погружаю скорбно въ землю,
Къ сердцу дочери — и пусть
Скажетъ дщери: въ немъ пріемлю
Я любовь твою и грусть!

Вотъ, какъ гостья, вновь слетаетъ
На крылахъ Часовъ Весна.
Поцѣлуемъ пробуждаетъ
Фебъ природу ото сна,
И зародышъ, погруженный
Хладной персти въ глубины,
Пылко рвется въ обновленный,
Лучезарный храмъ Весны.
Стебель всходитъ къ солнцу міра,
Корень робко въ мракъ бѣжитъ;
Сила Стикса и Эеира
Съединяясь ихъ хранитъ.

Частью къ смерти проникая,
Частью къ жизни возносясь,
Онъ мнѣ вѣсть изъ дальня края,
Отъ Коцита сладкій гласъ!
Пусть зародышъ въ царство тѣней,
Въ бездну мрака погруженъ;
Въ юной отрасли весенней
Слышенъ мнѣ отрадный стонъ,
Что вдали златаго свѣта,

Тамъ, гдѣ сумрачный Аидъ,
Все любовію согрѣта,
Сердце къ милымъ все летитъ.

Зеленѣйте-жъ, процвѣтайте,
Чада юныя луговъ!
Пышный вѣнчикъ напояйте
Чистымъ нектаромъ боговъ;
Я лучами изукрашу,
Я Иридиной дугой
Расцвѣчу одежду вашу,
Какъ Авроры ликъ младой.
На пиру земномъ весною
И въ осеннюю грозу,
Да раздѣлитъ всякъ со мною
И восторгъ мой и слезу.

3. В. Жуковскій. (Жалоба Цереры). Первый разъ въ «Баллладахъ и повѣстяхъ В. Жуковскаго», 1831.
4. Ѳ. Миллеръ. (Жалоба Цереры). «Москвитянинъ» 1853, № XIV, 174, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

Вотъ опять весною вѣетъ!
Обновился видъ земной!
Холмъ подъ солнцемъ зеленѣетъ,
Льды разрушены волной,
Въ лонѣ водъ съ высотъ эѳира
Улыбается Зевесъ;
Крылья нѣжнаго Зефира
Чуть колеблютъ юный лѣсъ;
Въ рощахъ хоры пробудились;
Ореада мнѣ поетъ:
«Всѣ цвѣты къ намъ возвратились,
Дочь твоя ужъ не придетъ!»

Ахъ! я долго дочь искала,
Обѣжала много странъ;
Вслѣдъ за нею посылала
Всѣ лучи твои, Титанъ!
День проходитъ, день уходитъ,
Нѣтъ ни слѣда милыхъ ногъ!
Онъ, который все находитъ,
Лишь ея найти не могъ!
Ужъ не ты-ль, властитель неба,
Скрылъ ее, плѣнясь красой?
Иль въ подземный мракъ Эреба
Взялъ Плутонъ ее съ собой?

Кто же къ ней мой стонъ призывный
Отнесетъ за Ахеронъ?
Челнъ отходитъ непрерывно,
Но лишь тѣни носитъ онъ.
Міръ подземный, мрака полный,
Вѣкъ сокрытъ очамъ земнымъ;
Стиксъ, пока струитъ онъ волны,
Не носилъ еще живыхъ.
Много есть туда тропинокъ,
Но оттуда—ни одной...
Тамъ и токъ ея слезинокъ
Скрытъ для матери родной...

Жены, Пирры поколѣнье!
Вамъ отраденъ смерти часъ:
Огнь священный погребенья
Возвращаетъ къ дѣтямъ васъ.
Лишь для насъ, боговъ блаженныхъ,
Недоступна та рѣка;
Не коснется насъ, нетлѣнныхъ,
Паркъ суровая рука.
Парки! бросьте отъ святыни
Горнихъ странъ меня въ Аидъ!
Не щадите правъ богини.
Мать ихъ бремя тяготитъ!

Я тогда бы легкой тѣнью
Полетѣла въ тѣ края,
Гдѣ она, безъ утѣшенья,
Съ мрачнымъ мужемъ дочь моя,
Истомленная тоскою,
Тщетно ищетъ свѣта дня,
Ищетъ мать и предъ собою
Вдругъ увидѣла бъ меня!
Снова ласки и лобзанья,
И свиданія восторгъ..
О тогда бъ отъ состраданья
Прослезился самый Оркъ!

Тщетный зовъ! мечта пустая!
Все летитъ путемъ своимъ
Колесница дня златая;
Зевса судъ неотразимъ!
Онъ, счастливый, отвращаетъ
Взоръ отъ мрака къ небесамъ.
Что однажды похищаетъ
Ночь, то вѣкъ пребудетъ тамъ...
Развѣ только Стикса воды
Лучъ Авроры озарить,
Иль Ирида Орка своды
Яркой радугой пронзить.

Не остался ль мнѣ примѣтный,
Сладкопамятный залогъ,
Что любви цвѣтокъ завѣтный
И въ разлукѣ не поблекъ?
Нѣтъ ли сладостныхъ сношеній
Между дочерью и мной?
Нѣтъ ли тайныхъ утѣшеній
У отшедшей и живой?
Нѣтъ! не все для насъ пропало,
Хотя и скрытъ ея мнѣ ликъ:
Небо вѣчное послало
Намъ таинственный языкъ.

Лишь умруть питомцы мая,
Лишь Борей, дыханьемъ усть
И листы, и цвѣтъ срывая,
Обнажитъ печальный кустъ,
Дастъ мнѣ сѣмя жизни новой
Рогъ Вертумна золотой,
Я же сѣмя это снова
Стиксу жертвою святой
Опущу въ земное лоно,
Къ сердцу дочери моей:
Это въ область Ахерона
Мой сердечный голосъ къ ней.

Но лишь только съ пляской Оры
Вновь весну къ намъ возвратятъ:
Солнца пламенные взоры
Снова мертвыхъ оживятъ:
Сѣмя, скрытое могилой,
Недоступно для очей,
Выйдетъ бодро, съ новой силой.
Въ царство свѣта и лучей.
Корень ищетъ тьмы Эреба,
Стебель рвется къ небесамъ:
Имъ отъ Стикса и отъ Феба
Дань заботы пополамъ.

Вполовину за могилой,
Вполовину межъ живыхъ,
Ахъ! то вѣстники отъ милой!..
Мнѣ отраденъ голосъ ихъ!

Пусть родную Орка своды
Скрыли въ страшной глубинѣ,
Слышу въ первенцахъ природы
Нѣжный зовъ ея ко мнѣ.
Онъ мнѣ радостно вѣщаетъ,
Что и тамъ, въ странѣ тѣней,
Все любовію пылаетъ
Сердце дочери моей.

Васъ привѣтствую душою,
Чада юныя луговъ!
Да кропитъ на васъ росою
Нектаръ сладостный боговъ!
Краски радуги пролью я
Вамъ на нѣжные листы
И съ Авророй ихъ сравню я
Въ полномъ цвѣтѣ красоты.
Пусть вѣщаетъ блескъ весенній
Всѣмъ восторгъ сердечный мой,
Пусть печальный мракъ осенній
Всѣхъ роднитъ съ моей тоской!

5. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ДОСТОЙНОЕ УВАЖЕНІЯ.

(1796).

Выраженіе одной изъ коренныхъ идей Шиллера: достойна уваженія лишь личность, но не масса, какъ таковая,—не народъ, не человѣчество въ цѣломъ и т. п. То, что въ этихъ группахъ достойно уваженія, проявляется всегда лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Достойное уваженія). Шиллеръ въ переводѣ русск. поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стихов. Шиллера. М. 1899.

ЛЖЕУЧЕНЫЕ.

(1796).

Эпиграмма имѣетъ въ виду ту массу непризванныхъ адептовъ, которые накинулись въ это время на изученіе философіи—тѣхъ «друзей» истины, которыхъ поэтъ считаетъ ея врагами.

1. **М. Михайлов**ъ. (Лжеученые). «Стихотворенія М. Л. Михайлова», 1862 и 1890.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ИСТОЧНИКЪ ЮНОСТИ.

(1796).

Въ отзывѣ о стихотвореніяхъ Бюргера Шиллеръ замѣчаетъ, что молодящій свѣтъ поэзіи спасаетъ душу отъ окаменѣлости преждевременной старости; поэзія—Геба, разносящая небожителямъ напитокъ безсмертія и т. д.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Источникъ юности). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

КРУГЪ ПРИРОДЫ.

(1796).

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Кругъ природы). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ДВА ПОЛА.

(1796).

Колеблясь между поэзіей размышленія и изображеніемъ дѣйствительной жизни, Шиллеръ въ это время тяготѣлъ еще къ прежнему настроенію, выраженіемъ котораго служитъ это стихотвореніе, повторяющее любимую тему поэта (ср. напр. *Достоинство женщины*) въ излюбленной имъ формѣ противоположенія. Своеобразныя особенности половъ, еще слабо выраженныя въ ребенкѣ, понемногу развиваются до рѣзкой противоположности, пока ихъ не примиритъ любовь: вѣчно раздѣльные, они вѣчно связаны ею. Въ статьѣ В. Гумбольдта «О мужской и женской формѣ», напечатанной годомъ ранѣе (1795), изложены мысли, повторенныя въ стихотвореніи Шиллера.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Два пола). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ПОДАРОКЪ.

(1796).

Отправивъ своему пріятелю и поклоннику епископу Дальбергу выпускъ «Альманаха музъ», поэтъ получилъ отъ него въ подарокъ дюжину бутылокъ рейнвейна. *Посохъ съ кольцомъ*—знаки епископскаго сана—изображались на печати и ярлыкѣ бутылокъ вина, взрощеннаго въ церковныхъ владѣніяхъ. *Даровано тыг мнѣ самой музой*—въ оригиналѣ: «тебя добыла для меня муза и муза мнѣ тебя прислала». Послѣднее — намекъ на поэтическіе опыты самого Дальберга.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Подарокъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ГЕНІЙ СМЕРТИ СЪ ОПРОКИНУТЫМЪ ФАКЕЛОМЪ.

(1796).

Въ оригиналѣ: «смерть вовсе не такъ *эстетична*»; въ *Богахъ Греціи* античное изображеніе смерти не казалось поэту столь далекимъ отъ дѣйствительности.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Геній смерти съ опрокинутымъ факеломъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ».
2. **Н. Голованов**ъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

МОГУЩЕСТВО ЖЕНЩИНЫ.

(1796).

Такъ же какъ и *Два пола* находится въ тѣснѣйшей связи съ статьей В. Гумбольдта *О мужской и женской формѣ*, гдѣ говорится, что могущество женщины покоится на ея присутствіи, если не въ дѣйствительности, то хоть въ воображеніи; съ этимъ связана проповѣдь охраненія жественности.

1. **М. Достоевскій.** (Могущество женщины). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ЖЕНЩИНЫ.

(1796).

См. пред. поясненіе.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Женская добродѣтель). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.
3. **О. Чюмина.** Переведено для настоящаго изданія.

СУДЪ СЕРДЦА.

(1796).

Въ оригиналѣ заглавіе: *Женскій приговоръ*. Буквальный текстъ эпиграммы: «Мужчины судятъ на извѣстныхъ основаніяхъ, приговоръ женщины—ея любовь; если женщина не любитъ, она уже осудила». Идея эта намѣчена также въ статьѣ «О необходимыхъ границахъ при употребленіи прекрасныхъ формъ».

1. **А. Струговщиковъ.** (Судъ сердца, безъ указанія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 170.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

СУДЪ ЖЕНЩИНЫ.

(1796).

Отдѣльныя «*дѣйствія* мужа» можно судить только исходя изъ разсудочныхъ, логическихъ *основаній*, на что неспособна женщина; оцѣнить человѣка въ цѣломъ можно, лишь руководясь безошибочнымъ инстинктомъ, присущимъ женщинѣ въ высокой степени,

1. **А. Струговщиковъ.** (Судъ женщинъ, безъ указанія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ЖЕНСКІЙ ИДЕАЛЪ.

(1796).

Въ оригиналѣ имѣетъ еще подзаглавіе *Къ Амандѣ*; опредѣленной личности поэтъ не имѣлъ въ виду; имя взято изъ *Оберона* Виланда, о героинѣ котораго Шиллеръ говоритъ и въ статьѣ «О трагическомъ».

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Женскій идеалъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ПРЕКРАСНѢЙШЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

(1796).

1. **А. Востоковъ.** (Изящнѣйшіе феномены, Шиллера). «Опыты лирическіе А. Востокова». 1806, II

Видѣлъ ли ты красоту, которую борютъ страданья?
Если нѣтъ—никогда ты *Красоты* не видалъ.
Видѣлъ ли ты на прекрасномъ лицѣ написанну радость?
Если нѣтъ—никогда *Радости* ты не видалъ.

2. **Ѳ. Миллеръ.** (Красота и радость, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1842 и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

Кто не видалъ красоты въ минуту сердечной печали,
Тотъ никогда не видалъ красоты;
Кто на прелестномъ лицѣ не встрѣчалъ веселой улыбки,—
Радости тотъ никогда не видалъ.

3. **А. Струговщиковъ.** (Радость и красота, безъ указанія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Ежели радость тебѣ на прекрасномъ лицѣ не являлась,
Радости ты не видалъ.
Если тебѣ красота не являлась въ минуты печали,
Ты не знакомъ съ красотой.

4. **Л. Мей.** (Изъ Шиллера). «Раутъ». 1854 г. и въ собраніяхъ стихотвореній Мея.
5. **Н. Петерсонъ.** (Безъ заглавія и указанія, что переведено изъ Шиллера). «Раутъ». 1854, 52.

Кто красоты не видалъ въ минуту душевныхъ томленій,
Тотъ не видалъ красоты.
Кто на прекрасномъ лицѣ не зрѣлъ выраженія счастья,
Счастья не зрѣлъ никогда.

6. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ГРЕЧЕСКІЙ ГЕНІЙ.

(1796).

Обращено къ художнику Генриху Мейеру, другу Гете, жившему въ Италіи. Мейера считали оба поэта яркимъ исключеніемъ изъ того повальнаго непониманія античнаго искусства, на которое указывалъ Шиллеръ въ стих. *Античное сѣверному странику* и *Антики въ Парижѣ*.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Греческій геній) Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.
2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ОЖИДАНІЕ И ИСПОЛНЕНІЕ.

(1796).

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Ожиданіе и исполненіе, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1842, ч. III, № 5, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

Въ море на всѣхъ парусахъ юноша бодро несется;
Скромно, въ разбитой ладьѣ, въ гавань вступаетъ старикъ.

2. **А. Струговщиковъ.** (Двѣ эпохи жизни, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотв. А. Струговщикова» 1845.

Смѣло, на всѣхъ парусахъ юноша въ море несется,
Тихо, на утлой ладьѣ, къ пристани тянетъ старикъ.

3. **М. Михайловъ.** (Ожиданіе и исполненіе, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ОБЩАЯ УЧАСТЬ.

(1796).

По первому взгляду банальное, но въ сущности глубокое признаніе, проникающее читателя элегическимъ тономъ и силой лиризма. Среди ожесточенной борьбы *Ксеній* (см. ниже поясненія къ *Надписямъ*) поэтъ вспоминаетъ, какъ ничтожна эта—неизбѣжная—борьба въ сравненіи съ мыслью о старости, надвигающейся на обоихъ враждующихъ противниковъ.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Общая доля, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1842, ч. 14, № 7, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

Другъ! мы надѣемся, споримъ, и мнѣнія наши различны;
Но и тебѣ, какъ и мнѣ, время власы серебрить.

2. **М. Михайловъ.** (Общая участь, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, VII, № 42, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

3. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

(1796).

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Дѣятельность человѣка). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ОТЕЦЪ.

(1796).

Написано послѣ рожденія второго ребенка. Какъ ни значительно и плодотворно творчество отдѣльнаго человѣка, оно не связываетъ его съ цѣлымъ мірозданіемъ; лишь собственное дитя дѣлаетъ его звеномъ этой великой цѣпи.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Отецъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ЛЮБОВЬ И АЛКАНІЕ.

(1796).

І. Г. Шлоссеръ, о которомъ упомянуто въ эпиграммѣ,—зять Гете, авторъ «Продолженія платоновскаго діалога о любви», гдѣ между прочимъ говорится: «Если бы Сократъ и его Діотима не смѣшали самую любовь съ жаждой любви («алканіемъ» русскаго перевода), то вторая не могла бы спросить, что достается тому, кто любитъ, а первый не затруднился бы отвѣтомъ, ибо оба поняли бы, что тотъ, кто любитъ, имѣетъ уже все, и лишь до тѣхъ поръ, пока онъ еще жаждетъ любви, ему еще можетъ что-нибудь достаться». Не соглашаясь съ Дюнцеромъ, усматривающимъ въ эпиграммѣ рѣзкую насмѣшку надъ Шлоссеромъ, комментаторы видятъ въ ней выраженіе взглядовъ самого Шиллера.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Любовь и алканіе). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ДИѲИРАМБЪ.

(1796).

Стихотвореніе подъ видомъ посѣщенія боговъ, уносящихъ поэта на Олимпъ, изображаетъ аллегорически минуту вдохновенія. Въ первоначальной формѣ, открытой недавно среди *Ксеній* («Хепіеп» 1796, № 550 и сл.), стихотвореніе озаглавлено *Die Dichterstunde*. Превосходно выражена въ послѣднемъ стихѣ глубоко вѣрная мысль стихотворенія: истинное вдохновеніе не есть бурный восторгъ, но, наоборотъ, высшее проникновенное спокойствіе и прозрѣніе.

1. **В. Кюхельбекеръ.** (Диѳирамбъ, безъ указанія, что переводъ, подписано *Вильгельмъ*). «Сынъ Отечества» 1817, т. XLI, № 42, 152). Кое-что (особенно въ 3-ей строфѣ) прибавлено отъ себя. Переводъ интересенъ только по личности переводчика.

Другъ мой! повѣрь мнѣ, никто изъ безсмертныхъ
Къ намъ одинокъ не сойдетъ:
Либеръ ли сѣнь освѣтилъ моей хаты—
Вотъ ужъ слетаетъ и мальчикъ крылатый
Богъ пѣснопѣнья Амуру во слѣдъ!
И всѣ ниспустились
Великіе боги:
Въ Олимпъ обратились
Земные чертоги.
Чѣмъ же, небесные, я, земнородный, васъ угощу?
Дайте мнѣ нектаръ въ Гефеевой чашѣ,
Дайте въ удѣлъ мнѣ безсмертіе ваше!
Къ вамъ, Уранцды, душою лечу!
Тамъ, тамъ надъ громами
Блаженство живетъ:
О! дайте жъ мнѣ чашу,
Пусть дѣва нальетъ.

Но не Зевеса ли голосъ я слышу?
«Чистаго нектара, о Ганимедъ!
«Полный ты кубокъ налей для пѣвца!
«Очи омой животворной росою,
«Да не смутится Стигійской волною,
«Да не увидитъ восторгамъ конца!»
Источникъ отрады
Сверкнулъ, засребрился;
И стихло волненье
И взоръ прояснился.

2. **В. Жуковскій.** (Явленіе боговъ, безъ указанія, что переводъ). «Славянинъ» 1827, ч. III.

3. **В. К. Ѳ — мъ.** (Дифирамбъ изъ Шиллера) «Астраханская Флора» 1827. Переводъ интересенъ по мѣсту своего появленія.

Мыслить, что Боги
Къ смертному строги,
Я оставляю безумцамъ однимъ!
Съ Вакхомъ сижу-ль я, къ Фалернскому страстнымъ,
Вдругъ забавляюсь съ Амуромъ прекраснымъ,
Фебъ величавый предстанетъ за нимъ.
Грядите, грядите,
Владыки небесны!—
Пріютъ мой богами
Наполнился тѣсный.

Долгу послушный,
Чѣмъ я, радушный
Житель наземный, безсмертнымъ воздамъ?
Полный смятенья, священнаго страха,
Чѣмъ угощу васъ, смиренный сынъ праха?—
Боги, внесите меня къ небесамъ.
Въ чертогахъ Зевеса,
Лишь царствуетъ радость.
О, еслибъ нектара
Вкусили мы сладость!—

«Чашу забвенья
И вдохновенья
Геба, наполни поэту скорѣй!
Взоръ оросится небесною влагой,
Стиксъ ненавистный онъ презритъ съ отвагой,
Чувства восхитятъ его въ Эмпирей!»
Источникъ чудесный
Въ фіалъ заструился!
И грудь отдохнула,
И взоръ прояснился!

4. **В. Печеринъ.** (Дифирамбъ). «Сынъ Отечества» 1831 т. XIX.

Боги—повѣрьте—
Всегда къ намъ нисходятъ
Съ неба толпой:
Бахусъ едва лишь появится милый,
Входитъ съ улыбкой Амуръ легкокрылый,
Фебъ величавый съ цѣвницей златой.
Ужъ близки, ужъ входятъ,
Блистая лучами,
И полно жилище
Земное богами.

—

Что, земнородный,
Я въ даръ принесу имъ—
Дивнымъ гостямъ?
Боги, даруйте мнѣ вѣкъ вашъ нетлѣнный!
Что могу дать вамъ я, слабый и бренный?
Ахъ, вознесите меня къ небесамъ!
Веселье живетъ лишь
Въ Зевеса чертогѣ,—
Вы съ нектаромъ чашу
Мнѣ дайте, о боги!

—

Дай ему чашу,
Геба! Поэту
Нектаръ возлей!
Очи омой ему чудной росою,
Да не трепещетъ предъ Стикса волною,
Да просіяетъ, какъ богъ, межъ людей!
Источникъ небесный
Шумитъ и играетъ,
И сердце спокойно,
И око сіяетъ.

5. **А. Глинка.** (Дифирамбъ). «Литературныя приложенія къ Русскому Инвалиду» 1831, № 31, и «Стихотворенія Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859.

Вѣрьте, я знаю,
Къ намъ не приходятъ
Боги одни:
Только лишь Бахусъ захочетъ спуститься,
Мальчикъ крылатый за нимъ суетится;
Фебъ свѣтлоокій туда жъ, гдѣ они...
Идутъ, подходятъ,
Сближаются съ нами,
Земные чертоги
Полны ужъ богами.

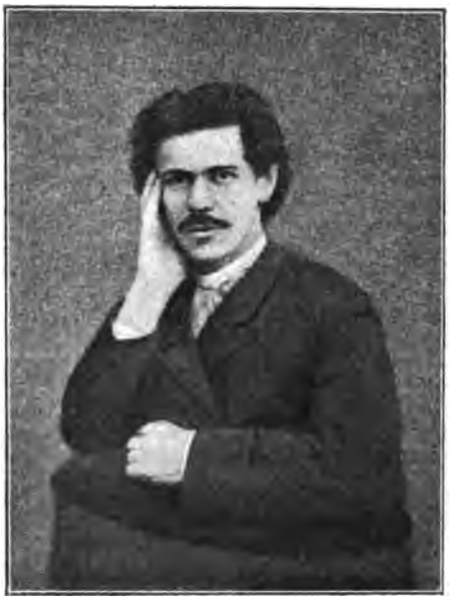
Чѣмъ угощу я—
Я, земнородный,
Свѣтлыхъ гостей?
Дара отъ смертнаго, боги, не ждите;
Дайте безсмертье! меня вознесите
Къ свѣтлому небу, въ свой эмпирей!..
Въ чертогахъ у Зевса
Живетъ только радость:
Подайте жъ мнѣ нектаръ,
Дарующій младость!

«Дай ему нектаръ,
Геба, поэту
Полный фіалъ!
Влагой небесной омой ему очи;
Пусть не страшится онъ стиксовой ночи,
Пусть мнитъ въ упоеньѣ, что нашимъ онъ сталъ!
Небесный источникъ
Играетъ волною,
И перси и око
Полны тишиною.

6. **А. Фетъ.** «Дифирамбъ» «Лирическій Пантеонъ», 1840, и въ позднѣйшихъ изд. стихотвореній.

Боги всегда къ намъ
На землю приходятъ
Дружной толпой.
Только что Бахусъ ко мнѣ принесется,
Тотчасъ крылатый Амуръ улыбнется,
И прилетитъ Аполлонъ золотой.
Стремятся, несутся
Жильцы небо-края:
Безсмертныхъ пріемлетъ
Обитель земная.

Скажите, чѣмъ приметъ
Убогій сынъ Геи
Хоръ неземной?



Константинъ Николаевичъ ЛЬДОВЪ.

О, дайте вы, боги, мнѣ жизнь неземную!
Скажите, что, смертный, вамъ въ даръ принесу я?
Возьмите меня на Олимпъ за собою.
Въ чертогѣ Зевеса
Лишь царствуетъ радость...
Надейте же въ кубокъ
Мнѣ нектара сладость!

«Подай ему кубокъ!—
Полонъ поэту,
Геба, налей!
Росою небесной смочи ему очи,
Чтобъ они вѣчной не видѣли ночи,
Чтобъ онъ былъ равенъ намъ славой своей».
Небесная влага,
Напѣнясь бѣлѣетъ—
И грудь не мятется,
И око свѣтлѣетъ.

7. **А. Струговщиковъ.** (Олимпійскіе гости). «Стихотворенія А. Струговщикова». 1845. Скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ.

Румяный Вакхъ
Не пьетъ одинъ!
Съ нимъ Галатеи
Кудрявый сынъ,
И Немезиды
Младая дщерь,
И Богъ Киприды
Стучится въ дверь!
И входитъ толпою
Безсмертныхъ семья,
И рѣчи со мною
Заводитъ она.
Но чѣмъ угощу я
Небесныхъ гостей?
О боги! я бѣденъ,
Такъ вы наградите,
Вы только безсмертьемъ
Меня надѣлите—
На выси Олимпа
Несите скорѣй!
Радость небесная
Съ вами живетъ
И нектара сладость
Лишь равный вамъ пьетъ!
Поэту, Геба,
Налей бокалъ,
Чтобъ равнымъ Зевсу
Себя считалъ!
Увлажь его очи
Небесной росой,
Чтобъ грознаго Стикса
Не зрѣлъ предъ собою!—
Струится, играетъ
Златое вино,
И жажда стихаетъ,
И око свѣтло!

8. **М. Михайловъ.** (Дифирамбъ, изъ Шиллера). «Отеч. Зап.», 1855, т. CI, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

Порознь безсмертные къ смертнымъ не сходятъ
Съ горныхъ высотъ:
Слѣдомъ за Вакхомъ веселымъ, на праздникъ
Мчится Эротъ прихотливый проказникъ,
Фебъ лучезарный идетъ.
Сходятся гости небеснаго края;
Свѣтлыхъ пріемлетъ обитель земная.

Что въ угощенье сынъ праха предложитъ.
Вѣчнымъ богамъ?
Вы, олимпійцы, меня одарите
Вашею жизнью безсмертной! возьмите
Въ небо лазурное, къ вамъ!
Родина радости—Зевса чертоги...
Вашего нектара дайте мнѣ боги!

—

«Свѣтлымъ напиткомъ налей ему, Геба,
Полный фіалъ!
Влагой небесной омой ему око,
Чтобъ ненавистнаго Стиксова тока
Онъ, какъ и мы, не видалъ!»
Нектаръ Олимпа, ліясь, пламенѣетъ
Сердцу просторнѣе, око свѣтлѣетъ.

9. **В. Алферьевъ.** (Дифирамбъ, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ» 1857, т. I, изд. Гербеля.

10. **Л; К—ій** (Дифирамбъ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля т. IV, 324.

11. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ДОБРО И ВЕЛИЧІЕ.

(1796).

Въ оригиналѣ не *Добро*, а *Доброта*, которая, по мнѣнію поэта, рѣдко соединяется съ величіемъ. «Глубокія и могучія страсти и порывы, всегда тѣсно связанные съ величіемъ духа, не легко склоняются подъ иго нравственнаго закона, и чувство духовнаго превосходства надъ другими легко вводитъ въ искушеніе несправедливости» (Фигофъ).

1. **М. Михайловъ.** (Благо и величіе). «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

2. **Н. Головановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

НАДПИСи (TABULAE VOTIVAE) *).

(1769).

Это собраніе философскихъ двустишій гдѣ, удивительная сжатость формы соперничаетъ съ глубиной мысли, составляетъ часть болѣе обширнаго цѣлаго—того замѣчательнаго и чуть не единственнаго въ своемъ родѣ литературнаго явленія, которое носитъ названіе *Ксеній* Гете-Шиллера; въ немъ двѣ равно удивительныя стороны: во-первыхъ, сотрудничество двухъ геніальныхъ поэтовъ, настолько тѣсное, что никогда не знаешь, гдѣ кончается одинъ и гдѣ начинается другой, и во-вторыхъ—та могучая сила, съ которой эти легкія двустишія очистили литературную арену отъ ничтожествъ, считавшихся по недоразумѣнію почтенными дѣятелями литературы. Полемика сама по себѣ не прельщала поэтовъ: она была для нихъ лишь тягостной необходимостью, иго которой они свергли съ себя, какъ только сдѣлалась возможной мирная созидательная работа. Еще ранѣе неблагопріятнаго пріема, противъ всякаго ожиданія оказаннаго въ публикѣ и литература «Horen», Шиллеръ считалъ необходимымъ дать ясное и рѣзкое выраженіе своимъ отрицательнымъ взглядамъ на общій тонъ и отдѣльныя явленія текущей нѣмецкой литературы. Въ концѣ 1795 года Гете сдѣлалъ предложеніе собрать все, что было высказано въ печати противъ «Горъ» и въ заключительномъ выпускѣ оцѣнить по достоинству эти произведенія мѣщанскаго безвкусія и плоскости. «Когда наберешь вязанку такихъ вещей, онѣ горятъ лучше», писалъ онъ Шиллеру. Черезъ короткое время этотъ замыселъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму; «хорошо было бы,—находитъ Гете, посвятить каждому органу печати двустишіе вродѣ «Xenia» Марціала». *Ксеніями* (отъ греч. словъ «xenion»—подарокъ гостю) назывались у грековъ и римлянъ подарки, которые подносились хозяиномъ гостю при прощаніи. Первоначально эти подарки состояли изъ кушаній, затѣмъ изъ художественныхъ изображеній и воспроизведеній ихъ и наконецъ, изъ краткихъ поэтическихъ произведеній. Въ связи съ этимъ назвалъ *Ксеніями* родъ своихъ эпиграммъ римскій сатирикъ Марціалъ (40—100 г. по Р. Хр.).

Получивъ отъ Гете дюжину эпиграммъ для примѣра, Шиллеръ нашелъ его идею «великолѣпной». Въ январѣ слѣдующаго года, во время пребыванія Гете въ Іенѣ, число *Ксеній* обоихъ поэтовъ дошло до двухсотъ; въ апрѣлѣ поэты мечтали уже о *тысячѣ*; причемъ первоначальный планъ былъ расширенъ, рѣшено было не ограничиваться сатирическими выходками и облекать въ ту же форму двустишія философскія, нравственныя и эстетическія воззрѣнія. *Ксеніи* стали раздѣляться на *благочестивыя* и *безбожныя*, и надо сказать, что по мѣрѣ того, какъ поэты изливали все свое справедливое негодованіе въ ядовитыхъ эпиграммахъ, ихъ мѣсто стали занимать серьезныя, «благосклонныя» *Ксеніи*. Поэты были настолько довольны послѣдними, что, по мнѣнію Гете, можно было «позавидовать мерзавцамъ, противъ которыхъ ведется бой, что они появятся въ такомъ хорошемъ обществѣ». Въ концѣ концовъ въ «Альманахѣ музъ» на 1797 годъ боевыя и личныя *Ксеніи*—число ихъ дошло до 414 были выдѣлены въ конецъ книги, а серьезныя объединены подъ заглавіями *Tabulae votivae* (103 эпиграммы), *Vielen* и *Einer* (по 18). Литературная буря, вызванная появленіемъ этого ядовитаго, мѣстами иногда грубаго, но неизмѣнно сильнаго сатирическаго собранія, была ужасна! въ теченіе полугода литературный міръ не говорилъ ни о чемъ, кромѣ *Ксеній*. Авторы были осыпаны градомъ отвѣтовъ, рецензій, возраженій, анти-ксеній, иногда очень остроумныхъ, но больше сѣрено-злыхъ, полныхъ поражающаго непониманія, съ какими гигантами мысли приходится здѣсь имѣть дѣло, и грязныхъ намековъ и извѣтовъ. Одна изъ карикатуръ противъ «Шиллера и К°» (см. объясненія къ рисункамъ въ концѣ тома) здѣсь помѣщается. Но жрецы не даромъ взялись за метлу; за успѣхомъ скандала послѣдовалъ успѣхъ побѣды; о старыхъ поклонникахъ отвергнутыхъ боговъ нечего было думать,—но литературная молодежь поняла, кого ей слѣдуетъ держаться въ этой борьбѣ направленій,—если можно считать направленіемъ бѣдность мысли, узость кругозора и безвкусіе формы.

Личное раздраженіе играло, несомнѣнно, значительную роль въ появленіи «злыхъ» *Ксеній*, но дальнѣйшія событія показали, насколько идейныя соображенія преобладали въ этой литературной борьбѣ. «Послѣ дерзкой выходки съ *Ксеніями*—писалъ Гете Шиллеру—мы должны заняться исключительно большими и достойными художественными произведеніями

*) Въ дальнѣйшихъ указаніяхъ на переводы отдѣльныхъ «надписей» не повторено каждый разъ отдѣльно указаніе на изд. Голованова, гдѣ онѣ всѣ переведены издателемъ.

и, къ посрамленію всѣхъ противниковъ, — обратить нашу *протееву натуру* въ образы высокаго и прекраснаго».

«Забавно видѣть—писалъ онъ черезъ нѣсколько дней—*что*, собственно, разсердило этихъ людишекъ, *чѣмъ* они разсчитываютъ разсердить другого, какъ пусты, плоски и пошлы ихъ взгляды на чужую жизнь, какъ всѣ ихъ стрѣлы направлены лишь на внѣшнюю оболочку явленій, какъ чужда имъ даже тѣнь пониманія, въ какомъ неприступномъ замкѣ обитаетъ человѣкъ, который серьезно смотритъ на вещи».

Изъ *Ксеній* были опубликованы поэтами далеко не всѣ; значительная часть ихъ стала извѣстна публикѣ лишь въ 1856 г. изъ подлинной рукописи, подаренной извѣстнымъ Эккерманомъ выдающемуся изслѣдователю *Ксеній* Боасу. Въ 1893 году къ нимъ прибавилось еще 169 эпиграммъ,—найденныхъ въ рукописяхъ Гете-Шиллеровскаго архива въ Веймарѣ. Съ этой послѣдней находкой — вѣроятно послѣдней — число двустишій переходитъ за 900. Въ собраніи своихъ сочиненій поэты внесли лишь меньшую часть *Ксеній*— тѣ, которыя не направлены противъ отдѣльныхъ личностей. Нѣкоторыя *Ксеніи* взяты и тѣмъ и другимъ. Примѣру самихъ поэтовъ слѣдуютъ и позднѣйшіе издатели ихъ сочиненій. *Всѣ Ксеніи*, съ ихъ колкостями противъ мелкихъ писакъ, самое имя которыхъ исчезло изъ памяти, даютъ только немногія, любительски-полныя изданія, не предназначенныя для большой публики. Для русской публики эта война съ невѣдомыми людьми представляетъ, конечно, еще меньше интереса.

Въ частности «Надписи», *Tabulae votivae*, были напечатаны въ «Альманахѣ музъ» на 1797 г. отдѣльно, подъ разными заглавіями въ количествѣ 103; въ собраніе стихотвореній Шиллера вошло подъ этимъ заглавіемъ 54. *Tabulae votivae*,—буквально «доски съ обѣтомъ»—назывались у римлянъ доски съ надписями или изображеніями, которыя вѣшали въ храмахъ люди, избѣжавшіе опасности и давшіе соотвѣтственный обѣтъ божеству, спасшему ихъ. Поэтъ сравниваетъ свои изреченія съ такими надписями, потому что эти плоды его мысли, руководя имъ въ жизни, также охраняли его отъ житейскихъ опасностей; на это и указано въ первой эпиграммѣ (безъ заглавія), служащей эпиграфомъ.

I. Надписи.

Ѳ. Миллеръ. Въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера. (Туда же вошли и остальныя «Надписи», переведенныя Миллеромъ).

II. Различное назначеніе.

О размноженіи заботятся милліоны, о развитіи и возвышеніи человѣчества—немногіе, но тѣмъ важнѣе ихъ заслуга. «Какое множество сѣмянъ и зародышей, съ такимъ искусствомъ и трудомъ созданныхъ природой для будущей жизни,—говоритъ Шиллеръ,—снова разлагается на элементы (переходитъ въ міръ неорганической природы), не дойдя до развитія.

Ѳ. Миллеръ. Въ изд. Гербеля.

III. Животворящее.

«Для осуществленія результатовъ мышленія нѣтъ иного пути, кромѣ самостоятельнаго воплощенія ихъ. Лишь то, что есть уже живое, осуществленное дѣяніе *въ насъ*, можетъ стать таковымъ и *внѣ насъ*; и въ этомъ отношеніи творенія духа подобны органическимъ произведеніямъ: лишь изъ цвѣтка выходитъ плодъ» (Шиллеръ).

Ѳ. Миллеръ. Въ изд. Гербеля.

IV. Двоякій образъ дѣйствія.

По убѣжденію Шиллера, нравственное происходитъ изъ прекраснаго; поэтому *творческая* сила присуща только послѣднему.

Ѳ. Миллеръ. Въ изд. Гербеля.

V. Различіе сословій.

«Прекрасная душа» характеризуется въ статьѣ о «Прелести и достоинствѣ» тѣмъ, что «отдѣльныя ея дѣйствія, въ сущности, не нравственны, нравствененъ весь ея характеръ въ цѣлокупности; поэтому ни одно ея дѣяніе не можетъ ей быть вмѣнено въ заслугу: ея единственная заслуга въ томъ, что она есть».

1. **Ѳ. Миллеръ.** Въ изд. Гербеля.

Да въ мірѣ нравственномъ есть благородные, есть
и плебеи.
Плата послѣднихъ—ихъ трудъ, первыхъ-же—сами они.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

VI. Цѣнное и достойное.

«Цѣнность» сообщаетъ человѣку то, что онъ дѣлаетъ, «достоинство» дается ему тѣмъ, что онъ есть; за первое можно платить дѣломъ, за второе лишь своей душой, ему равной.

«Реалистъ спрашиваетъ, *на что* годится вещь, и оцѣниваетъ явленія по ихъ полезности; идеалистъ спрашиваетъ, *хороша* ли вещь, и оцѣниваетъ явленія по ихъ достоинству».(«О наивной и сентимент. поэзіи»).

1. **Ѳ. Миллеръ.** Въ изд. Гербеля.

Если имѣешь ты *нѣчто*—со мной подѣлись: заплачу я,
Если-же *нѣчто* ты *самъ*, душу съ тобой раздѣлю.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

VII. Нравственная сила.

«Чувство» (въ оригиналѣ *schön* empfinden, чуткость къ прекрасному), предполагающее гармонію нравственнаго и чувственнаго, дано не всякому; но при отсутствіи этого высшаго дара возможна дѣятельная сила разума, творящая изъ насъ достойныхъ людей.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Въ изд. Гербеля.

Если нѣтъ чувства въ тебѣ, то тебѣ остается разумно
Дѣлать то духомъ, чего, какъ человѣкъ, не свершилъ.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

VIII. Сообщеніе.

Въ истинѣ важно содержаніе, въ красотѣ все содержаніе творится и исчерпывается формой, способомъ «сообщенія»,—это любимая идея Шиллера, развитая въ 22 письмѣ объ эстетическомъ воспитаніи и намѣченная въ рецензіи о стихотвореніяхъ Матиссона. «Только форма изложенія дѣлаетъ поэта и художника—никогда не содержаніе».

Ѳ. Миллеръ. Въ изд. Гербеля.

*IX—XI. Къ ***.*

Кого имѣлъ Шиллеръ въ виду въ этихъ эпиграммахъ, неизвѣстно; быть можетъ—никого; обращены онѣ, конечно, къ тремъ различнымъ лицамъ; въ одномъ поэтъ цѣнитъ лишь знанія, но не личности,

въ другомъ онъ цѣнитъ именно послѣднюю; третій объединяетъ то и другое: его жизнь поучительна, его поученіе живительно; его поэтому избираетъ поэтъ въ учителя и въ друзья.

1. **Л. Мей.** Въ изд. Гербеля и въ соч. Мея.
2. **М. Лермонтовъ.** (Къ *** изъ Шиллера).

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я.
Но ты мнѣ душу предлагаешь:
На кой мнѣ чортъ душа твоя.

3. **Ѳ. Миллеръ.** Изд. Гербеля.
4. **Н. Гербель.** Въ изд. Гербеля.
5. **П. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

XII. Нынѣшнее поколѣніе.

Поэтъ имѣетъ въ виду дѣйствительную нѣмецкую молодежь конца XVIII столѣтія; какъ извѣстно, къ молодежи конца нашего вѣка (напр. къ русской молодежи восьмидесятыхъ годовъ) не разъ обращался такой-же упрекъ.

1. **Михайловъ.** (Нынѣшнее поколѣніе, изъ Шиллера). «Литературная Газета» 1837, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова».

Ты непонятно мнѣ, племя! Иль было и прежде, какъ нынѣ?
Молоды старцы теперь, юноши стары у насъ!

2. **Ѳ. Миллеръ.** (Нынѣшнее поколѣніе, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1842, № VII.

Было-ль всегда, какъ теперь? люди! я васъ не постигну:
Вижу, что старость юна; но ахъ! и юность стара!

3. **М. Дмитріевъ.** (Нынѣшнее поколѣніе). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

Такъ ли бывало всегда, какъ теперь?—Родъ людей непонятный!
Только лишь старость юна, юность же, ахъ, какъ стара!

XIII. Къ музѣ.

Отголосокъ всегдашняго убѣжденія Шиллера въ высокомъ и совершенно незамѣнимомъ воспитательномъ значеніи искусства.

1. **М. Деларю.** (Къ музѣ, изъ Шиллера) «Опыты въ стихахъ М. Деларю» 1845.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя, не знаю; но видѣть ужасно,
Какъ милліоны людей здѣсь прозѣбаютъ безъ музъ!

2. **М. Михайловъ.** (Къ музѣ, изъ Шиллера). «Иллюстрація» 1848 и въ «Стихотвор. М. Л. Михайлова» 1862.

Что бы я былъ безъ тебя—не знаю; но страшно, какъ взглянешь,
Что безъ тебя этотъ рой сотенъ и тысячъ людей.

3. **М. Дмитріевъ.** (Къ музѣ, изъ Шиллера). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ» изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

Что бы я былъ безъ тебя—я не знаю; но только мнѣ страшно
Видѣть, что безъ тебя—сотни и сотни людей.

4. **Л. Мей.** (Къ музѣ). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Сочиненіяхъ» Мея.

XIV. Ученый работникъ.

Называлась раньше *Филистеръ*, но имѣетъ въ виду не только бездарныхъ тружениковъ науки, которыхъ и по русски называютъ нѣмецкимъ словомъ *гелертеръ*, но и болѣе выдающихся представителей учености, не одухотворенной эстетическимъ вкусомъ. Въ объявленіи объ изданіи «Горъ» поэтъ предполагалъ «разбить стѣну между міромъ науки и міромъ прекраснаго, освободить результаты научнаго знанія отъ ихъ схоластической формы и въ привлекательной оболочкѣ сдѣлать понятными всѣмъ и каждому». Еще ранѣе, въ статьѣ о «сценѣ, какъ нравственномъ учрежденіи», онъ говорилъ: «Или маленькіе умы потому такъ высоко ставятъ свою работу, что она имъ такъ трудна? Сухость, муравьиное прилежаніе и поденщина подъ почетными названіями основательности, серьезности, глубокомыслія окружены хвалой и удивленіемъ... и такъ будетъ длиться, пока ученость и вкусъ, истина и красота не обнимутъ другъ друга, какъ родныя сестры».

М. Михайловъ. (Ученый работникъ). «Иллюстрація», 1848, № 42, 275, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

XV и XVI. Долгъ каждаго и задача.

Эти двѣ эпиграммы включены также Гете въ его «Четыре времени года», и неизвѣстно, кому изъ поэтовъ онѣ принадлежатъ, тѣмъ болѣе, что ихъ идеи равно близки обоимъ. Высшій идеалъ есть всестороннее развитіе; кому оно недоступно, тотъ долженъ развивать въ себѣ то, на что способенъ, чтобы быть если не самодовлѣющимъ цѣлымъ, то хоть достойной частью такого цѣлаго. Еще въ письмѣ къ Лоттѣ Шиллеръ указывалъ, что «жизнь въ жизни рода, раствореніе своего *я* въ большомъ цѣломъ»—его любимая тема. Смыслъ *задачи*: высшее развитіе индивидуальности имѣетъ два результата: разнообразіе людей и въ то-же время ихъ сходство.

М. Михайловъ. (Долгъ каждаго). «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

1. **А. Струговщиковъ.** (Задача, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 174.

Каждый будь тѣмъ, что онъ есть, и каждый Творцу будь подобенъ:
Онъ себѣ вѣренъ, и ты только будь вѣренъ себѣ.

2. **М. Дмитріевъ.** (Задача). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

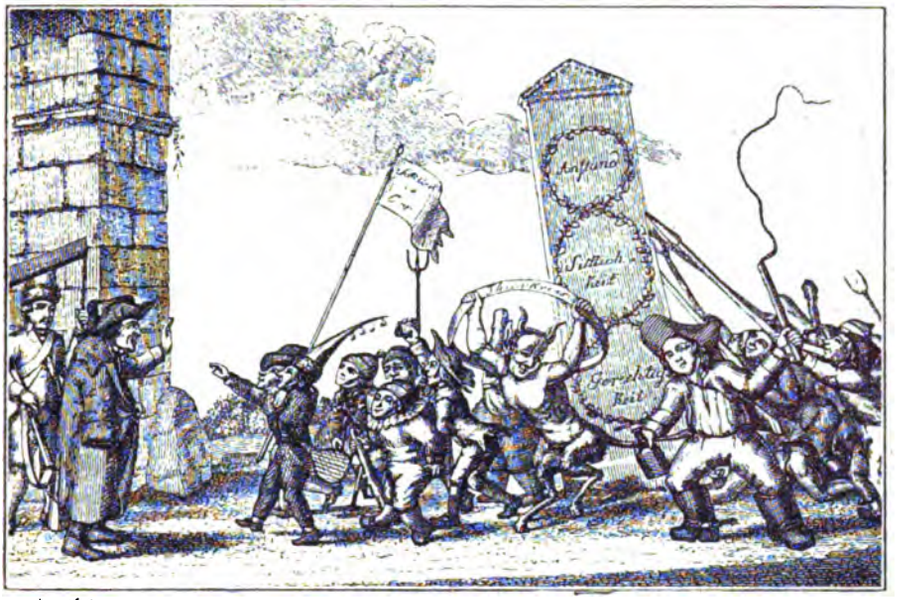
Будь не то, что другой; но будь Вышнему каждый подобенъ!
Какъ же достигнуть того? — Всякъ будь въ себѣ совершенъ.

3. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изд.

XVII. Собственный идеалъ.

Имѣется въ виду Божество, сходное въ разсудочномъ представленіи людей и различное въ ихъ чувствахъ.

1. **Л. Мей.** (Свой идеалъ). «Раутъ» 1854, и въ «Сочиненіяхъ» Мея.
2. **М. Дмитріевъ.** (Идеалъ). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ» изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.



Каррикатура на Шиллеръ-Гетевскія „Ксеніи“ (см. въ „Объясненіяхъ къ рисункамъ“).

Общее всѣмъ, что ты мыслишь; твое лишь, что чувствуешь въ сердцѣ!
Дабы и Богъ былъ твоимъ, чувствуй, чѣмъ мыслить о немъ!

XVIII. Мистикамъ.

Истинная тайна не въ естественномъ мірѣ, окружающемъ насъ.

1. **М. Дмитріевъ.** (Мистикамъ). Въ изд. Гербеля 1857, II, 205, и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

Тайна поистинѣ то, что вѣчно у всѣхъ предъ глазами,
Что окружаетъ всѣхъ насъ; только невидимо вамъ!

2. **Л. Мей.** (Мистикамъ, изъ Шиллера). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Сочиненіяхъ Л. А. Мея».

Есть одна вѣчная тайна: у всѣхъ насъ она предъ глазами.
Все наполняетъ она, но никто не видалъ этой тайны.

3. **Н. Минскій.** Переведено для настоящ. изд.

XIX. Ключъ.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Ключъ). «Москвитянинъ» 1842, № V, тоже въ «Журналѣ Военно Учебныхъ Заведеній», 1842, № 150, стр. 660, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера,

Хочешь узнать ты себя? смотри на людей и учися;
Хочешь людей ты узнать? въ сердце свое загляни.

2. **А. Струговщиковъ.** (Изученіе, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Хочешь себя изучить,—другихъ изучай непрестанно;
Хочешь другихъ понимать—въ сердце свое загляни.

3. **М. Михайловъ.** (Ключъ, изъ Шиллера). «Литературная Газета» 1847, № 33, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

4. **К. Петерсонъ.** (Ключъ, изъ Шиллера) «Раутъ» 1854, 52.

Себя если хочешь узнать, за ближнимъ твоимъ наблюдай!
Коль хочешь постигнуть другихъ, то въ сердце ты вникни свое!

XX. Порицателю.

1. **А. Струговщиковъ.** (Другу, безъ указанія, что взято у Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845.

Строго, какъ совѣсти гласъ, ты судишь мои начинанья.
Вотъ почему я тебя, друга, какъ совѣсть люблю.

2. **Дмитріевъ,** (Порицатель). Шиллеръ въ изд Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева», 1865.

Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;
Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя!

Н. Минскій. Переведено для настоящаго изд.

XXI. Умъ и мудрость.

Обычное для Шиллера и Гете противоположеніе близорукаго ума (вѣрнѣе, разсудка) истинной мудрости, взоромъ проникающей далеко за предѣлы общепринятыхъ мнѣній.

А. Струговщиковъ. (Умъ и мудрость, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

XXII. Согласіе.

По общему мнѣнію (кромѣ Дюнцера), эта параллель между идеалистомъ и реалистомъ имѣетъ въ виду Шиллера и Гете. Характерны замѣчанія въ письмѣ перваго ко второму (1794 г.): «Правда, по первому взгляду можетъ показаться, что нѣтъ большей противоположности, какъ между спекулятивнымъ и *интуитивнымъ* духомъ; первый со всей искренностью и чистотой стремится къ опыту, послѣдній путемъ самостоятельнаго, свободнаго мышленія ищетъ закона. Но на полпути они необходимо должны встрѣтиться. Правда, интуитивный духъ имѣетъ дѣло только съ отдѣльными особями, спекулятивный—только съ родовыми группами. Но если интуитивная мысль геніальна, созданіемъ ея будутъ хотя и отдѣльныя особи, но съ характеромъ групповымъ; равнымъ образомъ, если спекулятивный духъ геніаленъ и если, возвышаясь надъ опытомъ, онъ не порветъ съ нимъ связи, то хотя произведеніемъ его и будутъ только группы, но всегда съ жизненностью отдѣльныхъ особей и съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ дѣйствительнымъ объектамъ».

1. **А. Струговщиковъ.** (Встрѣча, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Истины оба мы ищемъ, ты ее ищешь въ природѣ,
Я ее въ сердцѣ ищу; къ цѣли одной мы придемъ:
Если здоровы глаза, Бога въ природѣ ты встрѣтишь,
Ежели сердцемъ здоровъ, въ сердцѣ его обрѣтешь.

2. **Л. Мей.** Въ «Раутѣ» 1854 и въ соч. Мея.

Оба мы истины ищемъ—ты въ жизни, я въ сердцѣ,
Оба ее мы найдемъ, и найдемъ непремѣнно:
Здравое око Создателя всюду увидитъ,
Здравое сердце въ себѣ Божій міръ отразитъ.

3. **М. Михайловъ.** (Согласіе). «Стихотворенія М. Л. Михайлова». 1862 и 1890.

XXIII. Политическое правило.

Мы можемъ стремиться къ тому, чтобы существующее было хорошо и прекрасно; но чтобы все хорошее и прекрасное стало существующимъ, мы можемъ только желать». («О возвышенномъ»). Эпиграмма направлена противъ Фихте.

Ѳ. Миллеръ. (Политическое правило). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

XXIV. Maiestas populi.

«Ранѣе—замѣчаетъ Гоффмейстеръ—Шиллеръ (напр. въ Тридцатилѣтней войнѣ) говорилъ безъ всякой иронiи о величіи народа»—здѣсь онъ усвоилъ уже себѣ «аристократическія» воззрѣнія Гете. Но и здѣсь говорится не о величіи народа въ прежнемъ смыслѣ, но о томъ духовномъ величіи, которое, по мнѣнію Шиллера, можетъ быть лишь удѣломъ избранныхъ единицъ, но не массы

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XXV. Исправителю человѣчества.

Эпиграмма направлена, главнымъ образомъ, противъ Фихте и выражаетъ обычное воззрѣніе Шиллера и Гете, что можно и должно помогать отдѣльному человѣку, но слѣдуетъ отказаться отъ замысловъ помочь всему человѣчеству, такъ какъ это невозможно. Съ полнымъ правомъ отмѣчаетъ Дюнцеръ узость этого ученія, отрицающаго возможность широкихъ добродѣтельныхъ мѣропріятій, и несправедливость этого упрека по отношенію къ Фихте, планы котораго могли случайно не удаться, но никакъ не могутъ быть названы утопіями.

М. Дмитріевъ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева», 1865.

XXVI. Моя антикритика.

Въ оригиналѣ—*Моя антипатія.* «Не очень рекомендуетъ народъ или эпоху, когда въ нихъ много говорятъ о нравственности вообще или объ отдѣльныхъ высоконравственныхъ поступкахъ; надо надѣяться, что въ концѣ культурнаго развитія,—если о таковомъ можно думать, объ этомъ будутъ разговаривать гораздо меньше». («О нравственной пользѣ эстетическихъ нравовъ»).

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

XXVII. Астрономамъ.

Эпиграмма имѣетъ ближайшую связь съ ученіемъ Шиллера о возвышенномъ. Возвышенное «не живетъ въ пространствѣ потому, что оно есть созданіе нашего разума, «дѣлающее насъ безконечно великими», а не просто очень большое явленіе. Въ «Критикѣ силы сужденія» Канта, вышедшей за годъ до этой эпиграммы, говорится: «Эстетическое впечатлѣніе, получаемое отъ безграничнаго цѣлаго можно назвать возвышеннымъ, не въ зависимости отъ громадности числа, но оттого, что мы постепенно переходимъ все къ бо́льшимъ единицамъ» и т. д.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

Не говорите мнѣ столько о солнцахъ, о пятнахъ туманныхъ:
Развѣ міръ тѣмъ и великъ, что вы исчислили въ немъ?
Правда, предметъ вашъ возвышенъ—все-жъ выше въ пространствѣ;
Но не въ пространствѣ, друзья, ищемъ высокое мы.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

XXVIII. Астрономическія писанія.

Противъ книги проф. Вюнша «Космологическія бесѣды для юношества».

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

XXIX. Лучшее государство.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стих. Миллера.

XXX. Моя вѣра.

Противоположеніе установленной религіозной догмы и глубокаго внутренняго чувства истинной религіозности, которая относится одинаково ко всѣмъ существующимъ религіямъ.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стих. Миллера.

XXXI. Внутреннее и внѣшнее.

Въ переводѣ Мея напрасно прибавлено, *одинъ только Онъ его видитъ*. Мысль Шиллера не въ томъ, что Богъ одинъ только видитъ сердце; человѣкъ, оправдывая дурную внѣшность хорошими мотивами, говоритъ: *Богъ видитъ одно только сердце*, то есть другое его не интересуетъ. Поэтъ возражаетъ: да, это правда, но надо имѣть въ виду и людей, отъ которыхъ скрыты эти хорошіе мотивы и которые видятъ только дурное.

1. **Л. Мей.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Сочиненіяхъ» Мея.

2. **М. Дмитріевъ.** Въ изд. Гербеля 1857 г. и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865.

«Сердце видитъ лишь Богъ!» За тѣмъ-то, что сердце Богъ видитъ,
Ты и старайся, чтобъ быть сноснымъ хоть сколько нибудь!

XXXII. Другъ и врагъ.

1. **Θ. Миллеръ.** «Москвитянинъ» 1842, № III, и въ стихотвореніяхъ Θ. Миллера.

Дорогъ мнѣ другъ; но и врагъ мнѣ полезенъ: одинъ подаетъ мнѣ
Добрый совѣтъ, а другой мнѣ указуетъ мой долгъ.

2. **А. Струговщиковъ.** (Врагъ, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1815.

Часто полезенъ и врагъ: чего въ себѣ сами не видимъ,
Онъ подмѣчаетъ, и тѣмъ насъ же наводитъ на слѣдъ.

3. **М. Михайловъ.** «Иллюстрація» 1848, № 42, и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова», 1862 и 1890.

XXXIII. Свѣтъ и цвѣтъ.

Были попытки считать, въ духѣ Шиллера, «вѣчно одиный» свѣтъ, которому надлежитъ пребывать на высотахъ у Вѣчно-Единаго—*истиной*, а перемѣнчивый цвѣтъ, болѣе подходящій къ людямъ—красотой.

Л. Мей. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ сочиненіяхъ Мея.

XXXIV. Прелестная нераздѣльность.

Болѣе правильный переводъ заглавія. *Прекрасная индивидуальность* (Schöne Individualität). Замѣчательное по сжатости и выразительности опредѣленіе отношеній между личностью и группой, къ которой она принадлежитъ. Умъ говоритъ намъ о нашей самобытности («ты единиченъ умомъ»), но умъ-же учитъ насъ подчиняться закону группы («умъ есть глазъ цѣлаго»). Сердце чувствуетъ себя обособленной единицей («сердце ты самъ»), но оно-же сближаетъ насъ съ другими: «ты единодушенъ съ нимъ (цѣлымъ) сердцемъ». Благо тому, у кого «умъ въ сердцѣ»: для кого подчиненіе цѣлому есть не тягостное велѣніе разума, но самопроизвольное желаніе сердца, это и будетъ «*прекрасная* индивидуальность».

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XXXV. Идеальная свобода.

Кромѣ обычнаго освобожденія отъ мелочей и тяготъ земной жизни—то есть могилы, есть иной путь уже указанный въ «Идеалахъ и жизни»: идеальная свобода духа.

Л. Мей. Въ «Раутѣ» 1854 и въ «Сочиненіяхъ» Мея.

XXXVI. Разнообразіе.

«Разумъ требуетъ единства,—говорится въ «Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи»,—а природа *разнообразія* и обоимъ этимъ законамъ подчиненъ человѣкъ. Первый законъ внушенъ ему неподкупнымъ сознаніемъ, второй—неистребимымъ чувствомъ. Въ священномъ царствѣ морали отдѣльная воля должна растворяться въ общей; въ радостномъ царствѣ игры и видимости (царствѣ красоты) властвуетъ свобода, и если здѣсь также исполняется общій законъ, то онъ исполняется самой натурой отдѣльной личности, то есть всегда въ новой и своеобразной формѣ».

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

XXXVII. Три возраста природы.

Миѳическое міровоззрѣніе одухотворяло природу—въ этомъ его сущность, механическое свело ее къ бездушному дѣйствію силъ; разумное міропониманіе—по Шиллеру—вновь видитъ въ природѣ одухотворенное цѣлое.

Л. Мей. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Сочиненіяхъ» Мея.

XXXVIII. Геній.

Въ оригиналѣ: «*разсудокъ* повторяетъ бывшее до него... *разумъ* (спекулятивный) строитъ за предѣлами природы, въ пустотѣ (абстракціи), лишь геній (художественный) умножаетъ природу въ природѣ», т. е. «не переходя за ея предѣлы», ибо его созданія суть жизненные образы.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XXXIX. Подражатель.

Вполнѣ точная мысль оригинала: подражатель, дѣлая что либо новое изъ чужого созданія, можетъ переработать только хорошее; наоборотъ, генію все равно: всякое созданіе, дурно оно или хорошо, есть для него лишь сырой матеріалъ для творчества.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XL. Геніальность.

Творенія генія подобны божьимъ созданіямъ—они прозрачны, но безпредѣльно-глубоки, какъ эоиръ. «Съ прелестной наивностью выражаетъ геній самыя возвышенныя и глубокія свои мысли: это божьи реченія изъ устъ ребенка» («О наивной и сантимент. поэзіи»).

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

XLI. Изслѣдователи.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XLII. Рѣдкое сочетаніе.

Одна изъ эпиграммъ, показывающихъ, какъ глубоко было взаимодѣйствіе творчества въ «*Ксеніяхъ*», такъ какъ внесена и въ «Четыре времени года» Гете.

А. Струговщиковъ. (Рѣдкое сочетаніе, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

XLIII. Безупречность.

Быть (въ произведеніи искусства) свободнымъ отъ недостатковъ можетъ или могучій художникъ, произведенія котораго служатъ критеріемъ безупречности, или ничтожество, тщательно избѣгающее недостатковъ, но не могущее этой «безукоризненностью» возмѣстить отсутствіе творческой силы; произведенія, свободныя отъ недостатковъ, легко страдаютъ однимъ худшимъ недостаткомъ: посредственностью.

Я. Полонскій. (Безукоризненность, изъ Шиллера Шиллеръ въ изд. Гербеля.

XLIV. Законъ природы.

Развитіе мысли, высказанной въ прошлой эпиграммѣ: бездарность боится отступить отъ схемы старыхъ правилъ, такъ какъ единственное достоинство ея—покорность этимъ правиламъ; наоборотъ, геній, «незнакомый съ правилами, этими костылями слабости, руководимый лишь природой и инстинктомъ, своимъ ангеломъ-хранителемъ, спокойно и увѣренно проходитъ мимо всѣхъ тенетъ дурного вкуса». (О наивн. и сантим. поэзіи»).

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

XLV. Выборъ.

«Что нравится лучшимъ людямъ, то хорошо; что нравится всѣмъ безъ исключенія, то еще лучше» (отзывъ о стихотв. Бюргера). *Стараться* нравиться всѣмъ значитъ понижать требованія къ себѣ; нравиться немногимъ (избранникамъ) значитъ повышать эти требованія и въ концѣ концовъ все таки понравиться всѣмъ. Въ связи—знаменитыя слова Гете: «Кто жилъ для лучшихъ людей своего времени, тотъ жилъ для всѣхъ временъ».

1. **Θ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

2. **М. Дмитріевъ.** (Выборъ, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. А. Дмитріева» 1865.

Если не всѣмъ ты искусствомъ и дѣломъ понравиться можешь,
Многимъ зачѣмъ угождать?—Худо, кто нравится всѣмъ!

XLVI. Музыка.

«Въ противоположность другимъ искусствамъ музыка ничего не *изображаетъ*—она лишь *возбуждаетъ* соотвѣтственныя чувства. Единственный предметъ музыки есть форма ощущеній, она есть изображеніе *способности* ощущенія, такъ какъ она соотвѣтственными внѣшними движеніями сопровождаетъ и воплощаетъ внутреннія движенія души. («О стихотв. Матиссона»).

1. **Θ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля.

XLVII. Языкъ.

Невыразимость мысли въ словѣ—одна изъ любимыхъ идей Шиллера и Гете; первый въ пѣломъ рядѣ писемъ цитируетъ слова своего Донъ-Карлоса не вошедшія въ драму: «какъ дурно, что мысль должна сперва распасться на мертвые элементы языка, что душа должна стать скелетомъ прежде чѣмъ явиться предъ другой душой». Гете: «Слова—образъ души; нѣтъ, не образъ—только тѣнь!» и мн. др.

1. **Θ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

XLVIII. Поэту.

Законное ограниченіе мысли, высказанной въ прошлой эпиграммѣ; если слово разъединяетъ души то вѣдь только оно ихъ и соединяетъ.

1. **Θ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

XLIX. Художникъ.

Высокое мастерство словеснаго стиля, чуждое другимъ искусствамъ заключается въ умѣніи не договорить, чтобы возбудить въ читателѣ самостоятельную работу мысли въ желательномъ направленіи. Извѣстно замѣчаніе Вольтера: «le secret d'ennuyer est celui de tout dire».

1. **А. Струговщиковъ.** (Тайна, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Чѣмъ отличается мастеръ? Въ чемъ его тайна и сила?—
Молча онъ иногда долженъ высказывать мысль.—

2. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

L. Поясъ.

Поэтъ имѣетъ въ виду извѣстную сдержанность языка, не блещущаго яркими красками, но тѣмъ болѣе привлекательнаго.

1. **Θ. Миллеръ** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

Въ поясѣ только хранится вся тайна красоты Аѳродиты:
Скромность ей силу даетъ, скромность и вяжетъ ее.

2. **М. Дмитріевъ.** Стихотворенія М. А. Дмитріева, 1865.

Въ поясѣ прелестей тайну отъ глазъ Аѳродита скрываетъ;
Что же ей прелесть даетъ? То же, чѣмъ связана стыдъ!

3. **Н. Минскій.** Переведено для настоящаго изданія.

LI. Дилетантъ.

Готовый литературный языкъ обладаетъ множествомъ сложившихся формъ, орудія которыми можно создавать суррогаты поэтическихъ произведеній,—которыя однако никого не должны обманы-

вать относительно ихъ истинной цѣнности. Гете въ статьѣ о дилетантизмѣ, написанной при участіи Шиллера, также говоритъ о безстыдствѣ диллетантской лирики, «порождаемой и поддерживаемой воспоминаніями изъ богатаго и развитаго поэтическаго языка и легкостью механическаго созданія хорошей внѣшности».

1. **Ѳ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

2. **П. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

LII. Ложецънители искусства.

Въ переводѣ Миллера измѣнена мысль оригинала, второй стихъ котораго гласитъ: «достойны-ли вы добра», если оно можетъ быть создано лишь вѣчной борьбой *съ вами*».. То-есть: хорошее, вѣчное въ искусствѣ создается лишь *вопреки* указаніямъ и оцѣнкамъ цѣнителей, «болтающихъ объ искусствѣ» (Kunstschwätzer), какъ называется эпиграмма въ оригиналѣ.

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

LIII. Философіи.

За быстрой смѣной философскихъ системъ поэтъ совершенно правильно видитъ вѣчное стремленіе къ истинѣ, непреходящую и единую *философію* въ собственномъ смыслѣ, то есть *любовь къ мудрости*, которая переживетъ величіе и паденіе всѣхъ системъ.

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

LIV. Милость музъ.

Въ оригиналѣ: *вмѣстѣ съ филистеромъ*; кажется, Шиллеръ имѣлъ въ виду извѣстнаго филолога Ф. А. Вольфа.

М. Михайловъ. «Иллюстрація» 1848, № 42 и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

LV. Печать съ изобр. головы Гомера.

Первоначально не входило въ Tabulae votivae, да и не подходитъ къ нимъ по содержанію. Такую печать съ изображеніемъ головы Гомера Шиллеръ самъ заказалъ себѣ черезъ книгопродавца Гешена въ 1790 г.

1. **М. Михайловъ.** «Литературная Газета» 1847 и въ «Стихотвореніяхъ М. Л. Михайлова 1862 и 1890 г.

2. **К. Петерсонъ.** «Раутъ» 1854.

Тебѣ только, добрый Гомеръ, ввѣряю я нѣжную тайну:
О счастіи любящихъ знать можетъ лишь скромный пѣвецъ.

МЕЛОЧИ.

(1796).

Подобно *Надписямъ*, относятся къ числу серьезныхъ *Ксеній*.

1. Эпическій гекзаметръ.

Сравненіе его съ теченіемъ морскихъ валовъ—встрѣчающееся ранѣе у Шлегеля—имѣетъ въ виду не столько ритмическое строеніе этого величаваго стихотворнаго размѣра, сколько внутреннее движеніе, связующее вереницу такихъ стиховъ. Рѣчь идетъ объ *эпическомъ* гекзаметрѣ—то-есть о цѣлой героической поэмѣ,—о Гомеровской по преимуществу.

1. **А. Глѣбовъ.** «Славянинъ», 1827, ч. II, 467.

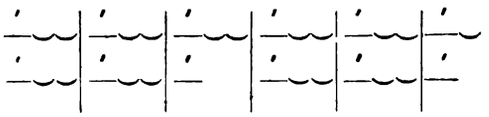
Мощный уноситъ тебя онъ по катящимся волнамъ
Зришь за собою ты, зришь предъ собою лишь море и небо.

2. **Н Гербель.** Шиллеръ въ изданіи Гербеля.

3. **Орестъ Головнинъ.** (Проф. Р. Р. Брандтъ). Переведено для настоящаго изданія.

2. Двустишіе.

Любимый размѣръ Шиллера, своею двойственностью столь подходящій къ антитетическому характеру его поэзіи. Двустишіе состоитъ изъ гекзаметра и пентаметра: двухъ шестистопныхъ стиховъ, по такой схемѣ.



Пентаметръ двумя своими паузами какъ бы смягчаетъ неудержимый бѣгъ дактилей гекзаметра—и двустишіе Шиллера и примѣромъ и сравненіемъ удивительно хорошо характеризуетъ ритмическій строй этой стихотворной формы.

1. **А. Глѣбовъ.** (Двоестишіе). «Славянинъ» 1827, ч. II, 467.

Пышно въ гекзаметрѣ влажный столпъ возстаетъ отъ потока,
И въ пентаметрѣ вмигъ рушится, сладко звуча.

2. **А. Струговщиковъ.** (Гекзаметръ и пентаметръ, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Свѣтлымъ потокомъ струится гекзаметра стихъ граціозный;
Сжатъ, гибокъ и смѣлъ – вотъ онъ пентаметръ мой.

3. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

3. Восьмистрочная станца.

Поэтичное и изящное объясненіе происхожденія *октавы*, эпической итальянской строфы изъ восьми пятистопныхъ ямбовъ, риѳмованныхъ по формулѣ abababcc, то-есть съ троекратнымъ повтореніемъ двухъ риѳмъ.

1. **А. Глѣбовъ.** (Октава) «Славянинъ» 1827, ч. II.

Любовь создала тебя нѣжно-томящаяся! — милая, трижды
Стыдливо бѣжишь ты,—и трижды съ желаньемъ приходишь опять.

2. **Н. Гербель.** Шиллеръ въ изд. Гербеля.

3. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

4. Обелискъ.

За тремя эпиграммами изъ области версификаціи слѣдуетъ пять двустишій, посвященныхъ архитектурѣ.

1. **А. Струговщиковъ.** (почему-то озаглавлено Пирамида и не указано, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1815.

Мастеръ поставилъ меня на подножіи собственной силы:
Стой, сказалъ онъ, и я вѣки стою на пескѣ.

2. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

6. Тріумфальная арка.

1. **Н. Гербель.** Шиллеръ въ изд. Гербеля.
2. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

6. Прекрасный мостъ.

1. **Л. Мей.** (Прекрасный мостъ). Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ сочин. Мея. Переводъ не точенъ.

Жизни шумящія волны бѣгутъ — надо мной, подо мною:
Съ ними къ безсмертью нестись и меня приглашаетъ художникъ.

2. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

7. Ворота.

Съ этимъ двустишіемъ—въ противоположность предыдущимъ—связана не эстетическая мысль, но глубокая соціологическая идея.

1. **Н. Гербель** Шиллеръ въ изд. Гербеля.
2. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

8. На соборъ св. Петра.

Въ связи съ взглядомъ Шиллера: «возвышеннымъ считается тотъ предметъ, который дѣлаетъ безконечно великимъ меня самого».

1. **А. Струговщиковъ.** (Церковь св. Петра, безъ указанія, что взято изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Тщетно въ размѣрахъ моихъ безконечнаго ищете.
Больше
Сдѣлать себя самого, вотъ чего мастеръ хотѣлъ.

2. **Орестъ Головнинъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ПРУЖИНЫ.

(1796).

Мотивомъ для низкихъ, рабскихъ натуръ служитъ страхъ; натура благородная сама идетъ къ исполненію долга; это отвѣтъ на Кантовское опредѣленіе долга «принужденіе къ неохотно исполняемому дѣянію». («Метафизика нравовъ»).

М. Михайловъ. (Triebfedern, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

НѢМЕЦКІЙ ГЕНІЙ.

(1796).

Галльскій скачекъ—французское изящество, остроуміе, тонкость, столь мало свойственныя нѣмецкому духу.

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

ПОЭТЪ-МОРАЛИСТЪ.

(1896).

Направлено противъ Лафатера.
Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля.

СРЕДСТВО СОЕДИНЕНІЯ.

(1796).

Также противъ Лафатера.
Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв. Миллера.

УЛОВКА ХУДОЖНИКА.

(1796).

Противъ романиста І. Г. Гермеса (1738—1821), автора романовъ «Путешествіе Софіи изъ Мемеля въ Саксонію» и «Для дѣвицъ благороднаго происхожденія».

1. **Ѳ. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

Если желаешь понравиться свѣта сынамъ и духовнымъ,
То сладострастье рисуй, да и чертей не забудь.

2. **П. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ВОЗВЫШЕННЫЙ СЮЖЕТЪ.

(1796).

Противъ «Мессіады» Клопштока.

1. **Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотв Миллера.

Муза твоя воспѣваетъ, какъ Богъ сожалѣетъ о людяхъ.
Гдѣ же поэзія въ томъ, что всѣ такъ жалки они.

2. **П. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ТОЛКОВАТЕЛИ КАНТА.

(1796).

Философія Канта вызвала множество толкованій, длинный рядъ которыхъ не кончается и въ наши дни.

1. **А. Струговщиковъ.** (Толкователи Канта, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845.

Сколько, подумаешь, бѣдныхъ прокормитъ богатый заводчикъ!
Ежели строится царь, плотникамъ много хлопотъ.

2. **М. Дмитріевъ.** (Объяснители Канта). «Стихотворенія М. А. Дмитріева» 1865.

Многихъ можетъ богачъ, и одинъ, прокормить неимущихъ!
Ежели строютъ цари—возчикамъ много работъ!

3. **К. Льдовъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ЭПОХА.

(1796).

«Зданіе натуральнаго государства колеблется: его шаткіе устои падаютъ, и кажется, что есть, наконецъ, *физическая* возможность возвести законъ на престолъ, чтить человѣка, какъ самодовлѣющую единицу, и сдѣлать основой политическаго строя истинную свободу. Тщетная надежда! Нѣтъ *нравственной* возможности; щедрая эпоха наталкивается на невоспріимчивое поколѣніе. Здѣсь одичаніе, тамъ бездѣйствіе—двѣ крайности человѣческаго паденія и обѣ соединены въ одной эпохѣ» (Письма объ эстет. воспит.», 5).

1. **М. Михайловъ.** (Великій мигъ). «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890. Переводъ не точенъ.

Вѣкъ породилъ намъ эпоху великую. Боже! какъ горько
Въ этотъ великій моментъ видѣть ничтожныхъ людей!

2. **М. Дмитріевъ.** (Эпоха). «Стихотворенія М. А. Дмитріева» 1866, т. II.

Вѣкъ нашъ великій великую міру рождаетъ эпоху;
Жаль, что великій моментъ—малыхъ встрѣчаетъ людей.

3. **К. Льдовъ.** Переведено для настоящаго изданія.

ДАНАИДЫ.

(1796).

Первоначально (въ *Ксеніяхъ*) было направлено противъ журнала «Новая библіотека изящной словесности», издававшагося лейпцигскимъ книгопродавцемъ Дикомъ и его другомъ Вейссе, и называлось въ рукописи «Дикъ и его молодцы». Новое заглавіе даетъ двустишію общій характеръ насмѣшки надъ всякими неудачными потугами. Въ миѳѣ о Данаидахъ (см. въ словарѣ) не говорится ничего о нагрѣваніи камня.

1. **М. Михайловъ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Михайлова.

НАУКА.

(1796).

Въ этомъ рѣзкомъ осужденіи грубо-утилитарнаго взгляда на науку (см. также «Архимедъ» и др.) поэтъ, кажется, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ цеховыхъ ученыхъ, видящихъ въ наукѣ только ремесло.

1. **А. Струговщиковъ.** (Наука, безъ указанія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

2. **М. Дмитріевъ.** (Наука, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. А. Дмитріева» 1865.

Для иного богиня, сходящая съ неба; другому
Просто корова она, масла дающая скопъ!

НѢМЕЦКАЯ КОМЕДІЯ.

(1796).

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвор. Миллера.

НАТУРАЛИСТЫ и ТРАНСЦ. ФИЛОС.

(1796).

Вѣроятно, противъ «Идей къ философіи природы» Шеллинга, гдѣ онъ дѣлаетъ попытку синтеза естествознанія и метафизики.

М. Михайловъ. «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

УЧЕНЫЯ ОБЩЕСТВА.

(1796).

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

ОБЪЯВЛЕНІЕ КНИГОПРОДАВЦА.

(1796).

Направлено противъ чрезмѣрныхъ рекламъ книгопродавца о книгѣ І. І. Шпальдинга «О назначеніи человѣка».

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

ОПАСНОЕ ПОСЛѢДСТВІЕ.

(1796).

Двустишіе общаго характера было въ свое время намекомъ на преувеличенное преклоненіе Лессинга предъ греческимъ искусствомъ, которое высоко ставили также Шиллеръ и Гете, но не вредили его популярности чрезмѣрными восхваленіями.

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

ГРЕКОМАНІЯ.

(1796).

Какъ и предыдущая эпиграмма—противъ «грекоманіи» Фр. Шлегеля, *«Галломанія»* внѣшнее воспроизведеніе французскихъ «классическихъ» образцовъ—царила въ нѣмецкой литературѣ до Клопштока и Лессинга.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

БАЛОВНИ СЧАСТІЯ.

(1796).

Противъ братьевъ Шлегелей, слишкомъ поспѣшно дѣлившихся съ читателемъ—въ довѣріи къ своей геніальности—плодами своихъ размышленій.

А. Струговщиковъ. (Маленькіе генін, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 168.

ГОМЕРИДЫ.

(1796).

Ср. поясненіе къ стихотвор. *Иліада* (стр. 392). Геттингенскій профессоръ Х. Г. Гейне (1729—1812) былъ противникомъ Вольфа, хотя также не признавалъ единства поэмъ Гомера.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

РѢКИ.

(1796).

Изъ *Ксеній.*

1. Рейнъ.

Съ эпохи возрожденія національнаго чувства, въ Германіи перестали видѣть въ Рейнѣ западную границу, выраженіемъ чего была извѣстная пѣсня Арндта: «Рейнъ—нѣмецкая рѣка, не нѣмецкая граница.»

2. Рейнъ и Мозель.

Страна между Рейномъ и Мозелемъ извѣстна «духовнымъ безплодіемъ».

3. Дунай въ Австріи.

Австрійцы, особенно вѣнцы, были тогда, какъ и теперь, извѣстны, какъ веселый, жизнерадостный народъ, какъ и файаки (фэаки), племя, упоминаемое въ «Одиссеѣ».

4. Майнъ.

Комплиментъ Гете—уроженцу Франкфурта.

5. Заала.

Хвала тюрингенскимъ государямъ, особенно Карлу-Августу.

6. Ильмъ.

Также комплиментъ Гете и другимъ поэтамъ, жившимъ въ Веймарѣ—Виланду, Гердеру.

7. Плейса.

Лейпцигъ, литературный центръ—стоитъ на Плейсѣ.

8. Эльба.

Намекъ на І. Х. Аделунга (1732—1806), который объявилъ самымъ чистымъ нѣмецкимъ языкомъ саксонское нарѣчіе.

9. Шпре.

Послѣ высокопарныхъ одъ, въ которыхъ Раплеръ воспѣвалъ Фридриха II, поэзія въ Берлинѣ почти умолкла.

10. Везеръ.

11. Цѣлебный источникъ въ Карлсбадѣ.

Поэтъ лечился въ Карлсбадѣ.

12. Пегницъ.

Намекъ на нюрнбергскій кружокъ поэтовъ Орденъ цвѣтовъ и пастуховъ на Пегницѣ», основанный въ XVII стол. и имѣвшій значеніе въ развитіи нѣмецкой поэзіи, но во время Шиллера влачившій жалкое существованіе.

*13. **—скія рѣки.*

14. Зальца.

Правильнѣе было-бы какъ въ оригиналѣ,—Зальцахъ. Игра словъ (Salz значитъ соль) не могла быть передана въ переводѣ.

15. Безымянная рѣка.

Подразумѣвается рѣка Фульда, на которой стоялъ извѣстный Фульдскій монастырь, затѣмъ епископство.

16. Les fleuves indiscrets.

Миллеръ во второмъ стихѣ слово «Schätzchen» перевелъ такъ, какъ его обыкновенно понимаютъ: возлюбленная. Въ дѣйствительности у Шиллера говорится не о «дѣвушкѣ, которая была мила Дидероту», но о драгоцѣнностяхъ, которыя въ романѣ *«Les bijoux indiscrets»* нескромно разсказываютъ о непристойныхъ похожденіяхъ своихъ хозяекъ. Вмѣсто слова *Schätzchen* (значитъ—и сокровище и возлюбленная), введшаго русскихъ переводчиковъ въ заблужденіе, въ первонач. редакціи было *Steine*—камни.

Θ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

У Миллера не переведено двустишіе о Майнѣ; для настоящаго изданія оно переведено П. И. Вейнбергомъ.

ІЕРЕМІАДА.

(1796).

Десять *Ксеній*, соединенныхъ въ одну сатиру по поводу нелѣпыхъ сожалѣній о «добромъ, старомъ времени» въ нѣмецкой литературѣ. До какой степени глубоко было даже въ лучшихъ умахъ это непониманіе могучаго литературнаго движенія, совершающагося предъ ихъ глазами, показываетъ напр. предисловіе Виланда къ собранію его сочиненій (1794 г.), гдѣ авторъ говоритъ, что началъ свое литературное поприще при восходѣ солнца нѣмецкой словесности, а заканчиваетъ его—въ вечернихъ су-

меркахъ. Въ духѣ такой жалобы написана *ереміада*, отдѣльныя двустишія которой носили названія:

1. Іереміады изъ «Имперскаго Указателя», — гдѣ особенно часто раздавались такія жалобы.

2. Тяжелыя времена; намекъ на Николаи, который противополагалъ «здравый смыслъ» философіи.

3. Скандалъ; Шиллеръ наравнѣ съ Кантомъ былъ противникомъ морализующаго искусства.

4. Публика въ недоумѣніи.

5. Золотой вѣкъ; намекъ на комедіи Геллерта, Вейссе, Дика, гдѣ выставлялась «милая наивность» горничныхъ.

6. Комедія, еженедѣльная гостья—намекъ на комедію датскаго драматурга Гольберга «*Die Wochenstube*».—*Зигмундъ* любовникъ въ «Нѣжныхъ сестрахъ» Геллерта; *нѣжный Амандъ* есть переводъ нѣмецкаго *süsser Amant*—нѣжный любовникъ (Зигмундъ). *Маскариль*—слуга въ комедіи Лессинга «*Schatz*».

7. Старый нѣмецкій театръ—о подражаніяхъ французской трагедіи по литературной теоріи Готшеда. «Ты нашъ котурнъ-минуэтъ.—неточно; въ оригиналѣ: «И ты минуэтный шагъ нашего котурна в ятаго на подержаніе , то есть: «и ты, вялый стихъ нашей трагедіи ·.

8. Романъ; намекъ на романы Галлера.

9. Понятная проза; также и мысли чтецовъ вмѣсто *читателей*. Какъ извѣстно, Шиллеру была противна эта манера не оставлять ничего размышленію читателя.

10. Хоръ.

Ѳ. Миллеръ. Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ стихотвореніяхъ Миллера.

ФИЛОСОФЫ.

(1796).

Состоитъ изъ 19 *Ксеній*. Въ собраніи философовъ, засѣдающихъ подъ предсѣдательствомъ Аристотеля въ аду, является «ученикъ», желающій получить ясный и вѣрный отвѣтъ о высшихъ истинахъ бытія (*то, что «потребно одно»*). *Іенскій временникъ*—«Іенская всеобщая литературная газета», получаемая въ аду, даетъ философамъ свѣдѣнія обо всемъ и они формулируютъ поочередно свое «всегодное», основное положеніе. Четыре заключительныхъ двустишія насмѣшка надъ излишней изворотливостью ученыхъ юридическихъ теорій и надъ ригоризмомъ Канта, требовавшаго нравственныхъ дѣяній не по склонности, но вопреки ей, только по сознанію долга.

1. **М. Дмитріевъ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля.

2. **Яхонтовъ.** (Философы) «Искра» 1871, № 52, и въ «Стихотвореніяхъ Яхонтова», Спб. 1884.

3. **Владиміръ Соловьевъ.** Переведено для настоящаго изданія.

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ТѢНЬ ШЕКСПИРА.

(1796).

Составленная изъ 23 *Ксеній* «пародія» на то мѣсто изъ *Одиссеи*, гдѣ Одиссей въ аду разговариваетъ съ Геркулесомъ. Здѣсь подъ видомъ Геркулеса (Иракла) является Шекспиръ, бесѣдующій съ поэтомъ о драмѣ. Подъ *Тирезіемъ* (см. въ словарѣ) скрывается преобразователь нѣмецкой драмы Лессингъ, о «драматургіи» (въ переводѣ «книга уроковъ») котораго идетъ рѣчь ниже.—*Твой въ латахъ мертвецъ* тѣнь отца Гамлета.— Стихи: *Пасторъ, торговли совѣтникъ* и т.д полны намековъ на современныя Шиллеру «мѣщанскія» драмы, причемъ поэтъ не пощадилъ и себя: въ оригиналѣ вмѣсто *плутуютъ* сказано —*Sie machen Kabale*—(*und Liebe*—«Коварство и любовь»).

1. **П. Катенинъ.** (Тѣнь Шекспира). «Сочиненія П. Катенина» 1832.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ТЕАТРЪ ЖИЗНИ.

(1796).

Написано для новогодняго изданія «Панорамщикъ», но напечатано впервые въ собраніи стихотвореній 1803 г. Заглавіе въ оригиналѣ: *Игра жизни* можно было бы передать *Панорама жизни*.

1. **А. Струговщиковъ.** (Панорама свѣта, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Не хотите ли, отъ скуки,
Въ панораму заглянуть?
Вотъ и ящикъ! Въ маломъ видѣ,
Весь большой и малый свѣтъ;
Но съ условіемъ, поближе
И попристальнѣй смотрѣть.
Вотъ старый и малый, вотъ нищій и знатный,
И вотъ въ отдаленьи ихъ общая цѣль!
Къ ней мчатся, одна за другой, колесницы,
Дрожитъ мостовая и оси трещатъ!
Всякій хочетъ свои силы
Или счастье испытать;
Но до пристани желанной,
Гдѣ Фортуна госпожа,
Путь ухабистъ и до цѣли
Лишь десятый доскакалъ.
Прелестныя жены стоятъ у буфета,
Съ улыбкой онѣ принимаютъ друзей
И, рѣдкіе гости, пріемлютъ награду
Изъ миленькихъ ручекъ, какъ должную дань.

2. **Холодковскій.** (Театръ жизни). Шиллеръ въ изданіи Гербеля.

3. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

КЪ ЭММѢ.

(1796).

1. **В. Жуковскій.** (Къ Эммѣ, изъ Шиллера). Первоначально въ «Славянинѣ» 1828, ч. VIII.

2. **И. Козловъ.** (Къ Эммѣ, изъ Шиллера). Первоначально въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1834, 1, 109.

Туманъ далекій затмеваетъ
Былую радость навсегда;
И только взоръ еще плѣняетъ
Одна прекрасная звѣзда.
Но звѣзды прелестью своей—
Лишь блескъ одинъ во тьмѣ ночей.
Когда бъ ты въ гробѣ охладѣла,
Уснула непробуднымъ сномъ,
Тобой тоска бъ моя владѣла,
Жила бы въ сердцѣ ты моемъ.
Но ахъ! собою свѣтъ плѣня,
Ты въ немъ живешь не для меня.

Иль сладость нѣжности сердечной,
О Эмма! можно позабыть?
Тому, что гибнетъ, что не вѣчно,
О Эмма! какъ любовью быть?
Ужель огонь ея святой
Исчезнетъ, будто жаръ земной!

3. В. Кашаевъ. (Жажда любви, вольное подражаніе Шиллерову стихотвор. «An Emma»). «Стихотворенія В. Кашаева» 1837.

4. М. Лермонтовъ. (Къ Нинѣ, изъ Шиллера).

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья скромнаго мечта!
По одной звѣздѣ прекрасной
Мнѣю, бѣдный сирота..,
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.

Пусть на вѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ
Пусть на вѣкъ глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свѣтъ—
И любви моей какъ нѣтъ!

Можетъ ли любви! страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?

5. Н. Головановъ. Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

ОЖИДАНІЕ.

(1796).

«Что касается благозвучія языка, красоты стихотворной формы, а особенно выразительности чередованія строфъ и прежде всего—музыки ощущеній—я не знаю равнаго стихотворенію Шиллера» (Фигофъ). Эстетическіе разборы этого знаменитаго стихотворенія занимаютъ у нѣмецкихъ комментаторовъ многія страницы, но объясненій оно не требуетъ.

1. А. Покровскій. (Ожиданіе, изъ Шиллера). «Благонамѣренный» 1819, № 13; переводъ плоховатъ.

2. А. Мейснеръ. (Ожиданіе, подражаніе Шиллеру). «Стихотворенія А. Мейснера» 1836. Вольное подражаніе.

3. Вероновъ. (Ожиданіе, подражаніе Шиллеру) «Стихотворенія Веронова» 1838. Безобразный, малограмотный переводъ.

4. И. И. (Ожиданіе, безъ указанія, что переведено изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія» 1843, т. LXI Заключительныя строки совсѣмъ не переданы.

Не замка ли звукъ отрадный
Въ отдаленьи слышу я?...
Нѣтъ: шумитъ потокъ прохладный,
Шепчетъ тополей семья.

Душистый кленъ! роскошнѣе развѣй
Зеленыя, узорчатыя сѣни...
Пускай наметъ раскинутыхъ вѣтвей
Закроетъ насъ въ дыму прозрачной тѣни,
И вѣтерокъ ночной шумитъ рѣзвѣй,
Когда предметъ моихъ ночныхъ видѣній,
Какъ райскій духъ сойдетъ она ко мнѣ
При блескѣ звѣздъ, въ глубокой тишинѣ.

Слышенъ шорохъ; за вѣтвями
Кто-то ходитъ, торопясь...
То надъ темными кустами
Птица быстро поднялась.

О, догорай, блестящій день! Скорѣй
Закрой насъ, ночь, звѣздистой пеленою;
Пускай узоръ сиреневыхъ кудрей
Насъ окружитъ таинственной стѣною!..
Любовь бѣжитъ внимательныхъ очей:
Цвѣтетъ она въ тѣни, порой ночною,
Когда звѣзда Киприды нѣжно льетъ
Дрожащій свѣтъ на гладь уснувшихъ водъ.

Издалека чьи-то крики,
Будто зовъ, летятъ ко мнѣ..
Нѣтъ: то кличетъ лебедь дикій,
Засыпая на волнѣ.

Какъ тихо все!... Изъ чащи родника
Журчитъ струя подъ ивою наклонной;
Чуть зыблемый лобзаньемъ вѣтерка,
Стоитъ нарцисъ, склонясь главою сонной;
Киваетъ гроздъ; на сгибѣ стебелька
Подъ листьями спитъ персикъ благовонный,
И вѣтерокъ, струясь изъ-за куста,
Свѣжитъ мои горячія уста.

Не шаги ли это слышны
Въ темной зелени ракитъ..
Нѣтъ: налитый влагой пышной,
Съ гибкой вѣтки плодъ летитъ.

И гаснетъ день.. На западѣ блѣднѣе
Блеститъ зари багряной полоса;
Ночной цвѣтокъ въ тѣни запахъ сильнѣе
И весело на стеблѣ поднялся ..
Встаетъ луна и хоръ свѣтилъ за нею...
Вотъ часъ, когда стыдливая краса
Съ улыбкою въ груди своей перловой
Роняетъ въ прахъ прозрачные покровы.

Чей-то ликъ въ одеждѣ бѣлой
Изъ вѣтвей мелькаетъ мнѣ...
То сильванъ осиротѣлый
Серебрится при лунѣ.

А сердце ждетъ.. За тѣнью небывалой
Стремится взоръ... Напрасно все! Тоска
Вливается въ тайникъ груди усталой...
О, если бы прелестная рука
И длинные изгибы покрывала
Меня теперь коснулися слегка,—
Какъ чудно, какъ цвѣтисто ожила бы
Мечта моя, цвѣтокъ простой и слабый!..

5. Л. Мей. (Ожиданіе, изъ Шиллера). Первоначально въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1855, CXXXI.

6. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ТАЙНА.

(1796).

Близкое по сюжету къ предыдущему, это стихотвореніе отличается отъ него столь характернымъ для прежнихъ произведеній Шиллера элементомъ размышленія, рефлексіи; оно болѣе разсудочно и потому менѣе горячо. Мысль о томъ, что счастье слетаетъ къ человѣку какъ нежданный даръ боговъ, независимо отъ его усилій (строфа 2), не разъ получала выраженіе у Шиллера («Счастье», «Могущество мгновенія» и др.), равно какъ основная мысль всего стихотворенія: счастье любви должно скрываться отъ глазъ недоброжелательнаго міра («Геро и Леандръ», «Мессинск. невѣста», «Пикколомини»).

1. **М. Дмитріевъ.** (Тайна, изъ Шиллера). «В. Е.» 1821, ч. CXVIII, № 11. Переводъ тяжеловѣсный.
2. **К. Аксаковъ.** (Тайна, изъ Шиллера). «Московскій Наблюдатель» 1838, т. XVIII, 19.
3. **Головановъ.** Лирическія стихотворенія Шиллера, М. 1899.

ШИРИНА и ГЛУБИНА.

(1797).

Близка къ основной идеѣ стихотворенія мысль, высказанная въ шестомъ «Письмѣ объ эстетическомъ воспитаніи»: «Сосредоточивая всю энергію нашего духа и все наше существо въ одной точкѣ, мы окрыляемъ эту единственную силу». Порицая разбрасываніе и раздробленіе силы въ *дѣятельности* гдѣ примѣненіе энергіи должно быть не *широко*, но *глубоко*, поэтъ, наоборотъ, въ мышленіи (см. второе *Изреченіе Конфуція*) рекомендовалъ прежде всего *широту*, которая является источникомъ *глубины*.

Переводъ А. Струговщикова, вѣрно передавъ основное настроеніе, настолько далекъ въ подробностяхъ отъ подлинника, что можетъ быть скорѣе названъ подражаніемъ.

1. **А. Струговщиковъ.** (Ширина и глубина). Шиллеръ въ изд. Гербеля.
2. **Н. Майскій.** «Думы и пѣсни». Спб. 1882.
3. **Н. Голованов.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

СВѢТЪ и ТЕПЛОТА.

(1797).

Видя опасности, которыми грозитъ сердечности («теплотѣ») ясное и глубокое знаніе жизни («свѣтъ»), которое такъ часто «свѣтитъ, да не грѣетъ», поэтъ выражаетъ пожеланіе, чтобы, въ людяхъ соединялась «прозорливость мыслителя съ увлеченіемъ мечтателя», какъ гласитъ заключительный стихъ подлинника.

1. **В. Треборинъ.** (Свѣтъ истины и чувство, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1858, № 32. Растянутый и неточный переводъ.
2. **Н. Майскій.** «Заграничн. Вѣст.» 1882 г. № 12.
3. **Н. Голованов.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.
4. **А. Колтоновскій.** Переведено для настоящаго изданія.

Кн. Эсперъ Эсперовичъ УХТОМСКІЙ.

СЛОВО ВѢРЫ.

(1797).

Могучій переворотъ мысли, совершенный философіей Канта, былъ въ связи съ знаменитымъ его доказательствомъ, что свобода, добродѣтель, безсмертіе души, Божество не могутъ быть обоснованы чистымъ разумомъ: эти идеи суть только требованія нашего практическаго разума: «промыселъ не желалъ, чтобы понятія, безъ которыхъ совершенно наше счастіе, были основаны на изобрѣтательности въ изысканіи доводовъ, и потому непосредственно внушилъ ихъ естественному здравому смыслу». Если эти идеи не могутъ быть результатомъ логическаго мышленія, то въ нихъ можно *вѣрить*, и такую вѣру со всей силой глубоко убѣжденнаго человѣка проповѣдуетъ поэтъ въ своемъ прочувствованномъ стихотвореніи. Онъ взялъ только три идеи, оставивъ въ сторонѣ безсмертіе души; объясненіе этого пропуска очень занимаетъ нѣмецкихъ комментаторовъ. Вѣроятнѣе всего (такъ полагаетъ и Дюнцеръ) онъ, какъ и многіе, считалъ идею безсмертія души неразрывной съ идеей существованія Бога.

Свобода, о которой говоритъ Шиллеръ, не есть политическая свобода, но внутренняя свобода разумнаго существа.

Стихъ, «Не бойтесь, что рабъ свои цѣпи порветъ», по толкованію комментаторовъ (кромѣ Дюнцера), гласитъ, вопреки буквальному смыслу своему наоборотъ: «*Бойтесь раба*, когда онъ разбиваетъ свои цѣпи, но не бойтесь свободнаго человѣка». Стихъ: «Не бойтесь-же, ярость толпы не страшна» долженъ быть понятъ такъ: ярость толпы, можетъ быть, и страшна, но не въ этомъ дѣло: *пусть она не вводитъ васъ въ заблужденіе* относительно истинной свободы.

1. **А. Востоковъ.** (Три слова, изъ Шиллера) «Стихотворенія А. Востокова» 1821. Переводъ тяжеловѣсный.

2. **А. Струговщиковъ.** (Три слова, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», 1845, 7. Переводъ неточный. Третья строфа очень отдаленно замѣняетъ вторую подлинника.

Три слова я молвлю, отъ сердца они,
Велико ихъ на свѣтѣ значенье,
Три слова начало берутъ не извнѣ,
Но завѣщаны намъ отъ рожденья:
Человѣкъ на печальный конецъ обреченъ,
Если въ эти три слова не вѣруетъ онъ.

—

Онъ вѣровать долженъ въ небесную дщерь,
Добродѣтелью дщерь та зовется;
Она не страшится ни бѣдъ, ни потерь,
Ея голосъ на все отзовется:
Это то, чего разумъ разумныхъ неймѣтъ,
Въ простотѣ же разсудка младенецъ поймѣтъ.

—

Онъ вѣровать долженъ, что съ волей рожденъ,
Долженъ вѣрить въ свое назначенье—
Рабомъ своей воли останется онъ,
Если въ душу проникнетъ сомнѣнье:
Та свобода внѣ силы, внѣ власти земной,
И свободенъ лишь тотъ, кто владѣетъ собой.

Есть Богъ! Его воля святая живетъ!
И за жизнью наступитъ ли тлѣнье—
Изъ тлѣнья начало той жизни встаетъ,
Что почило въ начало творенья:
Не смущайся же тѣмъ, что глупецъ говоритъ,
Ниже тѣмъ, что вседневная мудрость твердитъ.

—

Три слова я молвилъ, значенье имъ далъ;
Пусть они далеко отзовутся,
И какъ бы кто низко душой ни упалъ,
Тѣ три слова ему остаются:
Человѣкъ не погибъ и всего не лишенъ,
Если въ эти слова еще вѣруетъ онъ.

3. **Э. Губеръ.** (Слова вѣры, изъ Шиллера). «Сочиненія Э. Губера», 1859, т. I, 211.

Три слова я знаю—въ нихъ тайна святая,
Ихъ люди умомъ постигаютъ;
Они переходятъ изъ устъ въ уста,
Но въ сердцѣ одномъ обитаютъ;
Человѣкъ невозвратно погибнетъ въ грѣхахъ,
Не вѣруя смыслу въ высокихъ словахъ.

—

Онъ созданъ свободнымъ—свободенъ онъ,
Хотя-бы въ оковахъ родился;
Крикъ черни безуменъ и вѣчный законъ
Попыткой глупцовъ не смѣнился;
Низвергнувъ оковы, страшитесь раба,
Но тотъ, кто свободенъ, страшится грѣха.

—

И есть добродѣтель въ правдивыхъ сердцахъ,
Доступная грѣшному взору;
Пусть смертный родится и гибнетъ въ грѣхахъ, —
Онъ видитъ святую опору;
Что скрыто отъ разума мудрыхъ людей,
То ясно понятію слабыхъ дѣтей.

—

Есть Богъ и небесная воля святая,
Хотя-бъ измѣнялась земная;
Надъ вѣкомъ и тѣснымъ пространствомъ одна
Возносится дума живая,—
И пусть за измѣной измѣна грозитъ,
Средь измѣны духъ мирный ко цѣли спѣшитъ.

Три слова храните; въ нихъ тайна святая,
Изъ устъ ихъ въ уста передайте;
Доступныхъ лишь свѣтлому взору ума.
Ихъ сердцемъ однимъ постигайте!
Человѣкъ не подвластенъ коварнымъ грѣхамъ,
Пока еще вѣритъ чудеснымъ словамъ.

4. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

5. **Ин. Д. Цертелевъ.** Переведено для настоящаго изданія.

КУБОКЪ.

(1797).

Въ оригиналѣ заглавіе *Водолазъ*. Основой этой знаменитой баллады, вполнѣ усвоенной и русской литературою великолѣпнымъ переводомъ Жуковскаго, послужило преданіе о замѣчательномъ средневѣковомъ итальянскомъ пловцѣ по имени Николай-Рыба (Pesce-Cola или Pescecola). Непосредственный источникъ Шиллера не извѣстенъ; по всѣмъ вѣроятіямъ сюжетъ сообщенъ ему Гете, который, при своихъ занятіяхъ естественными науками, изучалъ также старинную книгу іезуита Аѳанасія Кирхера «Mundus subterraneus» (1678), гдѣ сохранилось наиболѣе подробное изложеніе легенды о Николѣ-Рыбѣ; легенда эта очень стара—старѣе XII вѣка, когда трубадуръ Іорданъ упоминалъ (1192) – о замѣчательномъ пловцѣ Николаѣ изъ Бари, который «подолгу оставался среди рыбъ». Кирхеръ разсказываетъ, какъ Николай-Рыба бросился въ Харибду за драгоцѣннымъ кубкомъ, который швырнулъ туда король, досталъ его изъ страшнаго водоворота и разсказалъ королю объ ужасахъ, которые тамъ творятся, и въ награду получилъ кубокъ, на вопросъ короля—рѣшится ли онъ спуститься въ гибельную пучину вторично?—онъ отвѣтилъ: нѣтъ, — но жадность преодолѣла, и, бросившись въ потокъ вторично, онъ уже не выплылъ. Ни въ одномъ изъ варіантовъ этого преданія нѣтъ ни слова о королевской дочери: введеніе ея въ разсказъ есть оригинальный поэтическій мотивъ, самостоятельно созданный Шиллеромъ. Имъ же въ высокой степени облагорожены мотивы, заставляющіе смѣлаго юношу рисковать жизнью: это, несомнѣнно, не золотой кубокъ, обѣщанный удальцу въ награду, но прежде всего любознательность, отвага, ищущая примѣненія, и во второй разъ—любовь. Изъ переписки Шиллера явствуетъ съ полной несомнѣнностью, что онъ и не зналъ о книгѣ Кирхера. Въ іюнѣ 1797 года Гете писалъ ему: «Утопите-же поскорѣе вашего водолаза. Недурно, что въ то время, какъ я толкаю моихъ то въ огонь, то изъ огня («Коринѳская невѣста» и «Богъ и баядерка»), вашъ герой предпочитаетъ противоположный элементъ. Въ августѣ Шиллеръ отвѣчалъ ему: «Изъ письма Гердера я узналъ, что я въ моемъ *Водолазѣ* облагородилъ разсказъ нѣкоего Николая Пеше, который не то разсказалъ, не то воспѣлъ эту исторію. Не знаете-ли вы объ этомъ Николаѣ Пеше, соперникомъ котораго я оказался столь неожиданно для себя?»

Геніальная сила поэтическаго изображенія прославила это стихотвореніе. Изъ нѣсколькихъ черточекъ, какъ бы мимоходомъ брошенныхъ поэтомъ, предъ нами ясно и опредѣленно слагаются характеры, создающіе эту несложную, быструю и потрясающую драму. Но лучше всего въ ней описаніе

невѣдомаго, таинственнаго и ужаснаго подводнаго міра хота, какъ это бывало у Шиллера въ иныхъ случаяхъ—черты для этого описанія заимствованы и-ъ другихъ, болѣе простыхъ явленій природы. Онъ, напримѣръ, никогда не видѣлъ водоворота и воспроизвелъ, какъ онъ самъ сознавался, всю силу его, руководясь каскадомъ мельничнаго колеса. Между тѣмъ Гете писалъ ему: «Стихъ *Es wallet und siedet und brauset und zischt* (у Жуковскаго: *И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ*) оправдался при наблюденіи Рейнскаго водопада блестящимъ образомъ: просто удивительно, какъ онъ охватываетъ всѣ важнѣйшіе моменты этого могучаго явленія. Я старался на мѣстѣ разобраться въ элементахъ его и въ его цѣлокупности и тщательно отмѣтилъ настроенія и идеи, имъ возбуждаемыя. И вы увидите впослѣдствіи, какъ ваши немногія поэтическія строки проходятъ путеводной нитью по этому лабиринту».

Съ какой тщательностью относился Шиллеръ къ подробностямъ описанія, показываетъ, напримѣръ эпитетъ «*пурпуровый* сумракъ»; между нимъ и Кернеромъ завязалась цѣлая переписка объ этомъ опредѣленіи; г-жа Кернеръ считала его вѣрнымъ, потому что при головокруженіяхъ видѣла все въ красноватомъ свѣтѣ. Но Шиллеръ писалъ: «Не безпокойся о *пурпуровомъ* сумракѣ. Благодарю Минну за то, что она прислала мнѣ на помощь свои головокруженія, но мой водолазъ обойдется и безъ нихъ: подъ водолазнымъ колоколомъ свѣтъ въ самомъ дѣлѣ кажется зеленымъ, а тѣни пурпурными».

Въ переводѣ Жуковскаго баснословныя морскія чудовища (драконы) и совсѣмъ не живущія въ морѣ животныя (саламандра) населяющія пучину у Шиллера, замѣнены дѣйствительными рыбами,--но только болѣе страшными и отвратительными ихъ видами.

1. **И. Покровскій.** (Водолазъ, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1820, LXII, № 21, 83. Перепеч. въ «Новомъ собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій» 1821, I. Переводъ для своего времени очень недуренъ.

2. **В. Жуковскій.** Первоначально въ «Балладахъ и повѣстяхъ В. Жуковскаго» 1831.

3. **Авдотья Глинка.** (Водолазъ изъ Шиллера); «Библіотека для Чтенія» 1835, XI и въ Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859. Воспроизводимъ этотъ переводъ въ виду большой близости его къ подлиннику.

«Изъ рыцарей, пажей, кто смѣлъ такъ душой,
Чтобъ въ мигъ погрузиться пучины на дно?
Смотрите, вотъ брошу я кубокъ златой,
И черная бездна поглотитъ его.
Кто кубокъ оттолѣ достать мнѣ посмѣетъ,
Тѣмъ кубкомъ навѣки пускай тотъ владѣетъ».

—

Такъ царь возглашая къ утесу спѣшитъ,
Который, высоко подъемля чело,
Прорѣзался въ море, надъ моремъ виситъ,
И бросилъ онъ кубокъ Харибдѣ въ жерло.
«Опять я взываю; что жъ всѣ такъ безмолвны?
Изъ васъ кто дерзнетъ ли въ кипящія волны?»

—

Всѣ рыцари, пажи, что были при немъ,
Хотъ вызовъ и слышатъ, молчанье хранятъ,
На дикое море взираютъ кругомъ,
Но кубка златаго достать не хотятъ.
И въ третій разъ царь, обратясь къ нимъ, взываетъ
«Ужели на подвигъ никто не дерзаетъ?»

—

Молчатъ и отвѣта никто не даетъ;
Но пажъ благородный, пріятный, живой
Изъ робкаго круга выходитъ впередъ,
И шарфъ свой и плащъ онъ съ себя все долой.
И въ лѣтахъ столь юныхъ его дерзновенье
Во всѣхъ возбуждаетъ восторгъ, изумленье.

—

И вотъ онъ подходитъ къ навислой скалѣ,
И смотритъ, какъ волны змѣями бѣгутъ,
Свистя и ныряя въ извилистой мглѣ,
И послѣ, изъ бездны кидаясь, ревутъ,
Какъ отзывъ, какъ гулы громовъ отдаленныхъ,
И скачутъ изъ мрака въ холмахъ опѣненныхъ.

И бродитъ, бушуетъ, клокочетъ, шипитъ,
Какъ будто-бъ огонь тамъ сражался съ водой,
И съ искрами къ небу паръ дымный летитъ,
И вѣчно стремится волна за волной;
Ничто тамъ не можетъ истечь, истощиться,
Какъ будто вновь море отъ моря родится.

Вдругъ бурная влага сдержала свой ревъ,
И, бѣлую пѣну разрѣзавъ, она
Разсѣлиной страшной разверзнула зѣвъ
И, мнилось, коснулась до адскагодна;
И съ клокотомъ волны горятъ и несутся,
Невольно кружатся, и въ зѣвъ тотъ влекутся...

Но прежде, чѣмъ бури гнѣвъ ярый возникъ,
Ужъ юноша Богу себя поручилъ,
И вдругъ предстоящихъ послышался крикъ,
И омутъ, кружася, его поглотилъ.
Таинственно бездна свой зѣвъ затворяетъ,
И въ безднѣ безстрашный пловецъ исчезаетъ.

Хотя надъ пучиной затихло опять,
Но гулъ въ глубинѣ еще глухо ревѣлъ,
И съ трепетомъ начали всѣ восклицать:
«О, юноша смѣлый! будь здравъ ты и цѣлъ!
И глуше, и глуше все гулъ раздавался,
И всякій чего-то, боясь, дожидался.

Хоть въ бездну бъ ты бросилъ корону свою,
Сказавъ: «если кто мнѣ ее возвратитъ,
Да будетъ онъ царь, ему тронъ отдаю»,
Меня и великій сей даръ не прельститъ:
О томъ, что сокрыто въ пучинѣ ревущей,
Никто не разскажетъ подъ солнцемъ живущій.

—

Случалось судамъ въ ту пучину попасть,
Скрутивши ихъ, омутъ на дно увлекалъ,
Ихъ ребра дробила ужасная пасть,
И послѣ гробъ влажный ихъ вонъ извергалъ·
Слышнѣе, слышнѣе, какъ бурь завыванье,
Все ближе, все ближе шумъ волнъ и плесканье...

И бродитъ, бушуетъ клокочетъ, урчитъ,
Какъ будто бъ огонь тамъ сражался съ водой,
Тамъ съ искрами къ небу паръ дымный летитъ.
И волны несутся съ кипящей грозой.
Какъ отзывъ, какъ рокотъ громовъ отдаленныхъ,
И скачутъ изъ мрака въ холмахъ опѣненныхъ.

Смотрите, тамъ что-то, отъ мрачнаго дна
Всплываетъ, какъ лебедь, блеститъ бѣлизной,
Мелькаетъ въ волнахъ то рука, то спина,
Искусно и сильно сражаясь съ волной,
То пажъ нашъ, и кубокъ онъ вверхъ поднимаетъ,
И лѣвой рукою тѣмъ кубкомъ махаетъ.

—

Онъ долго вздыхалъ, онъ глубоко вздыхалъ.
Привѣтствуя взоромъ дня милаго свѣтъ,
И всякій другъ къ другу въ восторгѣ кричалъ:
«Онъ живъ еще, здѣсь онъ, опасности нѣтъ.
Онъ вышелъ изъ гроба; изъ бездны безмѣрной,
И душу избавилъ отъ гибели вѣрной!»

—

Среди ликованій пловецъ нашъ идетъ,
И съ кубкомъ къ царевымъ стопамъ онъ припалъ,
Его на колѣняхъ царю подаетъ,
И царь къ себѣ дочь молодую позвалъ:
«Напѣнь ему кубокъ», сказалъ онъ «до края!»
И юноша принялъ, къ царю восклицая:—

—

«Царь, здравъ будь вовѣки! Здѣсь весело намъ,
Здѣсь можемъ мы въ свѣтѣ румяномъ дышать:
Но въ безднѣ погибель, всѣ ужасы тамъ,
И смертный не долженъ боговъ искушать,
Не долженъ онъ въ то проникать дерзновенно,
Что благостью ихъ, страхомъ, тьмой сокровенно.

—

Какъ молніи лучъ я въ пучину летѣлъ,
И вижу, скала раздалась подо мной,
И съ дикимъ порывомъ въ ней ключъ заревѣлъ,
И вотъ закруженъ я сталъ силой двойной
Кипѣнье винтомъ внизъ меня увлекало,
Я бился, боролся, но силъ не достало.

—

Я гибнулъ, и къ Богу молитву вознесъ,
Надежду я клалъ на Творца одного.
Творецъ указалъ мнѣ въ пучинѣ утесъ;
Я смерти избѣгнулъ, схватясь за него.
Тамъ кубокъ въ коральныхъ вѣтвяхъ зацѣпился,
Не то бъ онъ въ безвѣстную пропасть свалился.

—

Пучину бездонну я вижу,—она
Кроваво-багровой полна темнотой;
Хоть вѣчно для уха тамъ все тишина,
Но ужасы око зритъ въ пропасти той:
Кишатъ саламандръ и драконовъ тамъ груды,
И движутся страшно подводныя чуды.

—

Въ смѣшеньѣ чернѣясь, ужасной толпой,
Свалились въ гнусный, огромный клубокъ.
И рашпля и рыбъ тамъ щетинистый рой,
И чудище-рыба морской молотокъ,
И, яростно зубы ко мнѣ оскаляя,
Шипѣла акула гіена морская.

—

Вися на утесѣ, я вѣрилъ вполнѣ,
Что помощи тутъ я людской отчужденъ,
Что чувства и мысли въ одномъ были мнѣ:
Въ отчизну страшилищъ я былъ занесенъ,
Къ уродамъ и харямъ, гдѣ гласъ человѣка
Въ пустыняхъ подводныхъ неслышенъ отъ вѣка.

—

Такъ, съ трепетомъ мысля, трещитъ, слышу я,
И груда косматыхъ клещей ко мнѣ вдругъ
Взвилася... хватаютъ... Не помня себя,
Коральную вѣтвь уронилъ я изъ рукъ,
Свернулъ меня омутъ, умчало круженье,
Я взброшенъ... и было то мнѣ на спасенье.

—

Царь, внемля ему, и дивясь чудесамъ,
«Теперь», говоритъ, «этотъ кубокъ ужъ твой,
И вотъ еще перстень тебѣ я отдамъ,
Горитъ онъ въ каменьяхъ, цѣны дорогой,
Лишь вѣсть принеси мнѣ, вновь бросясь отважно,
О томъ, что таится въ пучинѣ сей влажной».

—

Царевна, то слыша, съ смягченной душой,
Умильно и съ лаской отцу говоритъ:
«Перестань забавляться свирѣпой игрой!
Что онъ совершилъ, то едва ль кто свершитъ.
Когда жъ укротить ты не можешь желанья,
Пусть рыцари съ пажемъ войдутъ въ состязанье».

—

Царь кубокъ хватаетъ, не слушая словъ,
И въ омутъ съ размаху его въ тотъ жъ мигъ,
Сказавъ: «Если кубокъ добудешь ты вновь,
То будешь мнѣ рыцарь больше другихъ,
И нынѣ же бракъ ты отпразднуешь съ тою,
Что такъ умилилась теперь надъ тобою».

—

Небесною силой проникнуть онъ сталъ,
Заискрились очи, душа въ немъ полна.
Въ царевнѣ румянецъ, онъ зритъ, заигралъ,
И вдругъ поблѣднѣла, упала она.
И вотъ, чтобъ награду достать столь любезну,
На жизнь и на смерть онъ кидается въ бездну.

—

И волны пучины, какъ прежде, кипятъ,
Предвѣстникъ ихъ гулъ подъ водами гудетъ;
Царевна жъ къ водамъ приковала свой взглядъ,
Гдѣ валы, все валы подвигались впередъ,
То ниже, то выше, волна за волною,
Но юноша не былъ взнесенъ ни одною...

4. **П. Алексѣевъ.** (Водолазъ, изъ Шиллера) «Отеч. Зап.» 1839 ч. IV, и въ «Цвѣтникѣ русской литературы» 1840. Переводъ очень недурной и точный.

5. **М. Лермонтовъ.** Въ его «Балладѣ» есть нѣсколько черточекъ, навѣянныхъ Шиллеровскимъ «Водолазомъ».

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ
И, къ другу ласкаясь, такъ говоритъ:

«Достань ожерелье—спустися на дно:
Сегодня въ пучину упало оно.

Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла лихая у юноши кровь—

И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.

Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,

И снова приходятъ, и о берегъ бьютъ—
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ!

О счастье!- онъ живъ, онъ скалу охватилъ...
Въ рукѣ ожерелье; но мраченъ онъ былъ.

Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ -
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ.

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя?

По слову спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно...

Возьми!» И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.

Отвѣтъ былъ: «О! милый! о, юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой!»

Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ, иль конецъ...

Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,

И снова приходятъ, и о берегъ бьютъ;
Но милаго друга онѣ не несутъ.

6. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ПЕРЧАТКА.

(1797).

Сюжетъ этого «маленькаго послѣсловія къ *Водолазу*»,—какъ называлъ его поэтъ—заимствованъ имъ по его указанію изъ «Essais historiques sur Paris» (1766) Сенъ-Фуа, въ свою очередь взявшаго его изъ Dames galantes Брантома; вообще сюжетъ этотъ принадлежитъ къ числу «бродячихъ» и потому извѣстенъ во многихъ разнообразныхъ варіантахъ. Однажды - разсказываетъ Сенъ-Фуа—когда король Францискъ I (1515—1547) развлекался боемъ своихъ львовъ, одна дама, бросивъ свою перчатку, сказала Де-Лоржу: «Если вы хотите, чтобы я вамъ повѣрила, что вы въ самомъ дѣлѣ любите меня такъ, какъ говорите каждый день, достаньте мою перчатку». Де-Лоржъ спускается, беретъ перчатку среди страшныхъ звѣрей, подымается, бросаетъ ее дамѣ въ лицо и затѣмъ, несмотря на всѣ ея заигрыванія и предложенія, больше не хотѣлъ ее видѣть. Стихъ *Въ лицо перчатку ей онъ бросилъ*, по просьбѣ г-жи фонъ-Штейнъ, которая нашла это ненужной грубостью, былъ измѣненъ въ: *И рыцарь, низко поклонившись* и т. д. Но затѣмъ рѣшивъ, что нѣмецкій поэтъ можетъ позволить себѣ столько-же, сколько французскій Bel-Esprit, — возстановилъ первоначальную форму. Въ одномъ изъ французскихъ варіантовъ рыцарь даже говоритъ дамѣ: «Вы распутница (онъ выражается еще грубѣе), и если въ вашемъ родѣ есть львы, пусть худшій изъ нихъ бьется со мной за то, что я сказалъ». Трудно понять, что имѣлъ въ виду Шиллеръ, называя «Перчатку» *эпилогомъ* «Водолаза»; правильнѣе замѣчаніе Гете, видящаго къ обоихъ стихотвореніяхъ также pendant (Gegenstücke). Фигофъ перечисляетъ многообразные элементы сходства и противоположенія обоихъ сюжетовъ, но, кажется, упускаетъ изъ виду главный: психологическое сходство героевъ, вызвавшихъ возможность катастрофы,—грубо выражаясь, самодурство короля и дамы.

1. **И. Покровскій** (Перчатка, изъ Шиллера), «Благонамѣренный» 1822, ч. XVII, 238. Переводъ точный.

2. **М. Загорскій.** (Перчатка изъ Шиллера). «Сѣв. Цвѣты» 1825, 325. Переводъ литературный.

3. **Н. Девите.** (Перчатка, изъ Шиллера). «Дамскій Журналъ» 1829, № 31. Бездарный пересказъ въ риемахъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и съ совершенно искаженнымъ концомъ:

Рыцарь храбрый отвѣчаетъ,
Пламенѣя страстью самъ:
«Мнѣ мой долгъ повелѣваетъ
«Возвратить перчатку вамъ».

4. **Жуковскій.** Первоначально въ «Балладахъ и повѣстяхъ» В. Жуковскаго. Спб. 1831.

5. **О. Тимоѳѣевъ.** (Испытаніе, безъ указанія на подражаніе Шиллеру). «Библіотека для Чтенія» 1836, т. XIX, и въ «Опытахъ Т. м. ф. а» 1837, ч. I. Здѣсь взятъ мотивъ Шиллера и фразисто пересказанъ, безъ тѣни того историческаго колорита, той наивной манеры, которая составляетъ прелесть этого стихотворенія. Дѣйствіе перенесено въ Мадридъ.

6. **М. Лермонтовъ.** (Перчатка, изъ Шиллера).

Вельможи толпою стояли
И, молча, зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.

Вотъ царскому знаку внимаютъ:
Скрипучую дверь отворяютъ.
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой.
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ,
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой;
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.

И царь махнулъ снова
И тигръ суровый
Дикимъ прыжкомъ
Взметѣлъ опасный,
И, встрѣтясь со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ, хвостомъ
Потомъ
Тихо владыку обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ;
Но—рабъ предъ владыкой своимъ
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.

Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
«Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою».
И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ
И смѣлой рукой подымаетъ.

И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи,
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ.
Отвсюду хвала вылетаетъ
И нѣжный, пылающій взглядъ—
Недальняго счастья закладъ—
Съ рукою дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.

7. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

(1797).

Посылая эту балладу Гете, Шиллеръ писалъ ему: «это pendant къ вашимъ *Журавлямъ*» (т.-е. *Ивиковымъ журавлямъ*, сюжета которыхъ Гете тогда еще не передалъ Шиллеру и думалъ обработать самъ). Гете отвѣчалъ: «Поликратовъ перстень очень удаченъ. Другъ короля, передъ глазами котораго происходитъ все дѣйствіе, затѣмъ конецъ, оставляющій исполненіе пророчества въ неизвѣстности, все очень хорошо». Онъ не соглашался также съ Кернеромъ, которому показалось, что стихотвореніе, имѣющее героемъ не столько личность, сколько идею (рока), не можетъ быть названо балладой и вообще выходитъ за предѣлы поэзіи. «Гете очень понравилась твоя статья объ *Альманахѣ* - писалъ Шиллеръ Кернеру,—но въ томъ, что ты говоришь объ *Ивикѣ* и *Поликратѣ*, и что кажется мнѣ вполнѣ основательнымъ, онъ съ тобой не согласенъ и настойчиво защищаетъ оба стихотворенія отъ тебя и отъ меня. Онъ находитъ твою точку зрѣнія узкой и полагаетъ, что эти стихотворенія представляютъ собой новую поэтическую форму, расширяющую область поэзіи. Изображеніе идей, какъ оно примѣнено здѣсь, онъ вовсе не считаетъ переходящимъ за предѣлы поэзіи и предостерегаетъ отъ смѣшенія такихъ стихотвореній съ тѣми, гдѣ символизируются абстрактныя идеи. Я, однако, думаю, что если эта форма и допустима, то она все таки не способна на высшее поэтическое дѣйствіе и, кажется, вынуждена заимствовать кой-что на помощь извнѣ поэзіи для того, чтобы возмѣстить недостающее». Гете остался при своемъ мнѣніи, а на Шиллера этотъ споръ, кажется, имѣлъ вліяніе: въ дальнѣйшихъ его балладахъ мы повсюду встрѣчаемся съ рѣзко выступающей на первый планъ фигурой героя.

Источникомъ баллады послужилъ для Шиллера, вѣроятно, пересказъ одного сообщенія Геродота, сдѣланный въ книгѣ Гарве «Опыты о различныхъ вопросахъ морали» (т. II, 1796 г., въ статьѣ «Два мѣста изъ Геродота»). «Не знаю,—говорится здѣсь,—правильны ли были наблюденія древнихъ надъ человѣческой жизнью въ этомъ отношеніи (т.-е. что чрезмѣрное счастье сулитъ несчастье), но въ теченіе долгаго времени таково было ихъ твердое и неизмѣнное воззрѣніе: необыкновенная удача есть предвѣстникъ несчастія.. Изъ многихъ примѣровъ напомню читателю разсказанную Геродотомъ исторію Поликрата, которому - въ виду его непрерывныхъ удачъ—старый его другъ, король египетскій Амазисъ, написалъ письмо, гдѣ совѣтовалъ добровольно лишиться драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ, чтобы хоть какой-нибудь утратой умилостивить завистливое божество, которое мститъ за чрезмѣрное счастье. Поликратъ выбралъ перстень съ смарагдомъ, который, будучи вырѣзанъ Теодоромъ Самосскимъ, представлялъ двойную драгоцѣнность,—и какъ рѣдкій камень и какъ чудное художественное произведеніе,—и выбросилъ его въ море. Прошло короткое время—и въ громадной рыбѣ, поднесенной однимъ рыбакомъ государю, нашлось его кольцо. Узнавъ о томъ, что случай не хотѣлъ принять отъ его друга добровольной утраты, Амазисъ поспѣшилъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ нимъ, ибо—сказалъ онъ- онъ не хочетъ быть въ дружбѣ съ человѣкомъ, очевидно, обреченнымъ богами на гибель. И въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ этого Поликратъ, оскорбивъ персидскаго сатрапа Орета, былъ взятъ имъ въ плѣнъ и распятъ».

Мы видимъ, что сдѣлалъ Шиллеръ, съ умѣніемъ, столь блестяще проявленнымъ въ его историческихъ драмахъ, изъ этого простого сюжета. Прежде всего онъ сжалъ всю исторію и связалъ ее единствомъ мѣста и времени; въ ней всего двѣ сцены и два дня. Помѣстивъ первую сцену на крышѣ приморскаго дворца, онъ получилъ возможность сосредоточить здѣсь и великолѣпную картину пышнаго Самоса, и появленіе гонца, и приходъ флота, и совѣтъ царственнаго друга (вмѣсто письма), и бросаніе кольца. Мотивъ отказа Амазиса нѣсколько измѣненъ—сравнительно съ Геродотомъ, у котораго король Египетскій боится лишь скорби по другѣ, которому суждена неминуемая гибель. Самая гибель Поликрата обойдена—и это похвалилъ еще Гете: дѣло, вѣдь, совсѣмъ не въ ней. «Съ исчезновеніемъ Амазиса правильно замѣчаетъ Фигофъ,—главнаго носителя и воплощенія идеи стихотворенія—оно закончено: Поликратъ лишь пассивная въ немъ фигура . Въ томъ мрачномъ и тягостномъ настроеніи, въ которомъ мы разстаемся съ нимъ, для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что король египетскій былъ правъ и что его бывшій другъ обреченъ: это возсозданіе античнаго нравственнаго воззрѣнія и было исключительной цѣлью поэта.

Строфа 1.—*Онъ*—Поликратъ; характерно для слабаго значенія личностей въ стихотвореніи, что ни хозяинъ, ни гость—царь Египта Амазисъ—не названы по имени. *Самосъ* богатый островъ у береговъ Малой Азіи.

Строфа 2. «Но живъ одинъ опасный *мститель*» намекъ на то что Поликратъ не былъ законнымъ государемъ Самоса, но его *тираномъ*, захватившимъ власть (531 г. до Р. Хр.).

Строфа 3. *Милетъ* — могущественнѣйшій изъ іонійскихъ городовъ Малой Азіи, враждовавшій съ Поликратомъ и осажденный его полководцемъ Полидоромъ.

Строфа 5. *Твой флотъ*—торговый.

Строфа 6. «Разбойники морскіе Крита»—въ оригиналѣ рѣчь идетъ просто о критянахъ.

1. **М. Дмитріевъ.** (Кольцо Поликрата, изъ Шиллера). «Атеней» 1829, I, и въ «Стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева» 1865. Уступая переводу Жуковскаго, этотъ ближе къ подлиннику.

Зубчатой кровли съ возвышенья
Онъ взоромъ. полнымъ восхищенья.
Подвластный Самосъ обтекалъ.
«Все—власть мою вокругъ признало!
Такихъ счастливцевъ въ мірѣ мало!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— «Ты, Поликратъ, любимъ богами!
Тебѣ покорены судьбами
И тѣ, которымъ равенъ былъ!
Но есть одинъ; его страшися!
И счастьемъ полнымъ не хвалися,
Пока онъ взоровъ не смежилъ!»

Еще не кончилъ гость отвѣта,
Какъ вдругъ, прибывшій изъ Милета,
Гонецъ тирану предстаетъ.
«Возжги, властитель, жертвъ куренья!
Побѣдный лавръ въ сіи мгновенья
Твое чело да обовьетъ».

«Сраженъ твой врагъ копья ударомъ!
Меня, съ сей вѣстію и даромъ,
Шлетъ вѣрный вождь твой, Полидоръ».
И подалъ онъ, съ послѣднимъ словомъ,
На черномъ блюдѣ подъ покровомъ,
Главу врага, потупя взоръ.

Смутился духомъ посѣтитель.
– «Дивлюсь, сказалъ онъ, о властитель!
Но не гордись! въ сей самый мигъ,
Какъ здѣсь мы радостію полны,
Твой флотъ разсѣять могутъ волны:
Не оковать фортунѣ ихъ!»

Едва онъ выговорилъ слово,
Какъ всюду клики съ вѣстью новой;
Народъ у берега шумитъ!
И флотъ, вѣтрила распущенны,
Богатствомъ чуждымъ отягченный,
Нежданный къ пристани летитъ!

Гость изумился: «Что за счастье!
Завидный день судьбы пристрастья!
Но бойся! ненадежны дни!
Толпы критянъ, привыкшихъ къ бою,
Грозятъ странѣ твоей войною!
Ужъ близки къ берегу они».

И онъ еще не кончилъ слова,
Какъ вѣсть отъ кораблей готова:
«Побѣда!» загремѣлъ народъ:
«Сердца свободны отъ боязни!
Критянъ постигли неба казни!
Ихъ флотъ погибъ въ пучинѣ водъ!»

Гость ужаснулся предъ молвою;
«Нѣтъ! слишкомъ ты любимъ судьбою!
Страшусь я зависти боговъ!
Для нихъ однихъ вся жизни сладость!
Невозмущаемая радость
Не есть удѣлъ земли сыновъ!

Я также прежде вѣрилъ счастью!
Куда ни простирался властью,
Успѣхъ сопутникомъ мнѣ былъ;
Но я испытанъ ужъ бѣдою:
Мой сынъ взятъ Орковой волною;
Судьбѣ я долгъ мой заплатилъ!

– Чтобъ быть спокойну въ дняхъ грядущихъ
Моли усердно всемогущихъ.
Да испытаешь и бѣды!
Никто еще благополучно
Не кончилъ жизнь, съ кѣмъ неразлучно
Казались всѣ дары судьбы!

– Когда-жъ въ мольбѣ откажутъ боги,
Пусть добровольно выборъ строгій
Твою потерю обречетъ!
Владѣешь ты сокровищъ тьмою:
Что больше цѣнится тобою,
Возьми и брось въ пучину водъ!»

И тотъ со страхомъ отвѣчаетъ:
«Что островъ мой ни заключаетъ,
Всего безцѣннѣй сей клейнодъ!
Да искуплюсь отъ ихъ гоненья,
Будь жертвой онъ богинямъ мщенья!»
Сказалъ и бросилъ въ бездну водъ.

Восходитъ утро надъ Самосомъ.
Съ лицомъ веселымъ и съ приносомъ
Къ счастливцу входитъ рыболовъ.
«Закинувъ сѣти въ глубь морскую,
Въ нихъ рыбу я поймалъ такую,
Что лишь тебя достоинъ ловъ!»

Вотъ подъ ножемъ она трепещетъ;
Вдругъ видитъ поваръ—что-то блещетъ!
Узналъ—бѣжитъ... «Властитель мой!
О! счастливъ ты необычайно!
Смотри: въ той рыбѣ я случайно
Нашелъ любимый перстень твой!»

Тутъ гость впослѣдки молвилъ ясно:
– «Нѣтъ! другомъ быть твоимъ опасно,
Чтобъ не былъ равенъ нашъ удѣлъ!
Погибель надъ твоей главою!
Бѣгу, чтобы не пасть съ тобою!»
Сказалъ и парусъ зашумѣлъ!

2. **В. Жуковскій** (Поликратовъ перстень). Первоначально въ «Балладахъ и повѣстяхъ В. Жуковскаго» 1831, ч. II.

3. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

НАДОВЕССКІЙ ПОХОРОННЫЙ ПЛАЧЪ.

(1797).

Источникъ, изъ котораго почерпнутъ матеріалъ для этого стихотворенія, указанъ въ письмѣ Шиллера къ Гете: «У меня сохранились нѣкоторыя воспоминанія изъ путешествія Томаса Карвера по Сѣверной Америкѣ, и мнѣ кажется, что характеръ этихъ племенъ могъ-бы быть хорошо выраженъ въ пѣснѣ». Для этой цѣли Шиллеръ просилъ добыть ему книгу, о которой идетъ рѣчь. Гете, получивъ стихотвореніе, отозвался о немъ очень похвально: «*Похоронная пѣснь*» (такъ называлось первоначально стихотвореніе) проникнута тѣмъ юмористически реалистическимъ характеромъ, который въ такихъ случаяхъ такъ соотвѣтствуетъ дикимъ натурамъ. Великая заслуга поэзіи, когда она переноситъ насъ въ эти настроенія, такъ какъ важное значеніе имѣетъ такое расширеніе области поэтическаго». Какъ видно изъ другого письма Шиллера, онъ предполагалъ написать еще четыре-пять такихъ Надовесскихъ пѣсенъ, чтобы «провести чрезъ разнообразныя состоянія эту натуру, которой онъ разъ занялся», мысль, къ сожалѣнію, оставленная безъ исполненія.

Надовессцы индѣйское племя, живущее между Миссисипи и Скалистыми горами. Англичанинъ Джонъ (а не Томасъ) Карверъ посѣтилъ ихъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка; въ основу «Похороннаго плача» легъ его разсказъ о такомъ ихъ обычаѣ: «Какъ только начальникъ испуститъ духъ, тѣло его облачается въ одежды, которыя онъ носилъ при жизни, лицо его раскрашиваютъ и сажаютъ его на рогожкѣ или шкурѣ посреди хижины, а подлѣ кладутъ его оружіе. Затѣмъ родственники садятся вокругъ него и каждый по очереди обращается къ усопшему съ рѣчью. Если онъ былъ великій воинъ, то въ рѣчи восхваляются его подвиги весьма поэтично и цвѣтисто, приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Ты сидишь еще среди насъ, братъ; тѣло твое еще имѣетъ прежній обликъ и съ виду подобно нашимъ безъ замѣтной разницы, – кромѣ того, что оно лишено способности двигаться. Но куда отлетѣло дыханіе, еще немного часовъ тому назадъ вздувавшее дымъ къ Великому Духу?

Почему молчатъ эти уста, изъ которыхъ мы такъ недавно слышали столь убѣдительныя и пріятныя рѣчи? Почему неподвижны эти ноги, немного дней тому назадъ обгонявшія козуль на тѣхъ горахъ? Почему повисли неподвижно эти руки, вязавшія на самыя высокія деревья и натягивавшія самый тугой лукъ? Ахъ, каждая часть зданія, которое мы созерцали съ такимъ восхищеніемъ и изумленіемъ, мертва, какъ триста зимъ тому назадъ. Но мы не станемъ рыдать надъ тобой—точно ты навсегда погибъ для насъ и имя твое отзвучало навѣки; твоя душа жива еще въ великой странѣ духовъ, среди душъ твоихъ земляковъ, ушедшихъ ранѣе тебя. Правда, мы остались, чтобы распространять твою славу, но и будетъ день—и мы послѣдуемъ за тобой. Одушевленные уваженіемъ, которое мы питали къ тебѣ при жизни, мы приходимъ оказать тебѣ послѣднюю службу любви. Чтобы тѣло твое не стало жертвой звѣрей на полѣ или птицъ въ воздухѣ, мы бережно уложимъ его съ тѣлами твоихъ предковъ въ надеждѣ, что духъ твой будетъ жить съ ними и приметъ радостно наши души, когда и мы явимся въ великую страну духовъ».

Остальныя бытовыя черты въ стихотвореніи – упоминанія о занятіяхъ душъ въ загробной жизни, скальпированіе, обрядъ похоронъ и т. п. также заимствованы изъ Карвера. *Томагокъ* - индѣйскій топоръ введенъ уже русскимъ переводчикомъ: въ оригиналѣ просто *сѣкира* (*Beil*).

1. **И.** (Надовесская похоронная пѣсня, подражаніе Шиллеру). «Календарь Музъ» 1826. Подражаніе не дурное, но очень далекое отъ подлинника.

2. **Д. Минъ.** (Погребальная пѣснь индѣйцевъ). «Современникъ» 1854, т. XI, VII.

Вотъ сидитъ онъ на рогожѣ,
Какъ смотрѣлъ на свѣтъ,
Тотъ же взглядъ, величье то же,
Но ужъ жизни нѣтъ.

Гдѣ-жъ избытокъ прежней мочи?
Гдѣ тотъ сердца пылъ,
Какъ, бывало, духу ночи
Трубку онъ курилъ?

Сердце въ немъ разорвалося,
Свѣтлый взоръ угасъ –
Взоръ, которымъ слѣдъ онъ лося
Узнавалъ не разъ.

Гдѣ проворство ногъ, которымъ
На горахъ, въ снѣгу,
Съ горной ланью, съ лосемъ скорымъ,
Спорилъ на бѣгу?

Гдѣ могучесть рукъ, о Боже,
Гнувшихъ лукъ тугой?
Вотъ сидитъ онъ на рогожѣ,
Блѣдный и нѣмой!

Счастливъ воинъ знаменитый!
Ты идешь въ края,
Гдѣ нѣтъ снѣга, гдѣ покрыты
Маисомъ поля;

Гдѣ полны дубравы дичью,
Гдѣ хоръ птицъ поетъ,
Гдѣ кипитъ твоей добычью—
Рыбой лоно водъ.

Тамъ пируй, съ духами равный!
Мы же здѣсь въ слезахъ,
Вспоминая подвигъ славный,
Погребемъ твой прахъ.

Такъ начнемъ же погребальный
Хоръ среди могилъ;
Принесемте въ даръ прощальный
Все, что онъ любилъ:

Лукъ положимъ къ изголовью,
А топоръ на грудь,
Въ ноги мѣхъ съ медвѣжьей кровью
Другу въ дальній путь.

Ножъ отточимъ, чтобъ безъ страха
Свергнувъ вражій трупъ,
Съ головы его въ три взмаха
Могъ онъ срѣзать чубъ.

Краски огненнаго цвѣта
Бросимъ на ладонь,
Чтобъ предсталъ онъ въ безднѣ свѣта
Красный какъ огонь.

3. **М. Михайловъ.** (Надовесскій похоронный плачъ). «Библіотека для Чтенія» 1885, CXXXI отд. I, 42).

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1889.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

(1797).

Источникъ неизвѣстенъ. Легенда о св. Идѣ Тогенбургской, изгнанной мужемъ за мнимую измѣну, не имѣетъ ничего общаго съ сюжетомъ стихотворенія, а распространенное нынѣ по Рейну преданіе о «Розандѣ и Гильдегундѣ», дѣйствіе котораго происходитъ на Нонненвертѣ и Роландсэкѣ, вѣроятно, само имѣетъ источникомъ балладу Шиллера. Мотивъ свиданія съ любимой женщиной въ монастырѣ послѣ ея постриженія—внѣшнее выраженіе глубокой драмы отреченія отъ любви—излюбленъ поэтами (у насъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева, «Князѣ Серебряномъ» Ал. Толстого).

Сарацинъ см. въ словарѣ. *Зритъ корабль*—въ оригиналѣ прибавлено: на Яффскомъ берегу; *Яффа* портовый городъ въ Палестинѣ.

1. **В. Жуковскій.** (Рыцарь Тогенбургъ). Первоначально въ «Для немногихъ» 1818, № 1.

2. **Анонимъ.** «Сибирскія мелодіи» 1846 и «Мелодіи» 1852.

3 **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ВСТРѢЧА.

(1797).

Это стихотвореніе вмѣстѣ съ *Тайной* и *Ожиданіемъ* должно было составлять часть болѣе обширнаго произведенія,—быть можетъ «романтическаго разсказа въ стихахъ», который замышлялъ Шиллеръ, сообщая два года назадъ Гумбольдту, что имѣетъ для того сырой матеріалъ. Кернеру онъ писалъ также о планѣ поэмы въ стансахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ *Встрѣчи*. Положеніе,

взятое въ ней, дѣйствительно, можетъ быть названо романтическимъ: бѣдный пѣвецъ, увлеченный безумнымъ порывомъ любви и преклоненія, позволяетъ себѣ излить свои чувства къ дочери государя въ вдохновенной пѣснѣ—и такъ увлекаетъ избранницу своего сердца, что вмѣсто общаго негодованія слышитъ въ отвѣтъ слова признанія. Стихотвореніе романтично и по тону—по неопредѣленности образовъ, сдѣлавшихся еще болѣе туманными въ переводѣ К. Аксакова.

1. К. Аксаковъ. (Встрѣча, изъ Шиллера). «Московскій Наблюдатель» 1838, XVIII, 304.

2. М. Лермонтовъ. (Встрѣча, изъ Шиллера). Переведены только 2 строфы.

Она одна межъ двѣ своихъ стояла,
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ тотъ мигъ чудесный
И что я пѣлъ—напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю.
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно –
И вмигъ они расторгли цѣпь свою,
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья...

3. Н. Головановъ. Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

(1797).

Сюжетъ этой баллады найденъ Гете; преданіе объ Ивикѣ было настолько распространено въ древней Греціи, что выраженіе *Ивиковы журавли* было ходячей поговоркой. Преданіе это изложено у Плутарха, въ одной эпиграммѣ Антипатра Сидонскаго, у позднѣйшаго лексикографа Свиды, въ «Adagia» Эразма (извѣстныхъ Гете), въ «De rebus Liculis» Ѳомы Фацелли (откуда Шиллеръ черпалъ матеріалъ для своихъ «Мальтійцевъ»). «Ивикъ родился въ Регіумѣ (въ Италіи) разсказываетъ Свида. Отправившись въ Самосъ, онъ изобрѣлъ здѣсь такъ называемую самбуку, родъ трехструнной цитры. Отъ него осталось семь книгъ на дорійскомъ нарѣчіи. Схваченный разбойниками въ пустынѣ, онъ сказалъ, что журавли, летящіе надъ нимъ, отомстятъ за него. И хотя онъ былъ убитъ, но впослѣдствіи одинъ изъ разбойниковъ, увидавъ въ городѣ журавлей, сказалъ: Смотри - вотъ Ивиковы мстители! Кто то услыхалъ это, наряжено было слѣдствіе, преступленіе раскрыто и убійцы наказаны». У Плутарха сцены разоблаченія разсказана такъ: «Когда они (убійцы) сидѣли въ театрѣ и надъ ними случайно пролетали журавли, они съ улыбкой перешепнулись: Вотъ Ивиковы мстители! Сосѣди услыхали это, и такъ какъ Ивикъ давно исчезъ и поиски были тщетны, это слово возбудило ихъ вниманіе, и они донесли властямъ. Уличенные вслѣдствіе этого и казненные, они погибли не отъ журавлей, но отъ своей болтливости, которая, подобно Эринніи или богинѣ наказанія, вынудила у нихъ признаніе». Несомнѣнно, всѣ эти преданія были извѣстны Шиллеру, по указаніямъ Беттихера, къ которому Гете обращался за соотвѣтственными свѣдѣніями и который, быть можетъ, высказалъ предположеніе, что Ивикъ былъ убитъ на пути къ Истмійскимъ играмъ. Первоначально предполагалось, что оба поэта займутся обработкой этого интереснаго сюжета. «Желаю, чтобы за мной потянулись журавли», писалъ предъ отъѣздомъ на югъ Гете Шиллеру, на что послѣдній отвѣчалъ: «Надѣюсь, что изъ нашего корабля вылетитъ прекрасный поэтическій голубь, а то, пожалуй, и журавли направятся съ юга на сѣверъ; у меня они совсѣмъ безъ движенія и я стараюсь не думать о нихъ». Наконецъ, мысль, оставленная Гете, была приведена въ исполненіе Шиллеромъ. «Посылаю вамъ *Журавлей*, писалъ онъ.—Желаю, чтобы вы остались ими довольны. Сознаюсь, что при ближайшемъ знакомствѣ съ матеріаломъ, нашелъ больше трудностей, чѣмъ ожидалъ сначала; думается, однако, что я побѣдилъ большую ихъ часть. Двѣ важнѣйшихъ задачи заключались, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы, во-первыхъ, ввести въ разсказъ послѣдовательность, которой нѣтъ въ преданіи и, во-вторыхъ создать настроеніе для заключительнаго эффекта». Баллада не получила еще окончательной обработки и поэтъ просилъ Гете сдѣлать необходимыя замѣчанія.

Какъ извѣстно, Шиллеръ перенесъ центръ тяжести разсказа на идею, которой было чуждо народное преданіе. Въ легендѣ объ Ивиковыхъ журавляхъ—равно какъ въ весьма многочисленныхъ разсказахъ, сходныхъ съ нею, народное міровоззрѣніе выразило свою глубокую вѣру въ неизбѣжность наказанія. Нѣмецкія, скандинавскія, шотландскія, восточныя преданія говорятъ одно: какъ бы ни было скрыто кровавое преступленіе, рокъ раскроетъ и приведетъ къ возмездію. Эта мысль отступила у Шиллера на второй планъ; не тайная сила неминуемой и необъяснимой судьбы интересовала его, а наоборотъ—психологическое объясненіе того состоянія, которое привело убійцъ къ признанію. Поэтому средоточіемъ его художественнаго вымысла сдѣлалась *трагедія*, исполняемая передъ убійцами въ театрѣ, и особенно *хоръ Эвменидъ*, составляющій его самостоятельное и въ высшей степени важное для всего міра изобрѣтеніе. Главной мыслью стихотворенія сдѣлалось изображеніе силы искусства надъ человѣческимъ сердцемъ. «Эта мощь поэзіи, невидимой, лишь духомъ созданной и внесенной въ дѣйствительность силы, входила, какъ важнѣйшій элементъ, въ кругъ идей, живо интересовавшихъ Шиллера, писалъ Гумбольдтъ: еще за восемь лѣтъ до *Журавлей* эта тэма занимала его, какъ ясно видно изъ «Художниковъ» (стр. 39) (Предъ хоромъ фурій устрашенный злодѣй, еще не уличенный, уже въ пѣснѣ приговоръ внималъ). Къ вопросу о психологической основѣ и обстановкѣ признанія обратился въ своихъ замѣчаніяхъ и Гете; но ему казалось, что уклоненіе Шиллера отъ идеи преданія выражено слишкомъ рѣзко. «Журавли,—писалъ онъ – должны быть перелетные и лететь цѣлой стаей и надъ Ивикомъ и надъ театромъ. Они—естественное явленіе, какъ солнце и т. п. Элементъ чудеснаго будетъ устраненъ, если это будутъ не тѣ же самые журавли, а другіе,—и эта случайность придастъ всей исторіи характеръ таинственнаго и необычайнаго». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ прибавилъ: «Такъ какъ середина вамъ такъ удалась, то я хотѣлъ бы, чтобы вы прибавили еще кой что, такъ какъ стихотвореніе не длинно. Meo voto, слѣ-

довало бы, чтобы Ивикъ еще на пути увидѣлъ журавлей; пусть онъ сравниваетъ свое странствіе съ перелетомъ птицъ, себя—какъ гостя съ ними, тоже гостями, пусть онъ увидитъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе, а затѣмъ, подъ ножомъ убійцы, пусть призоветъ въ свидѣтели знакомыхъ журавлей, своихъ дорожныхъ спутниковъ... Какъ видите, я стараюсь сдѣлать изъ этихъ журавлей широкое и значительное явленіе, которое, по моему, отлично можно будетъ связать со всей длинной нитью Эвменидъ». Шиллеръ отвѣчалъ согласіемъ и вставилъ строфы 2 и 3. Гете совѣтовалъ также вставить одинъ стихъ, рисующій настроеніе зрителей послѣ удаленія хора Эвменидъ—и Шиллеръ вставилъ строфу 19. Но онъ не могъ согласиться съ предложеніемъ Гете заставить убійцу сдѣлать свое замѣчаніе своимъ сосѣдямъ; это вызоветъ потасовку между нимъ и ближайшими зрителями, народъ обратитъ на это вниманіе и т. д. «Катастрофа должна быть вызвана простой естественной случайностью — возражалъ Шиллеръ. Эта случайность проноситъ надъ театромъ стаю журавлей; убійца среди зрителей; трагедія не потрясла его, но она *напомнила* о его дѣяніи и обо всемъ, что при этомъ было; его мысль затронута этимъ; появленіе журавлей въ это самое мгновеніе должно поразить его; это—грубое животное, надъ которымъ впечатлѣніе всесильно. При такихъ обстоятельствахъ его громкое восклицаніе совершенно естественно. Впечатлѣнію, вызванному его возгласомъ, я посвятилъ еще одну строфу; но я намѣренно не остановился на подробностяхъ раскрытія преступленія; ибо какъ только найденъ путь къ изобличенію убійцы (а для этого довольно возгласа и слѣдующаго за нимъ ужаса)—баллада окончена; остальное—ничто для поэта».

Эти отрывки изъ обширной переписки о *Журавляхъ* показываютъ съ достаточной ясностью, какъ глубоко сознательно было творчество великаго поэта. Мельчайшія подробности замысла и выполненія подвергаются дѣятельному обсужденію и только внимательное изученіе этихъ подробностей можетъ вывести читателя въ величавый міръ этихъ безсмертныхъ твореній. Но и поверхностное знакомство съ *Ивиковыми журавлями* сразу охватываетъ читателя благоговѣйнымъ трепетомъ предъ мощью той истины, на которую такъ сходно и такъ различно взглянули и народная мысль и творчество геніальнаго поэта. «Шиллеръ отказался отъ *чуда* въ обычномъ смыслѣ слова, говоритъ Фигофъ, но тѣмъ правдивѣе и ярче изобразилъ поэтъ чудесное въ душѣ человѣческой, то, что и зрѣлый разумъ, въ просвѣщеннѣйшее время, долженъ—въ безсиліи объяснить его—признать чудеснымъ, ту душевную тревогу, которая охватываетъ человѣка, погрѣшившаго противъ чужой жизни, и пытаетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не признается въ содѣянномъ, то чудесное, въ которомъ коренится и народная вѣра въ чудо».

Строфа 1. *Посейдоновъ* пиръ,—потому,—что Истмійскія игры были посвящены Посейдону.—*Чада-Геллы—Эллады*, Греціи.—Къ *Истму*: четыре торжества состязаній соединяли греческія племена на всенародныя празднества: игры олимпійскія, пиѳійскія, немейскія и истмійскія; послѣднія происходили на коринѳскомъ перешейкѣ (Истмѣ) и состояли изъ конскихъ ристаній и состязаній въ бѣгѣ, борьбѣ, метаніи диска, поэзіи и музыкѣ.

Строфа 2. *Акрокоринѳъ*—кремль, крѣпость Коринѳа.—*Посейдоновъ лѣсъ* посвященный Посейдону.

Строфа 3—вставлена по совѣту Гете. *Досель мой вѣрный провожатый*: Ивикъ ѣхалъ на игры по морю изъ Италіи; поэтому также *Чужаго брега посѣтитель*.—*Зевесъ-хранитель* - въ оригиналѣ *Гостепріимный*, точный переводъ греческаго ξενιος.

Строфа 7. *Вѣнецъ сосновый* возлагали на побѣдителя въ истмійскихъ играхъ.

Строфа 8. *Пританы* – выборные представители высшей власти въ Коринѳѣ.

Строфа 12. Перечисленіе мѣстностей, откуда стеклись люди на празднество, передано у Жуковскаго свободно; въ подлинникѣ: «изъ города Тезея (Аѳинъ), съ береговъ Авлиды, изъ Фокиды, изъ страны спартанцевъ, съ далекаго побережья Азіи, со всѣхъ острововъ».

Строфа 13. Хоръ въ греческой комедіи шествовалъ не по сценѣ (*«вокругъ театра»*), но ниже, по такъ наз. орхестрѣ; въ данномъ случаѣ это хоръ Эринній (см. въ словарѣ).

Строфа 16. Здѣсь воспроизведенъ хоръ Эринній изъ «Эвменидъ» Эсхила, знакомыхъ Шиллеру по переводу Гумбольдта.

Строфа 19. *О силѣ той*—не Эриннія, но божественная сила высшаго возмездія и справедливости.

Строфа 20. *Парѳеній, слышишь*, въ подлинникѣ—*Тимоѳей, смотри*.

Строфа 23. Переводъ Жуковскаго измѣняетъ обстановку суда—въ подлинникѣ «сцена превращается въ судъ».

1. **В. Жуковскій.** (Ивиковы журавли). «Вѣстникъ Европы» 1814, ч. LXXIII, № 3.

2. **О. Головнинъ.** (Проф. Р. Р. Брандтъ), въ «Переложеніяхъ» О. Головнина. Кіевъ, 1886.

3. **Н. Голованово.** Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

НАДЕЖДА.

(1797).

Чѣмъ объясняется, что надежда сопровождаетъ человѣка всю жизнь и не поддается жесточайшимъ искушеніямъ? Вѣчно надѣется человѣкъ и, отчаявшись, наконецъ, въ одномъ, переноситъ свою надежду на что-нибудь другое. Очевидно, она опредѣляется не личными впечатлѣніями, не опредѣленными внѣшними событіями; ибо тогда она была бы присуща лишь нѣкоторымъ людямъ, лишь нѣкоторымъ возрастамъ и жизненный опытъ убивалъ-бы ее. Но на самомъ дѣлѣ надежда, о которой идетъ рѣчь въ стихотвореніи, вытекаетъ изъ необходимаго и всеобщаго внутренняго источника въ груди человѣческой; она покоится на высшей основѣ. Какой же идеальный элементъ останется ея содержаніемъ, когда мы выдѣлимъ изъ нея всѣ земныя примѣси? Въ томъ, что мы всегда и отъ всего ожидаемъ лучшаго, выражается непосредственно и непроизвольно очевидное убѣжденіе въ томъ, что мы сами созданы для чего-то лучшаго, для высшаго назначенія».

1. **П. Политковскій.** (Надежда, изъ Шиллера. «Благонамѣренный», 1818, ч. I. Переведено довольно удовлетворительно.

2. **М. Дмитріевъ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Вѣстн. Европы», 1820, № 12. Въ свое время переводъ этотъ былъ очень извѣстенъ. Такъ, онъ перепеч. въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» 1820, ч. XVIII, 67, въ «Собраніи образцовыхъ русскихъ сочиненій» изд. 1821, I, въ «Сынѣ

Отечества» 1821, ч. LXVIII, № 12, 227, и въ «Стихотвореніяхъ М. Дмитріева» 1830, ч. I, 91.

Довольно о лучшихъ, о будущихъ дняхъ
Всѣ люди твердятъ и мечтаютъ:
Бѣгутъ, и плывутъ, и летятъ на крылахъ,
И къ цѣли златой поспѣшаютъ!
Старѣетъ и вновь молодѣетъ сей свѣтъ,
А смертный съ Надеждой—все лучшаго ждетъ!

Въ путь жизненный входитъ съ Надеждою онъ;
Съ ней отрокъ веселый играетъ;
И юноша свѣтомъ ея оживленъ;
И старца она провождаетъ:
Къ могилѣ приближась усталой стопой,
Ее насаждаетъ онъ слабой рукой!

Ахъ нѣтъ! то не льстивый и тщетный обманъ,
Въ главѣ безразсудныхъ рожденный:
То громкій гласъ сердца, вѣщающій намъ,
Что къ лучшему мы сотворенны!
Что-жъ внутренній голосъ въ душѣ говоритъ,
То ей не мечтою несбыточной льститъ.

3. **Н. К—я** (Надежда, изъ Шиллера). «Вѣстн. Европы» 1829, ч. VI, № 24, 330. Переводъ вольный.

4. **Э. Губеръ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Телескопъ» 1831, ч. VI, и въ «Сочиненіяхъ Губера», 1859, I.

О дальнихъ и лучшихъ грядущихъ годахъ
Все думаютъ люди, мечтая,
Бѣгутъ и стремятся на разныхъ путяхъ,
Завѣтную цѣль догоняя;
Старѣетъ и вновь молодѣетъ земля;
Но смертный ждетъ лучшаго день ото дня.

Онъ въ міръ сей родится съ надеждой златой,
Она за младенцемъ летаетъ,
Вливаетъ въ грудь юноши пламень святой
И старца до гроба ласкаетъ;
Онъ къ гробу стопою усталой спѣшитъ,
А съ нимъ и надежда у гроба стоитъ.

Есть правда: она не коварный обманъ,
Рожденный пустыми умами...
Летящій день жизни намъ къ лучшему данъ
Отъ вѣка благими богами;
И то, что голосъ души говоритъ,
Душѣ не напрасной надеждою льститъ.

5. **F.** (Надежда, изъ Шиллера). «Молва» 1833, т. V, № 109. Переводъ очень точный.

6. **А. Мейснеръ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера», 1836. Какъ во всѣхъ переводахъ Мейснера, много неудачныхъ выраженій.

7. **А. Фетъ.** (Надежда, изъ Шиллера). Первоначально въ его «Лирическомъ Пантеонѣ» (1840).

8. **Ѳ. Миллеръ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1840, ч. V, № 10, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

Какъ много въ теченіе жизни земной
О будущемъ люди мечтаютъ!
И всѣ они цѣли счастливой, златой,
Достигнуть скорѣе желаютъ.
Міръ Божій то свянетъ, то вновь расцвѣтетъ,
А смертный все ищетъ, все лучшаго ждетъ.

Надежда, какъ мать, безотлучно при немъ:
Съ младенцемъ безпечнымъ играетъ,
И юношу манитъ волшебнымъ лучемъ,
И старца при гробѣ питаетъ.
Онъ сходитъ спокойно съ земного пути,
Въ надеждѣ за гробомъ покой обрѣсти.

—

О, нѣтъ! то не вымыселъ лестный, пустой,
Рожденный въ мечтаньяхъ невѣжды:
Мы знаемъ, мы вѣримъ, что есть міръ иной,
Гдѣ сбудутся наши надежды;
То сладостной вѣры таинственный гласъ,—
Ужели онъ можетъ обманывать насъ?

9. **И. Крешевъ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Маякъ» 1842, III, № 6, и въ «Переводахъ и подражаніяхъ И. Крешева» 1862, 103.

Всѣ люди, о будущемъ счастьи мечтая,
Твердятъ про грядущіе дни;
Блеститъ передъ смертными цѣль золотая,
И дружно бѣгутъ къ ней они.
Земля постарѣетъ, и вновь расцвѣтетъ,
Но смертный, надѣясь, все лучшаго ждетъ.

Съ надеждою смертный родится на свѣтъ,
Она вкругъ ребенка играетъ,
Въ грудь юноши льетъ свой божественный свѣтъ,
И старца сѣдого питаетъ;
Къ могилѣ бредетъ онъ съ поникшей главой,
Надежда и здѣсь, у плиты гробовой.

Есть мысль,—то не ложь, то не говоръ пустой,
Рожденный пустыми умами,
Есть мысль, голосъ вѣры небесной, святой:
Свѣтъ къ лучшему данъ небесами;
А то, что гласъ сердца пришельцамъ земнымъ,
То истины неба, не льстящія имъ.

10. **И. Бочаровъ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Стихотворенія И. Бочарова» 1842, 38. Растянутый и вялый полу-переводъ, полу-подраженіе.

11. **А. Струговщиковъ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 16.

О высшихъ, божественныхъ цѣляхъ,
Про лучшій, прекраснѣйшій вѣкъ,
Надеждой богатъ съ колыбели,
Мечтаетъ, поетъ человѣкъ:
Все въ мірѣ цвѣтетъ и проходитъ чредою,
Лишь онъ неразлученъ съ своею мечтою.

Надежда младенца ласкаетъ
И въ мужѣ съ лѣтами растетъ,
На трудъ старика вызываетъ
И посохъ ему подаетъ:
Смежитъ ли предъ смертью усталыя вѣжды,
Старикъ и тогда неразлученъ съ надеждой.

Надежда не плодъ размышленья,
Посланница Божья она!
Не тщетно святое стремленье
И жизнь не вотще намъ дана!
Надѣйся!—намъ внутренній голосъ вѣщаетъ,
И свято тотъ голосъ себя оправдаетъ.

12. **Аполлонъ Григорьевъ.** (Надежда, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Григорьева» 1846, 47.

Говорятъ и мечтаютъ люди давно
О времени лучшемъ, грядущемъ;
Имъ цѣлью златою сіяетъ оно—
За счастьемъ издавна бѣгущимъ;
И старѣетъ міръ, и юнѣетъ опять,
Человѣкъ продолжаетъ все лучшаго ждать.

Надежда проходитъ съ нимъ жизненный путь,
Крылами ребенка лелѣетъ,
Мечтами волнуетъ юноши грудь,
Для старца и въ гробѣ не тлѣетъ,
Зане и ко гробу склонясь утомленъ,
Насаждаетъ у гроба надежду онъ.
И то не обманчивый призракъ пустой:
Порожденіе мозга больного;
Намъ сердце такъ ясно шепчетъ порой:
Рождены мы для чего то иного.
И что внутренній голосъ намъ шепчетъ въ тиши,
Не обманетъ живыхъ упованій души.

13. **Анонимъ.** «Надежда. Переводъ стихотворенія Шиллера: «Die Hoffnung». Спб. 1852.

14. **Н. Майскаго.** (Надежда, изъ Шиллера). «Думы и пѣсни» Н. Майскаго. Спб. 1882.

15. **Homo Sum.** (Надежда, изъ Шиллера). «Вѣкъ», 1883, № 1, отд. I, стр. 36.

16. **Д. Павлова.** (Надежда, изъ Шиллера). «Царь-Колоколъ», 1891, № 11.

17. **С. Рафаловича.** (Надежда, изъ Шиллера). «Стихотворенія С. Рафаловича». Спб. 1894.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЛАВИЛЬНЫЙ ДОМЪ.

(1797).

Преданіе, получившее художественную обработку въ этой балладѣ, извѣстно въ многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ; по всѣмъ вѣроятіямъ оно—восточнаго происхожденія. Шиллеръ нашелъ этотъ сюжетъ въ новеллѣ одного изъ плодовитѣйшихъ своихъ современниковъ, любопытнаго французскаго беллетриста Ретифа-де-ла-Бретонъ, въ сборникѣ котораго «Les contemporains», въ новеллѣ 13, разсказана и эта исторія. Едва-ли въ какой-либо изъ своихъ балладъ Шиллеръ слѣдовалъ такъ близко за своимъ первоисточникомъ. Благочестивый герой носитъ у Ретифа имя Шампань, а злодѣй — Блеро, мѣсто дѣйствія не въ Германіи, а во Франціи (Кэмперъ или Ваннъ). Какъ и въ балладѣ, графъ, убѣжденный доносчикомъ въ измѣнѣ жены и виновности Шампаня, посылаетъ его къ плавильщику узнать, исполнилъ-ли онъ его приказаніе; при этомъ также указана жестокость рабочихъ и радость, съ которой они приняли злодѣйскій приказъ. Прежде чѣмъ отправиться, Шампань также спрашиваетъ порученія у госпожи, которой онъ принадлежитъ, и получаетъ приказаніе быть у обѣдни, такъ какъ сама графиня нездорова (у Шиллера — ея сынъ); при этомъ она говоритъ: «Помолитесь за себя и за меня». Церковь также въ концѣ деревни, время лѣтнее, въ церкви нѣтъ никого, и Шампань исполняетъ обязанности сакристана, чиститъ алтарь и т. д. Увидя его по возвращеніи цѣлымъ и невредимымъ, графъ впадаетъ въ бѣшенство. «Откуда ты, бездѣльникъ?» спрашиваетъ онъ. «Изъ плавильни, ваша графская милость». «Ты по дорогѣ останавливался?» — «Я былъ только у обѣдни, по приказанію госпожи, и молился за нее и за васъ» и т. д.

Неизвѣстно, чѣмъ руководствовался поэтъ, мѣняя имена дѣйствующихъ лицъ и перенося дѣйствіе въ Савернъ (Цаберн въ Эльзасѣ), гдѣ, надо прибавить, теперь ходитъ тожественное съ балладой преданіе, очевидно созданное подъ вліяніемъ стихотворенія Шиллера.

Друзья поэта — кромѣ Гумбольдта, который никакъ не могъ почувствовать влеченіе къ «сѣверному» благочестію Фридолина—были очень довольны стихотвореніемъ, особенно Кернеръ, которому именно нравилось это «христіански-католическое, старо-нѣмецкое благочестіе». «Идея особаго божественнаго промысла, слегка лишь намѣченнаго, — замѣчаетъ далѣе Кернеръ, — придаетъ этому стихотворенію такую сердечность, которому съ трудомъ противостоитъ самая упорная сухость. Одной изъ труднѣйшихъ задачъ было описаніе церковнаго обихода, гдѣ изображеніе характерныхъ чертъ такъ легко можетъ вызвать насмѣшки».

Заглавіе передано въ переводѣ Миллера свободно: Eisenhammer не плавильня, а гигантскій молотъ, какъ видно изъ текста, приводимый въ движеніе водою и перековывающій глыбы сырого желѣза въ болѣе удобныя для обработки формы. Упоминаемыя въ описаніи обѣдни слова *министрантъ, цингулумъ, стола* см. въ словарѣ. — Pater noster — Отче нашъ.

1. **В. Жуковскій** (Судъ Божій), первоначально въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834, VI. Это не переводъ, а пересказъ другимъ размѣромъ.

СУДЪ БОЖІЙ.

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савериской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Свойствомъ, тиха въ обращеньи была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если-жъ случалось сказать ей ему: «Фридолинъ, успокойся!»
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ: зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращался въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердцѣ его заронить подозрѣніе: «Счастьемъ завиднымъ
Богъ наградилъ васъ, графъ-государь! Онъ далъ вамъ въ супругѣ
Вашей сокровище: нѣтъ ей подобной на свѣтѣ, какъ ангелъ
Божій прекрасна, добра, цѣломудренна. Спите спокойно:
Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней». Заблистали
Грозно у графа глаза. «Что смѣешь ты бредить?» сказалъ онъ:
«Женская вѣрность — слово пустое; на ней опираться

То же, что строить на зыбкой водѣ. Берегися какъ хочешь,
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньи:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверискаго графа!»
«Правда», коварно отвѣтствовалъ Робертъ: подобная дерзость
Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья
Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
Смѣетъ глаза поднимать на свою госпожу и, служа ей,
Въ сердцѣ развратномъ желанья таитъ». — «Что слышу!» воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. «О комъ говоришь ты? И живъ онъ?»
«Всѣ объ немъ говорятъ, государь; а я изъ почтенья
Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ. Что самимъ вамъ
Втайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной
Тайной».—«Злодѣй, говори!» въ изступленьи ужасномъ воскликнулъ
Графъ. «Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ
Дерзкій?»—«Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицомъ миловиденъ»...
Такъ шипѣлъ предательски Робертъ; а графа бросало
Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ. Возможно ль, чтобъ сами
Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
Все, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью преступной.
Онъ и стихи написалъ и въ нихъ передъ ней признается
Въ нѣжной любви». — «Признается!» — «И даже молить о взаимномъ
Чувствѣ дерзаетъ. Конечно, графиня, по кротости сердца,
Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое, и самъ я
Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ: чего вамъ страшиться?»
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ.
Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало.
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; взвивалися вихрями искры; свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою, средь брызжущей пѣны,
Тяжко вертѣлось, и молотъ огромный, гремя неумолчно,
Самъ, какъ живой, поднимался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: «Исполните въ точности
Волю мою: того, кто первый придетъ къ вамъ и спроситъ:
«Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» безъ всякой пощады

Александръ Митрофановичъ ФЕДОРОВЪ.

Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось».
Съ свирѣпымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза. Рвенье удвоивъ,
Начали снова работать они, и, убійствомъ заранѣе
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ Фридолина.
Графъ, увидя его, говоритъ: «Ты долженъ, немедля ни мало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ: все ли
Сдѣлано то, что я приказалъ». — «Исполнено будетъ»,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ итти, но, подумавъ—
Можетъ быть, дастъ ему и она порученье какое—
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: «Господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы — моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ чего приказать?» Ему, съ благосклоннымъ
Взоромъ, графиня отвѣтствуетъ: «Другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ. Сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся».
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ христіанъ на молитву. «Отъ встрѣчи Господней
Ты уклоняться не долженъ!» сказалъ онъ и въ церковь съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо:

Жатва была—и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ. «Господу Богу
Прежде свой долгъ отдай, потомъ господину». Съ такою
Мыслью, усердно онъ началъ служить: священнику ризы,
Столу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта: и тамъ и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было великое Sanctus: когда же
Тайны священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя-Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ, въ грудь себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Напослѣдокъ, окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: «vobiscum Dominus!», вѣрныхъ
Благословилъ, и церковь совсѣмъ опустѣла. Тогда
Все въ порядокъ приведши, и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ и къ лѣсу пошелъ, и вдобавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратася:
«Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» онъ спросилъ. И, оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. «Онъ тамъ!» прошепталъ сиповатый ихъ голосъ: «какъ должно,
Прибранъ — и графъ насъ похвалитъ». Съ такимъ ихъ отвѣтомъ обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ. «Несчастный, откуда идешь ты?»
«Изъ лѣсу прямо». «Возможно ль? ты вѣрно промѣшкалъ въ дорогѣ?»
«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ-государь; повелѣнье
Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше».
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. «Но скажи мнѣ», спросилъ онъ,
«Что отвѣчали тебѣ?» — «Непонятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
Было на горнъ мнѣ указано. «Тамъ онъ!» сказали: «какъ должно,
Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!»—«А Робертъ?» спросилъ, блѣднѣя
Въ ужасѣ, графъ. «Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ». — «Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
Роберта».— «Ну!» вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза: «самъ Богъ рѣшилъ правосудный!» И, съ кроткой
Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ вожелъ онъ
Прямо къ супругѣ, и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
«Онъ, какъ дитя, непорочень! нѣтъ ангела на небѣ чище!
Врагъ коваренъ; но съ нимъ Господь и всевышнія Силы.

2. **Неизвѣстный** (Фридолинъ, повѣсть, взятая изъ соч. знамен. Шиллера, украшенная 8 карт. съ превосх. рисунковъ Ренча). Переводъ съ франц. (прозаическій). Москва, 1850.

3. **Ѳ. Миллеръ.** (Фридолинъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1853, № XX, кн. II, и въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Миллера».

4. **А. Глинка.** (Фридолинъ, или посылка на кузницу, изъ Шиллера). «Стихотворенія Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859. Какъ всѣ переводы Авдотьи Глинки, эта баллада переведена и очень точно, и очень сухо.

ДѢВИЦѢ ШЛЕФОХТЪ.

(1797).

Въ подзаглавіи сказано еще «von einer mütterlichen und fünf schwesterlichen Freundinnen», что, по мнѣнію толкователей, не можетъ означать ни мать, ни сестеръ, но только пріятельницъ — одну старшую и пять ровесницъ. Стихотвореніе это не было напечатано при жизни поэта и опубликовано лишь въ 1812 г.

1. **Ѳ. Миллеръ.** (Дѣвицѣ Шлефохтъ). Шиллеръ въ изд. Гербеля.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

БОЙ СЪ ДРАКОНОМЪ.

(1797).

Источникомъ этого произведенія, названнаго поэтомъ не балладой, а *романсомъ*, послужила книга Верто «Histoire des chevaliers de l'ordre de Malte», которую Шиллеръ изучалъ для своего «Донъ-Карлоса» и которая внушила ему идею «Мальтійцевъ» и «Іоаннитовъ» (въ объясненіи къ послѣднимъ указано, что поэтъ въ 1792 г. написалъ предисловіе къ нѣмецкой обработкѣ книги Верто).

Разсказъ историка мальтійскаго ордена совпадаетъ въ существенныхъ чертахъ съ стихотвореніемъ Шиллера. Дѣйствіе происходитъ во время правленія гроссмейстера ордена Геліона де Вильненъ (1332—1346), имя юнаго героя—Дьедонне де Гозонъ изъ Лангдока. Чудовище, съ которымъ гроссмейстеръ «изъ соображеній любви и благоразумія

воспретилъ рыцарямъ драться», есть нѣчто вродѣ «змѣи или крокодила», жившаго въ пещерѣ подлѣ болота у подножья горы св. Стефана въ двухъ миляхъ отъ Родоса. Приготовленія рыцаря и подробности борьбы перенесены у Шиллера въ его разсказъ, чѣмъ усиливается драматическое единство цѣлаго. Шиллеру принадлежитъ также заключеніе, гдѣ глубокое смиреніе побѣдоноснаго юноши сразу даетъ ему прощеніе. Въ разсказѣ историка гроссмейстеръ простилъ нарушителя его велѣній лишь послѣ долгаго покаянія и просьбъ высшихъ сановниковъ. «Голову змѣя прикрѣпили на воротахъ города въ память побѣды Гозона. Тевена въ своемъ *Путешествіи по Азіи* (1672) разсказываетъ, что видѣлъ эту голову или ея изображеніе; далѣе Верто разсказываетъ, что гроссмейстеръ, стараясь вознаградить героя за двойной подвигъ отваги и смиренія, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ. Послѣ смерти гроссмейстера его преемникомъ избранъ былъ Гозонъ, умершій въ 1353 году. На памятникѣ его написали: *Draconis extinctor* (драконоубійца). Кромѣ объединенія дѣйствія, его сжатости и введенія новаго психологическаго момента, поэту принадлежитъ также удачное перенесеніе всего дѣйствія въ публичное мѣсто; онъ дѣлаетъ насъ свидѣтелями всей этой великолѣпной сцены—народнаго торжества, разсказа рыцаря, отвѣта гроссмейстера и всей трагедіи смиренія, составляющей душу разсказа. Но важнѣе всего, конечно, новое освѣщеніе старой рыцарской сказки, перенесеніе всего ея содержанія изъ блеска внѣшнихъ событій въ глубину человѣческой души. «Какъ въ *Покрытомъ истуканѣ*—замѣчаетъ Фигофъ—жажда истины была поставлена ниже высшаго завѣта, такъ здѣсь добродѣтель смиренія поставлена ниже геройскаго мужества». Эту идею и имѣлъ въ виду Шиллеръ, стараясь—какъ онъ говоритъ—«схватить христіански-монашески-рыцарскій духъ дѣйствія»; эту идею противоположенія и синтеза отваги и смиренія онъ воплотилъ ранѣе въ своихъ «Іоаннитахъ». Еще въ предисловіи къ нѣмецкой обработкѣ книги Верто Шиллеръ говорилъ о рыцаряхъ іерусалимскаго госпиталя: «пламенное мужество соединяется въ нихъ съ строгимъ послушаніемъ, военная дисциплина съ монашескимъ повиновеніемъ, суровое самоотрицаніе, требуемое христіанствомъ, съ необузданной отвагой, и стоя непреоборимой фалангой противъ внѣшняго врага своей религіи, они съ такимъ же героизмомъ ведутъ вѣчную борьбу съ могучимъ внутреннимъ врагомъ человѣка—съ его гордостью и самолюбіемъ». За «борьбой съ дракономъ» скрывается такимъ образомъ иная, извѣчная борьба: борьба закона, общества, долга, установленнаго строя и т. д. съ самовластной личностью. Нельзя сказать, что побѣждаетъ у Шиллера. Величавый образъ магистра, представителя идеи отрицанія личности, такъ же близокъ поэту, какъ герой его души—юный богатырь, умѣющій во-время выйти изъ гнетущихъ рамокъ повиновенія—и во-время вернуться къ своему долгу и обѣту.

Поликсена Сергѣевна СОЛОВЬЕВА.

(Allegro).

1. В. Жуковскій. (Сраженіе со змѣемъ), первоначально въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1832. Весьма свободное подражаніе и гекзаметромъ вмѣсто 4-хъ стопнаго ямба подлинника.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ,
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащутъ
Мертваго змѣя съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
«Вотъ», говорятъ, «посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу!
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель!
Слава ему!» И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера; шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка,
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ: безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить». Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: «Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отвѣжность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:
Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?» То зрители внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: «Первый

Рыцарскій долгъ есть покорность».—«И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ: ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить».—«Владыка, сперва благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего Ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнувшихъ братій. Стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ-будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и—дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: ты рыцарь! однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое—
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить: но дерзкою силой—искусство,
Мужествомъ мудрость должны управлять. И въ такомъ убѣжденьи
Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило. Найдено средство, сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенье, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на короткихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый,
Вдругъ—обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и нимало змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился и выли собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,
Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно входить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ, у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью
Дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ.
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ Святыхъ причастился; потомъ сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпился въ змѣя.

Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный,
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло.
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено сталъ на дыбы: раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ; какъ сталь, чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ свой огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызись собаки.
Взвылъ онъ отъ боли и бѣшено началъ кидаться. Напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ. Я поспѣшно
На ноги всталъ и бросился къ нимъ и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища. Хлынула чернымъ потокомъ
Кровь. Согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ. Глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ».
Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздались
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій и самые рыцари Ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобы всѣ замолчали.
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: «Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ благородный
Рыцарь; но, Богомъ явися народу, врагомъ ты явился
Нашему ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ Орденъ священный;
Тамъ, облачася крестомъ, на себя возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ. Удались! ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто господнее иго отринулъ,
Тотъ и господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ».
Такъ магистеръ сказалъ и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ и рыцари Ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судія и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: «Обними меня, мой достойный
Сынъ! ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой онъ награда смиренью».

2. **А. Глинка.** (Сраженіе съ дракономъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1852, ч. III, № 11, и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки 1859, 43. Какъ всѣ переводы Авдотьи Глинки, очень точенъ, но мало поэтиченъ.

3. **Орестъ Головнинъ.** (проф. *Р. Р. Брандтъ*). «Переложенія О. Головнина». Кіевъ 1886.

4. **Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

5. **П. И. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

СЧАСТЬЕ.

(1798).

Это стихотвореніе—наравнѣ съ *Неніей* (стр. 125)—принадлежитъ, по мнѣнію Боксбергера, къ отрывкамъ «Теодицеи», которую собирался написать Шиллеръ подъ вліяніемъ философіи Лейбница. Такое поэтическое «оправданіе Бога»—замѣчаетъ Шворръ фонъ-Карольсфельдъ—должно было, разумѣется, снять съ Божества обвиненіе въ неравномѣрномъ и потому несправедливомъ распредѣленіи тѣлесныхъ и духовныхъ благъ. Шиллеръ выполняетъ это въ своемъ «*Счастіи*» наилучшимъ образомъ: сперва онъ выставляетъ обвиненіе во всей его тяжести, но затѣмъ столь-же рѣшительно отвергаетъ сужденіе обвинителя, говоря: красота тѣла восхищаетъ не только ея носителя, но еще болѣе—того, кто наслаждается ея созерцаніемъ: Елена и Ахиллъ были радостью всей Эллады. То же самое и съ благами духовными: Шиллеръ и Гете—радость всей Германіи или, по крайней мѣрѣ, должны были-бы быть ею. Твоя собственная безчувственность, а не Божество, виновата, стало быть, если наслажденіе прекраснымъ въ природѣ и искусствѣ не существуетъ для тебя»

Шиллеръ видѣлъ въ своемъ стихотвореніи *гимнъ*, главнымъ образомъ, въ виду его внѣшней формы. Но по лирическому размаху, по высокому подъему вдохновенія оно, дѣйствительно, представляетъ собой торжественный гимнъ, превосходно выражающій приподнятое, жизнерадостное и глубокое настроеніе. Счастье есть свободный даръ боговъ—говоритъ поэтъ:—они раздаютъ всѣ блага—красоту, проницательность, краснорѣчіе, величіе—по своему

произволу. Но этотъ произволъ, обходящій однихъ, осыпающій дарами другихъ, не долженъ вызывать въ насъ дурное чувство: *эти* дары проливаютъ счастіе и на насъ.

Слѣпымъ, а не зрящимъ безсмертные... себя открываютъ» обычное воззрѣніе Шиллера на глубину «наивной» мысли (стихотв. *Геній* и др.).—*Да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа*—намекъ на Ганимеда, котораго орелъ, по приказанію Зевса, поднялъ на Олимпъ.—«*Ведетъ.. кесаря къ брегу*»: намекъ на преданіе о Цезарѣ, который въ бурю на лодкѣ закричалъ трепещущему гребцу: «не бойся, ты везешь Цезаря и его судьбу!» —«*Дельфинъ изъ пучины... изъемлетъ*»: дельфинъ спасъ пѣвца Аріона.—«*Смертный... все небо въ смятенье приводитъ*»: бездѣйствіе Ахилла было предметомъ споровъ на Олимпѣ, а пока оно длилось, его соратники--греки гибли; отсюда—«*Эллиновъ избраннѣйшихъ въ бездну Тенара низводятъ.*»—Послѣдняя часть стихотворенія (отъ стиха: «*Но радость лишь боги на смертное око наводятъ*» есть, такъ сказать, отрицаніе извѣстной пословицы: «*Всякъ самъ своего счастья кузнецъ*». Наоборотъ, по мнѣнію поэта, *счастье есть чудо*: какъ мы не видимъ зарожденія красоты и истины, такъ не можемъ мы понять феномена счастья.

1. В. Жуковскій. (Счастье, изъ Шиллера). Первоначально въ «Вѣстн. Евр.» 1809, ч. XLVII, № 19.

2. Н. Головановъ. Лирич. стихотвор. Шиллера. Москва, 1899.

ПОРУКА.

(1798).

Я очень хотѣлъ бы знать—писалъ Шиллеръ, посылая Гете эту балладу и «Бой съ дракономъ» - удалось-ли мнѣ уловить всѣ мотивы, скрытые въ этомъ сюжетѣ. Подумайте—быть можетъ, и вамъ что нибудь придетъ на умъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ возможно работать съ величайшей сознательностью и почти сочинять по предвзятымъ принципамъ». Равнымъ образомъ, писалъ поэтъ Кернеру, что ни въ одной изъ его прежнихъ балладъ его свободное художественное творчество не было такъ сознательно, какъ въ этихъ двухъ. «Изучивъ эти баллады критически, ты найдешь также, что я продумалъ и расположилъ ихъ со всей вдумчивостью».

Разсказъ латинскаго писателя Гигина, помѣщенный въ его собраніи басенъ (*Hyginus* «Fabularum liber.» 257, *О людяхъ, связанныхъ глубочайшей дружбой*) и обработанный Шиллеромъ въ балладѣ, заключается въ слѣдующемъ: «Когда въ Сициліи правилъ жесточайшій тиранъ Діонисій, казнившій гражданъ среди мученій, Мэросъ задумалъ убить тирана. Стража схватила его и привела съ его оружіемъ къ королю. На допросѣ онъ сказалъ, что хотѣлъ убить короля; король приказалъ распять его. Мэросъ выпросилъ себѣ трехдневный отпускъ для того, чтобы устроить свадьбу своей сестры; въ заложники онъ предложилъ оставить своего друга Селинунція. Король согласился, но сказалъ Селинунцію, что если Мэросъ не явится во-время, то казни будетъ подвергнутъ онъ. Когда Мэросъ, послѣ свадьбы своей сестры, былъ уже на обратномъ пути, рѣка отъ дождя и бури внезапно разлилась, такъ что онъ не могъ ни перейти, ни переплыть черезъ нее. Мэросъ сѣлъ на берегу и заплакалъ, что его другъ долженъ умереть изъ за-него. Тиранъ-же приказалъ распять Селинунція, такъ какъ прошло уже шесть часовъ третьяго дня. Селинунцій возразилъ, что день еще не кончился. Но когда прошло девять часовъ дня, король приказалъ отвести Селинунція на мѣсто казни. Лишь по пути туда, бѣжитъ имъ на встрѣчу Мэросъ, съ трудомъ переплывшій рѣку, и издали кричитъ палачу: «Постой, палачъ! Вотъ я, за котораго онъ поручился!» Все это разсказали королю. Онъ приказалъ привести ихъ, просилъ принять его въ ихъ дружбу и даровалъ Мэросу жизнь».

Изучая отношеніе баллады Шиллера къ ея источнику, мы должны прежде всего отмѣтить, что основная мысль разсказа намѣчена уже въ источникѣ. Измѣнены немногія подробности: увеличено число препятствій, задерживающихъ Мэроса, и тиранъ объявляетъ ему, а не его другу, что тому въ случаѣ опозданія грозитъ смерть. Это сдѣлано съ намѣреніемъ, чтобы усилить для Мэроса трудность возвратиться и соблазнъ опоздать; для той-же цѣли поэтъ заставилъ короля прибавить Мэросу, что смерть друга избавитъ его отъ казни. Такимъ образомъ не довѣріе Селинунція, а твердость Мэроса выступаетъ на первый планъ. И не только любовь къ другу заставляетъ осужденнаго спѣшить на казнь, но иное, высшее побужденіе: мысль о торжествѣ идеи дружбы и правды. Убѣдить тирана въ томъ, что есть на свѣтѣ высшія побужденія—вотъ что важно для Мэроса. Вотъ почему вѣсть о томъ, что другъ казненъ, его не останавливаетъ: «Пусть кровожадный тиранъ не хвастаетъ, что другъ обманулъ друга: пусть казнитъ двѣ жертвы, но увѣруетъ въ любовь и въ честность» (строфа 17). Поэтому высшимъ торжествомъ Мэроса и достойнымъ заключеніемъ всей исторіи служитъ не спасеніе друзей—это не такъ важно,—но нравственное перерожденіе тирана, увѣровавшаго въ дружбу.

Вѣроятно, Шиллеру извѣстна была историческая основа разсказа Гигина въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась у Ямвлиха и Діодора. По сообщенію послѣдняго, присужденный къ смерти былъ невиненъ и тиранъ Діонисій—не старшій (406—367 г. до Р. Хр.), а младшій—сыгралъ только съ ними жестокую шутку. Имена друзей были Дамонъ и Финтій; сообразно съ этимъ Шиллеръ измѣнилъ заглавіе баллады, назвавъ ее *Демонъ и Пивій* (по ошибкѣ—Pythias вмѣсто Phintias).

1. Ѳ. Миллеръ. (Порука, изъ Шиллера). «Стихотворенія Ѳ. Миллера» 1849, 23. Помѣщено въ настоящемъ изданіи, но по недосмотру имя переводчика не указано.

2. А. Струговщиковъ. (*Отрывокъ* изъ бал. Шиллера «Порука»). «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ», 1857, II, 313.

Предъ грознымъ царемъ Сиракузы
Глицерій съ кинжаломъ предсталъ,
Былъ схваченъ и такъ отвѣчалъ:
«Хотѣлъ я, себя не жалѣя,
«Отчизну спасти отъ злодѣя:
«То былъ мой давнишній обѣтъ!»
—Распните! былъ царскій отвѣтъ.

«Мнѣ смерть неизбѣжная знаю,—
Но три дня отсрочки прошу,
«Покуда свой долгъ совершу,
«Покуда сестрѣ дамъ супруга;
Тебѣ-же оставлю я друга,
«Чтобъ, въ случаѣ я измѣнилъ,
«Ты вѣрнаго друга казнилъ».

Ему Діонисій съ коварной
Усмѣшкою такъ отвѣчалъ:
—Я бъ три дня тебѣ даровалъ!...
Но если хоть часомъ измѣнишь—
Ты друга собой не замѣнишь:
Тебѣ отпустивши вину,
Его, какъ злодѣя, распну..

3. Н Гербель. (Порука, изъ Шиллера). Шиллеръ въ изд. Гербеля.
4. Н. Головановъ. Лирич. стихотв. Шиллера.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(1798).

«Я понимаю, что *Пѣснь гражданъ*» (Bürgerlied—такъ первоначально называлось стихотвореніе) не можетъ заинтересовать всякаго,—писалъ Шиллеръ Кернеру,—но это зависитъ не столько отъ нагроможденія миѳологіи, сколько отъ сухости предмета; наоборотъ, миѳологическіе образы единственное, что въ немъ есть живого. Да какой чортъ сдѣлаетъ что нибудь поэтическое изъ самаго непоэтичнаго предмета на свѣтѣ!» Несмотря на этотъ суровый приговоръ самого поэта, стихотвореніе его—одно изъ самыхъ поэтичныхъ его произведеній, а его «сухія» идеи составляютъ живую душу величайшихъ созданій его лирики—*Прогулки* и *Пѣсни о Колоколѣ*. Планъ его задуманъ былъ давно. «Идеей» особенно занимавшей Шиллера—свидѣтельствуетъ Гумбольдтъ—было просвѣщеніе грубаго первобытнаго человѣка искусствомъ, прежде чѣмъ онъ придетъ къ культурѣ путемъ разума. Много разъ развивалъ онъ ее въ поэзіи и прозѣ. Съ особеннымъ предпочтеніемъ останавливалось его вдохновеніе на зачаткахъ цивилизаціи вообще, на переходѣ отъ кочевого быта къ земледѣлію, на благочестивомъ союзѣ—какъ онъ самъ выразился—съ матерью землей. Онъ охотно усваивалъ все, что было сроднаго въ миѳологіи съ этими идеями. Въ полномъ согласіи съ слѣдами миѳическаго преданія онъ создалъ изъ Цереры, главнаго образа въ этомъ кругѣ идей, явленіе столь-же чудесное, сколько глубокое, соединивъ въ ея груди чувства человѣческія съ божественными. Очень долго излюбленнымъ замысломъ его было изобразить эпически зачатки просвѣщенія Аттики посредствомъ переселеній чужестранцевъ. *Мѣсто этого невыполненнаго замысла занялъ Элевзинскій праздникъ*».

И здѣсь такимъ образомъ, какъ и въ *Прогулкѣ*, изображенъ переходъ человѣчества къ прочному гражданскому правопорядку, но здѣсь низшей ступенью развитія является охотничій и кочевой бытъ, а началомъ всякой человѣческой культуры—земледѣліе. Послѣдняя мысль была издавна ясна и древнему міру, который поэтому чтилъ въ богинѣ земледѣлія Церерѣ (Деметрѣ) также создательницу гражданскаго общества и вытекающей изъ него культуры (Demeter thesmophoros грековъ, Ceres legifera римлянъ). Въ Аттикѣ въ честь ея были установлены особыя празднества, названныя по мѣсту, гдѣ они происходили, *Элевзиніями*. Какъ бы *Гимномъ* для такого празднества и должно служить, по мысли автора, это стихотвореніе. Оно состоитъ изъ двухъ главныхъ частей по двѣнадцати строфъ въ каждой, обрамленныхъ тремя строфами (1, 14 и 27) другого размѣра. Въ первой части изображенъ переходъ отъ бродячей, охотничьей жизни къ осѣдлому быту, во второй—развитіе наукъ и искусствъ. Выдѣляющіяся по размѣру строфы отличаются отъ остальныхъ 24-хъ также своимъ лирическимъ характеромъ напоминая строфы хора, смѣняющія дѣйствіе въ античной трагедіи.

1. В. Жуковскій. (Элевзинскій праздникъ, изъ Шиллера). Первоначально въ «Новоселье» 1833, ч. II, 107.
2. Н. Головановъ. Лирическія стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

(1798).

Вызвано собраніемъ англійскихъ пѣсенъ, переведенныхъ Гердеромъ; двѣ первыхъ строфы поетъ Текла въ «Пикколомини» (III, 7). Къ кому именно обращена мольба дѣвушки «О, святая», вызываетъ споры. Фигофъ полагаетъ, что это не Дѣва Марія; тогда «Ты, Пречистая» въ пер. Вейнберга—неправильно. Послѣдняя строфа—слова самой дѣвушки.

1. В. Жуковскій. Первоначально въ «Вѣстн. Евр.» Скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ.

Дубрава шумитъ,
Сбираются тучи.
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ

Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица-краса.
И полночь, и буря мрачатъ небеса,
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

«Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла

Надежду, надеж—думой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась:
Жила и любила—и друга лишилась.

Теките струей
Вы, слезы горючи!
Дубравы гремучи,
Тоскуйте со мной!

Ужъ болѣ не встрѣтить мнѣ радостныхъ дней;
Простилась, простилась, я съ жизнью моей:
Мой другъ не воскреснетъ; что было—не будетъ...
И бывшаго сердце во вѣкъ не забудетъ!

«Ахъ! Скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы расцвѣтутъ?

Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;
Любовь, ты погибла! ты, радость, умчалась!
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!»

2. А..... (Пѣснь Теклы, безъ указанія, что заимствовано у Шиллера). «Невскій Зритель» 1820; ч. II, 167. Очень отдаленное подражаніе.

3. **А. Шишковъ.** (Марія поетъ и играетъ). «Избранный Нѣмецкій Театръ» 1831, I, 77. Переведена только первая половина.

Дубрава шумитъ и бѣгутъ облака;
Дѣвица вдоль берега ходитъ;
Волнами сердито клокочетъ рѣка
И ужасъ на душу наводитъ.
И, темною ночью, дѣвица поетъ,
Въ слезахъ, и блѣдна и уныла;
И сердце изныло, и міръ опустѣлъ,
Желанья въ груди не осталось!
Возьми, Пресвятая, въ надзвѣздный предѣлъ;
Я счастьемъ земнымъ наслаждалась!
Тамъ ждетъ меня радость; здѣсь радости нѣтъ.
Увы! я жила и любила!

4. **В. Г.** (Алина, изъ Шиллера). «Литературныя прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1831, № 78, 614. Очень неточно передана первая половина.

5. **Ит.....** (Романсъ Теклы, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1841, ч. № 10. Посредственный переводъ первыхъ 7 строфъ.

6. **А. Струговщиковъ.** (Любовь Людмилы, подражаніе Шиллеру). «Отеч. Зап.» 1842, XXV, отд. I, и подъ заглавіемъ «*Сбиралися тучи*» въ «Стихотвореніяхъ А. Струговщикова» 1845.

Сбиралися тучи и вѣтръ свирѣпѣлъ;
Далеко, въ туманѣ, лѣсъ темный шумѣлъ.

—

Гроза подымалась подъ ризой ночной,
И волны вставали, волна за волной,

—

Дѣвица на брегѣ пустынномъ сидитъ
И въ темную даль неподвижно глядитъ:

—

«Я въ жизни любила, я въ мірѣ жила,
«О, матерь святая, довольно съ меня!»

—

И слезы потокомъ бѣгутъ изъ очей,
Но мертвый спитъ тихо въ могилѣ своей.

«Но чѣмъ же я участь твою облегчу,
«Скажи, не отрину молитву твою?»

—

«Пусть слезы потокомъ бѣгутъ изъ очей
«И мертвый спитъ тихо въ могилѣ своей.

—

«Кто вѣдалъ блаженство чистѣйшей любви,
«Инаго блаженства тому не сули!

«Минувшее счастье я помню, и мнѣ
«Другого не надо, и нѣтъ на землѣ!»

Сбиралися тучи и вѣтръ свирѣпѣлъ,
Далеко въ туманѣ лѣсъ темный шумѣлъ.

Гроза подымалась подъ ризой ночной,
И волны вставали, волна за волной.

7. **Баронесса Чувикъ.** (Тоска дѣвушки, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія» 1843, т. LVIII, переведено слабо и неточно.

8. **В. Лялинъ.** (Жалоба дѣвушки, изъ Шиллера). «От. Зап.» 1853, LXXXVIII, и въ изд. Гербеля.

Сбираются тучи, лѣсъ глухо шумитъ;
Склонясь надъ рѣкою, дѣвица сидитъ.
Вздымаются волны сильнѣй и сильнѣй,
И слезы невольно бѣгутъ изъ очей.
И пѣснь ея льется уныло:

«Разбилося сердце и міръ опустѣлъ!
Мнѣ счастья нѣтъ больше, свершенъ мой удѣлъ.
О, Матерь Святая, возьми ты меня!
Все счастье земное извѣдала я:
Жила я и въ жизни любила!»

—«Напрасныя слезы ты льешь изъ очей:
Не слышитъ ихъ милый въ могилѣ своей.
Скажи мнѣ, что послѣ восторговъ любви
Исцѣлитъ сердечныя раны твои?
И все для тебя ниспошлю я».

«Пусть слезы напрасно бѣгутъ изъ очей,
Пусть другъ ихъ не слышитъ въ могилѣ своей.
Есть послѣ восторговъ прекрасной любви,
Есть высшее счастіе—то слезы мои:
Въ нихъ прошлою жизнью живу я».

9. **С. Шевыревъ.** (Романсъ Теклы, изъ Шиллера). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, Переведены первыя 2 строфы.

Бушуетъ боръ, шумятъ небеса;
По берегу бродитъ дѣва краса;
И рвется, и бьется о камни волна.
На темную ночь взоръ слезный она
Съ печальною думой вперила.

Ужъ вымерло сердце, и пусть ей свѣтъ:
Въ ней свѣтло-желаннаго нѣтъ какъ нѣтъ.
«Возьми жъ, Пресвятая, меня ты къ своимъ:
Ужъ я наслаждалась блаженствомъ земнымъ:
Ужъ я отжила—отлюбила!»

10. **Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

11. **П. И. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЬ.

(1798).

Л. Мей. Въ переводѣ «Лагеря Валленштейна».

НЕНІЯ.

(1798).

Naenia или nenia назывались у римлянъ похоронныя причитанія, и поэтъ нашелъ умѣстнымъ назвать такъ свою элегію о тлѣнности всего прекраснаго на свѣтѣ. Но его «плачъ» кончается примирительнымъ аккордомъ: пусть любящія богини не могли спасти Адониса и Ахилла,- надъ ними плакали боги; смертные, они прославлены пѣснью. *Звукъ стигійскій*—Плутонъ. *Прекраснаго юношу рану* Адониса. *Безсмертная мать не спасла великаго сына* - Ѳетида не спасла Ахилла.

1. **М. Михайловъ.** (Ненія, изъ Шиллера). Первоначально въ «Литературной Газетѣ» 1848, № 22.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотвор. Шиллера. Москва. 1899.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

(1799).

Обширнымъ размѣрамъ и чрезвычайному богатству содержанія этого знаменитѣйшаго изъ всѣхъ лирическихъ произведеній Шиллера соотвѣтствуетъ продолжительное время, отдѣляющее его первый замыселъ отъ окончательной обработки; первая мысль о немъ принадлежитъ къ тому-же вдохновенному моменту, когда замышлялись и создавались другія культурно-историческія картины въ лирикѣ, давшія Шиллеру непреходящую славу поэта-мыслителя по преимуществу. Идея написать пѣсню колокольнаго мастера—съ тѣмъ, конечно, чтобы связать съ ней широкія размышленія о жизни семейной и гражданской, давно занимала поэта. Еще въ 1788 г. онъ въ Рудольштадтѣ часто ходилъ въ литейную смотрѣть, какъ отливаютъ колокола. Въ 1797 г. онъ пишетъ Гете, что занялся уже пѣсней литейщика, для чего изучаетъ *Энциклопедію* Крюница, откуда черпаетъ необходимыя техническія свѣдѣнія. «Это стихотвореніе весьма близко моему сердцу, но будетъ мнѣ стоить многихъ недѣль, такъ какъ для него необходимо пройти много разнообразныхъ настроеній и обработать массу матеріала». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поэтъ сообщаетъ, что вынужденъ былъ отложить *Колоколъ*. «Сознаюсь, что, разъ такъ ужъ вышло, я совсѣмъ не огорченъ: поношу я еще годъ этотъ предметъ и погрѣю его—и тогда лишь стихотвореніе,—которое, по правдѣ, совсѣмъ не такъ легко,—созрѣетъ, какъ слѣдуетъ. Къ тому же этотъ годъ весь былъ *годомъ балладъ*, будущій-же, какъ видно, будетъ *годомъ пѣсенъ*, къ каковымъ принадлежитъ и *Колоколъ*». На это Гете отвѣтилъ, что колоколъ будетъ звучать тѣмъ лучше, чѣмъ дольше будетъ расплавлена мѣдь, очищаясь тѣмъ отъ всякихъ примѣсей. Но и въ слѣдующемъ году, сплошь занятомъ *Валленштейномъ*, поэтъ не касался *Колокола*, который былъ законченъ лишь осенью 1799 года. Друзья поэта оказали достойный пріемъ его великому произведенію. Кернеръ цѣнилъ въ немъ особенно глубоко національный духъ, чуждый всякаго намѣреннаго германизма. Гумбольдтъ назвалъ его чуднымъ свидѣтельствомъ совершеннаго поэтическаго генія. «Ни на одномъ языкѣ—прибавлялъ онъ—я не знаю произведенія, которое въ столь маломъ объемѣ охватывало бы столь обширный поэтическій кругъ, проходило-бы всю скалу глубочайшихъ человѣческихъ чувствованій и показало бы въ совершенно лирическомъ изображеніи жизнь со всѣми ея важнѣйшими событіями и эпохами,—точно безграничная эпопея». Чтобы связать въ одно органическое цѣлое эту необозримую массу разрозненнаго матеріала, поэтъ употребилъ превосходный пріемъ, выполненіе котораго также удачно въ *Пѣснѣ*, какъ глубокъ замыселъ: какъ въ *Прогулкѣ* поводомъ для размышленій служилъ рядъ картинъ природы, смѣняющихъ другъ друга, такъ здѣсь съ каждымъ моментомъ въ отливкѣ колокола связана подходящая мысль о человѣческой жизни. Все стихотвореніе есть монологъ литейнаго мастера, распадающійся на два элемента, совершенно различные по содержанію и по ритму: 1) на *десять* сжатыхъ и однообразныхъ по формѣ строфъ, заключающихъ послѣдовательныя приказанія мастера рабочимъ при отливкѣ большого колокола, и 2) на *девять* свободныхъ строфъ, содержащихъ всеобъемлющія размышленія мастера: послѣ вступленія, гдѣ онъ выражаетъ желаніе сопровождать работу «разумными рѣчами», слѣдуетъ указаніе на роль колокола въ жизни (2) и рядъ размышленій о семейной жизни—о дѣтствѣ, юности и любви (3), бракѣ и благосостояніи (4), разрушеніи благосостоянія (5) и смерти (6); за это время «техническія» строфы указываютъ, что колоколъ уже отлитъ; пока онъ стынетъ въ формѣ, мастеръ даетъ рабочимъ передышку, а затѣмъ, возобновивъ работу, возобновляетъ и разсужденія, въ которыхъ переходитъ теперь къ изображенію гражданскаго строя въ его мирномъ расцвѣтѣ (7) и кровавомъ переворотѣ (8). Колоколъ, наконецъ, готовъ, и мастеръ въ вдохновенномъ обращеніи изображаетъ его высокое божественное назначеніе (9). Эти размышленія, составляющія суть стихотворенія, связаны такимъ образомъ почти вездѣ тройной цѣпью: 1) между собой, такъ какъ каждое въ заключеніи переходитъ къ темѣ слѣдующаго, 2) приказаніями мастера, такъ какъ содержаніе размышленія все время соотвѣтствуетъ послѣдовательнымъ стадіямъ отливки, 3) общей темой стихотворенія, такъ какъ въ каждомъ размышленіи упоминается колокольный звонъ различнаго значенія.

Въ «Экономической Энциклопедіи» (ч. XIX, 1780 г.) Крюница, откуда поэтъ почерпнулъ знакомство съ технической стороной дѣла, онъ нашелъ также указаніе на надпись на большомъ соборномъ колоколѣ въ Шаффгаузенѣ, послужившую ему эпиграфомъ; «vivos voco, mortuos plango, fulgura frango» значитъ: «призываю живыхъ, оплакиваю мертвыхъ, ломаю молніи». Техническія подробности, необходимыя для пониманія приказаній мастера, были не сложны. Для отливки колокола въ глубокой ямѣ устанавливали форму, внутренняя часть которой, *ядро*, сложена изъ плитняка, обмазаннаго по шаблону глиной, наружная—изъ обожженной глины. Необходимый сплавъ мѣди и цинка приводится въ жидкое состояніе въ печи, нагрѣваемой сухими сосновыми дровами въ теченіе двѣнадцати часовъ. Расплавленный металлъ покрывается бѣлой пѣной; его посыпаютъ поташомъ, чтобы улучшить смѣшеніе. Тогда онъ краснѣетъ и понемногу трубки, устроенныя для тяги наверху печи («сопла» въ переводѣ Мина), желтѣютъ, а прутикъ, опущенный въ кипящую смѣсь, при извлеченіи кажется покрытымъ глазурью («стеклится»); это значитъ, что металлъ готовъ къ отливкѣ; но прежде чѣмъ приступить къ ней, дѣлаютъ еще пробу, правильно ли въ сплавѣ соотношеніе частей; для этого дѣлаютъ маленькую пробную отливку, по излому которой судятъ, не надо ли чего прибавить; слишкомъ зубчатый изломъ означаетъ, что мало цинка, болѣе равномѣрный значитъ, что надо прибавить мѣди. Затѣмъ открываютъ отверстіе, соединяющее печь съ формой; здѣсь возможны всякія случайности: можетъ лопнуть форма, могутъ явиться трещины въ металлѣ. Отлитый колоколъ остываетъ въ формѣ около сутокъ, затѣмъ ее разбиваютъ молотомъ. Готовый колоколъ у католиковъ «крестятъ»—находятъ ему патрона, даютъ имя. У Шиллера, съумѣвшаго въ этомъ могучемъ произведеніи—и это чуть не самая удивительная его сторона—совмѣстить высшую религіозность съ полнымъ забвеніемъ догмата историческихъ религій—этотъ обрядъ крещенія колокола совершаетъ самъ мастеръ, дающій ему, конечно, не церковное имя (въ оригиналѣ «Concordia»).

1. **Анонимъ.** («Начало любви», отрывокъ изъ Шиллеровой «Пѣсни о колоколѣ»). «Вѣстн. Европы» 1823, № 6, 125. Переведено только 29 строкъ (соотвѣтственно переводу Мина—«Съ подругой дѣтства отрокъ смѣлый» и т. д.).

2. **С. Шевыревъ.** (Отрывокъ изъ Шиллеровой «Пѣсни о колоколѣ»). «Вѣнокъ Граціи», 1829, 138.

О горе, грады просвѣщенны!
На васъ ужасная изъ каръ,
Когда обниметъ ваши стѣны
Народной вольности пожаръ.
Звучитъ мятежъ съ высокихъ башенъ,
И мирный звукъ колоколовъ
Стенаетъ глухъ, тяжелъ и страшенъ,
Какъ гулъ карающихъ громовъ.
«Законы въ прахъ!» взываютъ клики,
И гражданинъ хватаетъ мечъ.
Убійцъ исполненъ градъ великій,
Они бѣгутъ—рубить и жечь.
И жены какъ гіены рыщутъ
И трепетъ за собой влекутъ,
И сердца вражіяго ищутъ,—
Нашли неистовыя - рвутъ.

Святыни нѣтъ!—мятежъ съ отвагой
Всѣ узы тлѣнію обрекъ:
Отъ зла коснитъ нѣмое благо
И вольный властвуетъ порокъ.
Не трогай льва во снѣ—опасенъ,
Опасенъ тигра алчный бѣгъ;
Но трепещи, земля!—ужасенъ
Въ слѣпомъ безумствѣ человѣкъ.
Погибни, кто слѣпцу горящій
Свѣтильникъ неба въ даръ вручитъ:
Ему не свѣтитъ огнь губящій,
Но грады, селы попелитъ.

3. **П. Ободовскій.** (Отрывокъ изъ «Пѣсни о колоколѣ» Шиллера). «Литературная Газета», 1830, и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1835, № 48. Переведено 36 строкъ.

4. **Авдотья Глинка.** «Пѣснь о колоколѣ», твореніе Шиллера, Москва, 1832, также въ «Цвѣтникѣ русской литературы» 1840, 91 и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859, 3. Переводъ Мина выше въ литературномъ отношеніи, но переводъ Глинки точнѣе.

Въ землю вройте, други, тверже
Форму глиняную: въ ней
Выльемъ колоколъ теперь же.
Ну, товарищи, дружнѣй!
Пусть же отъ работъ
Градомъ льется потъ!
Дѣло — мастеру хваленье;
Но съ небесъ — благословенье!

Друзья! за важными трудами
Приличны важныя слова:
Работа съ добрыми рѣчами
Спора, успѣшна и жива.
Размыслимъ же и мы прилежно,
Что и отъ скудныхъ нашихъ силъ
Быть можетъ? Презрѣнъ неизбѣжно,
Кто необдуманно творилъ!
Въ томъ человѣка украшенье,
Ему и разумъ для того,
Чтобъ прежде рукъ его твореньe
Въ душѣ созрѣло у него.

Дровъ изъ пихты! Въ нихъ и сила!
Чтобъ лишь сухъ запасъ ихъ былъ;
Чтобъ изъ тѣснаго горнила
Въ желобъ сжатый пламень билъ.
Мѣдь скорѣй расплавь,
Оловомъ добавь,
Чтобъ кипящаго металла
Влага плавно протекала

Что въ ямѣ мрачной и глубокой
Теперь рука огнемъ творитъ,
То съ башни нѣкогда высокой
О насъ потомству возвѣститъ;
То будетъ въ позднихъ дняхъ и дальнихъ
Въ слухъ смертныхъ съ силой ударять,
И, раздѣляя скорбь печальныхъ,
Молебный хоръ сопровождать.
И все, что рокъ своимъ закономъ
Устроитъ для сыновъ земныхъ,
Металлнымъ повторится звономъ—
И будетъ поученьемъ ихъ.

Пузыри кипятъ—смотрите!
Хорошо! растворъ течетъ.
Всыпать щелочь поспѣшите
И литье скорѣй пойдетъ.
Пѣну отбивай,
Плавку очищай,
Чтобъ изъ чистаго металла
Звучность чисто вылетала.

Младенца съ жизнью поздравляетъ
Торжественный, веселый звонъ,
Когда привѣтливо порхаетъ
Надъ гостемъ жизни, жизни сонъ.
Еще во тьмѣ таятся дальней
Веселый жребій и печальный,
А лоно матери младое
Лелѣетъ дѣтство золотое.
Но дни летятъ, летятъ стрѣлой.
Съ подругой-сверстницей разстался
Довольный отрокъ самъ собой,
И пылко, бурно въ жизнь помчался,
И долго по свѣту скитался...
Къ отцу пришелъ онъ, какъ чужой.
Цвѣтущей юностью сіяя,
Съ величьемъ чудной красоты,
Какъ мимолетный ангелъ рая,
Какъ образъ съ горней высоты,
Предъ нимъ — и скромно, и стыдливо —
Стояла дѣва молчаливо...
Для юноши исчезнулъ свѣтъ:
Онъ самъ не свой; онъ цѣпенѣетъ
И въ безыменныхъ чувствахъ млѣетъ—
И чувствамъ тѣмъ отчета нѣтъ!
Тѣснятся слезы — онъ къ прекрасной
Отъ буйныхъ юношей спѣшитъ;
Заря любви, румянецъ страстной,
Въ лицѣ то гаснетъ, то горитъ;
Ея привѣтъ его живитъ.
Идетъ, волнуемый мечтами,
Въ луга, гдѣ зеркальный потокъ,
Чтобъ для нея, между цвѣтами,
Сорвать прелестнѣйшій цвѣтокъ.
О, сладость первыхъ упоеній,
Любови первой мигъ златой!
Среди надеждъ и вдохновеній
Тогда, лелѣяся мечтой,
Душа въ отверзтый рай летѣла:
Двойная жизнь лилась въ крови...
Ахъ! если бъ вѣчно зеленѣла
Для насъ весна младой любви!

Вотъ ужъ трубки стали рдяны;
Трость спущу на пробу я:
Если приметъ видъ стеклянный—
Близко время для литья.
Ну, теперь мы здѣсь
Испытаемъ смѣсь,
Все ль удачно съединилось,
Съ твердымъ мягкое смѣсилось?

Гдѣ сила съ кроткимъ, строгость съ нѣжнымъ
Союзомъ связаны надежнымъ,
Раздастся тамъ согласный звукъ.
И кто себя навѣки вяжетъ,
Спроси, что сердце сердцу скажетъ:
Мечта кратка — но сколько мукъ!
Въ дѣвственномъ вѣнкѣ прекрасномъ
Вотъ невѣста въ храмъ идетъ;
Слышимъ радость въ звонѣ ясномъ:
Онъ гостей на пиръ зоветъ.
Праздникъ жизни длится мало,
Мая жизни скоръ полетъ:
Сняли поясъ, покрывало —
И мечты ужъ болѣ нѣтъ...

Пылъ страсти пройдетъ,
Любовь остается:
Цвѣтокъ отцвѣтетъ
И плодъ развернется.
Мужъ долженъ, съ трудомъ,
Въ бой съ жизнью стремиться,
Искать, суетиться,
Садить, упражняться,
Хитрить, домогаться,
Въ удачи пускаться,
За счастьемъ гоняться;
Тутъ скоро богатство польется ручьями:
Пожитки въ амбарѣ лежатъ за замками;
Расширилось мѣсто, просторнѣе домъ.
Въ немъ, въ скромной заботѣ,
Хозяйка въ работѣ,
Въ семейственномъ кругѣ,
Всегда въ недосугѣ:
И дѣвочекъ учитъ,
И мальчиковъ съ ними;
Трудомъ не наскучитъ:
Руками своими,
Чрезъ свой оборотъ,
Все множитъ доходъ;
Въ лари накопляетъ драгіе пожитки;
Жужжа вертено выпрядаетъ ей нитки;
И въ шкафы запасы сбираетъ она
И шерсти волнистой и бѣлаго льна:
Такъ съ блескомъ и пользу она съединяетъ,
Покоя не знаетъ.

Съ сердцемъ веселымъ хозяинъ глядитъ
Съ верхней свѣтлицы высокаго дома:
Счастье, довольство его веселитъ.

Онъ крѣпкіе видитъ изъ бревенъ накаты,
Его кладовыя товаромъ богаты
И закромы гнутся, запасами полны,
На нивахъ златыя колышутся волны...
Тогда самохвально уста изрекли:

«Твердо, какъ будто основа земли,
Домъ мой, богатствомъ блистая, стоитъ,
Буря несчастья меня не страшитъ!»
Но намъ съ судьбою враждебной и странной
Связи устроить нельзя постоянной —
Смотришь: несчастіе вдругъ налетитъ.

Ну, теперь литье начнется:
Ужъ зубчать и чистъ изломъ;
Но пока металлъ польется,
Мы молитву вознесемъ.
Краны отверни!
Боже, домъ храни!
Вотъ, дымясь, въ желобъ чистый
Зашумѣлъ потокъ огнистый.

Полезна сила намъ огня,
Когда стѣсняя и храня,
Владѣетъ ею умъ людской:
Онъ благодаренъ силѣ той;
Но вмигъ становится страшна,
Когда, расторгнувъ цѣпь, она
Сама себѣ откроетъ дверь,
Природы гибельная дщерь.
Горе, если ей, свободной,
Возрасти не воспретятъ:
Вмигъ на улицѣ народной
Вдругъ пожары закипятъ...
Такъ стихіямъ хищнымъ сродно
Враждовать съ трудомъ людскимъ!

Съ тучъ прольется
Дождь пріятный,
Благодатный;
Съ тѣхъ же тучъ
Молній лучъ.
Чу! тревога! Вотъ звонятъ,
Бьютъ въ набатъ;
Вотъ, какъ кровь,
Небо красно,
Не отъ зноя и жаровъ;
Какъ ужасно
Все трещитъ,
Дребезжитъ,
Дымъ валитъ!
Вверхъ столбъ огненный взлетаетъ.
Онъ бѣжитъ и выростаетъ,
Все крушитъ, опламеняетъ;
Какъ въ горнилѣ, яркимъ блескомъ
Рдѣетъ воздухъ; бревны съ трескомъ
Упадаютъ; стекла таютъ.
Дѣти, матери блуждаютъ...
Дымъ, обломки...
Вопли громки
Стоны вѣтра заглушаютъ;
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, трепещутъ;
Небеса зарею блещутъ;
Цѣпь колодезную мещутъ:
Цѣпь бряцаетъ,
Съ ней взлетаетъ
Вверхъ ведро — и вотъ, дугою,
Бьетъ разсыпчатой волною
Водный токъ навстрѣчу зною.
Огнь все ярче и быстрѣй...
Ревъ животныхъ и звѣрей...
Съ свистомъ яростный Борей
Налетѣлъ... Въ порывахъ дикихъ
Носитъ, вьетъ огонь... и крики
Слышны: «житницы горятъ!»
Зерны брызжутъ и трещатъ;
Двери хлопаютъ, бренчатъ,
И губительная сила
Ломитъ балки и стропила.
Все скрипитъ, шумитъ, грохочетъ,
Пламень роетъ, будто хочетъ
Горы съ стержней ихъ сорвать
И, какъ пухъ, съ собой умчать.
И до неба взросъ могучій,
И челомъ раздвинулъ тучи
Исполинъ.
Властелинъ,
Смертный, предъ Творцомъ въ смиреньи,
Смотритъ, какъ его твореньe
Безпощадно погибаетъ,
Въ пеплѣ все;
Въ домы, въ кровы
Вѣтеръ ломится суровый.

Ужасъ, страхъ въ пустыхъ окошкахъ
Ужъ гнѣздятся;
Облака, летя, глядятся
Сверху въ нихъ.

На жилище,
Пепелище
Горькій взглядъ
Человѣкъ стремитъ назадъ,
Подымая посохъ свой.

Хотя огнемъ лишенъ всего,
Но онъ отраднымъ чувствомъ полонъ:
Всѣхъ близкихъ сердцу тотчасъ счелъ онъ—
И ни единой у него
(Въ семейномъ счетѣ оказалось)
Главы драгой не затерялось.

Въ должномъ весь составъ смѣшенья,
Весь удачно въ форму влитъ;
Иль желаній исполненье
Насъ за трудъ не наградитъ?
А напасть придетъ?
Форму разорветъ?
Сколько разъ душа ласкалась
Счастьемъ .. вдругъ бѣда подкралась.

Утробѣ мы земли священной
Труды ввѣряя рукъ своихъ,
Съ волненьемъ ждемъ плодовъ отъ нихъ,
Какъ жатвы ждетъ благословенной
Оратай отъ небесъ благихъ.
И человѣкъ драгое сѣмя
Землѣ, съ печалью, предаетъ;
Но чаетъ, что настанетъ время
Оно изъ гроба процвѣтетъ.

Слышенъ съ башни
Звукъ густой,
Гробовой,
Звукъ унылой,
Звукъ протяжный, звонъ печальный:
Чу! то вѣстникъ погребальный!

Ахъ! то нѣжную супругу,
Миловидную подругу,
Князь тѣней, дыша злодѣйствомъ,
И съ супругомъ и съ семействомъ
Разлучилъ. Гдѣ мать дѣтей,
Что въ разсвѣтѣ раннихъ дней,
Въ счастьи вкругъ родной росли,
Подъ крыломъ у ней цвѣли?
Смерть — всеобщій разлучитель —
Связь расторгла сладкихъ узъ,
И сошла тѣней въ обитель
Та, кѣмъ цвѣлъ семьи союзъ.
Гдѣ жъ заботливость прямая...
Дѣти мать найдутъ ли въ комъ?
Безъ любви, войдетъ чужая
Къ сиротамъ въ отцовскій домъ.

Но пока составъ хладѣетъ,
Можно трудъ оставить намъ;
Какъ на волѣ пташка рѣетъ,
Вольно всѣмъ итти къ домамъ.
Дождались звѣзды,
Кончились труды!
Къ ночи всякій отдыхаетъ;
Мастеръ отдыха не знаетъ!

Шагъ удвоя, ставъ бодрѣе,
Странникъ дикій боръ минуетъ:
Онъ спѣшитъ въ свой мирный домикъ.
Вотъ овецъ блеющихъ стадо,
И телицъ широковыйныхъ
Идетъ тучная станица;
Вотъ ихъ ревы
Вѣсть даютъ, что близко хлѣвы;
Тяжкій возъ,
Колыхаясь,
Ѣдетъ съ скрипомъ.
И съ вѣнками
Надъ снопами...
Дѣвъ и женъ,
И младыхъ жнецовъ на пляску
Рой летитъ.
Городъ спитъ,
Въ рынкахъ, на улицахъ затихло,
Вкругъ свѣчи семейной мирно
Всѣ домашніе тѣснятся.
И врата градскія стража
Запираетъ.
Исчезаетъ свѣтъ дневной.
Тишиной
Добрыхъ гражданъ не пугаетъ
Темный часъ:
Пусть онъ злыхъ и пробуждаетъ!
Но законъ не сводитъ глазъ.

О, порядокъ благодатной!
Ты гармоніей пріятной
Равно-мыслящихъ сближаешь,
Грады зиждешь, устрояешь.
Изъ пустынь, лѣсовъ глубокихъ,
Дикарей созвавъ жестокихъ,
Поселилъ въ нихъ, далъ уставы,
Умягчилъ крутые нравы
И даръ — высшій всѣхъ даровъ
Далъ къ отчизнѣ имъ любовь!
Сотня рукъ въ соединеньи,
Въ общій трудъ сопряжены —
И въ ихъ пламенномъ движеньи
Силы всѣхъ разочтены.
Мастеръ и работникъ воленъ;
Всякъ закономъ защищенъ;
Всякъ судьбой своей доволенъ;
Умъ насмѣшливый презрѣнъ.
Трудъ — для гражданъ украшенье:
Онъ имъ долженъ въ даръ принесть
Отъ небесъ благословенье.
Царскій санъ — царямъ почтенье,
Намъ — нашъ трудъ приноситъ честь.

Миръ безцѣнный,
Душъ единство!
Будьте, будьте
Какъ друзья надъ градомъ симъ!
Да не будетъ дня, въ который
Орды ратниковъ суровы
Въ мирной явятся долинѣ,
Въ коей небо
Тихимъ вечера закатомъ —
Такъ блеститъ!
Пусть насъ зарево пожаровъ
Въ весяхъ, въ градѣ не страшитъ!

Зданье, други, разломайте:
Ожиданіе сбылось!
Очи, сердце услаждайте:
Намъ въ работѣ удалось!
Молотъ — начинай!
Форму разбивай!
И лишь колоколъ взовьется
Форма въ части распадется.

Съ металла узы мастеръ сниметъ
Во время мудрою рукой;
Но, горе! коль внезапно хлынетъ,
Вскипѣвши, мѣдь сама собой!
Она, ярясь, дробитъ на части
Съ громовымъ трескомъ утлый домъ;
И, какъ изъ адской, страшной пасти,
Зіяетъ пагубой и зломъ.
Гдѣ силы дикія въ бореньи,
Тамъ всюду гибель и смятенье.
Въ странѣ, гдѣ буйствуетъ народъ,
Не созрѣваетъ счастья плодъ!

О, горе! если въ градахъ ковы
Духъ возмутительный сплотетъ:
Народъ, разбивъ свои оковы,
Безумно къ гибели пойдетъ.
Металлъ послушный заставляетъ
Гудѣть набатомъ бунтовщикъ;
Звонъ прежній, мирный, умолкаетъ;
Звонъ вѣча пасмуренъ и дикъ.
Раздоръ пылаетъ повсемѣстно;
Оружье граждане берутъ;
На улицахъ, на рынкахъ тѣсно,
Толпы неистово бѣгутъ.
И стали женщины — гіены:
Съ улыбкой дикаго лица,
Онѣ, какъ тигры разъяренны,
Грызутъ растерзанныхъ сердца.
Святого нѣтъ—и расторгаетъ
Послѣдни узы скромный стыдъ!
Добро злу мѣсто уступаетъ;
Развратъ ужъ больше не закрытъ.
Левъ пробужденный намъ опасенъ,
Погибель—въ тигровыхъ зубахъ:
Но кто жъ всѣхъ болѣе ужасенъ?—
То человѣкъ въ своихъ мечтахъ!
Бѣда, слѣпому отъ рожденья
Небесный факелъ въ руки дать:
На мѣсто пользъ и освѣщенья,
Онъ станетъ все испепелять.

Богъ мнѣ радость посылаетъ!
Вотъ—чего я ждалъ давно:
Изъ коры звѣздой сіяетъ
Ярко мѣдное зерно;
И вѣнецъ блеститъ—
Весь, какъ жаръ, горитъ!
И гербовъ изображенье...
Все — художнику хваленье!

Свершенъ, свершенъ:
Сомкнемся въ дружномъ съединеньи —
Да колоколъ, въ своемъ крещеньи,
«Согласьемъ» будетъ нареченъ!
Пусть онъ сердца соединяетъ:
Пусть весь приходъ къ любви сзываетъ!
Употребленъ да будетъ онъ
На то, къ чему опредѣленъ!
Надъ низкою земною жизнью,
Въ шатрѣ небесномъ, голубомъ,
Пусть плаваетъ громовъ въ отчизнѣ,
Гранича съ міромъ звѣздъ челомъ;
Пусть возвѣщаетъ онъ протяжно,
Какъ звѣздъ блестящій хороводъ
Гласитъ торжественно и важно
Свой гимнъ Творцу, и старый годъ
На лоно вѣчности ведетъ.
Лишь то, что вѣчно, что прекрасно,
О, колоколъ нашъ, прославляй!
И, Неусыпный, ежечасно
Намъ вѣсть о времени давай!
И ставъ орудіемъ судьбины—
Безчувственный, подобно ей—
Ты возвѣщай съ своей вершины
Игру невѣрной жизни сей!
Когда же звукъ твой скоротечно,
Встревожа, слухъ нашъ поразитъ,
Учи, что въ мірѣ все не вѣчно,
И все земное отзвенитъ!

Съ силою прострите руки—
Колоколъ изъ ямы вонъ!
Гдѣ владычествуютъ звуки,
Пусть туда восходитъ онъ!
Ну, тяните! Вотъ
Движется, плыветъ...
Въ радость граду будь! съ эѳира
Первый гласъ его — гласъ мира.

5. **К. Павлова.** «Двойная жизнь». Очеркъ К. Павловой, Москва, 1848, стр. 45. Заключительные стихи.

6. **А. Давыдовъ.** (Пѣснь о колоколѣ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1850, № X, отд. I, 69. Довольно точный, но тяжеловатый переводъ.

7. **Д. Минъ.** «Пѣснь о колоколѣ, стихотвореніе Шиллера». СПБ. 1856 и въ изд. Гербеля. Была также издана въ видѣ приложенія къ журналу «Стрекоза» за 1893 г. Съ иллюстраціями *Лицен-Майера*. (СПБ. 1893. 4 д. 61 стр.). Кромѣ того, было изданіе съ нотами («Пѣснь о колоколѣ». Для соло, хора, оркестра и органа, сочиненіе Макс. Бруха. СПБ. 1886»).

8. **Анонимъ.** «Колоколъ. Переводъ стихотворенія Ф. Шиллера: «Das Lied von der Glocke. СПБ. 1851».

9. **М. Тарнополь.** Пѣснь о колоколѣ въ переводѣ Моисея Тарнополя. Одесса. 1872.

10. **А. Озерскій.** Пѣснь о колоколѣ въ переводѣ А. Озерскаго. М. 1881.

11. **Анонимъ.** Пѣснь о колоколѣ. М. 1894.

12. **О. Карминъ.** Пѣснь о колоколѣ. Поэма. Въ переводѣ и съ предисловіемъ Осипа Кармина. М. 1896.

13. **А. Тамбовскій.** (Первая любовь, изъ Шиллера). «Безграничное море любви», А. Тамбовскаго, СПБ. 1890.

14. **Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

СЛОВА БЕЗУМІЯ.

(1799).

Въ противоположность тремъ «Словамъ вѣры» (стр. 98) есть также «три слова» заблужденія или, вѣрнѣе, безумной надежды. *Во-первыхъ*, безумна надежда на воплощеніе добра на землѣ. Въ разсужденіи «О возвышенномъ» Шиллеръ говоритъ: «Признакомъ прекрасныхъ, но слабыхъ душъ служитъ ихъ нетерпѣливая и настойчивая увѣренность въ ближайшемъ осуществленіи ихъ нравственныхъ идеаловъ и болѣзненная тоска, причиняемая имъ всякимъ препятствіемъ. Такіе люди всегда находятся въ самой печальной зависимости отъ случайности». Стихи «Когда побѣжденный лежитъ онъ въ пыли, онъ новыя силы беретъ изъ земли»—намекъ на великана Антея, сына Земли, котораго Геркулесъ побѣдилъ тѣмъ, что не свалилъ на землю, дававшую ему новыя силы, но поднялъ на воздухъ и тамъ задушилъ. Безумна, *во-вторыхъ*, мысль, будто

добродѣтель способна дать намъ земное счастье: идея, развитая въ «Счастіи». *Въ третьихъ*, безумна надежда познать когда-либо всю истину; здѣсь превосходно заключительное указаніе, что истина непознаваема уже потому, что можетъ быть передана только въ словахъ, въ которыя она не воплощается цѣликомъ. Но это разочарованіе въ томъ, что было предметомъ тщетной надежды, не должно убивать въ насъ вѣру въ дѣйствительное существованіе добра, правды, истины: ихъ нѣтъ извнѣ, гдѣ ищетъ ихъ безумецъ, но они есть въ насъ, и мы проявляемъ ихъ въ живой дѣйствительности.

1. **А. Струговщиковъ.** (Три заблужденія, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845.

Есть три заблужденья; отъ вѣка они;
Честная душа ихъ питаетъ!
Напрасно! то призраки только одни,
Ихъ свѣтъ никогда не признаетъ:
Обидная жертва напрасной мечты,
За призраки жизнію жертвуешь ты —

—

Пока будешь вѣрить въ тотъ вѣкъ золотой,
Гдѣ правда неправду заступитъ,—
И правда играть не позволитъ собой,
И врагъ никогда не уступитъ:
Но ежели правду ты носишь въ себѣ,
Съ неправдою легче бороться тебѣ —

—

Пока будешь вѣрить, что идолъ земной,
Сроднится съ душой благородной,
Тотъ идолъ сроднился съ нечистой душой,
Твое покушенье безплодно:
Ты странница въ мірѣ, ты гость на землѣ,
Ищи же нетлѣннаго блага себѣ —

—

Пока будешь вѣрить, что разумъ земной
Предъ истиной станетъ открытой,—
Мы только гадаемъ объ истинѣ той,
Что въ нѣдрахъ начала сокрыта:
Небесная въ духѣ безплотномъ живетъ,
Ее только вѣра твоя обрѣтетъ.

—

И такъ, откажись, о честная душа,
Отъ трехъ заблужденій... напрасно!
Но все, что въ другихъ обмануло тебя,
То все-таки есть, то прекрасно!
То благо не въ мірѣ, оно не извнѣ,
То благо съ тобою, то благо въ тебѣ.

2. **А. Мейснеръ.** (Лжевѣрованія). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля.

3. **Н. Голововановъ.** Лирич. стихотвор. Шиллера. М. 1899.

4. **Кн. Д. Н. Цертелевъ.** Переведено для настоящаго изданія.

КЪ ГЕТЕ.

(1800).

Въ январѣ 1800 года Гете рѣшилъ поставить на сценѣ Веймарскаго театра переведенную имъ трагедію Вольтера «Магометъ»; цѣлью его было пріучить актеровъ «къ дословному запоминанію роли, размѣренной декламаціи, содержательному исполненію». Можно было заранѣе предположить, что публика приметъ безъ особаго восторга эту попытку возрожденія холодной и высокопарной ложно-классической трагедіи французовъ. Но не въ возрожденіи этой условной художественной формы было дѣло, а въ борьбѣ съ грубымъ, банальнымъ реализмомъ нѣмецкой драмы (Коцебу и др.), въ стремленіи перенести въ родное литературное творчество достоинства французской драмы. Чтобы подготовить публику къ *такому* пониманію постановки «Магомета», Гете и попросилъ Шиллера написать нѣсколько соотвѣтственныхъ строфъ. Неизвѣстно, было ли прочитано стихотвореніе передъ представленіемъ въ видѣ пролога. Особаго поясненія требуютъ:

Строфа 1. *Дитя-герой—насъ отъ змѣи избавилъ*: сравненіе Гете съ Геркулесомъ, который еще младенцемъ задушилъ въ колыбели вползшую къ нему змѣю. Гете было всего 24 года, когда онъ своимъ «Гецомъ фонъ Берлихингенъ» произвелъ переворотъ въ нѣмецкой драмѣ.

Строфа 2. *По слѣдамъ... британцевъ*—Шекспира.

Строфа 3. *Людовикъ*—намекъ на покровительство французской литературѣ въ эпоху Людовика XIV.

Строфа 5. *Театръ теперь расширился*—драма избавилась отъ требованія «трехъ единствъ».

Строфа 6. Не грубая правдивость нужна сценѣ («жизнь... погрузить ее»), но образы творческаго вдохновенія («безплотныхъ тѣней»); ей нужна не внѣшняя правда реализма, но внутренняя правда искренности.

Строфа 8—10. Изображеніе достоинствъ и недостатковъ французской драмы, которая можетъ служить высшимъ указаніемъ, но не образцомъ для воспроизведенія.

1. **О. Миллеръ.** (Къ Гете). Шиллеръ въ изд. Гербеля.

2. **Голововановъ.** Лирич. стих. Шиллера. М. 1899.

АНТИЧНЫЯ СТАТУИ ВЪ ПАРИЖѢ.

(1800).

Шиллеръ вообще — какъ это мы видѣли въ стихотвореніи «Античное сѣверному страннику» и др.—считалъ пониманіе истиннаго значенія и художественной сущности античнаго искусства доступнымъ весьма немногимъ. Тѣмъ большее негодованіе должны были въ немъ вызвать побѣдоносныя французскія войска, которыя, производя въ Италіи поистинѣ вандальскія избіенія художественныхъ сокровищъ древности, увозили, что было можно, къ себѣ и украшали этимъ награбленнымъ добромъ французскіе музеи, не изъ любви къ искусству, конечно, но изъ честолюбія. Еще два года ранѣе Шиллеръ писалъ Гете: «Я слышалъ, что Беттихеръ собирается написать по поводу дурной перевозки художественныхъ произведеній статью о вандализмѣ французовъ... Подгоните его и доставьте мнѣ статью для журнала».

1. **А. Глинка.** (Антики въ Парижѣ). «Сборникъ на 1838 г.» и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки», 1859.

Плодъ искусства Грековъ славный
Франкъ, рукой сорвавъ державной,
Къ сенскимъ перенесъ брегамъ,
И хвастливо средь музеевъ
Ихъ поставилъ межъ трофеевъ
Въ изумленіе вѣкамъ!

И тѣ плѣнники безгласны
Не сойдутъ къ нему въ міръ ясный,
Не покинутъ пьедесталъ,
Тотъ лишь музами владѣетъ,
Чья душа къ нимъ пламенѣетъ:
Камень видитъ въ нихъ вандалъ.

2. **А. Струговщиковъ.** (Антики въ Парижѣ). «Стихотворенія А. Н. Струговщикова» 1845. Очень неточно.

Что искусство создавало
Въ вѣкъ Эллады золотой,
Забираетъ онъ, грабитель,
Святотатственной рукой:
Вѣковыми образцами
Наполняетъ свой музей—
И боговъ Олимпа
Кажетъ какъ трофей.

Но они съ своихъ подножій
На паркеты не сойдутъ
И въ сердца безсмертной жизни
Прометея не вдохнутъ;
Тотъ лишь бога понимаетъ,
Въ комъ огонь его горитъ—
Музы и Хариты
Вандалу гранитъ.

3. **Ѳ. Миллеръ.** «Стихотворенія Ѳ. Миллера» 1849 и позднѣе.

4. **Б. Алмазовъ.** (Антики въ Парижѣ). «Библіотека для Чтенія» 1858, № 1 и въ Соч. Алмазова. Больше подражаніе, чѣмъ переводъ.

Силы творческой созданья
Силой злой завоеванья
Съ бою взялъ суровый Галлъ
И, какъ бранные трофеи,
Гордо выставилъ въ музеѣ
На показъ средь пышныхъ залъ.
Но средь суетной столицы
Олимпійцевъ гордыхъ лица
Непривѣтливо глядятъ
И толпы непосвященной
Тайны творчества священной
Выдать взоромъ не хотятъ.

5. **Н. Голововановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

(1800).

Вопросъ о моментѣ перехода въ новое столѣтіе интересовалъ друзей-поэтовъ, и они также колебались, какой моментъ принять за переходный. Въ Веймарѣ предполагались къ этому дню празднества, но общее настроеніе было настолько удручено, что пришлось отказаться отъ торжествъ. Въ этомъ мрачномъ настроеніи и написано стихотвореніе, въ общемъ, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствующее пессимистическому воззрѣнію поэта на реальныя условія текущей дѣйствительности, гдѣ нѣтъ ни истинной свободы, ни мира, ни счастья: идеалъ осуществляется лишь въ царствѣ идеала. Дѣйствительная жизнь на переломѣ столѣтій, какъ и въ наши дни—какъ бы старалась поддержать мрачный взглядъ поэта. Послѣдній годъ прошлаго вѣка (1800) былъ полонъ войнъ въ Италіи и Германіи, ознаменованныхъ страшными кровопролитіями. Едва начавшійся новый годъ новаго вѣка уже былъ залитъ кровью въ англо-французской войнѣ.

Особыхъ поясненій требуютъ: *Пріютъ для міра* опеч. вмѣсто для мира. *Старыхъ формъ основы* французская монархія. *Богъ Нилъ, старый Рейнъ и океанъ суровый*—намекъ на войны въ Египтѣ, Германіи и Америкѣ—*Два народа*—Англія и Франція. *Молніи* бросая и *трезубцемъ* двигая—какъ Зевсъ и Посейдонъ. *Бренны* см. въ словарѣ: намекъ на гигантскіе поборы, которые подъ видомъ контрибуцій и реквизацій взимались въ побѣжденныхъ земляхъ французскими войсками.—*Какъ полипъ тысячерукій бритты*—намекъ на поведеніе Англіи въ морскихъ войнахъ — блокаду побережій, осмотръ нейтральныхъ и захватъ купеческихъ кораблей, расширеніе колоній (въ 1800 году взятіе Мальты). *Амфитрита* — см. въ словарѣ. *Съѣдъ до звѣздъ полярныхъ пролагая*—извѣстно, что въ южномъ полушаріи видны созвѣздія, невидимыя у насъ.

1. **А. Глинка.** (Начало новаго вѣка изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1842, ч. I, № 1, 15 и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859, 16.

2. **В. Курочкинъ.** (Начало новаго вѣка, изъ Шиллера). Шиллеръ въ перев. русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля и въ «Собраніи стихотвореній Василія Курочкина» 1869.

3. **В. Алферовъ.** (Начало новаго вѣка). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводахъ русскихъ поэтовъ» 1857.

4. **Л. К—ій.** Начало новаго вѣка, изъ Шиллера). «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей», изд. Гербеля.

5. **Н. Голововановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера.

НѢМЕЦКАЯ МУЗА.

(1800).

Изученіе нѣмецкой поэзіи привело Шиллера, наряду съ полнымъ пониманіемъ ея недостатковъ, также къ сознанію одного ея достоинства: ея внѣшней самостоятельности. Она не знала покровительствъ Августа, время котораго есть «золотой вѣкъ» въ исторіи римской литературы, и Медичи (знаменитые флорентинскіе меценаты). Наоборотъ король прусскій Фридрихъ Великій, увлекаясь литературой, относился съ пренебреженіемъ къ нѣмецкой и писалъ по-французски. Но должно отмѣтить, что именно въ Веймарѣ, гдѣ жилъ тогда Шиллеръ. нѣмецкая литература въ лицѣ его, Гете, Виланда, Гердера и процвѣтала и пользовалась чрезвычайнымъ покровительствомъ государя. *Барды* — названіе древнегерманскихъ пѣвцовъ, которое Клопштокъ и др. примѣняли и къ новымъ нѣмецкимъ поэтамъ.

1. **М. Достоевскій.** (Нѣмецкой музѣ). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. Гербеля.

2. **Б. Алмазовъ.** (Германской музѣ, изъ Шиллера). «Московскій Вѣстникъ», 1859, № 6 и въ «Сочиненіяхъ». Переводъ вольный.

Ты не пѣла у пороговъ
Раззолоченныхъ чертоговъ
На заказъ сложенныхъ одъ;
Ни предъ кѣмъ не унижалась,
И взросла и воспиталась
Не отъ княжескихъ щедротъ.

Но надъ вольнымъ небосклономъ—
Свѣтскимъ узамъ и законамъ
Непокорна и чужда—
Родилась въ нуждѣ ты строгой,
И осталась вѣкъ убогой
Независима, горда.

Отъ того мечты германской
Такъ могучъ полетъ гигантскій,
Наши пѣсни такъ полны,
Всѣмъ такъ мощно въ душу рвутся,
Такъ свободно, прямо льются
Изъ душевной глубины.

3. **Ѳ. Миллеръ.** (Нѣмецкая муза). Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. Гербеля и въ «Стихотвореніяхъ» Миллера.

4. **Н. Голововановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ЖЕЛАНІЕ.

(1801).

Обычное у Шиллера изображеніе противоположности міра идеальнаго и реальнаго въ формѣ порыванія къ первому. *Потокъ*, о которомъ говорится въ стихѣ 23,—чувственная природа человѣка, которую преодолѣть онъ можетъ только своими силами; поэтому у лодки *нѣтъ гребца* (слишкомъ свободно и неопредѣленно у Жуковскаго: «гдѣ жъ вожатый?»).

1. **В. Жуковскій.** Первоначально въ «Вѣст. Евр.» 1814, № 7 и 8.

2. **М. Загорскій.** (Желаніе, безъ указанія, что переводъ). «Литературные листки» 1824, ч. III, 193. Рано умершій поэтъ передалъ очень точно стихотвореніе Шиллера.

О, когда бъ изъ сей долины,
Отягченной хладной мглой,
Путь нашелъ я сквозь стремнины:
Какъ я ожилъ бы душой!
Вижу тамъ холмы рядами,
Яркій злакъ ихъ вѣчно свѣжъ;
Ахъ! зачѣмъ я не съ крылами:
Къ нимъ стрѣлою бъ за рубежъ!

Слышу лиры звукъ волшебный,
Райскихъ пѣсней дивный ладъ;
Вѣтерки съ холмовъ цѣлебный
Навѣваютъ ароматъ;
И плоды въ тѣни дубровы
Яркимъ золотомъ горятъ,
И не трогаетъ суровый
Тамъ цвѣтовъ растущихъ хладъ.

Какъ отрадно беззакатный
День небесъ тѣхъ созерцать!
Какъ цѣлебно ароматный
Воздухъ тамошній вдивать!
Но рѣка передо мною,
Съ ревомъ быстрый токъ свой мчитъ,
За волной волна, горою—
И тоска мой духъ тѣснитъ.

Вижу: въ ней ладья играетъ;
Нѣтъ вожатая на ней;
Парусъ вѣтромъ надуваетъ...
О! туда, туда скорѣй!..

3. **В. Печеринъ.** (Желаніе лучшаго міра, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества» 1831, XVI, 423. Тоже съ измѣненіями и прибавленіемъ 2-хъ куплетовъ въ «Сынъ Отеч.» 1831 т. XVIII; № 13, 378. Переводъ очень точенъ.

Ахъ, изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой?
Вижу—холмы отдаленны
Зеленью цвѣтутъ младой...
Дайте крылья! Къ вожделѣнной
Полечу—странѣ родной.

—

Слышу звуки райской лиры,
Чистыхъ пѣніе духовъ,
И разносятъ вкругъ зефиры
Благовоніе цвѣтовъ;
Вижу тамъ златые рдѣютъ
Межъ густыхъ вѣтвей плоды,
Зимни бури тамъ не вѣютъ,
И не вянутъ вѣкъ цвѣты.

—

Ахъ! какъ солнечный отраденъ
Вѣчный свѣтъ на тѣхъ лугахъ!
Усладительно прохладенъ
Тонкій воздухъ на холмахъ!
Но увы! передо мною
Воды яростны шумятъ,
Грозною катясь волною;
Духъ мой ужасомъ объятъ.

—

Вотъ челнокъ колышутъ волны...
Но гребца не вижу въ немъ!...
Прочь боязнь! Надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣторкомъ
Паруса надулись бѣлы...
Вѣруй и отваженъ будь!
Въ тѣ чудесные предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь.

4. **Э. Губеръ.** (Стремленіе). «Телескопъ» 1831, ч. V, 43 и въ Стихотвореніяхъ Э. Губера. 1859, I.

Грустно жить въ долинѣ, скрытой
Подъ туманною скалой:
Но дороги не прорыто,
Изъ обители пустой.
Тамъ холмы заповѣдные,
И не вянутъ ихъ красы:
Были бъ крылья золотыя,
Полетѣлъ бы на холмы.

Звуки дивные слетаютъ,
Міра горняго полны:
Вѣтры легкіе свѣваютъ
Райскій воздухъ съ вышины.
Тамъ плоды златые спѣютъ,
Подъ навѣсою густой!
Тамъ цвѣты на радость зрѣютъ,
Непожатые грозой.

Солнце грѣетъ веселѣе
Въ вѣчнопламенныхъ лучахъ;
Воздухъ чище и свѣтлѣе
На чудесныхъ высотахъ.
Но потокъ сердитый воетъ
Неумолчною волной:
Взоръ дороги не откроетъ
Надъ шумящей глубиной.

Вдругъ забилося вѣтрило,
Челнъ плыветъ, но безъ ребца,

Съ Богомъ въ путь! нога ступила—
И подуло въ паруса.
Вѣруй въ Промыселъ небесный:
Онъ залога не даетъ!
Въ край прекрасный, край чудесный,
Только чудо донесетъ!

5. **О. Бантышъ.** (Желаніе, изъ Шиллера). «Лучи» 1853, VIII, 289. Переведено 4-хъ-стопнымъ амфибрахіемъ, безъ риемъ.

О, еслибъ изъ этой глубокой долины,
Гдѣ воздухъ тяжелъ и мраченъ туманъ,
Скорѣй мнѣ, скорѣй мнѣ въ привольныя страны,—
О, какъ тогда веселъ, какъ счастливъ бы сталъ!

и т. д.

6. **А. Струговщиковъ.** (Чудесный край). «Лирическія стихотворенія Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ» 1857, I. Очень вольный переводъ.

Звукъ цѣвницы отдаленный
Въ чудный край меня зоветъ:
Ахъ, туда бы, окрыленный,
Я направилъ мой полетъ!

Свѣтозарныя видѣнья
Вѣчной жизни вѣчный рай!...
Ахъ, туда бъ изъ міра тлѣнья...
Но далекъ волшебный край!

Предо мною воетъ море;
Раздѣлила бездна насъ...
И чудесный край, о горе!
Какъ видѣнье, скрылся съ глазъ.

Будь я духъ, имѣй я крылья—
Я бъ надъ бездною взвился;
Но, напрасныя усилья,
Остаюсь недвижимъ я.

Вотъ ладья, вотъ челнъ спасенья!
Но страшуся ярыхъ волнъ,
Полный страха и сомнѣнья,
И безъ паруса мой челнъ.

Прочь раздумье! прочь сомнѣнье!
Подымаю парусъ я,
И, полна одушевленья,
Понеслась моя ладья.

Вижу берегъ, мнѣ оттуда
Чей то голосъ говоритъ:
«Дѣйствуй! вѣруй! только чудо
Можетъ вѣра совершить.

«Кормчій! челномъ спасенья
Только вѣра можетъ быть:
Что мертво для размышленья—
Можетъ чудо совершить.

«Провидѣніе залога
На безсмертье не даетъ:
Лишь чудесная дорога
Въ тотъ чудесный край ведетъ».

7. **О. Ромеръ.** (Стремленіе). «Наблюдатель» 1884, № 12.

8. **Н. Голововъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

(1801).

Первоначальное заглавіе: «*Pucelle* Вольтера и Орлеанская дѣва»; новое заглавіе—Mädchen von Orléans, а не Jungfrau von Orléans было бы правильнѣе передать «Дѣвушка изъ Орлеана», въ согласіи съ тѣмъ характеромъ простоты и исторической правды, какой поэтъ придаетъ Жаннѣ д'Аркъ. Стихотвореніе есть отвѣтъ на сатирическую поэму «Pucelle d'Orléans» Вольтера, гдѣ національная героиня Франціи изображена въ такомъ грязномъ видѣ, что слово *pucelle* (дѣвственница) стало неприлично.

1. ***. (Орлеанской дѣвѣ). «Московскій Телеграфъ» 1827, ч. XIII.

Ругаясь роду смертныхъ, умъ лукавый
Тебя по праху съ хохотомъ влачилъ;
Со всѣмъ возвышеннымъ въ войнѣ кровавой,
Онъ не постигнетъ ввѣкъ незримыхъ силъ;
Отвергнувъ Бога, полный святотатства,
Онъ душу бы лишилъ ея богатства!

—

Но нѣтъ! Поэзія, дитя смиренья
(Какъ ты, она подруга пастуховъ),
Тебя исхитила изъ посрамленья,
Съ тобой взлетѣла выше облаковъ;
Вновь сердцемъ создана, въ вѣнцѣ нетлѣнномъ,
Блистай, живи въ потомствѣ отдаленномъ!

—

Міръ посрамляетъ всякое сіянье,
Смѣется нагло сякой высотѣ;
Но не исчезнутъ вѣра, упованье,
Любовь къ безсмертной, чистой красотѣ!
Пусть Момъ безстыдный тѣшитъ сонмъ народный,
Ихъ буйство презритъ разумъ благородный!

2. **А. Струговщиковъ.** (Орлеанской дѣвѣ, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845, 22. Скорѣе подражаніе; гораздо длиннѣе подлинника.

Твой благородный ликъ насмѣшка исказила!
Для цѣлей площадныхъ ругаясь надъ тобою,
Она прекрасное во прахѣ ногъ влачила
И образъ ангельскій пятнала клеветой;
Послѣдній уголокъ у сердца отнимала,
Ругалась истинѣ и Бога искушала!

Утѣшься! вотъ она, Поэзія святая,
Какъ ты, Аркадіи сердечное дитя,
Воспѣла подвигъ твой и, славою вѣнчая,
Въ ряду своихъ свѣтилъ поставила тебя:
Любовью взыскано и въ словѣ воплощенно,
Преданье о тебѣ для памяти священно.

Мы любимъ въ грязь топтать высокія дѣянья,
И свѣтозарныя явленія Творца
Позоромъ омрачать! но есть и воздаянье,
Есть благородныя сочувствіемъ сердца:
Враждуя съ пошлостью враждой непримиримой,
Они невидимой десницею хранимы.

Насмѣшка Момуса прекрасное безславитъ
И лучезарное онъ по ланитѣ бьетъ!—
Умъ благороднѣйшій людей сердцами правитъ
И въ немъ прекрасное защитника найдетъ:
Онъ снялъ уже тебя съ позорной колесницы
И въ славѣ выставилъ передъ лицо денницы.

3. **А. Мейснеръ.** (Іоанна д'Аркъ). «Метеоръ» 1845, 112. Растянутое подражаніе, безъ указанія источника.

4. **Б. Алмазовъ.** (Орлеанская дѣва, подражаніе Шиллеру). «Утро» 1853, и въ Сочиненіяхъ.

Развѣнчанъ вновь твой образъ благородный,
Поверженъ въ прахъ, поруганъ и попранъ!
Суровъ и скоръ насмѣшки судъ холодный:
Чудесное ей призракъ и обманъ.
Она ли глубь души твоей измѣритъ?
Разсудокъ злой постигнетъ-ли тебя?
Небесному открыто онъ не вѣритъ,
Прекрасному смѣется про себя.
Ему ль, рожденному во прахѣ, пресмыкаться
И ощупью ползти сомнѣнія тропой,
Широкой мыслію отъ міра оторваться,
И къ небу возлетѣть небесною мечтой?

—

Но не крушись! Заоблачнаго края
И горнихъ сновъ есть память на землѣ.
Еще горитъ, какъ вѣчный отблескъ рая,
Поэзія; какъ молнія святая,
Она блеститъ блуждающимъ во мглѣ.
Какъ ты, чужда преступнаго сомнѣнья,
Младенчески довѣрчива, какъ ты,
Она пойметъ души твоей стремленья,
Она почтитъ души твоей мечты;
И призоветъ къ нетлѣнному зерцалу
Твоихъ судей, и судъ свой изречетъ,
Съ главы твоей народную опалу
Торжественно предъ міромъ совлечетъ.
И памятникъ святой тебѣ созиждетъ,
И въ міръ поэтъ восторженный придетъ,
И образъ твой стихомъ горящимъ выжжетъ
Въ сердцахъ людей, и правда оживетъ.

—

Насмѣшки судъ отраденъ черни грубой:
Онъ за нее душамъ высокимъ мститъ;
Смѣяться зло душамъ холоднымъ любо
Надъ тѣмъ, чего ихъ разумъ не вмѣститъ.
И все, что надъ толпой поставлено высоко,
Что дышетъ подвигомъ, что мыслію паритъ,—
Величье генія, сіянье пророка—
Тупую чернь смущаетъ и страшитъ.
Всему, что высшее избранье воспріяло,
Міръ воздвигалъ гоненье искони,
Но небо искони на землю посылало
Поборниковъ прекраснаго: ихъ мало—
Но вышнихъ силъ избранники они.

—

Пусть скоморохъ своею шуткой грязной
На шумной площади плѣняетъ и смѣшитъ
Сердца зѣвакъ, и чернь толпою праздной
Вокругъ него тѣснится и шумитъ,
Но въ тихій храмъ, предъ жертвоприношенье,
На строгій зовъ суроваго жреца
Стеклись немногіе, но свято ихъ стремленье,—
И тихо теплятся огнемъ благоговѣнья
Немногія, но лучшія сердца.

5. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

6. **А. Федоровъ.** Переведено для настоящ. изданія.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

(1801).

Сюжетъ баллады, который предполагалъ обработать также Гете, былъ извѣстенъ Шиллеру въ передачѣ греческаго (александрійскаго) поэта Музеоса (V в. по Р. Хр.), поэма котораго «Геро и Леандръ» появилась въ концѣ XVIII в. въ двухъ нѣмецкихъ переводахъ. Въ «Героидахъ» Овидія также есть два письма отъ Геро къ Леандру и обратно; и эти посланія, вѣроятно, были извѣстны Шиллеру. Греческій поэтъ также начинаетъ съ изображенія мѣста дѣйствія и почти во всѣхъ подробностяхъ разсказа служилъ основой для баллады. Но, какъ и въ другихъ случаяхъ, Шиллеръ освѣтилъ весь разсказъ новой идеей и сообразно съ нею измѣнилъ кой что въ подробностяхъ повѣствованія. Внутреннимъ смысломъ трагической исторіи Геро и Леандра было для него противоположеніе человѣческой любви и силы стихій. «Эта борьба стихій съ человѣкомъ, столь высоко стоящимъ въ природѣ своей духовной организаціей, даже и въ гибели подымающимся надъ ними, является основнымъ тономъ всей баллады, которая такъ характерно начинается изображеніемъ бурнаго прибоя въ Дарданеллахъ и кончается картиной вѣчно подвижнаго моря, радостно несущаго трупы влюбленныхъ» (Дюнцеръ). Стихіи страшны въ этомъ изображеніи: онѣ не только слѣпы и безразличны, онѣ злорадны и коварны. Сообразно съ такимъ пониманіемъ древняго сказанія, Шиллеръ сдѣлалъ въ разсказѣ нѣсколько измѣненій; онъ не остановился, какъ греческій поэтъ, на возникновеніи любви, почти не упомянулъ о томъ, что Геро была жрицей Афродиты; желая оттѣнить предательскія намѣренія моря, онъ заставилъ Геро зажечь сигнальный факелъ, когда море было совершенно спокойно.

Кромѣ собственныхъ именъ, объясненныхъ въ словарѣ, особаго поясненія требуютъ:

Стр. 1. Оторвалъ отъ Азіи Европу—предполагается, что онѣ были нѣкогда соединены.

Стр. 4. Лабиринтъ.. не страшитъ ея: намекъ на Тезея и Аріадну (см. въ словарѣ). *Звѣрей смиряетъ*: намекъ на Адмета и Альцесту (см. въ словарѣ). *Впрягаетъ огнедышащихъ быковъ*—намекъ на Язона (въ словарѣ). *Даже Стиксъ... не смущаетъ храбреца*—намекъ на Орфея (въ словарѣ).

Стр. 5. Понтъ: у древнихъ—по преимуществу Черное море, но также иногда—и всякое другое море.

Стр. 9. Вѣсами дни уравнены съ ночами: осеннее равноденствіе совпадаетъ съ переходомъ солнца въ знакъ Вѣсовъ.

Стр. 10. Армія Ѳетиды всплыла сѣра и черна—рыбы.

Стр. 13. И тебя, богъ водъ и т. д.—см. въ словарѣ *Гелла*.

1. **П. Ободовскій.** (Геро и Леандръ, вольный переводъ изъ Шиллера). «Невскій Альманахъ» 1827, 221. Переводъ, дѣйствительно, вольный, но вполнѣ литературный.

2. **Н. Гербель.** (Геро и Леандръ), первоначально въ «Современникѣ» 1852, т. XXXII.

3. **О. Головнинъ.** «Переложенія О. Головнина» Кіевъ. 1886.

4. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотвор. Шиллера. М. 1899.

5. **П. И. Вейнбергъ.** Переведено для настоящаго изданія.

НАСЛѢДНОМУ ПРИНЦУ ВЕЙМАРСКОМУ.

(1801).

По приглашенію Гете Шиллеръ написалъ эти слова для прощальной пѣсни, которая и была исполнена хоромъ предъ отъѣздомъ принца Карла Фридриха на обычномъ вечерѣ у Гете; такъ какъ вре-

меня для композиціи уже не было, то Шиллеръ написалъ слова на готовую музыку (пѣсни Клаудіуса въ честь рейнвейна). Гете также написалъ къ этому празднеству пѣсню. *Предокъ* принца, о которомъ упоминается въ стихотвореніи — извѣстный герой тридцатилѣтней войны, герцогъ Бернгардъ Веймарскій, подвиги котораго совершены были по побережью Рейна.

1. **Ѳ. Миллеръ.** Въ изд. Гербеля и въ «Стихотв.» Миллера.

2. **Н. Гольцовъ.** Лирич. стихотвор. Шиллера. М. 1899.

ПРИТЧИ И ЗАГАДКИ.

(1801).

Собственно, притчъ (параболъ, какъ называетъ ихъ поэтъ) здѣсь нѣтъ: это все загадки, происхожденіемъ своимъ обязанныя Шиллеровой обработкѣ «Турандотъ» Гоцци. Въ этой трагикомической сказкѣ судьба героя зависитъ отъ рѣшенія имъ трехъ загадокъ. Чтобы оживить интересъ зрителей, при новыхъ постановкахъ пьесы въ Веймарѣ, Шиллеръ вставлялъ всякій разъ новыя загадки; всего ихъ было 15 — для пяти представленій, изъ которыхъ одна взята изъ Гоцци, одна была сочинена Гете. Отвѣты героя слѣдовали тоже въ стихахъ; изъ этихъ стихотворныхъ отгадокъ извѣстно семь: остальныя затеряны при пожарѣ Веймарскаго театра. Особыхъ поясненій требуютъ:

II. Отгадкой долго считался глазъ.

III. *Песъ* и *Овенъ* — созвѣздія.

VII. Весьма гиперболическое изображеніе Китайской стѣны, которая тянется на 300 миль и не превышаетъ 40 футовъ. Невѣрно такое выраженіе *надъ нимъ вѣка прошли* и т. д.: Китайская стѣна, начатая въ 214 г. до Р. Хр., разрушилась и возобновлена въ XV в.

IX. Вслѣдъ за теоріей Гете Шиллеръ принимаетъ здѣсь не семь, а шесть основныхъ цвѣтовъ. Гете взялъ эту загадку эпиграфомъ къ дополнительной части своей *Теоріи цвѣтовъ*.

X. Ежегодно во время празднества въ честь земледѣлія *Гимгумъ* китайскій императоръ самъ проводитъ борозду плугомъ.

XI. Другія отгадки — пламя, огонь.

XII. *Я неустанно хожу*—относится уже не къ тѣни на часахъ, но къ солнцу.

XIII. Въ пер. Фофанова пропущено сравненіе веселынаго корабля съ паукомъ.

1. **И. П.** въ «Благонамѣренномъ» 1819, № 17, помѣстилъ переводъ VI загадки.

2. **Жуковскій** анонимно напечаталъ первую и третью загадку въ «Муравейникѣ» 1831, № 3. Перепечатано въ «Цвѣтникѣ рус. лит.» 1840. Жуковскій, по обыкновенію того времени, не назвалъ источника и обѣ загадки до нашихъ дней включаются въ собр. стихотв. Жуковскаго, какъ оригинальныя произведенія.

I.

Не человѣчьими руками
Жемчужный, разноцвѣтный мостъ
Изъ водъ построенъ надъ водами.
Чудесный видъ! огромный ростъ!
Раскинувъ паруса шумящи,
Не разъ корабль подъ нимъ проплылъ;
Но на хребетъ его блестящій
Еще никто не восходилъ!
Идешь къ нему—онъ прочь стремится,
И въ то же время недвижимъ;
Съ своимъ потокомъ онъ родится,
И вмѣстѣ исчезаетъ съ нимъ.

II.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ, приставленный къ стадамъ,
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ,
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.
И недочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно;
Стада поитъ вода живая
И умирать имъ не дано.
Они одной дорогой бродятъ,
Подъ стражей пастырской руки,
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.
У нихъ есть вождь—овенъ прекрасный,
Ихъ сторожитъ огромный песъ;
Есть левъ межъ ними неопасный
И дѣва, чудо изъ чудесъ.

3. **А. Мейснеръ.** Перевелъ всѣ загадки для изд. Гербеля.

4. **Н. Гольцовъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

5. **О. Н. Чюмина, К. Н. Льдовъ и К. М. Фофановъ.** Переведено для наст. изданія.

6. **А. В. Ганзенъ.** См. въ слѣдующихъ томахъ переводъ «Турандотъ».

МИГЪ.

(1801).

Основная мысль весьма характерна для воззрѣній Шиллера; безъ удачнаго, вдохновляющаго, счастливаго мгновенія нѣтъ ни радости, ни счастья, ничего божественнаго, ничего прекраснаго на землѣ.

1. **М. Михайловъ.** (Мигъ, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. Л. Михайлова» 1862 и 1890.

2. **Н. Гольцовъ.** Лирич. стихотв. Шиллера. М. 1899.

ДРУЗЬЯМЪ.

(1801).

Стихотвореніе написано, чтобы служить текстомъ для хоровой пѣсни, которыя исполнялись на обычныхъ вечернихъ собраніяхъ по средамъ у Гете; музыку къ нему сочинилъ Кернеръ. Обращаясь къ друзьямъ, сдѣлавшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ глухого Веймара выдающійся духовный центръ, поэтъ сопоставляетъ съ обстановкой, въ которой имъ приходится жить, иныя времена, иныя страны, болѣе богатыя жизнью (Лондонъ), болѣе одаренныя природой, болѣе озаренныя художественнымъ творчествомъ — и ни въ чемъ не видитъ предмета для

зависти талантливыхъ веймарцевъ, счастливыхъ своею богатою глубоко человѣческою внутреннею жизнью, несмотря на ихъ «маленькую» внѣшнюю жизнь.

1. **А. Струговщиковъ.** (Друзьямъ. Застольная пѣснь изъ Шиллера). «Современникъ» 1847, IV.

Други, было время золотое,
Процвѣтало знаніе благое,
Процвѣталъ счастливѣйшій народъ!
То, о чемъ преданья умолчали,
То нѣмые камни доказали—
Жилъ! онъ жилъ, счастливѣйшій народъ!

Но не прошлымъ красенъ день цвѣтущій;
Красенъ цвѣтъ, который днесь цвѣтетъ.
Мы живемъ! и трижды правъ живущій,
Если настоящимъ онъ живетъ.

Други, сѣверъ намъ бываетъ вреденъ,
Солнце скупо; уголокъ нашъ бѣденъ,
Но онъ теплъ тепломъ высокихъ думъ!
То, чѣмъ насъ природа обдѣлила,
То живое чувство замѣнило,
И свѣтлѣе солнца свѣтитъ умъ!

Если мирта здѣсь не расцвѣтаетъ,
Не цвѣтутъ олива и лимонъ,—
Бахусъ краснощекій насъ вѣнчаетъ,
За трапезой полногрудыхъ женъ.
Громче насъ,—въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ стеклись со всѣхъ концовъ вселенной
На всесвѣтный рынокъ корабли,
Гдѣ британецъ всѣмъ, и вся торгуетъ—
Громче тамъ звенитъ и торжествуетъ
Золотая деньга,—богъ земли.

Но не Темзѣ, не водѣ нечистой
Отразить святыя небеса,—
Только свѣтлыхъ думъ потокъ сребристый
Отражаетъ Божьи небеса!

Слаще насъ, дѣтей зимы суровой,
Ладзарони спитъ въ тѣни лавровой,
Подъ навѣсомъ синяго шатра.
Тамъ когда то было царство Феба,
Въ небо тамъ ушло второе небо:
Дивный Домъ Апостола Петра.

Но и Римъ, во всемъ его сіяньи,
Только гробъ минувшаго.. Живетъ
Только то, что, полное дыханья,
Изъ ключа живой минуты пьетъ!

Не смущайте жъ, други, сихъ мгновеній
Скорбнымъ звукомъ скорбныхъ пѣснопѣній—
Прошлаго отъ праха не спасти.
Вѣчнаго—и солнце не видало;
То лишь вѣчно, что не расцвѣтало
И чему подъ солнцемъ не цвѣсти!

Други, други, мало-ль что бывало
И чему ужъ болѣ не бывать—
Вѣчно только вѣчное начало
И его святая благодать!

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера.

3. **К. К. Случевскій.** Переведено для настоящаго изданія.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

(1801).

Посылая Кернеру эту пѣсню — послѣднее свое культурно-историческое стихотвореніе — Шиллеръ писалъ ему: «Хорошо, если-бы ты успѣлъ написать къ *Пѣвцу* (такъ первоначально называлось стихотвореніе) музыку, чтобы удалось пропѣть его въ нашемъ ближайшемъ собраніи (у Гете). Сюда необходима очень оживленная, настоящая дифирамбическая музыка, которая бы выражала чрезвычайно возбужденное настроеніе». Кернеру очень понравилось стихотвореніе, особенно его глубоко нѣмецкій характеръ. «Говорятъ — писалъ онъ — во хмелю узнаютъ человѣка; поэтому нѣмецкая вакханалія должна очень отличаться отъ французской; насъ возбужденное состояніе ведетъ въ міръ идей... Къ *Пѣвцу*—прибавляетъ онъ,—однако, есть мѣсто, которымъ легко могутъ злоупотребить враги христіанства. Рѣзкость противъ монашества понятна, и въ дифирамбической пѣснѣ, гдѣ онъ не размѣряетъ выраженій, легко въ увлеченіи выразиться рѣзко о той религіи, которая лишь въ своихъ уродливыхъ проявленіяхъ была врагомъ радости. Первое чудо, приписываемое Основателю христіанства, было увеличеніе количества вина на свадьбѣ въ Каннѣ. Христіанство въ своей первобытной чистотѣ заслуживало всяческаго уваженія и даже въ теперешнемъ своемъ видѣ оно можетъ и должно быть облагорожено. Въ качествѣ любимаго народнаго поэта, ты пользуешься обширнымъ вліяніемъ; поэтому не безразлично, какъ ты отзовешься о христіанствѣ. Итакъ прими эту проповѣдь въ добавленіе къ твоей пѣснѣ». Шиллеръ согласился и смягчилъ свой отзывъ о средневѣковомъ монашествѣ,—совсѣмъ устраненный въ переводѣ Шевырева.

Стихотвореніе распадается на двѣ части. Первая (строфы 1—5) воспѣваетъ проникновенное и творчески-жизнерадостное отношеніе пѣвца къ совершающемуся предъ нимъ круговороту исторической жизни: это — какъ бы введеніе ко второй части (строфы 6—12), гдѣ изображены четыре эпохи жизни человѣчества; творчество поэта сопровождало всѣ ихъ—и ведетъ насъ въ пятый періодъ—современную эпоху Эти эпохи: золотой «сатурновъ» вѣкъ блаженнаго невѣдѣнія (стр. 6), эпоха героевъ древняго міра (стр. 7), расцвѣтъ греческой культуры и искусства (стр. 8) и, наконецъ, послѣ водворенія христіанства (стр. 9)—угрюмое средневѣковье (строфа 10) съ его умерщвленіемъ плоти, тьмой и дикостью, однако, сохранившее одушевленіе любви и поэтическое вдохновеніе (стр. 11). Это сочетаніе поэтической мысли съ поклоненіемъ женщинѣ служитъ также темой для заключенія, обращеннаго, очевидно, къ дамамъ дружественнаго кружка, гдѣ предполагалось исполненіе пѣсни.

1. **С. Шевыревъ.** (Четыре вѣка, изъ Шиллера) «Московскій Вѣстникъ» 1827 и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1833, № 102, 814.

2. **Н. Колачевскій.** (Четыре вѣка, изъ Шиллера). «Галатея» 1829, ч. VII, 91.

Струится въ бокалахъ, какъ пурпуръ, вино;
Ихъ гость осушаетъ согласнѣй;
Вотъ входитъ пѣвецъ, а пѣвцамъ суждено
Прекрасное дѣять прекраснѣй.—
Въ небесномъ чертогѣ безъ звучныхъ ихъ лиръ
Безсмертнымъ не въ радость амврозіи пиръ.

Михаилъ Александровичъ ДМИТРІЕВЪ.

И Боги духъ свѣтлый въ любимца влили;
Въ немъ міръ отраженный таится.
Все зрѣло, что было досель на земли,
И зритъ, что въ грядущемъ свершится;
Въ предвѣчномъ совѣтѣ боговъ возсѣдалъ,
И тамъ онъ увѣдалъ начало началъ.

Онъ радостно жизнь изъ томительныхъ узъ
Въ блистательный кругъ расширяетъ,
Какъ храмъ велелѣпный, внушеніемъ музъ,
Юдоль на землѣ украшаетъ;
Нѣтъ низкаго крова, нѣтъ хижины той,
Куда бъ онъ Олимпа не свелъ за собой.

И какъ хитроумный Юпитера сынъ
Щита надъ простымъ округленьемъ
И небо, и землю, и хляби пучинъ
Изсѣкъ неземнымъ вдохновеньемъ:
Такъ образъ вселенной дерзаетъ онъ всѣчь
Летучаго мига въ огнистую рѣчь.

Младенчество міра отчизна ему;
Тамъ бурно ликуютъ народы.
Восторженный странникъ, свидѣтель всему,
Во всѣ поколѣнья и годы,
Четыре онъ вѣка промчавшихся зрѣлъ,
И пятаго зритъ восходящій предѣлъ.

Вѣкъ первый Сатурна былъ простъ и правдивъ,
Въ немъ дни шли обычной чредою;
Въ немъ пастыри жили; народъ сей счастливъ,
Безпеченъ, какъ птичка весною:
Любовь ихъ заботы съ проглянувшимъ днемъ,
Земля безъ усилій снабжала ихъ всѣмъ.

Подъялись трубы,—и воздвиглася брань
Чудовищу, гидрѣ, дракону;
Явились герои, владыки—и длань
Безсильнымъ взнесли въ оборону:
На полѣ Скамандра струилася кровь:
Но было *прекрасное* міра—любовь.

И брань увѣнчала побѣдой главу,
И мощію міръ осѣнился.
Тутъ грянули Музы! Тутъ въ честь божеству
Алтарь и кумиръ водрузился!
О, гдѣ ты, небесной фантазіи вѣкъ?
Ты скрылся, ты въ мракъ безвозвратно утекъ!

Низринуты боги съ престола небесъ,
Во прахѣ гордыня кумира;
Нисходитъ Сынъ Дѣвы средь дивныхъ чудесъ
Цѣлителемъ немощей міра.
И чувственность смертный въ душѣ истребя,
Онъ, *мыслящій*, въ глубь погрузился себя.

Исчезла роскошная прелесть—мечта,
Владѣвшая юношей—міромъ;
Навѣкъ затворились отшельца врата,
И рыцарь плѣнился турниромъ.
Но пусть эта жизнь и мрачна, и дика
Любовь въ ней, какъ прежде, нѣжна и пылка.

И братство святое въ небесной красѣ
Межъ музами въ ней сохранилось;
И все благородное, чистое все
Въ грудь женъ непорочныхъ вмѣстилось;
И вспыхнулъ огонь пѣснопѣнія вновь:
Краса ему пища, война и любовь.

И такъ, да союзомъ нетлѣннымъ въ вѣка
Полъ нѣжный съ пѣвцами сосвоясь,
Творитъ и сплетаетъ объ руку рука
Прекраснаго, добраго поясъ.
Любовь съ пѣснопѣньемъ тѣхъ радостныхъ лѣтъ
Наводятъ на жизнь лучезарный отсвѣтъ.

3. **Н. Коншинъ.** (Четыре вѣка, безъ указанія, что переводъ). «Маякъ» 1841, т. XIX, XX, XXI, стр. 23. Переведено неточно и тяжело.

4. **Н. Иваницкій.** (Четыре вѣка). Переводъ довольно точный и въ общемъ литературный. «Маякъ» 1843, № 5, отд. II, I.

—

ТЭКЛА.

(1801).

Стихотвореніе это во многомъ есть выраженіе воззрѣній только прелестной героини «Валленштейна»,—но не поэта; таковы, напримѣръ, мысль о безсмертіи души, надежда на счастіе въ загробной жизни—представленія, чуждыя міровоззрѣнію Шиллера. Стихотвореніе это не взято изъ «*Смерти Валленштейна*», какъ ошибочно сказано къ текстѣ (стр. 144), но вложено въ уста духу Тэклы, судьба которой въ трагедіи остается зрителю неизвѣстной, такъ какъ онъ разстается съ ней въ тотъ моментъ, когда она въ отчаяніи бѣжитъ къ праху своего погибшаго возлюбленнаго, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ. Какъ бы продолжая свою пѣсню (*Жалоба дѣвушки*), которую она поетъ въ трагедіи, Тэкла, такъ сказать, говоритъ, что для того, кто ее знаетъ, нѣтъ вопроса о ея дальнѣйшей судьбѣ.

Мой отецъ—Валленштейнъ (см. въ поясненіяхъ къ трилогіи и въ *Исторіи тридцатилѣтней войны*). *Его не обманула вѣра въ роковыя таинства свѣтилъ*: правда, его обманула вѣра въ грубыя и нелѣпыя предсказанія астрологіи, но въ основѣ этого суевѣрія лежала увѣренность въ связи и взаимодѣйствіи нравственнаго міропорядка.

Переводъ А. Григорьева очень свободенъ и во многомъ не передаетъ мысли подлинника; такъ, напр. вмѣсто стиха: *Какъ тебѣ мелькаетъ тѣнь моя*, въ подлинникѣ: «Съ тѣхъ поръ какъ ускользнула отъ тебя моя мимолетная тѣнь»; стихъ *Ройся ты въ своихъ сомнѣньяхъ вѣчныхъ* есть знаменитый эпиграфъ къ Тургеневскому «Фаусту» - *Wage du zu irren und zu träumen*, что значитъ «дерзай предаваться заблужденіямъ и мечтаніямъ».

1. **В. Жуковскій.** (Голосъ съ того свѣта). Подражаніе. Куплеты 2 и 4 опущены.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла!
О другъ! Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь, обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все—я въ сторонѣ свиданья;
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно:
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ;
О милый! здѣсь не будетъ безответно
Ничто, ничто: ни смыслъ, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ начатое вдвоемъ.

2. *****.** (Текла, изъ Шиллера). «Московскій Телеграфъ» 1827, ч. XIII, отд. II, 131.

3. **Баронъ Розенъ.** (Текла, голосъ духа, изъ Шиллера). «Альціона» 1832, 16, и въ «Цвѣтникѣ русской литературы» 1840. Очень плохой переводъ.

4. **Кн. Д. Кропоткинъ.** (Нездѣшній голосъ). «Библіотека для Чтенія» 1843, т. LX. Подражаніе.

5. **А. Глинка.** (Текла, голосъ духа, изъ Шиллера). «Москвитянинъ» 1843, ч. II, № 4, и въ «Стихотвореніяхъ Шиллера въ переводѣ А. Глинки» 1859. Переводъ точный.

6. **А. Григорьевъ.** (Текла, голосъ духа, изъ Шиллера). «Московскій Городской Листокъ» 1847, № 247.

7. **Кн. П. А. Вяземскій.** (Голосъ съ того свѣта). Впервые напечатано въ XII т. Соч. Вяземскаго. Спб. 1896.

8. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

КАССАНДРА.

(1802).

Кассандра или Александра, прекраснѣйшая изъ дочерей Пріама, у Гомера еще не обладаетъ чуднымъ и страшнымъ даромъ прорицанія; по позднѣйшимъ сказаніямъ, ей далъ эту способность влюбленный въ нее Аполлонъ, въ уплату за благосклонность; но она обманула его и разгнѣванный богъ прибавилъ къ своему дару проклятіе, въ силу котораго пророчицѣ никто не вѣрилъ. Не столько это недовѣріе дѣлаетъ у Шиллера ея судьбу страшной трагедіей, сколько именно ея ужасное провидѣніе, благодаря которому ей ясна мрачная судьба близкихъ. Сопоставляя балладу съ монологомъ Іоанны въ IV актѣ *Орлеанской дѣвы*, комментаторы не безъ основанія видятъ въ ней глубокое лирическое признаніе самого поэта, тяготимаго своимъ прозрѣніемъ, своимъ проникновеніемъ въ суть жизни. «Не надо быть пророкомъ, какъ Кассандра,—говоритъ Фигофъ — достаточно обладать, какъ Шиллеръ, глубокимъ стремленіемъ сорвать путемъ размышленія и наблюденія блестящую оболочку, которой облечены наши чувства—и конецъ дѣтскимъ упованіямъ; ко всякой радости—какъ свидѣтельствуютъ о Шиллерѣ всѣ его біографы — примѣшивается глубочайшая грусть, и въ самые бурные взрывы наслажденія врывается мысль о мимолетности человѣческаго счастья». Этимъ широкимъ горизонтамъ мысли и чувства, которые открываетъ это замѣчательное стихотвореніе, соотвѣтствуетъ глубокое и трагическое впечатлѣніе, оставляемое имъ; не судьба Кассандры трогаетъ насъ, а наша собственная судьба: мы понимаемъ, что чѣмъ выше мы подымаемся, тѣмъ страшнѣе становится для насъ жизнь.

Особаго поясненія требуютъ:

Стр. 3. Сбросивъ жрическій покровъ (въ оригиналѣ—повязку)—указываетъ на силу возбужденія.

Стр. 13. И моей любви открылся: руки Кассандры просилъ царь фригійскій Корэбъ, которому она сама предсказала его гибель; поэтому — *тѣнь стигійская*.

Стр. 15. Убійцы взоръ—Париса, который въ

этотъ самый моментъ готовится убить Ахилла. *Я въ чужбинѣ гробъ найду*: увезенная въ плѣнъ Агамемнономъ, согласно своему пророчеству, Кассандра была убита вмѣстѣ съ нимъ.

Стр. 16. Боги мчатся къ небесамъ: переставъ принимать участіе въ троянской войнѣ, они покидаютъ обреченный Пергамъ.

1. **В. Жуковскій.** Первоначально въ «Вѣст. Евр.» 1809, № 20.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотворенія Шиллера. М. 1899.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

(1803).

Примѣчаніе Шиллера: «*Чуди*, при посредствѣ котораго дошелъ до насъ этотъ анекдотъ, разсказываетъ также, что священнослужитель, имѣвшій это приключеніе съ графомъ Габсбургскимъ, сдѣлался впослѣдствіи духовникомъ при курфюрстѣ Майнцскомъ и не мало способствовалъ тому, чтобы при ближайшихъ выборахъ, послѣдовавшихъ послѣ великаго междуцарствія, обратить вниманіе курфюрста на графа Габсбургскаго. — Для тѣхъ, кому извѣстна исторія того времени, добавляю еще, что я хорошо знаю, что при коронованіи Рудольфа король Богеміи не отправлялъ своей обязанности». Разсказъ швейцарскаго лѣтописца Эгидія Чуди (ум. въ 1572 г.), автора *Chronicon Helveticum*, откуда Шиллеръ почерпнулъ также сюжетъ своего *Вильгельма Телля*, воспроизведенъ въ пѣснѣ переодѣтаго священника съ немногими и незначительными измѣненіями. «Въ этотъ годъ» разсказываетъ Чуди подъ 1266 годомъ—ѣхалъ графъ Рудольфъ Габсбургскій (впослѣдствіи король) съ своими слугами на охоту; выѣхавъ одинъ со своимъ конемъ на лугъ, вдругъ слышитъ онъ, звенитъ колокольчикъ, и скачетъ чрезъ кусты на звонъ узнать, что тамъ такое. И видитъ онъ священника со Св. Дарами и впереди его причетника съ колокольчикомъ. Сошелъ графъ съ коня и преклонилъ колѣна предъ святыней. А было это у воды, и вотъ священникъ поставилъ Св. Дары подлѣ себя и сталъ разуваться, собираясь перейти ручей, который разлился, вбродъ, ибо вода снесла мостокъ. Графъ спрашиваетъ священника, куда онъ идетъ?—«Несъ Св. Дары умирающему, отвѣчаетъ священникъ, — да, вотъ, снесло мостъ на ручьѣ; надо перейти такъ, чтобы не опоздать къ больному». Тогда графъ Рудольфъ приказалъ священнику со Св. Дарами сѣсть на его коня и поспѣшить къ больному. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ къ графу подъѣхалъ одинъ изъ его слугъ, на лошадь котораго онъ пересѣлъ и продолжалъ охотиться. Возвратившись, священникъ самъ привелъ къ графу коня съ великой благодарностью за милость, оказанную ему. Но графъ Рудольфъ сказалъ: «Не попуститъ никогда Господь, чтобы я или кто изъ моихъ слугъ сѣлъ на коня, несшаго Владыку и Создателя моего; если вы думаете, что вамъ не годится владѣть имъ, то посвятите его на службу Господню; ибо я отдалъ его тому, отъ кого у меня и душа, и тѣло, и честь, и добро». — «Господинъ, — отвѣтилъ священникъ, — да возложитъ на васъ Господь саны и почести и нынѣ и во вѣки вѣковъ, на землѣ и на небесѣ». — На слѣдующее утро Рудольфъ поѣхалъ въ одинъ монастырь на Лиммать между Цюрихомъ и Баденомъ навѣстить одну благочестивую монахиню. И говоритъ она ему: «Господинъ, вчера вы почтили Господа, подаривъ священнику коня; и за то Всемогущій наградитъ васъ и ваше потомство, такъ что и вы и ваше потомство дождетесь высшихъ земныхъ почестей».

Такимъ образомъ, историческій разсказъ переданъ въ пѣснѣ почти дословно. Единственнымъ, болѣе значительнымъ измѣненіемъ является то, что у Шиллера предсказаніе дѣлаетъ не монахиня, а самъ священникъ. Самостоятельнымъ созданіемъ поэта, возвышающимъ все значеніе стараго преданія, является обстановка разсказа: перенесеніе дѣйствія въ Ахенъ, на пиръ въ день коронованія, появленіе пѣвца, въ которомъ скрывается священникъ, и т. д. Это дало поэту возможность сжать дѣйствіе, усилить впечатлѣніе разсказа, перенеся его изъ прошедшаго въ настоящее и сдѣлавъ читателя свидѣтелемъ этого трогательнаго происшествія.

Коронованіе Рудольфа Габсбургскаго (1218 — 1291) состоялось 24 октября 1273 года въ Ахенѣ. «Семь избирателей»—курфюрстовъ, избранникомъ которыхъ былъ императоръ Германіи: 1) архіепископъ майнцскій, какъ имперскій канцлеръ, 2) архіепископъ трирскій, какъ канцлеръ Бургундіи, 3) архіепископъ кельнскій, какъ канцлеръ Италіи, 3) пфальцграфъ рейнскій, имперскій стольникъ, несшій во время шествія державу, а во время пира подававшій кушанья, 5) герцогъ саксонскій, какъ имперскій маршалъ, несшій въ шествіи мечъ и завѣдывавшій конюшенной частью, 6) маркграфъ бранденбургскій, какъ имперскій казначей, несшій скипетръ, подававшій императору воду для умыванія рукъ и завѣдывавшій домашнимъ обиходомъ, 7) король богемскій, какъ имперскій виночерпій, подававшій вино. Примѣчаніе поэта показываетъ, что стихъ «богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ» былъ для него сознательной поэтической вольностью: король богемскій Оттокаръ не одобрилъ избранія Рудольфа и не исполнялъ на торжествахъ коронаціи возложенныхъ на него обычаемъ («устроенный древле свершали обрядъ») обязанностей. Сравненіе семи курфюрстовъ съ звѣздами связано съ тѣмъ, что во времена Шиллера извѣстны были только семь планетъ. Въ поясненіе второй строфы должно указать, что избраніе Рудольфа закончило долгій періодъ междуцарствія и безправія, тяжелымъ гнетомъ давившій всю Германію. Шесть дочерей Рудольфа дѣйствительно вышли замужъ за государей.

1. **В. Жуковскій.** Первоначально въ «Для немногихъ». 1818 г.

2. **Н. Головановъ.** Лирическ. стихотв. Шиллера, М. 1899.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

(1803).

Хоровая пѣсня, по замыслу поэта,—это стихотвореніе, однако, представляетъ собой одно изъ самыхъ глубокихъ по настроенію и прочувствованныхъ произведеній Шиллера. Оно далось ему не легко. «Удивительно роковая пучина для поэзіи эти хоровыя пѣсни—писалъ онъ въ письмахъ друзьямъ: проза дѣйствительной жизни свинцомъ тянетъ вдохновеніе къ землѣ, и все время чувствуешь себя въ опасности впасть въ пошлый тонъ массонскихъ пѣсенъ..

Торжество побѣдителей есть осуществленіе идеи, навѣянной мнѣ года полтора назадъ нашими

вечерними собраніями. Такъ какъ всѣ хоровыя пѣсни, лишенныя поэтическаго сюжета, впадаютъ въ пошлый тонъ массонскихъ пѣсенъ, я напалъ на роскошную жатву *Иліады* и унесъ изъ нея, что могъ».

Такъ же, какъ въ пѣснѣ *Къ радости*, глубокое настроеніе и мысли, вложенныя въ стихотвореніе, сдѣлали изъ жизнерадостнаго хора замѣчательное произведеніе лирики размышленія; но хоровой пѣснью серьезное *Торжество побѣдителей* такъ и не сдѣлалось: несмотря на жизненные и бодрые аккорды, звучащіе въ его выводахъ, оно слишкомъ проникнуто мрачнымъ изображеніемъ судьбы человѣческой. Создавъ въ насъ могучими образами непоколебимое убѣжденіе, что «все великое земное разлетается, какъ дымъ», что мѣсто великихъ Патрокловъ замѣняютъ презрѣнные Терситы, поэтъ не вызоветъ въ насъ радости бодрымъ возгласомъ «жизнью пользуйся живущій».

Особаго поясненія — кромѣ многочисленныхъ собственныхъ именъ, объясненныхъ въ словарѣ — требуютъ: *Пріамовъ градъ священный*—Троя. *Носящему Горгону* (ошибочно у Жуковскаго вмѣсто эгиду—молнію)—Зевсу. *Царь народовъ, сынъ Атрея* — Агамемнонъ. *Марсомъ пощаженный погибаетъ отъ друзей*: здѣсь Одиссей предсказалъ судьбу Агамемнона. *Оилеевъ сынъ*—Аяксъ. *Лучшихъ бой похитилъ ярый*- здѣсь начинаются слова Тевкра, брата Аякса Теламонида.

1. **А. Мансуровъ.** (Торжество побѣдителей, изъ Шиллера). «Вѣстн. Евр.» 1822, № VIII. Переводъ не идетъ въ сравненіе съ переводомъ Жуковскаго, но точнѣе его и для своего времени недуренъ.

2. **А. Писаревъ.** (Пиршество грековъ побѣдителей, изъ Шиллера). «Труды Вольнаго Общества Соревнователей Просвѣщенія» 1828, ч. XVII. Переведено литературно.

3. **В. Жуковскій.** Первоначально въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1829. Переводъ поразительно-высокихъ достоинствъ, но во многихъ деталяхъ отступающій отъ подлинника.

4. **Ѳ. Тютчевъ.** (Поминки, изъ Шиллера). Первоначально въ «Раутѣ» 1851.

Пала царственная Троя,
Сокрушенъ Пріамовъ градъ
И Ахеяне, устроя
Свой на родину возвратъ,
На судахъ своихъ сидѣли
Вдоль Эгейскихъ береговъ
И пэанъ хвалебный пѣли,
Громко славя всѣхъ боговъ...
Раздавайся, гласъ побѣдный.
Вы, къ брегамъ родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
Въ путь возвратный, въ путь безбѣдный.

И сидѣла въ длинномъ строѣ
Грустно блѣдная семья:
Жены, дѣти падшей Трои,
Голося и слезы лья,
Въ горѣ общемъ и великомъ
Плача о себѣ самихъ,
И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ:
«Ждетъ насъ горькая неволя
Тамъ вдали въ странѣ чужой.
Ты прости, нашъ край родной.
Какъ завидна мертвыхъ доля».

И предсталъ передъ святыней
Приноситель жертвъ, Калхасъ,
Градозиждущей Аѳинѣ,
Градорушащей, молясь,
Посейдона силѣ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ эгидоносный
Зевсъ, сгущающій эѳиръ.
Опрокинутъ, уничтоженъ
Градъ великій, Иліонъ.
Долгій, долгій споръ рѣшенъ,
Судъ безсмертныхъ непреложенъ.

Грозныхъ полчищъ воевода
Царь царей, Атреевъ сынъ,
Обозрѣлъ толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.
И поникъ онъ головою,
Грустной думой одержимъ:
Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ вернется съ нимъ...
Такъ возвысьте-жъ гласъ хвалебный.
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный.

Но не всѣмъ сужденъ отъ Бога
Мирно-радостный возвратъ:
У домашняго порога
Многихъ Керы сторожатъ...
Живъ и цѣлъ вернулся съ бою,
Гибнетъ въ храминѣ своей...
Рекъ, Аѳиной всеблагою
Вдохновенный, Одиссей...
Тотъ лишь домъ и твердъ и прочен,
Гдѣ семейный твердъ уставъ.
Легковѣренъ женскій нравъ,
И измѣнчивъ, и пороченъ...

И супругой возвращенной
Снова счастливый, Атридъ
Красотой ея священной
Страстный взоръ свой веселитъ...
Злое злой конецъ пріемлетъ.
За несчастьемъ казнь слѣдитъ.
Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ,
Право царствуетъ Кронидъ...
Злой конецъ началу злому.
Правоправящій Кронидъ
Вѣроломцу страшно мститъ
И семьѣ его, и дому.

Хорошо любимцамъ счастья,
Рекъ Аякса братъ меньшой,
Олимпійцевъ самовластье
Величать своей хвалой.
Неподвластно Высшей силѣ
Счастье въ прихотяхъ своихъ:
Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,
А Терситъ еще въ живыхъ..
Счастье жребій сѣетъ
Своевольною рукой;
Веселись и пѣсни пой
Тотъ, кого свѣтило грѣетъ.

Будь утѣшенъ братъ любимый,
Память вѣчная тебѣ,
Ты, оплотъ несокрушимый
Чадъ Ахейскихъ въ ихъ борьбѣ.
Въ день ужасный, въ день кровавый
Ты одинъ за всѣхъ стоялъ

Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжалъ!
Не врага рукой побѣдной,
Отъ руки ты палъ своей...
Ахъ, и лучшихъ изъ людей
Часто губитъ гнѣвъ зловредный.

И твоей теперь державной
Тѣни, доблестный Пелидъ,
Сынъ твой, Пирръ, воитель славный,
Возліяніе творитъ:
«Какъ тебя, о мой родитель,
Никого,—онъ возгласилъ,—
Зевсъ, великій промыслитель,
На землѣ не возносилъ»...
На землѣ, гдѣ все измѣнно,
Выше славы блага нѣтъ.
Нашу персть земля возьметъ,
Имя славное нетлѣнно.

Хоть о падшихъ, побѣжденныхъ,
И молчитъ побѣдный кликъ;
Но и въ родахъ отдаленныхъ,
Гекторъ, будешь ты великъ.
Вѣчной памяти достоинъ,
Сынъ Тезеевъ провѣщалъ,
Кто, какъ честный, храбрый воинъ,
Край отцовъ спасая, палъ...
Честь тому, кто, не робѣя,
Жизнь за братій положилъ.
Побѣдитель... побѣдилъ;
Слава падшаго святѣе.

Старецъ Несторъ, днесь маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаетъ
И сосудъ, плющомъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подаетъ:
«Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь весь свой уронъ.
Силенъ Вакха сокъ волшебный
Дивно насъ врачуетъ онъ.
Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь судебъ законъ.
Дивно насъ врачуетъ онъ,
Бога Вакха даръ волшебный.

И Ніобы древней сила
Горемъ злымъ удручена,
Соку дивнаго вкусила
И утѣшилась она.
Лишь сверкнетъ въ застольной чашѣ
Благодатное вино,
Въ Лету рухнетъ горе наше
И пойдетъ, какъ ключъ, на дно...
Да, пока играетъ въ чашѣ
Всемогущее вино,
Горе въ Лету снесено,
Въ Летѣ тонетъ горе наше».

И воздвигласъ на прощаньѣ
Провозвѣстница жена,
И восполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она;
И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ:
«Дымъ и паръ здѣсь все земное.
Вѣчность, боги, лишь у васъ.
Какъ уходятъ клубы дыма,
Такъ уходятъ наши дни.
Боги, вѣчны вы одни.
Все земное идетъ мимо».

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(1803).

Какъ и многія другія произведенія этого періода—хоровая пѣсня для собраній у Гете. Принимая четыре составныхъ части пунша (причемъ забыта пятая — чай, что тѣмъ болѣе любопытно, что самое названіе *пуншъ* есть санскритское слово *pantscha*—пять)—поэтъ проводитъ двойную параллель, сравнивая съ ними четыре стихіи («міръ создаютъ» — огонь, земля, вода и воздухъ) и четыре элемента жизни. Параллель не вездѣ выдержана, и въ сущности, на вопросъ, какіе-же четыре элемента «жизнь образуютъ», стихотвореніе не даетъ отвѣта, указываетъ, что въ жизни можно сравнить съ ѣдкимъ лимономъ и сладкимъ сахаромъ, но не говоритъ, что въ ней можетъ быть сопоставлено съ водой и т. д. Но форма, сильная, жизненная, порывистая, дѣйствуетъ увлекательно, — и въ такомъ же законченномъ видѣ передана на русскій языкъ Пушкинымъ.

1. А. Пушкинъ. Переводъ относится къ 1816 г.

2. Анонимъ. (Пуншевая пѣсня, изъ Шиллера). «Астраханская Флора» 1827. Переводъ посредственный.

3. А. Струговщиковъ. (Пуншевая пѣснь, изъ Шиллера). «Литературная Газета» 1846, № 5. Значительно растянуто.

Дружнымъ голосомъ
Бренныхъ веществъ
Держится стройное
Зданье существъ!

Сокъ изъ лимона
Жмите на дно—
Зелено юное
Жизни зерно.

Сахару бросьте
Щедрой рукой—
Радостямъ, спутницамъ
Жизни младой.

Влага рѣчная
Все согласитъ—
Горе и радости
Время умчитъ.

Лишь заклокочетъ
Въ чашѣ вода—
Спирту душистаго
Лейте туда.

Онъ только жизни
Жизнь придаетъ—
Вѣщій, лишь съ опытомъ,
Разумъ придетъ.

Чаша готова,
Чаша полна—
Двойственнымъ полнится
Жаромъ она.

Пейте жъ покуда
Токъ не простылъ—
Съ жизненной влагою
Внутренній пылъ!

1. **А. Струговщиковъ.** (Вильгельмъ Телль). «Стихотворенія А. Струговщикова» 1845. У Гербеля это стихотвореніе указано, какъ переводъ, но это совершенно самостоятельное стихотвореніе, ничего общаго не имѣющее съ Шиллеровскимъ.

2. **Холодковскій.** Шиллеръ въ изданіи Гербеля.

3. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотвор. Шиллера. М. 1899.

ДРУГУ ВЪ АЛЬБОМЪ.

(1805).

Это послѣднее лирическое произведеніе Шиллера вписано 16 марта 1805 года въ альбомъ престарѣлаго любителя искусства Христіана фонъ-Мехельнъ изъ Базеля.

1. **Ф. Миллеръ.** Шиллеръ въ изд. Гербеля и въ «Стихотвор.» Миллера.

2. **Н. Головановъ.** Лирич. стихотв. Шиллера М. 1899.

Примѣчанія къ „Разбойникамъ".

Эпиграфъ—Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat ignis sanat—въ оригиналѣ поставленъ не передъ предисловіемъ (стр. 187), но передъ всей драмой. Значеніе его: «гдѣ безпомощны лѣкарства, тамъ помогаетъ желѣзо, гдѣ безпомощно желѣзо, тамъ помогаетъ огонь».

Афоризмы Гиппократа (Sectio VIII, 6), откуда взято это изреченіе, продолжаютъ: «quae vero ignis non sanat, ea insanabilia existimare oportet» (чего и огонь не врачуетъ, то должно считать неизлѣчимымъ).

На заглавномъ листѣ первыхъ изданій драмы имѣется еще надпись *In Tirannos* (противъ тирановъ). См. въ біографіи рис. на стр. XXII.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 192. Ст. Мооръ: *Все, все! Францъ, ты избавишь меня отъ костылей:* то есть отъ старости, когда я вынужденъ буду ходить на костыляхъ.

Стр. 193. Францъ: *Портретъ вашего сына на лейпцигскомъ рынкѣ*,—гдѣ выставляли у позорнаго столба портреты преступниковъ, которыхъ не могли схватить.

Ст. Мооръ: *Оно сдѣлало меня восьмидесятилѣтнимъ старикомъ*: значитъ, старый Мооръ гораздо моложе. Въ обработкѣ *Разбойниковъ* для сцены Карлъ называетъ отца *шестидесятилѣтній*.

Стр. 195. Францъ: *Точно создавая меня, она изъ экономіи употребила свои залежавшіеся остатки*: не совсѣмъ точно. Въ оригиналѣ «einen Rest gesetzt hätte», что на швабскомъ нарѣчіи значитъ *обанкротилась*.

Николай Христіановичъ КЕТЧЕРЪ.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Стр. 176. Шпигельбергъ: *Да, это чисто по александрійски*: александрійскіе греки могли лишь плакать надъ былыми побѣдами своихъ героевъ и писать ученые комментаріи къ описаніямъ ихъ подвиговъ.

Мооръ: *Изъ канидюльнаго порошка*—не совсѣмъ вѣрно; въ оригиналѣ Bärlappenmehl—плауновое сѣмя («дѣтская присыпка», pulvis lycopodii), употребляемое въ театрѣ для воспроизведенія молніи.

Плясать на проволокѣ; вѣрнѣе было-бы «плясать по ниточкѣ», какъ маріонетка; въ оригиналѣ mit Drahtfäden gezogen zu werden.

Шпигельбергъ: *Читай про Іосифа Прекраснаго*—невѣрно: Шиллеръ имѣлъ въ виду Іосифа Флавія, еврейскаго историка (род. въ 37 г. по Р. Х.). Знакомство съ его произведеніями, очевидно, и внушило Шпигельбергу (стр. 197) его нелѣпый планъ возстановленія іудейскаго царства. Съ этой дикой мыслью носился одинъ изъ товарищей поэта (см. стр. 177).

Мооръ: *Проклинаютъ саддукея*—библейская секта, отрицавшая устную традицію, вѣру въ загробное воздаяніе и обрядовое благочестіе.

Стр. 197. Послѣ словъ Шпигельберга *возстановимъ іудейское царство* въ оригиналѣ слѣдуетъ непристойная острота Карла Моора, выпущенная въ переводѣ. *Четвертый царь*—невѣрно: въ оригиналѣ Vierfürst—тетрархъ.

Стр. 198. Шпигельбергъ: *Господа изъ коллегіи*—члены городской ратуши.

Стрѣльба при Горнбергѣ—по народному преданію, стрѣлки въ швабскомъ городѣ Горнбергѣ, вошедшіе въ поговорку, разстрѣляли весь свой порохъ на салюты герцогу, такъ что въ цѣль нечѣмъ было стрѣлять.

Три баца: бацъ—4 крейцера (10—12 пфениговъ).

Стр. 199. *La bourse ou la vie*—кошелекъ или жизнь!

Стр. 200. Шпигельбергъ: Въ *галерномъ раю*—на каторгѣ. *Желѣзный магазинъ Вулкана*—кандалы. *Прогуливаться подъ музыку*—сквозь строй.

Изъ чистаго меркурія—ртути, специфическаго средства отъ сифилиса.

Стр. 201. Роллеръ: *Царственная птица Юпитера*—орелъ.

Берегись треногаго звѣря—висѣлицы.

Синедріонъ—верховный совѣтъ и судъ.

Гриммъ: *Si omnes consentiunt ego non dissentio*—если всѣ согласны, то я тоже. Гриммъ прибавляетъ: «Замѣтьте, безъ запятой», потому что можно поставить послѣ *non* запятую и тогда его фраза будетъ значить: «Если всѣ согласны, то я нѣтъ, я несогласенъ». Говорятъ, одинъ изъ участниковъ знаменитаго порохового заговора въ Англіи избѣгъ казни, указавъ, что написалъ эти слова въ актѣ заговора съ запятой.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Стр. 204. Францъ: *Въ эзоповомъ тылѣ.* Эзопъ, греческій баснописецъ (6 в. до Р. Хр.), былъ по преданію уродливъ, но благороденъ и нѣженъ душой.

Гдѣ, конечно, бѣдный Францъ ему во многомъ уступаетъ—невѣрно. Въ оригиналѣ: «И не будь этого наружнаго различія, отчего, увы, проигралъ бы, конечно, Карлъ».

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 206. Францъ: *Вѣдь довели теперь ядосмѣшеніе* и т. д. — Примѣчаніе Шиллера: «Говорятъ, одна женщина въ Парижѣ путемъ систематическихъ опытовъ надъ ядовитыми порошками дошла до такого умѣнія, что могла наперед опредѣлить съ приблизительной точностьюотдаленный день смерти. Позоръ нашимъ врачамъ, которыхъ посрамила эта женщина въ искусствѣ прогноза!» Полагаютъ, что Шиллеръ имѣлъ въ виду маркизу де Бренвилье.

Стр. 207. *Deus ex machina.* Буквально: богъ съ машины; такъ говорятъ о неожиданной развязкѣ, намекая на исходъ древней трагедіи (особенно у Еврипида), гдѣ запутаннѣйшія отношенія разрѣшались божествомъ, неожиданно спускавшимся на сцену при помощи особаго механизма.

Стр. 208. *Въ прагской битвѣ*—6-го мая 1757 года, гдѣ палъ фельдмаршалъ графъ Шверинъ (стр. 210).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Стр. 203. Шпигельбергъ. *Перешелъ черезъ Іордань*: намекъ на слова Іакова въ *Пятикнижіи*, 32, 10: «Ибо я съ жезломъ моимъ перешелъ этотъ Іорданъ, а теперь у меня два ополченія».

Сыгралъ штуку въ монастырѣ св. Цециліи—подобные разсказы были очень распространены въ это время и обрабатывались въ литературѣ.

Стр. 214. *Diem perdidi*—потерялъ день: извѣстныя слова императора Тита, произнесенныя имъ, когда онъ за цѣлый день не имѣлъ случая сдѣлать доброе дѣло.

Жалкіе остатки—зубы; пародія на одно излюбленное выраженіе Клопштока.

Стр. 217. *Memento mori*—помните о смерти.

Стр. 219. Послѣ словъ *Богемскіе драгуны разъѣзжаютъ въ лѣсу* въ оригиналѣ слѣдуетъ: *Сыщикъ изъ ада* (дьяволъ) *выдалъ насъ.*

Стр. 222. Патеръ: *О Фараонъ, Фараонъ!*—Намекъ на жестокій приказъ фараона египетскаго избить всѣхъ іудейскихъ младенцевъ.

Нильское чудовище крокодилъ.

Есть основаніе полагать, что разсказъ Карла о жертвахъ его мести имѣетъ связь съ дѣйствительными дѣятелями вюртембергскаго двора: министромъ Монмартэномъ, угнетавшимъ страну и интригами устранившимъ своего предшественника; министромъ финансовъ совѣтникомъ Оппенгеймеромъ, замѣстившимъ всѣ должности своими креатурами, испортившимъ монету и всѣми способами сосавшимъ соки изъ народа; послѣ смерти герцога онъ былъ въ 1738 г. преданъ суду и казненъ.

Михаилъ Михаиловичъ ДОСТОЕВСКІЙ.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 227. Германъ: *Я васъ жестоко оскорбилъ* ложью о смерти Карла.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Стр. 229. Косинскій: *Встрѣтиться съ уничтожающимъ взглядомъ человѣка, сидѣвшаго нѣкогда наразвалинахъ Карѳагена.* Плутархъ разсказываетъ, что когда посланный намѣстника карѳагенскаго приказалъ бездомному Марію тотчасъ удалиться изъ римскихъ владѣній, тотъ «съ страшнымъ взглядомъ» отвѣтилъ ему: «Скажи твоему господину, что ты видѣлъ Кая Марія въ видѣ бѣглеца на развалинахъ Карѳагена».

Стр. 230. Швейцеръ: *Морицъ Саксонскій*—знаменитый полководецъ XVIII вѣка, особенно отличившійся въ войнѣ за австрійское наслѣдство. За *Ганга*—шутливое обозначеніе далекаго разстоянія.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Стр. 232. Мооръ: *Гдѣ ты такъ часто подстерегалъ и дразнилъ ловчаго* въ оригиналѣ *den Fanger*; по объясненію Беллермана—это *сова*, при помощи которой ловятъ въ силки маленькихъ птицъ.

Стр. 235. Даніэль: *Когда барышня водила его по галлереѣ—я въ это время обмахивалъ пыль съ рамокъ — онъ вдругъ остановился*; здѣсь, очевидно, недосмотръ, такъ какъ Даніэля при той сценѣ не было, и мѣстомъ дѣйствія остается галлерея.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Стр. 238. Даніэль: *И кукушку разбили*—часы съ кукушкой.

Услышалъ вашъ крикъ; пропущено: *въ прихожей*.

Стр. 240. Мооръ: *Она услыхала, что я живъ, и пожертвовала для меня вѣнцомъ праведницы*—отказалась отъ мысли уйти въ монастырь; неясно, откуда это извѣстно Карлу.

Стр. 242. Шпигельбергъ: *Мы первые станемъ душить грудныхъ младенцевъ*: для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ убійствѣ атамана; ср. слова Швейцера въ началѣ этой сцены (стр. 241): *Ужъ не случилось ли съ нимъ чего дурного? Товарищи, мы все сожжемъ тогда и умертвимъ всѣхъ, даже грудныхъ младенцевъ.*

Стр. 243. Монологъ Карла Моора часто сравнивали съ знаменитымъ «Быть или не быть» Гамлета, несомнѣнно оказавшимъ вліяніе на Шиллера.

Зачѣмъ мой Периллъ (см. въ словарѣ) *сдѣлалъ изъ меня быка и человѣчество варится въ моемъ раскаленномъ чревѣ*: зачѣмъ я являюсь орудіемъ зла въ природѣ?

Стр. 244. Германъ въ страхѣ принимаетъ Карла за Франца; очевидно, несмотря на все внѣшнее и внутреннее различіе, голоса братьевъ сходны.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Стр. 248. Все описаніе сна Франца навѣяно многими мѣстами изъ Ветхаго Завѣта, знакомство съ которымъ вообще сильно отразилось на «Разбойникахъ», особенно на языкѣ драмы.

Стр. 252. Францъ: *Я сдѣлаю тебя управителемъ* — невѣрно: въ оригиналѣ «ich will dich zum Hochzeiter machen»—я сдѣлаю тебя *женихомъ*; это безумное обѣщаніе семидесятилѣтнему старику указываетъ на душевное разстройство Франца.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Стр. 253. Р. Мооръ: *Зачѣмъ же бы я его убивалъ?*—если онъ перейдетъ въ иной міръ, прощенный отцомъ, то ради чего было бы его убивать?

Стр. 254. Ст. Мооръ: *Съ Гермона на Горы Сіона* — цитата изъ Псалма 133, ст. 1—3.

Стр. 255. Карлъ Мооръ: *Умри, отецъ, отъ моей руки въ третій разъ*: въ первый разъ обморокъ во 2 актѣ, во второй разъ въ башнѣ.

О, онъ ничего не забываетъ: Создатель.

Онъ умѣетъ связывать—преступленіе и наказаніе.

Русскіе переводы «Разбойниковъ»

1. Разбойники. Трагедія г-на Шиллера. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Сандуновъ. М. 1793.

2. Разбойники. Переводъ фр. передѣлки Ламортельера (Robert, chef des brigands, о которой см. выше, стр. 181) въ «Сочиненіяхъ и переводахъ Ѳ. Ѳ. Иванова», ч. II. М. 1824.

3. Разбойники. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго (Н. Х. Кетчера). М. 1828.

4. Разбойники. Переводъ М. М. Достоевскаго. Шиллеръ въ изд. Гербеля (1857 и позднѣе). Въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ съ нѣкоторыми дополненіями Зинаиды Венгеровой.

5. Разбойники. Трагедія Шиллера. Перев. съ нѣм. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ 1891. — То же. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ (1896). (Составляетъ № 1 «Всеобщей библіотеки»).

6. Разбойники. Переводъ В. Алексѣева. (Дешевая Библіотека. Изданіе А. Суворина). Спб. 1896.

7. Разбойники. Переводъ Н. Голованова. М. 1900.

Примѣчанія къ „Заговору Фіеско".

Эпиграфъ къ трагедіи: *Nam id facinus inprimis ego memorabile existimo sceleris atque periculi novitate* взятъ изъ книги Саллюстія о заговорѣ Катилины (VI, 4) и значитъ: «Ибо это злодѣяніе я почитаю особенно достопамятнымъ по необычайности преступленія и опасности».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Стр. 267. Яковъ Фридрихъ *Абель* (1751—1829), которому посвящена трагедія, былъ не только профессоромъ, но и другомъ поэта.

Гамбургскій драматургистъ—авторъ «Гамбургской драматургіи», Г. Э. Лессингъ, который въ своемъ замѣчательномъ критическомъ трудѣ не разъ обращается къ вопросу, въ какой степени поэтъ имѣетъ право отступать отъ исторической истины.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 270. *Блестящій Аполлонъ, слитый съ мужественной красотою Антиноя*: странная ошибка – красота Антиноя должна скорѣе считаться женственной.

Фіеско избавитъ Геную отъ тирана: послѣ *избавитъ* надо вставитьеще слова: *долженъ избавить* (Боксбергеръ).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 270. *Только въ этомъ мѣстѣ ты можешь промахнуться*; вѣрнѣе было бы: *ошибиться*. Слова Джанеттино значатъ: въ мѣстѣ, куда ударить, ты можешь ошибиться, но не въ особѣ того, кого долженъ убить.

Викторъ Александровичъ КРЫЛОВЪ.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 272. *Если тебѣ посчастливится, ей* (моей сообразительности) *совсѣмъ конецъ*, т.-е. такъ это невѣроятно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 273. *Силуэтъ Леоноры*—анахронизмъ, такъ какъ силуэты появились лишь въ 1757 году.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 273. *Званіе прокуратора*—коллегія прокураторовъ, правившихъ городомъ, состояла изъ восьми членовъ; два раза въ годъ избирались два новыхъ члена на два года.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 276. Фіеско: *Даже если бы ты окончательно во всемъ разочаровался*; въ оригиналѣ: «Даже если бы добродѣтель палавъцѣнѣ».

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 277. Фіеско: *Я бы велѣлъ тебя повѣсить, если бы для этого мнѣ пришлось сказать больше двухъ словъ*: если бы это не было такъ легко.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 280. Веррина: *Что сказалъ Виргиній своей опозоренной дочери?* Веррина хочетъ убить свою обезчещенную дочь; но онъ ошибается: Виргиній (см. въ словарѣ), чтобы предотвратить позоръ, убилъ свою дочь до того, какъ она была опозорена.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 286. Мавръ: *Французы были крысы въ Генуѣ* и т. д.: Французы были всесильны въ Генуѣ при Франциске I. Андрей Доріа изгналъ ихъ въ 1528 г.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 288. Цибо: *Онъ былъ двадцать девятымъ среди избирателей и приготовилъ свой золотой шаръ*. Въ выборахъ прокуратора принимали участіе не всѣ дворяне, но лишь тридцать изъ нихъ по жребію:

избирателемъ былъ тотъ, кто вынималъ изъ урны золотой шаръ.

Фіеско: *мальчика Октавія*: вѣрнѣе Октавіана (Августа).

седьмой выходъ.

Стр. 289. Первый ремесленникъ: *Нашихъ мировыхъ судей* и т. д.; это собственно не мировые судьи, но такъ называемые *conservatores legum* (хранители законовъ), на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за правильностью выборовъ. Шиллеръ по ошибкѣ смѣшалъ ихъ съ *conservatores pacis* (хранителями мира), разбиравшими мелкія драки, дѣла брачныя и т. д.

двѣнадцатый выходъ.

Стр. 291. Джанеттино: *я буду стоять на горѣ, какъ Неронъ*. По разсказамъ историковъ, Неронъ любовался пожаромъ Рима не съ горы, а съ крыши дома.

четырнадцатый выходъ.

Стр. 294. Ломеллино: *Берегитесь. Вы еще объ этотъ черный камень сломите себѣ шею*: игра словъ —Lavagna по-итальянски значитъ шиферъ, аспидъ.

пятнадцатый выходъ.

Стр. 294. *Дарсена*—генуэзскій портъ.

семнадцатый выходъ.

Стр. 296. Романо: *Огонь творчества встрѣчаетъ меньше пищи, чѣмъ огонь жизни*: теперь его занимаетъ больше тяжелая судьба отечества, чѣмъ искусство. *Въ поискахъ за контурами лица Брута* онъ ищетъ не модели, а спасителя родины отъ тирана.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

второй выходъ.

Стр. 300. Фіеско: *Но безпредѣльное величіе въ томъ, чтобы украсть корону*. У Реца, служившаго матеріаломъ для Шиллера, Веррина говоритъ: «Украсть корону—такое замѣчательное преступленіе, что оно можетъ сойти за добродѣтель. Жалкій пиратъ, кравшій маленькія лодки во времена Александра, былъ сочтенъ гнуснымъ воромъ, а великій завоеватель, опустошавшій цѣлыя государства, до сихъ поръ считается героемъ».

третій выходъ.

Вся сцена написана подъ вліяніемъ сцены между Цезаремъ и Порціей въ «Юліѣ Цезарѣ» Шекспира (II, 2).

пятый выходъ.

Стр. 304. У Реца и Робертсона также говорится о двухъ предложенныхъ заговорщиками и отвергнутыхъ Фіеско способахъ убить обоихъ Доріа. Слова Фіеско—*И Патроклъ скончался тоже*—стихъ изъ Иліады (XXI, 107).

одиннадцатый выходъ.

Рецъ разсказываетъ: «Въ условленный день онъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, посѣтилъ нѣсколькихъ лицъ, былъ во дворцѣ Доріа, гдѣ, встрѣтивъ дѣтей Джанеттино, ласкалъ и цѣловалъ ихъ въ его присутствіи. Затѣмъ онъ попросилъ его приказать командирамъ галеръ пропустить безпрепятственно его суда, которыя черезъ нѣсколько часовъ отправляются противъ турокъ. Майоли прибавляетъ, что Фіеско просилъ еще Джанеттино передать объ этомъ его дядѣ, чтобы не возбудить въ герцогѣ какого-либо подозрѣнія, когда онъ объ этомъ узнаетъ. Поздно вечеромъ комендантъ Генуи явился къ герцогу съ докладомъ, что большинство караульныхъ покинуло свои посты, а въ домъ Фіеско со всѣхъ сторонъ стекаются вооруженные люди. Джанеттино назвалъ его обманщикомъ и успокоилъ дядю, разсказавъ ему свой разговоръ съ Фіеско».

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

шестой выходъ.

Стр. 312. Монологъ Фіеско почти дословно взятъ Шиллеромъ у Реца. Милостивое освобожденіе братьевъ Ассерато также упомянуто у Реца.

четырнадцатый выходъ.

Стр. 319. Рецъ разсказываетъ: «Затѣмъ Фіеско отправился въ покои своей супруги, чтобы открыть ей свою тайну. Онъ старался разсѣять ея страхъ всѣми возможными доводами, указывалъ на то, что возврата нѣтъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко. Ни слезы, ни мольбы ея не подѣйствовали, равно какъ увѣщанія его воспитателя Паоло Паза».

Русскіе переводы «Заговора Фіеско».

1. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія г. Шиллера, въ 5 д. Переводъ Г. и А. М. 1803.
2. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ Фридриха Шиллера. Съ нѣмецк. Переводчика «Разбойниковъ» (Н. Х. Кетчера). М. 1830.
3. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Переводъ Н. В. Гербеля. (Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей» изд. Гербеля). Спб. 1859 и позднѣе. Отд. изд. Спб. 1859.
4. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ 5 д. Пер. съ нѣм. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1892.
5. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Перевелъ для настоящаго изданія В. А. Крыловъ, при участіи Ф. Ф. Фидлера.

Объясненія къ рисункамъ.

БІОГРАФІЯ.

стр.

1. Отецъ Шиллера въ молодости (въ чинѣ лейтенанта) IV
2. Отецъ Шиллера въ 70-лѣтнемъ возрастѣ. Съ портрета Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ V
3. Кристофина Шиллеръ, старшая сестра поэта. Съ портрета Людовики Симановицъ VI
4. Мать Шиллера въ молодости . . . VII
5. Мать Шиллера въ возрастѣ 60 лѣтъ. Съ портрета Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ VIII
6. Домъ, въ которомъ Шиллеръ родился въ 1759 г. въ Марбахѣ. Въ 1852 г. пріобрѣтенъ марбахскимъ Шиллеровскимъ обществомъ, наружно и внутренно приведенъ въ тотъ видъ, какой онъ имѣлъ, когда въ немъ жили родители Шиллера; теперь въ немъ устроенъ Шиллеровскій музей. IX
7. Комната, въ которой родился Шиллеръ X
8. Домъ въ Лорхѣ, въ которомъ Шиллеръ провелъ лучшіе годы дѣтства. XI
9. Шиллеръ въ возрастѣ 9 лѣтъ воображаетъ себя пасторомъ и произноситъ проповѣдь XII
10. Нанета Мозеръ, подруга дѣтскихъ лѣтъ Шиллера въ Лорхѣ XIII
11. Карлъ Евгеній, герцогъ Вюртембергскій XIV
12. Силуэтъ Шиллера-отрока. Первое сохранившееся изображеніе его . . XV
13. Шиллеръ-воспитанникъ Карловой школы XV
14. Замокъ Солитюдъ (Solitude), при которомъ первоначально помѣщалась Карлова школа XVI
15. Карлова школа (Hohe Karlsschule) въ Штуттардтѣ XVII
16. Шиллеръ въ лежащей подъ Штутгардтомъ Бопсовой рощѣ (Bopser Wald) читаетъ своимъ товарищамъ по Карловой школѣ «Разбойниковъ». По современному эскизу его товарища Гейделафа XVIII
17. Шиллеръ ученикъ Карловой школы. По портрету въ Веймарскомъ домѣ Шиллера XIX
18. Юношескій портретъ Шиллера (на слоновой кости). Относится къ 1780 и 1781 г. XX
19. Младшая сестра Шиллера — Луиза. По портрету Людовики Симановицъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ XX
20. Нанета Шиллеръ, самая младшая сестра поэта XXI
21. Обложка второго изд. «Разбойниковъ» (характеристична подпись подъ львомъ: in Tirannos) XXII
22. Генріетта фонъ Вольцогенъ, въ домѣ которой въ Бауэрбахѣ скрывался Шиллеръ послѣ бѣгства изъ Штутгардта XXIII
23. Домъ Вольцогеновъ въ Бауэрбахѣ, гдѣ нашелъ пріютъ бѣжавшій Шиллеръ XXIV
24. Шарлотта фонъ Вольцогенъ, первая любовь Шиллера XXV
25. Шиллеръ въ эпоху своего пребыванія въ Маннгеймѣ. По портрету въ Веймарскомъ домѣ Шиллера . . . XXVI
26. Шарлотта фонъ-Кальбъ, подруга Шиллера. По портрету Тишбейна . . . XXVII
27. Шарлотта фонъ-Кальбъ (другой портретъ) XXVIII
28. Другъ Шиллера — Христіанъ-Готфридъ Кернеръ XXIX
29. Шиллеровскій домъ въ Голисѣ подъ Лейпцигомъ XXX
30. Жена Кернера Минна, урожд. Штокъ XXXI
31. Павильонъ въ саду (виноградникѣ) въ Лошвицѣ; здѣсь Шиллеръ писалъ «Донъ-Карлоса» XXXII
32. Кернеръ. Каррикатурный рис. Шиллера XXXII
33. Юмористич. рисунокъ Шиллера: Кернеръ на распутьи XXXIII

стр.

34. Кернеръ засыпаетъ надъ Кантомъ. Юмористическ. рисунокъ Шиллера. XXXIII
35. Шиллеръ въ 26 лѣтъ. По рисунку Доры Штокъ (1785) XXXIV
36. Портретъ Шиллера, работы Граффа въ гравюрѣ Іоганна Готгарда Миллера XXXV
37. Шиллеръ въ 28 лѣтъ Портретъ Граффа. Оригиналъ въ Кернеровскомъ музеѣ въ Дрезденѣ XXXVI
38. Шарлотта фонъ-Штейнъ, подруга Гете. По рисунку Доры Штокъ (1796) . XXXVII
39. Каролина фонъ-Вольцогенъ, урожд. фонъ-Ленгефельдъ, свояченица и біографъ Шиллера XXXVIII
40. Жена Шиллера Шарлотта, урожд. фонъ-Ленгефельдъ. По портрету Людовики Симановицъ XXXIX
41. Шиллергеге (Schillerhöhe—Шиллеровское возвышеніе) въ Рудольштадтѣ XL
42. Шиллеръ въ 35 лѣтъ. По портрету Людовики Симановицъ. Оригиналъ въ Шиллеровскомъ домѣ въ Марбахѣ XLI
43. Бюстъ работы Даннекера (1794). Оригиналъ въ Великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ XLII
44. Памятникъ Шиллеру и Гете въ Веймарѣ (Ритчеля) XLIII
45. Шиллеръ въ Карлсбадѣ въ 1791 г. По современному рисунку его друга художника Рейнгарда XLIV
46. Геро и Леандръ. Факсимиле XLV
47. Домъ Шиллера въ Іенѣ. Рисунокъ Гете XLVI
48. Домъ Шиллера въ Веймарѣ (по литографіи 1808 г.) XLVI
49. Домъ Шиллера въ Веймарѣ въ настоящее время XLVII
50. Пріемная Шиллера въ его Веймарскомъ домѣ XLVIII
51. Кабинетъ Шиллера въ Веймарѣ и комната, въ которой онъ умеръ . . XLIX
52. Рукопись неоконченной драмы «Дмитрій Самозванецъ» LI
53. Великая Княгиня Марія Павловна, великая герцогиня саксенъ-веймаръ-эйзенахская LIII
54. Первоначальное мѣсто погребенія Шиллера (такъ наз. Kassengewölbe) LV
55. Гете разсматриваетъ черепъ Шиллера (статуя въ домѣ Гете въ Веймарѣ). LVII
56. Маска, снятая съ мертваго Шиллера. LIX
57. Герцогская усыпальница въ Веймарѣ (Fürstengruft), гдѣ теперь покоится прахъ Шиллера LXI
58. Памятникъ (скала Митенштейнъ) Шиллеру на озерѣ Четырехъ Кантоновъ въ Швейцаріи LXV
59. Памятникъ Шиллеру въ Берлинѣ (Рейнгольда Бегаса) LXXIII

СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

60. Прощаніе Гектора. Рис. Фердинандъ Келлеръ 1
61. Надъ свѣжей могилой. Рис. Эдмундъ Канольдъ 3
62. Элегія на смерть юноши. Рис. Эдмундъ Канольдъ 5
63. Лаура за клавесиномъ. Рис. Рамбергъ . 7
64. Дѣтоубійца. Рис. Гофманъ Цейцъ . . . 9
65. Сраженіе. Рис. Фердинандъ Пилоти . . 11
66. Торжество любви. Рис. Рамбергъ . . . 12
67. Миннѣ. Рис. Іосифъ Ваттеръ 20
68. Бѣглецъ. Рис. Эдмундъ Канольдъ . . . 21
69. Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Рис. Александръ Вагнеръ 25
70. Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Рис. Александръ Вагнеръ 26
71. Непобѣдимый флотъ. Рис. Густавъ Шенлеберъ 31
72. Боги Греціи. Рис. П. Гротіоганъ . . . 32
73. Боги Греціи. Рис. Беклинъ 33
74. Знаменитая женщина. Рис. Гофманъ Цейцъ 35
75. Пегасъ въ ярмѣ. Рис. В. Кампгаузенъ . 47
76. Вечеръ. Рис. Эдмундъ Канольдъ 51
77. Покрытый истуканъ въ Саисѣ. Рис. В. Зимлеръ 58
78. Прогулка. Рис. Рудольфъ Шустеръ . . 61
79. Прогулка. » » » . . . 63
80. Прогулка. » » » . . . 64
81. Помпея и Геркуланумъ. Рис. Фердинандъ Келлеръ 71
82. Жалоба Цереры. Рис. Эдмундъ Канольдъ. 73
83. Кубокъ. Рис. Карлъ Гертсъ 99
84. Перчатка. Рис. Евгеній Климшъ . . . 101
85. Поликратовъ перстень. Рис. П Гротіоганъ 102
86. Рыцарь Тогенбургъ. Рис. Карлъ Гертсъ 104
87. Рыцарь Тогенбургъ. Рис. Карлъ Гертсъ 105
88. Ивиковы журавли. Рис. Фердинандъ Келлеръ 106
89. Ивиковы журавли. Рис. Отто Кеммеръ 108
90. Путешествіе въ плавильный домъ. Рис. Эрнстъ Рэберъ 109
91. Путешествіе въ плавильный домъ. Рис. Эрнстъ Рэберъ 110
92. Путешествіе въ плавильный домъ. Рис. Кирхнеръ 111
93. Бой съ дракономъ. Рис. В. Кампгаузенъ 115
94. Бой съ дракономъ. Рис. В. Кампгаузенъ 116
95. Порука. Рис. Вольдемаръ Фридрихъ . 119
96. Порука. Рис. Вольдемаръ Фридрихъ . 120
97. Элевзинскій праздникъ. Рис. Швойзеръ 123
98. Солдатская пѣснь. Рис. В. Кампгаузенъ 124
99. Геро и Леандръ. Рис. Фердинандъ Келлеръ 135
100. Геро и Леандръ. Рис. Карлъ Пилоти . 136
101. Геро и Леандръ. Рис. Фердинандъ Келлеръ 137
102. Кассандра. Рис. Фердинандъ Келлеръ . 146
103. Графъ Габсбургскій. Рис. Александръ Вагнеръ 147
104. Торжество побѣдителей. Рис. Вольдемаръ Фридрихъ 149
105. Альпійскій стрѣлокъ. Рис. Фердинандъ Келлеръ 151

ДРАМЫ.

стр.

СЕМЕЛА.

Рисунки *Гизиса.*

106. Привѣтъ тебѣ, проклятый вражій кровъ и ненавистный дворъ! (Первая сцена). 161
107. А ты скажи: «Не знай меня, доколѣ во всей красѣ, какъ дочери Сатурна, не явишься ты царской дщери Кадма». (Первая сцена; стран. 165). 163
108. Ты плачешь? Здѣсь Зевесъ, а ты въ слезахъ, Семела? (Вторая сцена; стр. 168).

РАЗБОЙНИКИ.

Рисунки *Фердинанда Пилоти.*

109. Батюшка! ради Бога! батюшка, что съ вами? (Первое дѣйствіе, первая сцена; стран. 192) 191
110. Пойдемъ съ нами въ богемскіе лѣса, (Первое дѣйствіе, вторая сцена; стр. 202) 197
111. Ну, если онъ устоитъ и противъ этой бури? Ну, если? (Второе дѣйствіе, первая сцена; стран. 207) 206
112. Ст. Мооръ. Чудовище! чудовище! отдай мнѣ моего сына! (Второе дѣйствіе, вторая сцена; стр. 211) 213
113. Роллеръ 215
114. Шуфтерле 219
115. Вотъ, смотрите: я бросаю кинжалъ и пистолеты. (Второе дѣйствіе, третья сцена; стран. 224) 221
116. Сраженіе разбойниковъ съ солдатами . 223
117. Осмѣлься только коснуться грязною рукою до моего тѣла—и это желѣзо въ то же мгновенье пронзитъ твое похотливое сердце. (Третье дѣйствіе, первая сцена; стран. 226). 225
118. Косинскій 229
119. Остановись, Мооръ! твоя нога въ священномъ храмѣ! (Четвертое дѣйствіе, первая сцена) 232
120. Даніэль. Сжальтесь, сжальтесь! (Четвертое дѣйствіе, вторая сцена; стр. 236) 235
121. Швейцеръ 237
122. Германъ крадется по лѣсу. Чу! чу! экъ завываетъ! Полночь бьетъ въ деревнѣ. (Четвертое дѣйствіе, пятая сцена; стр. 243) 244
123. Даніэль входитъ съ фонаремъ и узломъ. Прости, дорогой, родимый домъ! (Пятое дѣйствіе, первая сцена) 247
124. Францъ. Измѣна! измѣна! Духи встаютъ изъ гробовъ! (Пятое дѣйствіе, первая сцена; стр. 247) 251
125. Францъ, удавившійся шнуркомъ отъ своей шляпы. (Пятое дѣйствіе, первая сцена). 255

стр.

ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО ВЪ ГЕНУЪ.

Рисунки *Клаудіуса Шраудольфа.*

126. Джулія 269
127. За процвѣтаніе республики! Первое дѣйствіе, пятый выходъ; стр. 273) 271
128. Фіеско (схватываетъ его и громко зоветъ). Стефано! Друлло! Антоніо! (Беретъ мавра за горло). (Первое дѣйствіе, девятый выходъ) 277
129. Берта лежитъ спиной къ зрителю, закинувъ руку подъ голову. Входитъ Веррина, мрачный). (Первое дѣйствіе, десятый выходъ) 279
130. Леонора (съ горечью). Мой силуэтъ? вамъ? (Полна страданья падаетъ въ кресло). (Второе дѣйствіе, второй выходъ; стран. 284) 283
131. Всѣ (бурно). Свергнуть Доріа! свергнуть и дядю, и племянника. (Второе дѣйствіе, восьмой выходъ; стр. 289) 287
132. Андреа. Слушай, племянникъ! Я тобой очень недоволенъ. (Второе дѣйствіе, тринадцатый выходъ; стран. 292) . 293
133. Веррина (вдохновленный). Рази, сѣдовласый отецъ!... (Второе дѣйствіе, семнадцатый выходъ; стран. 297) . . . 295
134. Бургоньино (пораженный) Умереть? Фіеско? (Третье дѣйствіе, первый выходъ; стран. 300) 299
135. Фіеско. Ваша нерѣшительность основательна; но прочтите эти листки. (Третье дѣйствіе, пятый выходъ; стран. 304). . 303
136. Фіеско. Эти подхваченные кверху волосы—позвольте мнѣ ихъ совсѣмъ распустить (Третье дѣйствіе, десятый выходъ; стран. 308) 307
137. Приносятъ оружіе. (Четвертое дѣйствіе, передъ первымъ выходомъ) 310
138. Фіеско. Графъ здѣсь. Что вамъ надо? (Четвертое дѣйствіе, восьмой выходъ; стран. 314) 313
139. Фіеско. Вотъ моя жена—она божественная женщина... (Четвертое дѣйствіе, двѣнадцатый выходъ; стран. 318) . . . 317
140. Андреа (появляется на балконѣ). Кто звонитъ? (Пятое дѣйствіе, первый выходъ). 321
141. Я поведу тебя туда, гдѣ пожинаютъ раны за Геную,—прекрасныя! видишь, вотъ какъ эта (показываетъ рану на рукѣ). (Пятое дѣйствіе, восьмой выходъ; стран. 324) 325
142. Фіеско все время стоитъ задумчиво опустивъ голову на грудь. (Пятое дѣйствіе, двѣнадцатый выходъ; стран. 326) . . 327
143. Верина (со страшной насмѣшкой). Ну, если пурпуръ падаетъ, и герцогъ долженъ падать за нимъ! (Сбрасываетъ его въ море). (Пятое дѣйствіе, шестнадцатый выходъ, стран. 332) 331

стр.

ПРИМѢЧАНІЯ.

144. Карикатура на Шиллеръ-Гетевскія Ксеніи 413

Карикатура эта появилась въ одной изъ самыхъ яростныхъ брошюръ, вызванныхъ «Ксеніями» «Trogalien zur Verdauung der Xenien». (Приправы для перевареніе Ксеній). Эпиграммы этого сборника поражаютъ своей грубостью и злобой, тѣмъ менѣе понятной, что авторъ ихъ Х. Ф. Фульда, учитель, а потомъ священникъ въ Галле—не былъ лично задѣтъ въ «Ксеніяхъ». Чтобы понять смыслъ карикатуры, приведемъ первыя «Ксеніи» (въ переводѣ Н. М. Минскаго). Сцена изображаетъ заставу, чрезъ которую эпиграммы проѣзжаютъ на литературную ярмарку.

1. *Эстетическій приставъ.*

Кто вы, проѣзжіе? стой! Вы какого сословья и званья?
Нѣтъ здѣсь дороги тому, кто не покажетъ бумагъ.

2. *Ксеніи.*

Мы—двустишья. Ни большимъ прослыть не желаемъ, ни меньшимъ.
Хоть запирайте, хоть нѣтъ, мы черезъ заставу пройдемъ.

3) *Таможенный надсмотрщикъ.*

Вскрыть сундуки! Контрабаднаго нѣтъ ли чего? Противъ церкви?
Иль государства? Добра нѣтъ ли французскаго въ нихъ?

4. *Ксеніи.*

Нѣтъ чемодановъ при насъ. Свой багажъ мы веземъ въ двухъ карманахъ,
А у поэтовъ,—весь міръ знаетъ,—карманы легки.

Намекая на эти вступительныя двустишія, карикатура изображаетъ заставу, у которой стоятъ сторожъ и таможенный надсмотрщикъ. Къ шлагбауму приближается неистовая толпа уродливыхъ, ничтожныхъ созданій съ Иванушкой-дурачкомъ во главѣ; онъ несетъ знамя съ надписью «Шиллеръ и компанія». Гете—портретъ его очень похожъ—изображенъ въ видѣ сатира съ рогами, острыми ушами и хвостомъ; въ рукахъ онъ держитъ кругъ съ надписью *Зодіакъ*: подъ такимъ общимъ заглавіемъ объединено въ «Ксеніяхъ» нѣсколько самыхъ лучшихъ и ядовитыхъ эпиграммъ. Шиллеръ съ бутылкой водки, въ громадныхъ сапогахъ съ тяжелыми шпорами—вообще въ томъ видѣ, въ какомъ публика представляла себѣ «развратнаго» автора «Разбойниковъ»—одной рукой размахиваетъ длиннымъ бичемъ, другою держится за хвостъ Гете. Многочисленная толпа ихъ отвратительныхъ спутниковъ, вооруженная палками, камнями и навозными вилами, старается опрокинуть обелискъ, надписи на которомъ гласятъ: *Приличіе*, *Нравственность*, *Справедливость*. Подъ рисункомъ двустишіе:

О, что за сволочь лѣзетъ сюда? Проѣзжіе, стой-ка!
Нѣтъ здѣсь прохода тому, кто не покажетъ бумагъ.

стр.

Портреты русскихъ переводчиковъ Шиллера.

145. Василій Андреевичъ Жуковскій. 338
146. Степанъ Петровичъ Шевыревъ. 339
147. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ 341
148. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ . . . 342
149. Эдуардъ Ивановичъ Губеръ 343
150. Александръ Николаевичъ Струговщиковъ 344
151. Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ 345
152. Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ . 347
153. Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. . 349
154. Дмитрій Егоровичъ Минъ 351
155. Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ 353
156. Левъ Александровичъ Мей 355
157. Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ . . . 357
158. Николай Васильевичъ Гербель 359
159. Борисъ Николаевичъ Алмазовъ 361
160. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ 363
161. Константинъ Константиновичъ Случевскій 365
162. Григорій Петровичъ Данилевскій . . . 369
163. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. . . . 371
164. Владиміръ Сергѣевичъ Лихачовъ . . . 375
165. Николай Максимовичъ Минскій. 379
166. Кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ. . 381
167. Ольга Николаевна Чюмина. 383
168. Константинъ Михайловичъ Фофановъ. . 391
169. Аполлонъ Аполлоновичъ Коринфскій . . 397
170. Константинъ Николаевичъ Льдовъ . . . 409
171. Кн. Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій . . . 423
172. Александръ Митрофановичъ Федоровъ . 435
173. Поликсена Сергѣевна Соловьева (Allegro). 437
174. Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ . . 455
175. Николай Христіановичъ Кетчеръ 462
176. Михаилъ Михайловичъ Достоевскій. . . 463
177. Викторъ Александровичъ Крыловъ . . . 465

Приложенія на отдѣльныхъ листахъ.

I.

Фотогравюры (Schiller-Gallerie).

1. *Шиллеръ въ Веймарѣ.* Композиція Линденшмита. По замыслу художника должна изображать одно изъ тѣхъ собраній, которыя Шиллеръ устраивалъ у себя по средамъ послѣ обѣда, причемъ часто читалъ что-нибудь изъ только-что написаннаго. Желая включить возможно большее количество друзей Шиллера, художникъ перенесъ собраніе изъ скромнаго садика поэта въ Веймарскій паркъ. Выше Шиллера, на крыльцѣ, помѣщенъ поэтъ и авторъ сказокъ Музеусъ. Изъ четырехъ стоящихъ мужскихъ фигуръ двѣ приближаются къ обществу: покровитель Шиллера и Гете—герцогъ веймарскій Карлъ Августъ (со звѣздой) и часто пріѣзжавшій изъ Іены къ Шиллеру въ гости Вильгельмъ Гумбольдтъ. Стоя слушаютъ чтеніе: Гердеръ (въ ермолкѣ) и Гете. За столикомъ размѣстились: жена поэта Шарлотта (съ маленькимъ сыномъ), изъ-за нея выглядываетъ сестра ея Каролина фонъ-Вольцогенъ (см. въ біографіи). Въ крайнемъ углу картины—г-жа фонъ-Эглофштейнъ, умная женщина, мнѣніемъ которой Шиллеръ очень дорожилъ. Рядомъ съ женой Шиллера сидитъ самый

близкій другъ поэта, игравшій такую выдающуюся роль и въ личной, и въ литературной его жизни (см. въ примѣчаніяхъ по поводу большинства стихотвореній)—Кернеръ старшій. Рядомъ съ нимъ г-жа Фонъ-Ларошъ, почтенная писательница, знавшая Шиллера съ первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Рядомъ съ Шиллеромъ—Шарлотта фонъ-Кальбъ, нѣкогда игравшая такую роль въ сердечной жизни поэта, а теперь просто добрый другъ его семьи. Между г-жей Ларошъ и Шарлоттой Кальбъ—знаменитая веймарская трагическая актриса Корона Шретеръ, главная исполнительница драмъ Шиллера и Гете.

2. *Играющій мальчикъ*. Композиція Теодора Пиксиса.

3. *Дѣва изъ чужбины*. Композиція К. Бейшлага.

4. *Ожиданіе*. Композиція К. Iегера.

Она подошла и лобзанья
Ея пробудили меня.

Фигурѣ поэта дано отдаленное сходство съ Шиллеромъ, который въ дѣйствительности не былъ такъ красивъ и изященъ.

5. *Жалоба дѣвушки*. Композиція К. Iегера.

Пѣснь о колоколѣ.

8 композицій А. Мюллера:

6. *Материнская любовь*.

Лелѣетъ мать съ заботой нѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ.

7. *Разлука*.

Съ подругой дѣтства отрокъ смѣлый
Разстался гордо въ жизнь влекомъ.

8. *Возвращеніе*.

Обходитъ міръ и мыслью зрѣлый
Идетъ, какъ странникъ, въ отчій домъ,
Тамъ въ нѣгѣ юности чудесной,
Какъ дивный образъ неземной,
Въ лицѣ съ стыдливостью прелестной,
Онъ видитъ дѣву предъ собой.

9. *Ухаживаніе*.

И въ даръ любви, восторговъ полный,
Съ полей приноситъ лучшій цвѣтъ.

10. *Упоеніе любви*.

О нѣга чувствъ, надежды сладость,
О, первой страсти мигъ златой.

11. *Невѣста*.

Свѣжъ, душистъ вѣнокъ любовный
У невѣсты вкругъ кудрей.

12. *Мать въ семьѣ*.

А въ нѣдрахъ семейства
Съ стыдливостью скромной
И мать и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней
Кругъ правитъ домашній.
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учитъ, смиряетъ.

13. *Праздникъ жатвы*.

Вотъ и стадо
Круторогихъ, толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, съ ревомъ
Подъ роднымъ тѣснится кровомъ
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжко
Колыхаясь
И вѣнками
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтетъ,
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.

14. *Карлъ Мооръ и Амалія*. Композиція К. Iегера. Послѣдняя сцена IV дѣйствія.

II.

Современные рисунки къ «Разбойникамъ» знаменитаго гравера Ходовецкаго.

(6 гравюръ на одномъ листѣ).

1. 1-е дѣйствіе, 2 сцена.
Амалія. Чу! чу! ему снится его сынъ.

2. 2-е дѣйствіе, 3 сцена.
Патеръ. Я съ ума сойду. Я лучше убѣгу отсюда.

3. 3-е дѣйствіе, 1 сцена.
Амалія. Видишь-ли, злодѣй, что я съ тобой могу теперь сдѣлать.

4. 4-е дѣйствіе, 2 сцена.
Карлъ Мооръ. Но этотъ портретъ направо?... Ты плачешь, Амалія?

5. 4-е дѣйствіе, 4 сцена.
Амалія. Ты плачешь, Амалія? и это сказалъ онъ такимъ голосомъ.

6. 5-е дѣйствіе, 1 сцена.
Швейцеръ. «Онъ умеръ» — меня онъ болѣе не увидитъ (застрѣливается).

Алфавитный указатель къ стихотвореніямъ.

Амалія—2, 334, 335.
Античное—Сѣверному страннику—60, 392.
Античныя статуи въ Парижѣ—131, 448, 449.
Альпійскій стрѣлокъ—151, 459.
Архимедъ и ученикъ—69, 396.
Астрономамъ—81, 414.
Астрономическія писанія—81, 414.
Баловни счастія—88, 419.
Безсмертіе—60, 393.
Безупречность—83, 415.
Безъименная рѣка—90, 420.
Боги Греціи—32, 358, 359, 362, 364.
Бой съ дракономъ—114, 437, 439.
Борьба—28, 346.
Бѣглецъ—21, 341, 342.
Везеръ—39, 420.
Величіе міра—14, 339.
Вечеръ—51, 383, 384.
Вильгельмъ Теллъ—155, 462.
Власть пѣснопѣнія—44, 369, 370.
Внутреннее и внѣшнее—82, 415.
Возвышенный сюжетъ—86, 418.
Ворота—85, 418.
Восьмистрочная станца—85, 417.
«Все, чему Богъ научилъ меня, что примѣнялъ я и въ жизни» (Первая надпись) - 79, 411.
Встрѣча—105, 431.
Въ альбомъ дѣвушки—34, 364.
Въ альбомъ in Folio—42, 368.
Въ октябрѣ 1788 г.—365.
Выборъ—83, 416.
Геніальность - 83, 415.
Геній—56, 389, 82, 415.
Геній весны—19, 341.
Геній смерти съ опрокинутымъ факеломъ—76, 405.
Германія и ея государи—46, 345.
Геро и Леандръ—134, 452.
Глазъ—140, 453.
Гомериды—88, 419.
Горная дорога—154, 462.
Графъ Габсбургскій—147, 457.
Графъ Эбергардъ Грейнеръ—25, 343.
Грекомапія—88, 419.
Греческій геній—77, 406.
Группа изъ Тартара—15, 340.
Данаиды—87, 419.
Два пола—75, 405.
Два пути къ добродѣтели—119, 376.
Два рода дѣятельности—79, 411.
День и ночь—140, 453.
Дилетантъ—84, 417.
Дистихъ—85, 417.
Дитя въ колыбели—45, 371, 372.
Дифирамбъ—78, 407, 408, 409, 410.
Добродѣтель женщины—76, 406.
Добро и величіе—78, 410.
Долгъ каждаго—80, 412.
Достоинство женщины—52, 386, 387.
Достоинство мужчины—23, 342.
Достойное уваженія—74, 405.
Другу въ альбомъ—155, 462.
Другъ и врагъ 82, 415
Дружба—17, 340.
Друзьямъ—142, 454.
Дунай въ (**) Австріи 89, 420.
Духовновладѣльческія рѣки, см. въ концѣ указателя: **скія (Духовновладѣльческія рѣки)—
Дѣва изъ чужбины—72, 399, 400, 401.
Дѣвицѣ Шлефохтъ—113, 436.
Дѣтоубійца—9, 337, 338.
Дѣятельность человѣка—78, 407.
Жалоба дѣвушки—123, 441, 442.
Жалоба Цереры—73, 402, 403, 404, 405.
Желаніе—133, 450, 451.
Женскій идеалъ—77, 406.
Животворное—79, 411.
Залла—89, 420.
Задача—80, 412.
Законодателямъ—70, 398.
Законъ природы—83, 416.
Зальца—90, 420.
Звѣзды и Луна—140, 453.
Зенитъ и надиръ—69, 398.
Зевесъ Геркулесу—45, 373.
Знаменитая женщина—35, 365.
Ивиковы журавли—106, 432.
Играющій мальчикъ—48, 375, 376.
Идеалъ—80, 412.
Идеалы—49, 377, 378, 379, 380, 382.
Идеалы и жизнь—54, 388.
Идеальная свобода—82, 415.
Изреченія Конфуція—46, 374.
Изслѣдователи—83, 415.
Иліада—60, 392, 393.
Ильмъ—89, 420.
Искра—141, 453
Исправителю человѣчества—81, 414.
Источникъ юности—74, 405.
Іереміада—90, 420.
Іоанниты—49, 376.
Карѳагенъ—70, 398.
Кассандра—145, 457.
Китайская стѣна—140, 453.
Ключъ—80, 413.
Колумбъ—51, 385.
Корабль—141, 453.
Кругъ природы—84, 405.
Кубокъ—98, 425, 426, 427.
Купецъ—50, 383.
Къ Гете—130, 448.
Къ *—80, 411.
Къ **—80, 411.
Къ ***—80—412.
Къ музѣ—80, 412.
Къ Эминѣ—94, 422.
Лаура за клавесиномъ—7, 336, 337.
Les fleuves indiscrets—90, 420.
Лжеученые—74, 405.
Лжецѣнители искусства—84, 417.
Лучшее государство—82, 414.
Лучшее правленіе—72, 401.
Любовь и алканье—78, 407.
Maiestas populi—81, 414.
Майнъ—39, 420.
Меланхолія (Лаурѣ)—18, 340.
Мелочи—85, 417, 418.
Мірозданіе—140, 453.
Метафизикъ—51, 384.
Мигъ—142, 453.
Милость музъ—84, 417.
Минна—20, 341.
Мистикамъ—80, 413.
Могущество женщины—76, 406.

Молнія—140, 453.
Молодому другу, приступающему къ [redacted] философіи—68, 396.
Моралисту—15, 340.
Моя антикритика—81, 414.
Моя вѣра—82, 415.
Мудрецы—67, 396.
Музыка—83, 416.
Надежда—108, 432, 433, 434.
Надовесскій похоронный плачъ—103, 430.
Надписи (Tabulae votivae) 79,410.
Надъ свѣжей могилой—2, 335.
Наслѣдному принцу Веймарскому—138, 453.
На соборъ св. Петра—85, 418.
Натуралисты и трансцедентальные философы—87, 419.
Начало новаго вѣка—132, 449.
Наука—87, 419.
Невзнѣнное—45, 373.
Ненія—125, 442.
Непобѣдимый флотъ—31, 354, 355.
Нравственная сила—79, 411.
Нѣмецкая вѣрность—59, 392.
Нѣмецкая комедія—87, 419.
Нѣмецкая муза—132, 449.
Нѣмецкій геній—86, 418.
Обелискъ 85, 418.
Объявленіе книгопродавца—87, 419.
Общая участь—78, 407.
Одиссей—45, 372.
Ожиданіе—95, 422.
Ожиданіе и исполненіе—78, 407.
Опасное послѣдствіе 87, 419.
Орлеанская дѣва—134, 451, 452.
Отецъ—78, 407.
Пегасъ въ ярмѣ—47, 375.
Пегницъ—90, 420.
Перчатка—101, 427.
Печать съ изображеніемъ головы Гомера—84, 437.
Плеяса—89, 420.
Плугъ—141, 453.
Пляска—45, 373, 374.
Подарокъ—76, 405.
Подзорная труба—139, 453.
Подражатель—83, 415.
Покрытый истуканъ въ Саисѣ—58, 390, 391, 392.
Поликратовъ перстень—102, 428.
Политическое правило—81, 414.
Помпея и Геркуланумъ—71, 399.
Порицателю 80, 413.
Порука—119, 440, 441.
Почести—46, 374.
Поэзія жизни—43, 368, 369.
Поэту—83, 416.
Поэтъ моралистъ—86, 418.
Поясъ—84, 416.
Прекрасный мостъ—85, 418.
Прекраснѣйшее явленіе—77, 406.
Прелестная нераздѣльность—82, 415.
Примиреніе—27, 344, 346.
Притчи и загадки—139, 453.
Прогулка—61, 394.
Прозелитизму—50, 383.
Прощаніе Гектора—1, 334.
Прощаніе пѣвца—53, 387.
Пружины—86, 418.
Пушшевая пѣсня—150, 459.
Пушшевая пѣсня для сѣвера—152,460.
Путеводители жизни—70, 398.
Путешествіе въ плавильный домъ—109, 434, 436.
Путешественникъ—153, 460.
Пѣвцы минувшаго—69, 396, 397.
Пѣснь о колоколѣ—125,443,444—47.
Пѣснь радости—29, 347, 348, 349, 350, 352, 353.
Радуга—139, 453.
Раздѣлъ земли—66, 394, 395.
Различіе сословій—79, 411.
Различное назначеніе—79, 411.
Разнообразіе 82, 415.
Рейнъ—89, 420.
Рейнъ и Мозель—89, 420.
Руссо—8, 337.
Рыцарь Тогенбургъ—104, 430.
Рѣдкое сочетаніе—83, 415.
Рѣки—89, 420.
Свѣтъ и теплота—97, 423.
Свѣтъ и цвѣтъ—82, 415.
Слова безумія—130, 448.
Слова вѣры—98, 424.
Согласіе—81, 414.
Солдатская пѣснь—124, 442.
Сообщеніе—79, 411.
Сраженіе 11, 338.
Средство соединенія—86, 418.
Судъ женщины—77, 406.
Судъ сердца—77, 406.
Счастіе—117, 440.
Сѣятель—49, 376.
Тайна—96, 423.
Тайна воспоминанія (Лаурѣ) 22, 342.
Театръ жизни—94, 421.
Теофанія—66, 394.
Теперешнее поколѣніе—80, 412.
Толкователи Канта—87, 419.
Торжество любви—12, 339.
Торжество побѣдителей—148, 458.
Три возраста природы—82, 415.
Тріумфальная арка—85, 418.
Тѣнь на солнечныхъ часахъ—141,453.
Тѣнь Шекспира—93, 421.
Тэкла (Голосъ духа)—144, 456.
Уловка художника—86, 418.
Умъ и мудрость—81, 414.
Упоеніе (Лаурѣ)—8, 337.
Ученый работникъ—80, 412.
Ученыя общества—87, 419.
Фантазія (Лаурѣ)—6, 335, 336.
Философіи—84, 417.
Философы—91, 421.
Фортуна и мудрость—14, 340.
Художники—37 368.
Художникъ—83, 416.
Цвѣта—141, 453.
Цѣлебный источникъ въ *** (Карлсбадѣ) 89, 420.
Цѣнное и достойное—79, 411.
Цвѣты—16, 340.
Человѣческое знаніе 68, 396,
Четыре вѣка—143, 454, 456.
Ширина и глубина—97, 423.
Шпре—89, 420.
Эгоисту—философу—57, 389.
Элевзинскій праздникъ—121, 441.
Элегія на смерть юноши—4, 335.
Элизіумъ—23, 342.
Эльба—89, 420.
Эпическій гекзаметръ—85, 417.
Эпоха—87, 419.
Юноша у ручья 153, 462.
Языкъ—83, 416.
**скія Духовновладѣльческія рѣки—90, 420.

Оглавленіе 1-го тома.

стр.

I. Отъ редакціи С. В.

II. Шиллеръ и его произведенія. А. Кирпичникова . 1—LXXIV

III. Стихотворенія . . . . . 1—155

стр.

Прощаніе Гектора. Л. Мея 1
» » М. Михайлова 334
Амалія. Л. Мея 2
» В. Жуковскаго 334
Надъ свѣжей могилой. Ѳ. Миллера 2
Элегія на смерть юноши. Ѳ. Миллера 4
Фантазія (Лаурѣ). О. Чюминой 6
» » В. Курочкина 335
Лаура за клавесиномъ. О. Чюминой 7
» » » А. Мерзлякова 336
» » » Г. Державина 336
» » » В. Бенедиктова . . . 337
Руссо. Л. Мея 8
Упоеніе. (Лаурѣ) Ѳ. Миллера 8
Дѣтоубійца. Аполлона Коринфскаго 9
» Милонова 337
Сраженіе. Ѳ. Миллера 11
Торжество любви. С. Шевырева 12
Величіе міра. М. Михайлова 14
» » С. Шевырева 339
» » А. Струговщикова 339
Фортуна и Мудрость. Ѳ. Тютчева 14
» » » А. Струговщикова . . 340
Моралисту. Ѳ. Миллера 15
Группа изъ Тартара. Д. Мина 15
Цвѣты. А. Фета 16
Дружба. Ѳ. Миллера 17
Меланхолія. (Лаурѣ). Ѳ. Миллера 18
Геній весны. К. Фофанова 19
Миннѣ. В. Бенедиктова 20
» В. Жуковскаго 341
Бѣглецъ. Ѳ. Миллера 21
Тайны воспоминанія. (Лаурѣ). Аполлона Григорьева 22
Тайна воспоминанія. А. Яхонтова 342
Элизіумъ. Григорія Данилевскаго 23
Достоинство мужчины. Ѳ. Миллера 23

стр.

Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Л. Мея . . . 25
Примиреніе. Кн. Д. Цертелева 27
» Ореста Головнина 344
Борьба. А. Майкова 28
Пѣснь радости. Ѳ. Тютчева 29
» » К. Аксакова 348
» » М. Дмитріева 349
» » А. Струговщикова 350
» » В. Бенедиктова 352
» » (программа симфоническихъ концертовъ) 353
Непобѣдимый флотъ. В. Гаевскаго . . . . 31 и 354
» » Б. Алмазова 355
Боги Греціи. А. Фета 32
» » Лихачева 358
» » В. Бенедиктова 359
» » К. К—а 360
» » М. Достоевскаго 362
Въ альбомъ дѣвушки. М. Достоевскаго . . 34
Знаменитая женщина. Ѳ. Миллера 35
Въ Октябрѣ 1788 г. Ѳ. Миллера 365
Художники. Д. Мина 37
» С. Шевырева 368
Въ альбомъ in Folio. Ѳ. Миллера 42
Поэзія жизни. Allegro 43
» » А. Струговщикова 368
Власть пѣснопѣнія. Кн. Д. Цертелева 44
» » И. Крешева 369
» » Авдотьи Глинки 370
» » А. Струговщикова 370
Дитя въ колыбели. А. Фета 45
» » » Г. С*** 371
» » » М. Деларю 371
» » » Ѳ. Миллера 372
» » » А. Струговщикова . . . 372
» » » М. Михайлова 372
» » » М. Лермонтова 372

стр.

Одиссей. М. Михайлова 45
» К. Батюшкова 372
» М. Дмитріева 372
» Н. Маркевича 372
» Б. Алмазова 372
Неизмѣнное. Ѳ. Кони 45
» А. Стругощикова 373
Зевесъ Геркулесу. И. Болдакова 45
» » А. Струговщикова 373
Пляска. В. С. Лихачова 45
» П. Шкляревскаго 373
» М. Дмитріева 374
Изреченіе Конфуція. Кн. Э. Ухтомскаго . . . 46
Почести. Кн. Э. Ухтомскаго 46
» М. Массальскаго 374
Германія и ея государи. Ѳ. Миллера 46
Пегасъ въ армѣ. О. Чюминой 47
Играющій мальчикъ. А. М. Федорова 46
Іоанниты. Кн. Э. Ухтомскаго 49
Сѣятель. М. Михайлова 49
Два пути къ добродѣтели. Ѳ. Миллера . . . 49
Идеалы. К. Аксакова 49
» П. Шапочникова 377
» В. Жуковскаго 377
» Авдотьи Глинки 378
» А. Струговщикова 378
» Н. Страхова 379, 380
» В. Бенедиктова 380
» Кн. Д. Цертелева 382
Купецъ. В. С. Лихачова 50
Прозелитизму. Ѳ. Миллера 50
Вечеръ. А. Фета 51
» С. Шевырева 383
» К. Аксакова 383
» Л. Мея 384
» А. Яхонтова 384
» А. Струговщикова 384
Метафизикъ. Ѳ. Миллера 51
Колумбъ. М. Михайлова 51
» П. Б-ча 385
» А. Струговщикова 385
» Ѳ. Тютчева 385
» М. Дмитріева 385
» Б. Алмазова 385
Достоинство женщины. О. Чюминой 52
» » * * * 386
» » А. Струговщикова . . 386
Прощаніе пѣвца. Allegro 53
Идеалы и жизнь. Ѳ. Миллера 54
Геній. Ѳ. Миллера 56
Эгоисту-философу. Ѳ. Миллера 57
Покрытый истуканъ въ Саисѣ. М. Михайлова 58
» » » » Э. Губера 390
» » » » А. Яхонтова . 391
Нѣмецкая вѣрность. Ѳ. Миллера 59
Античное—сѣверному страннику. Ѳ. Миллера 60
Иліада. М. Михайлова 60
» А. Струговщикова 392
Безсмертіе. Ѳ. Миллера 60
Прогулка. Н. Крешева 61
Теофанія. Л. Мея 66
» Ѳ. Кони 394
» А. Струговщикова 394
Раздѣлъ земли. К. Фофанова 66
» » В. Жуковскаго 394
» » А. Струговщикова 394
» » И. Крешева 395
» » Б. Алмазова 395
Мудрецы. Ѳ. Миллера 67
Молодому другу, приступающему къ философіи. М. Достоевскаго 68

стр.

Человѣческое знаніе. Ѳ. Миллера 68
Архимедъ и ученикъ. М. Михайлова 69
Пѣвцы минувшаго. К. Фофанова 69
» » В. Печерина 396
» » Авдотьи Глинки 397
Зенитъ и Надиръ. А. Струговщикова 69
Путеводитель жизни. А. Колтоновскаго . . . 70
Кареагенъ. А. М. Федорова 70
Законодателямъ. И. Болдакова 70
Помпея и Геркуланумъ. Ѳ. Миллера 71
» » И. Крешева 399
Дѣва изъ чужбины. О. Чюминой 72
» » » И. Вилламова 399
» » » Нечаева 400
» » » П. Межакова 400
» » » В. Печерина 400
» » » П. Шкляревскаго 400
» » » Авдотьи Глинки 400
» » » М. Меркли 401
» » » В. Жуковскаго 401
Лучшее правленіе. Ѳ. Миллера 72
Жалобы Цереры. В. Жуковскаго 73
» » С. Шевырева 402
» » Н. Колачевскаго 403
» » Ѳ. Миллера 404
Достойное уваженія. Ѳ. Миллера 74
Лжеученые. М. Михайлова 74
Источникъ юности. Ѳ. Миллера 74
Кругъ природы. Ѳ. Миллера 74
Два пола. Ѳ. Миллера 75
Подарокъ. Ѳ. Миллера 76
Геній смерти съ опрокинутымъ факеломъ. Ѳ. Миллера 76
Могущество женщины. О. Чюминой. 76
Добродѣтель женщины. О. Чюминой 76
Судъ сердца. А. Струговщикова 77
Судъ женщины. А. Струговщикова 77
Женскій идеалъ. Ѳ. Миллера 77
Прекраснѣйшее явленіе. Л. Мея 77
» » А. Востокова . . . 406
» » Ѳ. Миллера . . . 406
» » А. Струговщикова . 406
» » К. Петерсона . . . 406
Греческій геній. Ѳ. Миллера 406
Ожиданіе и исполненіе. М. Михайлова . . . 78
» » » Ѳ. Миллера. . . . 407
» » » А. Струговщикова . . 407
Общая участь. М. Михайлова 78
» » Ѳ. Миллера 407
Дѣятельность человѣка. Ѳ. Миллера 78
Отецъ. Ѳ. Миллера 78
Любовь и алканье. Ѳ. Миллера 78
Дифирамбъ. В. Жуковскаго 78
» В. Кюхельбекера 407
» В. К. К—ма 408
» В. Печерина. 408
» Авдотьи Глинки 408
» А. Фета 408
» А. Струговщикова 409
» М. Михайлова 409
Добро и величіе. М. Михайлова. 78

НАДПИСИ.

I. «Все чему Богъ научилъ меня». Ѳ. Миллера 79
II. Различное назначеніе. Ѳ. Миллера. 79

	стр.
III. Животворное. Ѳ. Миллера . . .	79
IV. Два рода дѣятельности. Ѳ. Миллера	79
V. Различіе сословій. Н. Минскаго	79
» » Ѳ. Миллера	411
VI. Цѣнное и достойное. Н. Минскаго	79
» » Ѳ. Миллера	411
VII. Нравственная сила. Н. Минскаго	79
» » Ѳ. Миллера	411
VIII. Сообщеніе. Ѳ. Миллера	79
IX. Къ * Л. Мея.	80
X. Къ ** Ѳ. Миллера	80
XI. Къ * * П. Вейнберга	80
» М. Лермонтова	412
XII. Теперешнее поколѣніе. М Дмитріева.	80
» » М. Михайлова	412
» » Ѳ. Миллера .	412
XIII. Къ музѣ. Л. Мея	80
» » М. Деларю	412
» » М. Михайлова	412
» » М. Дмитріева	412
XIV. Ученый работникъ. М. Михайлова	80
XV. Долгъ каждаго. М. Михайлова. .	80
XVI. Задача. Н. Минскаго	80
» А. Струговщикова . . .	412
» М. Дмитріева	412
XVII. Идеалъ. Л. Мея	80
» М. Дмитріева	413
XVIII. Мистикамъ. Н. Минскаго	80
» М. Дмитріева	413
» Л. Мея	413
XIX. Ключъ. М. Михайлова	80
» Ѳ. Миллера.	413
» А. Струговщикова.	413
» К. Петерсона.	413
XX. Порицателю. Н. Минскаго	80
» А. Струговщикова . .	413
» М. Дмитріева	413
XXI. Умъ и мудрость. А. Струговщикова.	81
XXII. Согласіе. М. Михайлова	81
» А. Струговщикова. . . .	414
» Л. Мея.	414
XXIII. Политическое правило. Ѳ. Миллера	81
XXIV. Maiestas populi. Ѳ. Миллера . . .	81
XXV. Исправителю человѣчества. М. Дмитріева	81
XXVI. Моя антикритика. Ѳ. Миллера . .	81
XXVII. Астрономамъ. Н. Минскаго	81
» Ѳ. Миллера . . .	414
XXVIII. Астрономическія писанія. Ѳ. Миллера	81
XXIX. Лучшее государство. Ѳ. Миллера .	82
XXX. Моя вѣра. Ѳ. Миллера	82
XXXI. Внутреннее и внѣшнее. Л. Мея . .	82
» » М. Дмитріева	415
XXXII. Другъ и врагъ. М. Михайлова . . .	82
» » А. Струговщикова .	415
» » Ѳ. Миллера	415
XXXIII. Свѣтъ и цвѣтъ. Л. Мея	82
XXXIV. Прелестная нераздѣльность. Ѳ. Миллера	82
XXXV. Идеальная свобода. Л. Мея . . .	82
XXXVI. Разнообразіе. Ѳ. Миллера . . .	82
XXXVII. Три возраста природы. Л. Мея . .	82
XXXVIII. Геній. Ѳ. Миллера	82
XXXIX. Подражатель. Ѳ. Миллера	83
XL. Геніальность. Ѳ. Миллера	83
XLI. Изслѣдователи. Ѳ. Миллера	83
XLII. Рѣдкое сочетаніе. А. Струговщикова	83
XLIII. Безупречность. Я. Полонскаго . .	83
XLIV. Законъ природы. Ѳ. Миллера . . .	83
XLV. Выборъ Ѳ. Миллера	83
» М. Дмитріева	416
XLVI. Музыка. Ѳ. Миллера	83
XLVII. Языкъ. Н. Минскаго	83
XLVIII. Поэту. Н. Минскаго	83
XLIX. Художникъ. Н. Минскаго	83
» А. Струговщикова .	416
L. Поясъ. Н. Минскаго	84
» Ѳ. Миллера.	416
» М. Дмитріева	416
LI. Дилетантъ. П. Вейнберга	84
LII. Жрецѣнители искусства. Ѳ. Миллера	84
LIII. Философіи. Ѳ. Миллера	84
LIV. Милости музъ. М. Михайлова. . . .	84
LV. Печать съ изображеніемъ головы Гомера. М. Михайлова	84

МЕЛОЧИ.

Эпическій гекзаметръ. Ореста Головнина . .	85
» » А. Глѣбова	417
Двустишіе (Дистихъ). Ореста Головнина . .	85
» » А. Глѣбова	417
» » А. Струговщикова . .	417
Восьмистрочная станца. Ореста Головнина .	85
» » А. Глѣбова . . .	417
Обелискъ. Ореста Головнина	85
» А. Струговщикова	418
Тріумфальная арка. Ореста Головнина . . .	85
Прекрасный мость. » » . . .	85
» » Л. Мея	418
Ворота. Ореста Головнина	85
На соборъ св. Петра. Ореста Головнина .	85
» » А. Струговщикова . . .	418
Пружины. М. Михайлова	86
Нѣмецкій геній. Ѳ. Миллера	86
Поэтъ-моралистъ. Ѳ. Миллера	86
Средство соединенія. Ѳ. Миллера	86
Уловка художника. П. Вейнберга	86
» » Ѳ. Миллера	418
Возвышенный сюжетъ. П. Вейнберга	86
» » Ѳ. Миллера	418
Толкователи Канта. К. Льдова	86
» » А. Струговщикова . . .	419
» » М. Дмитріева	419
Эпоха. К. Льдова	87
» М. Михайлова	419
» М. Дмитріева	419
Данаиды. М. Михайлова	87
Наука. А. Струговщикова.	87
» М. Дмитріева	419
Нѣмецкая комедія. Ѳ. Миллера	87
Натуралисты и трансцендентальные философы. М. Михайлова	87
Ученыя общества. К. Льдова	87
Объявленіе книгопродавца. Ѳ. Миллера . . .	87
Опасное послѣдствіе. Ѳ. Миллера	87
Грекоманія. Ѳ. Миллера	88
Ваховни счастья. А. Струговщикова	88
Гомериды. Ѳ. Миллера	88

РѢКИ.

		стр.
Рейнъ Рейнъ и Мозель Дунай въ ** (Австріи)	Ѳ. Миллера	89
Майнъ. П. Вейнберга		89
Заала Ильмъ Плейса Эльба Шпре Везеръ Цѣлебный источникъ въ ** (Карлсбадѣ) Пегницъ **скія (духовновладѣльческія рѣки) Зальца. Безымянная рѣка Les fleuves indiscrets	Ѳ. Миллера	89 и 90

Іереміада. Ѳ. Миллера	90
Философы. Владиміра Соловьева	91
Тѣнь Шекспира. П. Катенина	93
Театръ жизни. Н. Холодковскаго	91
» » А. Струговщикова	421
Къ Эммѣ. В. Жуковскаго.	94
» » И. Козлова	421
» » М. Лермонтова	422
Ожиданіе. Л. Мея	95
» И. К.	422
Тайна. К. Аксакова	96
Ширина и глубина. А. Струговщикова	97
Свѣтъ и теплота. А. Колтоновскаго	97
Слова вѣры. Кн. Д. Цертелева	98
» » А. Струговщикова	421
» » Э. Губера	421
Кубокъ. В. Жуковскаго	98
» Авдотьи Глинки	425
» М. Лермонтова	426
Перчатка. В. Жуковскаго	101
» М. Лермонтова	427
Поликратовъ перстень. В. Жуковскаго	102
» » М. Дмитріева	428
Надовесскій похоронный плачъ. М. Михайлова	103
» » » Д. Мина	430
Рыцарь Тогенбургъ. В. Жуковскаго	104
Встрѣча. К. Аксакова	105
» М. Лермонтова	431
Ивиковы журавли. В. Жуковскаго	106
Надежда. А. Фета	108
» М. Дмитріева	433
» Э. Губера	433
» Ѳ. Миллера	433
» И. Крешева	433
» А. Струговщикова	433
» Аполлона Григорьева	433
Путешествіе въ плавильный домъ. Ѳ. Миллера	109
» » » » В. Жуковскаго	434
Дѣвицѣ Шлефохтъ. Ѳ. Миллера	113
Бой съ дракономъ. Петра Вейнберга	114
» » » В. Жуковскаго	437
Счастіе. В. Жуковскаго	117
Порука. О. Миллера	119
» А. Струговщикова	440
Элевзинскій праздникъ. В. Жуковскаго	121
Жалоба дѣвушки. Петра Вейнберга	123
» » В. Жуковскаго	441
» » А. Шишкова	442
» » А. Струговщикова	442
» » В. Лялина	442
» » С. Шевырева.	442
Солдатская пѣснь. Л. Мея	124
Ненія. М. Михайлова.	125
Пѣснь о колоколѣ. Д. Мина	125
» » » С. Шевырева	444
» » » Авдотьи Глинки	444
Слова безумія. Кн. Д. Цертелева	130
» » А. Струговщикова	448
Къ Гете. О. Миллера	130
Античныя статуи въ Парижѣ. О. Миллера	131
» » » » Авдотьи Глинки	448
» » » » А. Струговщикова	449
» » » » Б. Алмазова	449
Начало новаго вѣка. В. Курочкина	132
Нѣмецкая муза. О. Миллера	132
» » Б. Алмазова	449
Желаніе. В. Жуковскаго	133
» М. Загорскаго	450
» Э. Губера	450
» О. Бантыша	451
» А. Струговщикова.	451
Орлеанская дѣва. А. М. Федорова	134
» » ***	451
» » А. Струговщикова.	452
» » Б. Алмазова	452
Геро и Леандръ. Петра Вейнберга	134
Наслѣдному принцу Веймарскому, когда онъ отправлялся въ Парижъ. О. Миллера	138

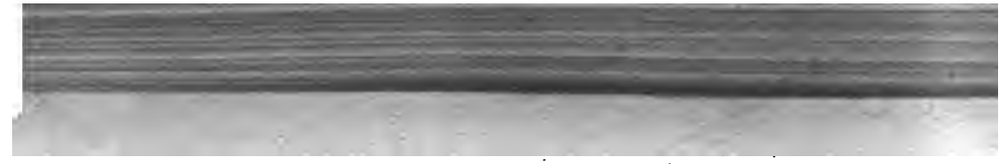
ПРИТЧИ и ЗАГАДКИ.

Радуга. К. Льдова		139
» В. Жуковскаго		453
Подзорная труба. К. Льдова		139
Звѣзды и луна. О. Чюминой		140
» » В. Жуковскаго		453
Міроздание. О. Чюминой		140
День и ночь. К. Фофанова		140
Глазъ. А. Михайлова		140
Китайская стѣна Молнія Цвѣта Плугъ Искра Тѣнь на солнечныхъ часахъ	К. Фофанова.	140 140 140 141 141 141
Корабль. К. Фофанова		141
Мигъ. М. Михайлова		142
Друзьямъ. К. К. Случевскаго		142
» А. Струговщикова		454
Четыре вѣка. С. Шевырева		143
» » Н. Колачевскаго		454
Тэкла (Голосъ духа). Аполлона Григорьева		144
» » » В. Жуковскаго		456
Кассандра. В. Жуковскаго		145
Графъ Габсбургскій. В. Жуковскаго		147
Торжество побѣдителей. В. Жуковскаго		148
» » О. Тютчева.		458

	стр.
Пушшевая пѣсня. А. Пушкина	150
» » А. Струговщикова	459
» » Л. Мея	460
Альпійскій стрѣлокъ. Л. Мея	151
Пушшевая пѣсня для Сѣвера. Л. Мея . . .	152
Путешественникъ. В. Жуковскаго	153
Юноша у ручья. К. Фофанова	153
» » В. Жуковскаго	461
Горная дорога. В. Жуковскаго	154
Вильгельмъ Телль. Н. Холодковскаго	155
Другу въ альбомъ. Ѳ. Миллера	155

Драматическія произведенія.

	стр.
IV. Вступительная замѣтка къ „Семелѣ". Проф. Ѳ. Ф. Зелинскаго.	159
V. Семела. Переводъ А. Фета.	161
VI. Вступительный этюдъ къ „Разбойникамъ". Проф. А. И. Кирпичникова	173
VII. Разбойники. Перев. М. Достоевскаго, съ добавленіями *Зин. Венгеровой*	189
VIII. Вступительный этюдъ къ „Заговору Фіеско". А. А. Рейнгольдта	261
IX. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Новый переводъ Виктора Крылова.	268
X. Примѣчанія къ I тому. А. Г. Горнфельда и С. А. Венгерова. . .	333
XI. Объясненія къ рисункамъ.	467
XII. Алфавитный указатель стихотвореній	472



Stanford University Libraries
3 6105 004 419 409

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

GAYLORD